

ТРУДЫ

ЧЕТВЕРТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ РОССИИ,

БЫВШАГО ВЪ КАЗАНИ СЪ 31 ЮЛЯ ПО 18 АВГУСТА 1877 ГОДА.

Описаніе I, II и III

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1884.

Печатано по распоряженію Редакціоннаго Комитета по изданію „Трудовъ четвер-
таго Археологическаго Създа“.

Предсѣдатель Редакціоннаго Комитета *Н. Буличъ.*

19062 0

2011136719

„Труды“ IV-го Археологическаго Създа въ Россіи, засѣдавшаго въ Казани лѣтомъ 1877 года, появляются въ свѣтъ лишь благодаря матеріальнымъ средствамъ, которыя съ одной стороны назначены въ распоряженіе Казанскаго Археологическаго Създа бывшимъ въ 1877 году Министромъ Народнаго Просвѣщенія, его Сіятельствомъ графомъ Димитріемъ Андреевичемъ Толстымъ, по ходатайству его Сіятельства графа Алексѣя Сергіевича Уварова, а съ другой стороны доставлены Казанскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Только благодаря просвѣщенному вниманію къ ученымъ задачамъ Казанскаго Археологическаго Създа какъ со стороны сановника столь ревностно относящагося къ успѣхамъ русской науки вообще, и графа Алексѣя Сергіевича Уварова, неутомимаго инициатора и двигателя русскихъ археологическихъ създовъ, такъ равно и со стороны мѣстнаго, Казанскаго городского управленія, которое является постоянно отзывчивымъ къ мѣстнымъ научнымъ интересамъ, редакція можетъ въ настоящее время издать въ свѣтъ начало „Трудовъ Създа“.

При второмъ томѣ, которымъ закончатся „Труды“, редакція помѣститъ подробный отчетъ въ расходахъ по изданію.

31 Юля 1884 года исполнится семь лѣтъ со дня открытія IV Археологическаго Създа въ Казани.

Выпуская чрезъ семь лѣтъ лишь первый томъ „Трудовъ“ этого Създа, редакція считаетъ своимъ долгомъ прежде всего выяснить причины столь продолжительнаго печатанія ихъ.

Совѣтъ IV Археологическаго Създа избралъ для изданія „Трудовъ“ Създа, на основаніи § 29 правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ народнаго просвѣщенія редакціонный комитетъ въ составѣ трехъ членовъ и одного кандидата, съ правомъ ихъ приглашать для участія въ трудахъ комитета и другихъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію. Членами были избраны: орд. профессоръ Казанскаго университета С. М. Шпелевскій, доцентъ того же университета Д. А. Корсаковъ и докторъ филологіи В. В. Радловъ; кандидатомъ къ нимъ былъ избранъ профессоръ Казанской духовной академіи И. Я. Порфирьевъ, который замѣнилъ временно Д. А. Корсакова, находившагося

въ ученой командировкѣ въ Петербургѣ и Москвѣ съ сентября 1877 года по сентябрь 1878 года. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ С. М. Шпилевскій, а въ участію въ занятіяхъ по редакціи „Трудовъ“ приватъ-доцентъ Казанскаго университета Н. П. Загоскинъ для исполненія обязанностей секретаря комитета; казначей того-же университета В. К. Савельевъ въ качествѣ казначея комитета и начальникъ университетской типографіи Г. О. Готвальдъ—для совѣщаній относительно печатанія „Трудовъ Създа“.

Въ такомъ составѣ редакціонный комитетъ съ половины сентября 1877 до начала 1882 года напечаталъ девять рефератовъ (12³/₄ печатныхъ листовъ изъ ста четырехъ, поступившихъ въ комитетъ отъ секретаря IV Археологическаго Създа. Изъ числа девяти напечатанныхъ рефератовъ пять падаютъ на отдѣленіе Памятниковъ языка и письма, изданіемъ которыхъ завѣдывалъ И. Я. Порфирьевъ.

Въ началѣ 1882 года С. М. Шпилевскій отказался не только отъ предсѣдательства въ редакціонномъ комитетѣ, но и отъ обязанностей члена-редактора. Вслѣдствіе этого отказа, два остальные члена редакторы—В. В. Радловъ и Д. А. Корсаковъ обратились съ просьбой къ заслуженному орд. профессору по кафедрѣ русской словесности въ Казанскомъ университетѣ Н. Н. Буличу (въ настоящее время г. Ректору Казанскаго университета)—взять на себя трудъ предсѣдателя редакціоннаго комитета. Профессоръ Буличъ, сознавая важность того обстоятельства, что четвертый Археологическій Създъ собирался въ 1877 году въ Казани по инициативѣ профессоровъ-делегатовъ Казанскаго университета и въ стѣнахъ его, высказался, что настоятъ насущная необходимостъ въ ускореніи изданія „Трудовъ IV Археологическаго Създа“, и рѣшился принять на себя обязанности предсѣдателя редакціоннаго комитета, хотя и не участвовалъ въ занятіяхъ какъ предшествовавшихъ създовъ, такъ и Казанскаго, находясь во время его сессій за границей для излѣченія отъ болѣзни.

Въ мартѣ 1882 года было снова приступлено къ печатанію „Трудовъ“ Създа. Вслѣдъ за выходомъ изъ комитета проф. Шпилевскаго, сложилъ съ себя обязанности секретаря и Н. П. Загоскинъ, а въ концѣ марта 1882 г. скончался В. К. Савельевъ.

Въ настоящее время редакціонный комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ г. Ректора Казанскаго университета, заслуженнаго орд. проф. Н. Н. Булича, изъ доктора филологіи В. В. Радлова и орд. проф. Д. А. Корсакова.

Съ марта мѣсяца 1882 года редакція въ новомъ составѣ могла напечатать до 80 печатныхъ листовъ, составившихъ первый томъ „Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда“ и заключающихъ въ себѣ, кромѣ Правиль, Программъ и Протоколовъ Съѣзда, сорокъ три реферата (четыре реферата, сверхъ того, напечатаны прежнею редакціею) по вопросамъ общимъ и по тремъ отдѣламъ частныхъ вопросамъ: Древностей первобытныхъ, исторической географіи и этнографіи и Памятниковъ искусствъ и художествъ.

Представляя на судъ ученыхъ и публики этотъ первый томъ, редакція находитъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о планѣ всего изданія и расположенія въ немъ матеріала.

Протоколы засѣданій Съѣзда напечатаны въ болѣе подробной редакціи, чѣмъ первоначально, въ „Извѣстіяхъ о занятіяхъ IV Археологическаго Съѣзда“, издававшихся въ Казани во время самыхъ сессій съѣзда подъ редакціей секретаря его Д. А. Корсакова. Редакціей „Трудовъ“ протоколы съѣзда изданы по подробнымъ записямъ, которыя велись во время ученыхъ преній и которыя почти дословно ихъ возстановляютъ; въ „Извѣстіяхъ“ же протоколы печатались по краткимъ запискамъ, доставлявшимся секретарю Съѣзда секретарями отдѣленій.

Содержаніе рефератовъ, подвергавшихся обсужденію на Съѣздѣ, редакція „Трудовъ“ не излагала въ протоколахъ, считая это излишнимъ въ виду напечатанія въ „Трудахъ“ полного текста самихъ рефератовъ вслѣдъ за протоколами. Исключенія изъ этого правила были сдѣланы лишь въ двухъ случаяхъ: 1) для рефератовъ небольшихъ по объему и для рефератовъ нимѣвшихся на лицо, или напечатанныхъ уже въ другихъ специальныхъ изданіяхъ; содержаніе тѣхъ и другихъ рефератовъ изложено кратко въ протоколахъ.

Настоящая редакція „Трудовъ“, приступивъ къ изданію по необходимости лишь съ 1882 года, глубоко сожалѣетъ, что замедленіе печатанія лишило ея возможности помѣстить въ „Трудахъ“ весьма важныя и интересныя для русской археологической науки сообщенія, сдѣланныя на Казанскомъ Съѣздѣ: графомъ А. С. Уваровымъ, Л. К. Ивановскимъ и Д. Я. Самоквасовымъ. Три сообщенія графа Уварова: 1) О совмѣстной находкѣ костей мамонта съ каменными орудіями въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірской губ. — 2) О находкахъ каменнаго періода на берегахъ Оки. — 3) Всѣ ли каменныя орудія въ Россіи принадлежатъ каменному періоду и что можно заключить изъ различныхъ формъ ка-

менныхъ орудій или матеріала изъ котораго они сдѣланы?—вошли въ составъ его книги: „Археологія Россіи. Каменный періодъ“. Москва. 1881 г.

Данныя изъ реферата Д. Я. Самоквасова „О раскопкахъ въ 1876 и 1877 гг. въ губерніяхъ Полтавской и Кіевской“ вошли въ его же монографіи, помѣщенныя въ „Протоколахъ Московской Антропологической выставки“ 1879 г. и въ VIII вып. „Живописной Россіи“, изд. М. О. Вольфа.—Что же касается до реферата Л. К. Ивановскаго „О курганномъ періодѣ въ Вотьской пятинѣ“, то редакція „Трудовъ“ неизвѣстно напечатаны ли этотъ рефератъ, или нѣтъ.

Напечатаны также рефераты: В. В. Радлова „О сибирскихъ курганахъ“ („Живописная Россія“, изд. Вольфа)

и В. Н. Витевскаго—„О Нагайбакахъ“, въ „Волжско-Камскомъ Словѣ, ежедневной газетѣ, издававшейся въ Казани въ 1881—1882 гг. проф. Шпилевскимъ.

Сообщеніе Н. П. Загоскина о собраніи актовъ князя Баюшева, сдѣланное имъ въ седьмомъ засѣданіи Съѣзда (См. Протоколы, стр. LII—LIII), напечатано лишь въ извлеченіи, въ виду изданной проф. Загоскинымъ въ 1882 году книги: „Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго Приказа Казанскаго Дворца. —Т. I-й. — Архивъ Князя В. П. Баюшева“.

Затѣмъ вовсе не напечатаны, за недоставленіемъ авторами, слѣдующіе рефераты:

Л. Н. Майкова—Южная степь русской земли была ли когда нибудь покрыта лѣсомъ, или искони была степью?

С. М. Шпилевскаго.—О Бѣлякахъ.

В. А. Прохорова.—Объ изображеніи креста.

Его же.—О вліяніи татарскаго костюма на русскій.

Н. Я. Аристова—О цѣнѣ русскихъ рукописей въ XVI и XVII стол.

П. В. Владимірова,—О способѣ разработки русскаго народнаго эпоса.

При печатаніи рефератовъ, редакція „Трудовъ“ признала необходимымъ не ограничиваться помѣщеніемъ лишь читанныхъ на Съѣздѣ, но дать мѣсто также и тѣмъ изъ нечитанныхъ, которые представляютъ несомнѣнный научный интересъ и добавляют новыми данными сообщенія, сдѣланныя на Съѣздѣ.

Придерживаясь программы Съѣзда, редакція раздѣлила всѣ рефераты на восемь отдѣловъ: вопросовъ общихъ, древностей первобытныхъ, исторической географіи и этно-

графіи, памятниковъ искусствъ и художествъ, быта домашняго и общественнаго, быта религіознаго, памятниковъ языка и письма и древностей восточныхъ. Кромѣ того редакция, въ видѣ особаго приложенія, намѣрена представить еще девятый отдѣлъ, не бывший въ программѣ Съезда: „археологическихъ и историческихъ матеріаловъ и библиографіи“. Этотъ отдѣлъ всецѣло наполненъ матеріаломъ весьма любопытнымъ, но не обсуждавшимся на Създѣ по самому своему характеру. Строгая группировка по отдѣламъ заставила редакцію перенести нѣкоторые рефераты изъ отдѣловъ, въ которыхъ они иногда по простой случайности были читаны на Създѣ, въ соответствующіе отдѣлы по ихъ содержанію. Такъ напримѣръ сообщеніе Н. В. Калачова объ архивахъ, доложенное имъ 15 августа въ засѣданіи отдѣленія памятниковъ искусствъ и художествъ (См. Протоколы, стр. СХІІ—СХVІІ) только потому, что Н. В. Калачовъ въ этотъ день прибылъ на Създъ и располагалъ побыть на немъ весьма короткое время, помѣщено редакціей „Трудовъ“ въ отдѣлѣ общихъ вопросовъ. Рефератъ Н. П. Загоскина „О селитряномъ городищѣ“, перенесенъ изъ отдѣла первобытныхъ древностей въ отдѣлъ исторической географіи, потому что рефератъ этотъ касается памятника не *первобытной*, а *исторической* археологін.

Въ каждомъ отдѣлѣ редакция не слѣдовала также порядку докладовъ рефератовъ на Създѣ, а старалась придать имъ болѣе системы и единства. Во всѣхъ отдѣлахъ вопросы болѣе общаго характера предшествуютъ вопросамъ болѣе частнымъ, а въ отдѣлахъ первобытныхъ древностей и исторической географіи и этнографіи, кромѣ того, принято во вниманіе и географическое распредѣленіе мѣстностей, о которыхъ идетъ рѣчь въ рефератахъ. Это не касается немногихъ (четырехъ) рефератовъ; напечатанныхъ первоначальной редакціей: напечатанные случайно, они имѣютъ свою особую пагинацію, и приложены въ концѣ соответствующихъ отдѣловъ. Въ оглавленіи они обозначены звѣздочками.

При каждомъ читанномъ рефератѣ находится цитата на ту страницу протоколовъ Съезда, гдѣ помѣщены пренія по этому реферату. Такое указаніе необходимо для облегченія читателя.

Ко II тому „Трудовъ IV Археологическаго Съезда“ въ который войдутъ отдѣлы V—IX и девять рефератовъ, изданные прежнею редакціей, предполагается приложить *Атласъ рисунковъ* и *три указателя*: именъ личныхъ, географическій и предметный.

Вотъ все, что редакція считала своимъ долгомъ высказать ученымъ спеціалистамъ и публикѣ, выпуская I-й томъ „Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда“. — Но въ заключеніе своей вводной бесѣды съ читателями, редакція невольно обращается за с е м ь л ѣ т ь н а з а д ѣ, припоминая тѣхъ почтенныхъ и талантливыхъ дѣятелей русскихъ, которые въ семилѣтній промежутокъ между Казанскимъ Археологическимъ Съѣздомъ и появленіемъ въ свѣтъ начала его „Трудовъ“, сошли въ могилу и оставили лишь по себѣ одно дорогое воспоминаніе, запечатлѣнное и въ „Трудахъ IV Археологическаго Съѣзда“. Изъ числа своихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и членовъ корреспондентовъ Казанскій Археологическій Съѣздъ въ настоящее время не досчитывается весьма многихъ. Списокъ ихъ длиненъ. Назовемъ изъ нихъ только тѣхъ, которые принимали живое и непосредственное участіе своею дѣятельностію въ занятіяхъ Казанскаго Съѣзда (Н. Я. Аристовъ, Ф. К. Брунъ, И. М. Добротворскій, П. Г. Заринскій, кн. Н. А. Костровъ, П. И. Мельниковъ, В. А. Прохоровъ, В. К. Савельевъ, И. И. Срезневскій, Ф. А. Терновскій, Н. К. Чупинъ), не упоминая о значительномъ въ сожалѣнію числѣ другихъ, бывшихъ членами Казанскаго Съѣзда и также отшедшихъ въ вѣчность.

Въ заключеніе редакція считаетъ своею обязанностію принести искреннюю благодарность казанскимъ ученымъ, оказывавшимъ ей содѣйствіе содѣланными и указаніями: Д. О. Бѣляеву, І. О. Готвальду, Н. И. Ильминскому, М. П. Петровскому и А. А. Штукенбергу.

Н. Буличъ.

В. Ридловъ.

Д. Корсаковъ.

Казань,
Іюль. 1884 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

	Страницы.
I. Правила Съезда, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, 8 Декабря 1876 года	I—III.
II. А) Вопросы, предложенныя къ обсужденію на Съездѣ	IV—IX.
Б) Вопросы, по которымъ къ Съезду желательно получить свѣдѣнія	X—XIV.
III. Списокъ книгъ, изданныхъ къ IV Археологическому Съезду, заключающихъ отвѣты на нѣкоторые изъ предложенныхъ вопросовъ	XV.
IV. Списокъ членовъ и участниковъ IV Археологическаго Съезда.	XVI—XXIV.
V. Открытіе Съезда	XXV—XXXI.
VI. Протоколы засѣданій Съезда.	XXXII—CXCVII.

По вопросамъ общимъ.

5 Августа	LVI—LX.
10 Августа	LXXX—XCIII.

По отд. I.—Первобытныхъ древностей.

1 Августа	XXXIV—XXXVIII.
2 Августа	XLVI—XLVII.
8 Августа	LXI—LXIII.
11 Августа	XCIII—XCVII.
13 Августа	XCVII—CI.
16 Августа	CXVI—CXX.
17 Августа	CXXV—CXXVII.

II

СТРАНИЦЫ.

По отд. II.—Исторической географіи и этнографіи.

31 Іюля	XXXII—XXXIV.
4 Августа	XLVII—LII.
9 Августа	LXVI—LXIX.
13 Августа	CI—CVII.

По отд. III.—Памятниковъ искусствъ и художествъ.

5 Августа	LV—LVI.
15 Августа	CIX.

По отд. IV и V.—Быта домашняго, общественнаго и религіознаго.

4 Августа	LII—LIV.
10 Августа	LXXVI—LXXIX.

По отд. VI.—Памятниковъ языка и письма.

1 Августа	XXXVIII—XL.
9 Августа	LXIX—LXXVI.
16 Августа	CXX—CXXV.

По отд. VII.—Древностей восточныхъ.

2 Августа	XLII—XLVI.
8 Августа	LXIII—LXVI.
15 Августа	CVII—CIX.
VII. Закрытіе Съѣзда	CXXVIII—CXXXVIII.
VIII. Краткій перечень экскурсій IV-го Археологическаго Съѣзда	CXXIX—CXL.
IX. Общій обзоръ выставки	CXLI—CXLIV.

**УЧЕНЫЯ СООБЩЕНІЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЯ НА СЪѢЗДЪ
И ЧИТАНЫЯ НА НЕМЪ.**

ПО ВОПРОСАМЪ ОБЩИМЪ.

<i>Д. А. Корсакова.</i> —Объ основаніи въ Казани ученаго общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края.	3—14.
--	-------

III

	Страницы.
<i>И. И. Срезневскаго.</i> —О русских древностях Казанской губернии и средняго Поволжья до XVI в.	15—18.
<i>Н. В. Калачова.</i> —Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта	19—28.
<i>А. С. Гацискаго.</i> —О задачахъ корреспондентовъ, избираемыхъ предварительными комитетами археологическихъ съѣздовъ	29—38.
Мнѣнія ученыхъ учрежденій о запискѣ проф. А. Г. Брикнера: „Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи“	39—48.

ПО ВОПРОСАМЪ ЧАСТНЫМЪ.

I.

Первобытныя древности.

<i>И. Р. Астелина.</i> —О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ—(съ 39-ю фигурами въ текстѣ)	5—18.
<i>И. М. Гвоздева.</i> —О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ.	19—20.
О раскопкахъ графа <i>К. Сиверса</i> въ Лифляндской губерніи	22—25.
<i>К. Гревинка.</i> —О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ	26—30.
<i>А. А. Штукенберга.</i> —Каменные орудія и бронзовыя вещи, найденныя въ Печерскомъ краѣ въ 1874 году	31—33.
<i>А. П. Поливанова.</i> —О каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Варнавинскомъ уѣздѣ, Костромской губ.	34—36.
<i>Л. К. Ивановскаго.</i> —О раскопкахъ кургановъ на берегахъ р. Сити, произведенныхъ лѣтомъ 1875 года	37—41. ✓
<i>В. Б. Антоновича.</i> —О древнемъ кладбищѣ у Іорданской церкви въ Кіевѣ	42—44.
<i>Ею же.</i> —О похоронныхъ типахъ Юго-Западнаго края	45—47.
<i>Н. А. Константиновича.</i> —О городищѣ близъ мѣстечка Салтыковой-Дѣвицы, Черниговскаго у.	48—52.
<i>В. Г. Тизенгаузена.</i> —О древнихъ могилахъ у Мцхеты, изслѣдов. въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ	53—60.
<i>Н. А. Толмачева.</i> —Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Казанской губерніи	61—109.
<i>В. Н. Поливанова.</i> —Майнское городище въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи	110—113.
<i>М. В. Малахова.</i> —Курганы въ окрестностяхъ города Екатеринбургa Пермской губерніи	114—117. ✓
<i>Н. Савельева.</i> —Замѣтка о земляной насыпи на лѣвомъ берегу р. Вятки, неподалеку отъ впаденія ея въ Каму	118—120.

IV

	Страницы.
* <i>П. В. Алабина.</i> — Намъ извѣстные остатки древности въ Самарскомъ краѣ	1—7.
* <i>В. Б. Антоновича.</i> — О пещерахъ каменнаго вѣка на среднемъ теченіи Днѣпра	1—6.
* <i>Его же.</i> — О валахъ, находящихся на территории древняго Кіевскаго княженія	1—4.

III.

Историческая географія и этнографія.

<i>П. Д. Шестакова.</i> — Напоминаніе о древнемъ городѣ Маджарѣ	3—16. ✓
— <i>А. Θ. Можаровскаго.</i> — Гдѣ искать въ наше время потомковъ тѣхъ Можаръ, которые въ 1551 году среди поля Арсваго бились съ Казанцами, вѣрные присягѣ Русскому Царю?	17—20. ✓
<i>С. М. Шилевскаго.</i> — Городъ Булгаръ	21—39. ✓
<i>Муллы Шихабъ-уд-дуна Бага-уд-динова.</i> — Очеркъ исторіи Болгарскаго и Казанскаго царствъ. Перев. <i>В. В. Радлова</i>	40—50. ✓
<i>То же,</i> въ подлинникѣ на татарскомъ языкѣ	51—58.
— <i>Протоіерей П. Г. Заринскаго.</i> — Топографія города Казани въ 1852 году, во время осады его русскими войсками	59—98.
<i>И. А. Изюмова.</i> — О сохранившихся преданіяхъ по поводу названій русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ	99—115. ✓
<i>Его же.</i> — Списокъ населенныхъ мѣстъ Мамадышскаго уѣзда. (Приложеніе къ предъидущему реферату)	116—148.
<i>Его же.</i> — О личныхъ инородческихъ именахъ	149—153. ✓
<i>Н. И. Золотницкаго.</i> — Алфавитный списокъ древнихъ инородческихъ именъ, преимущественно встрѣчающихся въ историческихъ и юридическихъ актахъ и служащихъ къ объясненію названій населенныхъ мѣстностей Казанской губерніи	154—160. ✓
<i>Его же.</i> — О селеніяхъ въ поволжскихъ губерніяхъ съ названіемъ „тарханъ“	161—165. ✓
— <i>Н. Н. Вечеслава.</i> — Къ вопросу о народныхъ преданіяхъ въ Казанской губерніи относительно первыхъ заселеній въ ней Русскихъ и о ихъ борьбѣ съ туземцами	166—169. ✓
<i>Д. А. Корсакова.</i> — Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV Археологическаго Съѣзда: „Какихъ городовъ служилые люди были помѣщиками и вотчинниками въ Казанскомъ краѣ въ XVI и XVII вѣкахъ? На основаніи какихъ источниковъ и въ какой мѣрѣ возможно разрѣшеніе этого вопроса.	170—177.
<i>П. И. Мельникова.</i> — О старомъ и новомъ городахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ	178—185.

	Страницы.
<i>Н. П. Залоскина.</i> — Селитряный городокъ Астраханской губерніи, Енотаевского уѣзда	186—201.
<i>Князя Н. А. Кострова.</i> — Преданія Томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи	202—207.
<i>Его же.</i> — Очерки быта Минусинскихъ Татаръ	208—248.
<i>А. Я. Гиркави.</i> — Нѣкоторыя данныя по исторической географіи и этнографіи Россіи изъ рукописей, недавно прибрѣтенныхъ Императорскою Публичною библіотекою	249—254.
<i>Ф. К. Бруна.</i> — Кто были четыре тюркскія племена, которыя разбили, по свидѣтельству Масуди, Грековъ въ 934 г. подъ стѣнами Валендара и гдѣ находился этотъ городъ?	255—258.

III.

Памятники искусствъ и художествъ.

<i>П. В. Павлова.</i> — Программа по предмету каедры „исторіи и теоріи искусствъ“	3—19.
<i>В. К. Савельева.</i> — О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. Дополненія къ рефератамъ — П. Д. Шестакова „о Маджарѣ“ и С. М. Шпилевскаго „о Булгарѣ“, читаннымъ въ первомъ засѣданіи, 31 іюля, по отдѣленію исторической географіи и этнографіи	20—22.
<i>Д. И. Прозоровскаго.</i> — О монетахъ Владиміра Святаго	23—27.
<i>Ю. Б. Иверсена.</i> — Что означаютъ отдѣльныя буквы на копѣйкахъ и денежкахъ до Петра Великаго?	28—33.
<i>А. Ф. Лихачева.</i> — О загадочныхъ сосудахъ сфероконической формы изъ Волжской Булгаріи.	34—65.

* <i>Графа М. В. Толстаго.</i> — О древнихъ иконахъ въ городѣ Старой Русѣ	1—4.

I.

ПРАВИЛА СЪѢЗДА,

утвержденные г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, 8 декабря 1876 г.

1) Съѣздъ открывается въ Казани 31 іюля 1877 года и будетъ продолжаться не болѣе трехъ недѣль.

2) За недѣлю до открытія Съѣзда, а именно 24 Іюля 1877 года, открываетъ свои дѣйствія въ Казани Совѣтъ Съѣзда.

3) Совѣтъ Съѣзда составляютъ: а) всѣ прибывшіе къ Съѣзду члены Предварительнаго Комитета и б) присланные на Съѣздъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и археологическихъ обществъ, коихъ представителей не было въ Предварительномъ Комитетѣ.

4) Членами Съѣзда признаются всѣ лица изъявившія желаніе принять участіе въ занятіяхъ Съѣзда и заплатившія три рубля серебромъ. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ, который предоставляет имъ право посѣщать засѣданія Съѣзда и выставку, участвовать въ засѣданіяхъ Съѣзда и получить экземпляръ „Трудовъ“.

Примѣчаніе. Членами Съѣзда признаются также ученые учрежденія и общества, по взносу ими трехъ рублей.

5) Члены Совѣта не освобождаются отъ членскаго взноса.

6) Записаться въ члены Съѣзда, внести постановленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно, или въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, или въ Предварительномъ Комитетѣ въ Казани, или у членовъ-корреспондентовъ.

7) Съѣздъ раздѣляется на семь отдѣленій: I) Древности первобытныя, II) Историческая географія и этнографія, III) Памятники искусствъ и художествъ, IV) Бытъ домашній и общественный, V) Бытъ религіозный, VI) Памятники языка и письма, VII) Древности восточныя. Совѣтъ Съѣзда въ правѣ, если признаетъ необходимымъ, увеличить число отдѣленій, или слить нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ.

8) При Съѣздѣ предполагается устроить археологическую выставку.

II

9) Въ секретари Създа и отдѣленій Създа приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Създа. Секретари признаются членами Совѣта Създа.

10) Всякій членъ Създа можетъ по своему желанію приписаться къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ.

11) Совѣтъ Създа въ первомъ засѣданіи своемъ избираетъ изъ своей среды Предсѣдателя Совѣта и шесть членовъ въ Распорядительный Комитетъ, на все время Създа. Независимо отъ сего, Совѣтъ въ томъ же засѣданіи раздѣляется, по числу отдѣленій Създа, на Комиссіи, впредь до открытія отдѣленій, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ предсѣдателей и секретарей.

12) Распорядительный Комитетъ завѣдуетъ всею хозяйственною частью и всѣмъ внутреннимъ и вѣшнимъ порядкомъ Създа.

13) Въ составъ Распорядительнаго Комитета, кромѣ шести членовъ избранныхъ Совѣтомъ, входитъ казначей Създа.

14) Предсѣдатели и секретари отдѣленій и секретари Създа составляютъ Ученый Комитетъ Създа.

15) Ученый Комитетъ руководитъ всею ученою частью Създа и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

16) Комитетъ Распорядительный и Ученый сами избираютъ своихъ предсѣдателей. Они засѣдаютъ ежедневно въ продолженіе всего Създа.

17) Совѣтъ Създа и Комиссіи Совѣта созываются ихъ предсѣдателями. Каждая Комиссія въ правѣ избирать въ свои члены изъ среды Създа ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе она считаетъ для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ Предсѣдатели Комиссіи доводятъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта.

18) Засѣданія, какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ Ученаго и Распорядительнаго, а равнымъ образомъ — Комиссій Совѣта, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

19) Засѣданія Създа бываютъ общія и частныя, по отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ предметы, относящіеся къ древностямъ вообще. На засѣданіяхъ отдѣленій обсуждаются спеціальныя вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другаго отдѣленія.

20) Засѣданія Създа всѣ публичны.

Примчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Распорядительный Комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

21) Предсѣдатели, какъ общихъ собраній Създа, такъ и собраній отдѣленій, назначаются на каждое засѣданіе особо Ученымъ Комитетомъ изъ среды членовъ Създа. Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на предсѣдателяхъ. Предсѣдатель обязанъ остановить каждаго члена Създа, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсуждения или уклонится отъ научной цѣли.

III

22) Программа каждого засѣданія, какъ общихъ собраній, такъ и отдѣленій, опредѣляется заблаговременно, на каждый разъ особо, Ученымъ Комитетомъ. Программа засѣданія вывѣшивается наканунѣ у дверей залы. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Съѣзда безъ предварительнаго разрѣшенія Ученаго Комитета.

23) Во время продолженія Съѣзда издаются отдѣльными выпусками по окончаніи засѣданій краткіе о нихъ отчеты, которые выдаются членамъ Съѣзда бесплатно.

24) Время каждого засѣданія, какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и отдѣленій, назначается Распорядительнымъ Комитетомъ.

25) На засѣданіяхъ Съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія. Но ни одинъ членъ Съѣзда не въ правѣ говорить или читать болѣе получаса, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія Ученаго Комитета.

26) Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съѣзда, какъ общихъ, такъ и частныхъ, по отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ. Но Ученый Комитетъ можетъ назначить особыя засѣданія для выслушанія сообщеній иностранныхъ ученыхъ, признанныхъ Комитетомъ важными для археологической науки. На этихъ особыхъ засѣданіяхъ сообщенія могутъ быть сдѣланы на томъ языкѣ, на которомъ написаны.

27) Изслѣдованія и сообщенія, присланныя на Съѣздъ въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ Ученый Комитетъ, разсматриваются въ Комmissіяхъ Совѣта и докладываются вѣмъ-либо изъ ихъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда.

28) Всякій членъ Съѣзда долженъ предъявить свой членскій билетъ при входѣ въ засѣданіе.

29) Для напечатанія трудовъ Съѣзда избирается Совѣтомъ Съѣзда особый Редакціонный Комитетъ.

II.

А) ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ КЪ ОБСУЖДЕНІЮ НА СЪѢЗДѢ (*).

А. ВОПРОСЫ ОБЩІЕ.

1) На сколько возможно и полезно для изученія края, кромѣ учрежденія центральныхъ областныхъ архивовъ въ областныхъ центрахъ, преимущественно въ университетскихъ городахъ, устройство Археологическихъ Обществъ и при нихъ библиотекъ по археологии, географіи, этнологіи и исторіи этихъ областей? Не слѣдуетъ ли также основать при этихъ обществахъ археологическія собранія мѣстныхъ памятниковъ?

2) Обсужденіе предложенія профессора А. И. Брикнера объ учебныхъ пособияхъ при изученіи исторіи Россіи.

3) Какія необходимо принять мѣры для сохраненія археологическихъ памятниковъ въ виду проложенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ напр. Сибирской?

*4) Какіе вопросы должны входить въ программу для собиранія преданій о мѣстностяхъ, лицахъ и событіяхъ по Казанской губерніи?

*5) Чѣмъ обязана русская археологія Казанскимъ дѣятелямъ?

6) О значеніи кургановъ и городищъ для Русской Исторіи.

7) О способѣ научнаго изслѣдованія кургановъ и городищъ и о мѣрахъ къ предупрежденію раскопокъ, бесплодныхъ для науки.

8) Главныя причины непроизводительнаго для науки уничтоженія древнихъ земляныхъ насыпей.

Б. ВОПРОСЫ ЧАСТНЫЕ.

Отдѣленіе I. Первобытныя древности.

9) Какія можно вывести заключенія изъ мѣстонахожденія каменныхъ орудій? Всѣ ли каменныя орудія, находимыя въ Россіи, принадлежатъ къ каменному періоду? Что можно заключить изъ различныхъ формъ каменныхъ орудій и изъ матеріала, изъ котораго они сдѣланы?

(*) Вопросы обозначенные * не обсуждались на Съездѣ, или по нимъ не было доставлено рефератовъ.

У

10) Въ какомъ отношеніи къ русской археологіи находится теорія о трехъ періодахъ—каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ?

*11) На сколько вѣрно мнѣніе графа Уварова о существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могилъ?

12) О первобытныхъ древностяхъ Печерскаго края.

*13) Какія имѣются свѣдѣнія объ остаткахъ каменнаго вѣка въ Нижегородской губерніи?

14) Свѣдѣнія о Селитряномъ городкѣ въ Астраханской губерніи и о сдѣланныхъ въ немъ находкахъ.

15) Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ курганахъ Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи.

*16) Свѣдѣнія о раскопкахъ въ Пюотроковской губерніи.

17) Къ какому времени можно отнести могилы у Мцхета, близъ Тифлиса?

18) Свѣдѣнія о курганахъ Казанской губерніи.

19) Какія свѣдѣнія доставляютъ намъ раскопки Сибирскихъ кургановъ? Можно ли опредѣлить народность племенъ, которые воздвигали ихъ, и степень культурнаго развитія этихъ племенъ?

20) Какому времени и какому народу принадлежать курганы, въ изобиліи встрѣчающіеся въ Петербургской губерніи?

21) Къ какому типу принадлежать черепа изъ Петербургскихъ кургановъ и какіе получены результаты сравненіемъ ихъ съ другими извѣстными черепами изъ сосѣднихъ мѣстностей?

*22) На сколько изслѣдованы Кавказскія пещеры? Гдѣ онѣ встрѣчаются по преимуществу и какое главнымъ образомъ было ихъ назначеніе?

23) О народности верхнихъ и нижнихъ могилъ, найденныхъ въ курганахъ, расположенныхъ у устья рѣкъ Роси и Росавы Каневского уѣзда, Кіевской губерніи.

*24) О народности кургановъ, расположенныхъ по рѣкамъ Ромнѣ и Сулѣ при соединеніи этихъ рѣкъ въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

*25) Опредѣлить время возникновенія и историческое значеніе древнихъ валовъ (такъ называемыхъ „Зміевыхъ“ или „Траяновыхъ“), находящихся въ предѣлахъ Кіевского княженія.

26) Указать типы кургановъ и похоронныхъ обычаевъ по раскопкамъ произведеннымъ по нынѣ въ Юго-Западномъ краѣ.

*27) Совпадаетъ ли граница кургановъ обще-чудскаго характера (съ головою на западъ, съ длинноголовыми черепами и проч.) съ границею угорскихъ названій мѣстностей?

*28) Какія древнія могилы или курганы встрѣчаются въ области древне-черемисскихъ названій мѣстностей къ западу отъ нижняго теченія рѣки Суры? X

*29) Свѣдѣнія о курганахъ Острогужскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

Отдѣленіе II. Историческая географія и этнографія.

30) Какіхъ городовъ служили люди были помѣщиками и вотчинниками въ Казанскомъ краѣ въ XVI и XVII вв.? На основаніи какихъ источниковъ и въ какой мѣрѣ возможно разрѣшеніе этого вопроса.

✓ 31) Какія сохранились преданія о названіяхъ русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ?

*32) Свѣдѣнія и преданія о селѣ Байтеряковѣ.

*33) Свѣдѣнія о направленіи сторожевыхъ и засѣчныхъ линій въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ.

34) Свѣдѣнія о селеніяхъ въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ съ словомъ „тарханъ“.

35) Можно ли опредѣлить границы Болгарскаго и Казанскаго царствъ?

*36) Можно ли Каратаевъ и Терюханъ считать за подраздѣленіе Мордвы, равное Мокшѣ и Эрзѣ?

37) Было ли какое-нибудь племя, которое, какъ указываетъ Кеппенъ, называлось Бѣляки?

38) Кого можно считать въ наше время потомками Буртасовъ?

39) Нельзя ли хорографическія, топографическія и племенные названія болгарскаго историка XVI вѣка Шерефъ-Эддина приурочить къ нынѣ существующимъ мѣстностямъ?

40) Свѣдѣнія о развалинахъ древняго города Болгарь.

*41) Какія могутъ быть предложены указанія и соображенія относительно первоначальнаго состава книги Большаго Чертежа?

*42) Составляли ли Понтійскіе Скионы, описанные Геродотомъ, одну народность, или можно между ними намѣтить разныя народности? Въ послѣднемъ случаѣ, нѣтъ ли возможности опредѣлить этнографическій составъ Скионовъ?

43) Безлѣсная, нынѣ степная, полоса южной Россіи представляла ли когда-либо въ древности обширныя пространства, покрытыя лѣсами, или же она искони, на сколько знаетъ ее исторія, отличалась своимъ нынѣшнимъ степнымъ характеромъ?

*44) Что мы знаемъ объ Удинахъ?

45) Насколько возможно возстановить слѣдующія подробности топографіи города Казани во время осады его войсками царя Іоанна IV: а) мѣсто, гдѣ находилась татарская крѣпость, б) предѣлы городскихъ татарскихъ поселеній, в) мѣста, гдѣ стояли осаждающіе?

*46) Въ какой взаимной связи находятся легенды: а) о происхожденіи древнихъ русскихъ родовъ отъ Юлія Кесаря и другихъ римскихъ фамилій, б) о происхожденіи тѣхъ же родовъ отъ выходцевъ съ побережья Адриатическаго моря во время Аттилы, в) о выходѣ изъ Далмаціи трехъ братьевъ: Руса, Чеха и Леха. въ царствованіе императора Юстиніана, и какое отношеніе имѣютъ эти легенды къ западно-европейскимъ историческимъ свидѣтельствамъ?

*47) О современныхъ намъ фамильныхъ прозваніяхъ польскихъ и юго-западныхъ славянскихъ крестьянъ въ связи съ древними прозвищами Славянъ.

*48) Объ этнологическихъ наслоеніяхъ славянскихъ мѣстностей сѣверо-восточнаго побережья Адриатическаго моря.

*49) Принадлежатъ ли Славяне, живущіе въ сѣверной Италіи, къ племени Хорватскому, или же къ Крайно-Словинскому.

VII

50) Какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ сравненія личныхъ именъ неврещенныхъ инородцевъ, живущихъ въ настоящее время, съ именами инородцевъ, жившихъ въ прежнія времена?

51) Свѣдѣнія о Нагайбакахъ, проживающихъ въ Оренбургской губерніи въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, переселенцахъ изъ Уфимской и потомкахъ Арскихъ Татаръ, крещенныхъ при Грозномъ.

52) Гдѣ надо искать положеніе городовъ и мѣстъ въ землѣ Половецкой, каковы: Шарукань, Сальница, Суюрлій, Каяла и т. д.?

*53) Указать слѣды иноплеменныхъ поселеній въ Кіевскомъ и Черниговскомъ княжествахъ, оставшіеся въ географическихъ названіяхъ мѣстностей.

54) О содержаніи писцовыхъ книгъ XVI и XVII вв. по Казанскому краю.

55) Свѣдѣнія о древнемъ городѣ Маджарѣ.

56) Какъ называется древній народъ „Чудь“ по татарски, по черемисски, по вотятски и по чувашски?

57) Свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ древности въ Сибири.

Отдѣленіе III. Памятники искусствъ и художествъ.

58) Монеты съ именемъ князя Владиміра могутъ ли быть приурочены къ Владиміру Святому, или должны быть отнесены къ эпохѣ болѣе поздней?

*59) Какому Святополку принадлежатъ монеты нѣжинскаго клада, съ именемъ Святополка?

60) Свѣдѣнія о желѣзной копѣйкѣ, имѣющей форму параллелоипеда и найденной въ Казани.

*61) Какія имѣются новыя свѣдѣнія о мѣдныхъ копѣйкахъ Петра I?

*62) Какіе оказываются новыя варианты серебряныхъ монетъ московскихъ великихъ князей?

63) Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ еще джуджидскихъ монетахъ.

64) О древнихъ вещахъ, найденныхъ въ Болгарахъ.

65) Какія составныя части бронзы въ вещахъ, находимыхъ въ развалинахъ Болгарь?

66) Что означаютъ отдѣльныя буквы, помѣщенные на лицевой или оборотной сторонѣ серебряныхъ копѣекъ и денежекъ до Петра I?

*67) Архитектурный стиль московскаго періода; его характеристическія черты и особенности; планъ, способъ постройки, внутреннее устройство и наружная обработка церковныхъ и гражданскихъ зданій. Въ чемъ обнаружилось вліяніе западно-европейской архитектуры на московское зодчество? Какое вліяніе и какимъ путемъ имѣла на него восточная архитектура? Какія можно отмѣтить эпохи въ его развитіи? Въ московскихъ постройкахъ XVI вѣка, возведенныхъ въ Казанскомъ краѣ, не замѣчается ли какихъ-нибудь особенностей, заимствованныхъ изъ туземнаго стиля и туземныхъ способовъ постройки?

*68) Въ какихъ отрасляхъ русскаго искусства преимущественно выразилось вліяніе Востока?

*69) О церквахъ новгородскаго стиля въ окрестностяхъ Казани.

VIII

*70) О трехглавыхъ каменныхъ церквахъ и о церкви Казапскаго Ивановскаго монастыря.

Отдѣленіе IV. Бытъ домашній и общественный.

*71) Какъ должны опредѣляться признаки самостоятельности или заимствованія явленій славянской юридической древности?

*72) Изъ чего состояла и какое имѣла значеніе одежда каликъ переходящихъ? Какія свѣдѣнія сообщаютъ намъ объ этой одеждѣ русскія народныя пѣсни и преданія?

*73) Въ какомъ значеніи употребляется въ „Русской Правдѣ“ слово „послухъ“?

*74) У пѣкоторыхъ арійскихъ народовъ настолованіе князя сопровождается посаженіемъ на камень; у другихъ—посажениемъ на щитъ. Считать ли эти обычаи признакомъ народности, или различныхъ формъ быта?

75) Въ чемъ состоятъ отличительныя свойства происхожденія и характера власти варяжскихъ князей, сравнительно съ властью, господствовавшей у другихъ европейскихъ народовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ?

76) Слѣды церковныхъ братствъ въ Малороссіи (за лѣвой сторопѣ Днѣпра).

Отдѣленіе V. Бытъ религиозный.

*77) Задача и методъ славянской мифологій.

78) Какіе изъ мусульманскихъ святыхъ особенно чествуются Татарами-магометанами въ предѣлахъ Казанской губерніи?

79) О невидимомъ мірѣ по таманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ.

80) О древнемъ каменномъ изваяніи легендарнаго свойства, находящемся въ Рославскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи.

Отдѣленіе VI. Памятники языка и письма.

81) Было ли „Слово о Полку Игоревѣ“ произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, впоследствии записанное прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени?

82) Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Бояна можетъ быть объяснимо инымъ образомъ?

83) Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ (Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса) въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ вывести, что авторъ былъ проникнутъ языческимъ міровоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найти иное объясненіе?

*84) Что собственно святитель Алексій, митрополитъ московскій, исправилъ въ Новомъ Завѣтѣ, и что имъ заимствовано изъ прежде его сдѣланныхъ исправленій?

85) Справедливъ ли упрекъ монаха Нила Курлятева въ томъ, что митрополитъ Киприанъ не зналъ нашего языка и при исправленіи Псалтири „больши неразуміе написалъ“?

IX

86) На сколько „Исторія о Казанскомъ царствѣ“ Глазатаго можетъ служить источникомъ для ознакомленія съ бытомъ Татаръ XVI вѣка?

87) Историческое значеніе записей и приписокъ, найденныхъ въ древнихъ русскихъ книгахъ.

88) Историческое значеніе восточныхъ говоровъ русскаго языка.

*89) О Евангеліи на арабскомъ языкѣ, изданномъ въ Алеппо въ 1708 году, по желанію и издательству Мазепы.

*90) Существуетъ ли родство финскаго языка съ тѣмъ или другимъ изъ кавказскихъ языковъ и нарѣчій?

91) Чѣмъ можно объяснить отсутствіе книгъ, написанныхъ пермскими письменами, составленными св. Стефаномъ Великопермскимъ? Достаточно ли объясненіе П. И. Саввантова, состоящее въ томъ, что пермскія письмена употреблялись только тамъ, гдѣ народъ могъ ихъ видѣть, напримѣръ, на иконахъ?

*92) О говорѣ потомковъ ославянившихся Нѣмцевъ Крайны и Горицкаго графства.

*93) Общее обзореніе Крайно-Словенскихъ (словенскихъ, хорутанскихъ) говоровъ.

*94) О славянскихъ говорахъ сѣверной Италіи.

*95) О связи Сербо-хорватскаго ударенія съ исторіей южныхъ Славянъ.

96) По какимъ цѣнамъ продавались въ старину русскія рукописи? Желательно имѣть побольше свѣдѣній о цѣнахъ пергамента, бумаги, печатанія, труда переписчика и т. д.?

*97) Происхожденіе легендъ Ософана и Никифора о раздѣленіи Болгаръ и ихъ расселеніи.

*98) О способѣ дифференцированія славянскихъ племенъ.

*99) Какому славянскому нарѣчію принадлежитъ Семиградскій Катехизисъ?

*100) Какіе слѣды произношенія нынѣшняго славянскаго *o* какъ *a* встрѣчаются въ византійскихъ и западно-европейскихъ памятникахъ?

VII. Древности восточныя.

*101) Какими археологическими и историческими данными можно объяснить наклонность къ торговлѣ казанскихъ Татаръ-горожанъ XIX в. Не можетъ ли эта наклонность служить указаніемъ на то, что казанскіе Татары-горожане суть потомки Волжскихъ Болгаръ?

102) Крымскій полуостровъ въ арабской литературѣ до монгольскаго періода.

103) Кто были четыре тюркскія племена, которыя разбили, по свидѣтельству Массуди, Грековъ въ 934 году подъ стѣнами Валендара? Гдѣ находился этотъ городъ?

*104) Можно ли считать подлиннымъ письмо Хазарскаго царя, найденное г. Гаркави въ Чуфутъ-Калѣ?

В) ВОПРОСЫ, ПО КОТОРЫМЪ КЪ СЪѢЗДУ ЖЕЛАТЕЛЬНО ПОЛУЧИТЬ СВѢДѢНІЯ.

І. Древности первобытныя.

1) Какія антропологическія, геологическія и палеонтологическія свѣдѣнія для доисторическаго быта Россіи имѣются по Казанской и сосѣднимъ съ нею губерніямъ?

2) Какія были сдѣланы изслѣдованія по части кургановъ, могилъ и городищъ въ Казанской губерніи?

3) Какія новыя открытія сдѣланы были по части кладовъ съ восточными монетами въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ?

*4) Находятся ли пещеры, служившія жилищемъ въ первобытную эпоху, въ предѣлахъ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерній?

*5) Янтарныя издѣлія, находимыя въ курганахъ въ Россіи, изготовлены ли изъ мѣстнаго русскаго янтара, или только изъ привознаго?

6) Попадаютъ ли въ Сибири слѣды древнѣйшей разработки рудниковъ въ первобытныя времена, кромѣ тѣхъ слѣдовъ, на которые указалъ уже профессоръ Эйхвальдъ?

*7) Что извѣстно о погребальныхъ обычаяхъ Чувашъ, Черемисъ, Вотяковъ и Мордвы въ курганный періодъ, и какіе слѣды этихъ обычаевъ удержались до настоящаго времени?

*8) Каковъ характеръ украшеній, встрѣчаемыхъ въ курганахъ Чувашъ, Черемисъ, Вотяковъ и Мордвы? Не имѣетъ ли онъ чего общаго съ донынѣ употребляемыми украшениями у этихъ народовъ?

*9) Какіе результаты получены путемъ изслѣдованія череповъ Чувашъ, Черемисъ, Вотяковъ, Мордвы и Вогуль?

*10) О необходимости описанія кургановъ, городищъ и остатковъ укрѣпленій въ губерніяхъ Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской и во всей Сибири.

11) Объясненіе находокъ въ курганахъ этихъ мѣстностей.

12) Определены ли находки бронзоваго періода: серпъ, долото и топоръ, найденныя близъ Уфы?

13) Определить точное положеніе городищъ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда: Майнскаго, Кокрятскаго, Балымерскаго и Уткинскаго.

14) Что извѣстно о происхожденіи каменныхъ бабъ, попадающихся въ Сибири?

ІІ. Историческая географія и этнографія.

*15) Можно ли определить отличительныя племенные черты древнихъ народовъ, обитавшихъ въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ?

16) Не извѣстны ли какіе-нибудь слѣды или памятники до-мусульманской эпохи въ Болгарскомъ царствѣ?

*17) Собрать свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ въ развалинахъ города Увѣка (въ 10 верстахъ отъ Саратова). Въ какихъ собраніяхъ находятся эти древности? Желательно имѣть описаніе этихъ древностей.

*18) Нельзя ли собрать этнографическіе и лингвистическіе остатки Новгородской колонизаціи въ Вятскомъ краѣ, между рѣками Вяткою и Камой?

19) Нѣтъ ли гдѣ-нибудь на Русскомъ востокѣ мѣстныхъ преданій о первыхъ заселеніяхъ Русскихъ и ихъ борьбѣ съ туземцами?

*20) Въ какихъ отношеніяхъ находилась Арская земля къ Казанскому царству?

21) Объ упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ городахъ въ Болгарскомъ царствѣ, кромѣ Болгарь и Старой Казани, не дошло до насъ монументальныхъ признаковъ для опредѣленія ихъ мѣстоположенія. Поэтому желательно собрать все свидѣтельства изъ лѣтописей и разныхъ сочиненій позднѣйшихъ русскихъ писателей о слѣдующихъ городахъ Болгарскаго царства: о Жукотинѣ, Кременчугѣ, Брахимовѣ, Ошелѣ и другихъ, и дополнить эти свидѣтельства повыми, возможными въ настоящее время изслѣдованіями по этимологіи названій этихъ городовъ, по опредѣленію ихъ мѣстоположенія и по ихъ исторіи. Наприм., названіе „Кременчугъ“ не было ли переводомъ какого либо татарскаго ему имени? Не пахотился ли Кременчугъ (т. е. каменный городокъ) на мѣстѣ теперешней деревни Ташъ-Кермень, при устьи рѣки Мѣши, впадающей въ Каму? Не могутъ ли отыскаться какіе нибудь вещественные остатки отъ другихъ городовъ? Нельзя ли опредѣлить хронологическій предѣлъ существованія этихъ городовъ? Не сохранилось ли какихъ нибудь народныхъ преданій о нихъ?

*22) Не осталось ли въ Казанской и сосѣднихъ съ нею поволжскихъ губерніяхъ слѣдовъ пребыванія новгородскихъ ушгуйниковъ?

23) Желательно имѣть подробный обзоръ археологическихъ работъ по изслѣдованію Сарая, описаніе современнаго состоянія мѣстности, гдѣ находился Сарай, и сохранившихся отъ него развалинъ и произвести новыя раскопки въ Сараѣ.

*24) Должно ли считать Горныхъ Черемисъ переселившимися съ луговой стороны Волги или наоборотъ: Луговыхъ съ горной?

*25) Описаны ли мѣстности бывшихъ чудскихъ городовъ Тобольской губерніи въ Березовскомъ округѣ, населенныхъ нынѣ туземцами изъ инородцевъ, и когда возникли эти селенія на мѣстахъ чудскихъ городищъ?

*26) Были ли къмъ описаны надгробные памятники времени болгарскихъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи?

27) Нельзя ли опредѣлить мѣста первоначальнаго поселенія Чуди и поступательнаго движенія ея и границъ, гдѣ началось исчезновеніе этого народа? Не могутъ ли служить при обсужденіи этого вопроса имѣющіяся о томъ изслѣдованія и археологическія карты?

*28) Дѣйствительно ли Цыганское племя распространилось по Европѣ почти прямо изъ Индіи? Не скрывается ли оно подъ какимъ-нибудь другимъ племеннымъ названіемъ изъ эпохи великаго переселенія народовъ?

30) Къ какому племени принадлежали исчезнушіе Можары и какимъ другимъ болѣе сильнымъ племенемъ поглощены они?

*31) Сообщить свѣдѣнія объ остаткахъ древняго города Итиля, въ 12 верстахъ отъ Астрахани, на такъ называемомъ Жаринномъ Бугрѣ?

III. Памятники искусствъ и художествъ.

32) Доселѣ неизвѣстно ни одной монеты съ именемъ Казанскаго хана. Чеканили ли Казанскіе ханы монеты? Если они не чеканили монетъ, то по какой причинѣ?

ХП

- 33) Повліялъ ли костюмъ татарскій времямъ Золотой Орды на костюмъ русскій?
- 34) Въ Казанской крѣпости находится башня, извѣстная подъ именемъ „Сумбэкиной“. Кто и когда строилъ эту башню и какое было ея назначеніе?
- 35) Что извѣстно о стѣнописи церковей г. Свияжска?
- *36) Описаны ли всѣ находки куфическихъ и другихъ монетъ въ губерніяхъ Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской и всей Сибири?
- *37) Были ли находки куфическихъ монетъ въ Астраханской губерніи?
- *38) Всѣ ли описаны древнія церковныя иконы, утварь и проч. въ губерніяхъ Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской и всей Сибири?

IV. Бытъ домашній и общественный.

- *39) Переводъ источниковъ греко-римскаго права, содержащійся въ старинныхъ Кормчихъ, можетъ ли служить памятникомъ юридическаго языка и быта славянскихъ народовъ, у которыхъ переводъ этотъ появился? т. е., можно ли по нему судить о современномъ юридическомъ языкѣ и бытѣ Славянъ?
- *40) Возможно ли, при настоящихъ средствахъ визавтологіи, возстановить подлинный (греческій) текстъ договоровъ русскихъ князей съ греками?
- 41) Какія данныя для бытовой исторіи инородцевъ сѣверо-восточной Россіи представляются въ ихъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ, загадкахъ и преданіяхъ?

V. Бытъ религіозный.

- 42) Желательно было бы получить свѣдѣнія о мѣстныхъ святыхъ и праздникахъ, чествуемыхъ въ опредѣленные дни года съ особымъ торжествомъ, какъ напр. св. Георгія, по верхнему теченію Волхова.
- 43) Нѣтъ ли какихъ особенностей въ празднованіи православныхъ праздниковъ и святыхъ у инородцевъ финскаго племени сѣверо-восточной Россіи?
- *44) Откуда беретъ свое начало обрядъ хожденія на ослати въ Тобольскѣ и почему онъ установленъ и существуетъ-ли нынѣ?
- 45) Какія народныя празднества извѣстны у Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ (христіанъ и язычниковъ), какъ совершаются эти празднества и какое имѣютъ значеніе въ народной жизни?
- 46) Какимъ значеніемъ пользуются у Чувашъ „йомзи“, у Черемисъ „карты“ и у всѣхъ вообще инородцевъ казанскихъ ворожей и ворожейки? Какимъ образомъ совершается у этихъ инородцевъ ворожба? Не извѣстны-ли у нихъ какіе нибудь особенные способы гаданія? Какія формы заклинаній извѣстны у казанскихъ инородцевъ, крещеныхъ и некрещеныхъ?
- 47) Собрать свѣдѣнія объ обычаяхъ, существующихъ при воздѣлываніи, уборкѣ и обработкѣ хлѣбовъ у русскихъ и инородцевъ сѣверо-восточной Россіи. Желательно, чтобы эти свѣдѣнія были собраны по программѣ доктора Мангардта изъ Данцига.

ХІІІ

VI. ПАМЯТНИКИ ЯЗЫКА И ПИСЬМА.

- 48) Какія дѣла отъ Приказа Казанскаго Дворца уцѣлѣли до нашего времени?
- 49) Какія старинныя грамоты хранятся въ Симбирскѣ, въ Карамзинской библіотекѣ?
- *50) Какія рукописи, дѣла, акты и грамоты въ мѣстныхъ собраніяхъ и архивахъ Казанской губерніи могутъ служить источниками для исторіи Казанскаго края?
- 51) Не найдены ли въ соловецкихъ рукописяхъ Казанской Духовной Академіи какіе-нибудь замѣчательные памятники доселѣ неизвѣстные, или иной редакціи, проливающей новый свѣтъ на памятники уже извѣстные?
- 52) Какія рукописи въ Соловецкой библіотекѣ въ Казани отличаются своими заставками и миниатюрами?
- 53) Нѣтъ ли на Русскомъ востокѣ, кромѣ Кяхтинскаго парѣчія, какихъ-нибудь другихъ парѣчій, въ которыхъ бы коренныя свойства русскаго языка были также искажены смѣшеніемъ съ какимъ нибудь другимъ языкомъ?
- 54) Какіе изъ языковъ восточныхъ инородцевъ носятъ на себѣ значительное вліяніе русскаго языка и въ чемъ и гдѣ оно состоитъ?
- 55) Какіе именно изъ инородческихъ языковъ были доселѣ употребляемы русскими миссіонерами, посланными для распространенія христіанства? Что именно на каждомъ такомъ языкѣ сдѣлано, и кѣмъ именно?
- 56) Желательно опредѣлить съ точностью, какія именно раскольничьи сочиненія XVII вѣка дошли до насъ въ спискахъ, несомнѣнно относящихся къ этому вѣку?
- 57) Какія могутъ быть сдѣланы указанія о рукописяхъ, писанныхъ не позже конца XVIII вѣка и содержащихъ въ себѣ (въ числѣ другихъ статей или исключительно) народныя былинны, народныя пѣсни и собранія народныхъ пословицъ? Желательно имѣть обстоятельное библиографическое описаніе таковыхъ рукописей, съ означеніемъ всѣхъ помѣщенныхъ въ нихъ статей, или, по крайней мѣрѣ, точное извѣстіе о мѣстахъ нахождения рукописей и ихъ владѣльцахъ.
- 58) На какихъ основаніяхъ и по какой программѣ и системѣ слѣдуетъ составлять словари языковъ, парѣчій и говоровъ инородцевъ, не имѣющихъ своей письменности?

VII. Древности восточныя.

- *59) Когда и изъ какого сочиненія сдѣлалось въ первый разъ извѣстно имя „*Татарь*“, какъ названія отдѣльной народной группы и какое объясненіе давалось въ разное время этому имени?
- *60) При какомъ ханѣ и при какихъ обстоятельствахъ Татары приняли исламъ?
- 61) Съ какого времени и по какимъ побужденіямъ изображеніе луны было принято символомъ ислама и вошло въ гербъ мухаммеданскихъ государствъ?
- 62) Когда и гдѣ въ первый разъ изображеніе луны появилось на мечети?

XIV

63) Когда и кѣмъ основаны существующія въ Казани мечети?

*64) Нельзя-ли уяснить, въ какомъ отношеніи татарскій элементъ находился къ монгольскому въ ордѣ Батые и въ какой именно періодъ времени Золотая Орда отатарилась?

*65) Какія народныя празднества извѣстны у Татаръ-мухаммеданъ, какъ совершаются эти празднества и какое имѣютъ значеніе въ народной жизни?

66) Какія народныя празднества извѣстны у крещеныхъ Татаръ, какъ совершаются эти празднества и какое имѣютъ значеніе въ народной жизни?

67) Какими народными обычаями и повѣрьями обставлены послѣдніе дни жизни умирающаго Татарина-мухаммеданина, а также смерть его и погребеніе?

*68) Кого пужно разумѣть подъ именемъ „ишановъ“? Ихъ происхожденіе, занятія и значеніе въ народѣ (у мухаммеданъ).

69) Въ какой формѣ извѣстны у казанскихъ мухаммеданъ амулеты? Какое значеніе придаетъ имъ народъ?

*70) Какимъ образомъ совершается ворожба у Татаръ-мухаммеданъ города Казани и какимъ значеніемъ пользуются у нихъ ворожеи и ворожейки? Не извѣстно ли у Татаръ-мухаммеданъ Казанскаго края какихъ нибудь особенныхъ способовъ гаданія и особыхъ формъ заклипаній.

*71) Въ чемъ заключается татарская надпись на могильномъ камнѣ въ селѣ Ботма (Архангельское, Рѣшевка тожъ) въ 20 верстахъ отъ устья рѣки Майны?

III.

Списокъ книгъ, изданныхъ къ IV Археологическому Съѣзду, заключающихъ отвѣты на нѣкоторые изъ предложенныхъ вопросовъ.

Ш п л е в с к і й, С. М. Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Посвящается IV Археологическому Съѣзду. Казань. 1877 г. Приложение къ „Учен. Зап. Импер. Каз. Унив. 1877 г.“ Стр. X+585. 8°.

З а р и н с к і й, П. Г. Очерки древней Казани, преимущественно XVI вѣка. Съ планомъ Казани. Казань. 1877 г. 219 стр. 8°.

Н е в о с т р у е в ъ, К. И. Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ, 1566—1568. Издавъ Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи къ IV Высочайше разрѣшенному Археологическому Съѣзду въ Казани, подъ редакціей священника Е. А. Малова. Казань. 1877 г. 88 стр. 8°.

З о л о т н и ц к і й, Н. И. Невидимый міръ по шаманскимъ возрѣніямъ Черемись. Казань. 1877 г. 8° [отд. отд. изъ „Учен. Зап. Казанскаго Унив.“ 1877, стр. 735—759].

А р и с т о в ъ, Н. Я. О землѣ Половецкой. (Историко-географическій очеркъ). [Изъ „Изв. Ист.-фил. инст. вн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1877 г.]. Кіевъ. 26 стр. 8°.

М и л л е р ъ, В. Ѳ. Взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“. Посвящается IV Археологическому Съѣзду въ Казани. Москва. 1877 г. Стр. II+260. 8°.

IV.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ И УЧАСТНИКОВЪ IV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

Антопій, архієпископъ Казанскій и Свѣяжскій.	Осокинъ, Е. Г., ректоръ Императорскаго Казанскаго Университета.
Владимірскій, А. П., протоіерей, ректоръ Казанской Духовной Академіи.	Скарятинъ, Н. Я., Казанскій губернаторъ.
Ермоловъ, В. А., председатель Казанской Губернской Земской Управы.	Шестаковъ, П. Д., попечитель Казанскаго Учебнаго Округа; <i>предсѣдатель отд. историч. географіи и этнографіи.</i>
Осокинъ, А. Г., Казанскій губернский предводитель дворянства.	Япшевскій, Э. П., Казанскій городской голова; <i>предсѣдатель Распорядительнаго комитета.</i>

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ.

<i>Предсѣдатель Предварительнаго комитета</i> , графъ Уваровъ, А. С.	Вельяминовъ-Зерновъ, В. В.
<i>Предсѣдатель Предварительнаго комитета въ Казани</i> , Шестаковъ, П. Д.	Вечеславъ, Н. Н.
<i>Товарищи предсѣдателя:</i> Буличъ, Н. П.	Вишневскій, В. П., протоіерей.
Шпилевскій, С. М.	Готвальдъ, І. Ѳ.
<i>Секретарь</i> , Корсаковъ, Д. А.	Добротворскій, И. М.
<i>Казначей</i> , Савельевъ, В. К.	Ермолаевъ, Д. С.
<i>Члены:</i> Бецъ-Бага-уд-динъ, М. Ш.	Загоскинъ, Н. П.
Березинъ, И. Н.	Замысловскій, Е. Е.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.	Заринскій, П. Г., протоіерей.
Бодуэнь-де-Куртенэ, И. А.	Знаменскій, П. В.
Бычковъ, А. Ѳ.	Золотницкій, Н. И.
Берже, А. П.	Ивановскій, Л. К.
Брикнеръ, А. Г.	Ивановскій, Н. И.
	Иверсенъ, Ю. Б.
	Износковъ, И. А.

XVII

<p>Ильминскій, Н. И. Красносельцевъ, Н. О. Леваковскій, Н. О. Лерхъ, П. И. Лихачевъ, А. О. Лобановъ-Ростовскій, князь А. Б. Майковъ, Л. Н. Малиевъ, Н. М. Маловъ, Е. А., священникъ. Миллеръ, В. О. Миротворцевъ, В. В. Орловъ, А. П. Осокинъ, Н. А. Островскій, Д. П. Остроумовъ, Н. П. Петровскій М. П.</p>	<p>Помяловскій, И. В. Порфирьевъ, И. Я. Прохоровъ, В. А. Радловъ, В. В. Розень, баронъ, О. О. Саблуковъ, Г. С. Смирновъ, А. И. Снегиревъ, В. А. Сорокинъ, Н. В. Срезневскій, И. И. Тизенгаузенъ, В. Е. Толмачевъ, Н. А. Штукенбергъ, А. А. Фастрицкій, Н. Г. Яковлевъ, И. Я. Өирсовъ, Н. А.</p>
---	---

ЧЛЕНЫ - КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

<p>Алабинъ, П. В., управл. государств. нмуц. Самара. Алексѣевъ, Г. П., губ. предв. двор. Екатеринбургиславль. Брикнеръ, А. Г., проф. унив. Дерптъ. Вагинъ, В. И., редакт. газ. „Сибирь“. Иркутскъ. Ванкель, Г. докторъ. Бланско (Моравія). Гацисскій, А. С., членъ губ. стат. комит. Нижній-Новгородъ. Головацкій, Я. О., предсѣд. археогр. ком. Вильно. Грацинскій, И. Ф., директ. гимн. Пермь. Гуляевъ, С. И., совѣтн. горн. правл. Барнаулъ. Игнатьевъ, Р. Г. Уфа. Костровъ, кн. Н. А. Томскъ. Кунъ, А. Л., главн. инспект. уч. Турк. края. Ташкентъ. Леже, Луи, проф. Парижъ. Лѣствицннъ, В. И. Ярославль.</p>	<p>Матвѣевъ, В. Н., директ. гимн. Уральскъ. Новаковичъ, Стоянъ. Бѣлградъ. Нурминскій, С. А., директ. народ. учил. Вятка. Павинскій, А. И., проф. унив. Варшава. Патера, А. О., хран. муз. Прага (Богемія). Плоцанскій, В. М. Львовъ (Галиція). Потебня, А. А., проф. унив. Харьковъ. Рамбо, Альфредъ, проф. Нанси. Рубцовъ, М. И., директ. гимн. Астрахань. Соколовъ, А. И., редакт. „Справ. Л.“. Саратовъ. Филоматитскій, В. И., дир. гимн. Троицкъ. Хитровъ, А. Г. Ирбитъ. Хованскій, А. А., редакт. „Филол. Зап.“. Воронежъ. Хохряковъ, В. Х., дир. нар. учил. Пенза. Христофоровъ, И. Я., инспек. гимн. Симбирскъ. Чупинъ, Н. К., инспект. горн. уч. Екатеринбургъ.</p>
--	---

XVIII

Импер. русск. археол. общ. С.-Петербургъ.	Общество преп. Нестора Лѣтописца. Кіевъ.
Импер. моск. археолог. общество.	Оренбургскій отд. Имп. русск. геогр. общ.
Общество любит. Кавказской археологіи.	Оренбургъ.
Тифлисъ.	Сибирскій отд. Имп. русск. геогр. общ.
Общество исторіи и древностей. Одесса.	Иркутскъ.

ЧЛЕНЫ СЪѢЗДА НА ОСНОВАНІИ § 4 ПРАВИЛЪ.

Авдіевъ, В. В. Москва.	Богдановъ, А. П., проф. унив. Москва.
Агафоновъ, Н. Я. Казань.	Бодуэнъ-де-Куртенэ, П. А., проф. унив. Казань.
Адамюкъ, Е. В., проф. унив. Казань.	Болдыревъ, М. Ф., доцентъ унив. Казань.
Акербломъ, И. Х. Казань.	Брикнеръ, А. Г., проф. Дерптскаго университета; депутатъ отъ этого университета и отъ Эстонскаго ученаго общества въ Дерптѣ. Дерптъ.
Аврамовскій, М. I., священникъ. Казань.	Брокъ, д-ръ, президентъ Французскаго антропологическаго общества. Парижъ.
Аксакова, А. С. С.-Петербургъ.	Брунъ, Ф. К., депутатъ отъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса.
Алехинъ, П. Н. Казань.	Бычковъ, А. О., академикъ; депутатъ отъ Императорской Академіи Наукъ и Императорскаго русскаго географическаго общества. С.-Петербургъ.
Антоновичъ, В. В., доцентъ университета св. Владиміра; депутатъ отъ этого университета; <i>секретарь Отд. первобытныхъ древностей. Кіевъ.</i>	Бѣловъ, Е. А. С.-Петербургъ.
Арбеневъ, В. Н. Казань.	Бѣлокрысенко, А. О. Симбирскъ.
Аристовъ, Н. Я., проф. историко-филологическаго института кн. Безбородко; депутатъ отъ того же института. <i>Секретарь Отд. памятниковъ языка и письма. Нѣжинъ.</i>	Бѣляевъ, Н. Я., доцентъ духовной академіи. Казань.
Аспелинъ, I. P., д-ръ. Депутатъ отъ Александровскаго университета. Гельсингфорсъ.	Бюлеръ, баронъ О. А., директоръ Московскаго Главнаго Архива М. П. Д. Москва.
Бага-уд-диновъ, Шихабуддинъ, ахунъ. Казань.	Вагницъ, П. К. Казань.
Бакрадзе, Д. З. Депутатъ отъ Общества любителей кавказской археологіи. Тифлисъ.	Вальтеръ, О. А., проф. унив. Дерптъ.
Баяшевъ, князь В. И. Симбирскъ.	Варушкинъ, Н. М., священникъ. Казань.
Безобразовъ, А. П. С.-Петербургъ.	Васильевъ, В. П., профессоръ; депутатъ отъ С.-Петербургскаго унив. С.-Петербургъ.
Безобразова, Н. А. С.-Петербургъ.	Васильевъ, М. В.
Берснитамъ, В. Л. Кіевъ.	Васильевъ, П. П. Казань.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., проф. С.-Петербургскаго университета; депутатъ отъ этого университета. С.-Петербургъ.	Васильевъ, С. А. Казань.
Бехтеревъ, П. П., священникъ, Елабуга.	Венсвитицовъ, М. А. С.-Петербургъ.
Библиотека университета Св. Владиміра. Кіевъ.	

- Верковичъ, С. П. Серезъ (Македонія).
 Вечеславъ, Н. Н. Казань.
 Витевскій, В. Н. Казань.
 Вишневскій, В. П., протоіерей. Казань.
 Волковъ, А. К., доцентъ духовной акаде-
 міи. Казань.
 Воронцовъ, В. Е. С.-Петербургъ.
 Ворошиловъ, К. В., проф. унив. Казань.
 Всеволожскій, В. Н. Нижній-Новгородъ.
 Вырубовъ, В. Н. Тифлисъ.
 Высоцкая, М. В. Казань.
 Высоцкій, Н. О., доцентъ унив. Казань.
 Вьель, Феликсъ. Казань.
 Галеевъ, Мух. Ибн. Казань.
 Гаркави, А. Я. Депутатъ отъ Император-
 ского русскаго археологическаго общества.
Секретарь Отд. восточныхъ древностей.
 Гацукъ, А. А., членъ Московскаго архео-
 логическаго общества. Москва.
 Гацисскій, А. С. Депутатъ отъ Нижегород-
 ского статистическаго комитета. Нижній-
 Новгородъ.
 Гвоздевъ, Н. М., проф. унив. Казань.
 Гвоздевъ, П. П. Казань.
 Ге, А. Г., доцентъ унив. Казань.
 Гисси, В. А. Казань.
 Глинскій, Г. Н., проф. унив. Казань.
 Голицынъ, князь Л. С. Муромъ.
 Головацкій, И. О. Вѣна.
 Головацкій, Я. О., предсѣдатель Архео-
 графической комиссіи. Вильно.
 Голубевъ, С. Т., проф. духовной академіи.
 Кіевъ.
 Гольтерманнъ, Ю. А. Казань.
 Горталовъ, Г. И. Казань.
 Горячевъ, О. Н. Пермь.
 Готвальдъ, I. О., членъ-корресп. Импера-
 торской Академіи Наукъ. *Предсѣдатель Отд.*
восточныхъ древностей. Казань.
 Готвальдъ, Франциска Іос. Казань.
 Градинскій, И. Ф. Пермь.
 Григорьевъ, В. В., проф. унив. С.-Петер-
 бургъ.
- Гроссманнъ, Р. О. Казань.
 Грюнвальдъ, К. М. Казань.
 Дестунисъ, Г. С., проф. унив. С.-Петер-
 бургъ.
 Дидерци, Г. В. Казань.
 Добротворскій, И. М., проф. унив.; депу-
 татъ отъ Казанскаго университета. Казань.
 Добрянскій, докторъ правъ. Львовъ (Га-
 лиція).
 Дормидонтовъ, Г. О. Казань.
 Дриновъ, М. С., проф. унив.; депутатъ
 отъ Харьковскаго университета. Харьковъ.
 Дубровинъ, А. А. Казань.
 Духовная академія. Въ Кіевѣ.
 Дьяченко, С. В. Казань.
 Европеусъ, Д. П. С.-Петербургъ.
 Егоровъ, А. И. Казань.
 Еленевъ, А. Х. Казань.
 Житковъ, А. Н. Казань.
 Жуковский, П. Т. Казань.
 Журавлевъ, В. В. Казань.
 Журавлевъ, П. П. Казань.
 Журавлевъ, И. Н. Казань.
 Забѣлинъ, И. Е., членъ обществъ: Москов-
 ского Императорскаго исторіи и древностей
 руссійскихъ; Императорскаго русскаго архео-
 логическаго и Московскаго археологическа-
 го. Москва.
 Загоскинъ Н. П. *Секретарь Отд. домаш-
 няго и общественнаго быта.* Казань.
 Зайцевъ, А. М., проф. унив. Казань.
 Замсловскій, Е. Е., проф.; депутатъ отъ
 Историко-филологическаго института. *Секре-
 тарь Отдѣленія исторической географіи и
 этнографіи.* С.-Петербургъ.
 Заринскій, П. Г., протоіерей. Казань.
 Заусайловъ, В. И. Казань.
 Звягинъ, А. С. Уральскъ.
 Зейдлицъ, Н. К. Тифлисъ.
 Зейфманъ, П. Т. Казань.
 Зеленецкій, А. О. Казань.
 Зефиоровъ, М. М., протоіерей; проф. унив.
 Казань.

- Знаменскій, П. В., проф.; депутатъ отъ Казанской духовной академіи. Казань.
- Золотницкій, Н. И. Казань.
- Ивановскій, Л. К., депутатъ отъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. *Секретарь Отд. первобытныхъ древностей*. С.-Петербургъ.
- Ивановскій, Н. П., проф.; депутатъ отъ Казанской духовной академіи. Казань.
- Ивановъ, А. М. Казань.
- Ивановъ, А. П. Уфа.
- Иващенко, П. С. Кіевъ.
- Иверсень, Ю. Б., членъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Петербургъ.
- Измайловъ, А. С. С.-Петербургъ.
- Износковъ, Н. А. *Секретарь Отдѣленія исторической географіи и этнографіи, членъ Распорядительнаго комитета*. Казань.
- Иконниковъ, В. С., проф. унив. св. Владиміра; депутатъ отъ этого универс. Кіевъ.
- Иловайскій, Д. И., депутатъ отъ Московскаго археологическаго общества. Москва.
- Ильминскій, Н. И., членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ. *Секретарь Отд. восточныхъ древностей*. Казань.
- Ильицкій.
- Ипатовъ, И. П. Казань.
- Ионинъ-Батеміровъ, В. О. Казань.
- Калачевъ, Н. В., депутатъ отъ Императорскаго русскаго географическаго общества и отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. С.-Петербургъ.
- Калужняцкій, І., проф. Львовъ (Галиція).
- Кальцингъ, К. И. Казань.
- Канаевъ, И. М. Вятка.
- Каратаевъ, И. П. С.-Петербургъ.
- Карновъ, Г. О., депутатъ отъ Археографической комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Москва.
- Карпычевъ, Е. М. Нижній-Новгородъ.
- Квапичъ, И. О. Казань.
- Кибальчичъ, Т. В., членъ Московскаго археологическаго общества. Москва.
- Ключевскій, Р. И. Казань.
- Ковалевскій, Н. О. проф. унив. Казань.
- Ковальская, С. М. Казань.
- Ковальскій, М. А., проф. унив. Казань.
- Козинъ, Д. Н. Казань.
- Константиновичъ, Н. А., депутатъ отъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Черниговъ.
- Кораціо, В. А. Астрахань.
- Корпиловъ, И. П., членъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Петербургъ.
- Корсакова, С. Д. Казань.
- Корсаковъ, Д. А., доцентъ. Депутатъ отъ Казанскаго университета. *Секретарь Създа, членъ Распорядительнаго комитета*. Казань.
- Косыхъ, Екат. Павловна. Казань.
- Косыхъ, Казань.
- Котельниковъ, П. И., проф. унив. Казань.
- Котляревскій, А. А., проф. унив. св. Владиміра. Кіевъ.
- Котовицковъ, Н. И. Казань.
- Красинъ, М. И., проф. духовной академіи. Казань.
- Крелленбергъ, Г. И. Казань.
- Кремлевъ, Н. А., проф. унив. Казань.
- Крестовниковъ, І. К., Казань.
- Кривошапкинь, М. О. Казань.
- Крыловъ, А. Л. Новочеркасскъ.
- Кузнецовъ, С. К. Казань.
- Кулевъ, Г. В. Уральскъ.
- Купинскій, В. М. Казань.
- Купидоновъ, В. Г. Казань.
- Кургановъ, О. А., доцентъ духовной академіи. Казань.
- Лаврскій, К. В. Казань.
- Лашкаревъ, П. А., проф. духовной академіи. Кіевъ.
- Леже, Луи, проф. въ Сорбоннѣ. Парижъ.
- Леженъ, А. К. Казань.

- Леонтьевъ, Л. Л. Казань.
 Леонтьевъ, Н. Ф. Астрахань.
 Лихачевъ, А. Ф., членъ Императорскаго
 русскаго археологическаго общества. Казань.
 Лобановъ-Ростовскій, князь А. Б., вице-
 президентъ Императорскаго русскаго архео-
 логическаго общества. С.-Петербургъ.
 Ломоносовъ, П. Ф. Казань.
 Лопатинъ, Н. А. Астрахань.
 Любавскій, А. Д. Вязьма.
 Люперольскій, П. И., проф. ист.-филол.
 института кн. Безбородко. Нѣжинъ.
 Магнитскій, В. К. Уржумъ.
 Майкова, А. А. С.-Петербургъ.
 Майковъ, Л. Н., депутатъ отъ централь-
 наго статистическаго комитета Министерства
 Внутреннихъ Дѣлъ. *Секретарь Отд. памят-
 никовъ языка и письма.* С.-Петербургъ.
 Малаховъ, М. В. Екатеринбургъ.
 Малевъ, Н. М., депутатъ отъ Казанскаго
 общества естествоиспытателей. Казань.
 Маловъ, Е. А., священникъ; профессоръ,
 депутатъ отъ Казанской духовной академіи.
 Казань.
 Малышевскій, П. И., проф. духовной ака-
 деміи. Кіевъ.
 Мальцевъ, М. М. Казань.
 Манжосъ, Ольга Алекс. Казань.
 Маркевичъ, А. И. Одесса.
 Маркаровъ, Н. К., чл. общ. люб. Кавк.
 археол. Тифлисъ.
 Масловъ, В. П., депутатъ отъ Московска-
 го Архива Министерства Юстиціи. Москва.
 Матвѣевъ, В. Н. Уральскъ.
 Мельниковъ, П. П., членъ обществъ: Им-
 ператорскаго московскаго исторіи и древ-
 ностей, Императорскаго русскаго географі-
 ческаго, Императорскаго русскаго археоло-
 гическаго и Московскаго археологическаго.
 Москва.
 Микшевичъ, Ю. А., проф. унив. Казань.
 Миловзоровъ, Д. А. Казань.
 Миловидовъ, П. Д., протоіерей. Казань.
 Мироіевъ, М. А., Казань.
 Миротворцевъ, В. В., проф.; депутатъ отъ
 Казанской духовной академіи. Казань.
 Можаровскій, А. Ф. Нижній-Новгородъ.
 Молоствовъ, В. Т. Спасскъ (Каз. губ.).
 Молоствовъ, М. М. Казань.
 Мѣржинскій, А. Ф., проф. унив. Варшава.
 Назыровъ, Абдуль-Кайюмъ. Казань.
 Нейкирхъ, В. И. Радомысль.
 Нелидовъ, Н. К., проф. унив. Казань.
 Неустроевъ, А. Н., членъ Императорскаго
 русскаго археологическаго общества. С.-Пе-
 тербургъ.
 Николитчъ, И. М. Казань.
 Никольскій, А. С. Саратовъ.
 Норманъ, А. С., депутатъ отъ Московска-
 го Главнаго Архива Министерства Иностран-
 ныхъ Дѣлъ. Москва.
 Нурминскій, С. Д. Вятка.
 Оболенская, влггиня С. К. Казань.
 Образцовъ, Д. И. Казань.
 Общество любителей Кавказской археоло-
 гии. Въ Тифлисъ.
 Общество Преподобнаго Нестора Лѣтопис-
 ца. Въ Кіевѣ.
 Орловъ, А. П., членъ *Распорядительнаго
 комитета.* Казань.
 Орловъ, Н. П. Пенза.
 Осиповъ, А. М., проф. унив. Казань.
 Осокинъ, Н. А., проф. унив. Казань.
 Островскій, Д. П. Казань.
 Остроумовъ, Н. П., доцентъ Казанской ду-
 ховной академіи; депутатъ отъ этой акаде-
 міи. Казань.
 Павловъ, П. В., проф. унив. св. Владими-
 ра; депутатъ отъ этого университета. Кіевъ.
 Парамоновъ, Е. И. Казань.
 Пашковскій, Х. Г. Казань.
 Пеньковскій, П. Д. Казань.
 Переверзевъ, Н. А., протоіерей. Казань.
 Петерманъ, А. Б. Астрахань.

- Петрова-Борзна, Е. Ф. Самаркандъ.
 Петровъ-Борзна, Д. О. Самаркандъ.
 Петровъ, Н. И., проф. духовной академіи. Кіевъ.
 Петровъ, П. Н., дѣйств. членъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Петербургъ.
 Петровскій, М. П., проф. унив. Казань.
 Печенкинъ, И. А. Казань.
 Пифіевъ, В. А. Казань.
 Поздневъ, П. А., Казань.
 Поливановъ, А. П. Нижній-Новгородъ.
 Поливановъ, В. Н. Симбирскъ.
 Помяловскій, И. В., проф. унив. С.-Петербургъ.
 Попомаревъ, П. А. Казань.
 Поповскій, Б. Ю., членъ Вѣнскаго антропологическаго общества. Винница.
 Поповъ, В. А. Казань.
 Поповъ, Н. А., проф. унив. Москва.
 Порфирьевъ, И. Я., проф.; депутатъ отъ Казанской духовной академіи. *Секретарь Отд. памятниковъ языка и письма.* Казань.
 Потебня, А. А., проф. унив. Харьковъ.
 Праксинъ, В. А. Казань.
 Праховъ, М. В., проф. унив. Дрептъ.
 Прозоровскій, Д. И., членъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Петербургъ.
 Прохоровъ, В. А., членъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Петербургъ.
 Радловъ, В. В., членъ Пѣмецкаго восточнаго общества въ Лейпцигѣ. Казань.
 Разумовскій, Д. В., протоіерей; депутатъ Общества древне-русскаго искусства. Москва.
 Разумовъ, Н. В. Казань.
 Рамбо, Альфредъ, проф. словеснаго факультета; депутатъ отъ Французскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія Нанси.
 Рейнгадтъ, Н. В. Казань.
 Рейпфельдъ, О. И. Казань.
 Рогге, В. П. Житомиръ.
 Розенъ, баронъ В. Р., проф. унив. С.-Петербургъ.
 Романовичъ-Славатинскій, А. В., проф.; депутатъ отъ университета св. Владимира. Кіевъ.
 Романовъ, А. К. Казань.
 Рубцовъ, М. И. Астрахань.
 Руликовскій, Э. О. Кіевская губ.
 Румянцевъ, В. Е., членъ Московскаго археологическаго общества. Москва.
 Рындовскій, А. О. Ланшевъ.
 Рябинскій, К. С. Казань.
 Савваитовъ, П. И., депутатъ отъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Петербургъ.
 Савельевъ, В. К., членъ Императорскаго русскаго археологическаго общества и членъ-корреспондентъ Московскаго археологическаго общества. *Казначей Съезда.* Казань.
 Самоквасовъ, Д. Я., проф.; депутатъ отъ Варшавскаго университета. Варшава.
 Сатурновъ, А. Н. Уральскъ.
 Свирѣлинъ, А. И., священникъ; членъ-корреспондентъ Московскаго археологическаго общества. Перяславль-Залѣскій.
 Свислоцкій, П. И. Казань.
 Семевскій, М. И., редакторъ-издатель журнала: „Русская Старина“. С.-Петербургъ.
 Сергіевичъ, В. И., проф. унив. С.-Петербургъ.
 Сергій, архимандритъ. Казань.
 Сергѣевъ, Н. Д. Астрахань.
 Сергѣевъ, Астрахань.
 Синцовъ, И. О. Казань.
 Скарятина, А. Н. Казань.
 Скарятина, П. И. Казань.
 Славянской, К. О., проф. унив. Казань.
 Словесный факультетъ въ Нанси.
 Смирновъ, А. И., доцентъ унив. Казань.
 Смирновъ, В. Д., доцентъ; депутатъ отъ

- С.-Петербургскаго университета. С.-Петербургъ.
- Смоленскій, С. В. Казань.
- Снегирева, А. В. Казань.
- Снегиревъ, В. А., проф. Казанской дух. академіи; депутатъ отъ Казанскаго общества естествоиспытателей. Казань.
- Снегиревъ, И. А. Казань.
- Снегиревъ, Н. Л. Казань.
- Соколовскій, И. В. Казань.
- Соколовъ, А. И., депутатъ отъ Саратовскаго статистическаго комитета. Саратовъ.
- Соколовъ, К. В. Казань.
- Соловьева, В. А. Казань.
- Соловьевъ, Е. Т., депутатъ отъ Казанскаго статистическаго комитета. Мамадышъ.
- Сорокинъ, В. И. Казань.
- Сорокинъ, П. В., проф. унив. Казань.
- Сребницкій, И. А. Нѣжинъ.
- Срезневскій, Б. И. С.-Петербургъ.
- Срезневскій, П. И., академикъ и профессоръ; депутатъ отъ Императорской Академіи Наукъ и С.-Петербургскаго университета. *Предсѣдатель Отд. памятниковъ языка и письма.* С.-Петербургъ.
- Станиславскій, А. Г., проф. унив. Казань.
- Стебловъ, П. П. Нижній-Новгородъ.
- Стешовъ, С. А. Казань.
- Стройкова, А. Е. Казань.
- Струзеръ, М. Н. Казань.
- Струковъ, Д. М., членъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. Москва.
- Талызинъ, С. А., предсѣдатель Общества любителей Кавказской археологіи. Тифлисъ.
- Теплоуховъ, А. Е. Пермская губ.
- Тереницъ, С. Н. Казань.
- Терновскій, С. А., проф. духовной академіи. Казань.
- Терновскій, Ф. А., проф.; депутатъ отъ Кіевской духовной академіи и Церковнаго археологическаго общества. Кіевъ.
- Теселкинъ, С. Н. Симбирскъ.
- Тетюшиновъ, Г. В. Астрахань.
- Тимаевъ, Е. М. С.-Петербургъ.
- Тимофеевъ, В. Т., священникъ. Казань.
- Тихменевъ, П. В. С.-Петербургъ.
- Тихоміровъ, А. А., депутатъ отъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Москва.
- Тихонъ, епископъ Саратовскій. Саратовъ.
- Толмачевъ, Н. А., доцентъ Казанскаго университета; депутатъ отъ того же университета и отъ Казанскаго общества естествоиспытателей. Казань.
- Толстой, графъ М. В., депутатъ отъ Московскаго археологическаго общества и Императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ. *Предсѣдатель Отд. памятниковъ искусствъ и художествъ.* Москва.
- Троицкій, Н. И. Кострома.
- Трубиновъ, Н. П. Вятка.
- Уварова, графиня П. С. Москва.
- Уваровъ, графъ А. С. *Предсѣдатель Съѣзда и Отд. древностей первобытныхъ.* Москва.
- Фастрицкій, Н. Г. Казань.
- Фортинскій, О. Я., проф. унив. св. Владимира. Кіевъ.
- Францкевичъ, Б. И. Пермь.
- Фрезе, А. У., проф. унив. Казань.
- Хатисовъ, Г. С. Тифлисъ.
- Херувимовъ, А. П. Казань.
- Херувимовъ, К. П. Уфа.
- Хитрово, К. Н. Казань.
- Хованскій, А. А., редакторъ-издатель „Филологическихъ Записокъ“. Воронежъ.
- Хойнацкій, А. О., священникъ; профессоръ историко-филологическаго института Князя Безбородко. Нѣжинъ.
- Хомяковъ, М. А., доцентъ унив. Казань.
- Хоткевичъ, В. Д. Казань.
- Хохряковъ, В. Х. Пенза.
- Христофоровъ, П. Я. Симбирскъ.
- Хрущовъ-Сокольниковъ, А. Г. Кіевъ.

Четыркинъ, И. Д. Рославль.	Шнегасъ, В. А. Казань.
Шапинъ, А. С. Пермь.	Шпилевская, А. Н. Казань.
Шембера, д-ръ А. А., проф.; членъ Московскаго археологическаго общества. Вѣна.	Шпилевскій, С. М., проф.; депутатъ отъ Казанскаго университета. <i>Предсѣдатель Отд. домашняго и общественнаго быта.</i> Казань.
Шепшина, Е. П. Казань.	Штукенбергъ, А. А., проф. унив.; депутатъ отъ Казанскаго общества естествоиспытателей. Казань.
Шеппингъ, баронъ Д. О., дѣйствит. членъ Московскаго археолог. общества. С.-Петербургъ.	Щепетильниковъ, В. А. Пермь.
Шестакова, А. Я. Казань.	Щербаковъ, А. Я., проф. унив. Казань.
Шестаковъ, П. Д., почетный членъ (см. выше).	Эккерманъ, В. Х. Казань.
Шеферъ, Шарль, членъ Французскаго Института. Парижъ.	Юшковъ, Н. О. Казань.
Шимановская, А. В. Казань.	Яковлевъ, И. Я. Симбирскъ.
Шимановскій, М. В. Казань.	Өирсовъ, Н. А., проф.; депутатъ отъ Казанскаго университета. Казань. (*)
Ширшовъ, Т. М. Казань.	

ЛИЦА, УЧАСТВОВАВШІЯ СВОИМИ ТРУДАМИ ВЪ ЗАНЯТІЯХЪ СЪѢЗДА.

Алабинъ, П. В. Самара.	Мартиновъ, Н.
Амфилохій, архимандритъ, (былъ назначенъ депутатомъ отъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія). Москва.	Микуцкій, С. В. Варшава.
Владиміровъ, П. В. Казань.	Муравьевъ, И.
Гавриловъ, Б. Мамадышъ.	Некрасовъ, И. С. профессоръ Новороссійскаго университета. Одесса.
Герасимовъ, майоръ. Туркест. обл.	Петровъ, священникъ. Царевококшайскъ.
Зиновьевъ. Туркест. обл.	Регель, д-ръ. Туркестанская область.
Казариновъ. Чистополь.	Рязановъ, майоръ. Туркест. область.
Каменскій, Н. С., священникъ. Казань.	Савельевъ, А. Петербургъ.
Костровъ, князь Н. А. Томскъ.	Соловьевъ, Н. Вятка.
Куташевъ, полковникъ. Туркест. обл.	Софійскій, И. Казань.
Ларіоновъ, капитанъ. Туркестанская обл.	Терептьевъ, Туркестанская область.
Лисовскій, А. Туркест. обл.	Терпиловскій. Смоленскъ.
Леонидъ (Кавелинъ), архимандритъ; на-мѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.	Хитровъ, А. Г. Ирбитъ.
Сергіевъ Посадъ.	Хлѣбниковъ. Мамадышъ.
Маевъ. Туркестанская область.	Хронусовъ. Свіяжскъ.
	Черниковъ-Анучинъ. А. Н. Москва.

(*) Всего, на основ. § 4 правилъ, 340 членовъ.

V.

ОТКРЫТІЕ СЪѢЗДА.

Съѣздъ открытъ 31 іюля въ 1 ч. дня, въ актовомъ залѣ Университета, Графомъ А. С. Уваровымъ.—Графъ Уваровъ обратился къ членамъ Съѣзда и къ публикѣ съ слѣдующею рѣчью:

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Скоро исполнится десятилѣтіе со дня открытія перваго Археологическаго Съѣзда въ Россіи. Съ тѣхъ поръ характеръ археологическихъ съѣздовъ ярко обозначился. Сперва конечно обращено было вниманіе на вопросы общіе, на тѣ въ особенности, которые составляютъ жизненную потребность для развитія археологической науки. Между ними, безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимаетъ вопросъ о сохраненіи памятниковъ. Два первые съѣзда занялись обработкою этого вопроса и въ прошлую зиму, по волѣ Государя Императора, состоялась коммиссія, которая окончательно изложила правила, необходимыя для охраны нашихъ отечественныхъ памятниковъ отъ порчи и разрушенія.

Но главную сторону характера археологическихъ съѣздовъ составляютъ вопросы мѣстные. Они-то въ особенности доставляютъ Археологіи драгоцѣнный матеріалъ, который можетъ пополнить пробѣлы въ нашихъ лѣтописяхъ и служить для разъясненія исторіи нашего государства и общественнаго быта. Послѣ Москвы, С.-Петербурга и Кіева, взоры всѣхъ ученыхъ естественно должны были обратиться на Казань, какъ на преддверіе Востока. коего судьбы издавна связаны съ нашею отечественною исторіею. Прослѣдить эту связь можно не только во времена почти первобытныя, но и теперь еще эта связь не прервана. Одно только можно замѣтить, что взаимныя отношенія измѣнились: въ старину Востокъ вліялъ на древнюю Русь, а теперь Россія распространяетъ просвѣщенное вліяніе на дальнія страны Востока. Отъ того, собравшись въ Казани, Археологическій Съѣздъ надѣется, при несомнѣнномъ участіи мѣстныхъ ученыхъ, открыть неизвѣстныя еще для Археологіи памятники жизни древнихъ поволжскихъ народовъ и тѣмъ обогатить русскую науку древностей.

Сегодня вечеромъ начнется разрѣшеніе разныхъ ученыхъ вопросовъ о Востокѣ и въ тѣ же дни, когда мы будемъ здѣсь обсуждать эти вопросы, иной вопросъ о Востокѣ будетъ разрѣшаться на Балканахъ, на низовьяхъ Дуная, въ верховьяхъ Евфрата. Мы здѣсь

—разрѣшеніемъ научныхъ вопросовъ внесемъ новый свѣтъ въ исторію Востока,—тамъ наши братья будутъ разрѣшать инымъ орудіемъ вѣковой восточный вопросъ, чтобы внести въ среду единоплеменныхъ намъ народовъ свободу и образованность.

Объявляю Четвертый Археологическій Съѣздъ открытымъ.

Затѣмъ, П. Д. Шестаковъ сказалъ слѣдующее:

Мм. Гг., гг. члены Высочайше разрѣшеннаго IV Археологическаго Съѣзда! Въ послѣдній разъ Вы собирались въ исконномъ русскомъ городѣ, на берегахъ историческаго Днѣпра, въ водахъ котораго крестились Кіевляне. Нынѣ Вы тоже на чисто-археологической почвѣ, на берегахъ самой большой водной артеріи Русскаго Царства, которую чужеземные лѣтописцы прозывали русскою рѣкою и имя которой чисто славянское, означающее воду (волога, влага), какъ бы воду по преимуществу; среднее и нижнее теченіе этой русской рѣки видѣли въ продолженіе двухъ вѣковъ полное развитіе и господство ислама. На третьемъ Съѣздѣ Вы были въ колыбели Россіи, тамъ окружали Васъ древнерусскія святини, все тамъ дышало родною намъ стариною. Здѣсь—Вы въ предѣлахъ нѣкогда знаменитой Болгаріи, Вы окружены инородческими племенами, вѣроятно входившими въ составъ Болгарскаго царства; Вы—въ стѣнахъ Казани, заступившей мѣсто Иски-Казань, старой Казани, замѣнившей въ свою очередь славную когда то столицу Болгарь. Развалины „онаго царственнаго Болгарскаго мусульманскаго городища“ недалеко, и осмотръ ихъ будетъ предметомъ одной изъ нашихъ экскурсій. Какія племена составляли Болгарское царство, какое племя было царственнымъ, господствующимъ въ древнюю до-мусульманскую пору, отъ чего происходитъ и что значить имя Болгарь?—все это открытые вопросы, и только нѣкоторыя курганныя и могильныя находки даютъ основаніе полагать, что древніе жители Великой Булгаріи пережили и оба періода каменнаго вѣка, и вѣкъ бронзовый. Еще неизданныя древнія арабскія рукописи, какъ сообщаетъ мнѣ изъ Мамадыша Д. В. Хлѣбниковъ, говорятъ о какихъ-то народахъ Юнань-Шульганахъ и Юнань-Касурахъ, жившихъ будто бы въ пещерахъ Казанской, смежныхъ съ нею губерній и Уральскихъ горъ и ѣздившихъ на лошадахъ кудравой породы. Если сообщеніе этихъ рукописей вѣрно, то оно привело бы къ тремъ весьма важнымъ заключеніямъ: 1) что пещеры Казанской и смежныхъ губерній, вопреки укоренившемуся убѣжденію, были обитаемы; 2) что Юнань-Шульганы и Юнань-Касуры жили, если не въ каменномъ, то въ бронзовомъ вѣкѣ; и 3) что пещерный человѣкъ уже сумѣлъ приручить лошадей и употреблялъ ихъ не только для ѣды, но и для ѣзды. Не могу при этомъ не припомнить замѣчанія извѣстнаго собирателя болгарскихъ древностей о томъ, что бронзовыя древности Великой Болгаріи напоминаютъ отчасти подобные предметы изъ свайныхъ построекъ. Не хранятъ ли пещеры Казанской, Пермской и друг. губерній доказательствъ для подтвержденія сообщенія лѣтописей? Не хранитъ ли полный глубочайшихъ тайнъ и интереса Аваньинскій (быть можетъ правильнѣе Юнанскій) могильникъ остатковъ этихъ пещерныхъ народовъ? Не на языкѣ ли Юнань-Касуровъ означало рыбу окуня, по татарски Алабуга, слово Сюддумъ, какъ по юнански называется, по словамъ Шерефъ-Эддина, древній городъ, на мѣстѣ котораго нынѣ

стоитъ въ 1½ верстѣ отъ Елабуги Чертово Городище, изобилующее такъ называемыми чертовыми пальцами? Не этимъ ли Юнапамъ принадлежала въ Болгарахъ такъ называемая Греческая палата, которая могла быть названа Арабами греческою, такъ какъ они Грековъ называли Юнамами? Можетъ быть, основательное разслѣдованіе пещеръ здѣшняго края и Ананьинскаго или Юнанскаго могильника, болѣе глубокиа раскопки развалинъ древнихъ болгарскихъ городовъ, доставятъ какія либо данныя къ рѣшенію вопроса о до-мусульманской эпохѣ Болгарскаго царства. Вообще разгадка вопроса о народности древнихъ Болгаръ таится гдѣ либо въ глубокихъ тайникахъ земли, подъ мухаммеданскими постройками и курганами. Можетъ быть, думается мнѣ, можно придти къ болѣе вѣроятнымъ выводамъ по этому вопросу изъ преданій, повѣрій, сказокъ, пословицъ, загадокъ инородческихъ племенъ, здѣсь обитающихъ. Въ настоящее время здѣсь свѣжи лишь преданія о мусульманской эпохѣ: арабскія и татарскія лѣтописи полны преувеличенныхъ сказаній о главныхъ насадителяхъ ислама въ этой странѣ, которую, по словамъ ихъ, просвѣтили мусульманствомъ ученики Мухаммеда, посланные самимъ пророкомъ. Понятно, что эти полныя анахронизмовъ сказанія грѣшатъ противъ истины и исторіи и придуманы для того, чтобы укрѣпить Татаръ въ вѣрѣ пророка, чтобы возвысить въ глазахъ ихъ первыхъ проповѣдниковъ ислама.

Кромѣ сказаній арабскихъ и татарскихъ лѣтописцевъ, этотъ край богатъ и живыми урочищами и памятниками, краснорѣчиво говорящими о временахъ былыхъ. Развалины древнихъ городовъ, могильники, курганы, надписи и монеты представляютъ для читателя древностей глубокой интересъ. Къ сожалѣнію, многіе драгоценныя древніе памятники исчезли или исчезаютъ съ лица земли. Гдѣ Маджаръ, Игиль, Увѣкъ, Ошель, Бюларъ? Курганы и могильники разрыты безслѣдно для науки невѣжественною, торопливою рукою кладонскателей, бугровщиковъ, и древніа сокровища, въ нихъ найденныя, погибли безвозвратно. Впрочемъ не у насъ однихъ такъ бесплодно пропадали древности, дорогія для науки: тоже было и въ другихъ европейскихъ странахъ. Археологія—наука новая; систематическое собираніе древностей появилось въ Европѣ только сорокъ лѣтъ тому назадъ, а ученое разслѣдованіе ихъ началось съ небольшимъ двадцать лѣтъ.

Начало русской археологіи положено Вами, Мм. Гг., при высококомъ покровительствѣ Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго археологическаго общества, который всегда готовъ горячо откликнуться на голосъ науки. Вамъ, нашему уважаемому предсѣдателю Съѣзда, достойно посвящену дорогое для русскаго просвѣщенія имя и такъ много и энергично трудящемуся на широкомъ полѣ изслѣдованія первобытныхъ древностей, обязаны мы тѣмъ, что на сохраненіе, собираніе и разслѣдованіе древностей обращено серьезное научное вниманіе. Честь и слава Вамъ! Въ качествѣ предсѣдателя Казанскаго Предварительнаго Комитета, отъ лица членовъ комитета и всѣхъ лицъ, сочувствующихъ изученію старины, съ глубокимъ уваженіемъ и сердечною радостью привѣтствую я собравшихся въ предѣлахъ древней Великой Болгаріи представителей археологической науки. Да оставитъ IV Археологическій Съѣздъ вѣрные, неизгладимые слѣды на этой археологической почвѣ, да возродится и созрѣетъ и здѣсь любовь къ археологическимъ занятіямъ возбуж-

денная Вашими почтеными трудами, Вашею любовію въ старинѣ, Вашимъ стремленіемъ къ основательному изслѣдованію памятниковъ древности. Да внесетъ и этотъ Съѣздъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу науки во славу нашему возлюбленному Государю, Который столько лѣтъ ведетъ Россію впередъ по пути свѣта, мира и свободы, а нынѣ тотъ же свѣтъ, миръ и свободу несутъ Его царственныя знамена въ среду нашихъ угнетенныхъ братьевъ по крови и духу, имя которыхъ напоминаетъ намъ нашу древнюю Болгарію, откуда по преданію и вышли они подъ предводительствомъ Аспаруха!

Секретарь Съѣзда, Д. А. К о р с а к о в ъ, прочелъ отчетъ о дѣйствіяхъ Предварительнаго Комитета Съѣзда слѣдующаго содержанія:

Подробное изложеніе трудовъ Предварительнаго Комитета Вы найдете, Мм. Гг., въ печатныхъ извлеченіяхъ изъ его протоколовъ, которыя имѣю честь предложить Вашему благосклонному вниманію. Я считаю своею обязанностью представить Вамъ лишь краткій отчетъ о результатахъ дѣятельности Комитета по организаціи IV Археологическаго Съѣзда.

Предварительный Комитетъ IV Археологическаго Съѣзда былъ открытъ, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Его Сіятельствомъ графомъ А. С. Уваровымъ въ С.-Петербургѣ 27 августа прошлаго 1876 года. Въ этомъ же первомъ засѣданіи начертана программа дѣятельности Комитета и выбранъ единогласно предсѣдателемъ Комитета въ Казани г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа П. Д. Шестаковъ, изъ особаго уваженія къ ученымъ трудамъ его. Послѣднее засѣданіе Комитета происходило въ Казани 1 іюля 1877 г. Всего Предварительный Комитетъ имѣлъ 12 засѣданій, 2 въ С.-Петербургѣ и 10 въ Казани, и одно дополнительное засѣданіе въ Москвѣ, 22 декабря 1876 г., въ помѣщеніи Московскаго археологическаго общества. Образованныя при Комитетѣ Комиссіи—по организаціи выставки и распорядительная—засѣдали: первая пять разъ подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Н. Булича и Н. А. Фирсова, а вторая одинъ разъ подъ предсѣдательствомъ Казанскаго городского головы, проф. Е. П. Янишевскаго.

Казанскій Предварительный Комитетъ прежде всего озаботился принятіемъ мѣръ къ успѣшному исполненію ученыхъ работъ для Съѣзда, о которыхъ было заявлено въ двухъ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета въ С.-Петербургѣ. Хотя многія изъ этихъ работъ не могли быть вполне окончены къ Съѣзду, но Комитетъ считаетъ пріятною для себя обязанностью заявить Вамъ, Мм. Гг., что по всѣмъ ученымъ работамъ, намѣченнымъ въ петербургскихъ засѣданіяхъ Комитета, имъ приняты мѣры. Трудъ проф. С. М. Шпилевскаго „Древніе города и другіе Българско-Татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, посвященный IV Археологическому Съѣзду, въ значительной степени отвѣчаетъ многимъ желаніямъ, выраженнымъ въ петербургскихъ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета. Въ этомъ трудѣ Вы найдете, Мм. Гг., между прочимъ, объясненіе причины, почему не могла быть изготовлена къ Съѣзду археологическая карта Казанской губерніи. Причина эта заключается въ недостаткѣ точныхъ и вполне достовѣрныхъ матеріаловъ для карты. Тѣмъ не менѣ Предварительный Комитетъ счелъ возможнымъ представить, хотя не совсемъ удовлетворительный, опытъ археологической карты Казанской губерніи, составленной Е. Т. Соловьевымъ. Объ-

ясненія ошибокъ и неточностей этой карты находятся въ запискѣ И. А. Износкова. Въ книгѣ проф. Шпилевскаго Вы найдете также весьма обстоятельный сводъ извѣстій мусульманскихъ писателей о Болгарскомъ Царствѣ и обзоръ археологическихъ памятниковъ и изслѣдованій въ Казанской губерніи, а также отвѣты на *одиннадцать* вопросовъ и запросовъ программы Съѣзда.—*Этнографическая карта* Казанской губерніи составлена И. А. Износковымъ при помощи Н. И. Золотницкаго. Нѣсколько древнихъ мусульманскихъ надписей представляются Вашему вниманію, частію въ подлинникахъ (на могильныхъ камняхъ), частію въ снимкахъ. Обзоръ достопримѣчательностей г. Казани, составленный проф. Шпилевскимъ для IV Съѣзда Естествоиспытателей, бывшаго въ Казани въ 1873 году, вновь просмотрѣнъ и дополненъ авторомъ и начинается печатаніемъ съ 1 № „Извѣстій о занятіяхъ IV Археологическаго Съѣзда“.

Полная библіографія извѣстій о Казани и Казанскомъ краѣ и указатель къ Казанскимъ періодическимъ изданіямъ къ сожалѣнію не могли быть окончены къ Съѣзду по весьма серьезной болѣзни проф. Н. Н. Булича, ревностно принявшагося за обѣ эти работы. Къ первой изъ нихъ у него давно былъ подготовленъ матеріалъ, матеріалъ же для второй былъ собранъ Е. Т. Соловьевымъ и принесенъ имъ въ даръ IV Археологическому Съѣзду. Въ настоящее время г. Буличъ находится для излѣченія болѣзни за границей и лишень пріятной для него возможности принять участіе въ ученыхъ трудахъ Съѣзда.

По всѣмъ запросамъ программы Съѣзда Комитетъ своевременно отнесся къ ученымъ спеціалистамъ, а также къ лицамъ и учрежденіямъ, которыя имѣли возможность оказать ему въ этомъ случаѣ содѣйствіе. Считаю пріятнымъ и необходимымъ для себя долгомъ обратить вниманіе гг. членовъ Съѣзда на просвѣщенное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ епархіальныхъ преосвященныхъ Казанской и сосѣднихъ съ нею епархій и статистическихъ комитетовъ тѣхъ же губерній. По приведенію въ извѣстность архивовъ, заключающихъ въ себѣ источники для исторіи Казанскаго края, Комитетъ встрѣтилъ предупредительное и просвѣщенное содѣйствіе со стороны всѣхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался съ этою цѣлію. Въ особенности же содѣйствіе было оказано со стороны Казанскаго губернскаго предводителя дворянства, А. Г. Осокина, г. председателя Казанскаго Окружнаго суда Л. І. Грасса, командированнаго Г. Министромъ Юстиціи для учрежденія архивовъ при Казанскомъ Окружномъ судѣ Н. В. Тихменева и симбирскаго помѣщика князя Баяшева. Гг. членамъ Съѣзда будетъ представленъ объ архивахъ Казанской губерніи особый докладъ, въ которомъ будетъ подробно оцѣнена просвѣщенная услуга каждаго изъ названныхъ лицъ.

Городъ Казань, которому во второй разъ выпадаетъ высокая честь быть мѣстомъ собранія ученаго конгресса, выказалъ Археологическому Съѣзду вполне просвѣщенное сочувствіе. Выразителями этого сочувствія явились: два высшихъ учебныхъ учрежденія, въ кругъ занятій которыхъ входитъ изученіе древностей—Университетъ и Духовная Академія, Казанская періодическая пресса, Казанское городское управленіе, приходныя общества и частныя лица. Совѣтъ Императорскаго Казанскаго университета, кромѣ нѣкотораго денежнаго пожертвованія, предоставилъ въ распоряженіе Съѣзда свои залы и аудиторіи съ

безвозмезднымъ газовымъ освѣщеніемъ при вечернихъ засѣданіяхъ и разрѣшилъ печатать на счетъ университета протоколы Предварительнаго Комитета, программы, бланки и объявленія для Съѣзда. Казанская духовная академія представила на выставку при Съѣздѣ самыя замѣчательныя изъ рукописей Соловецкой бібліотеки, принадлежащей въ настоящее время академіи, и издала къ Съѣзду „Извлеченія изъ Казанской Писцовой книги 1566—1568 годовъ“. Редакторъ „Казанскаго Биржеваго Листка“ профессоръ Чугуновъ перепечаталъ бесплатно правила и программу Съѣзда и бесплатно же напечаталъ объявленія о Съѣздѣ. Также бесплатно помѣщались объявленія о Съѣздѣ въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Казанское городское управленіе пожертвовало на расходы Съѣзда изъ своихъ суммъ 2000 р.; 10 содержателей гостинницъ понизили для пріѣзжихъ гг. членовъ Съѣзда плату за номера на 20, 30 и нѣкоторыя даже на 50%. Вѣльское пароходство прислало для членовъ Съѣзда 5 даровыхъ билетовъ и 5 со скидкой 50%, пароходство братьевъ Каменскихъ понизило свой тарифъ на 50%, пароходовладѣльцы—потомственный почетный гражданинъ И. Н. Журавлевъ и купецъ Дубровинъ—предоставляютъ для ученыхъ экскурсій свои пароходы, первый съ платой только за топливо, второй совершенно безвозмездно. Казанское Благородное Собраніе и Соединенный клубъ предоставили членамъ Съѣзда даровой входъ. Таково участіе г. Казани. Но IV Археологическому Съѣзду выпала счастливая доля вызвать ученое и матеріальное сочувствіе къ своимъ задачамъ и внѣ Казани—въ остальныхъ областяхъ земли Русской и за границей—во Франціи.

Ученое сочувствіе выразилось въ дѣятельности членовъ-корреспондентовъ Съѣзда и другихъ ученыхъ спеціалистовъ и высшихъ ученыхъ и учебныхъ учреждений Россіи. Какъ члены-корреспонденты, такъ и другіе ученые спеціалисты распространяли свѣдѣнія о IV Съѣздѣ путемъ печати и доставляли въ Предварительный Комитетъ свои ученые труды и предметы для выставки. Я позволю себѣ обратить вниманіе Съѣзда на дѣятельность чл. корреспондента въ Нанси проф. Альфреда Рамбо, столь извѣстнаго своими трудами, посвященными изученію Россіи. Проф. Рамбо напечаталъ въ *Revue politique* 1877 года изложеніе программы нашего Съѣзда, популяризованное для большинства французской публики.

Высшія ученые и учебныя учрежденія почти всѣ почтили IV Археологическій Съѣздъ своимъ ученымъ участіемъ назначеніемъ депутатовъ. Всего ко дню открытія Съѣзда были назначены 51 депутатъ. Многія изъ высшихъ ученыхъ и учебныхъ учреждений, также и изъ отдѣльныхъ лицъ, благоволили принести въ даръ IV Археологическому Съѣзду свои изданія, которыя Вы увидите, мм. гг., въ первой залѣ Выставки.

Матеріальное содѣйствіе IV Археологическому Съѣзду оказали: русская періодическая пресса и желѣзно-дорожныя общества. Столичныя и провинціальныя газеты, столичные журналы и губернскія вѣдомости—напечатали безвозмездно объявленія о Съѣздѣ и съ значительной уступкой объявленія о пониженіи тарифа для гг. членовъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ. Желѣзно-дорожныя общества понизили для гг. членовъ тарифъ на 30 и 50%, а одна дорога дала даровые билеты 1 и 2 кл. Весьма немногія желѣзно-дорожныя общества отвѣчали отказами, а изъ пароходныхъ обществъ отказало въ уступ-

къ одно лишь общество „Самолетъ“. Подробное перечисленіе всѣхъ желѣзно-дорожныхъ и паровыхъ обществъ находится въ печатныхъ „Протоколахъ Предварительнаго Комитета“.

При Археологическомъ Съѣздѣ организована Выставка. Изъ печатнаго ея указателя Вы познакомитесь, мм. гг., подробно, и съ ея составомъ, и съ тѣми учрежденіями и лицами, которыя явились экспонентами на ней. Въ настоящее же время я позволю себѣ только кратко указать на ея планъ. Выставка помѣщается въ четырехъ залахъ. Палеонтологическій музей служитъ естественнымъ такъ сказать введеніемъ къ выставкѣ *первобытныхъ древностей*, размѣщенныхъ въ 1-й залѣ. Въ этой же залѣ помѣщены нѣкоторые предметы выставки антропологической и вещественныя древности историческаго періода, а также старинныя карты и планы; 2-я зала заключаетъ въ себѣ *памятники языка и письма*; 3-я—монеты и древности восточныя; 4-я зала—предметы современныхъ намъ этнографіи и быта, преимущественно нашего поволжскаго края. Коллекція раскольническихъ вещей, находящаяся въ этомъ отдѣлѣ, представляетъ археологу нѣкоторыя данныя при изученіи старины, которая какъ извѣстно благочестиво сохраняется въ расколѣ. Такимъ же компаніемъ при изученіи вѣковъ давно минувшихъ является бытъ нашихъ инородцевъ.

Такимъ образомъ Выставка при IV Археологическомъ Съѣздѣ служитъ нагляднымъ уясненіемъ той неразрывной связи, которая существуетъ между *прошлымъ* и *настоящимъ*, между *древностью* и *современностью*.

Съѣздъ въ своихъ ученыхъ трудахъ, кромѣ публичнаго обсужденія научныхъ сообщений, предполагаетъ произвести осмотръ древностей въ самомъ городѣ Казани и двѣ экскурсіи: въ развалины древняго города Булгара и въ Свѣяжскъ. О дняхъ осмотра и экскурсіи будетъ своевременно объявлено въ „Извѣстіяхъ о занятіяхъ IV Археологическаго Съѣзда“, въ которыхъ будутъ помѣщаться какъ краткіе отчеты о засѣданіяхъ, такъ и всѣ вообще свѣдѣнія касательно Съѣзда. 1-й № Извѣстій будетъ сегодня предложенъ Вашему благосклонному вниманію.

Въ заключеніе засѣданія сказали нѣсколько прочувствованныхъ словъ Казанскій городской голова профессоръ Е. П. Янишевскій и академикъ И. И. Срезневскій. Г. Янишевскій привѣтствовалъ отъ лица города Казани прибывшихъ депутатовъ и членовъ Съѣзда, а г. Срезневскій указалъ на общественное значеніе археологической науки и на необходимость общенія научныхъ силъ духовныхъ и свѣтскихъ дѣятелей на пользу истиннаго просвѣщенія родной земли. Степень распространенія въ обществѣ любви къ родной старинѣ, по мнѣнію г. Срезневскаго, есть лучшее мѣрило общественнаго развитія. Дѣятельное и просвѣщенное участіе въ Археологическомъ Съѣздѣ города Казани и духовной академіи, сослужившей почтенную службу Русскому сѣверовостоку, является неоспоримымъ доказательствомъ, что Казань вполне просвѣщенно поняла обѣ задачи: любовь къ родной старинѣ и солидарность научныхъ силъ духовныхъ и свѣтскихъ дѣятелей въ дѣлѣ просвѣщенія.

VI.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СЪѢЗДА.

Первое засѣданіе, 31 іюля вечеромъ, по отдѣленію исторической географіи и этнографіи (подъ предѣдательствомъ К. Н. Бестужева-Рюмина).

П. Д. Шестаковъ прочелъ рефератъ: „Напоминаніе о древнемъ городѣ Маджарѣ“. На этотъ рефератъ В. Д. Смирновъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

1) Изъ сопоставленія данныхъ, сообщаемыхъ путешественникомъ Рубруквисомъ о Комапахъ съ тѣми, какія находятся у Гмелина о Маджарахъ, по поводу существованія могильныхъ насыпей у тѣхъ и другихъ, повидимому можно сдѣлать заключеніе, что оба эти народа отождествляются въ рефератѣ П. Д. Шестакова. Отсюда слѣдуетъ, что Маджары были тюркскаго происхожденія, какъ это признано теперь наукою относительно Комановъ.

2) Названіе *Вафа*, усвоенное рѣкѣ Дону арабскимъ писателемъ Шукр-улла, по мнѣнію г. Смирнова, должно быть тождественно съ зырянскимъ *ва* = вода, встрѣчающимся въ названіяхъ рѣкъ *Юсва*, *Сылва*, *Пытва*, и т. п. Поэтому вышеприведенное названіе рѣки Дона, по всей вѣроятности, дано Финнами.

П. Д. Шестаковъ, отрицая приписанное ему отождествленіе Комановъ съ Маджарами, утверждалъ, что онъ говорилъ о каждомъ изъ этихъ племенъ въ отдѣльности. Со вторымъ замѣчаніемъ референтъ согласился до известной степени. Онъ видѣлъ разницу въ своемъ словопроизводствѣ названія „Вафа“ съ словопроизводствомъ г. Смирнова лишь въ томъ, что г. Смирновъ употребляетъ *ва*-существительное = вода, а онъ г. Шестаковъ, прилагательное *ваа* = водяной.

Затѣмъ, по поводу реферата П. Д. Шестакова сдѣлано было слѣдующее замѣчаніе К. М. Гринвальдомъ: Маджары—особая вѣтвь Угорскаго народа, по его мнѣнію называли такъ себя сами, а не получили это названіе отъ другихъ.

Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ В. Д. Смирновъ заявилъ, что словопроизводство имени *Маджарз* отъ арабскаго *маджз* и турецкаго *арз* или *эрз* = мужъ, человѣкъ, принятое референтомъ, едва ли вѣрно, такъ какъ образованіе сложнаго слова изъ двухъ словъ, изъ которыхъ одно заимствовано изъ арабскаго, а другое изъ турецкаго—явленіе непримѣрное въ турецкомъ языкѣ.

XXXIII

2. К. Н. Бестужевъ - Рюминъ обратилъ вниманіе гг. членовъ Съѣзда на чертежи, виды и карты Болгарскаго городища и Казанской губерніи и ея городовъ, преимущественно XVIII в., хранящіеся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и доставленные на IV-й Археологическій Съѣздъ г. директоромъ названнаго Архива, барономъ Э. А. Бюлеромъ.

Рисунки и карты эти суть слѣдующіе:

А. Болгарскаго городища.

1) Карта Болгарскаго городища, составленная въ XVIII столѣтіи (Для сличенія съ этой картой приложенъ планъ Болгарскаго городища, взятый изъ Трудовъ I-го Археологическаго Съѣзда, изданныхъ Графомъ А. С. Уваровымъ).

2) Описаніе Болгарскаго городища подполковника Сывенкова и геодезиста Крапивина, составленное въ томъ же столѣтіи.

3) Объясненія назначенія зданій болгарскихъ развалинъ по мѣстнымъ преданіямъ, составленное ими-же.

4) Арабскія и армянскія надписи на болгарскихъ развалинахъ съ переводомъ на русскій языкъ; составлено ими-же.

5) Четыре листа рисунковъ прошлаго столѣтія, изображающихъ болгарскія развалины (Для сличенія съ ними приложены принадлежащіе Архиву рисунки развалинъ, сдѣланные Кафтанниковымъ, помѣщенные въ Иллюстраціи 1846 г. и фотолитографіи изъ книги А. Э. Риттиха „Казанская губернія“, К. 1870).

Б. Казанской губерніи.

1) Рукописная карта части Казанской губерніи, составленная въ XVIII в.

2) Генеральная карта (гравированная) Казанской губерніи 1779 г.

3) Планъ города Казани, подтвержденный въ 1767 г.

4—6) Виды городовъ: Казани, Свияжска и Чебоксарь (гравюры).

3. С. М. Шпилевскій прочелъ рефератъ: „О городѣ Булгарѣ“, представляющій извлеченіе изъ его монографіи: „Древніе города и другіе Булгарско-Татарскіе памятники въ Казанской губерніи“.

По прочтеніи С. М. Шпилевскимъ его реферата В. П. Масловъ заявилъ, что въ дополненіе къ нему онъ, въ качествѣ депутата отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, считаетъ нужнымъ присовокупить слѣдующее: Въ означенномъ Архивѣ накладываются свѣдѣнія, касающіяся Волжскихъ Болгаръ, а также снимки съ надгробныхъ надписей армянскихъ и арабскихъ въ г. Булгарѣ. Свѣдѣнія эти и снимки собраны въ XVIII вѣкѣ любителемъ археологіи А. В. Свѣчиннымъ, назначеннымъ при Екатеринѣ II для завѣдыванія лѣсами въ Казанской губерніи и занявшимся описаніемъ городовъ по пути его слѣдованія къ мѣсту служенія, отъ Владиміра до Самары. Всѣ эти

свѣдѣнія и снимки доставить Съѣзду Н. В. Калачевъ, что послужить любопытнымъ дополненіемъ къ сообщенію С. М. Шпилевскаго.

Графъ А. С. Уваровъ сказалъ слѣдующее: С. М. Шпилевскій выразилъ желаніе, чтобы въ Казани образовалось археолого-этнологическое общество. Искренно сочувствуя этой мысли, я желалъ бы доказать съ своей точки зрѣнія необходимость скорѣйшаго учрежденія такого общества. До сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ вопросъ о степени продолжительности періодовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго въ среднемъ Поволжьи. Вопросъ этотъ не разрѣшенъ до настоящаго времени, потому что почва Камской Болгаріи не можетъ быть названа дѣйственной почвой въ археологическомъ отношеніи. Почва эта много пострадала и отъ искателей кладовъ и отъ того, что въ теченіе многихъ вѣковъ была ареною важныхъ историческихъ событій. Вслѣдствіе этого опредѣленіе главныхъ періодовъ въ исторіи первобытныхъ древностей Волжской Болгаріи представляетъ величайшее затрудненіе. Опредѣлить напримѣръ сколько времени продолжался въ этой мѣстности бронзовый періодъ можно однимъ только путемъ—посредствомъ химическаго анализа состава бронзовыхъ вещей, находимыхъ въ Болгарахъ, чѣмъ до сихъ поръ никто еще не занимался. Главнѣйшей задачей Казанскаго археолого-этнологическаго общества и должно быть опредѣленіе и изученіе трехъ періодовъ первобытныхъ древностей средняго Поволжья: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго.

В. А. Прохоровъ замѣтилъ, что С. М. Шпилевскій въ числѣ находимыхъ въ курганахъ предметовъ упоминаетъ о саблѣ съ греческими надписями и изображеніемъ Божіей Матери „Неувядаемый Цвѣтъ“, по что референтъ не опредѣляетъ точно къ какому времени отпосится эта сабля. Г. Прохоровъ думаетъ, что ее пужно отнести къ XVII ст. Описывая видъ этой сабли, г. Шпилевскій указываетъ, что сабля была кривая, арабскойковки и съ греческими надписями. Г. Прохоровъ сомнѣвается въ возможности ея греческаго происхожденія, такъ какъ у Грековъ кривыхъ сабель не существовало, и предлагаетъ вопросъ: какинъ образомъ греческія сабли могли попасть къ Болгарамъ? С. М. Шпилевскій отвѣчалъ В. А. Прохорову, что онъ называетъ эту саблю греческою, по указанію А. О. Лихачева.

Н. И. Мельниковъ доложилъ рефератъ намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, архимандрита Леопида (Кавелина) „О посѣщеніи Болгарскихъ развалинъ Петромъ I и Екатериною II.“

Второе засѣданіе, 1 августа утромъ, по Отдѣленію первобытныхъ древностей (подъ предсѣдательствомъ А. О. Бычкова).

1. Графъ А. С. Уваровъ прочелъ свой рефератъ „О совмѣстной находкѣ костей мамонта съ каменными орудіями“.

Въ Муромскомъ уѣздѣ, у с. Карачарова, въ оврагѣ, графъ А. С. Уваровъ нашелъ, послѣ обвала берега, въ слоѣ желтой глины, (4 арш. толщиною), непосредственно лежа-

щей подъ черноземомъ, кости мамонта (бивни, зубы, бедра). Изъ нихъ одна кость была расколота вдоль и разчищена. При нихъ же найдено: шесть кремневыхъ ножей и скребки, а также ядрища (nucleus), въ которыхъ ножи приходились. Мамонтовы кости находились и въ сосѣднихъ оврагахъ, гдѣ были находимы также кости носорога. Вѣроятно нагорный берегъ Оки у Карачарова былъ мѣстомъ жилища мамонтовъ, Карачаровскій же оврагъ мѣстомъ, гдѣ первобытные люди убивали, дѣлили добычею и съѣдали мясо мамонта; доказательствомъ тому служитъ безпорядочное положеніе костей и присутствіе при нихъ исключительно только такихъ орудій, которыя употреблялись при ѣдѣ (ножи, скребки и ядрища отъ ихъ приготовленія). Жилища насельниковъ были вѣроятно на буграхъ, на низменномъ берегу Оки, гдѣ найдены, кромѣ вышеприведенныхъ орудій, палеолитическія и неолитическія орудія (стрѣлы, копья и т. д.) въ огромномъ количествѣ.

В. В. Р а д л о в ъ, указывая на то, что Остяки, Тунгусы и другіе бродячіе сибирскіе инородцы, питающіеся исключительно охотою, не могутъ имѣть постояннаго жилища, но останавливаются только тамъ, куда приводитъ ихъ охота или дѣлеть пищи, предполагалъ, что живущіе охотою люди каменнаго вѣка также не имѣли постоянныхъ жилищъ и вели такую же бродячую жизнь.

Графъ А. С. У в а р о в ъ указалъ, что въ разныхъ мѣстахъ найдены орудія съ различными назначеніями; на буграхъ—орудія охоты: копья, стрѣлы и т. д., а на мѣстѣ ѣды—только ножи и скребки.

В. В. Р а д л о в ъ предполагалъ, что стрѣлы были цѣпны и потому собирались жителями, между тѣмъ какъ ножи и скребки, какъ неимѣющіе цѣны, были брошены послѣ употребленія.

Графъ А. С. У в а р о в ъ замѣтилъ, что охотясь на мамонта, люди должны были имѣть множество стрѣлъ и при охотѣ потеря ихъ была неизбежна, тогда какъ въ данной мѣстности не найдено ни одного орудія. Поэтому онъ полагаетъ, что здѣсь только дѣлилась добыча и затѣмъ переносилась на мѣсто жительства.

2. Профессоръ А. Г. Б р и к н е р ъ сообщилъ „Объ открытіяхъ графа Сиверса въ Лифляндіи“, состоящихъ изъ: 1) свайныхъ построекъ, 2) фабрикъ кремневыхъ орудій, 3) кухонныхъ остатковъ, которые заключаютъ въ себѣ: раковины, кости млекопитающихъ и человѣческіе скелеты съ каменными неолитическими орудіями, 4) жертвеннаго холма, 5) корабельныхъ могилъ, сложенныхъ изъ камней, среди которыхъ найдены монеты Марка Аврелія и Канута. Затѣмъ онъ же прочелъ статью профессора Г р е в и н г а „О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ“.

Л. К. И в а н о в с к і й замѣтилъ, что мнѣніе г. Гревинга о вліяніи готскихъ обычаевъ на Эстовъ, Ливовъ и Финновъ преувеличено относительно территоріи, такъ какъ въ Ингерманландіи, онъ положительно знаетъ, корабельныхъ могилъ нѣтъ.

Графъ А. С. У в а р о в ъ выразилъ сожалѣніе, что нѣтъ на Сѣздѣ самого профессора Гревинга; вслѣдствіе отсутствія референта, онъ долженъ удержаться отъ возраженій. Такъ напр. онъ не согласенъ съ мнѣніемъ профессора Гревинга, что культура каменнаго и бронзоваго вѣка шла въ Прибалтійскомъ краѣ съ запада на востокъ; графъ Уваровъ

увѣренъ, что движеніе этой культуры происходило въ обратномъ направленіи, т. е. съ востока на западъ.

3. В. Б. Антоновичъ прочелъ свой рефератъ „О пещерахъ средняго теченія Днѣпра“.

Графъ А. С. Уваровъ заявилъ, что дѣлая въ прошломъ году изслѣдованія въ моравскихъ пещерахъ, онъ попалъ между прочимъ на слѣдующій любопытный фактъ: недалеко отъ одного монастыря провалилась земля, вслѣдствіе чего опустились два дома, а подъ ними обнаружился погребъ. Въ этомъ погребѣ, въ толстомъ слоѣ лѣсу, открылся входъ въ большія пещеры, подобныя кievскимъ, о которыхъ говорилъ референтъ. Эти моравскія пещеры — одной эпохи съ ними.

4. Л. К. Ивановскій сообщилъ „О раскопкахъ произведенныхъ имъ лѣтомъ 1875 г. на берегахъ р. Сити“. Изслѣдователь вскрылъ 157 могильныхъ насыпей, на трехъ четвертяхъ теченія Сити, къ югу отъ ея устья; насыпи эти содержали: 1) остовы мужчинъ съ небольшими пожами, огнивами, кремнями и дротиками или топорами и горпками съ зигзаговыми узорами; 2) остовы женщинъ, украшенные браслетами, монистами изъ бусъ и монетъ, шейными гривнами, кольцами и различными пряжками и бубенчиками; кромѣ того женщины имѣли при себѣ небольшіе ножи и въ ногахъ глиняные узорчатые сосуды. Нѣкоторые курганы заключали остовы дѣтей 4—8 лѣтнаго возраста. Остовы лежали на остаткахъ костра и были засыпаны рѣчнымъ пескомъ фута на два. На этомъ бугоркѣ снова встрѣчались зола и угли, а затѣмъ уже дальнѣйшая песчаная насыпь, въпачавшая курганъ. Самые высшіе изъ кургановъ были 7 футовъ вышиною и 11 саж. въ окружности. Форма ихъ — полушаровидная. Присутствіе англо-саксонскихъ, германскихъ и фрисландскихъ монетъ X и XI столѣтій, нахожденіе тутъ-же остововъ женщинъ и дѣтей и отсутствіе хотя бы одного военнаго орудія или вещи XIII вѣка, заставляетъ референта признать, что курганы эти суть національныя могилы, а по характеру вещей и могилъ онъ склоненъ полагать, что эти насыпи покрываютъ прахъ мирной Веси, жившей тамъ во время насыпи кургановъ. Референтъ полагаетъ, что не въ этихъ курганахъ надо искать остатковъ войска Георгія II, какъ извѣстно изъ лѣтописей, погибшаго на Сити. Этихъ остатковъ не найти, по его мнѣнію, и въ огромномъ курганѣ у с. Боженокъ, гдѣ думалъ ихъ найти М. И. Погодинъ. Такіе огромные курганы хорошо извѣстны изслѣдователю. Они разбросаны по берегамъ озера Шльмена и Ёблага, а также Ладоги и Онежскаго; они тянутся цѣпями по Волхову, Ловати, Шелони, Мстѣ, Мологѣ, Шекснѣ и другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ названныя озера и вытекающимъ изъ нихъ. Характеръ и постройка этихъ кургановъ изслѣдованы имъ ранѣе и доложены второму съѣзду археологовъ.

П. И. Савваитовъ замѣтилъ, что прекрасный рефератъ Л. К. Ивановскаго перепосилъ его на берега Сити въ село Боженки, гдѣ, шесть лѣтъ тому назадъ, онъ былъ съ Погодинымъ. Но вслѣдствіе этого реферата возникли въ немъ нѣкоторыя недоумѣнія, которыя желательно было бы разрѣшить. Изслѣдованія Л. К. Ивановскаго совершенно опровергаютъ сказаніе о битвѣ, происходившей на этомъ мѣстѣ и объ убіеніи здѣсь Георгія.

Извѣстное сказаніе, принимаемое до сихъ поръ за несомнѣнное, оказывается слѣдовательно ложнымъ. Но нѣтъ ли здѣсь чего нибудь и истиннаго? Когда онъ съ Погодинымъ осматривалъ мѣсто, занимаемое с. Боженками, то мѣстныя преданія не противорѣчили тому, что здѣсь проходила и была разбита рать Георгія II. Наконецъ почти у каждаго изъ мѣстныхъ жителей можно найти пожи и топоры, сдѣланные изъ стараго желѣзнаго оружія, найденнаго въ окрестностяхъ Боженокъ. Кромѣ того тамъ живо сказаніе о серебряномъ блюдѣ съ восточной надписью, найденномъ въ кустарникахъ Боженскаго болота. Блюдо это было куплено купцемъ Юрьевымъ, живущимъ теперь въ Иркутскѣ. При всемъ желаніи онъ, П. И. Савваитовъ, не могъ достать это блюдо. И такъ: мѣстныя преданія, общія сказанія, блюдо, мѣстныя находки говорятъ о томъ, что здѣсь происходило знаменитое сраженіе и былъ убитъ Георгій. Вѣроятно Л. К. не попалъ на это мѣсто, хотя районъ не великъ.

Л. К. И в а н о в с к і й изъявилъ готовность дать объясненіе сказанному. Народное преданіе указываетъ мѣсто битвы весьма сбивчиво, у селъ: Станилова, Юрьева гроба, Лопатина. Сверхъ того каждый курганъ, по народному преданію, былъ могилою или петлѣннаго тѣла Юрія II или его головы. Референтъ не отрицаетъ битвы на Сити, такъ какъ о ней упоминается во всѣхъ лѣтописяхъ, онъ только утверждаетъ, что боевыхъ кургановъ нѣтъ. Когда мечъ царя Батя висѣлъ надъ головами, когда страшная рѣзня распространилась по всему теченію р. Сити и въ за-ситскихъ болотахъ, и кровь лилась рѣкой, развѣ было время воздвигать могильныя насыпи павшимъ воинамъ? Все бѣжало въ лѣса, оставивъ тѣла убитыхъ на жестокия поруганія, ограбленіе врагами, и на съѣденіе собакамъ. Кромѣ того слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что битва происходила въ началѣ марта, что, вслѣдствіе запустѣнія страны не кому было хоронить въ снѣгу и мерзлой землѣ погибшую рать. Поэтому и не удивительно, что потомъ находили разбросанныя кости и оружія. Но могильныя раскопки на р. Сити не открыли никакихъ военныхъ признаковъ и референтъ утверждаетъ, что эти курганы національныя могилы, не заключающія въ себѣ воиновъ, но не отрицаетъ факта битвы и гибели войска Георгія.

П. И. С а в в а и т о в ъ считаетъ также фактомъ, что курганы эти существуютъ, что находятъ много оружія въ этой мѣстности и что мѣсто убійства Георгія есть именно истокъ р. Сити.

Л. К. И в а н о в с к і й не видитъ связи между курганами и битвою. Кромѣ того всѣ указанные предметы найдены не въ курганахъ.

П. И. С а в в а и т о в ъ желаетъ примирить эти, такъ сказать, внѣшнія и внутреннія противорѣчія, и поэтому онъ того мнѣнія, что разрывались не тѣ курганы, гдѣ была битва.

Графъ А. С. У в а р о в ъ думаетъ, что еслибъ эти курганы были могилами павшихъ воиновъ, то содержали бы въ себѣ матеріальныя доказательства. Древнія и позднѣйшія лѣтописи не даютъ точныхъ топографическихъ указаній о битвѣ на р. Сити. П. И. Савваитовъ основываетъ свое мнѣніе на преданіяхъ, а здѣсь нужны факты. Всѣ курганы вдоль Сити принадлежатъ древнѣйшимъ населеніямъ этой мѣстности, слѣдовательно боевыхъ кургановъ нѣтъ. Разбросанныя кости, на которыя указываетъ П. И., подтверждаютъ мнѣніе референта, говорящаго, что раненыя и убитые были оставлены на полѣ битвы.

XXXVIII

К. Н. Бестужевъ - Рюмицъ указалъ на то, что если бы курганы были насыпаны падъ павшими воинами, то лѣтопись упомянула бы объ этихъ памятникахъ, такъ какъ религіозныя сказанія всегда свято сохранялись, между тѣмъ ни въ одной лѣтописи не говорится о погребеніи павшихъ въ битвѣ.

А. Ѳ. Бычковъ указалъ, что въ житіяхъ Георгія II этихъ указаній также нѣтъ.

П. П. Савваитовъ заявилъ желаніе, чтобы были раскопаны для окончательной повѣрки курганы у с. Боженки, на которые указываетъ народное преданіе, и изслѣдованы мѣста гдѣ найдены топоры и блюдо.

В. А. Прохоровъ замѣтилъ, что топоры и косари, указанныя г. Савваитовымъ, не могли остаться отъ XIII столѣтія, потому что они бы разложились отъ ржавчины.

Третье засѣданіе, 1 августа вечеромъ, по Отдѣленію памятниковъ языка и письма.
(Подъ предсѣдательствомъ Н. А. Ойрсова).

1. И. Я. Порфирьевъ прочелъ рефератъ „О Соловецкой библиотекѣ“.

Въ дополненіе къ реферату И. Я. Порфирьева Н. Я. Аристовъ замѣтилъ, что въ Соловецкой библиотекѣ между прочимъ имѣется отдѣлъ, важный для исторіи древней русской литературы—коллекція лѣчебниковъ и травниковъ. Коллекція эта состоитъ преимущественно изъ переводовъ съ польскаго языка, напр. Шимона Сыреніуса (*), по кромѣ того, есть и оригинальныя произведенія этого рода, по крайней мѣрѣ, номеровъ десять. Особенно интересенъ одинъ чешскій лѣчебникъ Гайка зъ Гайку (**), писанный русскими буквами и потому представляющій оригинальное явленіе. Въ заключеніе Н. Я. Аристовъ высказалъ желаніе, чтобы члены Археологическаго Съѣзда обратили вниманіе на указанный богатый матеріалъ, такъ какъ древніе травники и лѣчебники очень важны для изученія исторіи старинной русской медицины.

2. Н. Я. Аристовъ прочелъ рефератъ „О цѣнѣ русскихъ рукописей въ XVI и XVII столѣтіяхъ“.

Сначала референтъ сказалъ, что разъясненіе вопроса о книжной торговлѣ и о цѣнахъ рукописей въ древней Россіи весьма важно не для одной только исторіи русской литературы, но и для рѣшенія другихъ историческихъ задачъ, на примѣръ, для вѣрнаго пониманія раскола; затѣмъ онъ коснулся цѣнности старинныхъ русскихъ денегъ и пришелъ

(*) Ш. Сыренскій (Сыреніушъ). Его книга: «Zielnik Herbarzem z języka Łacińskiego zowią To jest Opisanie własne imion kształtu, przyrodzenia, skutkow, u mocy zioł wszelakich, pilnie zebrane a porządnie zpisane, w Krakowie 1613».

(**) Тадеашъ Гаекъ зъ Гайку (Nemicus). Его книга: «Herbář jinak bylinař velmi uzitečný a figurami pěknými, zřetelnými, podle pravého a jak živého zrostu bylin ozdobený, i také mnohým a zkušeným lékařstwimm etc. Od doktora P. O. Matthiola Senenského nejprw w latinské řeči sepsaný, a již na českau řeč od doktora Thadéaše Hajka z Hajku přeložený. W Praze u Melantricha 1562».

къ выводу, что для вѣрнаго опредѣленія цѣнности рукописей необходимо сопоставлять цѣны рукописей съ цѣнами другихъ предметовъ потребленія въ данное время и въ извѣстной мѣстности. По мнѣнію г. Аристова, въ XVI и XVII вѣкахъ рукописи въ Россіи стали нѣсколько дешевле, чѣмъ были въ предшествовавшее время. Представивъ рядъ приписокъ изъ рукописей о продажѣ книгъ и сообщивъ нѣсколько данныхъ для опредѣленія цѣны перелетовъ, референтъ пришелъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: 1) на цѣнность рукописей имѣли вліяніе: цѣна письменныхъ принадлежностей, достоинство письма, стоимость содержанія переписчиковъ и проч.; 2) значительно возвышали цѣны рукописей украшенія ихъ: заставки, рисунки, позолота, дорогіе оклады и т. п.; 3) въ Москвѣ, и особенно въ Новгородѣ, по его изслѣдованію, книги продавались гораздо дешевле, чѣмъ въ Юго-Западной Россіи; 4) сравнивая цѣны рукописей и печатныхъ книгъ, референтъ полагаетъ, что въ большинствѣ случаевъ рукописи продавались дешевле печатныхъ книгъ; 5) раскольники давали большія цѣны за старинныя рукописи и весьма дорожили позднѣйшими, содержаніе которыхъ отвѣчало ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

Въ заключеніе Н. Я. Аристовъ просилъ членовъ Съезда смотрѣть на его рефератъ, лишь какъ на собраніе матеріала для исторіи цѣнъ стариннаго книжнаго дѣла, выдавая изложенныя соображенія за свои личныя мнѣнія, а не за научныя выводы, которые не могутъ еще быть сдѣланы въ настоящее время при недостаточности собраннаго матеріала.

По окончаніи реферата Н. Я. Аристова В. Д. Смирновъ замѣтилъ, что вопросъ о сравнительной стоимости книгъ въ Россіи въ XVI и XVII вв. возбуждаетъ вопросъ о соотношеніи этой стоимости съ распространеніемъ грамотности. По словамъ Н. Я. Аристова, въ Новгородѣ книги были дешевле, а извѣстно, что тамъ грамотность была болѣе развита, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Чѣмъ же обуславливалась эта дешевизна книгъ? Не было ли здѣсь соотношенія со вкусомъ и потребностью читающихъ? В. Д. Смирновъ полагалъ возможнымъ, что въ Новгородѣ были какія нибудь экономическія причины дешевизны книгъ.

На замѣчанія г. Смирнова Н. Я. Аристовъ заявилъ слѣдующее: Чѣмъ болѣе распространена грамотность, тѣмъ болѣе работающихъ рукъ—болѣе писцовъ, слѣдовательно и цѣна на книги должна быть ниже. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе ли экономическихъ причинъ, или духа эпохи,—книги въ Новгородѣ были дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи.

В. А. Прохоровъ замѣтилъ, что въ Москву книги выписывались изъ Новгорода, и что дороговизна книгъ зависѣла отъ различныхъ рисунковъ и другихъ украшеній на нихъ.

3. Послѣ этого И. И. Срезневскій обратилъ вниманіе гг. членовъ Съезда на вопросы, по которымъ Съезду желательно имѣть свѣдѣнія, по отдѣленію памятниковъ языка и письма (см. программу Съезда №№ 48—58), указавъ при этомъ на тѣ отвѣты, которые получены по предложеннымъ вопросамъ и прося доставить таковыя же по остальнымъ.

По поводу запроса № 53: Иѣтъ ли на русскомъ Востокѣ, кромѣ Кяхтинскаго нарѣчія, какихъ нибудь другихъ нарѣчій, въ которыхъ бы коренныя свойства русскаго языка были также искажены смѣшеніемъ съ какимъ нибудь другимъ языкомъ? В. П. Васильевъ замѣтилъ, что Кяхтинскаго нарѣчія не существуетъ, что это ни болѣе ни менѣе, какъ ломаніе русскаго языка Китайцами.

И. И. Срезневскій отвѣчалъ на это, что ему были доставлены г. Черепановымъ свѣдѣнія о Кяхтинскомъ нарѣчій, помѣщенные имъ въ „Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ“, которая приняла это названіе (*); наконецъ есть любопытныя матеріалы для составленія списка ломаныхъ грамматическихъ формъ.

Развѣ можно называть нарѣчіемъ ломаніе языка съ ипородцемъ?—возразилъ В. П. Васильевъ И. И. Срезневскому.

П. В. Владиміровъ указалъ на иные примѣры вліянія одного языка на другой. Въ цыганскомъ нарѣчій, говорилъ онъ, можно усмотрѣть наслоенія другихъ языковъ, такъ что оно является *исворомъ*, состоящимъ изъ слоевъ различныхъ языковъ тѣхъ народностей, среди которыхъ живутъ Цыгане: французскаго, испанскаго, нѣмецкаго, русскаго и др. Точно также можно уловить законы измѣненія ипородческихъ языковъ подъ вліяніемъ русскаго.

В. П. Васильевъ сказалъ г. Владимірову: Вы можете ввести въ заблужденіе Русскихъ не бывшихъ въ Китаѣ. Не Русскіе ломаютъ языкъ, а Китайцы, а Русскіе только повторяютъ, вотъ такъ же какъ я повторяю за Татариномъ „царско небеско“ вмѣсто „царство небесное“.

Вы придаете слишкомъ много значенія слову „нарѣчіе“,—обратился И. И. Срезневскій къ В. П. Васильеву. Да наконецъ, развѣ не любопытны эти ломанія языка—продолжалъ онъ; развѣ англійскій, мадьярскій языки—не суть искаженія? Многіе ученые занимаются изслѣдованіемъ искаженій однихъ языковъ подъ вліяніемъ другихъ и я желалъ бы, чтобъ и на ломанія русскаго языка на Востокѣ обратили вниманіе и дали отвѣтъ на предложенный вопросъ. Я, съ своей стороны замѣчу, что для того, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно принять во вниманіе географическое положеніе даннаго народа и *возвратъ словъ*. Напримѣръ, всѣ Славяне издавна имѣли *скамьи* и *столи*. Когда Сербы подпали подъ власть Турокъ, то перестали употреблять столы и свамьи и замѣнили ихъ *диванами* и *софрами* (столики на очень коротенькихъ ножкахъ), сѣдлись какъ Турки, поставивъ софру на колѣни или возлѣ себя. Позднѣе турецкій обычай столкнулся съ европейскимъ: ближайшіе къ Сербамъ Европейцы были Венгры; послѣдніе заимствовали отъ Славянъ слово *столъ*, но исказили его, прибавивъ въ началѣ *а* и о замѣнивъ *а*, такъ что получилось *асталъ*. Сербы взяли *асталъ* у Венгровъ, и теперь они обѣдаютъ на *асталахъ*. Можетъ быть и у насъ нѣкоторыя искаженія русскаго языка могутъ быть объяснены географическимъ положеніемъ страны и *возвратомъ*.

(*) Кяхтинское Китайское нарѣчіе русскаго языка, записка С. И. Черепанова «Извѣстія Ак. Н. по Отд. р. яз. и слов.», т. II, стр. 370—377.

Четвертое засѣданіе, 2 августа утромъ, по Отдѣленію восточныхъ древностей (подъ предсѣдательствомъ В. П. Васильева).

И. А. Износковъ прочиталъ записку Е. Т. Соловьева: „О могильныхъ памятникахъ близъ села Русскіе Кирмени въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи“. Эти памятники стараго мухаммеданскаго кладбища находятся въ 9 верстахъ отъ города Мамадыша и въ 4 верстахъ отъ села Русскіе Кирмени и отъ деревни Татарскіе Кирмени. Всѣхъ памятниковъ 15, но изъ нихъ на трехъ не замѣтно никакихъ надписей, а на остальныхъ надписи сохранились по частямъ. Прочитавъ рефератъ Е. Т. Соловьева, И. А. Износковъ добавилъ, что древній городъ, о которомъ упомянуто въ рефератѣ, по всей вѣроятности, былъ Кременчугъ; на это указываютъ названія ближайшихъ селеній. Можетъ быть здѣсь было просто укрѣпленіе, потому что, по объясненію Н. П. Золотницкаго, *карман* или *гарман* значитъ крѣпость, укрѣпленное мѣсто.

Н. П. Золотницкій заявилъ, что онъ очень радъ узнать, что въ Мамадышскомъ уѣздѣ есть деревня *Кирмени*, напоминающая древне-татарскія укрѣпленія, радъ потому, что оправдалось его предположеніе, что слова *карман*, *кирмен*, *кермень* означаютъ укрѣпленіе. Извѣстно, что русское слово *городъ*, *граодъ* происходитъ отъ слова *городить*, *оградить* и собственно значитъ *ограда*, *укрѣпленіе*, *крѣпость*. У здѣшнихъ ипородцевъ городъ имѣетъ такое же значеніе. На языкахъ ихъ употребляются два слова: 1) татарское *кала*, чувашское *хола*, горно-черемисское *ола* (происходящее отъ арабскаго *кал'а*) и 2) *карман*, *гарман*, *кармянъ*, *кирмень*, которое происходитъ можетъ быть отъ арабскаго *херем*, *харам* (неприкосновенный, священный, огражденный, укрѣпленный). Не имѣетъ ли какого либо отношенія къ послѣднему названію города русское слово *кремль*? Въ Персіи одинъ изъ древнихъ и главныхъ городовъ Адербиджана (бывшей Индіи) называется *Карманъ* или *Кирманъ*. Въ Бессарабіи *Ак-керманъ* (бѣлый городъ). Въ коранѣ священный домъ молитвъ, ограда храма Каабы въ Меккѣ называется *месджид-эл-харам*. У Арабовъ Мекка и Медина называются *Харамайни*—священные города. Горные Черемисы называютъ Нижній-Новгородъ: *Укарман*. Черемисское *у* значитъ „новый“, такъ что это названіе есть буквальный переводъ русскаго названія „Новгородъ“ = *новый кремль*. Нѣтъ сомнѣнія, что слово *карман* заимствовано Черемисами изъ тюркскаго языка. Что это слово означаетъ „укрѣпленіе“, видно изъ названія горно-черемисской деревни *Карманеръ* (= *Карман-эръ*), получившей его отъ находящейся вблизи возвышенности, на которой замѣтны признаки насыпи, имѣющей видъ вала. Изъ этого слѣдуетъ, что *Карман-эръ* собственно значитъ *укрѣпленное мѣсто*.

В. В. Радловъ прибавилъ, что въ исторіи Казани муллы Багауд-динова упомянуто, что одинъ изъ казанскихъ хановъ былъ изъ города Кирмени.

Н. П. Ильминскій дополнилъ рефератъ г. Соловьева рассмотрѣніемъ присланныхъ имъ снимковъ съ могильныхъ памятниковъ. Замѣчаніе Н. П. Ильминскаго состоитъ въ слѣдующемъ. Г. Соловьевъ сдѣлалъ свой обзоръ тщательно, но не зная татарскаго языка и арабскаго алфавита онъ не могъ коснуться разбора надписей. Всѣ камни представляются заостренными и на нихъ находятся украшенія въ формѣ звѣздъ или круга.

Г. Соловьевъ даетъ точный снимокъ надписей, сдѣланный механическимъ способомъ, и замѣчаетъ, что характеръ письменъ совершенно одинаковъ на всѣхъ памятникахъ. На нѣкоторыхъ надписяхъ мнѣ удалось прочесть только начальныя и конечныя слова; судя по нимъ можно догадываться, что здѣсь написаны извѣстныя изреченія изъ Альорана: „судъ принадлежитъ Богу“, „всякая душа вкуситъ смерти“. Но средняя часть надписей, самая сущность, не разбирается. Характеръ буквъ прямолинейный и нѣсколько напоминаетъ типъ куфическихъ письменъ; надписи очень похожи на болгарскія съ датой *джіати джуръ*. (Слич. снимки, приложенные къ статьѣ покойнаго лектора Хусейна Фейзханова въ IV т. Извѣстій Русскаго Археологич. Общества 1863 г. стр. 395). И такъ Н. И. предполагаетъ, что надписи села Кирмени относятся къ эпохѣ болгарской, при томъ въ нихъ встрѣчаются слова, употребляемыя въ болгарскихъ надписяхъ. Можно было бы предполагать, что на послѣдней буквѣ слова *جور* только забыта точка и можно потатарски читать *джуръ*, но въ этомъ словѣ точка *подъ* буквою *ر* опредѣляетъ *р*, а не *з*, такъ что несомнѣнно надобно читать *джуръ* и слѣдовательно здѣсь употреблено чувашское слово. Кромѣ того въ болгарскихъ надписяхъ встрѣчаются еще другія слова, похожія болѣе на чувашскія, чѣмъ на татарскія. Если мы сравнимъ слова татарскія и чувашскія со словами болгарскихъ надписей, то увидимъ, что послѣднія представляютъ что то среднее между первыми. Сравнивая татарскій и чувашскій языки, мы замѣчаемъ, что татарскій звукъ „а“ измѣняется въ чувашскомъ въ „о“ и „и“ въ „а“, а если мы обратимъ вниманіе на слова надписей, то увидимъ здѣсь среднюю стадію. Такъ напр. *джыл* (тат.), *джал* (надпись), *сѣол* (чув.). Такимъ образомъ изъ надписей болгарскихъ можно вывести заключеніе о состояніи чувашскаго языка за 500 лѣтъ до нашего времени, когда онъ ближе стоялъ къ татарскому языку, и о близости болгарскаго къ татарскому. (Подробнѣе такія соображенія изложены въ замѣткѣ Ильминскаго: „О фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и турецкимъ языками“, въ V т. Извѣстій Русск. Арх. Общества, стр. 86).—Подобный камень находится въ загородномъ, близъ Казани, Архіерейскомъ домѣ; въ 1848 году Н. И. видѣлъ надгробный камень такого же типа въ Лайшевскомъ уѣздѣ близъ села Карабаянъ; это даетъ основаніе заключить, что болгаро-чувашскій элементъ простирался почти до Мамадыша. Слова *كوان* „куан“=кон (день) и *جیات* *джіати*=*джети* (семь) въ болгарскихъ надписяхъ наводятъ на мысль, что звуки „о“ и „е“, для которыхъ въ арабскомъ алфавитѣ нѣтъ особыхъ знаковъ, выражались двумя буквами: *у + а*, *и + а*. Если такая догадка справедлива, то она можетъ послужить для установленія надлежащаго произношенія слова *Болгаръ*, которое татары теперь произносятъ „*Буларъ*“: такъ какъ на древнихъ монетахъ встрѣчается „*буалмар*“, то русское произношеніе можетъ быть вѣрнѣе татарскаго.

В. В. Р а д л о в ъ признаетъ мнѣніе Н. И. Ильминскаго касательно чувашскаго характера болгарскихъ надписей совершенно основательнымъ, но представляетъ себѣ взаимное отношеніе чувашскаго языка и языка болгарскихъ надписей нѣсколько иначе. По его мнѣнію, нынѣшніе Чуваши дѣйствительно потомки древнихъ Болгаръ, но онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ Н. И. Ильминскаго, что чувашскій языкъ былъ прежде ближе къ татарскому; напротивъ того чувашскій языкъ доказываетъ, что отатариваніе Чувашъ про-

исходило въ теченіе различныхъ эпохъ и что слова тюркскія приближаются тѣмъ болѣе къ своему тюркскому характеру, чѣмъ позже эпоха ихъ принятія. *Болгаръ* собственно не названіе народа, а названіе города. В. В. думаетъ, что образованіе царства *Болгаръ* происходило точно такъ, какъ образованіе царства *Сибирь*. Послѣ основанія города *Искеръ* (= *иске-яръ*—старый берегъ) на берегу Иртыша, царь Кючюмъ просилъ эмира Бухарскаго прислать шейховъ, для наученія народа исламу. вмѣстѣ съ этими шейхами прибыли изъ Средней Азіи ремесленники и купцы, такъ что въ Искерѣ въ скоромъ времени появился классъ образованныхъ людей, говорящихъ татарскимъ языкомъ, а съ ними слѣлась и часть инородцевъ не говорящихъ по татарски. Въ Болгарѣ также мы видимъ царя (вѣроятно тюркскаго происхожденія и мусульманина), призывающаго шейха изъ Багдада для распространенія ислама. Прибывшіе сюда Арабы и Тюрки—мухаммедане составили непремѣнно образованный мухаммеданскій классъ, говорящій тюркскимъ языкомъ. Въ мухаммеданскія школы по всей вѣроятности поступало не мало инородцевъ и не говорящихъ чистымъ тюркскимъ языкомъ (какъ Чуваши), такъ что у Чувашъ-мухаммеданъ того времени навѣрно образовался отдѣльный татарскій говоръ, или письменный языкъ, представляющій что-то среднее между чувашскимъ и татарскимъ языкомъ.

А. Я. Г а р к а в и по поводу высказаннаго г. Золотницкимъ предположенія, будто слово *Кирмъ* есть арабское *херемъ*, замѣтилъ, что между этими словами нѣтъ ничего общаго.

2. Н. И. И л ь м и н с к і й прочиталъ записку капитана Ларіонова „О буддійскомъ памятникѣ на берегу р. Или, называемомъ теперь *тамалы таи*“. Къ описанію приложены рисунки изображеній и снимки съ надписей. Авторъ записки полагаетъ, что фигуры представляютъ изображеніе разныхъ буддійскихъ божествъ, а надписи—повтореніе религіознаго изреченія *ом-мани-падме-хом* калмыцкими и тапгутскими буквами.

В. П. В а с и л ь е в ь замѣтилъ, что снимки такого рода не рѣдки у Тибетцевъ и Монголовъ-буддистовъ. Очень интересенъ такой же памятникъ на устьѣ Амура, гдѣ мы не знаемъ, чтобы существовали буддисты. Касательно представленныхъ г. Ларіоновымъ изображеній, В. П. говорилъ, что изображенные на этомъ снимкѣ три лица суть эманации одного и того же Будды. За тѣмъ, по двумъ истуканамъ Будды изъ коллекціи Казанскаго университета, В. П. Васильевъ указалъ различія въ такихъ изображеніяхъ Будды тибетскаго происхожденія. Онъ обратилъ вниманіе присутствующихъ на поддоновъ одного истукана, указывая на то, что внутри его должны находиться мощи, драгоценные камни, молитвы; такіе истуканы называются освященными. Но поинтересовавшись однажды, что находится внутри кумира, В. П. вынулъ поддоновъ и не нашелъ тамъ ничего, кромѣ бумажекъ. Онъ нечаянно наткнулся на представленный имъ здѣсь истуканъ и припомнилъ, что подобный кумиръ есть у г. Второва, а тому доставленъ изъ Воронежской губерніи. Къ какому вѣку онъ принадлежитъ? Истуканъ не тибетской и не монгольской работы; на немъ надпись санскритская. Если бы онъ былъ сдѣланъ въ Тибетѣ, то тамъ употребляють курсивное письмо; здѣсь же несомнѣнно бенаресское письмо, слѣдовательно оно индійскаго происхожденія. Но откуда? Г. Васильевъ сначала сомнѣвался, чтобы этотъ

кумиръ могъ быть непальскаго происхожденія, но вспомнилъ, что у него есть непальская грамота, гдѣ прифтѣ бепаресскій. Но такъ какъ Непальскіе литейщики считались лучшими у Китайцевъ и Монголовъ, которые чрезвычайно восхваляютъ непальскіе кумиры, и слѣдовательно послѣдніе должны быть лучше тибетскихъ; а работа этого кумира аляповата, груба; то онъ наконецъ рѣшился признать этотъ кумиръ за древне-индійскій; на древность его указываетъ аляповатость. Но какъ онъ попалъ въ Россію? Быть можетъ онъ остался отъ Калмыковъ, по какому образцу могъ попасть индійскій кумиръ къ Калмыкамъ, когда у нихъ встрѣчаются одни только тибетскіе истуканы?

А. Ѳ. Бичковъ выразилъ мнѣніе, что подобныя идола могли попасть въ Россію при посредствѣ индійскихъ купцевъ, которые по торговымъ дѣламъ заѣзжали не рѣдко въ предѣлы Россіи.

В. П. Васильевъ замѣтилъ, что буддійскіе боги уничтожены въ Индіи въ XV вѣкѣ.

А. Ѳ. Бичковъ напомнилъ, что торговля съ Индіей пачинается съ XIV вѣка.

В. Д. Смирновъ заявилъ свое предположеніе: не принадлежали ли означенныя идола Половцамъ? Не смотря на утверженіе г. Блау, что Команы были мухаммедане, доводы его, основанныя на данныхъ извѣстнаго команскаго словаря, найденнаго въ библиотекѣ Петrarки, не вполне убѣдительны, ибо кромѣ словъ, относящихся къ мухаммеданской религіи, въ словарѣ этомъ есть и термины христіанскіе. Онъ высказалъ предположеніе, не были ли Половцы буддистами, припомнивъ при этомъ, что въ рефератѣ Петра Дмитріевича Шестакова о Маджарѣ есть мѣсто изъ Рубруквиса, который видѣлъ въ странѣ Комановъ истуканы, обращенныя лицомъ къ востоку и держащія въ рукахъ чашечку—по всей вѣроятности буддійскіе. Поэтому возникаетъ вопросъ: не были ли Команы буддистами, а идола, показанныя г. Васильевымъ, быть можетъ, принадлежали Половцамъ.

В. В. Радловъ находитъ это предположеніе ни на чемъ не основаннымъ: каменные истуканы, которые видѣлъ Рубруквисъ—просто каменные бабы; это явствуетъ изъ описанія. Буддійскіе кумиры такъ характеристичны, что Рубруквисъ навѣрно бы описалъ ихъ иначе.

Графъ А. С. Уваровъ согласенъ съ мнѣніемъ г. Радлова, что видѣнныя Рубруквисомъ статуи были не что иное какъ *бабы*, а потому показаніе Рубруквиса не можетъ служить подтвержденіемъ догадки о буддизмѣ Комановъ. За тѣмъ графъ А. С. Уваровъ присовокупилъ, что *бабы* находятся въ самыхъ различныхъ по населенію мѣстностяхъ и сверхъ того не только въ Россіи, но и въ Германіи и даже въ Испаніи, и что всѣ эти изваянія въ одинаковомъ положеніи, съ чашею въ рукахъ, между тѣмъ какъ могильныя пасыпы, на которыхъ *бабы* стоятъ, носятъ слѣды совершенно различныхъ между собою обрядовъ погребенія.

В. В. Радловъ прибавилъ, что въ Минусинскомъ уѣздѣ онъ замѣтилъ религіозное почитаніе къ *бабамъ* у всѣхъ туземцевъ безъ различія религіи. Еще въ недавнее время *бабы* переносились съ того мѣста, гдѣ стояли прежде, на другое. Такъ на примѣръ народъ перенесъ одну каменную бабу на гору близъ истоковъ Аскыса, но ему не удалось тамъ

поклоняться ей: какой-то священникъ разбилъ эту бабу камнями. Легко можетъ быть, что повсюду большинство бабъ уже не находится на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ первоначально были поставлены.

Н. И. Ильминскій замѣтилъ на высказанное В. Д. Смирновымъ мнѣніе о религіи Комановъ, что Команы, переселившись въ Венгрію, впоследствии только приняли христіанскую религію. Шестъ различныхъ искаженій текста молитвы Господней свидѣтельствуютъ о близкомъ сходствѣ языковъ Татаръ и Комановъ; въ этихъ переводахъ встрѣчаются даже слова арабскія.

З. Н. И. Ильминскій прочиталъ записку доктора Регеля „О нѣкоторыхъ достопримѣчательностяхъ Кульджинскаго района“, въ которой онъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на буддійскіе храмы, существовавшіе тамъ до возстанія мухамедданскихъ жителей Илійской долины и послѣ разрушенныя.

В. В. Радловъ на это сказалъ, что описаніе г. Регеля не понятно безъ знакомства съ топографическимъ положеніемъ китайской части Илійской долины, которая была самымъ замѣчательнымъ мѣстомъ по своему этнографическому составу. Рѣка Или перерѣзываетъ эту долину съ востока на западъ и дѣлитъ ее на сѣверную и южную половины, а излучистые притоки ея, рѣки Качъ и Узюкъ составляютъ ея западную и восточную границы; сѣверную границу образуетъ горный хребетъ Алатау, а южную — отрасли Тянь-шана. Когда въ половинѣ прошлаго столѣтія императоръ Кянь-лунгъ уничтожилъ Джунгарское царство и покорилъ восточный Туркестанъ, когда китайское правительство устроило крѣпкую опору для своей власти въ Илійской долинѣ, составляющую середину завоеванныхъ странъ, прежніе жители были изгнаны изъ своихъ жилищъ, кромѣ средне-азиатскихъ Татаръ составляющихъ населеніе города Кульджи. На западъ отъ Кульджи Китайцы основали семь крѣпостей, изъ которыхъ двѣ: извѣстная подъ именемъ татарской Кульджи или Кюра, главный городъ всей страны, и крѣпость Баяндай, получили манджурскіе гарнизоны. Прочія пять крѣпостей были заселены китайскими солдатами (Хамбингъ). Для защиты границъ были устроены военныя поселенія изъ Дауріи (племень Шибэ и Солонь), а для заведенія хлѣбопашества переселены были изъ Малой Бухаріи 1600 татарскихъ семействъ, такъ называемые Таранчи. Кромѣ того была основана колонія изъ ссыльныхъ Китайцевъ и Дунгенэ. Такимъ образомъ до послѣдняго возстанія Илійскую долину населяли восемь племенъ: Манджуры, Китайцы, Калмыки, Шибэ, Солопы (Дахоръ и Ошкоръ), Дунгенэ, Таранчи и Киргизы, племена рѣзко отличающіяся другъ отъ друга языкомъ, религіей, образомъ жизни и правленіемъ; каждое изъ нихъ вело совершенно особую, своеобразную жизнь. Распределеніе этихъ племенъ было слѣдующее: На самомъ сѣверѣ Илійской долины жили: Киргизы, Калмыки и Таранчи; южнѣе, не далеко отъ самой рѣки Или, по правому ея теченію, жили 7 сумунъ, Солонь, Китайцы, Дунгенэ и Таранчи. По лѣвому ея теченію 8 сумунъ, Шибэ и Таранчи и наконецъ на самомъ югѣ — Калмыки и Дико-Каменные Киргизы. Что касается до упомянутыхъ г. Регелемъ кургановъ, В. В. замѣтилъ, что груды камней, видѣнныя имъ на вершинахъ горъ, вовсе не слѣды древняго времени, а просто образовались вслѣдствіе существующаго обычая, при всякомъ

трудномъ переходѣ чрезъ горы, класть на возвышенныя мѣста одинъ или нѣсколько камней, какъ будто испрашивая этимъ благословеніе Божіе. Кучи эти называются *Обд*.

Графъ А. С. Уваровъ замѣтилъ, что Евреи, когда перешли черезъ Иорданъ, то положили вблизи берега, въ Галгалѣ, двѣнадцать камней, по числу колѣнъ Израилевыхъ (см. вѣнгу Иисуса Навина IV, 5, 20).

В. П. Васильевъ заявилъ, что въ Китаѣ тоже существуетъ обычай приносить жертвы всему, что служитъ во благо Китайцамъ—горамъ, рѣкамъ, лѣсамъ и т. д. Относительно же *Обд*, онъ того мнѣнія, что главная мысль этого обычая есть не испрашивание благословенія Божія, а идея: „ты гора высока, такъ будь еще выше“.

4. В. Д. Смирновъ прочелъ доставленный г. Туркестанскимъ Генераль-Губернаторомъ рефератъ: „О памятникѣ Кузу Кюрпечъ и Баянъ-сулу и относящейся къ нему легендѣ“.

В. Д. Смирновъ съ своей стороны замѣтилъ, что означенная легенда извѣстна уже и въ другихъ редакціяхъ, гдѣ между прочимъ союзерникъ Козу Кёрпечъ, Кюдаръ названъ Калмыкомъ. Поэтому г. Смирновъ полагаетъ, что независимо отъ общаго поэтическаго характера легенды, народъ, сложившій её, хотѣлъ можегъ быть въ ней выразить свой національный взглядъ на отношеніе Киргизовъ къ Калмыкамъ. Къ подтвержденію этой послѣдней догадки, по его мнѣнію, могло бы служить ближайшее разсмотрѣніе находящихся при памятникѣ трехъ изваяній, изображающихъ по преданію, будто бы трехъ героевъ легенды: Козу Кёрпечъ, Баянъ-сулу и Кюдара: нѣтъ ли въ нихъ какихъ либо признаковъ, характерныхъ для киргизской и калмыцкой національностей, если только вообще есть что либо правдоподобное въ преданіи о памятникѣ.

В. В. Радловъ заявилъ, что снимокъ памятника имъ сдѣланъ и вывѣшенъ вмѣстѣ съ таблицами его атласа въ первой залѣ Выставки. Онъ слышалъ ту же легенду въ разныхъ мѣстахъ, какъ относящуюся къ разнымъ памятникамъ, и слѣдовательно преданіе о разсматриваемомъ памятникѣ не заключаетъ въ себѣ ничего мѣстнаго. Легенда, по мнѣнію г. Радлова, впесена извнѣ, а самый памятникъ—мухаммеданская могила. Изваянія же, находящіяся около памятника, ничего не имѣютъ общаго съ памятникомъ, они просто ваменныя бабы, держащія урны въ рукахъ, и вѣроятно перенесены къ памятнику благочестивыми почитателями памятника. Два изваянія представляютъ женщину и одно мужчину. Головной уборъ первыхъ остроконечный, а голова мужскаго изваянія покрыта круглой шапочкой. Въ лицевой же части изваянія, какъ вообще въ подобныхъ грубо выдѣланныхъ бабахъ, нельзя видѣть ничего типичнаго.

Пятое засѣданіе, 2 августа вечеромъ, по Отдѣленію перзобитныхъ драматей
(подъ предсѣдательствомъ А. Г. Брикнера).

1. Н. П. Загоскинъ прочелъ рефератъ: „О Селитрномъ Горѣ въ Астраханской губерніи“.

Въ дополненіе къ реферату Н. П. Загоскина В. К. Савельевъ заявилъ слѣдующее: Я разсматривалъ доставленныя Н. П. Загоскинымъ монеты и напелъ, что онѣ пред-

ставляютъ большой интересъ, такъ какъ между извѣстными до сихъ поръ болгарскими монетами, съ изображеніемъ Хызръ-Хана, нѣтъ ни одной, похожей на монеты, найденныя въ Селитряномъ Городкѣ, и наоборотъ тѣ, которыя найдены тамъ, весьма рѣдко встрѣчаются у насъ. Кромѣ того, между монетами, найденными въ Селитряномъ Городкѣ, есть много видовъ до сихъ поръ еще совершенно неизвѣстныхъ, какъ напр. монеты, на одной сторонѣ которыхъ изображена тамга съ особенными украшеніями, а на другой арабская надпись. Между монетами Селитрянаго Городка найдены еще монеты *Крымъ-Гиревъ*—первыхъ хановъ. Къ сожалѣнію всѣ монеты, доставленныя Н. П. Загоскинымъ, по причинѣ множества соляныхъ озеръ, которыми изобилуетъ вся мѣстность Селитрянаго Городка, крайне испорчены, такъ что трудно дать имъ вѣрное опредѣленіе, а потому было бы интересно добыть ихъ въ большемъ количествѣ, для болѣе точнаго изслѣдованія.

2. Л. К. Ивановскій доложилъ рефератъ В. Г. Тизенгаузена: „О древнихъ могилахъ у Мцхета, изслѣдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ“.

3. Д. А. Корсаковъ доложилъ сообщеніе А. А. Штукенберга (въ то время отсутствовашаго): „О каменныхъ орудіяхъ и бронзовыхъ гещяхъ, найденныхъ въ Печерскомъ краѣ въ 1874 г.“.

Графъ А. С. Уваровъ замѣтилъ, что А. А. Штукенбергъ напрасно полагаетъ, будто оловянную бронзу привозили въ Печерскій край именно Скандинавы; въ древнѣйшее время всѣ народы производили оловянную бронзу, а впоследствии стали замѣнять въ бронзовомъ сплавѣ олово свинцомъ.

В. А. Прохоровъ подтвердилъ мнѣніе графа Уварова о бронзѣ.

П. П. Савваитовъ напомнилъ, что въ отдаленныя времена Печерскій край, извѣстный Скандинавамъ подъ именемъ Біарміи, имѣлъ обширныя торговыя сношенія не только съ Скандинавами, но и съ народами болѣе удаленными отъ Біарміи, какъ напр. Датчанами, Англичанами и др. Біармія изобиловала лѣсомъ, металлами, солью и пушными звѣрями; поэтому неудивительно, что въ Печерскомъ краѣ находятъ бронзовыя вещи, монеты и т. п. П. П. Савваитовъ заявилъ, что графъ А. С. Уваровъ обладаетъ коллекціей весьма рѣдкихъ бронзовыхъ вещей, пріобрѣтенныхъ имъ именно въ этой мѣстности.

Шестое засѣданіе, 4 августа, утромъ, по Отдѣленію исторической географіи и этнографіи (подъ предсѣдательствомъ В. С. Иконникова).

1. Протоіерей П. Е. Заринскій прочелъ рефератъ: „О топографіи г. Казани во время осады ея царемъ Иваномъ IV“ (*). Сказавъ о томъ, что планы осады Казани въ 1552 оду, составленные фонъ-Каницомъ, профессоромъ Суровцовымъ и профессоромъ Ласков-

(*) Рефератъ этотъ составляетъ извлеченіе изъ книги П. Е. Заринскаго: «Очерки древней Казани, преимущественно XVI в.» Казань 1877 г.

скимъ, не удовлетворительны въ научномъ отношеніи, протоіерей П. Е. Заринскій объяснилъ, какое важное значеніе для исторіи осады Казани Русскими имѣетъ списокъ съ Писцовыхъ книгъ 1566—1568 гг., изданный Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи (Казань, 1877). Пользуясь данными, извлеченными изъ этого списка, референтъ указалъ на теперешнемъ планѣ Казани мѣстонахожденіе воротъ, бывшихъ въ ней во время владычества Татаръ и потомъ Русскихъ въ XVI в., опредѣлилъ границы Казанской крѣпости, характеръ мѣстности, которую она занимала въ этомъ вѣкѣ, и вліяніе мѣстности на расположеніе различныхъ частей этой крѣпости, и за тѣмъ остановился на замѣткѣ о подкопахъ въ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ (стр. 211). По мнѣнію протоіерея Заринскаго, эта замѣтка должна быть причислена къ источникамъ первоначальнымъ. Она принадлежитъ сочинителю „Казанской Исторіи“, находившемуся въ самой Казани, въ плѣну у Татаръ, во время осады ея въ 1552 году. Доказательствомъ этого служитъ, между прочимъ, упоминаніе о томъ, что первый подкопъ былъ сдѣланъ „на правой сторонѣ Арскихъ воротъ, гдѣ нынѣ Спасскія ворота“. По Писцовой книгѣ 1566 г. Спасскія ворота находились въ крѣпостной оградѣ, рядомъ съ Арскими воротами, по направленію къ Булаку; слѣдовательно Спасскія ворота, для того кто былъ внутри Казанской крѣпости, находились вправо отъ Арскихъ воротъ. То, что говорится въ „Казанской Исторіи“ о мѣстонахожденіи второго подкопа — влѣво отъ Булака, точно также свидѣтельствуетъ, что авторъ ея находился въ Казанской крѣпости во время осады ея Русскими.

Послѣ реферата протоіерея Заринскаго, С. М. Шпилевскій замѣтилъ: 1) что извлеченія изъ Писцовыхъ книгъ, которыми пользовались, какъ референтъ, такъ и онъ самъ, г. Шпилевскій, не имѣютъ ни начала, ни срединки, а потому не могутъ служить достаточнымъ источникомъ для объясненія вопросовъ, возникающихъ при желаніи изучить топографію Казани и 2) что вслѣдствіе пользованія такимъ источникомъ, протоіерей Заринскій впалъ въ ошибку. С. М. Шпилевскій не можетъ согласиться съ нимъ относительно мѣста Никольскихъ и Муралеевыхъ воротъ и считаетъ ихъ тождественными, основывая свое мнѣніе на преданіи, сообщенномъ неизвѣстнымъ авторомъ статьи, помѣщенной въ Каз. Губ. Вѣд. за 1856 г. „Какой видъ имѣла Казань въ XVI столѣтіи“, въ которой говорится, что Муралеевы или Тайницкія ворота называются Никольскими; это доказывается еще и тѣмъ, что на нихъ есть образъ Св. Николая Чудотворца.

На замѣчанія С. М. Шпилевскаго, П. Е. Заринскій возразилъ, что во время осады Казани Іоанномъ IV на Никольскихъ воротахъ не могло быть иконы Св. Николая Чудотворца, что преданіямъ нельзя придавать такого значенія, какое придаетъ имъ С. М. Шпилевскій, и въ заключеніе объяснилъ слѣдующее: Никольскія ворота находились влѣвѣ Муралеевыхъ. Отъ нихъ, по указанію Пестрикова, начиналась вторая крѣпостная ограда, переходившая за Булакъ. Если провести линію отъ Тайницкихъ воротъ за Булакъ, то она пройдетъ по берегу Казанки, рядомъ съ каменною стѣною, въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ нея; такое направленіе стѣны не соответствовало бы ея назначенію. Грамота царя Ивана IV, 1562 г. 4 октября, въ которой повелѣвается боярину князю Тем-

вину прибавить къ Преображенскому монастырю порожнее мѣсто къ Никольскимъ воротамъ, къ Булаку, указываетъ на то, что Никольскія ворота стояли не близъ Казанки, гдѣ находятся Тайницкія (Муралевы) ворота, а ближе къ Булаку.

С. М. Шпилевскій сказалъ, что въ Казанской Писцовой книгѣ 1566—1568 гг. говорится о Никольскихъ воротахъ, и замѣтилъ, что референтъ имѣетъ не совсѣмъ ясное понятіе о предѣлахъ татарскаго посада, продолжая его за Булакъ, и что онъ, г. Шпилевскій, не согласенъ съ преданіемъ о сожженіи посада въ 1530 году, такъ какъ посадъ заключалъ въ себѣ десятки тысячъ народу, изобиловалъ богатствами, былъ важнымъ центромъ столицы Казанскаго царства и сжечь его было невозможно. Наконецъ г. Шпилевскій заявилъ, что референтъ смѣшиваетъ понятія—городъ, посадъ и слобода, а потому впадаетъ въ важныя ошибки.

2. П. И. Мельниковъ прочелъ рефератъ „О старомъ и новомъ городѣ въ Нижнемъ Новгородѣ“.

3. И. А. Износковъ прочелъ рефератъ „О личныхъ ипородческихъ именахъ“.

На рефератъ И. А. Износкова были сдѣланы слѣдующія замѣчанія:

1) А. И. Гаркави: Въ числѣ ипородческихъ именъ, упомянутыхъ И. А. Износковымъ, находятся нѣкоторыя несомнѣнно арабскія, перешедшія ко всѣмъ мусульманамъ, какъ напр. *Мансуръ*, *Мамлукъ* и т. п.

2) Н. И. Золотницкій: Соглашаясь съ мнѣніемъ И. А. Износкова о важности изученія ипородческихъ именъ для археологіи и этнографіи и объяснивъ происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ арабскихъ и тюркскихъ корней, Н. И. Золотницкій указалъ на необходимость быть весьма осторожнымъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ относительно происхожденія ипородческихъ именъ, потому что за имена личные легко можно принять прозваніе лицъ, или отдѣльныя фразы, или даже названія предметовъ съ какою-нибудь приставкою.

Н. И. Золотницкій, развивая свои положенія, сказалъ слѣдующее: Очень многія ипородческія названія селеній въ восточной части Европейской Россіи происходятъ отъ собственныхъ именъ и прозваній историческихъ лицъ въ данной мѣстности (напр. въ Казанскомъ краѣ—*Шил-алей*, *Камай*, *Епанча*, *Чура*, *Байтеракъ* и др.), или отъ именъ родоначальниковъ. А такъ какъ нарѣчія господствовавшихъ въ Казанскомъ краѣ и значительныхъ численностью туземцевъ, Болгаръ и Чувашъ, принадлежать къ семейству тюркскихъ языковъ, а съ принятіемъ Болгарами мухаммеданства и путемъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ перешло сюда много словъ арабскихъ, то тюркскій и арабскій элементы вошли въ составъ именъ и прозваній, а черезъ нихъ и въ названія селеній какъ упомянутыхъ, такъ и сосѣднихъ съ ними туземцевъ—Черемисъ и Вотяковъ. Такъ многія селенія имѣютъ въ корнѣ своихъ названій тюркскій глаголъ *киль*—пришелъ. (Такъ напр. *Гильдеево*, *Кильдеево*, деревни Казан., Свіяжск. и Чистопол. уѣздовъ Казанской губ.). Въ этихъ названіяхъ очевидна джагатайско-татарская прошедшая повѣствовательная форма въ 3-мъ лицѣ: *кильди*—пришелъ сюда онъ. Такія названія могли произойти

отъ заселенія мѣстъ новыми поселенцами, „пришельцами“ изъ другихъ мѣстностей. Г. Золотницкій привелъ вслѣдъ за тѣмъ цѣлый рядъ именъ двусложныхъ, въ которыхъ входитъ слово *кильди*, находящихся въ составленномъ имъ словарѣ (напр. *дэлет-кильди* = „пришло благополучіе“; *бахты-кильди* = „счастливецъ пришелъ“; *ураз-кильди* = „пришло счастье“ и т. д.) (*).

У народовъ тюркскаго племени, продолжалъ Н. И. Золотницкій, существуетъ обычай парекать поворожденнымъ мальчикамъ предзнаменовательныя имена и выражать ихъ въ формѣ или желательной (какъ напр. у Киргизъ: *Бай-болсун* = „да будетъ богатъ“), или въ положительно утвердительной, образуя послѣднюю черезъ слово *кильди*: *Бай-кильди* = „богатый пришелъ“ (сюда) [явился, родился]. Затѣмъ г. Золотницкій упомянулъ о частомъ смѣшеніи *имени собственнаго, личнаго съ прозвищемъ*, принимая послѣднее за первое. Напримѣръ, извѣстный горный Черемисинъ, пособникъ в. князя Московскаго Ивана IV въ походахъ его на Казань, назывался *Ак-нарс’омъ*. Это названіе принимали за имя, а оно только татарское прозвище (*ак* = бѣлый, *нарс* = тигръ, кошка), данное Черемисину за его вліяніе на своихъ единоплеменниковъ и ипородцевъ Казанскаго края вообще, за его дѣйствія относительно татарскихъ владѣній и за его коварную, колючую политику. Слово *ак* = бѣлый — могло происходить отъ верхней одежды этого Черемисина, такъ какъ Черемисы всегда верхнее свое платье покрывали бѣлой матеріей. Такихъ именъ очень много. Часто также неврно объясняютъ происхожденіе какого нибудь названія населеннаго мѣста. Наприм., въ Козмодемьянскомъ у., Казанской губ. есть село *Пайгусово*. Это названіе производили отъ имени родоначальника *Пайгуса*; между тѣмъ производство этого названія совершенно иное. *Ово*, на горно-черемисск. яз. значить *гора*; слово же *пайгус* объясняется слѣдующимъ преданіемъ. Село это имѣетъ три главныхъ названія: *Пай-гус* (ово), *Перня-гаиш* и *Пи-нэлъ*. Одинъ изъ казанскихъ хановъ, чтобы задобрить горныхъ Черемисъ, склонныхъ къ возмущеніямъ и къ пособничеству Русскимъ, такъ гласитъ преданіе, пожаловалъ этимъ Черемисамъ во владѣніе землю, выразивъ при томъ свою благосклонность къ нимъ словомъ: *байгыз* = „будьте богаты“ (разживайтесь моимъ подаркомъ); жалованная земля названа *берня-гаиш* = жалованное кочевье, дача (татарск. *берня* = подарокъ); но Черемисы, сознавая свое значеніе по отношенію къ Татарамъ и замѣчая въ обращеніи хана вынужденную благосклонность, признали его пожеланіе — *байгыз* равносильнымъ черемисскому выраженію: *пи-нэлъ* = па, ѣшь собака, (черемисск. *пи* — собака, *нэлзи* — братъ) и въ насмѣшку прибавили эту фразу къ татарскому названію *берня-гаиш*. У Чувашъ западной части Ядринскаго уѣзда, прилегающей къ горно-черемисскому краю, встрѣчается глаголь *пинель* = подшучивать, который своимъ происхожденіемъ можетъ быть обязанъ упомянутому случаю, и так. обр. служить основаніемъ для вышеприведеннаго преданія.

(*) См. Н. И. Золотницкаго: «Корневой Чувашско-Русскій Словарь». Казань, 1875 г., слова *киль* и *пыр*, стр. 34 и 54 и XVII-е прилож. къ «Словарю», стр. 246—251. («Названія селеній Казанскаго края по именамъ лицъ»).

Въ заключеніе Н. И. Золотницкій обратилъ вниманіе на невѣрное объясненіе происхожденія имени города Чебоксарь. Обыкновенно думаютъ, что названіе это происходитъ отъ имени двухъ Чувашъ: *Чабака* и *Сары*; между тѣмъ какъ оно объясняется очень просто. Частица *сар* = изобильное мѣсто (чувашск.), *чебак* = рыба, слѣдовательно *Чебак-сар* = мѣстность изобильная рыбой (Рыбинскъ) (*).

Замѣтивъ въ заключеніе, что мѣстные изслѣдователи часто впадаютъ въ ошибки отъ того, что работаютъ не сообща, а порознь, Н. И. Золотницкій выразилъ искреннее желаніе, чтобы мысль объ образованіи при Казанскомъ университетѣ общества археологическаго и этнографическаго скорѣе осуществилась; филологія, сказалъ онъ, всегда будетъ готова къ услугамъ археологіи и этнографіи.

По поводу замѣчанія Н. И. Золотницкаго о прозваніи племени по носимому имъ бѣлому платью, А. Я. Гаркави сказалъ, что это прозваніе напоминаетъ персидское названіе Болоровъ *Сіянушъ* — одѣтый въ черное (отъ *сіа* — черный и *нушиденъ* — одѣть), равно какъ и наименованіе скискаго племени *Меланхленовъ* у Геродота, имѣющее тоже самое значеніе; *Каракалпаки* — черношапочные, и т. п.

З. С. М. Шпилевскій въ рефератѣ своемъ „Было-ли какое нибудь племя, которое, какъ указываетъ Кеппенъ, называлось Бѣляки?“ представилъ доказательства, опровергающія указанія Кеппена и мнѣніе А. И. Артемьева во введеніи къ „Списку населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи“ (**) о томъ, что подъ словомъ Бѣляки должно разумѣть владѣнія Татарина Казанскаго царства Бѣляка „имянного человѣка“, и въ заключеніе объяснилъ, что слово „бѣлякъ“ тюркскаго происхожденія и означаетъ единицу территориальнаго владѣнія.

На объясненія С. М. Шпилевскаго представилъ возраженія И. Я. Христофоровъ. По его мнѣнію слово „бѣлякъ“, часто встрѣчающееся въ актахъ Алатырской приказной избы и въ грамотахъ, доставленныхъ ему А. О. Бѣлокрысенко, происходитъ не отъ какаго-либо инородческаго слова, а отъ русскаго глагола „обѣлять“ (прилагат. „обѣленный“), такъ какъ русскіе государи, присоединяя къ своимъ областямъ инородческія земли, *обѣляли* ихъ („Бѣлый Царь“) и давали имъ большія льготы сравнительно съ русскими землями. Въ вышеприведенныхъ актахъ (XVII в.) встрѣчаются указанія на обѣленные мордовскія поселенія; поэтому г. Христофоровъ позволяетъ себѣ думать, что слово „бѣлякъ“ имѣетъ дѣйствительно указанное имъ значеніе. Академикъ Кеппенъ былъ въ мѣстностяхъ заселенныхъ Мордвой и разговаривалъ съ Мордвинами, которые называли ему себя *бѣляками*.

На возраженія И. Я. Христофорова С. М. Шпилевскій отвѣчалъ: Въ названіяхъ селеній слово „бѣлякъ“ встрѣчается не только у Мордвы, но и у Черемисъ, и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ Мордвы никогда не было. Согласиться же съ мнѣніемъ И. Я. Христофорова, что слово „бѣлякъ“ можно принять еще въ смыслѣ *обѣленія*, онъ считаетъ

(*) Подробности см. въ вышеприведенномъ «Словарѣ» Н. И. Золотницкаго, стр. 246—260.

(**) См. «Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губ.», изд. Центр. Статист. Комит. М. В. Д., Сиб. 1866, стр. LXXIV.

невозможнымъ, такъ какъ въ грамотахъ слово „белякъ“ пишется черезъ *e*, а не черезъ *ъ*. Кроме того, потому еще слово „белякъ“ нельзя принять въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, что по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ всѣ жители поселеній, въ названіямъ которыхъ присоединяется слово „белякъ“, платили подати. Предположеніе же, что Мордвы называли себя Бѣляками въ разговорѣ съ г. Кеппенемъ—лишено всякаго вѣроятія.

И. Я. Христофоровъ возразилъ на это, что онъ основывается на грамотахъ XVII вѣка и что такихъ грамотъ онъ знаетъ нѣсколько.

Объясненія С. М. Шпилевскаго были подтверждены замѣчаніями П. И. Мельникова, Н. И. Золотницкаго и И. А. Износкова.

П. И. Мельниковъ сказалъ: Въ сороковыхъ годахъ по мордовскимъ деревнямъ Нижегородской и отчасти Симбирской губерній съ покойнымъ академикомъ П. И. Кеппенемъ ѣздилъ я. Ни одинъ Мордвинъ Бѣлякомъ Кеппену себя не называлъ. Объяема Мордва не была; ее раздавали разнымъ служилымъ людямъ во владѣніе „для крещенія Мордвы“. Въ этомъ удостовѣряютъ грамоты XVII в., какъ напримѣръ, находящіяся въ Новоусадской волости Арзамасскаго уѣзда. Объ этомъ напечатано въ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1849 года. При Иванѣ Грозномъ много нижегородской Мордвы на этомъ условіи пожаловано было Каллисту Собакину, брату второй жены царя. Первыми обьяленными крестьянами были кажется крестьяне, помогавшіе иновинѣ Марѣѣ во время ея заточенія и награжденные за то ея сыномъ, царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, да родственники Сусаница—въ нынѣшней Костромской губерніи.

Н. И. Золотницкій заявилъ, что слово „белякъ“—есть смягченное джагатайское „былак“, „бѣлак“—даръ, подарокъ (чувашское „пылак“) или турецко-татарское „бѣлѣкъ“—часть, доля (чувашское „пѣлѣхси“—духъ, раздающій жребій).

И. А. Износковъ замѣтилъ, что селенія, въ названія которыхъ входитъ слово „белякъ“, встрѣчаются въ Казанской губерніи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ Черемисы. Черемисы называютъ ихъ не „белякъ“, а „пелякъ“, что значитъ на ихъ языкѣ—часть, половина („пель“).

Седьмое засѣданіе, 4 августа вечеромъ, по Отдѣленію домашняго и общественнаго быта (подъ предсѣдательствомъ П. И. Саввантова).

1. И. Я. Христофоровъ прочелъ рефератъ: „Какія старинныя грамоты хранятся въ Симбирскѣ, въ Карамзинской библіотекѣ?“

2. Н. П. Загоскинъ прочелъ рефератъ о разсмотрѣнномъ имъ, по порученію Предварительнаго Комитета IV Археологическаго Съѣзда, собраніи актовъ вл. В. И. Баюшева. Это собраніе, состоящее изъ 346 актовъ, главнымъ образомъ второй половины XVII вѣка, а отчасти первой половины XVII и XVIII вв.—представляетъ важный историческій, а еще болѣе историко-юридическій матеріалъ. Научное значеніе этого матеріала обуславливается тремя обстоятельствами: 1) Имѣя мѣстный интересъ по отношенію къ краю,

опредѣляемому четырехугольникомъ, образуемому городами Нижнимъ-Новгородомъ, Казанью, Симбирскомъ и Пензою,—акты кн. Баюшева представляютъ матеріалъ для изученія исторіи мѣстности бывшаго Казанскаго царства; главнымъ образомъ акты эти касаются уѣздовъ Симбирскаго и Арзамасскаго. 2) Находящіеся въ собраніи акты гражданскихъ сдѣлокъ между частными лицами (сдѣлочныя, рядныя, сговорныя, мѣновныя, купчія, заемныя и другія записи), въ количествѣ ста слишкомъ нумеровъ, представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія исторіи русскаго гражданскаго права и въ частности правъ вотчинныхъ и помѣстныхъ; изданіе актовъ подобнаго рода составляетъ насущную потребность науки исторіи русскаго права. 3) Собраніе актовъ кн. Баюшева представляетъ родовой архивъ, по которому возстановляется исторія родовъ Патрикѣевыхъ и Воронцовыхъ (а отчасти и нѣкоторыхъ другихъ) за вторую половину XVII ст.; это придаетъ собранію характеръ живой, органически связанной массы актовъ, совокупное изученіе которыхъ должно повести ко многимъ важнымъ бытовымъ и историко-юридическимъ выводамъ. Представивъ краткую опись всего собранія актовъ кн. Баюшева, референтъ заявилъ, что, по его убѣжденію, изданіе этого собранія составляетъ въ интересахъ исторической и историко-юридической науки безусловную необходимость и предложилъ свои труды по дальнѣйшему приготовленію его къ печати.

3. И. А. Сребницкій прочелъ рефератъ: „Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи“.

По поводу реферата г. Сребницкаго высказаны были замѣчанія В. Б. Антоновичемъ, Г. О. Карповымъ и К. М. Грюнвальдомъ.

В. Б. Антоновичъ отрицалъ участіе городскихъ цеховъ въ происхожденіи братствъ. Вслѣдствіе этого онъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ референта относительно подраздѣленія братствъ на цеховыя и нецеховыя и полагалъ, что цеховыя братства лишь простая случайность. Изъ официальныхъ актовъ видно, что при возникновеніи своемъ братства состояли изъ лицъ разныхъ сословій, а не однихъ только горожанъ; въ составъ ихъ входили, наряду съ послѣдними, дворяне и духовенство; такъ напримѣръ Луцкое братство имѣло своими членами преимущественно дворянъ. Если ужъ принимать гипотезы, то вмѣсто гипотезы, производящей братства отъ цеховъ, можно обратить вниманіе на другую, столь же мало основанную на фактахъ, именно на возникновеніе братствъ подъ вліяніемъ римскаго католичества.

Г. О. Карповъ, въ подтвержденіе и разъясненіе доводовъ высказанныхъ И. А. Сребницкимъ, заявилъ слѣдующее: Такихъ братствъ, какія были въ западной Малороссіи, въ восточной Малороссіи не было. Братства западной Малороссіи имѣли въ виду главнымъ образомъ религіозную борьбу, между тѣмъ какъ въ восточной Малороссіи они отличались болѣе практическимъ характеромъ, хотя и преслѣдовали благотворительныя цѣли. Съ окончаніемъ войнъ Богдана Хмельницкаго, вслѣдъ за Переяславской Радой, въ 1654 г., были отправлены въ Москву депутаціи отъ малороссійскихъ городовъ съ цѣлью просить подтвержденія привилегій на управленіе по Магдебурскому праву. Въ числѣ депутатовъ, рядомъ съ представителями городовъ, явились и представители цеховъ, которые привезли

Московскому правительству рядъ документовъ, обрисовывающихъ устройство этихъ цеховъ. Изъ названныхъ документовъ узнаемъ мы то же, что слышали въ рефератѣ г. Сребницкаго. Кромѣ экономическихъ и торговыхъ цѣлей, у цеховъ были благотворительныя цѣли; члены цеховъ назывались братчиками, имѣли извѣстные праздники, пиры, были обязаны подчиняться главѣ цеха (братства) въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Остатки цеховыхъ братствъ въ восточной Малороссіи существуютъ до нашего времени; эти то современные намъ остатки въ городахъ и мѣстечкахъ Полтавской губерніи и описаны П. А. Сребницкимъ.

К. М. Грюнвальдъ возражалъ противъ происхожденія церковныхъ братствъ отъ цеховъ. Онъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: Ошибка П. А. Сребницкаго, на которую указалъ В. Б. Антоновичъ, произошла по моему мнѣнію отъ того, что референтъ смотритъ на цехи, какъ на національныя учрежденія, какими они вовсе не были. Цехи—суть только совокупность ремесленниковъ, а братства имѣютъ національную основу, преслѣдуютъ національныя цѣли, чѣмъ и отличаются отъ цеховъ. Если смотрѣть на братства съ этой послѣдней точки зрѣнія, то кромѣ *братствъ* Южной Россіи мы найдемъ тождественныя имъ корпораціи въ Сѣверо-восточной Россіи; это *братчины*, отличающіяся отъ братствъ только тѣмъ, что появленіе послѣднихъ было выпущдено особымъ обстоятельствомъ—необходимостью дѣйствовать противъ римско-католической пропаганды.

П. Я. Аристовъ замѣтилъ на это, что братства и братчины не одно и то же: первая имѣютъ характеръ учрежденій постоянныхъ, вторыя отличаются характеромъ временнымъ, собираются по преимуществу въ престольные праздники. Юридическія права тѣхъ и другихъ представляютъ громадное различіе: братчина судила въ своей средѣ членовъ, пока они не ушли изъ нея, или пока она не кончилась, а судъ братствъ былъ постоянный.

К. М. Грюнвальдъ заявилъ, что кромѣ указанныхъ имъ братствъ—братчинъ, въ Сѣверо-восточной Россіи существуютъ еще подобныя корпораціи, какъ напримѣръ: артели, ватаги, которыя онъ называетъ также братствами.

П. А. Сребницкій указалъ на то, что малорусскія церковныя братства имѣютъ свои отличительныя черты по самому своему содержанію и особыя историческія задачи, вслѣдствіе чего не могутъ быть отождествляемы съ великорусскими братчинами, артелями и ватагами.

П. Я. Аристовъ замѣтилъ, что въ Южной Руси люди соединялись въ братства для религіозныхъ цѣлей и что братства совсѣмъ не похожи на артели, связанныя единствомъ ремесла лицъ, ихъ составлявшихъ.

К. М. Грюнвальдъ прибавилъ, что только этимъ и отличались малороссійскія братства отъ великорусскихъ.

Восьмое засѣданіе, 5 августа утромъ, по Отдѣленію памятниковъ искусствъ и художествъ (подъ предсѣдательствомъ Ф. К. Бруна).

1. В. А. Прохоровъ сообщилъ „Историческое и археологическое обозрѣніе изображеній креста съ первыхъ вѣковъ христіанства, при чемъ показаны множество рисунковъ различныхъ видовъ креста въ разныхъ родахъ искусства, въ слѣдующемъ порядкѣ изображеній: 1) крестъ въ катакомбахъ римскихъ, 2) на фрескахъ и мозаикахъ, 3) рѣзные кресты изъ слоновой кости, изъ камня, дерева, металловъ и пр.; 4) кресты съ распятіемъ, 5) на церковныхъ украшеніяхъ, 6) кресты на престольные, воздвизательные, и употреблявшіеся въ крестныхъ ходахъ, 7) на древнихъ монетахъ, 8) въ рукописяхъ, 9) на одеждахъ священно-служителей (такъ называемыя крестатыя ризы—полиставріонъ), 10) на окладахъ евангелій, 11) на церквахъ, 12) кресты мѣдно-литные, тѣлники и на веригахъ, 13) находимые въ курганахъ.

2. Графъ М. В. Толстой прочиталъ рефератъ „О древнихъ иконахъ въ г. Старой Русѣ“.

3. Ю. В. Иверсенъ читалъ рефератъ: „Что означаютъ отдѣльныя буквы на лицевой и оборотной сторонѣ серебряныхъ копѣекъ и денежекъ до Петра I“.

В. К. Савельевъ заявилъ, что онъ не совсѣмъ согласенъ съ референтомъ относительно знаковъ на русскихъ монетахъ; есть много монетъ Іоанна III съ буквами сл, ю и другими. По мнѣнію В. К. эти буквы должны означать имена монетчиковъ. Такъ референтъ указываетъ самъ на имя „ORRI ꝛ STOTE = LFS“ на монетахъ времени Іоанна III. Для точнаго опредѣленія значенія всѣхъ буквъ на древнихъ русскихъ монетахъ, необходимо изучить исторію нашего монетнаго дѣла. На монетахъ Бориса Феодоровича находятся съ боку всадника во; иногда справа гд, слѣва рь = „Борисъ Государь“. Подъ всадникомъ ставятся имена городовъ: М (Москва), Пс (Псковъ), Н или Но (Новгородъ); но нельзя приурочивать произвольно монеты съ буквами Ар наприм. къ Ярославлю. При Іоаннѣ III ставилась буква М, а при Іоаннѣ Грозномъ, кромѣ монетъ съ буквою М = Москва, были монеты съ буквами ПС (Псковъ). На монетахъ Димитрія Самозванца и Шуйскаго—Н, по объясненію ученыхъ нумизматовъ, означаетъ „Новгородъ“; на нѣкоторыхъ: нрг т. е. Новгородъ и годъ отъ сотворенія міра 7113 или 1605. Послѣ Іоанна Грознаго монеты съ разными буквами подъ всадникомъ встрѣчается больше; буквы эти по всей вѣроятности обозначаютъ имена клейморфовъ, денежныхъ мастеровъ. Желательно бы было найти грамоты, которыя бы разъяснили намъ эти вопросы.

Ю. В. Иверсенъ замѣтилъ, что онъ говорилъ о монетахъ XVI вѣка и притомъ называлъ немногія, чтобы не утомлять слушателей. Рѣшеніе многихъ вопросовъ, относящихся къ нумизматикѣ, которая находится еще въ младенчествѣ, онъ предоставляетъ будущему.

4. П. И. Савванитовъ прочиталъ статью Д. И. Прозоровскаго „О монетахъ Владиміра Святаго“, заключающую въ себѣ отвѣтъ на 58 вопросъ программы Съѣзда.

Л. К. Ивановскій сдѣлалъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: при опредѣленіи монетъ, называемыхъ „Владимірово серебро“ и „Владимірово злато“ принимается во

вниманіе символическій знакъ, признаваемый за птицу. Совершенно такой же знакъ былъ найденъ вмѣстѣ съ монетами Владимірова злата въ курганахъ Водьской пятины. Съ точки зрѣнія зоолога этотъ знакъ скорѣе похожъ на знамя или церковную хоругвь, чѣмъ на птицу. Найденный знакъ былъ придрѣланъ къ мѣдному кружку съ ушкомъ на верху. Эта привѣска съ изображеніемъ буквъ HQ (Henricus Quintus) доказываетъ, что названныя монеты употреблялись гораздо позже Владиміра.

А. Я. Гаркави признаетъ вообще справедливость мнѣнія г. Прозоровскаго, но желаетъ обратить однако вниманіе гг. членовъ Съѣзда на то обстоятельство, что появленіе позднѣйшей формы буквы и въ рукописяхъ XI вѣка не можетъ еще служить доказательствомъ, что форма эта употреблялась уже на монетахъ X вѣка. Кромѣ различія времени, слѣдуетъ, по мнѣнію г. Гаркави, принять еще во вниманіе и различіе этихъ двоякаго рода памятниковъ въ палеографическомъ отношеніи, такъ какъ извѣстно, что въ то время, какъ форма буквъ въ писанныхъ памятникахъ, вслѣдствіе наклонности писцовъ къ лигатурамъ и сокращеніямъ, раньше измѣняется и получаетъ видъ скорописи, каменные и металлические памятники гораздо долѣе сохраняютъ первоначальную форму буквъ. Для наглядности г. Гаркави представилъ различныя фазисы, чрезъ которые прошла буква *хетъ* (т) древне-семитскаго или финикійскаго алфавита, при переходѣ въ греческую Η и славяно-русскую и. При этомъ случаѣ г. Гаркави выразилъ желаніе, чтобы Археологическій Съѣздъ озаботился составленіемъ хронологической таблицы измѣненій русскаго алфавита на разныхъ памятникахъ (напримѣръ въ надписяхъ на камняхъ и на деревѣ, на монетахъ и т. д.) и въ древнихъ рукописяхъ. Такая таблица могла бы служить опорой для русскаго палеографіи и для безошибочнаго опредѣленія времени многихъ древне-русскихъ памятниковъ.

В. К. Савельевъ заявилъ, что извѣстный нумизматъ кн. Баратаевъ показывалъ ему таблицу буквъ различныхъ формъ, сообразно каждому вѣку. Было бы интересно имѣть подобную таблицу и для русскихъ буквъ, какъ онѣ писались въ извѣстное время.

П. И. Савваитовъ замѣтилъ, что у насъ есть подобная таблица, именно въ работѣ архимандрита Амфилохія, помѣщенной въ трудахъ Перваго Археологическаго Съѣзда, а нужно бы имѣть хронологическую таблицу буквъ, снятыхъ съ монетъ и памятниковъ.

Б. В. К. Савельевъ прочиталъ свой рефератъ: „О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ“, служащій дополненіемъ къ статьѣ П. Д. Шестакова о городѣ Маджарѣ и къ реферату С. М. Шпилевскаго о городѣ Булгарѣ. (См. первое засѣданіе).

Девятое засѣданіе, 5 августа вечеромъ, по общимъ вопросамъ (подъ предсѣдательствомъ Е. Е. Замысловскаго).

Д. А. Корсаковъ представилъ свои соображенія о необходимости основать въ Казани ученое общество для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края (по 1-му вопросу программы Съѣзда).

По поводу сообщенія Д. А. Корсакова были сдѣланы возраженія и дополненія С. М. Шпилевскимъ, К. В. Лаврскимъ, Н. П. Загоскинымъ, Н. О. Юшковымъ, графомъ А. С. Уваровымъ и П. Д. Шестаковымъ.

С. М. Ш п и л е в с к і й высказалъ слѣдующее:

Я считаю необходимымъ сдѣлать замѣчаніе относительно опредѣленія Д. А. Корсаковымъ въ его интересномъ сообщеніи границъ древняго Булгарскаго царства. Границы эти не простирались такъ далеко на западъ, какъ указываетъ г. Корсаковъ. Впрочемъ референтъ ссылается въ этомъ случаѣ на авторитетныя изслѣдованія по исторіи Волжско-Камской Булгаріи, напр. В. В. Григорьева. Но нѣтъ основанія доводить предѣлы Булгарскаго царства до Оки или до Суры; нѣтъ данныхъ считать даже западную часть Казанской губерніи принадлежавшею къ Булгаріи. Народы, обитавшіе по правой сторонѣ Волги, въ предѣлахъ теперешней Казанской губерніи—Черемисы, а въ нынѣшней Нижегородской губерніи—Мордва. Татищевъ говоритъ, что при устьѣ Оки былъ болгарскій городъ, но П. И. Мельниковъ въ прошлое засѣданіе Съѣзда доказалъ, что здѣсь былъ не болгарскій городъ, а мордовское укрѣпленіе. Элементъ черемисо-мордовскій менѣе другихъ можно считать болгарскимъ, если подъ Булгарами разумѣть амальгаму извѣстныхъ племенъ. Мнѣ кажется, что Булгары были тюркскаго происхожденія; Мордва же почти не принадлежала Булгарскому царству; ничтожная связь соединяла ее съ Булгарскимъ царствомъ: можетъ быть она платила ему лишь небольшую дань. Такимъ образомъ въ этнографическомъ отношеніи нельзя опредѣлить распространеніе Булгарскаго царства на западъ. Вещественные памятники этого царства—городища оканчиваются на рѣкѣ Свіягѣ. Если будемъ смотрѣть на городища изъ г. Булгара, то увидимъ, что они распространяются во всѣ стороны концентрически и на западѣ оканчиваются Свіягой. Дѣйствительно въ уѣздахъ Чебоксарскомъ, Цивильскомъ, Ядринскомъ и Козмодемьянскомъ этой системы укрѣпленій нѣтъ; здѣсь только изрѣдка встрѣчаются могильныя насыпи, ничтожныя въ сравненіи съ тѣми, которыя находятся въ восточной части Казанской губерніи. Такимъ образомъ ни этнографическія данныя, ни указанные вещественные памятники—не даютъ возможности опредѣлить западной границы Булгарскаго царства.

Я не могу согласиться также съ тѣмъ, что нынѣшняя Вятская губернія совсѣмъ не входила въ составъ Булгарскаго царства. Г. Корсаковъ представляетъ себѣ Вятскую область какъ нѣчто цѣлое въ смыслѣ историческомъ, тогда какъ она дѣлилась на двѣ части, совершенно различныя по историческимъ судьбамъ: сѣверная входила въ составъ Біарміи, а южная тянула къ Булгарамъ; это послѣднее обстоятельство можетъ быть между прочимъ доказано и тѣмъ явленіемъ, что исламъ распространялся и по низовьямъ Вятки. Скажу нѣсколько словъ и по поводу очерка колонизаціи здѣшняго края, сдѣланнаго г. Корсаковымъ, который утверждаетъ, что русская колонизація началась послѣ паденія Булгарскаго царства и происходила между прочимъ путемъ плѣна. Мы знаемъ кровавыя войны Булгаръ съ Русскими, знаемъ какъ первые брали городъ Муромъ, мы имѣемъ указанія Татищева на борьбу Русскихъ съ Булгарами. Нѣтъ основанія предполагать, что только съ Казанскимъ царствомъ явились въ Поволжьи русскіе плѣнные.

Что касается до источниковъ исторіи Казанскаго края, то я позволю себѣ высказать г. Корсакову слѣдующее. Прежде всего я удивляюсь оптимизму г. Корсакова и не понимаю на какихъ данныхъ онъ основываетъ свою надежду, что татарскія лѣтописи дадутъ важный матеріалъ для исторіи здѣшняго края. Френъ умѣлъ искать, искалъ 25 лѣтъ и ничего не нашелъ. Можно указать лишь на татарскія преданія, которыя съ конца XVI ст. остаются безъ всякаго измѣненія. Затѣмъ г. Корсаковъ помѣщаетъ въ числѣ источниковъ Казанскаго края „Скиескую исторію“ Лызлова, которая составляетъ ничтожную компиляцію изъ недостоверной „Казанской Исторіи“ неизвѣстнаго автора, несправедливо приписываемой Глазатому, и изъ всѣмъ извѣстныхъ „Сказаній“ князя Курбскаго. „Скиеская исторія“ воспроизводитъ цѣлыя страницы изъ „Исторіи Іоанна IV“ Курбскаго. Далѣе г. Корсаковъ указалъ на историко-юридическіе акты Казанскаго края, находящіеся у здѣшнихъ помѣщиковъ, и между прочимъ на акты XVI—XVII вв., доставленные на Выставку при Съѣздѣ Казанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства А. Г. Осокинымъ; я долженъ подтвердить это указаніе и кромѣ того прибавить, что у П. Г. Осокина находятся важные документы, относящіеся къ XVIII в. Я имѣю изъ нихъ въ настоящее время въ своемъ распоряженіи интересное дѣло о составленіи наказа отъ города Казани депутатамъ въ комиссію 1767 г. для составленія проекта Новаго Уложенія. Извѣстно, что спеціальныя наказы давались депутатамъ въ эту комиссію отъ разныхъ сословій каждой губерніи: отъ дворянъ, отъ городовъ и другихъ общественныхъ группъ. Со времени избранія депутатовъ въ комиссію 1767 г. появляются предводители дворянства и городскіе головы. Первымъ городскимъ головою въ Казани былъ Дрябловъ, владѣлецъ казанской суконной фабрики, теперь принадлежащей г. Осокину. Дѣло, которое я имѣю въ рукахъ, взято изъ архива Дряблова; изъ этого дѣла видѣнъ самый процессъ составленія депутатскихъ наказовъ. Дворянскіе наказы печатаются въ Сборникѣ, издаваемомъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, между тѣмъ до сихъ поръ неизвѣстно какъ составлялись и писались наказы городскіе, а потому для насъ дорого дѣло о составленіи наказа отъ города Казани, найденное на мѣстѣ. Мнѣ и г. Корсакову извѣстно, что въ селѣ Мурзихѣ, Лаишевскаго уѣзда, имѣніи С. П. Толстаго, есть богатый семейный архивъ. Предокъ гг. Толстыхъ, П. А. Толстой былъ любимцемъ Петра I и велъ переписку съ нимъ; эта переписка сохранилась въ указанномъ архивѣ, гдѣ находятся также цѣлыя связки актовъ XVI и XVII вв. и частная переписка XVIII столѣтія. Наконецъ замѣчу, что не только у мѣстныхъ помѣщиковъ есть акты, но ихъ можно найти въ русскихъ селахъ и деревняхъ, и у ипородцевъ, которые придавали актамъ большое значеніе, какъ даннымъ на право владѣнія землею. Жителямъ г. Казани извѣстно, что года два тому назадъ, на основаніи акта конца XVI ст., Татары выиграли у казны миллионное дѣло. Актъ этотъ находился у меня въ рукахъ и былъ своевременно представленъ здѣшнему окружному суду. И такъ въ деревняхъ и у ипородцевъ можно найти много актовъ, которые освѣтятъ доселѣ довольно темную исторію нашего края.

Не сомнѣваюсь, что зародившаяся мысль о необходимости у насъ археолого-этнологическаго общества скоро осуществится, такъ какъ силы, нужныя для этого, все болѣе и болѣе растутъ.

К. В. Лаврскій выразилъ убѣжденіе, что будущее ученое общество въ Казани явится звеномъ, связующимъ университетъ съ мѣстными образованными классами; ученое общество дастъ возможность бывшимъ студентамъ университета не прерывать съ нимъ внутренней связи и послѣ выхода изъ него, предоставивъ имъ средства посвящать свой досугъ научнымъ занятіямъ.

Н. П. Загоскинъ, въ дополненіе къ источникамъ мѣстной казанской исторіи, указаннымъ г. Корсаковымъ, сообщилъ объ извѣстныхъ ему запискахъ дворянъ Пензенской губ. (Записки Юматова, конца XVIII в., автобіографія Чемесова, той-же эпохи и др.), о рукописной книгѣ „О строеніи г. Пензы“, хранящейся въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ, и заявилъ о томъ, что у пензенскихъ дворянъ вообще имѣется очень много важныхъ историческихъ актовъ. Г. Загоскинъ, въ заключеніе сообщилъ, что редакторъ „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго университета, проф. А. М. Осиповъ предлагаетъ печатать въ этомъ изданіи труды будущаго ученаго общества и источники мѣстной исторіи.

Н. Ф. Юшковъ полагалъ, что „Ученныя Записки“ университета не могутъ вполне удовлетворить всѣмъ цѣлямъ будущаго общества и настаивалъ на „насущной необходимости“, какъ онъ выразился, для общества имѣть свой журналъ. Г. Юшковъ, въ дополненіе къ заявленному г. Загоскинымъ, сообщилъ, что въ его распоряженіи находятся записки его покойнаго отца Ф. Г. Юшкова, бывшаго профессоромъ Казанскаго университета, и что онъ передалъ И. С. Аксакову найденныя имъ въ бумагахъ В. И. Панаева пять тетрадей „Дѣтскаго Журнала“ С. Т. Аксакова.

Графъ А. С. Уваровъ находилъ программу ученаго общества, начертанную г. Корсаковымъ, слишкомъ широкою; по мнѣнію гр. Уварова программа эта отдаляетъ задачи проектируемаго общества отъ археологической науки и переноситъ эти задачи въ область этнографіи и исторіи. Графъ Уваровъ обращается съ просьбой въ будущимъ членамъ Казанскаго Археологическаго Общества ограничить его программу и не захватывать XVIII и XIX вѣковъ.

Д. А. Корсаковъ возразилъ С. М. Шпилевскому слѣдующее:

С. М. Шпилевскій указалъ на то, что я будто бы слишкомъ распространяю границы Болгарскаго царства. Я сказалъ только, что границы этого царства трудно опредѣлить съ точностью и что вопросъ о нихъ есть вопросъ спорный. Говоря о западной границѣ Болгарскаго царства, я никакъ не имѣлъ въ виду утверждать, что въ западной части Казанской губерніи обитали Болгары въ смыслѣ отдѣльнаго племени. Вопросъ о томъ, къ какому племени принадлежали Волжско-Камскіе Болгары—есть также вопросъ спорный; иные ученые даже совсѣмъ отрицаютъ какую-нибудь опредѣленную національность Волжско-Камскихъ Болгаръ. Извѣстно, что по рѣкѣ Ока жила Мордва, которая, по всей вѣроятности, входила въ составъ Болгарскаго царства (Болгарскаго союза), о чемъ можно между прочимъ заключить изъ подробныхъ лѣтописныхъ сказаній о походахъ суздальскихъ князей на Мордву и Болгарь.

Второе замѣчаніе С. М. Шпилевскаго относится къ источникамъ исторіи Казанскаго края, о которыхъ я упомянулъ. Я не вдавался въ критику этихъ источниковъ, я перечи-

слилъ только нѣкоторые изъ нихъ. Я согласенъ, что изъ числа поименованныхъ мною источниковъ далеко не всѣ одинаково научнаго достоинства; нѣкоторые изъ нихъ не могутъ быть отнесены къ такъ называемымъ *первоисточникамъ*, другіе не могутъ быть почтены особенно важными, такъ какъ не сообщаютъ существенныхъ данныхъ для исторіи Казанскаго края. Но тѣмъ не менѣе, какъ тѣ такъ и другіе, по моему мнѣнію, должны быть сначала приведены въ извѣстность, а затѣмъ рассмотрѣны критически, потому что историкъ долженъ быть одинаково знакомъ съ источниками разныхъ категорій: не только первичной, но и вторичной редакціи, не только съ важными и достовѣрными, но и съ совершенно неважными и завѣдомо недостовѣрными, потому что только при анализѣ и сопоставленіи всѣхъ источниковъ, историкъ можетъ правильно высказать свое сужденіе объ историческихъ фактахъ, добываемыхъ изъ источниковъ. Что касается въ частности до мнѣнія С. М. Шпилевскаго о „Скнѣской Исторіи“ Лызлова, какъ о незаслуживающей вниманія компиляціи, то я позволю себѣ спросить: а наши русскіе лѣтописные сборники, не исключая старѣйшаго Лаврентьевскаго, развѣ не компиляціи? Лѣтописные сборники являются *первоисточниками* только потому, что источники, изъ которыхъ черпали свои свѣдѣнія составители сборниковъ, въ большинствѣ случаевъ не дошли до насъ; свидѣтельства же о Казани, приводимыя Лызловымъ, большею частью заимствованы имъ изъ такихъ источниковъ, которые мы можемъ имѣть подъ руками. Кромѣ того въ лѣтописныхъ сборникахъ находится не мало вполне недостовѣрныхъ свѣдѣній; многими изъ такихъ свѣдѣній мы дорожимъ только потому, что они относятся въ болѣе отдаленнымъ историческимъ эпохамъ, а данныя сообщаемыя Лызловымъ касаются XV и XVI вѣковъ.

С. М. Шпилевскій отвѣчалъ Д. А. Корсакову, что онъ желалъ только указать на различіе между западной и восточной частями Булгарскаго царства. Въ западной части *бумаризмъ* выражался лишь въ платежѣ дани народностями, подвластными Булгарамъ; въ восточной части—онъ являлся для разныхъ племенъ въ видѣ ислама. Поэтому-то распространеніе предѣловъ Булгарскаго царства до западныхъ границъ теперешней Казанской губерніи, а тѣмъ болѣе до восточной части губерніи Нижегородской, г. Шпилевскій считаетъ неправильнымъ. Г. Шпилевскій заявилъ, что возраженіе его по вопросу о западной границѣ Булгарскаго царства относится, какъ къ г. Корсакову, такъ и къ г. Григорьеву. Въ заключеніе С. М. Шпилевскій выразилъ удивленіе, что Д. А. Корсаковъ считаетъ возможнымъ проводить аналогію между сочиненіемъ Лызлова и Лаврентьевскимъ лѣтописнымъ сборникомъ.

П. Д. Шестаковъ заявилъ о сочувствіи къ обществу археологіи, исторіи и этнографіи, сочувствіи, выразившемся наглядно тѣмъ, что многіе изъ мѣстныхъ казанскихъ ученыхъ и любителей наукъ уже изъявили желаніе быть членами-основателями общества. Листъ съ именами этихъ лицъ былъ положенъ П. Д. Шестаковымъ на столъ и вскорѣ покрылся цѣлымъ рядомъ новыхъ подписей. „Я глубоко убѣжденъ, заключилъ П. Д. Шестаковъ свое обращеніе къ членамъ Съѣзда, что желающихъ потрудиться на поприщѣ изученія мѣстныхъ древностей найдется не мало среди мѣстныхъ дѣятелей науки“.

Десятое засѣданіе, 8 августа утромъ, по Отдѣленію первобытныхъ древностей (подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Аристова).

1. В. В. Радловъ читалъ свой рефератъ: „О сибирскихъ курганахъ“.

Въ дополненіе къ реферату В. В. Радлова Л. К. Ивановскій замѣтилъ, что упомянутые референтомъ Енисейскіе Остяки, а также и Вогулы, живущіе недалеко отъ народовъ, приводимыхъ В. В. Радловымъ, отличаются отъ племенъ, среди которыхъ они обитаютъ, не только обычаями и языкомъ, но и анатомическимъ строеніемъ головы. Въ настоящее время Енисейцы, среди жителей западной Сибири, единственные народы, сохранившіе длинноголовый (долицефалическій) типъ черепа и представляются какими-то выродками изъ всѣхъ, обрѣжающихъ ихъ народовъ.

2. В. Н. Поливановъ читалъ сообщеніе „О Майнскомъ городищѣ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ., на рѣкахъ Майнѣ и Уткѣ“.

3. В. Б. Антоновичъ прочиталъ рефератъ „О валахъ въ Кіевскомъ княженіи“.

Въ дополненіе къ замѣчанію, высказанному В. Б. Антоновичемъ относительно преданія о змѣяхъ, Н. Θ. Юшковъ сказалъ, что преданіе это весьма распространено. Такъ на Кавказѣ ему удалось слышать одинъ изъ вариантовъ той же легенды. Около Владикавказа есть гора, подъ названіемъ Змѣиная, близъ озера. По мѣстному преданію на вершинѣ этой горы, въ пещерѣ, жилъ змѣй и выходилъ изъ своего жилища, чтобы утолять жажду въ озерѣ. Но змѣй этотъ исчезъ съ появленіемъ Русскихъ на Кавказѣ. Никто прежде не рѣшался даже подходить къ этой горѣ, русскіе же солдаты расположились лагеремъ у самой ея подошвы. Можно предположить, что и здѣсь подъ змѣемъ подразумѣвали враждебныя племена Горцевъ, жившихъ на горахъ, спускавшихся по временамъ въ долины шайками и тревожившихъ туземныхъ жителей. Приходъ Русскихъ заставилъ ихъ удалиться внутрь страны и прекратить свои разбойничьи набѣги.

Относительно названія „Змѣевы валы“ и преданія, разсматривающаго змѣя какъ враждебную силу, А. А. Гатцукъ высказалъ предположеніе: не можетъ ли этотъ рассказъ о змѣяхъ или, какъ ихъ называли въ другихъ вариантахъ великанахъ, Волотахъ, жившихъ въ горахъ и пещерахъ, служить указаніемъ, что преданіе это относится еще къ тѣмъ первобытнымъ людямъ, которые жили въ пещерахъ.

4. И. А. Износковъ доложилъ сообщеніе священника села Кузнецова Царевококшайскаго уѣзда Петрова о *трехъ каменныхъ молоткахъ*, найденныхъ въ этомъ уѣздѣ. Изъ сообщенія видно, что одинъ изъ молотковъ, мраморнаго цвѣта, найденъ 80 лѣтъ назадъ тому, недалеко отъ деревни Корака-Солы, подъ старымъ пнемъ; другой молотокъ, чернаго цвѣта, найденъ 15 лѣтъ тому назадъ въ той же мѣстности, гдѣ и первый, на полосѣ земли распаханной изъ подъ лѣса. Наконецъ третій молотокъ, чернаго съ крапинками цвѣта, найденъ 40 лѣтъ назадъ при распашикѣ мѣста, на которомъ были слѣды старыхъ построекъ, близъ деревни Корсаковой (обѣ деревни Петриковской волости).

Владѣлецъ одного изъ этихъ каменныхъ молотковъ между прочимъ передалъ священнику Петрову, что онъ неоднократно намѣревался раздробить его разными тяжелыми

железными орудіями, думая, не скрывается-ли внутри его что-либо особенное, по всякій разъ молотокъ, по своей необыкновенной твердости, не поддавался его усилямъ. Какъ этотъ владѣлецъ, такъ и другіе, пользовались молотками въ соответствующихъ домашнихъ нуждахъ и преимущественно вѣпали на нихъ косы и серпы; они считаютъ молотки вещами весьма древними и, по минованіи въ оныхъ надобности, просятъ ихъ возвратити по принадлежности.

Къ этому сообщенію П. А. Износковъ добавилъ, что молотки, о которыхъ говоритъ свящ. Петровъ, представлены имъ на Выставку, находящуюся при Създѣ. Подобные этимъ молотки были находимы и въ другихъ мѣстностяхъ Казанской губерніи. Такъ въ 1872 г. ему, г. Износкову, такой же молотокъ и два кремневыхъ ножа были доставлены изъ села Пайгусова, Козмодемьянскаго уѣзда; они были найдены діакономъ этого села Лавинскимъ, при раскопкахъ, предпринятыхъ для постройки новаго зданія. Кромѣ этихъ находокъ, по словамъ Лавинскаго, найдены были два глиняныхъ сосуда, которые были имъ разбиты и черепки выброшены.

Б. Л. К. Ивановскій доложилъ рефератъ А. П. Поливанова „О каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Варнавинскомъ уѣздѣ Костромской губерніи“, при чемъ представилъ 17 каменныхъ орудій и сообщилъ обстоятельства ихъ находки.

Въ дополненіе къ этому докладу Л. К. Ивановскій заявилъ, что достоуважаемый П. И. Мельниковъ сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, что указанная въ рефератѣ г. Поливанова мѣстности Костромской губ. представляютъ не мало городищъ и кургановъ, называемыхъ *Панки*. П. И. Мельниковъ полагаетъ, что это названіе произошло отъ титула черемисскихъ князьковъ.

Къ словамъ Л. К. Ивановскаго П. И. Мельниковъ прибавилъ, что онъ въ 1869 году посѣтилъ Варнавинскій уѣздъ, вмѣстѣ съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ и не замѣтилъ особеннаго религіознаго почтенія къ предметамъ древности, какъ это видно изъ доклада А. П. Поливанова. Въ доказательство г. Мельниковъ разсказалъ, какъ онъ нашелъ въ вышеупомянутомъ уѣздѣ каменный топоръ у одного крестьянина, который имъ вбивалъ гвозди. Онъ купилъ этотъ топоръ безъ всякаго сопротивленія со стороны хозяина.

Тоже подтвердилъ А. Ѳ. Бычковъ.

Графъ А. С. Уваровъ указалъ на то, что каменные молотки были вездѣ въ употребленіи очень долго. Въ доказательство онъ сослался на молотки, хранящіеся въ разныхъ музеяхъ, съ подписями: египетскою, гностическою и руническою.

Б. Л. К. Ивановскій доложилъ сообщеніе А. Г. Хитрова изъ Ирбита „О курганахъ Ирбитскаго уѣзда Пермской губерніи“.

Изъ этого сообщенія видно, что въ Ирбитскомъ уѣздѣ, насколько онъ, г. Хитровъ, успѣлъ до сихъ поръ разузнать, находятся курганы: 1) въ г. Ирбита, въ одной верстѣ отъ города, на западъ; этотъ курганъ извѣстенъ подъ именемъ *городища*; 2) въ 85 в. отъ г. Ирбита, на востокъ къ г. Тюмени, въ одной верстѣ отъ с. Краснаго, указаны священникомъ Хламовымъ два кургана, на сѣверо-западной сторонѣ отъ села: одинъ изъ

кургановъ имѣеть въ діаметрѣ около 12 саж., около 1 $\frac{1}{2}$ саж. вышины, съ 15 небольшими углубленіями, довольно симметрическими, и одною ямою довольно значительною, на вершинѣ; другой курганъ, въ діаметрѣ около 8 саж., вышиною 7 четвертей, съ 7 углубленіями на верхвей части незначительными и 8-мъ довольно значительнымъ. Одинъ отъ другаго курганы лежатъ на разстояніи около 70 сажень. 3) Почти на границѣ (Ирбитскаго уѣзда) Пермской губ. съ Тобольской,—въ 4 верстахъ отъ с. Краснаго, въ дачѣ жителей Туринской слободы, Тобольской губ., находится около 10 кургановъ, въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; но они никѣмъ не разсмотрѣны и до сихъ поръ не изслѣдованы.

Одиннадцатое засѣданіе, 8 августа вечеромъ, по Отдѣленію восточныхъ древностей (подъ предсѣдательствомъ Ф. А. Терновскаго).

1. Е. Т. Соловьевъ читалъ дополненіе къ сдѣланному имъ прежде и заочно прочитанному въ засѣданіи 2 августа сообщенію: „О древнемъ городищѣ близъ села „Рускіе Кирмени“. При этомъ онъ подробно объяснилъ топографію древняго городища и представилъ на доскѣ планъ мѣстности.

Въ дополненіе къ реферату Е. Т. Соловьева С. М. Шпилевскій указалъ на сказаніе лѣтописи 1399 г., въ которомъ именно говорится о взятіи Русскими болгарскаго города Кременчука, близъ Камы. Г. Шпилевскій вполне согласенъ съ мнѣніемъ г. Соловьева о древнемъ происхожденіи названія *Кирмени*, *Кермень*, что по татарски значитъ укрѣпленіе, изгородь; *Кременчугъ*—крѣпость. Одинъ изъ списковъ „Казанской Исторіи“ неизвѣстнаго автора, не служившій матеріаломъ для сочиненія Лызлова, указываетъ на то, что въ 20 верстахъ отъ Камы находился именно тотъ Кременчугъ, о которомъ говоритъ г. Соловьевъ въ своемъ рефератѣ. Изъ рассказовъ о походахъ Русскихъ на востокъ видно, что это былъ самый дальній пунктъ, до котораго они доходили. Этотъ городъ былъ на самомъ крайнемъ востокѣ Болгарскаго царства.

Е. Т. Соловьевъ, на вопросъ С. М. Шпилевскаго о разстояніи, въ какомъ находятся въ настоящее время развалины древняго города Кирмени отъ рѣки Камы, объяснилъ, что развалины эти находятся на разстояніи не болѣе 10 в. отъ Камы.

2. И. А. Износковъ прочиталъ записку г. Маева „О древнихъ развалинахъ и курганахъ въ Сыръ-Дарьинской области“, въ которой указывается на значительное число развалинъ древнихъ городовъ въ Сыръ-Дарьинской области и на преданія, соединенныя съ ними.

По прочтеніи записки г. Маева, В. В. Радловъ заявилъ, что, по его мнѣнію, описаніе мѣстности Ходжента и по берегамъ рѣки Сыръ-Дарьи, сдѣланное референтомъ, составлено безъ всякой системы. Ташкентъ и древніе города Средней Азии изображены имъ въ такомъ видѣ, что трудно составить себѣ какое-либо о нихъ понятіе. Въ этомъ сообщеніи г. Маевъ смѣшала древніе памятники съ относящимися къ эпохѣ Тамерлана и новѣйшіе города съ древними. Предположеніе, что первые города въ этой мѣстности были построены Александромъ

Македонскимъ—не болѣе, какъ преданіе; что же касается до городищъ, то они были и во времена Монголовъ. Въ пустыняхъ Средней Азии человекъ вполне зависитъ отъ воды, такъ какъ необходимымъ условіемъ населенія служить система арыковъ или канавъ, безъ которыхъ почва не приноситъ никакихъ плодовъ; поэтому поврежденіе и разрушеніе этого искусственнаго орошенія ведетъ за собою совершенное залуствіе страны. Вся долина рѣки Или и берега Сыръ-Дарьи въ древнія времена были покрыты большими городами, отъ которыхъ въ настоящее время остались однѣ развалины. Описываемая г. Маевымъ древности В. В. Радловъ раздѣлилъ на послѣдовательныя группы: доисторическую, бактрійскую, монгольскую и мухаммеданскую. Имена древнихъ героев приурочены въ позднѣйшее время, вслѣдствіе знакомства съ персидскими поэтами.

На это замѣчаніе г. Радлова И. А. Износковъ заявилъ, что онъ не можетъ возражать ему, потому что читалъ не свой рефератъ, но что еслибы референтъ былъ на лицо, то, по всей вѣроятности, защитилъ бы свою систему изложенія.

3. Н. И. Ильминскій прочелъ сообщеніе г. Терентьева „О развалинахъ крѣпости *Турткуль* въ Токмакскомъ уѣздѣ“. Изъ этого сообщенія видно, что слѣды укрѣпленія замѣтны, но при раскопкахъ найдено немного вещей и почти ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ глинянаго кубина съ истлѣвшими костями.

4. В. Д. Смирновъ прочелъ сообщеніе, доставленное г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ: „О колоннѣ при р. Буранѣ въ Токмакскомъ уѣздѣ и соединенныхъ съ этимъ памятникомъ легендахъ Киргизовъ и Сартовъ“. Къ этому сообщенію В. Д. Смирновъ прибавилъ, что изъ киргизскихъ легендъ интересны и особенно древни только тѣ, которыя относятся къ постройкамъ; прочія же принадлежатъ къ позднѣйшей эпохѣ. Относительно легенды о колоннѣ при р. Буранѣ у Киргизовъ В. Д. Смирновъ замѣтилъ, что точно такое же преданіе рассказываютъ о замкѣ Кызы-Кулеси или замкѣ Леандра на Мраморномъ морѣ, близъ Босфора. Это сходство особенно интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ какимъ образомъ циркулируютъ преданія, такъ какъ г. Смирновъ не думаетъ, чтобы Киргизы сами могли сложить такое преданіе; странно только то, по мнѣнію г. Смирнова, что Сарты, живущіе ближе къ Персіи, не имѣютъ о немъ никакого понятія.

5. А. Я. Гаркави прочиталъ свой рефератъ: „О Крымскомъ полуостровѣ въ арабской литературѣ до монгольскаго нашествія“. Для объясненія его онъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

Уже не разъ специалистами по русской исторіи высказывалось желаніе, чтобъ было собрано и приведено въ извѣстность все, находящееся въ мусульманской литературѣ, не только о Славянахъ и Руси, но также и свидѣтельства о странахъ и народахъ, окружавшихъ въ старину Славянъ и Русскихъ. Нельзя не признать, что требованіе это весьма основательно, ибо описаніе земель и народовъ, сосѣднихъ съ Славянами и Русскими, непременно броситъ нѣкоторый свѣтъ и на исторію послѣднихъ. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія русскихъ историковъ свидѣтельства о тѣхъ странахъ и городахъ, которые нынѣ входятъ въ составъ Россійской Имперіи, потому что ихъ прошедшее, въ извѣстномъ отношеніи, представляетъ часть всей русской исторіи. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я, на-

сколько служебныя и другія занятія мнѣ позволяли, занимался собираніемъ такихъ матеріаловъ. Такъ я, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ Запискахъ Имп. Ак. Наукъ), разсматривалъ арабскія извѣстія о Туле; затѣмъ я специально занимался извѣстіями о Хозарахъ. Въ настоящемъ засѣданіи я позволю себѣ представить вашему вниманію, мм. гг., разсмотрѣніе древнихъ арабскихъ свидѣтельствъ о Таврическомъ полуостровѣ.

6. Д. О. Петровъ - Борзна, изъ Самарканда, прочиталъ свою замѣтку „О вещественныхъ доказательствахъ археологін, а также о собирателяхъ древностей и кладонска-теляхъ въ Средней Азіи“. Раздѣливъ древніе памятники на два разряда: на неподвижные (зданія, курганы и т. д.) и на подвижные (монеты, рукописи, утварь) и высказавъ мнѣніе, что задача археологін состоитъ въ томъ, чтобы ставить человѣка осязательно, съ глазу на глазъ, съ прошедшими вѣками, референтъ переходитъ къ собирателямъ подвижныхъ предметовъ въ мѣстности между Самаркандомъ, Бухарой и далѣе. Эти собиратели—владоискатели. Такъ какъ въ Средней Азіи ходитъ много преданій о кладахъ, то нищіе послѣ дождей, или вѣтровъ, рассыпаются по всѣмъ холмамъ, ложбинамъ и рывинамъ искать счастливыхъ находокъ. Эти послѣднія продаются ими на мѣстѣ. Купцы афганскіе и изъ Восточной Индіи покупаютъ у нихъ за безцѣнокъ найденныя древнія вещи и продаютъ ихъ въ Англію, иногда за баснословныя суммы. Референтъ, не смотря на препятствія отъ такой конкуренціи, составилъ большое собраніе предметовъ, привезенныхъ имъ на Выставку Сѣзда. Во время чтенія реферата онъ показывалъ замѣчательнѣйшіе камни и монеты.

Послѣ сообщенія г. Петрова-Борзны, В. К. Савельевъ далъ отчетъ о тѣхъ монетахъ, которыя референтъ привезъ изъ Самарканда. В. К. Савельевъ замѣтилъ, что всѣ эти монеты были въ такомъ видѣ, что трудно было разобрать и опредѣлить въ точности надпись и изображеніе на нихъ; но онъ, насколько возможно было, подобралъ бѣльшую часть монетъ и изложилъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Одна монета Александра Македонскаго. 2) Двѣ *греческія* монеты, Діодата. Это очень интересныя экземпляры греческой работы; на одной сторонѣ этихъ монетъ изображена голова въ шлемѣ, а на другой—пѣтухъ направо, позади Меркуріевъ жезлъ и кромѣ того еще надпись съ именемъ Софитъ; но кто былъ Софитъ—неизвѣстно. Эти двѣ маленькія греческія монеты принадлежатъ къ числу неопредѣленныхъ. 3) Двѣ *бактрійскія* монеты. 4) Четыре маленькія монеты съ изображеніемъ головы съ бородой и остатками греческой надписи съ одной стороны, съ другой же—лошади. При этомъ В. К. Савельевъ замѣтилъ, что въ его собственной коллекціи есть такіе же экземпляры, но между монетами, привезенными Д. О. Петровымъ-Борзною изъ Самарканда встрѣчаются новыя, совершенно неизвѣстныя до сихъ поръ виды монетъ. Далѣе слѣдуютъ 5) монеты *сассанидскія*. Къ числу сассанидскихъ монетъ Френъ относитъ монеты, указанныя на его таблицѣ. Между экземплярами г. Петрова-Борзны оказалось шесть монетъ съ чисто арабскими надписями. Было бы весьма интересно, чтобы кто-нибудь изъ оріенталистовъ опредѣлилъ къ какой эпохѣ онѣ принадлежатъ. 6) Двѣ монеты *намыстниковъ халифскихъ*; на одной изъ нихъ изображена голова съ жертвенникомъ, но Френъ этого изображенія не объясняетъ, а только причисляетъ ее тоже къ сассанидскимъ. На другой монетѣ изображена луна надъ головою. 7) Далѣе слѣдуютъ четыре

саманидскія монеты. Этого рода монеты были уже описаны, и В. К. Савельевъ отобралъ, между привезенными изъ Самарканда, четыре болѣе чистыхъ и ясныхъ экземпляра. За ними слѣдуютъ 8) четыре монеты *туркестанскія*—Илековъ. Между послѣдними есть три золотыя монеты съ затѣйливыми надписями, которыя могутъ заставить ориенталистовъ много потрудиться надъ ихъ опредѣленіемъ. 9) Двѣ монеты, относимыя Френомъ къ монетамъ Чингисъ-Хана и Менгу. 10) Нѣсколько монетъ Харезмъ-шаховъ: одна серебряная, три мѣдныхъ и одна золотая. 11) Двѣ перечеканенныя монеты. 12) *Гуладидскія*—двѣ золотыя монеты. 13) *Джучидскія* монеты чеканки халифовъ. Въ Казанской и другихъ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ мало попадаетъ чисто джучидскихъ монетъ чеканки халифовъ, въ Самаркандѣ же напротивъ онѣ встрѣчаются въ больномъ количествѣ. Находимыя у насъ монеты этого вида болшею частью перечеканены и на нихъ изображены имена позднѣйшихъ владѣтелей и потому, какъ говоритъ покойный П. С. Савельевъ, ихъ нельзя приурочить ни къ какой эпохѣ, тѣмъ болѣе, что на нѣкоторыхъ монетахъ изображены не имена хановъ, а названія городовъ. 14) *Джучидскія* монеты хановъ Токту-Бека и Джани-Бека. 15) *Тимуриды*; одна монета Сургатмышъ-хана и Тимуръ-хана, одна Махмудъ-хана и Тимуръ-хана Гуреканъ; изъ нихъ одна серебряная и одна мѣдная. 16) Двѣ монеты *Шахъ-Рохъ*. Это самыя интересныя и рѣдкія монеты. В. К. Савельевъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ продалъ такую монету г. Лихачеву. 17) Четыре экземпляра серебряныхъ монетъ, принадлежащихъ династїи *Шейбанидовъ*. Далѣе слѣдуютъ болѣе новыя монеты: 18) *бухарскія*—одна золотая, одна серебряная и одна мѣдная; 19) *хокандскія*—одна серебряная и одна мѣдная; 20) *хивинскія*—одна мѣдная и одна серебряная; 21) *афганскія*; между монетами, принадлежащими къ этой категорїи золотыя монеты встрѣчаются весьма рѣдко; 22) нѣсколько экземпляровъ *китайскихъ* монетъ; 23) одинъ экземпляръ монеты *грузинскаго* абаза, чеканенный въ царствованіе Императора Александра I-го и рупїя *Остъ-Индской* компанїи и наконецъ 24) *хотанскія*, вычеканенныя для китайскихъ подданныхъ мусульманскаго вѣроисповѣданїя. Для точнаго опредѣленїя всѣхъ этихъ монетъ слѣдуетъ ихъ сначала отчистить и тогда быть можетъ между ними найдется еще нѣсколько новыхъ, неизвѣстныхъ экземпляровъ. Въ заключенїе В. К. Савельевъ заявилъ, что такъ какъ Д. О. Петровъ-Борзна изъявилъ желанїе продать свою коллекцію монетъ, то было-бы важно для науки, чтобы она была приобрѣтена какимъ нибудь ученымъ учрежденїемъ.

Двадцатое засѣданїе, 9 августа утромъ, по Отдѣленїю исторической географїи и этнографїи (подъ предсѣдательствомъ Д. И. Шловайскаго).

1. Н. И. Аристовъ прочелъ свой рефератъ „О землѣ Половецкой“ (*). Сначала референтъ указалъ на доселѣ сохранившїяся названїя мѣстностей въ Харьковской губерніи,

(*) Рефератъ этотъ составляетъ извлеченїе изъ статьи г. Аристова подъ тѣмъ же заглавіемъ, помещенной въ «Извѣст. Ист. Филол. Инст. кн. Безбородко въ Шѣжинѣ» за 1877 г.

свидѣтельствующія о пребываніи Хозаръ, Печенѣговъ, Торковъ, Ковуевъ и Половцевъ; затѣмъ привелъ и объяснилъ извѣстія о набѣгахъ половецкихъ на Русскую землю и о походахъ русскихъ князей въ землю Половецкую, при чемъ обратилъ особенное вниманіе на походы Владиміра Мономаха и Игоря Сѣверскаго. По мнѣнію Н. Я. Аристова, г. *Шарукань* долженъ былъ находиться на мѣстѣ нынѣшняго Харькова, *Чешуевъ*—на мѣстѣ Чугуева, р. *Сальници* есть р. Торъ или Торець, *Суюрлій* означаетъ уголь при впаденіи р. Орельки въ р. Орель, а *Каяла*—то же, что р. Калка.

2. А. Я. Гаркави сообщилъ „Нѣкоторыя данныя по древней географіи, извлеченныя изъ рукописей Императорской Публичной Библиотеки“.

3. Л. Н. Майковъ предложилъ нѣсколько соображеній по 43-му вопросу программы Съѣзда: „Безлѣсная, нынѣ степная, полоса южной Россіи представляла ли когда-либо въ древности обширныя пространства, покрытыя лѣсами, или же она искони, на сколько знаетъ ее исторія, отличалась своимъ нынѣшнимъ степнымъ характеромъ?“ Указавъ на два противоположныя мнѣнія по этому вопросу академикомъ Германа и Бера, изъ коихъ первый полагалъ, что южная Русь была въ древности покрыта обширными лѣсами, которые постепенно истреблены кочевниками, а второй признавалъ исконное безлѣсіе южно-русскихъ степей,—г. Майковъ замѣтилъ, что нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого спорнаго вопроса могутъ представить новѣйшія гео-ботаническія изслѣдованія академика Рупрехта о черноземѣ. Изъ этихъ изслѣдованій, подтвержденныхъ въ своемъ основаніи позднѣйшими изысканіями другихъ ученыхъ, оказывается, что черноземъ южно-русской степи произошелъ отъ перегной травянистой растительности, растительность же степи образуетъ особую флору, которая характеризуется распространеніемъ большихъ массъ ковыля. Процессъ перегной совершался весьма медленно, и потому, заключаетъ г. Майковъ, необходимо допустить, что если южно-русская степь представляетъ нынѣ пространство земли, покрытое тучнымъ черноземомъ, то стало бытъ она издревле обладала только травянистою растительностью, изъ которой въ теченіе вѣковъ и образовалась ея черноземная почва. Затѣмъ г. Майковъ исчислилъ по историческимъ свидѣтельствамъ тѣ лѣсные острова, которые находились въ древности среди нашего черноземнаго юга, при чемъ замѣтилъ, что въ нихъ почва не черноземная, а супесчаная или суглинистая, что косвенно также подтверждаетъ мнѣніе объ исконномъ безлѣсіи черноземныхъ пространствъ. Наконецъ г. Майковъ указалъ, что въ историческихъ свидѣтельствахъ нашихъ лѣтописей можно найти и прямое подтвержденіе той противоположности, которая издревле существовала между природой нашего черноземнаго юга, такъ называемаго „поля“, и лѣснаго сѣвера. Сближеніемъ этихъ историческихъ свидѣтельствъ съ результатами вышеизложенныхъ физико-географическихъ наблюденій г. Майковъ закончилъ свое сообщеніе.

По поводу реферата Л. Н. Майкова были высказаны слѣдующія замѣчанія:

Н. В. Сорокинъ сказалъ: Сообщеніе Л. Н. Майкова въ высшей степени интересно и въ ботаническомъ отношеніи. До сихъ поръ вопросъ о происхожденіи чернозема не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ; поэтому всякое изслѣдованіе, доказывающее одно изъ существующихъ мнѣній, подвигаетъ вопросъ къ его разрѣшенію. И совер-

шенно согласенъ съ мнѣніемъ референта о томъ, что югъ Россіи (или правильнѣе—юго-востоку) не былъ покрытъ лѣсами, и что лѣса являются здѣсь только мѣстами. Что касается до происхожденія чернозема, то быть можетъ образованіе его возможно и воднымъ путемъ: очень многія озера на югѣ Россіи, какъ напр. большое озеро Лиманъ близъ Харькова, окончательно затачиваются громаднымъ количествомъ развивающихся водорослей, изъ осциллярій (*Oscillaria*), которыя образуютъ на днѣ озера громадную толщу въ нѣсколько аршинъ. Слой этотъ состоитъ изъ вымершихъ поименованныхъ организмовъ и окончательно уничтожилъ почти всякую возможность къ существованію рыбы. Въ настоящее время Лиманъ представляетъ небольшое озерко, окруженное топкими болотистыми берегами на большое разстояніе. Эта топь есть продуктъ разрушенія водорослей. Быть можетъ, что тѣ поля, на которыя указалъ г. Майковъ, расположенныя среди прежней лѣсистой полосы (Юрьевое поле и др.), соотвѣтствуютъ именно такимъ *затянувшимся* озерамъ.

С. В. Смоленскій замѣтилъ, что распредѣленіе лѣсовъ въ степномъ пространствѣ Европейской Россіи находится въ прямой зависимости отъ подпочвы данныхъ мѣстностей. Подпочву пространства отъ Карпатъ до Днѣпра составляетъ гранитъ; отъ Днѣпра къ Дону, южнѣе Сѣвернаго Донца—каменный уголь; къ сѣверу отъ Донца до Волги—мѣлъ и на востокъ отъ нижняго теченія Дона и Волги—песчаникъ. Всѣ четыре рода представляютъ различную плотность относительно просачиванія воды, и слѣдовательно влага удерживается всего болѣе на западѣ и всего менѣе на востокѣ. Количество лѣсовъ поэтому, сравнительно наибольшее на западѣ, постепенно уменьшается къ востоку, а въ прикаспійскихъ степяхъ нѣтъ условій, необходимыхъ для лѣснаго произрастанія. Эти указанія вполне подтверждаютъ соображенія г. Майкова.

Д. А. Корсаковъ не соглашался съ указаніемъ Л. Н. Майкова на лѣтописныя свидѣтельства о черноземномъ южномъ русскомъ *полѣ* въ смыслѣ противоположности *лѣсному* сѣверу Россіи. По мнѣнію г. Корсакова, изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ о полѣ съ современными намъ названіями населенныхъ мѣстъ и урочищъ въ Сѣверовосточной (Великой) Россіи, подъ *полемъ* не всегда можно разумѣть степныя, черноземныя мѣстности юга Россіи. Города, называемые *польскими*, т. е. построенными на полѣ, находились какъ извѣстно и не въ черноземной полосѣ Россіи, на сѣверъ отъ Москвы. Такъ въ древней землѣ Ростовско-Суздальской *полемъ* могли называться мѣстности не черноземныя, нѣкогда покрытыя лѣсомъ, а затѣмъ вычищенныя подъ поселеніе и подъ пашню. Земля Ростовско-Суздальская въ названіяхъ своихъ поселеній до сихъ поръ сохранила много такихъ названій, которыя прямо указываютъ на изобиліе лѣса въ этой землѣ въ древности, до появленія тамъ славянскихъ находниковъ; такъ напр.: *Боръ, Рѣменье, Доръ, Дѣрки*. Рядъ другихъ названій населенныхъ мѣстъ въ той же землѣ указываетъ на выжиганье первобытныхъ лѣсовъ славянскими находниками; такъ въ Ярославской губерніи встрѣчаются селенія съ названіями: *Жарь, Ошненики, Ожишино, Опалево, Пады, Пенѣ, Погары, Гарь* и т. п. Изъ этихъ названій селеній можно заключить не безъ вѣроятности, что славянскіе колонисты Ростовско-Суздальской земли, встрѣтивъ на пути своего расселенія большія пространства покрытыя лѣсомъ, выжигали лѣсъ

для поселенія и для пашни. Такимъ путемъ могли возникнуть многія *поля* среди лѣсовъ Ростовско-Суздальской земли; это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что названія поселеній съ прибавленіемъ къ нимъ *поля* встрѣчаются среди поселеній, имя которыхъ произошло отъ изобилія лѣсовъ и отъ выжиганія ихъ. Къ числу такихъ поселеній можетъ быть отнесенъ и построенный Юріемъ Долгорукимъ *Юрьевъ Польскій*, т. е. Юрьевъ на *поль*.

На это возраженіе Л. Н. Майковъ отвѣчалъ, что онъ отнюдь не отрицаетъ многочисленныхъ случаевъ выжиганія лѣсовъ подъ пашни; онъ не утверждаетъ, что всѣ селенія, въ названіе которыхъ вошли слова: *поле*, *польскій*, непременно стоятъ на поляхъ черноземныхъ, но считаетъ возможнымъ указать, что такіа названія были дѣйствительно даны нѣкоторымъ поселеніямъ, основываемымъ на черноземѣ, между тѣмъ около этихъ черноземныхъ полей простирался лѣсъ, выросшій на иной почвѣ; черноземное же пространство отъ Юрьева до Суздаля, нынѣ называемое Опольщиной, такъ велико, что едва ли возможно предположить, что оно могло быть выжжено.

Е. Т. Соловьевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Д. А. Корсакова, сказалъ, что не только во время, сдѣлавшееся уже достояніемъ исторіи, но даже и теперь, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ находятся сплошные лѣса, новые поселенцы сначала занимаютъ небольшія лѣсныя поляны, а по мѣрѣ увеличенія населенія, занятая народомъ площадь увеличивается посредствомъ вырубки окружающаго лѣса и выжиганія древесныхъ корней. Такимъ образомъ новые поселенцы извѣстнаго края не всегда заселяли и заселяютъ среди лѣсовъ поляны совершенно готовые и обладающія черноземнымъ слоемъ почвы, но не рѣдко готовятъ себѣ мѣсто для поселенія выше приведеннымъ искусственнымъ путемъ, что относится между прочимъ и къ Вятской губерніи.

Графъ А. С. Уваровъ подтвердилъ догадку Л. Н. Майкова слѣдующими словами: Въ Юрьевскомъ уѣздѣ при раскопкѣ кургановъ я не находилъ никакихъ слѣдовъ, которые свидѣтельствовали бы о существованіи сплошныхъ лѣсовъ; поэтому полагаю, что большая часть Юрьевского уѣзда въ древнія времена была безлѣсною.

4. Н. А. Лопатинъ прочелъ рефератъ: „О современномъ положеніи мѣстности, гдѣ находился Сарай, столица Золотой Орды“.

5. Ф. К. Брунъ прочелъ рефератъ: „Кто были четыре тюркскія племени, которыя разбили, по свидѣтельству Масуди, Грековъ въ 934 г. подъ стѣнами Валендаря и гдѣ находится этотъ городъ?“

Тринадцатое засѣданіе, 9-го августа вечеромъ, по Отдѣленію памятниковъ языка и письма (подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Порфирьева).

1. П. Д. Шестаковъ прочиталъ рефератъ: „Гдѣ находятся книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ?“

По поводу реферата П. Д. Шестакова П. Н. Савваитовъ сообщилъ, что болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ, занявшись составленіемъ грамматики зырянскаго языка, онъ

обратилъ особенное вниманіе на зырянскія или пермскія письма, которыя съ дѣтства привыкъ видѣть на образѣ св. Троицы, находящемся въ Вологодскомъ кафедральномъ соборѣ. Желая представить зырянскую азбуку вполне соотвѣтствующею числу звуковъ этого языка и предполагая, что для этого можно употребить начертанія буквъ, изобрѣтенныя св. Стефаномъ Великопермскимъ, еслибы нашлись у Зырянъ какія-нибудь книги, написанныя этими буквами,—онъ занялся отыскиваніемъ такихъ книгъ, чему особенно благоприятствовало то обстоятельство, что въ числѣ учениковъ его находились десятки дѣтей зырянскаго духовенства, которое, какъ извѣстно, пользуется особеннымъ довѣріемъ Зырянъ: чрезъ нихъ-то и чрезъ ихъ отцевъ П. И. Савваитовъ надѣялся получить желаемыя имъ книги. Но всѣ поиски привели его лишь къ тому заключенію, что никакихъ книгъ, написанныхъ буквами, изобрѣтенными св. Стефаномъ, у Зырянъ нѣтъ. Къ тому же заключенію привела его и двукратная поѣздка въ края зырянскія. Куда же дѣвались такія книги, если онѣ дѣйствительно были? Вопросъ этотъ занималъ многихъ и рѣшаемъ былъ различно. Но ни пожаръ Усть-Вымскихъ церквей въ 1740 году, ни безпечность духовенства, ни непонятность языка древнихъ переводовъ, на что обыкновенно ссылались для объясненія утраты этихъ книгъ, нисколько не разъяснили дѣла; не разъясняетъ его и сообщенное въ рефератѣ П. Д. Шестакова преданіе, слышанное имъ отъ Зырянъ, будто зырянскія книги были отбираемы отъ Зырянъ во времена царя Ивана Васильевича, такъ какъ это преданіе не имѣетъ никакого фактическаго подтвержденія; оно появилось, по всей вѣроятности, для объясненія небывалой утраты зырянскихъ книгъ извѣстнымъ распоряженіемъ отбирать изъ церквей русскія богослужебныя книги, если бы оказались въ нихъ „разнствія и развращенія“, вправшіяся въ нихъ по невѣжеству или нерадѣнію переписчиковъ. Все это, по словамъ П. И. Савваитова, привело его къ тому твердому убѣжденію, что книгъ, написанныхъ письмами, изобрѣтенными св. Стефаномъ, совсѣмъ не было; что письма эти употреблялись только тамъ, гдѣ народъ могъ видѣть ихъ, напр. на иконахъ и т. п.; что они и составлены были примѣнительно къ древнимъ „пасамъ“ именно для того, чтобы безграмотный народъ не могъ видѣть на нихъ кабалы московской, которою стращали Зырянъ Намъ-сотникъ и подобные ему враги проповѣди Стефановой. Указанная П. Д. Шестаковымъ зырянская подпись Великопермскаго епископа Филофея на ставленной грамотѣ служить скорѣе подтвержденіемъ, чѣмъ опроверженіемъ того, что изобрѣтенныя св. Стефаномъ письма употреблялись именно тамъ, гдѣ народъ могъ видѣть въ нихъ свои *пасы*, такъ какъ новопоставленные священно-и церковно-служители должны были, явившись на мѣсто своего служенія, предъавлять свои ставленныя грамоты прихожанамъ. Наконецъ нельзя и предполагать, чтобы особенное уваженіе Зырянскаго народа и духовенства къ памяти Великопермскаго просвѣтителя не заставило ихъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, объявить объ искомымъ рукописяхъ, еслибы онѣ дѣйствительно существовали.

На возраженіе П. И. Савваитова П. Д. Шестаковъ заявилъ, что онъ не признаетъ его соображеній на столько основательными, чтобы измѣнить свое мнѣніе.

2. П. Я. Порфирьевъ прочелъ свой рефератъ: „Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой бібліотеки“.

3. П. И. Срезневскій представилъ слѣдующій докладъ о Сборникѣ рукописей и памятникѣвъ языка и народной словесности Болгаръ г. Стефана Верковича*.

Въ числѣ гостей, посѣтившихъ Казань по случаю Съѣзда, есть лицо, можетъ быть, самое замѣчательное изъ всѣхъ. Это Сербъ-Болгаринъ Стефанъ Верковичъ, извѣстный по своимъ изданіямъ на болгарскомъ нарѣчїи тѣмъ, которые занимаются этимъ нарѣчїемъ и народною словесностью, а по рукописямъ, имъ собраннымъ, извѣстный и нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые занимаются этого рода остатками нашей древности и старины. Стефанъ Верковичъ заѣхалъ въ Россію не какъ наблюдатель, не съ цѣлью сообщить свои знанія ученымъ и безъ желанія приобрѣсти отъ нихъ чтонибудь новое; тѣмъ не менѣе появленіе такихъ путешественниковъ желательно въ Россіи. Онъ явился съ значительнымъ запасомъ памятниковъ болгарскаго нарѣчїя, которые конечно привлекутъ вниманіе людей науки и общества. Во первыхъ г. Верковичъ привезъ болгарскія рукописи и во вторыхъ огромное количество памятниковъ языка и народной болгарской словесности. Посѣтивши Москву и Петербургъ, онъ прїѣхалъ въ Казань въ надеждѣ, что на Съѣздѣ будутъ присутствовать хоть нѣкоторые изъ тѣхъ, которые могли бы внимательно оцѣнить значеніе того, что онъ привезъ съ собою по части народной словесности болгарской. Но, будучи не въ состояніи объясняться по русски, г. Верковичъ надѣялся, что ктонибудь приметъ на себя эту обязанность. Къ сожалѣнію этого не случилось: ни изъ казанскихъ ученыхъ, ни изъ прїѣхавшихъ на Съѣздъ не оказалось ни одного знатока подобнаго дѣла. И вотъ, совершенно случайно, только для отстраненія невозможности обратить вниманіе многоуважаемаго собранія на запасы г. Верковича, докладчикомъ о нихъ выхожу я—по должности, возложенной на меня ученымъ комитетомъ Съѣзда. Я принимаю на себя эту обязанность съ прискорбіемъ, потому что не могу быть авторитетнымъ *цѣнителемъ* этого собранія памятниковъ и не считаю себя вправѣ быть судьей, по пристрастному своему взгляду на то, что можетъ казаться наиболѣе важнымъ въ собраніи г. Верковича. Но я постараюсь быть докладчикомъ, далекимъ отъ своихъ убѣжденій.

До 30-хъ годовъ вѣ болгарской зѣмли не знали не только о народной словесности болгарской, но и о болгарскомъ народѣ и его языкѣ. Всѣ путешественники и изслѣдователи, отправлявшіеся въ славянскія земли, возвращались на родину безъ знанія болгарскаго языка. Первый, кто познакомился съ болгарскимъ народомъ, былъ В. С. Караджичъ; но и тотъ сдѣлалъ очень мало. Венелинъ, чтимый Болгарами, послѣ возстановитель чести болгарскаго имени, не зналъ ни о народѣ, ни о языкѣ и народной словесности ничего. Уже послѣ Венелина началось движеніе любознательности въ пользу Болгаръ, преимущественно въ Россіи, при помощи Болгаръ, получившихъ образованіе въ Россіи. Явились труды Априлова, Палаузова, а позже и другихъ Болгаръ. Разными рукописными сборниками болгарскихъ цѣсенъ воспользовался г. Безсоновъ и издалъ очень обширный сборникъ ихъ, остающійся до сихъ поръ лучшимъ научнымъ трудомъ по этой части. Братья Цанеовы познакомили основательно съ строеніемъ болгарскаго нарѣчїя. Уже послѣ трудовъ Безсонова начался рядъ болгарскихъ трудовъ; явился томъ „Пѣсенъ Македонскихъ Болгаръ“ С. Верковича, двѣ книги „Болгарскихъ цѣ-

сенъ“ братьевъ М и л а д и н о в ы х ъ и нѣкоторые другіе сборники меньшей величины. Оказалось, что и Болгары богаты пѣснями не менѣе Сербовъ, что и у нихъ, какъ у Сербовъ, есть очень много *своихъ юнацкихъ эпическихъ пѣсенъ*, такого же содержанія, какъ у Сербовъ, вообще меньшаго достоинства, но тоже очень значительныхъ. Эти пѣсни, равно какъ и другіе памятники народной словесности болгарской, сдѣлались важнымъ пособіемъ для изученія народнаго языка Болгаръ (въ разныхъ краяхъ съ его мѣстными видоизмѣненіями), а равно для изученія остатковъ древности въ бытѣ и обычаяхъ. При этомъ явились *нѣкоторые предвзятые вопросы съ нѣкоторыми желанными отвѣтами*. Такъ стало желательно найти указанія: 1) для подтвержденія мнѣнія, что прародителемъ нынѣшняго болгарскаго нарѣчія былъ *древній церковно-славянскій языкъ*, 2) для подтвержденія мнѣнія, что болгарскій народъ искони хранитъ въ себѣ черты чистой народности славянской, древніе обычаи даже языческаго времени, 3) для подтвержденія предположенія, что въ болгарскомъ народѣ могутъ доселѣ храниться преданія о древнихъ временахъ, о жизни до-христіанскаго языческаго періода. И указанія были *находимы, отыскиваемы* (я бы сказалъ *придумываемы*, если-бы не былъ обязанъ своимъ положеніемъ оставаться при одномъ изложеніи данныхъ, безъ всякаго выраженія своихъ личныхъ мнѣній). Все отысканное было впрочемъ для большинства изслѣдователей нисколько не удивительно въ сравненіи съ тѣмъ, что уже дано и будетъ дано свѣту г. Верковичемъ. Его *запасы* по народной болгарской словесности увеличиваются огромными массами. Изъ этихъ запасовъ явились вдругъ вещи, могущія идти въ рядъ доказательствъ того, что болгарскіе Славяне въ глубокой древности были не только въ ближайшихъ связяхъ съ Греками языческой, такъ называемой *классической древности*, но и съ древними Индійцами, поклонниками Брами, Вишну и Сивы. Въ запасахъ г. Верковича явились былинны объ Орфеѣ, о Вишну и т. п., предъ которыми блѣднѣютъ всѣ домыслы нашихъ любителей народной словесности о богатыряхъ до Владимірова времени, о преданіяхъ Малоруссовъ изъ перваго періода Кіевской Руси, и т. п. Произносить свое мнѣніе объ этихъ произведеніяхъ, равно какъ и заявлять впечатлѣніе, произведенное ими на нѣкоторыхъ другихъ людей науки, ихъ разсматривавшихъ и не пришедшихъ къ признанію ихъ археологически цѣнными, считаю неумѣстнымъ. Ограничусь однимъ признаніемъ: по языку всѣ эти произведенія, равно какъ и другія, находящіяся въ запасахъ г. Верковича, не отличаются, кромѣ частныхъ словъ и выраженій, отъ изданныхъ другими памятниковъ и образцовъ особенностей болгарскаго нарѣчія. Г. Верковичъ и самъ себя не считаетъ филологомъ, потому могъ допустить при перепискѣ кое-какія неточности, которыя должны быть провѣрены. Тѣмъ не менѣе изъ его запасовъ можно извлечь много занимательныхъ данныхъ о разнообразіи и отличіяхъ болгарскихъ говоровъ. И потому можно желать, чтобы все, что у него собрано, сдѣлалось достояніемъ печати.

Въ заключеніе засѣданія самъ Стефанъ Верковичъ сказалъ нѣсколько словъ, въ которыхъ старался объяснить научную важность собранныхъ имъ памятниковъ народной словесности Болгаръ.

Славниѣ Зборе! Я се сматрамъ крайне счастливымъ што ево дочека да видимъ обистинѣну и остварену одну одъ своихъ наймилихъ желяхъ и намѣрахъ, т. е. да любопитно родопско откритіе буде ставлѣно на милостиво расмотрѣнѣ и оцѣну найпре ономе ученоме сословію преко кога први путъ было е обявлѣно ученоме свету пре десетъ годинахъ приликомъ Московске етнографическе виставке.

Као што е познато, предтечомъ споменутогъ откритія была е она пѣсма о Орфею коя е была напечатана старанѣмъ г. В. Дашкова.

Него вольомъ Провиденія речени проналазакъ не ограничи се само на Орфееву пѣсму; ерѣ брзо иза тога наиѣмъ на такви изворѣ овакихъ споменикахъ, кои се е чинію неисцрпивимъ. То се види одатле што до доласка французскогъ конзула Аугуста Дозона къ мени у Серезѣ, по налогу французскогъ правительства, збогъ одостовѣренія ныхове аутентичности (1872 г.) было е одъ нихъ прибавлѣно око 80,000 стиха. По нѣговой мисии среѣна намъ се почме іошѣ болѣ смѣшити, ерѣ до конца минувше године наведену своту умножимо до 250,000 стиха.

Меѣутимъ осимъ Господе д-ра Шафарика и А. Ходзка изъ Париза ни еданѣ изъ меѣу другихъ учени Славенахъ до сада не само што не хтедне на ове светинѣ далеке прошлости обратити ни наймапѣга вниманія, но шта више—наѣ се іошѣ и такви кои се према нѣма преиспуне толикомъ мржњомъ и ненавишѣу да се найпосле ни су устрчавали торжественно предъ светомъ прогласити е *литературномъ измишльотиномъ*—као што е на примѣрѣ г. Жиречекъ изъ Прага. Оваѣ нѣговѣ поступаекъ чини ми се нѣ нити праведанѣ нити слѣдственѣ, ербо мислимъ да е обично правило не само кодъ образованихъ народахъ него и кодъ сами муслуманскихъ софта и дервиша предварително стварѣ внимателно испитати на текъ онда пресуду изреѣи.

Видеѣи да оволико огромно количество старихъ памятникѣхъ не би быо у станю самѣ собственима силама на светѣ издати, а опетѣ држати е іошѣ и далѣ одъ света сакривене и непознѣте мислю самѣ да би было не само штета по науку него и по саме свое интересе; зато по совѣту мога покойнога приятеля Шафарика, а и изъ самога свога побуженія, дигнемъ се изъ Сереза и споменуто сокровиште донесемъ овамо съ намѣромъ да како нѣга тако и остале древности македонско-римске и славянске ставимъ на милостиво расположенѣ высокославнога русскога правительства. То е учинѣно концемъ мая мѣсеца ове године.

Али будуѣи самѣ имао честь бити отликванѣ членствомъ овога славнога Императорскога обшества іошѣ приликомъ московске етнографическе виставке, зато, као што горе спомену, желіо самѣ да ове памятнике предварително ставимъ на милостиво расмотрѣнѣ и овоме славномѣ збору, надаюѣи се да ѣе сва Господа и Госпоѣ крайне задовольство у себи почувствовати кадѣ имъ сазнаю любопитниѣ и врло важниѣ садржай.

Споменуто родопско откритіе одъ лани ступило е у нову мену (фазу) по томе, што по пѣсмама ненадно почели су се появљивати цитати одъ два друга езика, кои ни су ни бугарски ни србски; еданѣ наличи на старо-словенски, а и на садашниѣ руски езикѣ,

эрь има много русски речи изъ сада говоримогъ русскогъ езика, као: *если, осень, тумъ, глаза* и т. п. Показавши е г. Безсопову, онъ е нашао све за правилне: пѣке форме, вели, да су мало-русске, неке русске а неке бѣло-русске; други не наличи ни на еданъ европейскій езикъ, но вѣроятно биће санскритски; эрь има више речи, кое се управо онако изговараю као што се налазе напечатане у рѣчнику г. Е. Бирнуфа. Споминути цитати имаю одъ 5 до 20 и више стиха.

Я би се сматрао врло срећнимъ кадъ бы Славній Зборъ благоизволио и склоніо се на то, да бы му могао едногъ засѣданія паправити му не само моя кратка примѣчанія у погледу садржая овихъ памятникахъ, већъ и споменуте цитате да бы му могао показати; а такоѣеръ и оно што е о њима казао у едноме периодическомъ спису женіалній французскій научецакъ г. Албертъ Дюмонтъ (Dumont).

Што се тиче аутентичности овихъ памятникахъ, я молимъ покорно Славній Зборъ да се о томе ни мало несомнѣва, ербо я самъ у станю доказати то несумњиво и торжественно, т. е. да су *истинити* и *неприкосновенни*, а не измишлѣни; ербо се неналазе на мртвой пергамени, о којой се може свакако како ко оне мислити и говорити, већъ на живой—у устима народа предавано одъ оца на сина изъ најудалѣніе старине човчанства и до данасъ сохранивши се међу македонскима и тракійскима Бугарима, о чему, попутъ г. Дозона, моћи е свакоме увѣрити се само кадъ бы хтео потрудити се до Сереза и предузети, као г. Дозонъ, дотично изелѣдованіе.

За оно што Славній Зборъ буде благоизволио овај путь учинити и рѣшити у смотреню речени родопскихъ споменикахъ, т. е. у смотреню њиховога покровительства противъ нападаня и клеветаня одъ неки Слависта, зато ѣу му бити признателянъ не само я, него и сви любители истине и правде како Словенски тако и иноплемени.

(Русскій переводъ).

Почтенное собраніе! Я считаю себя весьма счастливымъ, что дождался осуществленія одного изъ своихъ самыхъ завѣтныхъ стремленій—того, что любопытное Родопское открытіе будетъ представлено на снисходительное разсмотрѣніе и оцѣнку настоящаго ученаго сословія, посредствомъ котораго оно и было заявлено міру ученыхъ за десять лѣтъ предъ симъ, по случаю московской этнографической выставки.

Какъ не безъизвѣстно, предтечею сего открытія была та пѣсня объ Орфеѣ, которая была издана рвеніемъ г. В. Дашкова.

Но по волѣ Провидѣнія вышесказанныя открытія не ограничались одной пѣсней объ Орфеѣ; ибо вскорѣ затѣмъ я напалъ на такой источникъ подобныхъ памятниковъ, который казался неизчерпаемымъ. Это явствуетъ изъ того, что до прибытія французскаго консула А. Дозона ко мнѣ въ Серезъ, по распоряженію французскаго правительства, для удостовѣренія въ подлинности памятниковъ, у меня было собрано около 80,000 стиховъ; а послѣ его миссіи счастье начало намъ улыбаться еще болѣе, ибо до конца прошедшаго года вышеуказанную сумму мы увеличили до 250,000 стиховъ.

Въ то же самое время, кромѣ г. д-ра Я. Шафарика и А. Ходзько (въ Парижѣ) ни одинъ изъ остальныхъ ученыхъ славянъ до сихъ поръ не только не хотѣлъ обратить ни малѣйшаго вниманія на сіи святыни далекаго прошедшаго, но еще нашлись и такіе, которые къ этимъ памятникамъ преисполнились такою враждою и ненавистью, что въ послѣдствіи не постыдились торжественно провозгласить ихъ *литературнымъ вымысломъ*—какъ напр. г. Жиречекъ, въ Прагѣ. Этотъ поступокъ Жиречка мнѣ кажется и несправедливъ и непослѣдователенъ, ибо я думаю, что обычное правило не только у народовъ образованныхъ но даже и у мусульманскихъ софтъ и дервишей—предварительно со вниманіемъ изслѣдовать дѣло, а потомъ уже произносить сужденіе.

Видя, что я не въ состояніи на собственные средства издать въ свѣтъ такое огромное количество старинныхъ памятниковъ, и думая съ тѣмъ вмѣстѣ, что держать ихъ и далѣе въ сокровенности отъ свѣта вредно и въ отношеніи науки и по самому ихъ значенію, я—по совѣту моего покойнаго друга Шафарика, и по собственному убѣжденію—двинулся изъ Сереза, и вышеупомянутое сокровище принесъ сюда съ намѣреніемъ, какъ его, такъ и остальные древности македонско-римскія и славянскія предложить на милостивое благоусмотрѣніе высокославнаго русскаго правительства. Это было сдѣлано въ концѣ мая сего года.

Но такъ какъ я былъ почтенъ избраніемъ въ члены Императорскаго археологическаго общества еще во время московской этнографической выставки, то и пожелалъ эти памятники предварительно представить снисходительному обсужденію и сего почтеннаго собранія, въ надеждѣ что всѣ члены его будутъ рады узнать любопытное и весьма важное содержаніе сихъ памятниковъ.

Вышеупомянутое Родопское открытіе съ прошлаго года вступило въ новую фазу: въ пѣсняхъ неожиданно начали появляться цитаты изъ двухъ другихъ языковъ—не болгарскія и не сербскія. Одинъ языкъ сходенъ съ старо-славянскимъ и современнымъ русскимъ, ибо имѣеть много словъ изъ современнаго живаго русскаго языка, напр. *если, осень, тутъ, глаза* и т. п. Когда я указалъ на это г. Безсонову, то онъ нашелъ все правильнымъ: нѣкоторыя формы, по его словамъ, мало-русскія, нѣкоторыя—русскія, а нѣкоторыя—бѣло-русскія. Другой языкъ не похожъ ни на одинъ изъ европейскихъ, но вѣроятно, долженъ быть санскритскимъ, ибо заключаетъ въ себѣ много словъ, выговаривающихся совершенно также, какъ слова вошедшія въ словарь г. Е. Бюрнуфа. Вышеупомянутые цитаты состоятъ изъ 5 стиховъ, 20 и болѣе.

Я счелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы почтенное собраніе сооблаговолило дать свое согласіе на то, чтобъ я въ одномъ изъ засѣданій могъ изложить не только мои краткія примѣчанія относительно содержанія сихъ памятниковъ, но и указать вышеупомянутыя цитаты, а равно и то, что о нихъ сказалъ въ одномъ періодическомъ изданіи гениальный французскій ученый г. Албертъ Дюмонъ (Dumont).

Что же касается подлинности этихъ памятниковъ, то я покорнѣйше прошу почтенное собраніе нимало въ ней не сомнѣваться, ибо я въ состояніи доказать ее несомнѣнно и торжественно; т. е. что эти памятники *истинны и неприкосновенны*, а не выдуманы

ны; ибо находятся не на мертвомъ пергаменѣ, о которомъ каждый можетъ говорить что вздумается, а въ живомъ видѣ—въ устахъ народа, по преданію отъ отца сыну изъ отдаленнѣйшей старины человѣчества—и до днесъ сбереглись между Македонскими и Фракійскими Болгарами, въ чемъ, подобно г. Дозону, каждый можетъ увѣриться, если бы потрудился добратся до Сереза, и предпринять, по примѣру г. Дозона; надлежащее изслѣдованіе.

За все, что почтенное собраніе соблаговолило на сей разъ сдѣлать и постановить относительно вышесказанныхъ Родопскихъ памятниковъ, т. е. касательно защиты ихъ противъ нападковъ и влечетъ нѣкоторыхъ славистовъ,—за все буду благодаренъ, и не только я, но и всѣ друзья истины, какъ славяне такъ и иноплеменники.

Четырнадцатое засѣданіе, 10 августа утромъ, по Отдѣленію быта домашняго и общественнаго (подъ предсѣдательствомъ Г. Ѳ. Карпова).

1. Е. Т. Соловьевъ прочиталъ рефератъ: „О расположеніи селеній и жилищъ въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи“, въ которомъ привелъ слѣдующіе результаты своихъ наблюдений: 1) Русскіе любятъ располагать свои селенія въ длину, преимущественно по направленію отъ запада къ востоку; 2) Татары въ большинствѣ случаевъ стремятся скучивать свои постройки по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ; 3) Вотяки располагаютъ свои селенія такъ же какъ и Русскіе, но направленіе построекъ прямо принимаетъ положеніе съ юга на сѣверъ; 4) у Черемисъ селенія наибольшую длину имѣютъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, кварталы же построекъ, какъ и у Вотяковъ, имѣютъ господствующимъ направленіемъ прямую линію; кварталы селеній пересекаются переулками различной ширины. Характеристическое отличіе жилищъ Русскихъ отъ жилищъ инородцевъ состоитъ, въ отношеніи внутренняго расположенія ихъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что у послѣднихъ есть наръ.—у русскихъ же ихъ нѣтъ вовсе.

2. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ прочелъ рефератъ „О характерѣ власти варяжскихъ князей“.

Рефератъ К. Н. Бестужева-Рюмина вызвалъ слѣдующія возраженія:

Д. Я. Самоковасовъ, представивъ краткій историческій очеркъ вопроса о возможности существованія древнѣйшихъ туземныхъ славянскихъ князей (именно воззрѣнія Татищева, Шлецера и пѣмецкой школы, скептической и положительной школы), заявилъ, что съ возникшимъ послѣ появленія трудовъ С. М. Соловьева стремленіемъ къ болѣе точному анализу явленій древней русской жизни, особенно вопроса о древнѣйшихъ славянскихъ князьяхъ и городахъ, возродилась мысль о существованіи туземныхъ князей у древнихъ славянскихъ племенъ. Въ настоящее время вопросъ долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: съ какимъ значеніемъ являлась у древнихъ Славянъ княжеская власть? Въ разрѣшеніи этого вопроса важную роль играютъ археологическія раскопки. Д. Я. Самоковасовъ еще на I-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ въ 1870 г. высказалъ

убѣжденіе, что раскопанные имъ въ Черниговской губерніи курганы всѣ славянскаго происхожденія и даютъ право утверждать, что подъ ними похоронены были именно туземные славянскіе (племени Сѣверянъ) князья, и въ настоящемъ засѣданіи сослался на авторитетъ графа А. С. Уварова. Еще ранѣе московскаго сѣзда г. Самоквасовъ имѣлъ случай указывать, что въ раскопанныхъ имъ курганахъ найдены вещи, проливающія свѣтъ на бытъ Сѣверянъ. Д. И. Иловайскій заявилъ печатно о своемъ согласіи съ воззрѣніемъ на существованіе славянскихъ князей у племени Сѣверянъ, доказываемое раскопками. То же убѣжденіе, говорилъ г. Самоквасовъ, высказалъ я на III-мъ Кіевскомъ Археологическомъ Сѣздѣ и не встрѣтилъ ни устныхъ, ни печатныхъ опроверженій. Потому очень желательно было-бы слышать доводы, на основаніи которыхъ г. референтъ утверждаетъ, что археологическія раскопки не имѣютъ значенія для рѣшенія вопроса о происхожденіи древнихъ русскихъ князей.

Отвѣчая на это возраженіе, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ заявилъ, что онъ отнюдь не отрицаетъ значенія курганныхъ раскопокъ для рѣшенія возбужденнаго вопроса, но что онъ утверждаетъ только, что результаты раскопокъ не даютъ опоры для признанія совершеннаго отсутствія въ древней русской жизни норманскаго элемента. Это не можетъ еще быть выводимо изъ того, что раскопанные въ Черниговской губ. курганы оказались сѣверянскими.

Графъ А. С. Уваровъ, по поводу указанія на него Д. Я. Самоквасова, замѣтилъ, что между курганными находками послѣдняго встрѣчаются предметы (наприм. рогъ) съ безспорными признаками западно-европейской, именно норманской фабрикаціи. Вообще изъ курганныхъ находокъ видно, что на культуру славянскаго племени дѣйствовало два вліянія, одно съ юга—византійское, другое съ сѣверо-запада—норманское.

Д. Я. Самоквасовъ отвѣтилъ на это, что въ выкопанныхъ имъ вещахъ онъ не отвергаетъ западнаго вліянія, но что утверждаетъ только, что въ этихъ вещахъ *есть* элементъ славянскій и именно сѣверянскій.

Д. И. Иловайскій, поддерживая мнѣніе Д. Я. Самоквасова, заявилъ, что нахожденіе въ курганахъ вещей византійскаго и западнаго стиля еще не доказываетъ, что подъ ними похоронены иноземцы; эти вещи могли быть занесены къ Сѣверянамъ путемъ торговли. Важное подтвержденіе славянскаго происхожденія черниговскихъ кургановъ составляетъ то обстоятельство, что раскопки ихъ обнаружили сходство соблюденныхъ здѣсь погребальныхъ обычаевъ съ описаннымъ у Ибнъ-Фодлана порядкомъ погребенія Руссовъ. Обращая затѣмъ къ реферату К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. И. Иловайскій находилъ, что референтъ возлагаетъ слишкомъ большую надежду на юридическую почву, на которой построилъ онъ свой рефератъ. Г. Иловайскій формулируетъ разсматриваемый вопросъ слѣдующимъ образомъ: не находятся-ли въ дѣятельности древнихъ князей нашихъ черты, указывающія на ихъ иноземное происхожденіе? Онъ не находитъ никакихъ подобныхъ чертъ; онъ не находитъ ихъ ни въ юридическихъ данныхъ (напр. договоры съ Греками), ни въ современныхъ туземныхъ, ни въ современныхъ иноземныхъ свидѣтельствахъ. Что же касается до хронологическихъ ссылокъ референта, то г. Иловайскій считаетъ эту ос-

нову недостаточно твердою, такъ какъ нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что значительная часть хронологическихъ данныхъ нашей лѣтописи до эпохи Владимiра построена искусственно и основана на гипотезахъ.

К. Н. Бестужевъ - Рюминъ возразилъ Д. П. Иловайскому, что онъ вовсе не памѣревается доказывать норманское происхождение князей; для цѣлей его реферата важно лишь то, что древнiе князья *пришли* изъ другаго мѣста, откуда—это для него безразлично. Вопросъ же о происхожденiи князей останется открытымъ до тѣхъ поръ, пока наука филологiи не достигнетъ болѣе высокой степени своего развитiя. Что же касается до нареканiй г. Иловайскаго на древнюю лѣтопись, то референтъ привелъ факты въ пользу достовѣрности ея въ хронологiи со времени прихода Олега въ Кiевъ (напр. сказанiе о кометѣ 911 г., близкое совпаденiе съ хронологiею византiйскихъ источниковъ и т. п.).

В. Б. Антоновичъ выразилъ желанiе, чтобы частности возбужденнаго вопроса были поставлены болѣе объективно. По его мнѣнiю, повѣствованiе о завоеванiяхъ Олега фантастично и къ этому повѣствованiю должны быть предъявлены болѣе строгiя требованiя. Что же касается до постановки вопроса о черниговскихъ раскопкахъ, то г. Антоновичъ считаетъ ее не вполне правильною: К. Н. Бестужеву-Рюмину слѣдовало бы доказывать не тотъ фактъ, что въ раскопанныхъ курганахъ не оказалось Славянъ, но тотъ, что въ нихъ оказываются Германцы.

На это К. Н. Бестужевъ - Рюминъ замѣтилъ, что онъ и не утверждаетъ, что въ черниговскихъ курганахъ безусловно находились Германцы, но полагаетъ только, что вопросъ о национальности похороненныхъ въ курганахъ представляется сомнительнымъ.

В. А. Прохоровъ, въ дополненiе пренiй о характерѣ предметовъ, найденныхъ въ черниговскихъ курганахъ, заявилъ, что эти предметы, а въ ихъ числѣ и рогъ, не могутъ быть безусловно признаны имѣющими норманское происхожденiе. Находящiеся на нихъ признаки иноземнаго влiянiя съ XI-го вѣка встрѣчаются и на вещахъ русскаго издѣлiя. По мнѣнiю г. Прохорова вещи, найденныя въ курганахъ г. Самоквасовымъ, происхожденiя византiйскаго.

Д. А. Корсаковъ заявилъ, что онъ не совсемъ согласенъ съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ томъ отношенiи, будто власть первыхъ нашихъ князей не обставляется въ народныхъ преданiяхъ ни чѣмъ чудеснымъ, сверхъестественнымъ. Въ подтвержденiе своихъ словъ г. Корсаковъ указалъ на Олега, котораго преданiя считаютъ „вѣщимъ“, т. е. лицомъ сверхъестественнымъ, и который, по числовому перечню „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, является *первымъ* историческимъ княземъ Полянъ, родоначальникомъ княжеской династiи.

К. Н. Бестужевъ - Рюминъ отвѣтилъ, что въ данномъ случаѣ Олегъ представляется лишь лицомъ популярнымъ въ преданiяхъ народа, но власть его отнюдь не облекается еще божественнымъ характеромъ, равно какъ и не приписывается ему и божественнаго происхожденiя, — онъ же разумѣлъ въ рефератѣ своемъ именно послѣднюю черту.

З. Н. И. Золотницкій прочелъ рефератъ подь заглавіемъ: „Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ“, представляющій краткій очеркъ черемисской демонологіи и первый опытъ реставрированія старой черемисской вѣры. При этомъ референтъ старался разрѣшить вопросы: на сколько самостоятельна черемисская миѳологія, что содержитъ она въ себѣ общаго съ миѳологіей чувашскою, и подь вліяніемъ какихъ религіозныхъ воззрѣній происходило ея развитіе? Изложивъ свои доводы по напечатанной къ Съѣзду брошюрѣ подь вышеприведеннымъ заглавіемъ, авторъ сдѣлалъ изъ нихъ два вывода: 1) въ древности Черемисы, какъ и другіе народы, обожали небо подь обще-финскимъ именемъ *Юма*, которое потомъ получило значеніе *бога неба* и наконецъ вообще *божества* и даже всего *священнаго*; 2) *Юма* есть единственное слово, которымъ черемисская миѳологія связывается съ вѣрованіями другихъ народовъ финскаго племени, а предикаты къ *Юма* и названія другихъ боговъ, богинь и духовъ—всѣ заимствованы изъ языковъ: тюркскаго, главнымъ образомъ отъ Чувашъ, частію изъ персидскаго, и большею частію изъ арабскаго, наполовину также отъ Чувашъ. Наиболѣе широкое развитіе черемисской миѳологіи Н. И. Золотницкій относитъ къ IX и X вѣкамъ т. е. къ цвѣтущему періоду торговыхъ сношеній народовъ Болгарскаго союза съ народами Багдадскаго халифата и къ эпохѣ распространенія въ Болгарѣ и сосѣдственныхъ мѣстахъ мухаммеданства. Означенные выводы привели г. Золотницкаго къ такому заключенію: хотя имя *Черемисъ* (которые сами себя зовутъ *Мари*) издревле было извѣстно писателямъ Среднихъ Вѣковъ и русскимъ лѣтописцамъ, но подь этимъ же названіемъ *Черемисъ*—болѣе 300 лѣтъ скрывался и другой народъ, который утратилъ вмѣстѣ съ самостоятельностью и свое имя, и который во второй четверти XVI вѣка явился подь именемъ *Чуваши*. Лѣтопись называетъ Черемисъ *злотыми ратниками*, а Курбскій, говоря, что *черемисскій языкъ зло кровопійственъ*, отличаетъ отъ нихъ Чувашъ словами: *языкъ особливый*. И вотъ этотъ *мирный* народъ (*Чуваши* = *Шуваши*, подь именемъ котораго у луговыхъ Черемисъ теперь извѣстны Татары = *Бигер*), скрывавшійся подь именемъ *кровопійца* Черемисъ, сообщилъ имъ вмѣстѣ съ языкомъ своимъ и религіозные термины и такимъ образомъ содѣйствовалъ культурному ихъ развитію.

Д. П. Иловайскій, по поводу реферата г. Золотницкаго, спросилъ его: не происходитъ-ли названіе Черемисъ отъ испорченнаго слова *кереметь*? Н. И. Золотницкій отвѣчалъ на это, что названіе Черемисъ произошло отъ слова *чери* = войско и *мыш*—приставки, причастія прошедшаго времени, и означаетъ „воинственный“.

В. Т. Тимоѳеевъ высказалъ съ своей стороны предположеніе, не происходитъ ли названіе Черемисъ отъ татарскаго слова *черекъ*, т. е. гнилой?

Пятнадцатое засѣданіе, 10 августа вечеромъ, по вопросамъ общимъ. Общее собраніе Съѣзда (подъ предсѣдательствомъ Альфреда Рамбо).

1. В. С. Иконниковъ прочелъ докладъ комиссіи, избранной Ученымъ Комитетомъ Съѣзда для разсмотрѣнія отзывовъ о Запискѣ профессора Дерптскаго Университета А. Г. Брикнера „Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи (*). Докладъ этотъ заключается въ слѣдующемъ:

(*) Записка напечатана въ «Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія» 1876 г., ч. CLXXXVI, Отд. педагогич., стр. 1—23. А. Г. Брикнеръ, въ дополненіе къ возрѣніямъ, выраженныхъ имъ въ этой Запискѣ, представилъ членамъ Комиссіи 4 августа 1877 г. заявленіе слѣдующаго содержанія:

Послѣ того какъ на основаніи рѣшенія Предварительнаго Комитета IV Археологическаго Съѣзда въ августѣ 1876 года, моя статья «Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи» была отправлена въ различныя ученыя учрежденія съ просьбою доставить мнѣнія къ Казанскому Съѣзду, нѣкоторыя, немногія впрочемъ, учрежденія исполнили эту просьбу.

Въ моей статьѣ излагаются главныя основанія моей программы источниковѣдѣнія русской исторіи и составленія *приборовъ* для преподаванія русской исторіи. Въ мнѣніяхъ, представленныхъ съ разныхъ сторонъ, выражается сочувствіе къ основной моей мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на затрудненія при осуществленіи моего плана. Имѣвъ назначенною Комиссіею будетъ представленъ сводъ этихъ запискамъ. О мѣрѣ необходимости и исполнимости моихъ проектовъ можно быть различнаго мнѣнія. Едва ли однако кто нибудь станетъ отрицать необходимость предполагаемыхъ мною пособій для изученія и преподаванія русской исторіи вообще, а также возможность осуществленія моего проекта, хотя бы отчасти.

Обсужденіе вопроса объ осуществленіи моей мысли на Съѣздѣ желательно по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) нѣтъ никакихъ болѣе удобныхъ случаевъ для специалистовъ по русской исторіи обмѣняться мыслями по поставленному мною вопросу, какъ на ученыхъ съѣздахъ, въ родѣ настоящаго, въ которомъ участвуютъ многіе профессора русской исторіи и другіе ученые, сочувствующіе этому дѣлу и 2) такъ какъ, кромѣ содѣйствія въ разработкѣ моего плана со стороны извѣстнаго числа ученыхъ, одобреніе его Съѣздомъ, если не во всей его совокупности, то хотя бы въ нѣкоторыхъ частяхъ, будетъ имѣть гораздо болѣе значенія, какъ въ глазахъ ученаго міра, такъ и въ глазахъ правительства, чѣмъ мое личное заявленіе. Это одобреніе будетъ имѣть особое значеніе передъ правительствомъ, при обсужденіи денежныхъ расходовъ при исполненіи на практикѣ моего плана.

Обсужденіе всего вопроса на Съѣздѣ можетъ происходить, или по крайней мѣрѣ начаться, различно: 1) или докладомъ настоящей Комиссіи въ засѣданіи Съѣзда по общимъ вопросамъ 5 августа, что можетъ повести къ немедленному всестороннему обсужденію вопроса на Съѣздѣ, 2) или Съѣздъ можетъ рѣшить передать всестороннее обсужденіе вопроса особой еще комиссіи, докладъ которой могъ бы быть представленъ позднѣйшему засѣданію Съѣзда по общимъ вопросамъ, или же 3) распорядители Съѣзда могли бы назначить экстренное собраніе, въ которомъ участвовали бы всѣ тѣ члены Съѣзда, которые интересуются этимъ предметомъ. Послѣдній способъ представилъ бы то удобство, что пренія происходили бы въ менѣе многочисленномъ собраніи, въ которомъ участвовали бы исключительно специалисты; содѣйствія дѣлу было бы гораздо болѣе, чѣмъ при назначеніи особой комиссіи; но съ другой стороны такой способъ имѣлъ бы и свои недостатки: объявленіе о такомъ собраніи легко могло бы ускользнуть отъ вниманія специалистовъ.

Предоставляю другимъ сдѣлать точно формулированное предложеніе о формѣ обсужденія моего проекта.

Еще на III-мъ Археологическомъ Създѣ профессоромъ Брикнеромъ было сдѣлано заявленіе о необходимости изданія пособій для изученія источниковъ русской исторіи, знакомство съ которыми столь важно для университетскихъ слушателей. Затѣмъ онъ напечаталъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ статью, подробно разъясняющую сдѣланное имъ предложеніе. Пособія эти, по мнѣнію автора, должны заключаться: 1) въ источниковѣдѣніи русской исторіи и 2) въ коллекціяхъ монетъ и снимковъ съ предметовъ, иллюстрированныхъ изданіяхъ и атласахъ съ объяснительнымъ текстомъ. Выходя изъ мысли о значительномъ накопленіи у насъ матеріаловъ, изданіе которыхъ съ каждымъ годомъ все болѣе возрастаетъ, но разработка которыхъ не идетъ въ уровень съ этимъ накопленіемъ, отчасти вслѣдствіе подавляющей массы матеріаловъ, отчасти вслѣдствіе недостатка самыхъ необходимыхъ пособій при ихъ изученіи.—авторъ Записки говоритъ: „Исторіографія лишь тогда съ полнымъ успѣхомъ будетъ пользоваться всею этою массою сырого матеріала, когда будутъ составлены историко-литературныя и библиографическія пособія, указатели, описанія архивовъ, регесты изданныхъ актовъ. словомъ когда мы будемъ имѣть подъ рукою источниковѣдѣніе.... Именно въ такомъ пособіи мы нуждаемся и при преподаваніи отечественной исторіи въ университетахъ“. Проф. Брикнеръ указываетъ, какую пользу въ этомъ отношеніи принесло уже введеніе въ „Исторію Россіи“ Бестужева-Рюмина, посвященное обзору источниковъ и исторіи науки русской исторіи. Вотъ какъ распредѣляетъ содержаніе предполагаемаго труда по источниковѣдѣнію авторъ Записки. Въ обработку его должны войти: 1) лѣтописи и отдѣльныя сказанія; 2) архивный матеріалъ; 3) записки иностранцевъ; 4) записки русскихъ людей; 5) словесность, какъ источникъ для русской исторіи; 6) исторія исторіи Россіи; 7) общее источниковѣдѣніе русской исторіи, или полная библиографія послѣдней. По плану автора все источниковѣдѣніе должно состоять изъ 10—15 томовъ. Но какъ необходимое дополненіе къ нему слѣдуетъ присоединить вторую часть программы автора Записки, требующей по возможности систематическаго собранія разныхъ предметовъ и изданія пособій по части палеографіи, нумизматики, сфрагистики, историко-географическіе атласы, историческія картины, портреты, собраніе факсимиле, археологическіе матеріалы также въ видѣ атласовъ и т. п. Своєю Записку проф. Брикнеръ представилъ въ Предварительный Комитетъ IV Археологическаго Създа, который разослалъ ее для разсмотрѣнія университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, ученымъ обществамъ и комиссіямъ. Къ настоящему Създу поступило нѣсколько отвѣтовъ на предложеніе Предварительнаго Комитета.

Археографическая Коммиссія, какъ имѣющая ближайшее отношеніе къ изданію памятниковъ русской исторіи, отозвалась, что она „не можетъ не сочувствовать мысли г. Брикнера о крайней полезности критическаго описанія источниковъ отечественной исторіи, хотя въ то же время не можетъ не замѣтить, что его планъ во всемъ его систематическомъ объемѣ, едвали можетъ быть исполненъ даже и тою комиссіею ученыхъ, учрежденіе которой г. Брикнеръ предлагаетъ, такъ какъ многіе отдѣлы источниковѣдѣнія до сихъ поръ еще мало и даже совсѣмъ не разработаны и что въ виду этого, быть можетъ, было бы гораздо полезнѣе на первое время составленіе по этимъ отдѣламъ простыхъ

библиографических указателей". Съ другой стороны Коммиссія находитъ, что изданіе матеріаловъ, вопреки мнѣнію проф. Брикнера, далеко еще не достаточно и замѣчаетъ при этомъ, что она приступила уже къ составленію указателя документовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ.

Историко-филологическій факультетъ Московскаго университета по поводу Записки проф. Брикнера выразился, что, по его мнѣнію, „излишне даже говорить о той пользѣ, которую можно ожидать отъ предлагаемаго авторомъ изданія и для ученыхъ специалистовъ, и для университетскаго преподаванія“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ факультетъ полагаетъ, что подобное предпріятіе можетъ быть выполнено только отдѣльными учеными, или частными учеными обществами, разумѣется не безъ матеріальнаго содѣйствія правительственныхъ учреждений, такъ какъ отъ удачнаго устройства финансовой части будетъ зависѣть и успѣшный ходъ самаго дѣла. Что же касается вопроса о томъ, какимъ образомъ приступить къ исполненію предположеннаго плана, то факультетъ полагаетъ, что онъ можетъ быть наиболѣе удобно разрѣшенъ на археологическомъ съѣздѣ.

Также излишнимъ считаетъ доказывать пользу подобнаго предпріятія и конференція Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородки и вмѣстѣ съ тѣмъ она выражаетъ желаніе, чтобы планъ проф. Брикнера былъ выполненъ. Но, съ другой стороны, по мнѣнію Н. И. Аристова, профессора названнаго института, это предпріятіе не можетъ ограничиться суммою, опредѣленною проф. Брикнеромъ, при чемъ по сѣдую слѣдуетъ значительно возвысить (до 70—100,000 р.). Профессоръ Аристовъ полагаетъ, что дѣателей на этомъ поприщѣ найдется много, особенно въ средѣ провинціальныхъ ученыхъ. Онъ полагаетъ также, что нѣтъ надобности одновременно съ тѣмъ дѣлать переводъ нѣкоторыхъ частей источниковѣдѣнія Россіи на иностранные языки, такъ какъ это было бы только убыточно для казны.

Императорское Русское Географическое Общество заявило о полученіи Записки проф. Брикнера и о внесеніи ея на обсужденіе совѣта общества; но мнѣнія послѣдняго въ дѣлахъ Съезда не имѣется.

За то особенно подробно мнѣніе профессора Дерптскаго университета г. Гаусмана. Относясь также вполне сочувственно къ предложенію проф. Брикнера и находя особенно полезною вторую часть его программы, при совершенномъ недостаткѣ пособій этого рода, проф. Гаусманъ заявляетъ, что въ этомъ случаѣ главнымъ препятствіемъ можетъ быть только недостатокъ денежныхъ средствъ. Изданіе же полнаго источниковѣдѣнія будетъ сопряжено съ большими трудностями при недостаткѣ подготовительныхъ работъ подобнаго рода; при томъ источники русской исторіи издавались прежде не вполне удовлетворительно. Ваттенбахъ могъ въ Германіи издать свой прекрасный трудъ объ источникахъ среднихъ вѣковъ особенно потому, что изданіе самихъ памятниковъ отличалось точностью. Вопросъ о подлинности любого историческаго матеріала въ каждомъ данномъ случаѣ былъ рѣшенъ самимъ издателемъ его. Къ тому же и до Ваттенбаха въ Германіи существовало уже нѣсколько предварительныхъ работъ подобнаго рода. Русскіе составители источниковѣдѣнія въ этомъ случаѣ не найдутъ въ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ къ изданнымъ матеріаламъ тѣхъ необходимыхъ указаній, какими могъ воспользоваться нѣмецкій

ученый. Впрочемъ проф. Гаусманъ замѣчаетъ, что новѣйшее изданіе лѣтописей представляетъ существенный прогрессъ въ этомъ отношеніи. При этомъ проф. Гаусманъ полагаетъ, что для источниковъ новѣйшаго времени слѣдовало бы ограничиться одною библиографіею. Онъ думаетъ, что полной библиографіи не слѣдуетъ откладывать до окончанія прочихъ статей программы и можно желать, чтобы Императорская Публичная Библиотека издала такой же каталогъ русскихъ источниковъ о Россіи, какой она издала о сочиненіяхъ иностранныхъ писателей (*Catalogue des Russica*). Далѣе проф. Гаусманъ обращаетъ особенное вниманіе на необходимость указателей къ архивнымъ матеріаламъ. Наконецъ онъ касается вопроса, сколько времени понадобилось бы на исполненіе предложеннаго плана? и приводитъ примѣры: что Яффе свой трудъ (*Regesta Pontificum Romanorum*), заключающій въ себѣ около 10,000 №№, составлялъ около десяти лѣтъ, Бѣмеръ употребилъ большую часть своей жизни на изданіе императорскихъ регестовъ (*Regesta Imperatorum*), а каталогъ иностранныхъ сочиненій о Россіи Императорской Публичной Библиотеки составлялся около четверти столѣтія. Поэтому проф. Гаусманъ предлагаетъ на первое время ограничиться лѣтописями и записками русскихъ и иностранцевъ, причемъ изслѣдованіе послѣднихъ раздѣлить между нѣсколькими учеными, а библиографическій сводъ можетъ быть сдѣланъ при большой библиотекѣ. Онъ полагаетъ также, что въ данномъ случаѣ могли бы имѣть мѣсто назначеніе наградъ за лучшія сочиненія и конкурсъ, какъ это было допущено при составленіи источниковѣднiя Ваттенбаха.

Таковы въ существенныхъ чертахъ мнѣнія учрежденій и лицъ, имѣющіяся въ дѣлахъ Археологическаго Съѣзда. Совѣтъ Съѣзда назначилъ Коммиссію для разсмотрѣнія этихъ мнѣній и свода ихъ въ одно цѣлое. Изъ всего сказаннаго видно, что всѣ они заявляютъ сочувствіе предложенію проф. Брикнера, съ чѣмъ вполне согласна и настоящая Коммиссія. Остается другая сторона вопроса, указанная въ тѣхъ же мнѣніяхъ—это установленіе порядка и плана самаго изданія и организація фискальной части, которая представляетъ наиболѣе затрудненій. Но эти заявленія съ большою полнотою и успѣхомъ могутъ быть разрѣшены въ общемъ собраніи Съѣзда. (Подлинный докладъ подписали члены Коммиссіи: К. Бестужевъ-Рюминъ, А. Бычковъ, В. Иконниковъ, Г. Казань, 9 августа 1877 года).

По поводу доклада Коммиссіи были высказаны мнѣнія: Н. А. Ойрсовымъ, Д. А. Корсаковымъ, А. О. Бычковымъ, А. Г. Брикнеромъ и В. С. Иконниковымъ.

Н. А. Ойрсовъ изложилъ слѣдующее:

Записка проф. Брикнера вызвана убѣжденіемъ ея автора въ томъ, что преподаваніе русской исторіи въ университетахъ не снабжено въ такой мѣрѣ научными и учебными пособіями, въ какой пользуются ими другія науки и что, вслѣдствіе недостатка таковыхъ, изученіе этого предмета бываетъ относительно малоуспѣшнымъ. Цѣль статьи, какъ поясняетъ самъ авторъ ея, состоитъ въ томъ, чтобы указать на тѣ важнѣйшія пособія для изученія и преподаванія отечественной исторіи, которыя или вовсе не существуютъ, или встрѣчаются въ весьма неполномъ и нецѣлесообразномъ видѣ. Пособія, въ которыхъ по мнѣнію проф. Брикнера нуждается русская исторія, должны заключаться: 1) въ источниковѣднiи и 2) въ коллекціи иллюстрированныхъ изданій и атласовъ съ текстомъ.

Прежде чѣмъ коснусь указываемыхъ проф. Брикнеромъ средствъ къ дальнѣйшему развитію науки русской исторіи вообще и преподаванія этого предмета въ особенности, не могу не замѣтить, что, по моему мнѣнію, едва ли возможно исполнѣ и безусловно принять то его убѣжденіе, которымъ вызвана настоящая записка. Раздѣляя его мысль, что преподаваніе русской исторіи въ университетахъ не снабжено въ такой мѣрѣ учебными пособіями, какъ напримѣръ преподаваніе наукъ естественно-историческихъ, я не вижу основанія думать, что изученіе ея бываетъ относительно малоуспѣшнымъ, именно вслѣдствіе недостатка таковыхъ. Правда, лѣтъ 15—20 тому назадъ производительность по нашей наукѣ, насколько она выражалась въ печати, была незначительна и имѣла одностороннее направленіе; но это нужно приписать не столько способамъ преподаванія въ университетахъ, сколько тѣмъ тяжелымъ цензурнымъ условіямъ, въ которыя была поставлена эта наука во всю первую половину настоящаго столѣтія и которыя далеко не съ такой силой и постоянствомъ тяготѣли надъ науками математическими и естественно-историческими. Въ послѣдніе 15—20 лѣтъ тяжесть этихъ условій значительно была ослаблена и производительность по русской исторіи весьма замѣтно, даже сравнительно съ другими отраслями знанія, усилилась. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію и его признаетъ г. Брикнеръ; но несомнѣнно то, что главными дѣятелями по русской исторіи въ послѣдніе 15—20 лѣтъ являлись лица, выпедившія изъ университетовъ, получившія стало-быть первый толчекъ къ своей научной дѣятельности отъ университетскаго преподаванія русской исторіи и другихъ наукъ съ ней сродныхъ, на счетъ котораго, по моему, какъ бы оно недостаточно ни было обставлено, слѣдуетъ отнести значительную долю указанныхъ результатовъ движенія нашей науки. Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ выводить заключеніе, что, по моему мнѣнію, можно успокоиться на указанныхъ результатахъ, добытыхъ движеніемъ русской исторіи за послѣднее время и удовольствоваться современнымъ состояніемъ университетскаго преподаванія этой науки. Я потому записка проф. Брикнера по справедливости заслуживаетъ должнаго вниманія.

Записка эта, какъ сказано, распадается на двѣ части. Въ первой она трактуетъ о мѣрахъ къ развитію изученія русской исторіи вообще, а во второй—о мѣрахъ къ улучшенію университетскаго ея преподаванія. Рекомендуемые проф. Брикнеромъ мѣры къ развитію изученія русской исторіи вообще подведены имъ подъ общую рубрику: *источниковѣднiе русской исторiи*. Авторъ считаетъ весьма желательнымъ, чтобы былъ произведенъ такой трудъ, въ которомъ бы всякій интересующійся русской исторіей могъ получить не только простое указаніе на всевозможные источники этой науки, но и ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ и готовыя мѣрки къ ихъ оцѣнкѣ. Этимъ проф. Брикнеръ не довольствуется. Кромѣ книгъ, подлежащихъ доставкѣ такихъ свѣдѣній, онъ предлагаетъ еще издать трудъ, въ которомъ бы были представлены *свои* всеѣмъ источникамъ по эпохамъ русской исторіи, по отдѣльнымъ предметамъ. Авторъ полагаетъ, что все источниковѣднiе займетъ отъ 10 до 15 томовъ, считая каждый въ 25—30 печатныхъ листовъ и что оно можетъ быть составлено въ теченіе лѣтъ 10 съ затратою на издавіе тысячъ по 10 въ годъ.

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, на сколько такое предпріятіе, при его даже успѣшномъ осуществленіи, можетъ подвинуть нашу науку на пути самостоятельной и серьезной ея разработки (впрочемъ отчего не пожелать осуществленія его?), я не могу не обратить вниманія на тѣ затрудненія, которыя неминуемо встрѣтять это предпріятіе. Помимо значительной денежной на него затраты, для которой другихъ источниковъ кромѣ казны не предвидится, я нахожу препятствіе къ тому въ недостаткѣ лицъ, которыя могли бы быть его исполнителями. Я совершенно убѣжденъ, что въ послѣднее время образовалось весьма не мало лицъ основательно знакомыхъ съ русской исторіей и потому способныхъ принять участіе въ этомъ предпріятіи. Но для этого, кромѣ способности, необходимы библіотеки, въ которыхъ можно найти всѣ историческіе источники, а такія библіотеки имѣются лишь въ столицахъ и отчасти въ университетскихъ городахъ. О послѣднихъ говорю „отчасти“, потому что въ сущности ни одна университетская библіотека не можетъ похвалиться совершенно полнымъ собраніемъ источниковъ всякаго рода. Отсюда является необходимость—привлекать нужныя для указаннаго предпріятія силы столицы и притомъ на долгое время, что едвали возможно, если возложить весь трудъ совершенія дѣла исключительно на столичныхъ ученыхъ. Еще болѣшую трудность представляетъ описаніе рукописныхъ или архивныхъ источниковъ, если только мы будемъ желать видѣть таковое совершенно полнымъ. Не говоря о громадѣ этого матеріала, хранящагося въ извѣстныхъ уже столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ архивахъ, который только что принимаемъ описывать, сколько есть такого матеріала въ областяхъ! Но положимъ, указанные трудности въ теченіи 10 лѣтъ будутъ преодолены и энциклопедія русской исторіи по плану проф. Брикнера будетъ готова, но въ эти 10 лѣтъ найдутся новые матеріалы, появятся многочисленныя новыя изслѣдованія и потому эта энциклопедія явится неудовлетворяющею научнымъ потребностямъ. На основаніи сказаннаго, я весьма сильно сомнѣваюсь въ исполнимости предпріятія, рекомендуемаго проф. Брикнеромъ. Думаю, что для настоящаго времени хорошо бы было и то, если бы наши библіотеки издали систематическіе каталоги книгъ, если бы велись полные указатели всего того, что печатается по русской исторіи, и если бы наши архивы были бы болѣе доступны и ихъ начальства не скупились на описанія архивныхъ дѣлъ и изданіе таковыхъ въ свѣтъ.

Переходя ко второй части Записки проф. Брикнера, я долженъ сказать, что совершенно раздѣляю то заключеніе его, что преподаваніе русской исторіи въ нашихъ университетахъ, сравнительно съ другими науками, дурно обставлено; что по университетскому уставу для кафедры русской исторіи не полагается особыхъ пособій; что послѣдняя должна довольствоваться лишь тѣмъ, что имѣетъ казенная библіотека, или частная самого преподавателя. Я согласенъ съ мнѣніемъ проф. Брикнера о необходимости разнаго рода учебныхъ пособій для нагляднаго преподаванія русской исторіи, но принимаю это мнѣніе его съ ограниченіями: я думаю, что вообще идея нагляднаго обученія можетъ примѣняться къ дѣлу съ большою осторожностью, дабы не обратить обученія въ увеселительное занятіе и не приучить учащихся легко относиться къ учебному труду. Въ университетѣ, гдѣ молодые люди должны приготовляться къ самостоятельному научному труду,

наглядное обученіе является существенною принадлежностью преподаванія лишь въ опытныхъ наукахъ; въ историческихъ же наукахъ, гдѣ требуется, кромѣ знанія фактовъ, критика и обобщеніе ихъ,—только тѣ пособія пригодны, которыя отвѣчаютъ этимъ требованіямъ, какъ напр. географическія и археологическіе атласы, этнографическіе музеи. Но особенно важно и необходимо, чтобы въ непосредственномъ распоряженіи каѳедры русской исторіи была бібліотека, заключающая всѣ важнѣйшіе источники и изслѣдованія по этому предмету и вообще по отечествовѣдѣнію,—библіотека, которою могли бы пользоваться свободно и студенты. Если этого не будетъ при означенной каѳедрѣ, то всякіе историческіе инвентари, указатели, энциклопедіи, всякія наглядныя историческія пособія не принесутъ существенной пользы дѣлу преподаванія. Въ этомъ убѣжденіи я, при завѣдываемомъ мною музеемъ этнографіи, древностей и искусствъ, въ теченіе шести послѣднихъ лѣтъ, на случайныя средства, съ разрѣшенія университетскаго совѣта, между прочимъ образовалъ специальную бібліотеку по отечествовѣдѣнію, въ которой въ настоящее время имѣются почти всѣ важнѣйшіе источники и пособія по русской исторіи. Учрежденіе это, въ которому обращаются и профессора, имѣющіе сами обширныя бібліотеки, оказываетъ осязательную пользу въ дѣлѣ преподаванія науки. Въ историко-филологическомъ факультетѣ нашего университета существуетъ правило, въ силу котораго каждый студентъ 2, 3 и 4 курсовъ обязанъ ежегодно представить письменную работу по какому либо изъ факультетскихъ предметовъ. Въ прошломъ году изъ 30 работъ представленныхъ студентами, по русской исторіи было 12, и большая часть ихъ признана весьма удовлетворительными. Это отношу я именно къ тому, что, благодаря имѣющейся при музеемъ бібліотекѣ, студенты средства въ занятію русской исторіей имѣли подъ рукою.

Заключивъ свои замѣчанія на Записку проф. Брикнера, позволяю себѣ выразить мнѣніе, что учрежденіе подобныхъ специальныхъ бібліотекъ въ университетахъ при каѳедрѣ русской исторіи, на прочныхъ основаніяхъ, весьма много бы содѣйствовало осуществленію того основнаго стремленія, которымъ пронизана вторая часть Записки проф. Брикнера—поднять вообще преподаваніе русской исторіи въ нашихъ университетахъ.

Д. А. Корсаковъ высказалъ слѣдующее:

Вполнѣ раздѣляя основную мысль профессора Брикнера, я позволю себѣ остановиться лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ его предложенія, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Прежде всего скажу нѣсколько словъ по поводу первой части этого предложенія—изданія источниковъ русской исторіи.

Н. А. Ойрсовъ указалъ между прочимъ на затрудненіе, которое можетъ возникнуть при изданіи бібліографическаго указателя по русской исторіи. Я могу только отчасти согласиться съ его воззрѣніемъ. Н. А. Ойрсовъ до нѣкоторой степени правъ лишь относительно *изслѣдованій* по русской исторіи, но не относительно *источниковъ*. Изслѣдованія по общимъ и специальнымъ вопросамъ русской исторіи дѣйствительно появляются теперь въ печати гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ 15—20 лѣтъ тому назадъ и значительно распространены въ обществѣ. Далекое не въ той же степени распространены изданія источниковъ русской исторіи. Имѣется не мало историческихъ источниковъ, вещественныхъ

и письменныхъ, которые по своей малодоступности, извѣстны даже не всѣмъ спеціально занимающимся русскою исторіею. Поэтому мнѣ кажется, что на первый разъ слѣдовало бы ограничиться изданіемъ библиографическаго описанія главнѣйшихъ *источниковъ русской исторіи* въ самомъ спеціальномъ, научномъ значеніи этого слова (то, что Нѣмцы называютъ Quellen). оставивъ пока въ сторонѣ мысль объ изданіи библиографическаго указателя изслѣдованіямъ по общимъ и спеціальнымъ вопросамъ русской исторіи. Этотъ библиографическій сборникъ могъ бы заключать въ себѣ: 1) перечень источниковъ неизданныхъ, съ обозначеніемъ музеевъ, архивовъ и библиотекъ, гдѣ они хранятся; 2) описаніе источниковъ изданныхъ съ указаніемъ на ихъ содержаніе и литературу ихъ ученой обработки. Такимъ образомъ сократились бы, какъ время для изданія указателя, такъ и денежные затраты на него. Конечно, это библиографическое описаніе источниковъ должно обнимать всѣ историческіе источники: вещественные, устные и письменные. Трудная работа собиранія матеріаловъ для указателя могла бы быть распределѣна между археологическими и другими учеными обществами и университетами. Библиографія вещественныхъ памятниковъ можетъ быть составлена подъ наблюденіемъ одного изъ археологическихъ обществъ; библиографія устныхъ памятниковъ подъ руководствомъ II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ; что же касается до письменныхъ источниковъ, то ихъ такъ много и они такъ разнообразны, что трудно указать учрежденіе, которое могло бы взять на себя трудъ редакціи ихъ библиографическаго описанія. Въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется. Императорская Публичная Библиотека была бы самымъ лучшимъ центральнымъ пунктомъ; часть библиографіи письменныхъ источниковъ—составленіе списка правительственныхъ и частныхъ актовъ и наблюденіе за ихъ описаніемъ могла бы взять на себя Археологическая Комиссія. Я думаю, что особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ достопочтеннаго академика А. Θ. Бычкова и при участіи профессоровъ русской исторіи, могла бы выработать планъ библиографическаго указателя источниковъ русской исторіи. Такого рода библиографическій указатель едва-ли бы простирался до 15-ти томовъ, какъ предполагаетъ профессоръ Брикнеръ въ своемъ „источниковѣдѣніи“.

Обращаясь ко второй части предложенія профессора Брикнера, я долженъ замѣтить, что дѣйствительно въ университетскомъ преподаваніи исторіи чувствуется отсутствіе демонстративнаго метода. Проф. Брикнеръ предлагаетъ рисунки, планы, карты; я пойду далѣе. Знакома своихъ слушателей съ главнѣйшими родами и видами источниковъ русской исторіи, я испыталъ на практикѣ то затрудненіе, которое возникаетъ при словесномъ объясненіи вещественныхъ памятниковъ безъ моделей и рисунковъ ихъ. Невозможно безъ рисунка дать студентамъ совершенно ясное понятіе о курганѣ и городищѣ, или о какомънибудь замѣчательномъ въ археологическомъ отношеніи зданіи. Атласъ, изданный Погодинымъ, помогаетъ нѣсколько, но далеко не вполне. Какъ хорошо было бы имѣть модели кургановъ изъ дерева, а для знакомства съ замѣчательными памятниками зодчества—атласы и рисунки фасадовъ и разрѣзовъ внутренности зданій. Такая наглядность положительно необходима при ознакомленіи съ вещественными историческими памятниками. Поэтому мѣры, предполагаемыя проф. Брикнеромъ, существенно важны. Я позволю себѣ замѣтить еще слѣ-

дующее: такъ называемые историческіе семинаріи и практическія упражненія студентовъ поставлены до такой степени не одинаково въ русскихъ университетахъ, что было бы желательно, чтобы возникли сношенія между историко-филологическими факультетами университетовъ для выработки болѣе цѣлесообразныхъ приѣмовъ при историческихъ семинаріяхъ и практическихъ упражненіяхъ въ преподаваніи русской исторіи. Въ историческихъ семинаріяхъ Казанскаго университета преслѣдуются заразъ двѣ цѣли: педагогическая и ученая; первая—въ виду поступленія слушателей въ учителя, вторая—для образованія ученыхъ специалистовъ. Необходимо раздѣлить эти двѣ задачи.

Какъ приступить къ осуществленію проекта проф. Брикнера? Какъ организовать практическую сторону его предложеній? Гдѣ искать матеріальныхъ средствъ для изданія указателя источниковъ и для устройства пособій при преподаваніи русской исторіи? Вотъ вопросы, которые меня болѣе всего затрудняютъ. Въ виду того обстоятельства, что оба предпріятія могутъ потребовать не малыхъ денежныхъ затратъ, я желаю прежде всего указать на средство возможно меньшей денежной затраты, по крайней мѣрѣ на первое время. Я полагаю бы начать съ исполненія первой части предложенія проф. Брикнера—изданія указателя источниковъ, а исполненіе второй части—организацию пособій при преподаваніи русской исторіи—оставить до болѣе удобнаго времени. Для осуществленія первой задачи, мнѣ кажется, всего лучше обратиться прямо (если Съѣздъ найдетъ это удобнымъ) къ г. министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбой ассигновать извѣстную сумму въ годъ на изданіе библиографическаго указателя источниковъ (напримѣръ отъ 3 до 4-хъ тысячъ) въ распоряженіе той комиссіи, которая будетъ заниматься составленіемъ плана указателя. Я предложилъ сумму меньше выставленной проф. Брикнеромъ для того, чтобы скорѣе достигнуть исполненія задуманнаго дѣла.

А. О. Бычковъ отнесся отрицательно къ мысли проф. Брикнера о пріостановкѣ изданія письменныхъ источниковъ, которыхъ по мнѣнію г. Брикнера издано уже достаточно. Мы имѣемъ на столько еще мало изданныхъ источниковъ, что пріостановка дальнѣйшаго изданія ихъ была бы равносильна прекращенію движенія впередъ науки русской исторіи,—сказалъ А. О. Бычковъ. Что касается до составленія списка вещественныхъ памятниковъ, то это дѣло весьма трудное и преждевременное. Наша археологія еще въ младенческомъ состояніи, археологическія общества стоятъ одиноко; пройдутъ десятки лѣтъ, когда археологическіе атласы будутъ служить пособіемъ при преподаваніи русской исторіи. Относительно оцѣнки историческихъ трудовъ я замѣчу, что при этой оцѣнкѣ въ указатель неизбежно войдутъ мнѣнія и произвольныя воззрѣнія ученыхъ на историческія явленія, и учащейся молодежи такимъ путемъ будутъ навязываться готовые взгляды, которымъ она легко можетъ подчиниться.

А. Г. Брикнеръ, отстаивая свой проектъ, сказалъ слѣдующее:

Учрежденія, къ которымъ обращался Предварительный Комитетъ IV Археологическаго Съѣзда, и частныя лица высказали затрудненія, которыя могутъ встрѣтиться въ моемъ предпріятіи. Эти затрудненія трехъ родовъ: 1) финансовое, въ высшей степени серьезное затрудненіе, 2) недостатокъ предварительныхъ работъ и 3) практическое исполненіе дѣла, вскользь затронутое только Д. А. Корсаковымъ.

Какъ взяться за вопросъ? кому поручить дѣло? какъ выработать программу? Всѣ эти затрудненія я сознавалъ раньше, когда еще предлагалъ свой проектъ на обсужденіе Археологическаго Съѣзда. А. Θ. Бычковъ высказалъ, что не настало еще время приступить къ этому дѣлу, что у насъ еще мало матеріаловъ, которые бы вошли въ изданіе; подобная мысль была заявлена профессоромъ Ойрсовымъ, замѣтившимъ, что въ десять лѣтъ, въ продолженіи которыхъ будетъ издаваться инвентарь, появятся новыя труды.

И вполнѣ согласенъ съ этимъ, и опредѣлить то время, когда можно будетъ приступить къ дѣлу, трудно. Нельзя приступать къ нему слишкомъ поспѣшно, но надо постараться начать его возможно скорѣе, а дополнить всегда можно. Я указывалъ уже на превосходство количества матеріаловъ въ сравненіи съ качествомъ ихъ разработки. Что же касается до мысли о приостановкѣ изданія матеріаловъ, высказанной въ моей статьѣ, помѣщенной въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, то эта мысль высказана не мною, а редакціей. Но мнѣ кажется необходимымъ сгруппировать матеріалы, составляющіе источники. Я радъ, что моя общая мысль встрѣтила сочувствіе ученыхъ учреждений и лицъ. Ея своеобразность и важность доказываются введеніемъ къ „Исторіи“ К. Н. Бестужева-Рюмина и обширнымъ трудомъ В. С. Иконникова, который долженъ скоро появиться въ свѣтъ и который болѣе или менѣе подходитъ подъ мою программу; слѣдовательно потребность существуетъ. Спрашивается послѣ этого: какъ же Археологическій Съѣздъ можетъ отнестись къ этому дѣлу? Онъ можетъ или ограничиться сочувствіемъ, или принести пользу, сдѣлавъ кое-что, именно—перенести это дѣло въ правительственную сферу и рекомендовать исполненіе этого дѣла министерству. Я бы желалъ, чтобъ Съѣздъ не ограничился сочувствіемъ, а принялъ какое нибудь рѣшеніе, и чтобъ тамъ, гдѣ долженъ быть центръ для подобныхъ предпріятій, былъ поднятъ вопросъ и поддержанъ авторитетомъ Съѣзда. Я бы еще просилъ товарищей-спеціалистовъ по русской исторіи, по возможности сообщать свои мнѣнія, случаи изъ своей практики, сообщать также, какъ они относятся къ данному вопросу, и въ общемъ, и въ частностяхъ.

В. С. Иконниковъ передалъ слѣдующія подробности о своей работѣ, упомянутой проф. Брикнеромъ. Работа эта распадается на двѣ части. Первая половина первой части заключаетъ въ себѣ общее сужденіе объ источникахъ и ихъ относительныхъ достоинствахъ и обзоръ русскихъ и иностранныхъ источниковъ русской исторіи; г. Иконниковъ перечисляетъ по возможности всѣ источники и указываетъ ученыхъ, посвятившихъ свою дѣятельность на ихъ изданіе и объясненіе. Вторая половина первой части содержитъ подробное описаніе источниковъ въ томъ же порядкѣ, какъ въ программѣ проф. Брикнера. Затѣмъ слѣдуютъ вспомогательныя науки исторіи: археологія, географія, этнографія и др. Вторая часть посвящена обзору исторіографіи. Затрудненіе, которое испыталъ г. Иконниковъ при составленіи обзора русской исторіографіи, заключалось въ недостаткѣ библиографическихъ указателей.

Н. А. Ойрсовъ обратился къ членамъ Съѣзда съ слѣдующими словами: Я позволю себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній по поводу заявленія Д. А. Корсакова. Разбирая Записку проф. Брикнера, онъ въ своемъ изложеніи слѣдуетъ порядку, принятому авторомъ

Записки: сначала касается учебной части, а потом педагогической. Онъ находитъ это предпріятіе трудно исполнимымъ и предлагаетъ ограничить изданіе указателемъ источниковъ. Что касается до изслѣдованій и пособій, то полагаетъ лучшимъ оставить изданіе ихъ до болѣе благопріятной поры. Я же думаю иначе. Студенты, избирающіе спеціально русскую исторію, всегда слышатъ отъ профессора наименованіе источниковъ, необходимыхъ для изученія русской исторіи, или получаютъ указаніе гдѣ найти книги, изъ которыхъ можно узнать объ источникахъ, а такихъ книгъ у насъ не мало. Ужъ если издавать, такъ мнѣ кажется указатель обработанныхъ статей по русской исторіи. Тѣмъ большая потребность въ подобномъ указателѣ, что эти статьи помѣщаются въ періодическихъ изданіяхъ, которыя въ провинціи мало доступны. Что касается до лѣтописей, актовъ, сказаній современниковъ,—то эти источники всегда можно получить въ университетѣ. Я думаю, что при обсужденіи заявленія проф. Брикнера, въ виду пересмотра университетскаго устава, слѣдуетъ обратить вниманіе на педагогическую часть. Я указалъ, что въ здѣшнемъ музеѣ этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ существуетъ библіотека, но библіотека эта совершенно случайное явленіе. По университетскому уставу 1863 г. на выписку книгъ въ университетскую библіотеку положена такая сумма, что на русскую исторію приходится не болѣе 80 р. въ годъ, и это по отечественной исторіи и соединенному съ ней отечествовѣдѣнію! Въ виду пересмотра университетскаго устава. Съѣздъ оказалъ бы большую услугу преподаванію русской исторіи, еслибъ заявилъ о необходимости при историко-филологическомъ факультетѣ учредить музей соответственныхъ пособій, которыя дали бы возможность преслѣдовать педагогическія цѣли.

Графъ А. С. Уваровъ, по выслушаніи всѣхъ этихъ заявленій, предложилъ общему собранію, не сочтетъ-ли оно полезнымъ обратить вниманіе г. министра народнаго просвѣщенія на проектъ профессора Брикнера?

Общее собраніе большинствомъ голосовъ постановило: принять предложеніе графа А. С. Уварова.

2. Д. Я. Самоквасовъ прочелъ рефератъ: „О причинахъ непроизводительности для науки уничтоженія древнихъ земляныхъ насыпей и о мѣрахъ къ предупрежденію бесплодныхъ для науки раскопокъ кургановъ и городищъ“. Референтъ указалъ на четыре главнѣйшіе вида непроизводительныхъ для науки раскопокъ кургановъ, которые, вслѣдствіе этого, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ безслѣдно. Эти четыре вида, по мнѣнію г. Самоквасова, суть слѣдующіе: 1) распашка кургановъ, 2) случайная раскопка. 3) раскопки кладоискателей. 4) раскопки лицъ, неподготовленныхъ научно къ этому дѣлу. Остановившись затѣмъ на научной раскопкѣ кургановъ, референтъ заявилъ: 1) что раскопки, производимыя естествоиспытателями, являются безслѣдными для археологіи, потому что естествоиспытатели не обращаютъ вниманія на археологическія данныя; 2) что общества естествоиспытателей и археологическія поручаютъ иногда раскопки кургановъ лицамъ, не имѣющимъ къ тому научной подготовки. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго г. Самоквасовъ настаивалъ на необходимости выработать постоянныя раціональныя правила для раскопки кургановъ и предложилъ съ этою цѣлію сдѣлать обязательны-

ми при раскопках слѣдующія *четыре* условія: 1) Раскопки древнихъ памятниковъ могутъ быть производимы не иначе, какъ съ ученою цѣлю и съ разрѣшенія археологическихъ учреждений и археологическихъ обществъ. 2) Лица, получающія право на производство раскопокъ, должны строго руководствоваться общеобязательною инструкціею и для доказательства того должны представить по окончаніи работъ отчетъ и журналъ, веденный во время раскопокъ, въ то мѣсто, откуда получено разрѣшеніе на работы; но пользоваться этими документами означенныя учреждения и общества могутъ только съ согласія автора. 3) Инструкція для производства раскопокъ, утвержденная III-мъ Археологическимъ Съѣздомъ, предлагается какъ общеобязательная, но должна пересматриваться на каждомъ съѣздѣ и утверждаться имъ до слѣдующаго съѣзда. 4) Лица, неисполнившія требованій инструкціи, утвержденной археологическимъ съѣздомъ, и непредставившія удовлетворительныхъ отчетовъ о произведенныхъ ими раскопкахъ, лишаются права раскопки, о чемъ сообщается учрежденіемъ давшимъ порученіе, всѣмъ археологическимъ обществамъ и ученымъ учрежденіямъ въ Россіи.

Рефератъ Д. Я. Самоквасова вызвалъ дополненія и разъясненія со стороны гг. Радлова, Ивановскаго, Гацисскаго и графа Уварова.

В. В. Радловъ отвѣсилъ вполнѣ сочувственно къ предложенію г. Самоквасова о сохраненіи древнихъ земляныхъ сооружений, особенно кургановъ, постоянно разрушаемыхъ кладонскателями.

Л. К. Ивановскій, вполнѣ раздѣляя соображенія Д. Я. Самоквасова относительно составленія программы и инструкцій для научныхъ раскопокъ кургановъ, заявилъ, что инициатива этихъ раскопокъ должна принадлежать *исключительно* археологическимъ обществамъ, потому что хотя курганы и содержатъ также матеріалъ антропологическій, но они доставляютъ антропологу несравненно менѣ данныхъ, чѣмъ археологу. Вещи находимыя въ курганахъ—украшенія, монеты, оружія и др. сообщаютъ свѣдѣнія: объ образѣ жизни народовъ, обитавшихъ въ данной мѣстности, о торговыхъ сношеніяхъ, о путяхъ, которыми шли эти сношенія. Для антрополога же раскопка кургана отвѣчаетъ лишь на одинъ вопросъ: къ какому виду человѣческой расы принадлежалъ погребенный? Причисляя себя къ небольшой семьѣ русскихъ антропологовъ, продолжалъ г. Ивановскій, я не могу пройти молчаніемъ упрекъ только что брошенный въ естествоиспытателей. Въ доказательство несправедливости этого упрека, я приведу примѣръ дѣятельности естествоиспытателей на археологическомъ поприщѣ. Д-ръ Аспелинъ пересмотрѣлъ всѣ русскія коллекціи вещей добытыхъ изъ кургановъ и нашелъ, что антропологическія коллекціи находятся въ бѣльшемъ порядкѣ, чѣмъ археологическія; изъ послѣднихъ только коллекція гр. А. С. Уварова расположена вполнѣ научно. Классическія изслѣдованія кургановъ, произведенныя профессоромъ Московскаго университета А. П. Богдановымъ, совершенно отвѣчаютъ требованіямъ археологій. Но на археологахъ, для которыхъ курганы имѣютъ больше значенія чѣмъ для антропологовъ, лежитъ обязанность заботиться о сохраненіи этихъ памятниковъ, которые исчезаютъ можно сказать ежедневно и исчезаютъ, не столько отъ невѣжества разрывающихъ ихъ, сколько гибнутъ отъ физическихъ условій. Цѣлыя

огромныя насыпи обрушиваются, подмываемыя разливомъ рѣкъ. (Такъ напр., въ Петербургской губерніи находятся курганы, подмываемыя тамошними рѣками). Чтобы курганы не пропали совершенно для науки, необходимо ускорить ихъ изслѣдованіе; для этого нужны средства, которыя найдутся, если публика отнесется къ дѣлу сочувственно. Весьма желательно, чтобы съ этой цѣлью у насъ въ Россіи образовались частныя общества по примѣру „Англійскаго общества изслѣдованія историческихъ памятниковъ Палестины“.

А. С. Гацисскій вполне согласился съ предложеніями Д. Я. Самоквасова. По мнѣнію А. С. Гацисскаго такія порученія, какъ археологическія изысканія, не должны даваться волостнымъ правленіямъ; наши волостныя правленія поставлены въ необходимость отвѣчать на всякій вопросъ—этнографическій, филологическій, археологическій, историческій, статистическій и... какою угодно, и на все отвѣтять. Г. Гацисскому кажется, что въ этомъ случаѣ виноваты не волостныя правленія, а тѣ, кто предлагаетъ имъ научныя вопросы. Но какъ помочь дѣлу? В. В. Радловъ замѣтилъ, что курганы разрушаются искателями кладовъ, но не указалъ способа, которымъ можно парализовать подобныя дѣйствія. Мѣрами административными помочь нельзя; лучшая мѣра—это мѣра, въ общихъ чертахъ предложенная Л. К. Ивановскимъ. Было бы желательно, чтобы существующія археологическія общества, которыхъ у насъ немного, усилили свою дѣятельность и избрали въ каждой губерніи по одному лицу, которому и поручили бы слѣдить за сохраненіемъ памятниковъ, снабдивши это лице соотвѣтствующей инструкціей. Г. Гацисскій убѣжденъ, что въ каждой губерніи найдется лице, вполне способное исполнить подобную обязанность.

Д. Я. Самоквасовъ замѣтилъ, что не кладоискатели приносятъ вредъ, а лица, принимающіяся за раскопку кургановъ съ научною цѣлью, но совершенно не свѣдущія въ этомъ дѣлѣ, не подготовленныя: давая невѣрныя описанія кургановъ и находокъ въ нихъ, они вносятъ заблужденія въ науку; изъ ихъ изслѣдованій дѣлаются ложныя выводы. Какъ на примѣръ подобныхъ раскопокъ г. Самоквасовъ указалъ въ своемъ рефератѣ на изслѣдованія, произведенныя въ одной изъ центральныхъ губерній, которыя привели къ заключенію, что тамъ нѣтъ могилъ съ остатками трупосожженія, что прямо противорѣчитъ лѣтописнымъ сказаніямъ.

В. В. Радловъ заявилъ, что, указывая на разрушеніе кургановъ искателями сокровищъ, онъ и не думалъ, что предложенія г. Самоквасова вполне устраняютъ возможность для крестьянина раскапывать курганы, и замѣтилъ, что если археологическимъ обществамъ дается право разрывать памятники, то чрезъ это самое общества становятся какъ бы надсмотрщиками надъ остатками древности.

Графъ А. С. Уваровъ обратилъ вниманіе общаго собранія на Высочайше учрежденную при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссію о сохраненіи вещественныхъ памятниковъ древности, которая наблюдаетъ за цѣлостью не однихъ только кургановъ, но вообще всѣхъ вещественныхъ памятниковъ. Проектъ правилъ этой комиссіи устанавливаетъ именно такихъ мѣстныхъ блюстителей древнихъ памятниковъ, о необходимости которыхъ заявилъ А. С. Гацисскій. По мнѣнію графа Уварова четыре пункта предло-

ХСІІІ

женій г. Самоквасова могутъ дополнить программу указанной комиссіи. Д. Я. Самоквасовъ въ своемъ рефератѣ касается только кургановъ, тогда какъ слѣдуетъ имѣть въ виду сохраненіе и всѣхъ остальныхъ вещественныхъ памятниковъ древности.

Л. К. И в а н о в с к і й, указавъ на инструкцію для курганныхъ раскопокъ, выработанную Кіевскимъ археологическимъ съѣздомъ и предусматривающую одинаково, какъ задачи археологіи, такъ и антропологіи, высказался за солидарность ученыхъ цѣлей этихъ двухъ наукъ. Нельзя не признать, сказалъ онъ, того факта, что археологическія изслѣдованія въ области доисторической сильно нуждаются въ помощи антропологіи, которой зачастую принадлежитъ рѣшающее слово. Въ виду этого г. Ивановскій искренно желаетъ, чтобы представители археологіи и антропологіи протянули другъ другу руку помощи и вмѣсто раздора стремились бы сообща къ обогащенію одной родной русской науки.

На это Д. Я. Самоквасовъ замѣтилъ, что онъ вовсе не обвиняетъ антропологовъ и самъ желаетъ сближенія антропологіи съ археологіей.

Графъ А. С. У в а р о в ъ предложилъ общему собранію Съѣзда представить г. министру народнаго просвѣщенія черезъ Совѣтъ Съѣзда предложенія Д. Я. Самоквасова, что и было единогласно принято общимъ собраніемъ.

Шестнадцатое засѣданіе, 11 августа утромъ, по Отдѣленію первобытныхъ древностей (подъ предсѣдательствомъ Л. Н. Майкова).

1. В. Б. Антоновичъ доложилъ рефератъ Д-ра Аспелина: „О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическія времена“.

2. Д. Я. Самоквасовъ прочелъ рефератъ: „О раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1876 и 1877 гг. въ Полтавской и Кіевской губерніяхъ“ (*).

Песчанія побережья Днѣпра и Трубежа въ предѣлахъ Переяславскаго уѣзда изобильны слѣдами культуры человѣка каменной эпохи. На обширной песчаной возвышенности около 20-ти верстъ, по берегу Днѣпра, по направленію къ Переяславлю тянется рядъ холмовъ, раздѣленныхъ низменностями; въ этихъ холмахъ найдены г. Самоквасовымъ металлическіе предметы рядомъ съ предметами каменными, чего не встрѣчалось по берегамъ Десны въ Черниговской губерніи. Такъ въ 1877 году, на указанной выше приднѣпровской возвышенности, у села Хоцьки, г. Самоквасовъ нашелъ, рядомъ съ кремневыми орудіями, 8 бронзовыхъ и 6 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, а также два глиня-

(*) Подробныя данныя, сообщаемыя въ рефератѣ, вошли въ составъ: 1) монографіи Д. Я. Самоквасова «Вещественныя памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи», напечатанной въ «Протоколахъ Московской Антропологической выставки» 1879 г., и 2) статьи, печатаемой въ VIII т. «Живописной Россіи», издаваемой М. О. Вольфомъ. Поэтому здѣсь, согласно желанію Д. Я. Самоквасова, помѣщается лишь краткое извлеченіе изъ его реферата.

ныхъ сосуда съ человѣческими жжеными костями. Въ курганѣ, раскопанномъ г. Самоквасовымъ, у деревни Гамарпи Каневского у. Кіевской губ., при впаденіи рѣки Рассавы въ рѣку Рось, на материкѣ въ основаніи насыпи, открытъ обгорѣлый деревянный срубъ, а въ немъ обугленный человѣческій остовъ въ скорченномъ положеніи; у головы остова лежала кучка рѣчныхъ раковинъ и стояли три глиняныхъ сосуда; въ правой части гробницы найдены три кремневыхъ орудія (наконечники копья и стрѣлы и ножикъ), а въ слоѣ насыпи надъ срубомъ обнаружено множество обломковъ рѣчныхъ раковинъ, можетъ быть остатки погребальной тризны. Въ близкомъ разстояніи отъ описаннаго кургана, также у деревни Гамарпи, были разрыты г. Самоквасовымъ еще семь кургановъ съ остовами и вещами, подобными найденнымъ въ первомъ курганѣ. Къ тому же виду кургановъ принадлежатъ 16 кургановъ, изслѣдованные г. Самоквасовымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Каневского и Переяславскаго уѣздовъ. Часто въ верхнихъ слояхъ кургановъ этого вида встрѣчаются могилы позднѣйшаго времени желѣзной эпохи, заключающія въ себѣ человѣческій и лошадиный остовы, а при нихъ желѣзныя стремена, удила, сабли, наконечники стрѣлъ и проч.; если изслѣдователь продолжитъ ихъ раскопку до основанія, то всегда найдетъ могилу, вырытую въ материкѣ, а на днѣ ея остатки покойника глубочайшей древности.

Каневскій уѣздъ сравнительно еще въ недавнее время изобилуеъ курганами. По сказанію мѣстныхъ старожиловъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, близъ одного села Яблоновки въ этомъ уѣздѣ, на лѣсной поросли, находилось болѣе ста кургановъ, густо расположенныхъ одинъ возлѣ другаго. Съ тѣхъ поръ вся эта мѣстность распаивается подъ посѣвы и въ 60-хъ годахъ сохранились слѣды только *семи* насыпей. Въ 1866 году *три* изъ нихъ раскопаны мѣстными крестьянами—кладоискателями. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ, въ боковой части насыпи, найдена могила, заключавшая въ себѣ человѣческій и лошадиный остовы, а при нихъ остатки сѣдла, серебряныя кисти, золотыя мелкія бляшки, желѣзные куски удиль, стремени, сабли и наконечниковъ стрѣлъ; а въ центрѣ того же кургана найдены: толстый слой прожженной глины, уголь, жженыя кости, росписной глиняный сосудъ, покрытый чернымъ лакомъ и наполненный костями и пепломъ, „блестящій мерженный нагрудникъ“, бронзовая статуэтка изображающая всадника и 5 круглыхъ камней, величиною въ небольшое яблоко. Въ двухъ другихъ курганахъ найдены остатки гробницъ изъ толстыхъ брусевъ въ материкѣ, а въ нихъ человѣческіе остовы, разбросанные въ безпорядкѣ.

Въ 1876 году г. Самоквасовъ разрылъ остальные четыре кургана у села Яблоновки и сдѣлалъ повѣрочную раскопку кургановъ, разрытыхъ крестьянами. Въ первомъ курганѣ, извѣстномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „Острой Могилы“, обнаружены слѣды сожженія покойника на предварительно приготовленной насыпи въ юго-западной части кургана; послѣ сожженія трупа, кострище было свалено въ гробницу, устроенную на материкѣ въ самомъ центрѣ кургана, а сожженные остатки трупа собраны въ холщевой платокъ, положены въ мѣдный сосудъ и поставлены на верху гробницы, засыпанной углемъ. Дно гробницы составлялъ политый известью слой глины, толщиною въ вершокъ, ле-

жавшій на нетронутомъ черноземномъ материкѣ; бока ея составлялъ толстый частоколь, а верхъ толстыя доски, замазанныя слоемъ глины. Надъ гробницею найдены остатки погребальной тризны—кости лошади, барана, гуся, утки и скорлупа яицъ, а также черепки нѣсколькихъ простыхъ глиняныхъ сосудовъ, амфоры, терракотовыхъ: блюда, вазы и тарелочки. При изслѣдованіи угля въ гробницѣ найдены: 22 бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, нѣсколько большихъ золотыхъ бляхъ, золотыхъ и гранатовыхъ бусъ и разныхъ мелкихъ глиняныхъ и металлическихъ вещей. Въ насыпи другаго кургана, очень распаханнаго, обнаружена могила съ человѣческимъ и лошадинымъ остовами, а при нихъ желѣзные удила, стремяна, сабля, наконечники стрѣлъ, окисшая серебряная бляха, золотая шпилька и стеклярусъ; подъ курганомъ, въ материкѣ, открыта гробница, обнесенная толстымъ частоколомъ, а сверху закрытая толстыми деревянными брусьями, сгнившими отъ времени и обрушившимися на ея дно; на днѣ же могилы въ разныхъ мѣстахъ найдены: человѣческій остовъ, туалетныя украшенія, состоявшія главнымъ образомъ изъ золотыхъ бусъ и разныхъ камней, и глиняные сосуды. Въ южномъ углу могилы обнаруженъ подбой, у входа въ который найденъ *остовъ молодого грабителя могилъ, убитаго обваломъ потолка гробницы*; въ правой кисти этого остова было 12 золотыхъ и каменныхъ бусъ, на лѣвой рукѣ его былъ надѣтъ простой браслетъ изъ мѣдной проволоки, а на шеѣ ожерелье изъ простыхъ стеклянныхъ и глиняныхъ бусъ. Въ самой лазейкѣ найденъ обломокъ желѣзнаго ножа, а возлѣ нея большіе желѣзные щипцы. Въ третьемъ и четвертомъ курганахъ открыты гробницы изъ толстаго частокола въ материкѣ подобныя гробницѣ предъидущаго кургана, а въ нихъ разбросанныя человѣческія кости и *грабительскія мины*, проведенныя отъ основанія насыпей на дно могилъ. Проверочная раскопка одного изъ кургановъ, разрытыхъ крестьянами, обнаружила въ немъ гробницу, по своему устройству совершенно подобную гробницѣ въ „Острой Могилѣ“.

Сравненіе всѣхъ вышеупомянутыхъ кургановъ у села Яблоновки въ Каневскомъ уѣздѣ съ курганами Роменскаго уѣзда, частію разрытыми тоже г. Самоквасовымъ, приводитъ референта къ убѣжденію, что какъ каневскіе, такъ и роменскіе курганы, еще въ древности подвергались ограбленію искателями могильныхъ цѣнностей и принадлежать къ Скиѣской эпохѣ; находимые въ нихъ предметы до того схожи съ керченскими древностями первыхъ вѣковъ до и послѣ Р. X., что невозможно сомнѣваться въ принадлежности ихъ народу того же историческаго періода и той же цивилизаціи.

Г. Самоквасовъ полагаетъ, что изслѣдованные имъ курганы въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ ошибочно были принимаемы за сторожевыя; раскопки доказали несомнѣнно погребальное значеніе этихъ кургановъ.

Кромѣ кургановъ Скиѣской эпохи, г. Самоквасовъ изслѣдовалъ въ губерніяхъ Кіевской и Полтавской позднѣйшія кладбища неизвѣстнаго народа, которыя могутъ быть почтены за общественныя кладбища Славянской эпохи. Таково, напримѣръ, кладбище у села Рассавы въ Каневскомъ уѣздѣ. Оно состоитъ изъ 16-ти незначительной высоты распаханыхъ насыпей, въ которыхъ обнаружены могилы, вырытыя въ материкѣ и заключающія въ себѣ также человѣческіе и лошадиные остовы, а при нихъ различныя предметы изъ

железа, бронзы, серебра, золота и кости. Остовы обращены головами на западъ. Человѣческіе остовы положены въ гробахъ, сколоченныхъ изъ толстыхъ досокъ большими желѣзными гвоздями. При мужскихъ человѣческихъ остовахъ открыто вооруженіе (желѣзные кольчуги, сабли, ножи, наконечники стрѣлъ), а при женскихъ множество украшеній золотыхъ и серебряныхъ (діадемы изъ золотой матеріи съ золотыми металлическими бляхами, золотыя серьги, серебряныя шейныя обручи и т. д.). При лошадиныхъ остовахъ найдены остатки приспособленій верховой ѣзды (сѣдель, удила, стремянъ, пряжекъ, бляхъ); на нѣкоторыхъ бляхахъ изображены фантастическія животныя. Также у села Рассавы изслѣдованы г. Самоквасовымъ 50 кургановъ неизвѣстной же пародности, но очевидно не той, которой принадлежитъ только что описанное кладбище. Въ этихъ курганахъ открыты могилы, вырытыя въ материкѣ на глубинѣ отъ одного до двухъ съ половиною аршинъ, съ человѣческими остовами и бѣдными украшеніями, состоящими изъ серебряныхъ и бронзовыхъ колецъ, пряжекъ, пуговокъ и маленькихъ желѣзныхъ пожей. При трехъ остовахъ сверхъ того найдены остатки кожаной обуви и при одномъ костякѣ остатки золотой матеріи.

Въ заключеніе Д. Я. Самоквасовъ сообщилъ о находкахъ, сдѣланныхъ имъ въ 1877 году, въ городищѣ близъ села Пекарей, Черкаскаго у. Кіевской губ., извѣстномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „Князя гора“. Оно находится при впаденіи рѣки Роси въ Днѣпръ, на высокомъ берегу послѣдняго, подмываемомъ весенними разливами воды. Ко времени прибытія г. Самоквасова къ городищу, сохранилась лишь весьма незначительная часть его, не болѣе 30 квадр. саженьей. По словамъ мѣстныхъ крестьянъ, ежегодно, послѣ весенняго разлива воды, они въ теченіе уже многихъ лѣтъ находятъ разные предметы, часть которыхъ покупали у нихъ мѣстные и каневскіе евреи, а непроданныя вещи бросались ими какъ не нужныя. Г. Самоквасовъ приобрѣлъ у крестьянъ и самъ успѣлъ открыть множество интересныхъ предметовъ: серебряныя и золотыя серьги, серебряную бляху, бусы, мелкія бронзовыя вещи, желѣзные наконечники стрѣлъ, желѣзныя пряжки, удила, стремяна, шпоры, замки, ножи, серпы; большую серебряную бляху съ вытиснутымъ на ней изображеніемъ дерева и славянскими буквами А. М. Н; два серебряныхъ слитка въ формѣ древнихъ кіевскихъ шестиугольныхъ рублей; образокъ изъ краснаго шифера съ подписью сверху внизъ: „Никола“; свинцовую печать съ надписью имени митрополита Кирилла, и проч.

В. Б. Антоновичъ замѣтилъ, что мнѣніе Д. Я. Самоквасова о сторожевыхъ курганахъ не можетъ быть основано на его раскопкахъ, производившихся на нижнихъ теченіяхъ рѣкъ, между тѣмъ какъ сторожевые курганы бываютъ только на водораздѣльныхъ линіяхъ.

Д. Я. Самоквасовъ отвѣчалъ, что тѣ курганы, на которые онъ ссылается, лежали на возвышенныхъ мѣстахъ.

В. Б. Антоновичъ возразилъ, что возвышенная мѣстность не составляетъ еще признака существованія сторожевыхъ кургановъ; что курганы эти лежали исключительно на водораздѣльныхъ линіяхъ потому, что по этимъ линіямъ пролегали пути, по которымъ

врывались кочевники въ Русь и которые потому необходимо было сторожить; мѣстность же, указанная Д. Я. Самоквасовымъ, лежитъ въ углу двухъ рѣкъ,—чрезъ нее не могъ проходить путь вторженія кочевниковъ.

Н. М. Маліевъ заявилъ, что онъ во время раскопокъ могилъ находилъ совершенно разложившіеся скелеты вмѣстѣ съ монетами прошлаго столѣтія, и что потому нельзя по степени сохранности костей судить о древности могилы.

Д. Я. Самоквасовъ указалъ, что были могилы, гдѣ нижніе остовы находились въ разложеніи, а верхніе, болѣе подверженныя влагѣ, были цѣлы.

Н. М. Маліевъ и Д. И. Пловайскій замѣтили, что это явленіе могло быть результатомъ сырости.

И. М. Гвоздевъ объяснилъ, что это явленіе было вызвано присутствіемъ въ почвѣ углекислоты, подѣ влияніемъ которой извѣстная часть костей скорѣе растворяется въ водѣ.

Семнадцатое засѣданіе, 13 августа утромъ, по Отдѣленію древностей первобытныкъ (подъ предсѣдательствомъ Н. А. Бонстантиновича).

1. Л. К. Ивановскій прочелъ свой рефератъ: „Матеріалы для изученія курганнаго періода Вотской пятины Новгородской земли“.

Указавъ на важность систематическаго изслѣдованія кургановъ вообще, а для Россіи въ особенности, референтъ далъ геологическій и топографическій очеркъ той части поверхности С.-Петербургской губерніи, на которой расположены группы кургановъ, изслѣдованныя имъ. Поверхность эта равняется приблизительно 900 □ верстамъ, лежитъ въ уѣздахъ Царскосельскомъ, Петергофскомъ и частію Ямбургскомъ и заключаетъ въ себѣ 58 группъ кургановъ, содержащихъ до 9000 отдѣльныхъ насыпей, изъ которыхъ референтъ изслѣдовалъ 2935. На этой площади расположены были старинныя новгородскіе погосты: Дягилинской, Грезневской, Суйдовской, Озерецкой, Зарѣцкой, Авѣшской, Врудской и Вѣдылицкой—Вотской пятины (*), и упоминаемыя въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ названія мѣстностей встрѣтились г. Ивановскому и нынѣ въ числѣ тѣхъ селеній, близъ которыхъ расположены курганы. По способу насыпки курганы раздѣляются въ тѣхъ мѣстахъ на три типа: 1) насыпанные прямо надъ почвой, 2) насыпанные надъ почвой, въ которой было сдѣлано небольшое углубленіе, заключавшее костякъ и 3) дальнѣйшее развитіе втораго типа въ могильную яму, подобную нынѣшнимъ, съ тѣмъ отличіемъ, что въ головахъ могилы ставился большой камень, а весь контуръ ея обносился мелкими булыжниками, т. е. въ такъ называемую „могильную клѣтву“.

(*) См. Писцовыя книги Вотской пятины 1500 г. и Изборской земли 1618—1623 гг., изд. Археологической Комиссіей.

Курганы первого типа устраивались такъ: внутри круга изъ гранитныхъ валуновъ отъ 1½ до 4½ саж. діаметромъ располагалась, въ западной части круга, куча такихъ же валуновъ; на этой кучѣ, съ помощью значительнаго количества топлива, сжигалось какое либо домашнее животное; остатки этого костра покрывали довольно толстымъ слоемъ какъ камни жертвенника, такъ и все пространство внутри валунной ограды; на этомъ кострищѣ располагался трупъ ногами на востокъ, или въ сидячемъ положеніи, съ спиною приклоненною къ жертвеннику, или въ лежачемъ, покоясь головою на одномъ изъ камней его подножія. Затѣмъ все засыпалось или рѣчнымъ пескомъ, или грунтомъ, выпутымъ по близости и въ большей части случаевъ одерновывалось. Курганы получали правильную полусферическую форму съ валунной окладкой основанія. По мѣрѣ разрушенія погребеннаго въ сидячемъ положеніи, ребра, позвонки и черепъ опускались къ тазу и часть насыпи, слѣдуя за ними, образовала въ западной половинѣ поверхности кургана кратерообразное углубленіе.

Насыпи второго типа устраивались нѣсколько иначе: выкапывалась могила, отъ 2½ до 3 арш. длиною, ¼ арш. шириной и глубиной; въ нее или укладывался или, что рѣже, усаживался погребаемый, въ послѣднемъ случаѣ, опираясь спиною и головою на западную стѣнку могилы и приваленный къ ней камень, и засыпался вынутою изъ могилы землею съ нѣкоторою прибавкою песку; поверхъ этого первичнаго землянаго покрова—остатки костра и черепки, и уже затѣмъ вторичная насыпь окончательно увѣнчивавшая курганъ. Гранитной непрерывной окладки не дѣлалось, а располагалось 4 или 6 огромныхъ валуновъ у основанія насыпи, одинъ изъ нихъ, наибольшій, непременно въ головахъ и одинъ также въ ногахъ.

Въ могилахъ третьяго типа погребеніе ничѣмъ не отличалось отъ современнаго; костяки всѣ въ лежачемъ положеніи, но признаковъ гробовъ, какъ здѣсь, такъ и въ двухъ первыхъ типахъ, не встрѣчено. Земля, наполнявшая клѣтки, нерѣдко заключала въ себѣ частицы зола, угля и черепки. Относительно послѣднихъ референтъ полагалъ, что они попадали сюда изъ особыхъ, представлявшихъ собою наслоеніе засыпанныхъ пескомъ кострищъ кургановъ, въ которыхъ ни вещей, ни остатковъ человѣческихъ костей не встрѣчено, по которые попадались въ тѣхъ группахъ, гдѣ встрѣчались клѣтки.

Курганы первого типа часто содержали въ себѣ на кострищахъ кальцинированныя, вслѣдствіе трупосожженія, кости человѣка и сплавившіяся и обгорѣвшія вещи. Почти всѣ безъ исключенія остовы во всѣхъ трехъ типахъ могилъ имѣли въ ногахъ горшокъ съ остатками пищи. Женскіе остовы являлись наиболѣе украшенными: найдено множество вѣнцовъ, монистъ, бусъ, гривенъ, серегъ, височныхъ колецъ, привѣсокъ, браслетовъ, колецъ, перстней, поясовъ, ножей и поясныхъ привѣсокъ въ видѣ коньковъ съ побрякушками; браслеты сохранили на себѣ полотно отъ сорочекъ, а пряжки на воротѣ грубое валеное сукно или части звѣриныхъ шкуръ отъ плащей. Обуви не встрѣчено. Мужскіе остовы были гораздо бѣднѣе: пряжка на воротѣ плаща, ременный поясъ, ножъ, кольцо, грубый браслетъ, топоръ въ ногахъ справа, копье или дротикъ въ правой рукѣ и кремьень съ огнивомъ,—вотъ наиболѣе богатый нарядъ. Волосы курганное племя имѣло темно-

русые. Мужчины доходили до 2 арш. 10 верш., а женщины до 2 арш. 4 верш. росту. Племя было короткоголовое, прямолицое, но женскіе черепа были все таки короче мужскихъ.

По монетамъ курганы относятся къ концу IX-го, къ X-му и XI-му столѣтіямъ. Нѣкоторыя письменныя свидѣтельства и изслѣдованія г. Европеуса заставляютъ г. Ивановскаго предположить, что онъ имѣетъ дѣло съ могилами Славянъ новгородскихъ.

П. М. Гвоздевъ спросилъ: по какимъ признакамъ Л. К. Ивановскій отличалъ кости сожженныхъ животныхъ различныхъ породъ изъ тѣхъ, которыя были принесены въ жертву или употреблялись въ пищу?

Л. К. Ивановскій объяснилъ, что онъ имѣлъ подъ руками не одну или двѣ частички костей, а безчисленное множество осколковъ, между которыми попадались цѣлыя массы совершенно опредѣленныхъ; многіе изъ нихъ показаны имъ проф. Брандту и опредѣлены послѣднимъ, хотя, вслѣдствіе своей явной принадлежности тому или другому виду, и не нуждались въ опредѣленіи спеціалиста.

2. Графъ А. С. Уваровъ прочелъ свой рефератъ: „О находкахъ каменнаго періода на берегахъ Оки“.

Референтъ описалъ топографію мѣстности близъ усадьбы князя Голицына на р. Окѣ, между пристанями Сапуномъ и Варезомъ, гдѣ Перемиловскія горы подходятъ къ берегу рѣки. На противоположномъ низкомъ берегу рѣки лежатъ песчаные бугры, изъ которыхъ самый замѣчательный называется Плехановымъ бугромъ. Самая усадьба построена на такомъ же бугрѣ, и здѣсь владѣлецъ нашелъ до 783 различныхъ каменныхъ орудій. Графъ Уваровъ избралъ для изслѣдованія нетронутый Плехановъ бугоръ. Часть бугра спустилась въ Окѣ, и подъ растительнымъ слоемъ оказался сыпучій песокъ, который частыми и сильными тамъ южными вѣтрами передувался на вершину бугра и противоположный скатъ его. По заднему песчаному скату разсыпаны орудія и черепки. Графъ Уваровъ, съ цѣлью опредѣлить относительное положеніе культурнаго слоя, предпринялъ раскопку бугра сверху, при чемъ имъ были встрѣчены слѣдующіе слои: 1) слой пересыпаннаго вѣтромъ песку, покрывающій стволы нѣсколькихъ сосенъ на нѣкоторую высоту, 2) тонкій растительный слой, гдѣ простирались корни этихъ деревьевъ, 3) второй слой сыпучаго песку (обнаженный съ юга), весьма толстый, 4) слой угля отъ большихъ деревьевъ представляющій собою сгорѣвшую рошу, 5) слой красноватаго алювіальнаго глинистаго песку и подъ нимъ 6) культурный слой песку съ золой и углемъ до 4 арш. толщиною. Здѣсь найдены цѣлыя кучи угля и черепковъ, но, судя по нахожденію доннышекъ сосудовъ подъ углями, надо думать что угли заключались въ этихъ сосудахъ. Въ одномъ изъ такихъ сосудовъ кромѣ угля встрѣчено и каменное орудіе. Сверхъ того находились кучи черепковъ съ остатками рѣчныхъ раковинъ. Затѣмъ цѣлыя залежи раковинъ; одна, 3 саж. въ длину и 1½, въ ширину, состояла изъ черепковъ, раковинъ и орудій, служившихъ для домашняго употребленія. Эти залежи суть настоящіе такъ называемые кухонные остатки. Кромѣ перечисленнаго, земля, какъ видно изъ коричневаго цвѣта ея, сохранила здѣсь остатки отъ какого-то гніенія, можетъ быть остатковъ рыбъ. Ниже этого культурнаго слоя былъ 7) слой диллювіальныхъ наносовъ, а еще ниже, въ подошвѣ бугра,—8) чистый рѣчной песокъ. Огромное количество орудій и череп-

ковъ показываетъ, что здѣсь было цѣлое поселеніе, т. е. собственное поселеніе было неподалеку въ горахъ, гдѣ есть пещеры съ сталактитами и известковыми ломками, а это суть такъ называемыя мастерскія, гдѣ первобытный человѣкъ дѣлалъ свои орудія, сосуды, утолялъ свой голодъ и вообще проводилъ довольно долгое время. Но вотъ произошелъ геологическій переворотъ, аллювіальный слой прикрылъ собой слѣды первобытнаго человѣка, но въ слою углей отъ сгорѣвшей роши опъ опять видѣнъ.

Въ указанномъ слою находятся орудія отъ самыхъ грубыхъ до сверленныхъ и прекрасно полированныхъ молотковъ, а потому и явствуетъ, что человѣкъ жилъ здѣсь въ теченіе всего каменнаго періода вплоть до роковаго переворота, заставившаго уцѣлѣвшихъ искать инаго убѣжища. Странно, что въ числѣ всѣхъ остатковъ найдено всего 2—3 звѣриныя кости, изъ чего слѣдовало бы заключить, что или первобытные люди здѣсь питались исключительно рыбою, или кости истлѣли. Референтъ склоняется къ первому предположенію.

Горшки, подобно орудіямъ, попадались отъ самыхъ грубыхъ полуобожженныхъ до украшенныхъ весьма изящными узорами, но странно, что узоры эти весьма похожи на такіе же въ находкахъ г. Полякова, относящихся къ каменному вѣку сѣвернаго берега Онежскаго озера. Между другими находками встрѣтились во множествѣ каменныя всевозможныхъ величинъ, отъ величины пяточка до величины нѣскольکو меньшей игральной карты, полированныя пластинки, которыя на Западѣ обыкновенно признаются за грузила для сѣтей, но множество такихъ грузилъ минимальной тяжести скорѣе указываютъ на то, что вѣроятно, они служили для украшенія шеи въ видѣ ожерельевъ, вмѣстѣ съ другими предметами, бесспорно служившими для послѣдней цѣли.

Референтъ закончилъ свое сообщеніе просьбою, чтобы князь Голицынъ не оставлялъ изслѣдованія окрестныхъ пещеръ съ цѣлью отыскать тамъ слѣды жилья первобытнаго человѣка.

Князь Л. С. Голицынъ дополнилъ сообщенное графомъ А. С. Уваровымъ, заявивъ, что во время весеннихъ разливовъ упомянутые бугры и доселѣ являются островами, и что очень можетъ быть, что первобытные люди отбѣзжали сюда весною и жили здѣсь подолгу; можно даже съ большою долею вѣроятности предположить, что когда-то эти бугры были островами настоящаго моря, тѣмъ болѣе, что многія изъ встрѣчающихся раковинъ бесспорно морскія, а было бы очень смѣло предположить, что онѣ привозныя. Этимъ обстоятельствомъ, по мнѣнію кн. Голицына, и объясняется, что указанный культурный слой нигдѣ не спускается до подошвы бугровъ, оканчиваясь всегда на нѣкоторой высотѣ; высоту эту можно бы даже приблизительно опредѣлить для всѣхъ бугровъ, сдѣлавъ экскурсію во время весеннихъ разливовъ Оки и Волги. Кн. Голицынъ думаетъ, что высота эта вездѣ оказалась бы приблизительно одной и той же надъ уровнемъ разлива.

3. П. А. Копѣстантиновичъ прочелъ свой рефератъ: „О городищѣ близъ мѣстечка Салтыковой-Дѣвицы, Черниговскаго уѣзда“.

4. В. Л. Беренштамъ доложилъ рефератъ П. В. Алабина „О древностяхъ Самарскаго края“. Г. Алабинъ дѣлаетъ перечень многихъ неизвѣстныхъ или мало извѣст-

ныхъ памятниковъ старины названнаго края; къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ этихъ древностей уже утратились для науки вслѣдствіе перехода въ неизвѣстныя руки, а другія лежатъ еще не изслѣдованными. Г. Алабинъ вмѣстѣ съ своимъ рефератомъ препроводилъ 11 предметовъ изъ Студенецкаго кладбища, которые и были показаны присутствовавшимъ на засѣданіи и объяснены г. докладчикомъ.

Восемнадцатое засѣданіе, 13 августа вечеромъ, по Отдѣленію исторической географіи и этнографіи (подъ предсѣдательствомъ Д. Я. Самоквасова).

1. Е. Е. Замысловскій представилъ слѣдующій докладъ о поступившихъ въ отдѣленіе статьяхъ и рефератахъ:

Число относящихся къ исторической географіи и этнографіи статей и рефератовъ, доставленныхъ Предварительному Комитету IV-го Археологическаго Съѣзда, было столь значительно, что далеко не всѣ изъ нихъ могутъ быть сообщены вамъ, мм. гг., даже въ краткихъ извлеченіяхъ, несмотря на то, что сегодня имѣетъ быть четвертое засѣданіе нашего отдѣленія. Поэтому я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ краткій отчетъ о статьяхъ и рефератахъ, которые не были прочитаны въ засѣданіяхъ этого отдѣленія и вмѣстѣ съ другими, вамъ извѣстными, препроводятся въ комиссію, подъ наблюденіемъ которой будутъ печататься Труды IV Археологическаго Съѣзда.

Начну съ тѣхъ двухъ рукописей, которыми едва ли по моему мнѣнію можно воспользоваться. Одна изъ нихъ принадлежитъ Е. М. Тимаеву, подъ заглавіемъ: „Откуда названіе Славяне и что такое Норцы въ нашей лѣтописи?“, другая—Р. Г. Игнатьеву: „О первыхъ заселеніяхъ Русскихъ и о борьбѣ ихъ съ туземцами въ Уфимской губерніи“. Г. Тимаевъ пытается доказать въ своей статьѣ, что имя *Славяне*, въ древности *Савляне*, произошло отъ названія рѣки Савы, а названіе *Норцы*, встрѣчающееся въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, означаетъ обитателей пещеръ; эти выводы не подѣржены никакими доказательствами, могущими имѣть научное значеніе. Р. Г. Игнатьевъ въ началѣ своей статьи говоритъ о томъ, что онъ руководствовался „Топографіею Оренбургской губерніи“ и „Оренбургскою исторіей“ Рычкова, выписками изъ дѣлъ архивовъ бывшихъ Оренбургской губернской и Уфимской и Исетской провинціальныхъ канцелярій и мѣстными преданіями въ Уфимской губерніи. Едва ли однако авторъ воспользовался матеріалами, на которые самъ онъ указываетъ. Его статья бѣдна содержаніемъ и не соотвѣтствуетъ своему заглавію, такъ какъ большая часть ея занята разсказомъ о бунтахъ въ предѣлахъ нынѣшней Уфимской губерніи; источники не указаны, хронологическія данныя или сомнительны, или не вѣрны.

За исключеніемъ тотчасъ мною упомянутыхъ, всѣ остальные труды, которые въ настоящее время находятся въ отдѣленіи исторической географіи и этнографіи и имѣютъ быть мною указаны, замѣчательны по обстоятельно собранымъ въ нихъ матеріаламъ и потому заслуживаютъ быть напечатанными въ „Трудахъ IV Археологическаго Съѣзда“, нѣкоторые—вполнѣ, другіе же въ извлеченіяхъ. Труды эти слѣдующіе: Н. Н. Вечеслава: „Къ вопросу о народныхъ преданіяхъ въ Казанской губерніи относительно первыхъ заселеній въ ней Русскихъ и ихъ

борьбѣ съ туземцами“. Здѣсь извлечены авторомъ свѣдѣнія изъ „Памятныхъ книгъ“ Казанской губерніи и въ заключеніи сдѣланы указанія на сочиненія, въ которыхъ находятся данныя относительно исторіи заселенія Казанской губерніи Русскими. Кн. Костровымъ доставлены двѣ статьи: первая подъ заглавіемъ: „Преданія томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи“; вторая: „Очерки быта минусинскихъ Татаръ“, занимающая 43 полулиста. „При составленіи настоящихъ очерковъ“, замѣчаетъ авторъ, „кромѣ личныхъ моихъ замѣтокъ о минусинскихъ Татарахъ, я пользовался еще сочиненіями слѣдующихъ авторовъ: Фишера—Сибирская исторія, Палласа—Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, Спасскаго—Сибирскій Вѣстникъ и многими другими“. Эта статья кн. Кострова замѣчательна по обилію любопытныхъ этнографическихъ, историко-географическихъ и юридическихъ свѣдѣній. Не лишены, между прочимъ, общаго значенія свѣдѣнія о родовомъ бытѣ минусинскихъ Татаръ. Для изученія мѣстныхъ древностей заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, особеннаго вниманія статья архимандрита Леонида (Кавелина): „Краткое изясненіе плана древняго города Казани и описаніе осады и взятіе онаго въ 1552 году“. Въ лѣтописи взятій нашего Сѣзда займутъ также видное мѣсто по своей пользѣ для русской исторической науки труды и сообщенія столь много уже сдѣлавшаго для всесторонняго изученія Нижегородской губерніи секретаря Нижегородскаго статистическаго комитета А. С. Гацисскаго. Имъ составленъ указатель всѣхъ статей по археологіи, этнографіи и исторической географіи, напечатанныхъ въ мѣстныхъ нижегородскихъ изданіяхъ. Въ замѣтѣхъ, приложенной къ этому указателю, изложены составителемъ его свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи памятниковъ до-исторической археологіи Нижегородской губерніи и о томъ, что сдѣлано для ихъ изслѣдованія. А. С. Гацисскимъ доставлены также свѣдѣнія, собранныя Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ отъ священниковъ и сельскихъ учителей этой губерніи о географическихъ названіяхъ, не вошедшихъ въ алфавиты, приложенныя къ спискамъ населенныхъ мѣстъ, а именно названія овраговъ, лѣсовъ, рѣкъ, ручейковъ и пр. Подобнаго же рода свѣдѣнія и по другимъ губерніямъ находятся въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Весьма было бы желательно, чтобы всѣ эти матеріалы, крайне необходимые для русской исторической географіи, были печатаемы въ трудахъ археологическихъ сѣздовъ.

2. И. А. Износковъ сообщилъ о древнихъ одеждахъ, носимыхъ крещеными Татарами Лаишевскаго уѣзда. При этомъ онъ представилъ древнія одежды этихъ Татаръ и одежды, носимыя въ настоящее время крещеными Татарами Чистопольскаго уѣзда и Мордвой. Обративъ вниманіе на покрой древнихъ одеждъ, вышивки на нихъ сдѣланныя, и на названія ихъ: „чува“, г. Износковъ высказалъ предположеніе, что крещеные Татары не были собственно Татары, а были какіе нибудь другіе инородцы: Чуваши, Черемисы, или, быть можетъ, Мордва.

На сообщеніе И. А. Износкова были сдѣланы замѣчанія Н. И. Золотницкимъ и Н. О. Юшковымъ.

Н. И. Золотницкій выразилъ сомнѣніе, чтобъ можно было, на основаніи названія „чува“, заключать, что эти крещеные Татары были изъ Чувашъ; названныя одежды не имѣютъ въ числѣ вышивокъ отличительнаго признака чувашскихъ костюмовъ—звѣзды.

На рукавахъ чувашской рубахи, ниже плеча, вышивается узоръ, въ видѣ звѣзды, называемый *холдырма*. Корень названія, очевидно—*хол*—рука; по джагатайски и азербиджански—*колмурмадж* называются рукава съ прорѣхами верхняго кафтана, которые или висятъ ненадѣванные, или закинута за плеча. А такъ какъ чувашскій узоръ *холдырма* дѣлается на томъ мѣстѣ, гдѣ на верхнемъ кафтанѣ бывають прорѣхи рукавовъ, то названіе узора даетъ поводъ предполагать, что нѣкогда и Чуваши носили кафтаны съ откидными рукавами, тѣмъ болѣе, что у Вотяковъ и нынѣ молодушени носятъ камзолъ (шот-дерем) съ рукавами въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ Армяне или Греки; а украшенія на выставленныхъ г. Износковымъ одеждахъ далеки отъ чувашскихъ. Но вѣроятно, это не были чисто Татары, а народъ близкій къ Чувамамъ. Г. Золотницкій указалъ на то, что Татары, живущіе около Черемисъ, носятъ названіе Чувашъ и на то, что потомки древнихъ Болгаръ въ настоящее время у инородцевъ называются или Булгарами или Чувамами, а не Татарами.

Н. О. Юшковъ замѣтилъ, что костюмы черемисскіе часто встрѣчаются у крещеныхъ Татаръ, а одежды послѣднихъ нерѣдко можно найти у Черемисъ.

З. Н. И. Золотницкій прочелъ свой рефератъ: „О селеніяхъ съ названіемъ *Тарханъ*“.

4. М. М. Мальцевъ прочелъ свой рефератъ объ одной мѣстности въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, извѣстной подъ именемъ „*Старой Камы*“,—слѣдующаго содержанія.

Въ минувшемъ (іюль) мѣсяцѣ, 21 числа я случайно былъ въ селѣ Сергіевскомъ Лаишевскаго уѣзда, которое лежитъ въ десяти верстахъ отъ деревни Мурзихи, находящейся на лѣвомъ берегу Камы. Въ селѣ Сергіевскомъ я услышалъ, что недалеко отъ него есть мѣстность, называемая народомъ „*Старой Камой*“. Заинтересовавшись этимъ и желая узнать, что такое „*Старая Кама*“, я въ день же приѣзда отправился туда, гдѣ, какъ мнѣ указали, она находится. Оказалось, что „*Старая Кама*“ представляетъ бывшее ложе рѣки, одинъ берегъ которой, именно лѣвый, довольно крутой и возвышенный, а другой, правый—сравнительно низменный. Пространство, заключенное между этими бывшими берегами, старое русло, и до сихъ поръ представляетъ болотистую мѣстность, покрытую кустарниками. Возвышенный берегъ этого русла тянется до города Спаска Казанской губерніи. Простой народъ говоритъ, что по указанной мѣстности было нѣкогда теченіе рѣки Камы и что направленіе ея теченія возвратится будто бы опять на это мѣсто. И дѣйствительно послѣднее обстоятельство можетъ легко случиться, на что указываетъ ежегодное обрываніе лѣваго берега Камы у деревни Мурзихи на довольно значительное пространство. Деревня Мурзиха, говорятъ, благодаря этимъ обрывамъ, потеряла цѣлые два ряда домовъ, цѣлую улицу; въ одинъ годъ снесло даже церковь, спасенные колокола которой и до сихъ поръ висятъ на берегу Камы. Мѣстные крестьяне, для защиты отъ обваловъ, обкладываютъ берегъ навозомъ, который нѣкоторымъ образомъ предохраняетъ его отъ подмыванія водою. Не смотря на это, постоянный обрывъ берега можетъ такъ измѣнить теченіе Камы, что она пойдетъ снова по прежнему своему

руслу „Старой Камы“. Я не берусь здѣсь рѣшать окончательно вопросъ о томъ, дѣйствительно ли это будетъ, но я остановлю вниманіе на важномъ обстоятельстве, могущемъ нѣсколько распутать вопросъ, занимающій такъ много нашихъ русскихъ ученыхъ, о положеніи древней столицы Болгарскаго царства. Если дѣйствительно направление Камы было иное, чѣмъ она теперь имѣетъ, именно направление „Старой Камы“, то вѣроятно оно оказывало несомнѣнное вліяніе на значеніе Болгарской столицы; стало бытъ по направлепію этой рѣки и надобно искать слѣдовъ прошедшей цивилизаціи Болгарскаго народа.

Сообщая фактъ, о которомъ я слышалъ назадъ тому нѣсколько дней и не успѣвши вопліть обследовать мѣстность „Старой Камы“, я отдаю такъ сказать и свою лепту въ ту сокровищницу, которая собирается постояннымъ Сѣздомъ. Если изслѣдовать мѣстность „Старой Камы“ обстоятельно въ геолого-археологическомъ отношеніи, то вѣроятно прежнее направлепіе Камы объяснить много причинъ, отъ которыхъ зависѣли условія той страны, которая извѣстна подъ именемъ Болгарскаго царства.

Б. Н. А. Износковъ прочелъ свой рефератъ „О сохранившихся въ народѣ преданіяхъ о названіяхъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи“.

По поводу реферата И. А. Износкова были сдѣланы дополненія и возраженія Н. И. Золотницкимъ, Н. А. Өирсовымъ и П. Д. Шестаковымъ.

Н. И. Золотницкій высказалъ слѣдующее:

Соглашаясь съ мнѣніемъ И. А. Износкова о важности преданій при изслѣдованіи названій нѣкоторыхъ мѣстностей, я однакоже позволю себѣ замѣтить, что во всякаго рода преданіямъ надобно относиться съ крайнею осторожностью. Поэтому преданіямъ, неподкрѣпленнымъ другими фактами, я придаю менѣ цѣны, чѣмъ другимъ источникамъ, о которыхъ я и хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что о названіяхъ селеній сегодня говорится на Сѣздѣ въ послѣдній разъ. Занимаясь изученіемъ мѣстныхъ инородческихъ нарѣчій, я обращался къ этнографической картѣ Казанской губерніи большею частью затѣмъ только, чтобы справиться или замѣтить, къ какой мѣстности относится тотъ или другой говоръ, гдѣ слышатся тѣ или другіе звуки. Но когда при этомъ я сталъ обращать вниманіе на *названія* мѣстностей и селеній, то замѣтилъ, что эти названія не принадлежатъ къ языку племени, которое тамъ обитаетъ: я увидаль, что среди сплошнаго черемискаго населенія встрѣчаются мѣстности съ чисто татарскими именами (Ак-чери) и что названія большинства старыхъ чувашскихъ деревень явно принадлежатъ къ до-татарскому языку. Принявшись изслѣдовать *названія* селеній, я началъ представлять себѣ по этой картѣ на мѣстахъ нынѣшнихъ, склонныхъ къ нѣгѣ и торговлѣ Татаръ и мирныхъ земледѣльцевъ Чувашъ,—предковъ христіански-благочестивыхъ горныхъ Черемисъ и глубоко язычествующихъ луговыхъ Черемисъ. Въ особенноти подъ вліяніемъ историческихъ именъ: удалаго татарскаго наѣзника *Епанчи*, отважнаго и хитраго горно-черемискаго блага тигра *Акпарса*, луговаго „славнаго кровопивца“ *Алеки*, чувашскихъ князей—*Шемэрдэна*, царя храбрыхъ, и военачальника *Байтеряка*,—я началъ ясно представлять другой народъ: „золотыхъ ратниковъ, кольчужниковъ, панцир-

никовъ, латниковъ, удалыхъ, храбрыхъ, вооруженныхъ или занятыхъ приготовленіемъ оружія, среди горъ и обрывовъ, среди валовъ и укрѣпленій.

Все это побудило меня приняться за составленіе изслѣдованія, подъ названіемъ „Слѣды стратегическихъ пунктовъ Болгарскаго царства и Казанскаго ханства въ названіяхъ мѣстностей и въ остаткахъ сооружений“. Предположивъ изслѣдовать такимъ способомъ мѣстности Казанской губерніи, лежащія только на правой сторонѣ Волги, я составилъ инвентарь мѣстностямъ того края, который весьма ясно обнаружилъ весь интересъ подобнаго изслѣдованія. Напр. отъ турецко-татар. корня *кор*, означающаго: „огородить, охранять, защищать“, происходятъ названія 13 селеній: Хорпау, Корпоуши, Курмыш, Ян-Горчи и пр.; отъ тур.-тат. *иш* и татар. *йомош* = дѣло, служба—названія 19 селеній: Ишлей, Ишино, Ишан, Йомошлы, Юмаш, Ямаш и пр.; отъ тур.-джагат. *жарак*, тат. *жарау* = снарядъ, оружіе, вооруженіе, *жараклы* = вооруженный—названія 17 селеній: Ярав, Ярабой, Ерыклы и пр.; отъ уйгурскаго *куйак* и тат. *кѣбѣ* = панцырь, кольчуга, латы—по казанско-татар. *кѣбѣ-кѣбѣ*—названія 53 селеній: Куюк, Кибяк-вози, Кибечи и пр. Я не говорю о „Приложеніяхъ“ въ моему Словарю, въ которыхъ уже объяснены названія многихъ селеній, имѣющія значеніе стратегическихъ пунктовъ, какъ *Карамыш*—„сторожевой“, *Буинскъ* и *Цивильскъ*, съ 14 другими соименными селеніями,—„плотины или укрѣпленія“ и 17 *Сундырей*—„вышки и сторожевые пункты“, принятые во вниманіе въяземъ П. П. Вяземскимъ въ изслѣдованія его „Синды, Зундъ и Сундары“ (*) и въ высокопочтенномъ трудѣ С. М. Шпилевскаго, посвященномъ IV Археологическому Съѣзду. И вотъ, по моему мнѣнію, если преданіе, относясь къ такому селенію, поясняется названіемъ его, или поясняетъ самое названіе, тогда цѣнность его несомнѣнна. Вообще названія мѣстностей, въ связи съ историческими именами, преданіями и остатками сооружений, представляютъ таковой матеріалъ, за тщательную обработку котораго исторія, этнографія и археологія могутъ сказать большое спасибо. А это убѣжденіе побудило Н. А. Износкова высказать мысль о необходимости издать списки населенныхъ мѣстъ на первый разъ Казанской губерніи, съ объясненіемъ названій и указаніемъ историческихъ именъ и преданій, относящихся къ этимъ мѣстностямъ,—мысль, которой я вполне сочувствую и для осуществленія которой мы вмѣстѣ съ г. Износковымъ составили: 1) Алфавитный списокъ древнихъ историческихъ инородческихъ именъ и 2) Списокъ на семи мѣстныхъ нарѣчіяхъ; оба эти списка принаровлены въ осуществленію той же цѣли (**).

Н. А. Фирсовъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

Н. И. Золотницкій, по поводу реферата Н. А. Износкова, высказалъ мысль, извлеченную имъ изъ филологическаго изслѣдованія названій селеній Казанской губерніи (приведшаго его къ заключенію, что названія многихъ чувашскихъ селеній—старо-татарскія, а названія русскихъ селеній—черемисскія), мысль, что названія селеній не даютъ достаточ-

(*) Ж. М. Н. П. 1876. ч. CLXXXIV (мартъ), отд. II, стр. 9.

(**) Первый изъ этихъ списковъ см. въ „Трудахъ IV Арх. Съѣзда“, въ приложеніи къ реферату Н. А. Износкова «О личныхъ инородческихъ именахъ», читанному имъ 4 августа въ шестомъ засѣданіи Съѣзда.

пыхъ основаній для опредѣленія направленія колонизаціи Казанскаго царства; но не ска- залъ почему это такъ. На это намъ отвѣчаетъ исторія. Когда Русскіе начали свои насту- пательныя дѣйствія противъ Казанскаго царства, Татары, Чуваши и Черемисы оставля- ли селенія, которыя занимались Русскими; послѣдніе, поселяясь въ нихъ, не измѣняли ихъ названій. Завоеванное Казанское царство на первое время не казалось прочнымъ. Извѣстно, что происходили частыя возстанія Татаръ, Чуванъ и Черемисъ, окончившіяся только послѣ жестокаго истребленія инородцевъ, и мѣста умершихъ были заняты Русскими. Затѣмъ П. А. Износковъ высказываетъ мнѣніе, что вскорѣ послѣ завоеванія Казанскаго царства, многіе Русскіе основали здѣсь свои поселенія, какъ напр. бѣглые, крѣпостные, ссыльные на каторгу. Это неувѣрно: тогда крѣпостныхъ не существовало и на каторгу не ссылали. Далѣе онъ говоритъ, что въ XVII в. не было особенныхъ передвиженій ни между Русскими, ни между инородцами нынѣшней Казанской губерніи. Но имѣются положительныя, доку- ментальныя извѣстія, касающіяся времени Петра В. и Елизаветы, когда русское право- славіе усилило религіозную пропаганду среди язычниковъ и мухаммеданъ и прибѣгло, между прочимъ, къ такому средству: тотъ, кто упорно держится язычества или мухамме- данства, если онъ владѣлецъ земли или мурза, лишается всего имущества и земля его переходитъ къ принявшимъ православіе. При Елизаветѣ религіозная пропаганда усили- лась до большихъ размѣровъ и было постановлено: всѣхъ, оставляющихъ язычество или мухаммеданство, переводить въ другія мѣста, чтобъ, такъ сказать, не смѣшивать ихъ съ язычниками и мухаммеданами. Такъ было въ продолженіе семи лѣтъ. Но для переселяемыхъ это было крайне неудобно; тогда правительство повернуло иначе—и постановило: тѣхъ, которые остаются въ язычествѣ или мухаммеданствѣ, переселять, а принявшихъ правосла- віе оставлять на своихъ мѣстахъ. Эти историческіе факты объясняютъ мысль, высказы- ванную П. И. Золотницкимъ, и явленіе, состоящее въ томъ, что часто русскія селенія носятъ черемисскія названія, чувашскія же селенія имѣютъ старотатарскія названія и т. п. Я ска- жу еще нѣсколько словъ относительно замѣчанія П. А. Износкова, что инородческое насе- леніе перекочевывало въ XVIII столѣтіи,—если это и было, то вслѣдствіе указанныхъ исто- рическихъ причинъ. Есть указанія въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, что Чуваши и Чере- мисы были слишкомъ привязаны къ своимъ мѣстамъ: многіе даже крестились для того, чтобъ остаться на мѣстахъ своихъ пращуровъ.

П. Д. Шестаковъ заявилъ отъ имени II-го отдѣленія Съѣзда сочувствіе къ на- мѣренію П. А. Износкова и П. И. Золотницкаго издать списки населенныхъ мѣстъ Ка- занской губерніи съ обозначеніемъ названій и указаніемъ историческихъ именъ и преда- ній, относящихся къ этимъ мѣстностямъ; причѣмъ добавилъ, что онъ, П. Д. Шестаковъ, какъ предсѣдатель Отдѣленія, выражаетъ желаніе, чтобъ такіе списки пашли себѣ мѣсто въ „Трудахъ IV-го Археологическаго Съѣзда“ (*).

(*) Въ приложеніи къ реферату П. А. Износкова «О сохранившихся въ народѣ преданіяхъ о назва- ніяхъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи» помѣщается списокъ этихъ мѣстъ Мамадышскаго уѣзда; об- работка этого списка въ настоящее время приведена П. А. Износковымъ къ окончанію.

6. В. В. Р а д л о в ъ прочелъ извлеченіе изъ своего перевода съ татарскаго на русскій языкъ „Исторіи Болгарскаго и Казанскаго царствъ“, составленной Ахуномъ Бага-уддиновымъ, и обратилъ при этомъ вниманіе Съѣзда на новый источникъ для изученія мухаммеданскаго періода исторіи Казанскаго края, приводимый въ вышеназванномъ трудѣ, именно на *предисловія и посвященія разныхъ рукописныхъ богословскихъ книгъ*, составленныхъ во времена различныхъ хановъ Золотой Орды.

7. Д. А. К о р с а к о в ъ сообщилъ нѣсколько данныхъ изъ своего реферата по 30 вопросу программы Съѣзда: „Какихъ городовъ служилые люди были помѣщиками и вотчинниками въ Казанскомъ краѣ въ XVI и XVII вв. и на основаніи какихъ источниковъ и въ какой мѣрѣ возможно разрѣшеніе этого вопроса?“

Н. П. З а г о с к и н ъ, по поводу сообщенія Д. А. Корсакова, замѣтилъ, что при Іоаннѣ Грозномъ помѣщики и вотчинники не могли переводить крестьянъ съ одной земли на другую; этого не могло быть не только въ концѣ XVI, но и въ началѣ XVII столѣтія, потому что въ то время крестьяне не были закрѣплены, и если что нибудь подобное совершалось, то безъ всякаго легальнаго основанія. Референтъ ссылался на указъ, данный боярину Матвѣеву въ 1675 году на право переводить крестьянъ съ одной земли на другую, но этотъ указъ вовсе не имѣлъ общаго характера и если онъ примѣнялся другими, то совершенно незаконно. Точно также замѣчаніе референта, что на земли Казанскаго царства переходили служилые люди изъ Алатырскаго и Пензенскаго уѣздовъ, не имѣло отношенія къ поставленному имъ вопросу, потому что Алатырь и Пенза сами принадлежали въ Казанскому царству.

Д. А. К о р с а к о в ъ возразилъ на это, что онъ считаетъ возможнымъ переводъ крестьянъ помѣщиками въ Казанскій край въ XVI столѣтіи только или по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, или же въ силу особеннаго на то распоряженія правительства; объ указѣ 1675 года онъ заявлялъ, что на практикѣ этотъ указъ имѣлъ гораздо большее примѣненіе, но не входилъ въ подробности, будучи увѣренъ, что ученымъ специалистамъ и безъ того извѣстно, что этотъ указъ былъ данъ исключительно боярину Матвѣеву, а имъ пользовались и другіе, какъ официальнымъ оправданіемъ своихъ произвольныхъ дѣйствій; говоря о пришлыхъ служилыхъ людяхъ въ Казанскій край, онъ, г. Корсаковъ, счелъ умѣстнымъ упомянуть и о тѣхъ, которые, будучи на службѣ въ казанскихъ городахъ, не имѣли, быть можетъ, прежде пожалованныхъ земель въ Московскомъ государствѣ и получали ихъ впервые въ предѣлахъ Казанскаго царства.

Деятнадцатое засѣданіе, 15 августа утромъ, по Отдѣленію восточныхъ древностей (подъ предсѣдательствомъ А. С. Гацисскаго).

1. Н. И. З о л о т н и ц к і й сообщилъ „О шаманской или старой чувашской вѣрѣ“. Объяснивъ происхожденіе названія ея отъ имени тунгузскихъ жрецовъ *шамановъ*, призывателей и заклинателей духовъ, онъ привелъ названія этихъ жрецовъ у разныхъ народовъ. Названіе чувашскихъ

жрецовъ *йомысь* тождественно съ алтайскимъ *кам* и якутскимъ *ойон*. Чуваша въ древности боготворили *небо* подъ именемъ *тдра*, которое, чрезъ выпускъ носоваго *и* сблизается съ якутскимъ *тагар* и др. Н. И. Золотницкій обратилъ вниманіе на три вопроса, по которымъ Съѣзду желательно получить отвѣты (*), и заявилъ, что на всѣ эти вопросы удовлетворительно отвѣчаетъ присланная для доклада. Съѣзду рукопись В. К. Магнитскаго: „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры“, въ которой авторъ подробно описываетъ всѣ чувашскіе обычаи, обряды, праздники, наговоры и пр. Эти матеріалы сообщаютъ слѣдующія данныя: 1) они заключаютъ въ себѣ тексты, имѣющіе слѣды стариннаго нарѣчія, замѣчаемаго въ болгарскихъ надписяхъ; 2) уясняютъ отатареніе Чувашъ посредствомъ ислама; 3) указываютъ на древнія отношенія Чувашъ къ Хазарамъ и 4) доказываютъ общность пѣкоторыхъ понятій у разныхъ народовъ, какъ напримѣръ кража для общаго блага вообще, а у Чувашъ и Вотяковъ кража земли подъ видомъ *невѣсты* (**).

Е. Т. Соловьевъ, въ дополненіе къ сообщенію г. Золотницкаго, передалъ слѣдующій обычай у Вотяковъ Казанской губерніи: Общество пѣсколькихъ деревень, чрезъ каждые 30 лѣтъ, похищаетъ челоуѣка чужаго племени, мушину лѣтъ 30—32; его привязываютъ къ дереву, тычутъ пожами и наконецъ ударомъ ножа въ сердце убиваютъ и берутъ кровь его по всѣмъ домамъ на случай болѣзни.

Н. И. Золотницкій замѣтилъ, что въ настоящее время у Вотяковъ, какъ ему положительно извѣстно, нѣтъ челоуѣческихъ жертвъ.

2. Н. И. Ильминскій прочиталъ свой рефератъ „О переводѣ вѣроучительныхъ книгъ на инородческіе языки въ бывшей Казанской Академіи, въ началѣ текущаго столѣтія“.

3. И. А. Износковъ доложилъ о двухъ сообщеніяхъ, поступившихъ на разсмотрѣніе Съѣзда, а именно: 1) О древнихъ памятникахъ, сохранившихся въ Вѣрненскомъ уѣздѣ,—доставлено г. Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ и 2) Объ амулетахъ и талисманахъ,—доставлено А. И. Савельевымъ изъ С.-Петербурга.

Вѣрненскій уѣздъ, мѣстность гдѣ находится укрѣпленіе Вѣрный, заключаетъ въ себѣ, какъ видно изъ записки о древностяхъ въ этомъ уѣздѣ, слѣдующіе древніе памятники: 1) бугры или насыпи различной величины, расположенныя большими группами, или линиями вдоль теченія большихъ и малыхъ рѣкъ, сливающихся съ Тяньшанскихъ горъ и ихъ отроговъ. Большая часть этихъ бугровъ имѣетъ видъ низкихъ конусовъ съ тупою округленною вершиною, другіе же сохранили въ себѣ видъ круглой башенной постройки со рвомъ съ наружи и углубленіемъ внутри; 2) курганы, называемыя народомъ *мыкз*, по узбекскому выговору *муз*, *могз*, можетъ быть, *моголз*; 3) *санз* или *юанз-таши*, большія разныхъ размѣровъ груды камней, валуновъ и крупной гальки, разбросанныя въ разныхъ

(*) См. выше, Программу занятій Съѣзда, стр. XII, запросы 45, 46 и 47.

(**) „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры“ В. К. Магнитскаго, изданы комиссіей миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника при Казанской Духовной Академіи въ 1881 году, отдѣльной книгой. Казань, 8°. V+266 стр.

мѣстностяхъ уѣзда; 4) *калмакъ-уй*, представляющіе собою цѣлыя линіи или группы камней и 5) остатки древнихъ крѣпостей, называемые туземцами *курганами*. Они состоятъ изъ прямоугольниковъ различной величины; на нѣкоторыхъ еще замѣтны слѣды бывшихъ башенъ, входовъ и рововъ. Всѣ эти памятники не были подвергаемы никакимъ научнымъ изслѣдованіямъ.

Сообщеніе, доставленное А. И. Савельевымъ, составлено имъ въ поясненіе тѣхъ рисунковъ, которые были получены отъ него для археологической Выставки при Сѣздѣ. Въ этомъ сообщеніи г. Савельевъ говоритъ сначала вообще о повсемѣстномъ распространеніи амулетовъ и талисмановъ и за тѣмъ обращаетъ вниманіе на то, что подобные же таинственные знаки, талисманы, были находимы при раскопкахъ на разныхъ предметахъ и, между прочимъ, часто попадалось изображеніе креста даже и у такихъ народовъ, которые не были христіанами.

4. В. Н. Витевскій читалъ свой рефератъ о Нагайбакахъ Верхне-Уральскаго уѣзда Оренбургской губерніи. Нагайбаки—крещеные Татары, названные такъ по селу Нагайбакъ Белебеевскаго уѣзда, изъ котораго они переселены въ Оренбургскую губернію въ 1840-хъ годахъ. Изъ Нагайбаковъ по русски говорятъ только мужчины, и то не всѣ; женщины же и малолѣтнія дѣти не понимаютъ русскаго языка. Въ религіозномъ быту Нагайбаковъ замѣтна смѣсь понятій христіанскихъ съ языческими. Референтъ сообщилъ о жертвоприношеніяхъ Нагайбаковъ, а также двѣ нагайбавскія сказки, 19 загадокъ и 45 пѣсенъ, раздѣливъ послѣднія на семь отдѣловъ: 1) пѣсни съ религіознымъ оттѣнкомъ, 2) бытовья, 3) пѣсни романическаго характера, 4) хороводныя, 5) свадебныя, 6) военныя и 7) историческія.

Двадцатое засѣданіе, 15 августа вечеромъ, по Отдѣленію памятниковъ искусствъ и художествъ (подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачева).

1. В. А. Прохоровъ прочелъ рефератъ: „О вліяніи татарскаго костюма на русскій“.

2. П. В. Павловъ прочелъ рефератъ: „О предметѣ каѳедры теоріи и исторіи искусствъ“.

Мм. Гг. Для точнѣйшаго опредѣленія объема и содержанія предмета каѳедры исторіи и теоріи искусствъ, я намѣренъ доложить IV Археологическому Сѣзду программу этого предмета. За недостаткомъ времени, я ограничусь объясненіемъ программы въ ея общности и прочтеніемъ только тѣхъ ея частей, которыя касаются исторіи пластическихъ искусствъ въ Византіи и Россіи.

Программа моя состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) теоріи изящныхъ искусствъ (эстетика), 2) исторіи искусствъ, понимаемыхъ въ обширномъ смыслѣ, въ значеніи монументальной исторіи. Содержаніе 1-го отдѣла составляетъ: 1) исторія эстетики; 2) догматическая эстетика, составленная путемъ сравнительнаго критико-историческаго метода и заключающая въ

себѣ три части: а) объ изящномъ, б) о творествѣ и художественной техникѣ; с) объ условіяхъ изящнаго произведенія и стиляхъ. Содержаніе 2-го отдѣла моей программы: исторія искусствъ, понимаемыхъ въ обширномъ смыслѣ, въ значеніи монументальной исторіи.

Введеніемъ въ эту исторію служитъ объясненіе доисторическаго періода первобытной жизни человѣчества съ его тремя эпохами: каменной, бронзовой и желѣзной, при чемъ, въ видѣ дополненія,—изображеніе быта дикихъ племенъ, на сколько этотъ бытъ даетъ приблизительное понятіе о каждой изъ этихъ трехъ эпохъ.

Приступая къ исторіи искусствъ, понимаемыхъ въ обширномъ смыслѣ, я считаю долгомъ уяснить: во 1-хъ принципъ, въ силу котораго концентрирована эта исторія во всей ея цѣлости, во 2-хъ, способъ изложенія развитія изящныхъ искусствъ у того или другаго народа, въ той или другой сферѣ цивилизаціи. Исторія искусствъ языческаго міра изложена въ программѣ на основаніи принципа этнологическаго. Такимъ образомъ мы имѣемъ исторію искусства: 1) народовъ монгольской расы—Китайцевъ и Японцевъ; 2) народовъ семитической породы—Египтянъ, обитателей Месопотаміи, Финикійцевъ и Карфагенянъ, 3) народовъ арійскихъ—Индійцевъ, обитателей Ирана и Малой Азіи, наконецъ народовъ классическихъ—Грековъ, Этрусковъ и Римлянъ.

Исторія христіанскаго искусства изложена въ программѣ по принципу культурно-историческому. Такъ имѣемъ исторію: 1) начального христіанскаго искусства первыхъ трехъ вѣковъ, византійскаго и мухаммеданскаго (въ смыслѣ придатка къ византійскому), наконецъ—латинскаго, 2) искусства католическаго: романскаго и готическаго, 3) искусства эпохи Возрожденія и четырехъ послѣднихъ столѣтій. Въ заключеніе въ программѣ слѣдуетъ характеристика искусства Славянъ западныхъ и южныхъ, равно какъ и изложеніе исторіи искусствъ въ Россіи.

Исторія изящныхъ искусствъ у того или другаго народа, въ той или другой области цивилизаціи, изложена въ программѣ въ связи съ развитіемъ изящной литературы. Этотъ способъ изложенія всего лучше уясню примѣрами. Такъ, говоря о развитіи скульптуры въ Аѳинахъ, въ періодъ времени отъ греко-персидскихъ войнъ до паденія Греціи, я, приводя въ связь исторію аѳинскаго ваянія съ развитіемъ аѳинской драматической поэзіи, нахожу, что, по однородности стиля, извѣстному драматургу соотвѣтствовалъ извѣстный скульпторъ: Эсхилу—Фидій, Софоклу—Скопасъ, Еврипиду—Пракситель, Аристофану и Менандру (на сколько о послѣднемъ извѣстно)—Миронъ и Лисипъ.—Равнымъ образомъ, въ исторіи западно-европейской изящной литературы новыхъ временъ, направленія, послѣдовательно проявившіяся въ поэзіи, повторяются и въ области пластическихъ искусствъ: такъ поэтамъ новаго классическаго направленія соотвѣтствуютъ архитекторы, скульпторы и живописцы ранняго, высшаго и поздняго Возрожденія; поэтамъ новаго реальнаго направленія, родоначальникомъ которыхъ былъ Шекспиръ,—художники новаго реальнаго направленія, напр. въ области ваянія: нѣмцы Крафтъ, Фишеръ, въ сферѣ живописи: нѣмцы Крапахъ, Гольбейнъ, Альбрехтъ Дюреръ и нидерландцы: Рубенсъ, Рембрандтъ и цѣлый рядъ жапристовъ; поэтамъ повѣйшаго классическаго направленія (какимъ былъ, напр. Гете), соотвѣтствуютъ—въ области архитектуры: французы Персье, Фонтэнъ, нѣмецъ Шин-

вель, въ скульптурѣ: Канова и Торвальдсенъ, въ сферѣ живописи: извѣстные французскіе художники: Давидъ, Энгръ; поэтамъ новаго романтическаго направленія—художники того же направленія; въ зодчествѣ—французы Лассю, Віоле-ле-Дюкъ, нѣмецъ Гертнеръ, въ ваяніи—нѣмецъ Швенталеръ, въ живописи—Делакруа, Овербекъ и другіе; наконецъ писателямъ повѣйшаго, намъ современнаго позитивнаго направленія, какъ на Западѣ, такъ и въ нашемъ отечествѣ, соотвѣтствуютъ архитекторы, скульпторы и живописцы того же характера.

(Затѣмъ референтъ прочелъ тѣ части своей программы, которыя касаются исторіи искусства въ Византіи и Россіи).

Въ концѣ доклада моего реферата, продолжалъ г. Павловъ, считаю, Милостивые Государы, не излишнимъ замѣтить, что, при изложеніи исторіи изящныхъ искусствъ, у того или другаго народа, въ той или другой области культуры, о развитіи общества и личности—въ поэзіи, слѣдуетъ говорить, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько то нужно для уясненія тѣхъ или другихъ произведеній пластическихъ искусствъ, принимая во вниманіе, что эти предметы подробно и обстоятельно объясняются въ университетахъ преподавателями исторіи и литературъ.

Заключу, Милостивые Государы, чтеніе своего реферата заявленіемъ желанія, чтобы, со временемъ, въ дополненіе къ кафедрѣ исторіи и теоріи искусствъ, была учреждена въ университетахъ по крайней мѣрѣ еще одна кафедра, а именно—кафедра исторіи бытовыхъ вещественныхъ памятниковъ (*Kostümkunde*), на томъ основаніи, что предметъ кафедры исторіи и теоріи искусствъ, понимаемыхъ въ пространномъ смыслѣ, въ значеніи монументальной исторіи, по объему и содержанию, какъ нельзя болѣе обширенъ.

Заявленіе этого желанія на Археологическомъ Съѣздѣ и есть та конечная цѣль, которую я имѣлъ въ виду, при составленіи моего реферата. Въ какой мѣрѣ основательны мои требованія, предоставляю рѣшить гг. членамъ Съѣзда.

На рефератъ П. В. Павлова сдѣланы были замѣчанія со стороны В. А. Прохорова и графа А. С. Уварова.

В. А. Прохоровъ замѣтилъ, что хотя нельзя ничего сказать противъ пользы преподаванія исторіи искусствъ вообще, но оно преждевременно; затѣмъ онъ нашелъ невѣрной программу исторіи и теоріи искусствъ, предложенную П. В. Павловымъ, и въ замѣнъ этой программы нашелъ нужнымъ представить очеркъ исторіи средневѣковаго изящнаго искусства.

На эти замѣчанія П. В. Павловъ вынужденъ былъ заявить, что г. Прохоровъ не уяснилъ себѣ надлежащимъ образомъ цѣли, съ которою референтъ представилъ свои соображенія и программу, и потому не привелъ никакихъ доказательствъ для подкрѣпленія своего мнѣнія о невѣрности содержанія программы и говорилъ не о предметѣ реферата, а совершенно о другомъ.

Графъ А. С. Уваровъ замѣтилъ П. В. Павлову, что терминъ „*Kostümkunde*“ онъ считаетъ не цѣлесообразнымъ для обозначенія исторіи бытовыхъ вещественныхъ памятниковъ.

Съ этимъ П. В. Павловъ вполне согласился, присовокупивъ, что онъ употребилъ этотъ терминъ только потому, что онъ принятъ пѣкоторыми нѣмецкими археологами (преимущественно Герм. Вейсомъ), въ значеніи исторіи бытовыхъ вещественныхъ памятниковъ.

З. П. В. Калачевъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта“.

На рефератъ Н. В. Калачева сдѣлали добавленія и замѣчанія: С. М. Шпилевскій, Д. А. Корсаковъ, П. Д. Шестаковъ и графъ А. С. Уваровъ.

С. М. Шпилевскій заявилъ слѣдующее:

Никто изъ господъ присутствующихъ не можетъ не сочувствовать мысли Н. В. Калачева о принятіи мѣръ къ сохраненію драгоценныхъ для науки памятниковъ старины въ Казанскомъ краѣ. На дняхъ я имѣлъ честь заявить Съѣзду, что не только въ городѣ Казани и у помѣщиковъ, но и въ деревняхъ у крестьянъ можно найти много документовъ, которыми ипородческіе и русскіе крестьяне дорожатъ какъ гарантіей ихъ правъ на владѣніе землей. Сколько мнѣ извѣстно, архивныя сокровища надо искать по деревнямъ и вѣламъ, а въ самомъ городѣ Казани ихъ не существуетъ. Обширные и памятные всѣмъ пожары истребили въ немъ все сколько нибудь цѣнное въ этомъ родѣ. Такъ въ 1815 году сгорѣли: крѣпость, соборъ, иконы и др. святыни; тогда же погибли и цѣлыя архивы. Я убѣжденъ, что городъ Казань не представляетъ историческихъ драгоценныхъ бумагъ; нѣтъ ихъ ни въ официальныхъ, ни въ частныхъ архивахъ. Потому то и надо стараться принять какія бы то ни было мѣры къ ихъ сохраненію въ предѣлахъ губерніи Казанской, и надо спѣшить, пока еще есть время, спасти немного, оставшееся отъ варварскаго истребленія невѣжества.

Д. А. Корсаковъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

Н. В. Калачевъ обратилъ вниманіе гг. членовъ Съѣзда на вопросъ, которымъ онъ давно занимается и который ему хорошо извѣстенъ,—на устройство мѣстныхъ архивовъ и археологическихъ обществъ. Вопросъ этотъ былъ недавно затронутъ и мною по поводу предположенія объ основаніи въ Казани общества археологіи, исторіи и этнографіи, затронутъ конечно далеко не съ такой полнотой и не съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ въ только что выслушанномъ рефератѣ многоуважаемаго нашего ученаго гостя. Учрежденіе архивовъ въ городахъ, уже при созрѣвшей потребности историческаго изученія мѣстности, при развивающемся желаніи изучить свою родную область—необходимо. Поэтому я желалъ бы, чтобъ Н. В. Калачевъ къ своимъ интереснымъ соображеніямъ присовокупилъ изложеніе болѣе подробныхъ мѣропріятій, необходимыхъ для того, чтобъ дѣло первоначальнаго устройства мѣстныхъ архивовъ было поведено какъ слѣдуетъ. Мѣра, представленная имъ, очень скромная, не требующая много труда и издержекъ и можетъ быть принята безъ всякихъ преній. Помѣщеніе для архива всегда найдется въ Казани. Но было бы желательно, чтобы Николай Васильевичъ указалъ тотъ путь, которымъ историческіе акты должны поступать въ это ученое хранилище. Предварительный Комитетъ IV-го Археологическаго Съѣзда обратилъ вниманіе на акты, касающіеся Казанскаго края, и

многими лицами были доставлены акты весьма любопытные въ научномъ отношеніи. Таковы напримѣръ грамоты и акты, касающіеся фамиліи Лютвиныхъ, которые представлены на Выставку при нашемъ Сѣздѣ Казанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства А. Г. Осокинымъ. Важныхъ въ историческомъ отношеніи письменныхъ памятниковъ найдется довольно и у дворянъ, и у купцовъ, и у крестьянъ Казанской губерніи; а сколько хранится ихъ въ церквахъ и монастыряхъ! Доказательства были на лице во время ученыхъ экскурсій нашего Сѣзда. Даже при поверхностномъ обзорѣ Свяжскаго монастыря гг. членами Сѣзда, былъ найденъ весьма важный памятникъ—монастырскій синодикъ, заключающій въ себѣ синодикъ Іоанна IV-го, вариантъ извѣстнаго синодика Грознаго царя. Весьма желательно, чтобъ была составлена особая программа для описанія старинныхъ актовъ и рукописей въ родѣ программы Императорскаго Географическаго Общества для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Затѣмъ я позволю себѣ обратиться къ Н. В. Калачеву съ вопросомъ: какими мотивами онъ руководствуется, предлагая обратиться къ г. министру народнаго просвѣщенія съ просьбой учредить комиссію для опредѣленія мѣстностей, въ которыхъ слѣдуетъ устраивать архивы и археологическо-историческія общества? Такая комиссія, по моему мнѣнію, не нужна, потому что въ университетскихъ и другихъ большихъ городахъ сознаніе необходимости въ изученіи мѣстнаго края возникаетъ среди мѣстныхъ спеціалистовъ. Такимъ путемъ были основаны археологическія общества въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ и въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, явится археологическое общество и въ Казани.

На вопросы, предложенные Д. А. Корсаковымъ Н. В. Калачевъ отвѣчалъ:

1) По вопросу, какъ я полагаю организовать полученіе историческихъ актовъ въ мѣстные архивы, я имѣю заявить слѣдующее. Въ министерствѣ юстиціи находятся документы, весьма важные въ научномъ отношеніи, но ненужные министерству для справокъ и поэтому предназначенные къ уничтоженію. Чтобы сохранить ихъ для науки, министерство юстиціи большую часть изъ нихъ до XVIII в. включительно передало нѣсколько лѣтъ тому назадъ на храненіе въ завѣдываемый мною Московскій архивъ министерства юстиціи. Кромѣ министерства юстиціи и другія министерства заявляютъ желаніе освободиться отъ ненужныхъ для нихъ бумагъ. Такъ министерство внутреннихъ дѣлъ обращалось ко мнѣ съ просьбой взять у него такія бумаги; но я не могъ исполнить просьбы министерства, потому что не имѣю права хранить въ архивѣ министерства юстиціи документы другихъ министерствъ. Еслибы мѣстные власти заявили желаніе получить акты по исторіи ихъ края для мѣстныхъ архивовъ изъ числа ненужныхъ министерствамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ бумагъ,—я убѣжденъ, что ихъ желаніе было бы немедленно исполнено. Изъ другихъ министерствъ можно было бы также получить важные историческіе акты. Комиссія, которая учредилась бы въ Казани, могла бы этимъ путемъ получить въ свое распоряженіе акты, весьма важные въ историческомъ отношеніи. Приобрѣтеніе историческихъ актовъ отъ частныхъ лицъ должны взять на себя лица, составляющія комиссію. Еслибы здѣшняя комиссія нашла нужнымъ огнестись къ министерству юстиціи, то

я всячески содѣйствовалъ бы этому дѣлу, и при разрѣшеніи министра, сдѣлалъ бы распоряженіе о немедленной присылкѣ сюда историческихъ актовъ относящихся къ Поволжью.

2) Что касается до вопроса, по поводу моего предложенія обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою учредить комиссію для устройства археологическихъ обществъ, и до замѣчанія, что и безъ этого въ центральныхъ городахъ устраиваются археологическія общества, то я замѣчу, что у насъ общества археологическія и историческія возникаютъ очень медленно, притомъ случайно. Если въ Казани возникаетъ такое предпріятіе, то это понятно: Казань, городъ большой, съ историческими воспоминаніями; здѣсь должны устроиться архивъ и археологическое общество. Но есть другіе города, гдѣ желательно бы было пробудить потребность сохранять памятники старины, но гдѣ остаются холодны къ сокровищамъ древности. Вотъ въ какихъ случаяхъ нужна помощь министерства. Въ Петербургѣ, какъ въ центрѣ ученой дѣятельности, комиссія изъ любителей старины собирала бы свѣдѣнія о разработкѣ памятниковъ въ провинціи и старалась бы пробудить любовь къ ихъ изученію. Я именно и разумѣлъ такую комиссію, которая была бы центромъ для ученыхъ археологовъ, но не предполагалъ какихъ либо обязательныхъ отношеній или отвѣтственности со стороны археологическихъ обществъ. Мнѣ кажется, что комиссія, съ помощью министерства народнаго просвѣщенія, можетъ гораздо скорѣе сдѣлать дѣло—года въ два-три, тогда какъ безъ этого едва ли можно достигнутьжелаемаго и въ двадцать лѣтъ.

П. Д. Шестаковъ сказалъ слѣдующее: Вполнѣ раздѣляя мысль нашего уважаемаго сочлена Н. В. Калачева относительно береженія памятниковъ и важныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ, я, съ своей стороны скажу, что надо поддерживать сочувствіе мѣстнаго общества къ дѣлу спасенія историческихъ памятниковъ—драгоценныхъ сокровищъ старины. Соглашаясь съ мнѣніемъ, что комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія, учрежденная съ цѣлью, указанной Н. В., принесетъ пользу, я считаю долгомъ сказать свое сильное слово. Когда человекъ голодеетъ, ему надо скорѣе дать ѣсть; когда умъ человека возбужденъ, когда является стремленіе къ работѣ, къ научному труду, то нужно поддержать это возбужденіе, ковать желѣзо пока горячо. Въ настоящее время, благодаря почтеннымъ гостямъ, у насъ возбужденъ такъ сказать аппетитъ къ археологін. Надо удовлетворить его немедленно. Да простятъ мнѣ уважаемые сочлены, если я вспомню то живое сочувствіе, съ которымъ была принята подписка для учрежденія археологическаго общества; грустно бы было отказаться отъ этой мысли, грустно, если въ умѣ каждаго можетъ явиться сомнѣніе въ возможности осуществленія задуманнаго. Да не посѣтуютъ на насъ гг. члены Съѣзда, если мы сейчасъ же, немедленно будемъ исполнять свое желаніе!

Графъ А. С. Уваровъ выразилъ убѣжденіе, что мѣстныя археологическія общества не вдадутся въ одностороннее изученіе только одного архивнаго матеріала, но столь же усердно будутъ изучать вещественные памятники мѣстной древности.

Н. В. Калачевъ заявилъ, что тутъ, какъ видно, вышло недоразумѣніе. Онъ вполнѣ сочувствуетъ зародившейся въ Казани мысли устройства археологическаго общества и отъ

души желаетъ чтобъ оно устроилось скорѣе, если того требуютъ интересы края, и приняло бы мѣры къ охраненію историческихъ сокровищъ, которыми такъ богата Казанская губернія. Если нужна будетъ помощь со стороны министерства юстиціи, Н. В. Калачевъ общается въ этомъ случаѣ свое содѣйствіе. Онъ говоритъ въ своемъ рефератѣ собственно о тѣхъ городахъ, гдѣ относятся хладнокровно къ уничтоженію древнихъ памятниковъ, гдѣ нужно еще пробуждать любовь къ археологіи.

4. В. К. Савельевъ сдѣлалъ сообщеніе о собраніяхъ монетъ и древнихъ вещей, бывшихъ пѣкогда въ нѣкоторыхъ поволжскихъ губерніяхъ.

Первое собраніе, какъ старѣйшее, бывшее въ Казани—Пото, описано Х. Д. Френомъ (*). Затѣмъ, извѣстнаго профессора и ректора Казанскаго университета, К. Ф. Фукса (куплено Казанскимъ университетомъ въ 1824 г. за 12,000 р. ассиг.). Собраніе это также описано въ другомъ сочиненіи Френа „Монеты хаповъ Улуса Джучіева“, Спб. 1832 г. въ переводѣ Михаила Волкова, съ многочисленными рисунками, гравированными еще прежде, въ 1816 и 1817 годахъ въ Казани, Леви или Ліономъ Кальмономъ на мѣдныхъ доскахъ; доски эти еще цѣлы и переданы со всеми восточными монетами, бывшими въ музеѣ Казанскаго университета въ 1856 году въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ теперь и находятся. Здѣсь кстати я долженъ прибавить, что послѣдняя книга Френа можетъ служить надежнымъ руководствомъ при опредѣленіи восточныхъ монетъ для каждаго нумизмата, даже не оріенталиста, по точности и вѣрности рисунковъ. К. Ф. Фуксъ, послѣ продажи своего перваго собранія, началъ вновь собирать монеты. Одновременно существовало собраніе монетъ и другихъ вещей у Д. И. Нефлова (родственника Фукса). Часть этихъ собраній, по смерти ихъ владѣльцевъ, приобрѣтена извѣстнымъ въ свое время въ Москвѣ торговцемъ монетами М. И. Правоторовымъ и разошлась по разнымъ рукамъ. Затѣмъ монеты Нефлова и болгарскія вещи проданы съ аукціона въ Казанскомъ губернскомъ правленіи по частямъ; изъ нихъ большая часть куплена С. С. Могилатовымъ, а наименьшая чиновникомъ Шаде, отъ котораго приобрѣтены мною двѣ доски монетъ и болгарскія вещи; изъ числа послѣднихъ золотая и серебряная, вмѣстѣ съ другими, подпесены мною покойному Государю Наслѣднику Николаю Александровичу, а остальные—проданы барону Врангелю. Собраніе монетъ, за исключеніемъ грузинскихъ, князя М. П. Баратаева въ Симбирскѣ, куплено тѣмъ же Правоторовымъ, отъ котораго я приобрѣлъ нѣсколько аббасидскихъ монетъ (опредѣленіе этихъ послѣднихъ написано рукою академика Френа), двухрублевикъ Петра I-го, рубль Елизаветы, такъ наз. *съ большою головою* и семь пробныхъ рублей Александра I-го. Было еще въ Сарептѣ, Саратовской губерніи, собраніе Цвика, но куда оно поступило—мнѣ неизвѣстно. Небольшое собраніе монетъ казанскаго губернатора П. Ф. Козлянинова купилъ чистопольскій купецъ П. Д. Поляковъ, у сына котораго оно въ числѣ другихъ монетъ и находится. Въ то время, какъ я находился безъ должности, мнѣ пришлось продать свое собраніе джучидскихъ монетъ, вото-

(*) Numophylacium Orientale Pototianum. Casani. 1813 г. Это первое латинское сочиненіе, напечатанное въ Казани. Собраніе Пото впоследствии времени приобрѣтено Казанскимъ университетомъ.

рое, со всѣми вновь открытыми тѣми же монетами, поступило въ А. О. Лихачеву. Хотя мнѣ больно было расставаться съ моими любимцами джучидами, но я утѣшился тѣмъ, что собраніе это поступило въ надежныя руки. Единственное, весьма рѣдкое и драгоцѣнное собраніе грузинскихъ монетъ князя М. П. Баратаева, описанное имъ на русскомъ, французскомъ и грузинскомъ языкахъ (*), съ рисунками, завѣщанное имъ по смерти своимъ дочерямъ, долго сохранялось у нихъ, но обстоятельства заставили ихъ расстаться съ этимъ памятникомъ Грузинскаго царства, къ которому принадлежала ихъ фамилія. Сначала онѣ предлагали приобрѣсти его Императорскому Эрмитажу, но получили отказъ, основанный на томъ, что будто бы подобныя монеты уже въ немъ имѣются; затѣмъ послѣдницы обратились сперва въ Харьковскій университетъ, но, кажется, не могли сойтись въ цѣнѣ, потомъ— въ Казанскій, который тоже не счелъ нужнымъ приобрѣсти это драгоцѣнное собраніе, хотя онѣ предлагали получить деньги въ теченіе двухъ лѣтъ. Что оставалось дѣлать? Одинъ изъ жителей Казани, В. В. М., отправляясь по своимъ дѣламъ въ Лондонъ, и послѣдницы князя Баратаева, имѣя въ виду, что Англичане платятъ хорошія деньги за всякаго рода рѣдкости, просили г. М. принять на себя трудъ предложить эти монеты Британскому Музею. Завѣдывающій Музеемъ недовѣрчиво посмотрѣлъ, какъ на книгу и монеты, такъ и на продавца и спросилъ имѣетъ ли онъ рекомендательное письмо; получивъ отрицательный отвѣтъ, хранитель музея отъ покупки отказался. Г. М., возвращаясь въ Россію, проѣздомъ въ Берлинъ, заявился къ завѣдывающему Берлинскимъ монетно-кабинетомъ и предложилъ купить монеты. Главный начальникъ королевскаго музея, не разсуждая долго, спросилъ, что стоитъ это собраніе и получивъ въ отвѣтъ, что 1600 р., сказалъ, что онъ имѣетъ право покупать лишь на сумму до 50 талеровъ, а потому необходимо спросить разрѣшенія императора, который въ то время былъ на водахъ. Директоръ музея предложилъ оставить монеты въ Берлинѣ подъ росписку и сообщить адресъ, на что г. М. согласился, а по прошествіи нѣкотораго времени, чрезъ Камско-Волжскій банкъ, переведены были 1600 талеровъ въ уплату за монеты. И такъ единственное собраніе грузинскихъ монетъ, принадлежавшее Россіи, ушло въ Германію и намъ осталась въ утѣшеніе одна книга, описаніе этихъ монетъ, да и той въ продажѣ нѣтъ.—Вотъ все, что хотѣлъ я сказать объ извѣстныхъ мнѣ пумизматическихъ собраніяхъ здѣшняго края.

Двадцать первое засѣданіе, 16 августа утромъ, по Отдѣленію первобытныхъ древностей (подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича).

1. А. О. Лихачевъ прочелъ свой рефератъ: „О сфероконическихъ сосудахъ, находимыхъ въ Болгарахъ и Билярскѣ“.

(*) «Пумизматическіе факты Грузинскаго царства». Спб. 1844 г. 8°. Собраніе это такъ важно, что, какъ иностранные ученые, такъ и самъ академикъ Френъ, при опредѣленіи грузинскихъ монетъ, дѣлали осымки на это сочиненіе

Референтъ обратилъ вниманіе собранія на особенной формы (сфероконической) сосуда, находимые весьма часто, какъ въ Болгарахъ, такъ въ Билярскѣ и на развалинахъ Сарая. Подобные же сосуды референтъ видѣлъ изъ Ташкента, Палестины и изъ множества другихъ мѣстностей Востока. У насъ объ нихъ сложилось мнѣніе, какъ объ архитектурныхъ украшеніяхъ. Въ 1871 году Англійское Общество для раскопокъ въ Палестинѣ приняло, что такіе сосуды служили для перевозки ртути, на основаніи того обстоятельства, что при химическомъ анализѣ вещества, покрывавшаго сѣроватымъ слоемъ внутреннюю поверхность ихъ стѣнокъ, найдена была металлическая ртуть въ видѣ мельчайшихъ шариковъ. Извѣстный Де-Соси (de Saulcy) описалъ подобные сосуды изъ Сиріи и Триполи, и изъ послѣдней мѣстности одинъ, гдѣ было арабское клеймо мѣста производства сосуда. На основаніи различныхъ соображеній, этотъ ученый пришелъ къ тому заключенію, что сосуды эти были разрывныя ручныя гранаты съ греческимъ огнемъ.

Референтъ находилъ мало удовлетворительными оба эти объясненія загадочныхъ предметовъ. По его мнѣнію для архитектурныхъ украшеній рисунокъ на предметахъ слишкомъ мелокъ для того, чтобы могъ быть примѣтенъ въ отдаленіи. Присутствіе того же, иногда весьма изящнаго, мелкаго орнамента, мѣшаетъ референту принять сосуды эти за гранаты такъ какъ, по его мнѣнію незначѣмъ украшать предметы, исключительное назначеніе которыхъ разлетаться въ дребезги.

Эти сосуды очевидно принадлежали къ числу домашней утвари и кажется всего правдоподобнѣе смотрѣть на нихъ, какъ на лампочки для сжиганія, можетъ быть нефти, которою изобиловала территорія царства Болгарскаго, хотя и отсутствуетъ копоть на горлышкахъ сосудовъ.

Кромѣ орнамента, референтъ указалъ на нѣкоторые царапанные знаки на этихъ сосудахъ; одни изъ нихъ имѣли форму креста, другіе были въ родѣ индійской свастики; г. Лихачевъ полагаетъ что это тамги, выражающія знакъ принадлежности предмета тому или другому лицу, что еще болѣе указываетъ на его принадлежность въ домашнему обиходу.

В. В. Радловъ заявилъ, что трудно разрѣшить вопросъ, для какаго именно употребленія служили конусообразные сосуды. Съ своей стороны онъ не видитъ препятствія считать ихъ архитектурнымъ украшеніемъ юртъ и по всему вѣроятію украшеніемъ юртъ, наружная стѣна которыхъ никогда не бываетъ выше человѣческаго роста, такъ что мелкость рисунка орнаментовъ можетъ быть въ этомъ случаѣ допущена. Къ тому же въ юртахъ много колевъ и шестовъ воткнутыхъ въ землю, верхніе концы которыхъ могли бы быть украшены подобными сосудами; снаружи тоже колья, служащія для укрѣпленія рѣшетки большихъ юртъ.—В. В. Радловъ замѣтилъ, что сосуды эти находятся вездѣ, гдѣ были кочевые народы; Болгары и Билярскъ были юрточные города, а потому онъ и склоняется къ мысли, что сосуды, подобные найденнымъ г. Лихачевымъ, служили для украшенія юртъ.

По поводу этого замѣчанія А. Θ. Лихачевъ обратилъ вниманіе В. В. Радлова на то обстоятельство, что отверстія большинства сосудовъ такъ узки, что въ нихъ едва могла бы проходить толстая проволока, а потому ихъ нельзя было надѣвать на палки и шесты.

Л. К. Ивановскій, на основаніи чрезвычайной узкости горлышка у выставленныхъ сосудовъ и отсутствія на сводовой части ихъ другихъ отверстій, чрезъ которыя уравнивалось бы внутри сосуда давленіе, падающее отъ сгаранія горячаго матеріала,—полагалъ, что горѣніе при этихъ условіяхъ было невозможно, и потому предлагалъ дать этимъ сосудамъ другое назначеніе, напр. хотъ флаконовъ для ароматныхъ жидкостей, бывшихъ столь распространенными на востокѣ; съ такимъ назначеніемъ сосудовъ, по его мнѣнію, можно согласовать, какъ самую изящную орнаментацию, такъ и знаки собственности, указываемые А. О. Лихачевымъ.

Графъ А. С. Уваровъ заявилъ, что для флаконовъ неудобна такая форма, при которой дорогія жидкости весьма часто проливались бы.

Л. К. Ивановскій полагалъ, что пробками можно было пособить горю въ этомъ случаѣ.

2. И. М. Гвоздевъ прочелъ свой рефератъ: „О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ“.

Референтъ, заявивъ въ началѣ, что время или древность даннаго предмета можетъ быть опредѣлена только химическими и физическими его измѣненіями, говорилъ о томъ, что свободная угольная кислота, при обыкновенныхъ условіяхъ, болѣе другихъ химическихъ агентовъ дѣйствуетъ на неорганическія части костей и въ подтвержденіе этого привелъ недавнія изслѣдованія Флеша и Тильманнса, заключивъ свое сообщеніе нѣкоторыми замѣчаніями относительно выводовъ г. Ивановскаго.

Л. К. Ивановскій, съ своей стороны, замѣтилъ, что опредѣленіе древности кости или давности находенія ея въ землѣ по химическимъ или физическимъ измѣненіямъ ея вещества—вопросъ поднятый классическимъ и общеизвѣстнымъ трудомъ Дювержи и разрабатываемый трудами другихъ ученыхъ до нашихъ дней, въ сущности вопросъ весьма деликатный: всѣ выводы сюда относящіеся отнюдь не должны и не могутъ имѣть значенія выводовъ общихъ, а лишь могутъ прилагаться къ каждому отдѣльному случаю; каждый изслѣдователь съ первыхъ же шаговъ въ томъ убѣдится, стоитъ открыть лишь десятка два одновременныхъ могилъ—и тутъ сразу будетъ видно, сколь разнообразныя вліянія имѣли мѣсто на кости. Рядомъ съ отлично сохранившимися костями, встрѣтятся почти лишенные органическихъ веществъ до полной хрупкости, а также и почти лишенные веществъ неорганическихъ до нѣкоторой гибкости кости. Гдѣ же здѣсь рѣчь объ общемъ примѣненіи упомянутыхъ выводовъ? Что до угольной кислоты, то г. Ивановскій полагалъ, что во время гніенія мягкихъ частей трудно отрицать развитіе другихъ органическихъ кислотъ, напр. уксусной, присутствіе которой доказывается уксуснокислою окисью мѣди, покрывающею толстымъ слоемъ бронзовыя украшенія добытыя изъ могилъ; вліяніе этихъ кислотъ, по его мнѣнію, гораздо важнѣе для костяка, чѣмъ такое же вліяніе угольной кислоты. Что касается замѣчанія И. М. Гвоздева о выводахъ г. Ивановскаго, то этотъ послѣдній вторично обратилъ вниманіе референта на то, что остатковъ костей животныхъ вполне опредѣлимыхъ даже для не-спеціалиста было множество, что невозможно предположить въ человѣкѣ изучавшемъ остеологию, хотя бы даже не очень глубоко, способ-

ность принять мѣстную узуру костяного вещества отъ дѣйствія угольной кислоты за нормальную шероховатость (Tuberositas) и наконецъ, что кальцинированныя кости не непременно распадаются въ порошокъ, а очень часто прекрасно сохраняютъ свою форму, въ особенности кости мелкія, что всѣмъ извѣстно изъ самаго обыкновеннаго анатомическаго опыта съ костью, обработанной хлористоводородной кислотой, и съ костью сожженной.

И. М. Гвоздевъ обратилъ вниманіе еще разъ на значеніе именно угольной кислоты.

Л. К. Ивановскій просилъ припомнить, что гораздо раньше угольной кислоты на кости вліяютъ долгое время другія, сильнѣйшія органическія кислоты, во время гніенія мягкихъ частей, угольная же вліяетъ на кости лишь по окончаніи этого процесса.

3. В. Б. Аптоповичъ прочелъ свой рефератъ „О результатахъ раскопокъ, произведенныхъ въ сѣверномъ углу города Кіева“.

4. Графъ А. С. Уваровъ прочелъ свой рефератъ по вопросу: „Всѣ ли каменные орудія въ Россіи принадлежатъ каменному періоду и что можно заключить изъ различныхъ формъ каменныхъ орудій или матеріала, изъ котораго они сдѣланы“?

На первую часть вопроса референтъ отвѣчалъ отрицательно и отвергъ то мнѣніе, по которому будто бы для Россіи не было чистаго каменнаго періода; онъ самъ можетъ представить много данныхъ въ пользу послѣдняго.

Затѣмъ, переходя ко второй части вопроса, гр. Уваровъ высказалъ предположеніе, что по способу отдѣлки и матеріалу нельзя заключать о сравнительной древности каменныхъ орудій. Несомнѣнно, что во все теченіе каменнаго періода одинъ родъ орудій,—орудія для употребленія временнаго, отдѣлывался грубѣе; сюда относятся копья, стрѣлы, ножи, скребки,—другой,—орудія для постояннаго употребленія, гораздо тщательнѣе и изящнѣе, какъ: молотки, топоры, долотки и каменные украшенія.

Изслѣдованія въ области каменнаго періода, кромѣ того, указываютъ, что архелогія застаеетъ народы въ первобытномъ осѣдломъ періодѣ,—кочевой, пастушескій, наступаетъ позже. Отсутствіе костей животныхъ рядомъ съ костями наиболѣе древняго человѣка ясно указываетъ на то, что пасты ему было не кого, а потому и пастбищъ не приходилось искать.

5. В. Б. Антоновичъ доложилъ рефератъ Б. Ю. Поповскаго „О раскопкахъ кургановъ лежащихъ въ бассейнѣ р. Роси“.

Г. Поповскій производилъ раскопки въ Подольской и Кіевской губерніяхъ. На этотъ разъ онъ сообщаетъ результаты раскопокъ кургановъ, лежащихъ по бассейну р. Роси, именно на берегахъ р. Березны. Здѣсь было разслѣдовано 9 кургановъ. Несмотря на ограниченность мѣстности, результаты раскопокъ показали разницу въ похоронныхъ типахъ. Какъ видно, курганы эти насыпались въ теченіе долгаго времени и различіе типовъ указываетъ на наслоеніе разнородныхъ племенъ, населявшихъ страну въ различное время. При раскопкѣ перваго кургана были найдены кремневые осколки, скелетъ и въ ногахъ у послѣдняго два глиняные сосуда; рядомъ со скелетомъ была вуча жжепыхъ костей, а подъ

нимъ каменный полированный молотокъ; два слѣдующіе кургана представляли тотъ же типъ, но въ одномъ случаѣ курганъ служилъ коллективною могилою: въ немъ была группа пяти скелетовъ (брахицефал. черепа) и въ срединѣ стоялъ сосудъ изъ бурой глины съ зернами кварца и съ орнаментомъ, сдѣланными ногтемъ. Затѣмъ четыре кургана должны быть отнесены къ бронзовому вѣку. Полагаютъ, что чисто бронзовый вѣкъ не существовалъ на югѣ Россіи, а въ соединеніи съ желѣзнымъ. Но позволительно сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ въ четырехъ могилахъ найдено много бронзовыхъ вещей и ни одной желѣзной вещи. Затѣмъ въ одномъ курганѣ было много жженныхъ костей, ясно указывающихъ на его принадлежность къ эпохѣ сожженія мертвыхъ. Кромѣ жженныхъ костей тутъ были: черепки, грузило. Одинъ изъ этихъ кургановъ представлялъ общую усыпальницу: тутъ найдено до 50 сосудовъ, наполненныхъ золой и жжеными костями и очень плотно придвинутыхъ другъ къ другу. Другой курганъ служилъ вѣроятно мѣстомъ сжиганія покойниковъ; весь онъ состоялъ изъ 14 слоевъ, попеременно чередующихся: золы и угля съ жжеными костями и перегнившего дерева. Восьмой курганъ содержалъ скелетъ вооруженнаго желѣзомъ всадника; у копы въ зубахъ были желѣзные удила; найдено стремя, подкова, бронзовая стрѣлка и т. п. У ногъ скелета лежалъ другой безъ правой руки; рядомъ съ нимъ скелетъ охотничьей собаки. У головы перваго скелета находился третій и рядомъ съ нимъ сосудъ съ золою и углемъ. Наконецъ девятый курганъ оказался новѣйшимъ: въ немъ найдено огнестрѣльное оружіе; вѣроятно это курганъ казацей, ибо казаки сыпали курганы надъ мертвыми до XVIII столѣтія.

Г. Поповскій, предлагая результаты своей раскопки, указываетъ на невозможность, при такомъ наслоеніи похоронныхъ типовъ, сколько нибудь широкихъ обобщеній и заявляетъ убѣжденіе, что долго еще нужно будетъ ограничиваться констатированіемъ и точнымъ описаніемъ фактовъ.

Двадцать второе засѣданіе, 16 августа вечеромъ, по Отдѣленію памятниковъ языка и письма (подъ предсѣдательствомъ В. А. Снегирева).

1. И. И. Срезневскій прочелъ слѣдующій докладъ объ отвѣтахъ на запросы программы Съѣзда по отдѣленію памятниковъ языка и письма, присланныхъ нѣкоторыми учеными, которые не прибыли на Съѣздъ.

Несмотря на то, что дѣятельность Съѣзда продолжается не мало времени, несмотря на ежедневныя-двукратныя засѣданія, количество матеріала такъ значительно, что не всѣ приготовленные сообщенія могутъ быть доложены. Чтобы ускорить дѣло, я скажу только о тѣхъ вопросахъ, по которымъ есть письменныя сообщенія, доставленные въ Отдѣленіе памятниковъ языка и письма, минуя вопросы, могущіе возбудить лишь изустную бесѣду. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ Съѣздомъ, находится слѣдующій: справедливъ-ли упрекъ монаха Нила Курлятева въ томъ, что митрополитъ Кипріанъ не зналъ нашего языка

и при исправленіи псалтири, „больши перазумія написаль?“ На этотъ вопросъ представленъ отвѣтъ извѣстнаго палеографа архимандрита Амфилохія, гдѣ онъ очень подробно разбираетъ упрекъ Нила Курлятевыхъ. При разсмотрѣніи списковъ псалтири, переводъ которой былъ въ рукахъ Кипріана, Амфилохій утверждаетъ, что нападаая на Кипріана, Ниль Курлятевыхъ имѣлъ въ виду защитить Максима Грека отъ обвиненія въ ошибкахъ, сдѣланныхъ имъ въ переводѣ псалтири. Другой вопросъ, предложенный для рѣшенія на Съѣздѣ, заключается въ слѣдующемъ: „Желательно опредѣлить съ точностью, какія именно раскольничьи сочиненія XVII вѣка дошли до насъ въ спискахъ, несомнѣнно относящихся къ этому вѣку?“ По этому запросу получены два отвѣта отъ профессоровъ: Казанскаго университета И. М. Добротворскаго и Новороссійскаго И. С. Некрасова. (Референтъ прочиталъ при этомъ въ подлинникѣ записку г. Добротворскаго объ обличеніи Соловецкой челобитной Юрія Крижанича, по рукописи Казанской духовной академіи). Отвѣтъ г. Некрасова я нахожу любопытнымъ, такъ какъ онъ даетъ нѣкоторыя понятія о письменности раскольниковъ. Въ отвѣтѣ г. Некрасова находятся: 1) описаніе принадлежащей ему раскольничьей рукописи XVII вѣка и 2) снимокъ страницы съ этой рукописи. Кромѣ того въ дѣлахъ Съѣзда по Отдѣленію памятниковъ языка и письма находится еще извлеченіе изъ записки XVII в., содержаніе которой заключается въ сравненіи Соловецкаго монастыря съ Аѳонскими; записка высказывается противъ Соловецкой обители въ пользу Аѳона. Этотъ любопытный памятникъ найденъ профессоромъ Кіевской духовной академіи Н. И. Петровымъ. Разсматривая его, г. Петровъ задаетъ себѣ вопросъ: кому могло бы принадлежать это сравненіе Аѳона съ Соловецкимъ монастыремъ и приходитъ къ заключенію, что оно принадлежитъ Арсенію монаху.—Получено еще письмо къ графу Уварову, но оно не представляетъ никакого интереса въ отношеніи къ памятникамъ языка и письма, а потому я и не нахожу нужнымъ о немъ распространяться.

2. Л. Н. Майковъ сообщилъ обзорѣніе отвѣтовъ, доставленныхъ по 57-му запросу программы Съѣзда, о старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсней.

3. П. Д. Шестаковъ прочелъ свою замѣтку „О вліяніи русскаго языка на языки инородческіе“.

4. Н. В. Калачевъ представилъ слѣдующія соображенія по поводу изданнаго Казанской духовной академіей „Списка съ писцовыхъ книгъ по городу Казани съ уѣздомъ (1566—1568)“.

Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи есть важный документъ второй половины XVI вѣка, относящійся къ городу Казани и свидѣтельствующій о его состояніи въ то время. Этотъ документъ обращаетъ на себя вниманіе въ особенности потому, что относительно другихъ городовъ нѣтъ такихъ актовъ. Разсчитывая быть въ Казани по поводу IV Археологическаго Съѣзда я переписалъ этотъ документъ, изучилъ его и имѣлъ въ виду представить Съѣзду отчетъ о немъ, но здѣсь, къ удовольствію своему, узналъ, что упомянутымъ документомъ пользовался уже извѣстный знатокъ старины, покойный К. П. Невоструевъ, если не ошибаюсь, знакомый съ здѣшной мѣстностью, и составилъ изъ него подробное, почти дословное, извлеченіе. Г. Невоструевъ завѣщаль свой трудъ Казанской

духовной академія, которая и напечатала его. Затѣмъ талантливый и трудолюбивый ученый о. протоіерей Заринскій не только прослѣдилъ, но изучилъ, пополнилъ и разъяснилъ свѣдѣнія, заключающіяся въ документѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ два труда о состояніи города Казани XVI вѣка, одинъ—относящійся именно къ тому времени, другой—современный памъ. Но въ извлеченіи Невоструева есть пропуски, обозначенные въ изданіи точками и заставляющіе ученыхъ думать, что при перепискѣ пропущены нѣкоторыя мѣста, заключающія въ себѣ существенныя извѣстія. Такъ какъ я привезъ съ собой и подлинникъ и списокъ, то имѣю возможность ихъ сличить и нахожу, что упомянутые пропуски не имѣютъ существеннаго значенія для опредѣленія состоянія города Казани въ XVI вѣкѣ. Правда, г. Невоструевъ, описывая городъ, число домовъ въ улицахъ и т. п., не упоминаетъ объ обитателяхъ этихъ здапій. Конечно желательно было бы встрѣтить и указанія на лица жившія въ городѣ и ихъ происхожденіе изъ другихъ населенныхъ мѣстъ Россіи того времени, напримѣръ: кто изъ казанскихъ жителей былъ Ярославецъ, Калужанинъ и т. д. Но опять таки этотъ недостатокъ не на столько важенъ, чтобы объ немъ можно было сильно сожалѣть. Потому я считаю долгомъ сказать, что мѣстные ученые могутъ свободно пользоваться спискомъ Невоструева, для того, чтобы возстановить въ своихъ описаніяхъ картину состоянія города Казани въ XVI столѣтіи. Но если они, не ограничиваясь самимъ городомъ, пожелали-бы составить описаніе положенія уѣзда Казанскаго въ то время, то имъ пришлось бы обратиться къ подлинной Писцовой книгѣ, принадлежащей Московскому архиву министерства юстиціи. Хранящіяся въ этомъ архивѣ писцовыя книги разныхъ мѣстностей Россійскаго государства издаются въ извлеченіи Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, подъ моею редакціей. Два тома этихъ извлеченій уже изданы, третій готовится къ печати; въ него войдетъ писцовая книга города Казани со всѣми дополненіями, относящимися къ уѣзду.

По поводу разсужденій во вчерашнемъ засѣданіи объ учрежденіи въ Казани археолого-историческаго общества, считаю нужнымъ замѣтить, что я вполне согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ нѣкоторыми членами Съѣзда, что если уже возникла мысль объ учрежденіи общества, то не встрѣтятся препятствій къ тому, чтобы оно дѣйствительно устроилось и продолжило свою дѣятельность. Замѣчательный трудъ о. протоіерея П. Е. Заринскаго и важный трудъ профессора С. М. Шпилевскаго, пользовавшагося Казанской Писцовой книгой, даютъ ручательство, что въ Казани есть ученые, дѣятельность которыхъ обезпечитъ существованіе общества и что при такомъ составѣ оно несомнѣнно будетъ имѣть полный успѣхъ.

Въ заключеніе своей рѣчи Н. В. Калачевъ заявилъ, что онъ, въ качествѣ управляющаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, всегда готовъ представить хранящійся въ этомъ архивѣ подлинникъ Казанской Писцовой книги для справокъ тѣмъ изъ казанскихъ ученыхъ, которые пожелали бы къ нему обратиться.

Б. П. В. Владиміровъ прочелъ свой рефератъ: „О способѣ разработки русскаго народнаго эпоса“. Обративъ вниманіе на нѣкоторые недостатки въ разработкѣ русскаго народнаго эпоса, референтъ поставилъ своей задачей—объяснить значеніе новыхъ приемовъ,

на которые уже отчасти было указано въ литературѣ послѣдняго времени, и предложить нѣкоторыя средства къ ихъ примѣненію. Опредѣливъ затѣмъ два главныя направленія въ разработкѣ русскаго народнаго эпоса: такъ называемое сравнительное и историко-этнографическое, референтъ остановился на первомъ и указалъ на тотъ матеріалъ, съ котораго, по его мнѣнію, слѣдовало бы начинать сравнительное изученіе—на народныя преданія и повѣрья въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ примѣръ подобныхъ сравненій референтъ привелъ повожскія преданія о св. Миволѣ и сопоставилъ ихъ съ мѣстомъ о Миколѣ въ былинахъ о Садкѣ, купцѣ Новгородскомъ, указавъ при этомъ на неосновательныя толкованія этого мѣста у изслѣдователей, держащихся мифологической точки зрѣнія, и у г. Стасова. Ограничиваясь этимъ примѣромъ, референтъ высказалъ надежду, что такой разработки русскаго народнаго эпоса можно ожидать отъ изслѣдователей историко-этнографическаго направленія, обратившихъ уже вниманіе на Олонецкій край и представившихъ нѣкоторыя преданія и повѣрья края. Предоставляя дальнѣйшее собраніе подобныхъ преданій въ Олонецкомъ краѣ тамошнимъ дѣятелямъ, референтъ указалъ на то, что можно ожидать для разработки русскаго народнаго эпоса собственно отъ Повоажскаго края. Упомянувъ о былинахъ, собранныхъ Далемъ и Кирѣвскимъ въ Казанской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, референтъ возбудилъ вопросъ, не возможно ли и въ настоящее время записать былины въ тѣхъ же губерніяхъ съ необходимыми историко-этнографическими объясненіями, которыхъ лишены собранія Дала и Кирѣвскаго? Такое открытіе, по мнѣнію референта, не только дало бы свѣдѣнія о распространеніи народнаго эпоса по областямъ, но и много помогло бы рѣшенію вопроса о такъ называемомъ Суздальскомъ періодѣ въ исторіи русскаго народнаго эпоса. Въ заключеніе референтъ резюмировалъ свои желанія относительно способа разработки русскаго народнаго эпоса въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: во 1-хъ—необходимость собранія сыраго матеріала, состоящаго изъ преданій, повѣрій различныхъ краевъ Россіи, какъ это сдѣлано для Олонецкаго края и если будетъ возможно, былины съ указанными приѣмами въ предѣлахъ Повоажскаго края и во 2-хъ—упорядоченіе этого матеріала и сопоставленіе его съ изданными до сихъ поръ произведеніями русскаго народнаго эпоса.

6. Въ заключеніе засѣданія И. И. Срезневскій представилъ слѣдующій докладъ о сдѣланномъ г. Стефаномъ Верковичемъ „родопскомъ открытіи“, т. е. о пѣсняхъ, собранныхъ г. Верковичемъ въ Родопскихъ горахъ:

Въ числѣ присутствующихъ здѣсь сегодня есть довольно много лицъ, не участвовавшихъ въ томъ изъ предъидущихъ засѣданій, когда я имѣлъ честь изложить содержаніе *записокъ*, привезенныхъ г. Верковичемъ (*). Въ настоящее время г. Верковичъ еще доставилъ мнѣ длинную записку и нѣсколько листовъ въ дополненіе о народныхъ пѣсняхъ болгарскихъ, о „родопскомъ открытіи“, какъ онъ ихъ называетъ. Не могу конечно прочитать передъ многоуважаемымъ собраніемъ въ подлинникъ и цѣликомъ всю записку г.

(*) См. выше, протоколъ 13-го засѣданія, стр. LXXI—LXXII.

Верковича. Ограничусь извлеченіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, характеризующихъ его „родопское открытіе“ и его объясненія. Вообще было бы гораздо умѣстнѣе взять на себя задачу изложенія и разбора записки знатоку народной поэзіи, въ особенности болгарской: мы бы тогда услышали и оцѣнку „родопскаго открытія“. Только за отсутствіемъ знатоковъ, берусь я за это. Какъ лице должностное, считаю обязанностью отстранить въ своемъ изложеніи мой личный взглядъ. Прежде всего повторю, что уже раньше было мною сказано подробно. За какіе нибудь 50 лѣтъ до насъ никто въ Европѣ не зналъ о существованіи особеннаго болгарскаго нарѣчія; только въ повѣйшее время начали собирать болгарскія народныя пѣсни, пословицы и т. п. Въ ряду издателей болгарскихъ пѣсень явился и г. Верковичъ. Нѣкоторыя части сборника г. Верковича, именно пѣсни объ Орфеѣ и Славянская Веда не могли не поразить ученый міръ своею неожиданною новостью. Содержаніе этихъ пѣсень, или по крайней мѣрѣ ихъ объясненія, представленныя г. Верковичемъ до такой степени изумили ихъ читателей, что возбудили даже сомнѣніе въ подлинности пѣсень. Г. Верковичъ доказывалъ этими пѣснями близкую связь своего народа по образованности, не только съ древними Греками, но даже съ Индійцами, усматривая напримѣръ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Болгаръ нѣчто схожее съ троицею Индійцевъ: Браны, Вишну и Сивы. Какъ ни великъ былъ запасъ, обнаруженный г. Верковичемъ, оказалось, что на рукахъ у него есть еще многое, даже еще болѣе изумительное. Съ этимъ то *новымъ множествомъ* г. Верковичъ явился въ Россію. Въ послѣднемъ засѣданіи нашего отдѣленія Съѣзда, онъ самъ, по желанію членовъ Съѣзда, сообщилъ свѣдѣнія о тѣхъ пѣсняхъ, былинахъ и сказаніяхъ, которыя онъ привезъ, и нѣкоторыя изъ своихъ объясненій. Въ заключеніе своего заявленія онъ выразилъ желаніе сообщить имѣющіяся у него данныя въ видѣ особой записки. И вотъ эта то записка теперь въ нашихъ рукахъ. Я прочелъ ее и представлю нѣсколько извлеченій изъ нея, именно нѣкоторыя мѣста ея изъ числа тѣхъ, которыми я былъ пораженъ. Не ручаюсь, что въ сообщеніи г. Верковича нѣтъ другихъ мѣстъ способныхъ поразить еще болѣе. Укажу напримѣръ на различныя народныя празднества, совершавшіяся въ память первоначальныхъ открытій и изобрѣтеній человѣка на пути образованности (читаются мѣста о празднествахъ въ память изобрѣтенія сохи, серпа, лодки и пр. и пр.). Читая записку г. Верковича далѣе, мы встрѣчаемъ въ ней замѣчанія по пѣснямъ о войнѣ Троянской. Г. Верковичъ приводитъ отрывки изъ этихъ пѣсень и сравниваетъ съ описаніемъ тѣхъ же событій у Гомера. Далѣе г. Верковичъ останавливается на пѣсняхъ, гдѣ вспоминаются два бѣлыхъ Дуная, которые г. Верковичъ приравниваетъ къ рѣкамъ Инду и Гангу. Затѣмъ г. Верковичъ останавливается на пѣсняхъ, писанныхъ не на болгарскомъ, а на древнемъ церковно-славянскомъ или на русскомъ языкѣ, что должно быть очень пріятно для желающихъ изучить древній бытъ Болгарскаго народа и для тѣхъ руссофиловъ, которые не прочь отнести происхожденіе русскаго языка къ временамъ осады Трои. Изумителенъ и этотъ языкъ, ни церковно-славянскій, ни русскій, языкъ къ тому же невѣрный самому себѣ и неправильный. Но есть кое-что еще болѣе изумительное. Въ собраніи г. Верковича есть пѣсни на совершенно непонятномъ языкѣ; только по сравненію можно догадаться, что это что-то похожее на санскритскій языкъ. Я приведу нѣ-

сколько отрывковъ изъ этихъ пѣсенъ удобныхъ тѣмъ, что ихъ не нужно понимать, а только слушать (читаются небольшіе отрывки). Вотъ о какихъ сокровищахъ внесъ г. Верковичъ свѣдѣнія и объясненія въ свою записку! Я могъ воспользоваться очень немногимъ, но и этого немногаго достаточно для тѣхъ, кто желаетъ заниматься изученіемъ древняго болгарскаго быта по собраніямъ г. Верковича. Записку г. Верковича я считаю еще болѣе важной, потому что въ ней мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ несвѣдущимъ, какимъ-нибудь простымъ собирателемъ пѣсенъ и преданій, не понимающимъ цѣнности того что онъ собираетъ, не дѣлающимъ изъ нихъ никакихъ выводовъ,—напротивъ съ человѣкомъ не лишеннымъ образованія, хоть нѣсколько знакомымъ съ современными задачами исторіи пародной поэзіи, съ человѣкомъ, который не безъ всякаго права можетъ быть членомъ археологическаго съѣзда. Такимъ образомъ записка г. Верковича можетъ быть считаема весьма важнымъ документомъ, представляющимъ удостовѣреніе подлинности и научнаго значенія того, что въ ней доказывается. Съ этой стороны, какъ ни тяжело мнѣ скрывать свое мнѣніе, я очень благодаренъ обстоятельству, доставившему мнѣ случай доложить Съѣзду объ этомъ собственноручномъ трудѣ г. Верковича.

Двадцать третье засѣданіе, 17 августа утромъ, по Отдѣленію первообытныхъ древностей (подъ предсѣдательствомъ Л. К. Ивановскаго).

1. Н. А. Толмачевъ прочелъ рефератъ: „Объ остаткахъ древности, видѣнныхъ имъ въ Казанской губерніи“.

2. В. Б. Антоновичъ прочелъ рефератъ: „О похоронныхъ типахъ въ курганахъ Юго-Западнаго края“.

В. А. Прохоровъ, въ дополненіе къ сообщенію В. Б. Антоновича, заявилъ, что указанный въ рефератѣ сосудъ съ христіанскими изображеніями можетъ быть дѣйствительно признанъ кадильницею, на которой изображены четыре евангелиста. Подобныя кадильницы употреблялись въ періодъ времени отъ VIII-го до XI вѣка. Внѣшняя форма ихъ была такова, что они не имѣли дна и крыши и представляли что-то въ родѣ египетской кацеи. Изображенія евангелистовъ не византійской работы, а скорѣе романскаго стиля. Относительно спирали г. Прохоровъ замѣтилъ, что ему случалось видѣть на древнихъ изображеніяхъ такія же спирали, надѣвавшіяся на поясъ для поддержанія кожанаго панциря. Что касается до времени, къ которому относится спиральная гривна, то нельзя сказать объ этомъ ничего положительнаго, такъ какъ въ курганахъ случается находить предметы различныхъ эпохъ и различнаго происхожденія, напримѣръ вмѣстѣ съ византійскими вещами встрѣчаются вещи изъ временъ языческаго міра, а съ другой стороны относящіяся къ христіанской эпохѣ въ Россіи включительно до XVI вѣка. Такова напр. гривна времени Іоанна Грознаго. Въ заключеніе г. Прохоровъ заявилъ, что онъ имѣлъ въ виду обратить вниманіе на важность въ археологическомъ отношеніи найденной кадильницы.

Графъ А. С. Уваровъ сдѣлалъ слѣдующее добавленіе къ реферату В. Б. Антоповича: Г. Прохоровъ предполагаетъ, что найденная гривна имѣетъ соотношеніе съ спиральнымъ обручемъ, видѣннымъ имъ на древнихъ изображеніяхъ. Такое сопоставленіе не можетъ имѣть значенія. Видѣнный г. Прохоровымъ обручъ не болѣе, какъ поясъ, надѣвавшійся въ Римѣ всадниками гладіаторами для удержанія лошади, почему къ поясу и прикрѣплялась веревка. Такимъ образомъ найденная въ одномъ изъ разрытыхъ южныхъ кургановъ спиральная гривна не имѣетъ ничего общаго съ римскою и есть одинъ изъ предметовъ, относящихся къ издѣліямъ и орудіямъ бронзоваго вѣка, пережитаго южной Россіей. Цѣлый рядъ западныхъ ученыхъ, недостаточно знакомыхъ съ фактами исторической жизни Россіи и вслѣдствіе того создавшихъ совершенно ложныя теоріи, отрицаютъ существованіе бронзоваго вѣка для южной Россіи. Такое отрицаніе крайне прискорбно. Точно также, къ сожалѣнію, гр. Уваровъ не можетъ согласиться и съ мнѣніемъ своего друга г. Ворсо, отвергающаго существованіе бронзоваго вѣка на югѣ Россіи. Относительно этого можно только сказать, что въ то время, когда на берегахъ Чернаго моря и въ Сибири процвѣталъ уже бронзовый вѣкъ, Юго-Западная Россія переживала еще эпоху вѣка каменнаго, но утверждать, что для этой мѣстности вовсе не было бронзоваго вѣка невозможно.

В. А. Прохоровъ, послѣ сказаннаго гр. А. С. Уваровымъ, замѣтилъ, что относительно сходства найденной гривны съ видѣнною имъ на древнихъ изображеніяхъ, онъ высказалъ только не болѣе, какъ свое предположеніе; что же касается кадила, то онъ прямо утверждаетъ, что она романскаго происхожденія.

Э. Н. Г. Фастрицкій прочелъ сообщеніе: „О желѣзной копѣйкѣ, найденной въ Казани“.

Въ сообщеніи своемъ г. Фастрицкій изложилъ сначала подробное описаніе этого оригинальнаго памятника XVIII столѣтія, а равно и мѣсто его находки, за тѣмъ крайне скудныя свѣдѣнія, которыя имѣются объ этомъ предметѣ въ печати и наконецъ свои соображенія о значеніи такого оригинальнаго денежнаго знака. Предпославъ предварительно краткій историческій очеркъ о томъ, когда слово копѣйка вошло въ употребленіе на Руси, что означала эта монетная единица и изъ какихъ металловъ дѣлалась, референтъ, по нѣкоторымъ даннымъ, высказалъ предположеніе о томъ—не была ли желѣзная копѣйка, имѣющая форму параллелепипеда и вѣсу 1 фун. $13\frac{1}{2}$ зол. выразителемъ какой нибудь вѣсовой, установленной правительствомъ, единицы? Вслѣдствіе сего, референтъ для разрѣшенія поставилъ слѣдующіе вопросы: какого товару нужно было отпустить въ 1776 году—время, въ которому относится желѣзная копѣйка—въ количествѣ 1 ф. $13\frac{1}{2}$ зол., чтобы заплатить за него одну копѣйку, или, проще сказать, что именно продавалось за этотъ вѣсъ по одной копѣйкѣ? и стоило ли, наконецъ, копѣйку (при ея значеніи вѣса) *то, что отъливалось* по ея тяжести или же *самый брусокъ* желѣза въ 1 ф. $13\frac{1}{2}$ зол. стоитъ одну копѣйку? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ г. Фастрицкій сообщилъ о существовавшихъ на Руси вѣсовыхъ единицахъ; о предметахъ, которые продавались казною, о цѣнахъ, существовавшихъ въ XVIII столѣтіи на соль, какъ на одинъ изъ предметовъ, продававшихся изъ казны на вѣсъ изъ казенныхъ лавокъ; о цѣнахъ въ томъ же столѣтіи на желѣзо—и изъ сли-

ченія этихъ данныхъ пришелъ къ подтвержденію своего предположенія, что желѣзная копѣйка могла дѣйствительно быть гирею при продажѣ казенной соли. „Хотя высказаннымъ предположеніемъ, заключилъ г. Фастрицкій, мнѣ кажется, мы ближе всего подошли къ истинѣ, но отсутствіе положительнаго законодательнаго указанія на причины появленія подобнаго вѣса, заставляетъ насъ почитать этотъ вопросъ все таки пока открытымъ“.

4. А. С. Гацисскій изложилъ свои замѣчанія „О задачѣ корреспондентовъ, избираемыхъ предварительными комитетами археологическихъ съездовъ“.

Л. К. Ивановскій, въ отвѣтъ на сообщеніе, сдѣланное г. Гацисскимъ въ его рефератѣ, о найденныхъ имъ черепахъ, возразилъ, что опредѣленіе мордовскихъ череповъ доставленное г. Майновымъ, преждевременно, такъ какъ въ антропологій еще не установлены типы племенныхъ отличій черепа вообще, а тѣмъ менѣе типы череповъ, принадлежавшихъ казанскимъ инородцамъ, и едва положенъ первый пробный камень для этого отдѣла антропологій почтенными работами гг. Маліева и Стоянова.

Выслушавъ возраженіе Л. К. Ивановскаго, А. С. Гацисскій замѣтилъ, что опредѣленіе череповъ принадлежитъ не ему, не занимающемуся антропологіей, а г. Майнову, считающемуся извѣстнымъ у насъ антропологомъ.

Графъ А. С. Уваровъ, въ заключеніе засѣданія, обратилъ вниманіе на сдѣланное г. Гацисскимъ предложеніе относительно обязательнаго для членовъ-корреспондентовъ доставленія отчетовъ съезду о своихъ предварительныхъ дѣйствіяхъ. Желательно было бы, сказалъ графъ, чтобы предварительное собраніе будущаго археологическаго съезда приняло въ свѣдѣнію предложеніе г. Гацисскаго.

VII. ЗАКРЫТІЕ СЪѢЗДА.

17 августа вечеромъ.

Общее собраніе подь предсѣдательствомъ И. И. Срезневскаго.

1. Д. А. Корсаковъ доложилъ: а) Сообщение уѣхавшаго въ Кіевъ профессора В. С. Иконникова: „Къ вопросу объ изданіи мѣстныхъ матеріаловъ“, составляющее добавленіе къ соображеніямъ высказаннымъ г. Корсаковымъ въ девятомъ засѣданіи Съезда по общимъ вопросамъ (*); б) Письмо къ графу А. С. Уварову члена Московскаго Археологическаго Общества г. Черникова-Анучина.

В. С. Иконниковъ въ сообщеніи своемъ заявляетъ слѣдующее:

Во время обсужденія вопроса о приведеніи въ порядокъ архивныхъ матеріаловъ (въ девятомъ засѣданіи Съезда) было заявлено также о необходимости изданія мѣстныхъ источниковъ края и указаны частныя собранія документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые предполагаются, въ скоромъ времени, быть напечатанными. Воплѣ раздѣляя высказанныя заявленія, я считаю однако необходимымъ дополнить ихъ указаніемъ на изданные уже но не всегда доступные ученымъ, а часто и вовсе неизвѣстные матеріалы. Я разумю матеріалы, напечатанные въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ „Губернскія Вѣдомости“, „Епархіальныя Извѣстія“, „Памятныя книжки“, „Труды статистическихъ комитетовъ“, разнаго рода сборники и т. п. Существовавшій прежде обычай погодныхъ обзорѣн мѣстныхъ изданій въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. давно прекратился; указатели Геннади, Межова и Ламбина ограничиваются лишь нѣсколькими годами; но иныхъ уже указателей къ этимъ изданіямъ (какъ сдѣлано, напримѣръ, относительно Владимірскихъ губ. вѣдомостей, Орловскихъ губ. вѣдомостей и т. п., какъ указатели къ мѣстнымъ ученымъ изданіямъ) почти не существуетъ; а между тѣмъ во многихъ изъ нихъ (напр., Казанскихъ губерн. и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, Вологодскихъ епархіальн. вѣдомостяхъ, Владимірскихъ губерн. вѣдомостяхъ и др.) помѣщены весьма цѣнные акты и описанія мѣстныхъ достопримѣчательностей и археологическихъ находокъ. Такъ, напр., во время поѣздки членовъ Съезда въ Свіяжскъ, въ тамошнемъ мужскомъ монастырѣ былъ представленъ внима-

(*) См. выше, протоколъ означеннаго засѣданія, стр. I.VI—LX.

нію членовъ монастырскій синодикъ, въ которомъ помѣщенъ и синодикъ царя Івана Грознаго, какъ кажется, представляющій отличія отъ изданныхъ прежде синодиковъ; но при этомъ однимъ изъ мѣстныхъ знатоковъ края было замѣчено, что этотъ синодикъ былъ описанъ уже въ Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 40-хъ годовъ. А сколько разныхъ актовъ совершенно игнорируется при ученыхъ изслѣдованіяхъ вслѣдствіе подобной недоступности мѣстныхъ повременныхъ изданій и даже сборниковъ. Только такія учрежденія, какъ ученые съѣзды, могутъ вполне успѣшно содѣйствовать объединенію и уясненію научныхъ потребностей и, по возможности, устраненію существующихъ трудностей. Такъ, на предъидущихъ археологическихъ съѣздахъ былъ поднятъ и значительно подвинуть впередъ вопросъ объ устройствѣ архивовъ. Мнѣ кажется, что и въ данномъ случаѣ Съездъ могъ бы обсудить предлагаемый вопросъ и выработать нѣкоторыя общія правила для приведенія его въ исполненіе. Затѣмъ подобное предложеніе могло бы быть разослано въ мѣстныя ученые учрежденія, коммисіи, а также редакціи, которыя могли бы принять на себя составленіе подобныхъ указателей. Въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ существуютъ ученые общества, которыя могли бы взять на себя этотъ трудъ; просмотръ губернскихъ вѣдомостей и другихъ подобныхъ изданій могли бы взять на себя статистическіе комитеты, епархіальныхъ вѣдомостей—ихъ редакціи и т. д. Приблизительно могъ бы быть установленъ ближайшій срокъ выполненія этого предложенія, напр., слѣдующій археологическій съездъ. При этомъ конечно должны быть установлены общія подраздѣленія статей, по которымъ должны быть составлены такія описи. Но нельзя ограничиться только этою, хотя и весьма важною, подготовительною работою. Можно желать, чтобы акты, разные описи и т. п., заслуживающіе *особеннаго вниманія* были *перепечатаны* въ болѣе доступныхъ изданіяхъ, напр. въ сборникахъ Археографической Коммисіи; археологическія описанія, этнографическіе матеріалы и т. п.—въ изданіяхъ археологическихъ обществъ. Такимъ образомъ была бы принесена существенная польза разработкѣ отечественной археологіи и исторіи. Известно, что даже въ Императорской Публичной Библіотекѣ не существуетъ полного собранія указанныхъ изданій, не говоря уже о мѣстныхъ бібліотекахъ, ученыхъ учрежденіяхъ и обществахъ. Такъ въ здѣшнемъ университетѣ нѣтъ полного экземпляра изданій, вышедшихъ въ Казани, хотя бібліотека его современна возникновенію даже старѣйшихъ изъ нихъ; точно также многія редакціи указанныхъ изданій не обладаютъ уже полными собраніями послѣднихъ. Но еще есть возможность такъ или иначе пополнить существующій пробѣлъ. Вскорѣ однако наступитъ время, когда подобное предпріятіе станетъ немислимымъ. Что же касается перепечатки матеріаловъ, помѣщенныхъ въ этихъ изданіяхъ, то она также естественна и необходима, какъ перепечатка многихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ XVIII вѣка (напр. въ „Древней Россійской Внвлюонкѣ“), допущенная въ собраніяхъ актовъ, вышедшихъ въ наше время, хотя возможность пользоваться нѣкоторыми изъ изданій прошлаго вѣка далеко не такъ затруднительна, какъ современными мѣстными изданіями.

Г. Черниковъ - Аничинъ пишетъ графу Уварову слѣдующее:

Милостивый Государь, графъ Алексѣй Сергѣевичъ! На вопросъ, поставленный на обсужденіе Съезда: *какія необходимо принять мѣры для сохраненія археологическихъ па-*

мятниковъ въ виду проложенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ напр. Сибирской,—предлагаю, къ свѣдѣнію Съѣзда, слѣдующую мѣру. Какъ только будетъ извѣстно, что слѣлано распоряженіе о производствѣ рекогносцировочныхъ и нивелировочныхъ работъ, съ цѣлью опредѣленія пути и направленія дороги, то немедленно просить мѣстныхъ губернаторовъ о командированіи членовъ статистическаго комитета для описанія тѣхъ древностей, чрезъ которыя, или вблизи которыхъ, долженъ быть проложенъ желѣзно-дорожный путь, съ порученіемъ снять съ нихъ рисунки или чертежи и наложить вблизи нихъ археологическіе признаки (столбы), съ клеймами губернскаго герба и № по порядку древностей, подлежащихъ къ срытію; за невозможностью произвести раскопки мѣстными средствами, просить содѣйствія управленія желѣзной дороги, чтобы, при членѣ статистическаго комитета, или мѣстномъ археологѣ, во время производства срытія древностей, возможно было выбрать могущіе встрѣтиться въ нихъ костяки и вещи, отнюдь не приступая къ срытію безъ помянутыхъ лицъ. Впрочемъ, мѣра эта тогда только достигнетъ цѣли, когда указанный вопросъ по обсужденію его Съѣздомъ, будетъ разсмотрѣнъ и утвержденъ правительствомъ въ законодательномъ порядкѣ. Объ описанныхъ, такимъ образомъ, древностяхъ необходимо сообщать желѣзно-дорожному управленію копии съ описаній и свѣдѣніе о наложенныхъ признакахъ при курганахъ, валахъ и городкахъ, которые подлежатъ къ срытію, обязавши при томъ управленіе не уничтожать такихъ древностей, какія могутъ быть вблизи полотна дороги, впоследствии, если бы понадобилась земля для поправки насыпей, когда не будетъ испрошено на то особаго разрѣшенія. Кромѣ того слѣдуетъ открыть вопросъ о мѣрахъ къ охраненію всѣхъ вообще археологическихъ памятниковъ въ Имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желательно описаніе ихъ при посредствѣ мѣстныхъ археологовъ, статистическихъ комитетовъ, землемѣровъ, лѣсничихъ, агрономовъ и волостныхъ правленій, которые бы могли доставить свѣдѣнія о древностяхъ, на особыхъ бланкахъ, по формѣ составленной и одобренной археологами; и въ этомъ случаѣ можно рекомендовать порядокъ наложенія признаковъ, какъ предложено мною выше. Существующее же у насъ законодательство для межевыхъ чиновъ, о положеніи признаковъ вблизи памятниковъ древности, наводитъ на мысль: не полезно-ли будетъ испросить разрѣшеніе отъ кого слѣдуетъ, разсмотрѣть межевые архивы министерства юстиціи и удѣловъ, гдѣ хранятся планы и межевыя книги, въ которыхъ должны быть нанесенными и записанными всѣ памятники древности, по каждой дачѣ, а равно и архивъ военно-топографическаго отдѣла Генеральнаго Штаба.

2. И. И. Срезневскій сдѣлалъ сообщеніе „О русскихъ древностяхъ Казанской губерніи и средняго Поволжья до XVI в.“. При этомъ сообщеніи И. И. Срезневскій предъявилъ членамъ Съѣзда рисунки древнихъ вещественныхъ памятниковъ, найденныхъ имъ во время ученыхъ экскурсій IV-го Археологическаго Съѣзда, а именно: рипиды изъ церкви села Успенскаго-Болгары, Спасскаго уѣзда, и образковъ Казанскаго Благовѣщенскаго собора и Свѣтскаго женскаго монастыря. Рисунки послѣднихъ были увеличены въ 440 разъ противъ ихъ дѣйствительной величины. Академикъ Срезневскій предпослалъ своему сообщенію слѣдующія слова: „Сегодня послѣднее мое заявленіе и я считаю долгомъ, Мм. Гг. и милостивыя государыни, начать его выраженіемъ благодарности отъ насъ,

прѣбавшихъ издалека, за дружескій пріемъ, которымъ насъ почтили наши казанскіе сочлены. Если не всякій изъ насъ, то многіе пользовались всѣмъ, что могло удовлетворить нашей добознательности. Это дружеское отношеніе позволяетъ мнѣ быть въ этомъ случаѣ менѣе скромнымъ и высказать то, что большинство только не высказываетъ, а хранить въ своей думѣ!“

З. Д. А. К о р с а к о в ъ доложилъ: а) Постановленіе Совѣта Сѣзда о назначеніи преміи въ *сто* рублей за открытіе древней зырянской рукописи, написанной буквами, изобрѣтенными св. Стефаномъ Великопермскимъ, б) Проектъ правилъ постоянной организаціонной комиссіи русскихъ археологическихъ сѣздовъ, составленный особой комиссіей по избранію IV-го Археологическаго Сѣзда и одобренный Совѣтомъ онаго (*), в) Проектъ ходатайства о сохраненіи древнихъ развалинъ въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи.

І. О назначеніи преміи.

Желая, въ интересахъ науки, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать разъясненію спорнаго вопроса, бывшаго предметомъ ученыхъ дебатовъ въ тринадцатомъ засѣданіи Сѣзда: „Писались-ли пермскими письменами, изобрѣтенными св. Стефаномъ Великопермскимъ, цѣлыя книги на зырянскомъ языкѣ, или же только отдѣльныя рѣченія на иконахъ?“ и принимая во вниманіе заявленіе, сдѣланное П. Д. Шестаковымъ въ концѣ его реферата по вышеозначенному вопросу—Совѣтъ IV-го Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Сѣзда постановилъ: 1) Назначить премію въ *сто* рублей за доставленіе рукописной книги на зырянскомъ языкѣ, заключающей въ себѣ переводъ Св. Писанія св. Стефана Великопермскаго и написанной изобрѣтенными имъ пермскими письменами. 2) Объявить этой преміи черезъ подлежащія начальства Зырянамъ Вологодской и Пермской губерній.

ІІ. Проектъ правилъ постоянной организаціонной комиссіи русскихъ археологическихъ сѣздовъ.

§ 1. Постоянная организаціонная комиссія русскихъ археологическихъ сѣздовъ имѣетъ цѣлью связывать занятія сѣздовъ въ промежутокъ времени отъ одного сѣзда до другаго.

§ 2. Въ составъ постоянной организаціонной комиссіи входятъ всѣ предсѣдатели и секретари всѣхъ бывшихъ русскихъ археологическихъ сѣздовъ. Комиссія избираетъ себѣ предсѣдателя изъ своей среды или изъ числа лицъ, не принадлежащихъ въ составу комиссіи. Кромѣ означенныхъ лицъ, въ составъ комиссіи входитъ неопредѣленное число членовъ, кои приглашаются предсѣдателемъ по личному его усмотрѣнію и имѣютъ въ засѣданіяхъ комиссіи право голоса на ряду съ остальными ея членами. Предсѣдатель комиссіи избираетъ секретаря ея по своему усмотрѣнію.

(*) Комиссія эта, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, состояла изъ В. Б. Антоновича, А. С. Гацискаго и Д. А. Корсакова.

§ 3. Постоянная организационная комиссия имѣетъ слѣдующія обязанности:

а) Заботится объ устройствѣ, по прошествіи трехъ лѣтъ со времени послѣдняго съѣзда, слѣдующаго очереднаго съѣзда въ мѣстѣ, избранномъ послѣднимъ собраніемъ, и ходатайствуетъ предъ правительствомъ о разрѣшеніи новаго съѣзда и объ открытіи, не позже какъ черезъ годъ послѣ бывшаго съѣзда, предварительнаго комитета предстоящаго съѣзда.

б) Содѣйствуетъ редакціонной комиссіи послѣдняго съѣзда въ изданіи трудовъ его.

в) Приводитъ въ исполненіе постановленія съѣздовъ и заканчиваетъ не рѣшенныя послѣднимъ съѣздомъ дѣла, за исключеніемъ тѣхъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію съѣзда въ полномъ его составѣ, или же редакціонной комиссіи.

г) Исполняетъ подготовительныя работы для предварительнаго комитета предстоящаго съѣзда и собираетъ матеріалы для программы его занятій.

д) Принимаетъ мѣры къ возбужденію общественнаго интереса къ археологіи, особенно въ той мѣстности, гдѣ назначенъ слѣдующій съѣздъ, и привлекаетъ археологическія и другія, сродныя съ ними по цѣли, ученныя общества и учрежденія, правительственныя и частныя, какъ въ Россіи, такъ и за границу, къ возможно - дѣятельному участию въ занятіяхъ съѣзда.

е) Пересматриваетъ нынѣ дѣйствующія распорядительныя правила съѣздовъ и проектъ измѣненій въ нихъ представляетъ на одобреніе съѣзда.

Примѣчаніе. Предсѣдатель постоянной организационной комиссіи обращается ко всѣмъ упомянутымъ въ пунктѣ *д* настоящаго параграфа обществамъ и учрежденіямъ съ просьбой указать на тѣ отрасли археологіи, которыя, по ихъ мнѣнію, особенно нуждаются въ разработкѣ, и на тѣ изысканія и труды, которые было бы желательно и возможно исполнить по этимъ отраслямъ.

§ 4. Постоянная организационная комиссія собирается въ полномъ своемъ составѣ въ первый же годъ послѣ бывшаго съѣзда, при чемъ мѣсто для засѣданій ея избирается по усмотрѣнію предсѣдателя.

§ 5. О занятіяхъ своихъ, а также о ходѣ археологическихъ работъ, въ періодъ отъ одного съѣзда до другаго, постоянная организационная комиссія представляетъ отчетъ очередному съѣзду, внося таковой, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дѣлопроизводствомъ, въ предварительный комитетъ будущаго съѣзда. Передъ открытіемъ послѣдняго, отчетъ постоянной комиссіи представляется очередному съѣзду по его открытіи предсѣдателемъ комиссіи, или однимъ изъ ея членовъ по усмотрѣнію предсѣдателя.

III. Проектъ ходатайства о мѣрахъ къ сохраненію развалинъ въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи.

1. Мѣсто, на которомъ находятся главныя развалины древняго города Булгарь, исключить изъ общественныхъ земель села Успенскаго, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, и въ замѣнъ его надѣлить общество другимъ участкомъ.

2. Блюстителемъ за сохранностию этихъ памятниковъ назначить Казанское Археологическое Общество.

3. Для сохраненія памятниковъ назначить изъ казны одновременное пособіе въ двѣсти рублей и сто рублей на обнесеніе деревяннымъ заборомъ.

Общее Собраніе Съѣзда постановило: Проекты преміи, правилъ и ходатайства утвердить.

4. Графъ А. С. Уваровъ предложилъ общему собранію на обсужденіе постановленіе Совѣта Съѣзда о томъ, чтобы члены-корреспонденты, избираемые археологическимъ съѣздомъ, обязательно представляли къ открытію его подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и о разработкѣ мѣстной археологіи. Общее собраніе утвердило означенное постановленіе совѣта съѣзда.

5. П. Д. Шестаковъ обратился къ членамъ Съѣзда и къ публикѣ съ слѣдующею рѣчью:

Мм. Гг. Почтенный сочленъ нашъ, ученый академикъ И. И. Срезневскій, въ началѣ своего реферата, высказалъ довольство дружелюбнымъ приемомъ, встрѣченнымъ въ Казани иногородными членами Археологическаго Съѣзда. На васъ ссылалось я, М.г., посѣщавшихъ засѣданія этого съѣзда. у васъ спрашиваю я, можно ли встрѣчать дружелюбно ученыхъ лицъ, пріѣхавшихъ съ цѣлью ознакомиться съ нашимъ краемъ и освѣтить его свѣтомъ археологическихъ изысканій. Здѣсь, съ этой кафедры, предъ нами развертывалась полная жизни рельефная картина быта древнихъ насельниковъ русской земли, людей каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Здѣсь мы видѣли мѣста ихъ первобытныхъ жилищъ, мѣста ихъ охоты и пиршествъ, ихъ первобытныя безискусственныя каменныя орудія, бронзовыя и желѣзныя, ихъ одежду, начиная съ головныхъ украшеній и оканчивая обувью; узнали, какъ они погребались: могильные ихъ курганы и насыпи были намъ представлены не только въ краснорѣчивыхъ, ясныхъ описаніяхъ, но и на чертежахъ, а содержимое этихъ могилъ лежало предъ нашими глазами, было въ нашихъ рукахъ. Внимательно разсматривалось нами все, отъ простыхъ, грубо обтесанныхъ или вѣрнѣе обколотыхъ каменныхъ вещей, до парчевыхъ тканей одежды и художественныхъ золотыхъ украшеній. Наши дорогіе гости не пожалѣли ни издержекъ, ни трудовъ, сопряженныхъ съ укладкою и дальнею перевозкою предметовъ древности, и навезли къ намъ вещей на цѣлыя витрины, которыя, благодаря имъ, вмѣстили въ себѣ выкопанныя изъ глубины земли древнія сокровища. Они не только привезли и выложили ихъ передъ нами, но и указали съ самою тщательною точностию, откуда и какъ все извлечено, объяснили намъ значеніе и, такъ сказать, цѣнность привезенныхъ и выставленныхъ предметовъ; на примѣрѣ показали намъ, какъ слѣдуетъ производить раскопки, на что при раскопкахъ обращать вниманіе, какъ собирать добытое путемъ раскопокъ, какъ описывать находки, чтобы труды могило-и кургано-ислѣдователей не пропадали безслѣдно для науки.

Историческая географія и этнографія, памятники искусствъ и художествъ, бытъ домашній и общественный, памятники языка и письма и древности восточныя—имѣли въ

средѣ пріѣзжихъ ученыхъ высоко-талантливыхъ, обладающихъ глубокими знаніями и владѣющихъ яснымъ убѣдительнымъ даромъ слова референтовъ, которые излагали свои цѣнныя сообщенія языкомъ доступнымъ для каждаго. Засѣданія всѣхъ отдѣленій Съѣзда были очень оживленныя: полные интереса и поучительные рефераты нашихъ достопочтенныхъ ученыхъ гостей нерѣдко возбуждали горячіе споры. Съ каждаго засѣданія внимательный посѣтитель могъ выпести для себя много новаго.

Кромѣ научныхъ рефератовъ, весьма важныхъ, съ ясностію излагающихъ предметъ сообщенія, наши почтенные гости положили много труда и на устройство Выставки, которая, благодаря имъ, въ продолженіе всего Съѣзда привлекала толпы посѣтителей. Изъ печатаемаго нынѣ каталога Выставки Вы, Мм. Гг., ознакомитесь съ тѣми лицами, которые были такъ обязательны, что для общей пользы доставили на Выставку предметы древности изъ своихъ собраній. Но кромѣ доставки самая разстановка предметовъ Выставки дѣлалась членами Съѣзда. Нашъ высокоуважаемый предсѣдатель пріѣхалъ въ Казань за двѣ недѣли до открытія Съѣзда, проводилъ въ устройствѣ Выставки цѣлые дни, работая съ ранняго утра до поздней ночи и подавая собою примѣръ неутомимой дѣятельности. Благодаря его энергіи, предметы Выставки были разложены въ порядкѣ и составленъ указатель, два листа котораго уже вышли изъ печати. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ по истинѣ былъ не только предсѣдателемъ, но и душою Съѣзда, и не разъ мы слышали какъ его вѣское слово рѣшало оживленный споръ.

Съ полною откровенностію я позволю себѣ перечислить кратко то, что внесено въ палу средо нашими уважаемыми гостями. Они принесли намъ съ собою чистую, преданную любовь къ наукѣ о древностяхъ; они научили насъ, какъ съ пользою для науки извлекать предметы древности изъ глубины могильныхъ насыпей, какъ отыскивать ихъ въ монастыряхъ, церквахъ и у частныхъ лицъ, на что обращать вниманіе въ нашемъ краю, — они впервые указали намъ, что здѣсь слѣдуетъ искать и можно находить не только языческія и мусульманскія древности, но и христіанскія изъ самой отдаленной старины; они собственнымъ словомъ и примѣромъ показали, какъ нужно описывать древніе предметы, какъ приводить ихъ въ систематическій порядокъ и каталогизировать; они пробудили въ насъ, такъ сказать, вкусъ къ древностямъ и, ознакомивъ насъ основательно съ самыми древностями различныхъ эпохъ, вложили въ насъ умѣнье отыскивать древности изъ груды предметовъ, которые насъ окружаютъ и мимо которыхъ мы не рѣдко проходимъ безъ вниманія, почитая мелкимъ и ничтожнымъ, что крупно и важно для науки археологіи. Словомъ, наши почтенные гости были нашими учителями и руководителями въ наукѣ о древностяхъ.

Еще на одну сторону Съѣзда я почитаю долгомъ обратить особенное вниманіе. Дорогие гости наши во все время своего пребыванія поддерживали какъ между собою, такъ и съ нами, полное дружественное отношеніе; оживленные и жаркіе споры по научнымъ вопросамъ никогда не вносили въ среду съѣзда разлада, а напротивъ, служили лишь къ большому соединенію членовъ: минутные враги, горячо опровергавшіе мнѣнія другъ друга, тотчасъ по окончаніи дебатовъ опять становились друзьями. Вотъ на это то свойство ис-

тинно ученыхъ людей, всегда и вездѣ относящихся съ должнымъ вниманіемъ къ собратамъ по наукѣ, всегда и вездѣ уважающихъ чужое убѣжденіе, какъ плодъ усиленнаго научнаго труда, хотя бы оно и не сообразовалось съ ихъ собственнымъ убѣжденіемъ, никогда и нигдѣ не обращающихъ ученые споры въ личности—на это драгоценное свойство я не могу не указать, какъ на примѣръ вполне достойный подраженія всѣмъ занимающимся наукою. Только этимъ свойствомъ разбивается мнѣніе невѣждъ, приводимое Кантемиромъ, „се наука содружество людей разрушаетъ“. Нѣтъ, на Археологическомъ Съѣздѣ мы видѣли совершенно противное. Наука соединяла, связывала, скрѣпляла людей, собравшихся съ разныхъ сторонъ, крѣпкими узами, столь пріятными, что разрывъ ихъ оставить, говорю по собственному чувству, какую-то пустоту. Хотѣлось бы продлить эту, къ сожалѣнію слишкомъ кратковременную, связь на долго, на долго!

Конечно, каждому изъ васъ приходилось читать сильно интересовавшую васъ книгу. Съ какъмъ чувствомъ вы закрывали книгу, окончивши чтеніе? Съ чувствомъ сожалѣнія, не правда ли? Вамъ жаль было расставаться съ тѣмъ, что доставляло вамъ отраду, такое духовное наслажденіе. Вы легко поймете, какое чувство испытываемъ мы въ настоящее время, когда закрывается не интересная лишь книга, а собраніе людей науки, глубоко интересовавшихъ насъ своими учеными, полными жизни сообщеніями, возбуждавшихъ нашъ умъ, приносившихъ намъ высокое умственное наслажденіе, собраніе людей науки, съ которыми мы сжились, какъ бы сроднились духовно.

Прощаясь съ вами, наши дорогіе гости и уважаемые сочлены, и сердечно благодаря васъ за памятные дни духовнаго наслажденія, которые вы доставили намъ, за тѣ знанія, которыя Вы намъ сообщили, за тѣ теплыя чувства, которыя вы въ насъ оставляете,—мы утѣшаемъ себя надеждою что и вдали вы сохраните въ намъ тѣ же дружественныя отношенія, которыми вы почтили насъ здѣсь, что и вдали наша связь будетъ продолжаться и крѣпнуть, что вы не оставите нашего зарождающагося археологическаго общества своими опытными совѣтами и нравственною поддержкою и что вы опять вспомните Казань, при назначеніи чрезъ нѣсколько лѣтъ мѣста для археологическаго съѣзда.—Да сохранится Ваша благотворная ученая дѣятельность на долго и да пролетитъ она свѣтъ археологической науки по обширнымъ странамъ нашего любезнаго отечества!

6. За тѣмъ предсѣдатель Съѣзда графъ А. С. У в а р о в ъ обратился, въ свою очередь, съ рѣчью къ собранію:

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Въ первый разъ еще приходится предсѣдателю, закрывающему Археологическій Съѣздъ, начать свое прощальное слово опроверженіемъ того, что сказано было почтеннымъ предшественникомъ моимъ на этой каедрѣ. П. Д. Шестаковъ приписалъ вліянію съѣхавшихся ученыхъ тотъ успѣхъ, который увѣнчалъ съѣздъ въ Казани, между тѣмъ какъ я приписываю его тѣмъ мѣстнымъ ученымъ силамъ, которыя придаютъ каждому съѣзду особый, мѣстный, характеръ и которыя доставляютъ богатый матеріалъ для всесторонняго изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Что мы ожидали отъ Казани, то теперь сбылось. Мѣстныя ученые силы доказали намъ еще разъ до какой степени драгоценны свѣдѣнія, вносимыя

ими въ русскую археологію. Я твердо убѣжденъ, что занятія Казанскаго Съѣзда займутъ въ русской археологіи одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но для того чтобы вывести, такъ сказать, скромныхъ дѣятелей на свѣтъ Божій, надо было энергическое содѣйствіе лица, не только преданнаго наукѣ, но и самого стоящаго въ числѣ людей науки. Дѣятельность Предварительнаго Комитета и успѣхъ Казанскаго Съѣзда доказали, что могла сдѣлать горячая любовь П. Д. Шестакова къ русской наукѣ.

Припомните также, Милостивые Государя, что во время нашихъ экскурсій мы видѣли, какъ всѣ затрудненія, всѣ препятствія, невидимою силою были устранены; даже работники для нашихъ раскопокъ были готовы. Но эта сила, хотя невидимая, живо чувствуется и съ благодарностью признается всѣмъ Съѣздомъ, который исполнилъ цѣлительное благотворное ея содѣйствіе.

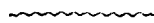
Съ немальною благодарностью Археологическій Съѣздъ сознаетъ и живое участіе, заявленное городскимъ обществомъ. Совѣтъ постановилъ поднести ему слѣдующій адресъ:

„Совѣтъ IV-го Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда, отъ имени всѣхъ членовъ послѣдняго вмѣняетъ себѣ въ особое удовольствіе принести городскому общественному управленію города Казани свою глубокую и искреннюю признательность за просвѣщенное содѣйствіе ученымъ цѣлямъ IV-го Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда, выразившееся, какъ въ пожертвованіи значительной суммы денегъ на организацію Съѣзда, такъ и въ доставленіи гг. членамъ Съѣзда возможныхъ удобствъ во время пребыванія ихъ въ Казани. Гостепріимство и истинно русское радушіе, съ которымъ принялъ городъ гг. членовъ Съѣзда, — оставляютъ въ нихъ самое пріятное воспоминаніе о пребываніи въ Казани“.

Лучшимъ доказательствомъ успѣха Археологическаго Съѣзда служить то будущее Казанское Археологическое Общество, которое предначинаетъ свое научное существованіе. П. Д. Шестаковъ высказалъ намъ съ этой кафедры общее желаніе устроить общество для изслѣдованія мѣстныхъ древностей и первый предложилъ подписку для членовъ-основателей. Да процвѣтетъ же новое общество и пусть докажетъ, что Казанскій Съѣздъ, какъ и прежніе наши съѣзды, не прошелъ безслѣдно!

Мнѣ остается, какъ предсѣдателю, отъ имени всѣхъ членовъ, заявить единодушное и искреннее наше желаніе, чтобы избранная совѣтомъ редакціонная коммиссія соединилась дружно съ возникающимъ Археологическимъ Обществомъ и — плодомъ этого единенія явились бы „Труды IV Съѣзда“, какъ первое припошеніе отъ Казани въ дорогую всѣмъ намъ русскую науку.

Совѣтъ изъявилъ желаніе объ открытіи V-го Археологическаго Съѣзда въ Тифлисъ. Объявляю IV-й Археологическій Съѣздъ закрытымъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е

КЪ ПРОТОКОЛУ ЗАКРЫТІЯ СЪЪЗДА.

I.

Письмо члена-корреспондента В. М. Пляцкаго въ Комитетъ Четвертаго
Археологическаго Съезда въ Казани (*).

Къ сожалѣнію, на сей разъ ни я ни кто другій изъ русскихъ Галичанъ былъ въ положеніи удовлетворить всегда лестному приглашенію на славный Четвертый Съездъ Археологическаго Общества въ Казань. У меня есть теперь очень много задачъ въ исполненію, такъ какъ по недостатку людей и средствъ на нашей Руси я, не смотря на слабое здоровье, былъ вынужденъ принять на себя еще веденіе дѣлъ Общества имени М. Качковскаго и другія почетныя должности по-при редакціи „Слова“. Въ мѣсяцѣ сентябрѣ сего года должно быть главное собраніе членовъ (выше 6000) общества имени Качковскаго въ г. Львовѣ и то обстоятельство наибольше помѣшало моему участию на Казанскомъ Съездѣ. Также докторъ правовѣдѣнія Добрянскій, объявивши охоту-отправиться въ Казань и получившій отъ меня билетъ членскій, въ послѣднюю пору отказался по поводу случившейся смерти своего родителя, протоіерея Антонія, общезвѣстнаго патріота. Оставшіе у меня билеты отсылаю назадъ.

Желая однако отчасти исправить зло и заслужить себѣ на довѣріе высокоуважаемаго Общества, котораго я удостоился быть членомъ, я рѣшился сперва послать въ Москву, какъ даръ, приобретенное мною сочиненіе: *Olearii, Neue orientalische Reisebeschreibung* изъ 1646 года и нѣсколько экземпляровъ брошюры о Славянахъ, потомъ номера изданія моего „Слово“—въ Археологическое Общество въ Москвѣ и въ Казань. Въ „Словѣ“ помѣщены извѣстія о Съездѣ, а теперь помѣщаются статьи археологическаго содержанія, на которыя позволяю себѣ обратить вниманіе ученыхъ нашихъ мужей въ Россіи.

Въ Казань на Съездъ долженъ былъ отправиться изъ нашихъ г. профессоръ Е. Калужняцкій, бывшій въ Кіевѣ на Съездѣ и отправившійся два мѣсяца тому назадъ въ Россію.

(*) Письмо это получено послѣ закрытія Съезда, а потому и не могло быть своевременно ему доложено. *Ред.*

СХХХVІІІ

Поздравляя впрочемъ отъ имени русскихъ Галичанъ ІV Археологическій Сѣздъ въ Казани съ его открытіемъ, обещаю быть всегда къ его услугамъ и покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и преданности.

Венедиктъ М. Площанскій, членъ Московскаго Археологическаго Общества, редакторъ «Слова».
Львовъ (въ Галиціи) 26 іюня 1877 г.

ІІ.

Кромѣ письма В. М. Площанскаго, ІV Археологическій Сѣздъ, при самомъ своемъ открытіи, былъ привѣтствованъ со стороны славянскихъ ученыхъ. Предсѣдатель Сѣзда, графъ А. С. Уваровъ, заявилъ на первомъ засѣданіи Сѣзда 31 іюля, о полученіи имъ привѣтственной телеграммы отъ Археологическаго Общества Чешскаго Музея.

VIII.

КРАТКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЭКСКУРСІЙ IV-ГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

3 Августа. Осмотръ достопримѣчательностей Казанской крѣпости: Спасской башни, церковныхъ древностей Спасскаго монастыря и Благовѣщенскаго собора, Сумбѣкиной башни и крѣпостной стѣны. Спасская башня и древности Спасскаго монастыря были осмотрѣны подъ руководствомъ протоіерея П. Г. Заринскаго.

6 Августа. Осмотръ памятника по убиеннымъ воинамъ при осадѣ и взятіи Казани царемъ Іоанномъ IV-мъ въ 1552 году и Зилантова монастыря.

6 Августа. Экскурсія въ Свияжскъ для обозрѣнія мужскаго Успенскаго монастыря и Іоанно-Предтечинскаго женскаго. Въ соборной церкви Успенскаго монастыря обратила на себя особое вниманіе гг. членовъ Съѣзда стѣнопись. Въ Троицкой церкви Іоанно-Предтечинскаго монастыря замѣчательны иконы втораго яруса иконостаса, относящіяся, по мнѣнію знатоковъ исторіи русской иконографіи, къ XV-му вѣку. Въ соборной церкви того же монастыря найденъ и изслѣдованъ маленькій аспидный обрзокъ XII вѣка.

11—13 Августа. Экскурсія въ село Успенское-Болгары. — 11 августа, въ 6 часовъ вечера, гг. члены Съѣзда отправились до пристани на Волгѣ—Березовая Грива, Спасскаго уѣзда, на двухъ пароходахъ: „Родоначальникъ“ и „Праотець“, принадлежащихъ потомственному почетному гражданину П. Н. Журавлеву, который предоставилъ ихъ безвозмездно въ распоряженіе Съѣзда. Ночевать у Березовой Гривы на пароходахъ, гг. члены Съѣзда 12 августа утромъ отправились въ село Успенское-Болгары въ экипажахъ, приготовленныхъ заранѣе по распоряженію г. начальника Казанской губерніи. Осмотрѣвъ сохранившіяся развалины болгарскихъ зданій подъ руководствомъ профессора С. М. Шпилевскаго, а равно и мѣстную Успенскую церковь, въ которой найдена и изслѣдована академикомъ П. П. Срезневскимъ рипида XII-го вѣка,—гг. члены Съѣзда присутствовали при раскопкахъ. Раскопки эти были произведены Л. К. Ивановскимъ, Б. Н. Поповскимъ и В. В. Радловымъ, заблаговременно командированными въ Болгары Ученымъ Комитетомъ Съѣзда. Затѣмъ гг. члены Съѣзда прибыли къ вечеру 12 августа въ Березовую Гриву и рано утромъ 13 августа возвратились обратно въ Казань на тѣхъ же двухъ пароходахъ г. Журавлева.

CXL

14 Августа гг. члены Съезда раздѣлились, для осмотра разныхъ достопримѣчательностей города Казани, на три группы. Одна группа посѣтила Богородицкій женскій монастырь, другая—собраніе болгарскихъ и биярскихъ древностей и Минцъ-кабинетъ А. О. Лихачева, третья—сосредоточенный архивъ упраздненныхъ судебныхъ учреждений Казанской губерніи, при Казанскомъ Окружномъ судѣ.

IX.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ВЫСТАВКИ.

При четвертомъ Археологическомъ Сѣздѣ была устроена въ залахъ Императорскаго Казанскаго университета, гдѣ происходили засѣданія Сѣзда, временная выставка древностей, памятниковъ языка и этнографическихъ предметовъ. Выставка была открыта ежедневно по утрамъ для членовъ Сѣзда, а для публики послѣ полудня. Подробный указатель выставки былъ составленъ графомъ А. С. Уваровымъ, В. В. Радловымъ, И. Я. Порфирьевымъ, І. О. Готвальдомъ, Д. А. Корсаковымъ, В. К. Савельевымъ, Н. И. Ивановскимъ, И. А. Износковымъ и И. И. Журавлевымъ. Не смотря на то, что подробный указатель былъ напечатанъ какъ приложение къ „Извѣстіямъ Сѣзда“, выходящимъ во время его засѣданій, мы считаемъ полезнымъ составить краткій перечень главныхъ отдѣлений Выставки.

Зала I.

Древности первобытныя.

1-е Отдѣленіе: Атласъ сибирскихъ древностей, составленный В. В. Радловымъ и вывѣшенный на стѣнахъ первой залы.

- 1) группа: каменные изваянія, развалины строеній, надписи и изображенія на скалахъ и могильныхъ камняхъ . . . 24 таб.
- 2) группа: {
- 3) группа: { бронзовый и мѣдный вѣкъ въ системѣ верхняго
- 4) группа: { Енисея, и въ Алтайскихъ горахъ. 53 таб.
- 5) группа: }
- 6) группа: начало желѣзнаго вѣка въ Алтайѣ 21 таб.
- 7) группа: продолженіе желѣзнаго вѣка:
 - а) новаго киргизскаго періода по системѣ р. Абакана;
 - б) древности изъ новѣйшихъ кургановъ по системѣ рѣки Чулыма 16 таб.
- 8) группа: желѣзный вѣкъ въ Киргизской степи и въ Западной Сибири 22 таб.

СХLII

<i>2-е Отдѣленіе:</i> Каменные орудія Владимірской губерніи. Муромскаго уѣзда (коллекція графа А. С. Уварова).	
1) находки у села Карачарова	102 №№
2) находки въ имѣніи князя А. С. Голицына	185 №№
<i>3-е Отдѣленіе:</i> Древности нѣкоторыхъ восточныхъ и центральныхъ губерній Россіи и Сибири.	
1) <i>группа:</i> Сибирскія древности бронзоваго вѣка	4 №
2) <i>группа:</i> Вятской губерніи.	78 —
3) <i>группа:</i> Архангельской губерніи.	9 —
4) <i>группа:</i> Уфимской губерніи	4 —
5) <i>группа:</i> Костромской губерніи	18 —
6) <i>группа:</i> Нижегородской губерніи	23 —
<i>4-е Отдѣленіе:</i> Древности Казанской губерніи.	
1) <i>группа:</i> изъ могилъ горныхъ Черемисъ Козмодемьянскаго уѣзда	9 таб.
2) <i>группа:</i> черепа	21 №№
3) <i>группа:</i> изъ этнографическаго музея Императорскаго Казанскаго университета:	
а) различныя древности	37 №№
б) изъ Селитрянаго городка Астраханской губерніи.	34 —
в) изъ Билярскаго городища.	64 —
г) изъ Булгарскаго городища	65 —
4) <i>группа:</i> Коллекція А. О. Лихачева.	
а) каменные орудія изъ Булгарь	26 —
б) бронзовыя вещи Казанской губерніи	5 —
в) конусообразныя сосуды изъ Билярска и Булгарь.	5 —
г) пронизки изъ Булгарь	135 таб.
<i>5-е Отдѣленіе:</i> Древности Юго-западныхъ губерній.	
1) <i>группа:</i> древности Кіевской губерніи.	33 №№
2) <i>группа:</i> древности Черниговской губерніи	18 —
<i>6-е Отдѣленіе:</i> Древности Петербургской губ. (коллекція Л. К. Ивановскаго).	
1) <i>группа:</i> Царскосельскаго уѣзда.	19 таб.
2) <i>группа:</i> Петергофскаго уѣзда	9 таб.

Зала II.

Памятники языка, письма, искусства и художества.

<i>1-е Отдѣленіе:</i> Различныя книги и иллюстрированныя изданія, касающіяся до этнографіи восточной Россіи	
	7 назв.
<i>2-е Отдѣленіе:</i> Рукописи изъ Соловецкой библиотеки	
	65 —
<i>3-е Отдѣленіе:</i> Рукописи Казанскаго Университета.	
	31 —

СХLIII

<i>4-е Отдѣленіе:</i> Рукописи и книги, доставленныя различными учрежденіями и лицами	18 —
<i>5-е Отдѣленіе:</i> Грамоты	16 —
<i>6-е Отдѣленіе:</i> Книги по изученію инородцевъ Казанскаго края (П. Д. Шестакова)	19 —
<i>7-е Отдѣленіе:</i> Рукописи на восточныхъ языкахъ	12 —
<i>8-е Отдѣленіе:</i> Ярлыки разныхъ средне-азіатскихъ хановъ и снимки надгробныхъ надписей	47 №№
<i>9-е Отдѣленіе:</i> Предметы искусствъ	7 —

Зала III.

Монеты и древности восточныя.

<i>1-е Отдѣленіе:</i> Собраніе монетъ А. С. Реунова: 17 группъ иностранныхъ монетъ и 20 группъ русскихъ монетъ.	
<i>2-е Отдѣленіе:</i> (обраніе восточныхъ древностей Д. О. Петрова-Борзны.	
1) <i>группа:</i> камни	71 №№
2) <i>группа:</i> камни съ надписями, печати и различныя вещи	111 —
3) <i>группа:</i> амулеты	7 —
4) <i>группа:</i> украшенія и игрушки	53 —
5) <i>группа:</i> монеты серебряныя:	
а) не-мусульманскія	272 №№
б) мусульманскія (14 династій)	
6) <i>группа:</i> различныя предметы искусства.	
<i>3-е Отдѣленіе:</i> Древнія русскія монеты изъ музея Императорскаго Казанскаго университета.	
1) <i>группа:</i> удѣльныхъ княжествъ	57 №№
2) <i>группа:</i> московскія	388 —
3) <i>группа:</i> Петра Великаго	144 —
<i>4-е Отдѣленіе:</i> Карты Туркестанскаго края	4 —

Зала IV.

Современная этнографія и народный бытъ.

Поясной портретъ Императора Петра Великаго, второй половины XVIII ст., принадлежащій А. Г. Осовину.

<i>1-е Отдѣленіе:</i> Раскольничьи портреты, картины и вещи, доставленныя изъ Министрства Внутреннихъ Дѣлъ кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ.	40 №№
<i>2-е Отдѣленіе:</i> Книги, составляющія раскольничью литературу, доставленныя имъ-же	20 —

3-е Отдѣленіе:	Большая этнографическая карта Казанской губерніи, составленная Н. А. Износковымъ	
4-е Отдѣленіе:	Книги, изданныя въ г. Казани.	38 —
5-е Отдѣленіе:	Образцы тканей у инородцевъ	
	1) группа: Башкиръ Белебеевскаго уѣзда	16 —
	2) группа: Башкиръ Бирскаго уѣзда	41 —
	3) группа: Черемись Ядринскаго уѣзда	15 —
6-е Отдѣленіе:	Костюмы различныхъ инородцевъ.	
	1) группа: Коллекція вышитыхъ одеждъ инородцевъ Казанской губерніи.	
	а) Мордвы	2 —
	б) Татарь	5 —
	в) Черемись.	19 —
	г) Чувашь	83 —
	2) группа: различныя части костюма Черемись.	16 —
	3) группа: чувашскія вещи	48 —
	4) группа: инородческія издѣлія.	17 —
	5) группа: фотографія типовъ разныхъ инородцевъ	39 —
7-е Отдѣленіе:	Коллекція буддійскихъ вещей.	
	1) группа: Идолы и принадлежности буддійскаго богослуженія изъ музея Казанскаго университета	9 —
	2) группа: Изображенія буддійскихъ божествъ, доставленныя изъ Иркутска	6 —
	3) группа: Талпсманы (оттуда-же).	4 —

ВОПРОСЫ ОБЩИЕ.

ОБЪ ОСНОВАНІИ ВЪ КАЗАНИ УЧЕНАГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И
ЭТНОГРАФІИ КАЗАНСКАГО КРАЯ.

Нѣсколько соображеній по 1-му вопросу программы IV-го Археологическаго Съѣзда.

Д. А. Корсакова.

(Читано въ засѣданіи по Общимъ вопросамъ, 5 августа.—См. Протоколы, стр. LVI—LX).

Одною изъ самыхъ существенныхъ задачъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ является изученіе памятниковъ мѣстной областной древности и старины. Для осуществленія этой задачи два послѣднихъ съѣзда были созваны въ центрахъ весьма важныхъ этнографически-историческихъ областей земли Русской, различающихся какъ по своему этнографическому составу, такъ и по исторической судьбѣ: третій съѣздъ имѣлъ свои засѣданія въ Кіевѣ, колыбели русской цивилизаціи, исконномъ средоточіи южнорусской жизни; настоящій съѣздъ собрался въ Казани, этомъ послѣднемъ гнѣздѣ ужасной нѣкогда для Руси татарской силы, съ разрушеніемъ котораго Русскій народъ явился побѣдителемъ Востока.

На Казанскій Археологическій Съѣздъ возлагались большія надежды еще до его открытія, отъ него ожидаютъ обильныхъ научныхъ результатовъ и теперь, при началѣ его сессій. А. А. Гатцукъ въ своей „Газетѣ“ (см. № 31 за текущій годъ, стр. 565) и г. Альфредъ Рамбо въ „Revue politique et littéraire“ (№ 44, Les études archéologiques en Russie. Le congrès de Kasan)—выражали убѣжденіе, что IV-й Археологическій Съѣздъ дастъ богатые вклады въ русскую науку изслѣдованіемъ первобытныхъ и историческихъ древностей Волжско-Камскаго края. То же убѣжденіе высказывали въ своихъ вступительныхъ рѣчахъ при открытіи нашего съѣзда графъ А. С. Уваровъ и П. Д. Шестаковъ. Нѣкоторые ученые распространяютъ свои надежды еще дальше. С. М. Шпилевскій въ своемъ сообщеніи на засѣданіи отдѣленія исторической географіи и этнографіи высказалъ

мысль объ основаніи въ Казани ученаго общества для изслѣдованія мѣстныхъ археолого-этнологическихъ вопросовъ. Есть иногородные и иностранные любители старины и археологи, которые отождествляютъ Казанскій археологическій съѣздъ съ несуществующимъ еще у насъ археологическимъ обществомъ: такъ напримѣръ, настоятель Ладожскаго Никольскаго монастыря о. Антоній присылаетъ двѣ старинныя монеты въ даръ казанскому археологическому обществу; въ это же общество адресуетъ свои сообщенія Съѣзду докторъ Вапкель изъ Бланско (въ Моравіи).

Съ мыслью объ основаніи въ Казани общества для изслѣдованія мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи выступаю въ настоящее время и я.

Изъ приведенныхъ фактовъ нельзя не вывести заключенія, что весьма многіе убѣждены въ необходимости особаго ученаго общества для изслѣдованія нашей мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи. Но имѣемъ-ли мы Казанцы достаточно ученыхъ силъ и средствъ для этой цѣли, каковъ районъ *мѣстныхъ* ученыхъ изслѣдованій, изъ чего состоитъ матеріаль, подлежащій изученію предполагаемаго общества?—вотъ вопросы, на которые уже указывали болѣе мени компетентныя лица, многоуважаемые сочлены наши: графъ А. С. Уваровъ, П. Д. Шестаковъ, Альфредъ Рамбо, А. А. Гатцукъ и С. М. Шпилевскій, и на которыхъ я тѣмъ не менѣе позволю себѣ еще разъ остановить благосклонное вниманіе гг. членовъ IV-го Археологическаго Съѣзда.

Отвѣтомъ на первый вопросъ являются программа нашего Съѣзда и ученые труды по изученію края, какъ издачныя къ открытію Съѣзда, такъ и прежде появившіяся.

Среди вопросовъ и запросовъ программы отведено много мѣста археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. Сообщенія, отвѣчающія на вопросы и запросы программы, частію уже реферировались передъ вами, м.м. г.г., частію еще ожидаютъ своей очереди. Ученныя достоинства первыхъ уже оцѣнены вами, вторыхъ подлежатъ оцѣнкѣ. Всѣ эти сообщенія, за малыми исключеніями, принадлежатъ мѣстнымъ казанскимъ ученымъ. Отдѣльныя изданія къ Съѣзду по мѣстной археологіи и исторіи суть слѣдующія: профессора *С. М. Шпилевскаго*, „Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, протоіерея *П. Е. Заринскаго*, „Очерки древней Казани“ (съ планомъ) и „Списокъ съ Писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ, 1566—1568 гг.“, изд. казанскою духовною академіею. Только что названная книга *С. М. Шпилевскаго* есть сводъ всего, что сдѣлано до сего времени по разработкѣ вещественныхъ памятниковъ нашей мѣстной древности и старины. Разработка эта впрочемъ еще далеко не полна. Этнографія и исторія Казанскаго края разработаны несравненно больше его археологіи. Изученіе мѣстныхъ этнографическихъ особенностей Казанскаго края

началось съ XVIII в. Татищевъ, Мюллеръ, Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ—работали надъ уясненіемъ быта и нравовъ здѣшнихъ инородцевъ. Въ XIX-мъ вѣкѣ труды г.г. Сбоева, Лаптева, Риттиха, П. Д. Шестакова, Н. И. Золотницкаго, Н. И. Ильминскаго, Л. А. Износкова, Е. А. Малова—способствовали много къ уясненію особенностей здѣшняго инородческаго населенія. Рычковъ, Фуксъ, Рыбушкинъ, Бажановъ, Артемьевъ, Ешевскій разрабатывали исторію края. Я не называю весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи монографій, разбросанныхъ по мѣстнымъ изданіямъ и затрогивающихъ спеціальныя вопросы изъ нашей мѣстной исторіи.

Приведенныя мною выше почтенныя имена мѣстныхъ казанскихъ ученыхъ, изъ числа которыхъ многіе присутствуютъ на нашемъ Съѣздѣ, смѣю думать, ясно доказываютъ, что учеными силами мы не бѣдны. Эти силы соединяются въ настоящее время въ Съѣздѣ, до котораго онѣ были одиноки, разобщены, разбросаны. Съѣздъ является прототипомъ Казанскаго археолого-этнографическаго общества.

Каковъ-же районъ изслѣдованій этого общества, въ чемъ заключается матеріалъ для его ученыхъ изученій? На этихъ вопросахъ я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Районъ этотъ опредѣляется территоріей средняго теченія Волги и ея низовья и большей части теченія Камы. Отсюда названіе района—край Волжско-Камскій. На этой территоріи встрѣчаемъ мы въ то еще стародавнее время, когда русская историческая жизнь только что зарождалась, два царства съ богатой восточной культурой: въ среднемъ Поволжьѣ и по Камѣ—царство Булгарское и въ низовьяхъ Волги—часть царства Хазарскаго. Позднѣе, послѣ наплыва въ Волжско-Камскій край дикихъ монгольскихъ ордъ, на мѣстѣ двухъ этихъ царствъ возникаетъ улусъ Джучіевъ, а вслѣдъ за нимъ, на его развалинахъ—два новыхъ монгольско-татарскихъ царства: на территоріи булгарской—царство Казанское, а въ низовьяхъ Волги царство Астраханское. Границы Волжско-Камскаго края опредѣлить съ точностью невозможно, возможно только приблизительно. Въ этомъ смыслѣ западной границей его можетъ быть почтена Ока съ ея правыми притоками; южной границей—верховья Дона и его притоковъ и Хвалисское (Каспійское) море; восточная граница упиралась въ рѣку Микъ (Ураль), теряясь въ „Камнѣ“ (горахъ Уральскихъ), а сѣверная убѣгала въ правые притоки Камы, доходя до средняго теченія этой рѣки. Значительная часть области рѣки Вятки, одного изъ правыхъ притоковъ Камы, выходитъ за предѣлы очерченной территоріи: это земля Вятская, Хлыновская. Она составляетъ часть территоріи Волжско-Камскаго края лишь своимъ низовьемъ. Верховья Камы притягивались историческою жизнію къ области рѣки Печоры, составляя вмѣстѣ съ нею землю Пермскую (Віармію). Со второй половины XVI в., послѣ покоренія

Русскими Казани и Астрахани, Волжско-Камскій край въ очерченныхъ границахъ управлялся изъ Москвы особымъ учрежденнымъ тамъ приказомъ подъ названіемъ *Приказа Казанскаго Дворца*, который существовалъ до 1708 г. Въ этотъ годъ, когда вся Россія впервые была раздѣлена на губерніи, всѣ города подчиненные Приказу Казанскаго Дворца составили *Казанскую губернію*. Въ такихъ предѣлахъ она существовала до 1719 года, когда въ низовьяхъ Волги была образована новая губернія *Астраханская*. Учрежденіе о губерніяхъ Екатерины II раздробило эти двѣ громадныя губерніи на болѣе мелкія. Въ настоящее время въ составъ Волжско-Камскаго края входятъ слѣдующія губерніи и уѣзды: 1) южная (наибольшая) часть губерніи Нижегородской (уѣзды между правой стороной Волги и Окой), 2) юго-восточная часть Вятской губерніи (уѣзды—Яранскій, Уржумскій, Малмыжскій, Елабужскій, Сарапульскій), 3) южные уѣзды Пермской губерніи (Осинскій, Охотскій, Красноуфимскій), 4) губернія Казанская, 5) губернія Уфимская, 6) губернія Оренбургская, 7) земля Уральскаго войска, 8) губернія Астраханская, 9) губернія Саратовская, 10) губернія Самарская, 11) губернія Симбирская, 12) губернія Пензенская. Кромѣ того, къ Волжско-Камскому краю могутъ быть также отнесены Елатемскій и Темниковскій уѣзды Тамбовской губерніи, занимающіе область р. Мокши, праваго притока Оки.

Культурно-историческое и экономическое единство Волжско-Камскаго края сознавалось русскимъ правительствомъ и послѣ раздробленія первоначальной Казанской губерніи на болѣе мелкія административныя единицы. При основаніи Казанскаго университета всѣ перечисленныя губерніи края вошли въ составъ Казанскаго учебнаго округа. Разныя спеціальныя военные и административныя округа, какъ напримѣръ внутренней стражи, путей сообщенія и т. п.—охватывали, за малыми исключеніями, тѣ же губерніи. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія, почти въ тѣхъ же предѣлахъ былъ учрежденъ Казанскій военный округъ.

Казань со времени своего основанія была религіознымъ, умственнымъ и торгово-экономическимъ центромъ всего Волжско-Камскаго края. Этимъ центромъ была она и въ татарско-мусульманскую эпоху, и въ эпоху русско-христіанскую. Чудотворная икона Казанской Божіей Матери и Казанскіе православные чудотворцы, представители христіанской культуры, святые Гурій, Варсанофій и Германъ—стали покровителями всего края. Основаніе университета въ Казани сдѣлало ее умственнымъ центромъ всей восточной части европейской Россіи. Поэтому всю эту часть, весь Волжско-Камскій край можно назвать *Казанскимъ краемъ* ⁽¹⁾.

(1) Въ недавнее время явилась мысль о литературно-публицистическомъ объединеніи нашего края; эта мысль нашла себѣ выраженіе въ издававшейся въ Казани *Камско-Волжской газетѣ* (1872—1874 гг.).

Но въ болѣе тѣсномъ, въ болѣе частномъ смыслѣ Казанскимъ краемъ можетъ быть признана территорія бывшаго Казанскаго царства и вмѣстѣ съ тѣмъ территорія болѣе древняго царства Булгарскаго. Границы этой территоріи столь же неопредѣленны, какъ общія границы Волжско-Камскаго края. Западныя, сѣверныя и восточныя границы ея суть границы этого края и указаны выше. Южная граница теряется въ степяхъ, отдѣлявшихъ Булгарское царство отъ Хазарскаго и Казанское отъ Астраханскаго. Эта граница приблизительно могла идти до такъ называемой Самарской Луки и теперешней южной границы Симбирской губерніи. Такимъ образомъ, въ частномъ смыслѣ подъ Казанскимъ краемъ можно разумѣть всю сѣверную, верхнюю часть Волжско-Камскаго края. Теперешнія губерніи Саратовская, Астраханская, Оренбургская и земля Уральскаго войска должны быть исключены изъ территоріи Казанскаго края въ этомъ, болѣе частномъ, смыслѣ.

Различныя племена двигались на обширной территоріи Волжско-Камскаго края за много столѣтій до основанія здѣсь царствъ Булгарскаго и Хазарскаго, въ тѣ отдаленныя времена, которыхъ не помнитъ исторія. Это была большая дорога, черезъ которую проходили народы изъ Азіи въ Европу. Отъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ въ нашей мѣстности остались осколки, обрывки—каменные, бронзовые и желѣзные орудія и курганы, нѣмые свидѣтели и остатки жившихъ здѣсь до-историческихъ людей. Тѣмъ же характеромъ перепутья запечатлѣна наша мѣстность и въ историческое время. Исторія учитъ насъ, что тутъ обитали племена финскія и тюркскія, что среди нихъ постоянно проходили другія разноплеменные народности. „На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы“, говоритъ С. В. Ешевскій, „сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было физическихъ преградъ къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія, тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожительство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ различныхъ по происхожденію племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ со всѣми особенностями языка и быта“⁽¹⁾. По этому то такъ затруднительны всѣ археолого-этнографическія изслѣдованія нашего края.

Объ этнографическомъ составѣ Булгарскаго царства идутъ до сихъ поръ ученые споры. Состояло-ли населеніе этого царства изъ сплошнаго, однороднаго племени Булгарь, или же Булгары были только однимъ изъ племенъ, населяв-

⁽¹⁾ Вѣстн. Евр. 1866 г., т. I, отд. I, с. 216, статья «Русская колонизація сѣверо-восточнаго края».

шихъ это царство и давшихъ имя странѣ? Къ какому племени принадлежали Булгары? Въ какомъ изъ теперешнихъ племенъ средняго Поволжья можно искать ихъ потомковъ? Какое отношеніе волжскіе Булгары имѣютъ къ Болгарамъ дунайскимъ? Всѣ эти вопросы до сихъ поръ не разрѣшены наукой положительно, да и наврядъ-ли когда либо могутъ быть разрѣшены должнымъ образомъ. Населеніе Хазарскаго царства было самое пестрое. Въ Булгарскомъ царствѣ вѣдрилась цивилизація арабско-мухаммеданская, въ Хазарскомъ—еврейская. Въ Булгарскую эпоху въ среднее и нижнее Поволжье проникали Славяне, Греки и Славяно-Руссы изъ Новгорода и Суздаля, Скандинавы, Арабы, Армяне, а также и нѣкоторые изъ чуждскихъ племенъ верхняго Поволжья⁽¹⁾. Въ монголо-татарскую эпоху здѣсь являются Славяне изъ русскихъ земель: удалые укшуйники новгородскіе и плѣнные изъ разныхъ русскихъ областей. Послѣ покоренія Іоанномъ IV Казани и Астрахани приливъ русскихъ людей въ Волжско-Камскій край усиливается: начинается болѣе правильная колонизація края. Современное намъ населеніе этого края представляетъ смѣсь тюрко-финскихъ племенъ и Татаръ съ Русскими. Этнографическое разнообразіе здѣшней мѣстности поразило императрицу Екатерину II въ бытность ея въ Казани. Вотъ что писала она изъ нашего города Вольтеру 29 мая 1767 г. „Me voici en Asie; j'ai voulu voir cela par mes yeux. Il y a dans cette ville 20 peuples divers, qui ne se ressemblent point du tout. Il faut pourtant leur faire un habit qui leur soit propre à tous. Ils peuvent se bien trouver des principes généraux, mais les détails? Et quels détails! J'allais dire—c'est presque un monde à créer, à unir, à conserver etc. Je ne finirai pas et en voilà cependant beaucoup trop de toutes façons“⁽²⁾.

⁽¹⁾ Въ одной русской Космографіи XVII в. читаемъ: „Подъ тоюжъ областію земли Поволскіе, государства Казанскаго, державы Россійскія, именуемые улусы Тотарскія..... жители великія рѣки Камскія, и Уеъ, и прочихъ великихъ рѣкъ разноязычествія: Козары, и Балымы, и Болгары, ижъ и ушлецы земли Ростовскія, ушедше бо отъ св. крещенія во идолопоклоненіе, и тамо кочевное житіе тотарское, вѣры безсерменскія изволиша“ (См. Сборн. И. Публ. Библ., рукописи № 1576) — «Черемиса, зовомая Отяки, тоеже глаголются Ростовская чернь, забѣвшихъ тоже отъ русскаго крещенія и вселившимъ имъ въ Болгарскихъ жилищъ»; Ист. о Каз. царствѣ, изд. 1791, с. 3.

⁽²⁾ «Вотъ я и въ Азія; мнѣ хотѣлось ее видѣть своими глазами. Въ здѣшнемъ городѣ находится двадцать различныхъ народовъ, не имѣющихъ между собою ни малѣйшаго сходства, а между тѣмъ имъ надобно сдѣлать платье, которое бы годилось для нихъ всѣхъ. Могутъ быть хорошо найдены общія начала, но подробности? И какія подробности! Я бы сказала, что это почти что создать новый міръ, соединить, сохранить его и пр. Я не кончу однако если буду такъ распространяться, хотя и наговорила очень много о разныхъ разностяхъ». (Сб. Рус. Ист. Общ. т. X, стр. 204).

Такимъ образомъ прежнее и теперешнее населеніе Волжско-Камскаго края представляютъ богатый, но далеко еще не разработанный матеріаль для археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій.

Не менѣе любопытна и исторія этого края: она есть повѣсть о борьбѣ русскаго народа съ востокомъ и о побѣдѣ надъ нимъ.

Археологическій матеріаль можетъ быть подведенъ подъ слѣдующія рубрики: 1) Археологія первобытная. Остатки каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ: каменные, бронзовые и желѣзные орудія; антропологическое изученіе череповъ и костей; курганы и древнѣйшіе могильники. 2) Археологія историческая. Вещественные остатки царствъ Булгарскаго, Хазарскаго, Джучіева улуса, царствъ Казанскаго и Астраханскаго (курганы, городища, насыпи, зданія, мозаика, одежда и разныя украшенія, оружіе, утварь, монеты); вещественные памятники русской народности.

Обитающіе въ краѣ въ настоящее время инородцы составляютъ главный матеріаль для этнографическихъ изслѣдованій: ихъ антропологическій строй, языкъ, бытъ домашній и общественный, религіозныя вѣрованія, преданія, народное творчество. Весьма важно также изучить особенности пришлага сюда русскаго населенія и географическую номенклатуру въ краѣ: названія населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ, горъ, урочищъ.

Исторія Волжско-Камскаго края, открываясь исторіею двухъ царствъ—Булгарскаго и Хазарскаго, оканчивается современной намъ общественною жизнью средняго и нижняго Поволжья. Главнѣйшіе моменты этой исторіи суть слѣдующіе:

1) Исторія Булгарскаго царства (IX—XIII в.в.). Исторія Хазарскихъ владѣній въ Поволжьи.

2) Исторія укрѣпленія на Волгѣ Монголовъ; улусъ Джучіевъ; царства Казанское и Астраханское (XIII—полов. XVI в.).

3) Исторія Волжско-Камскаго края подъ русскимъ владычествомъ (1552—1877 г.) распадается на три главнѣйшихъ періода. Первый періодъ, съ 1552 по 1689 г.: утвержденіе русской власти, заселеніе края Русскими и ихъ отношеніе къ мѣстнымъ инородцамъ; распространеніе христіанства и основаніе монастырей; край въ смутное время Московскаго государства; понизовая вольница, Разинъ; распространеніе раскола. Второй періодъ, съ 1689 по 1801 г.: преобразованія Петра В.; развитіе крѣпостнаго права; Пугачевъ. Третій періодъ, съ 1801 по 1877 г.: основаніе университета; отраженіе общерусскихъ событій XIX в. въ нашемъ краѣ: 1812-й годъ, Крымская война, освобожденіе крестьянъ, земство и судебная реформа.

Я не стану касаться вещественныхъ памятниковъ древности и старины Волжско-Камскаго края, потому что среди членовъ Съезда находится много лицъ несравненно болѣе меня свѣдущихъ въ дѣлѣ изученія архелогическаго матеріала; пройду также молчаніемъ памятники языка и народнаго творчества, которые должны найти себѣ мѣсто въ изученіи этнографіи нашего края. Такъ какъ по своей профессіи я больше знакомъ съ письменными источниками исторіи средняго и нижняго Поволжья, я позволю себѣ, м.м. г.г., возобновить въ вашей памяти лишь то, что сдѣлано по собранію, сохраненію и изслѣдованію этихъ источниковъ. Я ограничусь временемъ русскаго владычества, потому что не будучи ориенталистомъ, не могу взять на себя смѣлости высказывать сужденіе о восточныхъ источникахъ исторіи здѣшняго края. Рѣшаюсь лишь выразить предположеніе, что въ монгольскихъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ могутъ быть найдены не лишеныя интереса данныя для исторіи татарскаго періода Волжско-Камскаго края.

Письменные источники здѣшней мѣстной исторіи по общепринятой группировкѣ могутъ быть подведены подъ слѣдующія главнѣйшія рубрики: 1) Надписи. 2) Лѣтописи. 3) Отдѣльныя сказанія, житія святыхъ, повѣсти о монастыряхъ и чудотворныхъ иконахъ. 4) Государственныя и юридическія акты и грамоты. 5) Сказанія современниковъ Русскихъ. 6) Сказанія современниковъ иностранцевъ. 7) Литературныя произведенія богословскія, ученныя, поэтическія, публицистическія.

1) **Надписи** здѣшняго края на могильныхъ камняхъ, на церквахъ, иконахъ, колоколахъ, церковныхъ облаченіяхъ, на церковной и домашней утвари, на оружьи, книгахъ—не только не обследованы, но даже не приведены въ извѣстность. Необходимо заняться ихъ собраніемъ.

2) **Русскія лѣтописи**, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о Волжско-Камскомъ краѣ, хотя болшею частію изданы, но не изслѣдованы критически. „Исторія о Казанскомъ Царствѣ“, приписываемая Глазатому, ждетъ лучшаго изданія и болѣе спеціальнаго критическаго изученія; отдѣльныя мѣста, касающіяся взятія Казани и другихъ событій изъ исторіи здѣшняго края, находящіяся въ Царственной Книгѣ и въ лѣтописяхъ XVI в.: Александроневской, такъ наз. Русской и другихъ—должны быть сопоставлены другъ съ другомъ и съ „Исторіей о Казанскомъ царствѣ“. Стольникъ Андрей Лызловъ, въ своей компиляціи: „Сѣвская исторія“ (написана въ 1692 г., изд. въ 1-й разъ въ Спб. 1776 г., во 2-й разъ въ М. 1787 г.), пользовался для изложенія исторіи отношеній Московскаго государства къ Казани до ея покоренія и исторіи завоеванія Казани и Астрахани—нѣкоторыми лѣтописями доселѣ неизданными, напр. лѣтописью Засѣкина.

3) Походъ царя Іоанна Васильевича подъ Казань 1551—1552 гг. былъ религіознымъ паломничествомъ, крестовымъ походомъ противъ мусульманъ. Преп. Сергій Радонежскій, благословлявшій, по преданію, Дмитрія Донскаго на брань съ Мамаемъ, одушевлялъ, также на основаніи преданія, полки царя Іоанна IV, являясь въ видѣніяхъ ратникамъ и укрѣпляя въ нихъ мужество. Взятіе Казани было побѣдой не только политической, но и религіозной. Разныя редакціи житія св. Сергія Радонежскаго должны быть поставлены во главѣ житій святыхъ нашего края—Гурія, Варсонофія, Германа и подвижниковъ въ немъ на поприщѣ религіознаго служенія. Первый Казанскій митрополитъ, знаменитый патріотъ смутной эпохи Гермогенъ составилъ сказаніе объ обрѣтеніи въ Казани столь извѣстной въ настоящее время чудотворной иконы Божіей Матери. Сказанія объ основаніи въ нашемъ краѣ монастырей, раздвигавшихъ предѣлы русско-христіанской культуры, представляютъ очень много важныхъ историческихъ данныхъ. Всѣ эти памятники слѣдуетъ тщательно пересмотрѣть и изданные изъ нихъ переиздать.

4) Громадная масса государственныхъ и юридическихъ актовъ и грамотъ до сихъ поръ не издана и покоится въ архивахъ мѣстныхъ и столичныхъ. Попытка С. И. Мельникова издать сборникъ мѣстныхъ актовъ (Казань, 1855 г.) остановилась на первомъ выпускѣ и не нашла подражателей. Въ губернскихъ вѣдомостяхъ и памятныхъ книжкахъ статистическихъ комитетовъ губерній нашего края напечатано очень много историческихъ и юридическихъ актовъ, но малодоступность этихъ изданій не даютъ возможности пользоваться ими въ должной мѣрѣ. Насколько важны и любопытны данныя изъ государственныхъ и юридическихъ актовъ и грамотъ касающіяся исторіи русской колонизаціи въ Поволжьи—видно изъ „извлеченій изъ Казанскихъ писцовыхъ книгъ XVI в.“, о которыхъ я говорилъ выше, и изъ интереснаго реферата И. Я. Христофорова о рукописяхъ Карамзинской библіотеки.

Сколько фамилныхъ документовъ гибнетъ безслѣдно въ частныхъ рукахъ! Многіе помѣщики и представители старинныхъ купеческихъ фамилій Казанскаго края владѣютъ весьма интересными въ историческомъ отношеніи документами, но лишь немногіе изъ нихъ сочувственно отнеслись на призывъ нашего предварительнаго комитета—доставить Съѣзду фамилные документы. Исключеніе составляютъ: Казанскій губернский предводитель дворянства А. Г. Осокинъ, Г. В. и М. М. Молоствовы, С. В. Дьяченко и симбирскій помѣщикъ князь В. И. Баюшевъ. Самыя любопытныя изъ жалованныхъ грамотъ, доставленныхъ ими, находятся на выставкѣ при Съѣздѣ. Интересная коллекція князя Баюшева, заключающая въ себѣ до 350 актовъ, разобрана Н. П. Загоскинымъ, который представитъ о ней особое сообщеніе.

Правительственные архивы въ Казани и Симбирскѣ истреблены пожарами, но за то остались въ цѣлости архивы другихъ губерпскихъ городовъ, городовъ уѣздныхъ и монастырей Волжско-Камскаго края. Важнѣйшія дѣла старыхъ судебныхъ мѣстъ Казанской губерніи, уничтоженныхъ со введеніемъ судебной реформы, соединены въ особомъ архивѣ при Казанскомъ Окружномъ Судѣ и разобраны командированнымъ г. министромъ юстиціи Н. В. Тихменевымъ. Архивъ старыхъ дѣлъ Казанскаго Окружнаго Суда устроенъ образцово и, благодаря просвѣщенному содѣйствию г. предѣдателя этого Суда Л. І. Грасса, открытъ для посѣщенія членовъ нашего Съѣзда. Весьма важны архивы трехъ Казанскихъ монастырей: Свіяжскаго, Седміозернаго и Раюскаго.

5) М е м у а р о в ь и п и с е м ь современниковъ Русскихъ, касающихся исторіи Волжско-Камскаго края, немного, но они представляютъ большой интересъ для этой исторіи, главнымъ образомъ за XVIII и XIX в.в. К н. К у р б с к і й, участникъ взятія Казани Іоанномъ IV-мъ, оставилъ обстоятельное описаніе осады и штурма нашего города въ 1552 году. Ужасы Пугачевщины переданы очевидцами—Д. Б. М е р т в а г о (Записки его изданы въ Русскомъ Архивѣ 1867 г.) и Д. Н. Р у н и ч е м ь (Русск. Стар. 1870 г., т. II-й, кн. 8-я). Въ „Семейной хроникѣ“ (М. 1856) и „Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука“ (М. 1858) С. Т. А к с а к о в а сохранены драгоценныя для историка бытовыя черты изъ жизни волжско-камскаго помѣщика XVIII в. Личныя воспоминанія С. Т. Аксакова (изд. вмѣстѣ съ „Семейной хроникой“) и „Воспоминанія“ В. И. П а н а е в а (Вѣстн. Евр. 1867 г., кн. 3 и 4) открываютъ передъ нами эпоху зарожденія въ Казани университета и возбужденія въ ней литературной дѣятельности въ началѣ текущаго столѣтія. Весьма интересны письма Е к а т е р и н ы II къ Н. И. Панину и Вольтеру изъ ея путешествія по Волгѣ въ 1767 г. (Сборн. Рус. Ист. Общ., т. X).

6) Сказанія иностранцевъ о нашемъ краѣ были рассмотрѣны извѣстнымъ изыскателемъ мѣстной исторіи, членомъ-корреспондентомъ IV-го Археологическаго Съѣзда Н. К. Ч у п и н ы м ь (Каз. губ. вѣд. 1851 г. №№ 10—27). Къ сожалѣнію этотъ обзоръ не оконченъ. Не касаясь всѣхъ писателей иностранцевъ о Казанскомъ краѣ съ половины XVI в., припомню имена лишь тѣхъ западныхъ Европейцевъ XVII и XVIII в.в., которые лично были въ Казани, Симбирскѣ, Астрахани и другихъ городахъ средняго и нижняго Поволжья и оставили намъ весьма интересные результаты собственныхъ наблюденій надъ бытомъ и правами обитателей нашего края. Всѣмъ хорошо извѣстный голштинскій географъ и математикъ О л е а р і й проѣхалъ въ тридцатыхъ годахъ XVII в. по Волгѣ до Астрахани. Голландецъ С т р ю й с ь былъ очевидцемъ Разинскаго повстанья. Другой Голлан-

дець, живописецъ де-Бруинъ былъ въ Астрахани въ самомъ началѣ XVIII в.; нѣсколько лѣтъ послѣ него сопровождалъ по Волгѣ русскаго посла въ Персію, А. П. Вольтскаго, англичанинъ Белль д'Антермони⁽¹⁾.

7) Камско-Волжскій край является родиной и мѣстомъ образованія весьма многихъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Этотъ списокъ довольно длиненъ. Достаточно припомнить, что въ немъ стоятъ такія имена, какъ Лобачевскій, Симоновъ, О. М. Ковалевскій, о. Іакинфъ Бичуринъ, Державинъ, Карамзинъ, И. И. Дмитриевъ, С. Т., К. С. и И. С. Аксаковы.

Періодическая пресса возникла въ Казани вслѣдъ за открытіемъ университета. Въ 1811 году является у насъ первая мѣстная газета, издаваемая университетомъ—„Казанскія Извѣстія“. Съ того времени издается въ Казани цѣлый рядъ ученыхъ періодическихъ изданій и газетъ. Въ Казани и въ другихъ городахъ нашего края появляются мѣстные литераторы, публицисты и мѣстные ученые, изучающіе край въ разныхъ отношеніяхъ.

Здѣсь я долженъ закончить мои напомниманія о территоріи Казанскаго края и о находящемся на этой территоріи матеріалѣ археологическомъ, этнографическомъ и историческомъ. Желая одного: чтобы высказанное мною послужило хотя нѣкоторымъ пособіемъ для тѣхъ лицъ, которыя возьмутъ на себя трудъ всесторонне обсудить программу и задачи будущаго Казанскаго ученаго общества. По моему глубокому убѣжденію при началѣ дѣятельности общества задачи его должны быть поставлены какъ можно шире. Специализація вопросовъ въ будущемъ: она вырабатывается со временемъ сама собою путемъ большаго и большаго знакомства съ матеріаломъ, подлежащимъ изученію. Не предрѣшая этого будущаго, позволю себѣ заявить въ какомъ видѣ представляются мнѣ въ настоящее время въ общихъ чертахъ организація общества и ближайшія его задачи.

По характеру матеріала, Казанское ученое общество естественно распадается на три параллельныя самостоятельныя отдѣленія: 1) археологіи (памятники вещественныя) 2) исторіи (памятники письменныя по преимуществу), 3) географіи и этнографіи. При каждомъ отдѣленіи должны быть организованы коллекціи предметовъ, подлежащихъ ученой разработкѣ общества: при 1-мъ отдѣленіи—археологическій музей и нумизматическій кабинетъ; при 2-мъ—архивъ

(¹) Объ Олеаріи и Стрюйсѣ см. у Адельунга: «Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland», Bd. II, S. 299—306; 344—346.—Олеарій переведенъ вполне въ «Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и др.» 1868—1870 гг.; отрывокъ изъ Стрюйса въ «Др. Росс. Вивлію» Повикова, т. I, с. 40—41. Де-Бруинъ изданъ въ русскомъ переводѣ въ «Чт. М. Об. Ист. и др.» 1872 г.; Белль д'Антермони переведенъ еще въ прошломъ столѣтіи (Спб. 1774 г.).

и собраніе рукописей; при 3-мъ—этнографическій музей и собраніе географическихъ и топографическихъ картъ. Кромѣ того, при обществѣ должна быть организована библіотека, состоящая изъ сочиненій какъ общихъ, такъ и частныхъ по изученію Казанскаго края въ обширномъ смыслѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи, обществу, по моему мнѣнію, слѣдуетъ ориентироваться въ матеріалѣ, познакомиться съ тѣмъ, что уже сдѣлано было раньше на поприщѣ его изслѣдованій и съ этой цѣлю остановиться на рядѣ *подготовительныхъ работъ*. Такими работами весьма желательны на первый разъ: 1) полная библіографія по археологіи, исторіи, географіи и этнографіи Казанскаго края, 2) указатель всѣхъ статей, помещенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ этого края, 3) изданіе двухъ сборниковъ: во первыхъ—сборника всѣхъ изданныхъ въ свѣтъ историческихъ и юридическихъ актовъ Казанскаго края съ перечисленіемъ извѣстныхъ изъ числа неизданныхъ и съ указаніемъ на архивы и библіотеки, гдѣ таковыя хранятся; во вторыхъ—сборника всѣхъ статей по археологіи, исторіи, географіи и этнографіи Казанскаго края, напечатанныхъ какъ въ общихъ, такъ и въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, 4) составленіе біографическаго словаря замѣчательныхъ людей Казанскаго края. Много данныхъ для послѣдней работы уже собрано нашимъ сочленомъ, бывшимъ редакторомъ „Камско-Волжской газеты“ Н. Я. Агафоновымъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ трудящимся надъ составленіемъ словаря русскихъ писателей, преимущественно Казанскаго края.

Непосредственная связь будущаго ученаго общества съ университетомъ, при дѣятельномъ участіи Казанской духовной академіи, столь много сдѣлавшей для разработки мѣстной исторіи и учебнаго персонала среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Волжско-Камскаго края—должны служить надежнымъ ручательствомъ прочнаго существованія и плодотворной дѣятельности этого общества. Я увѣренъ, что оно встрѣтитъ просвѣщенное сочувствіе, какъ въ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ равно и въ мѣстной интеллигенціи.

Я уже говорилъ, что нынѣшній Археологическій Съѣздъ является прототипомъ будущаго Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи. Въ заключеніе позволю выразить надежду, что наши почетные гости, столичные, иногородные и иностранные ученые, оживившіе своимъ прибытіемъ въ Казань мѣстную научную дѣятельность, не оставятъ своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и будущаго нашего общества. Ихъ цѣнные вклады въ нашу послѣдующую скромную научную дѣятельность да послужатъ намъ ободреніемъ и примѣромъ.

О РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И СРЕДНЯГО ПОВОЛЖЬЯ ДО XVI ВѢКА.

И. И. Срезневскаго.

(Чтено въ засѣданіи по Общимъ вопросамъ. 17 августа. См. Протоколы, стр. СХХХ—СХХХІ) (¹).

Вотъ уже прошло три столѣтія слишкомъ съ того времени, какъ Поволжье Казанское и болѣе южное вошло въ составъ Русскаго царства и какъ Русскій народъ сталъ сюда переселяться. Уцѣлѣло здѣсь доселѣ значительное количество разныхъ памятниковъ старины русскою, времени Іоанна Грознаго и еще болѣе времени болѣе отдаленнаго, памятниковъ не только малаго размѣра, каковы разные церковные предметы, рукописныя книги, свитки, листы, грамоты, но и большаго, какъ храмы каменные и деревянные, стѣны и валы укрѣпленій и т. п. Не мало изслѣдованій уже сдѣлано многими археологами по этимъ памятникамъ и число такихъ изслѣдованій все болѣе увеличивается. Не мало важныхъ дополненій къ этимъ изслѣдованіямъ поступило и на нынѣшній археологическій съѣздъ.

Какъ ни важны всѣ эти труды, ограничивать кругъ археологическихъ розысканій въ предѣлахъ, указываемыхъ годомъ завоеванія въ Казани и т. д.—невозможно. И въ среднемъ и южномъ Поволжьи надобно искать остатковъ времени болѣе, и даже значительно болѣе, ранняго.

Люди русскіе, переселявшіеся въ новозавоеванныя земли и города, не могли же не брать съ собою хотя кое что изъ того, чѣмъ они особенно дорожили, или что было имъ необходимо. Приносились съ ними образа и кресты, церковныя одежды и облаченія, книги богослужебныя и другія и разныя части и принадлежности вооруженія, украшенія одеждъ, деньги и многое другое. Хотя часть этого принесен-

(¹) Къ реферату слѣдуетъ 6 №№ рисунковъ.

паго состояла не изъ вещей вновь сдѣланныхъ, а изъ старыхъ, старинныхъ, даже древнихъ, особенно цѣнныхъ, хотя частичку этой части можно считать сохранившеюся доселѣ въ рукахъ-ли потомковъ, или гдѣ нибудь подъ какимъ нибудь спудомъ. Эти остатки археологъ долженъ отыскивать съ такою же тщательностью, какъ этнографъ отыскиваетъ въ русскомъ населеніи Поволжья края остатки древняго быта и обычаевъ, а филологъ—остатки древняго языка, вынесенные переселенцами изъ тѣхъ мѣстъ, откуда они выселились.

Какъ ни важны разслѣдованія остатковъ того, что принесено русскими людьми при ихъ переселеніи въ новозавоеванное Поволжье, ими одними не могутъ ограничиться любознательность и надежды археолога.

Не со времени взятія Казани и вселенія русскихъ людей въ новозавоеванное Поволжье стали являться здѣсь русскіе люди. Стали они появляться здѣсь поединчно и массами и за четыре вѣка слишкомъ до этого времени,—съ того времени, какъ русскій народъ вытерпѣлъ первыя впаденія Татаръ въ свою землю. Являлись сюда и плѣнные, и князья—искатели ханской ласки, съ близкими къ себѣ людьми, и посольства и духовенство вмѣстѣ съ іерархами, а потомъ и военныя дружины, бившіяся съ врагами отчизны и пробивавшія путь своимъ пресемникамъ, такимъ же дружинамъ. И въ станахъ Татаръ, и на поляхъ битвъ, и на старыхъ путяхъ подъ землей, и въ развалинахъ зданій—должны были остаться многія и многія различныя вещи этихъ русскихъ людей XIII, XIV, XV и XVI вѣковъ. Даже и не съ татарскаго погрома Русской земли, а со времени еще болѣе ранняго стали являться въ Поволжье русскіе люди: на это есть указанія лѣтописей и другихъ памятниковъ до-татарскаго времени. Эти указанія, уже обратившія вниманіе нашихъ изслѣдователей, касаются не только Руси христіанской, но и до-христіанской.

Всѣ эти указанія должны передѣлаться для археолога въ вопросы, вызывающіе археологическія розысканія остатковъ древности и отъ періода до-татарскаго и отъ періода татарскаго и отъ періода послѣдующаго.

Позволю себѣ представить вниманію сотоварищей по съѣзду и всего многоуважаемаго собранія нѣсколько случайныхъ замѣтокъ объ умѣстности такихъ розысканій, замѣтокъ, указывающихъ, что есть и хранятся хотя и неоцѣненные памятники желанной древности даже въ такихъ мѣстахъ, которыя можно считать болѣе или менѣе общедоступными. Отмѣткою нѣсколькихъ такихъ памятниковъ я обязанъ приему археологическаго съѣзда въ Казани и ея окрестностяхъ.

Такъ въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ хранится каменный аспидный образецъ (выставленный здѣсь увеличеннымъ въ 440 разъ) длиною вершокъ, ши-

риною около $\frac{3}{4}$ вершка, толщиною $\frac{1}{4}$ вершка (¹). На одной сторонѣ вырѣзанъ рельефомъ ликъ святаго съ боковою надписью: ЯИДРЪАС, съ другой вырѣзано также рельефомъ, но очень маленькихъ восемь изображеній, такъ что середину занимаетъ ликъ, кажется, Спасителя съ книгою въ лѣвой рукѣ и съ правою рукою благословляющею. по три изображенія съ двухъ сторонъ главнаго и одно, самое меньшее, внизу между боковыми нижними. Судя по начертанію буквъ, можно, кажется, отнести этотъ образецъ къ XIII в. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи образка, нашлись написи, нарѣзанныя на продольныхъ ребрахъ камня, и, судя по мѣсту занятому нѣкоторыми буквами, нарѣзанныя тогда, когда частичка ребра была уже выщерблена. На одномъ ребрѣ видны начертанія: ги помози ра; на другомъ можно разобрать но не легко: буквы очень мелки и написаны въ нѣсколькихъ строкахъ. Судя по начертанію буквъ, написи эти можно отнести къ XIV вѣку (²).

Затѣмъ въ Свѣяжскомъ женскомъ Св.-Троицкомъ монастырѣ хранится каменный аспидный образецъ съ округленнымъ верхомъ длиною въ вершокъ, шириною около $\frac{3}{4}$ вершка. На одной сторонѣ въ округленномъ сверху углубленіи рельефно изображенъ святитель, благословляющій правою рукою и держащій въ лѣвой рукѣ евангеліе, по сторонамъ лика читаются части имени: ШІ—КОІ. На другой сторонѣ въ такомъ же углубленіи такъ же изображенъ архангелъ Михаилъ въ императорскомъ убранствѣ съ концемъ *лора* въ приподнятой лѣвой рукѣ, а надъ нимъ отъ него святитель или св. инокъ въ мантии, съ правой рукой у груди, можетъ быть благословляющій и съ чѣмъ то похожимъ на чашу въ лѣвой. По начертанію буквъ можно думать, что этотъ образецъ сдѣланъ не позже XII вѣка. Не позже того же вѣка считаетъ графъ А. С. Уваровъ и такое изображеніе архангела Михаила вмѣстѣ со святителемъ, можетъ быть Василиемъ Великимъ. Этотъ образецъ, какъ гласитъ преданіе, занесенъ съ поля въ хлѣвъ коровою въ копытѣ.

Наконецъ еще третья случайная находка, принадлежащая къ XII вѣку,— это рипида мѣдная позолоченная, хранимая въ церкви села Успенскаго, что на развалинахъ Болгарь (³). Нижній конецъ ея, гдѣ была втулка для древка или что нибудь подобное, не уцѣлѣлъ, какъ будто былъ отломленъ; отломлены и пропали и два острыхъ конца, но все это не мѣшаетъ понять, что рипидѣ былъ приданъ видъ четырехконечной звѣзды. На той и на другой сторонѣ доски, украшенной довольно простымъ но изящнымъ узоромъ прибито по пяти выпуклыхъ довольно тонкихъ кружковъ по $1\frac{1}{4}$ вершка въ діаметрѣ: такъ что одинъ занимаетъ

(¹) См. рис. №№ 1 и 2.

(²) См. рис. №№ 3 и 4.

(³) См. рис. №№ 5 и 6.

середину звѣзды, а четыре помѣщены по концамъ звѣзды. На одной сторонѣ начертаны лики: въ срединѣ Спасителя съ написью ІС ХС, на лѣво отъ него Пресвятой Дѣвы съ написью МР ФУ, на право—Іоанна Предтечи съ написью ІС; вверху—архангела МІХІА, внизу—архангела (Гавріила) безъ написи. На другой сторонѣ находятся такіе же парѣзанные лики: въ срединѣ—св. Василій съ написью ІА(С)ИЛЬ, на право—КОЗМА, на лѣво—ДІМНІИТЪ, вверху—КЮРПЛЪ, внизу—НИКОЛА. Судя по начертаніямъ буквъ можно думать, что эта рипида произведеніе XII вѣка, или и болѣе раннее. Эта рипида найдена въ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ Успенской церкви при паханіи земли. Благодаря обязательности Н. Я. Скарятина, оказалось возможнымъ не только сдѣлать снимокъ съ рипиды, но и увеличить его въ четыре раза.

Далеко не такъ древни рукописи, хранимыя въ нѣкоторыхъ изъ храмовъ; но есть онѣ и письма XV вѣка, какъ напр. „Четвероевангеліе“ здѣшняго Благовѣщенскаго собора или „Церковное око“ здѣшней университетской библіотеки, обѣ съ написями о времени ихъ написанья. Есть въ храмахъ и иконы XV вѣка, если не болѣе древнія. Таковы, по наблюденію графа А. С. Уварова, нѣкоторыя изъ иконъ Троицкой деревянной церкви Свіязскаго Предтеченскаго женскаго монастыря. Такова напр. явленная Казанская икона Божіей Матери, хотя и тронутая реставраторами, но этимъ самымъ, оною надобностью сдѣлать се болѣе ясною, указывающая на свою относительную древность. Есть сосуды церковныя и другіе церковныя предметы въ храмахъ и столь же старинныя.

Отъ внимательной наблюдательности мѣстныхъ знатоковъ древности зависитъ превратить такія случайныя замѣтки въ стройные ряды открытій, подтверждающихъ и объясняющихъ историческія указанія и соображенія. И разнообразныя труды казанскихъ ученыхъ прежняго времени, и успѣхъ IV-го Археологическаго Съѣзда, завистливый во многомъ или преимущественно, или даже исключительно, отъ дѣятельнаго сочувствія къ нему разнородныхъ мѣстныхъ силъ,—доказываютъ немѣстность сомнѣній, что открытія памятниковъ русской древности до XVI вѣка скоро пойдутъ стройнымъ путемъ, поддерживаемыя не только людьми науки, но и всѣми вліятельными лицами, столько же уважающими научную дѣятельность, сколько и сознающими свое нравственное значеніе. Можно быть увѣреннымъ, что и новыя поколѣнія съ любовью къ отечеству и къ наукѣ усердно примутъ на себя обязанность соучастія въ трудахъ людей болѣе опытныхъ. Радостно жить и еще болѣе отживать вѣкъ, видя вокругъ себя близко и далеко—всюду все болѣе и болѣе силъ, созрѣвшихъ и зрѣющихъ для правды и всякаго добра въ знаніи и въ жизни.

НѢКОТОРЫЯ ДАННЫЯ О РАЗРАБОТКѢ МАТЕРІАЛОВЪ ВЪ НАШИХЪ АРХИВАХЪ И ОБЪ ИЗУЧЕНІИ НАШЕГО НАРОДНАГО БЫТА.

Н. В. Калачова.

(Читано въ засѣданіи 15 августа, по отд. памятниковъ искусствъ и художествъ.—См. Протоколы, с. СХІІ—СХV).

Вотъ уже четвертый разъ какъ я позволяю себѣ занимать посѣтителей археологическихъ съѣздовъ статьями объ архивахъ и о важномъ значеніи, какое должны имѣть разысканія въ нихъ для нашей исторіи. Не смотря однако на однородность по своему предмету моихъ чтеній, смѣю думать, что ихъ нельзя обвинять въ повтореніи одного и того же. Правда, мое первое чтеніе бывшее въ Москвѣ мнѣ пришлось возобновить и на съѣздѣ въ Петербургѣ, но единственно потому, что здѣсь уже выяснилась необходимость обсудить мои предложенія въ комиссіи, составленной изъ специалистовъ архивнаго дѣла, въ томъ числѣ и завѣдующихъ архивами разныхъ министерствъ. Вамъ конечно уже извѣстны, мм. гг., результаты, достигнутые этой комиссіей. По Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе доклада г. министра народнаго просвѣщенія, образована новая комиссія для начертанія правилъ объ устройствѣ архивовъ. Комиссія эта собравъ значительное количество данныхъ, несомнѣнно подтверждающихъ огромную важность изученія и разработки архивныхъ документовъ, пришла къ заключенію о необходимости двухъ учрежденій, изъ коихъ одно имѣло-бы цѣлью подготовленіе специалистовъ для завѣдыванія архивами, а другое, состоя изъ опытныхъ архивистовъ, направляло-бы ученія работы въ архивахъ съ цѣлью приведенія въ извѣстность и изытія изъ массы справочныхъ дѣлъ для вѣчнаго храненія, матеріаловъ полезныхъ для науки. Къ сожалѣнію, въ настоящее время когда по случаю войны, правительственный бюджетъ не можетъ быть доступенъ для открытія такого рода учрежденій, приходится, чтобы вовсе не оставить уже разъ затронутого дѣла, ограничиться

полумѣрами. И вотъ въ средѣ нѣкоторыхъ любителей архивнаго дѣла возникла мысль образовать подъ высшимъ наблюдениемъ министра народнаго просвѣщенія частное, но съ официальнымъ характеромъ учрежденіе, въ которомъ любители старины, получившіе высшее образованіе, могли бы совершенствовать свои познанія по части археологіи и затѣмъ, снабженные аттестатами, получать мѣста въ разныхъ архивахъ. Это учрежденіе будетъ называться Археологическимъ институтомъ. 23 іюля сего 1877 года уже послѣдовало Высочайшее его утвержденіе. Чтобы ближе познакомить васъ, мм. гг., съ его цѣлю, направленіемъ, составомъ и устройствомъ, я позволю себѣ привести здѣсь параграфы Высочайше утвержденнаго положенія объ этомъ институтѣ:

1) Археологическій институтъ, учреждаемый въ С.-Петербургѣ на частныя средства, въ видѣ опыта на четыре года, имѣетъ цѣлю приготовленіе специалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ.

2) Въ Археологическій институтъ принимаются только лица, кончившія курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

3) Курсъ ученія въ Археологическомъ институтѣ бесплатный и ограничивается двумя годами.

4) Слушатели, отличившіеся своими успѣхами въ наукахъ, могутъ пользоваться стипендіями по назначенію педагогическаго совѣта института.

5) Стипендіи выдаются изъ особаго фонда, образующагося изъ частныхъ пожертвованій.

6) Окончившіе курсъ въ институтѣ получаютъ аттестаты и пользуются содѣйствіемъ института къ полученію мѣста въ одномъ изъ архивовъ.

7) Въ институтѣ преподаются: 1) палеографія вообще и въ особенности русская; 2) русскія древности по частному и общественному быту до XVIII стол. включительно вообще и въ особенности по части юридической; 3) хронологія, генеалогія, нумизматика, сфрагистика, геральдика, основанія науки объ архивахъ и древняя географія вообще и въ особенности Россіи до XVIII стол. включительно.

8) Исчисленные предметы читаются профессорами высшихъ учебныхъ заведеній, равно преподавателями-специалистами.

9) Археологическій институтъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ особаго директора.

10) Директоръ института опредѣляется и увольняется Высочайшими приказами по министерству народнаго просвѣщенія. Профессора и преподаватели назначаются, по представленіямъ директора, министромъ народнаго просвѣщенія преимущественно изъ лицъ, состоящихъ на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія. Въ случаѣ надобности, на означенныя должности могутъ быть опре-

дѣляемы и другія лица, и въ такомъ случаѣ лица сіи не пользуются никакими служебными правами и преимуществами.

11) Почетные члены Археологическаго института получаютъ на это званіе дипломъ за подписью министра народнаго просвѣщенія.

12) Въ почетные члены принимаются лица обоого пола, оказавшія Археологическому институту значительныя нравственныя услуги, или ежегодно вносящія въ пользу сего учрежденія не менѣе 500 руб.

13) Почетнымъ членамъ изъ лицъ мужскаго пола присвоивается за-урядъ и пока состоятъ въ этомъ званіи V классъ по должности и V разрядъ по мундиру вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

14) Завѣдываніе дѣлами и хозяйствомъ института возлагается на одного изъ почетныхъ членовъ института, подъ наблюденіемъ директора.

15) Дѣла, касающіяся педагогической части, разсматриваются въ совѣтѣ института, состоящемъ изъ всѣхъ профессоровъ и преподавателей-спеціалистовъ онаго, подъ предѣдательствомъ директора.

16) При Археологическомъ институтѣ состоятъ: а) библіотека; б) собраніе образцовыхъ принадлежностей архива, и в) кабинетъ древностей.

17) Собраніе образцовыхъ принадлежностей архива имѣетъ цѣлью предоста-вить возможность изучить наглядно способы, какъ лучшаго храненія и размѣщенія документовъ, такъ и пользованія ими для занятій въ самомъ архивѣ; въ собраніи этомъ помѣщаются также образцы описей и указателей, соответствующихъ архивнымъ цѣлямъ.

18) Кабинетъ древностей заключаетъ въ себѣ образцы шрифтовъ, древнихъ рисунковъ, монетъ, печатей и т. п. предметовъ до XVIII стол. включительно.

19) Въ день празднованія учрежденія института, начальствомъ онаго могутъ быть выдаваемы награды слушателямъ, которые представили сочиненія по предметамъ своихъ занятій, заслуживающія особаго вниманія.

20) Археологическій институтъ имѣетъ печать съ изображеніемъ наименованія онаго.

Археологическій институтъ будетъ помѣщаться въ Петербургѣ въ моемъ домѣ, въ которомъ второй этажъ, съ самаго начала устройства этого дома, приспособленъ подъ означенное учрежденіе. Уже съ сентября мѣсяца, подъ ближайшимъ моимъ руководствомъ будутъ приводиться въ исполненіе тѣ статьи положенія, которыя относятся къ его устройству: приисканіе профессоровъ для чтенія лекцій, приглашеніе слушателей археологическихъ курсовъ, собраніе образцовыхъ принадлежностей архива и составленіе кабинета древностей. 12 декабря сего же года въ день столѣтія со дня рожденія императора Александра I, предполагается въ этомъ учрежденіи торжест-

венный актъ, на которомъ между прочимъ прочтется отчетъ объ его открытіи и дѣятельности. Конечно, нельзя ожидать, чтобы институтъ могъ въ какіе-нибудь два-три мѣсяца даже стать на твердую ногу, но если его открытіе будетъ встрѣчено съ сочувствіемъ любителями старины, то съ своей стороны его учредители употребятъ все свои усилія къ тому, чтобы Археологическій институтъ съ самаго его пачала могъ быть не только центромъ археологическихъ занятій, но и проводникомъ всего, что можетъ занимать по части разысканій въ архивахъ всехъ интересующихся этимъ дѣломъ въ разныхъ концахъ Россіи. Съ этою цѣлью я съ живѣйшимъ удовольствіемъ изъявилъ согласіе принять участіе въ историческомъ журналѣ, который будетъ выходить съ 1878 г. подъ названіемъ „Историческая бібліотека.“ Издатель его, П. В. Полежаевъ, соединяющій съ званіемъ официального юриста глубокую любовь къ исторіи и самъ участвующій въ разработкѣ народной жизни, для чего и составилъ свою программу собиранія юридическихъ обычаевъ, отвелъ въ предполагаемомъ журналѣ особый отдѣлъ для археологіи, который будетъ находиться подъ моею главной редакціей и котораго отдѣльные оттиски будутъ составлять рядъ выпусковъ особаго изданія—„Трудовъ и отчетовъ Археологическаго института“. Въ этомъ отдѣлѣ мнѣ было бы очень желательно соединять свѣдѣнія, относящіяся до разныхъ архивовъ и въ особенности по части описанія и разработки хранящихся въ нихъ матеріаловъ отечественной исторіи до XVIII вѣка включительно. Позвольте мнѣ, мм. гг., надѣяться, что и изъ Приволжскаго края, столь богатаго воспоминаніями и документами о прошлой жизни, любители старины, имѣющіе постоянную осѣдлость или временное пребываніе въ этой мѣстности, не оставятъ удѣлять въ наше изданіе часть своихъ разысканій и свѣдѣнія о нихъ въ формѣ статей или хотя бы краткихъ замѣтокъ. Во всякомъ случаѣ онѣ будутъ крайне полезны для тѣхъ кто не можетъ заниматься лично въ здѣшнихъ архивахъ.

Увлекаясь задачею Археологическаго института и особою цѣлью, предположенною изданіемъ, которое будетъ выходить въ свѣтъ такъ сказать при этомъ институтѣ, я невольно затронулъ вопросъ, который, какъ мнѣ извѣстно, уже подвергался обсужденію на здѣшнемъ съѣздѣ и разрѣшенъ въ томъ же смыслѣ, какъ я мечталъ о томъ въ заключительномъ словѣ къ моей статьѣ объ архивахъ, напечатанной въ IV-мъ томѣ Сборника государственныхъ знаній. Я выразилъ надежду, что и у насъ, какъ на западѣ, вмѣстѣ съ устройствомъ ученыхъ центральныхъ архивовъ, появятся, по крайней мѣрѣ въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, историческія и археологическія общества и что въ средѣ этихъ-то обществъ, при содѣйствіи уже опытныхъ и любящихъ свое дѣло архивистовъ, историческіе матеріалы подвергнутся той тщательной разработкѣ, которая вполне возможна и мыслима лишь на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія, по-

лучившія историческое значеніе. Кому въ самомъ дѣлѣ удобнѣе и сподручнѣе какъ не мѣстнымъ ученымъ осматривать, изучать и объяснять памятники старины, которыхъ вся обстановка, характеръ и самое существованіе обусловлены кипѣвшею здѣсь жизнію въ ту или другую эпоху. Возьмемъ для примѣра сохранившіяся въ лѣтописяхъ и старинныхъ актахъ свѣдѣнія о колонизаціи приволжскаго края посредствомъ переселенныхъ сюда служилыхъ людей изъ внутренней Россіи. Эти свѣдѣнія не только лучше всего повѣряются на мѣстахъ, гдѣ сохранились еще названія селеній, въ то время основанныхъ, а также не исчезли и доселѣ устроенные тогда валы, насыпи и засѣки, извѣстныя подъ именемъ черты Самарской, Камской и другихъ, но и характеризуются нынѣшними жителями, ихъ типомъ, обычаями и даже языкомъ, не утратившихъ еще смѣшенія пришлаго племени съ туземцами. Представлю еще и другой примѣръ, столь же наглядный. Извѣстно какъ важны для изученія географическаго, финансоваго, юридическаго, сельскохозяйственнаго и торговаго состоянія разныхъ мѣстностей древней Россіи такъ называемыя писцовыя книги. Изданіе этихъ книгъ на основаніи дошедшихъ до насъ подлинниковъ и копій не представляетъ непреодолимаго затрудненія и въ принципѣ уже рѣшено и приводится въ исполненіе. Но для того, чтобы изученіе этого драгоцѣннаго матеріала было вполне плодотворно, для уразумѣнія тѣхъ условій, подъ вліяніемъ коихъ сложились факты и цифры, занесенные въ эти книги, для возстановленія и приуроченія на географическихъ картахъ мѣстностей въ нихъ упоминаемыхъ, необходима провѣрка данныхъ сохранившихся въ писцовыхъ книгахъ съ настоящимъ положеніемъ городовъ, сель, деревень, разныхъ урочищъ и земель, къ которымъ они относятся. Такое изученіе, такая провѣрка писцовыхъ книгъ есть уже прямая обязанность мѣстныхъ специалистовъ. А работа эта, я надѣюсь, въ непродолжительномъ времени будетъ предстоять нашимъ любителямъ старины въ разныхъ губерніяхъ. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы заявить, что изъ писцовыхъ книгъ XVI столѣтія два тома уже изданы петербургскимъ Географическимъ обществомъ, именно 2-й уже вышелъ въ свѣтъ, а 1-й дополняется предисловіемъ, которое, къ сожалѣнію, я не успѣлъ окончить къ нынѣшнему лѣту за другими спѣшными занятіями. Томъ 3-й и послѣдній, который будетъ заключать въ себѣ между прочимъ писцовыя книги приволжскаго края въ томъ-же XVI вѣкѣ, начнется печатаніемъ въ непродолжительномъ времени. Независимо отъ этого нѣкоторые дѣятельные специалисты, къ числу коихъ—скажу мимоходомъ—принадлежатъ чиновники московскаго Архива министерства юстиціи, полюбившіе свое дѣло такъ горячо, что я невольно радуюсь и можетъ быть увлекаюсь этимъ успѣхомъ нашей науки, уже приступили къ составленію сводной редакціи данныхъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка, такъ какъ эти книги

не могутъ быть, по своей обширности и количеству, напечатаны въ томъ же видѣ, т. е. почти цѣликомъ, какъ печатаются писцовыя книги XVI вѣка. Такая работа можетъ быть по этому самому пойдетъ довольно медленно, но и центральные историческіе архивы, а также мѣстные археологическія и историческія общества пока еще въ проектѣ, хотя, съ объясненной точки зрѣнія, устройство ихъ, повторю, въ высшей степени желательно. Но есть еще и другое основаніе, которое также говоритъ очень сильно въ пользу этихъ обществъ. Я разумѣю тѣ плоды, которые приносятъ изученіе памятниковъ старины не только въ отношеніи къ лицамъ, ближайшимъ образомъ ими заинтересованнымъ, но и населенію, посвященному совершенно инымъ занятіямъ. Дѣло въ томъ, что изыскатели старины, работая на той же почвѣ, которую воздѣлываетъ земледѣлецъ, объясняя тотъ же памятникъ, мимо котораго столько разъ проѣзжаетъ и пахарь и прасоль, и всякой другой мѣстный житель, выслушивая ихъ легенды, былины и пѣсни, этимъ самымъ съ одной стороны развиваютъ въ народѣ дремлющія безъ того правдивныя его силы и сочувствіе къ минувшему быту, а съ другой стороны возбуждаютъ и укрѣпляютъ въ немъ любовь, которая хотя и безъ того есть въ каждомъ къ своему родному пепелищу, но любовь эта дѣлается чрезъ то и сознательнѣе и сильнѣе. Такимъ образомъ изученіе старины цѣлымъ обществомъ мѣстныхъ любителей и знатоковъ дѣла отражается на массѣ поселянъ, облагораживаетъ ихъ, возвышаетъ ихъ чувства и народную гордость. Это воспитаніе конечно чрезвычайно медленное, но вѣрное и прочное. Соедините его съ грамотностью и обученіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и вы освободите нашъ народъ отъ тѣхъ увлеченій петреховой жизни, которымъ онъ предается по незнанію лучшаго отдохновенія отъ своихъ тяжелыхъ ежедневныхъ работъ.

Но еще ближе, еще прямѣе къ простому народу подходитъ изслѣдователь занимаясь изученіемъ его домашней жизни, его быта, его обычаевъ и повѣрій. Знакомая съ нимъ съ этой стороны, опытный наблюдатель встрѣчается здѣсь съ цѣлымъ міромъ идей, которыя возникли въ народѣ или, лучше сказать, воспринялись въ немъ вмѣстѣ съ молокомъ матери, развились и усвоились имъ подъ вліяніемъ среды, окружающей его отъ младенческаго возраста до глубокой старости и служащей ему и наставникомъ и школой. Понятно отсюда почему въ настоящее время, когда наука обратилась къ изученію національныхъ основъ, она съ жаромъ устремилась на этотъ богатый родникъ народной жизни. Въ этомъ смыслѣ работаютъ теперь многіе ученые на западѣ и также пристально стали заниматься и у насъ, собирая матеріалы, которые такъ долго оставались неизвѣстными. Не мѣсто однако здѣсь исчислять отдѣльныя статьи и даже цѣлыя сборники, посвященные разысканіямъ и обнаруженію разныхъ проявленій народной

жизни, выражающихся то въ формѣ слова, то въ болѣе или менѣе наглядныхъ символахъ. Я остановлюсь на этой столь благодарной темѣ для нашихъ мѣстныхъ изслѣдователей лишь для того, чтобы, какъ я уже сдѣлалъ въ отношеніи къ архивнымъ поискамъ, пригласить и ихъ примкнуть свои занятія къ трудамъ, которымъ посвятила себя составившаяся по этому поводу особая коммиссія. Вѣроятно многимъ изъ васъ, мм. гг., уже извѣстно, что при петербургскомъ Географическомъ обществѣ уже года два составился кружокъ изъ членовъ этого общества, который избралъ своей спеціальной темой собраніе, изученіе и объясненіе народныхъ юридическихъ обычаевъ. Но такая задача, безъ сомнѣнія, не можетъ быть дѣломъ небольшого числа лицъ, вошедшихъ въ эту коммиссію. Вотъ почему она пришла къ убѣжденію въ необходимости просить содѣйствія ея занятіямъ всѣхъ, кто имѣетъ желаніе и возможность доставлять ей свѣдѣнія хотя бы по какому-либо отдѣлу собираемыхъ ею обычаевъ. А для того, чтобы лучше выяснить предстоящую мѣстнымъ наблюдателямъ работу, коммиссія положила пересмотрѣть, дополнить и переработать программу для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, изданную Географическимъ обществомъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, такъ какъ она уже вся разошлась, но и безъ того оказалась неполною, т. е. неудовлетворяющею всѣмъ требованіямъ, которыя заявляетъ въ настоящее время наука отъ подобнаго труда. Въ основаніе новой программы коммиссія приняла изданныя нѣкоторыми спеціалистами программы такого же рода, а также цѣлыя сочиненія и статьи, посвященныя разработкѣ предметовъ, входящихъ въ такія программы, въ особенности же труды гг. Богишича и Ефименко, изъ коихъ послѣдній еще не напечатанъ. Редакцію означенной программы взялъ на себя секретарь упомянутой коммиссіи П. А. Матвѣевъ. Но какъ она не могла быть окончена къ нынѣшнему вакантному времени частію за неразработкою еще нѣкоторыхъ отдѣловъ, именно по уголовному праву, что обязательно приняли на себя гг. профессора петербургскаго университета Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій, и по общинному быту, программа котораго обрабатывается гг. Барыковымъ и Якушкинымъ; частію же потому, что члены коммиссіи и этнографическаго отдѣленія Географическаго общества еще не успѣли рассмотреть съ надлежащимъ вниманіемъ этотъ трудъ г. Матвѣева, то онъ изданъ пока въ видѣ проекта въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Вотъ почему представляя на здѣшній съѣздъ 25 оттисковъ этой статьи, я льщу себя надеждой, что нѣкоторые изъ членовъ съѣзда, интересующіеся нашимъ дѣломъ, не откажутся не только просмотрѣть предлагаемый проектъ, но и доставить Географическому обществу свои на него замѣчанія для того, чтобы и они могли быть приняты во вниманіе при окончательной редакціи программы.

Итакъ, мм. гг., народный бытъ, его основы и въ особенности народные юридическіе обычаи—вотъ еще тема, которую наиболѣе удобно разработывать мѣстнымъ любителямъ, занимающимся не одною минувшею, но и современною жизнію окружающаго ихъ населенія. Думаю, что и эти изслѣдованія были бы далеко не лишними въ тѣхъ провинціальныхъ обществахъ, которыя назывались бы археологическими и историческими, ибо онѣ имѣютъ конечно самую тѣсную связь и съ прежнею даже доисторическою судьбою народа и съ дальнѣйшимъ его развитіемъ.

Если представленные мною доводы восполняютъ отчасти уже принятыя съѣздомъ основанія къ признанію упомянутыхъ обществъ не только желательными, но и необходимыми, то я просилъ бы имѣть въ виду мой настоящій рефератъ при докладѣ, который вѣроятно будетъ представленъ г. министру народнаго просвѣщенія относительно такихъ обществъ. При всемъ однако сочувствіи къ мысли о ближайшемъ ихъ осуществленіи, я рѣшаюсь сказать, что имъ, по мнѣнію моему, должно предшествовать учрежденіе центральныхъ историческихъ архивовъ, гдѣ должны быть собраны официальные документы, а для завѣдыванія ими должны быть поставлены уже приготовленные къ дѣлу архивисты. Черезъ это конечно ходъ дѣла нѣсколько оттянется, но тѣмъ надежнѣе будетъ достиженіе его въ послѣдствіи, если между тѣмъ изъ разныхъ концовъ Россіи люди науки и труда заявятъ желаніе и готовность заниматься и архивными документами, и народною жизнію. Для такого заявленія, столь важнаго въ томъ вниманіи, чтобы ученые работы могли тотчасъ же не только получить надлежащую извѣстность, но и быть издаваемы въ свѣтъ, я рѣшаюсь предложить еще разъ съ одной стороны указанные выше „Труды“, которые будутъ выходить при Археологическомъ институтѣ, а съ другой стороны Этнографическій Сборникъ, издаваемый Географическимъ обществомъ. Большій или мѣншій приливъ статей и замѣтокъ въ эти изданія покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ велико въ той или другой мѣстности число лицъ, готовыхъ заниматься археологическими, историческими и этнографическими разысканіями, а въ виду ихъ, и притомъ не за одинъ годъ, правительству тѣмъ легче будетъ рѣшиться на учрежденіе означенныхъ обществъ въ томъ или другомъ городѣ, такъ какъ подобныя общества во всякомъ случаѣ не могутъ обойтись вовсе безъ его содѣйствія и субсидій⁽¹⁾. Мнѣ казалось бы даже не бесполезнымъ, для лучшаго ис-

(1) Считаю нелишнимъ оговориться, что сказанное мною здѣсь и ниже не относится къ Казани, такъ какъ на съѣздѣ, передъ моимъ пріѣздомъ сюда, уже созрѣла и выразилась мысль объ учрежденіи въ этомъ городѣ археологическаго общества, а труды, изданные къ съѣзду передъ его открытіемъ, доказываютъ, что въ самой Казани уже есть достаточное число ученыхъ специалистовъ для разработки мѣстныхъ древностей.

полненія нашей мысли, просить г. министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи комиссіи, которая по мѣрѣ упомянутыхъ разысканій, помѣщаемыхъ конечно и въ другихъ изданіяхъ, кромѣ названныхъ выше, а также руководствуясь и другими соображеніями, выработала бы постепенно проектъ о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по ея мнѣнію, было бы полезнѣе учредить какъ центральные архивы, такъ и историческія и археологическія общества. Задача такой комиссіи была бы конечно не спѣшная, но тѣмъ не менѣе, работая внимательно, но съ опредѣленною цѣлію, она стремилась бы къ осуществленію задачи, которая теперь такъ сильно насъ занимаетъ и конечно будетъ занимать и послѣдующіе археологическіе съѣзды.

Дѣлая однако такое предложеніе, я невольно останавливаюсь на слѣдующей мысли: оно, сказалъ я, оттянетъ на нѣкоторое время учрежденіе и центральныхъ архивовъ, и провинціальныхъ археологическихъ и историческихъ обществъ. Но не знаю знакомы ли вы, мм. гг., настолько съ положеніемъ нашихъ архивовъ не только въ столицахъ, но и въ провинціи, чтобы повѣрить мнѣ, если я заявлю официально, на съѣздѣ, что два-три года промедленія въ устройствѣ означенныхъ учреждений могутъ принести невозвратную потерю наукѣ, могутъ истребить навсегда матеріалы быть можетъ въ высшей степени для нея драгоцѣнные. И вотъ доказательство. Комиссія объ устройствѣ архивовъ ходатайствовала о пріостановленіи на нѣкоторое время уничтоженія документовъ въ архивахъ разныхъ министерствъ. Не смотря на то, что министерства признали возможнымъ удовлетворить въ этомъ отношеніи желанію комиссіи, и тѣ вѣдомства гдѣ оно принято во вниманіе, коихъ начальники не только сочувствуютъ дѣлу сохраненія памятниковъ, но и вполне цѣнятъ ихъ важное значеніе для науки, находятъ однако необходимымъ, для очищенія мѣста поступающимъ въ ихъ архивы новымъ справочнымъ дѣламъ, освободиться отъ дѣлъ, ихъ обременяющихъ, о чемъ уже неоднократно заявляли нашей комиссіи. Точно также и въ частныхъ рукахъ пропадаетъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе матеріаловъ. Спрашивается, какъ же примирить высказанную мною выше мысль о разработкѣ вопроса касательно устройства мѣстныхъ ученыхъ архивовъ и обществъ, и представляющуюся между тѣмъ необходимость принять скорѣйшія мѣры къ спасенію документовъ отъ угрожающей имъ опасности? Дѣло очень важное, о которомъ, мнѣ кажется, намъ слѣдовало бы теперь же подумать.

Предложивъ себѣ настоящій вопросъ, я остановился на томъ соображеніи, что археологическій съѣздъ не можетъ съ своей стороны принять мѣры, которыя онъ не въ силахъ приводить въ исполненіе. Но онъ могъ-бы подать полезный совѣтъ, могъ бы сдѣлать указаніе, которые мѣстные любители старины могли бы обдумать и за тѣмъ осуществить въ самомъ скоромъ времени мысль о сохраненіи

своихъ мѣстныхъ документовъ, важныхъ для науки, хотя и излишнихъ въ значеніи справочныхъ матеріаловъ. Что касается до меня, то я осмѣливаюсь предложить мѣстнымъ властямъ здѣшняго города, не представится ли имъ возможнымъ найти казенное, общественное, или частное зданіе, гдѣ были бы хоть двѣ свободныя комнаты для помѣщенія въ нихъ такихъ документовъ и поручить надзоръ за ними любителю старины, который за этотъ надзоръ не потребовалъ бы большаго вознагражденія. Я увѣренъ, что мѣстные казенные архивы охотно воспользовались бы такимъ складомъ, а мѣстные изслѣдователи не отказались бы и заняться [въ немъ для своихъ ученыхъ изысканій. Такимъ образомъ было бы положено начало и мѣстнымъ ученымъ архивамъ и мѣстнымъ ученымъ обществамъ. Думаю, что, если въ числѣ членовъ нашего съѣзда лица, имѣющія значеніе двигателей и ревнителей науки, отнеслись бы съ сочувствіемъ къ этой мысли, то она могла бы получить свое осуществленіе съ нынѣшнимъ же съѣздомъ въ Казани.

О ЗАДАЧАХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ ИЗБИРАЕМЫХЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМИ КОМИТЕТАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ СЪѢЗДОВЪ.

Отчетъ члена-корреспондента IV-го Археологическаго Съѣзда по Нижнему-Новгороду

А. С. Гацискаго.

(Чтано въ засѣданіи по отд. Первобытныхъ древностей, 17 августа. См. Протоколы, стр. СХХVII).

Почтенный въ засѣданіи предварительнаго комитета четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани, 27 сентября 1876 года, избраніемъ меня въ члены-корреспонденты Археологическаго Съѣзда по Нижнему Новгороду, имѣю честь представить Съѣзду отчетъ о томъ, какъ выполнена мною возложенная на меня предварительнымъ комитетомъ обязанность, значительно мнѣ облегченная Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ.

Прежде всего однако долженъ я оговориться. Археологія, не смотря на свое дышащее сѣдой стариной названіе, наука новая и даже юная, особенно у насъ въ Россіи. Поэтому у насъ истинныхъ археологовъ слишкомъ мало. Поэтому нисколько не удивительно, во-первыхъ то, что предварительный комитетъ четвертаго Археологическаго Съѣзда вынужденъ былъ избрать, въ числѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ, и меня, а во-вторыхъ, неудивительно, что и я принялъ на себя исполненіе возложенной на меня задачи, въ предѣлахъ наличной, такъ-сказать, археологической возможности для себя. Поэтому не беру на себя смѣлости представить археологическому съѣзду какой либо рефератъ по археологіи, а ограничиваюсь простымъ отчетомъ по своему званію члена-корреспондента съѣзда по Нижнему Новгороду, надѣясь, что ничего болѣе того, что я могу дать, никто не въ правѣ отъ меня потребовать. Поэтому, наконецъ, отчетъ мой, съ одной стороны не можетъ быть серьезнѣе той формы сообщенъ съѣзду, которая можетъ

быть названа *археологическимъ фельетономъ* (не умѣю выразиться иначе о произведеніи профана въ археологіи), съ другой—является простымъ донесеніемъ агента археологическаго съѣзда о томъ, что ему поручено было исполнить.

(Затѣмъ А. С. Гацскій излагаетъ подробно свою переписку съ предварительнымъ комитетомъ IV-го Археологическаго Съѣзда, съ 27 сентября 1876 года по 23 іюля 1877 года, объ ученыхъ порученіяхъ, данныхъ ему комитетомъ, по разработкѣ разныхъ запросовъ программы съѣзда) (¹).

Изложивъ что отъ меня требовалось предварительнымъ комитетомъ IV-го Археологическаго Съѣзда, перейду къ тому, что мною исполнено. Начну однако съ сожалѣнія, что не смотря на выполненіе кое-чего изъ желаній предварительнаго комитета и даже не смотря на исполненіе кое-чего, на что не указывалось предварительнымъ комитетомъ, доля исполненнаго мною едва-ли выкупается всеѣмъ *излишкомъ моего усердія*.

1) По вопросу о томъ, что сдѣлано въ Нижегородской губерніи по археологіи въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ прилагается составленный мною библиографическій указатель (²).

Исторія Нижегородскаго Поволжья, благодаря въ особенности трудамъ П. И. Мельникова, разработапа довольно обстоятельно: почти все помѣщенные въ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ историческія статьи принадлежатъ ему, хотя подписаны имъ только немногія. Но собственно въ археологическомъ отношеніи Нижегородское Поволжье представляетъ еще не початой уголь, а историческая археологія края почти вовсе не тронута. Л. В. Даль, объѣхавшій Нижегородскую губернію, по порученію Нижегородскаго статистическаго комитета, передъ I-мъ археологическимъ съѣздомъ въ Москвѣ, говорятъ, что „она представляетъ въ архитектурномъ отношеніи такъ сказать первую ступень русскаго новаго развитія въ Поволжьи и послѣ отстроенаго Алексѣемъ Михайловичемъ Ярославля, первый образецъ сильнаго петровскаго и по-петровскаго развитія; большинство памятниковъ здѣсь—петровскіе, когда гремѣло имя Строгоновыхъ, затѣмъ елизаветинскіе и екатерининскіе“. Курганныхъ раскопокъ въ Нижегородскомъ Поволжьи почти вовсе не было производимо, не смотря на обиліе курганныхъ остатковъ и вообще остатковъ каменнаго періода, тамъ и сямъ ежегодно выпаживаемыхъ на поляхъ. Изрѣдка,

(¹) О сношеніяхъ А. С. Гацскаго съ предварительнымъ комитетомъ IV-го Археологическаго Съѣзда см. въ «Извлеченіяхъ» изъ протоколовъ этого комитета, изданныхъ въ Казани въ 1877 г. отдельными брошюрами и розданныхъ гг. членамъ съѣзда при его открытіи.—*Ред.*

(²) Указатель этотъ помѣщается ниже, въ особомъ отдѣлѣ «Трудовъ IV-го Археологическаго Съѣзда»: *материаловъ и библиографіи*.—*Ред.*

случайно попадали они въ руки спеціалистовъ, напр. П. И. Лерха (см. томъ V „Извѣстій Археолог. общ.“), изрѣдка—въ руки ученыхъ, посѣщавшихъ губернію вовсе не съ археологическими цѣлями, напр. профессора В. И. Меллера (см. 2 рисунка стрѣлы и топора въ его „Очеркъ геологическаго строенія южной части Нижегородской губерніи“, стр. 18), но большею частью употребляются они крестьянами для домашнихъ надобностей. Одинъ молотъ каменнаго періода, найденный на берегу пруда въ с. Волгирѣ, Арзамаскаго уѣзда и употреблявшійся долгое время на расколку сахара, пріобрѣтенъ былъ Л. В. Далемъ и переданъ имъ Нижегородскому статистическому комитету, который, къ слову сказать, ставя археологическія изысканія, по существу своего назначенія, на послѣдній планъ, обладаетъ самымъ ничтожнымъ собраніемъ археологическихъ предметовъ⁽¹⁾. Довольно богатое собраніе орудій каменнаго вѣка, принадлежавшее А. П. Поливанову, составленное имъ на границахъ Нижегородской губерніи съ Костромскою, передано имъ въ музей костромскаго земства.

Если собственно археологія не процвѣтаетъ въ Нижегородской губерніи, то также мало процвѣтаетъ въ ней архивное дѣло. Поставленное въ нѣсколько болѣе благопріятныя условія съ 1867 года, когда всѣ предназначаемыя къ уничтоженію архивныя дѣла сообщаются на предварительный просмотръ Нижегородскаго статистическаго комитета, архивный вопросъ однако будетъ подвергаться извѣстной долѣ риска до тѣхъ поръ, пока не осуществится преобразование провинціальныхъ архивовъ, на которое я имѣлъ честь обращать вниманіе перваго археологическаго съѣзда, и главнымъ образомъ, пока не осуществятся мысли уважаемаго Н. В. Калачова, высказанныя имъ какъ на третьемъ археологическомъ съѣздѣ, такъ и на настоящемъ: объ учрежденіи центральныхъ архивовъ въ такихъ пунктахъ, какъ Архангельскъ, Казань, Пермь, Уфа, Саратовъ, Тифлисъ, Псковъ, Новгородъ, Владиміръ, Рязань, Ярославль, Н. Новгородъ, и объ учрежденіи археологическаго института.

⁽¹⁾ Такимъ образомъ заботы о сохраненіи памятниковъ древности въ Нижегородской губерніи лежатъ на рукахъ учрежденія, преслѣдующаго совершенно противоположныя археологіи цѣли: работы о прошедшемъ, да еще о давно прошедшемъ, лежатъ на учрежденіи, исключительно обязанномъ заниматься настоящимъ. Въ сознаніи однако такъ сказать вынужденной энциклопедичности своего существованія, Нижегородскій статистическій комитетъ дѣлаетъ и по археологіи все, что отъ него зависитъ. (См. засѣданія комитета: 28 октября 1867, 16 февраля и 30 октября 1868, 11 июня и 19 декабря 1869, 4 мая 1872, 30 апрѣля и 3 декабря 1870, 3 мая и 17 сентября 1873, 23 февраля и 30 ноября 1874, 8 мая и 20 декабря 1875, 1 июня и 8 октября 1876, 16 февраля и 27 мая 1877).

Не лишне привести здѣсь перечень посѣщенныхъ Л. В. Далемъ мѣстностей въ Нижегородской губерніи и перечень находящихся въ ней остатковъ кургановъ, городищъ, городковъ и т. п. (см. засѣданія статистическаго комитета 11 іюня 1869 года, 17 сентября 1873 года и 23 февраля 1874 года).

Л. В. Даль посѣтилъ города: Балахну, Семеновъ и Арзамасъ и селенія: Пурехъ, Бредово, Юрино, Василеву слободу, Городецъ, Медвѣдево, Спасъ на Кезѣ, Оскочиху, Богородское, Павлово, Вазьянъ, Атемасово, Дубенское, Мухтолово и Спасское. Найденныя Л. В. Далемъ въ этихъ мѣстахъ древности не восходятъ ранѣе XV вѣка⁽¹⁾. Раскопки были произведены Л. В. Далемъ у с. Саблукова и деревни Липовки, Васильскаго уѣзда, при чемъ найдены были имъ черепки отъ горшка съ остатками угля и горшокъ съ узорчатыми краями.

Земляные валы, укрѣпленія, городища—сохранились въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Нижнемъ Новгородѣ (въ архіерейскомъ саду и въ саду г. Мичурина), Горбатовѣ, Балахнѣ, Василѣ (Цѣпень, Чортово городище), въ селеніяхъ: Чапорѣ, Спасскомъ, Пасьяновой, Ключищахъ, Ендовищахъ, Шаратовѣ, Юрьевѣ, Лысковѣ, Баранниковѣ, Колычовѣ, Городцѣ, Архангельскомъ погостѣ, Саконкахъ, Наджинѣ, Ичаловѣ, Кашинѣ, Новомъ Кашинѣ, Выползовѣ, Ознобишинѣ, Новомъ, Поѣ, Василевкѣ, Олонихѣ, Большомъ Мурашкинѣ, Большой Якшени, Саблуковѣ, Звѣревѣ.

Около с. Владимірскаго (на Люндѣ), въ Макарьевскомъ уѣздѣ, находится озеро Свѣтлое, или Свѣтлояръ, на мѣстѣ легендарнаго города Великаго Китежа. Къ озеру сходятся, начиная съ весны до заморозковъ, на поклоненіе массы народа изъ Нижегородской, Костромской и даже Вологодской губерніи; особенно большое стеченіе богомольцевъ (до 3000 и болѣе человекъ) бываетъ въ ночь съ 22 на 23 іюня (на „Владимірскую“). Авторъ статьи „на Нантскомъ конгрессѣ“ („Знаніе“ 1876), В. Н. Майновъ, описывая свою поѣздку 24 августа 1875 года, съ цѣлью поискать палео-этнологическихъ памятниковъ на озеро Гранъ-Льѣ, около котораго, по преданію, когда-то стоялъ городъ Эрбожъ, провалившійся по примѣру Содома и Гоморра сквозь землю и изъ котораго, также какъ изъ Великаго Китежа, по временамъ слышится колокольный звонъ,—говоритъ, что существованіе такого преданія прямо указываетъ на остатки озернаго жилища. Озеро Свѣтлояръ еще никѣмъ не было съ этой стороны изслѣдовано; г. Ворсо утверждалъ еще недавно, что на всей русской землѣ каменнаго вѣка не существовало; А. П. Поливановъ собралъ свою

(¹) Перечень церковныхъ древностей Нижегородской губерніи здѣсь не приводится, такъ какъ по этому предмету существуетъ трудъ архимандрита Макарія.

коллекцію орудій каменнаго вѣка именно неподалеку отъ озера Свѣтлояра. Не дѣлая никакихъ положительныхъ выводовъ изъ сказаннаго, такъ какъ это дѣло специалистовъ, позволю себѣ только замѣтить, что озеро Свѣтлояръ быть можетъ способно заинтересовать собою не съ одной гидрографической стороны.

2) По вопросу о мѣстныхъ преданіяхъ, касающихся первыхъ заселеній Русскихъ и ихъ борьбѣ съ туземцами, Нижегородскій статистическій комитетъ обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, на компетентность которыхъ могъ разсчитывать, но обращеніе его не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ что приходится сослаться на наличность тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя сообщены въ „Нижегородкѣ“, изд. 1876 года и въ той-же книжкѣ изд. 1877, препровожденной мною въ предварительный комитетъ.

3) По вопросу во 1-хъ) о праздникахъ, особо чествуемыхъ народомъ въ Нижегородской губерніи и о церквахъ, статистическій комитетъ просилъ мѣстныхъ священниковъ, при посредствѣ нижегородской духовной консисторіи, о доставленіи надлежащихъ отвѣтовъ и получилъ массу свѣдѣній (о праздникахъ, числѣ, названіи и годѣ основанія церквей). Изъ нихъ видно между прочимъ, что особо чествуемыми праздниками въ Нижегородской губерніи, кромѣ двенадцатыхъ и храмовыхъ, почитаются слѣдующіе: въ Нижнемъ — 24 іюня (Ивановъ день), 25 іюля (Макарія, чудотворца унженскаго и желтоводскаго, патрона Нижегородской ярмарки, по старой памяти Макарьевской ярмарки) и друг.; Нижегородской губерніи—11 февраля (Власія), 9 мая (Николинъ день), 23 іюня (Владимірская), 24 іюня (Ивановъ день), 26 іюня (Тихвинская), 8 іюля (Казанская), 20 іюля (Ильинъ день), 1 августа (первый Спасъ), 6 августа (второй Спасъ), 18 августа (Флора и Лавра), 4 сентября (Неопалимая купина), 25 сентября (Сергій), 1 октября (Покровъ Пресвятыя Богородицы), 26 октября (Дмитрій мироточивый), 1 ноября (Кузьма и Демьянъ), 8 ноября (Михайловъ день) и т. п.; какъ и повсемѣстно, въ Нижегородской губерніи въ такіе излюбленные народомъ дни бывають и ярмарки, и торжки (Никольская и Сергіевская—на Бору, Владимірская въ сс. Толмачевъ Нижегородскаго уѣзда и Владимірскомъ Макарьевскаго, Вознесенская—въ г. Починкахъ. Ивановская—въ с. новомъ Ликеевѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ, и т. д.). Во 2-хъ) по вопросу о нарѣчіяхъ Нижегородскій статистическій комитетъ обратился также къ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ въ губерніи, на компетентность которыхъ разсчитывалъ и получилъ отвѣтъ отъ дѣйств. членовъ комитета А. М. Ермолова, А. С. Коробкина и священника В. К. Владимірскаго, въ копіяхъ при этомъ прилагаемые (*). Въ 3-хъ) относительно нахо-

(*) Объ особенностяхъ русскаго говора въ разныхъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи находятся свѣдѣнія въ замѣткахъ А. М. Ермолова и В. К. Владимірскаго помѣщаемыхъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ (См. Приложение № 1).

дящихся въ употребленіи мѣстныхъ словъ, оборотовъ рѣчи и т. п. даютъ отвѣты частию названныя выше лица, частию нѣкоторые матеріалы, напечатанные въ „Нижегородскомъ сборникѣ“ (*).

Вотъ все, что могло быть исполнено относительно требованій предварительнаго комитета по Нижнему Новгороду при посредствѣ моемъ и преимущественно при содѣйствіи Нижегородскаго статистическаго комитета.

Весь *излишекъ усердія моего*, который я могъ проявить, желая быть, насколько это для меня возможно, полезнымъ сѣзду, выражается слѣдующимъ:

I. Представляю при этомъ на археологическую выставку: 1) Три предмета — отъ Н. П. Всеволожской; 2) семнадцать предметовъ — отъ крестьянина П. Д. Дружкина; 3) двадцать семь предметовъ — отъ И. В. Брызгалова; 4) пять предметовъ — отъ священника А. Ардентова; 5) двадцать три предмета — отъ крестьянина Е. М. Карпычева; 6) 1281 предметъ — отъ Нижегородскаго статистическаго комитета (*).

II. Кромѣ упомянутыхъ выше библиографическаго указателя, свѣдѣній о праздникахъ и т. п., представляю при этомъ: 1) составленный мною, по свѣдѣніямъ Нижегородскаго статистическаго комитета, двѣ карты Нижегородской губерніи: городищъ и кургановъ, и теперешняго инородческаго разселенія (*). 2) отвѣты нѣкоторыхъ лицъ на программу о географическихъ названіяхъ г. Евреуса и 3) составленную, по моей просьбѣ, крестьяниномъ П. Д. Дружкинымъ, памятную записку о его археологическихъ походахъ въ Костромской губерніи, въ которыхъ не могу не признать себя до нѣкоторой степени виноватымъ (*).

Считаю затѣмъ своею обязанностію представить на обсужденіе археологическаго сѣзда слѣдующія два предложенія:

(*) Нижегородскій Сборн., т. II, стр. 318; т. III, стр. 151—157; т. V, стр. 197, 336—399.

(*) Предметы эти были экспонированы на выставкѣ при IV-мъ Археологическомъ Сѣздѣ. — *Ред.*

(*) Карту городищъ и кургановъ Нижегородской губерніи, составленную А. С. Гацискимъ, предполагается помѣстить въ атласѣ «Трудовъ IV-го Археологическаго Сѣзда». — *Ред.*

(*) Исходя изъ того, что лицами, подобными почтенному П. В. Дружину нужно крайне дорожить (они такъ-сказать правыя руки археологіи, безъ которыхъ она обойтись не можетъ), не смѣшивая ихъ съ торгашами чистой крови, кромѣ наживы не имѣющими ничего въ виду, и побужденный нѣкоторыми обстоятельствами, о которыхъ не считаю себя въ правѣ здѣсь распространяться, я снабдилъ П. Д. только письменнымъ видомъ отъ Ниж-го стат. комитета за одною своею подписью, что и было причиной (въ соединеніи съ другою — неиспрошеніемъ П. Д. — чемъ разрѣшенія у мѣстныхъ землевладѣльцевъ и полиціи) походовъ его. Извлеченія изъ записки П. Д. Дружкина, съ исправленіемъ орографіи подлинника, помѣщаются въ приложеніи къ настоящей статьѣ. (См. Приложеніе, № 2).

1. Учрежденіе постояннаго бюро археологическихъ съѣздовъ. Такое учрежденіе, которое дѣйствовало-бы непрерывно во весь промежутокъ времени отъ одного съѣзда до другаго, было-бы, кажется мнѣ, крайне желательно. Оно могло-бы быть образовано на основаніяхъ, подобныхъ учрежденію постоянной комиссіи международныхъ статистическихъ конгрессовъ, съ такими однако ограниченіями, которыя исключали-бы возможность даже возникновенія вопроса о цѣлесообразности существованія самихъ съѣздовъ, такъ какъ подобныя постоянныя бюро, комиссіи, по самому назначенію своему, никогда не въ состояніи выполнить широкихъ и совершенно спеціально имъ принадлежащихъ задачъ съѣздовъ, конгрессовъ. Однимъ изъ мотивовъ для существованія постояннаго археологическаго бюро я считалъ-бы, между прочимъ, необходимость пробуждать мѣстныя ученныя силы по отношенію къ археологіи: въ нашемъ обществѣ есть масса лицъ (преимущественно деревенскихъ — священниковъ, учителей, волостныхъ писарей, мелкопомѣстныхъ дворянъ), которыя охотно приняли-бы на себя служеніе такъ-сказать прикладной археологіи, если-бы ихъ почаще на это наталкивали. если-бы имъ только ясно указывали что и какъ дѣлать; чтобы эти силы не пропадали даромъ, стоитъ только ихъ организовать и направить въ извѣстномъ направленіи. Мнѣ могутъ возразить, что роль подобнаго бюро можетъ быть возложена на наши археологическія общества; но на это возраженіе я возьму на себя трудъ представить противовозраженіе только тогда, когда у насъ будетъ по крайней мѣрѣ однимъ археологическимъ обществомъ больше.

2. Учрежденіе при Казанскомъ университетѣ кафедры финскихъ нарѣчій. Мысль эта принадлежитъ не мнѣ, а лицу, желающему сохранить свое инкогнито, и до такой степени естественна, что съ принципиальной своей стороны, мнѣ кажется, не можетъ встрѣтить положительно никакого возраженія.

Въ заключеніе, возвращаясь къ тому, съ чего началъ, не стѣсняюсь заявить, что мнѣ не только не совѣстно представлять съѣзду настоящей отчетъ — потому что у насъ по археологіи еще слишкомъ мало сдѣлано (я не говорю о теоретической разработкѣ науки, которая относительно достаточно идетъ впередъ), но даже не совѣстно называться членомъ археологическаго съѣзда съ 1869 года — потому, что у насъ еще слишкомъ мало истинныхъ археологовъ: если у насъ, для такихъ спеціальностей, какъ медицина, инженерное искусство и т. п. требуется спеціальное научное образованіе, то для того, чтобы быть (или по крайней мѣрѣ считать себя) „археологомъ“ достаточно описать какой нибудь курганчикъ, или собрать 2 монетки, или кое-какъ переписать заглавія случайно-попавшихъ подъ руку сочиненій по археологіи... А иногда и этого не требуется.

Въ концѣ концовъ не скрою, что придаю *нѣкоторое* значеніе настоящему своему отчету въ виду практики археологическихъ сѣздовъ, въ которой былъ-бы, кажется мнѣ, желателенъ обычай представленія членами-корреспондентами отчетовъ о своихъ дѣйствіяхъ, каковы-бы они ни были, археологическому сѣзду. Противъ единственнаго возраженія, которое быть можетъ, мнѣ удастся встрѣтить, я могу представить доводъ о необходимости извѣстной дисциплины во всякомъ дѣлѣ, особенно полезной тамъ, гдѣ эта дисциплина можетъ быть заранѣе свободно принята или отвергнута.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ОТЧЕТУ А. С. ГАЦИСКАГО.

I.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ РУССКАГО ГОВОРА ВЪ РАЗНЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Замѣтки А. М. Ермолова и священника В. К. Владимірскаго.

Особаго нарѣчія испорченнаго русскаго я не знаю—пишетъ г. Ермоловъ—но могу обратить вниманіе на Слободскую волость Лукояновскаго уѣзда, населенную крестьянами временно-обязанными князю Кочубею. Народъ ихъ называетъ *будаками*. Они откуда-то вывезены предками князя. Хотя они говорятъ по русски, но произношеніе словъ, обороты рѣчи, совершенно особенныя. Все го удобнѣе обратиться по этому поводу къ мѣстному села Слободы священнику, къ управляющему Егору Ивановичу Пралю и въ Слободское волостное правленіе. Мордва и Татары, живущіе въ Сергачскомъ уѣздѣ, хотя говорятъ по русски всѣ (исключая женщинъ, изъ которыхъ многія не знаютъ ни слова русскаго), но особенность ихъ манеры говорить такъ своеобразна, что мордвина, одѣтаго въ русскій костюмъ (разница съ русскими только бѣлая рубашка) по говору всегда можно узнать. Татары по чему-то ко всякой фразѣ прибавляютъ частицу «те», напр. «чаю-те, будетъ давать-те». Есть много простонародныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, но я не думаю, чтобы всѣ они сложились подъ вліяніемъ Мордвы и Татаръ населяющихъ уѣздъ; напр. *окламанся*, вмѣсто выздоровѣлъ, *жижа*—непогодъ, выюга дуетъ *гульминами*, т. е. порывами, какъ бы облаками; *чивчиры*—бабы коты, особаго покроя, и много другихъ.

Священникъ В. К. Владимірскій передаетъ слѣдующее:

Когда я переселился сюда изъ подъ Нижняго, тогда мнѣ, какъ новичку, довольно рѣзко бросились въ глаза нѣкоторыя особенности мѣстнаго говора, въ сравненіи съ нарѣчіями мѣстностей, гдѣ я родился и выросъ. Эти особенности касаются, во первыхъ, произношенія (акцента), во вторыхъ, граматическаго строя рѣчи, въ третьихъ, нѣсколькихъ словъ новыхъ (покрайней мѣрѣ для меня). Довольно замѣтно, что всѣ эти особенности имѣли причиною смѣшеніе русскаго элемента съ мордовскимъ: Вмѣсто Ф слышется Х: Х(в)едя (Федя), Х(в)абрика фабрика, Х(в)унтъ—

фунтъ, *Холницъ* (Фомичъ). Буква Ч ставится вмѣсто Ц постоянно, и на оборотъ (въ *черькву*), что всего яснѣе и слышнѣе въ мѣстной поговоркѣ: «бродчи—молодчи! не видали-ли нашей овчи? Да какая она?—цорна». Не мѣшаетъ прибавить, что въ данномъ случаѣ и имѣетъ довольно мягкій оттѣнокъ. Это не *цово* и не *цаво*, а какое-то среднее *тшево*, *тшиво*. Измѣненія въ грамматическомъ строѣ рѣчи зависѣли-ли отъ вліянія мордовскаго языка, или произошли отъ другихъ причинъ, не могу сказать по малому знакомству съ мордовскою рѣчью; во всякомъ случаѣ въ данной мѣстности замѣчено мною такихъ аномалій очень не много. Вотъ примѣры: Хонька (Фіона или Февронія) лежитъ у *Ор:нъ* (у Орины) на *пецъ* (на печи), больно *заумирали* (захворала). Вечоръ была у *кумъ* на запоѣ, пѣсни *тшила*, знамо *надуилась!* Охатъ сердешна, а Ванѣкъ (уменьшительное ласкательное — Ваничка, Ваня, Ванюшка) стоитъ *вдоль нее*, да плацатъ. Килиграхъ (столбъ) стоитъ вдоль избы. Къ мѣстнымъ особенностямъ рѣчи относятся нѣсколько словъ, которыя неудавалось слышать подъ Нижнимъ. Тамъ заборъ—здѣсь замѣтъ; плоская крыша надъ дворомъ, плоскуша, прямица—здѣсь *лапаксъ*, по всей вѣроятности мордовское; тамъ кадка — здѣсь *стойка*; тамъ лагуць и бочка,—здѣсь только бочка; тамъ кубанъ и кринка (молочная посуда), здѣсь только кринка; тамъ половица, здѣсь *протесь*, *протесина*; тамъ калякаютъ—здѣсь *бахуляютъ*. Возвышенный отдѣльный холмъ тамъ маръ, курганъ,—здѣсь *шихонъ-шолмъ*. Узкая долина между холмами, *вершина*, *пумора*, пространство, заросшее мелкимъ кустарникомъ, который не разрастается дальше и выше отъ поправки скотомъ. Это слово даетъ ключъ къ объясненію имени села *Помры*, Нижегородскаго уѣзда около Пальца, между Талиюдиновымъ и Берсеменовымъ (Берсеменово, Босурманово). Что мѣстность, гдѣ пишутся эти строки—*Черева мово*, была еще не очень давно мордовскою и тому обязана особенностями рѣчи, о коихъ выше сказано, это довольно ясно изъ названій окрестныхъ урочищъ: *Витолейка*, *Камалеи*, *Музяра*, *Максарка*. Самое село, по преданію, называлось прежде Кичексаново. Первая колонія русскихъ пришлецовъ поселилась на восточной сторонѣ села отдѣльной слободкой, и эта слободка доселѣ зовется *Русь*.

II.

Похожденія крестьянина-археолога П. Д. Дружкина.

(Извлеченія изъ его записки).

Я государственный крестьянинъ Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда, деревни Соромова, занимаюсь собираніемъ древностей болѣе пятнадцати лѣтъ и доставляю ихъ ученымъ людямъ. Вотъ однажды, въ 1875 году, во время Макарьевской ярмарки, я занимаюсь собираніемъ древнихъ вещей: крестиковъ, колечекъ, серѣжекъ, брошечекъ, монетокъ, братинокъ, кубковъ, стананчиковъ, — и просто всякой древней вещи, какая бы она ни была, только бы была древняя. Пришелъ ко мнѣ знакомый челоѣкъ изъ деревни Абрамовой (близъ безуѣзнаго города Плеса, Костромской губ. и уѣзда) Теофанъ Ипатычъ и смотритъ на мое собраніе, и говоритъ: «ахъ, Петръ Данилычъ, у меня есть найдена вещь, похожа на клѣточку, а найдена то у насъ въ полѣ, на бугоркѣ». Я и говорю: «ахъ, Теофанъ Ипатычъ, кабы ты ее да привезъ въ будущую ярмарку, такъ какъ я охотникъ до такихъ вещей, ты бы такъ мнѣ удружилъ». Онъ говоритъ: «изволь, привезу въ будущую ярмарку. А въ 1876 году привезъ онъ мнѣ ее и

доставилъ. Я тутъ догадался, что эта вещь изъ кургана; потомъ я доставилъ ее одному господи-
ну, собирателю древностей, и онъ тоже говоритъ, что эта вещь въ курганѣ взята. Потомъ объ-
яснилъ я секретарю Нижегородскаго статистическаго комитета, и онъ далъ мнѣ бумагу, 1877-го
года, 7 іюня. И я долго думалъ, ѣхать или нѣтъ на раскопъ кургана? Наконецъ рѣшился ѣхать,
а отъ насъ 200 слишкомъ верстъ; денегъ на дорогу нѣтъ; у мужичка занялъ и поѣхалъ въ путь-
дорожку 24 іюня. Добрался до деревни Абрамовой, отыскалъ домъ Феофана Ипатыча; его дома
нѣтъ, а братъ его Яковъ Ипатычъ дома. Онъ мнѣ указалъ мѣсто, и 26 іюня я разрылъ немного
и нашелъ только другую подвѣску, и нѣсколько колечекъ мелкихъ, и черепъ, лежащій на пра-
вомъ вискѣ, лицомъ на западъ. Послѣ раскопки моей мужики деревенскіе взбунтовались надо-
мною: имъ захотѣлось вина, я имъ не купилъ, потому что не изъ чего, да я и самъ небогатой,
только моя охота до древностей загнала сюда. Потомъ они взяли и отправили меня въ волостное
правленіе въ Красное Село. Старшина меня арестовалъ и посадилъ въ казематку; тутъ я сидѣлъ
отъ полудня до вечера, показалось мнѣ за годъ: такая темнота, что только щелочка меньше двухъ
перстовъ; зловоніе, сырость, даже духъ занимается, сѣсти негдѣ, лежать тоже не на чѣмъ. Гос-
поди, Боже мой, дай мнѣ терпѣніе! Терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца. И въ такомъ тер-
пѣніи всю ночь проводилъ безъ сна. А поутру 28 іюня такъ приняла лихорадка и трясла часа
два. Господи, владыко милосердый! Вѣдь я стараюсь не только для себя, но для ученыхъ людей,
да и самъ отъ нихъ научаюсь доброму дѣлу. Мужикъ изрылъ и вспахалъ—и то ничего, а я из-
любопытствовалъ и изслѣдовалъ, покрайней мѣрѣ просвѣщеннымъ ученымъ людямъ объяснилъ.
Кажись-бы за мои труды не такое воздаяніе нужно. Такъ не тиранятъ самыхъ злыхъ преступни-
ковъ, а вѣдь я не злонамѣренникъ какойнибудь, а изыскиваю чегонибудь рѣдкостнаго доставить
наукѣ. Каково то мнѣ было молодчику, кажись во весь вѣкъ не забуду, куда меня завлекла архео-
логическая охота и наука! — 28 іюня, часу въ первомъ, отправилъ меня старшина къ становому
приставу; тотъ меня переслалъ въ полицейское уѣздное управленіе; а переправляли меня, по рас-
поряженію пристава, отъ деревни до деревни, съ десятскими. Я не посчиталъ, сколько деревень
перешелъ, кажись болѣе десятка. 29-го пришелъ въ полицейское управленіе и тутъ ночевалъ въ
казематкѣ, но получше Красносельской. По утру 30-го потребовалъ меня г. исправникъ и скоро
меня отпустилъ.

М Н Ъ Н І Я

УЧЕНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ О ЗАПИСКѢ ПРОФЕССОРА А. Г. БРИКНЕРА:

„Объ ученыхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи“, представленныя въ Предварительный Комитетъ IV-го Археологическаго Съезда.

(Доложены особой Комиссіей, избранной Съездомъ, въ засѣданіи по Общимъ вопросамъ 10 августа.
См. Протоколы, стр. LXXX—XC).

I.

Мнѣніе Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета.

Планъ автора имѣеть въ виду собственно двѣ цѣли: указать средства для расширенія ученой обработки всѣхъ накопившихся за послѣднія сто лѣтъ свѣдѣній объ источникахъ Русской Исторіи, или, какъ онъ называетъ, „источниковѣдѣнія“ Русской Исторіи, а также опредѣлить составъ тѣхъ учебныхъ пособій, которыми должно обладать въ настоящее время преподаваніе Русской Исторіи въ университетахъ.

Что касается ученой разработки „источниковѣдѣнія“ Русской Исторіи, то это дѣло можетъ быть предпринято только отдѣльными учеными, или частными учеными обществами, разумѣется, не безъ матеріальнаго содѣйствія правительственныхъ учреждений. Факультеты же, на обязанности которыхъ лежитъ лишь педагогическая передача свѣдѣній слушателямъ, матеріала, собраннаго и обработаннаго наукою, могутъ только выразить свое сочувствіе плану автора, замѣтивъ вмѣстѣ съ нимъ, что „отъ удачнаго устройства финансовой части значительно будетъ зависѣть успешный ходъ всего дѣла“ и что излишне говорить о той пользѣ, которую можно ожидать отъ предлагаемаго авторомъ изданія и для научныхъ работъ спеціалистовъ, и для преподаванія предмета, особенно въ университетахъ (стр.

14). Въ частности московскій историко-филологическій факультетъ можетъ прибавить къ свѣдѣніямъ автора (стр. 12) о преподаваніи въ нашихъ университетахъ спеціальныхъ курсовъ объ источникахъ и пособіяхъ для Русской Исторіи, что въ Московскомъ университетѣ въ послѣднее время такіе курсы читались черезъ каждые три года студентамъ IV курса историческаго отдѣленія, хотя и значились въ распредѣленіи лекцій подъ общимъ названіемъ „Русской Исторіи“; что касается младшихъ курсовъ, то на II-мъ, при началѣ лекцій о Русской Исторіи, всегда предпосылается краткій обзоръ общаго хода русской исторіографіи, а затѣмъ, въ теченіи всего преподаванія, какъ на II-мъ, такъ и на III-мъ курсахъ, указываются важнѣйшія пособія по главнымъ эпохамъ и отдѣльнымъ вопросамъ, что совершенно достаточно для педагогической цѣли.

Что касается предлагаемой авторомъ коллекціи прочихъ пособій и иллюстрированныхъ изданій, или атласовъ съ текстомъ, то здѣсь прежде всего надо условиться въ сравнительной важности исчисленныхъ на стр. 16—20 пособій. Такъ, отдѣлы педагогическихъ коллекцій, гдѣ авторомъ пропущены историческія христоматіи (въ родѣ изданныхъ профессорами Аристовымъ и Владимірскимъ-Будановымъ): палеографическій, историко-географическихъ атласовъ и археологическій,—несравненно важнѣе въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ отдѣлы: сфрагистики, нумизматики, геральдики, генеалогіи, факсимиле—иллюстрацій изъ разныхъ сочиненій о Россіи, историческихъ картинъ и портретовъ. Вопросъ же, какимъ образомъ можно было бы приступить къ исполненію изложеннаго авторомъ плана для изданія всѣхъ поименованныхъ коллекцій также не можетъ быть предметомъ факультетскаго обсужденія, ибо тѣсно связанъ съ финансовымъ вопросомъ и съ болѣею многосторонностью можетъ быть разрѣшенъ на самомъ Археологическомъ съѣздѣ при личномъ участіи депутатовъ отъ историко-филологическихъ факультетовъ.

Къ этому историко-филологическій факультетъ присовокупляетъ, что кромѣ указанныхъ имъ пособій, весьма важенъ будетъ для изученія Русской Исторіи устраиваемый нынѣ въ Москвѣ Музей исторіи и древностей Государя Наслѣдника Цесаревича.

II.

Записка, составленная по поручению Историко-филологическаго факультета Императорскаго Дерптскаго университета, профессоромъ Всеобщей Исторіи

Р. Ф. Гаусманомъ (¹).

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Брикнера о необходимости созданія пособій для изученія и преподаванія русской исторіи, я намѣренъ лишь остановиться на нѣкоторыхъ пунктахъ его обширнаго плана.

Планъ г. Брикнера раздѣляется на двѣ части: 1) иллюстрированныя изданія. 2 источникъ вѣдѣніе.

Что касается до иллюстрированныхъ изданій, то они оказались бы особенно полезными для вспомогательныхъ историческихъ наукъ, состояніе которыхъ крайне не удовлетворительно. Палеографическія таблицы, атласы по сфрагистикѣ, нумизматикѣ, исторической географіи—могутъ считаться сильною потребностью. Рѣже, какъ мнѣ кажется, чѣмъ въ Западной Европѣ спеціалисты, изучающіе русскую исторію XV и XVI в.в., обращаются къ самымъ архивамъ, что облегчалось бы знаніемъ палеографіи. Пока однако нѣтъ достаточныхъ пособій для изученія русской палеографіи и дипломатики, нѣтъ также и вполнѣ удовлетворяющихъ научнымъ требованіямъ родословныхъ таблицъ, нѣтъ научнаго руководства къ хронологіи. Созданіе таковыхъ пособій не можетъ имѣть другихъ затрудненій, кромѣ финансовыхъ.

Кромѣ этихъ предположеній, г. Брикнеръ считаетъ нужнымъ составленіе *источниковѣднія* въ другомъ видѣ и въ гораздо большемъ объемѣ, чѣмъ таковыя изданія существуютъ напр. для исторіи Германіи (Ваттенбаха, Потгаста, Лоренца). Мнѣ кажется, что осуществленіе этого плана сопряжено съ большими затрудненіями, какъ по объему предпріятія (около 4000 печатн. страницъ), такъ и по нынѣшнему состоянію науки. Послѣднее затрудненіе гораздо важнѣе перваго. Состояніе источниковъ русской исторіи крайне неудовлетворительно. Изданія источниковъ страдаютъ весьма многими недостатками. Пренія изданія лѣтописей, наримѣръ, далеко не отвѣчаютъ требованіямъ науки. Нельзя не признать, что громадному количеству изданій разныхъ учрежденій, напр. Археографической Коммиссіи далеко не соотвѣствуетъ качество этихъ изданій. Неудовлетворительность изданій источниковъ сильно затрудняетъ осуществленіе плана г. Брикнера, имѣющаго цѣлью созданіе источниковѣднія.

(¹) Подлинная записка проф. Гаусмана писана на нѣмецкомъ языкѣ; въ предварительный же комитетъ на доставлена въ русскомъ переводѣ проф. А. Г. Брикнера. — *Ред.*

Ваттенбахъ въ Германіи могъ создать свой прекрасный трудъ объ источникахъ средневѣковой исторіи особенно потому, что изданіе „Monumenta Germaniae historica“ отличалось солидностью, точностью. Такъ напримѣръ, вопросъ о подлинности любаго историческаго источника въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшенъ въ этомъ изданіи. Къ тому же въ Германіи существовало до Ваттенбаха уже нѣсколько предварительныхъ работъ: библиографическіе труды, критическія изслѣдованія относительно отдѣльныхъ источниковъ. Соответствующія условія относительно русскихъ лѣтописей далеко не столь удовлетворительны и поэтому едвали, какъ полагаетъ г. Брикнеръ, (стр. 9) можно ожидать, что было бы легко найти ученаго, который взялъ бы на себя составленіе этого отдѣла. Составленіе того отдѣла источниковѣдѣнія, который посвященъ лѣтописямъ, не нашель бы достаточныхъ предварительныхъ данныхъ въ введеніяхъ и замѣчаніяхъ, которыми снабжены изданія лѣтописей. Онъ долженъ былъ бы во многихъ случаяхъ сдѣлать то, чего не сдѣлали издатели, т. е. заняться критическою оцѣнкою источника вообще и въ частностяхъ. Иногда эти введенія къ изданію лѣтописей, обнимающія лишь какія нибудь двѣ страницы, заключаютъ въ себѣ ничто иное какъ перечисленіе списковъ лѣтописи, при чемъ не достаеъ палеографическаго описанія рукописей, или рѣшенія вопроса о преимуществѣ того или другаго списка, о происхожденіи списковъ, о ихъ особенностяхъ, о личности ихъ составителей и проч. Нельзя, впрочемъ, не признать, что новѣйшее изданіе лѣтописей представляетъ собою существенный прогрессъ; особенно же въ введеніяхъ предпосылается подробное описаніе списковъ. Многіе другіе вопросы, важные для всесторонней критической оцѣнки лѣтописей, однако всетаки оставлены безъ вниманія. Поэтому составителю лѣтописнаго отдѣла источниковѣдѣнія остается во многихъ отношеніяхъ начать свой трудъ ab ovo. Въ „Лѣтописи занятій Археографической Коммисіи“ мы, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ такихъ сопровождающихъ труды коммисіи изслѣдованій, какія заключаются въ „Archiv“ Перца, какъ весьма важный матеріалъ, дополняющій изданіе „Monumenta Germaniae historica“. Трудъ г. Вестужева-Рюмина въ этомъ отношеніи составляетъ одно изъ немногихъ исключеній. Однимъ словомъ, весьма многое еще остается сдѣлать относительно анализа текста лѣтописей, преданій въ нихъ заключающихся и пр. Издатели такъ сказать не издавали тексты, а ограничивались ихъ *напечатаніемъ*. (Es sind im Wesentlichen keine Textausgaben, sondern nur Textabdrücke geliefert). Всѣ эти недостатки изданій лѣтописей препятствуютъ успѣшному пользованію ими и не могутъ не затруднить и разработку этой части источниковѣдѣнія.

Что касается до отдѣльныхъ сказаній и записокъ современниковъ, то отчасти эти изданія болѣе удовлетворительны. Многія изъ записокъ иностранцевъ

были изданы самими авторами; по этому вопросъ о подлинности текстовъ не можетъ тутъ имѣть той важности, какъ у лѣтописей. За то критика фактовъ, оцѣнка источника представляютъ и при этомъ родѣ источниковъ большія затрудненія, такъ какъ существуетъ весьма немного такихъ предварительныхъ работъ, какъ на примѣръ трудъ Устрялова о Курбскомъ. Трудъ Аделунга заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе библиографію предмета, чѣмъ критическую оцѣнку источниковъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе растетъ сложность сюда относящихся вопросовъ и анализа фактовъ. Такъ на примѣръ, пока еще нѣтъ оцѣнки весьма важныхъ комментаріевъ Гейденштейна о польско-русской войнѣ при Іоаннѣ Грозномъ, хотя и въ послѣднее время Герингомъ была сдѣлана попытка опредѣлить значеніе этого источника. Какъ при этомъ источникѣ, такъ и при многихъ другихъ, опредѣленіе значенія содержанія ихъ по многимъ причинамъ сопряжено съ большими затрудненіями.

Г. Брикнеръ желаетъ довести источниковѣдѣніе до 1825 года. Въ интересѣ исполнимости предпріятія слѣдовало бы опредѣлить болѣе ранній терминъ, потому что чѣмъ дальше, тѣмъ больше растетъ матеріаль. Вслѣдствіе этого для новѣйшаго времени нужно было бы ограничиться лишь библиографическими указателями.

Г. Брикнеръ имѣлъ въ виду составленіе общаго библиографическаго указателя для справокъ. Такой указатель долженъ быть заключеніемъ всего предпріятія и составленіе его должно поэтому быть отложено до окончанія всѣхъ предъидущихъ ему томовъ (см. § 7 „Записки“). Не возможно-ли однако подумать о начатіи такого справочнаго сочиненія и ранѣе окончанія этихъ предъидущихъ томовъ. Будутъ ли окончены всѣ остальные томы всего труда? — это можно считать вопросомъ. Между тѣмъ значеніе такой книги для справокъ, такого „Repertorium“ столь громадно, что не слѣдуетъ обусловливать созданіе этого труда приготовленіемъ всѣхъ остальныхъ частей источниковѣдѣнія. Къ тому же существуютъ уже нѣкоторыя пособія облегчающія исполненіе этой задачи, какъ то: Catalogue des Russica, трудъ Эстрейхера для древней польской исторіи, трудъ Винкельмана для исторіи Лифляндіи, труды Межова, Ламбинныхъ и проч. Если бы на примѣръ Императорская Публичная Библіотека дополнила свой каталогъ „Russica“, обнимающій нерусскія изданія, всѣмъ находящимся въ ея распоряженіи, по всей вѣроятности, полнымъ матеріаломъ русскимъ—то этимъ самымъ уже было бы создано прекрасное изданіе для справокъ.

Архивный матеріаль важенъ не менѣе лѣтописей, сказаній и записокъ. Г. Брикнеръ требуетъ составленія регестовъ, исторіи литературы, изданій архив-

паго матеріала, історіі архивовъ, объясненія значенія науки объ архивахъ, указаній на правильный способъ изданія таковыхъ матеріаловъ. Нельзя не согласиться съ сдѣланнымъ г. Брикнеромъ на стр. 6 замѣчаніемъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ невозможно вполне удовлетворительно ориентироваться въ массѣ печатнаго архивнаго матеріала. Въ Россіи печатается слишкомъ много таковыхъ матеріаловъ; тутъ дѣйствительно встрѣчается „embarras de richesses“, и этимъ путемъ затрудняются успѣхи истинно научнаго развитія исторіографіи. Нельзя не удивляться большому числу періодическихъ изданій, въ которыхъ исключительно помѣщаются сырые архивные матеріалы, не всегда впрочемъ имѣющіе большое значеніе для исторической науки. Къ этимъ періодическимъ изданіямъ присоединяются между прочимъ опять таки изданія Археографической Комиссіи. Именно въ этомъ направленіи дѣятельность комиссіи была особенно плодотворною. Напечатано множество томовъ ея актовъ. Но при всемъ томъ нигдѣ нѣтъ свода этому матеріалу, нѣтъ составленнаго по правиламъ науки „inventaire sommaire“. При изданіи матеріала не было обращено должнаго вниманія на предварительное приведеніе въ порядокъ, на группировку матеріала, но весьма быстро, какъ скоро матеріалъ оказывался достаточнымъ для образованія тома, приступали къ печатанію тома. Вслѣдствіе этого нужно было позже печатать цѣлый рядъ дополненій; матеріалъ, относящійся къ одному и тому же времени, разбросанъ въ разныхъ томахъ и пр. Къ этимъ коллекціямъ еще присоединяются многіе другіе сборники грамотъ, наприм. изданіе Тейнера, изданія дѣловыхъ бумагъ польскихъ, литовскихъ, шведскихъ и проч. Обозрѣть и разработать этотъ матеріалъ, владѣть имъ надлежащимъ образомъ возможно лишь при помощи ученыхъ указателей („Regesten“), которые однако пока не составлены въ полномъ видѣ. Громадная польза таковыхъ работъ оказалась при другихъ случаяхъ, въ которыхъ также весьма богатый архивный матеріалъ былъ разбросанъ во множествѣ изданій; таковы обширные труды Яффе, Потгаста, Бемера и Штумпфа по исторіи папъ и императоровъ. Создать подобный трудъ для исторіи Россіи было бы большою, неопѣвненною услугою наукъ. Впрочемъ тутъ уже началась работа, какъ видно напримѣръ изъ приготовляемаго къ печати перваго тома „Хронологическаго указателя грамотъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ актовъ Археографической Комиссіи“. То обстоятельство, что сознаніе необходимости таковыхъ регестъ уже распространено, что трудъ уже начать, не мало должно содѣйствовать осуществленію плана г. Брикнера, если только окажется возможнымъ воспользоваться этими обстоятельствами. При исполненіи этой части проекта нужно имѣть въ виду совершенную полноту матеріала, т. е. принять въ соображеніе всѣ акты,

изданные гдѣ бы то ни было, а далѣе не удовольствоваться хронологическими указателями, но печатать настоящіе регесты, при чемъ долженъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ рѣшенъ вопросъ о подлинности документовъ. Образцами для таковыхъ работъ могутъ служить изданія Иффе, Зиккеля, Вэмера, Штумпфа и друг. Приступить ли, какъ желаетъ г. Врикнеръ къ изложенію теоріи архивной науки, т. е. къ изложенію теоріи знанія архивариусовъ, составленія описей архивовъ и способа изданія архивныхъ матеріаловъ, или нѣтъ—трудно рѣшить, такъ какъ вообще эта область во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою множество спорныхъ вопросовъ, впрочемъ не особенно крѣпко и сильно связанныхъ съ историческою наукою въ тѣсномъ смыслѣ. Чрезвычайно труднымъ предметомъ я считаю исторію архивовъ. Тутъ болѣе всего было сдѣлано во Франціи; въ Германіи и Австріи на этотъ счетъ встрѣчаются лишь desiderata. Довольно полезнымъ пособіемъ можетъ считаться „Archiv-Kalender“ Бурхардта 1875 года. Множество архивовъ понынѣ оставалось безъ архивариусовъ, многіе архивариусы не имѣютъ понятія о дѣлѣ и не могутъ имѣть таковыхъ понятій. О составѣ, исторіи, порядкѣ, значеніи таковыхъ учреждений—служащіе въ нихъ часто не знаютъ. Официальныя донесенія о развитіи и содержаніи архивовъ весьма лишь рѣдко заключаютъ въ себѣ вполне достовѣрныя свѣдѣнія. Братся за эту задачу описанія исторіи архивовъ мнѣ кажется преждевременнымъ. Послѣ составленія архивныхъ регестовъ можно бы, пожалуй, подумать объ этомъ, да и тогда быть можетъ уже въ связи съ другимъ, болѣе обширнымъ предпріятіемъ, т. е. съ созданіемъ настоящаго полнаго свода всѣмъ архивнымъ матеріаламъ для русской исторіи въ томъ видѣ, въ какомъ это въ настоящее время имѣется въ виду для исторіи Германіи въ средніе вѣка.

Опуская обсужденіе пунктовъ 5 и 6, я въ отношеніи къ 7-му пункту думаю, что исторія русской исторіографіи представитъ, пожалуй, менѣе всего затрудненій. Тутъ уже существуютъ нѣкоторыя предварительныя работы.

Наконецъ, нельзя не коснуться вопроса: сколько денегъ и времени нужно будетъ для составленія, редактированія и изданія источниковѣдѣнія? Я не въ состояніи хотя бы приблизительно опредѣлить время, требуемое для этой цѣли. Въ другихъ подобныхъ случаяхъ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. „Regesta Pontificum Romanorum“, заключающіе въ себѣ около 10,000 статей составлялись извѣстнымъ ученымъ Иффе въ продолженіи десятилѣтія. Вэмеръ большую часть своей жизни употребилъ на императорскіе регесты („Regesta Imperatorum“), каталогъ „Russica“ составлялся въ продолженіи четверти столѣтія. Позднѣйшія таковыя работы, въ которыхъ можно пользоваться опытами предшествовавшихъ, могутъ быть произведены быстрее.

Вообще же, какимъ образомъ ни приступить къ осуществленію проекта г. Брикнера, послѣдній во всякомъ случаѣ окажется весьма обширнымъ. Нужно бы сначала ограничиться *самымъ необходимымъ* дѣломъ и оставить *желанное* въ сторонѣ. Нужно бы начать съ 1-го отдѣла (лѣтописей), затѣмъ заняться отдѣлами 3 и 4 (записками иностранцевъ и русскихъ людей). При этихъ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ нужно раздѣлить трудъ по эпохамъ между разными специалистами: 7-й отдѣлъ („Generalrepertorium“) можетъ быть составленъ при большой библіотекѣ, т. е. въ связи съ таковымъ учрежденіемъ. Раздѣленіе труда необходимо. Выборъ лицъ главнымъ образомъ рѣшить успѣхъ дѣла: тутъ должно дѣйствовать осторожно. Нельзя-ли бы, впрочемъ, подумать о свободной конкуренціи? Нельзя-ли послѣ разработки подробныхъ программъ назначить для лучшихъ сочиненій высокія награды? Такимъ образомъ составилось источниковѣдѣніе Ваттенбаха. Если однако и можно сомнѣваться въ осуществимости всего *Предпріятія*, нельзя не признать, что каждый шагъ впередъ въ этомъ направленіи, исполненіе хотя бы одной части предпріятія, было бы громадною заслугою.

Въ заключеніе я позволю себѣ выразить желаніе, чтобы при этомъ предпріятіи служили руководствомъ не только педагогическія соображенія, т. е. потребности университетскаго преподаванія, но и общенаучныя, т. е. сознаніе необходимости такихъ работъ—доставить могущественное пособіе разработкѣ русской исторіи вообще.

III.

Мнѣніе Археографической Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Коммиссія, въ засѣданіи своемъ, состоявшемся 20 іюня текущаго года, положила сообщить слѣдующее: а) что изъ записки г. Брикнера прямое отношеніе къ ея занятіямъ имѣютъ тѣ ея части, которыя касаются описанія и изданія памятниковъ; б) что относительно критическаго описанія источниковъ отечественной исторіи, она не можетъ не сочувствовать мысли г. Брикнера о крайней полезности подобныхъ трудовъ, хотя въ то же время не можетъ не замѣтить, что его планъ, во всемъ его систематическомъ объемѣ, едвали исполнимъ даже и тою коммиссіею, учрежденіе которой г. Брикнеръ предлагаетъ, такъ какъ многіе отдѣлы источниковѣдѣнія до сихъ поръ еще мало и даже совсѣмъ неразработаны и что въ виду этого, быть можетъ, было бы гораздо полезнѣе на первое

время составленіе этимъ отдѣламъ простыхъ библиографическихъ указателей; в) что касательно ограниченія изданія архивнаго матеріала, въ которомъ въ настоящее время по словамъ г. Брикнера „утопають“ изслѣдователи, она находитъ подобное ограниченіе едвали благовременнымъ, во 1-хъ потому, что начиная съ XVII вѣка документовъ издано для всесторонняго изученія исторіи съ этого времени еще слишкомъ недостаточно, и во 2-хъ потому, что кажущееся одному изслѣдователю неважнымъ въ глазахъ другаго можетъ имѣть существенное значеніе; г) что Коммиссія, въ видахъ облегченія пользованія документами, напечатанными въ многочисленныхъ сборникахъ, предприняла изданіе полнаго ихъ указателя. Въ заключеніе Коммиссія считаетъ необходимымъ замѣтить, что для успѣховъ исторической науки описаніе архивнаго матеріала имѣетъ существенно-важное значеніе, на что, къ сожалѣнію, г. Брикнеръ не обратилъ должнаго вниманія.

IV.

Мнѣніе конференціи Историко-Филологическаго Института князя Безбородки въ Нѣжинѣ.

Въ своихъ замѣткахъ „Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи Русской Исторіи“ профессоръ Брикнеръ предлагаетъ русскимъ ученымъ заняться разработкой источниковѣдѣнія этой науки, чтобы улучшить ея преподаваніе въ Россіи,— завести при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ полный составъ учебнаго прибора: музеи и кабинеты для демонстрацій въ аудиторіи во время чтенія лекцій. Въ частности онъ желалъ бы цѣлой компаніей ученыхъ издать лѣтописи и отдѣльныя сказанія, матеріалы архивные, записки иностранцевъ и русскихъ людей, разработать памятники словесности, какъ источникъ для русской исторіи, составить исторію развитія отечественной науки и библиографическіе указатели. Съ другой стороны профессоръ предлагаетъ составить коллекціи разныхъ пособій, иллюстрированныхъ изданій и атласовъ: написать педагогическія книги для руководства въ преподаваніи учителей, собрать образцы по палеографіи и предметовъ по исторіи типографскаго искусства, по сфрагистикѣ и нумизматикѣ, издать историко-географическіе атласы Россіи, важнѣйшія иллюстраціи изъ разныхъ старинныхъ сочиненій, изображенія зданій, оружія, одеждъ и проч., картины и портреты и наконецъ атласы археологіи до-исторической и славяно-русской.

Нѣтъ нужды доказывать существенную пользу, какую могутъ принести дѣлу развитія русской исторіи всѣ эти предполагаемыя изданія пособій и заведеніе музеевъ. Изданіе недорогихъ пособій по этой части необходимо и потому, что прежнія классическія изданія становятся рѣдки и недоступны по цѣнѣ.

Исполненіе плана профессора Брикнера было бы желательно, если бы не встрѣтилось задержекъ въ финансовомъ отношеніи. Положимъ, всѣ 10—15 томовъ можно издать въ семь лѣтъ minimum, тогда 70-ти тысячный капиталъ, при ничтожномъ количествѣ филологовъ и учителей исторіи въ Россіи, большею частію бѣдняковъ, едва ли выручится отъ распродажи въ количествѣ 7-й части, т. е. на 10 тысячъ рублей. Откуда взять 70—100 тысячъ на предполагаемыя полезныя изданія? Если источникъ расходовъ будетъ найденъ, то можно не сомнѣваться въ осуществленіи его плана на дѣлѣ, къ великой пользѣ и процвѣтанію родной науки.

Кромѣ недостатка практичности исполненія плановъ со стороны денегной, встрѣчаются въ замѣткахъ профессора Брикнера другія частности, съ которыми нельзя согласиться: 1) Планъ изданія слишкомъ широкъ: у насъ много есть сочиненій, которыхъ не слѣдуетъ перепечатывать, напримѣръ, по нумизматикѣ, или геральдикѣ. И то нужно замѣтить, что студентовъ полезнѣе знакомить съ самыми источниками и пособиями, а не съ выдержками изъ нихъ, какъ предполагаетъ проф. Брикнеръ. 2) Авторъ считаетъ нужнымъ, въ видахъ большаго распространенія источниковѣдѣнія русской исторіи; „издать, если не всѣ тома, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ и не только на русскомъ, но также на нѣмецкомъ, или французскомъ; или и на обоихъ этихъ языкахъ“ (стр. 13). По нашему мнѣнію, это была бы излишняя забота объ одностороннемъ образованіи государствъ Западной Европы, которыя, можетъ быть, и не желаютъ знать минувшихъ судебъ Россіи, да и просвѣщать ихъ на русскія деньги едвали было бы справедливо. Если они найдутъ полезныя изданія русскія,—могутъ перевести ихъ сами. 3) Наконецъ, едвали можно раздѣлять взглядъ профессора на практическое преподаваніе русской исторіи въ университетахъ (стр. 16). Педагогика не входитъ въ задачу этихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Филологическій факультетъ долженъ знать науку, а не стремиться къ подготовкѣ учителей и инспекторовъ гимназій. Замѣчанія г. Брикнера скорѣе относятся къ историко-филологическимъ институтамъ, которые имѣютъ практическую задачу—приготовлять молодыхъ людей къ педагогической службѣ.

ВОПРОСЫ ЧАСТНЫЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ПЕРВОБЫТНЫЯ ДРЕВНОСТИ.

**О ПОТРЕБНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМЪ ПРЕДМЕТОВЪ И ПОСТЕПЕННОМЪ РАЗВИТИИ ЭТИХЪ ФОРМЪ
ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКИХЪ ВРЕМЕНАХЪ.**

И. Р. Аспелини.

(Читано въ засѣданіи В. Б. Антоновичемъ, 11 августа. Сж. Протоколы, стр. ХСIII).

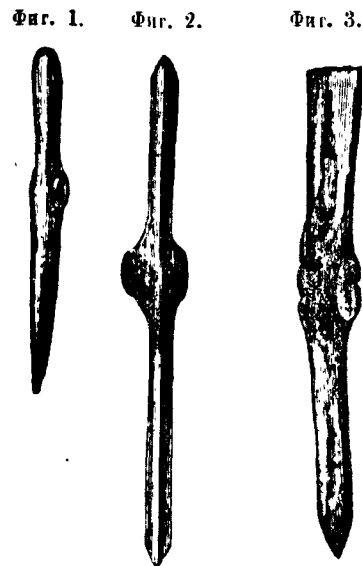
Только мало по малу археологическимъ изслѣдованіямъ удалось отдѣлиться отъ историческихъ, чтобы въ видѣ самостоятельной науки принести имъ еще болѣе существенную пользу. Въ продолженіе столѣтій археологическій матеріаль, въ особенности въ классической области, былъ принимаемъ во вниманіе, но главнымъ образомъ только для освѣщенія даннаго историческаго знанія, и въ Германіи кажется все еще держится этотъ прежній взглядъ на археологію. Нельзя считать случайностью, что новѣйшая археологія именно на Сѣверѣ пожала свои первые лавры, ибо тамъ представлялся почти исключительно лишь чисто археологическій матеріаль. Но долго однако этотъ матеріаль нельзя было употреблять для одного только иллюстрированія исторіи, которой въ самомъ дѣлѣ не было. Не менѣе важнымъ для развитія сравнительной археологіи въ Скандинавскихъ государствахъ представляется необыкновенное богатство матеріала, скопленнаго тамъ такъ, что на каждую страну приходится по одному музею. Чѣмъ богаче находящійся въ одномъ музеѣ матеріаль, тѣмъ яснѣе выступаютъ особенности его. Если напр. въ какомъ нибудь собраніи находятся два, три бронзовыхъ меча, то на это можно смотрѣть какъ на случайное явленіе, но если имѣются сотни таковыхъ и если предметы древности, найденные вмѣстѣ съ ними, обнаруживаютъ какую либо повторяющуюся общую особенность, то на это уже нельзя смотрѣть какъ на случайность, а надо полагать, что эти предметы означаютъ одну доисторическую культурную группу. Матеріаль въ такихъ случаяхъ группируется, такъ сказать, самъ собою. Какое бы значеніе для распространенія археологическаго интереса ни приписывали провинціальнымъ музеямъ, однако едва ли можно отвергать, что польза научнаго изслѣдованія лучше всего служить централизація матеріала.

Я посвятилъ изслѣдованія нѣсколькихъ лѣтъ археологическимъ условіямъ той обширной области Сѣвера, которая на разсвѣтѣ исторіи была обитаема Финскими народностями. Археологическій матеріалъ въ этой области разсѣянъ по многимъ общественнымъ и частнымъ музеямъ, что затрудняетъ обзоръ цѣлаго. Чтобы сдѣлать сравнительныя изслѣдованія въ этой области возможными, я прежде всего счелъ нужнымъ собрать разсѣянный матеріалъ въ одну обнимающую его коллекцію рисунковъ. При общемъ, полученномъ такимъ образомъ обзорѣ, временныя и мѣстныя особенности выступали отчасти такъ ясно, что я, издавая эту коллекцію, дерзнулъ на группировку, до того едва ли возможную. Что эта группировка, особенно въ деталяхъ, будетъ подвержена многимъ измѣненіямъ и поправкамъ, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь и даже самъ еще надѣюсь имѣть случай отчасти поправить и многое перемѣнить въ сдѣланномъ. Такая предварительная группировка матеріала была однако, казалось мнѣ, нужна для того, чтобы сдѣлать возможнымъ и пробудить въ другихъ желаніе подробнаго сравнительнаго изслѣдованія по этой области. Относительно этихъ сравнительныхъ изслѣдованій надобно замѣтить, что изслѣдователь, предполагающій что археологическій матеріалъ одной или другой области, на основаніи напр. мнимаго недостатка металловъ или грубости населявшаго страну народа, непременно долженъ быть привозный, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ основу, на которой зиждется знаніе сравнительной археологіи. Тогда формы, особенныя для какой-нибудь области, уже не будутъ характеризовать народа, населявшаго его, а другой какой либо. Какими путями металлы первоначально распространялись, объ этомъ мы имѣемъ только недостаточныя свѣдѣнія, но тотъ, кто знаетъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ бронзовщиковъ въ деревняхъ, знаетъ также что матеріалъ ихъ почти исключительно состоитъ изъ стараго металлическаго литья, которое они получаютъ въ обмѣнъ въ окрестностяхъ. Чѣмъ народъ грубѣе, тѣмъ менѣе онъ имѣетъ сношеній съ другими народами, и грубость его проявляется болѣе въ грубости собственныхъ произведеній, чѣмъ въ желаніи добыть иноземныя. Кромѣ того народъ, который потреблялъ бы болѣе чѣмъ производитъ, не могъ бы существовать—онъ умеръ бы! Пока онъ существуетъ, привозимое всегда у него будетъ только исключеніемъ.

Точно такъ какъ мы въ новѣйшей этнографіи стараемся опредѣлить этнографическія особенности извѣстнаго народа, точно также и задача сравнительной археологіи должна состоять въ томъ, чтобы въ археологическомъ матеріалѣ отыскать этнографическія особенности народовъ, которые болѣе не существуютъ и о жизни и дѣятельности которыхъ исторія молчитъ. Эти особенности археологическая наука должна изучать и прослѣживать, какъ Аріаднины нити, которыя сквозь мракъ древности должны вести насъ ко времени дѣтства разныхъ народовъ. До-

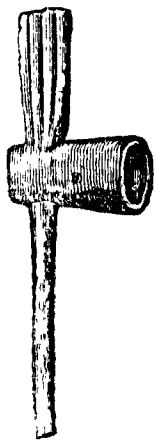
историческія группы должны быть опредѣлены и разграничены между собою сравнительнымъ изученіемъ формъ. Между тѣмъ такія изысканія не должны имѣть въ виду только мѣстное разграниченіе формъ, но и постепенное повременное развитіе ихъ, ибо для того, чтобы найти связь между старшимъ и младшимъ періодомъ въ жизни народа, намъ необходимо знать происхожденіе, развитіе и постепенное преобразование археологическо-этнографическихъ формъ въ теченіе времени. Опредѣливъ однажды, посредствомъ цѣлаго ряда находокъ, это развитіе формъ, мы въ каждой такой серіи развитія имѣемъ относительно вѣрное средство для опредѣленія времени, къ которому слѣдуетъ отнести находку, заключающую въ себѣ какое нибудь звено изъ этой серіи. Изъ этого также явствуетъ важность нераздѣльнаго сохраненія въ музеяхъ предметовъ одной находки, потому что если только одинъ предметъ этой находки, тотчасъ или впоследствии, будетъ опредѣленъ относительно времени своего происхожденія, то это опредѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ силу и для другихъ предметовъ той же находки, которые опять потому съ своей стороны могутъ освѣщать другія находки, содержащія подобные имъ предметы. Я хочу здѣсь объяснить свое мнѣніе о такихъ серіяхъ развитія примѣромъ, который, на ряду съ другими доказательствами, былъ мною приведенъ еще на Вуда-Пештскомъ археологическомъ съѣздѣ прошлаго года, для установленія относительной хронологіи Алтайско-Уральскаго бронзоваго вѣка. Во время моихъ розысканій по этой группѣ бронзоваго вѣка меня поразило наблюденіе, что бронзовые топоры почти исключительно встрѣчаются только на западной сторонѣ Урала, гдѣ однако бронзовый вѣкъ вообще слабо представленъ. Такой топоръ также былъ найденъ въ могильникѣ при Ананьинѣ, гдѣ происходила послѣдняя смертная борьба между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками. По-

этому мнѣ пришло на умъ, что эта форма развилась только въ концѣ бронзоваго вѣка и доказываетъ, что область бронзоваго вѣка на западѣ отъ Урала была населена относительно поздно. Постепенное развитіе ея изъ Сибирской горной кирки я постарался объяснить слѣдующимъ образомъ. Первоначальнымъ типомъ этой бронзовой кирки можетъ быть симметрическая двойная кирка. Между изображеніями Сибирскихъ находокъ Мессершмидта есть нѣсколько бронзовыхъ кирокъ, у которыхъ одинъ конецъ закругленъ и образуетъ такимъ образомъ родъ молоточной части къ киркѣ (фиг. 1, 2). Позднѣе эта молоточная часть расплющивалась (фиг. 3), при чемъ отверстіе для рукояти, чтобы боль-

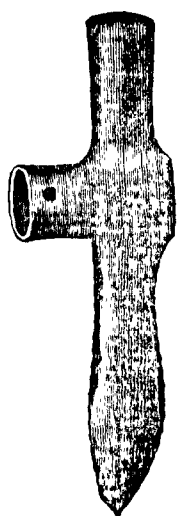

ше соответствовать своей цѣли, удлинялось трубкообразно (фиг. 4, 5). Между тѣмъ эта молоточная часть, кажется, не имѣла никакого практическаго значенія, судя по тому, что она скоро выродилась до того, что была замѣнена орнаментомъ, состоящимъ изъ одной или двухъ стоящихъ сернь (фиг. 6). Послѣ того какъ объяснилась маловажность ея, слѣдующею ступенью развитія уже было полное исключеніе ея, о чемъ свидѣтельствуетъ кирка, найденная въ Чудской копи на Алтаѣ (фиг. 7). Изъ этой средней формы выработался топоръ съ очень узкимъ лезвиемъ и явными слѣдами прежней трубки для рукоятки, отъ каковой формы извѣстны нѣсколько экземпляровъ изъ западной Сибири и южнаго Урала (фиг. 8).

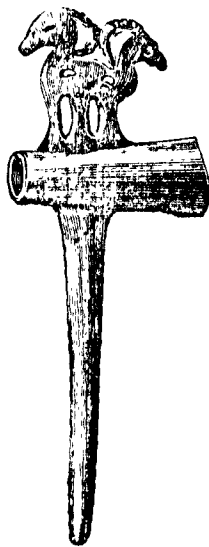
Фиг. 4.

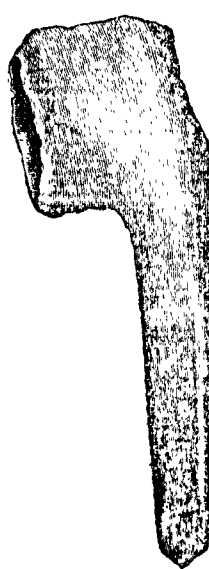
Фиг. 5.

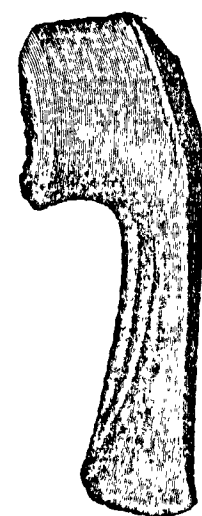
Фиг. 6.

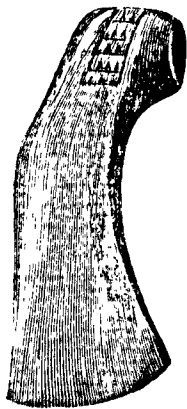
Фиг. 7.

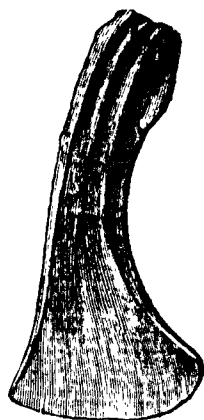
Фиг. 8.

Фиг. 9.

Фиг. 10.

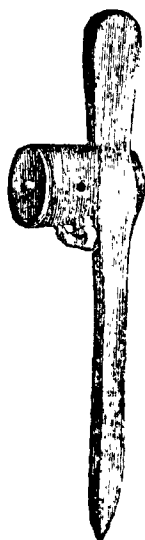
Только на западѣ отъ Урала образовался настоящій бронзовый топоръ такимъ образомъ, что лезвие расширилось и слѣды прежняго стебля почти совсѣмъ исчезли (фиг. 9, 10).

Хотя и такія серіи постепеннаго развитія формъ могутъ быть установлены и признаны правильными, однако изъ этого не слѣдуетъ необходимости, что старая форма, породивши новую, непременно перестала существовать. Она можетъ не только продолжать свое существованіе рядомъ съ новѣйшими формами, но можетъ и порождать новыя параллельныя серіи развитія. Свидѣтельство тому, все держась вышеупомянутаго примѣра, мы имѣемъ въ Анапийскомъ могильникѣ. Этотъ могильникъ далъ намъ не

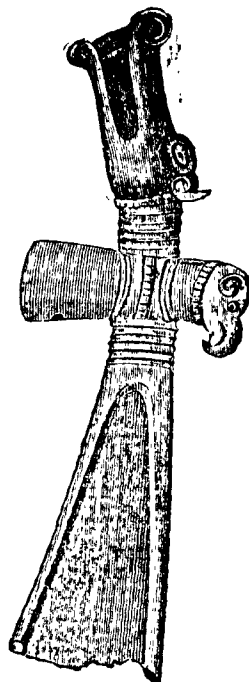
только бронзовый топоръ принадлежаній къ послѣднему звену упомянутой серіи развитія, но и бронзовую кирку съ молоточною частью (фиг. 10), стало быть принадлежащую къ гораздо раньшему періоду.

Бронзовая кирка, украшенная головою вепря, изъ Елабужскаго уѣзда (фиг. 11) и красивые топоры изъ Пинеги (фиг. 12), для которыхъ та же Сибирская

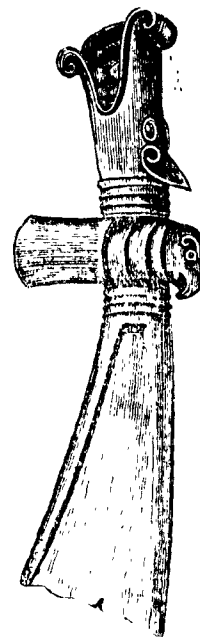
Фиг. 10.

Фиг. 11.

Фиг. 12.

кирка служить первоначальнымъ типомъ, свидѣтельствуютъ, что эта кирка породила и другія серіи типовъ, развитіе которыхъ мы однако съ помощью существующаго теперь матеріала не имѣемъ возможности прослѣдить.

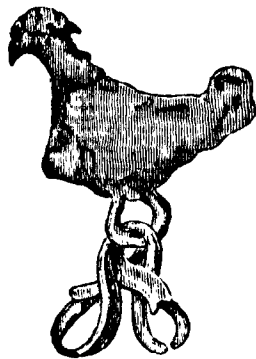
Для такихъ сравнительныхъ изысканій самымъ благодарнымъ матеріаломъ служатъ впрочемъ преимущественно предметы роскоши, потому что каждый народъ, при ихъ изготовленіи, давалъ полнѣйшій просторъ своему вкусу и воображенію. Вѣроятно многимъ членамъ этого почтеннаго собранія извѣстны тѣ подвѣсочныя украшенія, которыя въ особенности у восточныхъ финскихъ племенъ, кажутся, играли такую большую роль, и всякій, кто видѣлъ нѣсколько пермскихъ или мерянскихъ подвѣсочныхъ украшеній этого рода, безъ сомнѣнія отличитъ украшенія одной группы отъ украшеній другой. Эти и подобныя имъ различія, даже въ самыхъ близкихъ группахъ формъ, сравнительная археологія должна изучать подробно и разяснять, чтобы имѣть руководительную нить для изученія формъ съ древнѣйшихъ временъ. Изслѣдованіе должно объяснить гдѣ и какъ эти

столь характерныя подвѣсочныя украшенія первоначально возникли и появились и какъ они постепенно развились и распространились. Касательно этого я могу только сдѣлать нѣсколько предположеній. Считаю вѣроятнымъ, что самая идея этихъ подвѣсочныхъ украшеній восточнаго, можетъ быть Сассанидскаго происхожденія, я однакоже полагаю, что финская форма ихъ образовалась сначала въ пермской области. Старѣйшія подвѣсочныя украшенія этой области, время которыхъ можетъ быть опредѣлено, вѣроятно входятъ въ составъ т. н. Красноуфимскаго клада и найдены вмѣстѣ съ бактрійскими, сассанидскими и византійскими монетами, изъ которыхъ самыя позднія относятся къ 613—641 гг. Эти украшенія—серебряныя и въ техническомъ отношеніи нѣсколько отличаются отъ другихъ однородныхъ подвѣсочныхъ украшеній въ прочихъ пермскихъ кладахъ. Ближайшее изученіе Красноуфимскаго клада вѣроятно впоследствии поможетъ разрѣшенію вопроса. Но здѣсь я буду имѣть въ виду только туземное развитіе упомянутаго украшенія. Между предметами, въ особенности характеризующими пермскую область, вылитыя изъ бронзы изображенія животныхъ занимаютъ выдающееся мѣсто. Поэтому нельзя считать случайностью того обстоятельства, что множество подвѣсочныхъ украшеній, найденныхъ въ Перми, представляютъ литые предметы съ изображеніемъ различныхъ формъ птицъ и животныхъ. Прощу обратить вниманіе на одно пермское изображеніе птицы (фиг. 13). Его можно считать родственнымъ тѣмъ изображеніямъ птицъ, къ которымъ впоследствии придѣлывались подвѣски. Одно изъ самыхъ простыхъ и вѣроятно древнѣйшихъ въ Перми найденныхъ подвѣсочныхъ украшеній представляетъ изображеніе птицы съ кольцеобразнымъ ушкомъ внизу, въ которое вложены обрывки цѣ-

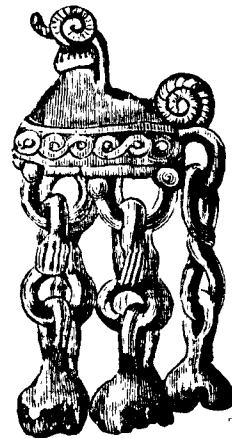
Фиг. 13.

Фиг. 14.

Фиг. 15.

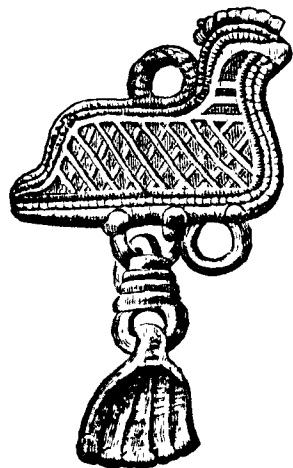

почекъ (фиг. 14). Вполнѣ законченное подвѣсочное украшеніе, которое по своей фигурѣ еще близко къ этимъ изображеніямъ птицъ, находится въ фиг. 15, гдѣ

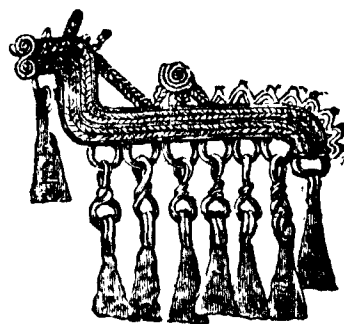
изображеніе птицы уже покрыто орнаментомъ, какъ бы намекомъ той ска-
ной бронзовой работы, которая въ позднѣйшій желѣзный вѣкъ играла такую вид-
ную роль у восточно-финскихъ народностей. Подвѣска (фиг. 16) представляетъ
образецъ вліянія, произведеннаго этою новою техникою на первоначальную фор-
му, пока эта форма наконецъ не выродилась до такой степени, что можетъ быть
узнаваема лишь только послѣ тщательнаго изслѣдованія (фиг. 17).

Произошли ли встрѣчающіеся въ области бассейна Камы, образованный изъ двухъ
симметрически поставленныхъ конскихъ головъ, корпусъ таковыхъ подвѣсочныхъ
украшеній на туземной почвѣ или эта форма заимствована извнѣ,—я не берусь рѣ-
шить. Мы все знаемъ подобныя формы на капителяхъ въ Персеполисѣ, а потому и

Фиг. 16.

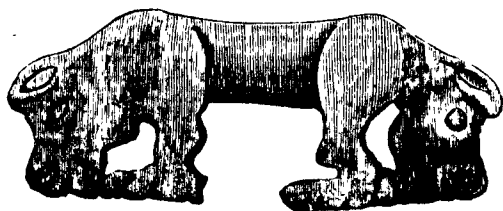

Фиг. 17.

можно допустить заимствованіе оттуда. Если это такъ, то заимствованіе вѣроятно
произошло въ періодъ болѣе отдаленный, чѣмъ происхожденіе упомянутаго подвѣ-
сочнаго украшенія. Нерѣдко между пермскими древностями встрѣчаются симмет-
рически расположенныя мифологическія группы, и у насъ есть одна, вѣроятно
происходящая изъ сѣверо-западной Сибири фигура, составленная изъ двухъ сим-

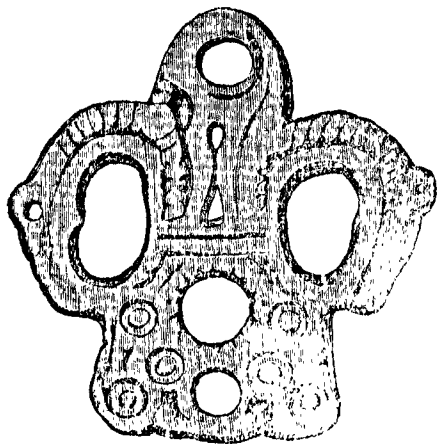
Фиг. 18.

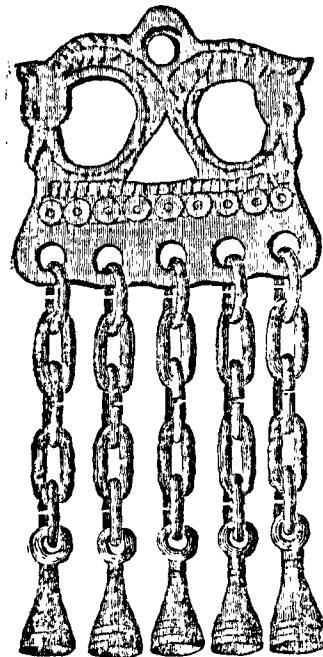
метрически поставленныхъ головъ медвѣ-
дей (фиг. 18). Кромѣ того мы имѣемъ два
найденныя въ Перми бронзовые украшения
одинаковой формы съ упомянутой уже.
Верхняя часть состоитъ изъ двухъ кон-
скихъ головъ, которыя однако не назна-

чались быть основаніемъ для подвѣсокъ (фиг. 19). Главное то, что форма эта такъ сказать акклиматизировалась и встрѣчается въ основаніяхъ многочисленныхъ подвѣсочныхъ украшеній (фиг. 20—22). Далѣе форма выродилась, какъ

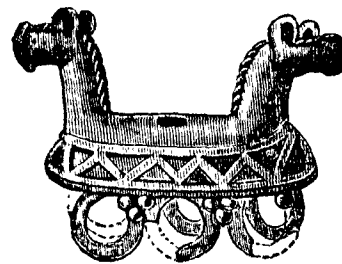
Фиг. 19.

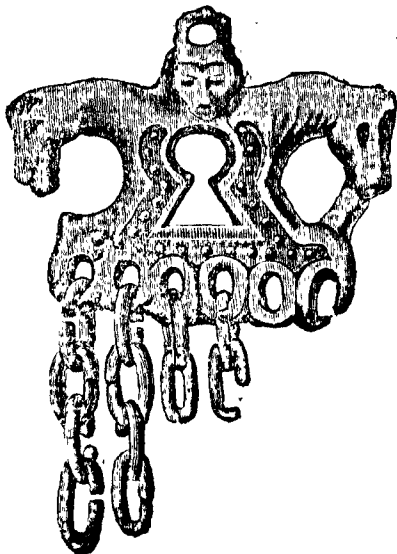
Фиг. 20.

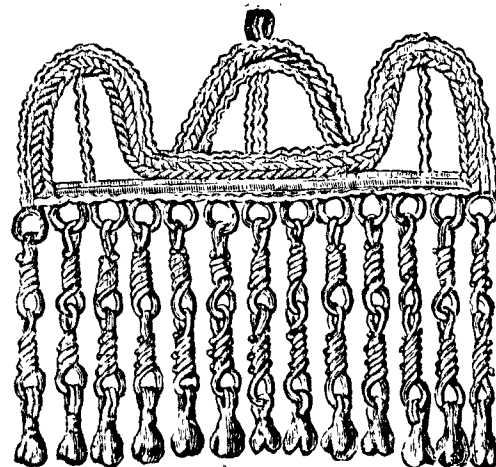
Фиг. 21.

Фиг. 22.

Фиг. 23.

и вышеупомянутая птичья фигура, и встрѣчается, едва въ узнаваемомъ видѣ, въ мерянскихъ могилахъ. Если по серіямъ находокъ прослѣдить это развитіе, то мнѣ не кажется невѣроятнымъ что н. пр. фиг. 23 представляется перерожденіемъ въ

прямой нисходящей линіи фиг. 20, хотя родственныя черты обѣихъ могутъ быть распознаваемы только внимательнымъ изслѣдователемъ.

Существуютъ однако и предметы съ практическимъ назначеніемъ и при выработкѣ ихъ вкусу и фантазіи предоставлялся полный просторъ. Такимъ предметомъ является дугообразная пряжка въ западноевропейскихъ культурахъ бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Богатое разнообразіе формъ, пережитое этою пряжкой въ разныхъ мѣстахъ и въ разные времена первоначальнаго и древняго ея развитія указано докторомъ Гильдебрандомъ въ статьѣ его „Матеріалы къ исторіи пряжки“ (Bidrag tii spannehs hishoria), одной изъ самыхъ интересныхъ статей сравнительной археологіи. И та область Сѣвера Европы, о которой говорится здѣсь, въ позднѣйшій уже желѣзный вѣкъ, даетъ намъ такъ называемую *подковообразную* пряжку. Последняя, сколько мнѣ извѣстно, во все время этого періода преимущественно характеризуетъ эту область.

Я считаю почти несомнѣннымъ, что этотъ видъ пряжки заимствованъ финскими племенами, потому что подобная форма намъ извѣстна у Римлянъ; но вопросъ, какимъ путемъ Финны получили ее, я затрудняюсь рѣшить. Гревингъ ссылается на двѣ находки подобныхъ пряжекъ въ Германіи и Англии, но такъ какъ я не имѣлъ случая видѣть и изучать ихъ, то и не могу опредѣлить времени ихъ происхожденія, предполагаю однако, что и онѣ римскія. Ни въ Берлинѣ, ни въ Прагѣ я, осматривая тамошніе музеи въ 1873 г., не нашелъ ни одного экземпляра такихъ пряжекъ. Въ Шверинѣ напротивъ того я видѣлъ нѣсколько маленькихъ подковообразныхъ пряжекъ изъ бронзы и желѣза, которыя я, на основаніи размѣщенія находокъ, счелъ найденными въ до-славянскихъ могильникахъ Мекленбурга, для которыхъ характерны пряжки дугообразной формы. Ихъ притомъ было не много, и если мое мнѣніе о мѣстѣ ихъ находки вѣрно, то финская пряжка, равно какъ и спиральное запястье и желѣзные кельты, употребляемые западно-финскими племенами, вѣроятно являются наслѣдствомъ ранняго періода германскаго желѣзнаго вѣка въ прибалтійскихъ областяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что подковообразная пряжка, по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ доктора Монтелиуса, не встрѣчается въ Скандинавіи въ ранніе періоды желѣзнаго вѣка.

Въ поздніе періоды того же вѣка этими пряжками болѣе другихъ мѣстъ изобилуютъ прибалтійскія провинціи: Лифляндія, Эстляндія, Курляндія, Ингерманландія, Финляндія и Литва. Отсюда эта форма, какъ видно, распространилась къ восточнымъ финскимъ племенамъ (исключая пермскаго), но встрѣчается все рѣже и рѣже, чѣмъ дальше подвигаемся на Востокъ. Самые восточные мнѣ извѣстные экземпляры найдены въ развалинахъ Билярска и Болгарь.

Между находками въ славянскихъ могилахъ Московской губерніи, описаніе которыхъ я составлялъ въ 1874 году, въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета, не встрѣчается пряжки ни этого ни какого либо другаго образца. Напротивъ, между хранящимися въ вышеупомянутомъ музеѣ могильными находками Смоленской губерніи, имѣется одинъ экземпляръ подковообразной формы, но типа, котораго мнѣ не приходилось встрѣчать въ другихъ коллекціяхъ. Концы спирально-украшеннаго кольца овальнообразно расплюснуты на одной и той же площади и въ одномъ и томъ же направленіи съ кольцомъ. Срисованные мною въ Краковѣ и Варшавѣ четыре экземпляра этихъ пряжекъ происходятъ изъ Литвы.

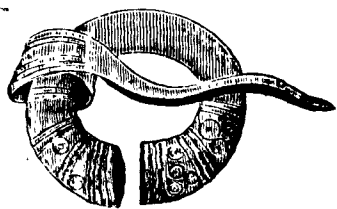
Переходя теперь къ богатой своими древностями Скандинавіи, я имѣю слѣдующія свѣдѣнія о распространеніи подковообразной пряжки, доставленныя моимъ другомъ докторомъ Монтелиусомъ. Съ острова Готланда, лежаваго ближе всѣхъ остальныхъ частей Швеціи къ прибалтійскимъ областямъ, національный музей въ Стокгольмѣ имѣетъ не менѣе 40 серебряныхъ и около 200 бронзовыхъ экземпляровъ, между тѣмъ какъ остальная часть Швеціи, со включеніемъ и Эландіи, доставила всего около 20 серебряныхъ и отъ 20 до 30 бронзовыхъ экземпляровъ. Принимая во вниманіе незначительность поверхности Готланда, въ сравненіи съ пространствомъ остальной Швеціи, и зная притомъ, что подковообразная пряжка, какъ уже упомянуто выше, не встрѣчается въ Скандинавіи въ ранніе періоды желѣзнаго вѣка, есть возможность предположить, что эта форма появилась въ Швеціи въ поздній періодъ желѣзнаго вѣка и происходила изъ странъ, лежащихъ къ востоку отъ Балтійскаго моря.

Послѣ этого обзора распространенія подковообразной пряжки на Сѣверѣ, я хочу обратить вниманіе на нѣкоторые различные типы той же пряжки. Долженъ однако заранѣе заявить о томъ, что изученіе большей части формъ, основывающееся на однихъ снимкахъ, непременно будетъ болѣе или менѣе невѣрно и неполно, такъ какъ для спеціальнаго изученія рѣдко достаточно одного снимка. И такъ, при разсмотрѣніи подковообразной пряжки, слѣдуетъ обратить вниманіе на различную форму пуговокъ или головокъ, въ которыя переходятъ оконечности кольца, на разрѣзъ самаго кольца и орнаментовку, наконецъ на тотъ различный способъ, какимъ шилька основаніемъ своимъ, обхватываетъ кольцо. Я здѣсь главнымъ образомъ обращаю вниманіе на видъ пуговокъ.

Въ прибалтійскихъ краяхъ извѣстны два образца пряжекъ, у которыхъ кольцо не имѣетъ пуговокъ. Экземпляръ одного изъ этихъ образцовъ, найденный въ окрестностяхъ Вирцы (Ковенской губерніи), у котораго немного сплюснутое коль-

цо расширяется у концовъ, я видѣлъ въ коллекціи г. Подчашиньскаго въ Варшавѣ (фиг. 24). Гартманъ также упоминаетъ о двухъ такихъ же пряжкахъ въ своемъ спискѣ вещей, находящихся въ Дерптскомъ музеѣ. (Таб. X, 42). Экземпляръ втораго образца, найденный въ Ашерденѣ, съ круглымъ разрѣзомъ кольца, и похожій на поручи, срисованъ г. Крузе и такой же изображенъ Веромъ, неизвѣстно гдѣ найденный. Въ какомъ сродствѣ пряжки этого рода находятся съ пряжками, снабженными пуговками, я не берусь рѣшить. Если представить себѣ концы кольца у пряжекъ, снятыхъ Веромъ и Крузе, согнутыми къ верху, то форма пуговокъ, изображенная Гартманомъ (Таб. VII: 15), кажется родственною съ происшедшею такимъ образомъ формою и снятая въ каталогѣ Гартмана (стр. 87) пуговка кольца есть не что иное какъ переходъ къ пуговкамъ угловатой формы. Находящійся въ настоящее время въ моихъ рукахъ матеріалъ однако слишкомъ ограниченъ, чтобы съ какою либо достовѣрностью я могъ посредствомъ цѣлаго ряда формъ указать на сродство, существующее между различными пуговками. Я принужденъ поэтому, умалчивая о среднихъ формахъ, ограничиться лишь разсмотрѣніемъ болѣе или менѣе совершенно развитыхъ типовъ.

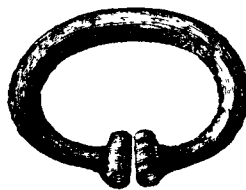
Фиг. 24.

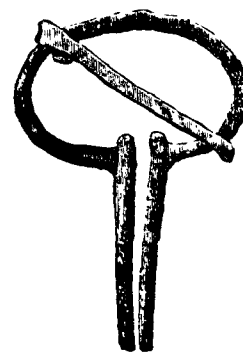
Фиг. 25.

Фиг. 26.

Фиг. 27.

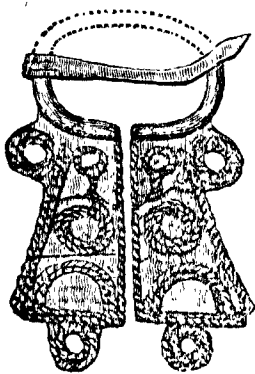

Несравненно большее распространеніе имѣетъ пряжка со спирально согнутыми къ верху пуговками, ибо эта форма не только чаще всѣхъ распространена у западно-финскихъ народовъ, но и также, за немногими исключеніями, единственная, которая встрѣчается въ могилахъ восточно-финскихъ племенъ. Эта пряжка чаще всего сдѣлана изъ простой бронзовой проволоки и самыя красивыя формы этого типа имѣютъ расплюснутое, рѣдко снабженное орнаментомъ кольцо изъ бронзы или серебра, по срединѣ котораго идетъ болѣе или менѣе выступающій край. У восточно-финскихъ племенъ этотъ типъ между тѣмъ далѣе начало другому типу, который кажется принадлежитъ къ историческому времени. А именно—спирали на оконечностяхъ кольца удлинились (фиг. 25—27) болѣе и болѣе и за-

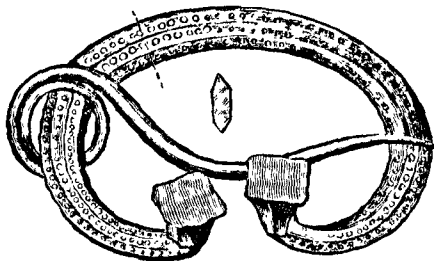
мѣнялись затѣмъ литыми висячими прутиками, которые наконецъ расплющивались и разнообразно украшались (фиг. 28).

Другая пряжка, съ которой мною срисованы три видоизмѣненія изъ числа мерянскихъ находокъ въ Публичномъ Московскомъ музеѣ, отличается плоскими четверугольными пуговками. Четыре пряжки этого образца входятъ въ составъ значительнаго серебрянаго клада съ Лапландской границы въ Финляндіи; пятая принадлежитъ къ находкѣ въ окрестностяхъ Тавастгуса (фиг. 29). Затѣмъ эта форма встрѣчается между находками г. Ивановскаго въ Ингерманландіи. Крузе срисовалъ одинъ экземпляръ изъ Эстляндіи и три экземпляра изъ Ашерадена, Беръ два экземпляра изъ Лифляндіи и т. д. Многіе относящіеся къ этому типу экземпляры—серебряные и имѣютъ значительно расплюснутое кольцо (фиг. 30) съ идущимъ по срединѣ его краемъ.

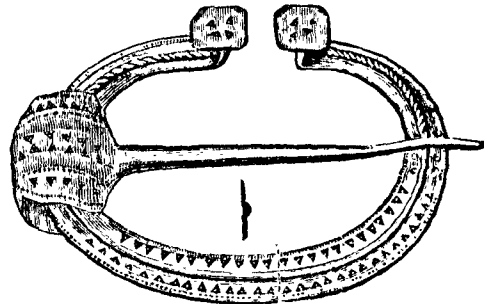
Фиг. 28.

Фиг. 29.

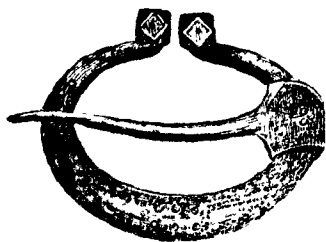

Фиг. 30.

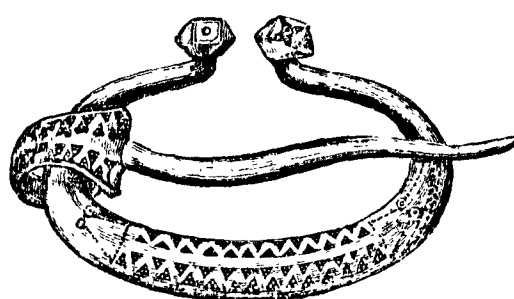

Типъ пряжки преимущественно характеризующій западно-финскія племена, есть типъ съ гранеными пуговками. Онъ равно распространенъ по Эстляндіи, Лифляндіи, Ингерманландіи и Финляндіи. Между всеми подковообразными пряжками этотъ типъ безъ сомнѣнія показываетъ величайшее разнообразіе формъ. Я здѣсь ограничусь сообщеніемъ лишь самыхъ замѣчательныхъ изъ нихъ (фиг. 31—32). Два

Фиг. 31.

Фиг. 32.

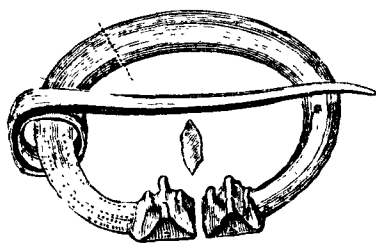

экземпляра, у которых пуговицы снабжены четырьмя торчащими къверху остриями, известны намъ изъ западной Финляндіи (фиг. 33).

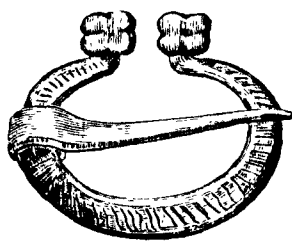
Пряжки съ пуговицами, въ видѣ розетокъ, изображены г. Крузе изъ Аперадена и К. Тышкевичемъ изъ Борисова (Минской губерніи). Эта форма также встрѣчается въ находкахъ г. Ивановскаго въ Ингерманландіи (фиг. 34) и въ одной могильной находкѣ изъ окрестностей Вьернеборга въ Финляндіи; Гартманъ также упоминаетъ о двухъ, трехъ менѣе обыкновенныхъ вариантахъ изъ Лифляндіи и Курляндіи (Таб. VII: 8, 20).

Еще менѣе распространеніи имѣетъ пряжка, кольцо которой украшено шаровидными или яйцеобразными пуговицами. На сколько мнѣ известно 8 экземпляровъ найдены въ Ковенской губерніи, два у Борисова (Минской губерніи), два въ Апераденѣ, одинъ у Зегевольде въ Лифляндіи и одинъ у Ново-Сиверской въ Ингерманландіи (фиг. 35). Кольца, разрѣзы которыхъ круглы, гладки, безъ орнаментовъ и утончаются къ концамъ.

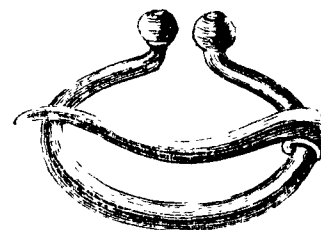
Фиг. 33.

Фиг. 34.

Фиг. 35.

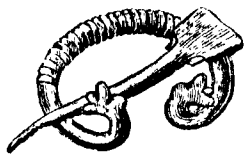
Форма, которая кажется особенно характеризуетъ Эстонскую область Эстляндіи и Лифляндіи (13 экземпляровъ) и которая тамъ удержалась еще въ XVI-мъ вѣкѣ, отличается тонкими круглыми пуговицами, со временемъ кажется все возрастающими въ величинѣ (Гартманъ Таб. VII: 10—13). Нѣсколько экземпляровъ также известны изъ южной Лифляндіи и Курляндіи. Кольца въ этихъ пряжкахъ большею частью виты изъ четырехугольной бронзовой, а иногда серебряной проволоки.

Пряжки, кольца которыхъ снабжены пуговицами, похожими на обращенные вверхъ дномъ полушарики, известны Гартману (Таб. VII, 3) изъ Эзеля, Салисбурга, Ленневадена, Курляндіи и Пскова. Три кольца имѣютъ овальный разрѣзъ и по верхней части украшены косыми линиями сдѣланными пунктиромъ.

Монтеліусъ изобразилъ въ своихъ „Antiquités Suédoises“, (фиг. 591), красивую серебряную пряжку, у которой концы кольца переходятъ въ головы драконовъ. Сколько мнѣ известно, такой пряжки не найдено по эту сторону Балтійскаго моря. За то въ прибалтійскихъ краяхъ найдены родственныя формы, у ко-

торыхъ концы кольца загнуты назадъ и имѣютъ видъ головы животнаго. Такую же пряжку съ кольцомъ, которое было покрыто спиральными линиями изъ Мерега въ Литвѣ (фиг. 36), я нашелъ въ коллекціи Подчашиньскаго въ Варшавѣ. Крузе изображаетъ такую же пряжку съ витымъ кольцомъ изъ Курляндіи и Гартманъ третью изъ Эзеля. Кромѣ того мы у Гартмана находимъ нѣсколько очень интересныхъ матеріаловъ къ исторіи развитія этой формы. Онъ изобразилъ серію относящихся сюда пуговокъ, которыя показываютъ какъ первоначальная голова животнаго постепенно теряла свою форму и принимала новую, содержаніе которой скорѣе можно было бы отнести къ царству растеній, чѣмъ къ царству животныхъ (фигуры 37—39).

Фиг. 36.

Фиг. 37.

Фиг. 38.

Фиг. 39.

О рѣдкихъ остальныхъ типахъ, извѣстныхъ пока въ такомъ маломъ числѣ экземпляровъ, что они еще не могутъ характеризовать какую нибудь отдѣльную область, я здѣсь умалчиваю. Встрѣчающіеся въ Швеціи типы, которыми я спеціально не занимался, оставляю также безъ вниманія.

О НѢКОТОРЫХЪ ХИМИЧЕСКИХЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ ВЪ КОСТЯХЪ, НАХОДИМЫХЪ ПРИ РАСКОПКАХЪ.

И. М. Гвоздева.

(Чтано въ засѣданіи 16 августа. См. Протоколы, стр. СХVIII—СХІХ).

Дѣйствіе времени на предметы неодушевленные находится въ прямомъ отношеніи, т. е. пропорціонально дѣйствию физическихъ и химическихъ дѣятелей, или другими словами, время относительно предметовъ мертвыхъ есть рядъ повторныхъ дѣйствій физическихъ и химическихъ причинъ. Здѣсь не время и не мѣсто говорить о томъ, какъ дѣйствуютъ вообще и въ особенности, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и на извѣстные предметы, эти физическіе и химическіе моменты. А между тѣмъ дѣйствіе времени, или что то же опредѣленіе времени въ археологіи имѣетъ весьма важное значеніе.

Если вѣрно, что время есть повторное дѣйствіе на извѣстный предметъ физическихъ и химическихъ моментовъ, то будетъ также вѣрно и то, что научное опредѣленіе древности даннаго предмета не иначе можетъ быть сдѣлано, какъ съ помощью изученія дѣйствія этихъ моментовъ на данный предметъ. Изъ одного уже сказаннаго достаточно ясно, какаѧ тѣсная связь по нѣкоторымъ вопросамъ должна существовать между археологіею и естественными науками.

Въ настоящемъ рефератѣ я имѣю возможность коснуться только костей челоуѣческаго организма, указавъ въ общихъ чертахъ на тѣ химическіе моменты, которые необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи качествъ даннаго скелета, или его частей и попытаться примѣнить, между прочимъ, эти указанія къ реферату г. Ивановскаго.

Кости, какъ извѣстно, состоятъ изъ органическихъ и неорганическихъ частей. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ органическія части вообще разрушаются процессомъ гніенія, т. е. при совмѣстномъ дѣйствіи теплоты, влажности и кис-

лорода и въ особенности при переменнѣй влажности: неорганическія же части извлекаются съ помощью кислотъ. Въ настоящее время доказано, что угольная кислота, какъ вещество весьма распространенное въ природѣ, служитъ не только для извлеченія изъ костей неорганическихъ частей, но и органическихъ. Такъ Флешъ (*Zur physiologie der Knochenresorption, Centralblatt für die med. Wissenschaften 1876, S. 524*) съ помощью воды, содержащей угольную кислоту, извлекалъ изъ порошка костей, какъ неорганическія, такъ и органическія ихъ части; при чемъ Флешъ упоминаетъ, что извлеченіемъ изъ костей органическихъ веществъ не обладали другія кислоты, кромѣ угольной. Еще позднѣе Тильманнсъ (*Ueber den Einfluss der Kohlensäure auf das Knochengewebe, Deutsche Zeitschrift für Chirurgie, 1877, B. VII, S. 533,*) пропуская постоянно (2 мѣсяца) при извѣстной температурѣ (38° C) на костныя пластинки простую дистиллированную воду, воду содержащую угольную кислоту и воду содержащую весьма слабый растворъ щелочи, нашелъ: 1) отъ щелочнаго раствора пластинка не измѣнилась, 2) отъ дистиллированной воды весьма мало, и 3) отъ угольной кислоты весьма значительно, т. е. на костной пластинкѣ появились шероховатости, углубленія. Незначительное дѣйствіе на костную пластинку дистиллированной воды Тильманнсъ объясняетъ присутствіемъ въ ней минимальнаго количества угольной кислоты.

Что касается реферата г-на Ивановскаго о раскопкахъ кургановъ, то относительно костей обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, три слѣдующіе его вывода: 1) по шероховатости въ костяхъ нижнихъ конечностей на мѣстѣ прикрѣпленія мышцъ референтъ выводитъ, что люди въ то время много работали ногами, а слѣдовательно занимались охотою; 2) по отверстию въ задней части человѣческаго черепа г-нъ Ивановскій пришелъ къ заключенію, что человѣкъ этотъ принесенъ былъ въ жертву и 3) по отломаннымъ частичкамъ костей опредѣлить, что кости эти принадлежали коровамъ, овцамъ и свиньямъ.

Относительно первыхъ двухъ выводовъ г-на Ивановскаго, кромѣ приближительнаго объясненія возможностью мѣстнаго дѣйствія угольной кислоты на кости и другими физическими моментами, нельзя вполне согласиться еще и потому, что весьма трудно допустить, чтобы люди того періода бѣгали за звѣрями и птицами (хожденіе же вещь обыкновенная), а въ жертву приносили людей при посредствѣ удара въ заднюю часть головы. Что касается 3-го вывода г-на Ивановскаго, т. е. по частичкамъ костей вывести заключеніе, что такая то частичка принадлежала кости коровы, а другая—овцы или свиньи, то я, крайне интересуясь этимъ вопросомъ и не зная такого способа опредѣленія, почтительнѣйше просилъ разъясненія. Г-нъ Ивановскій сослался на опредѣленіе г-на Брандта, присовокупивъ,

что были массы цѣлыхъ костей, принадлежащихъ вышеупомянутымъ животнымъ. Но съ выводомъ г-на Ивановаго согласиться нельзя, ибо изъ него еще не слѣдуетъ, чтобы и частички костей несомнѣнно принадлежали тѣмъ же животнымъ, подобно тому какъ въ курганахъ по присутствію массъ песку и глины нельзя принять, чтобы и все было песокъ и глина. Да если принять, что всѣ кости принадлежали коровамъ, овцамъ и свиньямъ, то куда же дѣвались кости животныхъ пріобрѣтенныхъ съ помощью охоты, какъ напр. кости птицъ, если допустить что коровы, овцы и свиньи еще были въ дикомъ состояніи, а за этими то животными люди того времени и предпринимали охоту.

О РАСКОПКАХЪ ГРАФА КАРЛА СИВЕРСА ВЪ ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(Доложено проф. А. Г. Брикнеромъ въ засѣданіи 1 августа. См. Протоколы, стр. XXXV).

Графъ Карлъ Сиверсъ, имѣющій свое мѣстопробываніе близъ Вендена, въ Лифляндской губерніи, поручилъ мнѣ сообщить Съѣзду о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ Лифляндской губерніи, отчасти при помощи субсидіи, назначенной для этой цѣли Лифляндскимъ дворянствомъ. При изобиліи находокъ желательнo, чтобы и русскіе археологи обратили вниманіе на эти раскопки.

Открытія, сдѣланныя графомъ Сиверсомъ, пока заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

- 1) слѣды свайныхъ построекъ,
- 2) мѣсто которое служило мастерскою для выдѣлки кремневыхъ орудій (Flint),
- 3) холмъ, состоящій изъ кухонныхъ остатковъ,
- 4) жертвенная гора,
- 5) корабельныя могилы.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ открытій.

1) Уже въ 1870 г. графъ Сиверсъ занимался изслѣдованіемъ слѣдовъ свайныхъ построекъ у Арранскаго озера близъ Вендена; объемъ открытыхъ слѣдовъ около 900 кв. метровъ; изслѣдовано 23 квадр. метра. Найдены были тутъ между прочимъ слѣдующіе предметы:

- литая форма темной глины,
- литая бронзовая иголка 19 мм. длины,
- обработанная кость,
- просверленный зубъ кабана,
- цѣлыя груди орѣховыхъ скорлупъ и желудей,

енурки, остатки пряжи;

части разныхъ сосудовъ изъ березовой коры.

Можно ожидать въ этомъ мѣстѣ дальнѣйшихъ находокъ.

2) Въ 1872 году на берегу Бургнекскаго озера было открыто мѣсто, въ которомъ очевидно находилась мастерская приготовленія кремневыхъ орудій. Найдены у Свейнева:

часть браслета изъ глинянаго шифера,

овальный просверленный камень известковаго отложенія,

кусокъ просверленнаго кремня,

цѣльные и разломанныя копья, острія или наконечники стрѣлъ, болѣе 400 кусковъ кремня, кремневыхъ осколковъ и пр.

3) Лѣтомъ 1875 г. графъ Сиверсъ изслѣдовалъ большую часть невысокаго холма при рѣкѣ Залисѣ, вытекающей изъ Бургнекскаго озера. Тутъ оказалось множество кухонныхъ остатковъ. Холмъ этотъ возвышался на $2\frac{1}{4}$ метра надъ рѣкою; 1,70 метр. состоитъ исключительно изъ кухонныхъ остатковъ, особенно раковинъ разныхъ видовъ, далѣе рыбной чешуи и рыбныхъ костей, зола и угля. Во всемъ холмѣ были разбросаны между кухонными остатками большею частью сломанныя кости животныхъ: быкъ (*Bos primigenius*), лось, медвѣдь, кабанъ, тюлень, овца, олень, бобръ, выдра, и пр.); 5 пудовъ этихъ костей были отправлены къ профессору Рютимейеру для разслѣдованія. Далѣе найдено нѣсколько скелетовъ; удалось вынуть два скелета почти вовсе неповрежденными. Скелеты находились въ древнѣйшемъ, т. е. низшемъ слоѣ холма. На половинѣ высоты холма былъ найденъ скелетъ съ украшеніями изъ кости и съ двумя костяными стрѣлами и пр.; черепъ этого скелета, а также двадцать съ чѣмъ-то другихъ череповъ, принадлежавшихъ къ скелетамъ, найденнымъ въ позднѣйшихъ слояхъ холма, были отправлены для разслѣдованія къ профессору Вирхову. Въ верхнихъ слояхъ раковинъ находились два каменные острія стрѣлъ, изъ которыхъ одно сдѣлано изъ розоваго кварца, другое изъ янтаря. На поверхности найденъ каменный топоръ изъ серпентина безъ отверстія для рукоятки. Возлѣ груды раковинъ въ полѣ, граничившемъ къ этой грудѣ, было найдено небольшое долото изъ серпентина.

4) Въ началѣ 1874 года графъ Сиверсъ впервые узналъ о существованіи большихъ грудъ камней въ имѣніи Рогенбургъ (Венденскаго уѣзда); въ нихъ были найдены случайно разные предметы украшенія. Графъ Сиверсъ приступилъ къ изслѣдованію этого мѣста, т. е. пока къ изслѣдованію меньшей изъ этихъ каменныхъ грудъ, имѣющей 4—5 футовъ вышины и 60 футовъ въ діаметрѣ. Оказались важные результаты. Открыты концентрическіе круги камней для сидѣнія

(Sitzsteine), возвышающіеся надъ другими камнями. Между камнями были найдены разные предметы украшенія и нѣсколько небольшихъ каменныхъ ящичковъ въ 11 дюймовъ длины, 9 ширины, покрытыхъ плоскими известковыми камнями. Въ нихъ найдены человѣческія трубчатые кости, въ которыхъ не доставало мѣстъ суставовъ. Въ одномъ ящичкѣ была найдена часть черепа и часть ребра и челюсть. Между двумя рядами камней для сидѣнія были найдены семь ножей и одинъ брусъ, что заставляетъ думать, что эти предметы, служившіе при приношеніи жертвъ, были положены тамъ тотчасъ же послѣ употребленія, какъ бы для предохраненія ихъ отъ позднѣйшей профанаціи. Особенно важна находка поваго вида фибуль (Sprossenfibel) и серебряной плитки съ эмалью. Эта форма фибуль въ Германіи и Швейцаріи считается новою.

5) Весною 1875 г. графъ Сиверсъ открылъ въ другой каменной грудѣ, находящейся въ 2½ верстахъ отъ жертвенной горы почти полную корабельную могилу, въ которой также были найдены эти „Sprossenfibel“. Послѣ удаленія массы камней, лежавшихъ вышиною на 5 футовъ, оказалась весьма ясно форма корабля.

Около этого мѣста находятся 8 такихъ грудъ камней (Steinsetzungen), заключающихъ въ себѣ около 100 кубическихъ сажень камней. Во всѣхъ изъ нихъ (они были изслѣдованы графомъ Сиверсомъ) были найдены „Sprossenfibel“. Въ двухъ дальнѣйшихъ не нашлось этихъ фибуль. Въ двухъ такихъ могилахъ были найдены монеты Марка Аврелія и Канута. Монеты обнимаютъ періодъ 700 лѣтъ. Можно полагать, что онѣ попали сюда не одновременно.

Замѣчательны при этихъ каменныхъ могилахъ: а) ихъ техника, б) ихъ многочисленность.

а) Масса матеріала и громадный трудъ, требуемый для сооруженія такихъ корабельныхъ могилъ, заставляетъ думать, что такія могилы сооружались лишь для замѣчательныхъ лицъ, героевъ, начальниковъ.

б) Въ области Смильтенъ-Рогенбургской графу Сиверсу извѣстны еще четыре груды камней: при Дроттенгофѣ шесть, при Готгардсбергѣ два, при Уннипахтѣ (гдѣ найдены двѣ Sprossenfibeln) находятся шесть такихъ каменныхъ грудъ; въ одной изъ нихъ очень недавно графъ Сиверсъ нашелъ прекрасный экземпляръ „Sprossenfibel“. Въ 10-ти верстахъ отъ Дерпта онъ нашелъ такую же каменную груду. въ ней также „Sprossenfibel“. Проф. Гревингкъ указываетъ на многія другія каменныя груды. Г. Штокеби, помѣщикъ, заявилъ, что въ его имѣніи въ Гдовскомъ уѣздѣ находятся также нѣсколько каменныхъ грудъ и что вообще въ томъ краѣ ихъ легко можно насчитать до ста. Далѣе онѣ встрѣчаются между Нейгаузеномъ и Псковомъ. Эта многочисленность таковыхъ памятниковъ достойна

тѣмъ болѣе вниманія, что безъ всякаго сомнѣнія многія каменные груды были разрушены при постройкахъ новѣйшаго времени.

Было бы важно опредѣлить географическое распространеніе этихъ каменныхъ грудъ, напр. отвѣтить на вопросъ: до какихъ мѣстъ онѣ распространяются на востокъ, и не находятся ли такія каменные груды между Чудскимъ озеромъ и Новгородомъ? и пр. Затѣмъ опредѣленіе этнографическое, быть можетъ, какъ полагаетъ графъ Сиверсъ, могло бы содѣйствовать разъясненію вопроса о началѣ Руси. Графъ Сиверсъ прямо называетъ корабельныя могилы „норманскими“. Насколько такое предположеніе основательно, — да рѣшить этотъ вопросъ наука археологіи въ соединеніи съ исторіею.

Таковы открытія графа Сиверса, который поручилъ мнѣ, мм. гг., сообщить вамъ объ этихъ данныхъ, при чемъ имъ была выражена надежда, что членамъ Съезда, быть можетъ, будетъ угодно обсудить мѣры для дальнѣйшаго изслѣдованія этихъ памятниковъ, пока мало извѣстныхъ.

О ЖЕЛѢЗНОМЪ ВѢКѢ ВЪ БАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Результаты работъ профессора К. Гревингга въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Archiv für Anthropologie“ подъ заглавіемъ: Zur Archaeologie des Balticums und Russlands (т. VII, 1874 и т. X, 1877) (¹).

Доложено А. Г. Брикнеромъ въ засѣданіи 1 августа. См. Протоколы, стр. XXXV—XXXVI.

Нельзя было доказать существованіе человѣка въ восточной Балтикѣ въ геологически разграниченномъ (антропологическомъ) вѣкѣ, во время древнѣйшаго квартернаго или дилловіальнаго періода. За то можно считать доказаннымъ существованіе человека вмѣстѣ съ разными вымершими животными во время позднѣйшаго квартернаго или аллювіальнаго періода. Эти животныя слѣдующія: туръ (*Bos primigenius*, Воj.), зубръ (*Bos priscus*, Wisent), кабанъ и тюлень Буртнесскаго озера. Этимъ еще не доказано существованіе человѣка въ древнѣйшій періодъ аллювіальнаго времени, такъ какъ эти животныя тамъ вымерли не ранѣе какъ въ историческое время.

Древнѣйшіе, определяемые по годамъ, слѣды появленія человѣка относятся въ восточной Балтикѣ къ послѣдней половинѣ тысячелѣтія до Р. Хр. Монеты, найденныя въ восточной Пруссіи (Бромбергъ и Шубинѣ), а также нѣкоторыя бронзовые предметы, найденныя въ Силезіи и Лифляндіи, указываютъ на восточную Балтику въ V и IV вѣкѣ до Р. Хр., а также и на сообщеніе, бывшее въ то время по Балтійскому морю.

Относительно той же эпохи и перваго вѣка послѣ Р. Хр. раскопки кургановъ доказываютъ существованіе восточно-балтійскаго населенія каменнаго вѣка, занимавшагося рыбною ловлею и охотою и пользовавшагося орудіями и оружіями, сдѣланными изъ кости и камня. Изрѣдка эти люди употребляли при этомъ

(¹) Статья эта уже напечатана въ Ж. М. Н. П. 1877 г. ч. СХСІV, отд. IV, стр. 18—22, но мы перепечатаемъ ее, по желанію автора.—Ред.

кремель, за то главнымъ образомъ были въ употребленіи діоритъ, діабазъ и кремнистый шиферъ, т. е. горныя породы, которыя валунами встрѣчаются во всей восточной Балтикѣ, а залегаютъ въ Финляндіи. Обработка и приготовленіе многихъ каменныхъ орудій въ восточной Балтикѣ обнаруживаютъ не только довольно развитую технику, между прочимъ въ шлифовкѣ и сверленіи, но и вкусъ и вообще довольно высокую культуру. Скелеты и прочіе слѣды этого населенія были найдены какъ на восточно-балтійскихъ островахъ и берегахъ, такъ и вблизи большихъ озеръ и рѣкъ. Въ сѣверной части восточной Балтики, т. е. въ Финляндіи, Эстляндіи и въ сѣверной Лифляндіи, а также и на берегахъ юго-восточной Балтики этотъ народъ каменнаго вѣка вѣроятно принадлежалъ къ финскому племени въ широкомъ смыслѣ, пришедшему съ востока, и соотвѣтствовалъ своею культурою Феннамъ, описаннымъ Тацитомъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Къ югу за финскимъ побережьемъ и въ большомъ разстояніи отъ моря, какъ кажется, въ это время простиралась страна съ литовско-славянскимъ населеніемъ, употреблявшимъ также каменныя орудія.

Представители каменнаго и бронзоваго вѣка въ западной Балтикѣ имѣли отношенія къ этимъ, по всей вѣроятности финскимъ и литовско-славянскимъ представителямъ каменнаго вѣка, не сожигавшимъ покойниковъ, но зарывавшимъ ихъ въ землю, не употреблявшимъ металлическихъ орудій и имѣвшимъ лишь мало кремневыхъ орудій. Сношенія между жителями западной и восточной Балтики не были особенно оживленными. Нѣкоторыя изъ немногихъ найденныхъ въ восточной Балтикѣ кремневыхъ орудій безъ всякаго сомнѣнія могутъ считаться происходящими изъ западной Балтики. *Формы оружія изъ оловянной бронзы*, находимыхъ въ восточной Балтикѣ вообще рѣдко, въ восточной Пруссіи и въ Финляндіи однако чаще чѣмъ въ странѣ, находящейся между этими мѣстами, *указываютъ преимущественно на тотъ позднѣйшій періодъ бронзоваго вѣка въ западной Балтикѣ*, который продолжается до перваго столѣтія послѣ Р. Хр. и во время котораго покойники сожигались, какъ видно изъ погребальныхъ мѣстъ, найденныхъ въ Швеціи и Финляндіи. Тамъ пепель труповъ находится вмѣстѣ съ оружіемъ и съ разными украшеніями нерѣдко въ сосудахъ и каменныхъ ящикахъ среди искусственно составленныхъ грудъ валуновъ. Древніе уральско-алтайскіе бронзовые предметы или ихъ владѣльцы не достигали береговъ Балтійскаго моря.

За каменнымъ вѣкомъ восточной Балтики, совпадающимъ съ младшимъ бронзовымъ вѣкомъ западной Балтики и не обнаруживающимъ особенной зависимости ни отъ этого бронзоваго вѣка, ни отъ древне-италійской или древне-грече-

ской культуры, слѣдовалъ *отъ I-го до XIII-го столѣтія по Р. Х.* языческой *железный вѣкъ* восточной Балтики, распадающійся на два отдѣла.

Первый отдѣлъ продолжается *отъ I-го до VIII-го столѣтія*. Тутъ въ первыхъ четырехъ столѣтіяхъ нашего лѣтосчисленія распространяются въ восточной Балтикѣ древне-германскія или готскія племена, явившіяся съ запада. Эти люди были опытными моряками, какъ кажется, добывали желѣзо и владѣли разными бронзовыми и серебряными предметами роскоши, бывшими вѣроятно произведеніями римской промышленности и римской торговли, хотя и нѣтъ надобности считать ихъ произведеніями вообще или исключительно Рима.

Эти восточно-балтійскіе Готы сожигали покойниковъ, при чемъ они употребляли разные, побочные погребальныя обычаи, указывающіе на два различныя племена. Сѣверные Готы восточной Балтики жили въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, но существованіе ихъ въ Ингерманландіи и дальше на востокъ до сихъ поръ не доказано ни курганами, ни культурными предметами. Они сохраняли пепель умершихъ, соотвѣтственно предшествовавшимъ имъ представителямъ младшаго западно-балтійскаго бронзоваго вѣка, внутри искусственныхъ грудъ камней. Для этой цѣли особенно употреблялись кораблеобразныя или имѣющія другой болѣе или менѣе правильный видъ каменныя сооруженія. Эти сооруженія служили не только семейными могилами, въ которыхъ сохранялся прахъ умершихъ, и нѣкоторые, принадлежащіе имъ предметы безъ сосудовъ, но были и мѣстами, гдѣ хранились въ память умершихъ, можетъ быть и для укрѣпленія обѣтовъ, разные предметы кромѣ оружія. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что эти Готы вѣровали въ мирную загробную жизнь. Можетъ быть, что тѣ же самые Готы, сохраняя оружіе подъ землею (напр. въ Добесбергѣ въ Курляндіи), старались снабдить своихъ покойниковъ средствами для борьбы, тогда какъ другіе Готы, могилы которыхъ встрѣчаются въ Курляндіи, въ Ковенской губерніи и въ восточной Пруссіи, отличались отъ сѣверныхъ Готовъ тѣмъ, что были всадниками и употребляли сосуды для пепла. Какъ кажется, южные Готы, которые жили вмѣстѣ съ Эстіями или древними Пруссами, занимались торговлею янтаремъ и посредствомъ торговыхъ сношеній имѣли возможность получать предметы римской промышленности.

Что же касается до туземныхъ жителей восточной Балтики, то пребываніе Готовъ въ ихъ странѣ не могло не повліять на нихъ. Хотя и у нихъ еще долго встрѣчается каменный топоръ, употребляемый и для борьбы и при жертвоприношеніяхъ, или какъ знакъ отличія рядомъ съ желѣзнымъ, финскія нарѣчія, а также и нѣкоторыя сохранившіяся до позднѣйшаго желѣзнаго вѣка обычаи и обряды у Финновъ въ Балтикѣ, указываютъ на сильное вліяніе, которое сѣверные прибалтійскіе Готы имѣли на Финновъ. Подобное же вліяніе южныхъ Го-

товъ Балтики на Литовскія племена обнаруживается въ могилахъ этого края, хотя до сихъ поръ лингвистика не была въ состояніи съ своей стороны указать на такое вліяніе, вслѣдствіе скудости памятниковъ древне-прусскаго языка.

Послѣ постепеннаго исчезновенія Готовъ изъ восточной Балтики, со времени переселенія народовъ и вообще отъ V до VIII столѣтія замѣчается почти полнѣйшее пресѣченіе прежняго сообщенія, бывшаго въ рукахъ этихъ пришельцевъ. Развѣ только въ V и отчасти еще въ VI столѣтіи замѣтны въ нынѣшней восточной Пруссіи и въ Финляндіи нѣкоторые слѣды торговыхъ сношеній съ Византією и культурнаго вліянія Византіи, какъ это видно изъ находокъ монетъ. Такое пресѣченіе торговыхъ сношеній или по крайней мѣрѣ то явленіе, что эти сношенія существуютъ лишь на морѣ, легко объясняютъ, почему нѣкоторые встрѣчающіеся въ западной Балтикѣ культурные предметы, подавніе поводъ къ опредѣленію особеннаго желѣзнаго вѣка, не встрѣчаются въ восточной Балтикѣ и почему не должно дѣлить древнѣйшій восточно-балтійскій желѣзный вѣкъ на два періода, отличающіеся разностью произведеній промышленности. Если вообще можно говорить о какомъ либо особенномъ признакѣ культурнаго быта восточной Балтики отъ V-го до VIII-го вѣка, то этотъ признакъ заключается главнымъ образомъ въ недостаткѣ или въ слабости вліянія пришельцевъ, стоявшихъ нѣсколько выше, на туземцевъ въ продолженіе этого времени.

Туземцы, развивавшіеся въ продолженіе времени отъ V-го до VIII-го столѣтія спокойно подъ вліяніемъ готской культуры, оказываются сравнительно опытными въ земледѣліи, скотоводствѣ, мореплаваніи, торговлѣ и ратномъ дѣлѣ. Они умѣли ковать желѣзо и добывать оное, если нужно, изъ рудъ, находимыхъ въ ихъ странѣ, однако они пользовались по преимуществу привозными извнѣ желѣзнымъ оружіемъ и металлическими предметами роскоши и пріобрѣтали куфическія монеты. Въ періодъ Викинговъ (отъ 700 до 1050 года) Эсты были въ состояніи сражаться съ Шведами на морѣ. Мореплавателей и воиновъ, прибывавшихъ изъ Скандинавіи, Куры убивали и они удостоивались корабельной могилы (Wella Laiwe—въ Курляндіи) въ чужой восточно-балтійской землѣ. Въ первое время этого *младшаго желѣзнаго вѣка, продолжавшагося отъ VIII до XIII столѣтія* у Эстовъ употреблялись большія каменные сооруженія, напоминающія обрядъ Готовъ и посвященныя погребальному культу; въ нихъ однако не встрѣчается сосудовъ для пепла, тогда какъ древніе Пруссы оставались вѣрными обычаю ихъ прежнихъ гостей Готовъ. Финны въ Финляндіи же, а также Ливы, Латыши и отчасти Литовцы, начиная съ VIII столѣтія, стали хоронить своихъ покойниковъ въ землѣ. Только при усиленіи внутреннихъ или внѣшнихъ войнъ, напр. у Ливовъ, встрѣчается иногда и даже довольно часто

сожженіе покойниковъ, особенно потому что такимъ образомъ прахъ павшаго въ отдаленіи отъ родины война легче всего можно было привести домой. Что же касается до каменныхъ сооружений, вѣроятно относящихся по своему происхожденію къ готскому времени, то этотъ обычай у Эстовъ продолжался и до христіанской эпохи и даже до новѣйшаго времени.

Къ младшему періоду желѣзнаго вѣка восточной Балтики относится апогей самостоятельнаго развитія финскихъ и литовскихъ Балтійцевъ, хотя при этомъ замѣтно культурное вліяніе скандинавское и германское—съ одной стороны, восточное и славянское—съ другой. Эти вопросы однако не были затронуты г. Гревингомъ въ указанныхъ въ заглавіи статьяхъ его.

КАМЕННЫЯ ОРУДІЯ И БРОНЗОВЫЯ ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЯ ВЪ ПЕЧЕРСКОМЪ КРАѢ ВЪ 1874 ГОДУ (*).

А. А. Штукенберга.

Доложено Д. А. Корсаковымъ въ засѣданіи 2 августа. См. Протоколы, стр. XLVII.

Въ отчетѣ⁽¹⁾, представленномъ мною въ 1866 году Императорскому Минералогическому Обществу, послѣ возвращенія изъ путешествія въ Печерскій край, уже было заявлено о каменныхъ орудіяхъ и бронзовыхъ вещахъ, найденныхъ въ этой мѣстности. Спеціальный характеръ отчета, посвященнаго исключительно геологическимъ изслѣдованіямъ, не допускалъ деталей по отношеніи къ этимъ памятникамъ первобытной культуры, и мнѣ пришлось тогда по необходимости сообщить только главнѣйшія данныя касательно условій, при которыхъ они найдены.

Изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ показали, что каменные орудія распространены въ Россіи почти повсемѣстно: въ самомъ дѣлѣ они настолько знакомы народу, что каждый путешественникъ можетъ смѣло разчитывать собрать довольно обстоятельную коллекцію „каменныхъ или громовыхъ стрѣлъ“, если только не полѣнится спрашивать крестьянъ. Къ сожалѣнію этимъ путемъ обыкновенно удается только констатировать самое нахожденіе каменныхъ орудій въ той или другой мѣстности, но нельзя выяснитъ условія, при которыхъ они найдены,—нельзя, слѣдовательно, собрать свѣдѣнія объ ихъ залеганіи. Послѣднему, главнѣйшимъ образомъ, препятствуетъ воззрѣніе крестьянъ на происхожденіе каменныхъ орудій,—они думаютъ именно, что каменные стрѣлы падаютъ съ неба во время грозы. Съ этимъ воззрѣніемъ согласуется и народное названіе каменныхъ орудій „громовыя стрѣлы“.

(*) Мѣстности, въ которыхъ найдены орудія и бронзовыя вещи, принадлежатъ Мезенскому уѣзду, Архангельской губ.—Къ речерату слѣдуетъ №№ рисунковъ.—Ред.

(1) Отчетъ геологическаго путешествія въ Печерскій край и Тиманскую Тундру. Спб. 1875.

Имѣя въ виду знакомство народа съ каменными орудіями, я не переставалъ спрашивать въ деревняхъ, посѣщенныхъ мною во время проѣзда по Печерскому краю, по р. Печорѣ, по р. Сулѣ и по Тиманской тундрѣ. Въ большинствѣ случаевъ отвѣты были отрицательные, но я не терялъ терпѣнія и получилъ наконецъ первое положительное указаніе въ деревнѣ Мысовѣ (верхняя деревня) на р. Сулѣ, притока Печоры, отъ крестьянина Семена Мяндина; онъ указалъ мнѣ мѣстность, въ которой находилъ лично каменные орудія. По его словамъ онъ собралъ ихъ „по сопкамъ“⁽¹⁾, около Анутейскаго озера. Въмѣстѣ съ указаніемъ мѣстности Семенъ Мяндинъ передалъ мнѣ множество найденныхъ имъ осколковъ кремня, между которыми я отыскалъ нѣсколько кремневыхъ ножей и кремневыхъ стрѣлъ. Фиг. 1 и 2 изображаютъ два кремневыхъ ножа, переданные мнѣ Мяндинымъ, а фиг. 3 и 4 двѣ кремневыхъ стрѣлы.

Во время пребыванія въ Тиманской тундрѣ, въ д. Поповыхъ, на р. Индигѣ, я не переставалъ спрашивать о „громовыхъ стрѣлахъ“. Большинство Самоѣдовъ и семья Поповыхъ отзывались незнаемъ, но распросы все же остались не безъ результатовъ, такъ какъ благодаря имъ, я получилъ отъ Самоѣда Филиппа Апичина кремневое острие копья, изображенное на фиг. 5. Мнѣ стоило большаго труда уговорить Апичина уступить это орудіе, служившее ему вѣроятно амулетомъ. Указать хотя бы приблизительно мѣстность, въ которой было найдено кремневое острие копья Апичинъ не могъ, такъ что вопросъ объ условіяхъ нахождения каменныхъ орудій въ Печерскомъ краѣ оставался по прежнему открытымъ и выяснить его можно было дальнѣйшими личными изслѣдованіями. Съ этою цѣлію я думалъ осмотрѣть окрестности Анутейскаго озера, гдѣ орудія были найдены Мяндинымъ, но отдаленность этого мѣста отъ дома Поповыхъ помѣшала выполнить это намѣреніе и заставила попытаться отыскать каменные орудія *in situ* въ какомъ нибудь болѣе доступномъ мѣстѣ. При розыскахъ такихъ мѣстностей я имѣлъ въ виду, что подобную находку скорѣе всего можно сдѣлать или около стоянокъ Самоѣдовъ, или въ мѣстностяхъ богатыхъ кремнемъ, такъ какъ онъ служилъ единственнымъ матеріаломъ для выдѣлки каменныхъ орудій въ Тиманской тундрѣ.—Мнѣ казалось вѣроятнымъ найти забытыя или брошенныя каменные орудія на мѣстѣ около стоянокъ Самоѣдовъ потому, что быть ихъ, по моему мнѣнію, мало отклонился отъ быта племенъ, владѣвшихъ каменнымъ оружіемъ. Мнѣ казалось, что современный Самоѣдъ—рыболовъ, охотникъ, долженъ становиться для ловли рыбы и боя звѣря на тѣхъ же мѣстахъ, которыя посѣщалъ его предшественникъ—охотникъ, метавшій стрѣлы съ кремневыми остриями. Вѣроятность найти каменные орудія около коренныхъ мѣсторожденій кремня

(1) «Сопками» называютъ въ Тиманской тундрѣ холмы, изъ какого бы матеріала они ни были сложены. Около Анутейскаго озера сопки состоятъ изъ песчаной глины съ валунами.

обусловливалась возможностью наткнуться на мѣста, въ которыхъ они приготовлялись, въ которыхъ обивались и обрабатывались кремневые желваки. Скоро я успѣлъ убѣдиться въ справедливости приведенныхъ предположеній, такъ какъ мѣстность, въ которой найдены были мною каменные орудія, удовлетворяетъ этимъ условіямъ: она изобилуетъ кремнемъ и посѣщается Самоѣдами каждую осень для рыбной ловли.

Мѣстность, въ которой были найдены орудія въ Тиманской тундрѣ, находится на правомъ берегу губы рѣки Индиги, впадающей въ Ледовитый океанъ; орудія были найдены именно около устья рѣки Большой Щелихи, притокъ Индиги, только въ 10 верстахъ отъ берега моря. Около устья Щелихи берегъ Индикской губы сложенъ изъ известняка, принадлежащаго къ каменноугольной формаціи, который въ этомъ мѣстѣ весьма богатъ желваками кремня. Горный известнякъ покрытъ здѣсь постъ-плиоценовой глиной съ валунами. При изслѣдованіи береговаго разрѣза, кремневые стрѣлы (фиг. 6 и 7), осколки кремня и нѣсколько нуклеусовъ были найдены разбросанными по склону обнаженія горнаго известняка и непосредственно надъ обнаженіемъ на поверхности тундры. Совмѣстное находеніе готовыхъ орудій, осколковъ, явно отбитыхъ рукою человѣка, и нуклеусовъ можетъ служить положительнымъ доказательствомъ, что около устья р. Щелихи производилась фабрикація орудій. Фабрикація эта производилась вѣроятно еще сравнительно недавно, такъ какъ иначе было бы трудно объяснить, почему орудія попадаютъ разбросанными на поверхности тундры; также весьма вѣроятно, что каменные орудія, найденныя въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ Россіи, относятся къ болѣе отдаленной эпохѣ.

Бронзовые вещи—двѣ бляхи, изображенныя на фигурахъ 8, 9 и 10 были найдены на рѣкѣ Сулѣ, притокъ Печоры, около Хыкина Щелья. Одна изъ нихъ лежала на берегу, а другая была вырыта изъ верхняго слоя песку, непосредственно изъ подъ растительной земли. Указаніе на находеніе въ Печерскомъ краѣ бронзовыхъ вещей—не новость; оно встрѣчается напр. у Г. Антипова (Морской Сборникъ за 1858 годъ), но, если не ошибаюсь, *на мѣсть* ихъ еще не находили.

Анализъ показалъ, что печерская бронза содержитъ отъ 20 до 21% олова, до 1,5% желѣза и слѣды кобальта. Печерская бронза очевидно не мѣстной фабрикаціи, хотя и трудно указать, откуда именно она доставлялась на Печеру.

О КАМЕННЫХЪ ОРУДИЯХЪ, НАЙДЕННЫХЪ ВЪ ВАРНАВИНСКОМЪ УЪЗДѢ, КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

А. П. Полванова.

Доложено Л. К. Ивановскимъ въ засѣданіи 8 августа. См. Протоколы, стр. LXII.

Семнадцать орудій, представленныхъ мною Съѣзду, собраны въ южной части Варнавинскаго уѣзда, а именно въ той части его, которая находится между Семеновскимъ и Макарьевскимъ уѣздами Нижегородской губерніи. Всѣ эти орудія были мною пожертвованы Костромскому земству для основанія музея, теперь уже основаннаго въ городѣ Костромѣ. Собранныя мною коллекція состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

1) *Изогнутый кремневый ножъ* или кинжалъ, оббитый, найденъ въ полѣ, въ пахатномъ слоѣ, близъ деревни Карандаши, Макарьевской волости, на правомъ высокомъ берегу Ветлуги.

2) Прямой кремневый ножъ, тоже оббитый, найденъ въ полѣ, въ пахатномъ слоѣ, около деревни Базанихи, Баковской волости, на правомъ высокомъ берегу рѣки Ветлуги.

3) Кремневое долото, полированное, съ вогнутой рѣзущей поверхностью, найдено на поемномъ лугу близъ рѣки Усты (притокъ рѣки Ветлуги), на лѣвой сторонѣ отъ рѣки Ветлуги, на разстояніи отъ нея около пяти верстъ, близъ деревни Поляны, Баковской волости.

4) Обломокъ костянаго копья, съ продольнымъ жолобомъ по срединѣ, найденъ въ перегнившихъ растительныхъ остаткахъ, покрытыхъ слоемъ желтаго песка, на правомъ берегу рѣки Ветлуги, у самой рѣки, подъ селомъ Благовѣщенскимъ. Одинъ конецъ этого орудія тщательно заостренъ.

5) Орудіе изъ кремня, въ родѣ стамески, доставлено мнѣ изъ деревни Левихи, Благовѣщенской волости, находящейся верстахъ въ семи отъ праваго берега рѣки Ветлуги, у небольшой рѣчки, впадающей въ рѣку Ветлугу.

6) Клинообразный обломок топора изъ темнокоричневаго мелкозернистаго песчаника, найденъ близъ деревни Ядрово, Баковской волости, на правомъ берегу рѣки Ветлуги.

7) Діоритовый молотокъ, найденъ на поймѣ рѣки Усты, близъ села Уреня, около 40 верстъ отъ лѣваго берега рѣки Ветлуги.

8) Діоритовый молотокъ, доставленъ съ объясненіемъ, что найденъ близъ рѣки Керженца.

9) Діоритовый молотокъ, доставленъ изъ деревни Поляны, находящейся на рѣкѣ Устѣ, съ объясненіемъ, что найденъ около этой деревни.

10) Діоритовый молотокъ, съ начатымъ отверстіемъ, представляющимъ углубленіе на одной поверхности, найденъ недалеко отъ деревни Поломки, Овсяновской волости.

11, 12, 14 и 17) Полированные діоритовые молотки, доставлены съ объясненіемъ, что давно уже найдены близъ рѣки Керженца.

13) Діоритовый молотокъ, найденъ на рѣкѣ Устѣ, въ Уренской волости.

15) Діоритовый молотокъ, найденъ около села Топанъ, Овсяновской волости, на Люндо-Керженецкомъ водораздѣлѣ, переходящемъ въ Нижегородскую губернію. Этотъ пунктъ значительно возвышается надъ окрестными бассейнами рѣкъ Люнды и Керженца; онъ находится отъ рѣки Керженца на разстояніи около 15 верстъ, а отъ рѣки Ветлуги около 20 верстъ, въ 6 верстахъ по прямому направленію отъ озера Свѣтлояра, что близъ села Владимірскаго, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи (гдѣ, по преданію, былъ провалившійся городъ Китежъ). Этотъ молотокъ выпаханъ при распахкѣ земли изъ подъ стараго лѣса дѣдомъ крестьянина Оомы Иванова, бывшаго въ 1867 году 60-ти лѣтнимъ старикомъ и жившаго тогда въ деревнѣ Поломкѣ (гдѣ найденъ также и молотокъ 10), находящейся отъ села Топанъ на разстояніи около шести верстъ.

16) Обломокъ діоритоваго молотка, найденъ на поемномъ лугу, близъ рѣки Усты (притокъ рѣки Ветлуги), на лѣвой сторонѣ отъ рѣки Ветлуги, на разстояніи отъ нея около 5 верстъ, близъ деревни Поляны, Баковской волости, тамъ же, гдѣ и долото.

Въ Варшавинскомъ уѣздѣ кромѣ того найдены діоритовый молотокъ и кремневый ножъ. Полированный діоритовый молотокъ, сходный съ 15, доставленъ съ объясненіемъ, что найденъ близъ рѣки Керженца, а кремневый ножъ найденъ въ пахатномъ слоѣ, около деревни Баранихи, Моисѣевской волости, на высококомъ мѣстѣ, на правомъ берегу рѣки Ветлуги. Эти два орудія пожертвованы мною въ музей С.-Петербургскаго университета.

Каменные орудія въ Варнавинскомъ уѣздѣ пользуются большимъ почетомъ и называются громовыми стрѣлами. Крестьяне весьма неохотно расстаются съ ними, сохраняя ихъ въ своихъ семьяхъ изъ рода въ родъ, какъ святыню, полагая, что они имѣютъ цѣлебную силу въ болѣзняхъ людей и домашнихъ животныхъ. При нуждѣ орудія обливаютъ водою и даютъ пить эту воду какъ лѣкарство.

Не можетъ казаться подлежать сомнѣнію, что эти орудія были найдены близъ тѣхъ мѣстъ, откуда получены и есть основаніе полагать, что они употреблялись во времена сравнительно не очень отдаленныя отъ нашего времени, такъ какъ они происходятъ или изъ культурнаго слоя, или были собраны на поемныхъ лугахъ, вѣроятно вымытые водою изъ этого же слоя, а костяное орудіе было найдено вмѣстѣ съ растительными остатками новѣйшаго происхожденія. Нельзя не замѣтить, что вмѣстѣ съ остатками каменнаго вѣка въ Варнавинскомъ уѣздѣ не было находимо до настоящаго времени остатковъ какихъ либо животныхъ.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ заявить, что нѣтъ указаній на существованіе въ Варнавинскомъ уѣздѣ кургановъ и мнѣ извѣстно только одно мѣсто, гдѣ, по преданію, было „городище“ и гдѣ находятъ черепки глиняной посуды, а въ глубокихъ оврагахъ, отдѣляющихъ это мѣсто отъ плоской возвышенности, находятъ кости мамонта. Это мѣсто на правомъ берегу рѣки Ветлуги, около села Богородскаго, на разстояніи около восьми верстъ отъ города Варнавина внизъ по рѣкѣ Ветлугѣ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Въ письмѣ на имя г. предсѣдателя предварительнаго комитета, П. Д. Шестакова, г. Поливановъ сообщаетъ о бронзовомъ, изъ тѣхъ же мѣстъ, орудіи: «Въ Варнавинскомъ уѣздѣ найдено и бронзовое орудіе (приложенъ въ письмѣ и рисунокъ). Это рукоятка съ изображеніями. Она была доставлена моему брату крестьяниномъ деревни Посовой, находящейся близъ рѣки Усты, въ 30 верстахъ отъ лѣваго берега р. Ветлуги, съ объясненіемъ, что ее нашли при распашкѣ поля близъ деревни Посовой и что она была вдвое длиннѣе, но половину отпилили и потеряли. Къ сожалѣнію и доставленная часть была потомъ потеряна, но рисунокъ даетъ о ней понятіе. Основаніе рукоятки, внутри пустой, было пробито насквозь, очевидно недавно, съ цѣлью прикрѣпить ножъ».

О РАСКОПКАХЪ КУРГАНОВЪ НА БЕРЕГАХЪ РЪКИ СИТИ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ЛѢТОМЪ 1875 ГОДА.

Л. К. Ивановскаго.

(Читано въ засѣданіи 8 августа. См. Протоколы, стр. XXXVI—XXXVIII).

Лѣтомъ 1875 г. Московское Археологическое Общество сдѣлало мнѣ честь поручить изслѣдовать курганы по берегамъ р. Сити, съ названіемъ которой связана грустная повѣсть о гибели Князя Георгія II вмѣстѣ со всѣмъ его войскомъ въ 1238 году. Въ лѣтописяхъ не указано подлинное мѣсто битвы, хотя говорится, что она произошла въ самомъ станѣ Георгія, куда Татары ворвались почти на плечахъ воеводы передоваго полка Дорота, принесшаго князю печальное извѣстіе о внезапномъ наступленіи непріятеля и пораженіи и обходѣ своего отряда. Покойныя М. П. Погодинъ и полковникъ Ивановъ полагали, что битва имѣла мѣсто у села Боженокъ, на самой границѣ (т. е. нынѣшней) съ Тверской губерніей. Въ это селеніе я къ сожалѣнію не могъ попасть за невозможностью проѣхать туда по правому берегу Сити, по Ярославской губерніи; отсюда надо пробираться черезъ непроходимое болото, а для объѣзда верстъ въ 60 по трудно проѣзжимъ дорогамъ чрезъ Тверскую губернію у меня не было времени.

Наибольшая масса кургановъ лежитъ однако не у названнаго селенія, а по правому и преимущественно лѣвому берегу р. Сити, начинаясь ниже названнаго пункта и тянется цѣлою цѣпью на протяженіи 50 верстъ, до впаденія Сити въ Мологу, оканчиваясь двумя огромными группами кургановъ на правомъ берегу послѣдней: I-я въ двухъ и II-я въ трехъ верстахъ отъ устья Сити къ В.

Названныя группы, равно какъ и всѣ послѣдующія, были осмотрѣны Сабанѣвымъ и мѣстоположеніе ихъ подробно описано въ 5 томѣ Памятной Книжки Ярославскаго статистическаго комитета, причемъ Сабанѣвъ не сомнѣвался въ томъ, что насыпи эти покрываютъ павшихъ воиновъ Юрія Всеволодовича.

И началъ раскопки съ этихъ послѣднихъ группъ, пройдя затѣмъ послѣдовательно всѣ тринадцать группъ, расположенныхъ по лѣвому берегу р. Сити, вверхъ по теченію, до дер. Лопатино, въ 47 верстахъ отъ устья, гдѣ цѣпь кургановъ прерывается, а затѣмъ изслѣдовалъ 150 могильныхъ насыпей.

Группа 1-я, при селѣцѣ Владимірскомъ, на обрывистомъ берегу р. Мологи, заключала еще до 50 уцѣлѣвшихъ отъ обваловъ насыпей: изъ нихъ было изслѣдовано 17 наилучше сохранившихся и представлявшихъ собою полушаровидные курганы высотой отъ 2½ до 5 ф. и окружностью основанія отъ 4½ до 11 саж. Насыпи не были обложены валунами, и состояли изъ рѣчнаго песку, насыпаннаго надъ кострищами, на которыхъ лежали остовы людей, обращенныхъ ногами на различные румбы ВСВ и ВЮВ 74 компаса. съ руками то скрещенными надъ лобковымъ соединеніемъ таковыхъ костей, то раскинутыми въ стороны. Кости сохранились очень плохо, черепа разрушились, а длинныя кости совершенно измочалились.

Все сказанное относительно положенія и сохранности остововъ относится и ко всѣмъ мною изслѣдованнымъ курганамъ по Сити вообще. Поверхъ остововъ насыпанъ былъ слой песку толщиной около 1 ф. и на немъ встрѣчается второй слой золы и угля, весьма тонкій и затѣмъ уже снова песчаная насыпь, вѣнчающая курганъ.

Въ ногахъ почти всякаго остова, преимущественно съ правой стороны встрѣчались или черепки съ зигзаговыми, параллельными узорами или же болѣе или менѣе хорошо сохранившіеся глиняные, обожженные горшки съ такимъ же узоромъ по наиболѣе выпуклой части ихъ наружной поверхности. Съ остовами мужчинъ, которыхъ въ изслѣдованныхъ насыпяхъ было 12, кромѣ топоровъ въ ногахъ, дротиковъ съ праваго боку и ножа у лѣваго бедра, до воротной у иныхъ пряжки, другихъ вещей не встрѣчалось. Скелеты женщинъ напротивъ были украшены браслетами (найдено 5), перстнями, височными кольцами, монистами изъ бусъ и монетъ Канута, Этельреда и неизвѣстныхъ германскихъ (у одной 9 штукъ), пряжками, ножами въ кожаныхъ ножнахъ и бубенчиками. Остововъ женщинъ въ изслѣдованныхъ насыпяхъ 7.

Вообще въ этой группѣ:

2	кургана	содержали	остатки	трупа	сожженаго;
9	кургановъ	—	остовы	мужчинъ;	
3	—	—	—	женщинъ;	
2	—	—	—	1	мужчины и одной женщины;
1	—	—	—	1	мужчины и двухъ женщинъ.

Группа II-я, въ 1 верстѣ къ В. отъ первой, въ Пустоши Пловъ, содержала болѣе ста насыпей, изъ которыхъ изслѣдовано 28; изъ нихъ:

Мужскихъ 13	Мужской и женскій остовы—1 насыпь;
Женскихъ 10	2 женскихъ остова также одна насыпь.
Сожженныхъ 3	

Характеръ насыпей и находокъ тотъ же, что и въ предыдущей группѣ, монеты такія же, на шеѣ одной дѣвочки найдена шейная гривна изъ проволоки сверченной спиралью и у нѣсколькихъ мужчинъ, равно какъ и въ первой группѣ, кремни и огнива, а у одного очень хорошо отдѣланный точильный камень съ ушкомъ для привѣшиванія.

III-я группа у устья *Сити*, въ двухъ верстахъ отъ названнаго сельца къ западу; здѣсь изслѣдовано 5 насыпей, заключавшихъ пустыя кострища, совершенно истлѣвшія кости и черепки горшковъ. Грунтъ—довольно плотный суглинокъ.

IV-я группа въ 7 верстахъ къ югу (по Сити) отъ устья близъ дер. *Манилова*, заключала въ себѣ 9 кургановъ, изъ нихъ изслѣдовано 7. Типъ насыпей тотъ же что и въ предыдущихъ, грунтъ—песокъ, 2 кургана заключали остатки трупосожженія и 5—совершенно истлѣвшіе остовы мужчинъ безъ всякихъ вещей.

V-я группа у дер. *Иванъ Святой* на берегу Сити. Здѣсь находилось и изслѣдовано 2 кургана, насыпанные изъ рѣчнаго песку по тому же типу; они заключали остовы мужчинъ безъ вещей съ остатками горшковъ и при одномъ ножѣ.

VI-я группа у дер. *Губино* на лѣв. бер. Сити. Изъ имѣвшихся 18-ти изслѣдовано 6 насыпей, заключавшихъ въ себѣ остовы совершенно истлѣвшіе безъ вещей; въ одномъ найденъ хорошо сохранившійся черепъ мужчины. Характеръ устройства насыпей тотъ же что и въ предыдущихъ группахъ.

VII-я группа у той же дер. Губино, въ одной верстѣ отъ нея въ полѣ по дорогѣ въ дер. Цыбацыно.

14 насыпей; изслѣдовано 5; изъ нихъ одна женская съ обычными украшеніями. Подъ основаніемъ кургановъ кострищъ нѣтъ, а напротивъ того слѣды дерна, т. е. курганы были насыпаны надъ трупами положенными просто на поверхность луга. Насыпь песчаная.

VIII-я группа, близъ дер. *Суцеево* почти вся распаханная, заключала повидимому около 30 насыпей; раскопано 3 нераспаханныхъ кургана: 1 женскій съ бронзовыми украшеніями и 2 мужскихъ съ истлѣвшими остовами и безъ всякихъ вещей.

IX-я группа, близъ дер. *Мерзалево*, на берегу р. Сити; въ ней насыпей изъ песку, основанныхъ на кострищахъ, было всего 34; изслѣдовано изъ нихъ 9.

7 заключали остатки трупосожженія;

1 остовъ женщины съ браслетами, височными кольцами, бусами и ножомъ;
1 мужчины, съ ножомъ и крючкомъ.

X-я группа, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ предыдущей, у дер. *Турбаново*; изъ 5 кургановъ изслѣдовано 2 наилучше сохранившихся, 1 женскій съ украшеніями и 1 мужской безъ вещей.

XI-я группа, близъ дер. *Михалево*, на лѣвомъ бер. р. Сити, группа изъ 84 насыпей, изъ которыхъ изслѣдовано 45; изъ нихъ:

7 женскихъ съ украшеніями обычными;

28 мужскихъ съ ножами и кольцами;

15 съ остатками трупосожженія.

Способъ устройства кургановъ и положенія остововъ ничѣмъ не отличается отъ предыдущихъ. Грунтъ насыпей—рѣчной песокъ. Нѣкоторые изъ кургановъ этой группы были болѣе 7 ф. вышиною.

XII-я группа, близъ той же дер. *Михалево*, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ къ З., въ полѣ. Состоитъ изъ 11 кургановъ; изслѣдовано 5, изъ нихъ одинъ женскій съ браслетами, кольцами и ножомъ и 4 мужскихъ безъ вещей, лишь съ черепками горшковъ въ ногахъ.

XIII-я группа, близъ дер. *Допатино* на берегу Сити въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ деревни къ югу, заключала въ себѣ около 30 нераспаханныхъ насыпей, изъ которыхъ изслѣдовано 11; изъ нихъ 6 мужскихъ съ ножами и горшками, одинъ остовъ сожженъ на половину, голова, грудь, поленичная часть сгорѣли, тазъ обгорѣлъ и нижнія конечности не сожжены, но носятъ сверху слѣды огня; при остовѣ прижка и ножъ.

Женскихъ съ обычными украшеніями 4 и съ остатками полного сожженія одинъ и наконецъ XIV группа, около той же деревни далѣе предыдущей къ Ю. на $\frac{1}{2}$ версты заключала въ себѣ 21 насыпь очень низкихъ, изъ нихъ изслѣдовано 8 кургановъ; всѣ они заключали остатки трупосожженія съ желѣзными не-большой величины обгорѣлыми кусочками, вѣроятно отъ ножей или дротиковъ.

И такъ мы видимъ, что на протяженіи почти всего теченія р. Сити тянется цѣль курганныхъ группъ, отдѣльныя насыпи которой заключаютъ въ себѣ остова какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Монеты X и XI столѣтій указываютъ намъ на время, когда воздвигнуты были эти памятники. Съ монетами согласуется и характеръ вещей, встрѣченныхъ въ курганахъ и относящихся къ тому же времени какъ и вещи мерянскія раскопокъ графа Уварова и новгородскія—моихъ, т. е. къ тѣмъ же X и XI столѣтіямъ. Кромѣ того нѣсколько разъ были встрѣчены остова дѣтей 4, 7 и 8 лѣтняго возраста. Все сказанное, а также отсутствіе какихъ либо военныхъ орудій и доспѣховъ типовъ XIII стол. заста-

влетъ насъ предположить, что насыпи эти суть обыкновенныя національныя могилы и совсѣмъ не военные курганы воиновъ Георгія, а изъ большаго сходства встрѣченныхъ вещей съ вещами графа Уварова изъ его раскопокъ въ Мерянскои землѣ, можно безъ большой натяжки предположить, что насыпи эти не что иное какъ мѣсто упокоенія мирной Веси, обитавшей въ тѣхъ мѣстахъ въ указанное время, остатковъ же войска Георгія II слѣдуетъ вѣроятно искать въ другомъ мѣстѣ. Но и не въ высокомъ курганѣ близъ села Боженокъ слѣдуетъ искать остатковъ этого войска; такіе курганы знакомы мнѣ; одинъ изъ нихъ находится на правомъ берегу Мологи въ 5 верстахъ къ З. отъ устья Сити, близъ села Борисоглѣбъ; онъ имѣетъ болѣе 7 сажень отвѣсной высоты и болѣе 50 вокругъ основанія. Такіе курганы тянутся прерывающимися цѣпями по берегамъ рр. Волхова, Шелони, Ловати, Полисти, Шексны, Мологи и по берегамъ озеръ Бѣлаго и Ильменя. Я изслѣдовалъ нѣкоторые изъ нихъ, о чемъ и сообщилъ на 2-мъ сѣздѣ археологовъ. Это курганы съ остатками трупосожженія, причемъ къ удивительной странности ихъ типа относится то обстоятельство, что урна съ сожженными человѣческими костями ставилась на ихъ вершинѣ и покрывалась слоемъ песку не толще 1½ ф. Сами курганы несомнѣнно насыпные, обложены по подошвѣ валунами и представляютъ собою огромные правильные коническіе холмы съ закругленною вершиной,—это тѣ насыпи, къ которымъ я позволилъ себѣ примѣнить мѣсто изъ Нестора (стр. 6) гдѣ говорится: „и собравше кости (т. е. по сожженіи) вложяху ихъ въ судину малу и поставяху на столпѣхъ, на путѣхъ“.

**О ДРЕВНЕМЪ КЛАДБИЩѢ У ЮРДАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КІЕВѢ (О РЕЗУЛЬТАТАХЪ РАСКОПОКЪ,
ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ВЪ СѢВЕРНОМЪ УГЛУ ГОРОДА КІЕВА).**

В. В. Антоновича.

(Читано въ засѣданіи 16 августа. См. Протоколы, стр. СХІХ).

Мѣстность, о которой я буду говорить, извѣстна давно въ лѣтописяхъ г. Кіева. Если обратить вниманіе на мѣстныя древнія легенды, занесенныя въ лѣтописи, то увидимъ, что городъ прежде не былъ такимъ, какъ онъ теперь существуетъ, а раздѣлялся на 3 поселка: самый Кіевъ, Щекавица и Хоревца; къ послѣдней вѣроятно и относится мѣсто, гдѣ были произведены раскопки, служащія предметомъ моего реферата. Оно находится въ сѣверномъ углу города, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ центра, на равнинѣ, окаймленной съ одной стороны—поемными лугами Днѣпра, съ другой—возвышенностью. Въ центрѣ этой мѣстности существуетъ древняя Юрданская церковь, рядомъ былъ Богословскій монастырь. Здѣсь въ доисторическое время былъ центръ многолюдный и торговый. Это доказывается вещами, найденными тутъ,—такъ были найдены большіе клады изъ саманидскихъ монетъ ІХ—Х столѣтій, указывающихъ на торговлю въ то время съ центральной Азіей. По опредѣленію этихъ монетъ оказалось, что онѣ чеканены въ Самаркандѣ, Балкѣ, Шамѣ и др. городахъ Туркестана и относятся къ половинѣ ІХ и до половины Х в. Кроме того, нѣсколько лѣтъ назадъ, разрывая одинъ склонъ горы, нашли большую полость, наполненную огромнымъ количествомъ костей—мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ, съ небольшимъ количествомъ при нихъ вещей, сваленныхъ въ большую яму; всего до 4000 череповъ,—вѣроятно это были жертвы насильственно истребленныя при разрушеніи этой части города. Я указалъ на все это для того, чтобъ характеризовать значеніе этой мѣстности. Мѣсто, о которомъ я буду говорить, находится въ центрѣ, гдѣ стоитъ Юрданская церковь. Нѣсколько дальше къ склону горы—древнее клад-

бище, неподалеку—развалины Богословскаго монастыря, потомъ верхняя часть состоитъ изъ уступовъ горной возвышенности. Годъ назадъ, одному владѣльцу пришлось дѣлать постройки въ этой мѣстности. Для этого былъ снятъ послѣдній уступъ возвышенности, причемъ оказались весьма интересныя находки. Часть площади покрыта была древнимъ кладбищемъ, на которомъ въ позднѣйшее время (въ XVII ст.) выстроено было зданіе, впоследствии сгорѣвшее. При снятіи земли оказался фундаментъ, погребъ, много посуды мѣстнаго издѣлія, относящейся къ XVII ст. Тутъ же были найдены: серебряная дощечка съ изображеніемъ, среди осколковъ посуды серебряная монета — полторакъ маркграфа Бранденбургскаго Георга Вильгельма (1619—1641); такъ что, вѣроятно, зданіе было возведено въ концѣ XVI или началѣ XVII ст. На мѣстѣ этого зданія потомъ были могилы. За предѣлами его уцѣлѣли 4 могилы, представляющія каждая—особый типъ погребенія. Одна изъ нихъ не представляетъ никакихъ особенно характерныхъ признаковъ. Но остальные три содержатъ характерныя находки, указывающія на принадлежность могилъ къ общеизвѣстнымъ курганамъ желѣзнаго періода, эпохи непосредственно предшествовавшей введенію христіанства. Въ одной найденъ всадникъ на лошади, съ полнымъ вооруженіемъ: кольчугой, шипакомъ и обоюдо-острымъ мечомъ, характеризующимъ древнюю эпоху Кіевскаго княженія. Характерно то, что голова лошади была разломлена большимъ камнемъ, найденнымъ въ черепѣ. Въ другой могилѣ скелетъ лежалъ головой къ западу и при немъ найдено много цѣнныхъ вещей, указывающихъ, что погребенный былъ человѣкъ богатый. У пояса была пряжка съ мѣдной иглой, на которую онъ застегивался, пряжка древне-германскаго происхожденія, точильный камень въ желѣзной оправѣ, у шеи скелета найдено нѣсколько сережекъ, состоящихъ изъ серебряныхъ проволокъ, на которыя надѣты бусы изъ горнаго хрустала, однѣ серьги безъ бусъ, другія—изъ золотой проволоки съ бусами. Медальонъ, сдѣланный изъ восточной монеты, которая по опредѣленію І. Ө. Готвальда, принадлежитъ времени Абу-Джафаръ Мансура, чеканена въ Куфѣ 142 года гиджры (полов. VIII ст.). Затѣмъ у шеи же были найдены 2 серебряные крестика, одинъ съ придѣланнымъ ушкомъ для привѣски, другой снабженъ гвоздями. Въ 3-й могилѣ не было скелетовъ, а найдена урна изъ бѣловатой глины, содержащая жженыя человѣчскія кости; она стояла вверхъ дномъ. Всѣ 3 могилы указываютъ на до-христіанскую эпоху и судя по монетѣ, принадлежащей къ VIII в., и по типу погребенія, относятся ко времени съ VIII в. до принятія христіанства. Обратимъ вниманіе на двѣ особенности найденныхъ предметовъ, указывающія на эпоху болѣе раннюю, чѣмъ княженіе: 1) всѣ вещи указываютъ на неумѣнье въ то время сплавлять металлъ: концы серегъ, проволоки *скручиваются и связываются узломъ*, къ монетѣ,

обращенной въ медальонъ, придѣлана металлическая пластинка, *приколоченная гвоздемъ*; затѣмъ крестикъ, какъ видно, разломанный, потомъ починенный: не умѣя спаять, вырѣзали изъ серебра пластинку, согнули ее на двѣ половины, провели ихъ чрезъ разломанное мѣсто и приколотили гвоздями. Если сравнить съ этими находками вещи, принадлежащія эпохѣ княженія, то увидимъ, что искусство дѣлать разныя вещи изъ металловъ было вполне извѣстно тогда. Это ясно указываетъ, что найденные предметы сдѣланы и употреблялись въ періодъ ранѣе княженія. Для доказательства можно прибѣгнуть къ сравнительному приему. Вотъ двѣ пары серегъ извѣстнаго типа кievскихъ серегъ Десятинной церкви эпохи княженія,—такихъ находится безчисленное множество на мѣстѣ Киевскаго княженія. Характеристическіе признаки этого типа: болѣе или менѣе толстая серебряная проволока, на которой насажены три серебряныя неподвижныя бусинки, иногда онѣ дѣлаются ажурными, но всегда есть три бусинки. Третья пара серегъ является прототипомъ первыхъ двухъ, впоследствии сложившимся въ излюбленный типъ; въ нашей находкѣ есть серьга изъ серебряной проволоки, на которую насажены три подвижныя бусы изъ горнаго хрустала и композиціи. Отсюда я дѣлаю выводъ, что мы имѣемъ дѣло съ кладбищемъ, существовавшемъ не ранѣе половины VIII ст. и не позже конца IX в. и что въ то время характерны для степени развитія мѣстнаго искусства вышеприведенныя черты.

О ПОХОРОННЫХЪ ТИПАХЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

В. В. Антоновича.

(Чтано въ засѣданіи 17 августа. См. Протоколы, стр. СХХV—СХХVI.

Я имѣю въ виду обратить ваше вниманіе, мм. гг., на различныя вещи, найденныя при раскопкѣ кургановъ въ Юго-Западномъ краѣ. Количество разрытыхъ кургановъ вообще весьма велико; оно доходитъ до 900, но научныя приемы примѣнены къ относительно небольшому числу раскопанныхъ кургановъ, не болѣе какъ къ 50.

Все типы курганныхъ похоронъ можно свести къ пяти категоріямъ, распредѣляя ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, въ которомъ совершались различныя формы погребенія. Основаніемъ такого распредѣленія служатъ не только найденныя около похороненныхъ вещи, но и самый характеръ погребенія. По моему мнѣнію „этажные курганы“ т. е. такіе, которые заключаютъ на различной высотѣ нѣсколько разновременныхъ могилъ, даютъ эту возможность распредѣлить типы въ преемственномъ порядкѣ. *Первый*, самый древній типъ, представляютъ нижнія могилы; положеніе похороненныхъ таково, что скелеты въ этихъ могилахъ лежатъ глубоко подъ уровнемъ земли, въ горизонтальномъ положеніи; характеристическая особенность этого типа состоитъ въ томъ, что около погребенныхъ не находится почти никакихъ предметовъ: найдены только немногія вещи, если можно ихъ назвать вещами, именно березовыя прутья и морская трава, которыми обернуты скелеты. Въ нѣкоторыхъ изъ могилъ этого рода встрѣчаются, впрочемъ, глиняныя сосуды, но самой грубой ручной работы, свидѣтельствующей о несуществованіи станка, безъ всякихъ орнаментовъ, если не считать на нѣкоторыхъ изъ нихъ изображеній, нацарапанныхъ ногтями. *Вторая* категорія многимъ отличается отъ первой тѣмъ, что здѣсь уже встрѣчаются вещи въ видѣ орудій каменныхъ исключительно или каменныхъ и металлическихъ вмѣстѣ, свидѣтельствующихъ о переходѣ населенія отъ каменнаго вѣка къ бронзовому.

Характеристическая черта *второго* типа курганных могилъ заключается въ томъ, что это могилы коллективныя, т. е. въ каждой изъ нихъ находится по нѣскольку (отъ 2—9) скелетовъ, размѣщенныхъ въ разныхъ направленіяхъ, именно такъ: одинъ въ центрѣ, около него другіе трупы. Изъ вещей въ этихъ могилахъ найдены глиняные сосуды, въ одной кремневый ножъ, но камень не исключительная принадлежность ихъ, а встрѣчаются и металлическія вещи. *Третью* категорію составляютъ могилы бронзоваго вѣка. Здѣсь покойники обыкновенно сожжены и въ могилахъ помѣщаются сосуды съ жжеными костями. Существованіе бронзоваго вѣка для южнаго края Россіи считаютъ сомнительнымъ; нѣкоторые, какъ напр. г. Ворсо совершенно отрицаютъ его. Въ виду такого авторитета мнѣ кажется невозможнымъ сомнѣніе въ истинности высказаннаго имъ мнѣнія, тѣмъ не менѣе я укажу на нѣсколько бронзовыхъ вещей, которыя заставляютъ допустить существованіе бронзоваго вѣка, хотя на короткое время, для южной Руси. Въ нѣкоторыхъ курганахъ, вмѣстѣ съ глиняными вещами, найдены бронзовые браслеты, серьги, булавки; кромѣ того я знаю нѣсколько могилъ (разрытыхъ въ Волынской и Кіевской губерніяхъ, въ послѣдней напр. у сел. Должка) исключительно съ бронзовыми вещами. Изъ числа послѣднихъ замѣчательны: спиральная проволока, найденная на шейныхъ и точно такая же на спинныхъ позвонкахъ скелета; встрѣчаются также бронзовыя удила, булавки и т. п. Къ *четвертому* типу принадлежатъ курганы, выдающіеся по своей величинѣ и внѣшнему виду. Это такъ называемыя скиѣскія могилы. Содержимое ихъ существенно отличается отъ содержащагося въ могилахъ предъидущихъ типовъ. Только въ скиѣскихъ могилахъ мы находимъ такія вещи, которыя указываютъ на болѣе высокую, сравнительно съ бронзовымъ вѣкомъ, культуру. Здѣсь, кромѣ бронзы, есть уже желѣзо, стекло, сердоликъ, золото, сѣра, краска, состоящая изъ соединенія сѣры съ мышьякомъ, сосуды терракотовые, красивые сосуды скиѣскаго цикла изъ чернаго жженаго песчаника, сосуды этрусскаго стиля и даже настоящіе греческіе сосуды. Изслѣдованіе скиѣскихъ кургановъ въ той постепенности, о которой было говорено, можетъ дать вѣрное указаніе на преемственность различныхъ степеней культуры у прежняго населенія юго-западнаго края. Такъ въ однихъ курганахъ мы встрѣчаемъ бронзовые предметы, свидѣтельствующіе о первобытной эпохѣ бронзоваго вѣка, прожитой туземцами; въ другихъ находятся вещи, указывающія на болѣе высокую степень культуры, народа ихъ фабриковавшаго. Это обстоятельство и даетъ возможность сдѣлать предположеніе, что непродолжительность бронзоваго вѣка въ южной Россіи объясняется появленіемъ въ странѣ пришлаго народа съ богатою культурой, быстро подвинувшей туземцевъ, бывшихъ еще въ началѣ бронзоваго вѣка, на болѣе высокую ступень раз-

витія. Наконецъ *платю* и послѣднюю категорию представляютъ собой могилы желѣзнаго вѣка. Формы погребенія, о которыхъ можно заключить по изслѣдованію этихъ могилъ, распадаются на нѣсколько разновидностей; можно установить четыре типа похоронъ, совершавшихся въ этихъ могилахъ. Первые типы относятся къ эпохѣ непосредственно предшествовавшей введенію христіанства. 1) Простыя похороны, заключавшіяся въ томъ, что хоронили вооруженнаго въ желѣзные доспѣхи всадника вмѣстѣ съ лошадыю. 2) Похороны соединявшіяся съ сожженіемъ трупа на заранѣе заготовленномъ близъ могилы тогѣ. При раскопкѣ подобнаго кургана мнѣ удалось присутствовать. По снятіи верхняго слоя земли открылось обожженное и истоптанное глинистое пространство, на которомъ былъ сожженъ покойникъ и гдѣ сверху была сдѣлана насыпь. Подобные курганы найдены въ Кіевской губерніи, около мѣстечка Городинца. 3) Похороны на полѣ, въ могилахъ, обставленныхъ валунами. Въ Уманьскомъ уѣздѣ Кіевской губ. находятся круги, образовываемые 10, 12 и болѣе валунами. Камни довольно значительной величины и обращаютъ на себя вниманіе, что и подало поводъ къ раскопкамъ въ этихъ мѣстахъ. При поднятіи одного камня оказалась могила; интересъ былъ возбужденъ и вскорѣ было разрыто 7 могилъ; въ каждой изъ нихъ найдено по одному скелету съ огромнымъ количествомъ лошадиныхъ костей, какъ объясняютъ мѣстные зоологи, принадлежащихъ дикой лошади. Изъ числа вещей, найденныхъ въ этихъ могилахъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе глиняный кувшинъ съ длинной узкой шейкой и ручкой—типъ сосуда, сохранившійся даже до XVII ст. Въ одной изъ могилъ былъ поставленъ мѣдный сосудъ въ видѣ чашки, представляющій особенный интересъ въ томъ отношеніи, что изображенія на немъ христіанскія; на этомъ сосудѣ изображены евангелисты. Надо полагать, что чашка эта похищена у христіанъ. 4) Къ желѣзному вѣку, наконецъ, должна быть отнесена форма погребенія въ сводахъ или, какъ выражаются, въ печахъ. Но этотъ видъ похоронъ еще весьма мало изслѣдованъ, а потому я и не буду о немъ распространяться.

О ГОРОДИЩѢ БЛИЗЪ МѢСТЕЧКА САЛТЫКОВОЙ-ДѢВИЦЫ, ЧЕРНИГОВСКАГО УѢЗДА.

Н. А. Константиновича.

(Читано въ засѣданіи 13 августа. См. Протоколы, стр. С).

Черниговская земля играла замѣтную роль въ русской исторіи съ тѣхъ поръ, какъ намъ извѣстна эта исторія; вѣроятно она имѣла значеніе и въ тотъ первобытный періодъ жизни русскаго народа или его предшественниковъ на занимаемой имъ территоріи, который въ послѣднее время если еще мало выясняется, то уже ставится серьезнымъ вопросомъ на основаніи отрываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ памятниковъ русскаго доисторическаго быта. Черниговская земля должна бы имѣть тоже значительное число памятниковъ этого рода, но можно считать, что памятники въ Черниговской землѣ, при ея равнинности и отсутствіи камня въ большей части ея территоріи, больше чѣмъ гдѣ либо могли не сохраниться.

Памятники доисторическаго и древняго быта въ Черниговской губерніи состоятъ исключительно изъ земляныхъ кургановъ и насыпей или городищъ. Первыми губерніа очень богата и черниговскіе курганы принадлежатъ почти исключительно доисторическому языческому времени (соображенія, доказывающія это были высказаны мною въ рефератѣ, читанномъ на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ); изъ городищъ же одно изъ наилучше сохранившихся и, повидимому, наиболѣе важныхъ находится близъ мѣстечка Салтыковой-Дѣвицы, Черниговскаго уѣзда.

Это городище находится верстахъ въ 35 отъ г. Чернигова, выше по Деснѣ, на лѣвомъ, болѣе низкомъ берегу ея, верстахъ въ трехъ отъ нынѣшняго теченія рѣки, между м. Салтыковой-Дѣвицею и с. Ковчиномъ, отъ которыхъ оно отстоитъ на 5 верстѣ. Оно расположено на берегу, возвышающемся сажени на три надъ поемными лугами, тянущимися отъ берега, на которомъ стоитъ городище, къ Деснѣ. Подъ самымъ берегомъ, на которомъ находится городище, болотистая

топкая полоса означает теченіе бывшей рѣчки Убеди, которая въ отдаленное время могла быть и русломъ самой Десны. Городище расположено на выдающемся мысу берега, такъ что низина и Убедь окружаютъ его почти съ трехъ сторонъ. Насыпь, сдѣланная изъ чернозема, составляющаго почву, и въ мѣстности, окружающей городище, состоитъ большею частью изъ двухъ параллельныхъ валовъ, а тамъ, гдѣ почва выше, изъ трехъ и даже четырехъ, раздѣленныхъ между собою рвами. Наружный ровъ самый глубокой и до сихъ поръ разница между его дномъ и гребнемъ вала доходитъ до 4 сажень. Входъ (ворота) былъ повидимому одинъ, со стороны рѣки. Средина городища представляетъ почти правильный кругъ съ діаметромъ около 60 сажень; концентрическіе поясы рвовъ и валовъ имѣютъ ширины все вмѣстѣ до 20 сажень; съ трехъ сторонъ круглаго городища отходятъ отроги валовъ, изъ которыхъ одинъ идетъ на болѣе выдающийся мысъ берега, а два другіе какъ будто составляютъ не разрытые остатки болѣе обширнаго вала, какъ бы охватывавшаго посадъ древняго города, для котораго оставшееся городище служило внутреннимъ укрѣпленіемъ. Почва какъ внутри городища, такъ и на всемъ пространствѣ около него вполне открыта, весьма давно распахана и особенно плодородна, что указываетъ какъ бы на то, что она удобрена вслѣдствіе долгаго пребыванія подъ усадьбами заселявшаго эту мѣстность населенія.

По обѣ стороны городища, приблизительно на полверсты въ одну и другую сторону, размытъ былъ берегъ особенно значительнымъ весеннимъ разливомъ Десны въ настоящемъ году. Въ размытомъ берегу, въ черноземномъ пахатномъ слоѣ, на всемъ пространствѣ оказалось огромное количество черепковъ отъ посуды не муравленой и муравленой и найдены были разныя мелкія вещи, очевидно принадлежащія къ самымъ различнымъ эпохамъ, отъ каменнаго вѣка и до новѣйшаго времени. Изъ этихъ вещей нѣкоторыя привезены мною на выставку IV археологическаго съѣзда (см. Указ. выст. IV арх. съѣзда № № 782—800) и между ними: прекрасный образчикъ ножа изъ бѣлаго кремня, который нигдѣ въ окрестности не попадаетъ, обломокъ костянаго орудія, пробуравленный оселокъ, обломки посуды прожженной только до половины и сдѣланной безъ помощи гончарнаго груга, 11 глиняныхъ, разнаго цвѣта пряслиць, 38 обломковъ разноцвѣтныхъ стекляныхъ колець, обломки мѣднаго сосуда, двѣ металлическія привѣски (одну изъ нихъ относятъ къ XII вѣку), монета Джанибекъ-хана (XIV столѣтія), три мѣдныхъ кольца, два стекла изъ перстней, монета Сигизмунда III (XVII вѣка), три ножа, огниво, крючекъ отъ большой уды, часть рукоятки меча, куски минеральныхъ породъ, не встрѣчающихся въ мѣстности городища и. т. п.

Очевидно, что въ городищѣ близъ Салтыковой-Дѣвицы мы имѣемъ дѣло съ поселеніемъ, котораго начало относится къ весьма отдаленному времени (каменному вѣку), и которое перестало существовать уже вполне въ историческое время.

Хотя въ лѣтописи нѣтъ никакихъ извѣстій о какомъ либо городѣ, который можно бы приурочить къ данной мѣстности, но это обстоятельство не должно приводить насъ въ смущеніе.

Въ первые вѣка нашей исторіи въ Черниговской землѣ, какъ странѣ, въ то время лѣсистой, поселенія не могли быть велики; большими городами были только Черниговъ, котораго старая, укрѣпленная межа, сохранившаяся до сихъ поръ, хотя вѣроятно и не сплошь заселенная, имѣла около 8 верстъ въ окружности и занимала больше пространства чѣмъ теперешній городъ, да, пожалуй, Любечъ, котораго древніе размѣры неизвѣстны; но упоминаніе о Любечѣ въ договорѣ Олега съ Греками, гдѣ Любечъ ставится на ряду съ важнѣйшими русскими городами, указываетъ на значительность этого города, который въ историческое время не игралъ никакой роли; значеніе Любеча относится къ тому времени, о которомъ мы не имѣемъ историческихъ свѣдѣній, и только можемъ догадываться, что Любечъ имѣлъ значеніе центрального населеннаго пункта и этого своего значенія не потерялъ еще во время Олега. Остальные поселенія были не велики и навѣрное имена многихъ изъ нихъ, не занесенныхъ по какой либо случайности на страницы лѣтописи, остались намъ вовсе неизвѣстными. Это доказывается во первыхъ, тѣми мѣстами изъ лѣтописи, въ которыхъ упоминается о такихъ городахъ Черниговской земли; наприм. въ Ипатской лѣтописи подъ 1147 годомъ говорится, что князья Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи во время усобицы хотѣли перенять черниговскихъ князей Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича, не успѣли сдѣлать этого, но „взяша Всеволожь градъ на щить, и *ина въ немъ бяста два города* вошла. Слышавше иніи *гради* Уненѣжь, Бѣлавежа, Бохмачь, оже Всеволожь взять, и *побѣгоша* Чернигову, и иніи *гради мнози бѣжаша*. Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, посласта по нихъ и постигоша на поли и ту *взяша ты три города*, а иніи уйдоша; Изяславъ же повелѣ зажечи грады ты“. Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о поселеніяхъ самаго небольшого размѣра. Святославъ Всеволодовичъ (подъ 1159 г.) называлъ даже такіе города, какъ Моровійскъ, Любечъ, Оргощь и Всеволожь пустыми „а въ нѣхъ сѣдять псареве же и Половци“, т. е. почти нѣтъ настоящаго городского населенія. Во вторыхъ, тоже видно изъ размѣровъ городковъ и городищъ, находящихся въ мѣстахъ извѣстныхъ по лѣтописи городовъ. Между этими городками Салтыково-Дѣвицкое городище, особенно если принять во вниманіе отроги его, составляющіе по всей вѣроятности остатокъ болѣе обширнаго вала, представляется однимъ изъ самыхъ значительныхъ по своимъ

размѣрамъ. Это городище можетъ быть, такимъ образомъ, остаткомъ города, который существовалъ на этомъ мѣстѣ въ самыя отдаленныя времена каменнаго вѣка, существовалъ еще въ историческое время удѣльщины и пересталъ существовать во время, намъ неизвѣстное. Впрочемъ съ большею вѣроятностію можно предположить, что время уничтоженія этого неизвѣстнаго намъ города относится ко времени нашествія татаръ. Татарское нашествіе, хотя и не имѣло того всеразрушающаго значенія для массы населенія русскихъ земель, какое придаютъ ему лѣтописи, но на поселеніяхъ городскихъ оно отразилось самымъ разрушительнымъ образомъ. Въ частности, на югѣ нынѣшней Черниговской губерніи, оно произвело то, что черта болѣе густаго населенія отодвинулась посѣвернѣе, за Десну, къ югу же отъ этой рѣки еще въ XVI и XVII стол. основывались вновь, и иногда на старыхъ, запустѣлыхъ селищахъ, значительнѣйшія поселенія, теперь существующія. Городъ близъ Салтыковой-Дѣвицы едва ли уже существовалъ послѣ татарскаго нашествія: находкамъ новыхъ желѣзныхъ вещей, притомъ не особенно многочисленныхъ въ сравненіи съ старыми, и монетамъ XVII вѣка, какія попадаются въ губерніи въ значительномъ количествѣ, нельзя придавать рѣшающаго значенія. А между тѣмъ въ 5 верстахъ отъ городища, въ самомъ мѣстечкѣ Салтыковой-Дѣвицѣ, на мѣстности не лучше приспособленной природою для укрѣпленія, есть четырехъ-угольный замокъ литовско-польскаго времени, которому естественнѣе было быть устроеннымъ въ старомъ городѣ, если бы тотъ городъ тогда еще существовалъ. Есть еще одинъ письменный источникъ, который отрицательнымъ путемъ доказываетъ несуществованіе города въ той мѣстности послѣ татарскаго нашествія.

Въ библиотекѣ Черниговскаго Статистическаго Комитета хранится сдѣланная по распоряженію генераль-губернатора Малороссіи Румянцева въ 1776—79 гг. „Генеральная опись Малороссіи“. Въ этой описи, заключающей описаніе населенія и его движимой и недвижимой собственности, весьма полной (опись относящаяся къ одной нынѣшней Черниговской губерніи составляетъ 148 томовъ около 1000 листовъ каждый), приложены къ описи сель поземельные документы въ копіяхъ. По документамъ этимъ можно прослѣдить время основанія большей части поселеній Черниговской губерніи, если оно совершилось въ XVI в. или даже и ранѣе. Если бы около того времени существовалъ еще городъ близъ Салтыковой-Дѣвицы, то это не могло бы не быть замѣчено, хотя бы по какому нибудь документальному намеку, который дошелъ бы до насъ.

И такъ можно признать, что въ городищѣ близъ м. Салтыковой-Дѣвицы мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній Черниговской земли, которое опустѣло подъ вліяніемъ татарскаго раззоренія. Если такъ, то нельзя еще не

обратить вниманія: а) на его оригинальный планъ [концентрическіе валы съ боковыми отрогами], какого намъ не случалось встрѣчать въ городкахъ Черниговской земли, обыкновенно имѣющихъ одинъ валъ совершенно круглой формы; б) на то, что оно находится на невысокомъ мѣстѣ, что повторяется и въ другихъ городкахъ той же мѣстности и в) что это городище служитъ монументальнымъ доказательствомъ того, что татарское нашествіе уничтожало, въ полномъ смыслѣ этого слова, значительнѣйшія поселенія въ завоеванной странѣ, къ числу которыхъ принадлежалъ и городъ, остатки котораго составляютъ разсматриваемые нами насыпи.

О ДРЕВНИХЪ МОГИЛАХЪ У МЦХЕТЫ, ИЗСЛѢДОВАННЫХЪ ВЪ 1871—1872 ГОДАХЪ Г. БАЙЕРНОМЪ.

В. Г. Тизенгаузена.

Доложено *Л. К. Ивановскимъ* въ засѣданіи 2 августа. См. Протоколы, стр. ХСVII.

Въ 20 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Тифлиса, при впаденіи р. Арагвы въ Куру, лежитъ извѣстное по своей древности селеніе Мцхета, служившее, между прочимъ, съ начала IV до конца V столѣтія нашего лѣтосчисленія, резиденціею грузинскихъ царей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, устройство поессейной дороги близъ Мцхеты привело къ открытію тамъ слѣдовъ обширнаго древняго кладбища, расположеннаго по правому берегу Арагвы, на окаймленной горами равнинѣ, гдѣ находится монастырь Самтавро.

Благодаря проживающему въ Тифлисѣ любителю геологіи, австрійскому уроженцу *Ф. Байерну*, котораго открытіе это заинтересовало, Кавказское гражданское управленіе обратило вниманіе на означенную мѣстность и, давъ г. Байерну необходимыя денежныя средства, поручило ему заняться ближайшимъ изслѣдованіемъ ея въ археологическомъ отношеніи.

О результатахъ Мцхетскихъ раскопокъ, произведенныхъ г. Байерномъ въ 1871 и 1872 годахъ, я впервые узналъ при осмотрѣ присланныхъ въ Императорскій Эрмитажъ древностей, добытыхъ при этихъ раскопкахъ, и по рукописной статьѣ г. Б., которая мнѣ была передана на разсмотрѣніе Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Мнѣніе свое о найденныхъ вещахъ и о странныхъ выводахъ, къ которымъ пришелъ г. Б. на основаніи своихъ раскопокъ, я тогда же имѣлъ случай высказать вкратцѣ въ отзывѣ, помѣщенномъ въ Трудахъ этого Общества (томъ IV, отд. III, стр. 48). Съ тѣхъ поръ мнѣ удалось еще подробнѣе ознакомиться со взглядами г. Б. на Мцхетскія открытія по двумъ статьямъ его, напечатаннымъ въ 4-мъ томѣ берлинской *Zeitschrift für Ethnologie* (1872) и въ 4-й части вѣнскихъ *Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft* (1874).

Статьи эти еще болѣе убѣдили меня въ несостоятельности всѣхъ его соображеній и выводовъ.

За отсутствіемъ дневника раскопокъ, напечатаніемъ котораго г. Б. оказалъ бы археологіи несравненно большую услугу, я постараюсь, на основаніи его собственныхъ, впрочемъ крайне отрывочныхъ и не полныхъ указаній, представить по крайней мѣрѣ краткій сводъ главнѣйшихъ данныхъ, которыя привели меня къ совершенно другимъ заключеніямъ.

Всего разслѣдовано г. Байерномъ до 300 гробницъ, которыя, судя по найденнымъ въ нихъ вещамъ, относятся къ одному и тому же времени. Всѣ эти гробницы имѣютъ форму четырехугольных ящиковъ, расположены, за небольшими исключеніями, отъ востока къ западу, и находятся на глубинѣ 3—4 футовъ отъ поверхности земли. Однѣ изъ нихъ *каменные* (Steinkasten), другія *кирпичныя* (Ziegelplattenkasten), третьи *черепичныя* (Dachziegelplattenkasten) (¹).

Каменные гробницы, подраздѣляемыя на большія (въ 8—9 футовъ длины, 5 фут. ширины и 5—6 фут. глубины) и малыя, сложены изъ толстыхъ плитъ песчаника, покрытыхъ сверху горизонтально лежащею плитою (²), въ которой съ западной стороны, т. е. подъ изголовьемъ покойника, обыкновенно находится круглое отверстіе, величиною въ человѣческую голову (³); полъ большею частью земляной.

Кирпичныя гробницы, встрѣчающіяся рѣже и дѣлящіяся также на большія и малыя, устроены изъ обожженныхъ кирпичей въ 1 дюймъ толщины и въ 2½ ширины, либо въ 1½ фута какъ въ длину такъ и въ ширину; полъ и горизонтальная покрывка состоятъ изъ такихъ же кирпичей. Отверстія въ потолокъ нѣтъ.

Черепичныя гробницы сложены изъ продолговатыхъ, загнутыхъ по бокамъ черепицъ, длиною въ 2 фута, шириною въ верхнемъ концѣ въ 1½, въ нижнемъ въ 1½ фута. Отверстія въ потолокъ также нѣтъ.

Въ большихъ каменныхъ гробницахъ, съ отверстіемъ въ верхней плитѣ, заваленныхъ почти до самаго потолка землею и мусоромъ, всегда находится по нѣскольку разбросанныхъ и неполныхъ человѣческихъ, въ томъ числѣ и дѣтскихъ, остововъ. Количество покойниковъ въ одной и той же гробницѣ, по сло-

(¹) Въ той же мѣстности изрѣдка встрѣчались еще *земляныя* гробницы (Erdgräber), но онѣ повидимому относятся къ другому, болѣе позднему, византійскому періоду.

(²) Только въ одной каменной гробницѣ, названной г. Б. саркофагомъ, потолокъ состоялъ изъ двухъ плитъ, сложенныхъ въ видѣ крыши на два ската.

(³) Въ нѣкоторыхъ каменныхъ гробницахъ на верхней плитѣ, въ изголовьѣ, устроены небольшія помѣщенія, сложенные изъ мелкихъ камней и заключающія въ себѣ, какъ катакомбныя ниши, простыя глиняныя кувшины и грубыя украшенія.

вамъ г. Б., простирается иногда до 12 и даже до 20, но чаще всего кости до такой степени перемѣшаны съ землею и мусоромъ, что опредѣлить число, а тѣмъ болѣе положеніе покойниковъ совершенно невозможно. Иногда у череповъ недостаетъ челюстей, которыя потомъ оказываются въ нѣсколькихъ футахъ отъ нихъ.

Надъ мусоромъ, наполняющимъ каменные могилы съ отверстіями въ потолкѣ, встрѣчаются остатки разныхъ животныхъ, какъ-то: ящерицъ, змѣй, черепахъ и нѣкоторыхъ грызуновъ, также скелеты кошекъ и рыбы головы.

Въ тѣхъ же могилахъ попадаются только разбросанныя бронзовыя или желѣзныя застежки и разбитыя мелкіе стеклянные сосуды (Thränenfläschchen).

Кирпичныя же и черепичныя гробницы, равно какъ малыя каменныя могилы (также не имѣющія въ потолкѣ отверстія), не завалены землею и большею частью содержатъ по одному лишь остову, который находится на полу въ лежачемъ или полудежачемъ положеніи, съ сомнѣнными вдоль туловища руками.

Въ этихъ гробницахъ не встрѣчаются остатки животныхъ, какіе попадаютъ въ большихъ каменныхъ могилахъ съ отверстіемъ въ потолкѣ.

Эти же кирпичныя, черепичныя и малыя каменныя гробницы (безъ отверстія въ потолкѣ) богаче другихъ вещами, потому что въ нихъ, сверхъ застежекъ и стеклянныхъ флаконовъ или такъ называемыхъ слезницъ, находятся разные другіе предметы, какъ то: золотыя, серебряныя, бронзовыя, и желѣзныя украшения, кольца, перстни, запястья, серьги, привѣски, длинныя, матааллическія и костяныя, служившія для скрѣпленія волосъ, булавки, головки которыхъ сдѣланы изъ листового серебра либо золота, изъ разноцвѣтныхъ камней и изъ какой то композиціи, стекляныя, лигнитовыя, лазуриковыя, янтарныя, агатовыя сердоликовыя и т. п. бусы и пронизки, драгоценныя разные камни съ изображеніемъ богини Побѣды, Пріапа, вооруженнаго воина, Ганимеда, тигра, оленя, коня, осла, собаки, зайца, скорпіона, свиньи, орла, колосьевъ, руки и др., небольшія круглыя бронзовыя зеркала, желѣзные ножи и кинжалы, иглы, крючки, пряжки, дѣтскія игрушки, просверленныя раковины, астрагали, небольшіе бронзовые цилиндрическіе сосуды (въ томъ числѣ одинъ съ надписью *E. O. CALPURNI*, т. е. *ex officina Calpurni*) и простая глиняная посуда. За тѣмъ въ одной изъ каменныхъ гробницъ (г. Б. не говоритъ, находилось ли въ потолкѣ ея отверстіе) открытъ изящный стеклянный кубокъ красновато-фіолетоваго цвѣта, въ ажурной, серебряной, мѣстами позолоченной оправѣ, на которой изображены всадникъ, подвергающійся нападенію льва, а самъ преслѣдующій оленя съ его самкой, и пѣшій охотникъ, выступающій съ рогатиной противъ кабана. Въ другой же гробницѣ, кирпичной, найденъ оправленный въ тонкое листовое серебро, халцедоновый скарабей съ изображеніемъ іероглифовъ.

Вышеприведенныя данныя привели г. Б., между прочимъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Значительное количество человѣческихъ остововъ въ большихъ каменныхъ гробницахъ, несомнѣнно попало въ нихъ одновременно, что вмѣстѣ съ крайнимъ беспорядкомъ, въ которомъ находятся кости, самымъ видомъ костей и наконецъ отсутствіемъ при нихъ украшеній, какія встрѣчаются въ остальныхъ могилахъ, свидѣтельствуеетъ о томъ, что эти гробницы заключаютъ въ себѣ остатки ежегодно совершавшихся въ честь Ваала государственныхъ или народныхъ жертвоприношеній, сопровождавшихся избіеніемъ множества какъ невинныхъ дѣтей, обреченныхъ на смерть родителями, такъ и взрослыхъ людей, добровольно жертвовавшихъ своею жизнью. Въ другихъ же гробницахъ схоронены люди, которые умерли естественною смертью и въ честь которыхъ только иногда приносились въ жертву постороннія лица.

2) Тѣла убитыхъ при общественныхъ жертвоприношеніяхъ варились, либо жарились и потомъ съѣдались народомъ (¹), а тщательно обглоданныя кости, съ соблюденіемъ разныхъ обрядовъ, клались или бросались въ одну или въ нѣсколько заранее заготовленныхъ, каменныхъ гробницъ и наконецъ засыпались землею.

3) Круглое отверстіе въ потолкѣ каменныхъ гробницъ служило либо для совершенія надъ могилами разныхъ волхвованій и заклинаній мертвецовъ, либо для поднесенія покойникамъ благочестивыхъ приношеній, въ числѣ которыхъ важную роль играла рыба, имѣвшая вѣроятно символическое значеніе, какъ эмблема плодородія. Въ качествѣ такихъ символовъ могли попасть въ могилы также кошки и грызуны, хотя впрочемъ г. Б. допускаетъ, что они вмѣстѣ съ черепахами и змѣями могли забраться туда и случайно.

4) Находимые въ могилахъ продолговатые стеклянные сосуды имѣютъ видъ палицъ и свидѣлствуютъ, какъ о существовавшемъ въ Мцхетѣ поклоненіи Геркулесу и Марсу, такъ и о чрезвычайно воинственномъ характерѣ жившаго тамъ народа.

5) На поклоненіе Геркулесу указываютъ еще три подвига этого героя (укрошеніе Немейскаго льва, поимка Керинитской лани и умерщвленіе

(¹) Г. Б. ссылается при этомъ на слѣдующее, невыясненное критикою извѣстіе грузинской лѣтописи въ изданной акад. Броссе «Histoire de la Géorgie», 1-re partie, p. 31: «on n'ensevelissait pas les morts, et l'on dévorait les cadavres». Самъ г. Броссе, прекрасный знатокъ грузинской древности, говоритъ по поводу этого извѣстія: «Je n'admetrai jamais que les habitans aient pu être anthropophages et se nourrir de chair morte, animaux ou hommes, à moins que cela ne soit historiquement prouvé d'ailleurs».

Эриманоскаго вепря), изображенные на серебряной оправѣ упомянутаго выше стеклянаго кубка.

6) Скарабей съ изображеніемъ іероглифовъ служитъ явнымъ доказательствомъ, что въ могилѣ, гдѣ онъ найденъ, былъ схороненъ царь одной изъ древнѣйшихъ династій Иверіи.

7) Вообще большую часть мцхетскихъ гробницъ г. Б. принимаетъ за могилы древнихъ Иверійцевъ, предковъ нынѣшнихъ Грузинъ, народа ассирійскаго происхожденія; сооруженіе этихъ гробницъ относится къ 800—200 годамъ до Р. Х. (¹).

Хотя г. Б. твердо убѣжденъ, какъ онъ самъ выражается, что высказанныя имъ мнѣнія не пустыя гипотезы и что изслѣдованія его вскорѣ будутъ подтверждены другими учеными, сразу ниспровергнуть прежнія истины и произведутъ коренной переворотъ въ глубоко укоренившихся, но неправильныхъ взглядахъ археологовъ, едва-ли однакоже кто, вникнувъ въ дѣло, согласится съ его новыми теоріями, основанными на слишкомъ произвольныхъ и шаткихъ соображеніяхъ и на неудовлетворительномъ изученіи данныхъ, добытыхъ прежними изслѣдователями.

Такъ всякому, кто знакомъ съ раскопками, производившимися у насъ на югѣ Россіи (въ Ольвіи, Недвиловкѣ, Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ), извѣстно, что гробницы съ пробитыми сверху или сбоку отверстіями (²) принадлежатъ къ числу ограбленныхъ, въ которыхъ кромѣ разбросанныхъ человѣческихъ костей, можно встрѣтить только либо кое-какіе предметы, случайно забытые, потерянные или незамѣченные грабителями, либо такія вещи, которыя въ глазахъ послѣднихъ не имѣли никакой цѣны (какъ въ мцхетскихъ могилахъ простыя застѣжки и стекляныя сосуды).

Особенное удобство къ ограбленію мцхетскихъ гробницъ представляло неглубокое положеніе ихъ подъ землею. Если бы г. Б. обратилъ вниманіе не

(¹) Въ кирпичныхъ и черепичныхъ могилахъ, по мнѣнію г. Б., могли быть погребены жившіе въ Мцхетѣ Греки, усвоившіе, должно быть, обычай человѣческихъ жертвоприношеній, но можно также предположить, что и Иверійцы хоронили своихъ покойниковъ въ такихъ гробницахъ, которыя употреблялись Греками.

(²) Въ такихъ гробницахъ, которыя перекрыты нѣсколькими плитами, грабители для того, чтобы проникнуть въ нихъ, обыкновенно откидывали одну изъ плитъ. Въ Мцхетѣ, гдѣ потолокъ большихъ каменныхъ гробницъ состоитъ изъ одной толстой плиты, грабителямъ приходилось пробивать въ немъ небольшое отверстіе, которое и въ другихъ ограбленныхъ такимъ образомъ могилахъ, лично изслѣдованныхъ мною въ Ольвіи, въ Недвиловкѣ и на Таманскомъ полуостровѣ, обыкновенно бываетъ очень невелико.

только на внутреннее содержаніе могилъ, но и на слой земли, лежавшей надъ ними, то онъ безъ сомнѣнія замѣтилъ бы и надъ пробитыми въ потолокъ отверстіями небольшіе ходы или мины, посредствомъ которыхъ могилы были разграблены.

Отверстія пробиты въ западной части потолка, потому что тутъ, т. е. около изголовья покойниковъ и рукъ ихъ, особенно въ женскихъ гробницахъ, грабители находили для себя самую большую поживу: золотые погребальные вѣнчики, ожерелья, шейныя кольца, серьги, застежки, перстни и кольца.

Черезъ упомянутыя отверстія въ ограбленныя могилы постоянно проникали земля и мусоръ, которые г. В. находилъ въ нихъ, тогда какъ другія гробницы, въ которыхъ нѣтъ отверстій, слѣдовательно и не происходило ограбленія,—не были наполнены землею, заключали въ себѣ непотревоженные остова и наиболѣе отличались богатыми находками.

Черезъ тѣ же отверстія пробирались и заносились въ ограбленныя могилы тѣ животныя, остатки которыхъ встрѣчаются надъ лежащею въ могилахъ землею.

Грабились въ Мцхетѣ преимущественно большія каменные гробницы по всей вѣроятности потому, что онѣ нѣкогда были богаче другихъ цѣнными вещами. По безчисленнымъ примѣрамъ извѣстно, что грабительскіе ходы направлены обыкновенно съ большимъ знаніемъ дѣла и производились, должно быть, современниками или ближайшими потомками усопшихъ, хорошо знавшими положеніе и содержаніе каждой могилы. Уцѣлѣли въ Мцхетѣ, слѣдовательно, болшею частью, какъ и въ другихъ мѣстахъ, только такія могилы, которыя содержали въ себѣ прахъ людей недостаточныхъ (¹).

Судя по размѣрамъ большихъ каменныхъ гробницъ и множеству находимыхъ въ нихъ остововъ, это были семейныя усыпальницы, въ родѣ катакомбъ, въ которыхъ также нерѣдко, даже если онѣ и не ограблены, остатки лицъ прежде схороненныхъ сложены въ кучу около стѣнокъ, потому что должны были уступить мѣсто позднѣйшимъ покойникамъ. Въ Ольвіи мнѣ удалось открыть даже каменную гробницу подобнаго рода (см. Отчетъ Археологической Коммиссіи за 1873 годъ стр. XXIX).

Не зная всѣхъ этихъ обстоятельствъ, г. В. говоритъ, что большія мцхетскія гробницы, съ нѣсколькими разбросанными остовами, не могутъ быть семейными могилами, такъ какъ въ этомъ случаѣ необходимо предположить, что для

(¹) Незнакомыхъ съ этими вопросами отсылаемъ къ Отчетамъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1857—1874 годы.

помѣщенія въ гробницѣ новыхъ покойниковъ приходилось тревожить прахъ прежде погребенныхъ въ ней лицъ, а это противорѣчитъ уваженію къ усопшимъ, которое мы встрѣчаемъ даже у самыхъ дикихъ народовъ.

Воинственному характеру древнихъ Мцхетцевъ, который г. Б. выводитъ изъ палицеобразной формы стеклянныхъ сосудовъ, прямо противорѣчитъ крайняя рѣдкость оружія въ гробницахъ.

Для рѣшенія вопроса, какому народу принадлежатъ мцхетскія могилы, у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ; къ нѣкоторому разъясненію его могло бы служить изслѣдованіе найденныхъ въ нихъ череповъ. Но несомнѣнно то, что этотъ народъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ греческими черноморскими колоніями, доставлявшими ему всѣ тѣ предметы роскоши, которые мы находимъ въ мцхетскихъ могилахъ, такъ какъ всякій, кто знакомъ съ художественно-промышленными произведеніями греко-римскаго міра, при первомъ же взглядѣ даже на рисунки, приложенные къ первой статьѣ г. Б., несомнѣно признаетъ въ мцхетскихъ древностяхъ произведенія такъ называемаго римскаго періода древняго искусства, относящіяся къ первымъ тремъ вѣкамъ христіанскаго лѣтосчисленія. Къ первому изъ этихъ вѣковъ, а именно къ 75-му году по Р. Х., относится также найденная близъ Мцхеты каменная плита съ греческою надписью, изданная покойнымъ И. А. Бартоломеемъ въ „Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества“ и „въ Journal Asiatique за 1869 годъ“ (*).

Къ указанному выше періоду времени отнесъ мцхетскія находки и извѣстный знатокъ классической археологіи, акад. Стефани, издавшій нѣкоторые изъ нихъ въ Отчетѣ Археологической Коммисіи за 1872 годъ, стр. 143—146, 164—165 и 174; сл. также приложенный къ этому Отчету атласъ рисунковъ табл. II, 1—2 и III, 12, 13, 14, 16. Въ числѣ изданныхъ и описанныхъ имъ вещей находится также стеклянный кубокъ съ серебряною оправой, на которой, по изслѣдованію г. Стефани, изображены не подвиги Геркулеса (*), а простая охотничья сцена, исполненная во вкусѣ конца II или начала III столѣтія по Р. Х.

(*) Только однимъ столѣтіемъ древнѣе видны еще доселѣ устои каменнаго моста близъ Мцхеты, который Помпей устроилъ на Курѣ для преслѣдованія Митридата.

(*) Самъ г. Б. впрочемъ уже указалъ на отсутствіе палицы и львиной шкуры, составляющихъ обычные атрибуты Геркулеса, но объясняетъ это тѣмъ, что тутъ изображенъ не греко-римскій Геркулесъ, а семитическій.

Что касается скарабея, то, по рѣзбѣ іероглифовъ и по формѣ камня, онъ повидимому, какъ полагаетъ г. Стефани, относится къ глубокой древности, между тѣмъ какъ серебряная оправка, сдѣланная уже впоследствии, указываетъ на позднее римское время.

Не касаюсь другихъ „новыхъ“ мнѣній, которыми испещрены обѣ статьи г. Б., потому что онѣ еще менѣе выдерживаютъ критику.

ОБЪ ОСТАТКАХЪ ДРЕВНОСТИ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Н. А. Толмачева.

(Читано въ засѣданіи 16 августа.—См. Протоколы, стр. СХІХ).

Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ обстоятельства складывались такъ, что мнѣ приводилось довольно часто предпринимать поѣздки въ разныя мѣстности Казанской губерніи и жить болѣе или менѣе долгое время въ существующихъ въ предѣлахъ ея городахъ и селеніяхъ; при этихъ странствованіяхъ не разъ приходилось слышать рассказы о нахожденіи тамъ и здѣсь остатковъ древности. Когда дѣла приводили въ мѣста, гдѣ находились или откуда были легко достижимы такіе остатки, я не упускалъ случая собирать о нихъ свѣдѣнія, а при представлявшейся возможности, въ свободное отъ дѣлъ время, и посѣщать ихъ, причемъ во время осмотра старался опредѣлять географическое положеніе мѣстности, чтобы впослѣдствіи можно было нанести ее на карту; выяснять наиболѣе выдающіяся свойства встрѣчавшихся земляныхъ сооружений, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ и набрасывать схематическій (приблизительный) чертежъ ихъ, описывать представлявшіяся древнія надписи; древнія вещи, которыя были приносимы, осматривать, а при случаѣ и пріобрѣтать. Замѣтки, сдѣланныя мною при этихъ осмотрахъ, я показывалъ своевременно нѣкоторымъ изъ изслѣдователей старины, напр. профессору С.-Петербургскаго университета И. Н. Березину и покойнымъ П. С. Савельеву, В. К. Савельеву и профессору С. В. Ешевскому. Г. председателю IV-го Археологическаго Съѣзда, графу А. С. Уварову, угодно было предложить мнѣ сдѣлать въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда сообщеніе о моихъ наблюденіяхъ. Повинуясь приглашенію, представляю отчетъ; но почитаю необходимымъ просить ученое собраніе не принимать сообщаемое мною за результатъ изслѣдованія, предпринятаго послѣ должной литературной подготовки и произведеннаго по плану, впередъ составленному, и при помощи необхо-

димыхъ научныхъ пособій; напротивъ, цѣль поѣздокъ моихъ не имѣла ничего общаго съ археологіею. До поѣздокъ мнѣ не представлялось случая заниматься этою наукою, и, приступая къ нимъ, я не зналъ о существованіи древностей въ мѣстахъ, гдѣ онѣ встрѣтились; свѣдѣнія о нихъ представлялись каждый разъ неожиданно; осмотръ древностей, не смотря на то, что онѣ не лежалъ въ планѣ поѣздокъ, я считалъ нравственною для себя обязанностію и сожалѣлъ только о томъ, что былъ стѣсненъ недостаткомъ пособій при составленіи чертежей: опредѣленіе странъ свѣта приходилось дѣлать приблизительно; высоту описываемыхъ сооружений и углы, въ нихъ встрѣчавшіеся, назначать на глазомѣръ; длину опредѣлять своими шагами, которые, какъ само собою разумѣется, при разныхъ состояніяхъ почвы измѣряемой мѣстности и разныхъ ея уклонахъ, не всегда могли быть одинаковой величины.

Въ настоящемъ сообщеніи я предполагаю ограничиться изложеніемъ видѣннаго мною въ южной части того отдѣла Лаишевскаго уѣзда, который лежитъ по правому берегу Камы и въ части Чистопольскаго уѣзда, занимаемой землею, принадлежащею селу Зміеву и деревнѣ Донауровкѣ; рассказъ о посѣщеніи другихъ мѣстъ Казанской губерніи вынужденъ отложить до иного времени.

При составленіи настоящаго отчета по уцѣлѣвшимъ замѣткамъ, я наносилъ посѣщенные мѣстности на карту; къ описаніямъ земляныхъ сооружений присоединялъ: 1) копии съ набросанныхъ при осмотрѣ приблизительныхъ чертежей ихъ, 2) названія ближайшихъ селеній, такъ какъ между ними могутъ встрѣчаться и такія инородческія, которыя принадлежали языку племени, произведшаго сооруженія и 3) указанія на сочиненія, гдѣ встрѣчаются упоминанія о нихъ. Относительно этихъ послѣднихъ большею частію приходится ссылаться на книгу профессора С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, такъ какъ она представляетъ полнѣйшій сводъ всѣхъ встрѣченныхъ авторомъ въ печати и архивахъ свѣдѣній о древностяхъ Казанской губерніи; но такъ какъ иногда необходимымъ оказаться можетъ отсылать читателя и къ приводимымъ въ книгѣ г. Шпилевскаго сочиненіямъ,—то, для избѣжанія повтореній, я позволяю себѣ перечислить здѣсь названія тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчаются упоминанія объ описываемыхъ мною остаткахъ.

1) Мельникова: „Отъ гор. Чистополя до села Богородскаго“, Каз. губ. вѣд. 1862 г., № 36.

2) Его же: „Село Зміево, Городище тожь, въ Чистопольскомъ уѣздѣ; его древности“, Каз. губ. вѣд. 1855 г., № 21.

3) Г. М. Ш.: „Преданіе о двухъ курганахъ“, Каз. губерн. вѣд. 1875 г., № 16.

4) Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, изд. Центр. статист. комит. М. В. Д., Спб. 1866 г.

5) Вечеслава: „Замѣтки о городищахъ, курганахъ и другихъ древнихъ земляныхъ насыпяхъ въ Казанской губерніи“, Казань 1874 г.

6) Невоструева: „О городищахъ древняго Волжско-Булгарскаго и Казанскаго царствъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской,“ въ „Трудахъ I-го Археологическаго Съѣзда“.

7) Стоянова: „Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ въ Лаишевскомъ и Спасскомъ уѣздахъ, Казанской губерніи,“ помѣщенный въ „Протоколахъ засѣданій Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ,“ какъ приложение къ протоколу засѣданія 21-го Апрѣля 1871 года.

При настоящемъ сообщеніи имѣю честь приложить: 1) общую археологическую карту описываемыхъ остатковъ древности, составленную по спеціальной картѣ Европейской Россіи, изданной военно-топографическимъ отдѣломъ Главнаго Штаба и оконченной въ 1875 году подъ редакціею генеральнаго штаба полковника Стрѣльбицкаго⁽¹⁾, 2) четыре небольшія карты, изображающія окрестности которыхъ изъ описываемыхъ кургановъ и городищъ болѣе подробно, чѣмъ то было возможно на общей картѣ; одна изъ нихъ составлена по вышеприведенной спеціальной картѣ и три по картѣ, которую я имѣлъ случай разсматривать въ Казанской губернской земской управѣ⁽²⁾, 3) девять чертежей описываемыхъ кургановъ и городищъ⁽³⁾, 4) списокъ древнихъ вещей изъ числа найденныхъ въ селахъ Болгарахъ и Вилрежѣ жителями и мною пріобрѣтенныхъ, рисунки которыхъ будутъ помѣщены въ атласѣ „Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда“⁽⁴⁾.

Описанію видѣнныхъ древностей считаю необходимымъ предпослать нѣсколько словъ о географическомъ положеніи ихъ.

Мѣстность, изображенная на общей картѣ, занимаетъ уголь, образуемый правымъ берегомъ Камы съ лѣвымъ берегомъ Волги. При ихъ сліяніи Волга течетъ приблизительно съ сѣвера на югъ, Кама—съ востока на западъ; первая составляетъ западную, вторая южную границу отдѣла уѣзда. Въ правый берегъ Камы показаны на картѣ впадающими, начиная отъ устья этой послѣдней, рѣчки и рѣчки: Мѣша, Брысса, Шуранка, Ошнякъ, Бетька, Урайка, Супа и Шумбутъ. Въ описываемой мѣстности я видѣлъ остатки древности на четырехъ изъ

⁽¹⁾ Карта эта помѣщается въ числѣ рисунковъ къ настоящему сообщенію подъ № 1.

⁽²⁾ Эти карты см. въ числѣ рисунковъ подъ №№ 2, 3, 4 и 5.

⁽³⁾ См. рисунки при сообщеніи подъ №№ 6—14.

⁽⁴⁾ Подъ № 15, въ числѣ рисунковъ къ настоящему сообщенію.

перечисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ, именно: на Камѣ, Мѣшѣ, Брысѣ и Шумбутѣ. Пять изъ остатковъ были земляными сооруженіями, шестое — кладбищемъ. Изъ земляныхъ сооруженій два назывались курганами, три имѣли видъ городищъ. Курганы находились—одинъ при рѣкѣ Мѣшѣ, другой на рѣкѣ Брысѣ. Изъ городищъ два близъ рѣки Камы и одно на рѣкѣ Шумбутѣ; кладбище на рѣкѣ Камѣ.

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ описываются въ настоящемъ сообщеніи остатки трехъ городищъ.

I.

Остатки древности въ Лаишевскомъ уѣздѣ.

1) *Земляная насыпь, называемая курганомъ у рѣки Большой Мѣши, возлѣ деревни Ташкирмень* (¹). По книгѣ Лаптева, „Матеріалы для географіи и статистики Казанской губерніи“ (стр. 81): „рѣка Большая Мѣша начинается въ Мамадышскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ (бывшаго) Мѣшинскаго мѣдиплавильнаго завода, впадаетъ въ Каму въ Лаишевскомъ уѣздѣ у деревни Епанчиной (²). Теченіе извилистое, длина 250 верстъ, ширина обыкновенная 5—10 сажень; глубина наибольшая 2 и 4 аршина, а во время весенняго разлива первая 100—150, а вторая 3—5 сажень.“ Г. Лаптевъ перечисляетъ слѣдующіе притоки Мѣши: Нурму, Малую Мѣшу, Большую Саблянку и Ныреу. Въ книгѣ профессора Шпилевскаго: „Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губ.“ (на стр. 397 и 401) упоминаются въ числѣ притоковъ ея еще рѣчки Сула и Саба и приводится рѣчка Макса, какъ притокъ Малой Мѣши. Въ той же книгѣ профессоръ Шпилевскій указываетъ на существованіе остатковъ древности въ бассейнѣ Мѣши въ двѣнадцати мѣстахъ (на стр. 389—402) (³). Изъ всѣхъ этихъ остатковъ мнѣ пришлось посѣтить только тѣ, которые находятся при деревнѣ Ташкирмень, и о которыхъ профессоръ Шпилевскій говоритъ на страницахъ 390—393 своего сочиненія.

(¹) См. рис. №№ 6 и 7.

(²) Въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казанской губ., изд. Центр. стат. комит. М. В. Д., деревня Епанчино показана подъ № 964, на правомъ берегу Камы.

(³) Въ числѣ ихъ находится, кромѣ описываемаго, еще курганъ при селѣ Рождественскомъ-Укречь, но мнѣ не удалось его посѣтить.

Деревня Ташкирмень, какъ видно изъ книги профессора Шпилевскаго, находится на правомъ берегу Мёши (¹); ниже ея, примѣрно въ верстѣ разстоянія, на той же рѣкѣ Мёшѣ, расположена деревня Макаровка; обѣ деревни раздѣляетъ оврагъ, открывающійся въ долину Мёши съ правой стороны. Деревня Ташкирмень заселена издавна старокрещеными Татарами и (по словамъ мѣстныхъ жителей) отчасти Мордвою; деревня Макаровка населена Русскими, принадлежавшими во время моего посѣщенія нынѣ умершему помѣщику Александру Даниловичу Деларю.

Въ деревню Ташкирмень пришлось мнѣ прибыть вечеромъ 19-го Октября 1850 года, а отправиться на осмотръ кургана незадолго до сумерекъ. Въ набросанныхъ, по возвращеніи съ осмотра, въ записной книжкѣ замѣткахъ такъ изложены данныя относительно этого кургана.

Курганъ находится въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ долины рѣки Мёши, на горномъ возвышеніи, сопровождающемъ правый ея берегъ, у вышеупомянутаго оврага, по южную его сторону. Насыпь имѣетъ видъ усѣченнаго полуконуса. Плоскостью сѣченія по оси курганъ помѣщенъ надъ обрывомъ въ оврагъ, такъ что плоскость эта совпадаетъ со стѣною оврага; периферія полуконуса обращена къ полю деревни Макаровки. Верхняя площадка насыпи окаймлена съ внутренней стороны валомъ, возвышающимся примѣрно на сажень; часть площадки внутри этого вала находится не на уровнѣ съ окружающею курганъ землею, а много выше ея и притомъ не горизонтальна, а опускается покато къ оврагу. Я не встрѣтилъ въ курганѣ приспособленій къ проѣзду экипажей на верхнюю его площадку и къ облегченію восхожденія на нее по крутому спуску людей и крупныхъ домашнихъ животныхъ. Измѣрить курганъ за позднимъ временемъ я не могъ; но мнѣ казалось на глазомѣръ, что высота его не превышала 7—8 саженей, а поперечникъ у обрыва 40 или 50 саженей. Изъ Ташкирмена курганъ казался имѣющимъ сходство съ сидѣньемъ круглаго кресла съ низкой спинкой.

А. Д. Деларю сообщилъ мнѣ, при посѣщеніи его на слѣдующій день, что онъ слышалъ преданіе, будто насыпь была воздвигнута надъ могилами двухъ царей

(¹) Въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи» деревня названа не Ташкирменью, а «Ташкерменью» и показана подъ № 888, отстоитъ въ 15-ти верстахъ отъ Лаишева. Такъ какъ деревня Епанчина, лежащая на той же рѣкѣ Мёшѣ, какъ приведено, при впаденіи ея въ Каму, показана по Списку населенныхъ мѣстъ отстоящею отъ г. Лаишева на 22 версты, то курганъ надобно считать отстоящимъ отъ устья Мёши и отъ Камы въ 7 верстахъ. «Ташкирменью» называютъ деревню мѣстные жители и Вечеславъ въ книгѣ: «Естественное приращеніе».

или цариць. тутъ когда то сражавшихся; самъ же Александръ Даниловичъ считалъ возможнымъ и такое предположеніе, что насыпь могла быть сдѣлана во время покоренія страны нашими войсками и служить батареей.

Жители деревни Ташкирмень передавали мнѣ преданіе, что во время царя Ивана Васильевича Грознаго, въ этой мѣстности жилъ ханъ и селеніе называлось по имени его *Ханъ-Кирмень*, а что по крещеніи жителей, деревню переименовали въ Ташкирмень. По словамъ того изъ жителей деревни, который сопровождалъ меня на курганъ, не было слышно, чтобъ въ насыпи когда либо находили старинныя деньги; рассказчикъ полагалъ, что во время сооруженія и обитанія кургана въ окрестности его жили люди безденежныя. Жители другихъ смежныхъ съ Ташкирменемъ деревень не раздѣляли этого мнѣнія и подозрѣвали, что въ насыпи должны быть зарыты сокровища.

Встрѣчающіяся въ печати свѣдѣнія о курганѣ собраны профессоромъ Шпилевскимъ въ его книгѣ „Древніе города“ и проч. Кромѣ того упоминаніе о немъ я встрѣтилъ: 1) въ Журн. Мин. Вн. Д. 1839 г., ч. XXXIV, кн. 10-я (Октябрь), въ статьѣ профессора Фукса: „Поѣздка изъ Казани къ Мордвѣ“. Въ этой статьѣ приведено и измѣреніе кургана въ шагахъ. Вотъ что говоритъ авторъ: „Близъ деревни Ташкирмень, на высококомъ холмѣ, стоитъ укрѣпленіе, имѣющее видъ фельдшанца. Внизу течетъ Мѣша. Это укрѣпленіе вышиною 7 саженой, а въ окружности 360 шаговъ (стр. 92)“. (Точное измѣреніе кургана въ метрахъ, какъ видно изъ книги проф. Шпилевскаго (стр. 390) произведено А. Н. Стояновымъ въ 1870 году; 2) въ общихъ свѣдѣніяхъ о Казанской губерніи Артемьева, помѣщенныхъ при „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ этой губерніи, изд. Центр. Статист. Комит. М. В. Д., Спб. 1866 г. (стр. XXXII).

Въ бассейнѣ Мѣши, въ предѣлахъ Лаишевскаго уѣзда, ⁽¹⁾ встрѣчаются селенія слѣдующихъ названій:

а) *Населенныя Русскими*: на рѣкѣ Мѣшѣ: 1) д. Ключицы, 2) д. Обухова (Салтыки), 3) село Карадули (Вознесенское), 4) село Укречь (Рождественно-Троицкое), 5) д. Макаровка, 6) д. Танѣева, 7) д. Дятловка, 8) село Селенгуши, 9) д. Комаровка (Люткинской выселокъ), 10) Кызыльскій выселокъ (Комаровка), 11) село Нижняя Серда (Преображенское), 12) д. Райково, 13) д. Атрячи, 14) д. Нурма, 15) д. Карайшево, 16) д. Садки (Пановка), 17) с. Дчи (Спасское), 18) д. Юну-

⁽¹⁾ Названія селеній какъ въ этомъ спискѣ, такъ и въ спискѣ, помѣщенномъ на стр. 70, заимствованы изъ «Списка населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи»; опредѣленіе національности жителей составлено по книгѣ Вечеслава: «Естественное приращеніе сельскаго населенія Казанской губерніи», томъ 1-й, 1875 года.

сово, 19) сельцо Ачи (Екатериновка); на рѣкѣ Нурмѣ: 20) село Елагино (Спасское), 21) д. Тереулово (Чертова), 22) д. Кудашь-Кадышъ (Вѣлкино), 23) д. Ходяшево, 24) д. Бимерь (Княжа). На рѣкѣ Нырсы: 25) д. Шебулатова.

б) *Населенныя Татарами*: а) мусульманами: *αα*) на рѣкѣ Мѣшѣ: 26) Читы, 27) Искіюртъ, 28) Селенгушъ, 29) Агайбашъ, 30) Байчуги, 31) Шинарь Малый, 32) Сауши; *ββ*) на рѣкѣ Максѣ: 33) Кибякъ-Кози, 34) Максабашъ. *γγ*) На рѣкѣ Нурмѣ: 35) Тавели (Ходяшево), *δδ*) на рѣкѣ Нырсы: 36) д. Нырсы, 37) Меретяки большіе, 38) Шадки Шадчи. б) Населенныя Татарами православными, на рѣкѣ Мѣшѣ: 39) д. Ташкирмень, 40) Толкіязъ; на рѣкѣ Нырсы: 41) Таукермень, 42) Янцовары, 43) Нырсываръ и 44) Карабалны.

2) *Такъ называемый курганъ на рѣкѣ Брысѣ, при дер. Именьковой* (¹). О существованіи его я узналъ отъ муллы этой деревни. 9-го Октября 1850 года представился случай осмотрѣть курганъ.

Я нашелъ его въ полутора верстахъ отъ названной деревни, вправо отъ дороги изъ нея въ г. Лаишевъ; въ разстояніи отъ города примѣрно верстахъ въ 10 и въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ села Чирповъ (²) расположеннаго на той-же рѣкѣ Брысѣ, выше кургана.

Прежде дальнѣйшаго изложенія свѣдѣній о курганѣ, позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о рѣкѣ, при которой онъ находится. Въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ она названа Брысою (или Большою Брысою); мѣстные жители именуютъ ее „Брысѣ“. Судя по картѣ, Брысса начинается въ томъ же Лаишевскомъ уѣздѣ, въ которомъ изливается въ Каму; течетъ на протяженіи примѣрно верстъ 30-ти; главное направленіе теченія съ сѣвера на югъ. Изъ показанныхъ на картѣ впадающихъ въ нее съ правой стороны рѣчекъ, одна по „Списку населенныхъ мѣстъ“ называется Малая Брысса, другія—Тевкечь и Токлица.

Во время моего осмотра, ширина рѣчки при курганѣ едва ли превышала 5 или 6 сажень; рѣчка текла въ долинѣ, шириною примѣрно сажень въ 100, окаймленной возвышеніями, сажень приблизительно въ 5, на глазомѣръ, въ вышину; эти возвышенія придавали долинѣ видъ довольно широкаго жолоба, по которому рѣчка въ половодье разливалась, оставляя послѣ разлива сѣнокосные луга и болота. Возвышенія эти состояли, судя по обрывамъ ихъ, изъ одной только глины. Въ заливной долинѣ рѣчка текла извиристо, приближаясь то къ той, то къ другой изъ

(¹) См. рис. №№ 8, 9 и 10.

(²) Въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи» деревня Именькова помѣщена подъ № 832, а село Чирпы подъ № 901; разстояніе той и другой отъ города Лаишева показано 12 верстъ.

ея окраинъ и близь кургана держалась лѣвой стороны; особенно значительныя извилины дѣлала рѣчка, приближаясь къ кургану; изгибъ, который она образовала, обходя этотъ послѣдній, напоминалъ своими очертаніемъ полуостровъ или такъ называемую луку, хотя и весьма неполную: у этой луки и былъ поставленъ курганъ на лѣвомъ берегу рѣчки. Въ луку вдавалась въ видѣ мыса часть горнаго возвышенія, сопровождающаго лѣвый берегъ рѣчки. Этотъ мысъ имѣлъ видъ четырехсторонней усѣченной пирамиды. Верхняя поверхность его была горизонтальна и по формѣ весьма приближалась къ трапеціи; параллельными между собою сторонами ея казались длинныя; не параллельными — короткія, къ одной изъ короткихъ сторонъ подходила рѣчка Брысса; на другой поставленъ былъ курганъ; короткая сторона, обращенная къ рѣчкѣ, соединялась съ прилежащими длинными подъ углами близкими, на глазомѣрѣ, къ прямому; короткая сторона у подножія кургана, вслѣдствіе косой постановки этого послѣдняго къ оси мыса, соединялась съ одною изъ длинныхъ сторонъ подъ острымъ, а съ другою подъ тупымъ угломъ. За курганомъ, со стороны противоположной мысу, находился ровъ, отдѣлявшій ихъ отъ остальной части горныхъ возвышеній, сопровождавшихъ лѣвый берегъ Брыссы. Воковые спуски, исключая мѣстъ, подмытыхъ Брыссою, представлялись также какъ и поверхность мыса, ровными, какъ бы были тщательно обдѣланы когда то руками человѣческими.

Будучи помѣщенъ на концѣ мыса, обращенномъ къ югу, курганъ занималъ всю его ширину, такъ что бока или спуски кургана и мыса сливались; сѣверный бокъ кургана стоялъ на верхней площадкѣ мыса; восточный упирался въ луга; западный подмывался рѣчкою Брыссою; южный спускался до дна рва. Курганъ казался имѣвшимъ видъ усѣченного конуса, у котораго въ плоскости сѣченія была фигура, напоминавшая бобъ въ разрѣзѣ; вогнутая сторона боба была обращена къ мысу, выпуклая — ко рву; линія горизонтальнаго сѣченія этой послѣдней направлялась по дугѣ круга, спускъ кургана въ ровъ былъ весьма правильно и тщательно обдѣланъ и доходилъ до его дна; линія направленія этого послѣдняго, также какъ линія направленія стѣнки рва, противоположной кургану, были параллельны съ линіею направленія спуска кургана въ ровъ. Дно и стѣнки рва были покрыты дерномъ и также тщательно обдѣланы человѣческими руками, какъ спускъ кургана. Восточный и западный концы рва открывались въ заливную долину.

Рѣчка Брысса кромѣ мѣста, гдѣ находился западный конецъ кургана, подходила еще и къ сѣверо-западному углу и къ части сѣверной окраины мыса и удалялась отъ него въ прочихъ пунктахъ. Восточная часть мыса прилегалла къ заливнымъ дугамъ.

Размеры мыса, кургана и рва. Верхняя поверхность мыса казалась на столько же возвышавшеюся надъ заливными лугами, какъ и остальные горныя возвышенія, сопровождавшія лѣвый берегъ рѣчки, т. е. саженой на 5 на глазомѣръ; вершина кургана надъ верхнею поверхностью мыса сажени на 3 или на 4; дно рва было выше поверхности заливной долины болѣе, чѣмъ на сажень. Длину и ширину верхнихъ площадокъ мыса и кургана, длину дна рва и верхняго гребня стѣнки его, противоположной кургану, а также ширину рва, я измѣрялъ шагами. Въ записной книжкѣ во время осмотра было отмѣчено, что длина верхней площадки мыса найдена равною 200 шагамъ, ширина—35; длина верхней поверхности кургана 30, ширина ея 5; длина дна рва 88, длина гребня стѣнки его противоположной кургану 100; ширина рва 9 шагамъ.

И въ этомъ курганѣ, какъ въ предшествовавшемъ, я не встрѣтилъ приспособленій для проѣзда экипажей на верхнюю площадку и для облегченія восхожденія на нее людей и животныхъ.

Древнихъ вещей въ курганѣ я не видалъ, и не слышалъ, чтобъ кто либо ихъ находилъ; въ подмытомъ рѣкою мѣстѣ мыса видѣлъ нѣсколько выдающихся изъ глины костей животныхъ; не было возможности опредѣлить, принадлежали ли онѣ животнымъ, случайно зашедшимъ на площадку и тамъ погибшимъ, или животнымъ, которыя были принесены въ давнія языческія времена въ жертву на этомъ мѣстѣ.

Къ числу приводимыхъ профессоромъ Шпилевскимъ въ книгѣ „Древніе города“ на страницахъ 385 и 386 статей, въ которыхъ упоминается о курганѣ, можно присоединить еще двѣ, принадлежащія бывшимъ профессорамъ Казанскаго университета, Эрдманну и Фуксу. Въ первой, носящей названіе „Замѣчанія во время путешествія по берегамъ Камы и въ Оренбургской губерніи,“ и напечатанной въ 1-мъ томѣ „Заволжскаго Муравья“ 1834 года, на стр. 79, читается: „По дорогѣ изъ Лаишева въ Мензелинскъ, ѣдучи по правому берегу Камы, около 6 верстъ отъ Лаишева влѣво, встрѣчается довольно высокій курганъ или насыпь“. Такъ какъ на сказанной дорогѣ другаго кургана, кромѣ описаннаго нѣтъ, то надобно думать, что рѣчь идетъ здѣсь о послѣднемъ, и что 6-я верста отъ Лаишева приведена по ошибкѣ вмѣсто 10-й или 11-й. Профессоръ Фуксъ въ статьѣ, приведенной выше, при описаніи Ташкирменскаго кургана, на стр. 95 упоминаетъ, что 12-го Августа 1839 года, проѣздомъ видѣлъ курганъ въ описываемомъ мною мѣстѣ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Подлинныя слова профессора Фукса будутъ приведены при описаніи Именьковскаго городища.

Привожу названіе селеній расположенныхъ въ бассейнѣ рѣчки Брысы и во первыхъ *обитаемыхъ Русскими*: а) На рѣчкѣ Большой Брысы: 1) деревня Якименъе, 2) сельцо Маматово, 3) село Емельяново (Знаменское), 4) сельцо Стрюково, 5) село Никольское, 6) д. Рагозино (Нѣмчиново, Булгакъ), 7) д. Домашева, 8) село Чирпы (Богородское), 9) д. Владиміровка (Грабиловка), 10) д. Павловка; б) на рѣчкѣ Малой Брысы: 11, 12 и 13 три деревни Якпины, изъ которыхъ одна названа въ спискѣ Среднею, другая Новою и третья Сюльмень-Якпиною; в) на рѣчкѣ Тевкечь: 14) деревни Девятово (Тевкечь); д) на рѣчкѣ Токлицѣ: 15) село Смольдірово (Богородское).

Поселеніемъ обитаемымъ Татарами въ бассейнѣ рѣчки Брысы оказалось одно—д. Татарскій Янтыкъ.

3) *Городище близъ деревни Именьковой* (¹). О существованіи его я узналъ отъ того же муллы, какъ и о курганѣ; осмотрѣть городище представился случай 8-го Октября 1850 года.

Оно оказалось расположеннымъ на 12-й верстѣ почтовой дороги изъ г. Лаишева въ село Шуранъ, возлѣ самой дороги, между этою послѣднею и обрывомъ горнаго возвышенія, сопровождающаго правый берегъ Камы (въ этомъ мѣстѣ почтовая дорога идетъ близъ обрыва). Желашему осмотрѣть городище нѣтъ по этому неизбѣжной необходимости предпринимать особую поѣздку; можно для этой цѣли воспользоваться проѣздомъ изъ г. Лаишева въ село Шуранъ, или изъ г. Казани въ г. Чистополь, если къ тому представится случай.

На сказанной 12-й верстѣ дорогу пересѣкалъ, во время моей поѣздки 1850 года, оврагъ, чрезъ который былъ перекинутъ мостъ. Для ѣдущаго изъ Лаишева оврагъ представлялся начинающимся по лѣвую сторону дороги и по пересѣченіи пути направлялся не прямо къ долиинѣ Камы, а шель сначала нѣкоторое пространство на востокъ, параллельно какъ дорогѣ, такъ и линіи обрыва праваго горнаго берега Камы въ долину ея и потомъ уже поворачивалъ въ эту послѣднюю.

Часть описанной мѣстности оказывалась такимъ образомъ огражденною природою отъ вражескихъ нападений: съ юга крутымъ обрывомъ въ долину Камы, съ востока и сѣвера обрывомъ въ оврагъ. Оставалась незащищенною одна западная сторона. Для огражденія ея пришло на помощь искусство: на западной сторонѣ отъ обрыва къ долиинѣ Камы до обрыва къ оврагу насыпанъ былъ валъ, а снаружи нѣкоторой частію его вырытъ ровъ. Такимъ образомъ возникло городище того типа, который такъ часто встрѣчается въ нашей губерніи.

(¹) См. рис. № 11.

Проходя вдоль вала, я считалъ шаги. Длина его оказалась равною моимъ 150 шагамъ; валъ направлялся по ломаной линіи, составлявшейся изъ двухъ прямыхъ, соединенныхъ между собою подъ тупымъ угломъ; южная часть ломаной линіи вала, отъ начала у долины Камы равнялась 115 шагамъ, остальная часть 35 моимъ шагамъ; первый изъ отдѣловъ вала сопровождался съ наружной стороны ровомъ. Сѣверная окраина городища, образованная обрывомъ въ оврагъ, оказалась равною 180 моимъ шагамъ; въ записи, составленной во время осмотра, не оказалось показанія относительно длины всей восточной окраины, а упомянуто только о части ея, длиною въ 100 шаговъ.

Вышина обрыва горы въ долину Камы опредѣлена на глазомѣръ саженой въ 8 или 10; оврагъ казался имѣвшимъ меньшую глубину; ровъ, находившійся съ внѣшней стороны вала, былъ аршинъ 2-хъ въ глубину; валъ возвышался надъ внутреннею площадкою городища аршина на 1½; я нашелъ его уже осыпавшимся, а ровъ засорившимся; площадь городка ровною. По словамъ крестьянина, показывавшаго мнѣ городище, древнихъ вещей на немъ находимо не было.

Черепковъ, столь обильныхъ на поверхности земли въ другихъ городищахъ, не удалось встрѣтить въ этомъ.

Мулла деревни Именьковой полагалъ, что это городище на столько же древне, какъ Булгаръ, Биляръ, Кашанъ; но не могъ объяснить на чемъ основывается свое предположеніе и не могъ сообщить преданій о городищѣ.

Профессоръ Шпилевскій въ книгѣ „Древніе города“ приводитъ на стр. 385 предположеніе, что объ этомъ вѣроятно городищѣ упоминалъ адъютантъ Казанскаго университета Петръ Кондыревъ въ рапортѣ совѣту университета отъ 20-го Октября 1812 года, въ словахъ: „на пути своемъ осмотрѣлъ я восемь городковъ или мѣстъ, окруженныхъ валами, какъ то: близъ Шурана одинъ неизвѣстнаго имени, по дорогѣ къ нему изъ Казани“; и что объ немъ же упоминаетъ Мельниковъ въ напечатанной въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1862 года, № 36 статьѣ: „Отъ г. Чистополя до села Богородскаго“. Объ этомъ же безъ сомнѣнія городищѣ упоминалъ профессоръ Фуксъ въ вышеприведенной, напечатанной въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1839 г., въ октябрьской книжкѣ (часть 34) статьѣ: „Поѣздка изъ Казани къ Мордвѣ“; только деревня, близъ которой находится городище, названа въ статьѣ не Именьковой, какъ въ дѣйствительности, а Иванковой. „Отъ Лаишева до первой станціи Шурана считается 22 версты. Проѣзжая по этой дорогѣ увидѣли мы большой курганъ и немного по далѣе древнее укрѣпленіе, вблизи татарской, недавно заселенной деревни Иванковой (стр. 95)“. Деревни Иванковой по „Списку населенныхъ мѣстъ“ во всей Казанской губерніи нѣтъ; есть деревня Иванькова въ Ядринскомъ уѣздѣ,

значащаяся въ Спискѣ подь № 3689, а вблизи кургана находится одна только татарская деревня Именьково.

4) *Валъ на мѣстѣ древняго болгарскаго города Кашана.*

Муллы деревень Лайшевскаго уѣзда, отъ которыхъ приходилось слышать о древнемъ Кашанѣ, указывали, что остатки его находятся на правомъ берегу Камы, между деревнею Сорочьи Горы и селомъ Шураномъ, на горномъ возвышеніи, сопровождающемъ этотъ берегъ, у спуска въ долину. Для осмотра мѣстности я воспользовался представившимся 22-го Октября 1850 года случаемъ ѣхать черезъ деревню Сорочьи Горы въ село Шуранъ. Взявъ въ Сорочьихъ горахъ бывавшаго на городищѣ и знакомаго съ нимъ ямщика, я пригласилъ его показать мнѣ это послѣднее.

По словамъ возницы, ниже селенія Сорочьи Горы, въ числѣ овраговъ, открывающихся въ долину Камы, есть одинъ, длиною версты въ 1½, верстахъ въ двухъ отъ деревни; отъ западной стѣны этого оврага къ обрыву горнаго возвышенія, сопровождающаго правый берегъ рѣки, идетъ валъ длиною также версты въ 1½, ограничивающій городище. Часть этого вала, ближайшая къ деревнѣ Сорочьи Горы, съ прилежащею землею, принадлежала во время моего посѣщенія, по словамъ ямщика, владѣтельница этой деревни госпожѣ Панаевой, другая часть, ближайшая къ селу Шурану, одной изъ владѣтельница села, госпожѣ Овсянниковой. Городище, по словамъ ямщика, съ давнихъ поръ уже запущено и поросло лѣсомъ (¹) и только часть земли, въ верстѣ разстоянія отъ него, принадлежащая госпожѣ Овсянниковой, была года за два или за три предъ тѣмъ расчищена. По срединѣ городища пролежала дорога, на которую переводился во время разлива Камы почтовый Оренбургскій трактъ между селомъ Шураномъ и Мурзихой. Въ меженное время перевозъ чрезъ Каму въ сельцо Мурзиху на этомъ трактѣ производился подь самымъ Шураномъ; въ половодье мѣстность для переѣзда становилась неудобной и перевозъ ставился подъ городищемъ. Около этого послѣдняго находится будто бы много ямъ, на мѣстѣ бывшихъ въ древнее время жилищъ.

Обогнувъ вышеупомянутый оврагъ, ямщикъ ввезъ меня въ невысокій молодой лѣсокъ, состоявшій изъ кустарника и мелкихъ деревьевъ; проѣхавъ нѣкоторое пространство, мы встрѣтили въ лѣску валъ, принадлежавшій по словамъ ямщика городищу и перегораживавшій дорогу. На мѣстѣ этой послѣдней онъ былъ срытъ

(¹) Мнѣ сообщали въ послѣдствіи, что Шуранскія окрестности городища запущены или оставлены по мѣстному выраженію *подъ залогъ*, за истощеніемъ почвы, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

(или не возведенъ при первоначальномъ устройствѣ); по образованному такимъ образомъ проѣзду проникли мы въ огороженное валомъ пространство, среди котораго продолжался тотъ-же лѣсокъ, какой былъ и за предѣлами его. Мы проѣхали торною дорогою по лѣску съ версту и когда приблизились къ мѣсту, гдѣ нужно было спускаться въ долину Камы, я нашелъ необходимымъ отказаться отъ дальнѣйшаго осмотра мѣстности и направиться, куда призывали дѣла. Ознакомиться съ дальнѣйшимъ направлениемъ вала и съ особенностями городища и сдѣлать ему чертежъ не представлялось возможнымъ: земля была уже покрыта мокрымъ снѣгомъ и ходить по лѣсу было бы, за большою и вязкою грязью, невозможно.

Жители Сорочьихъ Горъ говорили, что были случаи находенія серебряныхъ проволочныхъ татарскихъ нарукавниковъ (браслетъ), колець, серегъ и подобныхъ вещей, а также изрѣдка и мѣдныхъ татарскихъ монетъ ниже городища, по теченію Камы, при распаханіи, имѣвшемъ мѣсто въ давніе годы и что серебряныя вещи изъ числа найденныхъ были по находеніи продаваемы серебренникамъ. Они полагаютъ, что найдется много древнихъ вещей при паханіи городища, если оно когда либо возобновится.

Если мало рассказовъ о находкахъ на Кашанскомъ городищѣ пришлось слышать отъ жителей деревни Сорочьихъ Горъ, то недостатокъ этотъ вознагражденъ сообщеніями крестьянъ села Шурана и сосѣднихъ съ нимъ татарскихъ деревень Именьковой и Елговъ. (Нѣкоторую разницу въ показаніяхъ жителей разныхъ деревень можно было объяснять тѣмъ, что каждый изъ дававшихъ показаніе говорилъ о своемъ или наиболѣе ему близкомъ участкѣ древняго поселенія). Я позволяю себѣ привести нѣкоторые изъ слышанныхъ мною рассказовъ о находкахъ, сдѣланныхъ въ предшествовавшіе годы въ окрестностяхъ городища.

Въ деревнѣ Именьковой мулла сообщалъ, что не особенно за долго до моего пріѣзда какой-то крестьянинъ нашелъ на городищѣ старинный золотой браслетъ, поломанный.

Одинъ изъ перевозившихъ меня въ осень 1850 года чрезъ Каму у села Шурана крестьянъ этого села сообщалъ, что самъ нашелъ у городища серьги, которыя продалъ потомъ за тридцать два рубля ассигнаціями, и что за нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ тѣмъ мальчишки села, играя лѣтомъ близъ рѣчки Шуранки, нашли въ землѣ кувшинъ, и въ немъ монеты, величиною отъ цѣлковаго до мелкихъ татарскихъ серебряныхъ копѣекъ; находку раздѣлили между собою. Сочтя серебро за олово, принялись играть деньгами, въ блины, т. е. кидать монеты плашмя, такъ чтобы брошенная монета нѣсколько разъ отскакивала отъ ея поверхности. Одинъ изъ мальчиковъ принесъ свою часть находки домой въ на-

мѣреніи налить металломъ бабки. Родители, узнавъ о находкѣ, поспѣшили на ея мѣсто и увидали только разбитый кувшинъ.

Наиболѣе распространенъ былъ во время моей поѣздки слухъ объ одной изъ находокъ сороковыхъ годовъ. Разказъ о ней я слышалъ отъ жителей какъ села Шурана, такъ и вышеозначенныхъ сосѣднихъ татарскихъ деревень; русскій текстъ разказа нѣсколько отличался отъ татарскаго.

Впервые слышалъ я разказъ отъ того перевозчика на паромѣ села Шурана, о которомъ была рѣчь выше. Мальчикъ изъ села Шурана, пасшій свиней, роя палкой землю, выкопалъ пять мелкихъ серебрянныхъ монетъ; не приписывая находкѣ важности, никому не сказалъ о ней. Копая землю на томъ-же мѣстѣ на другой день, попалъ на цѣлую кучу монетъ. Когда сталъ разставлять ихъ кучками, подошелъ къ нему Татаринъ изъ сосѣдней деревни Малой Елги, искавшій теленка. Что дѣлаешь мальчикъ? Да вотъ попались копѣечки, такъ уставляю. Ну молись Богу, Богъ далъ намъ счастье. Татаринъ сталъ молиться: заставилъ молиться и мальчика и затѣмъ приступилъ къ выниманію остальной части денегъ изъ земли. Кладъ оказался уложеннымъ въ кожаный мѣшокъ, и весьма богатымъ. Наибольшую часть монетъ и вещей Татаринъ клалъ себѣ за пазуху, да въ шапку, а среди такого укладыванья бросалъ мальчику изрѣдка по нѣскольکو монетокъ, вмѣстѣ съ землею, да подъ конецъ отдалъ мѣшокъ, когда монеты остались въ немъ только на днѣ; при чемъ заказалъ ему на строго не говорить о находкѣ до слѣдующаго дня. Слѣдуя указанію Татарина, мальчикъ только на другой день сказалъ о ней родителямъ. Жители Шурана бросились къ мѣсту клада, но уже не нашли никакихъ его остатковъ. По словамъ перевозчика, въ кладѣ кромѣ татарскихъ серебрянныхъ монетъ, въ очень большемъ количествѣ,—находились и золотыя вещи,—всего будто бы рублей тысячи на двѣ или на три ассигнаціями, и что онъ, разказчикъ, изъ доли, доставшейся мальчику, продалъ, по порученію его родителей, часть серебра, рублей на сорокъ, серебряннику Рыбной Слободы по 70 копѣекъ ассигнаціями за золотникъ. По словамъ муллы деревни Именьковой, подтверждавшаго подлинность событій, кладъ найденъ былъ лѣтъ за 10 предъ 1850 годомъ: русскій пастухъ изъ села Шурана увидалъ торчащій изъ земли чемоданъ, открытый и надорванный свиньей; пастухъ изъ деревни Малыхъ Елговъ, встрѣтившій мальчика, отыскавшаго кладъ, назывался Ибрай.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи разказъ принималъ легендарный характеръ. Такъ какъ легенды, относящіяся къ остаткамъ древности, составляютъ, наравнѣ съ этими послѣдними, также достояніе археологіи, то я позволяю себѣ привести ихъ здѣсь. По рускому варианту, Татарина погубила нечистая сила за обманъ русскаго мальчика: „кладъ не любитъ обмана; если Богъ даетъ его, то даетъ всѣмъ

поровну; будь тутъ еще шесть, семь человѣкъ, всѣмъ бы достало. За обманъ стала душить Татарина нечистая сила; не въ моготу стало ему; пошелъ онъ къ абызу своей деревни просить помощи. Абызь отчиталъ Татарина и въ вознагражденіе получилъ часть находки. Татарину стало легче, онъ поѣхалъ въ Казань и сбылъ остатокъ клада; по возвращеніи нечистая сила стала вновь его одолевать. Татаринъ началъ пьянствовать и чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ“.

Татарскій вариантъ по разсказу муллы: находчику на обратномъ пути изъ Казани явился старикъ, предрекшій близкую смерть, за то, что тотъ присвоилъ кладъ за три дня до рамазанъ-байрама, и притомъ воспользовался имъ первый; по татарскимъ понятіямъ тотъ, кто присвоиваетъ себѣ кладъ прежде другихъ, погибаетъ.

Изъ разсказовъ жителей селеній, близкихъ къ городищу, видно было, что немало попытокъ дѣлано было искать клады на городищѣ Кашана; но что попытки такія кончались неудачею: на искателей нападалъ обыкновенно страхъ и они бѣжали; страхъ нападалъ нерѣдко вслѣдствіи появленія ужаснаго звѣря. Одинъ изъ Татаръ сосѣдней деревни Большихъ Елговъ разсказывалъ, что предпринятая имъ незадолго до моего пріѣзда подобная попытка кончилась бѣгствомъ кладоискателей, вслѣдствіе неожиданнаго появленія при работѣ медвѣдя на пѣни. Другой Татаринъ деревни Большихъ Елговъ приходилъ, въ проѣздъ мой, спросить, не мастеръ ли я отрывать клады, или не знаю ли такого мастера, и сообщалъ, что у него на примѣтѣ есть нѣсколько мѣстъ съ несомнѣнными признаками существованія въ нихъ кладовъ.

„Много въ нашей землѣ зарыто кладовъ богатыхъ, видно здѣсь были непроходимые лѣса и жили разбойники; да некому достать эти клады: нѣтъ мастера; много пытаются рыть, да безъ толку“, говорилъ мнѣ одинъ русскій крестьянинъ.

5) *Чаллыинское городище на рѣкѣ Шумбутъ* ⁽¹⁾. Шумбутъ, самый восточный изъ притоковъ праваго берега Камы въ Лаишевскомъ уѣздѣ, течетъ по этому уѣзду, судя по картѣ, на протяженіи верстъ 40, съ сѣвера на югъ, изливается въ Каму противъ города Чистополя. Притоки рѣки Шумбута: справа рѣчка Сула, имѣющая теченіе въ Лаишевскомъ уѣздѣ, судя по картѣ верстъ 14, и рѣчка Мордова; въ эту послѣднюю впадаетъ еще меньшей величины рѣчка или ручей, который жители лежащей на немъ деревни Челныбашъ, называли мнѣ „Имбатырь“, и который, судя по имени деревни, надобно было бы называть, какъ то предполагаетъ и профессоръ Шпилевскій на стр. 419 книги „Древніе города“,—Челны. Съ лѣвой стороны впадаетъ въ рѣку Шум-

⁽¹⁾ См. рис. № 12.

бутъ, у деревни Мамли Козяковы Челны, рѣчка Машлякъ, начинающаяся въ Мамадышскомъ уѣздѣ.

О существованіи городища на рѣкѣ Шумбутѣ я узналъ отъ муллы деревни Ямашевой. Мулла сообщалъ, что городище находится на полѣ лежащей близъ этой рѣки татарской деревни Мамли Козяковы Челны или Казакларъ, и извѣстно у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Старога Города.

Деревня Мамли Козяковы Челны лежала на моемъ пути. Я воспользовался для осмотра городища проѣздомъ чрезъ нее 24 Сентября 1850 года.

Городище оказалось лежащимъ къ югу отъ деревни, въ верстѣ или полуторыхъ разстояніи отъ нея, на горномъ возвышеніи, сопровождающемъ лѣвый берегъ Шумбута (правый берегъ ея—луговой, низменный),—по сѣверную сторону глубокаго оврага, открывающагося въ долину этой рѣки. Мѣстность ограждена отъ природы крутыми обрывами: на западѣ обрывомъ горнаго протяженія въ долину Шумбута, на югѣ обрывомъ въ оврагъ; чтобы сдѣлать ее недоступною вражескимъ нападеніямъ нужно было защитить съ востока и сѣвера; это было достигнуто устройствомъ валовъ и рвовъ; на восточной сторонѣ я нашелъ ровъ сопровождаемый у южнаго конца съ наружной стороны валомъ, а на сѣверной и сѣверо-восточной четыре вала, одинъ возлѣ другаго и параллельно одинъ другому проходившіе и раздѣленные между собою рвами; при чемъ отъ наружнаго вала оказалась уцѣлѣвшею ко времени осмотра только часть, равная половинѣ длины прочихъ валовъ, именно простиравшаяся отъ обрыва къ долинѣ Шумбута до середины протяженія ихъ. Ближайшій къ нему ровъ не оканчивался на томъ мѣстѣ гдѣ исчезали валы и остальные рвы, но въ дальнѣйшемъ продолженіи переходилъ на восточную окраину городища, на которой какъ выше описано, продолжался до оврага. Упомянутый выше валъ, усмотрѣнный снаружи этого рва, близъ оврага, надобно принимать за случайно уцѣлѣвшую часть внѣшняго (четвертаго) вала, какъ видно изъ предшествовавшаго, на значительномъ протяженіи исчезнувшаго.

Въ сѣверной окраинѣ городища, на пространствѣ 14 шаговъ въ ширину, валы и рвы не существовали; образовался такимъ образомъ проѣздъ съ поля, находящагося за городищемъ въ это послѣднее; проѣздъ этотъ отстоялъ отъ обрыва горы къ Шумбуту на 20 моихъ шаговъ.

Размѣры. При обходѣ городища я измѣрялъ его шагами. Въ записной книгѣ отмѣчено, что въ западной окраинѣ, по обрыву горнаго возвышенія къ долинѣ Шумбута, отъ оврага до внутренняго вала, насчитано было 154 шага; въ южной окраинѣ, по обрыву въ оврагъ до рва—156 шаговъ, въ восточной 180 и столько же въ сѣверной съ сѣверо-восточною.

У в а л о в ы:	Приблизительныя на глазомѣръ:	
	высота спуска,	ширина гребня.
1) внутренняго	отъ 1 до 1½ сажень	отъ арш. до сажени.
2) слѣдующаго за внутреннимъ (втораго по счету)	аршина 1½	аршина 1½.
3) третьяго: съ внутренней стороны: у обрыва горы	до 1½ сажень	} шаговъ 10.
съ внѣшней стороны въ средней части	отъ 1½ до 3 сажень	
4) четвертаго: близъ обрыва съ внутренней стороны	отъ 1½ до 3 сажень	до 1 сажени.
(въ дальнѣйшемъ ходѣ валъ постепенно понижался и наконецъ исчезалъ).		

Городище во время осмотра казалось приготовленнымъ подъ парь. Остатковъ строеній въ немъ не было видно никакихъ. На поверхности земли валялось довольно много красныхъ, глиняныхъ черепковъ съ ручками и безъ ручекъ; они были такой формы, что слѣдовало принимать ихъ за обломки кухонной посуды. Надписей на черепкахъ я не встрѣтилъ; провожавшіе меня на городище жители деревни Мамли-Козяковыхъ Челновъ сообщали, что не слышали, чтобы какія либо инныя вещи были находимы на городищѣ.

Въ обрывѣ горы къ долинѣ Шумбута и въ обрывахъ валовъ видны были, кромѣ глины, известковые камни и мергель; въ стѣнѣ оврага и на днѣ его виднѣлись слои плотной известковой породы; на днѣ оврага попадался также шлакъ; присутствіе этого послѣдняго вело къ предположенію, что при городищѣ могла въ древнее время находиться кузница.

Видъ съ городища обширный и красивый; за текущимъ близъ подножія его Шумбутомъ виднѣются поемные луга, поля и среди послѣднихъ деревни.

Встрѣчающіяся въ печати свѣдѣнія о городищѣ всѣ приведены въ книгѣ Шпилевскаго „Древніе города“ (стр. 416—420).

Въ бассейнѣ рѣки Шумбута расположены слѣдующія села и деревни:

Название деревень по „Списку населенных мѣстъ Казанской губерніи“.	Национальность жителей (а у Татаръ и вѣроисповѣданіе) по книгѣ Вечеслава: „Естественное приращеніе сельскаго населенія Казанской губерніи“.
Въ Лаишевскомъ уѣздѣ.	
а) На рѣкѣ Шумбутѣ:	
1) Деревня Аланъ Полянки	} Татары (православные).
2) Село Уреевы Челны	} Татары (мусульм. и прав.).
3) д. Бердебяковы Челны	} Татары (мусульмане).
4) д. Кутлубукашевы Челны	} Татары (мусульмане).
5) д. Теребердины Челны (Тябердина)	} Татары (мусульмане).
6) д. Кучуковы Челны (Балгузина)	} Татары (мусульмане).
7) с. Шумбутъ (Богородское, Воронцовъ заводъ)	} Русскіе.
8) Стекольный заводъ	} Русскіе.
б) На рѣкѣ Сулѣ:	
1) д. Иванова (Товтуловка, Топланъ)	} Татары (православные).
2) д. Казаковы Челны (Нижній Казакларъ)	} Татары (православные).
3) село Кодряковы Челны	} Русскіе.
в) На рѣкѣ Мордовой:	
1) д. Мордове Челны	} Татары (мусул. и русск.).
г) На притокѣ рѣчки Мордовой, который мѣстные жители называли „Ямбатырь“: д. Челныбашъ	
д) На рѣкѣ Машлякѣ:	} Татары (мусульмане).
1) д. Мамли Козяковы Челны (Казакларъ)	} Татары (мусульмане).
Въ Мамадышскомъ уѣздѣ.	
а) На рѣкѣ Шумбутѣ:	
1) д. Тавларово	} Татары (мусульм. и прав.).
2) Шумутбашъ (Шемурбашъ)	} Татары (православные).
б) На рѣкѣ Машлякѣ:	
1) д. Бикчураевы Челны (Чурашево)	} Татары (мусульмане).
2) д. Большой Машлякъ	} Татары (мусульмане).
3) д. Томасовъ Починовъ (Машлякъ)	} Татары (православные).
4) д. Верхній Машлякъ	} Татары (православные).

б) *Остатки древняго кладбища при деревнѣ Атабаевой (иначе Табаевой), Лаишевскаго уѣзда.* Въ деревнѣ Епанчиной я слышалъ отъ хозяина дома, въ которомъ останавливался въ проѣздѣ черезъ нее, что въ прежнее время находили мѣдныя и серебряныя кольца, браслеты, татарскія деньги и другія древнія вещи въ сосѣдней съ нею татарской деревнѣ Атабаевой, лежащей на Камѣ въ двухъ верстахъ ниже Епанчиной и верстахъ въ трехъ отъ устья Камы. Посѣтить Атабаеву представился случай 12-го Октября 1850 года.

Жители, слышать показанія которыхъ о находкахъ представлялся случай, подтверждали вышеприведенный слухъ, и сообщали, что изъ невысокаго обрыва горы, находящагося въ верстѣ ниже деревни, вода вымывала въ прежніе годы иногда человѣческія кости и при нихъ мѣдныя и серебряныя татарскія монеты, но всегда въ маломъ числѣ, и объясняли такія находки существованіемъ древняго татарскаго кладбища въ сказанномъ мѣстѣ. Подошедшій во время бесѣды 75-лѣтній старикъ прибавилъ, что, ловя рыбу въ Камѣ, нашелъ двѣ серебряныя татарскія монеты, одну пять, а другую три года тому назадъ, и что монеты сохраняются у его семейныхъ,—также какъ хранятся и въ нѣкоторыхъ другихъ семьяхъ подобнымъ образомъ найденныя монеты.

Осмотрѣть ихъ мнѣ къ сожалѣнію не представилось возможности, вслѣдствіе отсутствія изъ деревни лицъ, у которыхъ онѣ хранились.

7) *Дополненіе къ описанію городищъ Лаишевскаго уѣзда.* Профессоръ Шпилевскій, въ числѣ остатковъ древности въ Лаишевскомъ уѣздѣ, приводитъ въ книгѣ „Древніе города“ и переводы древнихъ мусульманскихъ надписей, изсѣченныхъ на надгробныхъ каменныхъ плитахъ. Такія надписи встрѣчались и мнѣ въ сказанномъ уѣздѣ, и я позволяю себѣ привести переводъ одной изъ нихъ, именно той, которую видѣлъ въ деревнѣ Именьковой 8-го Октября 1850 года.

На существованіе ея указалъ мнѣ тотъ же мулла, которому я обязанъ былъ свѣдѣніями о находкѣ кургана и городища близъ названной деревни (стр. 67 и 70); по словамъ муллы надгробная плита помѣщалась въ полѣ, пока увеличеніе населенія не побудило жителей занять мѣсто ея находенія подъ деревню. Я нашелъ плиту въ огородѣ при домѣ крестьянина Абдуль Саттара Халитова; при измѣреніи длина ея оказалась равною 1½ аршинамъ, ширина—8 вершкамъ; надпись арабскими буквами изсѣчена была въ восьми строкахъ, занимавшихъ часть камня вышиною въ 15½ вершковъ. Мулла былъ такъ обязателенъ, что читалъ въ слухъ надпись и диктовалъ переводъ; замѣтно было при этомъ, что онъ тщательно изучилъ ее; поводомъ къ такому заключенію послужило то обстоятельство, что чтеніе и переводъ шли весьма быстро и сопровождались толкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ.

Переводъ былъ таковъ:

Онъ есть такой живой, который не умретъ, тогда какъ всѣ остальные живущіе смертны. Пророкъ (да будетъ ему спасеніе отъ Бога) сказалъ: свѣтъ на часъ; живи на этомъ свѣтѣ благочестиво. Пророкъ сказалъ: свѣтъ тюрьма для мусульманъ и рай для невѣрныхъ. Пророкъ сказалъ: свѣтъ—трупъ, брошенный

на полѣ; кто ищетъ этотъ свѣтъ,—собака. Годъ тогда былъ 1088; Тойгилды Таумишевъ, хафизъ; во время сына муллы поставленъ знакъ этотъ.

Съ боку переведенныхъ строкъ изсѣчены слова: писалъ Кильмухаммедъ Ишмаковъ.

Хафизъ, по объясненію муллы, есть названіе человѣка, знающаго весь коранъ наизусть. Слова: во время сына муллы переводчикъ толковалъ такъ: камень поставленъ надъ могилою въ то время, когда хоронилъ покойниковъ, вѣнчалъ брачившихся, давалъ имена новорожденнымъ дѣтямъ сынъ муллы (какого?)

Записавъ переводъ, я пытался скопировать въ записной книжкѣ надпись; копію въ послѣдствіи показывалъ бывшему профессору арабскаго языка въ Казанскомъ университетѣ И. Н. Холмогорову. Не смотря на то, что копія была сдѣлана лицомъ, незнавшимъ ни арабскаго, ни татарскаго языка, и что было весьма мало шансовъ на то, чтобъ она могла быть прочитана, Иванъ Николаевичъ все таки разобралъ слова въ двухъ-трехъ строкахъ и переводъ муллы оказался при этомъ на столько близкимъ къ переводу Ивана Николаевича, что поселилъ во мнѣ довѣріе къ его правильности; исключеніе составило только показаніе о годѣ.

Г. Холмогоровъ былъ настолько любезенъ, что доставилъ мнѣ переводъ разобранныхъ имъ строкъ. Вторую строку онъ перевелъ: мѣръ на часъ; поэтому старайся жить благочестно; третью строку: сказалъ Пророкъ (да будетъ съ нимъ мѣръ); четвертую: годъ 1087-й.

Разницу въ показаніяхъ о годѣ я готовъ объяснять тѣмъ, что во время писанія со словъ муллы подъ диктовку могъ ослышаться и вмѣсто 1087 записать 1088, къ чему могъ дать поводъ инородческой выговоръ муллы; или такимъ образомъ что, копируя надпись сдѣлалъ въ арабскихъ буквахъ такую ошибку, въ слѣдствіе которой вмѣсто 8 могло быть прочитано 7. 1088 годъ геджры долженъ соответствовать 1677-му христіанскаго лѣтосчисленія, 1087-й 1676-му.

Сообщеніе объ остальныхъ изъ сохранившихся у меня снимковъ съ древнихъ мусульманскихъ надписей, изсѣченныхъ на надгробныхъ плитахъ, предполагаю сдѣлать по полученіи перевода ихъ отъ лицъ знающихъ восточные языки.

II.

Остатки древности въ Чистопольскомъ уѣздѣ.

Извѣстно, что Кама, въ ея теченіи по Казанской губерніи, сопровождають съ обѣихъ сторонъ горныя возвышенія, ограничивающія долину, по которой рѣка въ весеннее время разливается. Изъ трехъ городищъ, которыхъ описаніе слѣдуетъ, два расположены у обрыва горнаго возвышенія, сопровождающаго лѣвый берегъ долины,—и одно у вершины оврага, открывающагося въ нее, съ той же стороны. Если въ меженное время тѣ изъ городищъ, которые лежатъ у обрыва горнаго возвышенія въ долину Камы, болѣе или менѣе отстоятъ отъ рѣки, то весною, когда разливъ водъ бываетъ особенно значителенъ, Кама должна достигать подножія ихъ.

1) *Древніе валы въ селѣ Зміевѣ* ⁽¹⁾. Кама у села Зміева ⁽²⁾ отдалется отъ горныхъ возвышеній, сопровождающихъ лѣвый берегъ ея, на нѣсколько верстъ, оставляя между собою и горами поемные луга, среди которыхъ встрѣчаются небольшія озера и течетъ рѣчка Прость. Село расположено выше Чистополя, верстахъ въ 5 отъ него, у самаго обрыва горнаго возвышенія: въ долину Камы на сѣверѣ и въ глубокой оврагъ на западѣ. Мѣстность, занимаемая селомъ, ограждена такимъ образомъ природою отъ вражескихъ нападений съ сѣвера и запада крутыми и глубокими горными обрывами; чтобы сдѣлать ее вполне укрѣпленнымъ мѣстомъ, стоило оградить ее съ остальныхъ сторонъ, т. е. съ востока и юга.

О существованіи остатковъ древняго городища я узналъ въ бытность въ селѣ 4-го августа 1851 года. Такъ какъ въ тѣхъ изъ поселеній, къ названію которыхъ присоединяется слово: „городокъ“ или „городище“ и въ которыхъ приходилось бывать до того, я постоянно встрѣчалъ остатки древнихъ земляныхъ укрѣпленій, то и обратился къ нѣкоторымъ изъ жителей съ вопросомъ—не имѣется ли такихъ и въ селѣ Зміевѣ; получивъ утвердительный отвѣтъ, просилъ показать ихъ.

На одной изъ улицъ, именно на той, которая направлялась съ сѣвера, отъ спуска въ долину Камы, на югъ, оказались три древніе вала прямолинейные, параллельные между собою, которые были раздѣлены рвами, между ними протягивавшимися. Дли-

⁽¹⁾ См. рис. № 13.

⁽²⁾ Въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи» значится подъ № 3187 съ наименованіемъ: село Воскресенское (Зміево Городище), при безыменномъ ключѣ (по книгѣ проф. Шпилевскаго при рѣчкахъ Прости и Ерыклѣ. Древніе города, стр. 411).

на мѣста, занятаго валами, оказалась равною 210 моимъ шагамъ. Большая часть наиболѣе къ западу расположеннаго, изъ числа трехъ валовъ, была скрыта; а на мѣстѣ его построены крестьянскіе дома; валы были довольно низки, а рвы между ними мелки. Сѣверный конецъ валовъ отстоялъ отъ обрыва горы въ долину Камы на такое же число шаговъ, которому равна была длина ихъ, т. е. на 210. Отъ южнаго конца валовъ направлялось по другой улицѣ села, имѣвшей поперечное направле- ніе къ предшествовавшей, также, какъ и вышеупомянутые валы, прямолинейное и въ то же время довольно широкое и низменное возвышеніе на западъ къ обрыву въ оврагъ, начинавшееся отъ тройнаго вала подъ прямымъ угломъ. Отстоя- ніе южнаго края этого послѣдняго до обрыва въ оврагъ, вдоль сейчасъ упомяну- таго возвышенія, равнялось 650 моимъ шагамъ.

Кромѣ валовъ, изъ остатковъ древности я видѣлъ въ селѣ еще части камен- ныхъ плитъ, съ отрывками бывшихъ высѣченными на нихъ арабскими буквами— надписей, казавшихся совершенно сходными съ тѣми надгробными мусульманскими, какія мнѣ случалось видѣть въ селѣ Болгарахъ. Надписи въ селѣ Зміевѣ пред- ставлялись отрывочными, большею частью отъ того, что плиты, на которыхъ онѣ иссѣчены, были задѣланы въ ступеньки церковнаго крыльца и строки въ боль- шей части закрыты выше лежащими ступеньками, изъ за которыхъ виднѣлась или одна строка надписи, или въ другихъ изъ нихъ начальныя, а въ третьихъ конечныя буквы строкъ. Такое положеніе строкъ и заставляло предполагать, что въ крыльцѣ заложены цѣльныя плиты съ полными надписями. Въ церковный по- рогъ былъ вдѣланъ обломокъ плиты съ тремя уцѣлѣвшими нижними строками надписи. Жители села сообщали, что плиты свезены были во время стройки церкви въ прошедшемъ столѣтіи съ сосѣднихъ татарскихъ кладбищъ и что не- мало ихъ заложено въ фундаментъ.

Сейчасъ упомянутыя три нижнія строки мнѣ удалось снять типографскимъ способомъ и въ послѣдствіи фотографировать. Бывшій преподаватель восточной каллиграфіи въ Казанскомъ университетѣ, и въ послѣдствіи инспекторъ татарскаго учительскаго института въ Казани, г. Махмудовъ разобранныя имъ въ фотографи- ческомъ снимкѣ слова перевелъ такъ: „Да будетъ надъ нимъ (нею?) милость Божія“.

Существованіе валовъ въ селѣ наводило на предположеніе, что они состав- ляли часть бывшаго на этомъ мѣстѣ въ болгарскія времена землянаго укрѣпленія. Если бы допустить два предположенія: 1-е, что тройной валъ въ древности не оканчивался на томъ мѣстѣ, какъ нынѣ, а продолжался на сѣверъ до спуска въ долину Камы и 2-е, что прямолинейное низменное широкое возвышеніе, направ- лившееся отъ южнаго конца его къ оврагу, въ древности было укрѣпленнымъ валомъ, то получилось бы представленіе о предѣлахъ древняго болгарскаго укрѣп- ленія. Длина восточной стороны его равнялась бы 420, а южной 650 шагамъ.

Такъ какъ, по измѣренію мѣстнаго волостнаго правленія, длина валовъ въ селѣ, мною опредѣленная въ 210 шаговъ, оказалась въ дѣйствительности равною 60 сажениамъ, (¹) то длину восточной окраины предполагаемаго болгарскаго городища надобно было бы опредѣлять въ 120 саженией, а южную, принимая сажень равною 3¼ шагамъ,—въ 185¼ саженией. О высотѣ обрыва горы въ долину Камы подъ городищемъ можно судить по показанію Лаптева, высказанному въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Казанской губерніи“ (стр. 71), что „лѣвый берегъ Камы“ (т. е. собственно горное возвышеніе лѣваго берега долины ея) „отъ Чистополя верстѣ на 20 вверхъ по теченію не превосходитъ 10 саженией“. Долина Камы видна изъ села Зміева на далекое пространство; видъ этотъ весьма красивый.

2) *Городище въ 3-хъ верстахъ отъ села Зміева.* Проѣзжая 5 Августа 1851 года изъ села Зміева въ деревню Новосѣлки, лежащую отъ нея верстахъ въ 12 или 15, я пригласилъ ямщика показать мнѣ сказанное городище, лежавшее влѣво отъ дороги, и ему знакомое; извѣстіе о существованіи его я получилъ наканунѣ отъ жителей села Зміева.

Въ сохранившейся у меня путевой замѣткѣ значится, что ямщикъ не вдалекѣ отъ села по выѣздѣ изъ него своротилъ влѣво и поѣхалъ по полевой дорогѣ; проѣхавъ ея версты двѣ, оставилъ ее и направился влѣво по пашнѣ; проѣхавъ ея саженией 100, переѣхалъ два оврага; на краю послѣдняго изъ нихъ оказалось искомое городище.

Валъ, окружавшій его, имѣлъ видъ дуги полукруга, упиравшейся концами въ оврагъ; діаметръ городища былъ, на глазомѣръ, примѣрно саженией 100; по сторонамъ вала снаружи его находились выступы четырехугольной формы. Городище во время осмотра было засѣяно хлѣбомъ, что воспрепятствовало набросать чертежъ. Ни черепковъ, ни камней я не видалъ на немъ и неслыхалъ отъ ямщика, чтобы были находимы древнія вещи.

Всѣ существующія въ печати свѣдѣнія объ этихъ двухъ городищахъ приведены въ книгѣ профессора Шпилевскаго „Древніе города“ и пр. на стр. 411 и 412.

3) *Городище на полѣ деревни Донауровки, извѣстное подъ именемъ Жукотинскаго* (*). Обстоятельно описано оно, какъ археологамъ извѣстно, А. И. Артемьевымъ, въ помѣщенной въ 33-мъ томѣ Журн. мин. Внутр. Дѣлъ (1851 года) статьѣ: Древній Болгарскій городъ Жукотинъ; остальные изъ свѣдѣній о городищѣ, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ, актахъ и въ печати, собраны въ книгѣ проф. Шпилевскаго: „Древніе города“ на стр. 402—409.

(¹) См. «Замѣтки о городищахъ Казанской губерніи» Вечеслава, стр. 13.

(*) См. рис. № 14.

Мнѣ пришлось посѣтить городище 3-го Августа 1851 года; оно оказалось расположеннымъ на томъ же горномъ возвышеніи, сопровождающемъ лѣвый берегъ Камы, какъ и древніе валы въ селѣ Зміевѣ и также у самаго спуска въ рѣчную долину и справа оврага, но не выше г. Чистополя, какъ Зміевскіе валы, а ниже его верстахъ въ семи. По оврагу течетъ въ Каму, по словамъ моего проводника, мѣстнаго жителя, рѣчка Килеевка. На рѣчкѣ этой, къ югу отъ городища, въ верстѣ или полуторѣ примѣрно разстоянія, расположена деревня, называемая жителями Донауровкою (¹).

Мѣстность, гдѣ находится городище, ограждена отъ непріятельскихъ нападений съ сѣвера обрывомъ горнаго возвышенія въ долину Камы, съ запада и юго-запада обрывомъ его въ оврагъ. Искусство довершило огражденіе; въ незащищенныхъ природою мѣстахъ, на востокъ и юго-востокъ, я нашелъ возведенными три высокіе, параллельные одинъ другому и рядомъ идущіе вала и два промежуточныхъ (между ними) рва; въ двухъ мѣстахъ образованы проѣзды въ укрѣпленіе изъ окрестностей его. Въ записной книжкѣ я нахожу отмѣтку, сдѣланную во время осмотра, что очертаніе городища напоминаетъ неравнорядный треугольникъ, у котораго сѣверная окраина найдена была мною, при обходѣ, равною 450, юго-западная 415, а восточная съ юго-восточною—409 моимъ шагамъ. Внутренняя площадь, какъ и у всѣхъ другихъ изъ вышеописанныхъ городищъ, находилась на одномъ уровнѣ съ лежащею за валами землею; она, равно какъ, и окрестныя мѣста, во время осмотра, была занята пашнею.

На поверхности я видѣлъ много валяющихся красныхъ черепковъ разбитой кухонной посуды. Проводникъ мой говорилъ, что деревенскія дѣти находятъ иногда въ окрестностяхъ, особенно влѣво отъ оврага, послѣ дождя, старинныя мелкія вещицы, а изрѣдка и татарскія деньги, какъ образчикъ показалъ и затѣмъ продалъ захваченные съ собою на случай изъ подобныхъ находокъ: перстень и девять монетокъ. Перстень векорѣ утратился; монеты представилъ случай показать В. К. Савельеву; на двухъ, весьма заржавѣвшихъ, буквы и изображенія оказались уже неразличаемыми; одна найдена поддѣльною персидскою; діагнозъ остальныхъ семи,—одной серебрянной и шести мѣдныхъ, В. К. продиктовалъ слѣдующимъ образомъ:

А. Серебрянная монета:

а) на одной сторонѣ вычеканено имя Джанибекъ Хана; б) на другой: монета

(¹) По «Списку населенныхъ мѣстъ» Казанской губерніи: деревня Жукотино (Донауровка) показана подъ № 3325; въ 7 верстахъ отъ г. Чистополя при безымянномъ ключѣ. Артемьевъ называетъ рѣчку, текущую подъ городищемъ въ оврагѣ, Каменнымъ мостомъ; проф. Шпилевскій полагаетъ, что согласно съ древними актами она можетъ быть признана за рѣчку Жукотъ (Древніе города стр. 406).

Сарая новаго, годъ 749 (1348—1349 христіанскаго лѣтосчисленія; сравни Френа, Рес., стр. 235, № 23 (27?).

Мѣдныя монеты:

I. а) на одной сторонѣ имя Хызръ Хана; б) на другой слова: чеканена въ Гюлистанѣ въ 762 году (1360—1361; сравни Френа, Рес., стр. 267, № 10).

II. а) на одной сторонѣ имя Хызръ Хана и надчеканенныя арабскія буквы, соотвѣтствующія русскимъ: „гдл“ или „гдл.“; б) на другой слова: монета Сарая новаго, годъ 762 (1360—1361; сравни Френа, Рес., стр. 267, № 11).

III. а) на одной сторонѣ: „монета Сарая новаго“, возлѣ этого лѣвѣе и снизу: „16 денегъ“; б) на оборотной сторонѣ: фигура, похожая на двуглаваго орла (сравни Френа, Рес., стр. 404, № 13 и Монеты Хановъ, таблица X, изображеніе CCCXLIII).

IV. а) на одной сторонѣ: „въ добрый часъ“; б) на другой: обыкновенная тамга въ треугольникѣ (сравни Френа, Рес. стр. 403, № 9 и Монеты Хановъ на таблицѣ X, № CCCXXXVI).

V. а) на одной сторонѣ: „монета болгарская“; б) на другой: фигуры изображающія 9 небольшихъ полей (сравни Френа, Монеты Хановъ, на таблицѣ IX, № CCCXXV).

VI. а) на одной сторонѣ: „16 пулъ деньга Сарай“ б) на другой: печать Соломона (сравни Френа, Рес., стр. 209, № 12).

Показаніе проводника, что за предѣлами городища отыскиваются иногда старинныя вещи и монеты, можетъ вести къ предположенію, что городище было собственно крѣпостію при городѣ, для помѣщенія гарнизона, а что самый городъ могъ быть расположенъ за предѣлами его, на мѣстахъ, гдѣ теперь встрѣчаются находки.

По словамъ проводника, на его памяти, за предѣлами городища стояло много надгробныхъ камней съ изсѣченными на нихъ татарскими надписями; крестьяне одно время порѣшили разбить камни на куски и продать обломки въ городъ Чистополь, на бутъ для воздвигавшихся каменныхъ зданій. Проводникъ полагалъ впрочемъ, что не всѣ камни уничтожены такимъ образомъ, и что нѣкоторые могутъ еще лежать на мѣстѣ ихъ первоначальной постановки, если случайно углубились въ землю и стали незамѣтны (смотри вариантъ этого разсказа въ статьѣ Артемьева (Древніе города, стр. 408) (1)).

(1) Разсказанное проводникомъ обстоятельство заставляетъ желать скорѣйшаго изданія закона, который остатки древности, существующіе въ Россіи, объявилъ бы государственнымъ достояніемъ, и для завѣдыванія ими назначилъ бы особенное учрежденіе съ отдѣленіями въ губернскихъ и областныхъ городахъ.

Въ описанныхъ земляныхъ сооруженіяхъ надобно различать два вида: такъ называемые курганы и городища.

Городищъ описано въ сообщеніи шесть; оказались они: одно, какъ выше значится,—близь дороги изъ деревни Именьковой въ село Шуранъ; другое между этимъ селомъ и деревнею Сорочьи Горы; третье на рѣкѣ Шумбутѣ; остатки четвертаго въ селѣ Зміевѣ; пятое на поляхъ села Зміева; шестое на полѣ деревни Донауровки; всѣ при оврагахъ, на возвышенной равнинѣ губерніи, и при томъ пять изъ нихъ у обрывовъ этой равнины, четыре у обрывовъ въ долину Каму, одно у обрыва въ долину Шумбута; первые четыре изъ перечисленныхъ городищъ по мѣсту расположенія могутъ быть названы камскими; два изъ нихъ, Капанское и Именьковское, расположены на горной окраинѣ долины Камы, съ правой стороны; два: Жукотинское и тѣ остатки городища, которые найдены въ селѣ Зміевѣ,—на горной окраинѣ ея съ лѣвой стороны; остальные расположены вдали отъ долины Камы, Зміевское по лѣвую сторону верстахъ въ 3, Шумбутское по правую сторону, верстахъ приблизительно въ 25 или 30; они могутъ быть названы „прикамскими“. Измѣренія шагами, произведенныя мною (¹), показываютъ, что городище на полѣ деревни Донауровки, называемое Жукотинскимъ, должно было имѣть до 150 примѣрно сажень въ длину и до 136 въ ширину; остатки валовъ въ селѣ Зміевѣ заставляютъ предполагать, что длина городища, которому они принадлежали, равнялась приблизительно 180 или 190 сажень, ширина—120; заключавшаяся внутри валовъ Чаллынскаго городища площадь имѣла въ длину и ширину приблизительно до 50 сажень, и городища близъ деревни Именьковой до 60 сажень въ длину и до 50 въ ширину. Городище при деревнѣ Именьковой было ограждено однимъ валомъ и однимъ рвомъ; городища въ селѣ Зміевѣ и на полѣ деревни Донауровки имѣли по три вала параллельныхъ одинъ другому, рядомъ расположенныхъ и отдѣленныхъ одинъ отъ другаго рвами. Чаллынское городище ограждено четырьмя валами и тремя между ними находившимися рвами. Городища оказались имѣющими общія свойства: мѣстность для построенія ихъ избиралась уже защищенная природою отъ враждебныхъ нападеній обрывами равнины и у всѣхъ ихъ не защищенные части оказывались огражденными искусственно валами и рвами, такъ что каждое изъ городищъ представляло видъ крѣпости. По этимъ свойствамъ надобно считать ихъ за сооруженія военныя. Считаю необходимымъ оговориться, что, не имѣвъ случая изучать военное дѣло, привожу это опредѣленіе только какъ предположительное и полагаю, что возможность принять какъ его,

(¹) Принимая 3 шага равными приблизительно сажени.

такъ и другія изъ касающихся военнаго дѣла предположеній, которыя придется высказывать въ послѣдствіи, за дѣйствительныя, для меня наступитъ только тогда, когда онѣ будутъ подтверждены военными инженерами, занимающимися археологіею.

Еще во время осмотра городищъ я старался ознакомиться съ показаніями нашихъ лѣтописцевъ и мусульманскихъ авторовъ о поселеніяхъ, которыя существовали на Камѣ въ древнія болгарскія времена и къ которымъ можно было бы приурочить описанныя земляныя сооруженія; въ ту пору, за представившимися затрудненіями получить необходимыя сочиненія, отъ работы скоро пришлось отказаться; но предъ самымъ открытіемъ Съѣзда неожиданно настала возможность возвратиться къ ней, благодаря тому обстоятельству, что профессоръ Шпилевскій въ книгѣ „Древніе города“ помѣстилъ сводъ всѣхъ требовавшихся свѣдѣній.

Научное опредѣленіе значенія видѣнныхъ городищъ должно принадлежать археологамъ; прошу у ученаго собранія извиненія въ томъ, что позволяю себѣ утруждать его вниманіе сообщеніемъ нѣсколькихъ изъ относящихся къ такому опредѣленію догадокъ, возникшихъ подъ живымъ впечатлѣніемъ осмотра городищъ и изученія ихъ обстановки. Въ исторіи науки о древностяхъ встрѣчается не мало примѣровъ, что подобныя догадки, хотя сообщенныя не археологами, служили иногда для этихъ послѣднихъ подспорьемъ при кабинетномъ рѣшеніи вопросовъ.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ приводятся списки городовъ, существовавшихъ въ древнія времена какъ на Камѣ и вблизи ея, такъ и въ другихъ мѣстахъ Болгаріи, составленные соотвѣтственно показаніямъ нашихъ лѣтописей и произведеній мусульманскихъ авторовъ⁽¹⁾. Изъ вышеописанныхъ земляныхъ сооруженій только два удалось доселѣ археологамъ приурочить къ этимъ городамъ: именно къ Жукотину и Кашану; для приуроченія остальныхъ четырехъ не представляется и до настоящаго времени данныхъ. При безуспѣшности такихъ попытокъ становится по моему мнѣнію необходимымъ заняться опредѣленіемъ общаго значенія въ древней болгарской жизни тѣхъ поселеній, которыхъ слѣдами являются городища, подобныя описаннымъ и для этой цѣли мнѣ кажется позволительнымъ предложить слѣдующую гипотезу.

(¹) Изъ извѣстныхъ мнѣ сочиненій перечень городовъ и поселеній, существовавшихъ въ древней Болгаріи, помѣщенъ въ „Древнихъ городахъ“ Шпилевского (стр. 1—100), въ статьѣ Григорьева о Булгарахъ, помѣщенной въ VII томѣ Энциклопедическаго Лексикона Плюшара (стр. 304), въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи (стр. XXX) и въ статьѣ Артемьева: Древній Болгарскій городъ Жукотинъ.

Помѣщеніе укрѣпленій на такихъ возвышенныхъ мѣстахъ, откуда открывался видъ на далекое пространство, давало ихъ гарнизонамъ возможность зорко слѣдить за окрестностью, дѣлать внезапные набѣги, защищаться за окопами въ случаѣ надобности и властвовать надъ окружающею мѣстностью. Весьма неправильный способъ распредѣленія ихъ по мѣстности и незначительность размѣровъ не говорятъ въ пользу предположенія о томъ, что они могли быть возведены въ видахъ защищенія государства отъ нападенія многочисленной арміи. Напротивъ вышеприведенныя особенности говорятъ скорѣе въ пользу того мнѣнія, что укрѣпленія, которыхъ городища остались слѣдомъ, могли быть возведены для обитанія мелкихъ владѣтелей страны, подобныхъ средневѣковымъ баронамъ въ Германіи, и для помѣщенія ихъ гарнизоновъ, и представлять такимъ образомъ аналогію замкамъ этихъ послѣднихъ; съ тою разницею, что болгарскія укрѣпленія построены были не изъ камня, какъ германскія и оставили къ настоящему времени по себѣ одни только земляные валы и рвы.

Въ пользу возможности такого объясненія могутъ говорить по моему мнѣнію показанія нашихъ лѣтописей о владычествованіи въ Камской Болгаріи многихъ князей за разъ. Я позволяю себѣ привести нѣкоторыя изъ этихъ показаній.

а) Изъ Воскресенской лѣтописи, о походѣ князя Святослава въ 1220 году противу Болгаръ: „Слышавше же Болгары въ Великомъ градѣ и во иныхъ градѣхъ, яко и городъ ихъ Ошель взять, и печални быша по велику зѣло, и собрашася вси со князьми своими“. (Древніе города, стр. 151).

б) Изъ Никон. лѣтописи (III, 216), о взятіи ушкуйниками Жукотина въ 1359 году: „*Князи Жуконстѣи* поидоша во орду ко царю и биша челомъ царю, дабы царь оборонилъ себя и ихъ отъ разбойниковъ“; и Архангелогородской (стр. 81): „*Князи Жукотинскіе* пошли во орду, били челомъ царю Киндару на русскихъ князей. И царь послалъ три послы къ русскимъ княземъ о *Жукотинскихъ князехъ*“. (Древніе города, стр. 170).

в) Въ тверской лѣтописи, при описаніи похода ушкуйниковъ въ 1381 и 1409 годахъ: „*князи Болгарскіе и Жекотстѣи* слаша ко Анфалу, и взяша перемиріе, и даша ему окупъ съ земли; Анфаль же потому исплошися къ нимъ, они же яша его лестію въ Камъ, а дружину его изсѣкоша, а иніи разбѣгошася“. (Древніе города, стр. 177).

г) Изъ Никон. лѣтописи о боѣ въ Лысковѣ въ 1411 году „Бысть бой на Лысковѣ“; „и съ *Болгарскими князьми и Жукотенскимъ*“; „сташаше на костехъ князи Новгородскіе Нижняго Новгорода и *князи Казанстѣи*“. (Древніе города, стр. 188).

Профессоръ Шпилевскій такъ относится къ показанію лѣтописей о существованіи многихъ князей въ Болгаріи въ одно время: „Исторія похода 1220 года, кромѣ объясненій для географіи древнихъ болгарскихъ владѣній, представляетъ важный фактъ о существованіи въ Болгаріи въ одно время нѣсколькихъ князей: на встрѣчу русскому войску изъ Великаго Города и другихъ „собрашася вси со князьми своими“. Отношенія между этими князьями неизвѣстны, неизвѣстны и отношенія ихъ къ верховному князю, о которомъ впрочемъ русскія лѣтописи и не упоминаютъ, но о чемъ извѣстно изъ другихъ источниковъ („Древніе города, стр. 154).

По поводу взятія Жукотина ушкуйниками въ 1359 году онъ говоритъ: „Вмѣстѣ съ городомъ упоминаются и князья Жукотинскіе. Какъ понять нѣсколькихъ князей, принадлежащихъ одному городу? Можетъ быть, подъ Жукотинскими князьями разумѣются и князья другихъ сосѣднихъ городовъ по Камѣ, напримѣръ Капана, Кременчуга; затѣмъ, какъ будетъ объяснено ниже, названіе Жукотина придавалось ближайшимъ сосѣднимъ укрѣпленіямъ, т. е. городамъ, въ которыхъ могли быть особые князья“ („Древніе города“, стр. 171).

Приведенныя мѣста изъ лѣтописей показываютъ, что въ прикамской части Волжской Болгаріи, на весьма небольшомъ протяженіи береговъ Камы существовало въ XIII и XIV столѣтіяхъ нѣсколько (а можетъ быть и много) мѣстныхъ князей, съ которыми отъ времени до времени воевали современные имъ русскіе князья (удѣльные). Возникаетъ вопросъ: не были ли и эти камскіе князья въ своей странѣ такими же удѣльными, какими были воевавшіе съ ними русскіе князья, и не былъ ли въ прикамской части тогдашней Болгаріи государственный строй подобенъ существовавшему въ то время въ Россіи удѣльному?

Но въ лѣтописяхъ встрѣчаются и такія показанія, которыя дѣлаютъ затруднительнымъ допустить это предположеніе, такъ какъ указываютъ на существованіе нѣкоторой разницы въ положеніи русскихъ удѣльныхъ и болгарскихъ прикамскихъ (именно Жукотинскихъ и др.) князей. Разница эта оказывается во первыхъ въ величинѣ участковъ, которыми повелѣвали тѣ и другіе и во вторыхъ въ отношеніяхъ къ Великому Князю, слова проф. Шпилевскаго о чемъ приведены выше. Русскіе удѣльные князья повелѣвали каждый, сколько знаемъ изъ лѣтописей, значительной территоріей, тогда какъ, основываясь на показаніяхъ тѣхъ же лѣтописей, едва ли можно допустить, чтобъ князья Жукотинскіе и Казанскіе (по Шпилевскому Капанскіе) владѣли землею каждый въ количествѣ болѣе, чѣмъ располагали ею въ послѣдующее время въ этой же мѣстности богатѣйшіе изъ помѣщиковъ. Что отношеніе мелкихъ князей къ великому князю, котораго существованіе принимаетъ проф. Шпилевскій, въ Болгаріи было не вполне

такое какъ въ Россіи, покрайней мѣрѣ въ XIV столѣтіи, надобно заключать изъ приведеннаго выше лѣтописнаго показанія, что Жукотинскіе князья съ ходатайствомъ о защитѣ отъ русскихъ ушкуйниковъ обратились къ Сарайскому главному хану, при чемъ о посредничествѣ чьемъ либо, въ томъ числѣ и лица, соотвѣтствовавшаго по положенію великому князю, наши лѣтописи не упоминаютъ, какъ будто великаго князя замѣнилъ у нихъ въ это время Золотоордынскій ханъ.

Было бы по моему мнѣнію болѣе соответственнымъ такому положенію вещей допустить, что въ прикамской части Болгаріи государственный строй въ XIV столѣтіи болѣе подходилъ къ тому, который тогда существовалъ въ Германіи, именно къ такъ называемому феодальному, или можетъ быть къ аристократическому строю, существовавшему у нѣкоторыхъ горскихъ народовъ на Кавказѣ или у Туркменъ въ Средней Азіи⁽¹⁾.

Если бы подобное предположеніе было признано справедливымъ, то не встрѣчалось бы, по моему мнѣнію, препятствія принять укрѣпленія, остатками которыхъ являются описанныя городища, за резиденціи лѣтописныхъ Жукотинскихъ и Кашанскихъ князей.

Въ пользу такого предположенія могутъ быть приведены слѣдующія преданія:

1) Въ Мамадышскомъ уѣздѣ, около деревни Старой Зюри, есть остатки рва, концы котораго примыкаютъ къ р. Мешѣ; на берегу рѣки земляная насыпь. Въ Прибавленіи къ Казанскому Вѣстнику 1828 года, № 46, приводятся слова: „По симъ примѣтамъ полагаютъ, что тамъ былъ въ древности столичный городъ какого то хана“ („Древніе города“, стр. 402).

2) На стр. 66 настоящаго сообщенія приведено преданіе, по которому, на мѣстѣ деревни Ташкирмень и находящагося возлѣ нея кургана, жилъ въ древніе времена ханъ.

Преданіе слѣдовательно говоритъ также въ пользу высказаннаго предположенія; обращаетъ на себя въ приведенныхъ указаніяхъ вниманіе то обстоятель-

⁽¹⁾ По показанію проф. Ойрсова, встрѣчающемуся въ его книгѣ «Положеніе инородцевъ Сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ». Казань, 1866 года: въ Казанскомъ царствѣ, которое государственное устройство должно было заимствовать отчасти отъ Болгарскаго, строй былъ также аристократическій; на 13 стр. этого сочиненія говорится, что въ рукахъ дворянства, именно класса мурзъ и князей, находилось управленіе государствомъ и что все общественное вліяніе, а съ нимъ большая часть матеріальныхъ средствъ сосредоточены были въ рукахъ только извѣстныхъ фамилій: отъ нихъ зависѣлъ выборъ (и низложеніе) царя, они были правителями областей, вели сношенія съ сосѣдами и имѣли право рѣшать миръ съ ними или войну.

Вельяминовъ-Зерновъ въ «Исслѣдованіяхъ о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», на стр. 425 II части, говоритъ: «Особые князья высшаго разряда, существовавшіе въ Казани и пользовавшіеся тамъ, какъ видно, большими правами и даже доходами, были, по всей вѣроятности, такіе же точно наследственные первостепенные бии, представители главнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, какіе были въ Крыму».

ство, что мелких мѣстныхъ владѣтелей, обозначаемыхъ въ лѣтописи князьями, мѣстное татарское преданіе именуеть „ханами“.

Если допустить предположеніе, что укрѣпленія, слѣдами которыхъ остаются описанныя городища, служили дѣйствительно мѣстопребываніемъ для мѣстныхъ князей (хановъ), то возникаетъ вопросъ, съ какого времени ввелся въ Болгарской землѣ обычай возводить подобнаго рода сооруженія?

Надобно допустить, что нѣкоторая по крайней мѣрѣ часть ихъ могла быть возведена за болѣе или менѣе долгое время до вышеприведенныхъ по лѣтописямъ событій, т. е. до XIII и XIV столѣтій. Въ пользу такого предположенія можно привести нѣкоторыя данныя, указывающія что государственный строй, могшій дать поводъ къ построенію укрѣпленій, существовалъ не въ одной только прикамской мѣстности, но и вообще въ Волжской Болгаріи издавна. Данныя эти по моему мнѣнію находятся въ описаніи извѣстнаго путешествія араба Ибнъ-Фадлана въ 922 году изъ Багдада въ Болгарію. Прошу у ученаго собранія позволенія привести изъ этого путешествія нѣсколько отрывковъ, по переводу А. Я. Гаркави, помѣщенному въ „Сказаніяхъ мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“ (С.-Петербургъ, 1870 года).

а) На стр. 86: „Альмасъ, царь Славянъ, просилъ халифа о сооруженіи крѣпости, въ которой онъ бы защищался отъ *царей противниковъ*“.

б) На той-же стр.: „Когда мы были отъ царя Славянъ, къ которому мы отъправились, на разстояніи дня и ночи, то онъ послалъ для нашей встрѣчи *четырехъ царей*, которые подчинены ему“.

в) На той-же стр.: „Мы остались въ раскинутыхъ для насъ палаткахъ до среды, пока не собрались *цари* его земли и вельможи его“.

г) На стр. 87: „За тѣмъ послалъ онъ къ намъ и мы вошли въ его палатку; при немъ находились *цари* по правой сторонѣ“.

д) На той-же стр.: „За тѣмъ отрѣзалъ онъ кусокъ и подалъ *царю*, сидѣвшему по правой его сторонѣ, и ему принесли столъ; послѣ подалъ онъ второму *царю*“.

Выписки эти показываютъ, что вышеназванный государственный строй дѣйствительно существовалъ въ Камской Болгаріи за долго до XIII и XIV столѣтій по Р. Х., именно даютъ несомнѣнныя указанія на существованіе его въ X столѣтіи до Р. Х.

Въ статьѣ В. В. Григорьева: Булгары, помѣщенной въ VII томѣ Энциклопедическаго лексикона Плюшара говорится:

а) На страницѣ 296: „*цари*, о которыхъ упоминаеть Ибнъ-Фадланъ, какъ подвластныхъ государю Булгарскому, могли быть прежде независимые владѣтели небольшихъ народовъ, покоренныхъ Булгарами“.

б) На страницѣ 300: начальниками поколѣній (болгарскаго народа) „были тѣ подвластные *цари*, мулюкъ, о которыхъ упоминаетъ Ибнъ-Фадланъ. Такимъ образомъ можно заключить, что болгарская держава состояла изъ многихъ удѣловъ, управляемыхъ особыми и наследственными владѣтелями, которые болѣе или менѣе зависѣли отъ царя или *хана Булгара*, и подобно ему назывались „ханами“ или „терханами“, потому что этотъ титулъ встрѣчается и у Булгаровъ, переселившихся на Дунай“.

В. В. Григорьевъ приводитъ такимъ образомъ для обозначенія видѣнныхъ Ибнъ-Фадланомъ подвластныхъ царей три названія: ханъ, терханъ и мулюкъ. Я позволю себѣ остановиться на нихъ.

Первое изъ названій—ханъ, оказывается тѣмъ самымъ, которое употребляютъ здѣшніе Татары для обозначенія бывшихъ владѣтелей городищъ.

Второе—терханъ напоминаетъ наименованіе тарханъ, встрѣчающееся въ русской исторіи монгольскаго періода. А. И. Артемьевъ въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи“ говоритъ: а) на стр. LXXII, что въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ, при перечисленіи племенъ и сословій, входившихъ въ составъ населенія Казанскаго царства, встрѣчаются различныя наименованія и въ числѣ ихъ названіе тархановъ; б) на стр. LXXIII: „что касается Тархановъ, то положительно извѣстно, что во всѣхъ чингисидскихъ государствахъ подъ этимъ названіемъ разумѣлись тѣ лица, которыя за какія либо услуги освобождались отъ платежа податей и налоговъ. Буквально это названіе значило: „вольный человѣкъ“ и потому довольно правильно средневѣковыми европейскими путешественниками, посѣщавшими Монголовъ, переводилось словомъ: *barones*.

Гаммеръ въ „Исторіи Золотой Орды“, на стр. 59 объясняетъ, что это слово обозначало человѣка, освобожденнаго отъ платежа податей и отъ наказаній и получившаго право свободнаго доступа къ своему государю, и переводитъ этотъ титулъ словомъ *Freiherr* ⁽¹⁾, объясняя (въ 4 выноскѣ на той же страницѣ), что по Штриттеру (*Memoriae populorum, olim ad Danubium, et caet.* томъ III, стр. 53) титулъ

⁽¹⁾ Извѣстно, что титулъ *Freiherr* въ Германіи и Австріи есть дворянскій, близко подходящій къ баронскому или равнозначительный ему. Въ *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber* (7 часть, 1821 года, на стр. 417) въ статьѣ «*Baron*» говорится, что авторы пытались дѣлить баронское достоинство на виды; одни признавали два вида: обыкновенныхъ бароновъ и *Semperbarones*; другіе три класса: *Semperfreie*, *Freiherrn* и *Herren*; третьи же видѣли въ этихъ именахъ не классы, а только различныя выраженія одного и того-же дворянскаго титула. Что касается до современнаго баронства,—то статья признаетъ его за высшую степень низшаго дворянства.

этотъ встрѣчался въ VI столѣтіи и у Турокъ, и что по Тимковскому (Reise, стр. 328) слово: дарханъ, по монгольски значитъ кузнецъ (*).

Не были-ли тарханы и въ Камской Болгаріи, какъ то было въ очень древнія времена въ Дунайской,—вассальными князьями? Указаній на подобное ихъ значеніе въ историческія времена мнѣ не удалось встрѣтить въ литературѣ въ продолженіе составленія настоящаго сообщенія.

Третье изъ приводимыхъ названій—мулюкъ принадлежитъ Ибнъ-Фадлану. Френъ (въ Мém. de l'Acad. Imper. des sciences de St. Petersburg, VI serie, t. I, стр. 193 и 534) пишетъ его melik; изъ нѣкоторыхъ газетныхъ сообщеній извѣстно, что слово меликъ обозначало на Кавказѣ, у Грузинъ и Армянъ, одинъ изъ дворянскихъ титуловъ; наименованія этого также не удалось доселѣ встрѣтить въ литературѣ, въ приложеніи къ обозначенію мелкихъ владѣтелей Болгаріи.

Такимъ образомъ для этого обозначенія остаются два названія: лѣтописное русское—князь и татарское народное—ханъ.

Для пѣли настоящаго сообщенія важно то показаніе Ибнъ-Фадлана, что въ началѣ X столѣтія по Р. X. существовали въ Камской Болгаріи мелкіе вассальные владѣтели, по переводу В. В. Григорьева и А. Я. Гаркави—цари. Какъ цари, они, конечно, не только имѣли право, но и обязанность содержать войско и крѣпости.

На то указываютъ и слова Ибнъ-Фадлана (Мém. стр. 201 и 566), что болгарскій царь просилъ (въ 921 году) халифа прислать ему мастеровъ, которые бы могли построить крѣпость для защиты отъ нападений царей противниковъ (показаніе это важно для настоящаго сообщенія, какъ первое письменное упоминаніе объ укрѣпленіяхъ въ Волжской Болгаріи).

Академикъ Френъ на стр. 201 въ напечатанной въ Мém. de l'Acad. Imp. des sciences de S.-Petersbourg VI série, tome I, статьѣ: Drei Münzen der Wolga Bulgharen выводитъ изъ этихъ словъ заключеніе, что крѣпостей въ Камской Болгаріи до 922 года въ смыслѣ бурга (Burg) не было.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о времени первоначальнаго въ странѣ Камскихъ Булгаръ построенія крѣпостей въ смыслѣ бурга, считаю нужнымъ привести тѣ изъ встрѣчающихся въ литературѣ указаній, которыя возбуждаютъ подозрѣніе, что начало возведенія укрѣпленій, подобныхъ описаннымъ мною, могло имѣть мѣсто еще весьма за долго до путешествія Ибнъ-Фадлана.

(*) Если показаніе Тимковского вѣрно, то послѣднее обстоятельство можетъ возбуждать вопросъ: учрежденіе у Монголовъ и Турокъ почетнаго званія кузнеца не послѣдовало ли въ началѣ желѣзнаго періода до-историческихъ временъ и не было ли обязано происхожденіемъ изобрѣтенію искусства ковать желѣзо. долженствовавшаго оказать огромное вліяніе какъ на результаты войнъ такъ и на могущество народовъ.

Покойный С. В. Ешевскій въ „Замѣткѣ о пермскихъ древностяхъ“, помѣщенной въ Пермскомъ Сборникѣ (книжка I, 1859 года, стр. 135), говоритъ: Многія вещи, находимыя въ Казанской губерніи, особенно по Камѣ и ея притокамъ (разумѣя вещи дотатарской эпохи), совершенно сходны съ находимыми въ Пермской губерніи. Тоже самое сходство замѣчается и въ устройствѣ городищъ въ обѣихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ судя по сравненію плановъ десяти пермскихъ городищъ, нѣ извѣстныхъ, съ планами городищъ Казанской губерніи, помѣщенными въ журналѣ капитана Рычкова, а также и съ другими“⁽¹⁾.

Возникаетъ вопросъ: не были ли нѣкоторыя изъ описанныхъ городищъ возведены въ тѣ же времена и тѣмъ же народомъ, какъ и пермскія.

Самое серьезное препятствіе къ допущенію этого предположенія заключалось бы въ глубокой древности пермскихъ сооружений, которыя, по находимымъ вблизи ихъ, при раскопкахъ, вещамъ, ученые относятъ къ концу бронзоваго періода доисторическихъ временъ Урала; принимая казанскія городища по построению за одновременныя съ пермскими, надобно было бы и первыя считать стольже древними, какъ послѣднія. Какъ ни мало вѣроятнымъ можетъ казаться такое предположеніе съ перваго раза, тѣмъ не менѣе ближайшее знакомство съ вопросомъ приводитъ къ заключенію, что вполне невѣроятнымъ счесть его было бы по крайней мѣрѣ, преждевременно. Возраженія противу предположенія должны терять много изъ своего значенія, если припомнить, что существуютъ указанія на то, что человѣческая дѣятельность въ Болгаріи существовала за долго до 922 года. Я приведу нѣкоторыя изъ подобныхъ указаній.

Въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, на стр. XXVIII, говорится: „Знакомство Булгаровъ съ Арабами вѣроятно началось съ первыхъ годовъ VIII вѣка, какъ только величайшіе города Средней Азіи—Бухара и Самаркандъ—подпали подъ власть халифовъ.“

На то, что человѣческая дѣятельность существовала въ Волжской Болгаріи въ VIII и IX столѣтіяхъ указываютъ, кромѣ приведеннаго, и слѣдующія обстоятельства:

Академикъ Френъ въ выше упомянутой статьѣ: *Drei Münzen der Wolga Bulgharen* (стр. 188) полагаетъ, что Волжскіе Болгары ознакомились съ Кораномъ въ началѣ VIII столѣтія. Въ сочиненіи Шериф-ад-дина бенъ Хесамъ ад-дина болгарскаго: „Изложеніе болгарскихъ повѣствованій“, отрывки изъ котораго въ переводѣ помѣщены профессоромъ Березинымъ въ книгѣ: „Булгаръ на Волгѣ“,

⁽¹⁾ Подъ послѣдними авторъ могъ разумѣть въ числѣ прочихъ чертежи и сейчасъ описанныхъ городищъ, такъ какъ они, какъ выше введено, были ему показаны.

содержится указаніе на то, что Волжскіе Болгары имѣли оживленныя сношенія по дѣламъ вѣры со Среднею Азіею и Багдадомъ въ VIII и IX столѣтіяхъ. На стр. 85 этой книги приводится, что они, представивъ три фетвы въ Багдадъ, желали разрѣшенія ихъ отъ господина Абу-Юсуфа: „это было во время правленія Арунъ Эр-рашида“ (¹).

По извѣстіямъ путешественника XII столѣтія Абу-Хаида Андалуси (см. Гаммера, Исторію Золотой Орды, стр. 424 и Шпилевскаго, Древніе города, стр. 10) изъ Болгара постоянно шли караваны въ Ховарезмъ (современную Хиву). На то, что торговля сношенія Болгаръ съ Арабами начались за долго до XII столѣтія, указываютъ слѣдующіе факты.

На стр. 364 „Древнихъ городовъ“ упоминается, что, по словамъ П. С. Савельева, изъ числа доставленныхъ ему для опредѣленія серебрянныхъ арабскихъ монетъ, найденныхъ близъ Билярска, оказались: 1) тридцать одна монета изъ находокъ 1853 года чеканенными между 121 и 293 годами гижры (или 739—906 годами христіанскаго лѣтосчисленія) и 2) древнѣйшая изъ найденныхъ въ 1857 году чеканенною въ 163 году гижры. Наибольшее вѣроятіе то, что монеты эти привезены въ мѣстность нынѣшняго Билярска Арабами для покупки товаровъ, и при томъ только не многимъ позже времени ихъ чеканки, слѣдовательно въ VIII и IX столѣтіяхъ нашего лѣтосчисленія.

На страницѣ XXIX общихъ свѣдѣній о Казанской губерніи, при „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ ея, А. И. Артемьевъ говоритъ: „Мѣха составляли главнѣйшую статью торговли Булгаровъ съ Арабами: Зобейда, знаменитая супруга Гарунъ-Эль-Рашида, первая ввела въ моду шубы изъ русскихъ соболей или горностаевъ; шубы стали одѣяніемъ почетнымъ и потому требованіе на мѣха чрезвычайно усилилось на Востокѣ“.

С. В. Ешевскій въ вышеупомянутой „Замѣткѣ о пермскихъ древностяхъ“, напечатанной въ Пермскомъ Сборникѣ, говоритъ, что въ Болгарѣ найдены были при немъ римскія монеты III или IV вѣка. Еслибъ можно было исключить предположеніе о томъ, что найденныя монеты были завезены и случайно потеряны какимъ нибудь нумизматомъ,—онѣ могли бы также служить указаніемъ на существованіе торговыхъ сношеній Болгаръ съ иноземцами, и на этотъ разъ уже въ III или IV столѣтіяхъ по Р. X. (²)

(¹) По показанію П. С. Савельева, помѣщенному въ XIII томѣ Энциклопедическаго Лексикона Плюшара, этотъ халифъ царствовалъ отъ 786 до 809 года (см. статью: Гарунъ Альрашидъ, стр. 328).

(²) На страницѣ 16 статьи: «Бытовые памятники Великой Булгаріи» г. Лихачевъ приводитъ, что между древними вещами, находимыми въ селахъ: Болгары и Билярскъ, встрѣчались металли-

Прямо въ пользу предположенія о возможности построенія нѣкоторыхъ изъ укрѣпленій, оставившихъ по себѣ описанныя выше городища, въ концѣ бронзоваго періода доисторическихъ временъ Казанскаго Прикамья говорятъ, по мнѣнію моему, слѣдующія обстоятельства:

1) Нахожденіе на рѣкѣ Камѣ, у самой восточной границы губерніи, такъ называемаго Ананьинскаго некрополя, въ которомъ доселѣ открываются вещи, относимыя къ концу сказаннаго бронзоваго періода и приурочиваемыя Невоструевымъ (см. его статью „О городищахъ древняго Волжско-Вулгарскаго и Казанскаго царствъ“ въ Трудахъ I-го Арх. С., стр. 360) къ временамъ до Рождества Христова. Если такія вещи встрѣчаются на границѣ Казанской губерніи, то почему считать невозможнымъ открытіе подобныхъ имъ предметовъ въ будущемъ въ самой Казанской губерніи, при предстоящихъ раскопкахъ описанныхъ городищъ, тѣмъ болѣе что эти послѣднія лежатъ отъ деревни Ананьиной, близъ которой находится некрополь, не болѣе какъ въ 100 или 200 верстахъ къ западу.

2) Нахожденіе въ Казанской губерніи (именно въ Мамадышскомъ уѣздѣ) такъ называемыхъ Чудскихъ копей (см. Списокъ населенныхъ мѣстъ, стр. XXI), которыя могли давать Чуди мѣдь⁽¹⁾ для производства бронзовыхъ вещей, найденныхъ въ Ананьинскомъ некрополѣ⁽²⁾.

3) Изъ вышеприведенныхъ словъ С. В. Ешевскаго о замѣченномъ имъ сходствѣ нѣкоторыхъ найденныхъ въ Казанской губерніи вещей съ древними пермскими можно было бы выводить заключеніе, что онъ уже нападалъ на слѣды чудской культуры и въ самой Казанской губерніи. Весьма жаль, что С. В. не привелъ,

чeskія зеркала съ китайскими надписями и орнаментами. На стр. 133 первой книжки вышеупомянутаго Пермскаго Сборника, С. В. Ешевскій сообщаетъ, что вмѣстѣ съ римскими монетами III или IV вѣка при немъ найдены были въ селѣ Болгарахъ обломки металлическаго зеркала съ древнею тибетскою или китайскою надписью. Подобнаго рода находки свидѣтельствуютъ о торговыхъ сношеніяхъ Болгаръ съ Китацами.

Весьма желательно было-бы, чтобы, при будущихъ находкахъ подобнаго рода вещей, копія съ китайскихъ и тибетскихъ надписей препровождались къ знатокамъ китайскаго и тибетскаго языковъ для опредѣленія года производства зеркалъ, а слѣдовательно приблизительно и времени, когда прямыя сношенія Камской Болгаріи съ Китаемъ происходили.

(¹) Составителю настоящаго сообщенія пришлось въ концѣ сороковыхъ годовъ посѣтить въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи два мѣдиплавильныхъ завода: Кукморскій и Мѣшинскій. Оба завода въ послѣдствіи были закрыты; но во время посѣщенія еще выплавляли ежегодно не малое количество мѣди, руду для которой получали большею частью въ Мамадышскомъ же уѣздѣ, изъ разработывавшихся въ ту пору мѣдныхъ рудниковъ.

(²) А также можетъ быть и для производства бронзовыхъ и мѣдныхъ вещей въ мѣстности нынѣшняго Билярска.

какія именно изъ найденныхъ въ Казанской губерніи вещей представляли такое сходство, и въ какомъ мѣстѣ онѣ были найдены. Между тѣмъ свѣдѣнія эти на столько важны для разрѣшенія вопроса: можно ли предполагать, что въ бронзовомъ періодѣ доисторическихъ временъ Камскаго побережья вблизи Камы были уже жители, и были возводимы земляныя укрѣпленія, что я рѣшаюсь утрудждать вниманіе собранія приведеніемъ мѣстъ, относящихся къ этому вопросу изъ напечатанной въ „Трудахъ II Археологическаго Съѣзда“ статьи г. Лихачева: „Бытовые памятники Великой Булгаріи“, именно тѣхъ мѣстъ изъ этой статьи, въ которыхъ упоминается о сходствѣ вещей, находящихся въ музеѣ автора (изъ числа найденныхъ въ Казанской губерніи), съ древними пермскими вещами. Показанія г. Лихачева я считаю весьма существенными, такъ какъ въ нихъ уже упоминается положительно, что рѣчь идетъ о бронзовыхъ предметахъ, и притомъ найденныхъ въ Билярскѣ.

На страницѣ 15 г. Лихачевъ говоритъ, что „вещи изъ бронзы, находимыя какъ на территоріи прежней Великой Булгаріи, такъ и по всей Россіи, на которыхъ встрѣчаются (въ предшествовавшихъ строкахъ статьи упомянутые) „орнаменты, русскіе археологи относятъ большею частію къ X столѣтію, тогда какъ запатные археологи такимъ предметамъ обыкновенно приписываютъ древность доисторическую“.

На страницѣ 17, что стиль нѣкоторыхъ „работъ очень древній, ибо чаще всего здѣсь встрѣчается спиральный орнаментъ въ видѣ улитки, характеризующій предметы бронзоваго періода“; что „большая часть предметовъ убранства изъ бронзы и мѣди выдѣлывалась на мѣстѣ“, т. е. въ Билярскѣ ('); что нѣкоторые изъ нихъ имѣли „весьма примитивный характеръ“ и походили на „предметы изъ свайныхъ построекъ; напримѣръ браслеты, перстни изъ толстой бронзовой проволоки, свитой спиралью“.

Описывая на страницѣ 18 оказавшееся на бронзовой печати „изображеніе двухъ цаплей, сидящихъ на деревѣ“, авторъ прибавляетъ, что „г. Эйхвальдъ приписываетъ подобному изображенію большую древность, ибо оно встрѣчалось на Алтаѣ въ чудскихъ могилахъ“; описывая бронзовую рукоятку, доставленную изъ Биляра, авторъ присовокупляетъ, что „стиль и характеръ работы очень походятъ на одну вещицу изъ Ананьинскаго могильника“, и что „поэтому ей слѣдовало бы приписать древность очень отдаленную“.

(') Показаніе это приводитъ къ заключенію, что авторъ допускаетъ существованіе фабрики бронзовыхъ издѣлій въ мѣстности Билярска въ очень древнія времена.

На страницѣ 19 г. Лихачевъ говоритъ, что „вообще бронзовыя древности Великой Булгаріи напоминаютъ отчасти подобныя предметы изъ свайныхъ построекъ“, что „о сходствѣ ихъ съ пермскими и вятскими древностями было бы излишне упоминать“ (1).

На стр. 14 г. Лихачевъ уже прямо высказываетъ предположеніе, что въ Казанской губерніи, курганы могутъ скрывать въ себѣ „древности подобныя тѣмъ, которыя открыты въ Ананьинскомъ могильникѣ“.

Данныя относительно находокъ въ Билярскѣ древнихъ вещей, похожихъ на издѣлія бронзоваго періода, могли бы наводить на предположеніе, что вопросъ о существованіи въ бронзовый вѣкъ поселеній въ Казанской губерніи, уже разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ относительно мѣстности села Билярска; но вышеприведенныя выписки къ сожалѣнію показываютъ, что предположеніе это не возведено еще и доселѣ въ достоинство факта. Не доведено же оно до достоинства факта, по видимому, во первыхъ потому, что существующія собранія древностей, какъ пермскихъ, такъ и билярскихъ, въ музеяхъ не настолько еще значительны, чтобъ можно было установить прочно признаки, по которымъ будетъ предстоять рѣшать, какія изъ находокъ билярскихъ должно относить къ бронзовому періоду и какія къ послѣдующимъ временамъ. Такая установка признаковъ, отличающихъ періоды, особенно по мнѣнію моему была бы важна для Билярска, гдѣ бронзовая индустрія могла дѣйствительно, какъ видно изъ предыдущаго, начаться въ бронзовый періодъ и продолжаться въ послѣдующее время (Съ цѣлію содѣйствовать посильно разрѣшенію этого вопроса увеличеніемъ количества матеріала, для того необходимаго, позволяю себѣ приложить къ настоящему сообщенію рисунки нѣсколькихъ древнихъ вещей, изъ числа купленныхъ мною въ Болгарахъ и Билярскѣ во время поѣздокъ и впоследствии приобретенныхъ отъ меня покойнымъ С. В. Ешевскимъ для музея древностей Казанскаго университета).

Не доведено предположеніе до достоинства научнаго факта во вторыхъ по видимому еще и потому, что говоря словами г. Лихачева: „бронзовыя орудія и оружіе,

(1) Принимая въ соображеніе мнѣніе г. Лихачева, что въ Билярскѣ выдѣлывались бронзовыя вещи и то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ сходство съ пермскими и вятскими древностями и древними вещами Ананьинскаго некрополя, сибирскихъ кургановъ и свайныхъ построекъ, можно думать, что производство бронзовыхъ издѣлій могло начаться въ мѣстности Билярска одновременно съ производствомъ вещей бронзоваго періода, найденныхъ въ сейчасъ перечисленныхъ мѣстахъ.

какъ-то: топоры, ножи, кинжалы, мечи, наконечники стрѣлъ и копій и проч. въ развалинахъ Булгара еще не были находимы на моей (г. Лихачева) памяти“ (см. Бытовые памятники Великой Булгаріи, стр. 14); и что хотя исторически Пермская губернія „нѣкогда должна была входить въ область Великой Булгаріи, однакоже предметы древняго быта, тамъ находимые, во многихъ отношеніяхъ различаются отъ находимыхъ въ Казанской губерніи, гдѣ, какъ уже сказано, еще не попадались бронзовые топоры и наконечники стрѣлъ“ (тамъ же).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что бронзовое оружіе должно быть признаваемо за наиболее характерный признакъ бронзоваго вѣка; но ненахождение его еще не можетъ быть поводомъ къ тому, чтобъ не признавать въ Казанскомъ Прикамьи существованія въ бронзовый вѣкъ поселеній. Если бронзовое оружіе не было доселѣ находимо въ селахъ Болгарахъ и Билярскѣ, то нельзя отрицать возможности того, что оно встрѣтится при раскопкахъ въ будущее время въ этихъ селахъ, или вблизи котораго либо изъ городищъ.

Я весьма доволенъ тѣмъ, что удалось въ той части литературы, которая была доступна мнѣ во время составленія настоящаго доклада, найти нѣсколько фактовъ въ подкрѣпленіе возникшихъ при осмотрѣ городищъ предположеній: 1) что древнія укрѣпленія, существовавшія на мѣстѣ теперешнихъ городищъ, могли принадлежать вассальнымъ владѣтелямъ страны; 2) что первыя, по времени возведенія, изъ этихъ укрѣпленій могли принадлежать бронзовому вѣку. Но я весьма далекъ отъ мысли, что эти предположенія достигли той степени вѣроятія, при которой археологамъ оставалось бы только признать ихъ за научный фактъ. Въ той части относящейся къ вопросу литературы, которая не была у меня подъ рукою, могутъ встрѣтиться данныя для инаго освѣщенія вопроса; поэтому я назвалъ развиваемое предположеніе только догадкой, и думаю что она станетъ фактомъ только тогда, когда близъ котораго либо изъ описанныхъ городищъ найдены будутъ, при раскопкахъ, вещи, признаваемые всѣми учеными за принадлежащія, по времени выдѣлки, къ бронзовому вѣку.

Что касается до видѣнныхъ мною двухъ насыпей, называемыхъ курганами, одной на рѣкѣ Мѣшѣ, при деревнѣ Ташкирмень, и другой на рѣкѣ Брысѣ, при деревнѣ Именьковой, то по формѣ (см. описаніе ихъ на стр. 64—69) онѣ не имѣютъ ничего общаго съ обыкновенными курганами, т. е. могильными насыпями. Возведеніе по окраинѣ одной изъ нихъ (Ташкирменской) вала, и на одной изъ окраинъ другой (Именьковской) вала и рва заставляеть принять, что при построеніи ихъ имѣлась въ виду и оборона насыпей отъ могущихъ быть вражескихъ нападеній, и что такіа нападенія слѣдовательно предвидѣлись. Отсутствие же приспособленій для облегченія восхожденія людей на насыпи, для возведенія на нихъ крупныхъ

животныхъ и для ввезенія экипажей не даетъ повода заключать, чтобы насыпи эти построены были для постоянного человѣческаго обитанія; если же онѣ сооружены для временнаго только посѣщенія людьми, то возникаетъ вопросъ, не предназначались ли онѣ для общихъ моленій обитателей мѣстности и для жертвоприношеній; покатошь верхней площадки Ташкирменской насыпи къ оврагу была бы при жертвоприношеніяхъ удобна для стока крови приносимыхъ въ жертву животныхъ.

Къ сказанному я позволю себѣ присоединить еще нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ изъ описанныхъ остатковъ древностей въ отдѣльности:

1) При однихъ изъ древнихъ земляныхъ сооружений, какъ упоминаемо было выше при ихъ описаніи, находимы бывають нынѣшними обитателями ихъ окрестностей древнія золотоордынскія монеты, а при другихъ эти монеты отсутствуютъ. Такимъ образомъ мнѣ не было сообщено, чтобъ вблизи городищъ Именьковскаго, Чаллыпскаго и двухъ Зміевскихъ, а также вблизи кургановъ Ташкирменскаго и Именьковскаго были когда либо находимы старинныя деньги; жители деревни Ташкирмень даже высказывали предположеніе, что древніе обитатели мѣстности вблизи кургана были безденежные (см. настоящаго сообщенія стр. 66). По приведеннымъ выше (стр. 73—75) рассказамъ, находки старинныхъ денегъ имѣли мѣсто близъ городища Кашана; при посѣщеніи Жукотинскаго городища мнѣ удалось и самому приобрѣсти нѣсколько золотоордынскихъ монетокъ (см. стр. 84 и 85). Въ видахъ разъясненія причинъ этой разницы я приведу слышанныя мною въ былые годы отъ одного изъ горскихъ князей Кавказа слова, что горскіе помѣщики очень рѣдко, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, встрѣчали надобность въ деньгахъ, пока жили въ своихъ деревняхъ; такъ какъ по установившимся издавна на Кавказѣ обычаямъ, при патріархальной простотѣ древней жизни, получали все необходимое для проживанія готовымъ; надобность же въ тратѣ денегъ возникала обыкновенно только при путешествіяхъ. Если такъ мала была потребность въ деньгахъ при проживаніи въ помѣстьяхъ у землевладѣльцевъ одной изъ провинцій Россіи въ текущемъ столѣтіи, то ея совсѣмъ могло не быть у кашанскихъ и жукотинскихъ князей, жительствовавшихъ въ своихъ владѣніяхъ въ XIII и XIV вѣкахъ по Р. Х. Также мала потребность въ деньгахъ на проживаніе должна была быть и у обитателей болгарскихъ городовъ Кашана и Жукотина, по условіямъ жизни того времени. Нахожденіе золотоордынскихъ монетъ въ мѣстахъ существованія этихъ городовъ въ XIV столѣтіи можетъ быть, по моему мнѣнію, объясняемо сбытомъ продуктовъ страны жителями тѣхъ мѣстъ пріѣзжимъ купцамъ. Выше было приведено, что Болгарія на Волгѣ была торговою страной; гуртовые купцы пріѣзжавшіе для закупокъ, особенно тѣ, которые прибывали издалека, конечно

не могли привозить съ собою всѣхъ товаровъ въ достаточномъ для обмѣна количествѣ, и за нѣкоторую часть ихъ должны были платить монетою.

2) На трехъ изъ монетъ, купленныхъ мною на Жукотинскомъ городищѣ, показаны годы чеканки ихъ; оказывается, что эти годы весьма близки къ тѣмъ, подъ которыми упоминается Жукотинъ въ лѣтописяхъ; на одной изъ монетъ показанъ 1348—1349 и на двухъ 1360—1361 года; первый изъ показанныхъ годовъ (1348—1349) предшествовалъ взятію Жукотина въ 1359 году ушкуйниками; послѣдній слѣдовалъ за нимъ. Нахождение монетъ, чеканенныхъ въ 1360—1361 году близъ городища, должно вести къ предположенію, что городъ и послѣ взятія его разбойниками въ 1359 году оставался торговымъ, какъ былъ до того, и что взятіе это особенно дурнаго вліянія на его торговлю не обнаружило.

Изъ статьи Невоструева „О городищахъ“ (см. стр. 576 Трудовъ 1-го Археологическаго Съѣзда), видно, что во владѣніи автора ея находилась, изъ числа отысканныхъ близъ Жукотина, кромѣ сказанныхъ, еще монета хана Узбека. Такъ какъ царствованіе этого хана относится къ годамъ съ 1315 по 1340 по Р. Х. (см. приведенную стр. „Трудовъ“), то монета должна считаться древнѣйшею обнаруженною изъ доселѣ найденныхъ на городищѣ Жукотинскомъ.

3) Надобно сожалѣть объ истребленіи надгробныхъ плитъ съ древними арабскими надписями, находившихся вблизи Жукотинскаго городища, и о помѣщеніи такихъ плитъ въ фундаментъ церкви въ селѣ Зміевѣ (см. наст. сообщ. стр. 82 и 85); такъ какъ надписи были, вмѣстѣ съ монетами, единственнымъ письменнымъ слѣдомъ, который оставили по себѣ мусульманскія населенія, жившія въ этихъ мѣстахъ въ болгарскія времена и во времена Казанскаго ханства. Надобно считать весьма желательнымъ, чтобъ во время перестройки церкви села Зміева, которая по тѣснотѣ храма конечно не замедлитъ послѣдовать, строителями было сдѣлано распоряженіе о приглашеніи изъ Казани свѣдущихъ лицъ для списанія и перевода на русскій языкъ арабскихъ надписей, которыя окажутся на надгробныхъ плитахъ, имѣющихъ быть вынутыми изъ крыльца и фундамента церкви; такъ какъ не можетъ считаться утраченною надежда, что надписи эти разъяснятъ сколько нибудь древнюю исторію мѣстности. Желаніе это надобно считать тѣмъ болѣе позволительнымъ, что строки надписи, снятыя мною типографскимъ способомъ и затѣмъ фотографированныя, оказались удобочитаемыми (см. настоящаго сообщенія стр. 82).

4) Надпись на древнемъ надгробномъ камнѣ въ деревнѣ Именьковой (см. наст. сообщ. стр. 79) оказалась относящеюся къ 1677 или 1678 году. Такъ какъ деревня, судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ на стр. 71 настоящаго доклада, населена недавно, то надобно предполагать, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится камень, въ XVII столѣтіи существовало татарское селеніе, впоследствии оставленное.

5) Профессоръ Шпилевскій показалъ, что городъ, упоминаемый у мусульманскихъ авторовъ подъ именемъ Кашана, лѣтописи наши весьма часто называютъ Казанью въ XIII и XIV столѣтіяхъ, когда по наличнымъ даннымъ ни нынѣшней Казани, ни такъ называемой старой Казани (Иски Казань) еще не было. Такимъ образомъ существуетъ для этого города и татарское и русское лѣтописное названіе.

Городъ Жукотинъ, который въ эти столѣтія былъ настолько богатъ, что дѣлался предметомъ походовъ со стороны нашихъ предковъ, не упоминается подъ этимъ именемъ мусульманскими авторами. Такое упоминаніе о немъ не должно ли вести къ предположенію, что болгарское имя его было другое? Весьма желательно было бы, чтобъ будущіе изслѣдователи старины попытались разыскать: не скрывается ли это послѣднее въ мусульманскомъ спискѣ болгарскихъ городовъ.

Остаются неизвѣстными названія древнихъ болгарскихъ поселеній, остатки которыхъ я видѣлъ въ 1850—51 году въ селѣ Зміевѣ, въ 3 верстахъ отъ него, на рѣкѣ Шумбутѣ и близъ деревни Именьковой. Позволительно выразить желаніе, чтобы не прекращались попытки къ отысканію этихъ названій.

6) Чаллыньское городище (см. наст. сообщ. стр. 75) для нашей археологической литературы было открыто впервые архивными разысканіями покойнаго археолога Невоструева, а мѣсто, гдѣ оно должно существовать, опредѣлено кабинетною провѣркою ихъ, произведенною профессоромъ Шпилевскимъ. Исторія открытія городища повторяетъ слѣдовательно то, уже не разъ въ археологіи встрѣчавшееся обстоятельство, что ученый, разбирая древніе акты, теоретически изъ своей рабочей комнаты указываетъ на существованіе въ извѣстномъ мѣстѣ остатковъ древности и что поиски оправдываютъ его предсказаніе.

7) Къ описанію такъ называемыхъ кургановъ при деревняхъ Ташкирмени и Именьковой, а также Чаллыньскаго городища присоединенъ былъ перечень селеній, лежащихъ въ бассейнѣ рѣки Мѣши, Брыссы и Шумбута. Въ интересахъ разслѣдованія того, какимъ племенамъ принадлежали доисторическіе жители Прикамья, весьма желательно, чтобы лингвисты нашли возможнымъ опредѣлить, языку какого народа инородческія названія, изъ числа приведенныхъ, принадлежатъ. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя особенное вниманіе названія: 1) селеній лежащихъ въ бассейнѣ рѣки Мѣши (см. наст. сообщ. стр. 66 и 67) съ окончаніемъ на чь: Укречь (и вблизи его Тангачь; въ Сп. нас. м. №№ 861 и 952) съ окончаніями на варь: Нырсыварь, Янцовары (напоминающія Темешварь въ Венгріи); и 2) въ бассейнѣ рѣки Шумбута (см. наст. сообщ. стр. 78) селенія, къ названію которыхъ присоединено слово: Челны. Такихъ селеній приведено на стр. 78 наст. сообщ. 11, изъ общей цифры 20 селеній (слѣдовательно 55%). Селенія,

называемыя „Челны“, не разъ уже обращали на себя вниманіе изслѣдователей и возбуждали вопросъ о значеніи этого названія. Въ видахъ содѣйствія разъясненію его, я привожу перечень селеній съ названіемъ Челны, отысканныхъ мною въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ уѣздовъ Казанской губерніи, кромѣ Лаишевскаго, и нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ съ Казанскою губерніей.

Перечень селеній, къ названію которыхъ присоединяется слово Челны (¹).

№	Названіе селеній.	При какой рѣкѣ или рѣчкѣ селеніе находится.	Національность жителей.	№ по Списку насел. мѣсть.
а) Въ Казанской губерніи (кромѣ приведенныхъ на стр. 78 селеній):				
Въ Чистопольскомъ уѣздѣ:				
1	Челны вершины, деревня.	При рѣчкѣ Челнинкѣ;	Чуваши и Русскіе.	3454
2	Нижніе Челны, деревня.	рѣчкѣ Челнинкѣ;	Чуваши, Мордва и Русскіе.	3449
3	Челны простые, деревня.	рѣкѣ Челнѣ;	Русскіе и Татары магометане.	3296
4	Челны средніе, деревня.	рѣчкѣ Челнинкѣ;	Православные Татары.	3446
5	Старые Челны, деревня.	при безыменной рѣчкѣ;	Русскіе и Чуваши.	3441
Въ Спасскомъ уѣздѣ:				
6	Новая Челна, деревня.	при рѣкѣ: Аетай;	Татары мусульм.	1785
7	Челны Бабаевы Татарскіе, деревня.	рѣчкѣ Челнинкѣ;	Татары магомет.	1786
8	Челны Бабаевы (Калиновка), выселокъ.	рѣчкѣ Челнинкѣ;	Русскіе.	1787
9	Старые Челны Мрясовые, деревня.	при рѣкѣ: Большой Челнѣ;	Татары магомет.	1777
Въ Тетюшскомъ уѣздѣ:				
10	Челны, деревня.	при р. Челнѣ;	Татары мусульм.	1899
Въ Ядринскомъ уѣздѣ:				
11	Большіе Челмы, деревня.	при р. Большомъ Цивилѣ;	Чуваши.	3775
12	Малые Челмы, околодокъ.	при р. Большомъ Цивилѣ;		3776

(¹) Въ перечень, кромѣ селеній съ названіемъ «Челны», я выключилъ и тѣ, въ составъ ниневановой которыхъ входятъ слова: «Челлы» и «Чолна».

б) Вятской губерніи.			
Въ Елабужскомъ уѣздѣ, на Елабужско-Сарапульскомъ почтовомъ трактѣ:			
13	Татарскіе Челны.	при р. Тоймѣ;	3588
14	Челны Малые (Колтымакъ).	при р. Колтымакъ;	3839
Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, во 2-мъ станѣ, на Елабужскомъ почтовомъ трактѣ.			
16	Челны.	при р. Тойминкѣ;	Татары мусульм. 7978
в) Уфимской губерніи.			
Мензелинскаго уѣзда.			
16	Челны бережные, село.	при р. Камѣ и рѣчкахъ Челнѣ, Мелекесѣ и Мысовой;	Русскіе. 2189
17	Челны верхніе, деревня.	при рѣчкѣ Челнинкѣ;	Татары. 2115
18	Челны мысовые, село.	при рѣчкахъ: Челнѣ и Мелекесѣ;	Русскіе. 2188
19	Челны нижніе, деревня.	при р. Челнинкѣ близъ р. Зая;	Татары. 2100
20	Челны средніе, деревня.	при рѣчкѣ Челнинкѣ;	Татары. 2093
21	Челны новые (Сосновый бродъ, Усапгулова) деревня.	при рѣчкѣ Мензелѣ;	Русскіе. 2358
22	Челны Асановы (Зайтова), деревня.	при рѣчкѣ Челнинкѣ;	Татары. 2063
г) Симбирской губерніи.			
Буинскаго уѣзда.			
23	Старая Чолна Сюрбеева (55 верстъ отъ г. Буинска), деревня.	при рѣчкѣ Сухой Булѣ;	739
24	Новая Чолна Сюрбеева (55 верстъ отъ Буинска).	тамъ-же;	740

Въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ“ губерній Самарской, Оренбургской, Саратовской и Пермской селеній, въ названіи которыхъ находилось бы слово Челны, мнѣ не встрѣтилось. Списки населенныхъ мѣстъ прочихъ губерній не представлялось доселѣ случая просматривать.

Сейчасъ приведенный перечень показываетъ, что, кромѣ бассейна рѣки Шумбута, селенія съ названіемъ Челны (а также Челлы и Чолна) встрѣчаются и въ прочихъ мѣстахъ Казанской губерніи, въ числѣ 12, и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, изъ ближайшихъ къ Казанской, тоже въ числѣ 12, и при томъ при такихъ условіяхъ, что имя свое часто придаютъ и рѣчкѣ, при которой находятся.

Шерифъ-эд-динъ въ „Изложеніи болгарскихъ повѣствованій“, въ отдѣленіи о знаменитыхъ шейхахъ въ Булгарѣ, приводитъ названія деревень упоминаемыхъ

на стр. 78 настоящаго сообщенія, подъ именемъ Козяковы Челны, Тябердины Челны, Бердебяковы Челны, Кутлубукашевы Челны (Березина, „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 88 и 89). Упомянутое это служитъ доказательствомъ относительной древности поименованныхъ деревень и замѣчательно тѣмъ, что авторъ современное намъ русское названіе въ ихъ имени—Челны, замѣняетъ вездѣ татарскимъ словомъ Чаллы (¹), какъ бы первое было ему совершенно неизвѣстно. Изъ приводимыхъ Невоструевымъ (на стр. 571 статьи: „О городищахъ“, въ Трудахъ 1-го Арх. Съѣзда) выписокъ изъ древнихъ актовъ 1613, 1619 и 1648 годовъ видно, что рѣка Шумбутъ называлась тогда рѣкою Чаллынской и что близъ нея находились, въ числѣ другихъ, деревни: верхніе Чаллы новые и нижніе Чаллы; и что первая изъ нихъ, также какъ и сельцо Чаллы, находилась на рѣчкѣ Сулѣ; сельцо было за „Кадрейкомъ Мурзою, князь Камаевымъ, сыномъ Смиленева“. Нельзя не узнать въ деревнѣ верхніе Чаллы новые упомянутую на стр. 78 настоящаго сообщенія деревню Козяковы Челны или Казакларъ и въ сельцѣ Чаллы современное сельцо Кадряковы Челны, принадлежащее господамъ Якобіямъ (нижніе Челны могутъ соответствовать Мамли Козяковымъ Челнамъ). Все сказанное ведетъ къ заключенію, что въ XVII столѣтіи и предшествовавшихъ и въ русскомъ наименованіи деревень, о которыхъ идетъ рѣчь, вмѣсто слова Челны употреблялось татарское слово Чаллы, и наводитъ на такого рода догадки: не существовало ли въ весьма отдаленныя времена поколѣнія (княжескаго?) съ именемъ Чаллы, которое придавало имя свое всякой мѣстности, гдѣ поселялось. Но тогда возникалъ бы вопросъ, гдѣ было первоначальное жительство этихъ Чалловъ, изъ котораго они разсѣялись, и какому племени это поколѣніе могло принадлежать?

Разрѣшенію вопросовъ, вызываемыхъ особенностями Чаллынскаго городища, могъ бы по моему мнѣнію не мало способствовать мулла недалеко отъ этого послѣдняго лежащей татарской деревни Кугорчиной, весьма заинтересованный изученіемъ мѣстныхъ древностей, которому я во время поѣздокъ уже былъ обязанъ полезными указаніями,—Мухаметзянъ Биккининъ Зайтовъ.

8) При осмотрѣ городищъ, мѣстность которыхъ подвергалась нападенію со стороны нашихъ предковъ въ XIV столѣтіи (Жукотинскаго и Кашанскаго), земляныя сооруженія оказались весьма недостаточными для того, чтобъ выдержать осаду. Чтобъ объяснить возможность послѣдней, необходимо предположить, что въ XIV столѣтіи существовали для защиты укрѣпленій, кромѣ наличныхъ земляныхъ сооруженій, еще другія, дополнительныя, исчезнувшія отъ времени и уже не земляныя.

(¹) Мѣстные Татары называютъ эти деревни въ татарскомъ письмѣ не Челны, а «Чалли».

Составить себѣ понятіе о полномъ видѣ, въ какомъ представлялись укрѣпленія Кашана и Жукотина въ XIV столѣтіи, мы, кажется мнѣ, можемъ по сохранившемуся въ Воскресенской лѣтописи описанію осады болгарскаго города Опела въ 1220 году. „Князь же Святославъ, поиде вборзѣ ко граду, бѣ же острогъ утверженъ около града крѣпокъ тынъ дубовъ, а за тѣмъ два оплота и межи има валъ ссыпанъ, и по тому валу рыщуще изъ затканія біахуся. Князь же Святославъ пришедъ къ городу и наряди люди впередъ со огнемъ и съ сѣкирами и за ними стрѣльци и копейники, и приступи ко граду и бысть брань межи има, крѣпка зѣло и подсѣкоша тынъ и разсѣкоша оплоты и зажгоша ихъ, а они побѣгоша въ городъ; си же гониша ихъ сѣкуще до города; потомъ же приступиша ко граду отвсюду и зажгоша его“ („Древніе города“ стр. 149 и 150).

Если событія, случившіяся послѣ 1220 года, не измѣнили у Болгаръ военнаго искусства, и способъ защиты укрѣпленій во второй половинѣ XIV столѣтія оставался такимъ же, какимъ былъ въ началѣ XIII-го, то можно предполагать, что предки наши въ Жукотинскомъ и Кашанскомъ укрѣпленіяхъ, приступая къ осадѣ въ XIV столѣтіи находили кромѣ валовъ и рвовъ, остатки которыхъ я видѣлъ въ 1850 и 1851 годахъ, еще и „острогъ крѣпокъ, и „тынъ дубовъ“ и „оплоты“, изъ числа которыхъ „тынъ“ приходилось осаждающимъ подсѣкать, „оплоты“ разсѣкать, и то и другое зажигать.

Если нѣтъ вѣроятія, чтобъ могли быть при будущей раскопкѣ городищъ Жукотинскаго и Кашанскаго, за давностью времени, найдены остатки матеріала, изъ котораго были сооружены тынъ и оплоты, то нельзя считать невозможнымъ, что въ окрестностяхъ городища встрѣтятся сѣкиры, стрѣлы и копья, которыми были вооружены наши предки при осадѣ сказанныхъ городовъ, а также и оружіе, вошедшее въ употребленіе послѣ 1220 года. Желательно было бы, чтобы предметы эти, если найдутся, были помѣщены въ болгарскомъ отдѣленіи музея древностей и этнографіи Императорскаго Казанскаго университета, гдѣ они могли бы служить нагляднымъ пособіемъ для липъ, изучающихъ мѣстную исторію.

9) Въ заключеніе присоединяю перечень картъ и чертежей, упоминаемыхъ въ сообщеніи, и списокъ древнихъ вещей, имѣющихъ быть изображенными въ атласѣ изъ числа найденныхъ въ селахъ Болгарѣ и Билярскѣ.

а) Списокъ картъ.

Для составленія тѣхъ изъ нихъ, которыя обозначены №№ 1 и 3, я пользовался (какъ значится на стр. 63 настоящаго сообщенія) картою Стрѣльбицкаго; для №№ 2, 4 и 5 топографическою картою, которую встрѣтилъ въ Казанской губернской земской управѣ.

№ 1. Карта низовьевъ Камы въ предѣлахъ Лаишевскаго и Спасскаго, а отчасти и Чистопольскаго уѣзда, на которой изображено мѣсто нахождения описываемыхъ въ настоящемъ сообщеніи остатковъ древности.

№ 2. Карта окрестностей вала, почитаемаго за одинъ изъ остатковъ древняго болгарскаго города Кашана⁽¹⁾. Валъ помѣщенъ, согласно съ показаніемъ страницы 72, у изображеннаго на картѣ верстахъ въ двухъ ниже деревни Сорочьи Горы оврага, между западною стѣною этого послѣдняго и обрывомъ горнаго возвышенія, сопровождающаго долину Камы.

№ 3. Карта окрестностей Чаллынскаго городища, на которой изображены всѣ деревни, носящія названіе Челны, изъ расположенныхъ въ бассейнѣ рѣки Шумбута. Городище помѣщено въ мѣстности, соответствующей показанію стр. 75—77 настоящаго сообщенія.

№ 4. Карта окрестностей Зміевскихъ городищъ. Городище, находящееся въ трехъ верстахъ отъ Зміева, помѣщено на ней, согласно показанію стр. 83, влѣво отъ дороги изъ села Зміева въ деревню Новоселки, у южной стѣны находящейся примѣрно въ 3 верстахъ отъ Зміева южной вѣтви оврага, открывающагося въ долину Камы.

№ 5. Карта окрестностей городища, называемаго Жукотинскимъ. Здѣсь показана упоминаемая въ отказныхъ книгахъ Аристову (см. статью Невоструева: „О городищахъ“ въ Трудахъ 1-го Археологическаго Съѣзда, стр. 575) рѣка Кріуша, какъ одинъ изъ рукавовъ рѣчки Суши; другой рукавъ представляется на картѣ впадающимъ въ заливъ Камы, называемой старою Камою.

в) Списокъ чертежей.

№ 6. Схематическій разрѣзъ такъ называемаго кургана при деревнѣ Ташкирмень.

№ 7. Схематическій планъ его.

№ 8. Схематическій планъ такъ называемаго кургана при деревнѣ Именьковой.

№ 9. Схематическій видъ его.

№ 10. Схематическій разрѣзъ его.

№ 11. Схематическій планъ городища при деревнѣ Именьковой.

№ 12. Схематическій планъ Чаллынскаго городища.

⁽¹⁾ Проф. Шилевскій называетъ этотъ городъ «Кошанъ». вмѣсто «Кошанъ», я писалъ въ настоящемъ сообщеніи «Кашанъ», слѣдуя произношенію муллъ, отъ которыхъ слышалъ объ этомъ городѣ. Кашанъ ближе подходитъ къ имени Казани и легче объясняется, какъ могло случиться, что въ устахъ нашихъ предковъ названіе этого города такъ легко перешло въ слово Казань.

№ 13. Схематическій планъ остатковъ древнихъ валовъ, видѣнныхъ мною въ селѣ Зміевѣ 4 августа 1851 года.

№ 14. Схематическій планъ Жукотинскаго городища.

с) Списокъ имѣющихъ быть изображенными въ атласѣ при Трудахъ IV Археологическаго Съѣзда древнихъ вещей, принадлежавшихъ музею древностей² и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ изъ числа найденныхъ въ селахъ Болгарахъ и Вилярскѣ и приобрѣтенныхъ отъ меня въ 1857 году (См. стр. 98 настоящаго сообщенія; списокъ составленъ хранителемъ названнаго музея С. К. Кузнецовымъ; рисунки произведены подъ его наблюденіемъ студентомъ С. И. Мельниковымъ).

А. Изъ села Болгарь.

1. Бронзовый ключъ:

а) спереди.

б) съ боку.

2. Бронзовая подвѣска.

а) спереди.

б) верхняя часть съ боку.

3. Бронзовая подвѣска спереди.

4. Серебряный витой браслетъ.

5. Массивный бронзовый предметъ неизвѣстнаго назначенія.

а) въ разрѣзѣ.

б) съ боку.

с) en face.

6. Бронзовая лампочка античной формы:

а) сверху.

б) со стороны, гдѣ ручка.

с) съ боку.

7. Фигура птицы изъ бронзы:

а) спереди.

б) съ боку.

с) сверху.

8. Обломокъ бронзовой фигуры коня:

а) съ праваго боку.

б) спереди.

с) съ лѣваго боку.

9. Половинка бронзоваго замка въ формѣ коня, съ кружкообразнымъ орнаментомъ.

а) съ боку.

б) сзади.

- с) спереди.
- д) изнутри.
- 10. Бронзовая подвѣска въ формѣ коня:
 - а) съ боку
 - б) спереди.
 - с) сверху.
- 11. Половинка художественно выполненнаго бронзоваго замка въ формѣ коня;
 - а) съ боку (около передней ноги замѣтна тамга).
 - б) изнутри.
 - с) спереди.
- 20. Двѣнадцать бусинокъ изъ стекла, сердолика, разнаго сплава.
- В. Изъ села Билярска.
- 12. Костяной наконечникъ неизвѣстнаго назначенія.
- 13. Костяной предметъ (амулетъ?) въ формѣ тѣльника (маленькаго образка):
 - а) спереди.
 - б) съ боку.
 - с) сзади.
- 14. Костяная пуговица.
 - а) съ боку.
 - б) сверху.
- 15.^а Обломокъ кости съ кружкообразнымъ орнаментомъ.
 - а) съ выгнутой } сторонѣ
 - б) съ вогнутой }
- 15.^б Обломокъ бронзовой пластинки съ орнаментомъ.
- 16. Обломокъ бронзоваго браслета:
 - а) сверху.
 - б) съ боку.
- 17—19. Бронзовыя украшенія отъ сбруи.
- 17. б. 18 а сверху.
- 17 с. 18 б 19 б съ боку.
- 17. а. 19 а снизу.

МАЙНСКОЕ ГОРОДИЩЕ ВЪ СПАСКОМЪ УѢЗДѢ, КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

В. Н. Полванова.

(Читано въ засѣданіи 8 августа. См. Протоколы, стр. LXI).

Въ числѣ земляныхъ укрѣпленій, раскинутыхъ въ предѣлахъ Казанской губерніи, есть одно, которое по своему положенію и особенностямъ, мнѣ кажется, заслуживаетъ полнаго вниманія. Я имѣю въ виду именно Майнское городище, находящееся въ Спаскомъ уѣздѣ, возлѣ села Старой Майны, въ верстѣ отъ деревни Новой Грязнухи и въ 10 верстахъ отъ Волги. Его обыкновенно называютъ „Городокъ“. Трудно было бы сдѣлать и теперь болѣе удачный выборъ мѣста для укрѣпленія. Оно расположено на вытянутомъ мысу, имѣющемъ правильную треугольную площадку съ поверхности, возвышающейся около 85 футовъ надъ уровнемъ рѣки Майны. На сколько открытъ районъ возможнаго наблюденія, можно судить уже потому, что Симбирскъ, отстоящій отъ мѣста болѣе чѣмъ на 55 верстѣ, въ ясную погоду прекрасно видѣнъ со всѣми соборами. Недаромъ въ одномъ изъ старинныхъ актовъ называютъ это мѣсто то „Вышнимъ городищемъ“, то „Высокимъ“⁽¹⁾. Склоны мыса, на которомъ расположено городище, вѣроятно давно уже очищены отъ лѣса. Весенній разливъ, заливая примыкающіе кругомъ луга, образуетъ обширное водяное пространство. Такимъ образомъ, въ продолженіе цѣлаго почти мѣсяца, а иногда и болѣе, оба склона мыса омываются водой и опъ остается соединеннымъ съ окрестностями только основаніемъ, которое ограждаютъ четыре ряда рововъ и валовъ. Разстояніе между крайнимъ ровомъ и внутреннимъ равно 47 саженьямъ. Площадь укрѣпленія, какъ я уже замѣтилъ, представляетъ сверху правильный треугольникъ съ сторонами равными

⁽¹⁾ Память Макарію Кисловскому, хранится въ Московскомъ Арх. Мин. Юст. 1-го отд. — Госуд. Архивъ старыхъ дѣлъ подъ № 80.

280 саженьмъ и основаніемъ равнымъ 76 саженьмъ. Длина площади отъ наружнаго вала принятаго за основаніе треугольника до вершины—168 сажень. При различной длинѣ, ширина рововъ одинакова и не превышаетъ 2 сажень. Въ настоящее время глубина ихъ представляется незначительной и не имѣетъ болѣе 5 аршинъ. Этой же мѣры и вышина валовъ, которая впрочемъ и должна соотвѣтствовать глубинѣ рововъ, такъ какъ извлеченная изъ нихъ земля пошла на образованіе валовъ. Въ настоящее время эти искусственные брустверы по срединѣ раздѣлены четырехъ-аршиннымъ проѣздомъ, которымъ внутренняя часть укрѣпленія соединяется съ окружающимъ полемъ. Пространство между внутреннимъ валомъ и краями треугольной площади, очевидно, служило мѣстомъ питья. На это указываютъ нерѣдко встрѣчающіеся здѣсь во время полевыхъ работъ остатки домашней утвари и куски обожженнаго дерева.

Городище, по преданію въ народѣ, имѣетъ извѣстность какъ хранилище сокровищъ, что неоднократно и побуждало многихъ, съ заступомъ въ рукѣ, искать счастья. Между тѣмъ до настоящаго времени тутъ не сдѣлано ни одной сколько нибудь цѣнной находки, даже и представленные мною желѣзные топоры были найдены за валомъ, въ смежномъ съ Городкомъ полѣ.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести Майнское городище? Въ первый разъ мы находимъ указаніе на него въ началѣ второй половины XVII в., а именно въ памяти Макарію Кисловскому 1659 г. 31 марта, объ отдачѣ имъ въ оброкъ рыбныхъ ловлей, земель и покосовъ, которые записаны за патриаршимъ домомъ⁽¹⁾. Въ ней упоминается и самая величина городища „межь рѣкъ Майны и Утки 50 сажень длины и поперекъ сотенъ съ сорокъ“. Очевидно, что тутъ вкралась или ошибка въ измѣреніи, или это былъ первоначальный видъ городка, измѣнившійся въ послѣдствіи, при возобновленіи здѣшнихъ городищъ, на что указывается Казанскими воеводами въ наказѣ 1668 г. Актъ этотъ приводится въ отводныхъ книгахъ Казанца Баракова и Чередѣева⁽²⁾, и какъ видно имѣлъ цѣлью измѣреніе и описаніе земель по рѣкамъ Майнѣ и Уткѣ, особенно же старыхъ городищъ, валовъ, насыпей и бывшихъ крѣпостей, чтобы отдать эти земли подлѣ поселенія и надѣлъ плѣнной польской шляхты полковнику Гаславскому съ прочими, а бывшія городища и всякія крѣпости обновить. До сихъ поръ мы встрѣчаемъ дѣйствительно фамилію Гаславскихъ въ числѣ вывѣшнихъ владѣльцевъ земель около Майны. Несомнѣнно, что къ этому времени слѣдуетъ отнести и

⁽¹⁾ Тамъ же.

⁽²⁾ Списокъ хранится тамъ же, въ III отд., въ Вотчин. Арх., № 410.

преобразование укрѣпленія, но никакъ не возникновеніе его, ибо оно, какъ видно изъ приводимаго выше перваго акта, въ то время уже существовало.

Цѣлый рядъ подобныхъ болѣе или менѣе хорошо сохранившихся укрѣпленныхъ пунктовъ въ сосѣдней мѣстности, начиная съ села Болгарь, сохранили за собой названія татарскихъ урочищъ. Слѣдуетъ ли за ними безусловно признать болгарско-татарское происхожденіе или они были результатомъ распространенія русскаго владычества въ краѣ? Если за ними признается первоначально болгарское происхожденіе, то въ настоящемъ ихъ видѣ, за немногими развѣ исключеніями, они должны быть отнесены всѣ къ эпохѣ покоренія Русскими луговой стороны Волги, съ цѣлью огражденія границъ новаго царства. Появленіе ихъ на мѣстахъ разоренныхъ прежде татарскихъ поселеній весьма понятно. Это было лучшимъ средствомъ водворенія порядка между покоренными, удержанія ихъ отъ набѣговъ и грабежей, и въ то же время, какъ уже мѣсто населенное, оно представляло и большія выгоды для поселенія. Было ли, такимъ образомъ, Майнское городище, только возобновленіемъ стараго татарскаго, или возведено вновь—во всякомъ случаѣ начало его, въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось, нельзя отнести къ болѣе раннему періоду, какъ къ концу XVI в. Къ этому же времени слѣдуетъ причислить и другіе, встрѣчающіеся здѣсь остатки земляныхъ укрѣпленій, валовъ и насыпей. Выселеніе туземныхъ жителей и водвореніе на ихъ мѣста русскихъ людей было издавна практикуемый способъ нашей колонизаціи и обрусѣнія края. Магометанское населеніе мало по малу уступало и удалялось въ болѣе глухія и отдаленныя мѣстности, чѣмъ и объясняется происхожденіе множества русскихъ селъ съ татарскими названіями. Такимъ путемъ переродилась и древняя столица Болгарскаго царства въ село Успенское съ иноческой обителью, сохранившейся въ настоящее время, къ сожалѣнію, только въ развалинахъ.

Майнское городище, занимая столь крѣпкое и выгодное положеніе, служило повидимому, какъ бы центромъ укрѣпленій, имѣя въ своемъ районѣ еще три земляныхъ окопа. Одинъ изъ нихъ находится въ Майнскомъ лѣсу и два въ сосѣднихъ деревняхъ Аристовкѣ и Волостниковкѣ,—всѣ на разстояніи не болѣе 6 верстъ. Въ прошломъ году я пробовалъ въ Городкѣ дѣлать раскопки, но результаты ихъ далеко не оправдали моихъ ожиданій. Найденные въ разное время желѣзные топорики попадались случайно во время паши крестьянами, которые, какъ говорятъ, находили ихъ за чертой укрѣпленія. При моей же раскопкѣ я нашелъ только осколки глиняной посуды, два слитка красной мѣди, небольшой ножикъ, оселки и еще кое-какую желѣзную мелочь. Трудно, впрочемъ, составить

планъ раскопокъ на площади въ 5376 квадратныхъ саженахъ, если нѣтъ никакихъ особенностей, которыя можно было бы принять за руководящую нить изслѣдованія. Краткое описаніе Майнскаго городища уже вошло въ прекрасное обзорнѣе городищъ Болгарско-Хазарскаго царства Невоструева и упоминается также въ изслѣдованіи С. М. Шпилевскаго; моей цѣлью въ настоящемъ случаѣ было только дополнить имѣющіяся объ немъ свѣдѣнія собранными на мѣстѣ данными и свести ихъ въ одно цѣлое.

КУРГАНЫ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

М. В. Малихови (¹).

Пермская губернія представляетъ собою богатое поле для изслѣдованій археолога. Почти по всей обширной площади, занимаемой этой губерніею, разсыяны памятники нѣкогда обитавшаго здѣсь народа. Въ народѣ они носятъ названія чудскихъ городищъ и кургановъ. Случается и такъ, что созданіе одного и того же кургана народъ приурочиваетъ и „чудскому народу“ и Ермаку и Пугачу. Эти историческіе памятники представляютъ собою: а) Курганы—конусообразные и квадратные; въ нихъ находятъ кости, орудія и домашнюю утварь. б) Валы или насыпи, слѣды бывшихъ „городищъ“. с) Надписи на утесахъ красною краскою, принадлежащія къ лѣпидарнымъ, іероглифическимъ. Онѣ состоятъ: изъ вертикальныхъ чертъ, прямолинейныхъ, прерывающихся, угловатыхъ и рѣшетокъ. Памятники эти находятся по берегамъ рѣкъ, служившихъ древнимъ обитателямъ главными путями сообщенія. Такъ мы находимъ ихъ по рѣкамъ: Камѣ, Чусовой, Вишеркѣ, Турѣ, Тагилу, Салдѣ, Исети и др.

Принимая во вниманіе, что до сихъ поръ эти курганы и надписи не были изслѣдованы ни однимъ спеціалистомъ-археологомъ, и что литература объ историческихъ памятникахъ Пермской губерніи состоятъ только изъ отрывочныхъ указаній объ ихъ мѣстонахожденіи, краткомъ описаніи ихъ вида и находокъ кладочискателей, я, какъ диллетантъ, вполне заинтересованный этимъ вопросомъ, рѣшаюсь вложить также свою посильную лепту. Не смотря на отрывочность и неполноту этихъ литературныхъ свѣдѣній, они все же будутъ не бесполезны для спеціалиста, ибо въ нихъ онъ найдетъ немаловажныя указанія.

Много еще памятниковъ, скрывающихся въ лѣсныхъ дебряхъ, до сихъ поръ неизвѣстны. О существованіи ихъ можно узнать только изъ распросовъ охотни-

(¹) Статья г. Малахова предназначалась къ чтенію на засѣданіи 8-го августа по Первобытнымъ Древностямъ, но не была читана за недостаткомъ времени.—*Ред.*

ковъ, всю жизнь проводящихъ въ лѣсу. Съ значительнымъ уменьшеніемъ лѣсовъ и развитіемъ хлѣбопашества въ Пермской губерніи, не мало цѣнныхъ памятниковъ гибнетъ, пропадая безслѣдно для науки. На находимыя при распашкѣ земли древніе предметы мало обращаютъ вниманія. Металлическія находки перерабатываются, а каменные изрѣдка, только случайно сохраняются у нашедшихъ. Приведеніе въ извѣстность драгоцѣнныхъ остатковъ древности въ Пермскомъ краѣ крайне необходимо, и примѣненіе закона о неприкосновенности ихъ для неподготовленныхъ людей будетъ имѣть громадное значеніе для науки. Только въ послѣднемъ случаѣ можно надѣяться, что что либо еще уцѣлѣетъ отъ плуга или хищности кладоискателя.

Мною начато составленіе археологической карты Пермской губерніи; къ сожалѣнію недостатокъ времени препятствуетъ успѣшному ходу моей работы.

Я сообщаю указанія на курганы близъ города Екатеринбургa Пермской губерніи, о которыхъ я нигдѣ не встрѣчалъ свѣдѣній.

1) *Чудское городище*, близъ деревни Палкино. Въ 12 верстахъ, на СЗ отъ Екатеринбургa, въ дачѣ Верхъ-Исетскихъ заводовъ, на р. Исети, расположена деревня Палкино. Въ западной части селенія возвышается гора „Малая“. У подножія горы, примыкающаго къ деревнѣ находится курганъ, которому народъ придаетъ названіе „чудскаго городища“. Насыпь эта имѣетъ видъ четвероугольника, котораго сторона, обращенная къ деревнѣ, имѣетъ въ длину 6 саж. и въ ширину 4 саж. Вышина насыпи отъ 2 до 3 арш. Площадь этого квадрата, въ срединѣ поросшая мелкимъ соснякомъ и верескомъ, изрыта кладоискателями. Въ сѣверной сторонѣ кургана, ближе къ лѣвой сторонѣ, вырыта канава, длиною около 4 арш.; въ ней теперь обжигается уголь для кузницы. При вырываніи этой канавы найдено было много черепковъ посуды и какая то металлическая рукоятка, сильно перржавившаяся.

Пріѣзжали въ Палкино (¹), тому назадъ нѣсколько лѣтъ, сперва г. Сиговъ, (бывшій управляющій Верхъ-Исетскими заводами) съ работниками, а потомъ священникъ Ипполитъ, изъ Верхъ-Исетскаго завода. Пробовали они рыть, поднимали камни, что на ЮВ склонѣ горы, и нашли разныя вещи. Священ. Ипполитъ сталъ скапывать ЮВ уголь кургана и открылъ тамъ скелетъ. Прочиталъ молитву и велѣлъ зарыть опять. Рыли они яму и отступя отъ этого мѣста сажени двѣ, ближе къ срединѣ; докопались до большаго камня—не могли его своротить, такъ и оставили. Другую яму рыли, также около середины, съ восточной стороны, наткнулись опять на камень. Вѣроятно это одна большая каменная глыба.

(¹) Свѣдѣнія эти записаны мною со словъ старожиловъ этой деревни.

По народной молвѣ, подъ ней то и скрыты самыя сокровища. Рассказывая о найденномъ скелетѣ, старикъ замѣтилъ: „Вотъ чудища-то жили, именно сама-то Чудь, должно быть великаны были, когда ручная(?)—то кость, аршина 1½, была. Рылось тутъ человѣкъ двадцать, своротить камень не могли, а чудище-то поди одинъ, взялъ съ горы камень-то подъ мышку, да и снесъ сюда“. Вотъ взглядъ народа, на давнихъ обитателей этихъ мѣстъ! Распрашивая мѣстныхъ старожиловъ объ этомъ курганѣ, я получилъ отъ нихъ слѣдующія свѣдѣнія. Народное преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда жила „Чудь“. Появленіе ли новыхъ поселенцевъ или, можетъ быть какія нибудь внѣшнія обстоятельства, заставили „Чудь“ оставить это мѣстожителство. Преданіе же говоритъ, что помянутый курганъ или насыпь сдѣлана надъ могилами ихъ родственниковъ. „Чудь“, оставляя эту мѣстность, скрыла въ курганѣ и свои сокровища. Когда не стало „Чуди“, то Русскіе прослышавъ о кладѣ, поселились близъ этого городища (еще до основанія города Екатеринбурга). Первый поселился здѣсь охотникъ и рыбакъ Палкинъ; отъ него и деревня получила свое названіе.

Нѣкоторые смѣльчаки изъ народа принимались искать кладъ, но нечистая сила каждый разъ отводила ихъ отъ мѣста, гдѣ онъ скрытъ; „блзнились“ имъ разныя чудеса. Потомъ они и закаялись трогать курганъ.

Подъ большими камнями, разбросанными близъ вершины горы по ЮВ склону ея, были находимы идолы и разныя вещи, можетъ быть принесенныя въ даръ Чудью ихъ божеству. Сиговымъ и свящ. Ипполитомъ найдены были слѣдующія предметы: 1) идолы мѣдные, 2) копьа (7 штукъ), 3) мѣдныя подковы, 4) разныя каменныя (кремневыя и мраморныя) вещицы, 5) глиняные черепки посуды.

Прошлаго года изъ Екатеринбурга ѣздило нѣсколько человѣкъ на курганъ, съ цѣлью его разрыть. Сначала они встрѣтили было отпоръ отъ мѣстнаго населенія, имъ не позволяли рыть, и сами не соглашались копать, считая это грѣхомъ. Работа начата была съ очистки обвалившейся ямы (вырытой Сиговымъ). Въ глинь попадались угли и черепки посуды. Окопавъ камень, они не могли его своротить и рѣшились вести работу съ южной стороны канавою (шириною въ 1 арш.), чтобы подойти къ камню. Когда снятъ былъ верхній пластъ наносной глины, то стали попадаться угли и въ большемъ числѣ черепки посуды, сдѣланной изъ необожженной слюдистой глины, Черепки имѣютъ узоры. Затѣмъ, на разстояніи 6 четвертей отъ поверхности земли, найдены были слѣдующіе предметы, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ: 1) кварцевое копье, 2) обломокъ сланцеваго ножа, длиною 1 верш., шириною ¼ верш., 3) кость, сильно истлѣвшая, 4) два валуна изъ змѣвика, круглые, съ боку угупомъ выемка, и съ низу, какъ бы обтертые отъ употребленія, 5) молотокъ (?) квадратный, болѣе вершка, ка-

менный. Эти предметы, приобретенные мною, были представлены И. С. Полякову и онъ сообщилъ мнѣ, что точно такіе же онъ нашелъ въ курганахъ, встрѣчающихся по берегамъ р. Оби.

2) *Курганъ, близъ озера Песчанаго, въ 7 верстахъ отъ перваго.*

3) *Курганъ, въ лѣсу, въ 3 верстахъ отъ перваго, въ долину между Хрустальными горами.*

4) *Курганъ, на правомъ берегу озера Карасьяго въ 10 верстахъ на ЮВ отъ Екатеринбурга. Этотъ курганъ сооруженъ на холмѣ среди болота. Близъ него былъ найденъ прошлаго года каменный молотокъ, величиною около 4 вершковъ. Онъ находится теперь въ музеѣ Уральскаго Общ. Любит. Естествознанія въ Екатеринбургѣ.*

Последніе три кургана мнѣ не удалось подробно осмотрѣть, и раскапывали ли ихъ не знаю.

Въ заключеніе моего сообщенія считаю не безинтереснымъ прибавить, что недавно мною найдена надпись въ 27 верстахъ, на СВ отъ Екатеринбурга, на Каменномъ островѣ Исетскаго озера. Надпись эта находится на утесѣ, обращенномъ къ востоку. Длиною 5 четвертей, шириною около 5 вершковъ; красная краска, которою покрыты письмена, мѣстами уничтожилась, вѣроятно вслѣдствіе атмосферическихъ вліяній. Утесъ состоитъ изъ гранита, который сильно вывѣтривается. При первой возможности я сдѣлаю снимокъ съ этого утеса.

ЗАМѢТКА О ЗЕМЛЯНОЙ НАСЫПИ НА ЛѢВОМЪ БЕРЕГУ РѢКИ ВЯТКИ, НЕПОДАЛЕКУ ОТЪ ВПАДЕНІЯ ЕЯ ВЪ КАМУ.

Шк. Савельева (¹).

Рѣка Вятка течетъ въ низовьи своемъ по логовищу, правая сторона котораго по теченію рѣки круто спускается къ руслу, а по лѣвую сторону отъ берега рѣки идетъ сначала равнина, заливаемая весеннею водою, а потомъ уже—крутой подъемъ, саженой въ 20 вышиною, на другую сторону логовища; равнина отъ берега рѣки до подъема на гору имѣетъ въ ширину до 200 саженой. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ равнина эта была непроходимой топью, покрытой весьма густымъ лѣсомъ; окружающія ее возвышенности также были покрыты громадными лѣсами. Съ вырубкой всѣхъ этихъ лѣсовъ, топь стала постепенно твердѣть и вода изъ нея сосредоточилась въ нѣсколькихъ впадинахъ, образовавъ озера, инья изъ которыхъ были довольно глубоки (напр. Каракуль и Мудовскія озера) (*). Почва, какъ на равнинѣ, такъ и на окружающихъ ее возвышеніяхъ очень рыхлая; вслѣдствіе этого—съ уничтоженіемъ лѣсовъ и тутъ и тамъ постоянно образуются овраги, которые размываются весеннимъ водопольемъ, а озера постепенно заносятся землей, вымываемой этимъ водопольемъ изъ овраговъ; вслѣдствіе чего число овраговъ годъ отъ году увеличивается, а озера сильно мелѣютъ и уменьшаются въ объемѣ, такъ что отъ *Каракула* въ настоящее время остался *Каракульчикъ*. Одинъ изъ старинныхъ овраговъ, идущій почти параллельно теченію Камы, въ полторѣ верстѣ отъ нея и выходящій на р. Вятку, на версту выше ея впаденія въ Каму, носитъ названіе *Кочевскаго*. Въ разстояніи

(¹) Замѣтка эта читана на Съѣздѣ не была. Она принадлежитъ учителю народной школы въ селѣ Свиныя Горы, находящемся вблизи описываемой мѣстности, въ Елабужскомъ уѣздѣ, Вяткой губерніи. — *Ред.*

(*) Глубина озера *Каракуль*, въ настоящее время сильно обмелѣвшаго, доказывается между прочимъ тѣмъ, что жители села Свиныя Горы называютъ *присподнюю*—*каракуль*. — *Прим. авт.*

200 сажень, по направленію оврага отъ р. Вятки, онъ раздѣляется на два: одинъ составляетъ коренной, старинный оврагъ и идетъ вправо, а другой, вновь образовавшійся, идетъ влѣво. Между этими двумя оврагами возвышенность оканчивается крутымъ мысомъ⁽¹⁾; на мысу попадаются черепки, величиной не болѣе квадр. дюйма, посуды, грубоватой работы и сдѣланной изъ такой глины, какой въ настоящее время нигдѣ въ окрестностяхъ нѣтъ: очень крѣпкой и хорошо обожженной. Въ саженьхъ 70-ти отъ подъема на мысъ, на немъ находится земляная насыпь, подробное описаніе которой мы и представляемъ.

Мѣстность, на которой находится насыпь, ровная. Насыпь называется крестьянами села Свиныя Горы—*Коровашекъ*. Основаніемъ Коровашка служитъ полумѣсяцъ, обращенный внутренней стороной на ЮЗ. На этомъ основаніи находится насыпь; съ внутренней стороны, посрединѣ до 2-хъ аршинъ вышины, а къ концамъ постепенно идетъ очень отлогій скатъ. Съ сѣверо-восточной внѣшней стороны покатость насыпи совершенно иного характера: она болѣе походитъ на валъ, подъемъ на который довольно крутъ, приблизительно 60°; поверхность покатости, особенно на срединѣ, подходитъ близко къ сферической. Высота сѣверо-восточной (внѣшней) стороны насыпи отъ гребня до подошвы—въ срединѣ до 4-хъ аршинъ, а по концамъ до 3-хъ.

Земля для насыпи взята съ сѣверо-восточной стороны основанія Коровашка; противъ середины его бралось земли немного, а чѣмъ ближе къ концамъ, тѣмъ больше срывалось земли для насыпи: это можно заключить изъ описанной только что вышины СВ (внѣшней) и ЮЗ (внутренней) стороны насыпи. Мѣсто, откуда бралась земля, вовсе не походитъ на канаву съ обрывистымъ краемъ, а сливается постепенно съ общей равниной мѣстности, на разстояніи 4—5 сажень отъ подножія насыпи. Такое устройство сѣверо-восточнаго склона Коровашка способствовало тому, что потоки воды, скатываясь по покатости, откуда бралась земля для насыпи, раздѣлялись на двѣ части: одна бѣжала вправо, другая влѣво, нисколько не вредя самой насыпи. Такимъ образомъ и возникли два развѣтвленія Кошевскаго оврага.

Въ настоящее время одинъ конецъ Коровашка, прилегавшій прежде къ краю оврага, обвалился сажени на двѣ; обвалъ его происходилъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ обваливался оврагъ. Длина сохранившейся насыпи по гребню около 13-ти сажень; поперечное сѣченіе въ срединѣ, у основанія, болѣе 2-хъ сажень. По всему направленію берега оврага, почти до самаго дна его, гдѣ сваливалась земля осыпающагося конца Коровашка, попадаются такіе же черепки, какъ и на мысу, на которомъ расположена насыпь и о которыхъ мы говорили выше. Кро-

(1) Мѣстное названіе мысовъ между оврагами—*стрѣлки*.—Прим. авт.

мѣ этихъ черепковъ на тѣхъ же мѣстахъ Коровашка попадаются перегнившія кости животнаго (коровы или лошади), но въ небольшомъ количествѣ. Подъ слоемъ земли, глубиною аршина въ полтора, встрѣчаются прорѣзы золы, утратившей щелочныя свойства, толщиною до 2-хъ вершковъ. Далѣе, аршина на три отъ обваливающагося конца Коровашка къ вершинѣ, обнаружился камень, какого въ окрестностяхъ, на версту кругомъ, нѣтъ вовсе.

По вышеизложеннымъ даннымъ я приступилъ къ раскопкѣ Коровашка. Раскопка, произведенная въ теченіе одного дня (въ маѣ мѣсяцѣ сего 1877 года), съ цѣлью прослѣдить въ насыпи камень, дала слѣдующіе результаты: Верхній слой насыпной земли по большей части однородный, среднею толщиною до 5 вершк.; подъ этимъ слоемъ идутъ прорѣзы дубоваго угля, среднею толщиною до 1 дюйма; затѣмъ попадаются иногда прорѣзы золы, но большею частію разнороднаго качества земля (напр. глина, суглинокъ, супесокъ). Вслѣдъ за такимъ насыщеннымъ слоемъ земли съ прорѣзами золы и угля попадаетея камень, укладка котораго слѣдующая: сперва положенъ необдѣланный кусокъ краснаго песчаника, объемомъ не много болѣе 4-хъ кубическихъ вершковъ; за тѣмъ идутъ съ середины Коровашка плиты камня, образовавшагося изъ раковинъ, положенныя такимъ образомъ: съ крутой (С. В.) стороны Коровашка по три или четыре плиты уступами съ прокладкою слоемъ глины, толщиною до 1 дюйма; далѣе, на гребнѣ Коровашка, плиты положены на землѣ одна возлѣ другой горизонтально, въ одинъ рядъ, и спущены въ наклонномъ положеніи на покатую сторону Коровашка до его основанія. Эта каменная кладка походитъ какъ бы на облицовку находящагося подъ ней также насыпнаго землянаго валика. Каменная облицовка постепенно, по мѣрѣ расширенія Коровашка посрединѣ, тоже расширяется. Подъ землянымъ валикомъ, находящимся подъ каменной облицовкой, встрѣчается опять зола, которая, по всей вѣроятности, лежитъ уже на материкѣ. Какъ далеко идетъ къ срединѣ каменная облицовка внутренней насыпи Коровашка и есть-ли камень на другомъ концѣ, совершенно цѣломъ,—я не изслѣдовалъ (*). Что же касается до вопроса, откуда могъ быть взятъ камень? —то на него съ увѣренностью можно отвѣчать: или съ берега Камы, находящагося въ полутора верстѣ отъ Коровашка, или изъ-за рѣки Вятки, въ теперешней Казанской губерніи. Толщина каменныхъ плитъ отъ 1 до 2-хъ дюймовъ; поверхность ихъ равна отъ четырехъ квадр. вершковъ до 1 квадр. фута. Всѣ плиты нисколько необдѣланы.

(*). Надкаменную насыпь я называю наружной, а подкаменную—внутренней. —Прим. авт.

Намъ извѣстные остатки древности въ Самарскомъ краѣ.

П. В. Алабина (*).

Въ Самарскомъ краѣ доселѣ найдено очень мало остатковъ древности, хотя несомнѣнно, что этотъ край издавна посѣщался кочевыми азіатскими племенами, которыя оставили памятниками своего посѣщенія этой страны безчисленные *курганы* по ней разбросанные.

Таковые курганы никогда не подвергались здѣсь научнымъ изслѣдованіямъ и правильнымъ раскопкамъ, но многіе изъ нихъ разрыты кладонскателями. При этихъ варварскихъ раскопкахъ, въ курганахъ находили: въ однихъ—квадратныя, пустыя пространства, выложенныя обожженнымъ кирпичемъ и покрытыя плитнякомъ, какъ напримѣръ, Бузулукскаго уѣзда близъ с. Вязовки, на р. Вязовкѣ, впадающей въ р. Самару, съ правой стороны и близъ с. Новоселки, на р. Кундарчѣ, близъ сѣверной границы уѣзда (¹).

Въ другихъ курганахъ, какъ напримѣръ, въ 5-ти верстахъ отъ бывшей юго-восточной фермы, Новоузенскаго уѣзда, находятся небольшія комнаты съ корридорами и ходами, выложенныя частью землебитнымъ, частью обожженнымъ кирпичемъ (²).

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ, какъ намъ лично случилось видѣть въ Новоузенскомъ уѣздѣ, близъ одной колоніи, въ курганѣ, неизвѣстно кѣмъ разрытомъ, было квадратное пустое пространство, тщательно выложенное исключительно однимъ землебитнымъ, сырцовымъ кирпичемъ.

Въ курганахъ подобнаго рода, по словамъ мѣстныхъ жителей, находили: человѣческіе остовы; лошадиныя кости; остатки сѣделъ и уздъ, иногда съ се-

(*) Читано въ засѣданіи 13 августа.

(¹) По свидѣтельству Ивлентьева. Сам. Губ. вѣд. 1852.

(²) По словамъ евященника Петра Леонидова (Сам. Губ. вѣд. 1860. № 42.), внутренность этого кургана представляла четверугольную комнату, длиною около 3 сажень, шириною 2 сажени. Съ западной и восточной сторонъ она была выложена сырцовымъ кирпичемъ, совершенно сохранившимся; съ сѣверной стороны кладка состояла изъ сырцоваго кирпича перемежаннаго съ обожженнымъ; южная часть стѣны не была видна будучи завалена раскопкой. Отъ сѣверной оконечности комнаты шелъ корридоръ выложенный сырцовымъ кирпичемъ и заваленный землей. Посрединѣ комнаты, у подошвы стѣны, узкое, круглое отверстіе, изъ котораго въ сторону велъ узкій корридорчикъ, съ крутымъ поворотомъ.

ребрыными украшеніями; уголь; гнилыя доски; горшечные черепки; цѣпи; истлѣвшіе желѣзные ножи и очень рѣдко монеты. Въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ кургановъ, близъ д. Вязовки, найденъ былъ будто бы золотой ключъ отъ замка, въ слѣдствіе чего этотъ курганъ слыветъ въ народѣ подъ именемъ „*золотаго мара*“.

На нѣкоторыхъ курганахъ Никольскаго уѣзда стояли *каменные бабы*.

Двѣ изъ таковыхъ *бабъ* были намъ доставлены въ Самару; мы передали ихъ въ мѣстный статистическій комитетъ для храненія, вмѣстѣ съ другими древними вещами самарскаго края у насъ имѣвшимися, въ предположеніи со временемъ образовать при комитетѣ музей самарскихъ древностей, но бывшій секретарь этого комитета, А. Н. Гончаровъ, безъ вѣдома комитета, уступилъ всѣ эти древности, какъ говорятъ, Дерптскому университету, однимъ словомъ, куда то увезъ ихъ.

Каменные бабы эти весьма грубой отдѣлки, изъ *твердаго камня*, не встрѣчаемаго въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ. На нихъ ясно сохранилось только очертаніе лица, а прочія части такъ пострадали отъ времени, и такъ, надо полагать, плохо были изваяны, что ихъ съ трудомъ можно распознать.

Одна изъ этихъ *каменныхъ бабъ* вышиною 1 ар. 2 вер., лице у ней, отъ подбородка до верхней части лба, 11 вершк., ширина верхней части лица—7 вер. Изъ этихъ цифръ видно: какъ несообразно велика голова описываемой *бабы*, сравнительно съ ея туловищемъ. Небольшія скулы, круглый подбородокъ, непомѣрно широкій ротъ, по обѣимъ сторонамъ лица, на вискахъ, какъ бы локоны, широкій, приплюснутый носъ—вотъ обликъ этой *бабы*. Надъ большимъ, широкимъ лбомъ, слѣдъ головнаго убора, подробности котораго различить невозможно. На туловищѣ слѣды женскихъ грудей или украшеній,—но, какихъ именно?—различить невозможно, потому что все изваяніе сильно пострадало, какъ видно, отъ неоднократнаго нахожденія въ огнѣ, мѣстами оно потрескалось, а мѣстами лишилось цѣлыхъ кусковъ (Вѣроятно, пастухи раскладывали около этой *бабы* свои костры, когда она стояла еще на курганѣ). Ни рукъ, ни ногъ различить нельзя:

Другая *каменная баба* вышиною 1 арш. 10¼ верш.; лице, отъ конца подбородка до верхней части лба—4¼, вершка, ширина верхней части лица—7¼ верш.

Должно полагать, что это изваяніе представляетъ мужчину. Ни рукъ, ни ногъ различить не возможно. хотя туловище имѣетъ перехватъ, какъ бы талію, но

ниже этого перехвата, камень не имѣетъ никакой отдѣлки, а просто состоитъ изъ грубаго отрубка, которымъ *баба* утверждалась въ землѣ.

Голова у этой *бабы*, сравнительно маленькая; скулы весьма большія; подбородокъ очень узкій, остроконечный, какъ бы изображающій козлиную бородку; ротъ маленькій; двѣ выпуклости, сначала какъ бы большія нависшія брови идутъ надъ обоими глазами, но затѣмъ онѣ соединяются съ носомъ и обрисовываютъ лице, до самой бороды; такая же выпуклость подымается отъ носа, идетъ черезъ лобъ, по всей головѣ, до затылка. Вообще эта выпуклость даетъ такой видъ, какъ если бы на статую была нахлобучена шапка или колпакъ.

Намъ извѣстна еще третья *каменная баба*, доселѣ находящаяся въ с. Воскресенскомъ Новоузенскаго уѣзда. Она изображаетъ собою женщину—по двумъ ея косамъ очень отчетливо обрисованнымъ; руки у этой *бабы* сложены на животѣ, какъ бы поддерживая какой то сосудъ.

На наши распросы, мѣстные старики отвѣчали, что въ здѣшнемъ краю, въ древнѣйшія времена, когда еще была тьма на землѣ, жили люди. Когда же впервые глянуло солнце и сталъ свѣтъ, людямъ этимъ солнце не понравилось и они стали плевать на него,—Богъ за это прогнѣвался и превратилъ ихъ въ камни.

Курганы разбросаны по всему Самарскому краю по одиночкѣ, то группами. Иногда въ одномъ мѣстѣ ихъ можно насчитать нѣсколько десятковъ; всѣ они конической формы, но иные до того сглажены временемъ, что ихъ распахиваютъ, вмѣстѣ съ окрестной землей.

Въ нѣкоторыхъ курганахъ никакой кладни не находятъ, хотя въ нихъ и попадаются нѣкоторые изъ вышеисчисленныхъ предметовъ.

При постройкѣ Оренбургской желѣзной дороги, въ 1876 году, близъ с. Студенцы, Самарскаго уѣзда, на рѣкѣ Большой Кинель, открытъ былъ инженерами строившими дорогу, карьеръ для вынутія необходимаго дорогѣ балласту. Карьеръ этотъ былъ заложенъ на склонѣ возвышенности, около лѣваго берега Кинеля, до которой достигаютъ высшія воды разлива этой рѣки, въ весеннее время. На мѣстѣ заложенія этого карьера не было замѣтно даже и слѣдовъ кургана; между тѣмъ открылось при вынутіи песка, у самой почти поверхности земли, значительное число человѣческихъ остововъ, большею частью совершенно истлѣвшихъ и положенныхъ въ безпорядкѣ. Къ сожалѣнію, прежде чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ объ этомъ открытіи, все пространство, на которомъ лежали скелеты, было изрыто рабочими. Но послѣ продолжительныхъ поисковъ удалось однако найти два нетронутые костяка. Съ одного изъ нихъ инженеръ

архитекторъ желѣзной дороги графъ Н. И. де-Рошефоръ успѣлъ снять фотографическій списокъ посредствомъ бывшаго у него походнаго аппарата.

Другой скелетъ въ этомъ карьерѣ удалось найти мнѣ лично. Скелетъ этотъ былъ совершенно истлѣвшій; я его отрывалъ собственноручно, самымъ тщательнымъ образомъ, но все таки не могъ сохранить ни его костей, ни его черепа, ни даже, лежавшаго у его бедра, желѣзнаго ножа—все это разсыпалось при прикосновеніи. Скелетъ лежалъ безъ гроба, головою на сѣверъ, съ вытянутыми руками и ногами.

Нѣкоторые изъ мертвецовъ открытыхъ въ названномъ карьерѣ, лежали въ выдолбленныхъ, совершенно сгнившихъ колодахъ. Одинъ костякъ былъ завернутъ въ парчевую одежду, одинъ скелетъ былъ завернутъ въ бересту.

На этомъ кладбищѣ найдено много вещей, но они скрыты рабочими. Изъ таковыхъ вещей намъ доставлены при семъ предоставляемыя:

- 1) Два черепка, одинъ отъ большаго, другой отъ маленькаго горшка.
- 2) Металлическое зеркало и куски другаго разбитаго зеркала.
- 3) Часть конскихъ удилъ.
- 4) Желѣзное стремя и куски другихъ стремянъ.
- 5) Буса.
- 6) Раковинка, служившая украшеніемъ сбруи или головнаго убора, либо частью ожерелья.

Никакихъ легендъ и преданій у окрестныхъ жителей объ этомъ кладбищѣ или вообще объ этой мѣстности не слышно и они не подозрѣвали даже самаго существованія этого кладбища.

Кромѣ кургановъ, въ Самарской губерніи и ея ближайшихъ окрестностяхъ, существуютъ, сколько намъ извѣстно, еще слѣдующія остатки древности:

А) Въ Бугульминскомъ уѣздѣ, близъ д. Катмышевой, по обоимъ берегамъ р. Икъ, находятся два древнія кладбища, съ большими каменными памятниками.

Б) Въ 50 верстахъ отъ г. Бугульмы, на р. Мельнѣ, близъ р. Икъ, у дер. Хакимой существуютъ доселѣ два камня, вышиною 2 аршина надъ поверхностью земли, съ исцѣченными на нихъ надписями, на восточномъ языкѣ. Надписей этихъ мѣстные муллы прочесть не могутъ, говоря, что онѣ на древнемъ, имъ не знакомомъ языкѣ. Памятники эти рубятся окрестными жителями, увѣряющими, что кусочки этого камня самый дѣйствительный талисманъ отъ зубной боли!..

В) На Самарской Лукѣ, Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, близъ Мордовской деревни Шелехметь, указываютъ остатки крѣпости, извѣстной подъ именемъ „Ошъ Пандá (¹)“.

Крѣпость эта построена на горѣ, неприступной по своей крутизнѣ съ сѣвера, юга и запада. Съ восточной стороны крѣпость, на протяженіи 85 ти сажень, т. е. во всю величину естественной горжи этого укрѣпленія, защищена ровомъ глубиною мѣстами болѣе 2-хъ сажень и землянымъ валомъ, вышиною до 4-хъ сажень. Ровъ и валъ и самая площадь крѣпости заросли густымъ толстымъ и высокимъ лѣсомъ. Посреди вала, на самой возвышенной точкѣ горы, видны слѣды воротъ.

По разсказу жителей, на южномъ и сѣверномъ склонахъ горы, служащей основаніемъ крѣпости, доселѣ находятъ: толстые, грубой работы горшки, большіе разбитые котлы, ножи, цѣпи, разныя женскія украшенья, какъ-то: серьги, браслеты, кольца, янтарныя бусы, также большаго калибра ружья, желѣзные наконечники стрѣлъ и копій, кинжалы, стремена, орчаки въ мѣдной оправѣ, монеты, преимущественно серебряныя, съ восточными надписями.

Преданіе говоритъ, будто въ этой крѣпости укрывался Ермакъ, во время своихъ разбойничьихъ походовъ на Волгѣ.

Въ 15-ти верстахъ отъ „Ошъ Панды“, существуетъ доселѣ село *Ермаково*, жители котораго считаютъ себя потомками шайки Ермака, если не его самого; а въ 10-ти верстахъ отъ с. Ермаково находится другое село—Кольцовка, вѣдущее свое происхожденіе отъ сподвижника Ермака, извѣстнаго его есаула—Кольца.

Другое преданіе говоритъ, что во времена разбоевъ Стеньки Разина, крѣпость „Ошъ Пандá“, нѣкоторое время, была его резиденціей и, въ доказательство, старожилы указываютъ на три яблони, доселѣ растущія на южномъ склонѣ крѣпостной горы къ Волгѣ, будто бы собственноручно посаженныя Разиннымъ.

Г) Въ такъ называемомъ „Бузулукскомъ бору“, т. е. въ лѣсномъ пространствѣ, являющемся послѣднимъ хвойнымъ насажденіемъ Россіи, на границѣ южныхъ степей, въ Бузулукскомъ уѣздѣ; въ бору, занимающемъ площадь до 80000 десятинъ (лѣса казеннаго и частныхъ владѣльцевъ), существуетъ небольшое озеро, весьма впрочемъ глубокое, лежащее въ крутыхъ поросшихъ крупнымъ и густымъ лѣсомъ берегахъ. Озеро это извѣстно въ народѣ подъ именемъ *кладоваго*. По преданію, въ немъ нѣкогда похоронила свои награбленныя сокровища многочисленная шайка разбойниковъ, долго жившихъ въ Бузулукскомъ бору.

(¹) Т. е. Гора Городъ или Городовая гора—по мордовски.

Кстати скажемъ, что на Столыпинскихъ минеральныхъ водахъ, Николаевского уѣзда, Самарской губерніи, въ 46 верстахъ отъ с. Балакова, при рытьѣ колодца въ оврагѣ, былъ найденъ скелетъ челоуѣка и при немъ золотая круглая чаша, безъ всякихъ надписей или украшеній. При скелетѣ этомъ оказался остовъ лошади со сбруей, украшенной каменьями, и на головѣ скелета была шапка также богато убранная каменьями. Къ сожалѣнію, отъ всей этой находки сохранилась только золотая чаша, которая и была представлена губернаторомъ въ Императорскую Археологическую комиссію; сбруя же и шапка похищены рабочими, ихъ нашедшими.

Умѣстнымъ считаемъ упомянуть здѣсь, что въ Жигулевскихъ горахъ, на одной изъ приволжскихъ скалъ, у села Моркваша, Симбирской губерніи, показываютъ камень, съ надписью на немъ, будто бы собственноручно Петромъ Великимъ, во время его плаванія по Волгѣ. Между тѣмъ надпись эта сдѣлана, надо полагать, не Петромъ Великимъ, а княземъ Дмитріемъ Кантемиромъ, который, какъ онъ самъ говоритъ, въ своей *запискѣ* (помѣщенной въ „Исторіи о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира“. Москва 1783 года), что онъ, 11 іюня (во время поѣздки изъ Москвы въ Астрахань и оттоль на Кавказъ), пріѣхавъ подъ село Моркваша и увидѣвъ большую гору, называемую Лысою, взошедъ на оную, вырѣзалъ на камнѣ: имя свое и годъ.

Въ Самарскомъ краѣ попадаются орудія каменнаго вѣка.

Въ 1866 году, осматривая существующій, верстахъ въ двухъ, отъ вышеупомянутыхъ Столыпинскихъ минеральныхъ водъ, на р. Кушумѣ, источникъ желѣзистой воды, мы обратили особенное вниманіе на окрестную мѣстность и по нѣкоторымъ признакамъ заключили, что здѣсь въ прежнія времена, была осѣдлость или продолжительная стоянка какого либо кочеваго племени.

Начавъ внимательно присматриваться къ пространству, усѣянному черепками разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, мы были такъ счастливы, что нашли тутъ два орудія каменнаго вѣка, а именно: *буравъ*—сверло или клинъ, служившій для раскалыванія дерева и отломокъ небольшого кремневаго ножа.

Въ послѣдствіи намъ было доставлено нѣсколько орудій каменнаго вѣка, найденныхъ въ Самарской губерніи, а именно:

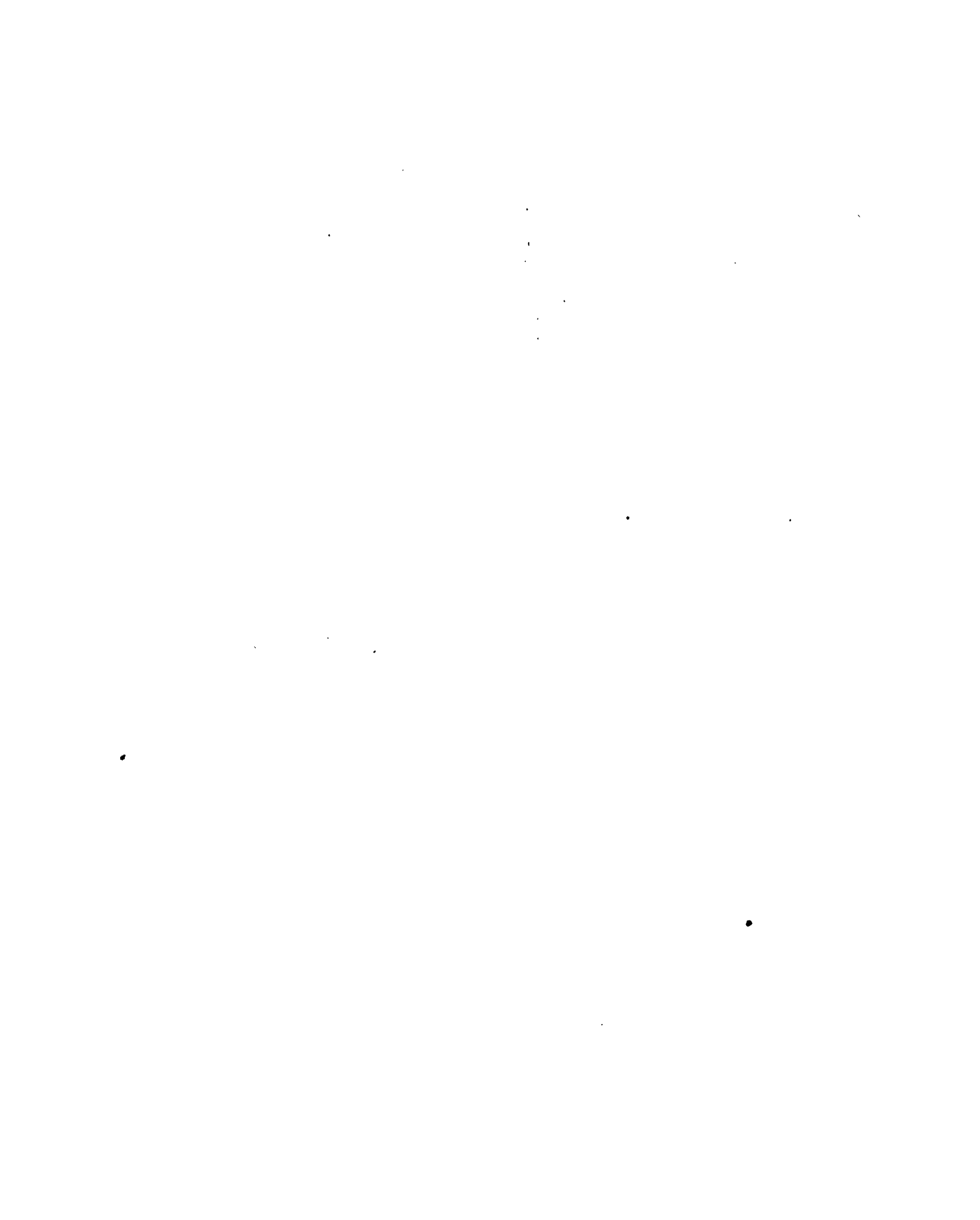
1) Найденный крестьяниномъ Лобазинской волости, Бузулукскаго уѣзда, села Проскурина Матвѣемъ Рябыхъ, на своей пахатной землѣ, каменный *клинъ* изъ бѣлаго камня, длиною въ 2 вершка. Клинъ этотъ представлялъ собою усѣченный копусъ, какъ бы расколотый пополамъ, отчего съ одной его стороны образовалась гладкая плоскость, нѣсколько вогнутая внутрь; на другой сторонѣ этого клина видны четыре правильные грани—слѣды обтески.

Намъ извѣстные остатки древности въ Самарскомъ краѣ.

2) Въ дачѣ с. Усманки, Бузулукскаго уѣзда, крестьяниномъ Савелиемъ Ческуновымъ найденъ *наконечникъ стрѣлы*, длиною 1½ верш., изъ краснаго кремня, съ отломаннымъ хвостикомъ, кѣторымъ это орудіе укрѣплялось въ деревѣ.

3) Крестьянами д. Зуевки, Бузулукскаго уѣзда, выкопанъ изъ земли большой каменный *молотъ* или *рубилло* (топоръ) длиною 5 верш., толщиною въ самомъ широкомъ мѣстѣ (т. е. тамъ, гдѣ отверстіе для рукоятки),—около 2-хъ вершковъ, съ совершенно ровнымъ, круглымъ, тщательно высверленнымъ отверстіемъ для ручки.

4) *Наконечникъ стрѣлы* изъ кремня, найденный въ 16 верстахъ отъ Самары, на берегу Волги, въ урочищѣ, такъ называемомъ „Барбишина поляна“.

О пещерахъ каменнаго вѣка на среднемъ теченіи Днѣпра.

(Рефератъ В. Б. Антоновича) (*).

Вдоль средняго теченія Днѣпра, лѣвый берегъ этой рѣки представляетъ низменность, незначительно поднимающуюся надъ уровнемъ рѣки, между тѣмъ какъ правый берегъ состоитъ изъ ряда круто опускающихся холмовъ, возвышающихся на 40 сажень надъ уровнемъ Днѣпра. Возвышенности эти состоятъ изъ пластовъ третичной эоценовой формаціи, основаніемъ которой служитъ синяя кирпичная глина, верхніе же слои содержатъ бурый каменный уголь и янтарь. Поверхъ пластовъ эоценовой формаціи расположены слои диллювіальнаго наноса: изъ нихъ глубже другихъ лежитъ пластъ красной или пестрой глины, на немъ слой желтаго песку и, наконецъ, сверху, непосредственно подъ черноземомъ, слой желтой глины—лѣса. Всѣ три пласта диллювіа содержатъ въ себѣ эрратическіе блоки и кости мамута (¹).—Лѣсъ представляетъ слой толщиной въ 2—2½ сажени, но, по мѣстамъ, въ впадинахъ, которыя представляла поверхность верхняго пласта эоценовой формаціи, онъ достигаетъ толщины 4 сажень и болѣе; лѣсъ представляетъ два особенныя физическія свойства: онъ не пропускаетъ сквозь себя воды и по консистенціи своей устойчивъ на столько, что вырытыя въ немъ широкіе, сводообразно законченныя кверху ходы не обрушиваются и представляютъ сухія и безопасныя отъ обваловъ пещеры.

Этими свойствами лѣса воспользовались въ первобытное время первые насельники береговъ Днѣпра; они изрыли первыя человѣческія жилища въ видѣ узкихъ и длинныхъ пещеръ съ сводообразнымъ потолкомъ; пещеры эти помѣщались на нагорномъ берегу Днѣпра, по преимуществу въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уступы холмовъ, вслѣдствіе обваловъ на берегу овраговъ, представляли обнаженный пластъ лѣса. Хотя весьма многія изъ этихъ пещеръ остались не обрुшившимися понынѣ, но немногія только въ настоящее время могутъ быть приведены въ извѣстность и изслѣдованы. Причины трудности изслѣдованія первобытныхъ пещеръ состоятъ въ томъ, что онѣ въ настоящее время занесены наносомъ,

(*) Читано въ засѣданіи 1 августа.

(¹) Геологическія данныя о составѣ нагорнаго берега Днѣпра сообщены мнѣ обязательно проф. А. С. Роговичемъ.

состоящимъ изъ смѣси чернозема съ частицами лѣса, отложеннымъ въ пещерахъ потоками дождевой воды, проникавшей въ нихъ въ теченіи многихъ столѣтій черезъ входное отверстіе; притомъ послѣднее оказывается по большей части закрытымъ, вслѣдствіе обвала крутыхъ береговъ оврага, на скатахъ которыхъ устроены были пещеры. Возможность отыскать и изслѣдовать пещеру представляется только весною, когда, послѣ таянія снѣговъ, части прибрежныхъ холмовъ отваливаются; при этомъ случается, что на свѣжемъ отколѣ лѣса замѣчается отверстіе пещеры, передняя часть которой свалилась внизъ вмѣстѣ съ обваломъ холма, продолженіе-же углубляется въ лѣсовой пласть, представляя ходъ, края котораго ясно очерчены, внутренность-же его наполнена, обыкновенно до $\frac{1}{4}$ высоты, черноватымъ землистымъ наносомъ.

Нѣкоторыя изъ первобытныхъ пещеръ въ историческое уже время получили новое назначеніе, заслонившее отъ вниманія изслѣдователей первоначальное ихъ значеніе: съ XI столѣтія иноки, посвятившіе себя отшельнической жизни, искали въ пещерахъ приюта для пустынножительства: такъ въ лѣтописномъ сказаніи объ основаніи Печерскаго монастыря въ Кіевѣ указано, что св. Антоній поселился въ раньше существовавшей уже пещерѣ, которая, по преданію, служила прежде того мѣстомъ молитвы для Берестовскаго священника, впоследствии митрополита, Ларіона; за тѣмъ пещера эта была расширена трудами Антонія и его сподвижниковъ и превратилась въ цѣлый пещерный монастырь. Воспользовались-ли иноки XI столѣтія древними первобытными пещерами, ископали-ли они въ лѣсѣ новыя, во всякомъ случаѣ, религіозное значеніе пещеръ сдѣлалось въ историческое время фактомъ общеизвѣстнымъ, вслѣдствіе чего происхожденіе всякой, вновь открытой пещеры, обыкновенно относили ко времени пустынножительства. Слѣдуя предвзятому мнѣнію, изслѣдователи и описыватели старины, получивъ свѣдѣніе о каждой вновь замѣченной пещерѣ, предполагали, что она указываетъ на существовавшій нѣкогда въ томъ мѣстѣ монастырь; иногда дѣйствительно находили письменные слѣды обители, бывшей приблизительно въ искомой мѣстности, иногда-же само только существованіе пещеры принималось какъ несомнѣнный признакъ существованія въ данномъ мѣстѣ монастыря, историческія свѣдѣнія о которомъ, по предположеніямъ, не дошли до насъ. Такъ покойный М. А. Максимовичъ, на основаніи пещеры, открытой у села Лѣсниковъ, и названной Θεодосіевою, указалъ на существовавшій въ томъ мѣстѣ Гнилецкій монастырь⁽¹⁾; такъ, въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ въ Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (1857—1878 г.) о пещерахъ

⁽¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, стр. 292.

у села Пирогова, онѣ отнесены къ числу пещеръ, служившихъ для пустынно-жительства; такъ г. Пахилевичъ видитъ слѣды существовавшихъ нѣкогда церквей и монастырей въ пещерахъ, сохранившихся у Межигорья, у селъ: Скитка и Лѣсниковъ⁽¹⁾, и т. п.

Не отрицая, что многія пещеры приобрѣли въ христіанское время религіозное значеніе, что могли быть для этой цѣли вновь вырыты, или расширены иноками и обращены въ монашескія келіи и даже въ пещерныя церкви, я полагаю, что происхожденіе, если не всѣхъ, то значительнаго большинства пещерныхъ сооружений, должно быть отнесено къ другой, гораздо болѣе древней эпохѣ, когда онѣ служили жилищами первобытнымъ насельникамъ Днѣпровскаго побережья, еще въ эпоху каменнаго вѣка.

На небольшомъ пространствѣ (около 100 верстъ) вдоль по теченію Днѣпра, отъ Межигорія до села Монастырка, мнѣ удалось осмотрѣть или собрать свѣдѣнія о 45 пещерахъ, вырытыхъ въ лёсъ; изъ нихъ только 7⁽²⁾ могутъ быть отнесены съ большею или меньшею вѣроятностью къ числу пещеръ, имѣвшихъ связь съ монастырскою жизнью, между тѣмъ какъ объ остальныхъ мы вовсе не имѣемъ указаній подобнаго рода.

Вотъ перечень извѣстныхъ мнѣ пещеръ на Днѣпровскомъ порѣчьи: (см. карт. фиг. 1)

У Межигорья (№ 1)	1.
Въ г. Кіевѣ:	
а) У Кирилловскаго монастыря группа (№ 2)	20.
б) У Аскольдовой могилы ⁽³⁾ (№ 3)	1.
в) Въ Кіевопечерскомъ монастырѣ (№ 4)	2.
д) Въ роцѣ у Военной гимназіи (№ 5)	1.
У Китаевской пустыни (№ 6)	1.
Въ селѣ Пироговѣ и по дорогѣ изъ Пирогова въ Китаевскую пустынь (№ 7)	6.
У села Лѣсникова (№ 8)	1.
У села Скитка (№ 16)	1.
У села Мархлѣвки (№ 10)	1.

⁽¹⁾ Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи. стр. 8, 29 и 33.

⁽²⁾ Это пещеры, находящіяся: у Межигорія, въ Кіевопечерской лаврѣ, у селъ: Лѣсниковъ, Козина, Монастырка и Скитка.

⁽³⁾ Пещера у Аскольдовой могилы была открыта въ 1853 году, при устройствѣ спуска изъ Печерской горы къ цѣпному мосту; ее осматривалъ тогда проф. П. Д. Іванишевъ, но результаты его изслѣдованія не были напечатаны; при производствѣ-же дальнѣйшихъ работъ по устройству спуска, пещера была засыпана.

На урочищѣ „Гадючій Ярѣ“ (№ 9)	5.
У села Козина, на „Чернечемъ хуторѣ“ (№ 11)	1.
У села Злодіевки (№ 12)	1
У села Щучинки (№ 13)	1.
У села Монастырка (№ 14).	1.
У села Македонъ (№ 15)	1.

Самая многочисленная группа извѣстныхъ мнѣ пещеръ находится у Кирилловскаго монастыря на сѣверной окраинѣ города Кіева. Возвышенность, на которой расположенъ монастырь, отдѣляется отъ другой возвышенности, прилегающей къ ней съ южной стороны, глубокимъ вѣтвистымъ оврагомъ, на склонахъ котораго расположены пещеры. Многія изъ нихъ были расчищены отъ наноса въ последнее время, благодаря случайному обстоятельству: у окрестныхъ жителей случилось неясное преданіе, будто въ данной мѣстности зарытъ въ землю гетманомъ Мазепою значительный кладъ; увлекаясь этимъ преданіемъ и замѣчая на обрывистыхъ берегахъ оврага отверстія пещеръ, кладоискатели сочли ихъ коридорами, ведущими къ предполагаемымъ погребамъ Мазепы, и, не жалѣя трудовъ и издержекъ, принялись расчищать пещерные ходы отъ наполнявшаго ихъ землястаго наноса. Конечно, ни погреба, ни клада въ концѣ пещерныхъ ходовъ не оказывалось, но за то, вмѣстѣ съ наносомъ, рабочіе выбрасывали изъ пещеръ и тѣ драгоценныя въ научномъ отношеніи, но не представлявшіе для нихъ интереса, бытовые остатки, которые могли-бы свидѣтельствовать объ условіяхъ жизни древнихъ пещерныхъ обитателей.

Въ мартѣ 1876 года я осматривалъ оврагъ у Кирилловскаго монастыря вмѣстѣ съ профессоромъ А. С. Роговичемъ; мы нашли около 15 пещеръ, расчищенныхъ вслѣдствіе упомянутыхъ выше побужденій и видѣли нѣсколько другихъ, еще не тронутыхъ кладоискателями и только что обнаружившихся вслѣдствіе свѣжаго обвала краевъ оврага. Расчищенные пещеры представляли длинные, сводобразные коридоры, въ 2½ аршина высоты и въ 1½ аршина шириною; углубляющіеся въ лѣсъ въ различныхъ направленіяхъ.

Одна изъ этихъ пещеръ, длиною около 100 шаговъ, углубляясь спирально въ южный склонъ холма, представляла какъ бы одинъ оборотъ громаднаго винта, оттиснутаго въ лѣсъ. Отверстіе этой пещеры открывалось на небольшую площадку, нѣсколько расширенную рабочими, производившими расчистку и сръзавшими верхнюю часть холма, нависавшую надъ входомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сръзана была и передняя часть пещеры на нѣсколько шаговъ отъ ея входа. Благодаря этому обстоятельству, дно этой части пещеры, равно какъ и площадка, бывшая у ея

входа были оставлены безъ вниманія и остались въ томъ видѣ, какъ были до расчистки.

На площадкѣ, лежавшей у прежняго входа въ пещеру, находилась сорная куча, оказавшаяся, при ея осмотрѣ, кучею настоящихъ кухонныхъ остатковъ: вся масса ея (до 1½ аршина въ діаметрѣ и до ¼ аршина толщиною) состояла изъ разрозненныхъ и по большей части разломанныхъ створепъ раковинъ: *Anadonta cugnea* и *Unio pictorum*; среди этихъ раковинъ были найдены и другіе остатки пищи: кости млекопитающихъ и рыбъ. Кости первыхъ (лошади и быка) представляли обломки длинныхъ костей конечностей, осколки костей черепа и отдѣльные зубы; всѣ найденные экземпляры этихъ костей были не пережжены и не представляли на своей поверхности слѣдовъ рѣзущихъ орудій; изломы ихъ были неправильны и произошли вѣроятно отъ раздробленія костей ударами большихъ камней. Изъ рыбьихъ костей уцѣлѣли въ кучѣ только позвонки, принадлежавшіе мелкимъ породамъ прѣсноводныхъ рыбъ.

Кромѣ этихъ пищевыхъ остатковъ, въ кучѣ оказались также произведенія челоуѣческаго труда: осколки глиняныхъ сосудовъ и каменныхъ орудій. Глиняные сосуды были слѣплены безъ помощи гончарнаго колеса изъ бурой или красноватой, неочищенной глины, содержащей въ значительномъ количествѣ зерна кварца; посуда была выжжена очень плохо: только наружныя поверхности стѣнокъ сосудовъ представляли выжженные, болѣе плотныя пластинки, между тѣмъ какъ вся толщина стѣнокъ состояла изъ бурой, землистой, зубчатой массы; на стѣнкахъ сосудовъ не было орнаментовъ.

Затѣмъ, среди кучи раковинъ найдены были: кремный nucleus неправильной формы и довольно большой кусокъ краснаго желѣзняка, округленный съ одной стороны и съ другой представляющій пирамидальное, притупленное остріе, образовавшееся отъ пересѣченія трехъ гладкихъ плоскостей.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ сорной кучи, у бывшей стѣны пещеры, вблизи отъ ея входа, найдена была груда небольшихъ круглыхъ валуновъ; всѣ экземпляры ихъ представляли ту особенность, что они были сильно пережжены и, вѣроятно отъ продолжительнаго дѣйствія огня, до того размягчились, что представляли рыхлую массу, которую можно было свободно ломать руками. Наконецъ, нѣсколько дальше отъ входа, на днѣ пещеры, найденъ былъ отломокъ кремневой пилы, рисунокъ которой въ натуральную величину, здѣсь приложенъ (фиг. 2). На выгнутомъ краѣ этого орудія, посредствомъ отдѣлки мелкими ударами, произведенъ былъ довольно тщательно рядъ мелкихъ зубцовъ.

Такимъ образомъ, какъ куча кухонныхъ остатковъ, такъ и предметы, найденные на днѣ пещеры, позволяютъ намъ предполагать, что пещера эта служила

пѣкогда жилищемъ первобытному человѣку; жилищны ея питались по преимуществу моллюсками и рыбами, водящимися понынѣ въ Днѣпрѣ; сверхъ того они употребляли въ пищу, хотя въ меньшемъ количествѣ, мясо млекопитающихъ: быковъ и лошадей; можно полагать, что незначительное сравнительно количество костей этихъ животныхъ въ кучѣ кухонныхъ остатковъ, зависитъ, можетъ быть, отъ того, что жители пещеръ только изрѣдка могли пользоваться ихъ мясомъ, овладѣвая путемъ охоты дикими особями лошадей и быковъ, и не успѣли приручить этихъ животныхъ. Издѣлія, употреблявшіяся въ быту жителей пещеры, указываютъ на то, что жилище это было населено еще въ каменномъ вѣкѣ; обитатели пещеры стояли на довольно низкой относительно степени развитія: они знакомы уже были съ употребленіемъ огня и поддерживали его въ пещерѣ на очагѣ, нарочито устроенномъ изъ глыбъ валуна. Изъ глины вылѣпливали грубые сосуды и весьма не искусно обжигали ихъ; наконецъ, они употребляли орудія, довольно тщательно выдѣланныя изъ осколковъ кремня. Остріе изъ краснаго желѣзняка, можетъ быть, служить указаніемъ на начало того поворота въ быту каменнаго вѣка, вълѣдствіе котораго кремнь замѣненъ былъ болѣе мягкими породами камня, давшими возможность производить орудія болѣе удобныя и изящныя посредствомъ полировки и сверленія каменныхъ глыбъ.

Намѣтивъ изложенный выше, встрѣтившійся мнѣ при изслѣдованіи одной пещеры фактъ, я позволяю себѣ выразить увѣренность, что изслѣдованіе другихъ пещеръ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя не подверглись случайной позднѣйшей расчисткѣ, уяснить гораздо болѣе точно подробности быта населявшихъ ихъ людей и представить гораздо болѣе данныхъ для опредѣленія степени культуры первобытныхъ насельниковъ Днѣпровскаго порѣчія.

О валахъ, находящихся на территории древняго Кіевскаго княженія.

В. П. Антоновича. ()*

Валы, находящіеся на территории древняго Кіевскаго княженія, не могутъ быть приведены въ извѣстность въ полномъ ихъ составѣ; я могу опредѣлить географическое положеніе только части ихъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ съ помощью сочиненій Липпомана, Фундуклея и Пахеливича, военно-топографической карты, свѣдѣній, доставленныхъ волостными правленіями въ статистическіе комитеты, а также, до извѣстной степени, и посредствомъ личнаго наблюденія.— Валы Кіевской земли находятся въ связи съ гидрографіею края и представляютъ рядъ концентрическихъ, болѣе или менѣе правильныхъ круговъ; внутренній изъ этихъ круговъ, самый тѣсной окаймляетъ бассейнъ небольшой рѣчки Вѣты, впадающей въ Днѣпръ южнѣе Кіева; слѣдующій кругъ, начинаясь у Треполя, огибаетъ бассейнъ р. Стугны и часть средняго теченія р. Ирменя (у Бѣлгорода) и упирается сѣвернымъ концемъ въ Днѣпръ между Кіевомъ и Вышгородомъ; третій кругъ, начинаясь также у Треполя, идетъ далѣе къ западу и охватываетъ весь бассейнъ р. Ирменя. Четвертый, начинаясь у нижняго теченія р. Роси, тянется вдоль этой рѣчки до м. Бѣлой Церкви (древняго Юрьева) и оттуда поворачиваетъ для соединенія съ третьимъ у верховьевъ Ирменя. Наконецъ пятый валъ, котораго мнѣ извѣстенъ только южный отрѣзокъ, начинается у Тясьмина и затѣмъ переходитъ на систему Южнаго Буга, гдѣ, сопровождаетъ рѣчки: Синюру и Кодыму.—Валы эти, сохранившіеся, смотря по мѣстности, въ большей или меньшей мѣрѣ, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ достигаютъ до 3 сажень высоты и до 7 саж. ширины; всегда съ наружной (т. е. западной) стороны они окаймлены довольно глубокимъ ровомъ.

Эти валы у нѣкоторыхъ писателей носятъ неосновательное названіе Траяновыхъ; поводомъ къ такому наименованію послужили найденныя будто близъ валовъ въ землѣ монеты Траяна. Народъ же называетъ ихъ Зміевымъ валомъ. Я укажу на то, что можетъ нѣсколько разъяснить происхожденіе этихъ валовъ. Если мы обратимся къ исторіи то увидимъ, что такіе валы не составляли осо-

(*) Читано въ утреннемъ засѣданіи 8-го августа.

сбенности древняго Кіевскаго княженія, а были распространены по всей восточной равнинѣ Европы. Къ востоку отъ Рейна и къ сѣверу отъ Дуная проходили многочисленныя линіи подобныхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ Римлянами, Германцами и Славянами. О времени возникновенія или по крайней мѣрѣ о ихъ историческомъ значеніи мы имѣемъ точныя историческія данныя. Лишь только римскій міръ пришелъ въ столкновеніе съ германскимъ (съ 1-го вѣка), Римляне начали строить рядъ укрѣпленій, идущій отъ Кельна до устья Альтмюля въ Дунай; при Траянѣ онъ доведенъ былъ по границамъ Дакии до устья Дуная. Римскія укрѣпленія возводились довольно правильно, укрѣплялись сначала валы, за ними были лагери, соединенные между собой военными дорогами; валъ покрывался палисадомъ. Тиберій *aperit limites* нападая на Арминію, чтобъ отмстить за Вара. Въ то время, какъ Римляне ограждали свои предѣлы, Германцы стали воздвигать подобныя же земляныя укрѣпленія. По мнѣнію спеціалиста въ этомъ дѣлѣ, генерала Пеукера, германскіе валы отличаются отъ римскихъ тѣмъ, что на верху ихъ устраивался каменный гребень или замокъ. На существованіе у Германцевъ такихъ укрѣпленій указываетъ Тацитъ, который говоритъ, что валъ раздѣлялъ владѣнія Херусковъ и Ангриваріевъ, другой былъ на границѣ земли Бруктеровъ. Въ большемъ ходу валы были у Германцевъ и тогда, когда они уже успѣли разрушить римскую имперію и основать свои государства. Такъ въ 812 г. Карлъ Великій оградилъ сѣверныя предѣлы Саксоніи отъ нападений Саксовъ и Датчанъ валомъ—*limes Saxoniae* (¹) отъ устья Эльбы до Балтійскаго моря, до впаденія въ него рѣчки Светины. Einhard (*annales*) подъ 808 г. рассказываетъ, что датекій король Готфридъ провелъ валъ отъ Балтійскаго до Нѣмецкаго моря, по сѣверному берегу Эйдера для защиты своихъ владѣній отъ Саксовъ; въ X вѣкѣ на южномъ берегу Эйдера германскими императорами Саксонскаго дома проведенъ такой же валъ для защиты имперіи отъ Саксовъ (*).

Что касается до славянскихъ укрѣпленій, то неизвѣстно заимствовали ли они ихъ у германцевъ или строили самостоятельно. На славянской территоріи: у полябскихъ Славянъ Миснія окружена валомъ (²) по обѣ стороны Эльбы на ея среднемъ теченіи отъ Мульды до Пульзницы (центровъ Мейссенъ и Гросгайнъ). Земля Сарабовъ или Лужичанъ между Саалою и Варгою по обѣ стороны Одера окружена двойною линіею вала и рва. Въ Чехіи и Моравіи (Томекъ Дудикъ) проходятъ валы въ различныхъ направленіяхъ; въ Великой Польшѣ (Пеукеръ,

(¹) Adam Bremens. *Histor. ecclesiastica* II, 9).

(²) Peuker. *Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten*

(³) Полков. Оскаръ Шустеръ.—*Die alten Heidenschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des Oberlausitzer Schanzensystems.*

Шустерь, Крашевскій) между Нотецью и Вартою, на лѣвомъ берегу Вислы вала окружаютъ озерную группу Гопла. Такія же укрѣпленія есть въ Панноніи. Въ описаніи похода Пипина на Аваровъ (896 г.) мы находимъ въ анналахъ Сангалленскаго монаха подробности объ устройствѣ этихъ укрѣпленій, состоявшихъ изъ 9 концентрическихъ круговъ; постепенно становясь меньше и меньше по направленію къ центру, эти круговые валы оканчиваются такъ называемымъ царскимъ кругомъ, въ которомъ хранились царскія сокровища; и Пипину приходилось брать одинъ кругъ за другимъ. Сравнивая все эти земляныя укрѣпленія, мы видимъ здѣсь общую фортификаціонную систему. На всей восточной равнинѣ Европы огражденіе областей посредствомъ земляныхъ валовъ было во всеобщемъ употребленіи у Римлянъ, Германцевъ и Славянъ съ I по X в.

Что касается до Кіевскихъ валовъ, то я желалъ бы обратить вниманіе на легендарный источникъ. Легенда, о которой я буду говорить, составляетъ вариантъ преданія, помѣщеннаго въ лѣтописи. Содержаніе ея слѣдующее: въ Днѣпрѣ поселился змій (драконъ) и бралъ съ жителей дань, взимая дѣтей, которыхъ и пожиралъ. Пришла очередь царской дочери, царю хотѣлось выручить ее, тогда приходитъ къ нему старикъ и говоритъ, что у него есть сынъ, обладающій громадной физической силой, въ доказательство чего богатырь—Кузьма разрываетъ заразъ 12 воловьихъ кожъ. Этотъ кожевникъ—богатырь побѣдилъ змія и въ награду за подвигъ получилъ землю,—валы означаютъ черту этой земли. По другимъ вариантамъ легенды, онъ 3 дня, по совѣту ангела, бѣгаетъ отъ змія, наконецъ при помощи Бориса и Глѣба запрягаетъ змія въ плугъ, пашетъ имъ данную ему землю и т. п. Сущность этого преданія—побѣда Кіевского богатыря—общинника надъ зловредной силой съ помощью Божіихъ Угодниковъ, а результатъ побѣды—валь. Въ известной лѣтописной легендѣ объ Янѣ Усмошвецѣ мы видимъ тѣ же черты: тотъ же силачъ—Кожемяка, тотъ же опытъ надъ его силой; но она не имѣетъ той мистической формы, которой отличается ея позднѣйшій вариантъ. Борьба происходитъ не съ мифическимъ зміемъ, а съ Печенѣгами, превратившимися, уже въ послѣдствіи, въ народную память, въ змія. Изъ сличенія легендъ можно заключить, что Кіевскіе валы были воздвигнуты для защиты противъ кочевниковъ. Конечно нельзя строить серьезные выводы на преданіи, и необходимо подтвердить эту догадку болѣе точными источниками. Валы упоминаются въ лѣтописи подъ 1093, 1151 и 1169 гг. Такъ подъ 1093 г. говорится: Святополкъ, Владиміръ Мономахъ и Ростиславъ шли изъ Триполія выручать Торчесь, осажденный половцами и *придоша Стугну рѣку и минуше Треполь, придоша валъ*. Подъ 1151—Юрій Долгорукій осаждаетъ Бѣлгородъ, не успѣвъ склонить къ сдачѣ—*иде чрезъ боръ къ Верневу и оттолъ за валъ и ста у Взяницъ, тубо надъешмъ Галичскаго*

князя *Володимера*—Кіевляне пошли противъ Юрія черезъ Василевъ „и подоша мимо Василева, черезъ Стугну и пришедше къ валови и не проходяче къ валу, ту и сташа полки своими на ночь“. Подъ 1169 г. во время междуособія Мстиславъ Изяславичъ идетъ на Вышгородъ на Владиміра Мстиславича и *занимаетъ валъ*.

Такимъ образомъ лѣтопись говоритъ, что валы существовали въ XII ст., но не упоминаетъ по какому случаю они возникли.

Указаніе на послѣднее мы находимъ у иностранца, именно въ письмѣ Брунона Мерзбургскаго къ Генриху II. Брунонь—извѣстный миссіонеръ, былъ среди Печенѣговъ и пишетъ пѣчто въ родѣ отчета Генриху. Письмо писано въ 1008 г. во время княженія Владиміра Святаго и доказываетъ, что ближайшій къ Кіеву валъ возникъ для защиты земель отъ Печенѣговъ. Письмо это слѣдующее: Князь русскій, обладающій обширною и богатою странною, удерживалъ меня противъ моей воли въ теченіи мѣсяца, убѣждая меня, чтобъ я не шель къ этому дикому народу на вѣрную гибель, онъ утверждалъ, что я не успѣю склонить ихъ души на путь спасенія и самъ обрѣту лишь безплодную и позорную смерть. Но когда доводы эти не убѣдили меня, а между тѣмъ пѣкое видѣніе, относящееся ко мнѣ недостойному, смутило князя, онъ отпустилъ меня; два дня онъ сопровождалъ меня съ отрядомъ войска до границъ своего государства, которые онъ, изъ опасенія враговъ—кочевниковъ окружилъ отовсюду весьма крѣпкою и длинною оградю. Здѣсь онъ соскочилъ съ коня и послѣдовалъ вмѣстѣ со своими вельможами за мною и за моими спутниками—мы прошли въ ворота. Князь сталъ на одномъ курганѣ, мы—на другомъ и т. д.

Сличая сказаніе Брунона съ топографіей этой мѣстности, мы дѣйствительно находимъ укрѣпленія и курганы на разстояніе 2-хъ дней пути отъ Кіева. Слѣдовательно эта земляная насыпь относится къ концу X в. или началу XI. Было бы желательнo, чтобъ археологи обратили вниманіе на эти памятники нашей старины; быть можетъ, археологическія изысканія найдутъ внутри областей, разграниченныхъ валами отличія въ типахъ погребальныхъ обычаевъ и такимъ образомъ дополнятъ этнографическую картину расселенія приднѣпровскихъ славянъ, вѣроятно не вполне изображенную первоначальною лѣтописью.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

Напоминаніе о древнемъ городѣ Маджарѣ.

П. Д. Шестакова.

(Чтано въ засѣданіи 31 іюля. См. Проток. стр. XXXI).

Думаютъ, что на семь мѣстѣ былъ городъ Угровъ, бѣжавшихъ отъ Печенѣговъ на границу Персіи. Со средняго теченія Волги, отъ стольнаго города Болгарь, я попрошу васъ мм. гг., спуститься со мною почти къ устью Волги, на берега р. Кумы, въ древнюю Команію, къ развалинамъ исчезающаго съ лица земли города Маджара.

Ставропольскій статистическій комитетъ, въ отношеніи своемъ къ предварительному комитету Высочайше разрѣшеннаго IV Археологическаго Съѣзда, обратилъ между прочимъ вниманіе на развалины города Маджара на рѣкѣ Кумѣ, которыя теперь уже сравнились съ землею.

Развалины этого города, другія развалины въ той же сторонѣ, называемыя домами маджарскими, Маджарское соленое озеро и рѣчка Маджара близъ Сухумъ-Кале напоминаютъ намъ о Маджарахъ или Мадьярахъ, народѣ, о которомъ говорилъ еще Константинъ Порфирогенетъ.

„Нужно знать, говоритъ Константинъ Порфирогенетъ, что Батдзинакиты (Печенѣги) сначала жили у рѣки Волги (*Αστήλ*) и у рѣки Яика (*Γεήχ*), а пограничными съ ними народами были Маджары и Узы“ (¹) т. е. Маджары и Команы или Половцы. Константину Порфирогенету, какъ мы видимъ изъ этихъ словъ, извѣстно, что Мадьяры жили въ той мѣстности, гдѣ нынѣ лежатъ развалины города Маджара.

Абулгази Багадур-ханъ въ своей генеологической исторіи Татаръ пишетъ, что Маджары и Башкиры жили на рѣкахъ Ателѣ, (Волгѣ) и Яикѣ. По Хаджи-Хальфу

(¹) Constantini Porphyrogeneti de administrando imperio, cap. 37: Ἰστέον ὅτι Πατζινακίται τὸ ἀπ' ἀρχῆς εἰς τὸν ποταμὸν Ἀτὶλ τὴν αὐτῶν εἶχον κατοικησάν, δεξιῶς δὲ καὶ εἰς τὸν ποταμὸν Γεήχ, ἔχοντες τοὺς τε Μαζάρους συνοροῦντας καὶ τοὺς ἐπονομαζομένους Οὐξ. Vol. III. Bonnae. MDCCXI. Маджары конечно Маджары, Узы-Команы или Половцы.

Мадьяры жили между Дономъ и Волгою, по Шукръ-Аллаху между Итилемъ и Вафою⁽¹⁾. Ибнъ-Даста характеризуетъ землю Мадьяръ такъ: земля между Дономъ и Волгою обширна и богата лѣсомъ и водами. Можетъ быть и Геродотъ, подъ именемъ жившихъ за рѣкою Танаисомъ Юрковъ (*Ἰϋροκαί*), разумѣлъ Югровъ, Угровъ, Мадьяръ. И по Геродоту земля Юрковъ *ὑλαίη γῆ*—лѣсистая страна. Рубруквисъ въ своемъ путешествіи къ Татарамъ⁽²⁾ объ этой же странѣ между Дономъ и Волгою говоритъ въ I главѣ: „Въ этой землѣ до прихода Татаръ обитали Команы; когда же Татары пришли туда, Команы бѣжали къ берегу моря⁽³⁾. Въ X главѣ Рубруквисъ пишетъ: „Что касается Команъ, они имѣютъ привычку насыпать холмы на мѣстѣ погребенія мертвеца и воздвигаютъ ему статую,—лице ея обращено къ востоку, въ рукѣ (по направленію къ пупку) она держитъ чашу. Богатымъ и вельможамъ они воздвигаютъ пирамиды, или небольшіе остроконечные дома; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ большія башни изъ кирпича, а въ другихъ дома, построенные изъ камня. Я замѣтилъ тамъ еще другія гробницы—большія зданія, выстроенныя изъ камня, одни круглыя, другія четырехугольныя“. „Погребалось у нихъ все семейство, всѣ родичи на одномъ мѣстѣ“ (гл. XV). Въ гл. XI: „на этомъ пути мы не встрѣчали ни одной деревни, ни даже слѣдовъ строеній, кромѣ многочисленныхъ гробницъ Комановъ“. Въ главѣ XVI: „вся эта страна за Дономъ прекрасная, полна лѣсовъ и рѣкъ. Тамъ живутъ Моксели и близъ нихъ Мердасъ или Меркласъ,—Римляне называютъ ихъ Merdues или Mardes, за ними рѣка Волга“. Въ этихъ Мердасахъ Рубруквиса нельзя не видѣть Маджаръ. Рубруквисъ, какъ всѣ путешественники—иностранцы, не знающіе туземнаго языка, мастерски переиначиваетъ названія; такъ у него изъ кумыса вышелъ космосъ, почему же изъ Маджаръ не выйти Мердасамъ? Рубруквисъ, какъ видно изъ главъ XIII и XX, во время своего путешествія, видѣлъ тамъ Венгровъ. Приведемъ еще одну характерную черту этой страны изъ I главы путешествія Рубруквиса: „на границахъ этой земли есть очень большія озера, на берегу кото-

(1) Вафа, полагаемъ мы, значитъ ваа (вава) воднистый.—Такъ могла называться рѣка Донъ или Танаисъ (отъ дона—богатый и визъ, вода) богатый водою; воднистый Донъ можетъ быть и получилъ названіе Танаиса отъ Угровъ, жившихъ между нимъ и Волгою.

(2) Voyage remarquable de Guillaume de Rubruquis envoyé en ambassade par le roi Louis IX en différentes parties de l'orient, principalement en Tartarie et à la Chine, l'an de notre Seigneur MCCLIII. Traduit de l'anglais par le S. de Bergeron.

(3) Команы были въ самомъ крайнемъ положеніи, такъ что ѣли другъ друга; какъ мнѣ рассказывалъ одинъ купецъ, они разрывали зубами и пожирали мертвыя тѣла, какъ собаки дѣлаютъ съ падалью.

рыхъ много соляныхъ источниковъ. Изъ этихъ солончаковъ Батый и Сартакъ извлекаютъ большіе доходы, потому что изъ всѣхъ мѣстъ Руси туда прѣзжаютъ за солью“. Рубруквисъ недалеко отъ Мердасовъ помѣщаетъ желѣзныя ворота, которыя, по повелѣнію Александра Великаго, сдѣланы для того, чтобъ заградить варварамъ доступъ въ Персію.

Венеціанецъ Марко Поло говоритъ объ этой же странѣ, что тамъ жили Команы съ примѣсю изъ другихъ народовъ. Вспомнимъ *Μαζάρους* и *Ουζ* Константина Порфирогенета. Въ русскихъ лѣтописяхъ есть упоминаніе о городѣ Маджарѣ въ 14 вѣкѣ. Въ Софійской первой лѣтописи⁽¹⁾, въ „Повѣсти объ убіеніи князя Великаго Михаила Ярославича Тѣрѣрскаго въ ордѣ отъ царя Озбѣки“, подъ 1319 годомъ пишется: „И отътолѣ (убить былъ Михаилъ Ярославичъ и за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ на Севенцѣ, подъ городомъ Тетяковымъ, минувшию всѣ горы высокія Ясьскыя и Черкесьскыя, близъ воротъ желѣзныхъ“; по убіеніи тѣло его перевезли за рѣку, „рекомую Адъжь, еже зовется горестъ“. Эта рѣка Адъжь безъ сомнѣнія Горька рѣка,—Аджи по татарски горькій—называющаяся такъ по причинѣ вредныхъ травъ, растущихъ на ея берегахъ) посла тѣло блаженнаго въ Мождьжчары съ своими бояры и тамо слышавше гости знаеміи ему и хотѣша прикрыти плащаницами многоцѣнными тѣло его, съ честію и съ свѣщами славно въ церкви поставити; приставленіи же немилостивіи бояре не даша имъ ни видѣти блаженнаго, но со многою укоризною поставиша его въ единой хлѣвинѣ за сторожи“. Несомнѣнно, что здѣсь говорится о городѣ Маджарѣ, стоявшемъ на Кумѣ. Изъ выписаннаго нами мѣста видно, 1) что Маджарѣ принадлежалъ тогда Татарамъ, иначе татарскіе бояре не могли бы въ немъ распорядиться произвольно; 2) что въ немъ бывали купцы иноземные (гости), между которыми могли быть и русскіе знаеміи Михаилу; 3) что въ Маджарѣ была христіанская церковь.

Сравнивая мѣстность, описываемую Рубруквисомъ, съ мѣстностію, изображаемою въ „Повѣсти объ убіеніи великаго князя Михаила Ярославича“, несомнѣнно, что и Рубруквисъ и повѣсть говорятъ о той же странѣ между Дономъ и Волгою, въ которой по Рубруквису жили Команы, до занятія ея Татарами.

За тѣмъ до XVIII вѣка о Маджарѣ нигдѣ не говорится. Изъ путешестввенниковъ XVIII вѣка первое извѣстіе о развалинахъ города Маджара сообщилъ полковникъ Герберъ, который проѣзжалъ эти мѣста въ 1726—1727 году. „Въ мѣстности, говоритъ Герберъ⁽²⁾, гдѣ рѣка Кума принимаетъ въ себя рѣчку Вируму

⁽¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное Археографическою Коммиссіею. Спб 1851 г.

⁽²⁾ Müller's Sammlung Russischer Geschichte. 4 Band. 1760. стр. 22 и 154.

(Биваръ)—предѣльные, красивые поля и лѣса и различные остатки мѣстечекъ и селъ. Тамъ видѣются развалины большаго города съ прекрасными каменными домами и сводами, по которымъ, равно какъ и по лежащимъ подъ руинами тесаными камнямъ, украшеннымъ чистою рѣзною работою, можно заключить, что въ древности это былъ значительный и славный городъ. Его и въ настоящее время называютъ Маджаръ. Это имя Поляки и Турки даютъ Венграмъ, этимъ же именемъ Венгерцы обыкновенно называютъ сами себя; можно полагать, что основатели Венгерскаго королевства вышли изъ этой страны“. Въ другомъ мѣстѣ Герберъ прибавляетъ: „Въ двухъ небольшихъ дневныхъ переходахъ отъ горъ, гдѣ маленькая рѣчка Вирума, выходящая изъ степи между Волгою и Дономъ, впадаетъ въ рѣку Куму, какъ разъ на стрѣлкѣ, гдѣ эти двѣ рѣки сливаются, былъ главный городъ этой страны Маджаръ; и теперь еще тамъ видны подвалы со сводами и развалины большихъ дворцовъ, которые Черкесами и другими окрестъ живущими народами называются Маджаромъ. Здѣсь время припомнить и объ Авахъ, какъ древнемъ племени. Что Маджары, а передъ ними Авары вторглись въ Паннонію и основали Венгерское королевство, это не подлежитъ сомнѣнію; потому что Венгры называютъ себя Маджарами и также называютъ ихъ Поляки и Турки. Что же касается до Аваровъ, то народъ, носящій это имя, живетъ среди кавказскихъ горъ между Георгіей и землей Черкесовъ. У этихъ Аваровъ есть князья, изъ которыхъ главный называется Усей-Аваръ, т. е. Усей надъ Аварами. У нихъ свой языкъ. Имѣетъ ли онъ родство съ венгерскимъ, я не могу сказать, потому что не имѣю случая сравнивать эти языки. Вѣрно лишь то, что языкъ Аваровъ не имѣетъ ничего общаго съ славянскимъ, хотя между мусульманскими именами у нихъ попадаются и славянскія; такъ у нихъ въ большомъ употребленіи имя Януславъ. Хотя они кругомъ окружены высокими и большею частью покрытыми снѣгомъ горами, но у нихъ есть, хоть узкій и извилистый, но довольно удобный, на сколько это возможно въ горахъ, путь, по которому можно ѣхать на лошади, въ Нижнюю Кабарду, а оттуда удобно достигнуть Маджара, такъ что оба эти народа безъ большаго труда могли сообщаться другъ съ другомъ“.

Байеръ въ своей русской географіи (*) говоритъ о развалинахъ слѣдующее: „Ad confluentes fluvios Kuman et Bivarum urbis magnae cadaver jacet, palatiorum rudera et subterraneorum cellarum substructiones“.

(*) *Geographia Russiae. tom. IX.*

Антонъ Фридрихъ Бюшингъ⁽¹⁾ въ статьѣ „Нѣкоторыя историческія замѣтки о развалинахъ города Маджара“ помѣщаетъ сначала показаніе Гербера и высказываетъ убѣжденіе, что свѣдѣніе Байера о Маджарѣ извлечено имъ изъ извѣстія Гербера; за тѣмъ авторъ распространяется объ имени Маджары, которымъ называютъ себя Венгры, Угры и которое даютъ Венграмъ и другіе народы. Къ статьѣ приложены рисунки развалинъ города Маджара и карта той мѣстности; то и другое получено имъ отъ Лерхе, который два раза ѣздилъ въ Персію. Въ заключеніи статьи авторъ говоритъ, что Маджары доходили и до страны, гдѣ находился Маджаръ. Это доказывается и именемъ города, и войною, которую Маджары или Угры вели съ Персами. „Маджары ли основали городъ Маджаръ?—спрашиваетъ авторъ. Профессоръ Фишеръ полагаетъ, что этотъ городъ основанъ Персами и носилъ другое имя, но что Маджары, по завоеваніи города и страны, дали ему это имя“.

Замѣтки о развалинахъ Маджара, помѣщенные въ „Магазинъ новой исторіи и географіи“, еще разъ напечатаны Бюшингомъ въ изданномъ имъ жизнеописаніи и путешествіяхъ Іоанна Якова Лерхе⁽²⁾.

Лерхе пишетъ: „На Кумѣ, во 100 верстахъ отъ Кабарды, достойны осмотра каменные развалины древняго города Маджара. Тамъ видны еще, говорятъ, многіе почти цѣлыя дома съ надписями на неизвѣстномъ языкѣ; но я не могъ тамъ быть, однако досталъ прекрасные очерки развалинъ, вмѣстѣ съ картой цѣлаго степнаго района отъ Астрахани до Сулака, гдѣ означенъ и городъ Маджаръ. Самое подробное описаніе развалинъ Маджара мы находимъ въ путешествіи по Россіи Самуила Готлиба Гмелина⁽³⁾. „21 сентября (1772 г.), пишетъ Гмелинъ, на рѣкѣ Кумѣ оставилъ я большую часть своихъ спутниковъ и съ однимъ лишь тестемъ своимъ отправился вверхъ по рѣкѣ къ развалинамъ древняго знаменитаго города Маджара, куда мы и прибыли до полудня. Мало въ Россіи такихъ достопримѣчательныхъ развалинъ. По дорогѣ отъ Царицына къ Моздоку, на которой очень

⁽¹⁾ Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. Anton Friedrich Büsching. Fünfter Theil. Hamburg; 1777 г. 533—536 стр.

⁽²⁾ Johann Jacob Lerche Lebens- und Reise-Geschichte von ihm selbst beschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von Büsching. Halle. 1791 г. 89—91 стр.

⁽³⁾ Samuel Gottlieb Gmelin Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche Vierter Theil, Reise von Astrachan nach Zarizyn und von da durch die kumanische Steppe über Mosdok zurück, imgleichen zweite Persische Reise in den Jahren 1772 und 1773 bis im Frühling 1775. SPB. 1784 г.

дурной мостъ ведетъ какъ черезъ рѣку Куму, такъ и чрезъ ея притокъ, по рѣкѣ вверхъ до Маджара 60 верстъ.

Въ 18 верстахъ ниже Маджара, въ трехъ нѣсколько отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ, на рѣкѣ видны остатки строеній, которыя носятъ названіе *перваго Маджара*, такъ какъ онѣ первыя встрѣчаются по дорогѣ изъ Астрахани къ Маджару. Прежде всего я опишу главное, среднее мѣсто, *средній Маджаръ*.

Остатки великолѣннаго скиоскаго города Маджара лежатъ какъ разъ на лѣвомъ берегу рѣки Кумы, между двумя довольно значительными озерами Барвала, Бибала токъ, и Тамуслова, которыя оба незамѣтно для глаза имѣютъ сообщеніе съ рѣкой. и когда рѣка лѣтомъ очень низка и большею частію безъ воды, тогда первое озеро представляется болотистымъ тростниковымъ полемъ, на которомъ находятъ кормъ кабаны и другая дичь. Мѣсто, занимаемое городомъ, возвышенный четырехугольникъ, имѣетъ 5 верстъ въ поперечникѣ и весь занятъ развалинами.

Эти руины—вообще краснорѣчивое доказательство прежде большаго и великолѣннаго города. Нѣкоторыя развалины строеній еще въ такомъ положеніи, которое убѣдительно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Многія болѣе пострадали отъ разрушенія, а отъ большей части сокрушительное время оставило лишь мусоръ, фундаментъ, болѣе или менѣе развалившіеся своды и т. п. Лучше всего сохранившіяся и лучшія развалины находятся большею частію на краю четырехугольника и окружаютъ остальные части города. Онѣ заложены по широкому плану изъ большихъ прочныхъ кирпичей, богаты украшеніями и стоятъ большею частію отдѣльно одна отъ другой; кругомъ ихъ слѣды рововъ и вала; по всѣмъ признакамъ то были замки магнатовъ, приспособленные къ оборонѣ, отличавшіеся роскошью и прочностью. Кирпичи такіе же, какіе еще дѣлаютъ астраханскіе Татары, именно шире и толще нашихъ обыкновенныхъ кирпичей. Для кладки стѣнъ употреблены въ нѣкоторыхъ строеніяхъ известь и песокъ, но преимущественно одна глина; почти всѣ комнаты изнутри општукатурены (mit kalk beworfen), сглажены и выкрашены. Фундаменты большею частію изъ кирпича, немногіе изъ плитняка, но всѣ очень прочные. Балки сосновые. Фигура сохранившихся еще зданій четырехугольная, восьмиугольная и круглая. Всѣ отъ 4 до 9 сажень высоты, четырехугольные и восьмиугольные оканчиваются остроконечною пирамидою, или вверху суживаются пирамидально. Къ этой пирамидѣ или куполу ведутъ потаенныя винтовыя лѣстницы, сдѣланныя въ боковыхъ стѣнахъ, которыя узки и рѣдко шире 15 дюймовъ. Пирамиды или куполы освѣщаются отверстіями по сторонамъ на подобіе оконъ. Въ крышѣ куполы со сводами. При каждомъ домѣ есть выстроенная изъ камней высокая и просторная галлерей съ двумя отверстіями—

окнами, дверь изъ этой галлерей ведетъ въ главную нижнюю комнату. Входъ въ галлерей низкій, выступомъ. И такъ каждое строеніе состоитъ только изъ одной главной нижней комнаты, галлерей и купола или пирамиды. Главная комната освѣщается небольшими, довольно высоко расположенными узкими отверстіями, на подобіе оконъ съ каждой стороны; а близко къ полу съ одной или двухъ сторонъ есть также меньшія отверстія для свѣта или, можетъ быть, для протока воздуха. Боковыя стѣны главной комнаты и галлерей снаружи кирпича, вѣроятно для стѣнныхъ украшеній, очень углублены и это углубленіе идетъ все выше сводомъ. Внутри много такихъ углубленій или нишъ. Постройка круглыхъ домовъ еще болѣе отличается отъ теперешней европейской и азіатской архитектуры. Эти дома также отъ 4 до 9 сажень высоты, не велики, кверху со сводами и закруглены, и такъ похожи на круглыя персидскія и другія сторожевыя башни, что ихъ можно было бы считать такими башнями, если бы они не стояли на ровномъ мѣстѣ, и если бы вмѣсто бойницъ у нихъ не было просто отверстій, замѣняющихъ окна. Вѣроятно это были магазины. Посрединѣ главной комнаты находится круглое отверстіе, ведущее въ подвалъ и имѣющее отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ въ поперечникѣ, закрывается оно хорошо прилаженнымъ камнемъ. Этотъ подвалъ—горизонтальный корридоръ, часто не длиннѣе комнаты, но нерѣдко онъ идетъ подъ ея фундаментомъ по прямой линіи какъ разъ къ чертѣ двора гдѣ есть и закрытый входъ въ него. Въ подвалѣ нѣсколько отверстій для протока воздуха.

Украшенія зданій состоятъ изъ глазированныхъ камней синяго, зеленого, красного, кирпичнаго и жемчужнаго цвѣта, которые весьма красиво и искусно вдѣланы между кирпичами во внутреннія и внѣшнія стѣны нижней комнаты, пирамиды или купола и галлерей въ формѣ трехъ или четырехъ-угольниковъ, ромбовъ, крестовъ, сердецъ и различныхъ фантастическихъ фигуръ. Совершенно тоже мы видимъ и въ строеніи въ Селитрянномъ городкѣ⁽¹⁾.

(1) «20 іюня отъ Черной Гряды поплыли мы на хорошемъ суднѣ съ праваго берега Волги на лѣвый чрезъ каналъ, соединяющій Ахтубу съ Волгой, и пристали къ лѣвому берегу Ахтубы, слѣдовательно на луговую сторону степи у *Селитрянаго городка*. Селитряный городокъ лежитъ въ районѣ руинъ татарскаго города, называемаго Татарами Джигитъ-Адши, по имени молодаго челоуѣка, который предпринималъ путешествіе въ Мекку и который построилъ этотъ городъ. Эти руины лежатъ именно на лѣвомъ берегу Ахтубы въ открытой сухой степной мѣстности и занимаютъ до 3 верстъ въ длину и 2-хъ въ ширину.

Древніе остатки состоятъ изъ различныхъ домовъ изъ кирпича, древней стѣны, развалины одного значительнаго строенія, которое въ длину 10 сажень, въ ширину 5-ть, и въ которомъ есть ямы и своды. Многіе камни развалинъ этого строенія не только искусно высѣчены, но и глазированы синею краскою, а частію очень старательно и ловко выложены другими меньшими,

Дворы описанныхъ замѣчательныхъ зданій или скиѣскихъ дворцовъ окружены небольшимъ четырехугольнымъ валомъ, какова бы ни была форма строеній. Въ каждомъ изъ этихъ дворовъ есть могилы, одна или нѣсколько, вѣроятно хозяевъ домовъ и ихъ близкихъ. Гдѣ могилъ много, тамъ всѣ скучены въ одномъ мѣстѣ. На каждой могилѣ стоячій или лежачій камень. Последнїе длиною въ сажень и на верхней сторонѣ большею частію находится изображеніе употребляемаго въ Германіи гроба; на нѣкоторыхъ есть геометрическія и другія фигуры, которыя кажутся мнѣ произвольными, но можетъ быть это почеркъ или печать покойнаго; видны треугольники, квадраты, кресты и другія фигуры. Поверхность большаго надгробнаго камня двумя діагоналями раздѣлялась на три поля: въ среднемъ было изображеніе гроба, на каждомъ изъ двухъ наружныхъ по какой нибудь фигурѣ. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ могилъ на дворахъ есть и особыя общія кладбища, особенно мѣстность по ту сторону озера Вибалы полная различныхъ надгробныхъ камней“.

Это-то безъ сомнѣнія и дало поводъ Рубруквису думать, что славныя развалины Кумскія—не что иное какъ гробницы Комановъ, а другимъ путешественникамъ принять развалины за остатки великолѣпнаго мухаммеданскаго кладбища, принадлежавшаго Моголамъ, которые съ XIII вѣка господствовали между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ (см. Гильденштетъ, *Reisen durch Russland*, 11—27 и Палласа „*Voyage dans les gouvern. mérid. de l'emp. de Russie* p. 264“. Что это не были гробницы, лучше всего доказывается приведеннымъ описаніемъ Гмелина. Рубруквисъ и другіе путешественники могли впасть въ ошибку потому, можетъ быть, что видѣли не самый городъ Маджаръ, а лишь отдѣльные такъ называемые дома маджарскіе, которые они и приняли за гробницы, имѣя въ виду близость ихъ къ могиламъ, которыя, какъ мы видѣли, помѣщаются на дворѣ дома.

Возвратимся къ описанію Гмелина.

„Зданія внутренней городской мѣстности, окруженной этими прочными домами, теперь всѣ въ развалинахъ, образующихъ большею частію небольшіе холмы. Ихъ стѣны, должно быть, сложены изъ плохаго камня, и частію даже выстроены

раскрашенными камнями. Кто выучилъ Татаръ этому искусству? Во всей мѣстности находятъ много человѣческихъ костей, частію въ стѣнныхъ углубленіяхъ, частію въ землѣ, частію на поверхности земли; последнїя вѣроятно вырыты копателями кладовъ, которые часто рыли здѣсь, при чемъ иногда не зарывали отрытыхъ истлѣвшихъ костей. Въ настоящее время всѣ особенно видныя мѣста уже взрыты; при этомъ, впрочемъ не часто, находили золотые и серебряные сосуды, серьги, маленькія рыбки, кольца, каменные стрѣлы, монеты, вырѣзанныя на камнѣ печати, браслеты, мѣдные сосуды и т. п.» Gmelin's *Reise nach Russland. Vierter Theil.* стр. 4 и 5.

(¹) Исторія государства російскаго. Карамзина т. 1, примѣч. 302.

изъ одной необожженной глины. Не смотря на это при каждомъ домѣ былъ свой дворъ, обнесенный валомъ и рвомъ, и хозяева этихъ домовъ покоятся вѣчнымъ сномъ на своей собственной землѣ, какъ это ясно показываютъ слѣды насыпей и камней. Все говоритъ о цвѣтущемъ состояніи этого древняго города.

Маджарь, какъ я упомянулъ, лежитъ близъ Кумы и между двумя озерами, слѣдовательно укрѣпленъ самою природою; дождевыя ямы, прорѣзывающія эту мѣстность, произошли, какъ я полагаю, отъ возвышенія и пониженія уровня воды рѣки и озеръ, а вовсе не составляютъ остатковъ искусственныхъ рововъ, какъ то думаютъ нѣкоторые путешественники. Маджары, если эти ямы существовали и въ то время, конечно могли пользоваться ими въ видахъ защиты. Мнѣ кажется, что еще существующія теперь болѣе крѣпкія строенія на краю города имѣли, по крайней мѣрѣ побочною цѣлю, его оборону. Изъ куполовъ Маджары могли хорошо стрѣлять, а въ подземныхъ сводахъ укрывать достояніе, женъ и дѣтей. Это безъ сомнѣнія не могильныя ямы: къ чему бы въ противномъ случаѣ быть отдѣльнымъ могиламъ на каждомъ дворѣ?

Могильныя ямы приводятъ мнѣ на память, что во всемъ районѣ Маджара повсюду попадаетъ много татарскихъ могильныхъ холмовъ (кургановъ). Вѣроятно они—не маджарскіе, потому что Маджары—отнюдь не Татары, и кромѣ того мы уже ознакомились съ ихъ могилами, которыя не насыпаются въ видѣ холмовъ. Но близъ Маджара, у озера Бибалы, я видѣлъ могильникъ, происхожденіе котораго я рѣшительно не умѣю разгадать. Этотъ могильникъ, можетъ быть, былъ разрушаемъ, можетъ быть кто нибудь одинъ вторгался въ него: такъ мало здѣсь слѣдовъ, по которымъ можно бы ожидать чего нибудь въ землѣ. На покрытой тростникомъ мѣстности находится около двухъ сажень глубины, 4-хъ сажень длины и почти такой же ширины яма съ отлогими стѣнами, которыя были, а частію еще и теперь, покрыты глиною и дерномъ. Эта яма почти вся наполнена истлѣвшими костями. Такъ какъ у Маджаръ были другія мѣста погребеній, то эта масса костей можетъ быть собрана ими послѣ битвы изъ большаго числа своихъ и чужихъ труповъ; или, быть можетъ, Маджары разграбили или избили караванъ или какое либо перекочевывшее племя.

Теперь я вкратцѣ скажу о такъ называемомъ, уже упомянутомъ мною, переднемъ, первомъ Маджарѣ, находящемся на Кумѣ въ 10 верстахъ ниже большаго Маджара. Все состоитъ здѣсь изъ развалинъ трехъ неблизкихъ одно отъ другаго строеній и дворовъ. Одно изъ зданій совершенно похоже видомъ и постройкой на описанныя восьмиугольныя, только больше каждаго изъ тамошнихъ. Украшенія изъ глазированныхъ кирпичей здѣсь менѣе повреждены, чѣмъ тамъ. Остальныя зданія стоятъ саженьяхъ въ 200-хъ отъ перваго и всѣ три трехъугольной формы.

У рѣки Кумы, въ 30 верстахъ выше средняго Маджара, находятся развалины такихъ же домовъ, которыя Русскіе зовутъ верхнимъ Маджаромъ. Противъ средняго, главнаго Маджара, на другомъ берегу Кумы, есть также менѣе замѣтныя развалины древнихъ зданій и домовъ.

Бывшій астраханскій губернаторъ Татищевъ въ 1735 году, когда Татары еще владѣли этою мѣстностію, послалъ нѣсколько человекъ съ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ для изслѣдованія маджарскихъ развалинъ и отысканія какихъ либо древностей. Ему доставили рукопись на синей, очень твердой бумагѣ, и разныя монеты, которыя этотъ историкъ принялъ за скиѣскія. Въ 1756 году майоръ Паролицъ, по повелѣнію Двора, изслѣдовалъ эти развалины, но результатъ этихъ разслѣдованій мнѣ неизвѣстенъ. Многіе и много рыли въ окрестностяхъ этого города не ради исторіи, а ради золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, которыя находятъ здѣсь тамъ и сямъ. Для исторіи было бы не безплодно и очень желательно точное изслѣдованіе этихъ развалинъ, но у меня для этого не было ни времени, ни средствъ.

И слишкомъ несвѣдущъ, заключаетъ описаніе Маджара Гмелинъ, въ средне-вѣковой исторіи и потому не могу сдѣлать никакихъ выводовъ о жителяхъ Маджара. Вѣдь до сего времени Азіатская Скиѣя и Сарматія остается предметомъ историческихъ разысканій, которыя еще не привели къ удовлетворительному результату. Вѣроятно здѣсь жило скиѣское племя, носившее имя Маджаръ, и интересно знать: не потомки ли ихъ кавказскій народъ, именно Ингушофы (Inguschofen).

Какъ бы то ни было, одно не подлежитъ сомнѣнію, что Маджары не могли выбрать себѣ лучшаго мѣстопробыванія, какъ берега рѣки Кумы. Эта мѣстность лежитъ большею частію между 44 и 46 градусами сѣверной широты, плодородна, удобна для земледѣлія и скотоводства, обильна лѣсомъ и водою“.

Эта картина, написанная рукою любознательнаго ученаго, знакомитъ насъ и со странною, гдѣ жили Маджары и описаніе которой почти дословно сходится съ описаніемъ путешественника XIII вѣка Рубруквиса, и съ развалинами Маджара, въ которыхъ мы находимъ тѣже четырехугольныя и круглыя остроконечныя строенія, которыя Рубруквисъ принялъ за могилы Команъ. Въ одномъ Гмелинъ расходится съ Рубруквисомъ—въ описаніи внѣшняго устройства могилъ. Гмелинъ говоритъ, что могилы Маджаръ не насыпаются въ видѣ холмовъ, Рубруквисъ напротивъ утверждаетъ, что могилы Команъ представляются въ видѣ земляныхъ холмиковъ. Какъ согласить это противорѣчіе? По нашему мнѣнію, Рубруквисъ, можетъ быть, и правъ: и у Команъ были небольшіе могильные холмы, но эти холмы въ теченіи времени сгладились, сравнялись съ землею, что и привело Гмелина къ заключенію, будто у Маджаръ надъ могилами холмовъ совершенно не на-

сыпали. Разница между татарскими и мадьярскими могильными холмами заключалась, быть можетъ, лишь въ объемѣ холмовъ: татарскіе были выше и больше мадьярскихъ и потому могли сохраняться дольше. Статуи, которыя видѣлъ Рубрукъ на могилахъ Комановъ, напоминаютъ намъ статуи, находимыя близъ могилъ на Алтаѣ, на Абаканѣ и статуи южно-русскія (*). Съ каменными южно-русскими бабами Марцеллинъ, римскій писатель IV столѣтія, сравниваетъ по безобразію Гунновъ. Изъ картины, начертанной Гмелинымъ, мы видимъ, что городъ Маджаръ былъ нѣкогда цвѣтущимъ городомъ, что владѣнія народа Маджаръ, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ передняго и верхняго Маджара, простирались на довольно значительное пространство, что этому народу не чужды были искусства, что онъ имѣлъ нѣкоторую цивилизацію, что, какъ показываетъ самый планъ жилищъ, приспособленный къ оборонѣ, это было племя воинственное, и можетъ быть, наполняющее маджарскую мѣстность татарскіе могильные курганы и огромная яма съ костями—живой, еще до сего времени уцѣлѣвшій свидѣтель горькихъ битвъ, происходившихъ между Маджарами и Татарами, и между Маджарами и Персами.

И такъ въ XIII вѣкѣ Рубрукъ въ маджарскихъ мѣстностяхъ видѣлъ еще Венгровъ, но самаго города онъ вѣрнѣе всего не видалъ, а проѣзжалъ лишь мимо *домовъ маджарскихъ*. Въ XIV вѣкѣ, какъ видно изъ „Повѣсти объ убіеніи великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго“, городъ Маджаръ еще существовалъ, въ немъ бывали купцы иноземные, была и церковь христіанская. Городъ тогда ясно принадлежалъ уже Татарамъ; о разрушеніи города не говорится. За тѣмъ до начала XVIII вѣка мы не имѣемъ извѣстій объ этомъ городѣ; но въ XVIII вѣкѣ онъ представляетъ уже полную картину разрушенія: это однѣ развалины безъ жителей, хотя развалины, краснорѣчиво говорящія о прежнемъ величій. Куда же дѣвались жители, отъ чего оставленъ городъ, бывшій, какъ видно, главнымъ городомъ страны, кто былъ причиною его развалинъ, что за народъ обиталъ тамъ? Кто построилъ городъ Маджаръ? Построенъ ли онъ Персами, какъ полагалъ профессоръ Фишеръ, а Маджары, по завоеваніи города и страны, дали ему свое имя, или городъ построенъ Маджарами, которые тамъ и вели войну съ Персами и Татарами, пока послѣдніе не изгнали ихъ со всею свирѣпостью, свойственною этому племени? На эти вопросы отвѣты могутъ быть только предположительные. Маджары вѣроятно были изгнаны Татарами, а Татары оставили городъ, когда пала татарская сила, когда и Сарай и Итиль, и Болгары и другіе татарскіе города

(*) Извѣстія Сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Иркутскъ 1872 г. Статья П. Попова «О каменныхъ бабахъ Минусинскаго края».

были покинуты; тогда же вѣроятно стали постепенно исчезать съ лица земли и Маджарь. Время безпощадно истребляетъ остатки древностей, когда рука чело- вѣка не охраняетъ ихъ. Это истребленіе идетъ еще быстрѣе, когда союзникомъ времени въ дѣлѣ разрушенія является и чело-вѣкъ. Посмотрите описаніе Болгарь въ началѣ XVIII вѣка и сравните настоящее положеніе этихъ развалинъ. Съ раз-валинами Маджара въ этотъ же періодъ времени произошла еще большая пере- мѣна къ худшему. Сличите описаніе Гмелина съ тѣмъ, что пишетъ Ставрополь-скій статистическій комитетъ,—какая громадная разница! Тамъ еще живая карти-на древняго быта, здѣсь же сравнивающіеся съ землею остатки развалинъ, пол-ные глубокой тайны и высокаго историческаго интереса. Да придутъ археологиче-скіе съѣзды и общество на помощь, пока не все слѣды еще сокрушены зубомъ времени и алчною рукою промышленниковъ—бугровщиковъ⁽¹⁾, да произведены бу-дутъ первыя правильныя раскопки какъ развалинъ домовъ, такъ и дворовъ, и подваловъ. Что же за племя тамъ обитало?

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ прекрасной мѣстности на берегахъ Кумы, въ этомъ древнемъ славномъ городѣ, развалины котораго теперь къ сожа-лѣнію сравниваются съ землею, жили Маджары, Мадьяры, Угры, нынѣшніе Венг-ры, что они воевали съ Персами и Татарами. Здѣсь-то, отъ столкновенія съ Пер-сами, Мадьяры приняли въ свой языкъ персидскія слова, и до нынѣ пользующія-ся у нихъ правомъ гражданства. Венгры сами себя любятъ называть Мадьярами (Маджарами), такъ зовутъ ихъ и Турки. Имя Маджарь, мы, полагаемъ, происхо-дитъ отъ арабскаго маджъ—сраженіе и аръ и еръ чело-вѣкъ—мужъ и означаетъ слѣдовательно мужа битвы, боеваго мужа. Такъ вѣроятно прозвали ихъ народы тюркскаго племени, съ которыми они воевали, и Уграмъ по сердцу пришлось это названіе, а настоящее свое имя Угры или Унгры, какъ имя собирательное, ниче-го не означающее, они отбросили. По мнѣнію Бюппинга слово Унгарь или Угеръ— не собственное имя, а общее, означающее пришлеца, чужаго чело-вѣка. Такъ, по мнѣнію профессора Фишера, вѣроятно назвали ихъ прежде всего русскіе. Но ун-гарь или угеръ—не русское слово, это, скорѣе слово финское унаръ, сложенное изъ *уна*—множество и *ар*—чело-вѣкъ и означаетъ *много людей*, или, такъ какъ

(1) «Въ то время какъ воеводы и другіе служилые люди при покореніи Сибири были оза-бочены развѣдкою рудъ и сборомъ ясака съ живыхъ инородцевъ, для пополненія Государевой казны,—появились такъ называемые *курганщики*, именовавшіеся также *бугровщиками*, *могиль-щиками*, *кладоискателями*, обкрадывающіе мертвыхъ». Извѣстія Сибирск. отдѣла Императорскаго русск. географич. общ. 1871 г. Т. II. №№ 1 и 2, стр. 47. Статья Н. Попова: «Общій историч. обзоръ археологическихъ розысканій въ Сибири».

финскія племена называли себя людьми, какъ бы по преимуществу⁽¹⁾, то Унны или Унгры могло означать собраніе финскихъ племенъ, также какъ и Боларь, Билеръ (Болгарь),—отъ бол—много и ар—ерь—человѣкъ,—было названіемъ собирательнымъ. Болгары прозваны такъ вѣроятно Татарами, которые этимъ именемъ могли обозначать разноплеменное государство, или просто переводить финское слово унаръ, унгарь. Древнѣйшіе византійскіе современники называютъ Болгарь Уннами.

Парижанинъ Петръ Бержеронъ въ 4 книгѣ своего *Traité des Tartares* говоритъ: „Команы, жившіе въ Команіи или Куманіи между Дономъ и Волгою, очень сильный народъ“. „Что же касается до Гунновъ, пишетъ онъ въ гл. VI, то они вышли сначала изъ Югріи или Югаріи, очень сѣверной страны, (которая еще и теперь называется Югрой или Югорой), они выгнали Готовъ или Гетовъ, а Готы Алановъ, Роксолановъ, Рутеновъ и Вандаловъ. Гунны потомъ перешли въ Паннонію, гдѣ остановились и дали странѣ свое имя. Рубруквисъ въ гл. XXIII говоритъ: „Языкъ Башкиръ и Венгерцевъ одинъ и тотъ же. Башкиры (Паскатиры) всѣ пастухи, у нихъ нѣтъ ни городовъ ни сель. Изъ земли-то Башкиръ вышли нѣкогда Гунны, которые впоследствии получили названіе Венгровъ. Авторъ болгарской лѣтописи Шарифъ-эд-динъ вмѣстѣ съ Башкирами помѣщаетъ Мисаровъ (Маджаровъ). Исидоръ утверждаетъ, что эти народы на своихъ быстрыхъ коняхъ прорвали барьеръ, положенный Александромъ въ горахъ Кавказа для прегражденія варварскимъ народамъ пути въ Персію“⁽²⁾. Герберштейнъ полагаетъ, что Остяки и Вогулы—родственныя съ вышедшими изъ Югры Венграми племена⁽³⁾. Венгерець Дьармати находитъ большое сходство венгерскаго языка съ языкомъ Лопарей. Письмена древнихъ рукописей венгерскихъ сходны съ письменами зы-

(1) Черемисы—мари (люди), Мордва отъ *морт* (человѣкъ), Вотяки *Уд-морт-пи*, Вогулы—манси или манчи отъ *мам* (жритель), Пермьяки—Коми-отирь, сѣверные Остяки—Кондихо (отъ рѣки Конды и хо (человѣкъ), Самоѣды—нинечъ (человѣкъ). Татары Вотяковъ зовутъ *Ар* (См. Корневой чувашско-русскій словарь II. И. Золотницкаго стр. 244, 245).

(2) Свѣдѣніе Исидора напоминаетъ намъ о народѣ Юнанъ-Шульганахъ и Юнанъ-Касурахъ, которые, какъ говорится въ неизданныхъ еще татарскихъ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Хлѣбникову, жили въ пещерахъ въ смежности съ Казанской губерніей и въ Уральскихъ горахъ и ѣздили на быстрыхъ кудрявыхъ лошадяхъ (свѣдѣніе, сообщенное мнѣ Д. В. Хлѣбниковымъ, у котораго находятся эти рукописи).

(3) *Naec est Jugaria, ex qua olim Hungari progressi Pannoniā occuparunt Attilaque duce multas Europae provincias debellarunt. Aiunt Jugaros in hunc diem eodem cum Hungaris idiomate uti, quod an verum sit nescio, Herberstein, Rerum Moscovit. commentar. M. Alexander Castren's, Versuch einer Ostiakischen Sprachlehre, herausgegeben von Schiefner.*

рянскими, какъ мы убѣдились путемъ сравненія тѣхъ и другихъ. Клапротъ въ своей *Asia polyglotta* утверждаетъ, что Вотяки и Вогулы говорятъ языкомъ, который изъ всѣхъ финскихъ языковъ по корнямъ болѣе всего сходенъ съ нынѣшнимъ венгерскимъ. Кастренъ прибавляетъ къ этому мнѣнію Клапрота слѣдующее: „Этотъ взглядъ достаточно подтверждается моими изслѣдованіями. Хотя въ настоящее время угорскіе языки имѣютъ очень много различія съ венгерскимъ, но это различіе естественное слѣдствіе того отдаленія, въ которомъ цѣлые вѣка жили эти племена. Въ теченіе этого времени венгерскій языкъ принялъ въ себя много чуждыхъ элементовъ, точно также какъ угорскіе языки въ свою очередь измѣнили свой первоначальный характеръ вслѣдствіе разнообразныхъ внѣшнихъ вліяній. Не смотря на это, въ угорскихъ языкахъ и въ венгерскомъ остались многія коренныя слова и даже нѣкоторыя грамматическія особенности, которыя или совсѣмъ не встрѣчаются, или по крайней мѣрѣ попадаются весьма рѣдко въ другихъ родственныхъ языкахъ. Болѣе точныхъ свѣдѣній о родствѣ названныхъ языковъ ученый свѣтъ можетъ ожидать отъ природнаго Венгерца, который недавно возвратился изъ путешествія къ Остякамъ и Вогуламъ, предпринятаго имъ съ филологическою и этнографическою цѣлями“.

Ожиданіе нашего ученаго не сбылось: Венгры, принадлежность которыхъ къ финскому племени по многимъ даннымъ историческимъ и филологическимъ трудно отрицать, съ беззастѣнчивостію и настойчивостію, достойною лучшихъ цѣлей, навязываются на родство Туркамъ. Невольно приходитъ намъ при этомъ на память преданіе, ходящее въ Сибири: когда появилось тамъ дерево съ бѣлою корою (береза), то шаманы объявили, что появленіе бѣлаго дерева означаетъ скорое пришествіе воиновъ Бѣлаго Царя (Ак-Хана), которые и покорятъ страну. Чтобы избѣгнуть этой бѣды, Чудаки вырыли ямы и заживо погребли себя въ нихъ, со всѣми своими сокровищами. Какъ ни оригиналенъ поступокъ, приписываемый преданіемъ Чуди, но предки, если и вѣрять преданію, поступили все же лучше своихъ охристіанившихся и оцивилизованныхъ потомковъ, которые, изъ страха предъ силою того же Бѣлаго Царя, отрекаются отъ христіанства и цивилизаціи и стремятся такимъ образомъ зарыть не только тѣло, но и сокровища души своей въ вѣчную, непроглядную темь.

Гдѣ искать въ наше время потомковъ тѣхъ Можаръ, которые въ 1551 году среди поля Арскаго бились съ Казанцами вѣрные присягѣ Русскому Царю? (¹)

(Ап. Оед. Можаровскаго).

Почтѣнный приглашеніемъ отъ предварительнаго комитета по устройству IV Археологическаго Съѣзда въ Казани принять участіе какъ въ трудахъ предварительнаго комитета, такъ и самого Съѣзда, я какъ только получилъ подробную программу вопросовъ, имѣющихъ обсуждаться на Съѣздѣ, по разсмотрѣніи ихъ остановился, какъ Можаровскій, на вопросѣ о Можарахъ, тѣхъ самыхъ, которые въ 1551 году „среди поля Арскаго бились съ Казанцами вѣрные присягѣ Рус-

(¹) Реператъ этотъ не былъ читанъ на Съѣздѣ, но помѣщается здѣсь по его существенной связи съ реператомъ П. Д. Шестакова. В. В. Радлову принадлежитъ слѣдующая замѣтка къ этому реперату.

Мнѣніе г. Можаровскаго о томъ, что слѣды *Мажаровъ* надобно искать между живущими въ нашемъ краѣ инородцами, совершенно основательно; я увѣренъ, что онъ идетъ по настоящей дорогѣ. Но упоминаемые имъ *Мишарь-Чуваши* не единственные потомки «*Мажаровъ*». Татары восточной Россіи сохранили мало воспоминаній о прежней исторической жизни своихъ предковъ и названіе «мусульманинъ» могло совершенно вытѣснить родовыя названія. Слѣды такихъ однако названій я вижу въ именахъ: *Башкуртъ*, *Тепляръ*, *Тюмянъ*, *Казань-или* и *Мишаръ*. Последнимъ именемъ называются Татары, обитающіе отчасти въ Симбирской и Самарской губерніяхъ и кромѣ того въ губерніяхъ Нижегородской, Саратовской и Пензенской. Языкъ этихъ Мишаръ, образуя нынѣ отдѣльное поднарѣчіе, представляетъ довольно рѣзкія особенности, кромѣ того въ него вошло такое значительное число русскихъ словъ, что здѣшніе Татары надъ ними смѣются, называя ихъ «*ярымъ урымъ*» (полурусскими). Такъ какъ переходъ гласнаго звука кореннаго слога *я* (ā) въ *и* совершился только въ послѣднихъ столѣтіяхъ, то прежде это племенное названіе выговаривалось «*Мяшаръ*», что довольно близко къ слову «*Мажаръ*». Я увѣренъ, что *Мишаръ*, живущіе нынѣ разбросанными на довольно значительномъ пространствѣ, прежде обитали густыми массами въ южной части Казанскаго ханства (на это указываетъ единство ихъ поднарѣчія) и тогда известны были русскимъ сосѣдямъ подъ названіемъ «*Мажаръ*».

скому Царю“, и которые потомъ вмѣстѣ съ другими насельниками бывшаго Казанскаго царства отправляли пословъ къ Іоанну Васильевичу, моля его, чтобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея въ цари.

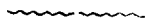
Отъ 24 апрѣля сего 1877 года я писалъ г. предѣдателю предварительнаго комитета въ Казани П. Д. Шестакову слѣдующее: „Въ ряду вопросовъ, предложенныхъ къ обсужденію на Съѣздѣ по II Отдѣленію подь №№ 36 и 38 поставлены вопросы: „можно ли Каратаевъ и Терюханъ считать за подраздѣленіе Мордвы, равное Мокшѣ и Эрзѣ?“ и: „кого можно считать въ наше время потомками Бургасовъ“. По однородности предмета я желалъ бы предложить отъ себя слѣдующій вопросъ: „къ какому племени принадлежали исчезнувшіе съ казанской почвы Можары, и какимъ другимъ, предполагается болѣе сильнымъ племенемъ, поглощены они?“ Въ данное время, послѣ реферата Его Превосходительства П. Д. Шестакова о кавказскихъ развалинахъ Маджаръ, въ которомъ (рефератѣ) предварительно прямого дѣла было выяснено, послѣ какого народа остались эти развалины, и къ которому (народу) безъ всякаго сомнѣнія принадлежали и занимающіе меня казанскіе Можары, первая половина моего вопроса отъ 24 апрѣля болѣе уже неумѣстна, какъ дѣло рѣшеное общимъ обсужденіемъ гг. членовъ Археологическаго Съѣзда. Мнѣ остается теперь рѣшить вторую половину вопроса отъ 24 апрѣля и я его предъ лицомъ гг. членовъ IV Археологическаго Съѣзда видоизмѣняю такъ: Гдѣ искать въ наше время потомковъ тѣхъ Можаръ, которые въ 1551 году „среди поля Арскаго бились съ Казанцами вѣрные присягѣ (правдѣ) Русскому Царю?“

Описавъ подь 1551 годомъ основаніе Свѣязска, лѣтописецъ присовокупляетъ, что „Воеводы... Чувашу и Черемису, и Мордву, и Можаровъ и Тархановъ привели къ правдѣ... да послали ихъ къ Казани, а съ ними смотрѣти Петра Турова да Алексея Ершова, и Горніе собрався много да пошли—и перевезли ихъ Казаки подь Тарлошью да на Каменномъ перевозѣ, и пошли къ городу... Іюня, и пришли на Арское поле, и вышли къ нимъ всѣ Казанскіе люди и Крымцы, и билися крѣпко...“ За тѣмъ, послѣ бунта Казанцевъ противъ Крымцевъ и Кошача въ самой Казани, мы видимъ въ посольствѣ къ царю Іоанну Васильевичу пословъ и отъ Можаровъ просить въ цари Казанскіе Шигъ-Алея. Упомянутое лѣтописца объ участіи Можаръ, какъ особаго племени, въ битвѣ ихъ съ Казанцами и потомъ его же упоминанье о послахъ отъ Можаръ къ Русскому Царю на ряду съ послами отъ другихъ племенъ, входившихъ въ составъ Казанскаго царства указываетъ на значительную численность этого племени на территоріи бывшаго Казанскаго царства даже во время его паденія. Гдѣ же въ наше время эти Можары, или: точнѣе, ихъ потомки?

Въ своемъ движеніи, во время общаго броженія племень, Моджары, прежде чѣмъ обосновались на опредѣленной мѣстности, исходили значительныя пространства нынѣшней Европейской Россіи и вездѣ оставили послѣ себя хотя незначительныя слѣды въ названіяхъ урочищъ съ именемъ Маджарь, Можарь, Ма-жарь. Такъ, изъ нѣкоторыхъ изданныхъ Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи мы видимъ слѣды пребыванія Маджарь въ названіяхъ урочищъ въ губерніяхъ: 1) Уфимской подь №№ 1251, 2273 и 2274; 2) Казанской подь №№ 1977, 2073, 2881 и 3069; 3) Нижегородской подь №№ 4403 и 4404; 4) Рязанской подь №№ 2885, 2887 и 3358; 5) Тамбовской подь №№ 1159, 1182, 1421, 1436, 1459 и 2612; 6) Почтавской подь №№ 2107, 2111 и 2172. Кромѣ того по Щекатову Словарию въ Пензенской губерніи есть рѣчка Можаровка, коей истокъ при селѣ того же имени, и озеро Маджарь близъ Енисея въ Томской губерніи. Есть ли вблизи перечисленныхъ урочищъ съ именемъ Можарь потомки Маджарь, давшихъ имъ названія, въ данное время, не рѣшаю этого вопроса; мнѣ нужны теперь только казанскіе Можары. Изъ того, что въ лѣтописи казанскимъ Можарамъ отводится мѣстожителство на правомъ, горномъ берегу Волги, и изъ того, что урочища съ именемъ Маджарь въ нынѣшней Казанской губерніи находятся все безъ исключенія на томъ же правомъ берегу Волги, я прихожу къ заключенію, что казанскіе Можары въ половинѣ XVI вѣка обитали на нагорной сторонѣ и преимущественно въ нынѣшнемъ Тетюшскомъ уѣздѣ, какъ ему опредѣлены границы при учрежденіи Казанскаго намѣстничества въ 1782 году. Въ данной мѣстности нѣтъ нынѣ Можарь, какъ особаго народа, но тамъ же есть и значительная доля Чуваши, Чуваши совершенно рознящихся отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ въ настоящей *Чувашиланди*, какъ называетъ территорію Чуваши, населяющихъ Чебоксарскій, Цивильскій и Ядринскій уѣзды, покойный В. А. Сбоевъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи „о Чувашахъ“,—(рознящихся) и по языку, и по внѣшнему облику, и по домашнему быту, и даже по костюму. Нельзя ли видѣть въ этихъ нынѣшнихъ Тетюшскихъ Чувашахъ помѣсь настоящихъ Чувашей съ поглощенными ими Можарами, лѣтъ 300 назадъ тому здѣсь жившими? Если возможно было знаменитому изслѣдователю объ инородцахъ Казанской губерніи (Сбоеву) „не отыскивать Чуваши между финскими племенами и не видѣть въ нихъ ничего общаго и родственнаго съ Чудью бѣлоглазой“, а отождествлять ихъ съ Буртасами и приписывать имъ тюркское происхожденіе, то почему въ вопросѣ о казанскихъ Можарахъ мнѣ не допускать гипотезы о поглощеніи ихъ тетюшскими Чувашами, образовавшимися отъ помѣси истыхъ Чувашей аборигеновъ, превосходныхъ численностію, съ малымъ числомъ приплывшихъ на берега Волги Можарь? Я предполагаю, что эта моя гипотеза вызываетъ улыбку у знатоковъ дѣла, но наука при-

знаетъ категорически вѣрнымъ только то, что всесторонне обследовано. Не имѣя основанія и по обстоятельствамъ возможности доказать предъ ученымъ собраніемъ археологовъ безусловную вѣрность моей гипотезы по вопросу о казанскихъ Можарахъ, я ставлю вопросъ о нихъ открытымъ къ обсужденію Съѣзда, съ таковымъ присовокупленіемъ отъ себя, что въ Тетюшскомъ уѣздѣ Чувашь, живущихъ по р. Кубнѣ, Чувашаи же другой мѣстности называютъ „Мижерь“ Мижерами, или: Мижерь-Татарами, а въ смежномъ съ Тетюшскимъ уѣздомъ уѣздѣ Буинскомъ Симбирской губерніи отатарившуюся помѣсь Чувашей съ Можарами называютъ (на базарѣ Юхмѣ) Мижерь-гутарь, Мещерь-гутарь, Мещерякъ-гутарь. Эти Мижерь-татары и Мещерякъ-гутары не сходны ни съ истыми Чувашами, ни съ истыми Татарами, не говоря про мелочи, даже въ языкѣ, хотя болѣе близки къ Татарамъ. Не въ этихъ ли Мижеряхъ надобно искать, хотъ смѣсившихся, потомковъ тѣхъ Можарь, которые составляютъ предметъ моего реферата? Выходя изъ того, что при современномъ состояніи археологической науки нельзя быть категоричнымъ въ сужденіяхъ по разнымъ вопросамъ, ускользнувшимъ въ свое время отъ вниманія современниковъ, я съ горячимъ сочувствіемъ принимаю заявленіе С. М. Шпилевского, поддержанное и самимъ г. председателемъ IV Археологическаго Съѣзда въ первое засѣданіе о сложившемся убѣжденіи между казанскими учеными о нуждѣ образовать самостоятельное археологическое общество въ самой Казани для разработки мѣстной и общерусской исторіи на основаніи археологическихъ изысканій, заявленіе столь сочувственно принятое какъ членами Съѣзда, такъ и просвѣщенной казанской публикой, дружно аплодировавшими этому заявленію, заявляетъ почти перешедшему въ дѣло на вечернемъ засѣданіи 5 августа. Съ учрежденіемъ самостоятельнаго Казанскаго археологическаго общества, при дальнѣйшемъ его развитіи и ростѣ, Богъ дастъ не останется для исторіи ни одного вопроса, который бы разрѣшался не категорически, а гипотетически, чего пока нельзя избѣгнуть при новости археологической науки и при маломъ числѣ ея дѣятелей. Вотъ почему я склоняюсь до земли предъ сложившимся убѣжденіемъ о нуждѣ учрежденія и образованія въ Казани именно Казанскаго Археологическаго общества и оставляю кафедру въ полной надеждѣ на скорое осуществленіе этого убѣжденія.

2 Августа 1877 г.

ГОРОДЪ БУЛГАРЪ.

С. М. Шпилевскаго.

(Читано въ засѣданіи 31 іюля. См. Протокол. стр. XXXIII—XXXIV).

Содержаніе настоящаго моего сообщенія представляетъ главнымъ образомъ извлеченіе относящагося къ г. Булгару изъ изслѣдованія, приготовленнаго мною къ нынѣ открытому IV Археологическому Съѣзду.

Я буду имѣть честь говорить объ источникахъ исторіи города, о зданіяхъ и развалинахъ нынѣшняго городища этого города, надгробныхъ надписяхъ, здѣсь сохранившихся, и о вещахъ и монетахъ, здѣсь найденныхъ.

О древнемъ г. Булгарѣ, столицѣ Камско-Волжской Булгаріи—важнѣйшей исторической мѣстности здѣшняго края, мы имѣемъ положительныя извѣстія съ X ст., къ которому принадлежатъ 7 арабскихъ писателей: Ибнъ-Фадланъ, Ибнъ-Даста, Масуди, Эль-Балхи, Истахри, Ибнъ-Хаукаль и Мукаддеси. Далѣе о г. Булгарѣ говорятъ и позднѣйшіе арабскіе писатели: XI ст. Эль-Бекри, XII ст. Эдриси, Андалуси и Джевалики, XIII ст. Якутъ и Казвини, XIV ст. Абуль-Феда, Ибнъ-ель-Варди и Ибнъ-Батута, XV ст. Химъяри (Хумейри). Всѣ эти писатели большею частію повторяютъ одинъ другаго, такъ что важнѣйшими представляются болѣе древніе; позднѣйшіе не только повторяютъ, но часто и извращаютъ своихъ предшественниковъ, такъ напр. Френъ указалъ, что Казвини нѣкоторыя мѣста, относящіяся у Ибнъ-Фадлана къ Булгару, несправедливо приводитъ подъ рубрикою „Славяне“, на томъ основаніи, что Ибнъ-Фадланъ названія Булгары и Славяне употребляетъ какъ синонимы.

Не смотря на представленную довольно длинную вереницу именъ арабскихъ писателей о г. Булгарѣ, должно признать, что въ сущности всѣ эти арабы сообщаютъ о столицѣ Булгарскаго царства не очень много. Двое древнѣйшихъ и важнѣйшихъ писателей о Булгарахъ Ибнъ-Фадланъ и Ибнъ-Даста не говорятъ собственно о городѣ, только нѣкоторыя мѣста у нихъ о Булгарахъ вообще, могутъ

относиться и къ городу. Все сообщаемое арабскими писателями заключается въ слѣдующемъ: городъ находится у Волги, тамъ очень холодно, лѣтомъ очень длинные дни и короткія ночи, а зимою на оборотъ, этотъ городъ былъ главнымъ торговымъ пунктомъ до разрушенія его Русскими въ 968 г.; дома деревянные, сосновые, а стѣны дубовыя, лѣтомъ жители города переходятъ въ войлочные юрты, въ городѣ главная мечеть, мусульманское училище, но въ городѣ живутъ и христіане. Абульфеда, какъ на особенную достопримѣчательность, указываетъ на 3 бани; число жителей до 10 тысячъ по однимъ писателямъ, а по другимъ 500 семействъ. Якутъ называетъ Булгаръ городомъ Славянъ.

Въ тридцатыхъ годахъ XIII стол. совершилось завоеваніе Булгаріи Монголами. Важнѣйшими мусульманскими источниками исторіи нашествія Монголовъ считаются персидскіе писатели Рашидъ-Эдинъ и Джувейни и арабъ Ибнъ-Эльасиръ, но изъ нихъ только Джувейни упоминаетъ о самомъ г. Булгарѣ.

Къ исторіи г. Булгара относятся и позднѣйшія баснословныя персидскія сказанія о началѣ этого города: по Мирхонду, писателю XV ст., г. Булгаръ былъ основанъ сыномъ Ифета, а другіе позднѣйшіе персидскіе историки основателемъ города считаютъ Александра Македонскаго.

Обращаясь къ источникамъ монгольско-татарскимъ, я считаю важнымъ привести слова Френа: „Отъ Монголовъ, говоритъ онъ, которые въ Дештъ-Кипчакъ (т. е. въ степяхъ приволжскихъ) основали такъ называемую Золотую Орду, должно было бы ожидать, что они, какъ это было у современной родственной династіи въ Иранѣ, напишутъ свои собственныя лѣтописи, которыя могли бы говорить и о г. Булгарѣ и прежней его исторіи. Но напрасно въ продолженіе 25 лѣтъ я искалъ такую спеціальную исторію улуса Джучи. Только немногія, традиціональныя извѣстія, которыя своими анахронизмами обличаютъ позднѣйшее свое происхожденіе, составляютъ все, что у нашихъ Татаръ сохранилось изъ монгольскаго періода относительно Булгара“.

Представителемъ традиціональныхъ татарскихъ извѣстій представляется сочиненіе, написанное Шерефъ-Эдиномъ-бенъ-Хусамъ-Эдиномъ Булгари, въ окрестностяхъ г. Булгара, въ деревнѣ Ташъ-Буляки, въ 1551 г., т. е. за годъ до завоеванія Русскими Казани. Здѣсь представляется баснословный рассказъ о проповѣди ислама въ г. Булгарѣ тремя современниками и сподвижниками самаго пророка Мухаммеда, въ 9 годъ гижры; затѣмъ представляется исторія распространенія ислама въ сосѣднихъ съ г. Булгаромъ странахъ, т. е. вычисляются послѣдователи и послѣдовательницы сподвижниковъ пророка, послѣдователи послѣдователей и знаменитые шейхи до 1504 г., при чемъ указываются могилы всѣхъ этихъ и другихъ мусульманскихъ святыхъ. Эти топографическія данныя я считаю очень

важными для опредѣленія границъ, какъ далеко изъ г. Булгара, какъ центра, распространялось господство ислама и слѣдовательно болгарско-мусульманской культуры. Западными предѣлами распространенія ислама представляются притоки Волги: съ правой стороны Свіага, съ лѣвой Казанка; на востокъ до р. Урала и Уральскихъ горъ, на сѣверѣ предѣлы ислама ограничивались юго-восточною частью нынѣшней Вятской губерніи. Относительно южныхъ предѣловъ господства ислама изъ г. Булгара должно замѣтить, что болѣе древнія данныя, т. е. могилы послѣдователей сподвижниковъ пророка указываются только до р. Черемшана, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ Волгу, въ сѣверной половинѣ нынѣшней Самарской губерніи; но позднѣйшія данныя, именно извѣстія о шейхахъ, которые проживали сначала въ г. Булгарѣ, и потомъ въ Казани, упоминаются въ числѣ городовъ, на которые распространялась духовная власть этихъ болгарско-казанскихъ шейховъ, Синбирь (Синбирскъ) и даже Саратовъ (Саратау).

Второй историческій разсказъ болгарскаго историка—о завоеваніи г. Булгара Тамерланомъ.

Эти два разсказа о принятіи въ г. Булгарѣ ислама и о завоеваніи города Тамерланомъ составляютъ главное содержаніе татарскихъ рукописей, въ которыхъ обнаруживается, какъ Татары переиначивали и перепутывали историческіе факты и показанія своихъ предшественниковъ. Отрывокъ изъ татарской лѣтописи, составленной въ 1584 г. и найденной у Татаръ Елабужскаго уѣзда, относитъ разсказанное Шерефъ-Эдиномъ Булгари о проповѣди ислама въ г. Булгарѣ къ г. Елабугѣ, а трехъ проповѣдниковъ ислама называетъ посланными не отъ пророка Мухаммеда, а отъ завоевателя Константинополя Мухаммеда II. Это особенно рѣзкій примѣръ анахронизмовъ и нелѣпостей такъ называемыхъ историческихъ татарскихъ рукописей.

Попадаетъ еще въ татарскихъ рукописяхъ исчисленіе Булгарскихъ хановъ, а одна татарская рукопись приводитъ слѣдующее извѣстіе объ основаніи г. Булгара: „Г. Булгаръ построенъ Кассиръ-Шахомъ Самаркандскимъ, прожившимъ 90 лѣтъ въ ученіи Христовомъ. Онъ оставилъ по себѣ сына—мудраго Сократа, который получилъ въ управленіе область Юпанъ, и въ это время взялъ себѣ въ супружество жену въ Болгарахъ, вмѣстѣ съ Искандеромъ Румельскимъ (Александромъ Македонскимъ). Оба прожили 9 мѣсяцевъ въ Болгарахъ и отправились потомъ въ Діаръ-Далмату“.

Я считалъ необходимымъ привести примѣры историческихъ нелѣпостей, попадающихся въ татарскихъ рукописяхъ, чтобы характеризовать этотъ мнимый историческій источникъ. Нѣкоторые предполагаютъ возможность найти у Татаръ важныя историческія рукописи, но, принимая во вниманіе однообразіе содержанія

уже известных рукописей и полноты, в них находящийся, должно признать, что нет данных надеяться на этот источник.

Между Татарами существуют и некоторые устные предания, но известные из этих преданий повторяют только с некоторыми вариантами известное из рукописей.

Между Татарами попадаются особенные знатоки преданий, так напр. изследователь болгарских древностей в начале нынешнего столетия, некто Кафтанниковъ, заявляет, что онъ большею частью объясненій и догадокъ относительно развалинъ Булгара и другихъ городовъ Булгарскаго царства обязанъ адъюнкту восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ Хальфину, который зналъ много устныхъ преданий объ этомъ краѣ отъ своихъ единовѣрцевъ. По рекомендаціи Хальфина, Кафтанниковъ отыскалъ въ Лаишевскомъ уѣздѣ ученаго муллу 80 лѣтняго старика, который между своими почитался за ученѣйшаго; онъ сообщалъ Кафтанникову многія любопытныя извѣстія о древней исторіи болгарскаго народа. Одинъ мулла изъ Лаишевскаго уѣзда написалъ на татарскомъ языкѣ Казанскую исторію, которую въ настоящее время переводитъ на русскій языкъ; предисловіе и первую главу своей исторіи въ русскомъ переводѣ мулла на дняхъ прислалъ въ Казань; изъ предисловія видно, что авторъ пользовался устными преданіями, а въ первой главѣ я нашелъ одно новое, доселѣ неизвѣстное преданіе о покореніи Булгаръ богатырями окрестныхъ инородцевъ. Одинъ проживающій въ г. Казани Татаринъ обѣщаетъ за денежное вознагражденіе сообщить какія-то будто-бы новыя, очень важныя историческія свѣдѣнія. На дняхъ г. Износковъ встрѣтилъ въ г. Мамадышѣ знатока древностей здѣшняго края г. Хлѣбникова, о которомъ упоминаетъ покойный Невоструевъ, какъ о хорошо знающемъ татарскій языкъ; Невоструевъ велъ съ Хлѣбниковымъ ученую корреспонденцію. Г. Износковъ предполагаетъ, что Хлѣбниковъ можетъ сообщить новыя свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи здѣшняго края.

Я остановился несколько на знатокахъ татарскихъ преданій, потому что считаю очень важнымъ привлечь къ дѣлу изученія здѣшняго края въ историко-этнографическомъ отношеніи представителей здѣшняго разнообразнаго инородческаго населенія. Въ послѣднее время такіе дѣятели изъ инородцевъ уже начинаютъ появляться.

Важнымъ источникомъ для исторіи г. Булгара представляются нумизматическія данныя: сохранилось несколько монетъ X стол., битыхъ въ г. Булгарѣ, съ именами болгарскихъ владѣтелей и багдадскихъ халифовъ. Эти монеты Френъ называетъ „несвоевременнымъ растеніемъ, которое скоро замерло“. Френъ не признаетъ существованія болгарскихъ монетъ, послѣ вышеуказанныхъ, до начала мон-

гольского владычества, когда появляются монеты, битые в г. Булгарѣ, съ именами монгольскихъ хановъ. Френъ опровергаетъ даже собственное свое прежнее предположеніе о болгарской монетѣ, битой незадолго до нашествія Монголовъ, но позднѣйшій орьенталистъ, покойный П. С. Савельевъ признаетъ существованіе болгарскихъ монетъ конца XII и начала XIII стол. Монеты, битые в г. Булгарѣ, съ именами хановъ Золотой Орды, продолжаются до половины XV столѣтія. Это противорѣчитъ татарскимъ рукописямъ и преданіямъ, которыя говорятъ, что г. Булгаръ былъ совершенно разрушенъ Тамерланомъ.

Важнѣйшимъ предметомъ содержанія татарскихъ преданій, какъ я уже замѣтилъ, представляется разсказъ о разгромѣ болгарскихъ владѣній Тамерланомъ и въ связи съ этимъ объ основаніи Казани, начало которой было будто бы положено сыновьями царя города Булгара, убитаго Тамерланомъ.

Только неизвѣстный сочинитель Казанской исторіи, приписываемой Глазатову, и болгарскій историкъ Шерефъ-Эдинъ упоминаютъ о Казани до нашествія Тамерлана. Первый говоритъ, что Казань была основана сыномъ Батыя Сайномъ, на крайнѣ русской земли, на томъ мѣстѣ, гдѣ Сайнъ, умиловивленный покорностью и дарами русскимъ князей, остановился въ походѣ противъ нихъ. Русскіе люди, которые жили въ окрестныхъ селахъ, были изгнаны. Всѣ эти подробности объ основаніи города Казани подрываютъ довѣріе къ этой исторіи. Нельзя согласиться, чтобы мѣсто нынѣшней Казани было крайною русской земли, что здѣсь были пограничныя русскія селенія; изъ болѣе достовѣрныхъ русскихъ лѣтописей извѣстно, что границею русской земли передъ нашествіемъ Татаръ была далѣе на западъ—рѣка Сура.

О походахъ татарскихъ хановъ вверхъ по Волгѣ нѣтъ указаній въ русскихъ лѣтописяхъ. Самое названіе сына Батыя Сайномъ, т. е. принятіе нарицательнаго имени „сайнъ“ (добрый) за собственное имя показываетъ скудость знаній неизвѣстнаго автора.

Подобно этой исторіи и сказаніе Шерефъ-Эдина не заслуживаетъ вниманія: онъ говоритъ, что Тамерланъ, возвращаясь изъ похода подъ Москву, проходилъ мимо Казани, которую оставилъ въ покоѣ; упоминаетъ, что взятію города Булгара предшествовалъ богословскій диспутъ между Тамерланомъ и болгарскими учеными; но путь Тамерлана отъ Москвы извѣстенъ, онъ не лежалъ на Казань, богословскіе диспуты представляются явнымъ вымысломъ; наконецъ обозначеніе Шерефъ-Эдиномъ года взятія города Булгара въ 1465 г. представляется анахронизмомъ, потому что Тамерланъ умеръ въ 1405 г.

Всѣ другія татарскія преданія говорятъ объ основаніи Казани послѣ взятія Тамерланомъ города Булгара, но при этомъ всѣ преданія также отличаются ана-

хронизмами: по однимъ г. Булгаръ былъ взятъ въ 1301 г., но Тамерланъ родился въ 1336 г., по другимъ основаніе старой Казани послѣдовало въ 1290 или 1298, а Новой Казани въ 1394 или 1402 г. По послѣднимъ даннымъ походъ Тимура, предшествовавшій основанію Старой Казани, приходится къ концу XIII столѣтія.

И такъ, хронологическія указанія о походѣ Аксакъ-Тимура въ Булгарію представляются совершенно невѣрными: Шерефъ-эддинъ показываетъ походъ Тамерлана слишкомъ поздно, а всѣ остальные источники слишкомъ рано.

Опровергая показаніе Шерефъ-Эддина, я такъ объясняю показаніе остальныхъ источниковъ о походѣ Тамерлана въ концѣ XIII столѣтія: я предполагаю, что здѣсь должно разумѣть не Аксакъ-Тимура, т. е. Тамерлана, а Менгу-Тимура, о походѣ котораго въ Булгарію въ концѣ XIII столѣтія упоминаетъ Абуль-Гази. Подтвержденіемъ моего предположенія является имя болгарскаго хана, при которомъ было нашествіе, приписываемое Аксакъ-Тимуру—Абдуллы, который въ списокѣ болгарскихъ владѣтелей показанъ наслѣдовавшимъ отцу своему Илгаму, при которомъ было нашествіе Батыя; Абдулла, убитый Тимуромъ, царствовалъ будто бы 50 лѣтъ. Фуксъ, который напечаталъ списокъ болгарскихъ царей, разумѣя нашествіе Аксакъ-Тимура, справедливо замѣчаетъ, что здѣсь слишкомъ большой хронологическій скачекъ. Но принимая подъ этимъ нашествіемъ походъ Менгу-Тимура около 1280 г., пятидесятилѣтнее царствованіе Абдуллы, сына Илгана, при которомъ было первое нашествіе Татаръ, представляется совершенно подходящимъ ко времени новаго похода Татаръ въ концѣ XIII столѣтія.

Весьма важнымъ источникомъ для исторіи Болгаръ представляются русскія лѣтописи, о г. Булгарѣ онѣ говорятъ въ первый разъ въ 1164 г. при описаніи похода Андрея Боголюбскаго, называя этотъ городъ Бряхимовымъ. Нѣкоторыя лѣтописи: Никона, Тверская, Степенная книга и Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя, приписываемая Глазатову, говорятъ о городѣ Бряхимовѣ на Камѣ; по основаніе къ отождествленію Бряхимова и Булгара представляетъ одна татарская рукопись, которую приводитъ въ переводѣ извѣстный путешественникъ по Россіи въ прошедшемъ столѣтіи Георгі: эта рукопись относитъ къ г. Бряхиму то, что другіе татарскіе источники говорятъ о Булгарѣ (о разореніи его Тамерланомъ). Очевидно, что г. Булгаръ названъ Бряхимовымъ по имени владѣтеля его Ибраима. Въ рукописной исторіи казанскихъ Татаръ, составленной казанскимъ муллою Шихабэдиномъ, нынѣ переведенной на русскій языкъ г. Радловымъ, въ числѣ владѣтелей Булгара упоминается Ибраимъ, который предшествовалъ Селиму, а за послѣднимъ слѣдовалъ Ильгамъ, при которомъ было нашествіе Монголовъ. Такимъ образомъ Ибраимъ могъ быть современникомъ Андрея Боголюбскаго.

По церковному преданію, когда Андрей Боголюбскій, одержавши побѣду надъ Булгарами, молился предъ иконами, то все видѣли огненные лучи отъ иконы Спаса, весь полкъ Андрея былъ кругомъ озаренъ свѣтомъ, въ этотъ же день, именно 1 августа, дружественный съ княземъ Андреемъ греческій императоръ Мануиль одержалъ побѣду надъ Сарацинами и видѣлъ тоже видѣніе, поэтому въ память этого чуда въ греческой и русской церквахъ былъ установленъ праздникъ Честнаго и Животворящаго Креста на 1 августа, слѣдовательно завтра день этого праздника!

Разсматривая лѣтописныя извѣстія о г. Булгарѣ, я остановился съ особеннымъ вниманіемъ на описаніи похода 1376 года. Воскресенская лѣтопись говоритъ о походѣ на г. „Булгаръ“, но наши историки, напримѣръ Карамзинъ, Соловьевъ, основываясь на Никоновской лѣтописи, говорятъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о г. Казани; но Никоновская лѣтопись названіе Казани употребляетъ только для объясненія въ современномъ для лѣтописи смыслѣ, что должно разумѣть подъ городомъ Булгаръ. Извѣстно, что эта лѣтопись постоянно отличается стремленіемъ объяснить термины болѣе древнихъ лѣтописей, служившихъ ей источниками, выраженіями болѣе понятными и извѣстными во время написанія лѣтописи. Въ описаніи похода 1376 г. она говоритъ, что пошли на „Болгары, рекше на Казань;“ еще прежде Никоновская лѣтопись не разъ употребляла подобныя выраженія: она говоритъ, что Татары зимовали, не дошедши до Великаго города, „еже глаголется Казанскаго“, еще ранѣе подъ 1229 годомъ говоритъ, что Болгары, глаголеміи Казанцы, прислали въ Юрію просить о мирѣ; подъ слѣдующимъ годомъ 1230 говорится, что мощи Аврамія, мученика за Христа, убитаго Булгарами, принесли изъ Булгарской земли, глаголемой Казанской. Такимъ образомъ, если основываться на подобныхъ выраженіяхъ Никоновской лѣтописи, то городъ Казань, Казанскую землю и Казанцевъ должно признать до нашествія Татаръ, но ни одинъ источникъ не говоритъ о Казани ранѣе татарскаго нашествія. Никоновскій лѣтописецъ подъ 1376 г. зашелъ уже очень далеко въ своемъ стремленіи быть болѣе понятнымъ для современниковъ,—что и привело въ заблужденіе историковъ XIX столѣтія: сказавши, что Русскіе пошли на Болгары, рекше на Казань, лѣтописецъ далѣе говоритъ уже прямо о Казани: „придоша къ Казани, Казанцыжь изыдоша изъ города, князи Казанстїи добили челомъ...“ Смыслъ употребленія Никоновской лѣтописью эпитета „Казанскій“, вмѣсто „Булгарскій“, особенно ясно открывается изъ описанія предыдущаго похода Русскихъ въ 1370 г. на того-же князя Асана, на котораго ходили въ 1376 г. Описывая первый походъ лѣтопись говоритъ, что пошли „на болгарскаго князя Асана, еще „нынѣ“ глаголются Казанцы“. И такъ, тотъ же самый князь, который называется въ 1376 г. казанскимъ и городъ ко-

того называется Казань, въ 1370 г. названъ Булгарскимъ. Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть сомнѣнія, что въ 1376 г. и ранѣе, въ Никоновской лѣтописи не говорится о Казани. Подъ столичнымъ городомъ Булгарь, въ которомъ жили князья болгарскіе, очевидно, должно разумѣть городъ того-же названія—Булгарь.

Развалины г. Булгара находятся въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ въ селѣ Успенскомъ, болѣе извѣстномъ подъ названіемъ Болгары.

Древнѣйшее описаніе Булгарскаго городища относится къ 1712 г., когда явилась мысль о построеніи православнаго монастыря на мѣстѣ древняго городища. Покойный Невоструевъ нашелъ это описаніе въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ и напечаталъ его въ своей статьѣ о „Городищахъ“ въ Трудахъ I Археологическаго Съѣзда.

Затѣмъ новыя описанія Булгарскаго городища появляются со времени отправления извѣстной ученой экспедиціи отъ Академіи Наукъ въ царствованіе Екатерины II; сюда принадлежатъ описанія Палласа и Лепехина. Къ XVIII столѣтію принадлежитъ и описаніе зданій Булгарскаго городища, составленное подполковникомъ Савенковымъ и геодезистомъ Крапивинымъ. Описаніе это принадлежитъ библіотекѣ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, директоръ котораго баронъ Ф. А. Бюлеръ, желая содѣйствовать полнотѣ моего изслѣдованія о болгарскихъ городахъ, прислалъ въ Казань это описаніе, нынѣ напечатанное въ прибавленіяхъ къ моему изслѣдованію. Это описаніе особенно замѣчательно по имѣющимся здѣсь объясненіямъ татарскихъ абазъ и переводчиковъ о назначеніи сохранившихся зданій, о чемъ были разнорѣчивыя предположенія, а также подробнымъ описаніемъ протекающихъ около городища рѣкъ, озеръ и топкихъ мѣстъ, послѣднія данныя могутъ служить къ разрѣшенію вопроса о предполагаемомъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ арабскихъ писателей и татарскихъ рукописей, а также и по убѣжденію мѣстныхъ жителей, теченіи около самаго г. Булгара большой рѣки. по мнѣнію однихъ—Волги, а по другимъ—Камы, которая прежде будто бы впадала здѣсь въ Волгу, нѣсколько выше г. Тетюшъ.

Къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія принадлежатъ описанія Эрдмана, Свиньина, Кафтанникова, Второва. Болѣе обстоятельное описаніе памятниковъ древней болгарской столицы представилъ въ 1852 г. Березинъ въ статьѣ своей „Булгаръ на Волгѣ“. Наконецъ полковникъ Риттихъ въ 1870 году представилъ нѣкоторыя новыя данныя о развалинахъ г. Булгара, разматривая древнее городище съ спеціально военной точки зрѣнія въ отношеніи фортификаціонномъ.

Самое большое количество зданій въ Булгарскомъ городищѣ показано Лепехинымъ. „Оныхъ остатковъ, говоритъ онъ, теперь видно до 44; но изъ этого числа только 7 палатъ, 4 башни и 2 столба, которые наибольше удерживаютъ прежній свой видъ, а прочія всѣ развалины достигли до престарѣлой ветхости“.

Въ настоящее время, какъ убѣдился я изъ осмотра Булгара два мѣсяца тому назадъ, сохранился одинъ столбъ, такъ называемый малый минаретъ, около него стоитъ стѣна развалившася зданія и около послѣдней остатки стѣнки небольшого сосѣдняго зданія; затѣмъ сохранились вполнѣ стѣны такъ называемой Черной палаты; отъ самаго замѣчательнаго зданія, такъ называемой Бѣлой палаты, внутри которой было 10 комнатъ, сохранились только стѣны съ двухъ сторонъ; существуютъ также 2 зданія, изъ которыхъ одно называется палата, бывшая церковью св. Николая, а другое—бывшее монастырскимъ погребомъ; наконецъ сохранилось основаніе четырехъ башенъ, такъ называемаго четырехугольника, среди котораго была мечеть, и основаніе большаго минарета, примыкавшаго къ одной изъ башенъ четырехугольника. Остальные зданія, напримѣръ въ такъ называемомъ Маломъ городкѣ, примыкающемъ съ юга къ большому валу Булгарскаго городища, и зданіе, прежде извѣстное подъ именемъ Греческой палаты, находившееся внѣ вала, представляютъ только бугры, поросшіе травою; нѣсколько такихъ бугровъ встрѣчаются и въ серединѣ поля, входящаго въ черту вала и среди крестьянскихъ дворовъ.

Относительно времени построенія сохранившихся развалинъ Булгара Френъ говоритъ, что представляется весьма проблематическимъ, чтобы эти развалины принадлежали ко времени самостоятельности Булгаръ; эти развалины могли принадлежать, по мнѣнію Френа, большею частью Монголамъ, которые тамъ владѣли съ 1236 г.

Березинъ, заявивши, что не опредѣлены ни характеръ, ни эпоха булгарскихъ зданій, предполагаетъ, что существующіе нынѣ остатки отъ Булгаръ принадлежатъ всѣ безъ исключенія мусульманской эпохѣ, т. е. съ X по XV столѣтіе, при томъ преимущественно ближе къ XIII столѣтію. Это доказывается, какъ характеромъ самыхъ зданій, такъ и историческими извѣстіями. Монголы, во время нашествія, произвели большое разрушеніе въ г. Булгарѣ, который оправился вкорѣ послѣ своего разграбленія, какъ лѣтняя резиденція Золотоордынскихъ повелителей. Далѣе Березинъ говоритъ, что увидѣвшія булгарскія зданія ясно показываютъ, что первоначальные строители у Булгаръ были Аравитяне, которыхъ архитектурныя правила сохранились до самаго паденія Булгара.

О владычествѣ Татаръ въ Булгаріи и разрушеніи ими города Булгаръ я имѣю особое мнѣніе. Подъ татарскимъ владычествомъ въ Булгаріи я не разумѣю совер-

шеннаго уничтоженія самостоятельности болгарскихъ владѣній, хотя въ Булгаріи чеканили монеты отъ имени хановъ Золотой Орды и хотя послѣдніе прикочевывали къ самому Булгару, почему будто-бы г. Булгаръ назывался Алтунъ-тегъ, т. е. Золотой престоль, по свидѣтельству татарскаго перевода персидскаго сочиненія Фергенгъ-Наме.

Русскія лѣтописи упоминаютъ о болгарскихъ князьяхъ во время татарскаго владычества, а въ житіи князя Θεодора Ростовскаго, Смоленскаго и Ярославскаго чудотворца, помѣщенномъ въ „Минеяхъ Четіяхъ“ Макарія, сказано, что „послѣ нашествія Батгя, начаша ходити русскіи князи и Болгаре въ Орду, ко царю, отчинъ своихъ просити у царя на столованія своа“. Это извѣстіе свидѣтельствуєтъ, что, подобно русскимъ князьямъ, и владѣтели болгарскіе получали изъ Орды утвержденіе на свои владѣнія. Слѣдовательно нельзя предполагать, что болгарскіе города сдѣлались непосредственнымъ владѣніемъ хановъ Золотой Орды. Но болгарская земля, сравнительно съ русскими княжествами, была въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ Татарамъ: здѣсь кочевали, а впослѣдствіи начинали осѣдную жизнь Татары-завоеватели, которые придали Булгарамъ татарскій характеръ. По принятіи Татарами ислама, завоевателей и покоренныхъ соединяла и общая религія.

Вмѣсто предполагаемаго разрушенія Татарами г. Булгара, я предполагаю разрушеніе Булара, нынѣшняго Биларска. Важнѣйшій мусульманскій источникъ исторіи монгольскаго нашествія на Булгаръ — персидскій историкъ Рашидъ-Эдинъ, не называетъ по имени Булгарскаго города, разрушеннаго Монголами, но другой персидскій авторъ Джувейни называетъ г. Булгаръ, который славился по свѣту своимъ народонаселеніемъ. Название Булгара могло быть общимъ для многихъ болгарскихъ городовъ, потомъ было высказано предположеніе о тождествѣ названій Булгаръ и Буларъ, но главное, по смыслу словъ Джувейни, что это очень многонаселенный городъ, должно разумѣть здѣсь городъ, называемый въ русскихъ лѣтописяхъ Великимъ и противопологаемый Бряхимову, т. е. Булгару въ собственномъ смыслѣ.

Русскія лѣтописи говорятъ именно о разрушеніи Татарами Великаго города, а на основаніи другихъ лѣтописныхъ мѣстъ о Великомъ городѣ, я въ своемъ изслѣдованіи, кажется, ясно доказалъ, что подъ этимъ именемъ должно разумѣть Буларъ, а не Булгаръ. Я думаю, что со времени разоренія Булгара Андреемъ Боголюбскимъ, этотъ городъ, названный тогда Славнымъ, потерялъ прежнее свое значеніе; въ послѣдующихъ походахъ Русскіе направлялись не противъ него, а противъ Великаго города—Булара, который былъ важнѣйшимъ и сильнѣйшимъ въ Булгарской землѣ во время нашествія Монголовъ; къ нему, а не къ разорен-

ному въ то время Булгару, могутъ относиться и слова Джувейни о разореніи города, который славился по свѣту своимъ населеніемъ.

Послѣ сожженія Бюлара Монголами опять первенство должно было перейти къ Булгару: въ немъ чеканили монету, отъ имени татарскихъ хановъ; онъ, можетъ быть, какъ предполагаютъ, бывалъ мѣстопробываніемъ самихъ хановъ Золотой Орды, во время кочевокъ послѣднихъ на сѣверъ. Поэтому понятно, почему во время татарскаго владычества не упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ Великій городъ, т. е. Бюларъ, а говорится о Булгарѣ, который въ 1399 г. даже названъ Болгарами Великими, т. е. подобно тому, какъ прежде называли Бюларъ.

На всемъ пространствѣ Казанской губерніи въ различныхъ мѣстностяхъ, часто около городищъ, встрѣчаются курганы, т. е. могильныя насыпи, но въ Булгарскомъ городищѣ они въ настоящее время почти не распознаваемы.

Березинъ указываетъ на такъ называемый „бабій бугоръ“, въ которомъ будто бы были найдены многіе скелеты и значительное количество монетъ. Между прочимъ здѣсь былъ найденъ женскій скелетъ, обернутый въ блестящую парчу, какъ и въ Сараѣ, столицѣ Золотой Орды.

При недавнемъ посѣщеніи мною вмѣстѣ съ г. Радловымъ Булгарскаго городища, В. В. Радловъ, опытный въ изслѣдованіи кургановъ, съелъ возможнымъ признать указанный намъ „бабій бугоръ“ за курганъ и заявилъ о возможности предполагать около этого кургана и другіе, такъ какъ они обыкновенно встрѣчаются группами; но при этомъ г. Радловъ объяснилъ, что трудно надѣяться на благопріятный результатъ раскопокъ, потому что, какъ предполагаетъ г. Радловъ, эти курганы были уже давно разрываемы.

При этомъ необходимо замѣтить, что встрѣчаемыя на территоріи бывшаго Булгарскаго царства древнія могильныя насыпи принадлежатъ эпохѣ древнѣйшей, до-мусульманской, потому что, какъ извѣстно, надъ мусульманскими могилами насыпей не воздвигаютъ.

Но въ Булгарѣ находится и священное для Татаръ мѣсто могилъ безъ насыпей, гдѣ похоронены мусульманскіе святыя, имена которыхъ сохранились и приводятся въ нѣкоторыхъ описаніяхъ Булгара.

Памятниками древности г. Булгара, кромѣ развалинъ каменныхъ зданій, представляются надписи—мусульманскія (арабско-татарскія) и армянскія. По указу Петра Великаго, были списаны копии со всѣхъ существовавшихъ тогда надписей и переведены на русскій языкъ, этотъ переводъ Лепехинъ напечаталъ въ своихъ „Дневныхъ Запискахъ“; затѣмъ Клапротъ сдѣлалъ французскій переводъ мусульманскихъ надписей съ копій—транскрипціи надписей, полученной имъ изъ Казани; по арабско-татарскому тексту, напечатанному Клапротомъ, казанскій профес-

сорь Эрдманъ сдѣлалъ новый русскій переводъ, и впоследствии г. Березинъ вновь перевелъ на русскій языкъ эти надписи съ прибавленіемъ другихъ, не вошедшихъ въ транскрипцію, сдѣланную при Петрѣ Великомъ. Березинъ подробно описываетъ и мѣстонахожденіе мусульманскихъ и армянскихъ надписей въ его время—большинство (22 надписи) въ фундаментѣ церкви села Успенскаго, 8 на церковномъ дворѣ, одна на паперти церковной и 4 внѣ церковной ограды. Въ настоящее время, какъ я убѣдился личнымъ осмотромъ, мусульманскихъ надписей сохранилось гораздо менѣе.

По заявленію Эрдмана, оригиналь транскрипціи надписей сгорѣлъ въ Казани въ знаменитый пожаръ 1815 г., а копія съ транскрипціи, полученная Клапротомъ, находится въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ, подъ которымъ, кажется, должно разумѣть, бывший Государственный Архивъ Старыхъ дѣлъ, вошедшій въ составъ нынѣ существующаго Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Между тѣмъ, оказывается, транскрипція мусульманскихъ и армянскихъ надписей съ русскимъ переводомъ находится и въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Г. Директоръ этого Архива баронъ Бюлеръ прислалъ для пропечатанія при моемъ изслѣдованіи, но, къ сожалѣнію, уже по выходѣ въ свѣтъ послѣдняго, новый списокъ перевода мусульманскихъ и армянскихъ надписей и 2 листа фотографическихъ снимковъ съ нѣсколькихъ изъ этихъ надписей—въ текстѣ и переводѣ, съ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Архива.

Переводъ надписей, какъ оказывается, представляется тождественнымъ съ напечатаннымъ Лепехинымъ, исключая пропускъ у послѣдняго двухъ-трехъ словъ и нѣсколькихъ другихъ, очевидно, корректурныхъ ошибокъ.

Древнѣйшими и многочисленнѣйшими надписями, по толкованію Клапрота, повторяемому Эрдманомъ и Березинымъ, были 1226 года по Р. Х., или 623 гиджры; къ этому году относятся 24 надписи. Клапротъ заявляетъ, что эти надписи не представляютъ никакого обозначенія года, кромѣ хронограммы на арабскомъ языкѣ, которую Клапротъ читаетъ „тарихъ джіатъ джейуръ“, что значитъ „годъ пришествія угнетенія“. Семь арабскихъ буквъ, изъ которыхъ состоятъ слова: „джіатъ джейуръ“, имѣютъ слѣдующее численное значеніе: первая буква 3, вторая 10, третья 1, четвертая 400, пятая 3, шестая 6, седьмая 200; сложивши эти числа, получается 623,—годъ, названный „пришествіемъ угнетенія“. Такое названіе этого года привело къ предположенію, что въ этомъ году, т. е. 1226 послѣдовало первое нападеніе Монголовъ на Булгарію, хотя объ этомъ историки монгольскаго нашествія не упоминаютъ.

Г. Березинъ говоритъ, что „послѣ нашествія Монголовъ, которые, будучи посланы только для рекогносцировки, произвели опустошеніе въ Булгаріи мимоходомъ, Булгары похоронили своихъ соотечественниковъ и придумали для эпитафій особую анаграмму, которую Монголы не тронули и послѣ совершеннаго покоренія Булгара“.

Послѣ объясненій Березина, годъ „пришествія угнетенія“ или 623 принимался всеми безъ возраженій. Но въ 1863 г. послѣдовало возраженіе муллы Хусейнъ-Фейсъ-Ханова, который разбиралъ двѣ надписи Симбирскаго уѣзда и одну Тетюшскаго. Ученый мулла между прочимъ замѣчаетъ, что если два читаемыя арабскія слова—анаграмма, то куда дѣвать слѣдующія за нею числительныя слова—на одной изъ симбирскихъ надписей—20, а на тетюшской—25. Хусейнъ предлагаетъ читать, вмѣсто „джіатъ джейуръ“,—„джіати джюръ“. что соответствуетъ въ чувашской формѣ двумъ тюркскимъ (татарскимъ) словамъ—*jide jös*, т. е. 700 (*jide* = 7. *jös* = 100); въ чувашскомъ языкѣ, какъ извѣстно, тюркское „р“ переходитъ въ „з“, отсюда джюръ вмѣсто *jöz*; переходъ же начальнаго „и“ въ „дж“, по объясненію муллы, представляется у Татаръ весьма обыкновеннымъ.

Такимъ образомъ вмѣсто двухъ арабскихъ словъ, которыя въ формѣ анаграммы обозначаютъ будто бы годъ пришествія угнетенія, т. е. 623 г., получаемъ просто 700-й годъ.

Но замѣчательно, что въ переводѣ надписей, сдѣланномъ при Петрѣ Великомъ, напечатанныхъ у Лепехина и находящихся въ спискѣ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, большинство надписей, именно тѣ, которыя объяснены Клапротомъ и другими „годомъ пришествія угнетенія“, т. е. 623, обозначены тоже этимъ послѣднимъ годомъ.

На какомъ же основаніи переводчики Петровскаго времени дошли до такого чтенія? Я думаю, что они, конечно не видѣли въ упомянутыхъ двухъ словахъ арабской фразы, а только сложили численное значеніе буквъ этихъ двухъ словъ, вслѣдствіе чего и вышло 623.

Принимая обозначеніе года большинства надписей за 700, а не 623 г., т. е. за 1301 г., а не 1220, древнѣйшею надписью должно признать 1272 г., а позднѣйшею 1344 г.

Я считалъ необходимымъ остановиться на объясненіи обозначенія будто бы 623 года, потому что если-бъ мы признали это обозначеніе, то получили бы памятники временъ болгарской самостоятельности, памятники болгарской рѣчи, а читая вмѣсто этого года 700, т. е. 1301 г., мы имѣемъ дѣло съ памятниками, которые являются уже черезъ 70 лѣтъ послѣ завоеванія Булгара, когда въ Булгаріи господствовало монгольско-татарское вліяніе.

Надписи начинаются стихомъ изъ корана, затѣмъ слѣдуетъ обозначеніе имени погребеннаго, молитвенное воззваніе о немъ и годъ смерти.

Между именами погребенныхъ встрѣчаются пришлецы изъ далекихъ странъ: шейхъ Ширванскій, какой-то Хасанъ Самаркандскій, весьма почтенный, отличнѣйшій, великодушный, славнѣйшій, благороднѣйшій, воспитатель ученыхъ, подпора слабыхъ, братъ вдовъ и сиротъ; Хайбетли, сынъ Мухаммеда Джендскаго; сынъ шейха Кердарскаго и величайшій, весьма возвеличившійся, благодѣтельный Махмудъ Шамахинскій.

Палласъ и Березинъ говорятъ, что похороненные здѣсь жители Ширвана, Самарканда, Шамахи указываютъ на торговое значеніе Булгара, а имена упоминаемыхъ шейховъ указываютъ на ученое значеніе города. Но выходцы изъ указанныхъ странъ и были шейхами, слѣдовательно этими мусульманскими надписями доказывается только ученое, а не торговое значеніе Булгара. Последнее можетъ быть доказано армянскими надписями, такъ какъ Армяне могли приходить въ Булгаръ только для торговли.

Нѣсколько надгробій принадлежатъ лицамъ женскаго пола. На женскихъ эпитафіяхъ любопытны эпитеты, прилагавшіеся къ погребеннымъ, характеризующіе идеальныя воззрѣнія мусульманъ на достоинство женщины—уважаемая, великодушная, цѣломудренная, прекрасная, чистая, невинная, пiousная, безгрѣшная, милая, безпорочная, благородная, многотерпѣливая, многопостная.

Армянскихъ надписей въ Булгарѣ доселѣ извѣстно только пять; три изъ нихъ переведены при Петрѣ Великомъ, армяниномъ Иваномъ Васильевымъ, но, по заявленію Сень-Мартина, этотъ переводъ совершенно неудовлетворительный: то, что можно извлечь изъ армянскаго текста, весьма отличается отъ заключающагося въ русскомъ переводѣ. Сень Мартинъ представляетъ попытку къ болѣе точному переводу этихъ трехъ надписей и четвертой, полученной въ копіи отъ Френа. Затѣмъ Броссе представляетъ переводъ съ третьей и четвертой надписи по новымъ копіямъ, полученнымъ тоже отъ Френа; впоследствии Броссе перевелъ третью надпись по новому снимку и новую, пятую, прежде неизвѣстную надпись.

На почвѣ Булгарскаго городища было много находимо древнихъ вещей и монетъ. Указанія на эти находки начинаются съ Татищева, извѣстнаго историка первой половины прошедшаго столѣтія. Всѣ послѣдующіе описатели Булгара упоминаютъ объ этихъ находкахъ. Изъ находимыхъ здѣсь вещей составлены цѣлыя коллекціи. У извѣстнаго казанскаго нумизмата В. К. Савельева было собраніе булгарскихъ древностей изъ 170 нумеровъ, доставшихся ему послѣ смерти Нефлова; но это собраніе, проданное нѣкому барону Врангелю, пропало безслѣдно для науки. Затѣмъ извѣстно бывшее собраніе казанскаго профессора Фукса, о ко-

торомъ Ешевскій говоритъ, что оно было куплено послѣ его смерти однимъ изъ казанскихъ купцовъ и едва-ли не переплавлено. Собраніе Н. А. Толмачева приобрѣтено Казанскимъ университетомъ и нынѣ находится на выставкѣ съѣзда. Бывшіе профессора Казанскаго университета Березинъ и Ешевскій также успѣли собрать много болгарскихъ древнихъ вещей. Собраніе Ешевскаго въ настоящее время принадлежитъ Румянцевскому Музею въ Москвѣ. Новѣйшее и самое богатое собраніе болгарскихъ древностей принадлежитъ А. Ѳ. Лихачеву въ Казани. Г. Лихачевъ не только собираетъ, но научнымъ образомъ изслѣдуетъ и описываетъ свое собраніе. Въ Трудахъ II Археологическаго Съѣзда напечатана интересная статья г. Лихачева „Бытовые памятники Великой Булгаріи“, въ которой авторъ представляетъ очеркъ культуры Великой Булгаріи и обзоръ памятниковъ народнаго быта Булгаръ, представляющее систематическое описаніе важнѣйшихъ предметовъ коллекціи автора, послужившей ему главнымъ матеріаломъ для опредѣленія болгарской культуры. Г. Лихачевъ начинаетъ свое обзоръ съ каменныхъ орудій и оружія, матеріаломъ которыхъ, большею частью, былъ мѣстный кремль, а доказательствомъ того, что они фабрикованы на мѣстѣ, могутъ служить стержни или nucleus'ы, остающіеся отъ откалыванія кусковъ кремня для орудій.

Относительно древности находимыхъ въ мѣстностяхъ Великой Булгаріи каменныхъ орудій г. Лихачевъ замѣчаетъ, что, кажется, имъ нельзя придавать той отдаленной древности, которую приписываютъ всѣмъ европейскимъ предметамъ этого рода, ибо въ сосѣдней Азіи употребленіе каменныхъ орудій продолжалось очень долго, напр. въ Манджуріи до начала XI вѣка. Въ Булгарѣ въ это время употреблялись не только мѣдь и бронза, но и желѣзо, а потому каменный періодъ для Булгара можетъ быть отнесенъ, развѣ только къ первымъ вѣкамъ христіанства, если еще не позднѣе. „Эти предметы, говоритъ г. Лихачевъ, большею частью выпахиваются въ полѣ, наравнѣ съ другими позднѣйшими памятниками быта, съ мѣдными и желѣзными. Но точнѣйшее изслѣдованіе обстоятельствъ ихъ находокъ, быть можетъ, повело-бы къ открытію, что они лежатъ ниже черноземнаго слоя земли и встрѣчаются не одни, а вмѣстѣ съ какими нибудь другими характеристичными предметами. Истинное ихъ отношеніе къ культурѣ Булгаръ не можетъ быть разъяснено безъ систематическаго разслѣдованія почвы ихъ держащей“. Примѣръ подобнаго разслѣдованія почвы мѣстонахожденія двухъ каменныхъ орудій въ Свіажскомъ уѣздѣ, въ мѣстности сосѣдней Булгарскому городищу, представляетъ бывшій профессоръ Казанскаго, нынѣ ректоръ Новороссійскаго университета, Головкинскій, который указываетъ для нашей страны слѣдующія геологическія эпохи: 1) эпоха мамонта и носорога, 2) эпоха степи, образо-

ванія чернозема, употребленія каменныхъ орудій, 3) эпоха лѣсовъ, время употребленія металлическихъ орудій, 4) современная эпоха, высшій уровень Волги по крайней мѣрѣ на 15 футовъ ниже, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху.

Относительно бронзоваго періода г. Лихачевъ замѣчаетъ, что бронзовыя орудія на почвѣ Великой Булгаріи встрѣчаются рѣже, нежели каменные. Основываясь на этомъ фактѣ, можно бы полагать, что въ Булгаріи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, періодъ собственно бронзовый, былъ очень кратковременъ или, даже, его и вовсе не было, и отъ каменнаго вѣка переходъ совершился прямо къ желѣзному.

Отсутствіе въ Булгаріи бронзовыхъ вещей замѣчательно тѣмъ болѣе, что онѣ находятся въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи, на Уралѣ и въ Ананьинскомъ могильникѣ, близъ г. Елабуги, Вятской губерніи. Относительно послѣдней мѣстности г. Лихачевъ справедливо замѣчаетъ, что она должна была нѣкогда входить въ область Великой Булгаріи, однакожъ предметы древняго быта, тамъ находимые, во многихъ отношеніяхъ различествуютъ отъ находимыхъ въ Казанской губерніи, гдѣ напр. не попадались бронзовые топоры и наконечники стрѣлъ. „Правда, объясняетъ г. Лихачевъ, что встрѣчающіеся въ Казанской губерніи курганы еще не были изслѣдованы; и, быть можетъ, они скрываютъ въ себѣ древности, подобныя тѣмъ, которыя открыты въ Ананьинскомъ могильникѣ“.

Нѣтъ возможности, говоритъ г. Лихачевъ, опредѣлить и этнографическіе признаки, принадлежность извѣстному народу не только каменныхъ орудій, но и другихъ предметовъ, находимыхъ на почвѣ Булгаріи; нельзя сказать: Булгаре или же ихъ предшественники выдѣлывали встрѣчающіяся каменные орудія.

Вещи Ананьинскаго могильника и другихъ мѣстностей Вятской и Пермской губерній очевидно принадлежатъ эпохѣ болѣе отдаленной, нежели Булгарскаго царства, разумѣя подъ послѣднимъ торгово-политическій союзъ тюркско-финскихъ племенъ, можетъ быть и съ нѣкоторыми славянскими элементами, главное связующее начало котораго былъ исламъ, сдѣлавшійся съ начала X столѣтія уже официальною религіею, но проложившій себѣ путь въ Булгарѣ ранѣе этого. Покойный Невоструевъ справедливо замѣчаетъ, что „не нужно почти и говорить, что могильникъ на территоріи, впоследствии входившей въ составъ Болгарскаго и Казанскаго царствъ, не относится ко времени ни того, ни другого. Изъ рисунковъ и описаній у Березина и другихъ, равно и слѣпковъ и подлинниковъ, имѣющихся въ Московскомъ музеѣ, видно, что вещи, найденныя въ развалинахъ Булгара на Волгѣ и Биларскѣ, сравнительно съ Ананьинскими древностями, имѣютъ совсѣмъ другой характеръ и форму—позднѣйшаго времени“.

Вопросъ можетъ быть только въ томъ, распространялись ли предѣлы той культуры, представителемъ которой является Ананьинскій могильникъ, на территорию, бывшую впоследствии центромъ Булгарскаго царства?

Но для разрѣшенія этого вопроса въ настоящее время не достаетъ данныхъ.

Послѣ бронзовыхъ вещей г. Лихачевъ разсматриваетъ желѣзные, золотыя и серебряныя. Въ доказательство мѣстной золотой работы, онъ указываетъ надгробную надпись въ Булгарѣ, на которой поименованъ: „Золотыхъ дѣлъ мастеръ Шагидулла, сынъ Мусы“; доказательствомъ мѣстной серебряной работы представляется серебро, попадающееся въ видѣ лома и найденныя формы для отливки. Относительно нѣкоторыхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей г. Лихачевъ указываетъ, что они привозныя. Въ заключеніе описанія своей коллекціи г. Лихачевъ говоритъ объ издѣліяхъ изъ кости и керамическихъ, при чемъ также указываетъ на предметы, выдѣлываемые на мѣстѣ и привозныя.

Русская археологическая литература представляетъ и нѣсколько статей, посвященныхъ описанію разныхъ отдѣльныхъ вещей, найденныхъ въ Булгарѣ, такъ напр. въ Прибавленіи къ Казанскому Вѣстнику 1823 г. была описана жемчужная раковина-талисманъ; въ Библиотекѣ для чтенія 1850 г. описанъ замѣчательный кинжалъ; въ 1851 г. П. С. Савельевъ описалъ золотую бляху съ изображеніемъ и надписью,—это татарскій талисманъ или амулетъ времени Золотой Орды, а также два металлическія зеркала съ арабскими надписями. Одно изъ зеркалъ имѣетъ куфическую надпись и относится къ X или XI вѣку, другое съ надписью позднѣйшаго шрифта, по крайней мѣрѣ столѣтіемъ или двумя моложе перваго, можетъ быть даже время Золотой Орды. Подобное зеркало, найдено въ Виларскѣ и описано Френомъ еще въ 1824 г.

Кромѣ мусульманскихъ древностей въ Булгарѣ находятъ старыя мѣдныя и каменные русскіе образки. Въ коллекціи г. Лихачева находится сабельный клинокъ, съ изображеніемъ на немъ Богоматери и греческой надписью. Эти предметы могутъ считаться принадлежавшими христіанскому населенію древняго мусульманскаго города.

Кромѣ всѣхъ этихъ предметовъ, найденныхъ въ Булгарѣ, описанныхъ или хранящихся въ извѣстныхъ собраніяхъ, многое находится у сосѣднихъ помѣщиковъ и Татаръ; эти вещи сохраняются, хотя неизвѣстны для науки, но очень много болгарскихъ вещей совершенно истреблено.

Одинъ казанскій купецъ, торговавшій въ серебряномъ ряду, говоритъ, что на своемъ вѣку онъ переплавилъ не менѣе 7 пудовъ серебряныхъ монетъ и венцевъ, купленныхъ въ Болгарахъ.

Добыча вещей на болгарской почвѣ не истощилась доселѣ: В. К. Савельевъ въ 1871 г. писалъ: „здѣсь лѣтомъ, послѣ каждаго дождя, мальчики и дѣвочки отправляются на поиски и на всемъ пространствѣ постоянно находятъ серебряныя и мѣдныя монеты татарскія и разныя вещи какъ-то: золотыя, серебряныя и бронзовыя браслеты, перстни и серьги, обломки металлическихъ зеркалъ, разные бусы, бронзовыя украшенія отъ сбруи, замки и пр. Вещи эти предлагаютъ посѣтителямъ Болгаръ, говоря: „не угодно-ли находокъ?“, а болѣе цѣнныя сбываютъ разнымъ лицамъ на вѣсь, преимущественно серебрянникамъ“.

Всѣ находимыя вещи открывались случайно, безъ систематическихъ раскопокъ; но послѣдняя, какъ предполагаетъ Березинъ, доставили бы не менѣе находокъ, чѣмъ на Сарайской мѣстности.

Послѣдняя находка была два мѣсяца тому назадъ: 3 июня были найдены на пашнѣ кости человѣка и нѣсколько золотыхъ вещей: два золотыхъ браслета, перстень, сердоликовый камень, вѣроятно амулетъ и нѣсколько золотыхъ мелкихъ украшеній къ платью.

Вмѣстѣ съ разными вещами въ Булгарскомъ городищѣ находятъ и древнія восточныя монеты. Подобно тому, какъ изъ вещей, найденныхъ въ Булгарѣ, составлены цѣлыя коллекціи, такъ и монеты, здѣсь находимыя, вошли въ составъ нѣсколькихъ нумизматическихъ коллекцій.

Старѣйшею коллекціею представляется принадлежавшая г. Пото, обзорѣніе которой Френъ представилъ еще въ 1813 г.—„Numophylacium Orientale Pototianum“; это было первое латинское сочиненіе, напечатанное въ Казани. Впослѣдствіи эта коллекція была приобрѣтена Казанскимъ университетомъ и вошла въ описаніе нумизматическаго кабинета этого университета, изданное Эрдманомъ въ 1834 г. Коллекція профессора Фукса, также приобрѣтенная Казанскимъ университетомъ, была описана тоже Эрдманомъ и Френомъ.

Новый каталогъ нумизматическаго кабинета Казанскаго университета былъ напечатанъ г. Березинымъ въ 1855 г. Кромѣ коллекцій Пото и Фукса въ этихъ нумизматическихъ сочиненіяхъ упоминается о коллекціи Клауса, о монетахъ приобрѣтенныхъ у Татаръ и другихъ лицъ покупкою и полученныхъ въ даръ отъ разныхъ лицъ.

Хотя изъ всѣхъ этихъ описаній нельзя точно указать какія именно монеты найдены въ той или другой мѣстности бывшаго Булгарскаго царства, но множество монетъ найдено въ г. Булгарѣ.

„Нумизматическій кабинетъ Казанскаго университета, говоритъ г. Березинъ, не уступаетъ по своему богатству такимъ кабинетамъ Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ, и превосходитъ всѣ кабинеты обиліемъ монетъ Джу-

чидовъ, естественное послѣдствіе сосѣдства Казани съ развалинами древняго Булгара и мѣста кочевки Татарской Золотой Орды“.

При этомъ должно замѣтить, что вмѣстѣ съ перенесеніемъ восточнаго факультета изъ Казанскаго университета въ С.-Петербургскій, восточныя монеты и восточныя рукописи были переданы въ послѣдній университетъ.

Современное богатое собраніе монетъ, найденныхъ въ Булгарѣ, принадлежитъ А. Ѳ. Лихачеву.

Огромное количество монетъ, найденныхъ въ Булгарскомъ городищѣ, разошлось безслѣдно, будучи распродано безчисленному множеству лицъ.

Кромѣ джучидскихъ монетъ, въ Булгарѣ находятъ современныя имъ афганскія монеты, болѣе древнія саманидскія, русскія серебряныя деньги и древнерусскіе рубли.

Подобно древнимъ вещамъ, много монетъ расплавлено серебрянниками.

Отъ древняго знаменитаго города осталось только нѣсколько развалинъ. Сокровища богатыхъ жителей этого бывшаго центра торговли и мусульманскаго образованія сохраняются въ нѣдрахъ земли, разбросаны по разнымъ мѣстамъ или совсѣмъ уничтожены невѣжествомъ.

Но наука и ученые могутъ еще многое спасти отъ окончательной гибели и 1877 годъ будетъ новою эрою въ отношеніи изученія древней Булгарской столицы и всего здѣшняго края: въ ожиданіи нынче открытаго IV Археологическаго Съѣзда приготовлены новыя изслѣдованія по исторіи здѣшняго края; послѣдуютъ важныя по этому предмету рефераты; Съѣздъ, какъ должно ожидать, дастъ направленіе будущимъ ученымъ изслѣдованіямъ; можетъ быть, соединитъ силы наличныхъ мѣстныхъ ученыхъ къ возможности работать сообща для объясненія столь многихъ, стоящихъ на очереди и давно ожидающихъ отвѣта вопросовъ. Мысль о необходимости и возможности открытія въ Казани Археологическаго Общества уже зарождается!

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ БОЛГАРСКАГО И КАЗАНСКАГО ЦАРСТВЪ.

Муллы Шихабъ-уд-дина Бага-уд-динова (¹).

(Читано въ заведеніи 13 августа. См. Проток. стр. CVII).

Во имя Бога Всемилостиваго, Всемилосерднаго.

Хвала Богу, Владыкѣ міровъ, и молитва и привѣтствіе Его Пророку Мухаммеду и всему дому его.

Послѣ этого говоритъ нуждающійся въ помилованіи своего прощающаго Господа Шихабъ-уд-динъ сынъ Бага-уд-дина, сына Субхана, сына Абдуль-Керима, изъ Мерджана, да сохранить его Богъ. Это есть историческій очеркъ и повѣсть о событіяхъ Казани и Болгара, которыя я извлекъ изъ разныхъ сочиненій и мелкихъ статей, собранныхъ жителями этой страны и составленныхъ татарскими и тюркскими жителями не владѣющими ученостью. Нѣкоторыя свѣдѣнія я почерпнулъ и изъ ученыхъ сочиненій, посвященныхъ жизни народовъ. И сочинилъ я эту статью въ нѣкоторые часы досуга, днемъ и ночью, во время мѣсяца Рамазана 1278 года послѣ Гиджры того, въ комъ полное совершенство и совершенное достоинство.

Столицею страны Дажити-Кыпчака былъ городъ Болгарь, извѣстный съ древнихъ временъ, короткими словами описываемый въ книгахъ арабскихъ и сочиненіяхъ мусульманскихъ, и по народнымъ преданіямъ основанный Александромъ Македонскимъ.

Въ словарѣ Камуса сравнивается слово Булгарь по произношенію со словомъ куртакъ (بلغر-булгарь - قرطق-куртакъ), но въ народѣ употребляется بلغار (булгарь).

Мулла Абдуррахимъ сынъ Усмана изъ Отузъ-Имяна говоритъ въ своемъ сочиненіи, что Александръ Македонскій, когда отправился на восточную войну, закопалъ въ пещерѣ припасы и на возвратномъ пути на этомъ же мѣстѣ основалъ городъ и назвалъ его имепемъ, сложеннымъ изъ словъ персидскаго и арабскаго *Бунг*

(¹) Редакція помѣщаетъ эту статью ученаго казанскаго муллы, какъ образецъ историческихъ взглядовъ, существующихъ между учеными, въ мусульманскомъ смыслѣ, Татарами. Для оправданія ея оригинальныхъ выраженій, вслѣдъ за переводомъ, помѣщается для ориенталистовъ и подлинникъ сочиненія почтеннаго муллы. Переводъ съ татарскаго, по порученію предварительнаго комитета, сдѣланъ первоначально В. В. Радловымъ, который и читалъ его на Създѣ въ извлеченіи. Въ настоящее время переводъ этотъ пересмотрѣнъ и дополненъ.

гаръ, что значить: *дно пещеры*. Впослѣдствіи изъ этихъ словъ, чрезъ перемѣну буквы (*н* на *л*) или прилаживаніе къ арабскому языку, сдѣлалось *Булгаръ*. Нѣкоторые говорятъ о происхожденіи имени этого города, что жители этихъ мѣстъ славились производствомъ юфти (بولغار): поэтому и было дано ихъ городу названіе *Булгаръ*.

По появленіи Чингизъ-Хана и по завоеваніи этой страны былъ основанъ другой значительный городъ Сарай, служившій потомкамъ Чингизъ-Хана столицею. Основателемъ этого города былъ Батый-Ханъ, сынъ Джуджи-Хана, сына Чингизъ-Хана, и онъ служилъ долгое время столицею его потомкамъ. Городъ Сарай былъ основанъ въ 651 году.

Кромѣ того къ важнымъ городамъ этой страны принадлежатъ Казань. Этотъ городъ основалъ одинъ изъ потомковъ Батый-Хана въ 748 году. Что касается до происхожденія имени *Казани*, то думаютъ, что этотъ городъ получилъ названіе отъ рѣки Казанки, или что основатель его былъ человекъ по имени Казанъ. Нѣкоторые пишутъ это слово чрезъ *غ* именно Газанъ (غازان), предполагая, что основателемъ его былъ царь Иранско-Азербиджанскаго царства, потомокъ Гулаку-Хана, Султанъ Махмудъ Газанъ-Ханъ, сынъ Аргунъ-Хана, сына Абака-Хана, сына Гулаку-Хана, сына Тули-Хана, сына Чингизъ-Хана. Послѣ раззоренія его Тимуромъ, городъ Казанъ былъ снова устроенъ Мухаммедъ-Ханомъ, сыномъ Джелаль-уддина, сына Токтамыша, въ 840 году.

Всѣ эти объясненія (на счетъ основанія Булгара) сомнительны, одинъ Богъ только знаетъ истину. А я того мнѣнія, что такъ какъ жители Булгара и Казани не интересовались историческими изслѣдованіями и вообще мало показывали склонности къ умственнымъ занятіямъ, то большая часть извѣстій объ этомъ государствѣ просто выдумки и предположенія. Вышеупомянутое сообщеніе Огузь-Имянскаго муллы ни на чемъ не основано и сочинено имъ самимъ. Особенно его извѣстіе, объ основаніи Казани, такая же выдумка. Что Газанъ-Ханъ сынъ Аргунъ-Хана построилъ Казанъ, это во всякомъ случаѣ ошибка, потому что Гулаку-Ханъ и его потомки никогда не овладѣвали этой страной, а тѣмъ болѣе не могли основать городъ. Если же въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что сынъ Батый-Хана основалъ городъ Казанъ, то этому можно вѣрить. Въ этомъ случаѣ, и предположивъ, что городъ получилъ свое имя отъ имени основателя, нужно думать, что основалъ его ханъ сарайскій Казанъ-Ханъ, сынъ Туганъ-Хана, сына Батый-Хана. Изъ потомковъ Батый-Хана, владѣтелей Золотой Орды, онъ принадлежалъ къ великимъ царямъ страны *Дашитъ* и царствовалъ послѣ Токтагу-Хана и прежде Узбекъ-Хана.

Хисамъ-уддинъ сынъ Шерефъ-уддина изъ Болгара говоритъ въ своей исторіи: „Болгарскій народъ принялъ исламъ въ мѣсяцѣ Рамазанѣ въ девятомъ году Гиджры при жизни Пророка по приглашенію трехъ уважаемыхъ асхабовъ: Абдурахмана сына Зубейрова, Зубейра сына Джагды и Талхи сына Усмана. Зубейръ былъ очень свѣдуецъ въ тюркскомъ языкѣ, и остался въ Болгарѣ, женившись на дочери Айдаръ-Хана, Туй-Бике, жилъ тамъ еще 25 лѣтъ и умеръ. А его товарищи оба возвратились въ Медину. И такъ какъ отъ этого Зубейра сына Джагды нѣкоторые жители Булгара и его окрестностей приняли мусульманское ученіе, то, по словамъ Хисамуддина Шерефеддинова, тамъ много было послѣдователей (табиинъ) мужчинъ и женщинъ“. Въ другихъ сочиненіяхъ говорится такъ, что въ девятомъ году Гиджры, когда воцарился въ Булгарѣ Айдаръ-Ханъ, сынъ Токый-Хана, явились три асхаба и царь вмѣстѣ съ своими приближенными сдѣлался мусульманиномъ. Разница здѣсь только та, что вмѣсто Талхи сына Усмана здѣсь называется Хантала сынъ Рабига, что онъ былъ знатокъ тюркскаго языка, женился на Туй-Бике и остался въ Болгарѣ.

И же думаю, что большая часть извѣстій, излагаемыхъ въ исторіи Хисамъ-уддина, суть лживыя предположенія, пустыя воображенія и чистая ложь: въ достовѣрныхъ книгахъ нѣтъ рѣшительно никакого указанія, даже намекъ на то, чтобы Болгары сдѣлались Мусульманами во время многоуважаемаго Пророка или его асхабовъ. При жизни Пророка мусульманство было распространено только въ Хиджазѣ, Сиріи и Еменѣ; даже при жизни его асхабовъ не было никакихъ сношеній и сообщеній мусульманъ съ здѣшней страной.

Правда Гизз-утдинъ ибнъ-Эсиръ въ книгѣ своей *اسد الغابة في معرفة الصحابة* въ біографіи Гумейра бенъ Эфсы говоритъ: „Абу Гурейра рассказываетъ, что подошолъ Гумейръ бенъ Эфса съ нѣсколькими изъ увѣровавшихъ въ исламъ, пророкъ Божій заставилъ Гумейра и его товарищей написать письмо на тюркскомъ языкѣ. Самъ Абу Гурейра сказалъ турецкій текстъ этого письма, а уже его переводчики перевели его по арабски; но они невѣрно перевели его и ошиблись и по этому мы его оставили“. Эти слова намъ даютъ пожалуй нѣкоторое основаніе для предложеннаго вопроса, потому что, можетъ быть, это письмо было писано болгарскому народу. Что касается до извѣстій о принятіи ислама Болгарами и со-сѣдними съ ними народами, то достовѣрное и опредѣленное можно говорить только съ того времени, какъ по приказанію халифовъ явились намѣстники ихъ у Каспійскихъ Воротъ, т. е. послѣ взятія Дербента и укрѣпленія границы. Во время Омаядовъ въ 95 году великій эмиръ Маслама сынъ Абдуль-Малика завоевалъ границу. Въ 110 году послѣ Гиджры у вышеупомянутаго Масламы снова произошло жаркое сраженіе и великій бой съ невѣрными Хазарами и храбрыя му-

сульманскія войска побѣдили невѣрныхъ. Нѣкоторые говорятъ, что Болгары приняли мусульманство въ 200-хъ годахъ во время халифата Мамуна знаменитѣйшаго государя изъ династїи Аббасидовъ; другіе же, что это случилось во время халифата Васики-билла. А по моему мнѣнію достоверно и твердо то, что исламъ принялъ царь болгарскій Алмасъ-Ханъ сынъ Силки-Хана вмѣстѣ со своимъ семействомъ и дворомъ въ 310-хъ годахъ Гиджры. Въ это время былъ халифомъ Муктадиръ биллаги Абуль-Фазль Джагфаръ, сынъ Ахмеда, Аббасидскій. Этотъ халифъ послалъ письмо и посланника изъ столицы халифата т. е. Багдада, чтобы обратить ихъ. Послѣ этого великіе посланники Сахсанъ Расиби, Бадрулхарами и Ахмедъ бенъ Фодланъ, сынъ Аббаса, сына Рашида, отправились туда, чтобы научить народъ мусульманскому шаригату и познакомить съ постановленіями закона. Впослѣдствїи явились изъ Багдада разные ученые, ремесленники и учителя, и чрезъ нихъ исламъ все болѣе распространялся у Болгаръ и ихъ сосѣдей.

Ибнъ-Фодланъ сочинилъ книгу, въ которой онъ описываетъ свое путешествіе съ того времени, когда отправился изъ Багдада, до возвращенія своего туда, и рассказываетъ все, что видѣлъ въ Болгарѣ и на дорогѣ, все что съ нимъ случилось, и описываетъ обычаи жителей этихъ странъ. Эта книга извѣстна подъ именемъ رسالة ابن فضلان. Въ этой статьѣ онъ говоритъ: „Выѣхали мы изъ города блаженства (Багдада) въ 11 день мѣсяца Сафара 309 года и возвратились мы туда въ воскресенье 12 дня мѣсяца Мухаррама 310 года“. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Мы встрѣтили мѣстожительства народа тюркского происхожденія, называемаго Башкирами, и мы сильно опасались ихъ, такъ какъ они самые злые изъ Тюрковъ, самые грязные и самые отважные. Если одинъ изъ нихъ встрѣчается съ другимъ, то отрубаетъ ему голову и оставляя его тѣло, увозитъ съ собою голову. Они брѣютъ бороду и ѣдятъ вшей. Они ищутъ ихъ въ швахъ одежды и раскусываютъ ихъ зубами. Съ нами былъ одинъ Башкирецъ, мусульмаинъ, который намъ служилъ, и разъ я видѣлъ, что онъ взялъ изъ платья своего вошь, раздавилъ ее ногтями и облизалъ ихъ“. Этотъ обычай до сихъ поръ существуетъ у Башкирцевъ; по этому между Татарамъ въ насмѣшку доселѣ называютъ: вшивый Башкирецъ.

Якутъ Хамави говоритъ въ своей книгѣ „Географическій Словарь“ (معجم البلدان): „Нашелъ я въ городѣ Халебъ много людей, ихъ называли Башкирами, лица ихъ и волосы совсѣмъ желтые; они принадлежали къ сектѣ Ханафійской, и разспрашивалъ я одного человѣка изъ нихъ, который, какъ я замѣтилъ, былъ умнѣе другихъ, о странѣ ихъ и о положенїи ихъ. Онъ мнѣ сказалъ: наша страна находится за Константинополемъ, мы мусульмане, живемъ среди христіанскаго цар-

ства и подчиняемся государю его. И спросилъ я его, какимъ образомъ вы приняли исламъ, не смотря на то, что живете среди христiянъ. Онъ отвѣчалъ, что онъ слышалъ отъ стариковъ, которые рассказываютъ, что пришли къ намъ, много тому лѣтъ назадъ, семь человекъ мусульманъ изъ Болгара и жили между нами, потихоньку они намъ намекали на гадкое наше заблужденiе и показывали правоту ислама. И Богъ насъ привелъ на правильный путь и, слава Богу, мы приняли всѣ исламъ. Богъ раскрылъ наши сердца къ вѣрѣ. Отправляясь въ эту страну, мы стараемся лучше понять вѣру и когда возвратимся въ нашу родину, то насъ будутъ уважать и назначать руководителями въ религiозныхъ дѣлахъ. Кто изъ насъ поступать въ войска, брѣетъ бороду и надѣваетъ франкскую одежду“.

Итакъ болгарскiй царь Алмасъ-Ханъ, виявъ призыву халифа, научился законамъ ислама и догматамъ вѣры. Онъ добровольно подчинился власти Аббасидскихъ халифовъ и велѣлъ читать хутбу во имя халифа съ мимберовъ въ городѣ Болгарѣ и чеканить монету серебряную и золотую во имя халифа и въ одеждѣ и на сбруѣ лошадей принялъ форму и знаки халифовъ. Послѣ того, какъ принялъ исламъ, онъ измѣнилъ свое родное имя, оставилъ титулъ хана, и назвался, подражая имени халифа того времени, Эмиръ Джагфаръ бенъ Абдулла, а сына своего онъ назвалъ Ахмедъ, подражая имени посланника, пришедшаго изъ столицы халифа. Дѣти и потомки его слѣдовали его примѣру и дѣйствовали въ томъ же духѣ.

Изъ царей династiи Джагфаридовъ или по роду Алмасидовъ намъ извѣстны слѣдующiе: первый Эмиръ Джагфаръ бенъ Силки Ханъ, потомъ сынъ его Эмиръ Ахмедъ, потомъ сынъ его Эмиръ Талибъ, потомъ братъ его Эмиръ Муминъ, потомъ Эмиръ Шамчуль, Эмиръ Хайдаръ, потомъ сынъ его Эмиръ Мухаммедъ, потомъ братъ его Эмиръ Сагидъ, потомъ Эмиръ Бараджъ, потомъ Эмиръ Ибрагимъ, потомъ Эмиръ Салимъ, потомъ сынъ его Эмиръ Ильгамъ, Эмиръ Фулагъ-Тимуръ, Эмиръ Абдулла, Эмиръ Хусейнъ, потомъ его братъ Эмиръ Махмудъ, наконецъ Эмиръ Абдулла.

Эмиръ Муминъ былъ современникъ Аббасидскаго халифа Аттайгу лилла Абубекра Абдуль Керимъ бенъ Мутигъ. Эмиръ Салимъ былъ современникъ халифа Насыръ-лидинилла Абуль-Аббасъ Ахмеда бенъ эль Мустазы биллаги, Аббасидскаго. Я видѣлъ самъ диргемы, чеканенные въ Булгарѣ съ именемъ этого халифа. Нѣкоторые изъ татарскихъ историковъ говорятъ, что этотъ Насыръ-лидинилла былъ царемъ болгарскимъ, и считаютъ его въ числѣ болгарскихъ царей; но въ надписи на монетѣ имя Насыръ-лидинилла соединено съ титуломъ халифа-эмира.

Когда потомки Чингизъ-Хана съ многочисленнымъ войскомъ сдѣлали нападенiе на Булгарскiя владѣнiя, Эмиръ Ильгамъ сынъ Салима былъ слишкомъ слабъ, чтобы

противиться, и войска его были слишкомъ незначительны въ сравненіи съ военными силами непріятели. Поэтому онъ изъявилъ имъ покорность и платилъ имъ дань и чрезъ это былъ утвержденъ въ наследственномъ владѣніи. Поэтому и послѣ него бывшіе цари болгарскіе, даже мусульманскіе, были покорны потомкамъ Чингиза и соединяя ихъ имена съ своимъ именемъ въ хутбѣ и на монетахъ, продолжались до появленія Тимура. Но, впрочемъ, не смотря на такое подчиненіе и покорность, иногда между ними происходило охлажденіе и неудовольствіе. Поэтому одинъ изъ потомковъ Чингиза Менгу-Тимуръ Ханъ напалъ съ многочисленными войсками на Болгарь, и побѣдивъ ихъ, заключилъ миръ и возвратился восвояси.

Когда могучій Тимуръ направился на Токтамышъ-Хана, такъ какъ путь его лежалъ на Булгарь, то онъ имѣлъ сраженіе съ Эмиромъ Абдуллою. Этотъ эмиръ, его визири и всѣ приближенные, какъ Икбалъ-Бекъ, Куль-Гали-Бекъ, Миргешъ-Бекъ и прочіе сдѣлались жертвой меча Тимура и династія эта прекратилась; это случилось въ 797 году. Говорятъ, что послѣ эмира Абдуллы остались два сына: Алтунъ-Бекъ 9 лѣтъ и Галимъ-Бекъ 7 лѣтъ.

Послѣ Тимура кончился рядъ прежнихъ царей и Болгарь подпалъ подъ власть Русь-Хана.

Великіе цари татарскіе изъ рода Чингиза, которые царствовали въ Болгарѣ и въ сосѣднихъ странахъ, слѣдующіе:

Батый Ханъ, сынъ Джуджи Хана, сына Чингизъ Хана; онъ около 625 года, по смерти отца и по назначенію дѣда своего, сдѣлался царемъ. Послѣ него царствовалъ его сынъ Сартакъ Ханъ, послѣ него его братъ Улакчи Ханъ, послѣ него братъ его Алмаликъ Ассагидъ Насыръ-уддинъ Абуль-Мегади Береке Ханъ, послѣ него сынъ брата его Менгу Тимуръ Ханъ, сынъ Тукана, сына Батый Хана, потомъ его братъ Туда Менгу Ханъ, потомъ Гаясь-уддинъ-Токтагу Ханъ, сынъ Менгу-Тимуръ Хана; потомъ Казанъ Ханъ сынъ Туганъ Хана, сына Батый Хана; потомъ Тилбуга Ханъ, сынъ Менгу-Тимуръ Хана; потомъ сынъ его брата Гаясь-уддинъ Узбекъ Ханъ, сынъ Тогрула, сына Менгу-Тимуръ Хана; потомъ его сынъ Тень-бекъ Ханъ; потомъ его братъ Джелаль-уддинъ Абуль Музафферъ Махмудъ Джани-бекъ Ханъ; потомъ сынъ его Кулна Ханъ; потомъ сынъ его Бирди-Бекъ Ханъ, потомъ дядя его Наурузъ Бекъ Ханъ; потомъ Хизръ Ханъ, сынъ Ибрагима, сына Фулада, сына Менгу-Тимура, сына Бадакула, сына Джуджи-Бука, сына Багадуръ Хана; потомъ его сынъ Тимуръ Ходжа Ханъ; потомъ Урду Меликъ Ханъ; потомъ Келди-бекъ Ханъ, сынъ Джани-бекъ Хана. Потомъ Русь-Ханъ сынъ Бадакула, сына Туй-Ходжи, сына Узъ-Тимура сына Токъ-Тимура, сына Джуджи-Хана. Потомъ Насыръ-уддинъ Токтамышъ-Ханъ, сынъ Туй-Ходжи, сына

Токъ-Кула, сына Сариджы, сына Узъ-Тимура, сына Токай-Тимура; потомъ Куюрчукъ-Ханъ сынъ Русъ-Хана; потомъ сынъ его брата, Тимуръ Кутлугъ Ханъ, сынъ Тимуръ-Мюлюка; потомъ его братъ Шади-бекъ-Ханъ; потомъ сынъ брата, Фуладъ Ханъ, сынъ Тимуръ Кутлуга; потомъ его братъ Тимуръ Ханъ; потомъ Джелаль-уддинъ сынъ Токтамышъ Хана; потомъ его братъ Кибекъ Ханъ, потомъ Буракъ Ханъ, сынъ Куюрчука; потомъ его сынъ Дервишъ Ханъ; потомъ его сынъ Чегре Ханъ; потомъ Кадиръ-берди Ханъ, сынъ Токтамышъ Хана; потомъ Улугъ-Мухаммедъ Ханъ, сынъ Джелаль-уддинъ Тимуръ Хана; потомъ его братъ Кучукъ-Мухаммедъ Ханъ; потомъ его сынъ Кичи Ахмедъ Ханъ; потомъ его сынъ Сейидъ Ахмедъ Ханъ.

Въ 653 году Береке Ханъ вступилъ на престолъ. Онъ первый изъ потомковъ Джуджи и даже Чингиза принялъ исламъ. Неджмъ-уддинъ Аззагиди, который считался тогда въ числѣ ученыхъ Ханафійскихъ, писалъ для Береке Хана книгу объ истинности мусульманской религіи и назвалъ ее: رساله ناصريه. Береке Ханъ былъ очень добродѣтельный и набожный человѣкъ и предпринималъ многочисленныя войны. Послѣ Багдадскаго погрома, онъ осердился на сына дяди своего Гулаку Хана сына Тули Хана, владѣтеля Азербиджана, Харезма и Ирака, изъ мести за исламъ, въ помощь Аббасидамъ и въ отмщеніе за халифа двинулся съ большимъ войскомъ въ 661 году въ Азербиджанъ, и побѣдивъ непріятеля, возвратился домой. Послѣ этого было еще нѣсколько столкновеній съ сыномъ дяди Гулаку Ханомъ и его сыномъ Абака Ханомъ, и побѣда была большею частію на сторонѣ Береке Хана. Наконецъ онъ умеръ въ 664 году отъ спазма въ желудкѣ. Послѣ смерти его послалъ сынъ его брата Менгу-Тимуръ Ханъ въ Азербиджанъ войско противъ Абака Хана, побѣдилъ его и заключилъ миръ. Въ Азербиджанѣ послѣ Абака Хана вступилъ на престолъ братъ его Никударъ Ханъ сынъ Гулаку Хана. Онъ первый изъ потомковъ Гулаку Хана принялъ исламъ. По принятіи ислама онъ измѣнилъ свое языческое имя и назвался Султанъ Ахмедъ. Но большая часть его войска не приняла ислама и, считая это принятіе оскорбленіемъ Абака-Хану, подняли противъ него Аргунъ Хана, сына Абака Ханова. Побѣда склонилась на сторону Султана Ахмеда и онъ плѣнилъ даже его; но заговорщики, освободили Аргунъ Хана и внезапно убили Султана Ахмеда. Послѣ этого Менгу-Тимуръ Ханъ послалъ противъ Аргунъ Хана 80,000 войска подъ предводительствомъ двоихъ вождей Тукая и Нукая. По волѣ Божіей это войско встрѣтилось съ войскомъ Аргунъ Хана въ Карабагѣ и было разбито Тагачаромъ, предводителемъ войска Аргунъ Хана. Отъ горя объ этомъ несчастіи Менгу Тимуръ Ханъ умеръ и вмѣсто его сдѣлался царемъ Туда Менгу Тимуръ Ханъ. Но такъ какъ онъ былъ злой и кровожадный, то народъ сердился на него и присягнулъ Токтагу Хану, сыну Менгу Тимуръ Хана. Между двумя противниками произошло страшное сраженіе.

Токтагу Ханъ остался побѣдителемъ и взошелъ на престолъ. Онъ отправилъ пословъ къ Газанъ Хану, сыну Аргунъ Хана и требовалъ нѣсколько земель отъ Адербиджанскаго царства: „по распоряженію Чингизъ Хана эта страна принадлежитъ намъ, но Гулаку Ханъ и его потомки завладѣли ею безъ основанія“. Послѣ шести лѣтъ царствованія Токтагу Ханъ умеръ и былъ погребенъ въ Сараѣ. Послѣ него сдѣлался царемъ Казанъ Ханъ, сынъ Туганъ Хана, сына Батый Хана, о которомъ мы выше сказали, что онъ основалъ городъ Казанъ, и послѣ него Тилбига Ханъ, сынъ Менгу Тимуръ Хана. Эти два царя, должно быть, царствовали короткое время и власть ихъ скоро миновала. Послѣ нихъ царемъ былъ Гаясь-уддинъ Узбекъ Ханъ, сынъ Тогрула, сына Менгу Тимуръ Хана. Этотъ царь былъ весьма щедрый, прекрасный правитель и неподобный въ возвышеніи ислама. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ и извѣстнѣйшихъ царей Саиридской династіи. Во время этого царя собирались здѣсь мусульманскіе ученые изъ многихъ мѣстъ и отдаленныхъ городовъ, и въ этомъ государствѣ вѣра ислама возвысилась и распространилась. У него жилъ извѣстнѣйшій ученый таляма Кудбутдинъ Рази, сочинитель Шархи-ль-маталигъ, и Гали бенъ Абубекръ бенъ Галия Элбейкенди, который сочинилъ шархъ къ третьему тому „Мифтахъ элгулумъ“ и кончилъ его въ мѣсяцѣ Шагбанѣ 719 года и послалъ его Султану Узбекъ Хану, бывшему тогда въ Хорезмѣ. Это упомянуто въ его предисловіи. Во время жизни Узбекъ Хана весь народъ Джуджи переименовался въ Узбекъ и до сихъ поръ это названіе сохранилось. У Узбекъ-Хана было сраженіе съ Адербиджанскимъ царемъ Абу Саидомъ Худабенде. Въ 757 году умеръ Узбекъ-Ханъ въ Сараѣ. Послѣ него царствовалъ его сынъ Тэнбекъ Ханъ недолго. Послѣ него его братъ Джелаль-уддинъ Абульмузафферъ Джани-бекъ Ханъ. Это былъ человекъ безконечно религіозный, благонравный, набожный, справедливый и чистосердечный. О немъ упоминаетъ и Сагдидинъ Тафтазани въ предисловіи къ своему объясненію *Шархи Талхисъ*. Когда Мухьиддинъ Альбердаги и другіе ученые жаловались на притѣсненія владѣтеля Адербиджана Малика Ашрафъ Чупана, онъ двинулся съ войсками въ Адербиджанъ и убивши его, всѣ его богатства и сокровища перевезъ въ городъ Сарай. Объ этомъ происшествіи говорятъ персидскіе стихи:

Ты знай, что сдѣлалъ злой Ашрафъ.

Онъ сдѣлалъ притѣсненія, а Джани Бекъ увезъ его золото.

Въ 760 году онъ умеръ въ Сараѣ и могила его тамъ. Послѣ него царствовалъ сынъ его Верди-Бекъ Ханъ. Онъ былъ нехорошей жизни, кровожадный и безстрашный, но не жилъ долго и умеръ послѣ двухъ лѣтъ. Мѣсто его занялъ сынъ его Кулна Ханъ и немного позже вступилъ на престолъ Наурузъ Ханъ.

Съ нимъ кончился рядъ царей изъ династїи Саина, изъ рода Батыя. Между Узбеками извѣстна пословица: на Берди Бекѣ сѣчена бычачья шея.

Послѣ нихъ былъ царь изъ рода Шейбана сына Джуджи, Хызръ сынъ Ибрагима, а послѣ него Русь Ханъ, сынъ Бадакула изъ рода Токай Тимура, сына Джуджи. Потомъ Токтамышъ Ханъ сынъ Туй Ходжи сдѣлался царемъ съ помощью Тимура. Онъ принадлежитъ къ извѣстнѣйшимъ и великимъ царямъ Кипчакской страны. Въ это время по указанію Токтамыша цари болгарскіе сдѣлали нападеніе на Русскихъ. Когда Кутлукъ Тимуръ Ханъ вельдствіе своего властолюбія убѣжалъ отъ Токтамыша, тогда Идегу Мирза, изъ рода Мангудъ, сынъ Кутлукъ Каба, соединился съ нимъ. Они были причиной похода Тимура противъ Токтамыша. Тимуръ напалъ на Кипчакскую страну и разгромилъ Токтамышъ Хана, но Токтамышъ спасся бѣгствомъ отъ смерти и плѣна. Потомъ Идегу Мирза, отдѣлившись отъ Тимура, собралъ народъ своего племени и выбралъ въ ханы Кутлукъ Тимура. Нѣсколько разъ онъ сражался съ Токтамышъ Ханомъ и побѣжденный долженъ былъ нѣсколько времени укрываться, наконецъ внезапно напалъ на Токтамыша во время пиршества и убилъ его. Дѣти же Токтамыша разбѣжались въ разныя стороны. Это была шестнадцатая схватка вражды между ними. Послѣ этого происшествія въ Кипчакской странѣ, высшая власть и главное распоряженіе находились въ рукахъ Идегу Мирзы, не смотря на то, что онъ посадилъ одного изъ потомковъ Русь Хана на престолъ, но тотъ довольствовался именемъ царя, правомъ хутбы и чеканенія монеты. Когда послѣ этого произошла распря между Тимуръ Ханомъ и Идегу Мирзою, тогда потомки Токтамыша начали борьбу съ нимъ и, побѣдивъ его, достигли желаемой цѣли, и такъ въ 814 году Джелаль-уддинъ Ханъ сынъ Токтамышъ Хана вступилъ на престолъ и сдѣлался царемъ. Во время этихъ происшествій Тимуръ Ханъ и Идегу оба были уничтожены. Послѣ него царствовалъ братъ Джелальуддина Кибекъ Ханъ, потомъ Чегре Ханъ, потомъ Кадыръ-берди Ханъ сынъ Токтамыша. Всякій изъ этихъ царей управлялъ нѣсколько времени въ Кипчакской странѣ и я самъ имѣлъ случай видѣть монеты, чеканенныя во имя каждаго изъ нихъ въ Вулгарѣ. Впослѣдствіи наслѣдникомъ престола сдѣлался Улугъ Мухаммедъ Ханъ, и послѣ нѣкотораго времени его царства братъ его Кичикъ Мухаммедъ Ханъ выгналъ его изъ столицы и самъ сдѣлался правителемъ страны. Наконецъ сынъ его Сейидъ Ахмедъ Ханъ былъ царемъ, и съ нимъ кончился рядъ царей въ этой странѣ, такъ какъ онъ переселился въ Крымъ.

Улугъ Мухаммедъ Ханъ прибылъ въ Казань и черезъ 12 лѣтъ переселился въ новую Казань; онъ возобновилъ этотъ городъ и сдѣлалъ его своею столицею; до прекращенія Казанскихъ царей резиденція ихъ была здѣсь. Сынъ его *Махмудъ*

Ханъ, по словамъ нѣкоторыхъ, возсталъ противъ отца и сдѣлался царемъ. Послѣ царствовалъ сынъ его *Халиль Ханъ*, потомъ его сынъ *Ибрагимъ Ханъ*, потомъ его сынъ *Ильгамъ Ханъ*, потомъ его братъ *Мухаммедъ Эминъ Ханъ*, известный подъ именемъ Иджимъ Хана, потомъ *Мамыкъ Ханъ*, сынъ Гамзы, сына Бахтіяра, сына Хизръ-Хана, потомъ *Абдуль Латифъ Ханъ*, сынъ Ибрагимъ-Хана, потомъ опять *Мухаммедъ Эминъ Ханъ*, потомъ *Шахъ Али Ханъ*, сынъ Аллаяръ Бека, потомъ *Сахибъ Гирей Ханъ*, потомъ *Сафа Гирей Ханъ*, потомъ *Джанъ Али Ханъ*, сынъ Аллаяра, потомъ опять *Сафа Гирей Ханъ*, потомъ снова *Шахъ Али Ханъ*, потомъ снова *Сафа Гирей Ханъ*, потомъ сынъ его *Утеминъ Гирей Ханъ*, потомъ мать его *Сюмъ бике*, дочь Юсуфа, сына Муса-Хана, потомъ снова *Шахъ-Али Ханъ*, потомъ *Ядыгаръ Ханъ*, сынъ Касымъ Хана Астраханскаго.

Около 960 года гиджры этотъ рядъ царей прекратился по завоеваніи Казани русскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Городъ Казань былъ устроенъ въ 840 году и въ немъ царствовалъ рядъ царей въ теченіи приблизительно 128 лѣтъ; царей было пятнадцать. Изъ нихъ Мамыкъ пришелъ изъ Ногайской орды, Ядыгаръ изъ Астрахани; Шахъ-Али-Ханъ и Джанъ-Али-Ханъ были два брата, которые съ помощію Русскихъ явились изъ города Касимова, и они вошли въ число казанскихъ царей. Сахибъ Гирей и Сафа Гирей пришли изъ Крыма.

Улугъ Мухаммедъ царствовалъ въ новой Казани 7 лѣтъ, его сынъ Махмудъ Ханъ 9 лѣтъ, его сынъ Халиль Ханъ 7 лѣтъ, Ибрагимъ Ханъ 19 лѣтъ, Ильгамъ Ханъ 9 лѣтъ; Мухаммедъ Аминъ 9 лѣтъ, Мамыкъ Ханъ одинъ годъ, Абдуль Латифъ Ханъ 5 лѣтъ и Мухаммедъ Аминъ Ханъ второй разъ 17 лѣтъ. Когда онъ во второй разъ взошелъ на престолъ, онъ съ 65 тысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ 45 т. конницы и 20 т. ногайскихъ Татаръ, напалъ на Русскихъ и послѣ жаркаго сраженія на рѣкѣ Тѣмъ (Донъ?) возвратился съ большою добычею и съ многочисленными плѣнниками.

Шахъ Али Ханъ царствовалъ въ первый разъ 3 года, во второй разъ одинъ мѣсяць и въ третій разъ полтора года. По причинѣ шаткости его положенія и несчастія его въ предпріятіяхъ своихъ, осталась до сихъ поръ поговорка между Татарами; они говорятъ именно, если человекъ находится въ бѣдѣ: его Шахъ Али Ханъ проклялъ. Сахибъ Гирей царствовалъ 4 года. Сахибъ Гирей былъ изъ рода крымскихъ царей. Когда въ 919 году умеръ знаменитый отецъ Сахибъ Гирей, Менгли Гирей Ханъ, сынъ Ходжа Гирей Хана, сына Гаясь-уддина, сына Шахъ Тимура, то въ Крыму возселъ на престолъ старшій сынъ его Мухаммедъ Гирей Ханъ въ началѣ 920 года, и своего брата Сахибъ Гирей заключилъ въ тюрьму. Въ то время послѣдній царь казанскій Улугъ Мухаммедъ Ханъ, рода Иджимъ

Хапа умеръ безъ наслѣдника и жители этой страны просили послать къ нимъ одного принца изъ рода Чингизъ Хапа; тогда и былъ посланъ Сахибъ-Гирей. Онъ царствовалъ около пяти лѣтъ, но огорчившись шаткостью правленія и недостаткомъ самостоятельной власти, передалъ правленіе Казанскаго царства сыну брата Сафа Гирею, сыну Махмудъ Гирея, сына Менгли Гирея, а самъ подъ предлогомъ путешествія въ Мекку на поклоненіе, отправился въ Стамбуль и нѣсколько времени жилъ въ довольствѣ при турецкомъ султанѣ Сулейманѣ, сынѣ Селима. Сафа Гирей царствовалъ 7 лѣтъ, второй разъ 11 лѣтъ и третій разъ 3 года. Джанъ Али Ханъ царствовалъ 4 года и былъ убитъ въ Москвѣ. Сынъ его Утемышъ Гирей Ханъ остался малолѣтнимъ, двухъ лѣтъ, и во имя его царствовала его мать 2 года. Ядыгаръ-Ханъ царствовалъ нѣсколько дней во время нашествія Русскихъ.

Башия, находящаяся въ городѣ Казани у воротъ крѣпости, которая у жителей Казани извѣстна подъ названіемъ ханской мечети, считается постройкою жены Сафа Гирея Сюнь-Вике (Сюмбеки).

Вблизи Казани есть гора такъ называемая Змѣиная (Зилантова). По преданію стариковъ, на мѣстѣ Казани, раньше построенія этого города, былъ лѣсъ, гдѣ водилось множество звѣрей и змѣй. Въ ту пору вздумали огнемъ прогнать этихъ вредныхъ змѣй; такъ змѣи, переплывая черезъ рѣку Казанку, запрудили рѣку. И былъ въ то время драконъ, который поселился на той горѣ, отъ чего она и назвалась Зилантовой.—Еще, предъ тѣмъ временемъ, именно въ 1065 году гиджры, была въ Казани моровая язва; тогда горожане выходили на рѣку Волгу и въ видѣ обѣщанія и жертвъ рѣзали козловъ и раздавали нищимъ. По этому примѣру и послѣ въ случаѣ несчастій, стали на томъ мѣстѣ рѣзать козловъ: отъ этого мѣсто назвалось Козьей. Отсюда произошелъ также суевѣрный обычай между деревенскими жителями приносить такъ называемую жертву отъ моровой язвы.

Передъ тѣмъ временемъ, еще около 1120 г., случился въ Казани огромнѣйшій пожаръ, извѣстный подъ именемъ Уразметова пожара, и жители города разсѣялись по деревнямъ и окрестностямъ. Этотъ пожаръ названъ Уразметовымъ потому, что жена нѣкоего Уразмета несла огонь и выронила его; она подожгла въ своемъ домѣ, а оттуда огонь распространился по всему городу. Черезъ нѣсколько времени большинство жителей города опять возвратилось въ Казань, а нѣкоторые поселились вблизи Казани; такъ произошла Новая Татарская Слобода. Въ послѣдніе годы Казанскаго царства былъ ученый человекъ по имени Казы Шерифъ-кулъ. Когда Русскіе осаждали Казань, онъ много сражался и наконецъ палъ мертвый на своей медресѣ, бывъ пораженъ копьемъ.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

الحمد لله رب العالمين والصلوة والسلام على خير خلقه محمد وآله اجمعين (اما بعد فيقول العبد الفقير الى عفوره الغافر شهاب الدين بن بهاء الدين بن سبحان بن عبد الكريم المرجاني سلمه الله هذه عجالة تواريخ وغلالة اخبار متعلقة باحوال قزان وبلغار انتخبتهما من مجامع شتى ونسخ ركيكة جمعها سوادج اهل تلك الديار وحملها غفل مشايخ الترك والتتار مع نوشجات يسيرة اختلستها من تصانيف علماءهم اطلع على ايام الناس واعتبار وركبتها هذا التركيب بقطع من الليل وانات من نهار ذلك في شهر رمضان سنة ثمان وسبعين ومأتين والى من هجرة من له كمال العز وقام الشرف قديم الايام دن معروف ومذكور وعلى سبيل الاجمال والاختصار كتب عربيه وتواريخ اسلاميههه ايضا مسطور وافواه عوامده اسكندر ماقيدوني بناسي ديماكله مشهور اقليم دشت قباچاق دار الملكى شهر بلغردور قاموس اللغةهه قرطق وزنده ضبط قيلوب والعامه تقوله بلغارديمش ملاعبد الرحيم بن عثمان الاوتوز ايماني بعض مجامعك ايتادور اسكندر ماقيدوني شرق غزاسنه توجه ايلدكك بعض ادواتى برغاره دفن ايلمش وحين رجوعك شول محله بر شهر بنا ايلايوب فارسى وعربى ايكي كلمه دن تركيب ايدوب اسمنى بن غار قويمش بمعنى اصل الغار وبعد ايام تحريفه ياكه تعريب له بلغار بولدى وبعض لى وجه تسميه سنده اهالى بلدهه مذكوره چرم بلغار صناعتيه مهارت لرنندن مسكن لارى اولان شهر لارى بلغار اسميله تسميه اولندى ديور اما چنكز ظهورى وبو بلاده تغلبى بعدنده احداث ايدلن شهر ومزبورنك اولادينه دار الملك معتبر بلد سراى دوركه آنى باتو خان بن جوجى خان بن چنكزخان احداث وينا قيلوب بر نچه مدت عقبينك دار الملكى بولدى وبوشهر سراى بناسى ٥١٠ سنه هجريه حدودنده واقع بولدى ودخى من مشاهر البلدان فى هذا الاقليم شهر قزان دور كيم مذكور باتو خان اولادندان سنة ثمان واربعين وسبعماية حدودنده برى بنا قيلمش وجه تسميه سى ياكه نهر قزان ساحلنده واقع بولاقدن ياكه مذكور شهرنك بانى سى قزان اسلى بولاقندان بو اسمله تسميه ايدلمش اوله وبعض لى اصلده بغين معجمه غزان دور چونكه بو شهرنى بانى ايران واذربيجان پادشاهى اولاد هلاكو خاندن سلطان محمود غزان خان بن ارغون خان بن ايقا خان بن هلاكو خان بن تولى خان بن چنكز خان دور ديمشلى تيمور كوركان فتنه سى انقضا سى بعدنده شهر قزانى بنه تجديدا محمد خان بنا قيلدى سنة اربعين وثمان باية هجريه حدودنده ديرلار والعهده على الراوى والله اعلم بالصواب بو فقير ايتادر بلغار وقزان اهالى سى نك تواريخ وايام الناس غه عدم رغبت وقلة اهتمام ومعرفتلرندان بو ملك كا متعلق اخبار اكثرى واهى وتخميندور واوتوز ايمانى ذكر

قیلدوقی واننگ مابعدنده مذکور البته بر مصنوع و تخیلی سوزدور اصل صحیحدن ماخود بر نقل معتبر ایمشدور و كذلك قزان بناسنده ذکر ایدلمش سوزلر ظنی دور و خصوصا غزان خان بن ارغون خان بناسی دیمک لاهماله غلط و خطادور چونکه هلاکو و اولاد هلاکوننگ بو مملکت لارکا اصلا تسلطی یوقدور فضلا عن بناء البلد ولكن بعض تواریخ ده مذکور قول که مذکور شهرنی باتو خان اوغلی بنا قیلدی بوننگ صحتنه قلب فی الجملة اطمینان و قرار تابادور و علی هذا اسم بانی سی دن ماخود بولغان تقدیرده بانی قزان اولاد باتو خاندان خیمه زرقا اصحاب لاری پادشاهسی و سرای خان قزان خان بن طغان خان بن باتو خان بولوق کک کم اقلیم الدشت ننگ ملوک کبارندن ایدی توقطاعو خان بعدنه اوزبک خان دن مقدم پادشاه لقی قیلدی حسام الدین بن شرف الدین البلغاری تواریخنده اینته دور اهل بلغار شهر رمضان سنه تاسعه هجریه ده رسول الله صلی الله علیه وسلم عصرنه اصحاب کرامدان اوج ذات دعوتیه مسلمان بولدی لار بری عبدالرحمن بن زبیر و بری زبیر بن جعد و بری طلحة بن عثمان و زبیر بن جعد ترک تله زیاده ماهر ایدی بلغارده قالوب آیدر خان قزی طوی بیکه فی تزوج قیلوب یکرمی بش یل بعدنه انک وفات بولدی و ایکی یاری مدینه کا رجوع قیلدی لار دیدور بلغار و نواحی اهلالی دن مذکور زبیر بن جعد دن تعلیم آلدیلار دیو کوب اسمه تابعین و تابعات دیو ذکر ایده و بعض مجامع دیکرده سنه تاسعه هجریه بلغارده آیدر خان بن توقی خان تحت جلوس ایدوب پادشاه اولدوقه اوج صحابه کیلوب مع اتباعه مسلمان بولدی لکن طلحه بن عثمان بدلنه حنظله بن ربیع ماهر بترکی و طوی بیکه فی تزوج قیلوب بلغارده قالغویچ همان حنظله بن ربیع ایدی دیدور بو فقیر دیرکه مزبور تواریخ حسامیه ده مذکور اقوال غالبی اوهام کاذبه و خیالات باطله و کذب محض دور کتب معتبره ده اهل بلغارننگ رسول اکرم و یا اصحاب کرام عصرنده مسلمان بولماقی کور نمایدور کیم رسول الله وقتنده حجاز و بعض شام و یمن دن غیر مالکده اسلام یوق ایدی و اصحاب عصرنده هم مسلمین ننگ بو دیاره اختلاط و اتصالی یوق ایدی مگر عزالدین بن الاثیر کتاب اسد العابه فی معرفة الصحابة سنه ترجمه عمیر بن اقصی الاسلامی ده ذکر قیلده دور روی ابو هریره قال قدم عمیر بن اقصی فی عصابة من اسلم وان رسول الله صلی الله علیه وسلم کتب لعمیر و من معه کتابا ترکیا ذکره و رواته نقلوه بالفاظ عربیة و بدلوه و صحفوها ترکناها لذلك بوقول برله دعوی مذکوره کا فی الجملة استیناس حاصل بولادر کیم شول کتاب اهل بلغار بولماقی مجوز بولدغندن بلغار و ما یصاقیهما من الدیار اسلامنده آنچه محقق و ثابت دار الخلافه دن نواب و رودیله خلفا طرفندن باب الابواب یعنی دربند مضبوط و ثغور و حدودی مسدود اولماقی بعدنه دور اثناء دولة بنی امیه ده فی سنه خمس و تسعین امیر کبیر مسلمه بن عبدالملک ثغوری ضبط ایدوب فی سنه عشرة و مائة من الهجرة مذکور مسلمه ایله کفار خزرمایینی ده ینه بر محاربه هایل و مقاتله عظیمه واقع اولوب عساکر ظفر مائر اسلام کفار غلبه ایلدی و بعضلر سنه مائین حدودنه اعظم خلفاء عباسیه دن مامون خلافتنه و بعض لار و اتق بالله خلافتنده اهل بلغار اسلام تابدی دیمش لکن بو فقیر عندنده صحیح و ثابت شول که بلغار پادشاهی الماس خان بن سلکی خان مع اهل بیته و عواشیه و اتباعه تاریخ هجرتدن عشرة و ثلاثماية حدودنده

اسلامه داخل بولديلار كيم خليفة الوقت وامام الزمان امير المؤمنين المقتدر بالله ابو الفضل جعفر بن احمد العباسي دار الخلافة بغداد دان مكاتبه ومراسله برلان دعوت و تحريض قيلماني ايله بعد ذلك رسل المقتدر سهسن الراسبي وبدر الحرمي واحمد بن فضلان بن عباس بن راشد مرافقتي ايلان تعليم شرايع اسلام و بيان مباني احكام قيلماني اچون دار الخلافت دن علماء وارباب صنايع واصحاب فنون لردن نجه شخص ورودى ايله بلغار ونواحينك دين اسلام رواج وشيوع تام تابدى ابن فضلان بو رحلتنده منذ انفصل عن بغداد الى ان عاد اليها بلغار وطريقته معاينه قلغان وقايع واحوال وعوايد القبائلنى بيان قيلوب بر كتاب تركيب قيلدى رساله ابن فضلان ديمكله مشهور ومعروف دور وشول رساله سنه ايتادور رحلنا من مدينة السلام لاحدى عشرة ليلة خلت من صفر ٣٠٩ سنه وكان وصولنا اليها راجعا يوم الاحد لاثنتى عشرة ليلة خلت من محرم سنة عشرة وثلاثماية ديدور ودخى رساله مذكوره سنه ايتادور ووقعنا فى بلاد قوم من الاترك يقال لهم الباشقردي فخذناهم اشد الحذر وذلك لانهم شر الاترك واقدرهم واشدهم اقدا ما يلقي الرجل الرجل فيفرز هامة ويأخذها ويتركه وهم يحلقون لحاهم ويأكلون القمل يتتبع الواحد منهم دروز قرطقه فيقرض القمل باسنانه ولقد كان معنا رجل منهم قد اسلم وكان يخدمنا فرأيتنه يوما وقد اخذ قملة من ثوبه فقصعها بظفره ثم لحسها انتهى بو اوصاف اثارى باشقورد قبيله سنه لى الان موجود دور ولهذا تاتارلار آراسنه بتلى باشقرد ديمكله ملقب لاردور وياقوت الحموى معجم البلدان كتابنده ديدور وجدت بمدينة حلب طائفة كثيرة يقال لهم الباشقردي شقر الوجوه والشعور جدا يتفقون على مذهب أبى حنيفة رحمه الله فسألت رجلا منهم استعقلته عن بلادهم وحالهم فقال اما بلادنا فمن وراء القسطنطينية ونحن مسلمون فى وسط بلاد النصارى رعية للملك فسالته عن سبب اسلامهم مع كونهم فى وسط بلاد الكفر قال سمعت جماعة من اسلافنا يحدثون انه قدم الى بلادنا منذ دهر طويل سبعة من المسلمين من بلاد بلغار وسكنوا بيننا وتلفوا فى تعريفنا على ما نحن عليه من الضلال وارشدونا الى الصواب من دين الاسلام فهدانا الله والحمد لله فاسلمنا جميعا وشرح الله صدورنا للايمان ونحن نقدم الى هذه البلاد ونتفقه فاذا رجعنا الى بلادنا اكرمنا اهلها ولونا امور دينهم والمتجندون منا يحلقون لحاهم ويلبسون لبسة الفرنج (القصة ملك البلغار الماس خان دعوت خليفه كما اجابت قيلوب شرايع اسلام وتقاريع دين واحكامنى تعلم ايلدى وطاعة خلفاء بنى العباسى ذمه سنه واجب بلوب منابر بلاد بلغارده خلفا اسنه خطبه وصفحات ذهب وفضه فى اسماء خلفاء برلان موشع ايدوب آنلارنك زى وشعارلارنى ملابس ومراكبنده دخى استشعار قيلاردى وبعد الاسلام اسم مولودنى تغيير وعنوان خاننى طرح وترك ايدوب امير جعفر بن عبد الله اسيله محلب بولدى على وفق اسم خليفة الوقت واوغلينك اسمنى احمد قويدى موافقة لاسم الرسول الوارد من دار الخلافة وعلى هذا المنوال اولادى واعقابى دخى آننك طريقه سبه داخل ومذهبنه داهب بولديلار وبوخاندان جعفرية وسلاله الماسيه دن بلغارده پادشاهلق ايدن لارنك بزكا واصل اولغاني اولهم الامير جعفر بن سلكى خان ثم ابنه الامير احمد ثم ابنه الامير طالب ثم اخوه الامير مؤمن ثم الامير شعون ثم الامير حيدر ثم ابنه الامير محمد ثم اخوه الامير سعيد ثم الامير باراج ثم الامير ابراهيم ثم الامير سليم ثم ابنه الامير الهام ثم الامير فولاد تيمر ثم الامير عبد الله ثم الامير حسين

ثم اخوه الامير محمود ثم الامير عبد الله هذا امير مؤمن خلفاء عباسيه دن الطايغ لله ابوبكر عبد الكريم بن المطيع كما معاصر ايدى وامير سليم الناصر لدين الله ابي العباس احمد بن المستضى بالله العباسى كما معاصر ايدى وآننك اسمنه بلغارده مضروب دراهم لارى منظور مز هم بولغانى باردور ولهذا بعض سواذج مورخين تانار خليفه مذکور ناصر لدين الله فى ملوك بلغاردن نوهم ايدوب آنلار جمله سنه عد قيلغان مع انه مذکور دراهم ده لفظ امير المؤمنین اسم الناصر لدين الله كما مقارن ومصاحب دور وچنگز اولادى عسكر كثيف برله بلاد بلغاره هجوم ايتدكلارنده امير الهام بن سليم دفع دن عاجز وعده وعده سن آنلارغه مقابله دن قاصر اولماقله آنلاره اظهار طاعت والتزام اتاوه قيلمقله ملك موروثنه برقرار قالدی وكذلك آننك بعدنه اولان ملوك بلغار دخی مسلمين بنى چنگز كما مداره ايدوب خطبه وسكدهه تشريكه الى ظهور تيمور سلسله لرى منجر بولدى وكراچه دم طاعت واظهار مطاوعت قيلسه لاره هم ارالارنده احبانا منافره ووحشت دخی فى الجملة واقع بولماقينه بناء چنگز يه دن منكو تيمور خان عسكر عظيم برله بلغاره هجوم ايدوب مظفرا صالح قيلوب رجوع ايلادى تيمور كثير الزور توقنامش خانغه عبورنده طريقى بلغاره مصادف اولوب امير عبد الله برلن مقاتله قيلوب مذکور امير عبد الله وزير لارى وجميع حواشى سى برله مثل اقبال بيك وقل على بيك وميركاش بيك وغيرهم دار الملك بلغارده طعمه شمشير تيمور اولماقله بوسلسله ۷۹۷ سنه ومنقرض بولوب امير عبد الله دن ايكي اوغل قالدی برى آلتون بيك طوقز ياشنده وبرى عالم بك ايدى ياشنده ايدى ديرلار واقعه تيمور بعدنه ملوك سابقين سلسله سى منقرض بولغاچ بلغار روس خان اولادتنك محكوم وتصرفنه داخل بولدى اعظم ملوك تانار من اولاد چنگز خان بلغار ونواحى بلغاره متصرف اولانلر اولهم باتوخان بن جوجى خان بن چنگز خان سنه خمس وعشرين وستماية حدودنه پدى فوت ايتدوكله باباسى تعيينيله پادشاه اولدى ثم ابنه سرتاق خان ثم اخوه اولانچى خان ثم اخوه الملك السعيد ناصر الدين ابو المعالى برکه خان ثم ابن اخيه منكتيمور خان بن توقان بن باتوخان ثم اخوه تودا منكو خان ثم غياث الدين توقتاغوخان بن منكو تيمور خان ثم قران خان بن طغان خان بن باتوخان ثم تلبغاخان بن منكو تيمور خان ثم ابن اخيه غياث الدين اوزبك خان بن طغريل بن منكو تيمور ثم ابنه تن بك خان ثم اخوه جلال الدين ابو المظفر محمود جاني بيك خان ثم ابنه بردى بيك خان ثم ابنه قولنا خان ثم عمه نوروز بك خان ثم خضر خان بن ابراهيم بن فولاد بن منكتيمور بن بادا قول بن جوجى بوقا بن بهادر خان ثم ابنه تيمور خوجه خان بن اوردا ملك خان ثم كادى بك خان بن جاني بيك خان ثم روس خان بن بادا قول بن توى خوجه بن اوز تيمور بن قوق تيمور بن جوجى خان ثم ناصر الدين توقتمش خان بن توى خواجه بن قوق قل بن ساريجه بن اوز تيمور بن توقاي تيمور ثم قويرچق خان بن روس خان ثم ابن اخيه تيمور قتلغ خان بن تيمور ملك ثم اخوه شادى بيك خان ثم ابن اخيه فولادخان بن تيمور قتلغ ثم اخوه تيمور خان ثم جلال الدين خان بن توقتمش خان ثم اخوه كيپاك خان ثم براق خان بن قويرچق خان ثم ابنه درويش خان ثم ابنه چكره خان ثم قادر بردى خان بن توقتمش خان ثم الوغ محمد خان بن جلال الدين تيمور خان ثم اخوه كوچك محمد خان ثم ابنه كچى احمد خان ثم ابنه السعيد احمد خان برکه خان سن ۶ سنه پادشاه اولدى اولاد جوجى بلکه اولاد چنگز دن اول

اسلام کا داخل بولغان ذات اولدور نجم الدین الزاہدی اول وقت فقہاء حنفیہ دن معدود ایدی مذکور برکہ خان اوچون دین اسلام حق لقتنہ بر رساله ترکیب قیلوب اسمنی رساله ناصر یہ قویدی برکہ خان بر صالح و مندین ادم و کثیر الغزوات ایدی وقعہ بغداد بعدنہ ابن عمی اولان اذربيجان و خراسان و عراق پادشاهی ہلاکو خان بن تولى خاندن رنجیدہ خاطر بولوب غضبا للاسلام وانتصارا لىبنى العباس وانتقاما للخليفة جیش کثیف برلان ۶۶۱ سنہ اذربيجان غہ متوجہ اولوب مظفرا رجوع قیلدی وبعد ذلك مذکور ابن عمی ہلاکو خان و اوغلی اباقا خان برلان چہ وقعہ لاری بارکہ اکثرنہ ظفر و غلبہ برکہ طرفنہ ایردی اخر الامر قولنج علتی برلہ حدود ۶۶۴ سنہ ہجریہ دنیادن انتقال ایلدی وبعد وفاتہ برادرزادہ سی منکو تیمور خان اذربيجان طرفنہ اباقا خان اوستینہ لشکر بیروب مظفرا صالح قیلدی اذربيجانہ اباقا خان بعدنہ برادری نیکودار اوغلی بن ہلاکو خان تختہ جلوس ایدوب پادشاه بولدی و اولاد ہلاکو خاندانندن اول اسلامہ داخل بولغان کشتی شول نیکودار اوغول دور بعد اسلامہ اسم جاہلی سنی تبدیل ایدوب سلطان احمد عنوانی ایلہ نام زدہ بولدی و لکن اکثر عسکری اسلامدان بی بہرہ اولماق لریلہ اباقا خان غہ جنایت تہمتی برلہ علیہنہ ارغون خان بن اباقا خان فی تحریک و اخراج ایلادیلار ظفر سلطان احمد طرفنہ بولوب ارغون خان فی حبس قیلسہ ہم لکن مخالفین مزبور فی اطلاق قیلوب غیلہ سلطان احمد فی ہلاک ایتدی بو واقعہ بعدنہ مزبور منکو تیمور خان سکسان منک عسکر جرار ایلہ توقای و توقای دیکن ایکی سر عسکر فی ارغون اوستنہ بیردی الحکم لله بو عسکر ارغون خان عسکرینہ قرباغہ ملتی بولوب طفاچار نام سر عسکر اوغون دن منہزم بولدی لار مونک خفا سندنہ منکو تیمور خان دنیادن انتقال قیلوب یرینہ برادری نودا منکو خان پادشاه اولدی و لکن ظالم و سفاک اولدغندن قومی رنجیدہ اولوب توقطاغو خان بن منکو تیمور خان غہ بیعت بیروب طایفتین آراسندنہ برمقاتلہ هولناک بعدنہ توقطاغو خان مظفر و غالب بولوب تختہ جلوس ایدوب پادشاه بولدی و اذربيجان پادشاهی غزان خان بن ارغون خان غہ رسول کوندروب بعض بلاد اذربيجان فی طلب قیلدی چنکر خان تعینا قندہ بو بلاد بزنگ حق مزبور و لکن ہلاکو خان و آننک اولادی بی وجہ تصرف قیلمش لار دیو و آلتی یل پادشاه لیق بعدنہ وفات بولوب بلدہ سرای دہ مدفون بولدی وبعد قزان خان بن طغان خان بن باتو خان پادشاه بولدی اوشبو ذات بلدہ قزان بناسی ایلان سابقا مشار الیہ بولوب ایدی ثم تلبغا خان بن منکو تیمور خان بو ایکی پادشاه تنک مدتی قلیل و دولت لری سریع الزوال بولق کرک و بعدہ غیاث الدین اوزبک خان بن طغر یل بن منکو تیمور خان پادشاه بولدی بو پادشاه بی غایت نجیب و حسن التدبیر و ترویج اسلامدہ بی نظیر ایدی ملوک صاینہ تنک اعظم و مشاہیری دندور بوننگ ایامندہ اطراف شتی و بلاد بعیدہ دن علما اسلام اجتماع قیلوب بو ممالکدہ دین اسلام ایضا مروج و شہرت یاب بولدی مونک صحبتندہ اولان علما مشاہیر دن بری شارح المطالع علامہ قطب الدین الرازی ایدور و علی بن ابی بکر بن علی البیکندی قسم ثالث مفتاح العلوم کا شرح ایتوب ۷۱۹ سنہ ہجریہ شعبانندہ تمام قیلوب خوارزم دہ ایکن مزبور سلطان محمد اوزبک خان غہ اهدا قیلدی خطبہ سندنہ مذکور دور اوزبک خان ایامندہ جو جی ایلی کلا اوزبک اتانندی لار والی الوقت بو اسم باقی دور

مذکور اوزبک خانننگ پادشاه اذربيجان اولان سلطان ابو سعيد خداينده برلان معرکه لاری بار فی ۷۰۷ سنه سبع و خمسين و سبعمأة سرايده وفات ايدوب موننگ بعدنده اوغلی تن بک خان مدة قليله پادشاه اولوب بعد برادری جلال الدين ابو المظفر جانی بيك خان پادشاه بولدی بو هم بی غایت مندين و صالح و درويش کشی و عدالت پيشه و خير اندیشه ایدی سعدالدين التفتازانی شرح تايخيص خطبه سنده مذکور اوشبو جانی بيك خاندور قاضی محی الدين البردعی وغيره من العلماء اذربيجانده مدير الملك اولان ملك اشرف چوپانی ظلمندان شکایت قیلوب تحریکی ایله عسکر برلان اذربيجانه متوجه اولوب مزبورنی قتل ايدوب جميع دقاين و خزایننی بلد سرايغه نقل ایلادی شول خصوصده ديمش لار بیت فارسی که ﴿

* دانی که چه کرد اشرف خر * او مظلمه برد جانی بيك زر * و در حدود سنه ستين و سبعمأة بلد سرايك وفات بولوب قبری آنکه دور و بعد اوغلی بردی بيك خان پادشاه اولدی غير جيد السيرة و سفاک و بی باک اولدغندان کوب يشامای ایکی یل بعدنک وفات بولدی برینه اوغلی قولنا خان جلوس ايدوب مدة قليله بعدنک نوروزخان اولوب خاندن صاين خان و اولاد باتو خان دن پادشاهلق منقرض بولدی اوزبک اچنده مثل معروف دور کاو بويینی بردی بيك ده کسلدی موننگ بعدنده شيبان بن جوجی خان اولادندن خان خضر بن ابراهيم بولدی و بعده توقای تیمور بن جوجی خان اولادندن روس خان بن بادا قول پادشاه بولدی و بعده تیمور معونیتله توقتمش خان بن توی خوجه پادشاه بولدی مشاهير ملوک بلاد قباچاق و اعظم لرندن دور موننگ ایامنده بلغار پادشاه لاری توقتمش اشارتيله روسلارنی نهب و غارت قیلدی لار قتلغ تیمور خان دغدغه ملک کیرلکی وارلغندان توقتمش خاندن قاچوب کیتوب و منغود قبیله سندن ایدکو میرزا بن قتلغ قبا انکار لاهق بولوب تیمورنی توقتمش علیه تحریک قلماغه سبب بولدی لار تیمور دشت قباچاقغه هجوم قیلوب توقتمش خان آندن منهنم بولدی ولكن قتل و اسردن خلاص تابدی تیمور دن ایدکو منفصل بولوب قوم قبیله سنی جمع ايدوب قتلغ تیمور خاننی خان کوتاروب توقتمش خان برله نچه کره منابذه قیلوب منکسر بولوب مدة مدیده مفقود و منقطع الحبر بولوب علی غفلة توقتمش ننگ بدم مجلسنه هجوم قلوب آنی غيلة قتل ایتدی و اولاد اجفادی اطراف شتیغه فرار ایلدی لار و هذه الملاقات كانت المرة السادسة عشر من المنابذة بينهما ایدکو بعد ذلك ممالك بلاد قباچاق و دشت برکده تمام نامذ الامر و مسموع القول اولوب ذمام اختیار آننگ یدنده بولدی روس خان اولادندن برونی تختکا اجلاس قیلوب پادشاه لقدن فقط اسم و خطبه و سکه کا قانع بولور لاردی بعد ذلك تیمور خان برله ایدکو میرزا ما بیننده مخالفت واقع بولدی اولاد توقتمش خان بو فرصته فتح باب محاربه ایلاب طغریاب و مقصود لارینه واصل اولوب سنه اربع عشرة و ثمانمأة ده جلال الدين خان بن توقتمش خان تخته جلوس ايدوب پادشاه اولدی و بو واقعه ده تیمور خان و ایدکو میرزا هر ایکوی تلف و نابود بولدی لار ثم اخوه کيباک خان ثم چکره خان ثم قادر بردی خان بن توقتمش خان بو ذات لار هر قايوسی نچه مدت فرمان فرمای اقليم قباچاق و دشت برکه بولدی و هر قايوسی ننگ ایامنده بلغارده اسم لارینه مضروب درهم لاری منظر رمز بولغان دور و بعد ذلك النج محمد خان وارث تحت اولوب نچه مدت انقضاسی بعدنک برادری کچک

محمد خان افی دار الملکندن اخراج و طرد ایلاب یرینه پادشاه اولدی ثم ابنه کچی احمد خان ثم ابنه السید احمد خان ثم ابنه شیخ احمد خان ایامند بود دولت منقرض بولدی و قرم طرفنه انتقال قیلندی اما الوغ محمد خان قزانغه کیلوب اون ایکی سنه بعدنده قزان جدیده کا انتقال ایلاب مجدد ا تعمیر ایدوب کندسینه دار الملک اتخاذ ایتدی والی انقراض ایامهم دخی عقبینه پای تخت و قرارگاه اولدی مونتک بعدند اوغلی محمود خان علی قول پدیرینه غدر ایدوب پادشاه اولدی دیرلر ثم ابنه خلیل خان ثم اخوه ابراهیم خان ثم ابنه الهام خان ثم اخوه محمد امین خان المعروف بابیجم خان ثم مامق خان بن حمزه بن بختیار بن خضر خان ثم عبد اللطیف خان بن ابراهیم خان ثم عاد محمد امین خان ثم شاه علی خان بن الله یار بیگ ثم صاحب کرای خان ثم صفا کرای خان ثم جان علی خان بن الله یار ثم عاد صفا کرای خان ثم عاد شاه علی خان ثم عاد صفا کرای خان ثم ابنه اوغش کرای خان ثم امه سیون بیکه بنت یوسف بن موسی خان ثم عاد شاه علی خان ثم یادگار خان بن قاسم خان الاشرخانی تاریخ هجری برله طوقز یوز آلتمش حدونده بوسلسله بالکلیه دولت لری منقرض بولدی روسیان پادشاهی چار ایوان بن واسل ننگ مذکور بلده قزانغه استیلا تاباقیله و مجدد ا بنا قزان ۸۴۰ سنه هجریه حدونده واقع بولوب بو سلسله ننگ شهر قزانده بولغان مدت دولتری ۱۲۸ سنه تقریباً و عدد اشخاص لاری اون بش ذاتدور اما مامق خان دید کرای نوغای اورد اسندان و کذلک یادگار خان دید کرای حاجی طرخان دن کلمش دور و کذلک شاه علی و جان علی ایکی برادر روسیه معونتیه قصبه کرمان دن کلوب برنجه وقت قزان حکمران لری سلسله سنده منتظم بولدی لر و صاحب کرای و صفا کرای هم قرمی لاردور الوغ محمد خان ننگ قزان جدیده پادشاه لقی یدی سنه دور و اوغلی محمود خان ننگ مدتی طوقز سنه و آنتنگ اوغلی خلیل خان ایکی سنه ابراهیم خان اوز طوقز سنه و الهام خان طوقز سنه و محمد امین طوقز سنه ماموق خان بر سنه و عبد اللطیف خان بش سنه و محمد امین خان نوبه ثانیه سنه اون یدی سنه بولدی و بو نوبتنده تخته جلوس ایتدکنده قرق بش منگ رکیان و یکریمی منگ نوغای تانار لارندان مرکب ۶۰ منگ نفوسی مشتمل بر عسکر ایله روسیه الکاسنی نهب و غارته قویوب نهر تن بوینده روسلر ایله بر عظیم محاربه ایدوب غنائم و افره و اسارای کثیره ایله رجوع ایلادی شاه علی خان نوبه اولی سنده اوج ییل و نوبه ثانیه ده برای و نوبه ثالثه ده ییل یاریم پادشاه لقی قیلدی شاه علی احوالی ننگ کثرتی تبدلندن و مرادنه و اصل اولمای دایما بلا و محنتده اولدغندن تانار لار آراسنده بر مثل بولشکه نکبت زده و افتاده شی لارکا مونی شاه علی قارغاغان دیرلار و صاحب کرای دورت ییل خان بولدی صاحب کرای خان خوانین قریم سلاله سندن دور والد ماجدی منکلی کرای خان بن حاجی کرای خان بن غیاث الدین بن ناش تیمور سنه تسع عشره و تسعمایه ده وفات اولدقده دار الملک قریبده ولد اکبری محمد کرای خان بن منکلی کرای خان صدر سنه عشرین و تسعمایه جالس سریر حکومت اولوب برادری صاحب کرای بن حبس ایلادی بو اثناده الغ محمد خان سلاله سندن حاکم قزان ایجم خان بلا وارث وفات اولوب اهالی ولایت نسل چنگزدن بر سلطان ارسالنه رغبت ایتدکنده صاحب کرای ارسال اولندی تقریب بش سنه قدر حکومت ایدوب اضطراب ملک و اختلال الدوله و عدم استقلالدن متضجر اولوب حکومت قزانی

برادر زاده‌سی صفا کرای بن محمود کرای بن منکلی کرای کا تفویض قیلوب کندسی حج بهانه‌سیله اسلامبول‌غه قدوم ایدوب بر مدت سلطان سلیمان بن سلیم العثماني خدمتنده فراغت بولدی وصفا کرای یدی یل خان بولدی ونوبه ثانیه‌سندده اون بر سنه خان بولدی وثالثه‌سندده اوچ سنه خان بولدی وجان علی خان تورت یل خان بولوب مسکوبیده صبرا مقتول اولدی و اوتمش کرای خان نارسیده ایکی یاشنده ایکان ایکی سنه قدری پادشاه‌لق نامنده ایدی ولکن والده‌سی حکمدارلق قیلیدی ویادکار خان روس لارننگ ایام غلبه‌سندده نجه ایام حکم ایلدی قزان شهرنده دروازه قلعه اوستنده اولان اهل قزان آراسنده خان مسجدی دیملکه معروف مناره صفا کرای خان حلیله‌سی سیون بیکه‌کا منسوب‌دور شهر قزان جنبنده الحال یلان تاوی اسمیله بر تاغ بار مشایخ واق ستالان نقل‌نجه قبل بناء قزان موضع قزان ماوی الوهوش والحیات بر بیشه ایکان کثرت حیات شول مثابه‌ده ایمش‌که حیات و مودی لارنی احراق نار برله تنفیر و طرد قلد‌نده حین العبور نهر قزان‌نی بند قلمش لار اول وقت بینه بر اردها بولوب مذکور طاغ‌غه نزول ایتمک لرندن بو اسم ایله مسمی اولمش و بو تاریخ دن مقدم تاریخ هجره‌له منکله آلتمش بش حد‌ودنده قزانده بر عظیم وبا اولوب اهالی شهر نهرانل بوینه چغوب ندور و صدقات صرف ایدوب و تکه‌لر صریوب فقرا و مسکین‌کا طعام و آب اش بیروب یاطغانلار و موندنک بعدنده دخی بعض نوایب و حوادث‌ده منوال مذکور اوزره موضع مذکورکا باروب تکه صویوب طعام بیرمک دستور اولمش و بو سبب‌دان تکه اطای تسمیه اولنگان الحال بعض قری اهالی‌سی اولات قربانی دیو ایام و باده مباشر اولدغی بدعت و نا مشروع اشلاری موندان ما خوددور و دخی موندان مقدم یوز اون ییل تقریباً ۱۱۶۵ سنه حد‌ودنده جوزا آینه‌ده قزانده اورازمت اوطی دیکان بر حریق عام بولوب اهالی شهر قری و اطراف‌غه منتشر بولغان لار اورازمت اوطی دیمک سببی شول اورازمت نام شخصنک خاتونی قولندن اوت توشوب اول کندسی‌ننگ داری احتراق قلب بعد ذلک حریق عام اولمش و بعد مدة اکثر اهل قزان رجوع قلب قزان‌ننگ قبله طرفنده بنالر و عمارت‌لر احداث ایلا دیلار بستهء جدیده بناسنه بر طرف مذکور حریق عام و بر طرف دن لوقانام اسقی اهل اسلام‌نی بر نجه تضییق‌لر برله تنصرغه تکلیفی قلم‌قله آنلارنی مشوش ایتماک سبب بولغان قزان‌ده اوخر ولایت مسلمین‌ده قاضی شریف قل اسم‌لی کشی بولغان جماعه روسیه ننگ قزانغه تسلط قلدغی کوب مقاتله بعدنده مدرسه اوستوندن جرح سنان برله تردی قلب شهید اولمش ❁

ТОПОГРАФІЯ ГОРОДА КАЗАНИ ВЪ 1552 ГОДУ, ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ЕГО РУССКИМИ ВОЙСКАМИ.

Протоіеря П. Г. Заринскаго.

(Читано въ засѣданіи 4 августа. См. Проток. стр. XLVII—XLIX).

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ къ обсужденію на IV-мъ Археологическомъ Съѣздѣ, есть нѣсколько такихъ, которые имѣютъ чисто мѣстный характеръ, но не лишены и обще-историческаго интереса.

Одинъ изъ этихъ вопросовъ былъ сформулированъ слѣдующимъ образомъ: „насколько возможно возстановить топографію Казани во время осады ея царемъ Иваномъ Васильевичемъ IV?“⁽¹⁾.

При рѣшеніи этого вопроса предложено обратить особое вниманіе: 1) на возстановленіе предѣловъ Казанской татарской крѣпости, 2) на опредѣленіе границы городскихъ татарскихъ поселеній и 3) на указаніе мѣстъ, гдѣ стояли осаждающіе при послѣдней осадѣ Казани. Находясь въ числѣ членовъ предварительнаго комитета IV-го Археологическаго Съѣзда, я вызвался, по мѣрѣ возможности, отвѣтить на предложенные вопросы. Настоящій рефератъ составляетъ отрывокъ изъ книги, мною написанной къ IV-му Археологическому Съѣзду: „Очерки древней Казани преимущественно XVI вѣка“, но отрывокъ, разработанный подробнѣе и тщательнѣе⁽²⁾.

Независимо отъ поставленнаго вопроса я думаю, что всего умѣстнѣе вспомнить на Казанскомъ Археологическомъ Съѣздѣ о великомъ событіи нашей исторіи, совершившемся здѣсь за 325 лѣтъ до настоящаго времени,—о Казанскомъ взятіи, и сдѣлать попытку возстановить планъ осады и штурма Казани русскими войсками въ 1552 году по уцѣлѣвшимъ до сихъ поръ въ Казани памятникамъ, урочищамъ и мѣстнымъ слѣдамъ, строго придерживаясь при оцѣнкѣ и опредѣленіи ихъ указаний лѣтописей тогдашняго времени.

⁽¹⁾ См. Вопросы IV-го Археол. Съѣзда, стр. VI, № 45.

⁽²⁾ Печатаемый текстъ реферата о. Заринскаго есть переработка читаннаго имъ на Съѣздѣ, представленная въ редакціонный комитетъ въ 1878 г. *Ред.*

Казанская осада была одною изъ послѣднихъ страницъ исторіи пятивѣковой борьбы нашей съ Татарами. Казанскимъ погромомъ мы исполнили до конца свою великую историческую задачу,—отразили однѣми своими силами, вынесли на своихъ плечахъ нашествіе на Европу среднеазиатскихъ варварскихъ ордъ, грозившихъ истребить европейскую цивилизацію, и за эту-то защиту своей цивилизаціи Европа до сихъ поръ остается намъ признательна, выражая Туркамъ, соплеменникамъ Татаръ, болѣе сочувствія въ настоящей борьбѣ Россіи съ Турціею, чѣмъ намъ, забывшимъ доселѣ своей роли защитниковъ угнетенныхъ. Всю важность покоренія Казани хорошо понимали и современники этого событія. Участникъ и герой казанскаго штурма, князь Андрей Михайловичъ Курбскій писалъ о взятіи Казани: „За помощію Божіею сопотивъ сопостатовъ возмогона воинство христіанское. И противъ якихъ сопостатовъ? Такъ великаго и грознаго Измаильтескаго языка, отъ негожь нѣкогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была!“⁽¹⁾ Только послѣ взятія Казани начинаетъ свободно дышать вся Низовая земля, переставая быть для Казанцевъ неистощимымъ источникомъ добычи невольниковъ. Какъ велико было число плѣнныхъ въ Казанскомъ царствѣ до покоренія его Русскими видно изъ того, что Шигалей, при своемъ воцареніи въ Казани, освободилъ до 60,000 плѣнныхъ Русскихъ, но это была лишь небольшая ихъ часть⁽²⁾. Понятно какъ обрадовало всю Русь взятіе Казани. Лѣтописцы не могутъ наговориться объ этой радости, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ восторгъ выражается довольно наивно. Напримѣръ, одинъ русскій лѣтописецъ такъ описываетъ казанскій штурмъ: „И тако чрезъ стѣну скоро взлѣзоша во градъ (Казань), бьюще по улицамъ татаръ и катунъ, мужей и женъ по дворомъ, иные же въ ямы валячися изъ мизгитей и съ полатъ и сѣкуще ихъ и *одираху до послѣднія наготы*“⁽³⁾. Намъ понятенъ будетъ этотъ восторгъ русскаго патріота, когда мы вспомнимъ, что до этой поры Татары *одирали* Русскихъ, и вдругъ роли перемѣнились: Татарамъ пришлось играть страдательную роль. Какъ было жалко до той поры положеніе русскихъ людей, видно изъ слѣдующаго эпизода, рассказываемаго Казанскимъ лѣтописцемъ изъ эпохи, предшествовавшей покоренію Казани. Однажды татарскимъ барантачамъ вздумалось прокрасться въ русскіе пре-

(1) Сказ. Курбскаго, изд. Устрялова. 1833 г. I, стр. 13.

(2) По свидѣтельству Царств. книги, 1551 г. 17 августа Шигалей выдалъ въ Казани боярамъ кн. Юр. Голицыну, да Ивану Хабарову 2700 человекъ плѣнныхъ; съ горной стороны и съ Казанской стороны вышло всего плѣну 60,000 человекъ; они были записаны въ Свияжскѣ, гдѣ имъ кормъ давали. (Стр. 184 и 185).

(3) См. Отрыв. Рус. лѣт. по Воскрес. сп. 1445—1552 г. Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VI, стр. 312.

дѣлы. Въ числѣ 6,000 человекъ Татары добрались до Балахны; дѣло было на масляницѣ, все веселились и въ городѣ было пьяно. Лѣтописецъ впрочемъ снисходительно относится къ этому безпорядку: „обычай есть христіаномъ въ тѣ дни веселиться“, добавляетъ онъ. Однако, невзирая на видимую законность этого поголовнаго пьянства на масляной, Татары захватили все населеніе Балахны въ плѣнъ и поспѣшно пригнали въ Казань; бѣдные балахнинцы опомнились отъ недѣльнаго похмѣлья лишь въ казанской тюрьмѣ и ихъ искусственная веселость отъ вина смѣнилась неутѣшнымъ плачемъ о потерѣ родины и о своей горькой будущности⁽¹⁾. Народъ увѣковѣчилъ осаду и взятіе Казани историческими пѣснями. Очень можетъ быть, что эти пѣсни сложились при Московскомъ дворѣ. Олеарій замѣчаетъ, что царь Иванъ любилъ иногда слушать пѣсни придворныхъ рапсодовъ о взятіи Казани и Астрахани⁽²⁾. Но самый фактъ, что среди массы погибшихъ историческихъ пѣсень и былинъ (доказательствомъ множества погибшихъ пѣсень служатъ пѣсни, записанныя въ 1619 году бакалавромъ Джемсомъ), народъ ревниво охранялъ отъ забвенія пѣсни о взятіи Казани,—служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ отнеслись народныя массы ко взятію Казани. Безъ уничтоженія разбойничьяго или, по народному представленію, *змѣннаго* гнѣзда⁽³⁾, въ Казани невозможно было дальнѣйшее развитіе государственной жизни всей восточной Руси.

Много разъ описывалось нашими историками взятіе Казани, но эти описанія очевидно страдаютъ отсутствіемъ опредѣленныхъ топографическихъ указаній, что дѣлаетъ ихъ сбивчивыми и непонятными, лишаетъ реальности и картинности. Начиная отъ сухаго, дѣловаго разсказа Царственной Книги о взятіи Казани и художественнаго Карамзинскаго описанія, все наши лѣтописныя сказанія, а равно и обработанныя историческія повѣствованія объ этомъ событіи упоминаютъ о взятіи приступомъ различныхъ воротъ и башенъ Казанской крѣпости, о различныхъ казанскихъ урочищахъ, на которыхъ стояли или откуда двинулись на штурмъ наши войска, но не опредѣляютъ гдѣ были эти мѣстности. Отъ осады Казани въ 1552 году не осталось плана. Если бы мы имѣли такой планъ взятія Казани, какой дошелъ до насъ отъ знаменитой осады Пскова, такъ прекрасно скопированный въ

⁽¹⁾ Ист. о Каз. цар. стр. 90.

⁽²⁾ Вотъ слова Олеарія: «Ce prince quand il voulait faire voir son humeur gaye dans la boisson, avait accoutumé de chanter une certaine chanson, composée sur la prise de Casan et d'Astracan». Voyages du Sr. Ad. Olearius, Amsterd. 1827, liv. IV, p. 416.

⁽³⁾ См. разсказъ о змѣнномъ гнѣздѣ и о двуглавомъ змѣѣ, жившемъ на казанской горѣ въ Ист. о Каз. цар. гл. IV, стр. 11 и сл.

изданіи г. Прохорова „Христіанскія Древности“⁽¹⁾, тогда-бы самая Казанская осада сдѣлалась для насъ совершенно наглядною. Правда при Царственной Книгѣ и Царственномъ Лѣтописцѣ, хранящихся въ Московской патриаршей ризницѣ, приложено большое количество современныхъ рисунковъ XVI вѣка, но эти рисунки могутъ дать лишь нѣкоторое понятіе о костюмахъ, о вооруженіяхъ или доспѣхахъ и даже объ орудіяхъ, употреблявшихся при осадѣ Казани, но что касается до мѣстности казанской, то они не даютъ о ней никакого понятія. Такъ на рисункѣ Царственной Книги, представляющемъ начало Казанской осады, Казанская крѣпость съ ея башнями представляетъ копію съ тѣхъ иконописныхъ башенъ и теремовъ, которые на нашихъ древнихъ иконахъ и миниатюрахъ являются аксессуарами къ изображеніямъ святыхъ и священныхъ событій⁽²⁾. Позднѣйшія попытки возстановить топографію татарской Казани имѣли своими результатами планы Казани 1552 года, отличающіеся не только большою неопредѣленностью, но и явною неправильностью. Таковъ планъ Юлія фонъ-Каница, директора Казанской гимназіи, бывшаго въ числѣ защитниковъ Казани во время нападенія на нее Пугачева. Самый планъ исчезъ изъ текста описанія осады Казани Юлія фонъ-Каница и его нѣтъ ни въ рукописныхъ описаніяхъ осады, находящихся въ библіотекѣ Казанскаго университета, ни въ рукописи, изданной въ 1868 году Казанскою духовною академіею, подъ заглавіемъ „Сборникъ древностей Казанской епархіи“ архимандрита Платона Любарскаго, жившаго въ Казани въ 1772—1785 гг. Какъ видно изъ послѣловія къ изданію 1833 г. „Сказаній князя Курбскаго“ (т. I стр. 310) планъ фонъ-Каница былъ найденъ г. Устряловымъ въ Военно-топографическомъ депо и приложенъ имъ при 2-мъ томѣ „Сказаній“ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Планъ, весьма близкій къ плану Устрялова, находимъ мы при статьѣ: „Описаніе осады и взятіе Казани“ доставленной бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета Суровцовымъ, помѣченной 1778 годомъ и помѣщенной въ журналѣ „Славянинъ“. Статья эта написана по просьбѣ Хераскова для его „Россіады“ фонъ-Каницемъ и Суровцовъ только нѣсколько подновилъ ея слогъ, изъ чего можно заключить, что и находящійся при ней

(1) Христ. древн. и археол. 1872 г. приложение. Видъ древняго Пскова 1581 г. во время осады города Стефаномъ Баторіемъ снятъ съ древней иконы, находящейся въ Печерскомъ монастырѣ.

(2) Одинъ рисунокъ изъ взятія Казани помѣщенъ въ книгѣ «Русскія знамена», покойнаго Маслова (См. Древности Росс. Госуд., дополн. III, гл. I, стр. 8). Нѣсколько рисунковъ изъ Царственной Книги и Царственнаго Лѣтописца помѣщено въ изданіяхъ г. Прохорова, напр. въ Русскихъ Древностяхъ 1871 года.

планъ есть копія съ подлиннаго плана фонъ-Каница. Особенность плана доставленнаго Суровцовымъ та, что въ немъ топографическій планъ соединенъ съ архитектурнымъ, а именно, посреди топографическаго плана Казани и ея окрестностей возвышается крѣпость съ башнями, мечетями, увѣнчанными луной и ханскими дворцами,—произведеніе досужаго воображенія автора! Планъ Каница очень тщательно отпечатанъ и иллюминированъ⁽¹⁾. Рыбушкинъ въ своей „Исторіи Казани“ повторяетъ этотъ же планъ при статьѣ Суровцова, но повтореніе отличается большими ошибками и грубымъ рисункомъ⁽²⁾. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстнымъ любителемъ древностей Н. Г. Фастрицкимъ былъ случайно приобретенъ топографическій планъ Казани, in folio, ярко раскрашенный и по письму принадлежащій къ концу XVIII столѣтія. Планъ этотъ очень похожъ (?) на планъ фонъ-Каница и отличается отъ него только нѣкоторыми частностями. Наконецъ планъ взятія Казани приложенъ при „Опытѣ исторіи инженернаго искусства въ Россіи“ профессора инженерной академіи Ласковскаго. Всѣ эти планы представляютъ значительную разницу въ опредѣленіи юго-западной части Казани. Подлинный планъ фонъ-Каница и планы Суровцова, Рыбушкина и неизвѣстнаго чертежника у г. Фастрицкаго проводятъ линію татарской Казани за Булакъ, между тѣмъ какъ планы Устрялова и Ласковскаго оканчиваютъ ее правымъ берегомъ Булака. Фонъ-Каницъ, а за тѣмъ его подражатели повторяютъ его ошибку, предполагая, что въ татарской Казани было каменное укрѣпленіе, соответствовавшее нынѣшнему Казанскому кремлю. Въ преданіяхъ, сохранившихся между жителями Казани о старомъ городѣ, мы не нашли никакихъ положительныхъ свѣдѣній о направленіи и предѣлахъ казанскихъ городовыхъ стѣнъ, изъ которыхъ внѣшняя деревянная сломана была при Артеміи Петровичѣ Волынскомъ, бывшемъ губернаторомъ въ Казани съ 1725 по 1730 годъ. Уже Юлій фонъ-Каницъ не могъ собрать достовѣрныхъ и точныхъ указаній, гдѣ шла эта деревянная стѣна и чрезъ 40 лѣтъ принужденъ былъ предполагать только вѣроятное направленіе стѣны, сообразуясь съ направленіемъ совершавшихся въ его время и нынѣ совершающихся двухъ крестныхъ ходовъ (2 и 20 іюля), получившихъ начало въ 1654 году. При этихъ крестныхъ ходахъ въ два раза обходятъ городъ съ иконою Смоленской Божіей Матери, приносимой изъ Седмиозер-

(¹) Статья Суровцова: «Описаніе осады и взятія Казани въ 1552 году, съ краткимъ изъясненіемъ приложеннаго здѣсь плана древняго сего города». См. журн. Славянинъ 1828 г. № XXIX, ч. VI, стр. 73—86.

(²) Исторія г. Казани, Рыбушкина изд. 1-е, прилож. къ I-му тому.

ной пустыни, начиная обходъ города съ сѣверо-западной его стороны и оканчивая сѣверо-восточной. Эти крестные ходы совершаются по улицамъ Казани и пересѣкаютъ въ двухъ мѣстахъ Булакъ; во время обхода города шествіе нѣсколько разъ останавливается и совершаются литіи при нѣкоторыхъ перекресткахъ, лежащихъ на пути, или же на площадяхъ и перекресткахъ. Преданіе говоритъ, что именно на этихъ мѣстахъ стояли надворотныя башни, но опять-таки русской, а не татарской городской стѣны⁽¹⁾. Рыбушкинъ сильно отстаиваетъ это предположеніе, но неизвѣстный авторъ статьи о Казани въ XVI-мъ в., помѣщенной въ „Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ 1856 года, указалъ на слабыя стороны такой гипотезы. Онъ говоритъ, что въ 1856 году и на его глазахъ, первенствующее духовное лицо, при одномъ изъ крестныхъ ходовъ по Забулачью, измѣнило прежнее направленіе шествія и повело его по новому пути⁽²⁾. Этотъ фактъ наглядно показываетъ, какъ осторожно нужно относиться къ различнаго рода преданіямъ въ родѣ основанныхъ на крестныхъ ходахъ, разныхъ благочестивыхъ путешествіяхъ къ той или другой мѣстности, или названіяхъ урочищъ. Вышеуказанная статья, помѣщенная въ „Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ за 1856 г., представляетъ первый опытъ изслѣдованія топографіи древней Казани по перво-источникамъ и отличается научными приемами. Авторъ этой статьи первый указалъ ошибки фонъ-Каница, Суровцова и Рыбушкина, смѣшавшихъ ворота внѣшней городской казанской татарской стѣны или острога съ воротами русскаго казанскаго кремля или города. Въ этой статьѣ мы находимъ первое серьезное изслѣдованіе о томъ, простиралась ли казанская татарская стѣна за Булакъ? Но авторъ этой статьи не обладалъ многими данными, которыя пригодились бы ему для его историческихъ изслѣдованій. Такъ напримѣръ, онъ заподозриваетъ замѣтку геодезиста Пестрикова, дѣлавшаго описаніе Казани въ 1739 году по порученію извѣстнаго историка и публициста Татищева для его „Географическаго Словаря“, о томъ, что казанская деревянная стѣна, шедшая

(1) Сборникъ Любарскаго, стр. 117.

(2) См. «Историческіе очерки Казани. Какой видъ имѣла Казань въ XVI столѣтіи?» Каз. губ. вѣд. 1856 г. №№ 33—46. Вотъ слова автора этой статьи: «Рыбушкинъ рассказываетъ, что въ крестномъ ходѣ 2 іюля, дойдя со святыми иконами до Варлаамьевской церкви, дѣлаютъ отъ нея поворотъ на Сѣнную улицу. Оно дѣйствительно такъ и дѣлалось прежде, но въ нынѣшнемъ (1856 (?)) году священное шествіе прошло мимо этой церкви въ прямомъ направленіи до церкви Тихвинской и черезъ ея ограду и узкій переулочекъ вышло на Сѣнную площадь. Очевидно, что какой нибудь познѣйшій изслѣдователь жестоко ошибся бы, если бы, основываясь на этомъ направленіи крестнаго хода, вздумалъ увѣрять, что древняя стѣна шла отъ церкви Варлаамьевской до Тихвинской и что на мѣстѣ послѣдней находились встарину ворота». Каз. вѣд. № 41, стр. 324.

вокругъ всего города, уничтожена Волынскимъ, бывшимъ губернаторомъ Казанскимъ въ 1725 и 1730 годахъ. Авторъ статьи „Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей“ 1856 г. повидимому думалъ, что это было сдѣлано воеводами Волынскими, бывшими въ Казани на воеводство въ XVII в. (первый въ 1626 году, а второй въ 1660 году). Столь же невѣрно объясненіе, сдѣланное авторомъ этой статьи на грамоту Іоанна IV къ Казанскому святителю Гурію 1555 года, объясненіе, которое совершенно въ неправильномъ видѣ представляетъ древнюю Казань. Эта ошибка допущена авторомъ историческихъ очерковъ Казани по незнанію, что Петропавловская церковь въ Казани существовала еще въ XVI вѣкѣ, какъ видно изъ недавно изданной Писцовой книги 1566—1568 годовъ окольного Никиты Борисова и Дмитрія Кикина, и что объ этой церкви, а не о церкви Московскихъ чудотворцевъ говорится въ упомянутой царской грамотѣ. Тою же Писцовой книгою разрѣшаются недоумѣнія о Ногайскихъ и Тюменскихъ воротахъ, не мало сбивавшія его въ догадкахъ о планѣ древней Казани. Не смотря на все это, планъ Казани XVI вѣка по его соображеніямъ, хотя и не реализированный авторомъ, лучше плановъ всѣхъ его предшественниковъ, одинъ по нашему мнѣнію весьма близокъ къ истинѣ. Мы по мѣрѣ возможности показали всю массу недоразумѣній и неправильныхъ пониманій топографіи древней Казани. До чего доходила эта путаница въ представленіи плана Казани 1552 года можно видѣть изъ того, что нѣкоторые изслѣдователи казанскихъ древностей считали мѣсто нынѣшняго Казанскаго Памятника мѣстомъ ставки Іоанна Грознаго и печатно заявляли за непреложную истину, что будто-бы отсюда велись подкопы подъ Казанскую татарскую крѣпость. Предположеніе нелѣпое потому, что подкопъ, по мнѣнію автора одного изъ такихъ изслѣдованій, долженъ былъ идти подъ ложею Казанки⁽¹⁾.

Приступая къ рѣшенію вопроса о топографіи татарской Казани въ XVI вѣкѣ, необходимо прежде составить себѣ ясное представленіе о планѣ русской Казани, возникшей на развалинахъ татарской. Съ паденіемъ Казани въ 1552 году не окончилась завоевательная роль Русскихъ въ Казанскомъ краѣ. Со взятіемъ Казани не Русскіе начали угрожать Казанской столицѣ, а Татары стали угрожать Каза-

(1) Въ «Историческомъ описаніи Казанскаго Успенскаго Зилантова монастыря и Казанскаго Памятника». Арх. Гаврила, изд. 1840 г. на стр. 3-й читаемъ: «Зилантовъ монастырь первоначально построенъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ на послѣднемъ уступѣ Зилантовой горы, въ 2-хъ верстахъ къ сѣверо-западу отъ градской крѣпости на лѣвомъ берегу рѣки Казанки, тамъ гдѣ была послѣдняя ставка и церковь Государя и гдѣ погребены убіенные при взятіи Казани воины. Отсюда веденъ былъ подкопъ къ крѣпости Казанской и отселъ Государь, съ знаменемъ въ рукахъ, съ крестнымъ ходомъ вступилъ въ побѣжденный имъ городъ и т. д.»

ни. Татаръ много еще оставалось въ Казанскомъ краѣ. Кромѣ того связь казанскихъ Татаръ съ одной стороны съ родственными имъ ордами, бродившими по нижнему теченію Волги, а съ другой стороны съ финскимъ поволжскимъ населеніемъ, бывшими данниками Казанскаго царства, дѣлала опаснымъ для русскихъ людей, сѣвшихъ въ Казани, всякое возмущеніе въ прилегавшихъ къ Казани земляхъ. Исторія представляетъ намъ рядъ возмущеній мѣстнаго населенія бывшаго Казанскаго царства и кровавыхъ расплатъ за нихъ русскихъ властей⁽¹⁾. Слѣдовательно Русскіе должны были неизбѣжно воспользоваться тѣми естественными условіями казанской мѣстности, которыя дѣлали неприступною татарскую Казань. Прежде всего они должны были по этой же причинѣ ограничиться тѣмъ небольшимъ пространствомъ, которое занимала татарская Казань. Такимъ образомъ, если бы мы имѣли совершенно точный планъ русской Казани XVI вѣка, то могли бы съ достовѣрностью сказать, что обладаемъ планомъ татарской Казани. Этому желанію нашему суждено было исполниться самымъ неожиданнымъ для насъ образомъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ получена была въ Казанской духовной академіи рукопись „Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ 1566—1568 г.“, сдѣланный покойнымъ профессоромъ Московской духовной семинаріи К. И. Невоструевымъ. Эта рукопись была издана въ 1877 году по опредѣленію совѣта Казанской академіи въ виду предстоящаго Археологическаго Съѣзда⁽²⁾. Только подробное знакомство съ этимъ первоначальнымъ источникомъ дало намъ возможность рѣшить вопросы, поставленные въ началѣ нашего реферата.

Мѣстность, на которой въ послѣдній разъ построена Казань⁽³⁾, имѣетъ слѣдующій характеръ. Луговой лѣвый берегъ рѣки Волги, гдѣ впадаетъ въ нее Ка-

(1) Въ исторіи князя Щербатова собраны всѣ лѣтописныя сказанія о возмущеніяхъ бывшаго Казанскаго царства въ XVI вѣкѣ (Щерб. Іоаннъ IV, стр. 406 и дал.). Курбскій обвиняетъ Іоанна, какъ виновника этихъ мятежей; по его словамъ всѣ военачальники совѣтовали ему не ограничиваться однимъ взятіемъ Казани, а простоять зиму 1553 г. подъ Казанью и завоевать все Казанское царство. Ч. I. Стр. 59.

(2) По отзыву Н. В. Калачева, этотъ списокъ хотя сдѣланъ не съ подлинной книги, а съ новѣйшей копіи и при томъ сокращенной, но въ этомъ сокращеніи не пропущено ничего существеннаго. См. Протоколы IV Археол. Съѣзда, стр. СХХІ—СХХІІ; Сборн. Археолог. Института Кн. I. 1878 г. отд. 3-е, стр. 67.

(3) Казань основана въ XIV вѣкѣ, спустя 125 лѣтъ послѣ нашествія на Россію Монголовъ, какъ говоритъ преданіе, Саиномъ сыномъ Батыя, но она была заложена въ 40 верстахъ отъ теперешней Казани, на мѣстѣ называемомъ Иски-Казань. На настоящемъ мѣстѣ Казань основана Улу-Махметомъ въ 1439 году и, что замѣчательно, съ согласія великаго князя Василія Темнаго. Въ Казани до сихъ поръ указываютъ *Старое городище* на мѣстѣ Федоровскаго монастыря. О Старомъ городищѣ упоминается въ Царственной Книгѣ (изд. 1769 г. стр. 299) при диспозиціи

занка, представляет низменную равнину, длиною около 10-ти верстъ и шириною около 6-ти. Равнина эта есть не что иное какъ продолженіе низменнаго лѣваго берега Волги, по всему среднему теченію этой великой рѣки сѣвера, то нѣсколько поднимающагося надъ уровнемъ рѣки, то полого опускающагося къ самому ея ложу. Неодинаковая ширина этой низменности служитъ причиною болѣе или менѣе широкаго разлива рѣки во время полои воды, доходящаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 17—20 верстъ въ ширину. Около Казани эта заливная равнина ограничивается обрывомъ верхней террасы, глинистаго и отчасти песчанаго грунта, вышиною около 10—12 саж. Терраса эта къ сѣверу оканчивается мысомъ около самаго берега Казанки, на которомъ расположенъ въ настоящее время Казанскій кремль. Въ XVI вѣкѣ этотъ мысъ отдѣлялся отъ прочихъ возвышенностей глубокимъ и рѣзко очерченнымъ оврагомъ, называющимся въ нашихъ лѣтописяхъ *Тезицкимъ* оврагомъ. Названіе это, какъ видно, испорчено въ русскомъ произношеніи и по мнѣнію академика Вельяминова-Зернова, вѣроятно происходитъ отъ слова *Таджикъ* = житель Средней Азіи, Сартъ, говорящій персидскимъ языкомъ. Курбскій переводитъ слово *Тезицкій*—купецкій (Сказ. Курб. I, стр. 38). Можетъ быть, этотъ оврагъ назывался *тайджарскій*, отъ арабскаго слова *тайджаръ* = купецъ и названіе было испорчено Русскими. Извѣстно, какъ Русскіе умѣли ломать иностранныя слова. Царица *Сююбека* въ русскихъ лѣтописяхъ превращается въ *Сумвѣрну*. Въ последнемъ названіи нѣтъ ни одной подлинной буквы, кромѣ первоначальной. Собирая показанія Писцовой Книги, Тезицкій оврагъ шелъ или нѣсколько сѣвернѣе предполагаемаго нынѣ Тезицкаго оврага между крѣпостью и Ивановскимъ монастыремъ, или же развѣтвлялся на нѣсколько овраговъ на восточной сторонѣ кремля, гдѣ были Димитріевскія ворота. При прокладкѣ водопроводныхъ трубъ въ срединѣ кремля оказалась наносная земля.

Вся эта возвышенность была перерѣзана оврагами, балками, крутыми обрывами и спусками, тѣсными и глубокими ущельями (*ущельми*, по тогдашнему выраженію), измѣнявшими свой видъ ежегодно, весною при таянн снѣга, или же просто послѣ перваго ливня. Писцовая Книга 1566 года, дѣлая опись дворамъ и улицамъ, на каждой почти страницѣ означаетъ: на *горѣ* пять дворовъ, да за *оврагомъ*, да на *зарязѣ*,

приступа. Въ Оедоровскомъ монастырѣ донныя хранится евангеліе конца XVII в. съ надписью: «во обитель Живоначальныя Троицы и великом. Оеодора Стратилата во градъ Казань, яже на Старомъ городищѣ». Извѣст. по Каз. епарх. 1877 г. № 16. Вѣроятно на этомъ мѣстѣ стояла Казань до 1447 г.: въ этотъ годъ ее разрушили Русскіе.

на *вымла* на *боеракъ* ⁽¹⁾, противъ большой лужи. Тотъ же отчасти холмистый, отчасти топкій характеръ казанской мѣстности напоминаютъ намъ нѣкоторыя доселѣ уцѣлѣвшія названія улицъ, напримѣръ Нагорная, Попова гора, Мокрая, Подлужная. Глубокая, липкая, непроходимая грязь, происходящая отъ свойства глинистаго грунта нескоро всасывать въ себя воду, была характерною чертою казанской почвы XVI вѣка. Къ этому нужно присоединить, что большая часть казанскихъ городскихъ низменностей заливалась и теперь заливается полою водою, отчего отъ осѣвшаго ила и размытія почвы происходитъ еще бѣльшая грязь. Окрестности Казани, представляющія еще и доселѣ болотистую, грязную равнину съ сѣвера и запада, въ XVI столѣтія были еще болотистѣе, потому что почва въ теченіи 300 лѣтъ, протекшихъ отъ покоренія Казани, должна была значительно подняться (нарости) ежегодными наносами разлива. Курбскій, стоявшій около нынѣшней Козьей Слободы и Гривки, замѣчаетъ, что при первомъ дождѣ низменная долина передъ Казанью „въ благо обращаешся и мокроты исполняшеся“ ⁽²⁾. Булакъ, омывавшій Казань съ юго-западной стороны, — имѣлъ весьма тинистые берега, по замѣчанію Курбскаго „зѣло тиноватые и непроходимые“. О непроходимой грязи по обѣ стороны Булака мы не можемъ имѣть понятія теперь, когда берега этой рѣчки ограждены каменными откосами и набережною; но отчасти даетъ о томъ понятіе устье Булака, до сихъ поръ каменною кладкою неогражденное. Писцовыя Книги устью Булака усвояютъ названіе Гнилой Булакъ ⁽³⁾. Самая татарская Казань, кромѣ особой горы, теперь занятой кремлемъ, а тогда мечетями и царскимъ дворомъ ⁽⁴⁾, была построена на двухъ почти параллельно идущихъ къ юго-западу террасахъ, между которыми шла узкая и глубокая низменность, начиналась отъ рѣки Казанки и возвышаясь мало по малу къ Арскому полю. Курбскій называетъ ее „зѣло удольной аки въ пропасти“ ⁽⁵⁾. Эта низкая мѣстность находится около и нѣсколько ниже нынѣшняго Чернаго озера по направленію къ р. Казанкѣ; почва этой мѣстности состоитъ изъ наносовъ и сплошнаго ила и чернозема. Въ этой ни-

⁽¹⁾ *Зараза* значить ущелье; что касается до слова *вымла*, то производитъ ли его отъ слова *вымойка*, или же отъ стариннаго слова *вымкнутъся*, т. е. подниматься — неизвѣстно; въ первомъ случаѣ это будетъ неровность почвы во внутрь, во второмъ — вверхъ.

⁽²⁾ Сказ. Курбскаго, изд. 1-е, ч. I, стр. 24 и 35.

⁽³⁾ Списокъ съ писц. книгъ по г. Казани и уѣзду изд. 1877 г., стр. 50.

⁽⁴⁾ Мѣсто царскаго или ханскаго двора, вопреки предположенію Лаптева и Артемьева (?), искавшихъ его на Воскресенской улицѣ, благодаря писцовымъ книгамъ можно опредѣлить достоверно. Онъ находился около собора и нынѣшней Сумбекиной башни, что можно доказать, сличая показанія писц. книгъ (на стр. 9, 10, 34 и 35), а также и показанія Курбскаго (Сказ. ч. I, стр. 21).

⁽⁵⁾ Сказ. Курб., ч. I, стр. 38.

зищѣ, по описанію Писцовой Книги 1566 года, лежала цѣлая система малыхъ озеръ. На самомъ краю этой мѣстности, къ Арскому полю, находилось *Бѣлое озеро* ⁽¹⁾ (которое лежало примѣрно въ верхней части нынѣшняго Черно-озерскаго сада), за нимъ *Верхнее Поганое* (вѣроятно, нынѣшнее Черное озеро), потомъ *Ванное озеро* (на мѣстѣ нынѣшняго садика) и затѣмъ около Пятницкой церкви *Нижнее Поганое озеро*. Кромѣ того, ниже этой церкви, къ Казанкѣ, какъ видно изъ плана приложеннаго къ Сказаніямъ Курбскаго и плановъ Казани прошлаго вѣка (одинъ изъ нихъ 1768 г. хранится въ университетскомъ музеѣ этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ), лежала цѣлая система озерковъ, образуемыхъ затономъ Казанки. Съ этой стороны (т. е. съ сѣверной) Казань была недоступна для непріятельскаго нападенія. У Казанскаго Лѣтописца записано извѣстіе, что въ одномъ изъ предшествовавшихъ взятію Казани русскихъ походовъ, наши войска, разбитыя на Арскомъ полѣ, хотѣли пробраться между г. Казанью и р. Казанкою на устьѣ этой рѣки къ Волгѣ и многія изъ нихъ утонули въ поганыхъ озерахъ ⁽²⁾. Нужно вспомнить, что самая Казанка, Булакъ и озеро Кабанъ были въ XVI вѣкѣ многоводнѣе, потому что лѣса, окружавшіе Казань и густо росшіе по казанской низменности къ нынѣшнему Пороховому Заводу, Кизическому и Зилантову монастырямъ, а также по Арскому полю, еще не были истреблены и питали посредствомъ многочисленныхъ ключей и родниковъ, и теперь еще по мѣстамъ сохранившихся, (напр. около Казанскаго Памятника) всѣ эти водовмѣстилища ⁽³⁾.

Такова была мѣстность, занятая Татарами подъ свое разбойничье гнѣздо. Вторгаясь въ русскіе предѣлы и захватывая множество добычи, Татары могли скоро скрываться въ свой притонъ, стоявшій на высокой горѣ и окруженный непроходимымъ болотомъ, и здѣсь считать себя вполне безопасными и безнаказанными.

⁽¹⁾ Есть преданіе, что на этомъ мѣстѣ въ концѣ XVII в. дѣйствительно лежало озеро съ хорошею ключевою водою. Старожилы говорятъ, что императоръ Павелъ I пилъ чай изъ воды этого озера и она ему понравилась.

⁽²⁾ Карамзинъ, т. VIII, прим. 238.

⁽³⁾ Старожилы рассказываютъ, что изъ Казани до Кизическаго монастыря дорога шла черезъ густой лѣсъ, а для зданій Пороховаго Завода, строившагося при императрицѣ Екатеринѣ II, брались матеріалы изъ того лѣса, который росъ на мѣстности, занимаемой имъ теперь. Долго на заводѣ показывали старый домъ пороховщика Евстигнѣева, выстроенный изъ громаднхъ бревенъ изъ лѣса росшаго на мѣстѣ завода. Въ грамотахъ Зилантову монастырю находится дозволеніе пользоваться ему тѣмъ лѣсомъ, который росъ около монастыря и русскаго кладбища. Громадные дубы на Зилантовой горѣ и роща Кизическаго монастыря, сохранившіеся доселѣ, подтверждаютъ преданіе и слова грамотъ.

Показавши общій характеръ казанской мѣстности, намъ легко будетъ воспоставить предѣлы казанскихъ татарскихъ стѣнъ во время осады Казани 1552 г.

Принимая во вниманіе правила защиты укрѣпленій, хотя бы самой первобытной, мы предполагаемъ, что стѣны Казанской татарской крѣпости должны были идти по краю той возвышенности, которую занимала Казань. Выше мы замѣтили, что Казань расположена была на трехъ террасахъ,—на кремлевской горѣ и на двухъ почти параллельно идущихъ горныхъ возвышеніяхъ на юго-востокъ. Стѣны Казани должны были идти почти по прямой линіи, по краю западной возвышенности и по ломаной линіи съ восточной стороны города, потому что здѣсь гора почти сплошь была пересѣчена глубокими оврагами, спускавшимися къ р. Казанкѣ. Слѣды этихъ овраговъ мы видимъ въ Кошачьемъ переулкѣ, въ дворахъ домовъ обѣихъ сторонъ улицы Поповой горы и Малой Покровской; глубина ихъ, не смотря на постоянное выравниваніе почвы, представляется и до сихъ поръ весьма значительною. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ теченіи 300 лѣтъ всѣ рѣзкія очертанія обѣихъ возвышенностей Казани значительно сглажены, но крутые подъемы на Воскресенскую гору съ Проломной улицы и отъ Чернаго озера доказываютъ какую значительную высоту имѣло въ XVII в. западная терраса Казани. Булакъ къ сѣверу протекалъ почти у самаго подножія Воскресенской возвышенности и значительно удалялся по мѣрѣ того, какъ подвигаться къ его истоку изъ озера Кабана. Такимъ образомъ обѣ параллельныя продольныя линіи Казанской крѣпости отъ сѣвера на юго-востокъ были болѣе или менѣе недоступны для нападенія непріятеля по своимъ природнымъ условіямъ.

Болѣе доступнымъ съ перваго взгляда казалось ущелье между крѣпостною горою и Пятницкою церковью, но здѣсь мѣстность была тинистая и пересѣченная мелкими озерками, притомъ крѣпостная гора господствовала надъ всею этою низменностью и пораженію непріятеля могло способствовать и то, что здѣсь городская стѣна должна была дѣлать входящій уголъ. Самый слабый фронтъ мѣстности былъ отъ Арскаго поля. Курбскій замѣчаетъ: „ко граду Казани отъ Ногайскія страны, отъ Камы рѣки, отъ реченнаго Арскаго поля равно пріяти“⁽¹⁾. Татары, какъ мы видимъ изъ показаній лѣтописей, укрѣпили всю линію отъ Булака до р. Казанки, т. е. весь юговосточный фронтъ (O.OS) крѣпости искусственными укрѣпленіями: деревянною стѣною и рвомъ, въ 7 сажень глубины и 3 сажени ширины.

(¹) Сказ. Курб. ч. I, стр. 20.

Представивъ эти соображенія объ укрѣпленіяхъ татарской Казани, обусловливаемыхъ характеромъ мѣстности, повѣримъ по показаніямъ лѣтописей достовѣрность ихъ.

Матеріаломъ для этой повѣрки могутъ въ различной степени служить слѣдующіе первоначальные источники: I. Царственная Книга, хранящаяся въ Патриаршей библиотекѣ въ Москвѣ; она обнимаетъ періодъ времени отъ 1534 до 1553 г. включительно; книга эта издана Академією Наукъ въ 1769 г. Разсказъ объ осадѣ и взятіи Казани въ 1552 году, помѣщенный въ этой книгѣ, отличается опредѣленностью, краткостью и точностью своихъ показаній. Его можно сравнить съ шанцевымъ журналомъ современныхъ осадъ. II. Покореніе Казани, князя А. М. Курбскаго. Въ первый разъ Сказанія Курбскаго появились въ печати въ 1833 году подъ редакціею Устрялова. „Покореніе Казани“ составляетъ 2-ю главу „Исторіи царя Іоанна IV“, написанную Курбскимъ и является однимъ изъ лучшихъ источниковъ для исторіи осады и взятія Казани Русскими въ 1552 году. Здѣсь описаніе осады и взятія Казани ведется систематически, съ полнымъ знаніемъ военнаго дѣла; авторъ не скрываетъ нашихъ ошибокъ и пораженій, живо описываетъ наше отчаянное положеніе въ первый періодъ осады; въ нѣкоторыхъ случаяхъ описаніе штурма проникнуто глубокимъ чувствомъ и носитъ на себѣ невыразимый оттѣнокъ эпопеи. Только очень жаль, что князь Курбскій занималъ подчиненное мѣсто во время Казанской осады и приступа,—онъ былъ однимъ изъ второстепенныхъ начальниковъ войскъ осадной линіи, расположенныхъ съ сѣверо-востока,—потому онъ, подробно описывая всѣ моменты осады и приступа Казани съ этой стороны, только слегка и мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что дѣлалось по всей юго-западной и юго-восточной линіи, между тѣмъ какъ отъ Арскаго поля шла настойчивая, главная осада города. Будь Курбскій на мѣстѣ Воротынскаго, мы имѣли бы прекрасное и подробное описаніе осады и взятія Казани въ 1552 году. Курбскій пишетъ свое сочиненіе внѣ московскаго вліянія, въ Польшѣ, куда онъ бѣжалъ изъ страха царскаго гнѣва, потому всякое показаніе его для насъ имѣетъ большую цѣну, сравнительно съ льстивыми и хвастливыми описаніями осады современныхъ лѣтописей, которыя именно въ это время получаютъ оффиціальныи характеръ. Умѣнье автора схватывать въ предметѣ однѣ лишь главныя черты и описывать явленія коротко, ясно и точно, не расплываясь въ ненужныхъ подробностяхъ, не гоняясь за витіеватой фразой, обнаруживаютъ въ авторѣ не только природный умъ и вкусъ, но и знакомство съ западными образцами. Читая сочиненіе Курбскаго, нельзя не замѣтить, что онъ пишетъ его не по запискамъ, которыя онъ могъ вести при осадѣ, а по однимъ воспоминаніямъ, потому во многомъ, кажется, память измѣняетъ ему и нѣкоторые сообщаемые имъ факты представляются ему безъ ясности, послѣдо-

вательности и отчетливости перваго впечатлѣнія. Отъ этого нѣкоторые моменты боя передаются Курбскимъ не такъ, какъ записала ихъ Царственная Книга, документъ очевидно официальный, въ которомъ поэтому соблюдалась необходимая точность въ записываніи всѣхъ фактовъ, не выставлявшихъ власти въ невыгодномъ свѣтѣ. Въ этомъ отношеніи многіе факты или моменты боя, передаваемые Курбскимъ, по этой послѣдней причинѣ невопедніе въ Царственную Книгу, весьма важны для историка покоренія Казани. Таковъ напримѣръ рассказъ Курбскаго объ эпизодѣ при штурмѣ, гдѣ царь съ своимъ отрядомъ и царскимъ знаменемъ играетъ такую видную роль. III. Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго автора, изданная Академіею Наукъ въ 1791 году. Показанія автора этой книги во всемъ, гдѣ дѣло идетъ о ходѣ осады и о взятіи приступомъ Казани русскими войсками, не вездѣ ясны, что объясняется тѣмъ, что авторъ во время осады находился въ плѣну у Татаръ и не могъ знать всѣхъ подробностей осады и приступа, а если говоритъ объ этомъ, то съ чужихъ словъ, въ чемъ онъ и сознается⁽¹⁾. Показанія его о мѣстахъ подкоповъ до послѣдняго времени оспаривались и считались за позднѣйшую вставку, но при соображеніи этихъ мѣстъ съ казанскою Писцовою Книгою они выясняются сами собою. Что касается до того обстоятельства, что авторъ „Исторіи“ при названіи нѣкоторыхъ воротъ татарской Казани упоминаетъ и ихъ русскія названія и даже говоритъ о церквахъ, которыя тамъ выстроены, то оно вовсе не служитъ доказательствомъ вставки этихъ мѣстъ; авторъ, по освобожденіи изъ плѣна, получивши землю отъ государя, по всей вѣроятности изъ числа земель завоеваннаго Казанскаго царства⁽²⁾, могъ пріѣзжать въ свое помѣстье, проѣзжать черезъ Казань нѣсколько разъ послѣ ея завоеванія и видѣть Казань новаго русскаго устройства и такимъ образомъ внести въ свой рассказъ тѣ признаки, по которымъ современники, не бывшіе при осадѣ Казани, могли-бы найти старыя урочища, старыя банни и ворота татарской Казани. Это предположеніе допускалъ и анонимный авторъ указанной выше статьи „о Казани въ XVI в.“, помѣщенной въ „Казанск. губерн. вѣдомостяхъ“ 1856 г., первый изъ археологовъ обратившій вниманіе на тѣ мѣста Казанскаго Лѣтописца, гдѣ означено направленіе русскихъ подкоповъ подъ татарскую стѣну. Вторымъ доказательствомъ подлинности этихъ мѣстъ служатъ списки „Казанской Исторіи“, несомнѣнно принадлежащіе ко второй половинѣ XVI вѣка, хранящіеся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, гдѣ спорныя мѣста находятся какъ

⁽¹⁾ Каз. Ист. стр. 5.

⁽²⁾ Царь Іоаннъ IV щедрою рукою раздавалъ земли въ Казанскомъ краѣ своимъ сподвижкамъ, въ числѣ ихъ нѣкоторымъ Татарамъ, оказавшимъ услуги Русскимъ при казанскомъ походѣ. Нѣкоторыя изъ грамотъ на земли напечатаны Казанскимъ статистическимъ комитетомъ.

мы убѣдились лично. Предположеніе, что книга эта писана вдали отъ Казани, по показаніямъ различныхъ лѣтописей и преимущественно такъ называемой „Русской“, не выдерживаетъ критики. Составитель „Казанской Исторіи“ не компиляторъ, но очевидецъ осады Казани, что доказывается тою живостью разсказа, множествомъ тѣхъ неувимыхъ подробностей, которыя обнаруживаютъ очевидца того или другаго передаваемаго имъ событія; эти мѣста рѣзко отличаются отъ тѣхъ безцвѣтныхъ искусственно-витіеватыхъ мѣстъ „Казанской Исторіи“, которыя, очевидно, разсказаны по слухамъ, съ чужихъ словъ. Списки „Казанской Исторіи“ ходили по рукамъ въ до-Петровской Руси во множествѣ и намъ хотѣлось-бы думать, что лѣтописныя сказанія о взятіи Казани составились подъ вліяніемъ этой „Исторіи“, а не наоборотъ. IV. Писцовыя книги 1566—1568 годовъ г. Казани съ уѣздомъ, о которыхъ мы говорили выше. Это весьма важный источникъ для возстановленія топографіи Казани XVI вѣка. Первая изъ этихъ книгъ составлена чрезъ 14 лѣтъ послѣ взятія Казани, слѣдовательно въ такое время, когда слѣды старой татарской столицы Казанскаго царства въ Казани русской еще не могли значительно изгладиться. На первый разъ Русскіе, занявши городъ, ограничились возстановленіемъ прежнихъ стѣнъ татарской крѣпости и бапенъ, а новые поселенцы воспользовались, по всей вѣроятности, и татарскими домами для жилья. По сказаніямъ лѣтописей, Іоаннъ IV велѣлъ тотчасъ же по взятіи Казани исправить разрушенныя во время осады и пристуна татарскія стѣны, Татарамъ же запретилъ жить въ городѣ (*). Дѣйствительно, по Писцовымъ книгамъ Татаръ въ 1566 году жило въ Казани очень немного, и эти жители были вѣроятно люди смиренныя; что же касается большинства прежнихъ жителей Казани, то они поселены были въ Татарской слободѣ (**), находившейся въ мѣстности, называющейся *Татарской* донинѣ. Такимъ образомъ Писцовая Книга должна намъ представлять Казань еще съ ея старыми татарскими улицами, площадями, стѣнами, башнями и воротами, но только съ другими жителями. Особенно важно для нашего изслѣдованія то обстоятельство, что Писцовая Книга Казани даетъ намъ подробное описаніе внѣшней городской стѣны или острога. Что же касается до нынѣшняго кремля, то хотя мы и имѣемъ современный указъ царя Іоанна IV о построеніи казанской кремлевской стѣны въ 1556 г. (*), но наша Писцовая Книга не даетъ на это указаній: первые ея листы, содержавшіе это опи-

(*) Царств. Кн., стр. 316; Котошихинъ, стр. 4; Ист. вел. княж. Московскаго, Петра Петрея, Чт въ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1865 г. кн. IV; стр. 61.

(**) Писц. Кн., стр. 52.

(*) Дополн. къ Акт. историч., т. I, № 82.

саніе, истлѣли, а сохранилось лишь описаніе передней кремлевской стѣны къ Гостинняму двору. Кромѣ того Писцовая Книга Казани 1566 г. рѣшаетъ множество недоумѣній относительно нѣкоторыхъ урочищъ, положенія воротъ и нѣкоторыхъ зданій татарской Казани при осадѣ 1552 года. Такъ изъ нея мы узнаемъ, гдѣ были ставка и лагерь царя при осадѣ ⁽¹⁾. Писцовая Книга объясняетъ, что названія воротъ въ русской Казани были двойныя, одни и тѣ же названія относились и къ воротамъ острога и къ воротамъ каменнаго города, что такъ бывало всѣхъ составителей плановъ Казани 1552 года, начиная съ Юлія фонъ-Каница. Такъ напримѣръ Спасскія ворота искали тамъ, гдѣ они находятся нынѣ въ каменномъ городѣ, а между тѣмъ Спасскія ворота, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи XVI вѣка, говоря о мѣстахъ подкоповъ, находились, по описанію Писцовой Книги, во внѣшней оградѣ города около Воскресенской церкви.

Мы перечислили главнѣйшіе источники, изъ которыхъ можно почерпнуть нѣкоторыя данныя для опредѣленія топографіи Казани XVI вѣка. Припомнимъ, что вопросъ, принятый нами на рѣшеніе, касается прежде всего возстановленія предѣловъ казанской татарской крѣпости. Для того, чтобы имѣть основаніе для опредѣленія какъ границъ, такъ и направленія казанской стѣны при осадѣ Русскими Казани въ 1552 году, намъ нужно болѣе или менѣе точно представить себѣ положеніе нѣкоторыхъ воротъ татарской стѣны. Писцовая Книга случайно опредѣляетъ крайнія ворота на юго-западномъ углу татарской и затѣмъ русской крѣпостной стѣны,—это Ногайскія ворота. Въ 1565 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, производя крутыя расправы съ боярами, сослалъ многихъ изъ московскихъ бояръ въ Казань на житье или, иначе говоря, выслалъ ихъ въ почетную ссылку, въ видахъ заселенія новой земли, покоренной московскимъ оружіемъ. Это извѣстіе записано въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ Александро-Невской лѣтописи, обнимающемъ собою 1565 и 1566 годы. По этому случаю, по извѣстію Писцовой Книги, воеводой и боярами въ Казани сдѣлано было распоряженіе прибавить къ городу мѣста въ юго-западномъ углу крѣпостныхъ стѣнъ, разобравъ

⁽¹⁾ Мѣсто царскаго стана подъ Казанью опредѣляется *Утучевой* мечетью (мизгитью). Близъ нея по Царственной Книгѣ была поставлена палатка царя (Царств. Книга, стр. 263). По Писцовой Книгѣ острожная деревянная стѣна, спустившись съ университетской горы, шла за Булакъ къ Архіепископской слободѣ, къ Утучевой мизгити, гдѣ были Кураишевскія ворота (стр. 50). Кураишевымъ называлась мѣстность примѣрно отъ Сѣнной площади до Ямской. Въ крѣпостной оградѣ здѣсь было три башни, называемыя Кураишевскими, одна надъ воротами, а двѣ другія къ сѣверу отъ первой. По описанію геодезиста Пестрикова деревянная крѣпость начиналась отъ Школьскихъ воротъ, отъ р. Казанки и продолжалась чрезъ рѣку Булакъ въ Мокрую слободу и оттуда къ Татарскому мосту. (См. Опытъ Каз. Ист., Рычкова, стр. 173).

деревянную крѣпость и отнеся ее на югъ. „Да къ Казанскому посаду прибавлено за острогомъ противъ Проломныхъ воротъ въ Арской сторонѣ межъ Булакомъ и межъ горы, что съ Арскаго поля, подъ горою по Булаку вверхъ по дорожку, что дорожка съ Арскаго поля отъ Ногайскихъ воротъ съ горы прямо къ Булаку ниже Кабана-озера“ и проч. (¹). Въ этомъ пространствѣ, говорится далѣе, „даны мѣста всякимъ людямъ потому, что государь прислалъ въ свою отчину въ Казань на житье князей и дѣтей боярскихъ многихъ людей“. По смыслу показанія Писцовой Книги Ногайскія ворота лежали примѣрно на университетской горѣ, а Проломныя ворота находились на линіи, проведенной отъ Ногайскихъ воротъ къ церкви Николы Вешнякова (²). Эту церковь Писцовая Книга помѣщаетъ противъ старыхъ воеводскихъ огородовъ, по которымъ прошла новая стѣна для мѣстъ поселенцевъ. Проломныя ворота должны были стоять на той улицѣ, гдѣ былъ сдѣланъ проломъ или взрывъ въ стѣнѣ во время приступа 2 октября 1552 года. Составитель „Казанской Исторіи“, говоря о приступѣ къ Казани царя Иоанна Васильевича, опредѣляетъ одинъ изъ подкоповъ къ Казани такъ: „Другой подкопъ на углу подъ стрѣльнею же, отъ Булака стрѣльбище по лѣвую сторону; то были Ногайскія ворота нынѣ же зарушены“ (³). Такимъ образомъ подкопъ шелъ подъ угловую башню, по лѣвой сторонѣ Булака, на разстояніи отъ послѣдняго на полетъ стрѣлы, т. е. на 250 шаговъ. (По старой фортификаціи на полетъ стрѣлы опредѣляли разстояніе одной башни отъ другой въ крѣпостной оградѣ этимъ именно количествомъ саженей. Во время осады Казани огнестрѣльное оружіе не вездѣ было извѣстно и если употреблялось, то самое несовершенное: ручныя пищали были тяжелыя, фитильныя ружья, изъ которыхъ стрѣляли съ подошекъ, были плохи, а пушки были такого дурнаго устройства, что изъ нѣкоторыхъ дѣлалось не болѣе 2-хъ—3-хъ выстрѣловъ въ день). Объяснимъ выраженіе „отъ Булака по лѣвую сторону“. Я высказалъ мысль, что это мѣсто доподлинно принадлежитъ составителю „Казанской Исторіи“ и здѣсь нѣтъ интерполяціи, напротивъ это мѣсто служить основаніемъ для показаній прочихъ лѣтописцевъ. Дѣло рѣшается просто: писатель опредѣляетъ мѣста обоихъ подкоповъ не со стороны русскаго лагеря подъ Казанью, а изнутри Казани, гдѣ онъ былъ плѣнникомъ и гдѣ писалъ можетъ быть свою „Исторію“. Русскаго лагеря, когда составлялась „Казанская

(¹) Писц. Кн., стр. 51.

(²) Церковь Николы Вешнякова или Николы Новаго существуетъ и доселѣ. Вешняковою она названа потому что стояла въ Вешняковой слободѣ, какъ видно изъ Писцовой Книги. Новымъ Николою называется потому, что вновь выстроена послѣ пожаровъ ее разрушившихъ.

(³) Казан. Исторія, стр. 211.

Исторія“, уже не было, а была русская Казань; авторъ писалъ свою исторію для жителей этой Казани, сохранившей нѣсколько измѣненную татарскую крѣпостную ограду. Для жителя Казани, стоящаго положимъ, я на Воскресенской улицѣ, башня, подъ которой шелъ подкопъ, представляется на лѣвой сторонѣ Булака; географическихъ опредѣленій въ родѣ того, какой берегъ рѣки нужно считать правымъ и какой лѣвымъ, тогда для русскаго человѣка и всей русской читающей публики не существовало. При опредѣленіи подкопа отъ Арскаго поля мы увидимъ, что авторъ „Казанской Исторіи“ употребилъ тотъ же пріемъ, какой употребилъ здѣсь. Продолжимъ объясненіе этого характернаго мѣста. Припомнимъ, что это мѣсто читается также какъ въ „Казанской Исторіи“, въ Софійскомъ Временникѣ и въ отрывкѣ Русской лѣтописи по Воскресенскому списку. Во всѣхъ спискахъ „Казанской Исторіи“ это мѣсто читается безъ вариантовъ слѣдующимъ образомъ: „то были Ногайскія ворота, а нынѣ зарушены“. Также это мѣсто читается и въ древнѣйшемъ списокѣ „Казанской Исторіи“, принадлежащемъ, по опредѣленію известнаго знатока русскихъ древностей Ундольскаго, къ XVI вѣку и хранящемся въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ, гдѣ его мнѣ показывали⁽¹⁾. Писцовая Книга, описывая крѣпостную ограду, ея башни и ворота, называетъ и Ногайскія ворота, но вслѣдъ за тѣмъ приводитъ уже переданное нами распоряженіе казанской администраціи о прибавкѣ острога для новыхъ поселенцевъ, но это измѣненіе острожной стѣны еще не было исполнено въ 1567 году, какъ видно изъ словъ Писцовой Книги: „и впредь за Проломными вороты по дорожку, гдѣ намѣчено острогу быти, огородовъ не пахати“ и проч.⁽²⁾ Очень можетъ быть, что при перенесеніи въ 1568 году крѣпостной стѣны, нашли нужнымъ уничтожить Ногайскія ворота и подвинуть далѣе къ югу Проломныя ворота, помѣстивъ послѣднія около нынѣшней Богоявленской церкви, которая впоследствии называлась церковью у Проломныхъ воротъ. Составитель „Казанской Исторіи“ могъ писать ее именно въ то время, когда только уничтожены были Ногайскія ворота и сдѣлать въ своемъ сочиненіи поясненіе объ уничтоженіи ихъ въ русской Казани послѣ 1568 года. Подозрѣвая интерполяцію, мы признаемъ за доказанную истину, что „Казанская Исторія“ написана не позже пятидесятихъ годовъ XVI вѣка. Но кто же далъ намъ право на это утвержденіе? Хотя Курбскій писалъ о покореніи Казани спустя долгое время послѣ 1552 года, но это не даетъ намъ права утверждать, что его показанія объ осадѣ Казани въ 1552 году не заслуживаютъ довѣрія.

⁽¹⁾ Списокъ № 774.

⁽²⁾ Писц. Кн., стр. 51. Снес. стр. 50.

Затѣмъ Царственная Книга, столь важный официальный документъ, точности показаній котораго въ свое время удивлялся Карамзинъ, повидимому ипаче указываетъ мѣсто подкопа по направленію отъ Булака. „И нача подкопъ творити у окольного у Петровыхъ туръ Морозова, промежь Аталыковыхъ воротъ и Тюменскихъ“⁽¹⁾. Показаніе это, если его сличить съ Писцовою Книгою, не будетъ казаться противорѣчивымъ: Писцовая Книга указываетъ положеніе Тюменскихъ воротъ на западной линіи крѣпостной оградѣ. Ворота назывались Тюменскими не потому, что они вели на востокъ, въ известный теперь сибирскій городъ Тюмень, а на югъ, въ городъ Тюмень, лежавшій на Терекѣ, въ 180 верстахъ отъ Дербента. Это замѣтилъ еще Карамзинъ. Приводя мѣста Николовской и Архангелогородской лѣтописей о Тюмени, онъ указываетъ на Большой Чертежъ, гдѣ помѣщенъ городъ Тюмень на Кавказѣ⁽²⁾. Такимъ образомъ положеніе Тюменскихъ воротъ, опредѣляемое Писцовою Книгою, вполне подтверждаетъ предположеніе Карамзина о томъ, что дорога чрезъ Тюменскія ворота вела изъ Казани на югъ. Писцовая Книга, описывая зданія, находившіяся въ казанскомъ кремлѣ или городѣ, около Спасскаго монастыря, говоритъ: „да у *Тюменскихъ* воротъ что нынѣ *Сергіевы*, перковь Сергія Чудотворца“⁽³⁾. Въ другомъ мѣстѣ положеніе Сергіевскихъ воротъ опредѣляется болѣе точно при описаніи Спасскаго монастыря, который и нынѣ существуетъ въ кремлѣ: „внутри жь города межъ городовыхъ воротъ Спасскихъ и Сергіевскихъ, подлѣ городовую стѣну, противъ наугольнымъ стрѣльни, гдѣ былъ большой подкопъ, монастырь Спасской“⁽⁴⁾. Это послѣднее показаніе Писцовой Книги весьма важно; оно даетъ намъ въ руки второй крайній пунктъ той линіи, на которой былъ сдѣланъ подкопъ подъ казанскую стѣну отъ Булака. Сергіевскія или Тюменскія ворота еще и до сихъ поръ видны противъ церкви Кириана и Іустины въ оградѣ Спасскаго монастыря, слѣдовательно эти ворота находятся теперь противъ устья Булака, и далѣе вверхъ стоялъ сторожевой полкъ, а вправо отъ него лѣвая рука⁽⁵⁾; при штурмѣ же сторожевой полкъ шелъ на Муралеевы, а лѣвая рука на Тюменскія ворота⁽⁶⁾. Объ окольномъ Петрѣ Морозовѣ Царственная Книга даетъ слѣдующія свѣдѣнія. 26 августа войска подъ начальствомъ Воротынскаго ставятъ по Булаку⁽⁷⁾ туры и крѣпятъ крѣпости противъ нѣкото-

(1) Царств. Кн., стр. 284.

(2) Карамз. Ист. Гос. Рос. т. VIII, прим. 408. Снес. Никон. Лѣт. стр. 217—233 и Арханг. лѣт. стр. 231; Бол. Черт. стр. 242.

(3) Писц. Кн., стр. 23.

(4) Тамъ-же, стр. 24.

(5) Царств. Кн., 263 и 264.

(6) Тамъ-же, стр. 299.

(7) «Отъ Булака и поворота», Царств. Кн. стр. 272; ср. 270.

рыхъ воротъ, въ томъ числѣ противъ Тюменскихъ и Аталыковыхъ; 27-го государь посылаетъ околыничаго своего Петра Морозова и велитъ ему у тѣхъ туровъ быть, которые ставитъ князь Воротынскій⁽¹⁾. 11 сентября туры подвигаютъ и ставятъ у самаго рва; Татары сильно бьются около Царскихъ воротъ, лежавшихъ близъ нынѣшней Воскресенской церкви и переименованныхъ въ русской Казани въ Спасскія; къ нашимъ на помощь спѣшатъ воеводы прочихъ полковъ, стоявшихъ ближе къ мѣсту боя, и здѣсь сильно ранятъ въ лицо воеводу и околыничаго Петра Морозова, по отнесенный на рукахъ съ мѣста боя, онъ вскорѣ выздоравливаетъ⁽²⁾. Эта рана вѣроятно служитъ причиной, почему о Морозовѣ не упоминается въ диспозиціи штурма. Такимъ образомъ изъ всѣхъ показаній Царственной Книги мы видимъ, что мѣсто, которымъ ограничивалась дѣятельность Петра Морозова, находилось въ недалекомъ разстояніи отъ нынѣшней Кремлевской горы. Что же касается до Аталыковыхъ воротъ, то, по всей вѣроятности, это были тѣ ворота, которыя названы были впоследствии Проломными. Изъ всего этого слѣдуетъ, что самая мина, гдѣ заложенъ былъ порохъ и которою разрушена была 2 октября часть татарской стѣны, была на среднемъ разстояніи между нынѣшнею Богоявленскою церковью и Спаскимъ монастыремъ. Подкопъ шелъ подъ башню угловую, находившуюся въ недалекомъ разстояніи отъ Кремлевской горы. Этимъ объясняется то обстоятельство, что фонъ-Каницъ и за нимъ Суровцовъ помѣщаютъ одинъ подкопъ на своихъ планахъ около нынѣшней Кремлевской горы. Фонъ-Каницъ кромѣ того упоминаетъ, что при немъ въ Казани найдены были слѣды подкопа, обложеннаго по бокамъ и сводамъ толстыми досками. Очень можетъ быть, что здѣсь именно найдены были остатки подкопа и, соображаясь съ направлениемъ этой открытой случайно части подкопа, фонъ-Каницъ нанесъ его на свой планъ. Но мы не рѣшили еще разнорѣчія „Казанской Исторіи“ съ Царственной Книгою, относительно названія воротъ, около которыхъ шелъ подкопъ. Авторъ „Казанской Исторіи“ называетъ эти ворота Ногайскими, а Царственная Книга Аталыковыми. По нашему мнѣнію, дѣло рѣшается практической ея постановкой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подкопъ приходилось вести издалека, а именно вдоль всего берега Булака, внизъ къ его устью, начавши его внутри нашей осадной линіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Булакъ значительно былъ удаленъ отъ казанской татарской стѣны, на полверсты отъ города, по замѣчанію Курбскаго⁽³⁾. Такимъ образомъ начало подкопа, заложеннаго 11 сентября и оконченнаго 2 октября, могло находиться близъ Ногайскихъ воротъ и простирается подъ землею на большое разстояніе отню-

(1) Царств. Кн., стр. 277.

(2) Тамъ-же, стр. 292.

(3) Сказ Курбск., ч. I, стр. 21.

да къ сѣверу. Подкопъ былъ веденъ такъ скрытно, что Татары замѣтили его только въ день приступа (¹)—слѣдовательно его должны были осаждающіе вести изда-лека.

Такимъ образомъ пользуясь указаніями лѣтописей и Писцовой Книги, мы опредѣлили мѣсто западнаго подкопа подъ татарскую Казань въ 1552 году и вмѣстѣ съ этимъ опредѣлили на первый разъ направленіе югозападной крѣпостной ограды и находившихся въ ней Ногайскихъ, Аталыковыхъ и Тюменскихъ воротъ. Въ Писцовой Книгѣ мы находимъ подробное описаніе башенъ острога, но такъ какъ при описи нѣтъ плана, то намъ опять нужно будетъ прибѣгать къ лѣтописнымъ сказаніямъ и, соображаясь съ ними и съ существующими въ Казани памятниками и преданіями, опредѣлять приблизительно тѣ или другія мѣстности, гдѣ стояли крѣпостныя башни и ворота (²). „Въ Казани жь около всего посаду, записано въ Писцовой Книгѣ 1566 года, крѣпости отъ городу Казани отъ городовые деревянные дубовые стѣны выше Воскресенскихъ воротъ, отъ нижнева Поганова озера горою и по Арскому полю мимо старого городища и до Булака до большова, да по за большому Булаку до гнилова Булаку ставленъ острогъ по крѣпостямъ, по горамъ и по заразамъ, а гдѣ острогъ безъ крѣпостей и по ровному мѣсту, въ тѣхъ мѣстѣхъ по за острогу рвы невеликіе копаны подлѣ острогу, а у острога ворота острожныя съ башнями, а иные башни на острогѣ безъ воротъ“ (³). Это описаніе вполне подтверждаетъ нашъ общій планъ казанской мѣстности. Городская стѣна внѣшняя шла по *крѣпостямъ*, т. е. мѣстамъ обрывистымъ, крѣпкимъ, къ которымъ было трудно подступиться, по *заразамъ*, т. е. по ярамъ и ущельямъ (⁴). Крѣпость острожная, или вокругъ посада, примыкала къ городской стѣнѣ или кремлевской, которая была отчасти каменная, именно по лицевому своему фасаду, обращенному къ Воскресенской улицѣ и отчасти деревянная, вѣроятно тамъ, гдѣ она примыкала къ стѣнамъ острога, т. е. съ сѣверо-востока. Стѣна же острога была деревянная сплошь. Есть указанія у нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, что Іоаннъ IV, по взятіи Казани, повелѣлъ оставить гдѣ можно, а въ другихъ

(¹) Царствъ Книга, стр. 300.

(²) Такъ мы знаемъ, что нынѣшняя Покровская улица въ Казани прежде называлась Арскою улицею. Церковь Никола Тульскаго, по преданію, была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ теплая церковь Казанскаго Богородицкаго монастыря. Феодоровскій монастырь, какъ видно изъ чеканной надписи на евангеліи конца XVII вѣка, назывался «на Старомъ городищѣ» и т. п. Изв. по Каз. епарх. 1877 г., № 16.

(³) Писц. Кн., стр. 49 и 50.

(⁴) См. Рус. Стар. въ памятникахъ зодчества, Мартынова, ч. VI, стр. 3-я: Церковь Андреевская на заразахъ.

мѣстахъ улучшить старыя татарскія стѣны⁽¹⁾. То же самое можно предположить, соображая нѣкоторыя показанія нашихъ лѣтописныхъ сказаній о взятіи Казани. Такъ царь велитъ по взятіи Казани, тотчасъ прекратить пожаръ въ городѣ⁽²⁾, а по очищеніи города онъ освящаетъ его торжественнымъ крестнымъ ходомъ по городскимъ стѣнамъ, которыя и были насколько возможно приготовлены къ процессіи⁽³⁾. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется нѣкоторое противорѣчіе между показаніемъ Писцовой Книги о кремлевской стѣнѣ и упомянутымъ выше указомъ Іоанна IV повгородскимъ дякамъ, заготовить матеріалы для псковскихъ каменщиковъ, которые отправлялись въ 1555 году, по распоряженію царя, въ г. Казань „камень градъ дѣлати“. Въ линіи татарской крѣпости нынѣшній кремль не составлялъ особаго укрѣпленія; но вслѣдъ за взятіемъ Казани онъ, по распоряженію русской администраціи, былъ превращенъ въ цитадель, при чемъ наружная стѣна его оставлена по большей части деревянная, а внутренняя, отдѣлявшая его отъ посада, сдѣлана вновь каменная. По описанію Писцовой Книги всей стѣны вокругъ кремля было 893 сажени, изъ которыхъ каменной стѣны было 300 саженей, слѣдовательно, лишь одна треть стѣны была каменная. Деревянной стѣны вокругъ кремля татарской постройки почти-что не осталось; новая деревянная стѣна вокругъ кремля была сдѣлана изъ дубовыхъ бревенъ уже Русскими въ 1564 и 1565 годахъ, какъ свидѣтельствуется Писцовая Книга. Кромѣ передней стѣны, въ кремлѣ была еще стѣна изъ камня между Воскресенскими и Никольскими воротами и вокругъ башенъ⁽⁴⁾. Что же касается татарской стѣны вокругъ Казани, то эта стѣна была, по сказанію современниковъ, „дубовая рубленая въ цѣлыхъ древесехъ, а въ городкѣ сыпанъ иль да хряцъ“⁽⁵⁾. Стѣны эти, какъ мы видимъ на рисункѣ Казани у Олеарія⁽⁶⁾ и на старинныхъ рисункахъ, помещаемыхъ въ фортификаціяхъ⁽⁷⁾, состояли изъ двухъ продольныхъ стѣнъ, лицевой и внутренней, связанныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поперечными не глухими стѣнками, которыя располагались на высотѣ стѣны въ шахматномъ порядкѣ. На вершинѣ стѣнъ устраивалась у наружнаго края тонкая деревянная стѣнка съ амбра-

(1) Ист. о вел. княж. Москов., Петря, въ Чт. Москов. Общ. ист. и древн. 1863 г. кн. IV, стр. 61.

(2) Царств. Кн., стр. 313.

(3) Ист. о Каз. цар., стр. 249.

(4) Писц. Кн., стр. 6.

(5) Истор. о Каз. цар., стр. 231.

(6) См. Олеарія во французскомъ переводѣ. Изданіе амстердамское.

(7) Курсъ долговремен. фортифик. Ласковскаго и Болдырева 1864 г. черт. 1 л., фиг. 8-я и 9-я.

зурами, которая и служила прикрытіемъ для обороняющихся, находившихся на вершинѣ стѣнъ. Башни состояли также изъ деревянныхъ срубовъ, которые возвышались надъ стѣнами на нѣсколько аршинъ. Въ нижней части башенъ продѣлывались довольно узкія ворота, а въ верхней узкія окна для стрѣльбы; крыши башенъ представляли четыре крутые ската. Такими точно изображаются казанскія стѣны внѣшней ограды на рисункѣ XVII вѣка у Олсарія.

Кромѣ острожной стѣны вокругъ посада Писцовая Книга упоминаетъ о рвахъ вокругъ города въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крѣпостныя стѣны шли по ровному мѣсту. Это былъ остатокъ татарскаго рва. Составитель „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ рассказываетъ, что въ 1530 г., ожидая осады Казани русскими воеводами, царь Сафа-гирей заставилъ Черемису „копать вокругъ города отъ Булака до Казанки рѣки по за острогу рвы“ (¹). То же подтверждаетъ и Курбскій. Онъ пишетъ: „отъ тое рѣки (Булака) около мѣста (города) ровъ копанъ, зѣло глубокій, ажъ до озера, реченнаго Поганнаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку“ (²). Очевидно, здѣсь говорится о томъ нижнемъ Поганомъ озерѣ, которое лежало около нынѣшней Пятницкой церкви. Какъ видно по донынѣ сохранившемуся рѣчному руслу, Казанка въ XVI вѣкѣ шла сѣвернѣе нынѣшняго ея ложа, что подтверждается планами г. Казани XVII и XVIII вѣковъ, слѣдовательно между Казанкою и горою на сѣверо-востокъ находилась узкая полоса земли, занятая нынѣ Засыпкиною и Нижнею-Федоровскою улицами; здѣсь-то, вѣроятно, и было продолженіе рва шедшаго по Арскому полю отъ Булака. Устройство на этомъ мѣстѣ рва имѣло цѣлью усилить естественныя средства оборонительной линіи съ сѣверо-восточной стороны Казани. Впослѣдствіи времени этотъ ровъ вокругъ Казани отъ Булака до Казанки, имѣвшій по сказанію Царственной Книги при осадѣ Казани въ 1552 году до 3-хъ сажень ширины и 7 глубины (³), былъ оставленъ въ небреженіи, какъ видно уже изъ Писцовой Книги (⁴), а впослѣдствіи вовсе засыпанъ. Можетъ быть отсюда и улица получила названіе Засыпкиной. Нѣкоторые писатели о Казани считаютъ Поганымъ озеромъ у Курбскаго нынѣшнее Театральное озеро, но, во-первыхъ оно лежитъ не у Казанки, а на горѣ, далеко отъ нея, во-вторыхъ, озеро это есть не что иное, какъ большая лужа, не питаемая ключами, а временно наполняющаяся только дождевой и снѣговой водой, потому во время жаровъ пересыхающая.

(¹) Пет. о Каз. цар., стр. 67, прим. 76.

(²) Курб., стр. 21.

(³) Царст. Книга, стр. 292.

(⁴) «Рвы невеликіе копаны». Писц. Кн., стр. 49.

Въ русскомъ Казанскомъ кремлѣ было пять воротъ: Спасскія, Воскресенскія, Никольскія, Сергіевы и Дмитріевскія. Спасскія и Сергіевы мы указали выше; что же касается до Воскресенскихъ воротъ, то мы думаемъ, что эти ворота соотвѣтствуютъ воротамъ Муралеевымъ въ татарской Казани. Доказательствомъ этому служить то обстоятельство, что еще по нынѣ изъ подъ подножія Муралеевой (Тайницкой) башни бьетъ ключъ, посѣщаемый татарскими пилигримами. На вопросъ царя Іоанна Васильевича Камаю-мурзѣ: „отколѣ емлютъ воду въ городѣ?“ этотъ послѣдній отвѣчалъ „что есть въ Казани тайникъ отъ Казани отъ рѣки у Муралеевыхъ воротъ, ключъ къ берегу, а ходятъ къ нему по подземелью“ (*). Тотчасъ приказано было сторожевому полку испортить путь; подъ тайникъ подрылись, поставили 11-ть бочекъ пороку и 4 сентября взорвали его въ присутствіи государя. Что Муралеевы ворота находились именно здѣсь, показываетъ близость къ этимъ воротамъ Сююнбекиной башни, которая, по нашему мнѣнію, есть мечеть Муралеева. Писцовая Книга упоминаетъ объ этой послѣдней и мѣсто ея приблизительно указывается тамъ, гдѣ стоитъ нынѣ означенная выше башня, а именно она находилась „противъ двора Илантовскаго монастыря“ (*), который въ свою очередь долженъ былъ стоять по направленію на сѣверъ отъ церкви св. Кириана и Іустины, (а этою послѣднею завѣдывала братія монастыря), и непременно въ правой сторонѣ кремля. Противъ воротъ Преображенскихъ, которыя вели изъ ограды Спасскаго монастыря на сѣверъ, стоялъ того монастыря монастырскій дворъ, далѣе шли тюрьмы (*); за тюрьмами, въ ряду другихъ домовъ, показанъ дворъ игумена Илантовскаго монастыря, слѣдовательно онъ приходился во дворѣ нынѣшняго юнкерскаго училища, противъ Сююнбекиной башни (*).

(*) Царств. Кн., стр. 284.

(*) Писц. Кн., стр. 32.

(*) Тамъ же, стр. 35. Тюремъ было четыре: опальная, двѣ татинныя да одна женская, и при нихъ изба сторожевая и дворы сторожей.

(*) Почтенный авторъ книги «Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи» называетъ Муралеевы ворота Никольскими, и Воскресенскія полагаетъ въ угловой башнѣ на сѣверо-востокъ. Мы сомнѣваемся въ справедливости этого предположенія на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Измѣреніе крѣпости въ длину, по Писцовой Книгѣ, производится по прямой линіи «межъ Воскресенскихъ и Никольскихъ воротъ, вдоль отъ городской стѣны до Спасскихъ воротъ» и должно идти по прямой линіи, а эта линія должна пройти по лѣвой сторонѣ Воскресенскихъ воротъ, (у г. Шпилевскаго—Никольскихъ), такъ какъ они стоятъ правѣе Спасскихъ. Предполагая, какъ думаетъ авторъ, что Воскресенскія ворота находились ниже, на сѣверо-восточномъ крайнемъ углу кремлевской ограды, мы получимъ измѣреніе кремля по Писцовой Книгѣ по діагонали, чего разумѣется предполагать нельзя. 2) Во второмъ поперечномъ измѣреніи кремля Никольскія ворота по Писцовой Книгѣ предполагаются на сѣверо-западномъ углу крѣпостной ограды «межъ Преображенскихъ и Никольскихъ

Збойливыя или Збойловыя ворота находились на сѣверо-восточной сторонѣ татарской Казани; въ русской они названы Дмитріевскими отъ церкви Дмитрія Солунска-

воротъ, отъ городовыя стѣны отъ круглыя деревянныя башни до Дмитревскихъ воротъ, говорится, въ Писцовой Книгѣ, столько-то сажень». 3) Что Никольскія ворота стояли на сѣверо-западномъ углу кремля это предполагается и грамотою царя Юанна IV къ игумену Спасскаго монастыря св. Варсонофію, отъ 4 октября 1562 года, гдѣ сказано, что монастырю прибавляется ради тѣсноты мѣста къ *Никольскимъ воротамъ, къ Булаку*; слѣдовательно Никольскія ворота стояли не у Казанки, а у Булака, т. е. лѣвѣ нынѣшнихъ *Тайничкихъ*. 4) На рисунокѣ Казани у Олеарія на юго-западной сторонѣ кремля показано трое воротъ, и положеніе однихъ на сѣверо-востокъ соответствуетъ предполагаемому нами мѣсту, которое должны были занимать Никольскія ворота. На рисунокѣ Олеарія арка этихъ воротъ и фасадъ выдаются на западъ, слѣва отъ нихъ къ стѣнѣ примыкаетъ вторая деревянная крѣпостная ограда, которая и идетъ отъ нихъ подъ прямымъ угломъ къ Булаку на юго-западъ. Если мы будемъ считать Никольскими нынѣшнія каменныя ворота близъ дворца, тогда вторая стѣна пошла бы параллельно съ первой каменной стѣной и образовала бы на сѣверѣ кремля, вмѣстѣ съ каменною стѣною, узкое продолговатое пространство, что опять предполагать нельзя. Никольскія ворота должны были стоять въ крѣпостной оградѣ, южнѣ нынѣшнихъ каменныхъ, около первой башни въ сѣверо-западной линіи нынѣшняго кремля, находящейся во дворѣ юнкерскаго училища. Около этой башни, ниже бульвара, сохранился фундаментъ каменнаго зданія изъ бутоваго камня. Отъ этой же башни, по крѣпостной горѣ на юго-западъ, и до сихъ поръ сохранились слѣды спуска по направленію къ Николо-Ляпуновской церкви. Вотъ мѣсто прежнихъ Никольскихъ воротъ, которыя, можетъ быть, и получили свое названіе отъ Николо-Ляпуновской церкви, бывшей въ Казани въ 1566 году, какъ названы были впоследствии Збойливыя ворота—Дмитріевскими, а потомъ Пятницкими. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что на Никольскихъ воротахъ, по Писцовой Книгѣ, церкви не было; на нынѣшнихъ же Кремлевскихъ воротахъ есть палатка, имѣющая продольное направленіе на востокъ; это вѣроятно и есть старая Воскресенская церковь Писцовой Книги *у житныхъ амбаровъ*. Такой формы палаты для надворотныхъ церквей, съ парапетомъ вокругъ на первомъ этажѣ, нерѣдко можно встрѣтить на древнихъ миниатюрахъ, напримѣръ въ Псалтири Дмитрія Ив. Годунова (Солов. библ. № 15. Опис. стр. 22—25). Близъ Воскресенскихъ воротъ XVI вѣка стояло 10 житницъ, слѣдовательно здѣсь было ровное мѣсто, отъ предполагаемыхъ же г. Шпилевскимъ воротъ мѣстность идетъ круто въ гору. (Писц. Кн. стр. 34; Снес. Каз. губ. вѣд. 1844 г. № 43 «Описаніе Казани Пестрикова»). Вообще мы полагаемъ, что сѣверная часть кремля въ Казани значительно измѣнилась въ XVII и XVIII вѣкахъ; уже Пестриковъ видѣлъ въ казанскомъ кремлѣ не четыре башни, какъ означено въ Писцовой Книгѣ, а шесть. На рисунокѣ Олеарія недалеко за Никольскими воротами, къ которымъ примыкаетъ внѣшняя ограда, на одной съ ними высотѣ, видны другія ворота, очевидно соответствующія нынѣшнимъ воротамъ, лежащимъ на сѣверѣ кремля. Авторъ статьи «Очерки древней Казани» Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей называетъ нынѣ существующія ворота Никольскими, по преданію, но мы видѣли къ какимъ неправильностямъ повели Каница преданія и какъ его иллюзіи разбиты Писцовой Книгою. По уничтоженіи Никольскихъ воротъ названіе ихъ могло перейти къ Воскресенскимъ по ошибкѣ позднѣйшихъ поколѣній, забывшихъ о Воскресенскихъ воротахъ. Дмитріевскія ворота названы же были Пятницкими.

го, существовавшей здѣсь. Поперечное измѣреніе крѣпости въ Писцовой Книгѣ показываетъ, что они лежали недалеко отъ того мѣста, гдѣ стоятъ теперь Пятницкія ворота. Эти послѣднія сдѣлапы въ новой стѣнѣ, которая недалеко отъ нея примыкаетъ къ старой, потому мы думаемъ, что самыя ворота были южнѣе. Ворота вели чрезъ Тезицкій ровъ во внутренность города или правильнѣе посада, къ Пятницкой церкви, тогда называвшейся церковью Николая Зарайскаго. Тезицкій оврагъ вѣроятно входилъ своими отрогами внутрь крѣпости, именно близъ этихъ воротъ, что мы замѣтили выше. Слѣды его можно видѣть на кремлевской горѣ около Пятницкихъ воротъ, гдѣ и до сихъ поръ бока или откосы горы изрыты неровностями и обрывами. При копаніи рововъ для прокладки водопроводныхъ трубъ въ Казани въ семидесятыхъ годахъ обнаружена наносная и тинистая мѣстность и остатки моста на срединѣ Спасской улицы и около присутственныхъ мѣстъ и воротъ въ казармы казанскаго батальона. Очень можетъ быть что Тезицкій оврагъ шелъ не тамъ, гдѣ мы предполагаемъ и гдѣ помѣщаются его планы Казани конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, т. е. между Ивановскимъ монастыремъ и кремлевскою стѣною, гдѣ существуетъ въ настоящее время каменный мостъ, а по срединѣ крѣпости. Въ Писцовой Книгѣ есть слѣдующее мѣсто: „да архіепископу жъ отмѣрили подъ конюшенный дворъ пустою порозжево мѣста по старое архіепискупля двора за мостомъ Дмитріевскіе улицы у Тезицкого врага на возгорѣ межъ *мосту* и годовальщиковыхъ дворовъ отъ большіе улицы къ Дмитріевскимъ воротамъ по правой сторонѣ въ длину 24 сажени“⁽¹⁾. Въ „Актахъ Историческихъ“⁽²⁾ сохранилась грамота Грознаго объ этой прибавкѣ, въ которой говорится: „да архіепископу жъ прибавлено мѣсто въ *городѣ*, къ его двору по большую улицу по Тезицкій по первый переулокъ“. Мѣсто архіепископскаго двора безъ всякаго сомнѣнія было тамъ же, гдѣ нынѣ стоитъ архіерейскій домъ, въ кремлѣ, но мы должны помнить, что размѣры какъ архіепископскаго дома, такъ и двора были тогда очень скромныя; весь дворецъ св. Германа, по Писцовой Книгѣ, ограничивался одною „горницею съ комнатою, да сѣнями“. Предъ этимъ домомъ была площадь, на которую выходило двое воротъ съ архіепископскаго двора. Самый домъ находился очень близко къ Благовѣщенскому собору, т. е. къ алтарю его и къ передней, древнѣйшей части самаго собора.

Мѣсто, гдѣ стояли Збойливия ворота показываетъ, что татарская стѣна дѣлала здѣсь входящій уголъ: прямому направленію татарской стѣны къ Пятниц-

⁽¹⁾ Писц. Кн., стр. 34.

⁽²⁾ Акты Истор., т. I, № 163.

кой горѣ препятствовали топкія озера, которыя лежали въ низменной долинѣ, около этой церкви. Въ русской Казанской крѣпости Збойливья ворота остались во внутренней оградѣ, потому что деревянная крѣпость или острожная стѣна примкнула къ кремлю сѣвернѣе Дмитріевскихъ воротъ. По описанію Писцовой Книги въ деревянной острожной стѣнѣ выше Воскресенскихъ воротъ лежали ворота противъ нижняго Поганаго озера близъ церкви Николая Зарайскаго (т. е. нынѣшней Пятницкой). Положеніе этихъ воротъ въ настоящее время опредѣлить очень трудно. На планѣ Каница на нынѣшней Нагорной улицѣ показаны Элбугины ворота. Правильно ли это? Не были-ли ворота, показанныя на кремлевской горѣ выше Воскресенскихъ городовыхъ, Элбугиными? Припомнимъ сказанія лѣтописей объ этихъ воротахъ. Въ диспозиціи приступа эти ворота долженъ былъ штурмовать „отъ Казани рѣки воевода князь А. М. Курбскій“; они слѣдуютъ въ диспозиціи между Муралеевыми и Збойливыми, которыя штурмуетъ ертоуль⁽¹⁾. Въ день приступа Курбскій двинулся къ Элбугинымъ воротамъ, которыя стояли на половинѣ горы, а на горѣ за воротами, для ихъ защиты, стояла большая и сильно вооруженная башня, защищавшая ворота⁽²⁾; русскіе отряды Курбскаго прямо приставили лѣстницы къ стѣнамъ и взошли на нихъ, не смотря на варъ, который лили со стѣнъ осажденные и на бревна, бросаемыя въ нихъ

⁽¹⁾ Царств. Кн., стр. 299.

⁽²⁾ Курбск., стр. 36. «Потекохомъ ко градскимъ стѣнамъ и къ той великой башнѣ, яже предъ враты стояла на горѣ» (предъ воротами съ внутренней стороны, что явствуетъ изъ дальнѣйшаго описанія Курбскаго). Гонимые нашими войсками изъ укрѣпленнаго царскаго двора Татары заняли высокую башню, о которой говоритъ Курбскій и которую его отрядъ, уменьшившійся вслѣдствіе бѣгства изъ него мародеровъ, до 150 человекъ, долженъ былъ оставить; отрядъ Курбскаго твердою ногою сталъ въ воротахъ и не допустилъ Татаръ вышедшихъ изъ башни прорваться здѣсь. Курбскій (ч. I, стр. 23.) говоритъ, что войско его полка простиралось отъ «Казани рѣки, яже выше града, а другій конецъ до мосту яже по Галицкой дорогѣ и до той же рѣки, яже ниже града. И залогохомъ пути ото всея Луговой Черемисы, яже ко граду лежать.» Мостъ по Галицкой дорогѣ могъ быть нѣсколько выше нынѣшняго моста. На рисунокѣ Олеарія, который очевидно сдѣланъ съ Услонской горы, не видно моста черезъ Казанку ни у Шикольскихъ ни у Воскресенскихъ воротъ. На планѣ Каница мостъ показанъ на мѣстѣ нынѣшнихъ мельницъ. Такимъ образомъ отрядъ Курбскаго несъ не одну осадную, но и аванпостную службу: онъ не допускалъ не пріятельскіе отряды, находившіеся внѣ города, къ переправѣ черезъ Казанку. Самый отрядъ его не переходилъ на лѣвый берегъ Казанки, но перешелъ черезъ нее по мостамъ лишь во время штурма. Батареи лѣвой руки ограничивались 6 осадными орудіями, стоявшими на правомъ берегу Казанки (Курб. 42). Татары по взятіи Казани попробовали переправиться черезъ Казанку около батарей, спустились внизъ по теченію Казанки еще на 650 шаговъ и здѣсь перешли черезъ нее вбродъ, «на три выстрѣла изъ лука». Все это подтверждаетъ наше предположеніе о фронтѣ отряда Курбскаго при осадѣ Казани.

Татарами со стѣнъ, потомъ вошли въ башню, и спустившись съ нея, отворили ворота; войска наши свободно въ нихъ вошли и заставили всѣхъ Татаръ бѣжать на верхъ горы къ укрѣпленному царскому двору. Послѣ взятія русскими войсками, наступавшими отъ Арскаго поля, царскаго двора, оттуда опять бросились Татары во взятую сначала Русскими башню, куда привели и царя своего Эдигера. Находясь въ башнѣ, они подали знакъ къ переговорамъ, влѣдствіе чего въ войскахъ обѣихъ сторонъ водворилась тишина; среди глубокаго молчанія было выслушано предложеніе осажденныхъ, что они готовы выдать Русскимъ своего царя, потому что ихъ городъ взять, а сами они идутъ въ широкое поле испить съ Русскими послѣднюю чашу. Отдавши Русскимъ своего царя „здрави“, Татары съ башни не пошли въ ворота, въ которыхъ стоялъ со своимъ отрядомъ Курбскій, но стали слезать со стѣнъ и устремились прямо къ Казанкѣ, думая пробиться чрезъ шанцы Курбскаго, а когда это не удалось, они пошли влѣво и, снявши съ себя вооруженіе, переправились въ бродъ чрезъ Казанку внизъ по теченію, въ разстояніи на 600 сажень отъ укрѣпленій лѣвой руки, отряда Курбскаго. Такимъ образомъ, по смыслу описанія осады Казани Курбскаго, можно заключить, что Элбурины ворота стояли въ томъ мѣстѣ, гдѣ кремлевская гора дѣлаетъ входящій уголъ или поворотъ отъ Казанки къ Черному озеру, точнѣе сказать поворотъ въ ту низменную долину, которая находится внизу передъ папертью церкви Пятницкой. Внутри татарской крѣпости, позади воротъ, устроена была башня, очевидно въ видахъ защиты воротъ отъ непріятеля, какъ это дѣлалось иногда въ старинныхъ укрѣпленіяхъ; башня соединена была съ городскою стѣною и составляла съ той ея частью, гдѣ были Элбурины ворота, какъ бы особое укрѣпленіе. Если мы припомнимъ положеніе отряда, которымъ командовалъ Курбскій, на планѣ окрестностей Казани во время осады 1552 года, то окажется, что эта мѣстность какъ разъ соответствуетъ именно той точкѣ, на которой мы предполагаемъ Элбурины ворота. Отрядъ Курбскаго долженъ былъ стоять вверхъ по Казанкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она дѣлаетъ поворотъ на юго-востокъ, около нынѣшнихъ мельницъ, слѣдовательно отрядъ Курбскаго расположился лѣвымъ флангомъ по направленію на юго-востокъ, а фронтомъ на юго-западъ. Самыя ворота съ башнею предназначены были защищать мѣстность, находившуюся отъ поганыхъ озерковъ нѣсколько сѣвернѣе. Атакъ русскихъ войскъ чрезъ Элбурины ворота направлена была главнымъ образомъ на укрѣпленный царскій дворъ съ восточной его стороны въ то время, когда съ сѣвера и запада шли еще двѣ атаки чрезъ Муралсевы и Тюменскія ворота. Не смотря на важность овладѣнія царскимъ дворомъ, эти послѣднія атаки были второстепенными или, какъ называются нынѣ, фальшивыми. Онѣ имѣли въ виду разъединить силы осажденныхъ, ослабивъ

этимъ маневромъ татарскую линію защиты съ Арскаго поля, гдѣ велась главная атака на Казань со стороны Русскихъ и отъ успѣха которой зависѣлъ счастливый исходъ казанскаго штурма. Курбскій, склонный къ самовосхваленію, при описаніи казанскаго штурма, выставляетъ только свои личные подвиги и ничего не говоритъ о ходѣ штурма на Муралесвы и Збойливыя ворота; неудачу же приступа къ Элбугинымъ воротамъ приписываетъ деморализаціи отряда, пущеннаго имъ на приступъ. Но едва ли это такъ. Не было ли дано ему подъ рукой приказанія слабо атаковать мѣстность, предназначенную для атаки штурмовой колонны, состоявшей подъ его начальствомъ? Вотъ почему, можетъ быть, онъ не пошелъ далѣе воротъ, лежавшихъ ниже башни и недостаточно укрѣпился въ самой башнѣ, которою такъ счастливо въ началѣ штурма овладѣлъ. Дальнѣйшее наступленіе его отряда къ царскому двору могло сопровождаться кровопролитной схваткой съ Татарами въ тѣсныхъ улицахъ Казани и не принесло бы никакой пользы общему дѣлу покоренія Казани.

Сравнивая видъ нынѣшняго кремля съ отрывочными показаніями, разбросанными въ различныхъ мѣстахъ Писцовой Книги и весьма сбивчивымъ текстомъ Курбскаго, описывавшаго свою атаку на Элбугины ворота по воспоминаніямъ, мы должны допустить одно, что вся сѣверная часть нынѣшняго кремля значительно измѣнилась. По описанію Курбскаго стѣны сѣверной линіи казанской крѣпости представлялись отъ его лагеря стоящими на вершинѣ весьма высокой горы (¹). По срединѣ этой горы находилась очень высокая башня, около нея были ворота, которыя, по сравненію съ другими воротами и съ возвышеннымъ положеніемъ царскаго двора, стоявшаго на самой вершинѣ горы, Курбскій называетъ *нижайшими* (²). Всѣ эти показанія крайне смутны и сбивчивы. Вся сѣверная часть нынѣшняго кремля выстроена изъ кирпича новой формы, не ранѣе прошлаго столѣтія, облицовка стѣнъ сдѣлана очень недавно, стѣна здѣсь не имѣетъ парапета съ бойницами, какъ на древней части казанскихъ стѣнъ, а однѣ площадки; тогда какъ въ другихъ мѣстахъ стѣны вокругъ кремля сохранились слѣды старинной постройки изъ известняка. Внизу около мельницъ есть башня очень низкая, съ такою же низкою почти въ уровень съ землею аркою. Не это ли были Элбугины ворота? Или это были ворота *на Щели*, которыя запечатя въ Писцовой Книгѣ и именно въ этомъ же мѣстѣ, „потайныя къ рѣкѣ Казанѣ“? На рисункѣ Олеарія на сѣверной сторонѣ казанской крѣпости стоятъ двое воротъ на одинаковой высотѣ, изъ которыхъ одни на сѣверо-западномъ углу крѣпости, другія не мно-

(¹) Курб., стр. 24.

(²) Курб., стр. 40.

го далѣе къ востоку. На планѣ Каница Элбугины ворота показаны на нынѣшней Нагорной улицѣ, недалеко отъ Пятницкой церкви. Мы должны замѣтить, что противъ этого показанія Каница мы не можемъ ничего возразить кромѣ какъ указать перечисленіе воротъ въ извѣстномъ порядкѣ (т. е. Збойливья, Элбугины, Муралеевы) при диспозиціи приступа, находящагося въ Царственной Книгѣ; но нельзя не сознаться, что это очень слабое возраженіе,—въ Царственной Книгѣ часто казанскія ворота перечисляются совершенно безъ порядка, напримѣръ при укрѣпленіи туровъ, при подступѣ къ стѣнамъ по извѣстнымъ линіямъ, гдѣ казалось бы возводимыя нами укрѣпленія вокругъ воротъ одного и того же фаса должны были бы имѣть между собою связь, а потому перечисляться въ извѣстномъ порядкѣ⁽¹⁾. Если мы допустимъ, что Элбугины ворота лежали на одной линіи съ извѣстными намъ по Писцовой Книгѣ Збойливыми, то насъ не можетъ не поражать такое безцѣльное сосредоточеніе воротъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, между тѣмъ какъ на сѣверо-восточной сторонѣ крѣпостной стѣны, не было ни однихъ воротъ начиная отъ Збойливыхъ до Кайбатскихъ. Ворота въ старинныхъ, какъ и въ позднѣйшаго времени крѣпостяхъ служили не только путями сообщенія съ окрестными городами и селеніями, но и назначены были для вылазокъ на осадную линію непріятеля. Нельзя не пожалѣть, что всѣ эти вопросы неразрѣшены, благодаря молчанію Писцовой Книги о мѣстѣ Элбугиныхъ воротъ.

Что же касается до *потайныхъ* воротъ на *Щели*, указываемыхъ въ Писцовой Книгѣ, то эти ворота находились *въ углу*, вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стѣна подходила къ Казанкѣ. Очень можетъ быть, что эти ворота существовали и въ татарской Казани. Это можно заключить по показаніямъ Царственной Книги. 28 августа наша осадная линія подвинулась къ Збойливымъ, Элбугинымъ и Кайбатскимъ воротамъ. Эта операція совершилась безъ боя и, кажется, отняла у осажденныхъ возможность получать воду изъ Казанки. Когда начатъ былъ подкопъ подъ Муралеевъ тайникъ, царь спрашивалъ Камая-мурзу: „откуда Татары емлютъ воду, на Казань бо рѣку у нихъ отъяли?“⁽²⁾.

Далѣе на востокъ по Писцовой Книгѣ слѣдуютъ *Тулскія* ворота, противъ Старога Городища. Припомнимъ, что часть Старога Городища занята была Феодоровскимъ монастыремъ, слѣдовательно мѣстность Старога Городища очерчивается улицами Косаткиною и Верхнею Феодоровскою, а отчасти Поповою горою. Старое Городище представляетъ довольно обширную террасу, рѣзко очерченную

⁽¹⁾ Царств. Кн., стр. 280, 210.

⁽²⁾ Тамъ-же, стр. 284.

обрывистыми оврагами, которыхъ слѣды остались еще донынѣ, не смотря на то, что владѣльцы домовъ на упомянутыхъ улицахъ стараются тщательно засыпать на своихъ дворахъ остатки этихъ овраговъ. Тульскія ворота нужно искать около церкви Николая Тульского, истребленной пожаромъ въ 1579 году и знаменитой въ исторіи Казани тѣмъ, что здѣсь явилась икона Казанской Божіей Матери на развалинахъ дома Даніила Онучина. Церковь эта впоследствии восстановлена,—на ея мѣстѣ устроена теплая церковь Казанскаго Богородицкаго монастыря ⁽¹⁾. По всей вѣроятности Тульскія ворота русской Казани соответствуютъ *Кайбатскимъ* воротамъ татарской крѣпостной стѣны. Составитель Писцовой Книги въ одномъ мѣстѣ проговорился, назвавши ворота Тульскія Кабацкими „да направо отъ большой (Тульской) улицы къ Кабацкимъ воротамъ 7 дворовъ“ ⁽²⁾. Самыя ворота должны были стоять на концѣ обрыва, примѣрно тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ тюремный замокъ, лицомъ къ Феодоровскому монастырю. Самое названіе воротъ, по объясненію знатока финскихъ нарѣчій г. Европеуса, происходитъ отъ словъ *кал*—утесъ и *баш*—голова, что значитъ *вершина утеса*, названіе, какъ нельзя болѣе соответствующее положенію воротъ ⁽³⁾. Отъ этихъ воротъ крѣпость дѣлала крутой поворотъ на югъ къ Арскому полю, по направленію къ нынѣшней Покровской церкви, около которой, вправо близъ училища двѣицъ духовнаго званія, сохранились слѣды глубокаго оврага или тѣнины; не далеко отъ этого мѣста, по показанію Писцовой Книги, вѣроятно для защиты отъ нечаяннаго нападенія непріятеля со стороны оврага, Русскими была устроена башня безъ воротъ, на которой былъ расположенъ сторожевой отрядъ изъ 4 вооруженныхъ стрѣльцовъ.

Положеніе на юго-восточномъ углу казанской татарской крѣпости Кайбатскихъ воротъ совершенно согласно съ показаніемъ Царственной Книги. Эти ворота штурмуемъ въ день взятія Казани передовой полкъ, стоявшій близъ предполагаемой нами мѣстности. Припомнимъ расположеніе войскъ подъ Казанью. 20-го августа былъ собранъ въ русскомъ лагерѣ военный совѣтъ, который установилъ въ главныхъ чертахъ планъ осады Казани. Вскорѣ начинается довольно удачное выполненіе этого плана. 23-го числа наши войска двигаются къ указаннымъ имъ мѣстамъ, на Арское поле, впереди идетъ ертоуль, назначенный для блокированія крѣпости съ лѣваго берега Казанки, между Кайбатскими и Збойливыми воротами, за нимъ передовой полкъ и большой, назначенный для обло-

⁽¹⁾ См. свидѣтельство Рыбушкина въ Ист. Казани, изд. 1-е, ч. I, стр. 75.

⁽²⁾ Писц. Кн., стр. 46.

⁽³⁾ Въ нашихъ лѣтописяхъ Кайбатскія ворота называются то Кабатцкими то Кабацкими.

женія Казани съ юга и юго-востока. Эти отряды достигаютъ Арскаго поля послѣ упорной битвы съ Татарами. Между тѣмъ другая часть войска движется прямо и влѣво отъ царской ставки. Войска правой руки пошли на правый берегъ Казанки и заняли мѣста съ сѣверо-востока города, а сторожевой полкъ и лѣвая рука обложили крѣпость по линіи отъ Муралеевыхъ воротъ до шанцевъ большаго полка. 25-го августа ертоуль спускается съ Арскаго поля и, пропешши крутые спуски около нынѣшнихъ Косаткиной улицы и Поповой горы, становится правымъ флангомъ къ правой рукѣ, а лѣвымъ къ позиціи передоваго полка, который идетъ вслѣдъ за нимъ, чтобы держать сообщеніе съ большимъ полкомъ, занятымъ исключительно осадой крѣпостной линіи отъ Булака до Казанки. Въ концѣ августа городъ окончательно обложенъ и окруженъ войсками Іоанна IV какъ бы желѣзнымъ кольцомъ. „И утверди государь городъ казанскій, повѣствуетъ Царственная Книга, своими крѣпостями, ни въ городъ ни изъ города вѣсть не пройдетъ“ (1). „И абіе обступихомъ мѣсто и градъ бусурманскій, замѣчаетъ Курбскій, полки христіанскими и огняхомъ ото всѣхъ странъ пути и проѣзды ко граду; не возмогли они никакоже ни изъ града ни во градъ переходити“ (2).

За Тульскими, по Писцовой Книгѣ, слѣдуютъ *Арскія* ворота, которыя лежали „отъ Арскаго поля, противъ татарскаго заострожнаго двора; на воротахъ башня... да у воротъ въ острогѣ изба сторожевая“ (3). Арскія ворота нужно искать къ югу между Покровскою церковью и памятникомъ Державину. Что касается до Арскаго поля, то оно начиналось около театра и разстилось къ мѣстности извѣстной нынѣ подъ именемъ Арскаго поля. Дальняя часть поля покрыта была лѣсомъ и болотами. Писцовая Книга указываетъ на находившіяся за Арскимъ полемъ лѣсныя дачи, городскую и архіепископскую, и на двѣ дороги—Шихалѣевскую и Салмачскую (4). Покровская улица до конца прошлаго вѣка называлась *Арскою*. Арскія ворота должны были стоять на краю небольшого возвышенія, остатки котораго мы и нынѣ видимъ въ улицахъ прилежащихъ къ театральной площади; положеніе ихъ, сравнительно съ самимъ полемъ, было возвышенное, что можно заключить по остаткамъ горнаго возвышенія, занятаго домомъ г. Юшкова; но подступъ къ воротамъ былъ удобенъ и пологъ,—здѣсь не было такихъ обрывовъ, которыми оканчивалась казанская возвышенность съ прочихъ сторонъ (5). По

(1) Царств. Кн., стр. 281.

(2) Курбскій, ч. I, стр. 23.

(3) Писц. Кн., стр. 49.

(4) Тамъ-же, стр. 54. Снес. Курб., стр. 27 и Царств. Кн., стр. 281.

(5) Такъ нужно понимать слова Курбскаго: «Отъ Камы рѣки, отъ реченнаго Арскаго поля, равно пріити ко граду». Курб., стр. 20.

причинѣ удобства безъ труда достигать Арскихъ воротъ, при послѣдней осадѣ Казани, вся боевая дѣятельность сосредоточилась на Арскомъ полѣ со стороны этихъ воротъ. Опытъ прежнихъ годовъ и стратегическія соображенія заставили Русскихъ употребить все усилія къ успешной атакѣ юго-западной линіи казанской крѣпости. Въ этой мѣстности руководить осадой одинъ изъ умныхъ и дѣятельныхъ воеводъ Іоанна IV князь Мих. Иван. Воротынской. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что князь пользовался совѣтами иностраннаго инженера, который выступалъ во время осады, какъ самостоятельный дѣятель, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ при подведеніи и взрывѣ минъ подъ крѣпостныя стѣны⁽¹⁾. Голландскій ученый Масса, бывшій въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, называетъ инженера Эразмомъ и говоритъ, что онъ получилъ вознагражденіе отъ Іоанна IV землями въ завоеванномъ краю⁽²⁾. Мы слышали преданіе, что руководителемъ при осадѣ былъ предокъ рода Бутлеровыхъ.

Татары также сосредоточили на крѣпостной линіи отъ Арскаго поля все свои усилія для обороны. Особенно ожесточенная борьба началась въ послѣдніе дни существованія Казани. Когда 30 сентября Русскіе дѣлаютъ подкопъ подъ татарскіе тарасы и взрываютъ ихъ по всей линіи Арскаго поля около Царевыхъ, Арскихъ и Аталыковыхъ воротъ, и разрушаютъ часть городской стѣны, все Татары устремляются сюда на защиту. Въ это время воеводы, пользуясь паникой Татаръ, подвигаютъ осадную линію къ самому рву. Остальныя части русскихъ войскъ не выдерживаютъ и бросаются съ оружіемъ въ рукахъ въ городъ и „сѣчахуся съ Татары, скажемъ словами составителя Царственной Книги; царь же благочестивый и самъ выѣде ко граду; и видѣвъ воины царя своего и вскорѣ все устремишася на градъ и мужественне бравшеся съ невѣрными на мостахъ градныхъ и въ воротѣхъ и такожде и о стѣнахъ; воины бьющися копьи и саблями, за руки имаяся, и бысть сѣча зла и ужасна, и грому сильну бывшу отъ пушечнаго бою и отъ звуку и вопу, и отъ обоихъ людей и отъ трескотъ оружіи и отъ множества огня и дымнаго куренія и сгустившуся дыму, и покры дымъ градъ и люди, Богу поспѣшествующу христіаномъ, бѣша христіане на стѣнахъ градныхъ и воротъ града и въ башнѣ града отъ Арскаго поля“⁽³⁾. Такъ какъ полки не все

(1) См. Царств. Кн., стр. 284: «Призываетъ къ себѣ (царь) Пѣмчина, именуема размысла, хитра навична ко градскому раззоренію и приказываетъ ему подкопъ подъ градъ учинити». Въ Ник. лѣт.: «Пѣмчина, именуема размысла, хитро навична градскому раззоренію». Т. VII, стр. 163.

(2) См. «Сказанія Массы и Геркмана», изд. Археографич. Коммисси. Спб. 1874 г. стр. 17. О пожалованьи Эразма землями Масса не упоминаетъ. *Прим. Ред.*

(3) Царств. Кн., стр. 294, 295.

были готовы къ общему приступу, то государь велѣлъ отозвать войска, но войны неохотно отступили изъ города, хотя часть городской стѣны и башня около Арскихъ воротъ остались за нами⁽¹⁾. Между тѣмъ Татары дѣятельно приготовлялись къ защитѣ: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была повреждена Русскими стѣна отъ Арскаго поля и противъ самыхъ воротъ, они ставили новые деревянные срубы и насыпали ихъ землею.

Рядомъ съ Арскими воротами Писцовая Книга помѣщаетъ *Спасскія* ворота. Спасскія ворота, по нашему мнѣнію, суть Царевы ворота Царственной Книги⁽²⁾ и Царскія ворота Курбскаго⁽³⁾. Въ Царственной Книгѣ вездѣ эти ворота упоминаются рядомъ съ Арскими⁽⁴⁾, и между Арскими и Аталыковыми и Ногайскими⁽⁵⁾. Здѣсь дьякъ Выродковъ ставитъ башню или такъ называемый гуляй-городокъ, на колесахъ подвезенную къ городу. Башня эта была 6 саженой высоты и возвышалась надъ городской стѣной (которая была не выше 4 саженой), такъ что поставленныя на башню полуторныя пицали затинныя стрѣляли въ улицы города и побивали много народа на улицахъ и на стѣнахъ Казани⁽⁶⁾; осажденные принуждены были рыть ямы около городскихъ воротъ и норы и въ нихъ укрываться отъ выстрѣловъ. Это показываетъ, что за Царскими воротами было возвышеніе со стороны русскаго лагеря, а не крутой и обрывистый скатъ. Ворота эти надо искать на возвышенности, ограничиваемой Воскресенскою переконью, университетомъ и его клинкою. Царевы ворота должны были стоять на концѣ главной улицы, дежавшей на югъ отъ царскаго двора. Дорога изъ нихъ вѣроятно вела по спускамъ за Булакъ, гдѣ мы видимъ *Царевъ лугъ*, простиравшійся отъ Казапи къ Волгѣ⁽⁷⁾. Русскіе переименовали Царскія ворота въ Спасскія по слѣдующему поводу. Во время приступа къ Казани, 2 октября 1552 года, послѣ перваго успѣха русскихъ войскъ, взявшихъ приступомъ стѣну города

(1) Сравнивая показаніе Царств. Книги съ Писцовой, встрѣчаемъ значительную разность. По Царственной Книгѣ близъ Арскихъ воротъ была особая башня, по Писцовой—башня была надъ воротами. Не измѣнена ли была самая система постройки стѣнъ въ Казани по завоеваніи ея Русскими? Изъ сказанія Курбскаго о взятіи Казани мы видимъ, что у Элбугиныхъ воротъ стояла башня не подалеку отъ нихъ, а не надъ воротами.

(2) Царств. Кн., стр. 296.

(3) Курбскій, стр. 39.

(4) Царств. Кн., стр. 294. Здѣсь порядокъ идетъ такой: Царевы, Арскія, Аталыковы, Тюменскія ворота.

(5) Тамъ-же, стр. 296 и 270.

(6) Тамъ-же, стр. 290.

(7) На Арскомъ полѣ и на *Царевъ лугъ*, по сказанію «Исторіи о Казанскомъ Царствѣ» (стр. 49—51), справляли Казанцы сабанъ.

отъ Арскаго поля, большая часть осаждавшихъ бросилась грабить городъ. Въ это время гонимые нашими отрядами Татары перешли къ наступленію и совершенно выгнѣнили бы Русскихъ изъ города, если бы царь съ своимъ отрядомъ, предшествуемый великовняжескимъ знаменемъ образа Спаса Нерукотвореннаго, не подошелъ на помощь; онъ вошелъ горной дорогой на Арское поле и сталъ со знаменемъ около Царскихъ воротъ, по свидѣтельству Курбскаго ⁽¹⁾, а отрядъ его двинулся въ городъ и въ скоромъ времени сбиль Татаръ къ Тезицкому оврагу. Въ Софійскомъ Временникѣ ⁽²⁾ и въ отрывкѣ Русской Лѣтописи ⁽³⁾ говорится, что царь сталъ около Арскихъ воротъ, „нынѣ же именуются Спасскими, идѣ же нынѣ стоитъ храмъ Нерукотвореннаго Спаса“. Но очевидно здѣсь ошибка: въ Писцовой Книгѣ Спасскія ворота отдѣляются отъ Арскихъ.

Между Арскими и Спасскими воротами должно искать *мѣсто подкопа* отъ Арскаго поля. Мы выше замѣтили, что показаніе о мѣстѣ подкоповъ подъ казанскія стѣны идетъ отъ составителя „Казанской Исторіи“ и за тѣмъ повторяется лѣтописцами. Находясь во время осады Казани въ городѣ и потомъ составляя свое описаніе для Русскихъ, завладѣвшихъ Казанью и поселившихся въ ней, писатель „Казанской Исторіи“ дѣлаетъ свое указаніе о мѣстахъ того и другаго подкопа не со стороны русскаго стана, а изнутри города. „Единъ подкопъ, говоритъ онъ, „подъ стѣну отъ Поганаго озера на углу подъ стрѣльницу (башню), на десной сторонѣ Арскихъ воротъ, идѣже нынѣ *Спасскія* ворота именуются“ ⁽⁴⁾. Мѣсто это очень понятно и очевидно искажено въ другихъ лѣтописяхъ, которыя смѣшиваютъ Арскія ворота съ Царскими и со Спасскими, не подозрѣвая того, что Царскія ворота не существовали въ русской Казани, а были переименованы въ Спасскія; Арскія же ворота оставались въ Казани до XVIII вѣка. Для полнаго пониманія этого мѣста мы должны припомнить, что стѣна татарской Казани, по направленію отъ Арскихъ воротъ къ Царскимъ, сообразно съ характеромъ возвышенной мѣстности въ этой части города, дѣлала входящій или внутренній уголъ и здѣсь то и былъ подкопъ подъ казанскія стѣны, взрывъ котораго въ послѣднюю минуту предъ приступомъ могъ облегчить атаку нашихъ войскъ на возвышенность занимаемую нынѣ Воскресенской улицей. Подкопъ шелъ отъ верхняго Поганаго озера, которое лежало именно въ этой мѣстности, въ ряду другихъ небольшихъ озеръ, начинавшихся отъ тепершняго Черноозерскаго сада къ Пятницкой

⁽¹⁾ Курбскій, стр. 39.

⁽²⁾ Сов. Врем., стр. 418.

⁽³⁾ Собр. Рус. Лѣт., т. VI, стр. 312.

⁽⁴⁾ Ист. о Каз. Цар., стр. 211.

церкви. Писцовая Книга указывает при описи стрѣлецкихъ дворовъ Спасской улицы на нѣкоторые изъ нихъ, которые стояли по направленію *къ Поганому озеру... да къ другому Поганому озеру* и т. д. (¹). Если предположимъ, что Спасскія ворота лежали близъ нынѣшней Воскресенской церкви, то подкопъ надобно будетъ искать около садовъ, идущихъ позади домовъ на Воскресенской улицѣ, находящихся противъ университета.

Рядомъ со Спасскими воротами къ юго-западу, сообразно съ общимъ направленіемъ стѣны, Писцовая Книга указываетъ *Ногайскія* ворота, которыя лежали на половинѣ разстоянія между Спасскими и Проломными воротами. Ногайскія ворота находились на горѣ, какъ показываетъ та же книга (²). Какъ мы сказали выше, къ острожной стѣнѣ было прибавлено нѣсколько срубовъ для опальныхъ людей, прибывшихъ въ Казань. Мѣсто подъ нихъ указано „противъ Проломныхъ воротъ въ Арской сторонѣ межъ Булакомъ, и межъ горы что съ Арского поля... вверхъ по дорожку, что дорожка съ Арского поля отъ Нагайскихъ воротъ съ горы прямо къ Булаку“. Разматривая это показаніе нужно предположить, что ворота лежали на половинѣ той горы, на которой нынѣ стоитъ университетъ. Изъ этихъ то воротъ, вѣроятно сдѣлана была сильная вылазка 26-го августа при началѣ осады, когда русскіе отряды поднимались на Арское поле, чтобы занять здѣсь назначенныя имъ мѣста; вылазка эта обоилась намъ довольно дорого (³). Изъ этихъ воротъ шла по правому берегу Кабана Ногайская дорога (⁴), на которой во время приступа стоялъ сторожевой отрядъ кн. Оболенскаго, находившагося подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича. Мѣстность отъ Ногайскихъ воротъ шла обрывомъ къ нынѣшней Рыбнорядской улицѣ; недалеко отъ воротъ былъ глубокій оврагъ, нѣчто въ родѣ тѣснины или ушеля, *зараза*, какъ тогда называли. На Заразѣ были малыя ворота. „На острогѣ, на татарскомъ кладбищѣ, ворота малые, на заразѣ, по обѣ стороны врага къ Булаку, даны стрѣльцомъ для воды: сторожевой у башни на воротахъ нѣтъ, а замыкаютъ ихъ на ночь стрѣльцы“—показано въ Писцовой Книгѣ. Для поясненія этого мы должны замѣтить, что около всей внутренней стороны казанской стѣны отъ Арского поля расположены были стрѣлціи

(¹) Писц. Кн., стр. 44 и 45.

(²) Тамъ-же, стр. 51.

(³) Курбскій (стр. 22) говоритъ: «Царь же Казанскій выпустилъ войска коннаго изъ мѣста аки пять тысячъ, а пѣшихъ отъ десяти тысячъ... и абіе удариша посреди полка христіанскаго, аки въ *полторы* оныя и прерваша его»

(⁴) Дорога эта соотвѣтствуетъ нынѣшнему Оренбургскому тракту. Въ XVI вѣкѣ вся мѣстность со стороны Арскаго поля называлась мѣстностью съ Ногайской стороны (Курб. стр. 23).

слободы, а у Арскихъ и у Ногайскихъ воротъ въ этихъ слободахъ были караульни или сторожевыя избы. Такимъ образомъ ворота на Заразѣ находились въ срединѣ стрѣлечкаго населенія, близь караульнаго дома и не требовали особаго караула. Ворота эти не отличались отъ другихъ и имѣли также сторожевую башню. Мѣстность татарскаго кладбища опредѣляется въ Царственной Книгѣ именно въ диспозиціи штурма. Царь велѣлъ брату своему князю Владиміру Андреевичу „съ своими полки стати 2-го октября 1552 г. противъ Царскихъ воротъ на посадѣ отъ кладбища“⁽¹⁾. На планахъ Каница это кладбище показано примѣрно около нынѣшняго Рыбнаго ряда. Дорога, шедшая чрезъ это кладбище отъ Булака, находилась отъ городскихъ воротъ на *два выстрѣла лучины*⁽²⁾. По всей вѣроятности, и тѣ и другія ворота были уничтожены, когда линія городской стѣны была подвинута на юго-западъ, послѣ 1567 года, по словамъ Писцовой Книги. Новая линія должна была начинаться около Ногайскихъ воротъ и захватывать ворота на Заразѣ⁽³⁾. Не соотвѣтствовали ли ворота на Заразѣ—*Крымскимъ* воротамъ татарской Казани? Предположеніе это какъ нельзя болѣе вѣроятно. Крымскія ворота соотвѣтствуютъ юго-западному углу татарской стѣны, что видно изъ описанія Царственной Книги нападенія Татаръ на нашу осадную линію 28 августа 1552 года. Нападеніе это было сдѣлано по взаимно условленному плану между войсками татарскими, находившимися внѣ Казани и въ самомъ городѣ⁽⁴⁾. Нападеніе предполагено было сдѣлать одновременно и изъ города и изъ лѣсовъ Арскаго поля на большой полкъ еще 27 августа, но на этотъ разъ войска изъ лѣса не поддержали вылазки, сдѣланной изъ Крымскихъ воротъ на большой полкъ князя Ивана Федор. Мстиславскаго, подъ начальствомъ Карамышь-улана Кудайгула, во время осады Казани защищавшаго Крымскія ворота. Бой былъ жестокой; князь Иванъ Мстиславскій былъ въ бою раненъ двумя стрѣлами и выбылъ изъ строя, а Карамышь-

(1) Царств. Кн., стр. 298

(2) Курбскій, стр. 22.

(3) Сравн. Писц. Кн., стр. 51.

(4) Курбскій рассказываетъ съ свойственнымъ ему пафосомъ и замысловатымъ вступленіемъ объ этихъ соглашеніяхъ такъ: «къ тому еще тогда хитрость изобрѣте царь казанскій противъ насъ: якову же? молю, повѣждь ми. Псте таковую... но слухай прилежнѣ раздроченный воине! Ибо уложилъ онъ таковой совѣтъ со своими, съ тѣмъ войскомъ, ихъ же оставилъ внѣ града, на лѣсѣхъ и положилъ съ ними таковое знаменіе, (по ихъ языку ясакъ): егда изнесутъ на высокую вежу, або иногда на градъ, на высочайшее мѣсто, хоругвь ихъ зѣло великую бусурманскую, и начнутъ ею махать; тогда, глаголю, (понеже далося намъ знати) ударять со всѣхъ странъ съ лѣсовъ, зѣло грозно и прутко, во устроенію полковъ, бусурманы на полки христіанскіе». Сказ. ч. I, стр. 25—26.

уланъ попался намъ въ плѣнъ. Поводомъ къ битвѣ было то, что большой полкъ, занимавшій линію отъ Арскаго поля, подался своимъ лѣвымъ флангомъ къ правому флангу лѣвой руки, стоявшей по Булаку, чтобы еще болѣе сѣснить кольцо, которое постепенно охватывало Казань со стороны русскаго лагеря. На другой день войска татарскія внѣ Казани дѣлають позднюю попытку остановить операцію русскихъ воеводъ на Арскомъ полѣ: они нападаютъ на передовой полкъ кн. Хилкова, точно также какъ и лѣвая рука примыкавшій съ другой стороны къ большому полку. Битва длится долго и въ ней мало по малу принимаютъ участіе все войска большого полка. Такимъ образомъ условленный планъ нападенія Татаръ на нашу осадную линію съ Арскаго поля съ двухъ сторонъ разомъ, съ фронта и тыла, не удается и Татаръ разбиваютъ по частямъ. Изъ всего этого видно, что Крымскія ворота стояли не на крѣпостной линіи, шедшей отъ Булака, а отъ Арскаго поля, отъ Ногайскія страны, слѣдовательно, указаніе Крымскихъ воротъ на западной сторонѣ Казани по плану Каница не имѣетъ достовѣрности. Крымскія ворота должны были стоять на мѣстѣ русскихъ воротъ на Заразѣ. Крымскими эти ворота названы вѣроятно потому, что ихъ оберегали крымскій отрядъ, бывшій съ Эдигеромъ въ Казани. Прозвище защитника этихъ воротъ *уланъ* показываетъ Крымское происхожденіе его.

Мѣсто упоминаемыхъ въ Писцовой Книгѣ, вельдѣ за воротами на Заразѣ, воротъ *Проломныхъ* опредѣлено нами выше. Мы сказали, что церковь Боголюбленская въ памятникахъ XVIII вѣка называется церковью у Проломныхъ воротъ. Названіе воротъ позднѣйшее, русское, указываетъ на то мѣсто, гдѣ былъ вѣдень Русскими при осадѣ Казани подкопъ отъ Булака, отчего и самая улица въ настоящее время называется Проломной. Представляется довольно вѣроятнымъ, что Проломными воротами въ русской Казани названы прежнія Аталыковы ворота, близъ которыхъ, по словамъ Царственной Книги, проходилъ подкопъ отъ Булака. Названіе Аталыковыхъ точно также, какъ и Муралеевыхъ, а можетъ быть и Элбугиныхъ, ворота получили отъ строителя ихъ Аталыка, что значитъ „воспитатель, пѣстунъ особы изъ владѣтельнаго дома“. Передъ взятіемъ Казани былъ аталыкомъ у Эдигера Чапкунъ, который еще ранѣе велъ переговоры съ русскими властями, какъ уполномоченный, о подчиненіи Казани русскому царю, но когда часть дѣтей боярскихъ и казаковъ прибыли въ Казань для ея занятія, то Казанцы заперлись въ городѣ и не пустили въ Казань воеводъ царскихъ. „И тутъ воеводы стояли у воротъ весь день, да на посадѣ и ночевали, и Чапкунъ князь измѣнилъ государю и все съ нимъ Казанцы“⁽¹⁾. Въ „Казанской Исторіи“

⁽¹⁾ Царств. Кн., стр. 262 и 264.

подъ 1530 годомъ разсказывается о погибели еще другаго Аталыка, татарскаго богатыря. Во время пожара и нападенія Русскихъ на Казань, Аталыкъ спалъ пьяный на посадѣ; разбуженный тревогой, онъ вскочилъ на коня, но не попалъ на мостъ и хотѣлъ переправиться чрезъ Булакъ въ бродъ; здѣсь онъ свалился съ коня и былъ взятъ въ плѣнъ Русскими. До своего плѣна, онъ храбростью и силой нагналъ такой страхъ на Русскихъ, что составитель „Казанской Исторіи“ приписываетъ ему сверхъестественную паружность: „Величество его и ширина его тѣлеси, аки исполинъ, очи же его бѣна кровави. аки звѣря и велики. аки буйволы, и бояшеса его всякъ человекъ рускій. воевода и воинъ, противъ его выѣхать и съ нимъ братися. но вси отъ взора его устрапахуся“⁽¹⁾. Очень можетъ быть, что ворота получили названіе отъ мѣста гибели этого богатыря.

Отъ Проломныхъ воротъ острожная стѣна переходила за Булакъ. „Да за Булакомъ у Архіепископли слободы ворота острожныя Кураишевскія къ Утучевой мизгити противъ татарскіе заострожныя слободы“⁽²⁾. *Кураишево*—мѣстность, упоминаемая въ грамотѣ Іоанна IV къ Святителю Гурію, 1555 г., августа 13-го, которою дано было архіепископу мѣсто для поселенія принадлежавшихъ его двору крестьянъ; самая же слобода лежала, какъ видно изъ описанія Писцовой Книги, между нынѣшнею Успенскою церковью и Владимірскою, по Булаку⁽³⁾. Показаніе Писцовой Книги для насъ важно въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется мѣсто царской ставки при осадѣ Казани 1552 года близъ Утучевой мечети. 18 августа опредѣлено было царю стоять близъ этой мечети на *Царевомъ лугу*⁽⁴⁾ съ своимъ полкомъ и вмѣстѣ съ отрядомъ Владиміра Андреевича, имѣя передъ собой за Булакомъ отрядъ Шихалея. Далѣе къ сѣверу лежали другія *Кураишевскія* ворота, а близъ Успенской церкви *Ямскія* ворота⁽⁵⁾.

Мы видимъ, что русская внѣшняя ограда около Казани, или острогъ, шла за Булакъ и ограждала Казань съ запада въ видѣ полукруга. Шла ли по этому же направленію и по той же мѣстности татарская крѣпость въ 1552 году? По нашему мнѣнію, стѣна татарская, вокругъ Казани въ 1552 году ограничивалась лишь одною линіею по правой сторонѣ Булака, а до этого года вѣроятно и посадъ за Булакомъ былъ огражденъ стѣнами. Приготовляясь къ смертному бою съ Русскими, защитники Казани придумали сократить линію обороны,

⁽¹⁾ Ист. о Каз. Цар., стр. 70 и 71.

⁽²⁾ Писц. Кн., стр. 50.

⁽³⁾ Тамъ-же, стр. 103.

⁽⁴⁾ Царств. Кн., стр. 263.

⁽⁵⁾ Писц. Кн., срав. стр. 50 и 47.

для обезпеченія отраженія русскихъ силъ, направленныхъ Іоанномъ IV на Казань. Также не подлежитъ сомнѣнію, что острогъ около посада за Булакомъ въ татарской Казани существовалъ до этого времени, и Русскіе, проведя стѣну послѣ 1552 года по Забулачю, возобновили лишь татарскую линію западной стороны казанской стѣны. „Исторія о казанскомъ царствѣ“ даже сохранила имя хана, укрѣпившаго Забулачье стѣною. Въ 1530 году Сафа-гирей,— по словамъ автора этой „Исторіи“,—услышавъ, что московскіе воеводы Бѣльскій и Глинскій идутъ на Казань, „загна Черемису ближнюю многу и повелѣ имъ дѣлати подлѣ Булака острогъ около посада и по Арскому полю“ (¹). Сюда, продолжаетъ авторъ, посадили Черемису съ прибылыми людьми, чтобы они помогали городу, т. е. служили защитниками передовыхъ укрѣпленій со стороны Волги „и посады отъ запаленія огня цѣлымъ устоятъ“. Причина сооруженія стѣны около Забулачья очевидна. Русскія войска, приходившія отъ Волги, начинали дѣло осады тѣмъ, что поджигали посады (²); но въ 1530 году Русскіе взяли этотъ острогъ по Булаку... „а царь не во мнозѣ утече во градъ“, говоритъ Воскресенская лѣтопись (³). Во время послѣдней осады мы не видимъ нигдѣ стѣнъ или острога около Забулачья. По сказанію Курбскаго, около казанскихъ укрѣпленій въ 1552 году къ западу шла рѣчка Булакъ „зѣло типовата и непроходима, подъ самое мѣсто (т. е. городъ) течетъ и впадаетъ подъ наугольную башню въ Казань рѣчку“ (⁴). Въ Царственой Книгѣ ясно означается, что войска наши, именно сторожевой полкъ и лѣвая рука становятся противъ Казани по берегу Булака, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переправляются чрезъ Булакъ, потомъ войска эти „крѣпятъ крѣпости“ противъ Тюменскихъ и Аталыковыхъ воротъ и утврждаются по всему рву у Аталыковыхъ воротъ (⁵). Объ укрѣпленіи передовомъ за Булакомъ ничего не говорится.

(¹) Ист. о Каз. Цар., стр. 67.

(²) «И бояре пошли (отъ Казани) къ Свіяжскому городу, а посаду не жгла», говоритъ Царств. Книга о предпослѣднемъ походѣ стр. 201, 109; Курб. стр. 21.

(³) Полн. Собр. Рус. лѣт., т. VIII, стр. 278.

(⁴) Цар. Кн., стр. 263, 264, 269, 270, 294.

О СОХРАНИВШИХСЯ ПРЕДАНИЯХЪ ПО ПОВОДУ НАЗВАНІЙ РУССКИХЪ И ИНОРОДЧЕСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ
ВЪ КАЗАНСКОЙ И СОСѢДНИХЪ СЪ НЕЮ ГУБЕРНІЯХЪ (¹).

И. А. Износкова.

(Читано въ засѣданіи 13 августа. См. Протоколы, стр. CIV—CVI).

I.

Въ программѣ вопросовъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе III-го Археологическаго Съѣзда, былъ помѣщенъ въ числѣ прочихъ вопросъ о томъ: „какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей и нельзя ли сдѣлать нѣкоторыхъ интересныхъ въ научномъ отношеніи обобщеній изъ современной номенклатуры рѣкъ, городовъ и сель въ разныхъ полосахъ Россіи?“ Такъ какъ этотъ вопросъ крайне занималъ насъ въ то время, потому что мы уже и тогда имѣли достаточное количество матеріала, относящагося до различныхъ населенныхъ мѣстностей Казанской и сосѣднихъ съ нею губерній, то въ рефератѣ, представленномъ нами вниманію Археологическаго Съѣзда (²), мы высказали, что, изслѣдуя названія селеній, улицъ, рѣкъ и другихъ урочищъ какой нибудь губерніи и сравнивая эти названія между собою, можно опредѣлить: 1) Поводъ, по которому какая либо мѣстность получила названіе и при сравненіи нѣсколькихъ названій одной и той же мѣстности,—которое изъ нихъ болѣе древнее. 2) Время населенія мѣстности. 3) Откуда и по какому поводу выселились жители въ занимаемую ими мѣстность и въ какомъ положеніи находилась эта мѣстность до переселенія. 4) Какое вліяніе имѣли сосѣдніе жители на переселенцевъ. 5) Въ какомъ направленіи расположены были укрѣпленныя мѣстности, засѣлки, плотины и курганы и 6) Направленія русла рѣкъ.

(¹) Рефератъ И. А. Износкова, согласно желанію автора, пересмотрѣнъ и дополненъ имъ въ 1882 г.—*Прим. Ред.*

(²) См. Труды III-го (Кіевскаго) Археологическаго съѣзда, т. II, стр. 35—40.

Впослѣдствіи для подтвержденія тѣхъ же положеній мы помѣстили небольшую замѣтку „о названіяхъ населенныхъ мѣстъ“ въ сборникѣ изданномъ въ память перваго русскаго Статистическаго съѣзда 1870 г. ⁽¹⁾, гдѣ мы привели также одинаковыя названія селеній, встрѣчающихся въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской, Самарской и Симбирской и программу, по которой слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, собирать свѣдѣнія о селеніяхъ тѣмъ лицамъ, которыя по роду своихъ занятій имѣютъ полную возможность входить въ сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ.

Высказывая свои положенія, мы не имѣли тогда въ виду весьма обстоятельно изложенной статьи г. Максимова, относящейся къ объясненію названій урочищъ находящихся преимущественно въ Вѣлоруссіи ⁽²⁾. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ этой статьи и обобщенія имъ сдѣланныя изъ массы названій рѣкъ, городовъ и селеній, нельзя не признать крайне интересными и заслуживающими полного вниманія. Названія урочищъ распределяются г. Максимовымъ по отдѣльнымъ группамъ, прямо указывающимъ направленіе, въ которомъ происходило народное передвиженіе. Такъ народъ, подвигавшійся съ юга на сѣверъ, основывалъ поселки, названія которыхъ, а также и другихъ урочищъ, были въ зависимости отъ этого движенія,—отчего и возникли селенія съ названіями: *Запечевъ, Загоревъ, Заболотевъ, Замоствевъ, Залтсевъ, Запольевъ* и пр. (въ Вѣлоруссіи), которыя помѣстились на сѣверъ отъ находившихся раньше на югѣ. *Заборья*—по сѣверную сторону боровъ, *Заолына*—за р. Ольшей. Также образовались въ Смоленской губ. *Загусинье, Залужье, Запрудье, Загорье* и пр. Того же происхожденія названія: *Заволочье, Закаменье* (въ Сибири), *Забайкалье, Задонскъ, Заимскій край, Закавказье*. При обратныхъ передвиженіяхъ народа образовались селенія, получившія названія: *Подгорьевъ, Подколмицъ, Подберезьевъ, Присельевъ, Прилуцъ, Прибрежьевъ* и пр., размѣстившіяся на югѣ. Многочисленныя группы селеній, названныя по именамъ деревьевъ, могли указывать не только на значительную распространенность лѣса во время возникновенія этихъ селеній, но и на почитаніе жителями разныхъ породъ деревьевъ. Въ особенности распространены названія разныхъ урочищъ, данныхъ въ честь сосны и березы напр. р. *Сосна* (Орлов. губ.), г. *Сосницы* (Черн. губ.) д.д. *Сосновки*, р. *Берези* (Смол. губ.), р. *Березина*, г. *Березна* (Черн. губ.), г. *Березовъ*, с.с. *Береза, Березанка, Березки, Берестовъ, Берестье*, или *Брестъ* и пр. Преобладаніе хвойныхъ смолистыхъ лѣсовъ на сѣверѣ служило поводомъ къ названіямъ: г. *Смоленска*, с.с. *Смолевичей, Смолина, Смольника, Смо-*

⁽¹⁾ Сборникъ въ память Русскаго статистическаго съѣзда 1870 года, вып. II, изд. А. С. Гацискаго. Ниж.-Новг. 1875 г. «Мелкія замѣтки», стр. 689.

⁽²⁾ Древняя и Новая Россія 1876 г. № 6, «Обитель и житель», ст. Максимова.

лльнъ и пр., а также названіямъ: *Краснаго, Красниковъ* и пр. Далѣ ель, занимавшая большую часть возвышенностей и холмовъ, породила цѣлую группу городовъ и селеній своего имени: г. *Елецъ* (Орл. губ.), г. *Ельня* (Смол. губ.), селенія: *Ельни, Еленцы, Елинье, Еловки, Елинскій* и пр. Ольха, ива или верба, растущія по берегамъ рѣкъ, служили названіемъ селеній: *Ольховки, Ольшанки, Ольшаное, Ольховцы, Ольховатки, Верба, Вербицкая, Вербичи, Вербки, Вербовки, Веревье, Ветлевки* и пр. Имена другихъ породъ лѣса также сохранились въ названіяхъ значительнаго числа населенныхъ мѣстъ. Такъ, по мнѣнію г. Максимова, г. *Черниговъ* носитъ, вѣроятно, названіе отъ черней, т. е. отъ чернаго, смѣшаннаго лѣса (чернолѣсья). Отсюда же названія селеній: *Чернотичи, Черныши, Черенцины, Чернушки, Чернявское, Чернины, Чернявы* и пр. Отъ дуба:—*Стародубъ, Дубно, Дубны, Дубня, Дубовая, Дубосна, Дубовики, Дубовичи, Дубовки, Задубенье*; отъ липы: г. *Липецкъ, с.с. Липки, Липникъ, Липовецъ, Липенка, Липеницыны, Лубны, Лубянкъ, Лубки* и пр.; отъ вяза: *Вязъ, Вязовка, Вязовская, Вязовскъ, Вязники, Вязовые*. Затѣмъ идутъ названія селеній: *Вишняки, Вишенки, Вишневки, Калинки, Калиновки, Калининны, Ясновки, Ясиновки* и проч. Отъ лѣсовъ, растущихъ на сухой почвѣ, бора: *Изборскъ, Боровичи, Боровскъ, Красноборскъ* (Вологод. губ.), *Борки, Борковка, Боровая, Боровики, Борокъ, Боровка, Борочки, Боръ, Борятинъ, Боровицкая, Оборокъ, Бороколабовъ* (женскій монастырь Могилевской губер. на Днѣпрѣ, лаба-бродъ). Отъ лѣсовъ растущихъ на низменностяхъ получили названія: *Раменья*. Селенія помѣстившіяся въ сосѣдствѣ съ рощами: *Гаи, Гийки*. Въ дебряхъ: *Добринскъ, Брянскъ*. Отъ лѣсовъ: *Лѣшня, Верхольсье, Лѣсокъ, Лѣски, Лѣсецъ, Лѣсовки, Лѣсковки, Листвень, Оболонье* (болонье—лугъ). Далѣ селенія, получившія названія отъ характера мѣстности: *Пески, Песчанка, Песочная, Лугъ, Лужки, Луговки, Прудъ, Пруды, Прудовка, Глиники, Глиннице, Глинявка, Каменецъ, Каменца, Каменка, Кременцы, Кремни, Кустички, Кустовцы, Кусты, Пуши*. Селенія, устроенныя въ лѣсахъ на площадкахъ, называются въ Бѣлоруссіи *Лядами* (отъ слова: положить, повалить); въ Великоруссіи—*Починки, Поськи, Пожогги, Огнища; Кулиги, Валки, Новиты*. Большею частію въ названія такихъ селеній входятъ придаточныя прозвища отъ людскихъ именъ, или особенностей мѣстности. Селенія на покинутыхъ мѣстностяхъ носятъ названія: *Селищъ, Займищъ, Городищъ, Будъ (Буда-Пенитъ)*. Къ такимъ же урочищамъ слѣдуетъ отнести селенія съ названіемъ рай: *Раевка, Раевинна, Рай-городки, Рай-города, Зарайскъ*. Мѣста водораздѣловъ, волоковъ вошли въ названіяхъ: г. *Волоколамска* (Москов. губ.), *Волочка Вышняго* (Гвер. губ.), г. *Переволочни, с.с. Переволочня, Переволокъ* и проч. Наконецъ названія: *Торги, Торжокъ* и проч. указываютъ на торговые центры.

Вообще, принявъ во вниманіе доводы, приведенные въ статьѣ „Обитель и житель“, нельзя не согласиться, что названія большей части селеній и урочищъ были даны именно на основаніи тѣхъ причинъ, которыя достаточно выяснены въ этой статьѣ. Вместе съ тѣмъ мы полагаемъ, что не только русскія названія, изъ которыхъ многія уже подвергались обследованію, но и инородческія, къ числу которыхъ можетъ быть отнесено большинство урочищныхъ названій въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, могли бы повести къ подобнымъ же выводамъ о направленіяхъ, по которымъ происходила народная колонизація и о тѣхъ мѣстныхъ особенностяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ эти названія возникали. Если же представилась бы возможность подвергнуть изслѣдованію урочищныя названія не только этихъ губерній, но и сходныя съ ними названія селеній, разсѣянныхъ въ большомъ числѣ по азіатской и европейской Турціи и по подвластнымъ ей государствамъ и если бы такія названія и всѣ сохранившіяся въ народѣ преданія о возникновеніи селеній сопоставить съ русскими, или славянскими названіями селеній, то едва ли бы не возможно было указать мѣсто первоначальнаго обособленія не только славянскаго племени, но и другихъ племенъ⁽¹⁾. Какъ ни смѣлы предположенія, приведенныя профессоромъ Некрасовымъ въ актовъ его рѣчи, по поводу созвучныхъ названій различныхъ удаленныхъ одна отъ другой мѣстностей и не имѣющихъ повидимому между собою ничего общаго; но если бы хоть частію такія предположенія подтвердились при болѣе тщательной повѣркѣ на мѣстахъ, то они перестали бы представлять собою только „гипотезы по даннымъ филологіи“, какъ ихъ называетъ самъ авторъ.

Впрочемъ, не имѣя въ виду сказать что либо за или противъ предположеній проф. Некрасова, мы думаемъ, что уже и въ настоящее время они могли бы быть подвергнуты болѣе подробному обследованію на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя уже имѣются о племенахъ, заселявшихъ и заселяющихъ азіатскую и европейскую Турцію. Такъ относительно послѣдней мы могли бы указать на статью Лезана: „Этнографія европейской Турціи“⁽²⁾ и на статью В. В. Богишича: „Мѣстныя названія славянскихъ предѣловъ Адриатики“⁽³⁾. Въ первой приведено описаніе географическаго распредѣленія племенъ и относительно нѣкоторыхъ указаны первоначальныя границы, въ которыхъ они обитали. Во второй статьѣ урочищныя названія распредѣлены по группамъ. Къ первой отнесены самыя древнія названія—иллирійскія.

(1) См. Рѣчь, произнесенную на юридическомъ актѣ Казанской духовной академіи 8-го ноября 1879 г. экстраорд. проф. А. Некрасовымъ.

(2) Этнографическій Сборникъ, издаваемый Импер. Русск. Геогр. Обществомъ, в. VI, 1864 г.

(3) Записки Импер. Русск. Геогр. Общества, Томъ III, 1873 г.

Затѣмъ слѣдуютъ названія греческія, латинскія и славянскія. Последнія подраздѣляются на двѣ группы: 1) названія чисто славянскаго происхожденія, которыя въ свою очередь раздѣлены на три разряда: а) названія, происходящія отъ личныхъ именъ, напр. *Поповићчи*, *Лепетани*, *Брачевобрдо*, *Станьвићчи* и пр.; б) названія, истекающія изъ свойствъ данной мѣстности, напр. *Новиградъ*, *Стариградъ*, *Маслиница*, *Дубовица*, *Гребени* и проч.; в) названія, образовавшіяся на основаніи какого нибудь событія, разказа, преданія и проч., напр., *Пакошћчани*, *Зечево-брдо*, *Мокошница*, *Богомолье* и проч. 2) Славянскія названія, имѣющія въ своемъ образованіи иностранные элементы: а) названія съ простымъ видоизмѣненіемъ чужихъ словъ по духу славянскаго языка, напр.

Древ.-иллр. Слав.	Древ.-греч. Слав.	Лат.	Слав.
<i>Albona</i> = <i>Лабинъ</i>	<i>Κορκύρα</i> = <i>Коркуръ (Корчула)</i>	<i>Tergeste</i>	= <i>Трстъ</i>
<i>Scardona</i> = <i>Скрадинъ</i>	<i>Φάρος</i> = <i>Хваръ</i>	<i>Pola</i>	= <i>Пула</i>
<i>Senia</i> = <i>Сень</i>	<i>Μελίτη</i> = <i>Млѣтъ</i> ⁽¹⁾	<i>Mons Aureus</i>	= <i>Мосоръ</i> .

б) названія съ случайными видоизмѣненіями, имѣвшими какое нибудь значеніе въ новой формѣ, напр. лат. *Augusta* = итал. *Lagosta* = слав. *Ластово*; лат. *Civitas* = слав. *Цивитатъ*; лат. *Spalatum* = слав. *Спалѣтъ*.

Приводя краткія свѣдѣнія о происхожденіи урочищныхъ названій въ различныхъ, значительно удаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ, мы ограничимся въ послѣдующемъ изложеніи, въ пополненіе къ высказанному уже нами на III-мъ Археологическомъ съѣздѣ и въ замѣткѣ, помѣщенной въ Сборникѣ въ память Русскаго статистическаго съѣзда, сообщеніемъ тѣхъ преданій, какія сохранились о названіяхъ русскихъ и инородческихъ поселеній въ предѣлахъ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ.

II.

Не только инородческія, но и большая часть русскихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ носятъ инородческія названія, не смотря на то, что во многихъ такихъ поселеніяхъ уже съ давняго времени живутъ Русскіе. Преданія, сохранившіяся о названіяхъ этихъ поселеній и объ окружающихъ

⁽¹⁾ *Κόρκυρα (ή μέλαινα)*, латин. *Corcyra nigra*, слав. *Karkar*, итал. *Corzola*; назыв. черною въ отличіе отъ знаменитой *Κέρκυρα* или *Κόρκυρα* = теперешн. *Корфу*. *Φάρος*, лат. *Pharia*, слав. *Пвар*, итал. *Lesina* = островъ противъ Далматскаго берега. *Μελίτη*, лат. *Melita*, теперь *Melida* (очевидно итальянск. назв.) = островъ немного сѣвернѣ Рагузы, противъ *Stagno*. См. *Handbuch d. alten Geographie v. Kiepert*. Berl. 1878, S. 360; сравн. его же *Atlas Antiquus*, Tab. VII. *Прим. Ред.*

ихъ урочищахъ, показываютъ, что на тѣхъ же мѣстахъ, или не подалеку отъ мѣстъ настоящихъ поселокъ, дѣйствительно жили прежде инородцы. Такъ напр. сохранилось преданіе, что въ русскихъ селахъ Казанскаго уѣзда *Усади.хъ*, *Сивиновъ* и *Хохловъ* (*Крылай*) до покоренія Казани жили Татары. Одно изъ полей, принадлежавшихъ селу Хохлову, называется „*Мазары*“; на немъ находится камень съ надписью, къ мѣсту котораго Татары прѣзжаютъ на поклоненіе. Въ селахъ того же уѣзда *Тарлаши.хъ* и *Ковалы.хъ* (Столбищенск. вол.), указываютъ на слѣды прежнихъ татарскихъ построекъ по берегамъ *Архіерейскаго озера* и, такъ называемаго „*Бабьяго болота*“. Въ Свияжскомъ уѣздѣ с. *Вагисово* и дер. *Араслиново* и *Гордьево*, по сохранившимся преданіямъ у русскихъ крестьянъ, основаны Татарами. У Татаръ же сохранились преданія, что эти селенія, а также и деревни *Мамидыши-Акилова*, *Мамадыши-Тявигльдино* и *Салтыганово*, основаны дѣтьми *Мамета* (*Мамидыши*), выходца изъ Болгаръ⁽¹⁾. Точно также сохранилось преданіе, что не болѣе ста лѣтъ тому назадъ жили Татары въ селахъ того же уѣзда: *Макуловъ*, *Татарскомъ* *Бурнашевъ*, дер. *Сейтовой* и пр. Въ Лайшевскомъ уѣздѣ указываютъ на Татарина по имени *Алмашъ*, который въ XVI стол. выселился изъ г. Астрахани съ двумя братьями *Искакомъ* и *Измаиломъ* и основалъ село *Карабашъ*, названное по данному основателю прозвищу *кара-бай* (тат.)=черный, простонародный богачъ, и дер. *Бол-баши*, названную также по другому его прозвищу *кул-баши* (тат.)=начальникъ рабовъ.

Встрѣчается также не мало преданій о томъ, по какимъ направленіямъ подвигались Татары съ занятіемъ ихъ древнихъ поселеній Русскими. Изъ этихъ преданій видно, что вскорѣ послѣ покоренія Казанскаго царства Татары, жившіе въ теперешнихъ уѣздахъ Казанскомъ и Лайшевскомъ, подвигались въ сѣверныя окраины этихъ уѣздовъ, или же занимали мало заселенные въ то время сосѣдніе уѣзды Царевококшайскій, Мамадышскій и Чистопольскій. Татарское населеніе Свияжскаго уѣзда, съ котораго началась колонизація Русскихъ⁽²⁾ переселялось на югъ этого уѣзда и въ Тетюшскій уѣздъ. Такое же переселеніе Татаръ въ глубь уѣздовъ и въ сосѣдніе Цивильскій и Чистопольскій происходило въ Спасскомъ и Тетюшскомъ уѣздахъ. Такъ напр. Татары дер. *Билмеръ* Казанскаго уѣзда переселились на р. Мещу и основали деревню того же имени. Въ деревни *Читы* Лайшевска-

(1) «Изюлеевская волость въ Свияжскомъ уѣздѣ, Казан. губ. вѣд. 1873 г., № 31. Ст. учт. Шарловскаго.

(2) Списокъ населенныхъ мѣстъ, по свѣдѣніямъ 1859 г., Казанской губерніи обработ. Артемьевымъ, стр. LVI.

го уѣзда и *Салтыганъ ключъ* (206), Мамадышскаго (1), Татары выселились вскорѣ послѣ покоренія Казани изъ окрестностей этого города. Предки крещеныхъ Татаръ, живущихъ въ с. *Былалъ Гора* Чистопольскаго уѣзда, переселились во времена Грознаго, послѣ нападенія на нихъ Башкирцевъ, изъ *Ивановской* долины, находящейся въ пяти верстахъ отъ села *Байтерякова* Лаишевскаго уѣзда. Есть преданіе, что они крестились во времена Грознаго и что долина Ивановская была долгое время въ ихъ владѣніи. Русскія деревни Свияжскаго уѣзда *Бурундуки*, *Луговское*, село *Клянчино* и пр. были первоначально, по сказаніямъ жителей, заселены Татарами, переселившимися съ приходомъ Русскихъ на югъ этого уѣзда и въ сосѣдній Тетюшскій уѣздъ. Точно также сохранились преданія во многихъ селеніяхъ Спасскаго и Тетюшскаго уѣздовъ о передвиженіи татарскаго населенія въ мѣстности этихъ уѣздовъ болѣе удаленныя отъ рѣкъ Камы и Волги и въ сосѣдніе съ ними уѣзды Цивильскій и Чистопольскій.

Передвигаясь на другія мѣста, Татары дѣлались или основателями новыхъ поселеній, или входили въ составъ жителей существовавшихъ уже въ то время татарскихъ поселковъ, или же наконецъ селились вмѣстѣ съ другими инородцами. Иногда они вытѣснили этихъ инородцевъ и заставляли въ свою очередь селиться на незанятыхъ мѣстахъ; иногда же подчиняли ихъ своему вліянію, обращали въ мухаммеданство и достигали мало по малу того, что эти инородцы постепенно сливались съ ними и утрачивали свою народность. Такъ во многихъ татарскихъ селеніяхъ сѣверной части Казанскаго и Лаишевскаго уѣздовъ сохранились преданія, что основателями этихъ селеній были Черемисы. На это указываютъ иногда названія самыхъ селеній, названія урочищъ, принадлежащихъ селеніямъ и наконецъ сказанія самихъ жителей, что они были Черемисы и что многіе изъ нихъ недавно отатарились. Русскія селенія, находящіяся въ этихъ мѣстностяхъ, сохранили также преданія, что основатели ихъ были Черемисы, напр. селенія *Чекурча* и *Тюбякъ* Казанскаго уѣзда, с. *Венета* Лаишевскаго уѣзда, гдѣ до сихъ поръ есть мѣстность называемая „*Черемисское кладбище*“. Нѣсколько селеній Свияжскаго уѣзда, напр. *Ачасири*, *Большое Русаково*, *Янгильдино* и многія татарскія селенія, занимающія юго-западную часть Тетюшскаго уѣзда, по уцѣлѣвшимъ въ нихъ памятникамъ и по народнымъ сказаніямъ, были первоначально заселены Чувашиами, изъ которыхъ многіе отатарились.

Преданія о возникновеніи селеній указываютъ иногда и на то, что, задолго до колонизаціи Русскихъ, Татары жили въ однихъ селеніяхъ съ другими инород-

(1) Цифры, поставленныя въ скобкахъ, около названій населенныхъ мѣстностей Мамадышскаго уѣзда, означаютъ №№ печатаемаго вслѣдъ за симъ списка этихъ мѣстностей

цами, но, вѣроятно, такіе случаи были рѣдки и притомъ большею частію это не были Татары, а скорѣе отатарившіеся инородцы Финскаго племени. Напр. въ дер. *Малой Чурь* Мамадышскаго уѣзда (286) до покоренія Казани жили вмѣстѣ Татары, Черемисы и Вотяки, отъ расселенія которыхъ образовалась большая часть деревень Чуринаго прихода.

Въ то время когда Татары, тѣснимые Русскими, подвигались къ окраинамъ пычѣшней Казанской губерніи, къ этимъ же окраинамъ двигались другіе инородцы изъ сосѣднихъ губерній. Такъ большая часть Вотяковъ, населяющихъ нынѣ сѣверовосточный уголь Казанской губерніи выселилась, какъ говорятъ преданія, изъ Вятской губерніи; изъ той же губерніи вмѣстѣ съ Русскими пришли многіе изъ Черемисъ, заселившихъ сѣверо-западную часть Царевококшайскаго уѣзда. Въ уѣздахъ Мамадышскомъ, Чистопольскомъ и Тетюшскомъ, кромѣ селеній основанныхъ Татарами вышедшими изъ сосѣднихъ уѣздовъ, встрѣчаются также татарскія и русскія селенія давно основанныя. Такъ о селѣ *Лыльбишъ-Кляуши* Мамадышскаго уѣзда (130) говорятъ, что оно было основано очень давно, судя по тремъ древнимъ кладбищамъ, изъ которыхъ два уже застроены. Основателемъ деревень *Нагашевой* (157) и *Чаксы* (279) того же уѣзда былъ татарскій ханъ *Нагаишъ* (*Ногай?*), жившій въ этихъ мѣстностяхъ до покоренія Казани. Село *Урманчеево* (263) было прежде также населено Татарами, находившимися подъ властью какого то князя. Въ окрестностяхъ этого села есть гора, которая носитъ названіе *Князевои*. Деревни Чистопольскаго уѣзда—Верхняя и Нижняя *Кондрата* по преданію были основаны болѣе 300 лѣтъ назадъ мурзою *Турканомъ*, выселившимся изъ Туркестана. Названіе этимъ деревнямъ дано въ честь мусульманскаго святаго *Казаратыма* или *Кадаратыма*, надгробный памятникъ котораго сохраняется и до настоящаго времени. Въ Тетюшскомъ уѣздѣ многія татарскія деревни, расположенныя по рѣкамъ Черемшану и Кубнѣ, принадлежатъ къ числу основанныхъ во времена покоренія Казани. Изъ болѣе древнихъ селеній встрѣчаются и такія, о которыхъ народныя преданія говорятъ, что они основаны не тѣми инородцами, которые теперь въ нихъ живутъ. Такъ напр. основателями деревень *Куикетъ-бишъ* (127), *Верхней Оштормы* (179), *Поршуръ* (195), *Сарбашевои* (209), въ которыхъ нынѣ живутъ Русскіе и Татары,—были Вотяки; основателями дер. *Другой Кукморъ* (114), *Татарская Тулба* (253)—были Черемисы, и пр.

Многія изъ числа русскихъ поселеній, возникшихъ на мѣстахъ татарскихъ селеній и получившихъ большею частію названія, заимствованныя отъ Татаръ, основаны, судя по народнымъ преданіямъ, въ первыя полтора ста лѣтъ по покоренію Казани. Основатели—большею частію выходцы изъ верховыхъ губерній, въ числѣ которыхъ было не мало бѣглыхъ преступниковъ, подлежащихъ наказанію,—

были, какъ говорятъ, приписаны къ тѣмъ селеніямъ, которыя они основали и затѣмъ многіе изъ нихъ были, будто бы, обращены въ крѣпостное состояніе. Такъ бѣглевыми положено было основаніе села *Алатъ* и дер. *Алатъ* теперешняго Казанскаго уѣзда. Село Алаты (бывшій городъ) возникло одновременно со взятіемъ Казани. Село *Сухая Рѣка* того же уѣзда основано воеводою Мамонинымъ и образовалось изъ русскихъ людей, ссылаемыхъ въ Сибирь, въ каторжныя работы и на поселеніе. Въ народѣ рассказываютъ, что изъ пересылаемыхъ арестантовъ воевода Мамонинъ оставлялъ болѣе здоровыхъ при себѣ и, поселяя ихъ на своихъ земляхъ, находящихся недалеко отъ Казани, доносилъ, что эти арестанты бѣжали, или умерли на пути. Въ с. *Юлмачахъ* Спасскаго уѣзда сначала жили Татары и Чуваши, а потомъ ихъ замѣнили Русскіе изъ ссыльныхъ. С. *Урганча* Чистопольскаго уѣзда основана болѣе 200 л. назадъ тому бѣглевыми крѣпостными людьми. Основатель с. *Чинчурина* Тетюшскаго уѣзда былъ разбойникъ *Чинчуръ*, жившій въ началѣ XVII ст. въ лѣсу, недалеко отъ большой дороги. Послѣ того уже когда онъ былъ пойманъ и казненъ, мѣстность, гдѣ онъ производилъ разбой и гдѣ нынѣ находится с. Чинчурино, долго считалась опасной, а потому и стали заселять ее русскими крестьянами, приговоренными къ ссылкѣ. Къ числу болѣе древнихъ поселеній могутъ быть отнесены также: с. *Елагино* Лайшевскаго уѣзда, при которомъ во времена Грознаго предполагалось основать монастырь. для чего было, будто бы, отведено 2000 десятинъ земли, а отъ царя прислана икона Іоанна Крестителя. Село *Три Озера* Спасскаго уѣзда основано служилыми людьми Молоствовыми. Въ первой половинѣ XVII в. Молоствовы, Уланъ и Иванъ, получили земли въ Свіяжскомъ уѣздѣ и положили основаніе с.с. *Уланова* и *Иванова*, а въ концѣ того же столѣтія имъ была дана земля въ Спасскомъ уѣздѣ отъ *Поллянокъ* до *Пичкасъ* и отъ р. Волги до *Бездны*, на которой и возникло село Три Озера.

Въ уѣздахъ, занимающихъ западную половину Казанской губ. и въ уѣздахъ сосѣднихъ съ ними Вятской, Нижегородской и Симбирской губ., живутъ въ настоящее время Чуваши и Черемисы, составляющіе внутри уѣздовъ почти сплошное населеніе. Русскіе поселились здѣсь преимущественно возлѣ городовъ, по берегамъ р. Волги и по большимъ дорогамъ. Татары живутъ здѣсь только въ восточныхъ окраинахъ, примыкающихъ къ тѣмъ уѣздамъ, въ которыхъ они составляютъ (за исключеніемъ Свіяжскаго) преобладающее населеніе. Едва ли можно допустить, несмотря на названія нѣкоторыхъ селеній (напр. Татар-касы) и на сохранившіеся мѣстами надгробные памятники съ арабскими надписями, что внутри этихъ уѣздовъ жили когда либо Татары. Селенія съ названіями *Татар-касы* могли получить такія названія потому только, что Чуваши, основавшіе ихъ, находились въ какихъ нибудь сношеніяхъ съ Татарами, или же въ этихъ деревняхъ

кто либо изъ Татаръ, начальствовавшихъ надъ Чувашиами, жилъ временно. Самое названіе такихъ деревень взято не съ татарскаго, а съ чувашскаго языка (по чувашски *касы* = поселокъ). Надгробные же памятники съ арабскими надписями могли ставиться въ прежнее время не только надъ Татарами, но и надъ Чувашиами. Многія русскія селенія этихъ уѣздовъ основаны въ XVI ст. и даже раньше. Такъ напр. къ числу старинныхъ русскихъ селеній принадлежатъ въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ села: *Покровское, Спасское (Малая Юнга), Владимірское*; (въ послѣднемъ до покоренія Казани жили Черемисы, къ которымъ впослѣдствіи присоединились стрѣльцы). въ Чебоксарскомъ уѣздѣ: с. *Быловолжское*, считающееся однимъ изъ первыхъ поселеній на Волгѣ, *Маринскій посадъ (Сундырь), Геронтьевская Слобода* (бывшая пустынь), с. *Кушиково*. Что же касается инородческихъ селеній тѣхъ же уѣздовъ, то большая часть ихъ основана въ недавнее время, а изъ существующихъ уже давно, многія часто мѣняли свои названія. Напр. дер. *Тугурдагы* Идринскаго уѣзда находилась раньше за оврагомъ и носила другое названіе, дер. *Топтамлыгъ* того же уѣзда была на другой сторонѣ рѣчки *Караклавы* и носила названіе *Мендюшка-ялъ* и пр.

Недавнее возникновеніе большей части чувашскихъ и черемисскихъ селеній и измѣненія въ названіяхъ ихъ едва-ли не объясняется тѣмъ, что въ инородческомъ населеніи означенныхъ уѣздовъ до послѣдняго времени уцѣлѣли слѣды кочевой жизни. Населеніе это основывало только небольшіе околки, поселки, такъ называемые *касы* или *сола*, въ которыхъ жили основатели поселеній и ихъ близкіе родственники. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ членовъ семей, возникали новые околки, а старые при этомъ уничтожались или переносились на новыя мѣста. Впрочемъ и въ числѣ инородческихъ поселеній этихъ уѣздовъ можно встрѣтить нѣсколько возникшихъ уже давно и сохранившихъ преданія объ основаніи ихъ, напр. с.с. *Перляшии, Кузнецово* и *Анатъ-Кияри* Козмодемьянскаго уѣзда. У жителей послѣдняго села сохранилось преданіе о путешествіи святителя Гурія изъ с. Владимірскаго въ г. Чебоксары. Около мѣстности гдѣ нынѣ существуетъ кереметь *Чора-батыръ* онъ совершалъ богослуженіе и водрузилъ крестъ. Впослѣдствіи около этого мѣста была устроена часовня, при которой погребались русскіе воины, убитые въ стычкахъ съ Чувашиами.

Сохранились также преданія, что многіе изъ инородцевъ-Чувашь, преимущественно Чебоксарскаго и Идринскаго уѣздовъ, переселялись за Волгу въ Чистопольскій уѣздъ Казанской губерніи и въ сосѣднія Самарскую и Уфимскую губерніи. Въ такихъ преданіяхъ достойно замѣчанія то, что переселенія начались по видимому съ XVI вѣка и что основателями новыхъ селеній часто называютъ трехъ братьевъ, трехъ сыновей какого нибудь Чувашинина, память о которомъ со-

хранилась до настоящаго времени. Такъ село *Сюнчелево* и сосѣднія съ нимъ чувашскія и татарскія деревни Чистопольскаго уѣзда болѣе 300 лѣтъ назадъ тому основали Чувашаи, родные братья *Сюнчакъ*, *Мукши* и *Ум*. Три брата изъ деревни *Вере* (*Вире-ялз?*) Чебоксарскаго уѣзда *Седелакъ*, *Аделакъ* и *Эжтебель* были основателями въ концѣ XVII ст. селеній того же имени въ уѣздахъ Чистопольскомъ и Самарскомъ. Въ послѣднемъ уѣздѣ и въ сосѣднемъ съ нимъ Бугурусланскомъ встрѣчается нѣсколько чувашскихъ селеній, у жителей которыхъ сохранились преданія, что они лѣтъ 200—300 назадъ тому выселились изъ Чебоксарскаго уѣзда. Чувашаи и Черемисы Уфимской губерніи, подраздѣляемые на староиновокрещенныхъ, выселились изъ теперешней Казанской губерніи въ разное время. Такъ называемые старокрещенные—вскорѣ послѣ покоренія Казапи, а новокрещенные одновременно съ расселеніемъ смоленской шляхты на закамской укрѣпленной линіи. Эта одновременность переселенія доказывается тѣмъ, что въ большей части приходскихъ переквей, къ которымъ приписаны эти инородцы и Русскіе, считающіе себя потомками шляхтичей, имѣются образа Смоленской Божіей Матери. Всѣ эти образа представляютъ точные снимки съ образа находящагося въ г. Смоленскѣ и притомъ сняты повидимому одновременно. Такъ какъ деревни, основанныя Чувашами и Черемисами въ Уфимской губерніи, носятъ преимущественно названія „Ивановки“, „Андреевки“ и пр., то нужно предполагать, что эти инородцы переселялись уже крещеными. Весьма вѣроятно, что послѣ крещенія Чувашаи и Черемисы считали болѣе удобнымъ избирать новыя мѣста для своихъ поселеній, а не оставаться на прежнихъ, потому что тутъ они могли встрѣтить притѣсненія отъ Татаръ и отъ другихъ инородцевъ остававшихся язычниками (¹).

Легко можетъ быть, что изъ собранныхъ нами преданій о названіяхъ населенныхъ мѣстъ и о времени основанія ихъ многія окажутся вымышленными, а слѣдовательно и несогласными съ тѣми историческими памятниками, въ которыхъ имѣются данныя о времени возникновенія различныхъ селеній и объ основателяхъ ихъ; но вообще такія преданія могутъ, по нашему мнѣнію, послужить къ большому выясненію вопросовъ о древности поселенія, о томъ по какимъ направленіямъ происходило расселеніе Русскихъ и инородцевъ и какое вліяніе они имѣли другъ на друга. Конечно, имѣя въ виду одни только народныя преданія и не обращая вниманія на дѣйствительные поводы къ тому, что дало селенію то или другое названіе, не обращая вниманія изъ какого языка заимствовано названіе,—можно придти къ ложнымъ выводамъ, потому что во многихъ случаяхъ народныя преданія, возникшія часто спустя много времени послѣ основанія

(¹) См. статью священника Барсова въ Уфимскихъ губ. вѣд за 1872 г.

селенія, какъ мы уже упомянули, бываютъ вымышленными. Такъ напр., основываясь на однихъ только народныхъ преданіяхъ, можно утверждать, что чувашская деревня Тетюшскаго уѣзда *Пролей-Каша* такъ названа потому, что на мѣстѣ основанія этой деревни Чуваши пролили кашу; черемисское село *Пираты* Казанскаго уѣзда получило названіе отъ того, что царь Иванъ Грозный, во время похода на Казань, дѣлалъ въ этой мѣстности парадъ войскамъ; деревня *Кубань-Гурь* Мамадышскаго уѣзда (184) получила названіе отъ имени кубанскаго рыбака Гура, Гурія и пр. Но точно также можно придти къ ошибочнымъ заключеніямъ и въ томъ случаѣ если бы мы, не обращая вниманія на народныя преданія, стали объяснять себѣ по однимъ только филологическимъ даннымъ названія селеній. Такъ г. Риттихъ⁽¹⁾, замѣтивъ въ Казанской губерніи два селенія, напоминающія своими названіями древною Чудь и находя, что эти селенія лежатъ въ прямой линіи съ запада на востокъ къ Челябинскому уѣзду, т. е. по пути заселенія и слѣдовація Чуди, предполагаетъ что по Казанской губерніи проходила Чудь, а можетъ быть когда то и обитала въ ней. Г. Европеусъ⁽²⁾ указываетъ по названіямъ урочищъ первоначальныя границы, занимаемыя Угорскимъ народомъ, границы, въ которыя, по его мнѣнію, должна входить сѣверная часть Казанской губерніи. Не имѣя основаній возражать, что въ Казанской губерніи никогда не было ни Чуди, ни Угровъ, мы тѣмъ не менѣе положительно утверждаемъ, что, по сохранившимся только названіямъ селеній и урочищъ, нельзя доказать ихъ пребыванія здѣсь. Названіе с. *Чудовки* Тетюшскаго уѣзда (а не Спасскаго, какъ неправильно указано г. Риттихомъ) происходитъ скорѣе отъ словъ „чудо“, „чудить“, и притомъ съ словомъ Чудь (въ смыслѣ народа) не вяжется другое названіе этого села, вѣроятно, болѣе древнее, *Колунецъ*; а названіе дер. *Чудиновой* Чистопольскаго уѣзда дано по фамиліи помѣщика, основавшаго эту деревню, — Чудинова. Точно также, если въ Казанской губерніи и встрѣчаются названія сходныя съ угорскими въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя заселены нынѣ луговыми Черемисами, то эти названія еще болѣе можно признать сходными съ черемисскими названіями селеній, находящихся въ нагорной сторонѣ Волги, гдѣ присутствія Угровъ г. Европеусъ не допускаетъ. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, эти названія даны не Уграми, а Черемисами, основавшими эти селенія и до сего времени въ нихъ живущими. Притомъ

⁽¹⁾ «Материалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія», сост. полковникъ А. Ф. Риттихъ. Часть I, стр. 15.

⁽²⁾ Журналъ Мин. Нар. Просв. 1868 г. июль. «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія туда Славянъ». См. также ст. Европеуса: «Объ Угорскомъ народѣ», въ «Трудахъ II-го Археологическаго съѣзда»; Спб. 1876, в. I-й.

же многія селенія возникли въ недавнее время, потому что, какъ мы уже замѣтили, вообще большая часть селеній, въ которыхъ живутъ Черемисы, образовалась недавно. Собирая только одни названія и притомъ черезъ посредство такихъ лицъ, которыя незнакомы ни съ объясненіями ихъ, ни съ тѣми инородческими языками, изъ которыхъ они заимствованы (¹) еще чаще можно придти къ ошибочнымъ выводамъ, нежели въ тѣхъ случаяхъ, когда мы стали бы руководствоваться только одними народными разказами объ основаніи селеній и о поводахъ къ тому, чтобы дать селенію то или другое названіе. Несмотря уже на то, что въ различныхъ спискахъ населенныхъ мѣстностей нерѣдко попадаются весьма грубыя искаженія названій и что первоначальное названіе на языкѣ другаго народа подвергается болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, мы полагаемъ, что если бы и возможно было устранить такія искаженія и возстановить въ названіяхъ ихъ первобытную форму, то и тогда, при разсмотрѣніи однихъ только названій, едва ли бы можно было придти къ правильнымъ выводамъ.

Только одни сохранившіяся преданія въ народѣ объ основаніи селеній, преданія, въ которыхъ часто упоминается о томъ: кто были основатели, изъ какой мѣстности они вышли, почему оставили прежнюю мѣстность и почему дали такое именно названіе вновь заселяемой?—могутъ, какъ мы уже сказали, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими памятниками, относящимися до возникновенія селеній, способствовать къ разъясненію вопросовъ: въ какихъ направленіяхъ происходило въ разное время народное передвиженіе, какое вліяніе имѣли жители окружающихъ селеній на переселенцевъ, какія послѣдовали измѣненія въ обычаяхъ, въ языкѣ переселившихся и что преимущественно оказывало на это вліяніе?

Весьма естественно, что для достиженія болѣе правильныхъ отвѣтовъ на вышепоименованные вопросы, необходимо собрать какъ можно болѣе народныхъ преданій, сличить ихъ, провѣрить, или подтвердить одно другимъ, выдѣлить изъ нихъ все то, что составляетъ позднѣйшій вымыселъ и затѣмъ на языкѣ народа, положившаго основаніе населенной мѣстности, подыскать соотвѣтствующія выраженія, которыя послужили бы къ объясненію названія.

III.

Такъ какъ предсѣдателемъ отдѣленія исторической географіи и этнографіи, П. Д. Шестаковымъ, по поводу прочитаннаго нами реферата было выражено отъ

(¹) Г. Европеусъ для составленія своей карты, показывающей разселеніе Угро-финскаго племени, собиралъ названія селеній и урочищъ чрезъ статистическіе комитеты, а послѣдніе, болѣею частію, собирали ихъ при посредствѣ волостныхъ правленій.

имени этого отдѣленія сочувствіе къ нашему и г-на Золотницкаго намѣренію составить списки населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи съ объясненіемъ названій и указаніемъ историческихъ именъ и преданій, относящихся къ этимъ мѣстностямъ и такъ какъ при этомъ П. Д. Шестаковъ добавилъ, что онъ, какъ предсѣдатель отдѣленія, желалъ бы, чтобы такіе списки нашли мѣсто въ „Трудахъ IV-го Археологическаго Съѣзда“⁽¹⁾—то, исполняя отчасти это желаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду показать, что такіе списки могутъ способствовать большому разъясненію вышеприведенныхъ нами вопросовъ, мы помѣщаемъ здѣсь краткое описаніе селеній Мамадынскаго уѣзда, расположенное въ алфавитномъ порядкѣ. Мамадынскій уѣздъ мы избрали потому, что онъ принадлежитъ къ числу уѣздовъ Казанской губерніи наиболѣе интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи. Вотъ таблица знакомящая съ народонаселеніемъ этого уѣзда.

	МУЖ. ПОЛА.	ЖЕН. ПОЛА.	ВСЕГО.
Число душъ въ уѣздѣ:	75354	78812	154166
Изъ нихъ: Русскихъ	19365	21637	41002
Крещеныхъ Татаръ	7534	8169	15703
Черемись	467	483	950
Вотяковъ	2302	2490	4792
Тат., отпадш. отъ прав.	155	147	302
Татаръ мухаммеданъ	44325	44583	88908
Язычниковъ Черемись	342	345	687
Вотяковъ	864	958	1822.

Распредѣленіе названій поселеній въ алфавитномъ порядкѣ, представляя много удобствъ въ практическомъ отношеніи, способствуетъ къ болѣе легкому исправленію списка и пополненію его новыми свѣдѣніями, а чѣмъ большую мѣстность обнимаетъ какой либо списокъ, чѣмъ больше названій онъ заключаетъ въ себѣ, тѣмъ больше въ немъ можетъ быть недосказаннаго, неточно или даже невѣрно переданнаго. Чтобы привести всѣ сохранившіяся преданія, относящіяся до различныхъ поселеній, нужно побывать почти въ каждой населенной мѣстности и притомъ не короткое время; а если такія мѣстности обнимаютъ всю губернію или даже уѣздъ, то одному лицу весьма трудно собрать всѣ сохранившіяся въ народѣ преданія о селеніяхъ.

⁽¹⁾ См. Протоколы засѣданій IV-го Археолог. Съѣзда, стр. CVI, 18-е засѣданіе, 13 Августа.

При составленіи списка селеній Мамадышскаго уѣзда мы старались привести всѣ извѣстныя намъ преданія о возникновеніи селеній, всѣ названія ихъ и, въ тѣхъ случаяхъ гдѣ представлялось возможнымъ, объясненія этихъ названій. Если нѣкоторыя изъ такихъ преданій могутъ оказаться вымышленными, могутъ быть не что иное, какъ такіе дѣланные рассказы, образчики которыхъ приводитъ П. И. Мельниковъ въ своихъ замѣчаніяхъ на „Нижегородку“ А. С. Гацисекаго⁽¹⁾,— то мы думаемъ, что ими все таки не слѣдуетъ пренебрегать: они дороги намъ тѣмъ, что знакомятъ съ народнымъ творчествомъ, фантазіей и съ попытками народа объяснить по своему то, что у него утратилось изъ памяти.

Объясняя инородческія названія и переводя ихъ на русскій языкъ, мы руководствовались „Словаремъ народно-татарскаго языка“ сост. Н. П. Остроумовымъ; а незнаніе инородческихъ языковъ нерѣдко вынуждало насъ обращаться за указаніями къ лицамъ спеціально знающимъ ихъ, и сообщеніемъ такихъ указаній мы считаемъ себя наиболѣе обязанными В. Т. Тимоѣеву, доставившему намъ свѣдѣнія по поводу названій крещено-татарскихъ селеній и В. В. Радлову, сообщившему народныя названія многихъ татарскихъ селеній и объясненія къ этимъ названіямъ. Покойному Н. И. Золотницкому мы обязаны исправленіями многихъ изъ числа тѣхъ названій, которыя помѣщены въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи“, издан. Центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Спб. 1866 г.

Такъ какъ большая часть селеній Мамадышскаго уѣзда, преимущественно инородческихъ, носитъ по нѣскольку названій, то мы старались привести всѣ извѣстныя намъ названія. Цифры, поставленныя впереди названій, показываютъ распредѣленіе въ алфавитномъ порядкѣ тѣхъ селеній, которыя въ дѣйствительности существуютъ въ уѣздѣ. За переименованными названіями въ прямыхъ скобкахъ выставлено число, подъ которымъ значитъ селеніе по „Списку населенныхъ мѣстъ“, изд. Центр. стат. комит. мин. внутр. дѣлъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда селеніе по этому списку пропущено, число въ такихъ скобкахъ замѣняется чертою. Всѣ другія названія одного и того же селенія располагаются также въ алфавитномъ порядкѣ, а слѣдующія за ними цифры безъ скобокъ и цифры, позади названій селеній въ круглыхъ скобкахъ—показываютъ какимъ селеніямъ по нашему списку принадлежатъ эти названія. Слѣдуя въ распредѣленіи названій алфавитному порядку, мы допускаемъ и предполагаемъ на будущее время допускать слѣдующія отступленія отъ этого порядка: послѣ буквъ *и* и *і* слѣду-

⁽¹⁾ «Нижегородка», 1877 г. стр. 108,

ють названія начинающіяся съ буквы *й*; названія, въ которыхъ встрѣчается буква *ь*, помѣщены вмѣстѣ съ названіями пишущимися черезъ букву *е*. Относительно правописанія инородческихъ названій мы держались во первыхъ того правила, чтобы имъ придавалось произношеніе, усвоенное въ данной мѣстности, какъ Русскими, такъ и инородцами, вслѣдствіе чего мы включаемъ, какъ особыя названія: *Кулокъ* и *Кюлокъ* (18), *Иитуганъ* и *Итимганъ* (78), *Кирлы* (34) и *Кирлы* (263), *Миллятлы* и *Биллятлы* (36) и пр.; во вторыхъ, выражалъ названія русскими буквами, мы старались избѣгать употребленія надъ ними особыхъ знаковъ и измѣненій въ очертаніи буквъ. Весьма естественно, что отъ этого могла нѣсколько пострадать точность и правильность въ правописаніи названій, потому что разные отгѣнки звуковъ въ инородческихъ языкахъ и особенности въ произношеніяхъ одного и того же названія въ разныхъ мѣстностяхъ можно приблизительно только выразить русскими буквами, не измѣняя ихъ и не придавая такимъ измѣненнымъ буквамъ условнаго значенія. Но съ другой стороны, если бы мы ввели въ наше спискѣ особое правописаніе для инородческихъ названій, то для каждой группы такихъ названій, для названій заимствованныхъ изъ разныхъ инородческихъ языковъ, пришлось бы воспользоваться тѣмъ правописаніемъ, которое для каждаго изъ этихъ языковъ болѣе или менѣе уже установилось; а тогда потребовалось бы, или подробное разъясненіе правописанія инородческихъ названій, или же читателю пришлось бы справляться съ значеніемъ различныхъ условныхъ знаковъ. Названіямъ, состоящимъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, напр. *Аланъ-Зюри* (6), *Аманъ-Ошторма* (9) и пр., мы даемъ мѣсто въ нашемъ словарѣ на буквы, съ которыхъ начинается то и другое слово, т. е. въ ряду названій на букву *А* мы помѣщаемъ названія: *Аланъ-Зюри*, *Аманъ-Ошторма*; на букву *З*—*Зюри-Аланъ*; на букву *О*—*Ошторма-Аманъ*; причемъ тире (—), поставленное въ началѣ этихъ словъ, показываетъ, что читать слѣдуетъ съ послѣдняго слова. Отступленіе отъ этого мы допускаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда второе слово становится общеупотребительнымъ въ названіяхъ многихъ селеній, напр. *Аланъ-Илга* (7), *Гегере-Аулы* (53) и пр. Въ русскихъ названіяхъ, или же въ названіяхъ инородческихъ, начинающихся словами: большой, малый, средній, старый, новый, верхній, нижній, русскій, татарскій и пр.—мы пишемъ такія слова позади названія, т. е. вмѣсто *Верхніе Аки* (3), *Нижніе Аки* (4) и пр., мы пишемъ—*Аки Верхніе*, *Аки Нижніе* и пр.; названія селъ по церкви, напр. „Троицкое“, „Никольское“, „Покровское“ и пр. мы включаемъ только въ число прочихъ названій, въ алфавитномъ же порядкѣ приводимъ эти названія въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда селеніе другаго названія не имѣетъ, или же когда такія церковныя названія стали вмѣстѣ съ тѣмъ и народными, напр. *Покровское-Пеньки* (188).

Свѣдѣнія и народныя преданія о русскихъ селеніяхъ и о тѣхъ, въ которыхъ проживаютъ инородцы православнаго вѣроисповѣданія, намъ большею частію были доставляемы приходскими священниками, учителями и учительницами народныхъ школъ, нѣкоторыя же свѣдѣнія мы собрали сами на мѣстахъ. Многія преданія о переселеніяхъ жителей изъ одной мѣстности въ другую и о времени возникновенія селеній были провѣряемы нами, какъ въ той мѣстности, изъ которой жители вышли, такъ и въ той, гдѣ они вновь поселились.

Принося нашу искреннюю, глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, оказывавшимъ намъ содѣйствіе къ составленію списка населенныхъ мѣстъ Мамадышскаго уѣзда, мы считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь также: Н. Н. Вечеслава, доставившаго намъ подробные списки селеній Казанской губерніи, В. К. Магницкаго, принимавшаго участіе въ составленіи нашего списка и Е. Т. Соловьева, собравшаго свѣдѣнія о названіяхъ нѣкоторыхъ селеній и о сохранившихся преданіяхъ о нихъ на мѣстахъ.

СПИСОКЪ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ МАМАДЫШСКАГО УѢЗДА.

Составленъ И. А. Износковымъ.

(Приложеніе къ его реферату «О сохранившихся преданіяхъ по поводу названій русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ»)⁽¹⁾.

А ба да, сц. 235.

1. Абди, Троицкое [1261].

С. при рч. *Ниссъ и Табаркъ*; отъ гор. 53 вер. Жители старокрещ. Тат. и Рус. (Тат. 12 м. 29 ж., Рус. 338 м., 431 ж. п.). *Абди, Антэ=Авдй*, имя перваго поселенца старокрещенаго изъ Татаръ. Русскіе выселились въ Абди во 2-й половинѣ XVII стол. изъ дер. Комаровки (105); они долгое время придерживались раскола и занимались укрывательствомъ разбойниковъ и награбленнаго этими послѣдними по рѣкамъ Вяткѣ, Камѣ и Волгѣ имущества. Съ приходомъ Русскихъ многіе изъ Татаръ, непожелавшихъ креститься, выселились на рѣку Бѣлую. Деревянная церковь въ село Абди была перенесена изъ упраздненнаго с. Саврушъ (204); въ 1814 г. она сгорѣла и замѣнена каменной. На церковной оградѣ находится памятникъ, изъ надписи на которомъ видно, что онъ поставленъ

надъ могилою какого-то шефа, умершаго въ селѣ, когда проходило черезъ него войско. Въ с. два старинныхъ кладбища, мухаммеданское и крещено-татарское. Въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» за 1817 г., № 78, стр. 338, въ смежности съ селомъ Абди и древней Юлгой (?) упоминается овр. *Кереметь*.

А ж мя къ, д. 45.

2. Айдарово [1311].

Д. при рч. *Тямтъ*; отъ гор. 74 в. Назв. отъ имени перваго поселенца.—[*Айдаръ-ханъ* Болгарскій (630—680 г.) см. Алфав. спис. древнихъ историч. именъ Н. И. Золотницкаго, №№ 3 и 4].—Жит. Тат. (238 м. и 224 ж. п.)

3.—Аки Верхніе, Іугары Яки, Джакки [1421].

Д. при рч. *Якинкъ*; отъ гор. 30 вер., жит. Тат. (221 м. и 231 ж. п.). Названіе—по рѣчкѣ. Русское наз. буквальный переводъ татар. (*Тула-*

⁽¹⁾ Сокращенія, принятая въ списокъ населенныхъ мѣстъ Мамадышскаго уѣзда: *бер.*—берегъ; *в. вер.*—верста, версть; *Вот.*—Вотяки; *Вят. губ.*—Вятская губернія; *гор.*—городъ; *губ.*—губернія; *д. дер.*—деревня; *ж. н.*—женскаго пола; *жит.*—жители; *кл.*—ключъ; *кр.*—крещеный; *крещ. Тат.*—крещеные Татары; *Мухамм.*—мухаммедане; *м. н.*—мужскаго пола; *наз. назв.*—названіе; *новокр.*—новокрещеные; *отпад.*—отпадшіе отъ христіанства; *р.*—рѣка; *Рус.*—Русскіе; *руч.*—ручей; *рч.*—рѣчка; *с. сел.*—село; *ст.*—столѣтіе, стар.—старинный, старый; *стр.*—страница; *сц.*—сельцо; *Тат.*—Татары-мухам.; *Чер. черем.*—Черемисы, черемисскій; *Чув.*—Чуваши, чувашскій; *языч.*—язычники. *Прим. И. А. Износкова.*

ры, (*Жугары* тат.=верхъ, верхній). При дер. старое кладбище: могильные камни съ надписями.

4.—Аки Нижпие, Тюбянь Яки, Джаки [1402].

Д. при рч. *Якинкъ*; отъ г. 30 в., жит. Тат. (322 м. 308 ж. п.). Русское названіе переводъ съ тат. (*Тюбянь* тат.=низкій, низменный).

Аксуфи, дер. 38.

5. Акуль-Бигинѣва [1284].

Дер. при рч. *Сабинкъ*; отъ г. 80 в., жит. Тат. (167 м. 158 ж. п.). По другую сторону рч. находится Казанчи-Бигинѣва (81).

Акцыбора, дер. 38.

Акчишма, дер. 29.

6. Аланъ-Зюри, Казакларъ, Мурзауль [1282].

Д. при рч. *Мешъ*; отъ г. 81 в., жит. Тат. (16 м. 17 ж. п.). Первое названіе показываетъ, что дер. возникла на полянѣ (*аланъ*), принадлежавшей крест. дер. Старые Зюри (70), а послѣдніа два,—что поселенцы были изъ служилыхъ казакъ и мурзъ.

7. Аланъ-Илга, Новая Шикша, Утернязь, Отарнясь [1220].

Дер. при рч. *Мешъ* и *Шикшинкъ*, отъ г. 87 в., жит. Тат. (179 м. 162 ж. п.) выселились изъ д. Большой Шикши (297) на поляну (*аланъ*) возлѣ оврага (тат. *илма*, *жыма*).

Албаево, село 13.

Алгаева, д. 271.

Алгашъ, д. 17.

Алешъ-Ауль, д. 228.

Алешъ-Гуртъ, д. 228.

Алишъ, д. 309.

8. Алкина, Бѣлй Ключъ [1325].

Сд. при рч. *Богдановкъ* (*Бѣлй Ключъ*); отъ г. 22 в., жит. Тат. (48 м. 50 ж. п.). Поселены около 1830 г. помещикомъ изъ Тат. *Алкинымъ* (былъ частнымъ приставомъ въ г. Казани) на землѣ, принадлежавшей дер. Акчишма (29).

9. Аманъ-Ошторма, Татарская Чекурча [1161].

Дер. при рч. *Аманъ-Ошторма*; отъ г. 70 в., жит. Тат. (240 м. 230 ж. п.). Первое назв. по

рѣч. (*аманъ*, *жаманъ*, *яманъ*=худой, злой). Второе съ тур. *чокуръ-иаръ*=низменная земля, мѣсто.

10.—Арбашъ Верхній [1335].

Дер. при рч. *Чунчалъ*; отъ гор. 53 в., жит. Тат. (190 м. 227 ж. п.). *Аръ*=татарское названіе Вотяковъ; *ар-башъ*=начало Вотяковъ. Педалеко отъ этой деревни дѣйствительно расположены вотятскія селенія.

11.—Арбашъ Нижній [1334].

Дер. при рч. *Чунчалъ*; отъ гор. 51 в., жит. Тат. (138 м. 156 ж. п.).

Арзамакъ, д. 80.

—Арняшъ Джугаръ, д. 15.

12.—Арняшъ Верхпій, Казакларъ [1301].

Дер. при рч. *Берсутъ*; отъ гор. 50 в., жит. Русскіе и старокрещ. Тат. (Рус. 9 м. 18 ж., Тат. 134 м. 172 ж.). Коренные жители Тат., Русскіе поселились въ началѣ нынѣшняго столѣтіа. Названіе *Казакларъ* показываетъ, что жители были казаки (лашманы), приписанные къ работамъ въ казенныхъ мѣсахъ.

—Арняшъ Нижній, д. 245.

13.—Арняшъ Средній, Албаево [1300].

С. при рч. *Берсутъ*; отъ гор. 45 вер., жит. Рус., старо-и новокрещ. Тат. (Рус. 72 м. 82 ж. кр. Тат. 207 м. 217 ж. п.). Коренные жители Тат., Русскіе выселились изъ разныхъ губерній, изъ с. Тюлячей Лаишев. уѣзда и изъ д. Комаровки (105). Албаево стало селомъ съ 1873 г. Церковь въ немъ построена казанскимъ купцомъ Кривоносомъ. *Албай*=впереди богатый, т. е. деревня, въ которой первый поселенецъ былъ богатый человекъ.

—Арняшъ Тюбянь, д. 245.

14. Арпаязь [1424].

Д. при кл. *Куюкъ-Арты*, отъ г. 64 в., жит. Тат. (250 м. 280 ж. п.). *Арпа*=ячень; *язъ*, *уязъ*=низменность.

Арташка, д. 17.

15.—Арташъ Большой, Джугаръ Арняшъ [1295].

Д. при рч. *Турузанъ*, отъ гор. 45 в., жит.

старокр. Тат. (317 м. 303 ж. п.). *Ары-таиш*—дальний камень; *Жугарь*, *Джузарь-Арняиш*—Верхний Арняшъ.

16.—Арташъ Большой, Клянчеево [1270].

Д. при рч. *Мешъ*, отъ гор. 71 вер., жит. Тат. (216 м. 211 ж. п.).

—Арташъ-Язы, д. 311.

—Арташъ Два Поля, д. 55.

17. Арташъ, Арташва, Алгашъ [1403].

Дер. при рч. *Плуртъ*, отъ гор. 20 в., жит. Тат. (130 м. 125 ж. п.), выселились нѣсколько столѣтій назадъ изъ мѣстности *Ханъ-Кирмень* (95). Около дер. есть древнее кладбище.

Артывъ, д. 211.

—Артыв-Чырши, д. 110.

18. Асанъ-Илга, Куюкъ, Кююкъ [1352].

Д. при рч. *Асанъ-Имъ*, отъ гор. 63 вер., жит. Тат. (325 м. 342 ж. п.). Первое названіе дано по рч., *Асанъ*—има, *Има*—оврагъ. *Куюкъ*, *кююкъ*—горѣлое мѣсто, гарь.

19. Астанъ-Илга, Куючкы, Кююкъ [1434].

Д. при безъимянномъ ключѣ, отъ г. 55 в., жит. Русскіе и старокрещ. Тат. (Рус. 32 м. 32 ж., Тат. 49 м. 52 ж.). Русскіе поселились въ этой мѣстности въ началѣ нынѣшняго столѣтія. *Астанъ-Има*—оврагъ *Астана*.

Ата, д. 201.

20. Ахманова [1346].

Д. при рч. *Ерыкль*, отъ гор. 22 вер., жит. Тат. (117 м. 123 ж. п.). Назв. отъ имени *Ахманъ*.

Ахманова, д. 77.

Аштинзанъ, д. 179.

Байгильдинъ Починовъ, д. 231.

21. Байлянгаръ [1167].

Д. при рч. *Нурмъ*, отъ гор. 79 вер., жит. Тат. (560 м. 587 ж. п.).

22. Бакшанда [1247].

Д. при рч. *Миченкъ*, отъ г. 101 вер., жит. Тат. (75 м. 76 ж.). Названіе деревня получила отъ имени перваго поселенца. Въ двадцатыхъ

годахъ XVII вѣка упоминается служилый Татаринъ, помѣщикъ Казанск. уѣзда, князь *Бакшанда*.

23. Бакырла [1451].

Д. при рч. *Бакыркъ*, отъ г. 17 вер., жит. Рус. (85 м. 75 ж.). Сначала въ дер. жили Тат., выселившіеся изъ нея въ началѣ нынѣшн. стол., Русскіе поселились въ ней въ 1825 г. Назв. отъ *бакыръ*—мѣдь, *бакырлы*—имѣющій мѣдь. Въ окрестностяхъ дер. есть мѣсто рожденія мѣдной руды, добываніемъ которой занимались Татары.

24. Балапдышъ [1316].

Д. при кл. *Баландышъ (Сейкъ)* отъ г. 78 в., жит. Тат. (442 м. 429 ж. п.). *Баланъ*—калина, *баландышъ*, *балындаишъ*—калинникъ.

25. Балды-Кня, Белтыкъ [1207].

Д. при рч. *Кинъ*, отъ гор. 90 в., жит. Вот. (80 м. 89 ж. п.).

Балтаниръ, д. 38.

26. Балыкла, По конецъ врага Балыклы [1171].

Д. при кл. *Балыкла*, отъ гор. 81 в., жит. Тат. (380 м. 370 ж. п.). *Балыкла*—рыбачій, рыбаки. Дер. находится при концѣ оврага, изъ котораго вытекаетъ ручей *Балыкла*.

27. Басканъ [1419].

Д. при рч. *Шерлатъ (Берсутъ)*, отъ гор. 47 в., жит. Тат. (280 м. 278 ж. п.).

Бахты-Врагъ, д. 260.

28. Безсоניה [1452].

Д. при р. *Вяткъ*, отъ г. 5 в., жит. Русск. (58 м. 58 ж. п.). въ числѣ которыхъ есть раскольники, выселились около 1820 г. изъ г. Мамадышъ. Названіе дер. дано по фамилиі перваго переселенца *Безсонова*.

Белтангиръ, д. 38.

Белтыкъ, д. 25.

29. Бѣлый-Ключъ, Ак-чишма, Мурзаларъ [1324].

Д. при кл. *Бѣломъ*, отъ г. 20 в., жит. Тат. (154 м. 162 ж. п.). Русское назв.—дословный переводъ татар.: *акъ*—бѣлый, *чишма*, *чишмя*—ручей, ключъ. Жители дер. и по настоящее время зовутся «мурзами», отчего и деревнѣ дано также

название—*Мурзаларъ*, т. е. мѣсто, гдѣ живутъ мурзы.

Бѣлый Ключъ, сц. 8.

30. Бѣляевъ Починокъ [1338].

Д. при рч. *Малой Оштормъ*, отъ г. 5 в., жит. Рус. (91 м. 102 ж. п.), выселились изъ с. Красной Горки (108). Назв. дано по фамилии перваго поселенца.

—Березникъ Иштуганъ, д. 78.

Березникъ, д. 66.

31. Березовая Грива, Липовка, Новая Деревня [1459].

Д. при кл. *Студеномъ*, недалеко отъ р Камы, отъ г. 24 в., жит. Рус. (40 м. 36 ж. п.). Дер. находится на небольшой возвышенности, гривѣ, на которой росли березы и липы. Жители выселились изъ с. Омаръ (168) въ началѣ нынѣшняго стол. Вблизи деревни встрѣчаются находки бронзовыхъ вещей.

32. Березовая Поляна, Самодырова, Пронькина [1443].

Д. при безымянномъ ключѣ, отъ г. 35 в., жит. Рус. (84 м. 91 ж. п.).

33. Берсукъ - Илга, Бурсукъ [1429].

Д. при безымян. кл., отъ гор. 47 в., жит. Тат. (121 м. 127 ж. п.).

34 —Берсутъ Верхній, Бюрсетъ, Кирлы [1299].

Дер. при рч. *Верхнемъ Берсутъ*, отъ гор. 43 в., жит. Тат. (403 м. 361 ж. п.).

—Берсутъ Малый, д. 46.

—Берсутъ Малый, сц. 142.

Берсутъ - Сювачи, д. 236.

Берсутъ, с. 263.

—Бигинѣва Акулъ, д. 5.

—Бигинѣва Казанчи, д. 81.

35. Бикчураевы Челны, Чаллы, Бикчура Чаллы, Чурашево, Чурашъ, Чураева [1302].

Д. при рч. *Машлякъ*, отъ г. 60 вер., жит. Тат. (200 м. 209 ж. п.). Сосѣднія съ этой деревней селенія Лаишевскаго уѣзда носятъ также назв. *Чаллы* отъ имени рч., въ бассейнѣ которой

они находятся.

36.—Биятли Верхніе, Биятли-Башъ, Миятли-башн [1376].

Дер. при истокѣ (*башъ*) кл. *Биятли* и рч. *Уськинскъ*, отъ г. 38 в., жит. старо и новокрещ. Тат. (94 м. 117 ж. п.).

37.—Биятли Нижніе, Тюбянь Миятли [1369].

Д. при кл. *Биятли*, отъ гор. 36 в., жит. Тат. новокр. и мухам. (новокр. 7 м. 8 ж., мухам. 237 м. 251 ж. п.). Названіе дано по имени кл. и пруда. Русское названіе—буквальный переводъ тат. *тюбянь*=нижній. При д. древнее кладбище.

38. Битлянгуръ, Аксуфи, Ацибова, по тат.: Балтаниръ, Белтапгиръ [1373].

Д. при рч. *Уськъ* (*Искубашъ*), отъ г. 42 в., жит. Тат. (185 м. 179 ж. п.). Назв. *Аксуфи* дер. получила отъ имени перваго переселенца, который въ ней былъ начальникомъ.

Біерь, д. 234.

39. Богдановка, Лощинка [1191].

Дер. при рч. *Щербетъ*, отъ г. 69 в., жит. Рус. (70 м. 80 ж. п.). Деревня возникла на землѣ, купленной помѣщикомъ у Татаръ (Богомъ данная); второе названіе дано по фамилии владѣльца, *Лощинскаго*. Жители выселены сюда около 1840 г. изъ селъ Изгаръ Чистопольскаго уѣзда и Гремячки, Лаишевскаго.

—Болото Теплое, д. 245.

40. Боньль, Новая Вонь [1216].

Д. при рч. *Бурзъ*, отъ г. 97 в., жит. Тат. (434 м. 432 ж. п.).

Бужа, д. 44.

41. Букени [1400].

Д. при рч. *Омаръ*, отъ г. 25 в., жит. Рус. (361 м. 402 ж. п.). *Букенъ*, *Бюкянь* (тат.)=обрубъ бревна, пенекъ; *Букени*=пеньки. Сохранилось преданіе, что Русскіе поселились въ чищобѣ, принадлежавшей Татарамъ. Въ 100 саж. на западъ отъ дер. находится урочище, называемое *Татарскимъ жилищемъ*, на которомъ попадаются черенки и желѣзные вещи.

42. Букмышъ, Порѣчкѣ Букмышъ, Пустошь на горѣ [1252].

Д. при рч. *Мешъ* и *Побиль-Бобикъ*, отъ г. 90 в., жит. Тат. (387 м. 386 ж. п.).

43. Бурбашъ [1215].

Дер. при истокѣ (*бишъ*) рч. *Бурки* и при ключахъ *Аптышъ-Синартуль* и *Верженъ*, отъ г. 105 в., жит. Тат. (449 м. 479 ж. п.). По преданію, дер. основана одной татарской семьей, выселившейся изъ мѣстности, занимаемой теперь деревней Малой Чурой (286). Отъ того, что при истокѣ рч. *Бурки* вначалѣ былъ одинъ только домъ—получила названіе и самая рч., отъ *беръ* =одинъ.

Бурсукъ, д. 33.

Бурупча-Сатышево, д. 212.

—Бурчакъ-Ясъ, д. 50.

Бу-чирма, д. 78.

Бюрсетъ, д. 34.

44. Важешуръ, Бужа [1385].

Д. при рч. *Важешуркъ*, отъ г. 57 в., жит. Вот., изъ которыхъ большая часть не крещен. (Вот. кр. 63 м. 54 ж., Вот. некр. 64 м. 70 ж. п.). Основателями дер. называютъ Вот. *Быжарана* и *Важашура*, отъ именъ которыхъ она получила названія. Основатели выселились изъ Вятской губ. въ концѣ XVII стол.

Вандова-Рѣчка, Вандовка, д. 97.

45. Васильева, Ажмякъ [1326].

Д. при кл. *Ажмякъ*, отъ г. 30 в., жит. Рус. и старокрещ. Тат. (Рус. 130 м. 142 ж., кр. Тат. 116 м. 143 ж. п.). Первыми въ числѣ трехъ семействъ поселились Тат. изъ дер. Ишкеевой (77) и назвали дер. по кл. *Ажмякъ*; Русск. выселились въ началѣ прошедшаго стол. изъ дер. Кушакъ Вятской губ., Елабуж. уѣзда, изъ с. Красной Горки (108) и починковъ Бѣлаева (30), Каменнаго (86) и Максимова (134). Назв. «Васильева» дано Русскими по имени перваго переселенца.

Вершины по рч. Нурмѣ, д. 163.

Вершины рч. Нырты, д. 165.

Вершины Сабы, д. 137.

Вильгуртъ, д. 274.

46. Владиміровка, Малый Берсутъ [1298].

Д. при рч. *Маломъ Берсутъ*, отъ г. 40 в., жит. старокр. Тат. (293 м. 338 ж. п.). Первое назв. по имени поселенца, а второе по рч.

Вознесенское, д. 171.

—Вонъ Новая, д. 40.

Вощерма, д. 78.

—Врагъ Бахты, д. 260.

—Врагъ Клочковшй, д. 97.

Вужгуртъ, д. 275, 309.

47. Гажинская пустошь, Сабашъ, Мартынь [1188].

Д. при началѣ (*бишъ*) рч. *Сабы*, отъ г. 78 в., жит. Тат. (224 м. 220 ж. п.).

Гегере-Аулы, д. 53.

—Головина Семень Малая, д. 215.

—Головина Семень Новая, д. 216.

—Головина Семень, д. 217.

—Гора Песчаная, сц. 159.

48.—Горѣлый Ельникъ Новый, Новая Максимова, по тат. *Макчѣмъ*, *Янга-Макчѣмъ* [1355].

Д. при р. *Шъ*, отъ гор. 25 в., жит. Тат. (145 м. 141 ж. п.). Деревня основана въ половинѣ прошедшаго столѣтія переселенцемъ изъ Старога Максимова (49) *Искакомъ*, который и далъ названіе дер. по прежнему мѣсту жительства. Вблизи дер. могильный камень съ надписью.

49.—Горѣлый Ельникъ Старый, Старая Максимова, по тат.: *Иски-Макчѣмъ* [1356].

Д. при рч. *Шъ*, отъ г. 23 в., жит. Тат. (311 м. 306 ж.). Первое названіе указываетъ характеръ мѣстности, на которой возникла деревня; второе, также какъ и предыдущей деревни, буквальный переводъ съ татарскаго—*Иски-Макчѣмъ*=Старый Максимъ, *Янга-Макчѣмъ*=Новый Максимъ.

—Горка Красная, с. 108.

50. Гороховое Поле, Бурчакъ-Ясъ [1308].

Д. при рч. *Тямтъ*, отъ г. 70 в., жит. Рус.

(189 м. 241 ж. п.). Деревня находится въ началѣ рч. *Тянти* у двухъ истоковъ, *Гороховую* (*Бурчакъ*) и безыменнаго. Первое названіе переводъ съ тат. *Бурчакъ-ясъ*—Гороховое поле. Основателями деревни были трое крещеныхъ Татаръ, вышедшіе изъ дер. *Субашъ* (57), къ которымъ перешли впоследствии русскіе крестьяне изъ дер. *Комаровки* (105); дѣти Русскихъ пережились на крещеныхъ и послѣдніе на столько съ ними слились, что нынѣ ихъ узнать нельзя, ни по костюму, ни по языку. Въ 1810 г. сюда переселились также четыре семьи удѣльныхъ крестьянъ изъ с. *Анатыша* *Лаишевскаго* уѣзда.

—Горы *Сокольи*, с. 224.

51. *Грахань*, *Семеновъ Починокъ* [1448].

Дер. при впаденіи р. *Вятки* въ *Каму*, отъ гор. 12 в., жит. Рус. (182 м. 276 ж. п.). Дер. названа *Граханью*, п. ч. находится на границѣ трехъ губерній: *Казанской*, *Вятской* и *Уфимской*. *Грахань*—*Грань-хань*—*Ханская* грань.

52. *Гремячка* [1390].

Дер. при кл. *Гремячкѣ*, отъ г. 7 в., жит. Рус. (336 м. 402 ж. п.). Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія жители выселились изъ г. *Мамадыша* къ *Гремячему* ключу, поближе къ своимъ пахотнымъ полямъ, и основали дер. *Гремячку*.

Гремячка, д. 187.

—Грива *Березовая*, д. 31.

53. *Гришкина*, по чер. *Кучу-Помашъ*, по тат. *Гёгерей-аулы* [1446].

Дер. при безымянномъ ключѣ, отъ г. 20 в., жит. Чер. кр. (15 м. 16 ж. п.) и Чер. язычн. (72 м. 70 ж. п.). Первое назв. по имени основателя дер.; второе по имени ключа—*Кучу-Помашъ*—*Кучуковъ* ключъ; послѣднее—переводъ перваго: *Гёгерей аулы*, *Гёрирей-аулы*—*Григорьева* деревня.

Губырчакъ, д. 154.

54. *Гурьевка* [1442].

Дер. на прав. бер. р. *Вятки*, отъ г. 39 в., жит. Рус. (107 м. 111 ж. п.). Основана помещикомъ *Гурьевымъ*, у котораго сначала было небольшое число крестьянъ, но въ 1837 г. ког-

да дер. перешла къ помещику *Лебедеву*, было выселено въ нее много крестьянъ изъ *Пензенской* губернии.

—Гуръ-Кубанъ, д. 184.

Дальній Починокъ, д. 134.

55. Два поля *Арташъ* [1190].

Дер. при рч. *Арташкѣ*, отъ г. 67 в., жит. Тат. (116 м. 120 ж. п.). До покоренія *Казани* Татары жили въ этой деревнѣ вмѣстѣ съ *Вотьяками* (*аръ, ари*), которыхъ впоследствии вытѣснили. Въ настоящее время вблизи этой дер. вотьяцкихъ селеній нѣтъ.

—Деревня *Новая*, д. 145.

Джакъ, д. 3, 4.

Джугаръ Арняшъ, д. 15.

Дзянай, д. 206.

—*Дзянгауль Другой*, д. 144.

Дзянгауль, д. 145.

56. *Дигитли* [1465].

Село при руч. *Студеномъ* и *Кокунъ*, отъ г. 30 в., жит. Рус. (548 м. 578 ж. п.) До 1874 г. *Дигитли* были приходской деревней къ с. *Урманчееву* (263). Каменная церковь въ с. построена на пожертвованія купцовъ, *мамадышскаго*—*Сухопарова* и *елабужскаго*—*Стахъева*. Въ 1868 г. изъ *Дигитлей* выселилось до 20 семей на р. *Бѣлую* въ *Уфимскую* губернію. Названіе селенія производятъ отъ тат. слова *дигитъ*—деготь, *дигитли*—имѣющее деготь, дегтарное. Прежде селеніе было окружено со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, и есть основаніе предполагать, что жители занимались добываніемъ дегтя. Впрочемъ, названіе это можно производить также отъ слова *джимитъ*, *жигитъ*—юноша, молодецъ. Къ западу отъ села, на гумнахъ, находится нѣсколько могильныхъ плитъ съ арабскими надписями, а не подальше отъ нихъ урочище подъ назв.: *Татарское жилище*; въ 1 $\frac{1}{2}$ вер. отъ села къ юго-западу городище, окруженное оврагами, валомъ и ровомъ.

Диле, д. 283.

Дусаева, д. 225.

—*Дусаева Ятмась*, д. 316.

—*Дымъ-Кня*, д. 101.

57. Дюртели-Субашъ [1309].

Дер. при рч. *Тянтъ*, отъ гор. 72 в., жит. кр. Тат. (268 м. 252 ж. п.) и Вотяки (2 м. 1 ж. п.). Названіе отъ тат. словъ: *дюртъ*=четыре, *ели*=дворъ, *су*=вода, *башъ*=истокъ, начало: *четыре двора при истокъ воды*. Дюртели-Субашъ прежде было селомъ, о которомъ сохранилось такое преданіе. Въ Казани, во времена Грознаго, жили три брата княжескаго рода. Старшаго звали *Нырсой*, средній по крещеніи названъ былъ Васильемъ, а раньше какъ его звали—неизвѣстно, младшій же *Искакъ*, по крещеніи святителемъ Гуріемъ, названъ былъ Исаакомъ. При взятіи Казани *Искакъ* командовалъ арскими набѣдниками, казаками; конница его тревожила русскія укрѣпленія на Арскомъ полѣ, а самъ онъ участвовалъ во многихъ битвахъ съ Русскими по дорогѣ изъ Казани въ Арскъ. По взятіи Казани свят. Гурій, крестивъ Василья и Искака, рукоположилъ ихъ во священники, перваго въ Дюртели, а втораго въ с. Богородское Казанскаго уѣзда. Оба брата обратили многихъ своихъ родственниковъ мухаммеданъ въ христіанство. Старшій же остался мухаммеданиномъ и жилъ въ томъ мѣстѣ Лаишевскаго уѣзда, гдѣ теперь находится дер. Большіе Нырсы. По смерти Василья церковь уже довольно ветхая перенесена была около половины XVIII ст. изъ Субашъ въ с. Карабаяны Лаишевскаго уѣзда. Это преданіе сообщилъ намъ свѣщ. послѣдняго села Рапидовъ, слышавшій его отъ своего дѣда Тихона Иванова, 114 лѣтняго старика, происходившаго изъ рода князей *Искаковъ* и проживавшаго въ с. Богородскомъ. Въ 1864 г. въ дер. Субашахъ жилъ столѣтній старикъ Аевнасій, который говорилъ о Рапидову, что онъ помнитъ, какъ ломали ихъ церковь и перевозили въ с. Карабаяны.

58. Дюсъметева [1347].

Дер. при рч. *Ерыклъ*, отъ г. 25 в., жит. кр. Тат. (173 м. 182 ж. п.).

59. Евластово, Евляштовое [1186].

Дер. при рч. *Мешъ*, отъ гор. 86 в., жит. Тат. (219 м. 217 ж. п.).

60. Елышево, Малая Меша [1277].

Село при подошвѣ высокихъ горъ и вытекающемъ изъ нихъ ключѣ *Большомъ*, впадающемъ недалеко отъ села въ р. *Мешу*; жит. кр. Тат. (230 м. 241 ж. п.), Тат. отпад. (20 м. 42 ж. п.); отъ г. 75 в. По преданію, д. Елышева ранѣе находилась на правомъ берегу р. Малой Мешы. Старикъ по имени *Елышъ* цѣловый оставилъ берегъ Мешы и, крестившись, поселился около родника, струившагося изъ горъ. Сначала д. Елышево была небольшая, но потомъ она увеличилась пришельцами, пожелавшими креститься. Въ числѣ пришельцевъ были и Вотяки. Чтобы удержать жителей въ православіи и ослабить отпаденіе въ мухаммеданство въ 1868 г. построена въ дер. Елышевой мамадышскимъ купцомъ Щербаковымъ церковь. Среди села на старомъ кладбищѣ сохраняется деревянная часовня, построенная болѣе ста лѣтъ тому назадъ.

—Ельникъ Горѣлый Новый, д. 48.

—Ельникъ Горѣлый Старый, д. 49.

61. Еникей Чимма [1417].

Дер. при рч. *Еникей Чимма (Шимма)*, отъ г. 45 в., жит. Тат. (412 м. 416 ж. п.). Деревня названа по имени ручья *Еникей Чимма*—Еникеевъ ручей, источникъ. См. Алѣв. сп. древн. истор. имен. Н. П. Золотницкаго, № 53.

Ермакова, д. 177.

62. Ершовъ Починокъ, Ершовка [1425].

Дер. при рч. *Ершовкъ*, отъ г. 64 в., жит. Рус. (484 м. 526 ж. п.). Названіе деревни получила отъ фамиліи перваго поселенца *Ершова*. Жители выселились сюда въ XVIII в. изъ разныхъ селеній Малмыжскаго уѣзда Вятской губ. и изъ д. Кушакъ Елабужской округи той-же губ. (нынѣ д. Кушакъ находится въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вят. губ.). До 1850 г. въ Ершовѣ было болѣе 600 д. муж. п., изъ которыхъ до 250 д. выселились и образовали дер. Ново-Никольскую (Уфимской губ. и уѣзда) и Салбу (Енисейской губ. Минусинскаго округа, Шушинской вол.). По другимъ рассказамъ, первые поселенцы въ Ершовѣ

были Черемисы, неизвестно куда выселившиеся съ приходомъ Русскихъ. Отъ мѣста выселенія Русскихъ изъ д. Кушакъ Починокъ раньше назывался *Верхній Кушакъ*. Въ числѣ первыхъ поселенцевъ было пять братьевъ, прожившихъ по 100 слишкомъ лѣтъ и оставившихъ послѣ себя большое потомство. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились двое бѣглыхъ бродягъ, потомство которыхъ занималось грабежомъ и выдѣлкой фальшивой монеты. Въ 1825 г. всѣ преступники были переловлены исправникомъ Жилинымъ и заступателемъ Готовымъ (герои въ «Губернскихъ очеркахъ» Щедрина) и по рѣшенію суда сосланы въ Сибирь. Въ 50-хъ годахъ Ершовка славилась богатствомъ своихъ хлѣбныхъ запасовъ и считалась житницей Мамадышскаго уѣзда. Пынь хлѣбопашество пришло въ упадокъ, п. ч. жители, въ ожиданіи ревизіи, землю не уваживаютъ.

—Ершкля Салтыкъ, д. 207.

63.—Еркса Крещеная, Кумшанъ Башь [1392].

Дер. въ верховьяхъ (башь) рч. *Кумызанки* (*Еркса*), отъ гор. 27 в., жит. кр. Тат. (269 м. 303 ж. п.). Назв. съ тат. *Джарыкъ-су*—разълина, чрезъ которую просачивается вода. Деревня расположена при подошвѣ высокихъ горъ, издали кажется въ ущельи.

64.—Еркса Куюкъ [1345].

Дер. при рч. *Еркса*, отъ г. 18 в., жит. Тат. (352 м. 359 ж. п.). *Куюкъ*, тат.—горѣлое мѣсто, гарь. Деревня возникла на мѣстѣ ольховога, сгорѣвшаго лѣса.

65. Ефремовъ Починокъ, Ефремовка, Кырбашь [—].

Дер. при безимян. ключѣ, отъ г. 37 в., жит. Рус. (45 м. 47 ж. п.). Деревня основана *Ефремомъ Степановымъ*, переселившимся сюда въ 1862 г. изъ дер. Каменнаго Починка (86), вмѣстѣ съ крестьянами с. Красной Горки (108). Въ концѣ XVIII ст. на томъ же мѣстѣ была небольшая татарская дер., называвшаяся *Кырбаш* (начало степи), жители которой, занимавшіеся грабежомъ, были куда-то выселены.

66. Живутъ себѣ усадомъ, Сердаучь, Березникъ [1162].

Дер. при рч. *Сердаучь*, отъ г. 75 в., жит. Тат. (70 м. 69 ж. п.). Говорятъ, что деревня раньше называлась *Усаклыташъ Урыннашыбъ Торабезъ*, т. е. *мы поселились въ осинникъ*; изъ этого Русскіе передѣлали первое названіе. Второе дано дер. по рч. *Сердаучь*—снить, растеніе, употребляемое инородцами весной въ пищу вм. капусты. Въ 1871 г. жители этой дер. отпали въ мухаммеданство, но съ 1877 г. снова обращены въ православіе.

Жынай, д. 226.

67. Заводское [1267].

Дер. при р. *Мешъ*, отъ г. 98 в., жит. Рус. (114 м. 118 ж. п.). Деревня основана въ началѣ XVIII ст. помѣщикомъ *Литвиновымъ* и названа Заводской, п. ч. при ней находился поташный заводъ.

Зюгаръ Тавамышъ, д. 174.

68. Зюри, Зюри по рѣчкѣ Лыѣ [1359].

Дер. при рч. *Лыѣ* (*Малая Шія*), отъ гор. 25 в., жит. крещ. Тат. (269 м. 297 ж. п.). Дер. основана переселенцами изъ д. Старые Зюри (70).

—Зюри Аланъ, д. 6.

69. Зюри Новые, Кара-Тау, Карасътово [1291].

Дер. при р. *Мешъ*, отъ г. 86 в., жит. Тат. (112 м. 96 ж. п.). Названіе *Кара-Тау* съ тат., *Кара*—черный, *Тау*—гора; *Кара-Тау*—Черногорье. Последнее назв. передѣлано изъ втораго.

Зюри по рѣчкѣ Лыѣ, д. 68.

70.—Зюри Старые [1292].

Дер. при р. *Мешъ*, отъ г. 83 в., жит. Тат. (278 м. 278 ж. п.). При дер. на берегу Меша находится городище. Говорятъ, что тутъ былъ *городъ Зюри*. (*Зюрейская дорога*).

Зянбай, д. 84.

71. Изма-Пуваль, Изма Пувашъ [1221].

Дер. при рч. *Олуякъ*, отъ г. 90 в., жит. Тат. (246 м. 242 ж. п.).

—Изма - Сунерь, д. 229.

72.—Икшурма Старая, Куюкъ, Спорать [1272].

Дер. при р. *Мешъ*, отъ г. 75 в., жит. Рус. (210 м. 212 ж. п.) и кр. Тат. (203 м. 260 ж. п.). Часть жителей выселилась сюда изъ с. Урманчеева, Куюкъ (263), отъ котораго дано второе названіе деревнѣ. Третье названіе, татарское, по уцѣлѣвшимъ отъ вырубленнаго лѣса тремъ соснамъ. Татары называютъ также эту деревню *Джунаръ-Очнорать*—Верхній Спорать. Жители деревни занимались когда-то разбоемъ. Одинъ изъ разбойниковъ, прозванный *Ногаемъ*, жилъ къ востоку отъ деревни на горахъ, которыя и теперь зовутся *Ногайскими*. Преданія о выселеніи жителей изъ с. Урманчеева въ д. Икшурму и обратно сохранились въ томъ и другомъ селеніи; которое изъ нихъ болѣе достоверно—неизвѣстно.

—Икшурма Татарская, д. 240.

Илгушъ, д. 74.

73. Иллеберъ, Илиберъ, Порѣкъ Сердѣ [1227].

Дер. при р. *Сердѣ*, отъ г. 88 в., жит. Тат. (164 м. 163 ж. п.). *Илле-беръ* по тат. пятьдесятъ одинъ.

Иски-Маечѣмъ, д. 49.

74. Искіюртъ, Юлушъ, Илгушъ [1170].

Дер. при безымянномъ ключѣ, отъ г. 78 в., жит. Тат. (176 м. 150 ж. п.). Первое назв. съ тат. *иске*—старый, *юртъ*—строеніе, домъ; второе и третье отъ собственнаго имени.

75.—Искубашъ Верхній [1432].

Дер. при рч. *Уськъ* (*Искубашъ*), отъ г. 44 в., жит. Тат. (234 м. 257 ж. п.). Названіе дано по рч. *Уськъ*, въ вершинѣ которой находится деревня.

76. Искубашъ, Уськубашъ, по тат. Оскубашъ - Казакларъ, Оскѣ-башъ [1372].

Дер. при рч. *Уськъ* (*Искубашъ*), отъ г. 40 в., жит. Тат. мухам. (237 м. 251 ж. п.) и крещ. (7 м. 8 ж. п.). Одни говорятъ, что эту деревню основалъ казакъ *Искандеръ*, переселившійся сюда

во второй половинѣ XVII столѣтія; другіе же утверждаютъ, что деревня возникла въ половинѣ XVIII столѣтія и что основателями ея были переселенцы изъ д. Айши Казанскаго уѣзда и изъ другихъ мѣстъ.

Итимганъ Березникъ, д. 78.

77. Ишкеево, Ахманова [1406].

Дер. при оврагѣ *Сулу-Зима*, отъ г. 32 в., жит. Тат. (678 м. 611 ж.).

78. Иштуганъ Березникъ, Воцерма, по тат. Итимганъ-Березникъ. Бучирма [1160].

Дер. при рч. *Воцерма* (*Бучирма*), отъ г. 68 в., жит. Тат. (263 м. 257 ж. п.). Названія деревнѣ даны по имени перваго поселенца *Ит-Иманъ* и по рѣчкѣ. Вблизи д. старинное кладбище.

79. Иштугановъ Починокъ, Иштуганъ [1183].

Дер. при рч. *Китъ*, отъ г. 82 в., жит. Вотяки крещ. (36 м. 49 ж. п.) и Вотяки язычники (5 м. 7 ж. п.). Названіе дано по имени перваго поселенца.

Иугары-Яки, д. 3.

Иугары Сунъ, д. 230.

80. Кабыкъ-Куперъ, Соплячиха, Лебедевка, Арзамакъ [1328].

Дер. при рч. *Шію*, отъ г. 40 в., жит. Рус. (171 м. 193 ж. п.). На занимаемой деревней пустоши *Арзамакъ* до заселенія находился поташный, или смолокурный заводъ купца *Соплякова*. Отсюда названіе дер. Соплячиха. Не рѣдко деревня и до сихъ поръ назыв. *Заводъ*. Для перехода черезъ рч. *Шію* и впадающую въ нее *Чаксу* или *Черемшанъ* заводскими рабочими былъ устроенъ лубочный мостъ, по тат. *Кабыкъ-Куперъ*; отсюда первое назв. деревни. Жители, бывшіе крѣпостные крестьяне г. Лебедева (назв. *Лебедевка*), сосланные сюда большею частию за разные проступки, отличаются особенностями говора. Такъ *и* и *е* они замѣняютъ въ произношеніи буквою *и*, неударяемое *о*—*а*, *ш*—*с*, *ж* и *ч*—*к*, напр. бижитъ (бѣжитъ), балсой (большой), утикла (утекла), убигла (убѣгла), тикотъ (течетъ) и проч.

- Кабыкъ - Куперъ, д. 296.
 Казакларъ, д. 6, 12, 153, 259.
 —Казакларъ - Оскубашъ, д. 76.
 81. Казанчи - Бигинъева [1283].
 Дер. при рч. *Сабинкы*, отъ г. 80 в., жит. Тат. (165 м. 160 ж. п.). Дер. эта отъ Акулъ-Бигинъевой (5) отдѣляется рч. Сабинкой
 82.—Кайсаръ Новый [1388].
 Дер. при рч. *Шитъ*, отъ г. 63 в., жит. Вот. языч. (111 м. 94 ж. п.) и Вот. кр. (16 м. 19 ж. п.). Названіе отъ тат. *каинъ*=береза и приставки *саръ*, служащей для обозначенія качества мѣста, или обилія тѣмъ предметомъ, который выражается корнемъ слова; *каинсаръ*=мѣстность, изобилующая березой. (См. Корневой Чув.-Рус. Слов. П. П. Элотницкаго, стр. 256—261).
 83.—Кайсаръ Старый [1387].
 Дер. при рч. *Шитъ*, отъ г. 61 в., жит. Вот. языч. (61 м. 62 ж. п.), Вот. кр. (37 м. 37 ж. п.).
 84.—Кайнъ - Илга, Ямбаево, Зянкабай [1269].
 Дер. при рч. *Кабаккой*, отъ гор. 69 вер., жит. Тат. (40 м. 30 ж. п.). Названія: *Кайнъ Илга* съ тат.=березовый оврагъ; *Ямбаево Зянкабай*, отъ словъ: *жанга*, *жангъ*, *янгъ*, *зянгъ*=новой, *бай*=богатый; *новая богатая деревня*.
 85. Каменный Ключъ, Ташлыяръ, Новое Мочалкино [1367].
 Дер. при рч. *Шитъ*, отъ гор. 31 вер., жит. кр. Тат. (28 м. 30 ж. п.) выселились изъ дер. Мочальное Озеро (151). Второе названіе деревни съ тат. *ташлы*=каменный, *яръ*=край, берегъ.
 86. Каменный, Каминскій Починъ. [1339].
 Дер. при рч. *Малой Оштормъ*, отъ гор. 5 вер., жит. Рус. (254 м. 270 ж. п.).
 —Камышла - Ошторма, дер. 180.
 Камышлы, дер. 180, 197.
 Кайсаръ, д. 103.
 Карасътово, Кара - Тау, д. 69.
 87. Кара - Шурма [1266].
 Дер. при рч. *Мешъ*, отъ гор. 85 в., жит. Тат. (215 м. 250 ж. п.). Названіе съ тат. *кари*=черный, *чирмя*=кожанная сумка, прикрѣпляемая

къ поясу. Говорятъ, что названіе дано по прозвищу первыхъ переселенцевъ, носившихъ черныя кожанныя сумки, *черносумочныхъ*.

Карбаянъ, дер. 315.

Каргали, дер. 303.

88. Карса по обѣ стороны, Карсабашъ [1246].

Дер. при безлиминномъ кл., отъ гор. 98 вер., жит. Тат. (301 м. 297 ж. п.). Названіе отъ словъ *кариису*=черная вода. Ключъ, по обѣ стороны котораго расположена дер., вѣроятно назывался прежде *Карису*.

—Карса-смакъ, дер. 222.

89. Катмышъ [1418].

Дер. при рч. *Катмышкы*, отъ гор. 46 вер., жит. Тат. (423 м. 423 ж. п.). Названіе дер. по рч. *Катмышъ*, тат.=боковой, старонній.

90. Качемиръ [1155].

Дер. при рч. *Оштормъ*, отъ гор. 67 в., жит. Тат. (331 м. 290 ж. п.).

Кашкара, д. 107.

—Керни-Урясь, дер. 266.

91.—Кибечи Большіе, Студеный Ключъ [1265].

Дер. при *Студеномъ* кл., отъ гор. 52 вер., жит. Тат. (182 м. 201 ж. п.).

92.—Кибечи Малые [1264].

Дер. при рч. *Ниссъ*, отъ гор. 51 в., жит. Тат. (78 м. 94 ж. п.).

Кибяча, дер. 226.

Кильдебякъ, д. 191.

93. Киндерь - Куль [1154].

Дер. при рч. *Оштормъ* отъ гор. 66 в., жит. Тат. (154 м. 175 ж.) назв. съ тат. *Киндерь*=конопля, *куль*=озеро; *Киндерь-куль*=конопляное озеро.

Киндерь-куль, д. 151.

Киркаусъ, д. 185.

Кирлы, д. 34.

Кирменбашы, д. 94.

94.—Кирмени Малые по тат. Кирменбашы [1405].

Д. при рч. *Кирменкы*, отъ г. 25 в., жит.

Тат. (700 м. 800 ж. п.). Деревню основалъ переселенецъ изъ д. Кушеръ (Кошары) Казанскаго уѣзда.

95.—Кирмени Средніе, Татарскіе Кирмени, по тат. Урта Кирмевъ [1401].

Д. при рч. *Кирменкь*, отъ г. 21 в., жит. Тат. (320 м. 330 ж. п.). Вблизи этой дер. находится старинное, такъ назыв. «городское кладбище». Мѣстность занимаемая этой дер. назыв. также *Хань-Кирмень*.

96. Кирмени, Русскіе Кирмени [1398].

Сел. при рч. *Кирменкь*, отъ гор. 15 в., жит. Рус. (732 м. 710 ж. п.). Первыми переселенцами въ эту мѣстность были бродяги, отыскавшіе въ горѣ Кирменкѣ мѣдную руду и объявившіе объ этомъ начальству. За открытіе руды имъ были предложены деньги, отъ которыхъ они отказались, а вмѣсто этого выпросили себѣ позволеніе поселиться на берегахъ рч. Кирменки. Впоследствии къ нимъ перешло нѣсколько семей изъ Шжевскаго завода Саранульскаго уѣзда, а потомъ и еще изъ разныхъ мѣстностей нѣсколько ясачныхъ и экономическихъ крестьянъ. О Кирменцахъ жителями сосѣднихъ селеній составила поговорка: «на сына Богу молились».

Кішрлы, село 263.

97. Ключковшій Врагъ, Вандоваръчкя, Вандовка [1463].

Дер. на правой сторонѣ р. Камы, отъ гор. 33 вер., жит. Русск. (15 м. 18 ж. п.). Названіе деревни дано по характеру мѣстности, на которой она находится, и по занятію жителей. Деревня расположена у оврага (*Врагъ*), заливаемаго водой изъ р. Камы; въ устьѣ этого оврага жители ловятъ рыбу *нандами* (рыболовный снарядъ, сдѣланный изъ прутьевъ, иначе называемый *мордой*). Основаніе деревни положено около половины прошедшаго столѣтія выходцами изъ с. Омаръ (168), поселившимися на землѣ, принадлежащей жителямъ этого села.

98.—Ключищи Новыя [1240].

Дер. при рч. *Кисельсь*, отъ гор. 100 вер.,

жит. Русс. (208 м. 246 ж.) Основаніе деревни положено около 1840 года переселенцами изъ с. Чурилина Казанскаго и дер. Ключищъ Лаишевскаго уѣздовъ.

—Ключъ Бѣлшій сц. 8, д. 9.

—Ключъ Каменный д. 85.

—Ключъ Салтыганъ д. 206.

—Ключъ Студепшій д. 91.

Клянчеево, д. 16

—Кляуши-Лыябашъ, д. 130.

—Кня-Балды, д. 25.

99. Кня-башъ [1438].

Дер. при рч. *Кня*, отъ гор. 68 вер., жит. Тат. (134 м. 147 ж.). находится при началѣ рч. *Кня*, почему и названа *Кня-башъ*.

100 Кня-Горъ, по чер. Кня-Куръшмбалъ [1159].

Дер. при безымянномъ ключѣ, отъ гор. 60 вер., жит. Чер. язык. (130 м. 123 ж. п.) и Чер. крещ. (4 м. 5 ж.). Названіе дер. получила по горѣ на которой она находится, что по черемисс. выражается словами: *куркъмъ* и *балъ* и по сосѣднему ключу *Кня*. Жители—переселенцы изъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи.

101—Кня Нижняя, Малая Кня, по чер. Кня-Дымъ [1158].

Д. при рч. *Старой Кня*, отъ гор. 63 в., жит. Рус. (8 м. 5 ж. п.). Черем. язык. (36 м. 37 ж.), Чер. крещ. (1 м.). Черемисы переселились изъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губ.

102—Кня Старая по чер. Тошъ-Такапа [1159].

Дер. при безымянномъ ключѣ, отъ гор. 64 вер., жит. Чер. язык. (57 м. 70 ж.) и Чер. крещ. (54 м. 63 ж.). Названіе дер. получила отъ сосѣдняго ключа — *Кня*. Жители выселились изъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губ.

103.—Кня-Юмья Малая, Канисаръ [1180].

Дер. при рч. *Кня*, отъ гор. 79 вер., жит. Вотяки крещ. (63 м. и 66 ж. п.), и Вот. язык. (3 м. 5 ж. п.).

104.—Кня-Юмья Старая [1182].

Дер. при рч. *Кня*, отъ гор. 81 вер., жит.

Вотяки крещ. (141 м. 147 ж.) и Вотяки языч. 9 м. 12 ж.)

105.—**Комаровъа** [1268].

Дер. при рч. *Кабанкой*, отъ гор. 99 вер. жит. Русск. (114 м. 123 ж. п.). Деревня построена въ началѣ прошедшаго столѣтія на болотистомъ, изобиловавшемъ комарами, мѣстѣ.

106.—**Комаровъа**, **Кумрыкъъ**, **Комырыкъъ** [1354].

Дер. при безъимян. ключѣ, отъ г. 25 в., жит. кр. Тат. (245 м. 248 ж. п.). Первое названіе дер. передѣлка втораго татар. названія; второе отъ *Кумрыкъъ* (тат.)=мѣсто, обрытое полукругомъ; деревню дѣйствительно окружаетъ оврагъ, образующій полукругъ. Последнее назв. отъ татарск. *комъ*=песокъ и *жыръ*, *ыръ*=земля; *песчаная земля*. Жители выселились сюда въ 1750 г. изъ дер. Зюри (68).

Коръаучъ, д. 185.

Коро-аулъ, д. 208.

Костенѣва, д. 316.

107. **Кошкара**, **Кашкара** [1165].

Д. при безъимян. кл., отъ гор. 70 в., жит. Рус. (295 м. 320 ж. п.) въ концѣ прошедшаго столѣтія выселены помѣщикомъ *Лихачевымъ* изъ Галицкаго уѣзда Костромской губерніи. Въ говорѣ сохраняютъ особенности, не свойственныя казанскому: неударяемое *о* замѣняютъ *и*, *и* и *е*=*и*, *и*=*ч*, напр. почалуй (поцѣлуй), хлѣбча (хлѣбца), пивча, винча, талаконча, отецъ и т. д. Въ домашнемъ быту отличаются неряшествомъ. Земля, принадлежащая крестьянамъ, изобилуетъ мѣдной рудой. Названіе дер. съ тат. *кашъ*=бровь, *кара*=черный; *кашкара*=*чернобровые*.

108. **Красная Горка**, **Красногоръа**, **Архангельское** [1321].

Село при рч. *Ошмъ* и *Малой Оштормъ*, отъ г. 3 в., жит. Рус. (940 м. 1027 ж. п.) выселились изъ Новгородской, Вятской и др. губерній болѣе ста лѣтъ назадъ, были монастырскими крестьянами Свяжскаго монастыря. Названіе село получило отъ красной, глинистой горы, у которой оно расположено. На южной сторонѣ села находится ключъ *Городище*, сливающійся

съ ключемъ *Виннымъ* или *Поповымъ гульбищемъ*. При слияніи ключей на стрѣлкѣ было древнее городище, остатки котораго видны и теперь. Въ двухъ верстахъ отъ села на ключѣ построена часовня, въ которую лѣтомъ стекаются богомольцы.

Кубанъ-Гуръ, д. 184.

109.—**Кузгунча Верхняя** по тат. Югара **Кузгунча** [1393].

Д. при безъимян. кл., отъ гор. 30 в., жит. Тат. (135 м. 131 ж.). Названія отъ словъ *козионъ*=воронъ, *козионча*=по вороньи; *югара*=верхняя.

110.—**Кузгунча Нижняя** по тат. **Чыршы Арты** [1368].

Д. при рч. *Уськъ*, отъ г. 30 в., жит. Тат. (206 м. 182 ж. п.). Назв. отъ словъ: *чыршы*=ель, *артъ*, *арты*=задняя сторона.

111. **Кузмель** [1205—1206].

Д. при рч. *Кнъ*, отъ г. 91 в., жит. Русск. (5 м. 2 ж.), Вотяки крещ. (71 м. 73 ж.), Вот. языч. (58 м. 57 ж. п.). Русскіе переселились въ эту дер. около 1860 г. изъ дер. **Шыты** (146). Прежде деревня состояла изъ двухъ отдѣльных поселковъ: **Верхняя Кузмель** [1206] и **Нижняя Кузмель** [1205].

112. **Кукморъ**, **Таишевскій Заводъ** [1151].

Село при рч. *Нурмъ*, отъ гор. 70 в., жит. Рус. (470 м. 497 ж. п.). Первое названіе черемисское: *кукъ*, *кугу*=большой; *мара*, *марн*=черемисъ; второе—отъ имени сосѣдней татарской деревни Таишевой (114). Селеніе возникло въ началѣ второй четверти XVIII столѣтія, послѣ того какъ взаимнѣ упразднившася мѣдноплавильнаго завода при дер. **Янцева**, **Малмыжскаго уѣзда** Вятской губерніи, былъ построенъ такой же заводъ на мѣстѣ этого села. До постройки завода мѣстность, гдѣ находится село принадлежала подъ именемъ выморочной статьи ясачнымъ татарамъ деревни Таишевой. Первымъ устройте-лемъ завода былъ казанскій купецъ *Осипъ Семеновъ Иноземцевъ*. Изъ послѣдующихъ владѣльцевъ завода извѣстны купецъ **Апсаламовъ** (татаринъ) и помѣщикъ **Ярцевъ**. Рабочими на заводѣ были

пришлие люди, искавшие хорошаго вознагражденія за свой трудъ. Самыиъ цвѣтушимъ временемъ для завода были двадцатые годы текущаго столѣтія при помѣщикѣ Ярцевѣ; затѣмъ заводъ сталъ приходить въ упадокъ вслѣдствіе истощенія руды. Поэтому Ярцевъ около 500 заводскихъ рабочихъ перевелъ на Иштеряковскій и Шайтанскій заводы Пермской губерніи. Въ 1851 г. заводъ сгорѣлъ и до настоящаго времени не возобновленъ. Послѣ освобожденія заводскихъ рабочихъ отъ крѣпостной зависимости, многіе изъ нихъ переписались въ мѣщане въ г. Мамадышъ. Въ 1863 г. 40 домохозяевъ выселились на казенныя земли и образовали въ Мамадышскомъ уѣздѣ починки: Ново-Никольскій (160), Ново Троицкій (161) и Постниковъ (196). Первая деревянная церковь въ заводѣ была построена въ 1765 году, существующая же каменная—въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ богатомъ церковномъ архивѣ хранятся между прочимъ документы, касающіеся Пугачевского бунта. Жители с. Кукмарь рѣзко отличаются отъ крестьянъ Казанской губерніи домашней обстановкой, нравственнымъ складомъ, говоромъ и родомъ занятій. Домашней обстановкой и щеголеватостію костюма они напоминаютъ горожанъ; въ нихъ замѣтна смѣтливость, добродушная веселость и вѣжливость въ обращеніи. Въ говорѣ неударяемое *о* замѣняется *а*, глаголь *ѣсть* въ неопредѣленномъ наклоненіи употребляется въ древне-славянскои формѣ *ясти*. Большая часть жителей ремесленники, и изъ всѣхъ ремеселъ особенно выдѣляется мѣдное производство.

- 113.—Кукморь Большой [1168].
Д. при рч. *Нурмъ* и *Зимъ*, отъ г. 76 в., жит. Тат. (413 м. 470 ж. п.)
- 114.—Кукморь Другой, Малый Кукморь, Таишево [1152].
Д. при рч. *Оштормъ*, отъ г. 72 в., жит. Тат. (118 м. 127 ж. п.) обитаютъ въ этой деревнѣ по преданію болѣе 400 лѣтъ; до нихъ жили въ этой мѣстности Черемисы.
115. Кукча [1237].
Дер. при рч. *Кисъмесъ*, отъ гор. 111 вер., жит. Тат. (20 м 23 ж. п.).

Кукча, дер. 313.

Кукчи, дер. 158.

Кукъ - Чишма, д. 126.

116. Кулущева Пустошь. Пруцкое, Прудскихъ [1456].

Дер. при рч. *Сеженескъ*, отъ г. 21 в., жит. Рус. (105 м. 120 ж. п.). Названіе *Пруцкое* или *Прудское*, *Прудскихъ*—даны дер. отъ бывшаго мельничнаго пруда. Деревня основана въ 1666 г. двумя выходцами изъ села Секинесъ (214.) по фамиліи *Кулущевыми* на принадлежавшей имъ пустоши. Къ Кулущевымъ присоединились вскорѣ крѣпостные крестьяне, бѣжавшіе изъ разныхъ мѣстъ и въ томъ числѣ изъ села Остолопова Лаишевскаго уѣзда.

117. Кулуши, Малые Суні [1412].

Дер. при рч. *Кулушинкы* и *Берсутъ*, отъ гор. 45 в. жит., Рус. (32 м. 48 ж.) крещ. Тат. (333 м. 443 ж.). До 1724 года въ этой дер. была деревянная церковь, перенесенная въ томъ же году въ село Малый Берсутъ (142). Изъ надписи на деревянномъ крестѣ, находящемся въ церкви сц. Берсутъ, видно, что упраздненная церковь въ с. Кулуцахъ была освящена Казанскимъ архіепископомъ Лукою. Русскіе переселились въ Кулуши изъ сц. Абады (235), въ 1835 г.

118.—Куморы Верхніе, по вот. Кумордэль [1176].

Дер. при рч. *Куморкы*, отъ гор. 70 вер., жит. Вот. крещ. (90 м. 95 ж. п.) и Вот. языч. (110 м. 111 ж.). Жители выселились сюда въ концѣ XVI ст. изъ деревни Старой Юмь (309). Деревня состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ поселковъ: *Бидзямъ* или *Кузь-Урма*—Большая, длинная улица; *Будено*—перепелка и *Кучранненъ-Гуресъ*—совиная гора.

119.—Куморы Нижніе по вот. Уланъ - Куморъ [1178].

Дер. при рч. *Куморкы*, отъ гор. 70 вер., жит. Вот. кр. (83 м. 85 ж.), Вот. некр. (59 м. 75 ж.), выселились изъ дер. Старой Юмь (309); склонны къ мухаммеданству.

120.—Куморы Новыя [—].

Дер. въ *Мѣшабашскомъ* лѣсу, отъ гор. 71 в., жит. Вот. крещ. (10 м. 12 ж.), Вот. некр.

18 м. 21 ж. п.); склонны къ мухаммеданству. Деревня основана около 1872 г. переселенцами изъ дер. Верхнихъ Куморъ (118).

121.—Куморы Средніе, по вот. Шорэнъ Куморъ, по тат. Куюкъ [1177].

Д. при рч. *Бадзымъ-Шуръ*, отъ гор. 70 в., жит. Вот. крещ. (68 м. 74 ж.), некр. (42 м. 52 ж.); выселились въ концѣ XVI ст. изъ д. Старой Юмь (309). Деревня безымяннымъ оврагомъ и вытекающей изъ него рѣчкой—*Бадзымъ-Шуръ*—большая вода, дѣлится на два поселка.

Кумрыкъ, д. 106.

Кумызанъ-башъ, д. 63.

122.—Кумызанъ Новый [1353].

Д. при оз. *Карасемъ*, отъ гор. 20 в., жит. Тат. (265 м. 322 ж. п.), изъ числа ихъ въ 1866 г. было крещ. Тат. 12 м. 11 ж. п., которые отпали въ мухаммеданство.

123.—Кумызанъ Старый [1391].

Д. при рч. *Кумызанкъ*, отъ г. 20 в., жит. Тат. (575 м. 523 ж.); въ 1866 г. было кр. Тат. 11 м., 11 ж. п., которые отпали въ мухаммеданство.

—Куперъ-Кабмъ, д. 80, 296.

124. Куркина [1184].

Дер. на высокой равнинѣ, отъ г. 84 в., жит. Вот. крещ. (37 м. 42 ж.), некр., (92 м. 99 ж.). Назв. отъ черем. слова *куркъ*—гора, возвышенность.

—Куркымбалъ-Кня, д. 100.

125. Кутуши [1461].

Дер. при рч. *Кутушкъ*, отъ г. 25 в., жит. Рус. (500 м. 560 ж.). Названіе по рч.

Кутъбино, сд. 159.

—Кучуковъ Починокъ, д. 197.

126. Кучувъ-Чишма, Кукъ-Чишма, Ташлыкъ [1297].

Д. при рч. *Маломъ Берсутъ*, отъ г. 45 в., жит. Тат. (117 м. 112 ж. п.). Названія съ тат. *Кучукъ-чишма*—Кучуковъ (соб. имя) ручей, *Ташлыкъ*—каменникъ. *Кучукъ*, *Кучуковъ*. См. Спис. др. вст. им. П. П. Золотницкаго. №№ 36, 48, 52.

Кучу-Помашъ, д. 53.

127. Кушетъ-башъ [1211].

Д. при кл. *Толмисъ*, отъ г. 91 в., жит. Рус.

(21 м. 35 ж.), крещ. Тат. (88 м. 97 ж.). Названіе одни производятъ отъ вотяцк. слова *кушетъ*—башмакъ, ложбина и татар. *башъ*—начало; *кушетъ-башъ*—начало ложбины; а другіе отъ *кош-кытъ* (тат.)—разныя птицы; *кош-кытъ башы*—мѣсто, гдѣ было много птицъ и гдѣ были птицеводы. Деревню основали двѣ вотяцкія семьи, переселившіяся изъ мѣстности, занимаемой теперь деревней Малой Чурой (286). Впослѣдствіи изъ той-же мѣстности къ Вотякамъ переселились Татары, а въ 1876 году—десять русскихъ семей изъ разныхъ деревень Лаишевскаго уѣзда. Русскіе въ дер. образовали особый поселокъ.

Куюкъ, д. 18, 72, 121, 263.

128. Куюкъ [1252].

Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 90 в., жит. Тат. (210 м. 190 ж. п.). Названіе *Куюкъ* (тат.)—горькое мѣсто, гарь.

Куюкъ-Ерыкса, д. 64.

—Куюкъ Черемисскій, Куюкъ Чермышъ, д. 283.

Куючки, д. 19.

Кырбашъ, д. 315.

Лебедевка, д. 80.

Липовка, д. 31.

Ломовка, д. 183.

Лощинка, д. 39.

129. Лубяна, Лубяны [1442].

Дер. при рч. *Лубянтъ*, отъ г. 40 в., жит. Рус. (77 м. 28 ж.). Названіе дано по рч.

130. Лыя-башъ-Кляуши [1370].

С. при рч. *Лытъ*, отъ г. 40 в., жит. Рус. (213 м. 234 ж. п.). Названіе селу дано отъ положенія его въ верховьѣ (*балтъ*) рѣчки Лыи и отъ тат. слова *кляу*—прошу, молю. Одни говорятъ, что названіе *кляу* дано потому, что въ старину на рч. Лыю приходили поклоняться жившему недалеко отъ рѣчки, въ оврагѣ, святому отшельнику по имени *Урай*; другіе же говорятъ, что жители села были люди бѣдные, занимавшіеся нищенствомъ. Въ состояніе нищенства они были приведены въ XVIII ст. разбойниками, имѣвшими притонъ въ сосѣдствѣ съ ними на берегахъ р. Вятки. Мѣстность, гдѣ находится нынѣ село, бы-

ла окружена густыми лѣсами и благопріятствовала грабежамъ. Въ началѣ селеніе состояло изъ пяти татарскихъ дворовъ. Въ 1795 г. къ нимъ переселилось пять русскихъ семействъ изъ г. Мамадыша и изъ села Красной Горки (108) а потомъ и еще нѣсколько изъ деревень—Гурьевки (54), Лубянь (129) и изъ подъ г. Арска Казанск. у. Съ 1852 г. коренные жители Татары переселились въ сосѣднія деревни: Сарбашъ (209), Тогусъ (247) и Тулбу (253). О древности селенія можно судить по тремъ стариннымъ кладбищамъ, изъ коихъ два уже застроены, а третье находится на горѣ, по дорогѣ въ д. Чарлы (252) противъ современнаго христіанскаго кладбища. Церковь въ с. построена въ 1871 г., а до того времени Лыябашъ-Кляуши были деревней.

131. Лыя - Пойкина [1377].

Д. при рч. *Лыя*, отъ г. 32 в., жит. Вот. крещ. (118 м. 140 ж.), Вот. некрещ. (17 м. 19 ж. п.); Вотяки переселились сюда изъ д. Пойкиной Вятской губ. и были крещены около 1750 г.

132. Лыя - Шія, Лыя - Уткина [1358].

Д. при устьѣ рч. *Лыя*, впадающей въ рч. *Шю*, отъ гор. 23 в., жит. крещ. Тат. (198 м. 213 ж. п.).

133. Люга [1153].

Д. при рч. *Оштормъ*, отъ г. 62 в., жит. Тат. (577 м. 570 ж. п.).

—Максимова Новая, д. 48.

—Максимова Старая, д. 49.

134. Максимовъ Починокъ, Дальній Починокъ [1340].

Д. при рч. *Оштормъ* и *Козулъ*, отъ гор. 10 в., жит. Рус. (494 м. 558 ж. п.).

Макчемъ, — Макчемъ - Инга, д. 48.

Малмыжка, д. 269.

135. Мамадышъ.

Городъ на р. Вяткѣ. Часть города, находящаяся по правую сторону рч. Ошмы, называется «Заошминскою» и заселена русскими крестьянами (581 м. 701 ж. п.). Въ описи Свіяжскаго Богородицкаго монастыря, составленной въ 1614 г. (см. Извѣстія Импер. Археол. Общ. т. IV) читаемъ:

«въ Казанскомъ уѣздѣ на рекѣ Вятке, да на рѣчке на Вошме починокъ на пустошѣ Мамадышевѣ, а въ немъ храмъ Живоначальныя Троицы съ трапезою деревянной обѣ одномъ верху; крестъ и яблоко обито немецкимъ желѣзомъ; на трапезѣ колоколница деревянная, а на колоколнице било деревянное; кругъ церкви и трапезы паперти деревянные, а подъ церковью и подъ трапезою подклѣты. Дворъ монастырской, а посуда всякая дворовая и животины посылана и посылаютъ по сей же отписи изъ монастыря». Въ той же описи упоминается грамота государева жалованная Свіяжскому монастырю на пустошѣ Мамадышъ 1605 года. Въ 4-хъ в. отъ гор. находится небольшая котловина, извѣстная подъ названіемъ *Святая чаша*, на которую 8 мая ходятъ на богомолье изъ Мамадышскаго и Елабужскаго уѣздовъ.

136. Мамалаева, Мамалай [1280].

Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 78 в., жит. Тат. (296 м. 302 ж. п.). Названіе—отъ имени поселившагося, см. дер. Тюлязи (258).

137. Маметьева Пустошь, Сутча, Вершины Сабы, Саба-башъ, Богатые Сабы [1242].

Д. при рч. *Сабы*, отъ г. 85 в., жит. Тат. (846 м. 809 ж. п.). По преданію, дер. возникла въ началѣ XVI ст.; первыми поселенцами въ ней были два сына богатаго Татарина *Маметья*. Разъ братья поссорились другъ съ другомъ изъ-за сабы (учености, знатности) и въ ссорѣ одинъ другаго убилъ. Въ послѣдствіи (около половины XVI ст.) потомки убитаго брата ушли изъ дер. и основали д. Средніе Сабы (202). Маметевъ, см. Спис. др. ист. им. Н. И. Золотницкаго, № 92.

138. Мамыловба [—].

Д. при оз. *Допати*, отъ г. 7 в., жит. Рус. (25 м. 23 ж.).

139. Манзарасъ [1156].

Д. при рч. *Кукморъ*, отъ г. 65 в., жит. Тат. (174 м. 192 ж.).

Мартыново, д. 243.

Мартынь, д. 47.

140.—Машлякъ Большой [1303].

Д. при рч. *Машлякъ*, отъ г. 59 в., жит. Тат. (195 м. 194 ж.).

- 141.—Машлякъ Верхній [1305].
Д. при рч. *Машлякъ*, отъ г. 60 в., жит. Рус. (36 м. 42 ж.) и кр. Тат. (124 м. 134 ж.).
Машлякъ, д. 249.
142. Мѣдный Заводъ, Малый Берсутъ [1422].
Сц. при рч. *Берсутъ*, отъ г. 45 в., жит. Рус. (81 м., 88 ж.). Основаніе сельцу положилъ нѣкто *Маленковъ*, отыскивавшій въ началѣ прошлаго столѣтія на рч. Берсутъ мѣдную руду и построившій для выплавки ея заводъ. Въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» на 1817 г. содержателами Берсутскаго завода названы Маленковъ и Паповъ; (№ 26, стр. 107). Около 1725 года, по ходатайству Маленкова, была перенесена на заводъ изъ села (нынѣ деревни) Кулущей (117), деревянная церковь. Церковь эта сохраняется на мѣстѣ до настоящаго времени, но съ 1818 г. числится приписной къ с. Урманчееву (263). Въ 1804 г., когда руда истощилась, жители завода, бывшіе крѣпостными, были проданы владѣльцамъ Златоустовскаго завода, за исключеніемъ одного семейства, оставшагося жить на упраздненномъ заводѣ. Къ этому семейству присоединилось вскорѣ еще одно, вернувшееся изъ Златоуста. Поэтому этихъ двухъ семействъ и составляютъ теперь жителей сельца Мѣдный Заводъ.
Мендюшъ, д. 186.
143. Мѣша башъ [1185].
Д. въ истокѣ рч. *Мешъ*, отъ г. 87 в., жит. Тат. (133 м. 110 ж.).
- 144.—Мѣша Большая, Другой Дзянгаулъ [1315].
Д. при кл. *Тырманъ*, впадающемъ въ *Мешу*, отъ г. 82 в., жит. Тат. мух. (148 м. 145 ж.) и Тат. отпад. отъ прав. (12 м. 8 ж. п.). Названіе «Другой Дзянгаулъ» дано въ отличіе отъ дер. Дзянгаулъ (145).
—Мѣша Малая, с. 60.
- 145.—Мѣша Средняя, Новая Деревня, Дзянгаулъ [1314].
Д. при рч. *Савруикъ*, отъ г. 81 в., жит. Тат. (206 м. 232 ж.). Второе названіе дер. есть буквальный переводъ третьяго.
146. Мѣшинскій Заводъ, Нырты [1196].
Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 65 в., жит. Рус. (763 м. 957 ж.). Первое назв. деревня получила отъ существовавшего въ ней на р. Мешѣ мѣдно-плавильнаго завода, а второе отъ сосѣдней, одноименной съ нею татарской деревни Нырты (164). Заводъ, положившій основаніе селенію, былъ построенъ въ 1749 г. по указу Бергъ-Коллегіи казанскимъ купцомъ *Келаревымъ* въ дачахъ казенныхъ крестьянъ дер. Ныртовъ для добыванія и выплавки «добротныхъ, мѣдь содержащихъ рудъ». Есть преданіе, что мѣдную руду по р. Мешѣ отыскивали Нѣмцы и объявили объ этой находкѣ правительству. Послѣ Келарева владѣльцами завода были: Ляпинъ, Лобачевскій, Осокинъ, Лебедевъ, Коровинъ и Яхонтовъ. Рабочіе, составившіе населеніе завода, были куплены у помѣщиковъ, переведены съ другихъ заводоу и приняты изъ числа бѣглыхъ, гулящихъ людей. Въ числѣ рабочихъ находились: Башкиры, Чуваши и другіе инородцы; отъ первыхъ ведутъ свое начало жители, носящіе фамилію Башкировыхъ. Улица въ заводѣ, называемая Старою, заселена крестьянами изъ с. Казыль Лаишевскаго уѣзда. Въ 1874 г. заводъ сторѣлъ и выплавка мѣди съ тѣхъ поръ не производилась. Жители завода въ настоящее время большею частію землекопы.
Милятли башъ, д. 36.
—Милятли Тюбинъ, д. 37.
147. Миньгеръ, Норѣчкѣ Менгеръ [1257].
Д. при рч. *Мешъ*, отъ г. 93 в., жит. Тат. (267 м. 257 ж. п.).
- 148.—Мичень Верхняя [1219].
Д. при рч. *Отаркъ*, отъ гор. 104 в., жит. Тат. (243 м. 218 ж. п.).
- 149.—Мичень Новая [1254].
Д. при рч. *Миченъ*, отъ г. 97 в., жит. Тат. (361 м. 383 ж. п.).
- 150.—Мичень Старая [1248].
Д. при кл. *Гришерь*, отъ г. 103 в., жит. Тат. (169 м. 146 ж. п.).
Молтанъ, д. 197.
—Мостъ Сосновій, д. 226.

—Мочалкино Новое, д. 85.

—Мочалкино Старое, д. 151.

151. Мочальное Озеро, Мочалкино Старое, по тат. Кипдеръ - Куль, Чашибаша [1366].

Д. при истокъ рч. Чаша, отъ г. 30 в., жит. кр. Тат. (136 м. 129 ж. п.). Названія даны отъ мочки въ озерѣ (тат.—куль) коноплей (тат.—кин-деръ) и мочала. Основаніе деревни относятъ къ началу XVI стол.

152. Мрали [1236].

Д. при рч. Кисъмесъ, отъ г. 111 в., жит. Тат. (263 м. 269 ж.).

153. Муи, Казавларъ [1230].

Дер. при рч. Муи, отъ гор. 110 вер., жит. Тат. (90 м. 56 ж. п.). Первое названіе дано по рч., а второе показываетъ, что жители дер. были казаки, лашманы свободные отъ податей.

154.—Муи Малый, Губырчакъ [1229].

Д. при рч. Муи, отъ г. 110 в., жит. Тат. (179 м. 147 ж. п.).

155.—Муи Старый [1238].

Д. при рч. Кисъмесъ, отъ г. 110 в., жит. Тат. (117 м. 112 ж. п.).

Муллинъ Починокъ.

Названіе пустоши, на которой въ началѣ настоящаго столѣтія жили съ своими семействами муллы окрестныхъ татарскихъ деревень. Въ нѣкоторыхъ официальныхъ спискахъ эта пустошь до сихъ поръ, вопреки дѣйствительности, считается населеннымъ мѣстомъ.

Мултанъ, д. 197.

Мурзаларъ, д. 29.

Мурзаулъ, д. 6.

156. Мурья Мусичъ, Сизи [1235].

Дер. при рч. Кисъмесъ, жит. Тат. (191 м. 189 ж. п.).

—Мысъ Сосновый, д. 225, 226.

На врагу Сикертанъ, д. 220.

157. Нагашева, Соплячиха [1342].

Д. при кл. Черемшанъ и Чаксъ, отъ г. 39 в., жит. Рус. (165 м. 173 ж. п.). До покоренія Казани земля подъ деревнею принадлежала ка-

кому то хану по имени *Нагашъ*, отъ котораго она перешла впоследствии къ русскимъ помѣщикамъ; заселеніе земли послѣдовало въ началѣ настоящаго столѣтія крестьянами, выведенными изъ разныхъ мѣстъ Казанской губерніи. Въ окрестностяхъ деревни, въ землѣ находятъ старинные сошники, топоры и похи.

—Наратъ-Учь, д. 250

158. Никифорова, Шія-башъ, Чія-башъ, Куччи [1318].

Д. при рч. Шія, отъ г. 37 в., жит. Рус. (2 м. 3 ж.), кр. Тат. (211 м. 269 ж.). Русскіе, выходцы изъ Владимірской губ., приписались къ д. Никифоровой въ 1872 г. Названіе *Никифорова* дер. получила отъ имени перваго крестившагося Татарина. Основателями же деревни были какіе-то инородцы, которыхъ звали: *Нукратау*, *Кунаккози* и *Чиканай*. *Шія-башъ*—дер. при началѣ рч. Шія; *Чія* (тат.)—вишня; прежде дѣйствительно при истокѣ рч. Шія росло много вишенъ.

159. Никольское, Кутъкино, Песчаная Гора [1464].

Сц. при рч. *Каменной*, отъ г. 35 в., жит. Рус. (87 м. 82 ж.) выселены помѣщикомъ *Кандалиниевымъ* въ 1844 г. изъ Тульской губерніи на купленную имъ землю. Названо *Никольскимъ* по имени Ник. Ѳед. Кандалинцева. Назв. *Кутъкино* дано жителями сосѣднихъ селеній за то, что крестьяне сначала были такъ злы, какъ собаки, *кутъки*: охраняя владѣльчскій лѣсъ, они не только били порубщиковъ, но нерѣдко и убивали ихъ. *Песчаной Горой* дер. названа по свойству почвы.

160. Ново-Никольскій Починокъ, Усманъ-Юртъ [—].

Д. при безъимян. ключѣ, отъ г. 50 в., жит. Рус. (85 м. 95 ж.) выселились въ 1867 г. изъ с. Кукмаръ (112) и дали своему поселку названіе въ честь праздника св. Николая. Сосѣдніе Вотяки называютъ эту дер. Усманъ-Юртъ, п. ч. тутъ жилъ когда то некрещеный Вотякъ *Усманъ*.

161. Ново-Троицкій Починокъ [—].

Д. при безъимян. ключѣ, отъ г. 47 в., жит. Рус. (76 м. 79 ж.) выселились въ 60-хъ годахъ

наст. стол. изъ того же с. Кукмаръ (112).

162. Н о р м а, Н у р м а [1404].

Д. при рч. *Кирменкь*, отъ г. 25 в., жит. Тат. (158 м. 162 ж.). Въ 7-ми вер. отъ дер. на Нижне-Кирменскомъ полѣ находится древнее кладбище.

163. Н у р м а - б а ш ь, В е р ш и н ы п о р ч. Н у р м ь [1172].

Д. при истокѣ рч. *Нурмы*, отъ г. 81 вер., жит. Тат. (241 м. 277 ж.). Второе названіе—буквальный переводъ перваго.

Н ы р т ы, д. 146.

164.—Н ы р т ы Б о л ь ш і е [1195].

Д. при рч. *Мешь*, отъ г. 69 в., жит. Тат. (119 м. 101 ж.).

165.—Н ы р т ы С р е д н і е, В е р ш и н ы р ь ч к и Н ы р т ы [1197].

Д. при рч. *Нуртинкь*, отъ г. 69 в., жит. Тат. (121 м. 113 ж.).

166. Н ы р ь я [1204].

С. при рч. *Кнъ*, отъ гор. 88 в., жит. Рус. (114 м. 28 ж.) и Вот. крещ. (61 м. 71 ж.). Церковь въ селѣ выстроена въ 1869 г., а до того времени оно было приходской деревней. Русскіе переселились въ с. Нырью изъ с. Троицкаго, Урая Лаишевскаго уѣзда въ 1875 году.

О л о - О с к ѳ, д. 270.

—Озеро Мочальное, д. 151.

167. О л о я з ь, О л у я з ь [1348].

Д. при безъимян. кл., отъ гор. 32 в., жит. Тат. (399 м. 355 ж.). *Оло-уязъ* (тат.)=большая низменность.

О л у я з ь, д. 297.

—О м а р а С т а р а я, д. 261.

168. О м а р а, Б л а г о в ѣ щ е н с к о е [1459].

С. при рч. *Омаркь*, отъ г. 35 в., жит. Рус. (1360 м. 1380 ж.). Основателями селенія были Татары сосѣдней деревни Уразбахтиной (261), называющейся до сихъ поръ *Старой Омарой*. Русскіе поселились здѣсь въ половинѣ XVI ст. и съ начала XVII вѣка были крѣпостными Казанскихъ митрополитовъ. По приходѣ Русскихъ одна часть Татаръ выселилась изъ Омары, а другая слилась съ Русскими. Отсюда фами-

ліи русскихъ жителей этого села: Полутатарыновы, Тохтаровы, Зиндеевы, Кулущеевы, Инусовы, Басалаевы, Олакаевы, Булыгины, Сапаровы, Мансуровы, Сулеменевы. Характерной особенностью говора жителей является твердое произношеніе буквы л въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она въ общемъ русскомъ говорѣ смягчается, напр. мам(э)чикъ, нем(э)зя и пр. Существующая въ селѣ каменная церковь построена въ 1753 г. Раньше была деревянная, выстроенная жителями по объѣту, за спасеніе ихъ отъ набѣга Башкирцевъ, у которыхъ въ трехъ верстахъ отъ села находился станъ; это мѣсто и до сихъ поръ носитъ названіе *Башкирихи*.

169. О м а р с в ѣ й П о ч и н о в ь [1460].

Д. при рч. *Омаркь*, отъ г. 24 в., жит. Рус. (493 м. 584 ж. п.). Селеніе основано въ началѣ XVII ст. выходцемъ изъ Пермской губ., родоначальникомъ крестьянъ, носящихъ фамилію *Пермяковъ*; къ этому выходцу впоследствии переселились нѣкоторые жители стоящаго рядомъ села Омары, отчего починокъ и получилъ свое названіе—*Омарскій*. Недалеко отъ селенія къ сѣверовостоку лежитъ урочище *Кереметь*, на которомъ находятъ разныя бронзовыя и мѣдныя вещи.

О с к ѳ - б а ш и, д. 76.

—О с к ѳ - О л о, д. 270.

—О с к ѳ - У р т а, д. 271.

О с к у б а ш ь - К а з а в л а р ь, д. 76.

170. О т а р к а, П о к р о в с к о е [1447].

С. при р. *Вяткь*, отъ г. 12 в., жит. Рус. (591 м. 637 ж.). Названіе отъ тат. *Омаръ*=заго-роженное мѣсто, куда загоняютъ пасущійся скотъ. Село основано въ началѣ настоящаго столѣтія переселенцами изъ разныхъ деревень Мамадышскаго уѣзда.

О т а р н я с ь, д. 7, 272.

171. О т а р ы, В о з н е с е н с к о е [1224].

Сц. при рч. *Отаркь*, отъ г. 99 в., жит. Рус. (75 м. 83 ж.), крещ. Тат. (191 м. 208 ж.). Русскіе переселились изъ деревень Нурмы и Комаровки Лаишевскаго уѣзда; живутъ смѣшанно съ Татарами. Татары склонны къ отпаденію въ мухаммеданство. Изъ приходскихъ церковныхъ документовъ за 1750 г. видно, что въ то время

Отары были селомъ; церковь была построена во имя Вознесения Господня; въ 1848 г. церковь эта сгорѣла отъ молніи.

172.—Отары Нижніе [1245].

Д. при рч. *Отаркь*, отъ гор. 100 в., жит. Тат. (173 м. 180 ж.).

173. Отарь - Илга, Чупаева [1371].

Д. при рч. *Илт* (*Сарбашика*), отъ г. 35 в., жит. Рус. (131 м. 142 ж. п.). Основаніе деревни принадлежит Татарамъ, въ числѣ которыхъ былъ влиятельный и богатый Татаринъ *Чупай*. Въ XVIII ст. эти Татары были крещены. Около 1795 г. въ деревню переселились русскіе крестьяне изъ с.с. Мамадышскаго уѣзда, Красной Горки (108), Отарки (170) и Казанскаго уѣзда с. Чекурчи; переселенцы эти явились, вѣроятно, потому, что въ вышеприведенныхъ селеніяхъ преслѣдовали ихъ за уклоненіе въ расколъ. Съ приходомъ Русскихъ одна часть Татаръ выселилась въ другія селенія, а другая слилась съ ними. Въ 1827 г. нѣсколько жителей дер. Чупаевой, объявившихъ себя раскольниками, были приговорены къ ссылке въ отдаленныя мѣста Сибири; но въ 1834 г. ихъ возвратили въ Чупаево, отобравъ подписку о присоединеніи къ православной церкви. Съ 1863 г. расколъ между жителями дер. Чупаевой усилился. Въ 1866 г. въ дер. считалось старо-крещ. Татаръ 22 м. 20 ж. п.

174.—Ошланы Верхніе, Зюгарь - Таканышъ [1381].

Д. при рч. *Шіъ* (*Ошланкь*), отъ г. 48 в., жит. Тат. (224 м. 255 ж. п.). *Зюгарь*, *жугарь* (тат.)=верхній.

175.—Ошланы Средніе, Урта - Таканышъ [1380].

Д. при рч. *Шіъ* (*Ошланкь*), отъ г. 46 в., жит. Тат. (112 м. 145 ж.). *Урта* (тат.)=средній.

176.—Ошланы Нижніе, Таканышъ [1350].

Д. при рч. *Шіъ* (*Ошланкь*), отъ г. 45 в., жит. Тат. (425 м. 468 ж.).

177.—Ошма Верхняя, Ермакова [1323].

Д. при рч. *Ошмь*, отъ г. 14 в., жит. Тат. (352 м. 380 ж.). Названіе дано по рч.

178.—Ошма Нижняя [1322].

Д. при рч. *Ошмь*, отъ г. 8 в., жит. Тат. (1013 м. 993 ж.).

—Ошторма - Аманъ, д. 9.

179.—Ошторма Верхняя, Ошторма - башъ, Аштинзанъ [1163].

Д. при рч. *Оштормь*, отъ г. 70 в., жит. Тат. отпад. въ мухам. (59 м. 40 ж. п.). Деревня наход. въ верховьяхъ, началъ (*башъ*) рч. *Оштормы*. По преданію, первыми поселенцами на этой мѣстности были Вотяки, давшіе названіе деревни: «Аштинзанъ». Впослѣдствіи Вотяки были вытѣснены Татарами. Время основанія селенія относятся къ началу XVI ст.

180. Ошторма - Камышла, по тат. Камышлы [1157].

Д. при рч. *Оштормь*, отъ г. 71 в., жит. Тат. (348 м. 312 ж.). *Камышлы* (тат.)=имѣющая камышъ.

181. Оштормо - Юмья, по вотяц. Улынъ - Гуртъ, по тат. Чекурча [1174].

С. при рч. *Чабчермь* и *Оштормь*, отъ г. 86 в., жит. Рус. (8 м. 13 ж.), старо-крещ. Тат. (39 м. 50 ж.) и крещ. Вотяки (90 м. 97 ж.). Селеніе, основанное въ концѣ XVI ст., находится на низкомъ мѣстѣ, отчего и носить вотяцкое названіе *Улынъ-Гуртъ*=низменное жилище и тат. *Чекурча*=низменность. Въ народѣ сохранилось преданіе, что Татары и Вотяки выселились въ эту мѣстность изъ дер. Старой Юмьи (309). Первыми поселенцами были Татары, жившіе сначала на 1½ вер. ниже занимаемаго теперь мѣста. Татары крестились въ концѣ XVII ст., а Вотяки въ концѣ XVIII ст. Церковь въ селѣ выстроена въ 1840 г., а до 1840 г. селеніе Оштормо Юмья было приходской деревней.

182.—Пакшино Крещеное, Крещеный Пакшишъ [1450].

Д. при рч. *Пакшинкь*, отъ г. 16 в., жит. старо-крещ. Тат. (75 м. 76 ж.).

183.—Пакшино Русское, Русскій Пакшинъ, Ломовка [1449].

Д. при рч. *Пакшинкь*, отъ г. 15 в., жит.

Рус. (82 м. 88 ж.). Дер. основана въ 1825 г. красногорскимъ (108) крестьяниномъ Федоромъ *Башимовымъ*.

Пеньки, с. 188.

Песчаная Гора, д. 159.

Петропавловское, с. 267.

184. Плаксиха, Кубань-Гурь [1441].

Д. на прав. берегу р. *Вятки*, отъ г. 40 в., жит. Рус. (210 м. 241 ж.). По народнымъ рассказамъ, въ началѣ XVII ст. въ мѣстность, гдѣ находится деревня Плаксиха, прибылъ для рыбной ловли на р. Ватьѣ бугарскій рыбакъ по имени *Гурь*, съ сыномъ, дочерьми и двумя работниками:— Башкиромъ и Татаринномъ-мурзою, изъ теперешнихъ губерній Оренбургской и Уфимской. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится деревня, Гурь основалъ рыбацкій хуторъ. По смерти его, сынъ и работники крестились и были названы: сынъ— Осипомъ, Башкиръ— Еремѣемъ, а мурза— Оомою, отъ которыхъ и произошло три поколѣнія: *Осипово*, *Еремѣево* и *Мурзино*. Къ нимъ въ концѣ того же XVII столѣтія присоединились Русскіе, имѣвшіе по близости къ хутору Гура на урочищѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Вятскій Курганъ», свой хуторъ. О первомъ названіи деревни существуетъ иное преданіе, относящее сына Гура, Осипа, къ XVIII в. По этому преданію, Осипъ желалъ отдѣлаться отъ беспокойныхъ сосѣдей, жившихъ на «Вятскомъ Курганѣ» и промышлявшихъ разбоями. Онъ убилъ ихъ атамана, а потомъ отправился въ Казань и просилъ истребить разбойниковъ. По просьбѣ Осипа въ его деревню была послана команда солдатъ подъ начальствомъ *Плаксиха*, отчего и получило другое названіе деревни— *Плаксиха*. По искорененіи разбойниковъ къ тремъ рыбацкимъ семействамъ переселилось еще пять семействъ изъ села Застругъ Вятской губ. Несмотря, впрочемъ, на подробный рассказъ о происхожденіи названія деревни *Кубань-Гурь*, кажется болѣе вѣроятнымъ, что это названіе инородческое; въ окончаніи его *гурь*, *гуртъ* слышится вотяцкое слово=зданіе, жилище. Въ одной верстѣ отъ дер., вверхъ по берегу р. Вят-

ки, находится возвышенная мѣстность—«Вятскій Курганъ», заканчивающаяся каменистымъ неприступнымъ утесомъ. На этомъ курганѣ, величественно возвышающемся надъ рѣкою, находятъ частички кольчугъ, ножей, книжаловъ и дрѣвня мелкія монеты. Есть преданіе, что въ XVIII ст. здѣсь находился разбойничій хуторъ, изъ котораго разбойники дѣлали нападенія на плывущія по р. Вяткѣ суда и грабили ихъ.

—Иойкина-Лыя, д. 131.

185. По ключу Каркаусь, Киркаусь, по тат. *Коркаучь* [1430].

Д. при рч. *Шункь*, отъ г. 49 в., жит. Тат. (199 м. 203 ж.). Татарское названіе деревни отъ имени рыбы, *караки*, водившейся въ рч. *Шункь*. Основаніе дер. положено жителями, переселившимися изъ Нижнихъ Шулангеръ (Шелянгуръ? 290).

186. По ключу Меньдюшъ, Меньдюшъ, Сюля [1244].

Д. при кл. *Меньдюшъ*, отъ г. 110 в., жит. Тат. (97 м. 98 ж.).

По ключу Муй-Илга, д. 285,

По ключу Чучу-башъ, д. 231.

По конецъ врага Балмкль, д. 26.

187. Покровское, Покровка, Гремячка, Рудановка [1192].

Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 71 в., жит. Рус. (60 м. 72 ж.) выселились изъ с. Гремячки Лишевскаго уѣзда, въ кр. храмовой праздникъ бываетъ въ день Покрова. Названіе *Рудановка* дер. получила отъ фамиліи помѣщика, Рудановскаго.

188. Покровское, Пеньки [1462].

С. при р.р. Камы и ея притокъ—*Заборной*, отъ г. 35 в., жит. Рус. (790 м. 857 ж.). На занимаемой селомъ мѣстности, покрытой до заселенія густымъ лѣсомъ, долгое время оставались пеньки, отчего и получило село второе названіе. Такъ какъ жители села носятъ фамиліи: Поляковы, Мордвиновы, Калмыковы, Асмановы,—то полагать можно, что въ составъ ихъ вошли инородцы. Церковь въ селѣ существуетъ съ 1706 г. Р. Кама, протекавшая некогда у самаго села, въ первой четверти

настоящаго столѣтія отступила отъ него на цѣ-
лую версту.

—Поле Гороховое, д. 50.

—Поляна Березовая, д. 32.

—Помашь - Кучу, д. 53.

189. Поникъ, Вознесенское [1233].

Сц. при рч. *Кисьмь*, отъ г. 120 в., жит.
Рус. (150 м. 158 ж.), выселены изъ села Шихаз-
лы и дер. Царевой Казанскаго уѣзда и изъ Сим-
бирской губ. До 1850 г. Поникъ было селомъ.
Церковь во имя Вознесенія Господня около это-
го времени сгорѣла и послѣ того не была возоб-
новляема. Названіе *Поникъ* дано по сосѣдней
деревнѣ (190).

190. Поникъ - Починокъ [1232].

Д. при рч. *Кисьмь*, отъ г. 110 в., жит.
старо-крещ. Тат. (65 м. 59 ж.).

По рѣчкѣ Букмышь, д. 42.

191. По рѣчкѣ Казнишь, Киль-
дебякъ, Сутча [1187].

Д. при рч. *Сабинкь*, отъ г. 80 в., жит.
Тат. (338 м. 358 ж.).

—По рѣчкѣ Лыѣ Зюри, д. 68.

По рѣчкѣ Менгеръ, д. 147.

По рѣчкѣ Нурмѣ Вершины, д.
163.

По рѣчкѣ Сердѣ, д. 73.

192. По рѣчкѣ Сердѣ [1226].

Д. при рч. *Сердѣ*, отъ г. 84 в., жит. Тат.
(263 м. 255 ж.).

По рѣчкѣ Суверъ, д. 221, 229.

193. По рѣчкѣ Урѣ, Теникеево,
Челка [1287].

Д. при рч. *Урѣ* и *Сабинкь*, отъ г. 72 в.,
жит. Тат. (329 м. 297 ж.).

По рѣчкѣ Урять, д. 265.

194. По рѣчкѣ Шившѣ [1218].

Д. при рч. *Сердинкь* и *Мешъ*, отъ г. 86
в., жит. Тат. (261 м. 260 ж.).

195. Поршуръ [1210].

Д. при рч. *Кнъ* и *Боръ*, отъ г. 100 вер.,
жит. старо-крещ. Тат. (138 м. 159 ж.). Названіе
происходитъ отъ вотяцкихъ словъ: *Пуръ*—Черем-
исъ, *шуръ*—вода. *Поршуръ*, *пуршуръ*—чере-

мисская вода. Есть преданіе, что деревню осно-
вали пять вотяцкихъ семей: двѣ изъ Кушкетбашъ
(127) и три изъ Малой Чуры (286), не пожелав-
шихъ принять крещеніе. Сначала они жили ря-
домъ съ Черемисами при ключевой водѣ, а
потомъ, вслѣдствіе нечистоплотности послѣднихъ,
ушли за рѣчку *Бурку* (*Боръ*), переговаривая
между собою: «здѣсь черемисская вода (*Пур-
шуръ*), не станемъ тутъ жить, бѣжимъ дальше».
По это воспоминаніе о черемисской водѣ на столь-
ко врѣзалось въ памяти инородцевъ, что и вновь
основанной ими деревнѣ они дали названіе *Пур-
шуръ*, *Поршуръ*.

196. Постникова, Постниковъ
Починокъ [—].

Д. при безымянномъ ключѣ, отъ г. 40 в.,
жит. Рус. (59 м. 63 ж.). Основана въ 1875 г.
переселенцами изъ с. Кукмаръ (112) въ числѣ
7 домохозяевъ, изъ которыхъ одного зовутъ *Егоръ
Семеновъ Постниковъ*.

197. Починокъ Кучуковъ, Мол-
танъ, Мултанъ, Камышлы [1164].

Д. при рч. *Молтанкь*, отъ г. 65 вер., жит.
Черем. крещ. (36 м. 44 ж.). Черем. языкъ. (47
м. 45 ж.). Основателями деревни называютъ Че-
ремисъ язычниковъ *Мултана* и *Кучука*. Дерев-
ня получила названіе *Камышлы*, п. ч. въ окрест-
ностяхъ ея растетъ въ изобиліи камышь.

198. Починокъ Псякъ, по тат. Пш-
чакъ [1389].

Д. при рч. *Асанъ-Илтъ* и кл. *Шунъ-башъ*,
отъ г. 65 вер., жит. Тат. (356 м. 351 ж.), высе-
лились изъ дер. Куюкъ (18).

Починокъ Шемордонъ, д. 295.

Починокъ Янасаль, д. 315.

Пронькина, д. 32.

—Пуваль-Изма, д. 71.

Пустошь на горѣ, д. 42.

Пустошь по рч. Нурмѣ, д. 227.

Прудскихъ, Прудское, д. 116.

Псякъ - Починокъ, д. 198.

Пшчакъ, д. 198.

199. Рагозина [1457].

Д. при рч. *Секенекъ*, отъ г. 25 вер., жит.

Рус. (382 м. 465 ж. п.).

—Рѣчки Нырты Вершины, д. 165.

Рудановка, д. 187.

200.—Русь Нижняя, Урясь [1396].

Д. при рч. *Уряськь*, отъ г. 53 вер., жит. Вот. крещ. (69 м. 73 ж. п.), Вот. языч. (80 м. 84 ж. п.), выселились въ концѣ XVII ст. изъ Вятской губер. Второе названіе дано по рч.

Сабба-башъ, д. 137.

Саббаева, д. 299.

Сабайаулъ, д. 299.

201. Сабанчина, Ата, [1201].

Д. при рч. *Кнъ*, отъ г. 90 вер., жит. Тат. (260 м. 237 ж. п.). По свѣд. 1866 г. въ д. считалось также новокрещен. Тат. (6 м. 8 ж. п.). По тат. *сабанъ*=плугъ, *сабанчи*=имѣющіе плуги; *ата*, *аты*=лошадь.

—Сабы Богатые,—Сабы Вершины, д. 137.

202.—Сабы Средніе, Токтаръ, Шайтанъ-Илга [1288].

Д. при рч. *Сабинкь*, отъ г. 77 вер., жит. Тат. (258 м. 235 ж. п.), выселились въ половинѣ XVI ст. изъ Маметевой Пустоши (137). Такъ какъ побужденіемъ къ выселенію было убійство роднымъ братомъ главы ихъ рода, то потому, можетъ быть, деревня названа *Шайтанъ-Има*=чертовъ оврагъ.

203.—Сабы Старые, Сабы-Токтаръ, Токтарова [1289].

Д. при рч. *Средней Сабъ*, отъ г. 70 вер., жит. Тат. (118 м. 131 ж. п.).

—Сабы-Чапки, д. 280.

204.—Савруши Большіе по тат. Сауршъ [1313].

Д. при безымянномъ оврагѣ, отъ г. 65 вер., жит. старокрещен. Тат. (294 м. 289 ж. п.), Тат. отпад. въ мухам. (36 м. 27 ж.). *Сау* (тат.)=здоровый; *рышъ*, *арышъ* (тат.)=хлѣбъ. Въ 1/2 вер. отъ деревни, на западъ, на такъ называемой *Комаровской* дорогѣ указываютъ мѣсто, гдѣ находилась прежде д. Савруши; теперь находится тутъ часовня (столбикъ безъ иконъ) и покинутое кладбище. Съ этого мѣста жители переселились

будто бы потому, что проѣзжавшіе по дорогѣ чиновники требовали отъ нихъ куръ, яицъ, масла и пр. Въ прошедшемъ столѣтїи Савруши были селомъ.

205.—Савруши Другіе [1275].

Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 60 вер., жит. Тат. (228 м. 260 ж.).

206. Салтыганъ Ключъ, Салтыганъ, по тат. *Узунъ-Чачъ*, *Кююгы*, *Дзянай* [1274.].

Д. при кл. *Узунъ-чачъ*, отъ г. 60 вер., жит. старокрещ. Тат. (66 м. 67 ж.). Первыя два назв. съ татар. *сатыманъ*=проданъ, *узунъ*=длинный, *чачъ*=волось; *узунъ-чачъ*=длинный волось. Говорятъ, что родоначальники жителей были мурзы, выселившіеся изъ подъ Казани и носившіе длинные волосы заплетенные въ косы. Они имѣли жалованную грамоту, на основаніи которой освобождены были отъ податнаго сбора. Грамота досталась въ руки одисѣ дѣвушки, вышедшей въ замужество въ д. Аланку Лаишевскаго уѣзда, гдѣ во время пожара эта грамота у нея сгорѣла. По разсказамъ другикъ, родичи Салтыгановцевъ пришли изъ д. Чучи Лаишевскаго уѣзда гдѣ, подобно всѣмъ старокрещенымъ Татарамъ той мѣстности, они носили длинные волосы, отчего и были прозваны *узунъ-чачъ*=длинный волось.

207. Салтыкъ - Ерыкла, Татарскій Шумбашъ [1427].

Д. при рч. *Шумбашъ*, отъ г. 52 в., жит. Тат. (169 м. 178 ж. п.). Мѣстоположеніе этой деревни такое же, какъ и Ерыксы (63), а потому можетъ быть правильнѣе назвать ее *Ерыкса*, а не *Ерыкла*.

Самодырова, д. 32.

208. Сарбашева Пустошь, Коро-Аулъ [1379].

Д. при рч. *Сарбашкь*, отъ г. 31 в., жит. Тат. (99 м. 107 ж.). Названіе *Коро-Аулъ* съ тат. *коро*=сухой; *Коро-Аулъ*=сухой аулъ, сухое селеніе.

209. Сарбашево, Сарбашъ [1378].

Д. при рч. *Сарбашкь*, отъ г. 33 в., жит. ново-крещ. Тат. (20 м. 22 ж.), Тат. мухам. (71 м.

80 ж.). По преданію, первыми поселенцами въ дер. были Вотяки, вытѣсненные Татарами. Эти послѣдніе и назвали, будто бы, деревню: *Сарабашъ*—рыжая голова, за рыжій цвѣтъ волосъ на головѣ у Вотяковъ.

210.—Сардыганъ Малый [1214].

Д. при рч. *Бурзъ*, отъ г. 102 в., жит. Тат. (135 м. 136 ж.). По сосѣдству съ этой деревней въ Вятской губ. находятся селенія: Сардыганъ (Большой?), Сардыбашъ. По рѣчкѣ Сардыкъ, Большой Сардыкъ.

211. Сартыкъ, Артыкъ [1319].

Д. при рч. *Артыкъ* и *Мутовка-Чешикъ*, отъ г. 35 в., жит. Тат. (281 м. 271 ж.).

Сатлыганъ, д. 206.

212. Сатышева, Бурунча - Сатышева по тат. Сатышъ [1258].

Д. при рч. *Сабинкъ*, отъ гор. 75 в., жит. Тат. (785 м. 768 ж.). Названіе съ тат. *Сатыу*—продажа, торговля. Говорятъ, что деревня существуетъ болѣе 500 лѣтъ. Въ окрестностяхъ ея находятся овраги подъ названіемъ: *Улятъ-базъ* и *Кызыль-яръ*; о первомъ рассказываютъ, что въ немъ былъ когда-то проглоченъ землею за злыя дѣла ханъ, а о второмъ, что въ немъ жили какіе-то большіе звѣри. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *Кызыль-яръ* былъ найденъ клыкъ мамонта.

Саурышъ, д. 204.

213.—Секинеси Верхніе, Верхняя Секинесъ [1455].

Д. при вершинѣ рч. *Секинесъ*, отъ г. 19 в., жит. Рус. (422 м. 534 ж.). Селеніе возникло въ послѣдней четверти XVIII ст. Въ окрестностяхъ его находится *Читринскій* оврагъ, названный такъ по имени атамана разбойниковъ, жившихъ въ немъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

214. Секинеси, Секинесъ, Троицкое [1454].

С. при рч. *Секинесъ*, отъ гор. 20 в., жит. Рус. (604 м. 747 ж.). Названіе селу дано жившими въ немъ когда-то Мордвой и Черемисами. Часть Русскихъ переселилась сюда съ р. Керженца Нижегородской губ., отчего и происходятъ фамилии

нѣкоторыхъ крестьянъ—*Керженцевы*. Въ XVIII ст. жители считались *подзаводскими* и съ пятнадцати-лѣтняго возраста ходили на работу въ Ижевской оружейный заводъ Вятской губерніи. Въ 1854 году выселились изъ Секинесъ 40 д. въ дер. Пльдякъ и 44 д. въ дер. Девяшево Оренбургской губерніи.

Семеновъ Починокъ, д. 51.

215.—Семень - Головина Малая, Біарь [1203].

Д. при рч. *Кнъ*, отъ г. 92 в., жит. Рус. (15 м. 12 ж.), старо-крещ. Тат. (37 м. 40 ж.). Какъ Русск. такъ и нѣкоторые изъ Тат. переселились въ 1869 г. изъ дер. Чучи Лавшев. уѣз. Названіе *Біарь*, *Біарь* напоминаетъ *Би-ерь*, *Бій-ерь* (вот.)—Татаринъ.

216.—Семень - Головина Новая, Яныли, Яныль [1209].

Д. при рч. *Кнъ* и *Бурзъ*, отъ гор. 96 в., жит. Рус. (3 м. 4 ж.) и старо-крещ. Тат. (311 м. 331 ж.), часть послѣднихъ выселилась изъ дер. Біарь (215). Названіе *Яныль* съ тат. *яна-жана*—новый, *иль*—деревня, околдокъ.

217. Семень - Головина, Каницарь [1181].

Д. при рч. *Кнъ*, отъ г. 79 в., жит. крещ. Тат. (7 м. 8 ж.), Тат. мух. (195 м. 174 ж.).

218.—Семитъ Верхній по тат. Семитъ - баша [1249].

Д. при рч. *Семитъ*, отъ гор. 108 в., жит. Тат. (299 м. 253 ж.), переселились изъ д. Большихъ Менгеръ Казанск. уѣзда. Дер. находится въ началѣ рч. *Семитъ* и потому называется *Семитъ-баша*.

219.—Семитъ Нижній [1250].

Д. при рч. *Семитъ*, отъ гор. 106 в., жит. Тат. (270 м. 286 ж.).

Сердаючь, д. 66.

Сизи, д. 156.

220. Сикертанъ, На врагу Сикертанъ [1228].

Д. при рч. *Кисьмесъ*, отъ гор. 108 в., жит. Тат. (382 м. 349 ж.). Названіе съ тат. *сикеръ*—прыгать, скакать, *сикертя*—кузнечикъ, стрекоза.

221. Синерь, Порѣчкѣ Сунерь [1437].

Д. при рч. *Синерь*, отъ г. 67 в., жит. Рус. (41 м. 39 ж.). Чер. крещ. (43 м. 47 ж.). Первые выселялись изъ с. Кукмарь (112) и д. Ершовки (62) въ 1862 г., а вторые изъ Малмыжскаго уѣз. Вятской губ.

222. Смакъ - Карса [1239].

Д. при рч. *Кисъмесъ*, отъ г. 110 в., жит. Тат. (219 м. 245 ж.). По соседству съ этой деревней въ Казанскомъ уѣздѣ находятся селенія Верхняя и Нижняя Карса, а по другую сторону, выше Смакъ-Карсы, въ Мамадышскомъ уѣздѣ Карсабашъ (88).

Снорать, д. 72.

—Снорать Тюбянь, д. 240.

223. Содовый заводъ [—].

Д. на берегу р. *Камы*, отъ г. 54 в., жит. Рус. (19 м. 13 ж.). Въ 1868 г. на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ владельцемъ села Шумбутъ Лаишевскаго уѣзда кн. Воронцовымъ содовый заводъ, который просуществовалъ два года и потомъ былъ закрытъ. Близъ завода въ оврагѣ, въ который черезъ узкій проходъ вливается Кама, жили въ концѣ XVIII в. разбойники: ихъ въ одну ночь истребилъ дворовый человекъ князя Воронцова, отецъ основателя дер. Сухопаровки (235), жившій въ то время въ Шумбутѣ. Въ землянкахъ разбойниковъ было найдено между прочимъ нѣсколько серебряныхъ чашъ, изъ которыхъ впоследствии сынъ истребителя разбойниковъ съ своими друзьями во время праздниковъ распивалъ медъ.

224. Соколка, Соколыи Горы, Введенское [1453].

С. на берегу р. *Камы*, отъ г. 25 в., жит. Рус. (426 м. 582 ж.). Селеніе возникло въ концѣ XVII стол. Въ 1682 г. крестьянинъ поселка Свиныя горы (Вятской губ.) Алексѣй Давыдовъ *Чертищевъ* съ товарищами занялъ дикое раменье Соколыи Горы и основалъ по р. Камѣ ниже Вятскаго устья дер. Соколку, отданную вскорѣ послѣ ея основанія Донскому монастырю. (См. «Поволжье» въ XVII и началѣ XVIII в. г. Перетятковича, Одесса 1882 г., стр. 274—275). Первоначально по-

селенцы жили на 3 версты ниже, на низменномъ берегу р. Камы; проживъ тамъ около 50-ти лѣтъ, они нашли болѣе удобнымъ теперешнее мѣсто. Покинутая мѣстность до сихъ поръ называется *Старая деревня*.

Соплячиха, д. 80, 157.

Сосновый Мостъ, д. 226.

225. Сосновый Мысь, Дусаева [1349].

Д. при рч. *Чуткуль* и *Шиль*, отъ г. 43 в., жит. Тат. (257 м. 274 ж.). Названіе *Дусаева* отъ тат. сл. *досъ, дусъ*—другъ, пріятель.

226. Сосновый Мысь, Сосновый Мостъ, Кибяча—по тат. *Жянай* [1276].

Д. на р. *Мешъ*, отъ г. 63 в., жит. новокр. Тат. (76 м. 83 ж.). Тат. отпад. въ мух. (27 м. 30 ж.). Первое названіе дер. получила отъ того, что стояла на мысу сосноваго бора, нынѣ вырубленнаго. Сосновымъ Мостомъ дер. называется потому, что около нея черезъ Мешу была перекинута огромная сосна, замѣнявшая собою мостъ; въ 60-хъ годахъ этотъ мостъ уничтожился. Основаніе дер. положено въ началѣ нынѣшняго столѣтія переселенцами изъ с. Елышева (60).

227. Составакъ, Пустошь по рѣчкѣ Нурмѣ [1169].

Д. при рч. *Нурмъ*, отъ г. 87 в., жит. Тат. (219 м. 243 ж.).

Студеный Ключъ, д. 31.

228. Студеный Ключъ, Альшекуртъ, по вот. Алешъ-Гуртъ, по тат. Алешъ-Ауль [1175].

Д. при кл. *Студеномъ*, по вот. *Кизитъ-Отмезъ*, отъ г. 70 в., жит. Вот. крещ. (51 м. 56 ж.). Иностранческія названія даны по имени перваго поселенца: *Алешъ-Гуртъ* (вот.) *ауль* (тат.)—Алексева деревня. *Альшекуртъ*—названіе передѣланное Русскими изъ *Алешъ-Гуртъ*; жители выселились изъ дер. Блая Елабужск. уѣзда, Вятской губ.

—Субашъ-Дюртели, д. 57.

229. Сунерь - Изма, Порѣчкѣ Сунерь [1222].

Д. при рч. *Сунъ* и *Олузкъ*, отъ г. 96 в., жит. Тат. (170 м. 162 ж.). По свѣдѣніямъ 1866 г. въ д. *Сымуръ* (т. е. Сунерь) показаны также

новокр. Тат. 1 м. 4 ж.

230.—С у н и В е р х н і е, І у г а р ы С у н ь [1407].

Д. при рч. *Берсутъ*, отъ гор. 34 в., жит. Тат. (545 м. 570 ж.). Первое названіе есть буквальный переводъ второго.

231.—С у н и М а л ы е, П о ч и н о в ь Б а й г и л ь д и н ь, П о К л ю ч у Ч у ч у б а ш ь [1408—1409].

Д. при рч. *Сункъ*, отъ г. 32 в., жит. Тат. (522 м. 481 ж.). Деревня образовалась изъ двухъ когда-то отдѣльныхъ починковъ: *Байгильдина* (1408) и *Чучубаша* (1409).

—С у н и М а л ы е, д. 117.

232.—С у н и Н и ж н і е [1411].

Д. при рч. *Сункъ* и руч. *Бугульдъ*, отъ г. 35 в., жит. Тат. (652 м. 643 ж.).

233.—С у н и С р е д н і е, У р т а С у н ь [1410].

Д. при рч. *Сункъ*, отъ г. 35 в., жит. Тат. (337 м. 330 ж.). Первое названіе переводъ второго.

234. С у т е р ь П о ч и н о в ь, Б і е р ь [1386].

Д. при рч. *Шію*, отъ г. 59 в., жит. Вот. крещ. (73 м. 71 ж.). Вот. яз. (35 м. 53 ж.). Названіе деревни получила отъ имени основателя некрещенаго Вотяка *Сутера*. *Біерью* названа по имени ключа впадающаго въ *Шію*. Вотяки выселились изъ Вятской губерніи въ концѣ XVII стол.

С у т ч а, д. 137, 191.

235. С у х о п а р о в ь а, С у х о п а р о в ь З а в о д ь, А б а д а [1420].

Сц. при рч. *Абадинкы* (Шабалъ), отъ гор. 47 в., жит. Рус. (2 м. 5 ж.). Сельцо основано бывшимъ дворовымъ князя Воронцова, Алексѣемъ Ивановымъ *Сухопаровымъ*, на купленной имъ въ 1807 г. у бывшего своего господина дачѣ, на которой былъ устроенъ имъ первоначально поташный заводъ. (Снес. выше, пос. № 223 и ниже, пос. № 263).

236.—С ю к а ч и Б е р с у т ь,—С ю к а ч и В е р х н і е,—С ю к а ч и П и ж н і е [1415—1416].

Д. при рч. *Сюкачинкы* и *Берсутъ*, отъ г. 41 в., жит. Тат. (227 м. 231 ж.). Сначала было два отдѣльныхъ поселка: Нижніе и Верхніе Сюкачи, которые съ увеличеніемъ народонаселенія слились.

С ю л я, д. 186.

237. Т а в л а р о в а, по тат. Т а у л а р ь [1306].

Д. въ полугорѣ при рч. *Шію*, отъ г. 37 в., жит. Тат. новокр. (26 м. 25 ж.), Тат. мух. (170 м. 181 ж.). *Тауларъ* (тат.)=гористое мѣсто. Въ «Статистич. свѣдѣніяхъ» Е. А. Малова 1866 г. деревня эта названа *Тавіары*.

238. Т а в е л и, Н и к о л ь с к о е [1327].

С. при рч. *Шію*, отъ г. 37 в., жит. Рус. (739 м. 776 ж.). Назв. съ тат. *тау*=гора, *иле*=окружность, мѣстность. По преданію, до прихода Русскихъ въ селѣ жили Татары. О выселеніи ихъ изъ этой мѣстности разсказываютъ слѣдующее: Разъ на ключѣ они нашли икону св. Николая; чтобы уничтожить находку они бросали ее въ воду, огонь, уносили въ лѣсъ, закапывали въ землю, но она снова являлась на прежнемъ мѣстѣ. За дерзкое обращеніе съ иконой стали умирать люди и скотъ, сдѣлались частые пожары и пересталъ родиться хлѣбъ. Вслѣдствіе этого Татары выселились въ Лаишевскій уѣздъ и основали деревню Тавели-Ходяшево. Замѣтившіе ихъ Русскіе пришли съ какого-то завода Вятской губерніи и долго считались на новомъ мѣстожителствѣ *подзаводскими*. Каменная церковь въ селѣ построена прихожанами и помѣщикомъ приходской д. Кабыкъ-Куперъ (80), Евгр. Алек. Лебедевымъ, взаменъ сгнившей, деревянной, существовавшей почти 200 лѣтъ. Въ границахъ прихода, не далѣе трехъ верстъ отъ села, находятся два урочища: *Жилище* и *Польмо*. На первомъ, какъ разсказываютъ, жили Русскіе, переселившіеся въ с. Зміево Чистопольскаго уѣзда, а на второмъ—Татары, перешедшіе въ дер. Ишеево (77).

Т а и ш е в о, д. 114.

Т а и ш е в с к і й З а в о д ь, с. 112.

—Т а к а н а - Т о ш ь, д. 102.

- Та каньшъ, д. 174, 175, 176.
Танькино, с. 267.
239. Тарлова [1202].
Д. при рч. *Кня-башъ*, отъ г. 95 в., жит. Тат. (127 м. 117 ж.).
- Тарлово, д. 311.
240. Татарская Пкшурма, Тюбянь Снорать [1271].
Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 73 в., жит. Тат. (393 м. 461 ж.).
- Тауларъ, д. 237.
241. Ташкичь [1234].
Д. при рч. *Кисьмесъ*, отъ г. 109 в., жит. Тат. (150 м. 158 ж.). Назв. съ тат. *ташъ*=камень, *кичь*, *кичу*=ключъ, *ташкичь*=каменный ключъ.
242. Ташлы-Илга, Тушлы [1428].
Д. при рч. *Шумбашъ*, отъ г. 48 в., жит. Тат. (268 м. 279 ж.). Деревня названа по имени находящагося въ двухъ верстахъ оврага (*илла*) съ камнями (*ташлы*). Жители выселились въ концъ XVI ст. изъ дер. Шарфанъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губернии.
243. Ташлы-Илга, Шатынь-Илга, Мартыново [1290].
Д. при рч. *Старой Сабъ*, отъ гор. 72 в., жит. Тат. (192 м. 167 ж.). *Шатынь* (тат.)=проклятый.
- Ташлыкъ, д. 126.
244. Ташлыяръ [1263].
Д. при рч. *Ниссъ*, отъ г. 58 в., жит. Рус. (233 м. 247 ж.). Названіе съ тат. *ташлы*=каменистый, *яръ*=край, берегъ. Жители выселились изъ дер. Комаровки (105).
- Ташлыяръ, д. 85.
Теникеево, д. 193.
245. Теплое Болото, Нижній Арняшъ, по тат. Тюбянь Арняшъ [1296].
Д. при рч. *Маломъ Берсуть*, отъ г. 50 в., жит. старо-крещ. Тат. (209 м. 181 ж.). Названіе Теплое Болото дано по характеру мѣстности. Третье названіе—буквальный переводъ втораго.
246. Тимершикъ [1251].
Д. при рч. *Мешъ*, отъ г. 92 в., жит. Тат. (494 м. 480 ж.). Назв. съ тат. *Тимеръ*=жельзо, *Тимерче*=кузнецъ.
- Тло, д. 308.
247. Тогусъ [1374].
Д. при рч. *Кляушкъ*, отъ гор. 34 в., жит. Тат. (114 м. 137 ж.). Назв. съ тат. *тогусъ*=девять. Подъ словомъ *тогусъ*, *тугызь* у Татаръ разумѣютъ также подарки невѣстѣ, состоящие изъ девяти предметовъ: рубашки, нижняго бѣлья и проч. (Корн. слов. Золотницкаго, стр. 187).
248. Токтамышъ, Тохтамышъ [1262].
Д. при рч. *Ниссъ*, отъ г. 55 в., жит. Рус. (107 м. 120 ж.), старо-крещ. Тат. (90 м. 120 ж.). Деревня получила названіе отъ имени разбойника *Токтамышъ*. Въ историческихъ актахъ встрѣчается имя татарина *Тохтамышъ-Топшевъ* 1636 г. (Спис. др. ист. вѣд. Золотницкаго, № 112). Русскіе переселились сюда изъ Лаишевскаго уѣзда.
- Токтарова, — Токтаръ-Сабы, д. 203.
Токтаръ, д. 220.
249. Томасовъ Починокъ, Машлякъ [1404].
Д. при рч. *Машлякъ*, отъ г. 60 в., жит. старо-крещ. Тат. (82 м. 118 ж.). Деревня протекающей черезъ нее рѣчкой дѣлится на два поселка, изъ которыхъ одному, населенному мухамеданами, и присвоивается назв. Машлякъ (140). Предки теперешнихъ жителей этой деревни выселились въ концъ прошедшаго стол. изъ д. Янцоваръ Лаишевскаго уѣзда, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ нимъ Русскихъ, жившихъ въ Янцоварѣ. Говорятъ, что этимъ крещенымъ Татарамъ было предложено поселиться у *Томасова* ручья, (*тома*, по тат.=капля), но они, натерпѣвшись вдоволь разныхъ притѣсненій отъ Русскихъ, въ надеждѣ встрѣтить въ мухамеданахъ дружеское и родственное сочувствіе, поселились въ 1½ в. отъ ручья, при дер. Машлякъ.
- Тохтамышъ, д. 248.
Тошъ-Такана, д. 102.
250. Три Сосны, Тюбякъ, Учъ-Норать, Очь-Норать [1273].
Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 55 в., жит. старо-

и ново-крещ. Тат. (151 м. 166 ж.). Название дер. получила отъ *трехъ сосенъ* (по тат. бчь-наратъ), росшихъ въ 3-хъ поляхъ, принадлежащихъ доселѣ жителямъ этой деревни. Одна полусгнившая сосна сохраняется до сихъ поръ; считая ее священной, жители не трогаютъ опадающихъ съ нея сучьевъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ они бросали къ ней деньги. Нѣкоторые изъ крещеныхъ Татаръ этой деревни, склонныхъ къ отпадению въ мухаммеданство, постоянно живутъ въ Казани, занимаясь въ Татарской слободѣ портняжнымъ ремесломъ

251. Тулбаева, Тулубаева [1394].

Д. при рч. *Штъ* и *Чуткуль*, отъ г. 40 в., жит. Тат. (274 м. 263 ж.). Название отъ собств. имени *Тулу*, *Туллы* (см. Сп. ист. им. Н. И. Золотницкаго № 114) и *бай*=богатый; *Тулубаева*=Туллы богатаго. О значеніи слова: «Туллы» снес. ниже, посел. № 253

252.—Тулба Новопоселенная, Чарлы [1431].

Д. при рч. *Тулбинкъ*, отъ гор. 45 в., жит. Рус. (237 м. 278 ж.). Название дер., основанной въ 1795 г. переселенцами изъ разныхъ ближайшихъ къ ней деревень Вятской губер., дано по рч. *Тулбинкъ* и по источ. *Чарлы*, вытекающему выше деревни.

253.—Тулба Татарская, Туллы [1440].

Д. при рч. *Тулбинкъ*, отъ г. 42 в., жит. Тат. (148 м. 172 ж.). Говорятъ, что эта дер. была основана до покоренія Казанскаго царства Черемисиномъ *Тулбаемъ*, котораго, какъ женившагося на вдовѣ, по татарски звали *Туллы*. По покореніи Казани выселились сюда три семейства Татаръ изъ дер. Кабыкъ-Куперь (296). Сначала Тат. жили вмѣстѣ съ Черемисами, а потомъ вытѣснили ихъ за р. Вятку. При дер. находится старинное кладбище.

Тулубаева, д. 251.

254. Туркачи [1320].

Д. при рч. *Сункъ*, отъ гор. 34 в., жит. Тат. (153 м. 160 ж.). Деревни Туркачи и Верхніе Суни составляютъ въ настоящее время селеніе.

255. Туркаши, Туркашъ [1332].

Д. при безимян. ключѣ, отъ г. 52 в., жит.

Тат. (212 м. 227 ж.).

Туллы, д. 242.

Тюбянь, д. 250.

256. Тюбякъ [1312].

Д. при кл. *Тюбякъ*, отъ гор. 60 в., жит. Тат. (277 м. 242 ж.). *Тюбянь*, *Тубанъ*, *Тюбякъ*=нижній, низменный.

Тюбянь Аки, д. 4.

Тюбянь Арняшъ, д. 245.

Тюбянь-Ауль, д. 263.

Тюбянь Тилятли, д. 37.

Тюбянь Споратъ, д. 240.

Тюбянь Шелянгуръ, д. 290.

257. Тюлюшка [1260].

Д. при рч. *Семитъ*, отъ г. 96 в., жит. Тат. (43 м. 42 ж.). Деревня эта называется также Малой Тюлюшкой въ отличіе отъ сосѣдней съ нею деревни Лаишевскаго уѣзда того же имени.

258. Тюлязи, Большіе Тюлязи [1317].

Д. при кл. *Баландышъ*, отъ г. 80 в., жит. Тат. (311 м. 287 ж.). Название отъ собств. имени *Тюлязь* (глухой, дуракъ). Существуетъ преданіе, что было три брата: *Тюлязь*, *Мамалай* и *Ряшъ*. Первые два основали деревни, названныя ихъ именами (см. Мамалаева, 136), а послѣдній жилъ недолго и основать деревни не успѣлъ.

259.—Тюлязи Малые, Казакларъ [1281].

Д. при рч. *Мѣшъ*, отъ г. 87 в., жит. Тат. (18 м. 15 ж.), бывшіе мурзы, выселившіеся изъ дер. Большихъ Тюлязей (258).

260. Тямти, Бахты-Врагъ [1310].

Д. при рч. *Тямтъ*, отъ г. 95 в., жит. старо-крещ. Тат. (176 м. 182 ж.). Первое назв. дано по рч., а второе съ араб. *бахтъ*=судьба, счастье, благополучіе. Производятъ также *тямти*=отъ тат. *тямне*=сладкій, вкусный. Деревня основана около 1600 г. Татаринномъ переселившимся изъ Бухаріи и принявшимъ крещеніе въ Казани. Онъ поселился на сѣверной сторонѣ р. *Нырсы*, построилъ въ оврагѣ фабрику, на которой ткалъ бахту, имѣлъ много пчелъ, пилъ и ѣлъ сладко. Въ Тямтяхъ находится могила какого-то святаго,

почитаемая мѣстными Татарами не исключая и крещеныхъ; говорятъ, что этотъ святой, при возникновеніи деревни, былъ убитъ некрещеными Черемисами во время бывшей тутъ битвы.

Узунъ-чачь, д. 206.

Улымъ-Гуртъ, д. 273.

Улынъ-Гуртъ, д. 181.

Уленъ-Куморъ, д. 119.

261. Уразбахтино, Старая Омаря [1399].

Д. при рч. *Омаркъ*, отъ г. 25 в., жит. Тат. (466 м. 429 ж.). Первое назв. отъ джагатайскаго *ураз*=счастіе, судьба; *ураз-бахти*(но)=счастіе взглянуло («Чув.-рус. словъ» Н. И. Золотническаго стр. 248).

262. Уркушъ [1433].

Д. при рч. *Чутьаул*, отъ гор. 55 в., жит. Тат. (263 м. 303 ж.).

263. Урманчѣво, Троицкое, Куюкъ, Берсутъ Кіырлы, Тюбянь-ауль [1413].

С. при рч. *Берсутъ*, отъ г. 46 в., жит. Рус. (160 м. 170 ж.), старо-крещ. Тат. (170 м. 195 ж.). Основателями поселенія были Татары, жившіе среди густаго лѣса, по тат. *урминъ*, отчего и получило село первое названіе. Татарами владѣлъ какой-то князь, жившій на горѣ, которая Русскими называется теперь *Князевой*. Русские переселились въ с. Урманчѣво въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ дер. Куюкъ (72). Татары стали жить съ Русскими до того мирно, что приняли христіанство. Церковь въ с. построена во имя св. Троицы въ 1820 г. на средства основателя сосѣдней дер. Сухопаровки (235), купца *Сухопарова*, которымъ была также устроена и богадѣльня. Мраморный памятникъ, поставленный на могилѣ Сухопарова въ церковной оградѣ, до сего времени почитается народомъ. Названіе *Берсутъ* село получило по рч. Два послѣднія названія села объясняются слѣдующими татарскими рѣченіями: *кіырлы*=косо рубить, рѣзать; *Тюбянь-ауль*=нижнее селеніе. На устьѣ рч. Берсута, впадающей въ Каму, жители указываютъ мѣсто, гдѣ въ старину обитали разбойники, грабившіе суда по Камѣ.

Урта Кирмянъ, дер. 95.

Урта Освѣ, дер. 271.

Урта Сунъ, дер. 233.

Урта Таканышъ, дер. 175.

Урта Шелянгуръ, дер. 292.

264. Уру-Шурма [1293].

Д. при кл. *Улу-чишма* (т. е. большой ключъ) отъ г. 88 в., жит. Тат. (303 м. 302 ж.).

265. Урясь-башъ, Порѣчкѣ Урясь [1435].

Д. при рч. *Урясь*, отъ г. 59 в., жит. старо-крещ. Тат. (260 м. 222 ж.). Занимаясь по сосѣднимъ мухаммеданскимъ деревнямъ портняжнымъ ремесломъ, жители постоянно находятся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ некрещ. Татарами, придерживаются ихъ обычаевъ и склонны къ отпаденію въ мухаммеданство.

266. Урясь-Керпи [1243].

Д. при рч. *Мичейкъ*, отъ г. 100 в., жит. Тат. (263 м. 237 ж.).

267. Урясь-Учи, Танькино, Петропавловское [1397].

С. при рч. *Урясь*, отъ г. 55 в., жит. Рус. (50 м. 58 ж.), старо-крещ. Тат. (69 м. 84 ж.). Первое названіе дано по ключу при которомъ находится село. Названіе *Танькино*, болѣе употребительное въ народѣ, село получило отъ прозвища основателя его, богатаго Татарина *Тэньгъ* (серебрянная монета, цѣлковый). Возникновеніе села относятъ къ XVII ст.; каменная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла построена въ концѣ XVIII ст., а до того времени была деревянная, сгорѣвшая во время пожара. Небольшая часть Русскихъ переселилась въ Танькино село въ 1820 г. изъ дер. Нурмы Лаишевскаго уѣзда.

Урясь, дер. 200.

268. Усали [1414].

Д. при рч. *Берсутъ*, отъ г. 40 в., жит. Тат. мух. (330 м. 340 ж.), старо-крещ. Тат. (10 м. 12 ж.). По статистич. свѣд. 1866 г. деревня эта неправильно названа *Усадъ*, и въ ней показано старо-крещ. 66 м. 70 ж. Названіе *Усали* отъ черем. словъ *у*=новый, *сола*=деревня. Старо-крещеные Тат. выселились сюда изъ окрестныхъ селеній лишь въ числѣ трехъ домохозяевъ около 1840 г.

Усманъ - Юртъ, д. 160.

269. Усы - Малмыжка, Малмыжка [1344].

Д. при рч. *Усы* и *Малмыжка*, отъ г. 13 в., жит. Рус. (402 м. 452 ж.) выселились въ концѣ XVIII ст. изъ окрестныхъ селеній. Основателями же деревни были, говорятъ, Черемисы, выселившіеся сюда изъ г. Малмыжа Вятской губ. во время основанія города и заселенія его Русскими. Первоначально названіе деревни, вѣроятно было: *У-сола Малмыжка*, т. е. новая (*у*) деревня (*Сола*) Малмыжка.

270.—Уськи Большіе, по тат. Оло-Оскѣ [1364].

Д. при рч. *Уськинъ*, отъ г. 35 в., жит. Тат. (441 м. 410 ж.). Первое названіе буквальный переводъ втораго.

271.—Уськи Средніе, Алгаева, по тат. Урта Оскѣ [1375].

Д. при рч. *Уськинъ* (Пскубашъ), отъ г. 38 в., жит. Тат. (169 м. 195 ж.). Татарское названіе буквальный переводъ русскаго.

Уськубашъ, д. 76.

272. Утернясь, Отарнясь, Новая Шикша, Аланъ Илга [1220].

Д. при рч. *Шикшъ* (Олузга), отъ г. 89 в., жит. Тат. (81 м. 83 ж.). По стат. свѣд. 1866 г. въ дер. *Утюрмасть* (Утернясь) показано новокрещ. Тат. 1 м.

Утернясь, д. 7.

—Уткяна - Лыя, д. 132.

273.—Уча Нижняя, Улымъ-Гуртъ [1382].

Д. при рч. *Шить* (Ошланка), отъ г. 43 в., жит. Вот. крещ. (161 м. 159 ж.). Названіе отъ вот. словъ *улымъ*, *улымъ*=нижній, *гуртъ*=деревня. Жители выселились изъ дер. Старая Уча (275).

274.—Уча Новая, Виль-Гуртъ [1383].

Д. при рч. *Шить* (Ошланка), отъ г. 51 в., жит. Вот. крещ. (84 м. 93 ж.), Вот. некр. (6 м. 9 ж.). Назв. *Виль-Гуртъ* (вот.)=новая деревня. Жители выселились изъ старой Учи. (275).

275.—Уча Старая, Вужъ-Гуртъ [1384].

Д. при рч. *Шить* (Ошланка), отъ г. 54 в., жит. Вот. крещ. (185 м. 208 ж.), выселились изъ Вятск. губ. въ концѣ XVII ст. Назв. *Вужъ-Гуртъ* (вот.)=старая деревня.

Учи - Урясь, село 267.

Учь - Паратъ, д. 250.

276. Чабьи-Чуричи, Чиричь-Ауль [1194].

Д. при рч. *Мешъ*, отъ г. 67 в., жит. Рус. раскол. (50 м. 61 ж.), Тат. (53 м. 66 ж.).

277.—Чабья Верхняя, Новая Чабья [1331].

Д. при рч. *Чуткуль*, отъ г. 50 в., жит. Тат. (175 м. 186 ж.).

278.—Чабья Старая [1330].

Д. при рч. *Чуткуль*, отъ г. 45 в., жит. Тат. (165 м. 227 ж.).

279. Чаксы [1341].

Д. при истокъ рч. *Чаксы* (Черемшнъ), отъ г. 42 в., жит. Рус. (425 м. 455 ж.). Названіе съ тат. *чакъ*=дурной, *су* вода; *Чаксы*, *Чаксу*=дурная вода. По народнымъ разсказамъ, владѣльцемъ земля подъ дер. Чаксой былъ татарскій ханъ *Нагамъ*, который первоначально выбралъ себѣ мѣсто для жилья близъ рч. *Чаксы*, но вскорѣ оно ему не понравилось и онъ, назвавъ это мѣсто *Чакъ*=плохой, удалился въ мѣстность близъ дер. Нагашевой (157.). Русскіе въ числѣ семи домохозяевъ переселились въ Чаксы изъ дер. Ключищъ Лаишевскаго уѣзда. Впослѣдствіи къ нимъ присоединилось одно семейство изъ Молдаванъ. Большинство чаксинскихъ жителей—пьяные, буйные и влязники. Въ 1870 году 17 семей за порочную жизнь по приговору удалены изъ общества, а въ 1875 г. нѣсколько семействъ по собственному желанію, переселилось въ Сибирь По статист. свѣд. 1866 г. въ Чаксахъ показано новокрещ. Тат. 5 м. 1 ж.

—Чаллы Бикучра, д. 35.

280.—Чакки Сабъ, Чаува, Шайтанъ - Илга [1285].

Д. при рч. *Сабашъ*, отъ г. 73 в., жит.

Тат. (118 м. 118 ж.). Последнее назв. съ тат. *шайтанъ*=чертъ, *ола*=оврагъ.

Чарлы, д. 252.

Чармысь-Шія, д. 304.

Чаука, д. 280.

—Чачь-Узунъ, д. 206.

Чаши, д. 289.

Чаши-баша, д. 151.

Чекурча, д. 181.

—Чекурча Татарская, д. 9.

Чёлка, д. 193.

—Челны Бичураевы, д. 35.

Черемисскій Куюкъ, д. 283.

—Чермышъ-Куюкъ, д. 283.

281.—Черкасово Новое [1444].

Д. при безым. ключъ, отъ г. 25 в., жит. Рус. (157 м. 190 ж.). Названіе дано по сосѣдней деревнѣ (282).

282.—Черкасово Старое [1445].

Д. при безым. ключъ, отъ г. 24 вер., жит. Рус. (17 м. 15 ж.), Черем. крещ. (41 м. 46 ж.).

283. Чигайка. Черемисскій Куюкъ, по чер. Куюкъ-Чермышъ, Диле [1436].

Д. при рч. *Чимайкъ*, отъ гор. 66 в., жит. крещ. Чер. (48 м. 56 ж.), выселились въ концѣ прошедшаго столѣтія изъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губ. На занятой ими пустоши были пни изъ подъ сгорѣвшаго лѣса, отчего деревня и получила названіе *Куюкъ*=горѣлый, гарь. Названіе *Чимайка* дано по имени основателя деревни, черемиснина *Чимал*.

Чиричь-ауль, д. 276.

—Чишма-Гпикей, д. 61.

—Чишма-Кучукъ, д. 126.

Чія-башъ, д. 158.

284. Чулпычь [1259].

Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 89 в., жит. Тат. (127 м. 151 ж.).

285.—Чума-Илга, По ключу Муи-Илга [1231].

Д. при рч. *Кисъмесъ*, отъ гор. 103 в., жит.

Тат. (320 м. 323 ж.). Названія дер. получила по имени сосѣдняго оврага и ключа.

Чупаева, д. 173.

286.—Чура Малая [1213].

Д. при подошвѣ горы и рч. *Боръ*, отъ гор. 98 вер., жит. старо-крещ. Тат. (71 м. 60 ж.). *Чура, джура* (тат.)=изображеніе предмета. Золотницкій производитъ это назв. отъ слова «потомство» (Корн. Чув.-Рус. Слов., стр. 122). Снес. также Спис. древн. ист. им. П. Н. Золотницкаго, № 131. По преданію, на мѣстѣ дер. Чуры до покоренія Казанскаго царства было большое селеніе, въ которомъ жили Татары, Вотяки и Черемисы. Выходцы изъ этой деревни основали почти всѣ деревни, составляющія нынѣшній Чуринскій приходъ. Въ горахъ, при подошвѣ которыхъ расположена дер., видны слѣды бывшихъ рудниковъ; добываемая отсюда руда доставлялась въ Тамшевскій заводъ (112).

287. Чура, Троицкое [1212].

С. при кл. *Зоря*, отъ г. 100 в., жит. Рус. (8 м. 14 ж.), старо-крещ. Тат. (228 м. 255 ж.). По преданію, основатель села былъ Татаринъ, вышедшій изъ дер. Малой Чуры (286). Къ нему впоследствии выселилось еще нѣсколько семей, въ томъ числѣ три вотяцкихъ. Чуринскій приходъ образовался въ 1731 г.; въ составъ его входитъ между прочимъ вотяцкая деревня *Лель-выяль* (по тат. *Юль-башъ*) Малмыжскаго уѣзда Вятской губ. Каменная церковь въ селѣ построена въ 1866 г.

Чураева, Чурашево, д. 35.

288.—Чурилино Новое, Новопоселенное Чурилино [1241].

С. при рч. *Меньдюшъ*, отъ г. 102 в., жит. Рус. (255 м. 285 ж.), выселились около 1860 г. изъ села Чурилина Казанскаго уѣзда и деревни Ключиць Лаишевскаго уѣзда. Причиною переселенія былъ недостатокъ земли въ прежде занимаемыхъ ими мѣстностяхъ. Церковь въ селѣ деревянная, выстроена въ 1860 г.

Чырши-Арты, д. 110.

Чышы, д. 289.

289. Шадчи, Чаши по тат. Чышы [1365].

Д. при рч. *Чаши (Шадчинка)*, отъ г. 28 в., жит. Тат. (405 м. 418 ж.). Названія даны по рч.

Шайтапъ - Илга, д. 202.

290. Шандеръ, Нижній Шандеръ, Нижпій Шелянгуръ, Тюбяпъ Шелянгуръ [1361].

Д. при рч. *Шандеркъ*, отъ г. 27 в., жит. Тат. (324 м. 317 ж.). Первые два названія по рч. *Шандеркъ*.

Шатынь - Илга, д. 243.

291.—Шелянгуръ Верхній [1362].

Д. при рч. *Шандеркъ*, отъ г. 29 в., жит. Тат. (52 м. 40 ж.).

—Шелянгуръ Нижній, д. 290.

292.—Шелянгуръ Средній, Урта Шелянгуръ [1363].

Д. при рч. *Шандеркъ*, отъ г. 29 в., жит. Тат. (101 м. 96 ж.). Первое названіе—переводъ втораго.

—Шелянгуръ - Тюбянь, д. 290.

—Шелянгуръ - Урта, д. 292.

Шемардапъ, д. 294.

293. Шеморбашъ, Шемортбашъ, Шемурбашъ, Шемуртбашъ, Шумуртбашъ [1307].

Д. при рч. *Шумбутъ*, отъ г. 60 в., жит. Рус. (87 м. 100 ж.), старо-крещ. Тат. (246 м. 234 ж.). Названіе дано по рч., въ началѣ которой (*башъ*) находится это селеніе. *Шомортъ* (тат.)=черемуха; въ началѣ рч. *Шумбута* дѣйствительно растеть много черемухи. По рассказамъ жителей селеніе возникло въ концѣ XV ст.

294.—Шеморданъ Крещенный, Шеморданъ [1200].

Д. при рч. *Шеморданкъ*, отъ г. 97 в., жит. старо-крещ. Тат. (237 м. 265 ж.). Названіе въ переводѣ съ персидскаго *Шахъ Мерданъ*—царь храбрыхъ. «Шемердень, князь Чуратчиковъ» былъ въ 1529 г. въ Москвѣ въ числѣ пословъ казанскихъ (Н. И. Золотническаго, Корн. Чув.-Рус. Слов., стр. 249. Его-же, Спис. древн. ист. им. № 133).

295. Шеморданъ, Татарскій Шеморданъ, Починокъ Шеморданъ, Шемарданъ [1199].

Д. при рч. *Шеморданъ*, отъ г. 96 в., жит. Тат. (443 м. 447 ж.); главное занятіе ихъ—приготовленіе тулуповъ, полушубковъ, перчатокъ, рукавицъ и шапокъ. Это производство становится здѣсь извѣстнымъ съ конца прошедшаго столѣтія; развитію его преимущественно способствовалъ Касимовскій купецъ *Девлеткильдеевъ*.

Шемортбашъ, Шемурбашъ, Шемуртбашъ, д. 293.

296. Шемякова, Кабыкъ - Куперъ [1329].

Д. при рч. *Чуткуль*, отъ гор. 42 в., жит. Тат. (239 м. 215 ж.). Дер. Шемякова находится въ двухъ верстахъ отъ русской дер. Кабыкъ-Куперъ (80), а потому можетъ быть названіе послѣдней заимствовано отъ первой.

Шепса, дер. 302.

297.—Шикша Большая, Олуязъ [1217].

Д. при рч. *Шикшъ*, отъ г. 90 в., жит. Тат. (244 м. 249 ж.) поселились здѣсь въ концѣ XVII ст. на основаніи жалованной грамоты. Названіе *Олуязъ* (тат.)=большое письмо, грамота.

—Шикша Новая, д. 7.

298.—Шинарь Большой [1255].

Д. при рч. *Мешъ*, отъ г. 85 в., жит. Тат. (508 м. 527 ж.). Назв. отъ турецко-адербиджанскаго *шенъ*=обильная, веселая мѣстность; *аръ*=земля, страна. (Н. И. Золотническаго, Корн. Чув.-Рус. Слов., стр. 259). По сосѣдству съ этой деревней въ Лаишевскомъ уѣздѣ, на той же рч. *Мешъ*, находится Малый Шинарь.

299.—Шинарь Новый, Сабай-аудъ, Сабаяева, Ютъ [1256].

Д. при р. *Мешъ*, отъ г. 88 в., жит. Тат. (236 м. 210 ж.), сначала поселились вмѣстѣ съ Вотяками, а потомъ ихъ вытѣснили.

300. Шипшинарь [1337].

Д. при рч. *Шипшинаръкъ*, отъ гор. 60 в., жит. Тат. (150 м. 157 ж.). Назв. дано по рѣчкѣ.

301.—Шитцы Верхніе, Юлбулатъ [1279].

Д. при рч. *Шитцынкъ*, отъ г. 67 в., жит. Тат. (163 м. 145 ж.). Назв. по рѣчкѣ.

302.—Шитцы Нижніе, Шепса, Шипсеу [1278].

Д. при рч. *Шитцынкъ*, отъ г. 67 в., жит. Тат. (314 м. 343 ж.).

Шія-башъ, д. 158.

—Шія Большая, д. 304.

—Шія Лыя, д. 132.

303.—Шія Новая, Каргали [—].

Д. при безымян. ключѣ, отъ г. 25 в., жит. крещ. Черем. (47 м. 33 ж.) выселились изъ дер. Старой Шіи (304), по которой дано первое названіе. Второе назв. съ тат. *кари*=воронъ: *кар-гали*, *кариалы*=воронье.

304.—Шія Старая, Большая Шія, Чармысь-Шія [1357].

Д. при безымян. ключѣ, отъ г. 25 в., жит. крещ. Черем. (178 м. 173 ж.). Названіе Шія напоминаетъ особый религиозный обрядъ *Шійлыкъ*, который крещеными Татарами совершался прежде, а мѣстами и теперь совершается во время Пасхи.

—Шія Чармысь, д. 304.

Шорэнъ-Куморъ, д. 121.

—Шумбашъ Татарскій, д. 207.

Шумутбашъ, д. 293.

Шунбашъ, д. 305.

305.—Шуни Верхніе, Шунбашъ [—].

Д. при кл. *Шунь*, отъ г. 62 в., жит. крещ. Вотяки (289 м. 318 ж.), выселились изъ д. Шуни Малмыжскаго уѣзда Вятской губ. въ концѣ XVII ст.

—Шурма-Бара, д. 87.

—Шурма Уру, д. 264.

Югара Кузгунча, д. 109.

306. Юкачи, Богородское [1360].

С. при рч. *Шій*, отъ г. 25 в., жит. Рус. (20 м. 16 ж.). старо-крещ. Тат. (210 м. 207 ж.). Село возникло въ 1729 г., а до того времени это была деревня, приписанная къ селу Троицкому,

что нынѣ г. Мамадышъ. Село находится въ мѣстности, изобиловавшей въ прежнее время липовымъ лѣсомъ, который доставлялъ жителямъ мочала и лыко, отчего оно и получило названіе *юкачи* (тат.)=мочальники; по тат. *жюкя*=липа, *киты-жюкя*=лыко, *жюмошкы*=жюкя=мочало.

Юлбулатъ, д. 301.

Юлушъ, д. 74.

307. Юмгалакъ [—].

Д. при кл. *Юмалакъ*, отъ гор. 97 в., жит. Рус. (27 м. 21 ж.). Тат. (41 м. 34 ж.). Русскіе, поселившіеся вмѣстѣ съ Татарами въ началѣ 70-хъ годовъ нынѣшняго стол., вышли изъ разныхъ деревень Лаишевскаго уѣзда. Названіе деревнѣ и ключу, при которомъ она находится, дано по имени перваго переселенца, *Джемалетдина Гемелетдинова*.

308.—Юмья Верхняя, по вот. Тло [1179].

Дер. при рч. *Большомъ Ишуръ* (по вотяц. *Усурмо*), отъ г. 75 в., жит. Вот. крещ. (57 м. 62 ж.). Вот. некр. (43 м. 50 ж.), выселились изъ д. Старой Юмьи (109). Крещеные Вотяки близки къ отпадению въ мухаммеданство.

—Юмья-Кня Малая, д. 103.

—Юмья-Кня Старая, д. 104.

—Юмья Оштормо, д. 181.

309.—Юмья Старая, Алишъ, по вот. Бушъ-гуртъ [1173].

Д. при рч. *Бетькъ* по вот. *Усур-мо*, отъ г. 85 вер., жит. Вот. крещ. (266 м. 294 ж.), Вот. языч. (51 м. 78 ж.). Вотяцкое назв. деревни отъ *вушь*=старый и *гуртъ*=деревня.

—Юртъ-Иски, д. 74.

—Юртъ-Усманъ, д. 160.

Ютъ, д. 299.

310. Ядыгеръ [1208].

Д. при рч. *Кинь* и *Кушкетъ*, отъ г. 95 в., жит. Тат. (598 м. 620 ж.). Д. назв. по имени перваго поселенца, *Ядыгера*, *Ядыгеръ*, *Едыгеръ* (см. Спис. древн. ист. им. Н. И. Золотницкаго. № 44).

311. Язы Арташъ, Тарлово [1189].

Д. при рч. *Арташкъ*, отъ г. 67 в., жит. Тат. (417 м. 121 ж.). Деревня возникла въ концѣ

XV ст. Татары поселились сначала вмѣстѣ съ Вотяками, которыхъ впоследствии вытѣснили.

Яки, д. 3, 4.

312. Яковка, Новопоселенная Яковва [1343].

Д. при безъимян. ключѣ, отъ г. 10 в., жит. Рус. (152 м. 182 ж.), выселились около 1844 г. изъ г. Мамадыша на принадлежавшія имъ поля, которыя были удалены отъ этого города. Названіе дер. получила по имени перваго поселенца.

313. Ямбулатова Пустошь, Кукча [1333].

Д. при впаденіи рч. *Кукчи* въ *Мешу*, отъ г. 64 в., жит. Тат. (85 м. 87 ж.). Основаніе дер. относятъ къ концу XV ст.

314. Ямбулатова [1286].

Д. при рч. *Сабинкѣ*, отъ гор. 72 в., жит. Тат. (294 м. 278 ж.). Названія, какъ этой, такъ и предъидущей деревни, даны по имени перваго поселенца, *Ямбулата*.

315. Янасаль, Починокъ Янасаль, Карбаянъ, Кырбашъ [1225].

Д. при рч. *Отаркѣ*, отъ гор. 102 в., жит. старо-крещ. Тат. (74 м. 72 ж.), выселились въ 1809 г. изъ дер. Янасаль Лаишевскаго уѣзда. Названія *Карбаянъ*, *Карабанъ* отъ имени перваго поселенца: *карабай* (тат.)=черный, простой богачъ. *Кырбашъ* отъ словъ *кыръ* (тат.)=степь и *башъ*=голова, начало; *кырбашъ*=начало степи.

Янбаева, д. 84.

Янга Макчемъ, д. 48.

—Ясь Бурчакъ, д. 50.

Яныли, Яныль, д. 216.

316. Ятмасъ - Дусаева, Костенъева [1336].

Д. при рч. *Дусайкѣ*, отъ гор. 58 в., жит. Тат. (182 м. 190 ж.). Названіе *Дусаева*, отъ тат. сл. *досъ*, *дусъ*=другъ, пріятель, дано деревнѣ по рѣчкѣ.

О ЛИЧНЫХЪ ИНОРОДЧЕСКИХЪ ИМЕНАХЪ.

И. А. Износкови.

(Чтано въ засѣданіи 4 августа. См. Протоколы, стр. XLIX—LI).

Въ народныхъ преданіяхъ о происхожденіи названій различныхъ селеній часто упоминается, что эти названія происходятъ отъ личныхъ именъ основателей ихъ. Такъ напримѣръ говорятъ, что города: Лаишевъ, Мамадышъ, Тетюши—были основаны Татарами, которыхъ звали *Лаиш* или *Айш*, *Мамадыш* или *Мамед* и *Тетюш*.

Конечно, иногда такія объясненія оказываются неосновательными и придумываются за неимѣніемъ другихъ объясненій къ названіямъ селеній; для того, чтобы опредѣлить всегда-ли можно полагаться на правильность такихъ объясненій полезно было-бы составить полные, по возможности, списки личныхъ инородческихъ именъ, какъ нынѣ живущихъ инородцевъ, такъ и инородцевъ, жившихъ нѣкогда въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства. Такіе списки указывали бы къ какому народу принадлежали первые основатели селеній, какое вліяніе оказывали на этотъ народъ другіе, сосѣдніе народы, какъ съ теченіемъ времени измѣнялось это вліяніе и наконецъ, рядъ этихъ списковъ личныхъ именъ далъ бы возможность опредѣлить многія изъ несуществующихъ болѣе народностей, наприим. Буртасовъ, Каратаевъ, и тѣхъ отношеній, въ какихъ онѣ находились съ народностями уцѣлѣвшими до настоящаго времени.

Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько списковъ именъ некрещеныхъ инородцевъ, живущихъ въ разныхъ уѣздахъ Казанской губерніи, списковъ, хотя и недостаточныхъ и не показывающихъ какимъ измѣненіямъ постепенно подвергались имена, но уже и изъ нихъ могутъ быть сдѣланы нѣкоторые изъ тѣхъ выводовъ, о которыхъ мы говорили выше. Такъ, разсматривая списокъ личныхъ именъ луговыхъ Черемисъ Царевококшайскаго уѣзда, составленный нами въ 1872 году и доложенный Антрополого-этнографической секціи IV-го съѣзда Русскихъ естествоиспытателей⁽¹⁾,

⁽¹⁾ Протоколы секціонныхъ засѣданій IV-го съѣзда Русскихъ естествоиспытателей въ Казани. К. 1873 г. Протоколъ третьяго засѣданія секціи этнографіи и антропологіи, 24 августа 1873 г.

мы видимъ, что изъ 218 мужскихъ и 220 женскихъ именъ взяты: съ черемисскаго языка 34 мужскихъ и 45 женскихъ, съ татарскаго 90 мужскихъ и 66 женскихъ; именъ составленныхъ изъ черемисскихъ и татарскихъ словъ 31 мужское и 56 женскихъ; русскихъ личныхъ именъ 45 мужскихъ, 14 женскихъ, и наконецъ, именъ, происхожденіе которыхъ неизвѣстно,—18 мужскихъ и 21 женское. Вообще, преобладаніе татарскихъ именъ у луговыхъ Черемисъ довольно замѣтно и объясняется близкимъ ихъ соосѣдствомъ съ Татарами и вліяніемъ на нихъ послѣднихъ. Въ числѣ именъ, составленныхъ изъ черемисскихъ и татарскихъ словъ, встрѣчаются такія, въ которыхъ черемисское слово поставлено въ началѣ имени, а потомъ татарское. Напр. *М а р д а н*: *Мар* (черем.) = Черемисининъ; *дан* (тат.) = хвала, слава; *Мардан* = славный Черемисининъ. *Э л ь т ы б а н*: *эльты*, *эльчи* (чер.) = ходатай; *бани* (тат.) = голова, начало, начальникъ; *Эльтыбани* = начальникъ-ходатай. Наоборотъ, встрѣчаются имена, въ которыхъ въ началѣ стоитъ татарское названіе, а въ концѣ черемисское. Напр. *О р с а й*: *орс*, *урис* (тат.) = Русскій; *сай* (чер.) = здоровый, добрый; *Орсай* = добрый Русскій. *И н в и х т а*: *ин*, *жан* (тат.) = душа; *вихта* (чер.) = осилить; *Иновхта* = душу осилившій.

Какъ у Русскихъ одному и тому же личному имени придаются различныя уменьшительныя и уничижительныя формы и какъ въ русскихъ (т. е. православно-христіанскихъ) именахъ замѣчается передѣлываніе и приспособленіе ихъ къ формамъ русскаго языка, напр. *Евдокія* = *Дуня*, *Дунька*; *Агритини* = *Груша*, *Грушка*; *Пантелеймонъ* = *Пантюха*, *Панькоша* (малороссійское); *Терентій* = *Тережа*, *Терехъ*, *Торохъ* ⁽¹⁾—такъ точно и у инородцевъ крещенныхъ и язычниковъ одно и тоже имя встрѣчается въ разныхъ видахъ и притомъ каждый изъ этихъ видовъ составляетъ особое имя.

Вотъ краткій списокъ русскихъ именъ и соответствующихъ имъ именъ крещенныхъ и некрещенныхъ инородцевъ:

РУССКІЯ ИМЕНА	МУЖСКІЯ ИМЕНА КРЕЩЕННЫХЪ		ТЪ-ЖЕ ИМЕНА НЕКРЕЩ. ЧЕРЕМИСЪ
	ТАТАРЪ	ЧУВАШЪ	
Авдій	Абди Аптэ	—	—
Александръ	Аляксяндр	Сандюб	—
Алексѣй	Алеш	Элюк	Алыксей
Андрей	Андрей Апдрюш	Эндр Эндрай	Андруш

⁽¹⁾ См. Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества, т. III: «О личныхъ именахъ у русскихъ Славянъ», ст. М. Я Морозкина.

Василій	Вяшлей	Васька	Вася Васинька Васильчъ Вачк Григорій
Григорій	Гёгере Гёргерёй	—	Митрій Митак Митишка
Дмитрій	Метрей	—	— Ваня
Егоръ	Джагюр	Ягор	—
Иванъ	Ибан Ибай	—	—
Константинъ	Кютчей Кючка	—	—
Михаилъ	Мивайла Мивуш Мивай	—	Мивало
Никита	Мэкета Мивит	Микитя	Мивитш Мивитшва
Николай	Миквай	Миколай	Миклай Миквай Миклюш
Павель	Пауал	Пабал	Павел
Петръ	Питыр Питей Питруш	Пёдер	Петрей Петый
Семень	Симей Симуш	—	—
Степанъ	Счяпан Счый	Стяпан	—
Тимофей	Тэмей Тэмяш	—	Тимофей
Филипъ	Пилип	Хилип	Филип
Федоръ	Пидер	Хведер Хведри	—
Филимонъ	Пли	Хлимман	—
Якимъ	Джаким	—	Якей
Яковъ	Якяц Якуш Джавей	—	Яков Якоп

РУССКІЯ	Ж Е П С К І Я И М Е Н А	
	БРЕНЦ. ТАТАРЪ	ПЕБРЕЦ. ЧЕРЕМИСЪ
Агафья	Угаый Угаш	—
Екатерина	Кятърья Катри Катя Катюш Катей	Качерна
Матрена	Матрей Матюк Матрюш	—
Настасья	Начтый Начта	Настасья Насты Настави Настай Настык
Пелагея	Палый	—

Уменьшительныя имена инородцы давали, вѣроятно, въ подражаніе Русскимъ. И теперь еще многіе, какъ крещеныя, такъ и некрещеныя инородцы, называютъ себя полуименами и часто, какъ мы уже говорили, эти полуимена и вообще всякое измѣненіе имени обращаютъ въ самостоятельное личное имя.

Разсматривая списки личныхъ именъ и прозвищъ Черемисъ и Вотяковъ Мамадышскаго и Чувашъ Чистопольскаго, Чебоксарскаго и Цывильскаго уѣздовъ—мы замѣчаемъ, что въ именахъ преобладаютъ взятыя съ татарскаго языка и что въ числѣ именъ съ прозвищами встрѣчаются заслуживающія особеннаго вниманія. Такъ въ спискѣ некрещеныхъ Вотяковъ Мамадышскаго уѣзда встрѣчаются имена: *Кидчикъ Сидоровъ, Тучи Степановъ, Бикматъ Игнатъ* и пр.; въ спискѣ некрещеныхъ Чувашъ Цывильскаго уѣзда: *Ильганъ Абрамовъ, Мигадюкъ Никифоровъ, Асметъ Васильевъ* и пр. Такія имена съ русскими прозвищами заставляютъ предполагать, что или отцы инородцевъ были крещеныя, или же вліяніе Русскихъ было когда-то такъ велико, что у инородцевъ-язычниковъ преобладали русскія имена. Въ спискѣ именъ Чувашъ Чистопольскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ встрѣчаются имена, напоминающія собачьи клички, напримѣръ: *Моски, Борзой, Кутька* и пр. Происхожденіе такихъ именъ объясняется обычаемъ Чувашъ давать людскія имена въ тѣхъ только случаяхъ, когда дѣти остаются въ живыхъ; но если въ какомъ либо семействѣ умерли подъ рядъ два ребенка, то третьему, вмѣсто имени даютъ кличку собаки въ надеждѣ, что онъ останется живымъ.

Разсматривая также помѣщаемый ниже *алфавитный списокъ древнихъ историческихъ инородческихъ именъ, преим. встрѣчающ. въ ист. и юрид. актахъ и служаш. къ объясненію названій населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи*, составленный Н. И. Золотницкимъ, мы замѣтимъ, что въ числѣ именъ, находящихся въ этомъ списокѣ, есть много такихъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ спискахъ, но которыя сохранились въ названіяхъ селеній,—какъ это и видно изъ сдѣланныхъ нами указаній на этотъ списокъ при объясненіяхъ названій селеній Мамадышскаго уѣзда. Въ числѣ именъ списка многія могли бы служить разъясненіемъ: кто были инородцы, носившіе эти имена. Такъ инородцы, названные въ актахъ 1624 г. „*Буртасы, носимые Татарове*“, носили имена: *Анкоз Нагаевъ* (14) (*), *Арзамис Сенгильдеевъ* (15), *Армы* или *Армын Пороватовъ* (16), *Базит Колчуринъ* (22) и пр. Българскіе и Казанскіе ханы носили имена: *Мамотляк* (76), *Мамук* (77), *Мансур* (78).

Списокъ, составленный Н. И. Золотницкимъ, былъ нами просмотрѣнъ и дополненъ прибавленіемъ тѣхъ именъ, въ которыхъ отчество или прозвище поставлены впереди. Для того, чтобы удобнѣе было пользоваться этимъ спискомъ и дѣлать на него указанія, мы поставили, также какъ и въ списокѣ селеній Мамадышскаго уѣзда, цифры впереди тѣхъ именъ, которымъ сдѣланы объясненія; въ именахъ же безъ объясненій цифры, указывающія гдѣ слѣдуетъ искать эти объясненія, поставлены позади.

Такъ какъ въ списокѣ Н. И. Золотницкаго въ инородческихъ именахъ, кончающихся на *з*, буква эта пропущена, то тому-же правописанію этихъ именъ мы слѣдовали и въ нашей статьѣ объ инородческихъ именахъ.

(*) Цифры, поставленныя въ скобкахъ, означаютъ номера, подъ которыми значатся имена въ списокѣ г. Золотницкаго.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

древнихъ историческихъ ииородческихъ именъ преимущественно встрѣчающихся въ историческихъ и юридическихъ актахъ и служащихъ къ объясненію названій населенныхъ мѣстностей Казанской губерніи.

Составилъ Н. И. Золотницкій⁽¹⁾.

1. Абдулла.	1497—1502 г.—Зан.
Первый ханъ казанскій.	З. Айдар.
2. Абдул-Летиф.	Ханъ болгарскій; при немъ проповѣдывался
Царевичъ, а потомъ 10-й ханъ казанскій	исламъ въ Булгаріи (630—680 г.).

⁽¹⁾ Примѣчаніе редакціи. Списокъ этотъ не представляетъ желаемой полноты и должной обработки. Въ него не вошли вовсе собственныя имена ииородцевъ Казанскаго края, упоминаемыя въ общенаѣстныхъ изданіяхъ актовъ Археографическихъ Экспедиціи и Коммиссіи; вошли далеко не всѣ имена изъ актовъ, помѣщенныхъ въ «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» и въ другихъ мѣстныхъ изданіяхъ,—но даже и имена, встрѣчающіяся въ тѣхъ источникахъ, на которыя находятся ссылки въ самомъ спискѣ, запесены не всѣ. Н. И. Золотницкій, имѣя въ виду собрать матеріалъ для объясненія нѣкоторыхъ названій населенныхъ мѣстностей Казанскаго края, происходящихъ отъ собственныхъ именъ, очевидно не успѣлъ довести своего труда до конца и придать ему должной научной обработкѣ. Н. И. Золотницкій скончался въ маѣ 1880 г., не просмотрѣвъ печатаемаго въ настоящее время списка. Представляя его въ ученый Комитетъ IV Археологическаго Съѣзда, Н. И. Золотницкій снабдилъ его слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Помѣщаемыя въ этомъ спискѣ имена ииородцевъ заимствованы изъ сказаній князя А. М. Курбскаго, изъ Актовъ историческихъ и юридическихъ Казанскаго края, собранныхъ Ст. Мельниковымъ, изъ Царственной Книжки, изъ русскихъ лѣтописей, изъ Писцовыхъ и Розыскныхъ книгъ и изъ разныхъ жалованныхъ грамотъ на земли. Имена ииородцевъ съ отмѣткою: «Буртасы, посопные татарове»—взяты изъ «Выписи 1624—26 г. на буртасскія деревни Ногаеву, Тстякову и Беремшину», помѣщенной подъ заглавіемъ «Буртасы» въ Симбирскомъ Сборникѣ, т. II, 1870 г. Въ этомъ документѣ, кромя означеннаго названія ииородцевъ, обращаетъ на себя вниманіе указаніе, что дер. Ногаева, Чулпаново тожь, «выставилось изъ Старога Лышова Лашинскаго беляка». Имена Мордвы взяты изъ грамоты 1693 и выписи 1694 г. (помѣщенныхъ въ томъ же Симбирскомъ Сборникѣ) на дер. Дубенки—на землю, оставшуюся послѣ буртасскихъ деревень. Изъ этихъ документовъ, между прочимъ, видно, что Буртасы выселились, а ихъ земля занята Мордвою. Нѣкоторыя изъ историческихъ именъ взяты изъ изслѣдованія Н. П. Загоскина: «Очерки организаціи и происхожденія служилого сословія въ до-Петровской Руси, Каз. 1876».

4. Айдар.
Царевичъ крымскій, пришедшій служить къ вел. кн. Иоанну III, 1480 г.
5. Ант-ка Мокшинъ.
Татаринъ, 1684 г.—*К. В. 1856, №№ 50, 51.*
6. Амбулат-Бегишевъ.
Татаринъ, 1621 г.—*М., № VI.*
—Авпулатовъ Откеш, 87.
7. Алегам или Алим-бек.
2-й ханъ казанскій.
8. Алей.
7-й ханъ казанскій, 1470—1487 гг.
9. Алекса.
Черемисинъ, «славный кровопивецъ христіанскій», убитъ 1554 г.
10. Алекса.
Князь, внукъ Мамая, вступившій въ службу вел. кн. Витолда въ нач. XV в.—*Зап.*
11. Алмас, сынъ Силки.
Булгарскій «сладавацъ», въ 921 г. просившій багдадскаго халифа *Муктадира* прислать въ Булгаръ проповѣдниковъ ислама.
- 12. Алтыш Яковлевъ.
Мордвинъ, 1694 г.—*Симб. Сб.*
13. Ал(ш)п-Арслан (великанъ-левъ).
Внукъ сибирскаго царя Кучума; отъ него пошелъ родъ царевичей касимовскихъ.—*Зап.*
14. Анкоз-Ногаевъ.
«Буртасъ, посолный Татаринъ» 1624—1626 гг.—*Симб. Сб.*
15. Арзамас-Сенгильдеевъ.
Тоже.—*Ibid.*
—Арземасовъ Икоз, 62.
16. Арин (Арлиц) Порватовъ.
«Буртасъ, посолный Татаринъ» 1624—1626 гг.—*Симб. Сб.*
17. Атабай.
Чувашииъ, послъ 1613 г.—*М., № XIV.*
18. Атим-Аюковъ.
Татаринъ.—*Ibid.*
—Атишевъ-Касаръ, 68.
—Аткеевъ Янбай, 138.
19. Ачы-Гирей.
Крымскій ханъ XV в.—*Зап.*
—Аюковъ-Атим, 18.
20. Багильды Торгуловъ.
«Буртасъ, посолный Татаринъ», 1624 г. См. Н. И. Золотницкаго «Корн. Чув.-Рус. слов.», стр. 250.—*Симб. Сб.*
21. Багишинъ-Одмай.
Тоже.—*Ibid.*

Принимая во вниманіе, что только при точномъ указаніи на историческій памятникъ или юридическій актъ, изъ котораго заимствовано то или другое собственное имя, списокъ можетъ имѣть научное значеніе.—Редакціонный Комитетъ «Трудовъ IV-го Археологическаго Съѣзда» обратился къ Н. А. Износкову, постоянному участнику въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ покойнаго Н. И. Золотницкаго, съ просьбой взять на себя трудъ сдѣлать ссылки на источники при каждомъ собственномъ имени. Просьба эта обязательно выполнена Н. А. Износковымъ, который сдѣлалъ въ ссылкахъ слѣдующія сокращенія: 1) *Симб. Сб.*—Симбирскій Сборникъ, изд. Симбирскимъ губ. статист. комит., 1870 г. т. II. Въ немъ помѣщены упоминаемые Н. И. Золотницкимъ юридическіе акты XVII в. о Буртасахъ.—2) *К. В.*—Казанскія губерскія вѣдомости. Н. И. Золотницкій воспользовался лишь актами, помѣщенными въ слѣдующихъ статьяхъ: а) 1856 г. №№ 50 и 51, ст., «село Никольское, Большое Фролово тожъ», (жал. гр. на землю 1679 и 1684 г.); б) 1857 г. №№ 36, 37 и 38, ст. С. Михайлова: «село Владимирское», (жал. гр. на землю 1685 и 1700 г.); в) 1857 г. №№ 38, 40 и 41, ст.: «село Сюкеево», (жалов. грам. на землю 1620 г.).—3) *М.*—Акты историческіе и юридическіе и древнія царскія грамоты Казанской и сосѣдственныхъ губерній, собр. С. Мельниковымъ, т. I. Казань 1859 г.—4) *Зап.*—Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси Н. П. Загоскина, Казань 1876 г. Имена, у которыхъ не находится ссылокъ на источники, заимствованы изъ разныхъ лѣтописей, Царственной Книги, «Сказаній князя Курбокаго», различныхъ актовъ и другихъ источниковъ.—*Ред.*

- Багишинъ - Ураз, 116.
22. Базит - Колчурипъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
- Байбарисовъ Калмамет, 65.
23. Байдарс - Байчуринъ.
Татаринъ, 1637.—*М.* № X.
24. Баймярь - Заватовъ.
Мордвинъ, 1620 г.—*Ibid.*
- Байтеряковъ Иптерячко, 143.
25. Байтеряк.
Мурза, сынъ Уруса-мураы; отъ него родъ князей *Байтеряковыхъ*. См. П. И. Золотническаго «Корн. Чув.-Рус. слов.», стр. 229.—*Зан.*
- Байчуринъ Байдарс, 23.
26. Байчур - Кулситовъ.
Татаринъ, 1684 г.—*К. В. 1856, №№ 50, 51.*
27. Балушевъ - Тулуги.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
28. Балын - гозя.
Князь болгарскаго города *Булмери* (*Балымера*) или *Балымата*, похороненный татарскимъ ханомъ *Сафазиреемъ* близъ Биларска, на горѣ *Балан-гузъ*.
29. Бахмет.
Князь *Ширинскій*, сынъ *Усейна*, вышедшій изъ Большой Орды и покорившій Мещеру, 1298 г.—*Зан.*
29. Бахтыгильдей.
Посолъ изъ Казани въ Москву, 1525 г. См. П. И. Золотническаго «Корн. Чув.-Рус. слов.», стр. 248.
- Бегишевъ Акбулат, 6.
Бегишевъ Ипбулат, 140.
31. Бекбулат - Бегишевъ.
Чувашинъ, 1620 г.—*М.* № XXVI.
32. Беклемыш.
Сынъ *Бахмета*, князя *Ширинскаго*, принявшій св. крещеніе; отъ него родъ князей *Мещерскихъ*.—*Зан.*
33. Белонгаз - Ногаевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
34. Бердоулат.
Сынъ крымскаго хана *Ачи-Гирея*, пришедшій служить къ вел. кн. Іоанну III, 1480 г.—*Зан.*
35. Балтай - Тенюшевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
36. Боранчук - Кучуковъ.
Тоже.—*Ibid.*
37. Бурнаш.
Князь казанскій, возмущавшій народъ по сведеніи съ престола Шых-Алея, 1552 г.
- 38. Велминсевъ Кистай.
Мордвинъ, 1694 г. *Симб. Сб.*
- Геушевъ Каип, 64.
- 39. Годяевъ Итякс.
Мордвинъ, 1694 г. *Симб. Сб.*
40. Гулубай (ка) Тансарипъ.
Татаринъ, 1679 г.—*К. В. 1856, №№ 50, 51.*
41. Девлет - кильдей Солнеевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г. См. П. И. Золотническаго «Корн. Чув.-Рус. слов.», стр. 247.—*Симб. Сб.*
42. Дербыш.
Послѣдній царь астраханскій.
43. Деркаевъ Емяш.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
44. Едигер.
Послѣдній ханъ казанскій, 1552 г.
45. Екай - Терегуловъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
46. Елюй.
Министръ Темучина (Чингиз-хана), придумавшій податную систему.
47. Емалей Козяевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
- Емяш Деркаевъ, 43.
- Емяшевъ Енборас, 51.
48. Емяш Кучуковъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.

- Енай Соньевъ, 98.
49. Енай Терегуловъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
50. Епалеевъ Зембулат.
Тоже.—*Ibid.*
51. Епборас Емяшевъ.
Тоже.—*Ibid.*
52. Енебяч Кучуковъ.
Тоже.—*Ibid.*
53. Еникей.
Во время осады Казани стоялъ во главѣ темниковскихъ Татаръ, затѣмъ былъ темниковскимъ воеводою.—*Зап.*
54. Епанча.
Казанскій наѣздникъ, безпокоившій набѣгами Русскихъ при осадѣ Казани.
55. Ерней Терегуловъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
56. Ерыш.
Черемисинъ, 1685 г.—*К. В. 1857, №№ 36, 37, 38.*
57. Есбулат-Урусовъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
58. Еустужин Тулумбузак.
Тоже.—*Ibid.*
- 59. Живай Кельдюшевъ.
Мордвинъ, 1494 г.—*Ibid.*
- Заватовъ Баймярь, 24.
—Заватовъ Октай, 86.
—Замучкедеевъ Урмень, 121.
60. Зеденей.
Царевичъ, во время войны съ Казанью бывшій начальникомъ московской конницы.—*Зап.*
- Зембулат Епалеевъ, 50.
61. Ибрагимъ.
6-я казанскій ханъ, 1467—1470 гг.—*Зап.*
62. Ивюз Арземасовъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
- Итакс Годяевъ, 39.
63. Кадышъ.
Князь, казанскій вельможа; онъ и Чура-Нарыковъ просили царя Иоанна IV (29 июля 1545 г.) послать рать на Казань, за что оба убиты Сафа-Гиреемъ (1546 г.). Другаго Кадыша-богатыря приказалъ убить Шых-Алей (1552 г.).
64. Капп Геушевъ.
Татаринъ, 1647 г.—*М., № XXIII.*
65. Калмамет Байбарисовъ.
Татаринъ.
66. Камай.
Мурза; при взятіи Казани былъ на сторонѣ Русскихъ.
67. Карамышъ.
Имя и фамилія 1692 г., см. П. П. Золотницкаго «Чув.-Рус. слов.», стр. 271.—*М., № LIV.*
68. Касар-Атишевъ.
Татаринъ, послѣ 1613 г.—*М., № XIV.*
69. Касимъ.
Царевичъ, получившій отъ вел. кн. Василія Васильевича Городецъ, заселившій его Татарами и назвавшій Касимовымъ.—*Зап.*
70. Касимъ.
Мурза, крест. въ Казани въ 1615 г. и пожалов. помѣстьями; дѣдъ его Урусъ былъ родоначальн. кн. Урусовыхъ.—*Зап.* (См. ниже, № 123).
- Кельдюшевъ Живай, 59.
—Киндуразовъ Уразла, 117.
—Кистай Белминсевъ, 38.
71. Кичеевъ Кмылбай.
Татаринъ, 1684 г.—*К. В. 1856, № 50, 51.*
72. Кичув Козяевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—
Симб. Сб.
- Козяевъ Емалей, 47.
—Козяевъ Кичукъ, 72.
—Козяевъ Янцъ, 145.
—Козяинъ Урусъ, 122.
—Колчуринъ Базитъ, 22.
—Кулептовъ Байчуръ, 26.
73. Курдапкулъ.
Царевичъ, сынъ казанскаго царя Ибрагима, крестился въ 1506 г. и вступилъ въ московскую службу.—*Зап.*
- Кучуковъ Боранчуръ, 36.
—Кучуковъ Емяшъ, 48.

- Кучуковъ Енебич, 52.
 —Кызылбай Кичеевъ, 71.
 74. Мам(ея) Тялкеевъ.
 Черемисинъ Акпарусовой сотни, около 1700 г.—*К. В.* 1857г., №№ 36, 37, 38.
 75. Мамадей Дербишевъ Урмапчаевъ.
 Татаринъ, около 1650 г.
 —Маметевъ Пселчей, 92.
 76. Мамотяк.
 4-я ханъ казанскій.
 77. Мамук.
 9-й ханъ казанскій въ 1496 г.
 78. Мансур Булгарскій.
 Въ 39-й болгарской надписи (у Березина) говорится: «Серих, дочь Хюсейна, сына Мансура Булгарскаго». Араб.: мансур=вспомоществующий (Богомъ)(*).
 —Маричевъ Янтуган, 144.
 79. Махмет-Аминъ.
 Ханъ казанскій 1487—1496 и 1502—1518 гг.: по выѣздѣ въ Москву получилъ Каширу, Серпуховъ и Хотунь.—*Зан.*
 80. Махмуд.
 Ханъ казанскій въ 1446 г.
 —Мелцапинъ Пилекш, 90.
 —Мовшинъ Аит-ка, 5.
 81. Москов Разгильдеевъ.
 «Буртась, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
 82. Муралей Ширин.
 Князь, большой карачь казанскій, посоль отъ Шых-Алея въ Москву въ 1552 г.
 83. Муртоса.
 Царевичъ, выѣхавшій въ Москву въ 1474 г.—*Зан.*
 —Намасовъ Сайнебек, 95.
 —Ногаевъ Анкоз.
 —Ногаевъ Белопгаз.
 —Ногаевъ Инцыл.

(*) Мансур—имя младшаго сына бухарскаго эмира, оставшагося въ Петербургѣ для воспитанія въ 1876 г. (*Прим. Золотницкаго*).

84. Обреим.
 Царь казанскій, см. *Ибрагимъ*, 61.
 —Одмай Багишинъ, 21.
 85. Окозай Одмановъ.
 «Буртась, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
 86. Октай Заяатовъ.
 Мордвинъ, 1620 г.—*М., № V.*
 87. Откеш Абулатовъ.
 Чувашинъ, 1620 г. *Ibid.*, № IV.
 88. Отмай Уртьевъ.
 «Буртась, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
 89. Парин Янышевъ.
 Тоже.—*Ibid.*
 90. Пилекш Мелцапинъ.
 Мордвинъ, 1694.—*Ibid.*
 91. Помряс Ямбаевъ.
 Мордвинъ, 1620 г.—*М., № V.*
 —Пороватовъ Арин, 16.
 —Пороватовъ Рын, 93.
 92. Пселчей Маметевъ.
 Татаринъ.
 —Разгильдеевъ Москов, 81.
 93. Рын Пороватовъ.
 «Буртась, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
 94. Сав Смоляповъ.
 Мордвинъ, 1694 г.—*Ibid.*
 95. Сайнебек Намасовъ.
 Мордвинъ, 1693 г.—*Ibid.*
 96. Салтан Свистуновъ.
 Выѣхалъ изъ Орды въ Польшу, а въ XVI в. родъ его переселился въ Россію.—*Зан.*
 97. Сафа-Гирей.
 Ханъ казанскій, 1522—1530, 1535—1546 и 1546—1549 гг.
 —Свистуновъ Салтан, 96.
 —Свергозинъ Сюкей, 100.
 —Сенгильдеевъ Арзамас, 15.
 —Смоляповъ Сав, 94.
 —Солнеевъ Девлет-кильдей, 41.
 98. Соньевъ Енай.
 «Буртась, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*

- ✓ 99. Сулай.
Черемисинъ, 1685 г.—*К. В. 1857 г., №№ 36, 37, 38.*
—Сюбаевъ Сюлкей, 101.
100. Сюкей Севергозинъ.
Служилый Татаринъ Свияжскаго уѣзда по рѣкѣ Клары, 1620 г.—*К. В. 1857 г., №№ 38, 40, 41. М., № 7.*
101. Сюлкей Сюбаевъ.
Татаринъ, 1684 г.—*К. В. 1856 г., №№ 50, 51.*
102. Сюндюк Утемышинъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
103. Сюнчулей.
Казанскій богатырь, убитый въ битвѣ подъ Казанью 26 авг. 1552 г.
—Тансаринъ Гулубай (ка), 40.
104. Танибск Урмаевъ.
Чувашии, 1658 г.—*М., № XXIV.*
—Тенишевъ Тетяй, 116.
105. Тениш.
Князь астраханскій при Юаннѣ IV.—*Зан.*
—Тенюшевъ Болтай, 35.
—Теньгозинъ Тетяк, 107.
—Терегуловъ Екай, 45.
—Терегуловъ Енай, 49.
—Терегуловъ Ервей, 55.
106. Тетяй Тенишевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
107. Тетякъ Теньгозинъ.
Тоже.—*Ibid.*
108. Тимяч Кубешевъ.
Татаринъ, послѣ 1613 г.—*М., № XIV.*
109. Тинкаш Янышевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
✓ 110. Токар.
Черемисинъ, 1685 г.—*К. В. 1857 г., №№ 36, 37, 38.*
—Топшевъ Тохтамыш, 112.
—Торбуловъ Янкей, 141.
—Торгуловъ Багильди, 20.
- ✓ 111. Тосвай.
Черемисинъ, 1685 г.—*Ibid.*
112. Тохтамыш Топшевъ.
Татаринъ, 1636 г.—*М., № XV.*
113. Тохташ Козяевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
114. Тул-Бахмет.
Ханъ Большой Орды.—*Зан.*
—Тулумбузан-Еустужинъ, 58.
—Тулущ Балушевъ, 27.
115. Турлуш Янтужинъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
—Тялкеевъ Мам (ка), 74.
116. Ураз Багишинъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
117. Уразла Киндуразловъ,
Татаринъ; послѣ 1613 г. см. «Кор. Чув.-Рус. слов.», Н. Н. Золотницкаго, стр. 248. *М., № XIV.*
118. Уразлий.
«Князь да *Андырчей Афьза* послы казанскіе (1546) просили московскаго вел. кн. отправить Шых-Алея въ Казань».
119. Уракъ.
Изъ казанскихъ князей, шелъ (1500 г.) на *Абду-Латыфа съ Адалакомъ.*
120. Урекей Чеменекеевъ.
Татаринъ, послѣ 1613 г.—*М., № XIV.*
—Уркевъ Янбахтай, 139.
—Урмаевъ Тенибскъ, 104.
—Урманчеевъ Мамадей, 75.
121. Урмень Замучкедеевъ.
Мордвинъ, 1620 г.—*М., № 7.*
—Уртъевъ Отмай, 88.
122. Урус Козяинъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
123. Урус.
Сынъ Измаила-мурзы, дѣдъ Касима-мурамъ, родонач. кн. Урусовыхъ.—*Зан.* (Снес. выше, № 70).
—Урусовъ Янълыш, 142.

124. Утемыш - Гирей.
Ханъ казанскій 1549—1551 гг.
—Утемышинъ Сюндюбъ, 102.
125. Халиль.
5-й ханъ казанскій.
126. Чапчук.
Князь казанскій, возмущавшій народъ по сведеніи съ престола Шых-Алея (1552 г.).
127. Чемаевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
128. Чембулат.
Тоже.—*Ibid.*
- Чеменеевъ Урекей, 120.
129. Чет.
Мурза, вышедшій изъ орды Узбека на московскую службу къ Іоанну Калитѣ (1330) г.; родоначальникъ Годуновыхъ, Вельяминовыхъ, Томаковыхъ.—*Зав.*
130. Чоракъ.
Черемиснъ. 1685 г.—*К. В. 1857 г., №№ 36, 37, 38.*
131. Чура.
Нѣсколько именъ; см. «Кор. Чув.-Рус. слов.», II. И. Золотницкаго, стр. 122.
132. Шейдякъ.
Праправнукъ ногайскаго князя Эдигея.—*Зав.*
- 132 Шемердень, князь Чурачиковъ.
Былъ въ Москвѣ въ числѣ пословъ казанскихъ (1529 г.), см. «Кор. Чув.-Рус. слов.», II. И. Золотницкаго, стр. 249.
134. Шых-Алей.
Ханъ казанскій, 1519—1521, 1546 и 1551—1552 гг.—*Зав.*
135. Шыхмат.
Мурза, вышедшій изъ Крыма въ XVI в.; родоначальникъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ.—*Зав.*
- Яковлевъ Алтыш, 12.
—Ямбаевъ Помряс, 91.
136. Ямгурчей.
Ногайскій Мурза, стоявшій подъ Казанью (1500 г.) вмѣстѣ съ *Мусой-мурзой*.
137. Ямгурчей.
Предпоследній ханъ астраханскій, при которомъ покорена Астрахань (последній ханъ, *Дербеш*—разбитъ и бѣжалъ въ Азовъ 1557 г.).
138. Янбай Аткеевъ.
Татаринъ, 1636 г.—*М., № XV.*
139. Янбахтай Уркевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
140. Янбулат Бегишевъ.
Татаринъ, 1596 г.—*М., № XXVIII.*
141. Янкей Торбуловъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
142. Янклыи Урусоевъ.
Тоже.—*Ibid.*
143. Яптеричко Байтеряковъ.
Татаринъ.
144. Янтуган Маричевъ.
Татаринъ, 1684 г.—*К. В. 1856, №№ 50, 51*
—Янтулши Турлуш, 115.
145. Янц (Януц) Козяевъ.
«Буртасъ, посопный Татаринъ», 1624 г.—*Симб. Сб.*
146. Янцыл Ногаевъ.
Тоже.—*Ibid.*
147. Янчура.
«Измаильянинъ, славный кровопивецъ христіанскій», убитъ въ 1554 г.
—Янышевъ Парин, 89.

О СЕЛЕНІЯХЪ ВЪ ПОВОЛЖСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ СЪ НАЗВАНІЕМЪ „ТАРХАНЪ“.

Н. И. Золотницкаго.

(Читано въ засѣданіи 13 августа. См. Протокол., стр. СШ).

Я позволю себѣ обратить вниманіе на существовавшее во всѣхъ чингизидскихъ государствахъ званіе, изъ котораго впоследствии образовалось привилегированное сословіе. Оттуда званіе это перешло и въ Россію, гдѣ представители его едва-ли еще не существуютъ и донинѣ, а возникшее и здѣсь изъ этого званія сословіе упразднено лишь около двадцати лѣтъ тому назадъ. Я хочу сказать о такъ называемыхъ „Тарханахъ“. Не входя въ излишнія подробности, ограничусь указаніями на древнія права этого званія и на то значеніе, какое оно имѣло въ здѣшнемъ краѣ.

Т а р х а н ъ собственно значитъ—человѣкъ свободный отъ платежа податей и повинностей. По „Исторіи“ Абул-Гази, *Тарханъ* = „человѣкъ, свободно вступающій въ палатку хана и свободно выходящій изъ нея, которому прощаются проступки девять разъ; права эти переходятъ въ потомство до 9-ти колѣнъ“. Тарханство (*тарханлык*)—званіе, коимъ ханъ жаловалъ кого либо, избавляя отъ повинностей. Такъ напр. въ ярлыкѣ Тимурь-Кутлука говорится: *Махмуд безнен сейргал булуб тархан булуб турсын*, т. е. „Мухаммедъ, пожалованный нами (разными льготами) да будетъ тарханомъ“. По монгольски *тарханъ* значитъ: кузнецъ, мастеровой, вольный человѣкъ,—такъ какъ, по преданію, кузнецъ вывелъ Монголовъ изъ долины Эркене-бунъ и въ честь его установлено было званіе тархановъ, свободныхъ отъ налога и пр. По другому преданію, извѣстному изъ путешествія Тимковскаго, самъ Чингизь-ханъ былъ кузнецомъ и ковалъ желѣзо при горѣ *Тарханъ*. Ярлы-

(¹) Настоящій рефератъ составляетъ переработку статьи Н. И. Золотницкаго, помещенной въ приложеніяхъ къ его «Корневому Чувашско-Русскому Словарию» См. XXII е приложение, «Названіе селеній: Сундырь, Карамышь, Тарханъ, Тогай», стр. 267—277.—Ред.

ки, которые давались ханами на это званіе, называются *тарханскими*; къ нимъ относятся и данные русскому духовенству.

По свидѣтельству Рашид-Эдина тарханство давалось и женщинамъ. Здѣсь мимоходомъ замѣчу, что подобные ханскимъ тарханскимъ ярлыкамъ льготные дипломы по арабски называются *бэрат*. Титуль тархана былъ въ древности и у дунайскихъ Болгаръ. Въ X вѣкѣ въ числѣ болгарскихъ пословъ въ Византіи встрѣчается *Калу-терканъ*, а Константинъ Багрянородный приводитъ болгарскій титуль *Вулія Тархана* (*ὁ Βουλίας Ταρχανός*). Д. И. Иловайскій слово *Вулій* переводитъ *велиій*, о словѣ *тарханъ* замѣчаетъ, что титулы легче всего заимствуются у другихъ народовъ, напримѣръ: царь, императоръ⁽¹⁾. По отношенію къ поволжскимъ инородцамъ русскіе лѣтописцы ставятъ *тархановъ* заурядъ не только съ *сословіями*, но и съ *народностями*. Такъ, подѣ 1551 г. говорится (Царств. Кн.), что Ших-Алей и воеводы привели къ правдѣ: горныхъ людей князей и мурзь, и сотныхъ князей и десятныхъ, Чувапу, и Черемису, и Мордву, и Можаровъ и *Тархановъ*. Не принимая на себя разрѣшенія предложеннаго на Създѣ вопроса: „можно ли Каратаевъ и Тюрюханъ считать за подраздѣленіе Мордвы, равное Мокшѣ и Эрзѣ?“⁽²⁾—замѣчу только, что желающіе видѣть въ мордовскихъ *Тюрюханахъ* тюрко-монгольскихъ *тархановъ* не находятъ къ сближенію ихъ лингвистическаго основанія, а между тѣмъ оно заключается въ давно извѣстномъ законѣ финской фонетики, по которому плавные звуки *р* и *л* почти всегда слышны между гласными.

Снова обращаясь къ тарханамъ, какъ къ званію и сословію, нельзя не привести мнѣнія покойнаго А. д. И. в. Артемьева. Въ предисловіи къ „Списку населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи“ онъ говоритъ, что „буквально названіе *тарханъ* значило „вольный человѣкъ“, и потому довольно правильно средневѣковыми европейскими путешественниками, посѣщавшими Монголовъ, переводилось словомъ *barones*“. Обычай учреждать тархановъ перешелъ въ Россію и держался до времени Петра I, не смотря на то, что еще при Грозномъ предпринимались мѣры къ ограниченію и уничтоженію тархановъ, иногда являвшихся въ нѣкоторомъ родѣ государствомъ въ государствѣ. Но въ Вятской губерніи немногочисленный разрядъ тархановъ существовалъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ (до 1858 г.) и упраздненъ окончательно лишь вслѣдствіе вопроса, возбужденнаго судебною палатою и восходившаго на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учреждений. Это,—сколько мнѣ помнится по служенію моему въ Вяткѣ въ то время—послѣдо-

(1) «О славянскомъ происхожденіи дунайскихъ Болгаръ», стр. 75.

(2) См. вопросы, предложенные на обсужденіе Създа, стр. VI, № 36

вало по рѣшенію дѣла, которымъ отыскивали свои привилегіи Татары Слободскаго уѣзда дер. Кориной. Въ словахъ А. И. Артемьева, что обычай учреждать тархановъ въ Россіи держался до временъ Петра I-го, есть небольшой недосмотръ: обычай учреждать тархановъ держался не до временъ Петра I-го, но существовалъ еще въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1840 г., за декабрь, напечатана Высочайшая грамота, данная муллѣ Хантемирову на званіе тархана; грамотѣ предпослано слѣдующее объясненіе: „*Тарханское* званіе, соотвѣтствующее въ нѣкоторомъ смыслѣ дворянскому достоинству, жалуются Высочайшими Его Императорскаго Вѣличества грамотами російскимъ подданнымъ мухаммеданскаго исповѣданія за особенныя заслуги и пр.“ Изъ этого документа видно во 1-хъ, какое значеніе получило званіе *тархана* въ Россіи въ послѣднее время и во 2-хъ, что это званіе уже не переходило „въ потомство до 9-ти колѣнъ“, но давалось отдѣльно каждому лицу „за особенныя заслуги“ какъ личныя, такъ и за заслуги предковъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что названіе *Тарханъ* въ разное время имѣло различныя значенія. Въ здѣшнемъ краѣ въ прежнее время оно или означало *сословіе*, образовавшееся изъ потомковъ лица, пожалованнаго угодами въ потомственное владѣніе, или было только названіемъ *должности*, означавшей *сотника*, не въ смыслѣ римскаго центуріона, а въ общемъ значеніи *начальника*, какъ это показываетъ названіе селенія Чебоксарскаго уѣзда *Торганъ-кассы* — буквально „*Тархановъ* выселокъ“, а по русски село *Сотниково*. Названіе *Тарханъ* могло означать и такого начальника, которому былъ порученъ также и сборъ податей— *сборщика* (я сопоставляю съ словомъ *тарханъ* алтайское *тарга*, означающее „сборщикъ податей“, монгольское *даруга*); хотя здѣсь и было встарь для названія *сборщика* въ употребленіи тюркское слово *алманчы*, *алман-дай* (алтайское *алман* — подать натурою, ясакъ), какъ это видно изъ названій чувашскихъ селеній *Алманчи*(но), *Алман-дай*(ева) и татарскаго *Алич-Тархан*, (*Алич* очевидно отъ *алмак* = братъ, искаженное *алучи*). Далѣе А. И. Артемьевъ, усматривая, что изъ 15-ти селеній Казанской губерніи съ названіемъ *Тархан*—только 1 татарское и 1 черемисское, а всѣ остальные чувашскія, сдѣлалъ заключеніе, что „сословіе *тархановъ* преимущественно состояло изъ Чувашей“. Но такое заключеніе я считаю поспѣшнымъ. При составленіи моего Словаря я нашелъ съ названіемъ *Тархан* 32 селенія въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Самарской и Нижегородской, но изъ нихъ чисто чувашскихъ оказалось *только 17*, а изъ остальныхъ 15-ти—три татарскихъ, два черемисскихъ, одно чувашско-татарское, а объ національности остальныхъ девяти неизвѣстно. Всѣ эти селенія казенныя и частію удѣльныя. кромѣ четы-

рехъ владѣльческихъ. Названія послѣднихъ произошли безъ сомнѣнiя отъ фамилiи владѣльцевъ *Тархановыхъ*, которая встрѣчается довольно часто; а фамилiя эта объясняется или происхожденiемъ владѣльцевъ изъ рода тархановъ, или тѣмъ, что въ прежнее время очень часто, особенно у духовнаго сословія, прозванія давались по названiю селенiй. Считаю нелишнимъ указать на тѣ изъ селенiй *Тарханъ*, съ названiемъ которыхъ соединяются преданiя о родоначальникахъ ихъ обывателей, и на тѣ, которыя замѣчательны по мѣстностямъ.

Я уже упомянулъ о татарской деревнѣ *Алчи-Тархан*—въ значенiи „сборщикъ-сотникъ“.

Тархан-сола—черемисскій выселокъ по правую сторону заволжскаго Кокшайскаго тракта. По мѣстному преданiю, родоначальникъ этого селенiя ходилъ къ царю на службу и за это получилъ въ награду земли и дуга, коими донинѣ владѣютъ Черемисы этой деревни.

Торган-касси—чувашское село Сотниково, въ 10 в. отъ Маринскаго посада; основателемъ селенiя преданiе называетъ *Торгана*, который имѣлъ земли около Андреевскаго базара, близъ с. Бургасъ и въ другихъ мѣстахъ.

Торган-касси или *Байтеряково*—чувашская деревня въ 10 верстахъ отъ Чебоксарь. Можетъ быть это одна изъ деревень, принадлежавшихъ Чувашину *Байтеряку*, помогавшему Русскимъ во время послѣднихъ походовъ ихъ на Казань, за что онъ былъ пожалованъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ *землями*, состоящими въ нынѣшнихъ Лаишевскомъ, Чистопольскомъ и Буинскомъ уѣздахъ; по имени его называется село Байтеряково (Тетюшскаго уѣзда), въ которомъ онъ жилъ и близъ котораго указывается могила его.

Торган, Малое Атиково, *Торган-Ташлама*—половина чувашскаго околodka Чашламы (въ приходѣ с. Атикова, Чебоксарскаго уѣзда). Обѣ половины селенiя имѣютъ *жалованныя*, въ царствованiе Иоанна и Петра Алексѣевичей, *земли* съ грамотами на нихъ и планами; эти земли находятся близъ дер. Яльчикъ Байтеряковскаго прихода (Тетюшскаго уѣзда) и около с. Турминскаго. *Торган* или *Чурачки* (Цывильскаго уѣзда): въ 1559 г. въ числѣ пословъ Казанскихъ въ Москву упоминается Шемердень, *князь Чурачиковъ*.

Торган или *Пинери* (Цывильскаго уѣзда)—чувашская деревня близъ села Бургасъ и *Чувашскаго Сундыря*; а *Сундыри*, какъ извѣстно, имѣютъ значенiе *сторожескихъ пунктовъ*.

Турган или *Карабеева*—чувашская дер. (Тетюшскаго уѣзда) въ той мѣстности, гдѣ находятся *полевья укрѣпленiя* и дер. *Полевой Сундырь*.

Вотъ все, что я считалъ нужнымъ доложить Съѣзду о значенiи *Тархановъ* въ здѣшнемъ краѣ.

Я не безъ основанія упомянулъ выше объ арабскомъ *бэрат*—дипломѣ, дающемъ привиллегіи. Въ уѣздахъ Казанскомъ, Чебоксарскомъ и Козмодемьянскомъ есть пять черемисскихъ селеній съ названіями *Парат*, *Парат-мари* (жалованшье?), хотя одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей (св. Вишневецкій) напечаталъ, что *Параты* получили свое названіе отъ того, что здѣсь царь Иванъ Грозный дѣлалъ *парады* (франц. parade). Но такъ какъ въ черемисскій языкъ еще во времена Болгарскаго союза зашло много словъ арабскихъ (о чемъ я уже имѣлъ честь докладывать Съезду въ рефератѣ о мифологіи Черемисъ⁽¹⁾); то очень легко можетъ быть, что помянутыя селенія, имѣя какія-либо привиллегіи, получили названіе отъ арабскаго *бэрат*. Поэтому я, съ своей стороны, считаю нужнымъ поставить и эти названія на очередь научныхъ изслѣдованій.

(¹) Изложеніе реферата П. Н. Золотницкаго: «Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ», читаннаго имъ въ 14-е засѣданіе Съезда, по Отд. быта домашняго и общественнаго, 10 августа утромъ, помѣщено выше, въ Протоколахъ Съезда, стр. LXXIX.—*Ред.*

**КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНИЯХЪ ВЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРВЫХЪ
ЗАСЕЛЕНІЙ ВЪ НЕЙ РУССКИХЪ И О ИХЪ БОРЬБѢ СЪ ТУЗЕМЦАМИ.**

Сообщилъ членъ-секретарь Казанскаго губернскаго Статистическаго Комитета

Н. И. Вечеславъ (*).

Народныя преданія о первыхъ заселеніяхъ Русскихъ въ Казанской губерніи и о борьбѣ ихъ съ туземцами по источникамъ, имѣющимся въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ, представляются весьма скудными и отрывочными. Все, что я могу сообщить въ этомъ отношеніи, заключается въ слѣдующемъ:

1) По народному преданію, одною изъ первыхъ колоній Русскихъ было с. Подберезье Свияжскаго уѣзда (*); затѣмъ то же преданіе добавляетъ, будто бы на этомъ мѣстѣ былъ станъ Іоанна Грознаго во время похода его на Казань; впрочемъ, это добавленіе, кажется, не подтверждается топографическими соображеніями.

2) Относительно основанія г. Цивильска народное преданіе говоритъ, что Чуваши, вполнѣ подчинившіеся Русскимъ въ концѣ XV вѣка, будто бы просили о построеніи въ ихъ землѣ города, куда они могли-бы являться для сдачи ясака. Одинъ изъ чувашскихъ старшинъ, Пуладъ, уступилъ подъ постройку г. Цивильска свой поселокъ *Сюрби-яль*, жителей котораго перевелъ на другое мѣсто (дер. Ново-Сюрбееву). По этой причинѣ Цивильскъ у Чувашъ называется *Сюрби—хола* (Сюрби—городъ) (*).

(*) Сообщение это доложено на Създѣ не было, но помѣщается въ «Трудахъ» какъ дополненіе къ рефератамъ П. А. Износкова и какъ отвѣтъ на 19-й запросъ программы Създа. (См. выше вопросы, по которымъ къ Създу желательно получить свѣдѣнія, стр. XI).—*Прим. Ред.*

(*) Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, изд. Центр. Стат. Комит. Мин. Вн. Д., № 1601.—*Ibid.* Общія свѣдѣнія о губерніи, стр. LVI.

(*) *Ibid.*, № 2609 и Общія свѣдѣнія о губерніи, стр. LXIII. Въ «Корневомъ Чувашско-Русскомъ словарѣ» П. И. Золотницкаго, Каз. 1875 г., стран. 264—266, помѣщено другое объясненіе названія города Цивильска.

3) Въ д. Волостниковкѣ, Жедлевской волости, Спасскаго уѣзда (¹), находятся два городка, обнесенные валами, о которыхъ у мѣстныхъ жителей сохранилось преданіе, что здѣсь была когда-то битва Русскихъ съ Татарами (²).

4) Въ двухъ верстахъ отъ Свіязска, почти при сліяніи Свіязи съ Волгою, находится Макарьевская пустынь (³), объ основаніи которой существуетъ слѣдующее преданіе: Преп. Макарій Унженскій, освободившись изъ татарскаго плѣна, въ возблагодареніе Бога за свое спасеніе, соорудилъ на этомъ мѣстѣ перковь, въ которой до сихъ поръ хранится икона этого чудотворца, весьма древней живописи. Образовавшійся здѣсь монастырь составляетъ весьма древнюю и чтимую народомъ святыню, и, какъ гласитъ то же преданіе, перенесъ много бѣдствій (⁴).

5) Относительно основанія г. Свіязска народное преданіе рассказываетъ такъ: Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, сопровождаая войско подъ Казань въ походъ 1550 г., остановился при устьѣ Свіязи, увидалъ высокую гору и, взявъ съ собою Шигъ-Алея и нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ, вѣхалъ на ея вершину. Удивленный красотой мѣста, царь сказалъ: „здѣсь будетъ городъ христіанскій, стѣснимъ Казань, Богъ власть ея намъ въ руки!“ Для постройки города посланъ былъ Выродковъ въ вотчину князей Ушатыхъ, Углицкаго уѣзда, гдѣ были срублены стѣны будущей крѣпости и отправлены по Волгѣ къ устью Свіязи. Срубивъ лѣсъ, покрывавшій вершину горы, ее обошли съ крестами, построили церкви во имя Рождества Богородицы и преп. Сергія, и въ четыре недѣли г. Свіязскъ былъ оконченъ (⁵).

6) При с. Маломъ Сундырѣ (⁶), на рѣчкѣ Сундыркѣ, верстахъ въ 6-ти отъ впаденія ея въ Волгу, сохранилось лежащее на высокой горѣ инородческое укрѣпленіе, основанное еще задолго до покоренія Казанскаго царства. Народное преданіе говоритъ, что здѣсь существовалъ татарскій городокъ Чалымъ,

(¹) Спис. нас. мѣстъ Каз. губ., изд. Центр. Стат. Комит., № 1668.

(²) Нам. кн. Казанской губ. 1866—67 г., стр. 6 (Сообщено С. Е. Мельниковымъ). «Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». С. М. Шпилевскаго. Казань, 1877, стр. 333.

(³) Спис. нас. мѣстъ Каз. губ., изд. Центр. Стат. Ком. М. В. Д., № 1565

(⁴) Нам. кн. Каз. губ. 1866—67, стр. 18.

(⁵) *Ibid.* 1866—67 г., стр. 49. Это же преданіе помѣщено и въ «Исторіи госуд. Россійскаго», Карамзина, откуда, вѣроятно, и заимствовано покойнымъ С. Е. Мельниковымъ. Карамзинъ приводитъ это преданіе изъ Никоновской лѣтописи и Царственной Книги. (См. Ист. гос. Рос., изд. Эйнерлинга, т. VIII, стр. 75—76 и примѣч. 222 и 228).—Прим. Ред. *

(⁶) Спис. нас. мѣстъ Каз. губ., изд. Центр. Стат. Ком., № 570.

около котораго потерпѣлъ пораженіе въ 1551 г. князь Палецкій, плывшій на судахъ съ огнестрѣльнымъ снарядомъ и воинскими припасами для покоренія Казани. Черемисы въ этомъ мѣстѣ загородили Волгу деревьями и камнями, такъ что русскіе суда разбивались на этой преградѣ, а войны гибли отъ стрѣлъ и бревень, пускаемыхъ съ высоты ⁽¹⁾. Погибло нѣсколько тысячъ людей убитыми и утонувшими, и Палецкій едва пробрался съ немногими уцѣлѣвшими судами. Это бѣдствіе послужило основаніемъ старинной пословицы: „*съ одной стороны Черемиса, а съ другой берегися*“. Въ отмщеніе за это пораженіе Русскіе скоро уничтожили крѣпость, которая была сожжена бояриномъ Морозовымъ. О взятіи и разрушеніи этой крѣпости также сохранилось слѣдующее преданіе. Во время похода Іоанна Грознаго на Казань, одинъ изъ черемисскихъ старшинъ, подвластный Татарамъ, подарилъ лошадь татарскому воеводѣ, начальствовавшему въ Чалымскомъ городкѣ, который, оставшись недоволенъ такимъ подаркомъ, велѣлъ вырѣзать у лошади кожу на спинѣ. Обиженный этимъ поступкомъ, черемисскій старшина отправился въ Нижній, гдѣ въ то время былъ Грозный царь, шедшій походомъ на Казань, и просилъ царя дать ему 100 человекъ войска и достаточное количество пороха. Царь согласился на его требованіе, и черемисскій старшина, въ сопровожденіи русскаго войска, хорошо зная всѣ ходы въ Чалымскій городокъ, ночью зажегъ его и взорвалъ ⁽²⁾.

7) О названіи *Козмодемьянска* сохранилось слѣдующее преданіе. Въ 1552 г., когда Іоаннъ Грозный возвращался изъ подъ Казани Волгою, онъ остановился на ночлегъ на мѣстѣ нынѣшняго города 1 ноября, въ день св. св. Космы и Даміана. Такъ какъ эта мѣстность понравилась царю, то онъ предназначилъ быть здѣсь крѣпости во имя этихъ святыхъ: крѣпость была основана въ 1583 г. воеводою Туренинымъ ⁽³⁾.

8) По словамъ С. Е. Мельникова, *Троицкій Посадъ* ⁽⁴⁾, дежанцій въ

⁽¹⁾ Вѣроятно Волга въ то время протекала подъ самымъ городомъ, а потомъ ужъ отклонилась въ другую сторону, какъ это вѣрнѣе замѣчается въ разныхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи.

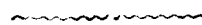
⁽²⁾ Памят. кн. Казанской губ. 1868 г., стр. 18. Тамъ же «Замѣтки о городищахъ», стр. 7—8. Въ первомъ изъ этихъ источниковъ свѣдѣнія основаны на показаніи С. Е. Мельникова, во второмъ — на данныхъ, доставленныхъ волостными правленіями. Подробное описаніе укрѣпленія на горѣ при с. Маломъ Сундырѣ см. у С. М. Шпилевскаго: «Древніе города и другіе бугаро-татарскіе памятники», Казань 1877 г., стр. 534—538.

⁽³⁾ Памят. кн. Каз. губ. 1868 г., стр. 18. Тамъ же, на стр. 18—19, упоминается о *Козмодемьянскихъ древностяхъ*.

⁽⁴⁾ Спис. насел. мѣстъ Каз. губ., изд. Центр. Стат. Ком., № 344.

8—10 верстахъ отъ Козмодемьянска, на пути къ Нижнему, былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ поселеній въ Казанскомъ краѣ (¹).

Заканчивая этимъ свои замѣтки по настоящему вопросу, считаю долгомъ при-
совокупить, что относительно преданій о заселеніи Русскими средняго Поволжья
много свѣдѣній помѣщено въ приложеніи къ Корневому Чувашско-Русскому Сло-
варю Н. И. Золотническаго (Казань, 1875 г.), а также имѣются нѣкоторыя
указанія по этому предмету въ статьѣ И. О. Дерюжева: „Очеркъ 290-лѣтняго
состоянія гор. Царевококшайска и его уѣзда (1584—1874 г.г.)“, помѣщенной въ
„Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ 1876 года и изданной также отдѣльными
оттисками.

(¹) Памятн. книга Казан. губ. 1868 г., стр. 29.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ПО 30-МУ ВОПРОСУ ПРОГРАММЫ IV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА:

„Какихъ городовъ служилые люди были помѣщиками и вотчинниками въ Казанскомъ краѣ въ XVI и XVII в.в.? На основаніи какихъ источниковъ и въ какой мѣрѣ возможно разрѣшеніе этого вопроса?“

Д. А. Корсакова.

(Читано въ засѣданіи 13 августа. См. Протоколы, стр. CVII).

Со времени покоренія Казанскаго царства Іоанномъ IV-мъ, туземные мурзы и князья и многіе изъ инородцевъ низшихъ классовъ обращаются въ служилыхъ людей Московскаго государства; имъ жалуются въ Казанскомъ царствѣ земли въ вотчины и помѣстья. Но служилые люди изъ туземцевъ, хотя многіе изъ нихъ принимаютъ христіанство, не могутъ быть вполне надежны для русской власти: память о независимости Казанскаго царства, воспоминаніе о его грозномъ значеніи для Москвы, еще живы у побѣжденныхъ. По этому весьма естественно, что Іоаннъ IV-й, вѣдѣвъ за паденіемъ Казани, начинаетъ раздавать щедрою рукою земли въ Казанскомъ царствѣ въ помѣстья и въ вотчины своимъ русскимъ боярамъ и дворянамъ, а въ самую Казань и новые города и остроги, построенные Русскими въ этомъ царствѣ, посылаетъ на службу плѣнныхъ иноземцевъ. На пустопорожня земли, которыми изобиловалъ Казанскій край, царь призываетъ насельниковъ—крестьянъ съ государевыхъ черныхъ земель и гулящихъ „охочихъ людей“ изъ внутреннихъ областей Московскаго государства, на разныхъ льготныхъ условіяхъ. „Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ Гордый,—читаемъ мы у Котошихина,—Божіимъ изволеніемъ плѣнилъ *Казанское*, Астраханское и Сибирское царствы и *поселилъ* въ тѣхъ государствахъ и земляхъ *многихъ людей христіанъ для укрѣпленія*“⁽¹⁾. „Въ городъ Казани,—пишетъ Шведъ Персонъ (Петрей), бывший въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII в.,—*не позволено жить ни одному*

⁽¹⁾ «О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича», изд. 2-е, стр. 1.

Татарину, а только Русским, которымъ предписалъ великій князь (царь Иоаннъ IV-й) лвиться туда изъ осыль областей и владеть тамъ помѣстьями“ (*). При Ѳеодорѣ Иоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ раздача земель въ Казанскомъ царствѣ и заселеніе ихъ русскими людьми продолжались. Наступившія затѣмъ политическія смуты въ Московскомъ государствѣ приостановили на время притокъ русскихъ переселенцевъ въ среднее Поволжье, но притокъ этотъ возобновился при царяхъ изъ новой династіи Романовыхъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ роздалъ очень много помѣстій въ Казанскомъ краѣ за службу въ московское дикое войско и за войны свои съ Владиславомъ Польскимъ. Царь же Михаилъ сталъ поселять въ Казанскомъ краѣ и иноземцевъ изъ Польши и изъ западной Европы, въ большемъ числѣ, чѣмъ Иоаннъ Грозный. Особенно много такихъ поселенцевъ явилось при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Послѣ войны съ польскимъ королемъ Яномъ Казиміромъ опять поселили плѣнную полоцкую шляхту въ крѣпостцахъ и острогахъ устроенной при немъ для защиты отъ набѣговъ степняковъ нижняго Поволжья *закамской укрѣпленной черты*. Въ XVI и XVII вв. являются такимъ образомъ въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ три разряда Московскихъ служилыхъ людей: 1) туземцевъ изъ Татаръ, Чувашъ, Черемисъ, Мордвы и другихъ инородцевъ, 2) иноземцевъ (преимущественно Поляковъ и Нѣмцевъ), 3) Русскихъ.

Уясненіе вопроса, откуда являлись въ Казанскій край служилые иноземцы и русскіе служилые люди—можетъ представить далеко не безынтересныя данныя для этнографической исторіи Казанскаго края, отличающагося доселѣ племеннымъ разнообразіемъ пришлаго населенія, притекавшаго въ него изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и изъ западной Европы. Оставляя пока въ сторонѣ иноземцевъ, позволю себѣ представить нѣсколько предположеній относительно тѣхъ городовъ внутреннихъ областей Московскаго государства, изъ которыхъ могли переводиться русскіе служилые люди въ Казанскій край. Конечно, въ моихъ предположеніяхъ явится много гадательнаго; но тѣмъ не менѣе, смѣю думать, они не будутъ лишены историческаго основанія, а слѣдовательно и нѣкотораго научнаго значенія.

Определеніе городовъ Московскаго государства, изъ которыхъ могли переводиться служилые люди въ Казанскій край, имѣетъ прежде всего значеніе въ указанномъ выше историко-этнографическомъ отношеніи. Русскіе служилые люди XVI и XVII вв., нуждаясь въ рабочихъ рукахъ для воздѣлыванія вновь пожалованныхъ въ Казан-

(*). «Ист. о в. княж. Московскомъ», перв. Шалякина. Чг. М. Общ. ист. и др. Росс. 1865 г., кн. IV, матер. иностр., стр. 61.

скомъ краѣ земель, поступали точно также какъ и Іоаннъ IV, заселяя государевы черныя земли въ этомъ краѣ; они тоже при зы в а л и на свои земли разныхъ „охочихъ людей“ изъ внутреннихъ областей Московскаго государства. Для нихъ такими охочими людьми во второй половинѣ XVI в. являлись прежде всего холопы и крестьяне „изстаринныхъ“ вотчинъ, которыми владѣли они до назначенія на службу въ Казань. Перезывъ охочихъ людей изъ крестьянскихъ общинъ во второй половинѣ XVI в., когда крестьяне пользовались вольнымъ переходомъ и когда крестьянская сельская община была полновластной распорядительницей своихъ общинно-хозяйственныхъ дѣлъ, могъ происходить совершенно легко и свободно. Оскуденіе земель и обѣдненіе крестьянъ и служилыхъ людей во внутреннихъ областяхъ Московскаго государства вслѣдствіе частыхъ войнъ и весьма большихъ податей и поборовъ, продолжавшихся во все царствованіе Іоанна IV-го,—весьма естественно заставляли крестьянъ искать болѣе привольной жизни на новыхъ земляхъ въ Поволжьи, куда они переселялись на льготныхъ условіяхъ. Это переселеніе такимъ образомъ было одинаково выгодно, какъ землевладѣльцамъ, такъ и крестьянамъ. „При свободномъ переходѣ крестьянъ,—говоритъ И. Д. Бѣляевъ,—выгоды крестьянскихъ общинъ и землевладѣльцевъ были тѣсно связаны другъ съ другомъ и эта связь была такъ очевидна, что ее не могли не чувствовать даже самые недалновидные землевладѣльцы и самыя безпечныя общины; ибо съ утратою средствъ къ безбѣдной жизни и съ уменьшеніемъ населенія, владѣльческія земли незамѣтно пустѣли, крестьяне мало по малу разбѣгались туда, гдѣ имъ представлялось болѣе удобствъ. Слѣдовательно и землевладѣлецъ, и оставшаяся на его землѣ крестьянская община подвергались раззоренію“⁽¹⁾.

Съ XVII в., когда крестьяне становятся крѣпкими землѣ, переселеніе ихъ начинаеть зависѣть уже не столько отъ нихъ самихъ и не отъ сельской общины, сколько отъ воли ихъ господъ, помѣщиковъ, п. ч. при царѣ Михаилѣ, а въ особенности при его преемникѣ, все болѣе и болѣе усиливается власть вотчинниковъ и помѣщиковъ надъ личностью крестьянъ; къ концу царствованія Алексѣя Михайловича вотчинники и помѣщики получаютъ даже возможность *приобрѣтать покупкою* безземельныхъ крестьянъ. въ силу указа отъ 13 октября 1675 г.⁽²⁾.

(1) «Крестьяне на Руси» И. Д. Бѣляева. 1-е изд. 1860 г., с. 75—76. Тяглые люди не могли свободно выходить изъ общины вслѣдствіе фискальныхъ требованій правительства. Свободно выселяться, на основаніи частныхъ сдѣлокъ съ землевладѣльцами, могли только т. наз. *затяглые и беззатяглые* люди. Подробности объ этомъ см. тамъ же, стр. 49—63, 81—86, 91—104.]

(2) См. объ указѣ 13 октября 1675 г. соображенія И. Д. Бѣляева. «Крестьяне на Руси», 1-е изд. 1860 г., стр. 165—167.

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ для вотчинниковъ и помѣщиковъ при переселеніяхъ крестьянъ не являлось уже необходимости опираться на согласіе самихъ переселенцевъ и сельскихъ общинъ. Они могли переводить ихъ собственною властію и помимо ихъ воли, что особенно практиковалось въ послѣднюю четверть XVII столѣтія.

Обращаясь къ источникамъ, изъ которыхъ получаютъ свѣдѣнія по разсматриваемому вопросу, прежде всего слѣдуетъ остановиться на казанскихъ Писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вв., хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Извлеченія изъ нѣкоторыхъ казанскихъ Писцовыхъ книгъ XVI в., а именно изъ книгъ 1566—1568 гг., сдѣланы К. И. Невоструевымъ и изданы къ нынѣшнему Съезду Казанской духовной академіи. Въ теченіе нашихъ засѣданій мы не разъ уже разсуждали о степени научной важности этого изданія. Въ извлеченіяхъ г. Невоструева при именахъ многихъ русскихъ переселенцевъ въ Казанскій край обозначается городъ, или мѣстность, откуда явились эти переселенцы. Верховые поволжскіе города: Нижній Новгородъ, Балахна, Кострома, Ярославль, и кромѣ этихъ городовъ, Псковъ и Тула—всего болѣе выслали колонистовъ въ Казань: то были все люди торговые и ремесленные. Псковичей и Тульчапъ явилось въ Казань такъ много, что ими были заселены особыя улицы, носившія названія *Псковской* и *Тульской*. Свѣдѣнія о переселенцахъ-пахаряхъ изъ внутреннихъ уѣздовъ и волостей Московскаго государства г. Невоструевымъ опущены; но извлеченія изъ Писцовыхъ книгъ называютъ по фамиліямъ нѣкоторыхъ служилыхъ людей княжескихъ родовъ въ числѣ домовладѣльцевъ Казани; по всей вѣроятности, эти служилые люди получили помѣстья и вотчины въ ея окрестностяхъ. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ потомковъ многихъ удѣльныхъ князей, а именно: *Ярославскихъ* (кн. Ушатые, кн. Шастуновы, кн. Засѣкины, кн. Сидкиѣ), *Ростовскихъ* (кн. Темкины), *Стародубскихъ* - *Суздальскихъ* (кн. Ромадановскіе и Гагарины), *Черниговскихъ* (кн. Лыковы, кн. Мезецкіе и кн. Стригины), и наконецъ *Гедиминовичей* - *Литовскихъ* (князя Булгаковы) (*). Изстариныя вотчины перечисленныхъ княжескихъ родовъ находились въ предѣлахъ тѣхъ областей, гдѣ княжили ихъ предки. Въ верховьяхъ Волги и по ея верховымъ притокамъ находились вотчины потомковъ князей *Ярославскихъ*, *Ростовскихъ*, *Стародубскихъ*, *Суздальскихъ*, имѣя такимъ образомъ съ Казанскимъ краемъ удобное водное сообщеніе посредствомъ Волги, по которой и могло происходить сюда переселеніе крестьянъ изъ приволжскихъ вотчинъ князей *Ушатыхъ*,

(* См. Списокъ съ каз. Писц. кн. изд. Каз. дух. акад. с. 34—35; 37—41; 56.

Шастуновыхъ, Засѣкиныхъ, Сяцкихъ, Темкиныхъ, Ромадановскихъ и Гагариныхъ. Сохранилось преданіе, что первый русскій городъ въ здѣшнемъ краѣ Свѣлжескъ былъ срубленъ въ углицкихъ вотчинахъ князя Ушатаго и готовый привезенъ на стругахъ по Волгѣ (*).

Вообще фамиліи бумажныя казанскихъ дворянъ и въ особенности жалованныя грамоты на помѣстья и вотчины составляютъ *второй* видъ источниковъ по предложенному вопросу. Къ сожалѣнію, такихъ грамотъ извѣстно очень немного, и по нимъ трудно прослѣдить изъ какихъ городовъ служилые люди не-княжескаго происхожденія попадали въ Казань. Въ этомъ отношеніи весьма интересны фамиліи акты нѣкогда очень извѣстныхъ въ Казани дворянъ Люткиныхъ, доставленные Съѣзду здѣшнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства А. Г. Осокинымъ. Изъ этихъ актовъ видно, что Люткины, появляющіеся въ Казани съ 1562 г., до того времени владѣли помѣстьями близъ Углича и Костромы и имѣли въ Казани крестьянъ и холопей изъ своихъ изстаринныхъ деревень.

Третьимъ видомъ источниковъ должны быть почтены Боярскія книги и такъ называемыя Десятни. Подъ Боярскими книгами разумѣются официальные списки служилыхъ людей, въ которыхъ означались не только чины и должности служащихъ, но и получаемые ими оклады, помѣстные и денежныя, а также всѣ перемѣны въ ихъ службѣ (повышеніе въ чины, прибавка окладовъ, отставка и пр.). Начало этихъ книгъ восходитъ къ Юанну III, но, къ сожалѣнію, древнѣйшія изъ нихъ погибли въ Московскомъ пожарѣ 1612 г. и до насъ дошли лишь позднѣйшія, съ 1627 г. (*). Частнымъ видоизмѣненіемъ Боярскихъ книгъ являются Десятни. Н. В. Калачевъ опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Десятни суть записныя книги раздачамъ *денежнаго жалованья* соответственно денежнымъ окладамъ *дворянъ и боярскихъ дѣтей* каждаго города“ (**). Такимъ образомъ, въ Десятни вносились только высшіе служилые люди—дворяне, боярскія дѣти и жильцы. Въ иныхъ случаяхъ въ эти книги записывалось „сколько и въ какой именно мѣстности у каж-

(*) См. выше, сообщеніе П. Н. Вечеслава, стр. 167.

(**) Онѣ хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ, изданъ покойнымъ директоромъ этого архива П. П. Ивановымъ въ 1853 г. Въ предисловіи къ этому описанію г. Ивановъ даетъ опредѣленіе Боярскихъ книгъ, приведенное нами выше.

(*) См. рефератъ П. В. Калачева «о Десятняхъ» въ «Трудахъ II-го Археологич. съѣзда», в. I, отд. IV, В., стр. 115—120. Десятни, въ количествѣ 309 книгъ, хранятся также въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи.

даго служилаго четвертей земли помѣстной или вотчинной, сколько за нимъ крестьянъ и бобылей“ (1). Онѣ сохранились съ 1577 по 1682 г.”

Къ *четвертому* виду источниковъ относятся Дворянскія Родословныя книги, не представляющія собою источника первоначальнаго, но весьма полезныя въ качествѣ источника вспомогательнаго. Такое значеніе Родословныхъ книгъ опредѣляется ихъ компилятивнымъ характеромъ: это извлеченія изъ разныхъ перечисленныхъ мною источниковъ. При малодоступности Писцовыхъ и Боярскихъ книгъ, хранящихся въ правительственныхъ архивахъ въ Москвѣ, и при небрежномъ отношеніи иныхъ казанскихъ дворянъ къ ихъ фамильнымъ бумагамъ.—Родословныя книги восполняютъ собою недостатокъ этихъ источниковъ, сохраняя на своихъ страницахъ выписки изъ нихъ. Дворянскія Родословныя книги, составляемыя въ силу жалованной дворянству грамоты 1785 года губернскими Депутатскими Собраніями, какъ извѣстно, раздѣляются на 6 частей. Въ 6-ю часть, на основаніи этой жалованной грамоты, вносятся древніе дворянскіе роды, доказательство дворянскаго достоинства которыхъ восходитъ болѣе чѣмъ на столѣтъ до времени изданія грамоты (т. е. ранѣе 1685 г.) (2). Въ разсмотрѣнной мною 6-й части казанской дворянской Родословной книги находятъ родословія старѣйшихъ родовъ мѣстнаго дворянства, но, въ виду вышеприведеннаго требованія жалованной дворянству грамоты, родословія эти рѣдко восходятъ дальше времени царя Михаила Феодоровича. Очевидно, лица хлопотавшія о внесеніи своего рода въ 6-ю часть Родословной книги, не заботились о доказательствѣ *древности* своего происхожденія, а ограничивались въ большинствѣ случаевъ лишь крайнимъ хронологическимъ предѣломъ, требуемымъ грамотой, т. е. доказывали, что предки ихъ были служилыми людьми и владѣли наслѣнными имѣніями ранѣе 1685 года. Документы, на основаніи которыхъ составлялись родословныя 6-й книги, согласно требованію 54 ст. IX т. Св. Зак. (по изд. 1857 г.), кромѣ родословныхъ составленныхъ въ департаментѣ герольдіи Прав. Сената, суть главнымъ образомъ слѣдующіе: 1) выписки изъ Писцовыхъ книгъ, 2) жалованныя грамоты на помѣстья и вотчины, 3) ввозныя грамоты, 4) наказныя памяти воеводамъ, 5) раздѣльные акты, 6) рядныя записи, 6) духовныя завѣщанія, 8) патенты на чины и ордена, формуляры и указы объ отставкѣ (начиная съ Петра В.) и 9) метрическія свидѣтельства съ конца XVIII в. Выписки изъ всѣхъ этихъ документовъ помѣщаются велѣдъ за родословной росписью, какъ доказательство правъ того

(1) См. указанный выше рефератъ Н. В. Калачева, стр. 115.

(2) П. С. З., № 16,186.

или другаго рода быть занесеннымъ въ 6-ю часть Родословной книги. Для разсматриваемаго мною вопроса изъ указанныхъ документовъ Родословной книги всего важнѣе *первые четыре* рода документовъ. По нимъ можно прослѣдить, кому именно и гдѣ первоначально было пожаловано помѣстье или вотчина и получилъ-ли затѣмъ этотъ помѣщикъ помѣстье или вотчину въ Казанскомъ краѣ.

Пожары, бывшіе въ Казани въ 1815, 1842 и 1848 гг. истребили архивъ Казанскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія, вслѣдствіе чего казанскія Родословныя книги настоящаго времени начали составляться только въ 1849 г., при чемъ матеріалы для ихъ составленія вмѣсто уничтоженныхъ пожарами были доставлены дворянами вновь. Поэтому 6-я часть казанской Родословной книги не отличается ни полнотой, ни точностью данныхъ. Въ нее занесено 73 дворянскихъ фамиліи, какъ припыхъ, такъ и записанныхъ первоначально въ службу по русскимъ городамъ территоріи бывшаго Казанскаго царства. Я укажу для примѣра лишь на нѣкоторыя фамиліи какъ той, такъ и другой категоріи. Въ XVI и XVII вв. въ Казанскій край всего болѣе было переведено рядовыхъ служилыхъ людей (дворянъ, дѣтей боярскихъ, жильцевъ) изъ Новгорода Великаго; на долю его падаетъ 4 фамиліи: Вешняковы, Арцыбышевы, Ивановы, Еремѣевы. Затѣмъ по одной фамиліи происходятъ изъ Костромы (Голчицы), изъ Муромъ (Аристовы), и изъ Арзамаса (Чемесовы).

Первое переселеніе въ Казанскій край служилыхъ людей изъ Новгорода можетъ быть отнесено къ 60-мъ годамъ XVI в. Казанскія Писцовыя книги 1566—1568 гг. упоминаютъ такихъ переселенцевъ (*), а лѣтописи передаютъ о весьма значительномъ выселеніи новгородцевъ въ разные города Московскаго государства въ 1569 г., передъ извѣстнымъ новгородскимъ погромомъ царя Іоанна IV; въ этотъ годъ царь вывелъ изъ Новгорода 150 семействъ, разославъ ихъ по разнымъ городамъ Московскаго государства (**). Вскорѣ послѣ покоренія Казани переселились туда Вешняковы изъ извѣстнаго новгородскаго пригорода Новаго Торга (въ настоящее время Торжокъ, уѣздный городъ Тверской губ.). Къ XVII-му вѣку относится появленіе въ Казани Арцыбышевыхъ, Ивановыхъ и Еремѣевыхъ. Предокъ Арцыбышевыхъ, „Нѣмчинъ“ Петръ Кашпировъ, получилъ помѣстье въ Новгородской землѣ при Василии Іоанновичѣ, отцѣ Іоанна IV. Ивановы, по родословной, происходятъ отъ новгородскихъ архіепископскихъ дворянъ (1650 г.), а предокъ Еремѣевыхъ, Яковъ Еремѣевъ, былъ новгородскимъ помѣщикомъ въ 1667 г.

(*) Списокъ, изд. Каз. дух. акад., с. 43.

(**) Карамзинъ, Ист. гос. Росс., изд. Эйхенштампа, т. IX, примѣч. 282.

Новые русскіе служилые люди, впервые „верстанные“ помѣстьями въ Казанскомъ краѣ, называются по именамъ тѣхъ городовъ, къ которымъ приписаны службою: Казанцы, Свѣяженины, Симбирцы, Атемарцы, Алаторцы, и т. д.; сюда относятся, напримѣръ: Апехтины (Алаторцы), Бекетовы и Богдановы (Симбирцы), Есиповы (Свѣяженины), Игумновы (Атемарцы), Чемодуровы и Черговы (Казанцы). Эти новые служилые люди, не имѣя вотчинъ внутри Московскаго государства, должны были довольствоваться незначительнымъ количествомъ рабочихъ рукъ въ пожалованныхъ имъ въ Казанскомъ краѣ имѣніяхъ (изъ числа уже находившагося тамъ русскаго населенія, или же увеличивать число своихъ рабочихъ-пахарей принятіемъ разныхъ гулящихъ людей, издавна привыкшихъ искать на Волгѣ лучшей доли сравнительно съ условіями жизни въ старинныхъ областяхъ Московскаго государства: вольныхъ охочихъ людей, бѣглыхъ крестьянъ и преступниковъ, ждавшихъ наказанія.

Желательно, чтобы на первый разъ былъ составленъ полный списокъ всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ Казанскаго края за XVI и XVII вв. Этотъ списокъ послужилъ бы немаловажнымъ пособіемъ при дальнѣйшей разработкѣ 30-го вопроса программы IV Археологическаго Съѣзда.

О СТАРОМЪ И НОВОМЪ ГОРОДАХЪ ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ.

П. И. Мельникова.

(Чтано въ засѣданіи 4 августа. См. Протоколы, стр. XLIX).

Въ половинѣ XV столѣтія зачиналось татарское царство въ Казани. Первый царь того царства въ 1445 году пришелъ на устье Казанки не съ востока, а съ запада, сверху Волги—изъ Нижняго Новгорода.

Ханъ Золотой Орды Улу-Махметъ бѣжалъ отъ брата своего Кичи-Махмета и зимой 1437 года, съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ, пошелъ на Русь кормиться грабежомъ. Сначала устремился онъ къ Бѣлеву⁽¹⁾, все опустошавшая на пути своемъ. Придя къ Бѣлеву, онъ „постави себѣ городъ на рѣцѣ Бѣлевѣ, отъ хвастія себѣ исплетъ и сѣномъ посыпавъ и водою поли, и смерзся крѣпко и хотѣ тутъ зимовати“⁽²⁾. Засѣвшій въ этой ледяной крѣпости Улу-Махметъ боялся Русскихъ, ибо войско ихъ было ему не подъ силу, и когда московскій великій князь Василій Васильевичъ двинулъ на него свое войско, ханъ-бѣглець просилъ мира, отдавая сыновей своихъ въ аманаты и обѣщавъ „не чинити ничтоже земли Русской пакости“⁽³⁾. Но русскіе воеводы, „видѣвши своихъ вой множество, а сихъ худо недостаточество, разгордѣшася и поидоша на нихъ“⁽⁴⁾. И побили бы они Ордынцовъ на голову, но въ русскомъ станѣ появились крамола и измѣна, вслѣдствіе чего Улу-Махметъ наканунѣ зимняго Николы 1438 года истребилъ почти все русское войско. Затѣмъ онъ бросился на Москву, а великій князь побѣжалъ спасаться отъ смерти или плѣна за Волгу. Юля 3-го 1439 года ханъ подошелъ къ русскому стольному городу, стоялъ подъ нимъ десять дней, выжегъ посады, но каменнаго кремля взять не могъ. Усилившись пришедшими къ нему Татарами, онъ пошелъ на Оку, выжегъ Коломну, жителей ея избилъ, либо въ полонъ забралъ, устремился внизъ по Окѣ и, придя

⁽¹⁾ Пынь уѣздный городъ Тульской губерніи.

⁽²⁾ Вторая Софійская лѣтопись. Полн. Собр. Русск. лѣтописей, VI, стр. 150.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

къ Нижнему Новгороду, засѣлъ тамъ въ *старомъ* городѣ, а въ *меньшемъ* затворились воеводы великаго князя, князь Ѳеодоръ Долголядовъ да литвинъ Юшка Драница (*). Здѣсь на устьѣ Оки Улу-Махметъ хотѣлъ утвердиться, царствомъ устроиться, вовсе не помышляя о Казани. Изъ стараго Нижняго онъ посылалъ своихъ Татаръ на раззореніе Луха (*), самъ ходилъ на Муромъ, но безуспѣшно, и наконецъ въ 1445 году послалъ на великаго князя сыновей своихъ Махмутека и Якуба. Василій Васильевичъ двинулся на встрѣчу имъ, въ Юрьевѣ Польскомъ прибѣжали къ нему князь Долголядовъ и Юшка Драница съ вѣстью, что они, сидя въ осадѣ въ *меньшемъ новомъ* городѣ, изнемогли отъ голода, но не сдались Татарамъ, а сжегши строснія въ городѣ, сами бѣжали. Улу-Махметъ сдѣлался такимъ образомъ обладателемъ всего Нижняго Новгорода. Изъ дня въ день черезъ шесть лѣтъ послѣ появленія подъ Москвою, 3 іюля 1445 г. сыновья его у рѣки Каменки, подъ суздальскимъ Спасо-евоимьевымъ монастыремъ, разбили на голову великаго князя и взяли его въ плѣнъ. Василій Васильевичъ былъ привезенъ въ Нижній Новгородъ и тамъ около полутора мѣсяца содержался плѣнникомъ въ *старомъ* городѣ. Плѣнъ великаго князя произвелъ сильное движеніе на Руси; собирались идти къ Нижнему на выручку своего государя, и Улу-Махметъ, видя, что ему пожалуй не устоять противъ Русскихъ, пошелъ подальше. Августа 25 онъ отправился внизъ по Волгѣ и раззоривъ на пути монастырь на Желтыхъ Водахъ, построенный бывшимъ еще тогда въ живыхъ преподобнымъ Макаріемъ (*), засѣлъ въ нижегородскомъ пригородѣ Курмышѣ, что на Сурѣ, съ цѣлю тутъ утвердиться и все еще не помышляя о Казани. Въ Курмышѣ онъ взялъ огромный окупъ за великаго князя и вѣроятно опасаясь Русскихъ, пошелъ далѣе внизъ по Волгѣ. Дорогой былъ онъ убитъ сыномъ своимъ Махмутекомъ, который прииди на устье Казанки въ Саиновъ юртъ, положилъ начало царству Казанскому, съ первыхъ же дней своего существованія ставшему во враждебныя отношенія къ Московскому государству. Цѣлое столѣтіе по струямъ Волги двигалась „судовая рать“, а на берегахъ кипѣли битвы христіанъ съ басурманствомъ, и отъ того много пострадала сосѣдняя область Нижегородская. Изъ актовъ нижегородскаго Печерскаго монастыря видно, что во время этой столѣтней, непрерывавшейся войны на поляхъ хлѣба не сѣяли, села и деревни заустѣли, а пашни лѣсомъ поросли. Не лучше того доводилось и Казанскому краю, ибо московская рать

(*) П. С. Р. лѣт., VI, стр. 170.

(*) Ibid.

(*) Гдѣ теперь городъ Макарьевъ и до 1816 года была Макарьевская, нынѣ Нижегородская, ярмарка. Монастырь возобновленъ въ 1620 г.

то и дѣло сновала по Волгѣ „промышлять надъ басурманами“. И это продолжалось до дней царя Ивана Васильевича, когда

.... съ войскомъ силою
Онъ прошель страну Мордовскую,
Себѣ царство взялъ Казанское,
Мимоходомъ Астраханское (*).

Излагая эти событія, я желалъ обратить вниманіе гг. членовъ Археологическаго Съѣзда на то, что въ половинѣ XV вѣка въ Нижнемъ Новгородѣ было два города: *старый* и *новый* или *меньшій* и опредѣлить мѣсто того и другаго.

На устьѣ Оки издавна былъ городъ; Татищевъ называетъ его болгарскимъ, но это едва ли справедливо: Болгаре не распространялись такъ далеко вверхъ по Волгѣ. Согласно мѣстнымъ преданіямъ русскимъ и мордовскимъ, согласно мордовской пѣсни о водвореніи Русскихъ на берегахъ Оки, согласно надписи бывшей на стѣнѣ нижегородскаго Архангельскаго собора (*),—здѣсь жила Мордва и тотъ городокъ былъ мордовскій. Еще до 1222 года, когда великій князь владимірскій Юрій Всеволодовичъ основалъ Нижній Новгородъ, утвердились здѣсь, по сказанію лѣтописца (*), князя суздальскіе для собиранія дани съ Мордвы. Тотъ суздальскій *старый* городъ ставлень былъ выше по теченію Оки отъ мѣста, гдѣ Юрій Всеволодовичъ поставилъ впослѣдствіи *новый городъ, нижній*.

Въ „Книгѣ Большаго Чертежа“ сказано: „Нижній Новгородъ на Дятловыхъ горахъ“. Дятловыми горами назывались и до сихъ поръ называются семь горъ сопровождающихъ правые берега Оки и Волги. Онѣ отдѣляются одна отъ другой глубокими оврагами, изъ коихъ три: Похвалинскій, Успенскій и Зеленскій—лѣтъ 35 тому назадъ обращены въ съѣзды изъ верхняго города въ подгорный. На прилагаемомъ планѣ (*) означены ихъ названія: 1) *Сѣколъ*,—гора, находящаяся выше другихъ по теченію Оки; на ней теперь Грестовоздвиженскій монастырь и Ямскія улицы; 2) *Гребешокъ*, въ полугорѣ котораго построены въ XIV ст. Алексіемъ митрополитомъ Благовѣщенскій монастырь; 3) *Гремячая*, отдѣляемая отъ Гребешка Похвалинскимъ съѣздомъ; 4) *Пѣтушки*, отдѣляемая отъ Гремячей Сергіевскимъ оврагомъ; 5) *Ильинская*, отдѣляемая отъ Пѣтушковъ Зеленскимъ оврагомъ и рѣч-

(*) Народная пѣсня, записанная въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

(*) Ея не существуетъ со времени пристройки къ Архангельскому собору теплой церкви еще въ XVIII ст. она списана на доску повѣшенную на паперти, но редація ея измѣнена и нынѣ мало не похожа на старинную.

(*) Нижегород. Лѣт. въ Др. Рос. Вивл., XVIII, и въ Уч. Зап. Каз. Ун. 1830 г.

(*) Плана этого въ дѣлахъ редакціи не находится.—Ред.

кой Почайной; 6) *Зеленская* или *Часовая*, на которой построенъ нижегородскій кремль; 7) *Пятницкая*, названная такъ потому, что тутъ въ полугорѣ стояла старинная церковь Пятницы, сломанная въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Ниже Пятницкой горы по теченію Волги—*Панскіе бугры*; они идутъ до самаго Печерскаго монастыря, составляющаго окраину города. Панскими названы они потому, что здѣсь поселены были плѣнные Литовцы (послѣ сраженія при Ведрогѣ), а литовскіе люди въ старину назывались на Руси *панами*; тутъ же царемъ Иваномъ Васильевичемъ поселены во время ливонской войны дерптскіе Нѣмцы.

Старый городъ былъ на вершинѣ горы Гремячей, въ которую теперь упряется плоскоутный черезъ Оку мостъ. Старый городъ былъ цѣль до второй половины XV столѣтія.

Новый городъ былъ построенъ великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ на горѣ Зеленой или Часовой, гдѣ съ 1508 г. существуетъ каменный кремль, построенный итальянскими архитекторами.

Думали, что этому новому городу дано имя въ подражаніе Новгороду Великому, что на Волховѣ, но это едва ли справедливо. Мнѣ кажется, что онъ названъ *новымъ* въ отличіе отъ находившагося въ полутора верстѣ отъ него *старого* города, а *нижнимъ*—потому, что былъ ниже стараго по теченію рѣки. *Меньшимъ* называли его не отъ того, что онъ былъ меньше стараго города; напротивъ, онъ былъ обширнѣе его. Слово *меньшій* должно принимать въ смыслѣ *младшій* по времени. Въ лѣтописяхъ XIV и XV ст. Нижний Новгородъ называется просто *Новгородомъ* и *Нюгородомъ*, что вводило въ ошибки разныхъ изслѣдователей, и даже самого Карамзина, которые иныя событія, относящіяся къ Нижнему Новгороду, приурочивали къ Новгороду-Ильменскому. Что касается до именованія *Новгородъ земли Низовскія* доселѣ сохранившееся въ императорскомъ большомъ титулѣ, то оно впервые является лишь въ концѣ царствованія Ивана Грознаго. Известна большая печать этого царя съ областными гербами, въ томъ числѣ гербомъ нижегородскимъ (олень) и подписью: *Новагорода земли Низовскія*. Эту печать употреблялъ первый Лжедмитрій (*).

Что *новый* городъ, *нижній*, *меньшій*—былъ построенъ Юріемъ Всеволодовичемъ на Часовой горѣ, на томъ мѣстѣ гдѣ теперь кремль, доказательствомъ служитъ то, что церкви первоначально построенныя Юріемъ: Спаса святаго, цнѣ Сѣасопрображенскій кафедральный соборъ, и Архистратига Михаила, бывшая при дворѣ великокняжескомъ,—нѣсколько разъ послѣ того перестроенныя, доселѣ находятся

(*) Она изображена во второмъ томѣ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ».

внутри кремля. Стѣны *новаго* города были дубовыя. Подъ 1513 годомъ въ Нижегородскомъ лѣтописцѣ сказано: „августа въ 1 день Нижній Новгородъ по горѣ и дубовая стѣна и все дворы сгорѣли“. Этотъ пожаръ былъ черезъ пять лѣтъ по построеніи Итальянцами кремля, болѣе обширнаго чѣмъ прежняя деревянная крѣпость, оставшаяся внутри каменныхъ укрѣпленій. Старый городъ, гдѣ жилъ Улу-Махметъ, безъ сомнѣнія былъ также дубовый. Вокругъ Нижняго въ старину были обширныя дубовыя лѣса, инаго строеваго лѣса не росло. До послѣдняго времени весь берегъ Оки отъ Нижняго вереть на сто и болѣе былъ почти сплошь покрытъ дубовыми лѣсами и рощами. Теперь все вырублено до послѣдняго почти дерева. Одна только роща трехсотлѣтнихъ дубовъ, росшихъ еще во дни „Казанскаго взятя“, именуемая *Ровнедью* и находящаяся возлѣ самаго рубежа нижегородской городской земли, уцѣлѣла. Какъ бѣдный памятникъ стародавнихъ лѣсовъ она и впередъ будетъ цѣла, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока я живъ: Ровнедь входитъ въ составъ моего имѣнія.

Судьба *старога* города, по разсказу Нижегородскаго лѣтописца, была такова: „Шестой тысячи (1) въ Нижнемъ Новгородѣ, *подъ старымъ городкомъ*, была слобода на берегу Оки. Изволеніемъ Божиимъ, грѣхъ ради человѣческихъ, гора оползла и съ лѣсомъ сверху на слободу *и на старій городъ* (2) и засыпало въ слободѣ сто пятьдесятъ дворовъ съ людьми и со всякою животиною. И тотъ городъ поставленъ былъ, какъ великіе князья суздальскіе ходили на взысканіе гдѣ поставить городъ и распространить княженіе свое Суздальское на Низовской землѣ за Волгой и за Окой рѣками, гдѣ были лѣса великіе, а въ нихъ жила поганая Мордва, которую они осогнали и землю ихъ отняли и населили Русью“.

Дятловы горы по всему пространству Нижняго Новгорода тянутся вдоль берега въ ровномъ почти разстояніи отъ рѣкъ Оки и Волги; но противъ нынѣшняго моста черезъ Оку, на утесистой, почти отвѣсной горѣ Гремячей замѣтенъ уступъ внутри матеровой земли, а подъ нимъ огромная насыпь. Это слѣды огромнаго оползня. Здѣсь стоялъ *старій городъ* до второй половины XV вѣка.

Оползни не рѣдки въ Нижнемъ, стоящемъ на глинистыхъ съ примѣсью мергеля горахъ, пронизанныхъ родниками. Какъ въ XV вѣкѣ оползнемъ разрушенъ былъ *старій* суздальскій городъ, такъ въ 1597 году былъ разрушенъ монастырь Печерскій. И послѣ того нерѣдко бывали оползни; на моей памяти ихъ было три.

(1) Т. е. между 1445 г., когда въ Старомъ городѣ сидѣлъ Улу-Махметъ, и 1492 г., когда началась седьмая тысяча лѣтъ по Р. Х.

(2) «И на Старій городъ»—вариантъ въ некоторыхъ рукописныхъ Нижегородскихъ лѣтописцахъ, въ томъ числѣ въ принадлежащемъ мнѣ, писанномъ въ началѣ XVIII ст.

О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ МѢСТНОСТИ, ГДѢ НАХОДИЛСЯ САРАЙ, СТОЛИЦА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

Н. А. Лопатина.

(Читано въ засѣданіи 9 августа. См. Протоколы, стр. LXIX).

Для разъясненія вопроса, предложеннаго программой IV Археологическаго Съезда относительно положенія Сарая, я предпринялъ въ іюлѣ мѣсяцѣ настоящаго года поѣздку въ означенную мѣстность. Результаты осмотра этой мѣстности я имѣю честь сообщить въ настоящее время.

Развалины Сарая находятся въ окрестностяхъ уѣзднаго города Царева Астраханской губерніи, отстоящаго отъ г. Астрахани на 350 верстѣ и отъ волжской пристани Владимировки на 72 версты. Мѣстность, на которой лежитъ г. Царевъ, представляетъ изъ себя степь, пересѣченную множествомъ сриковъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ „Царевокъ“ (впадающихъ въ р. Ахтубу), а потому эта степь богата займищными мѣстами, покрытыми богатою растительностью, представляя собою изобильныя пастбища для кочевыхъ народовъ. Развалины Сарая, находясь на сѣверо-западной сторонѣ г. Царева, состоятъ изъ сплошнаго ряда болѣе и менѣе правильныхъ грядъ кургановъ, простирающихся на четыре квадр. версты. На западъ и востокъ отъ этой сплошной массы кургановъ идутъ отдѣльныя группы ихъ. На западъ они тянутся до села Пришиба (12 верстѣ отъ Царева), а на востокъ доходятъ до села Колобовщины, а всего они простираются въ окружности на 20 верстѣ. Границами сплошной группы кургановъ служатъ: на с. Гусиной Лиманъ, на в. рѣка Малая Царевка, на ю. г. Царевъ, а на з. рѣка Кальгутъ. Всѣ курганы имѣютъ форму опрокинутой чашки и высота ихъ доходитъ отъ 1 до 2 сажень.

На сѣверной и на южной сторонахъ этой сплошной массы находятся нѣсколько большихъ кургановъ. На сѣверѣ курганы имѣютъ болѣе правильную овальную форму съ углубленіемъ по срединѣ. Самый высокій изъ кургановъ среди этой сплошной массы ихъ носитъ названіе у мѣстныхъ жителей *Мамеева кургана*. Отдѣль-

ные курганы, лежащіе на югъ, окружены возвышеніями. Всѣ курганы въ окрестностяхъ города Царева раскопаны поверхностно. Верхніе слои ихъ состоятъ изъ мелкаго кирпича (щебня), а глубже встрѣчается цѣльный кирпичъ, который извѣстенъ здѣсь подъ названіемъ *Мамаеви*. Кирпичъ этотъ имѣетъ форму почти квадратную и вдвое шире обыкновеннаго, но вполовину его тольще. Онъ совершенно походитъ на тотъ кирпичъ, который былъ найденъ въ развалинахъ Селитрянаго городка и изъ котораго выстроены стѣны астраханскаго кремля. Тамъ же встрѣчается эмальированный кирпичъ съ поверхностью синяго и голубаго цвѣта.

Добываніе кирпича изъ кургановъ до сихъ поръ, въ продолженіе столѣтій, служитъ однимъ изъ промысловъ, которымъ занимаются жители г. Царева. Они продаютъ этотъ добытый кирпичъ не только городскимъ жителямъ, но и въ окрестныя села; а потому всѣ зданія г. Царева и окрестныхъ селъ построены изъ этого кирпича. Возможно предположить, что если всѣ эти курганы не были могильными памятниками, то они были фундаментами какихъ то зданій, остатки коихъ еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія видалъ г. Леопольдовъ; но въ настоящее время ничего отъ нихъ не сохранилось, и наружнымъ памятникомъ этихъ развалинъ служатъ теперь груды щебня и такъ называемый мамасевскій кирпичъ. Мѣстные жители, добыватели мамасеваго кирпича, и въ настоящее время находятъ на незначительной глубинѣ въ курганахъ цѣлыя стѣны кирпичей, но они выбираютъ изъ нихъ болѣе прочныя, а мѣсто это опять засыпаютъ мусоромъ. Такимъ варварскимъ способомъ разработки кургановъ ради кирпича они уничтожаютъ слѣды древности, а между тѣмъ раскопки, предпринятія болѣе научнымъ образомъ, могли бы много пролить свѣту на означенную мѣстность.

На мѣстѣ-ли выше описанныхъ развалинъ, или на мѣстѣ Селитрянаго городка находился Сарай, столица Золотой Орды?

К а р а м з и н ъ въ своей „Исторіи“ указываетъ, что Сарай былъ тамъ, гдѣ нынѣ Селитряный городокъ, ссылаясь въ своихъ примѣчаніяхъ на Книгу Большаго Чертежа (стр. 223), на путешествіе Палласа и на Никоновскую лѣтопись (т. VII, стр. 210). [См. Истор. гос. Росс., т. IV, гл. II-я, примѣч. 44].

Исслѣдователи, которые занимались этимъ вопросомъ послѣ *Карамзина*, по большей части склонялись на его сторону. *Рыбушкинъ* (Жур. М. В. Д. 1837 г., т. XXIII, стр. 132) находитъ Сарай также въ развалинахъ Селитрянаго городка. *Леопольдовъ*, въ „Историко-статистическомъ описаніи Заволжскаго края“, изд. въ 1839 г. въ „Матеріалахъ для Статистики Россійской имперіи“ за этотъ годъ,—полагаетъ, что были два Сарая: старый, основанный задолго до *Баттля*, находился около Царева, а новый, построенный *Батцемъ* на мѣстѣ Селитря-

наго городка. Ф. М ю л л е р ь („Der Ugrische Volksstamm“, Berl. 1837) говоритъ тоже, что обѣ мѣстности носили названіе Сарая, служа попеременно быть можетъ пребываніемъ двора, такъ какъ это явленіе обыденное на Востокѣ. Это мнѣніе подтверждаетъ Г. С. С а б л у к о в ь. („Очерки внутренняго состоянія Кипчакскаго царства“).

Изслѣдованія же І а к о в а, епископа Саратовскаго („О мѣстности Сарая“), ориенталистовъ В. В. Г р и г о р ь е в а („О мѣстности Сарая, столицы Золотой Орды“) и Ф р е н а („Монеты хановъ Улуса Джучіева“) — приходятъ къ совершенно иному выводу. Всѣ эти три послѣднія изслѣдованія доказываютъ, что развалины Сарая находились около г. Царева. В. В. Г р и г о р ь е в ь въ своемъ изслѣдованіи пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) кромѣ Сарая, столицы ордынскихъ хановъ, не было другаго города съ этимъ же именемъ; 2) развалины Сарая находятся въ урочищѣ „Царевы Пады“, около и на мѣстѣ г. Царева; 3) новый Сарай находился тамъ же и былъ, вѣроятно, дворцомъ внутри его и въ его предмѣстьяхъ; 4) слѣды развалинъ въ урочищѣ *Джигитъ* или *Селитряный городокъ* не обнаруживаютъ собою существованія на ихъ мѣстѣ какого либо города, а ведутъ скорѣе къ заключенію, что тамъ было огромное кладбище (см. Сборн. статей В. В. Григорьева, „Россія и Азія“, стр. 260—321).

СЕЛИТРЯНЫЙ ГОРОДОКЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ, ЕНОТАЕВСКАГО УѢЗДА.

И. П. Загоскина.

(Читано въ засѣданіи Отд. Первобытныхъ древностей, 2 августа. См. Проток., стр. XLVI—XLVII).

Въ Харабалинской волости Енотаевского уѣзда Астраханской губерніи, въ шестидесяти верстахъ отъ г. Астрахани, на лѣвомъ берегу Волжскаго протока Ахтубы—расположено значительное село Селитряное. Въ половинѣ іюня 1875 года, на возвратномъ пути изъ киргизской степи въ г. Астрахань, мнѣ привелось проѣзжать мимо этого села и остановиться въ немъ для смѣны лошадей. При приближеніи къ селу—мое вниманіе было привлечено довольно значительнымъ холмомъ, находящимся въ разстояніи около полуверсты отъ сѣверной оконечности его: на вершинѣ этого холма я замѣтилъ остатокъ каменнаго сооруженія—повидимому башни—носящій на себѣ признакъ несомнѣнной старины. На мой вопросъ о значеніи замѣченной мною развалины—ямщикъ, житель с. Селитрянаго, отвѣтилъ мнѣ, что это „Мамаевъ городокъ“. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ узналъ я, что слѣды каменныхъ строеній, находящіеся вокругъ упомянутаго холма, доставляютъ обильный строительный матеріалъ, которымъ и пользуются мѣстные крестьяне, какъ для своихъ собственныхъ подѣлокъ, такъ и для продажи въ окрестныя селенія, въ г. Енотаевскъ и даже въ Астрахань. Какъ при добываніи кирпича, такъ и совершенно случайными путями—на мѣстѣ древняго городка весьма нерѣдко находятъ золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя вещи, а также множество серебряныхъ и мѣдныхъ денежекъ.

Все сообщенное мнѣ на столько меня заинтересовало, что я, несмотря на крайнюю ограниченность находившагося въ моемъ распоряженіи времени и на рискъ опоздать къ отходу парохода, рѣшился остановиться на нѣсколько часовъ въ селѣ, съ тѣмъ чтобы осмотрѣть мѣстность древняго города и, если возможно, скупить имѣющіяся у крестьянъ находки. Отправивъ лошадей въ село, я направился степью къ холму, на вершинѣ котораго находился заинтересовавшій меня памятникъ. Уже сажень за двѣсти отъ основанія холма (къ которому я подходилъ

съ восточной стороны), мнѣ пришлось идти по мѣстности буквально загроможденной кучами щебня, дававшими основанію полагать, что все пространство окружающее холмъ было когда то застроено каменными зданіями, отъ которыхъ въ настоящее время лишь мѣстами сохранились фундаменты, почти сгладившіеся уже съ уровнемъ степи. Подходя къ основанію холма и взбираясь по его, довольно крутому, склону, я былъ пораженъ еще другою особенностью: я шелъ по цѣлому слою глиняныхъ черепковъ, отчасти просто обожженныхъ, а отчасти и покрытыхъ поливою; въ перемежку съ ними пестрѣла масса мелкихъ осколковъ разноцвѣтной поливной штукатурки бѣлаго, синяго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ; попадались и неопредѣленные обломки перержавѣвшаго желѣза и различныхъ шлаковъ. Количество осколковъ разноцвѣтной штукатурки все болѣе и болѣе увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ холма и на послѣдней вся поверхность земли уже была ими усеяна.

Находящійся на вершинѣ холма остатокъ башни представляетъ собою сооруженіе, сложенное изъ большихъ дикихъ камней; форма его квадратная, съ длиною каждой стороны квадрата отъ 2 до 3 сажень, при толщинѣ стѣнъ отъ 2 до 3 футовъ. Верхняя часть башни обвалилась и вышина ея не превышаетъ въ настоящее время трехъ сажень. Внутренность башни загромождена горами щебня отъ постепенно обваливающихся стѣнъ ея; въ верхней части стѣнъ замѣтны слѣды гнѣздъ, въ которыхъ нѣкогда покоились концы балокъ, составлявшихъ, вѣроятно, потолокъ нижняго этажа зданія. Описанная мною башня представляетъ собою единственный, болѣе или менѣе сохранившійся, архитектурный памятникъ древняго города, находившагося въ мѣстности нынѣшняго села Селитрянаго; о значительности его нынѣ свидѣлствуютъ лишь бугры щебня и сравненные съ землею остатки фундаментовъ, простирающіеся по меньшей мѣрѣ на версту въ окружности. Эти послѣдніе слѣды даютъ возможность заключить, что вся сѣверная часть самаго села построена на городищѣ: груды мусора, щебня и болѣе или менѣе сохранившіеся фундаменты попадались мнѣ здѣсь даже на крестьянскихъ дворахъ и огородахъ, гдѣ, по словамъ крестьянъ, они причиняютъ имъ не мало хлопотъ и неудобствъ въ хозяйственномъ отношеніи.

Представлю общій характеръ окрестности, открывающейся съ вершины холма, отъ основанія башни. Къ сѣверу и сѣверо-востоку простирается волнообразная песчано-солончаковая степь; къ югу, саженьхъ въ 200—300 отъ подошвы холма, начинаются крайнія сѣверныя постройки села; къ западу мѣстность, прилегающая къ холму, дугообразно омывается протокомъ Ахтубою, который во время весенняго разлива подступаетъ къ самому основанію холма и размываетъ его съ западной стороны; съ восточной стороны холма, приблизительно въ верстѣ отъ

него, пролегасть съ сѣверо-восточнаго къ югозападному направленію дорога изъ с. Харабалей въ с. Селитряное. Общее впечатлѣніе мѣстности—степное, однообразное; прилегающая къ Ахтубѣ узкая полоса полуплодородной земли, на которой раскинуты с. Селитряное и другія прибрежныя селенія, непосредственно граничитъ съ безпредѣльными песчаными киргизскими степями, лежащими между р. р. Ахтубою и Ураломъ.

Вотъ, къ сожалѣнію, все то, что могу я сообщить о внѣшнемъ видѣ Селитрянаго городища. Случайность моего пребыванія въ с. Селитряномъ, его кратковременность, а главнымъ образомъ, совершенная непредвидѣнность того обстоятельства, что мнѣ доведется со временемъ реферировать о всемъ видѣнномъ и слышанномъ тамъ на IV-мъ Археологическомъ Съѣздѣ—были причиною того, что я не сдѣлалъ въ то время подробнаго описанія и измѣренія мѣстности, не снялъ ея на планъ и не обследовалъ валовъ, которые должны несомнѣнно опоясывать городище, хотя я въ настоящее время и не отказываю себѣ въ надеждѣ побывать еще разъ въ селѣ Селитряномъ, изслѣдовать его научнымъ образомъ, произвести раскопки въ наиболѣе замѣчательныхъ частяхъ городища и представить о всемъ сдѣланномъ тамъ отчетъ существующему нынѣ въ Казани Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи (¹).

Осмотрѣвъ мѣстность древняго города, я направился въ село, гдѣ въ бесѣдахъ съ жителями, старался собрать свѣдѣнія о видѣнныхъ мною памятникахъ древности. Всѣ спрошенные мною крестьяне отвѣчали стереотипнымъ разсказомъ, въ которомъ крестьяне Поволжья передаютъ преданія о всѣхъ вообще монгольскихъ городищахъ, встрѣчающихся по берегамъ р. Волги и ея притоковъ: всѣ совершенно единообразно называли Селитряное городище „Мамаевымъ городкомъ“, причѣмъ нѣкоторые, болѣе словоохотливые, добавляли къ этому, что „на царя Мамай, владѣвшаго этимъ городомъ, напалъ другой татарскій царь, который разорилъ и сжегъ городъ“. Весьма естественное любопытство заставило меня попытаться отыскать въ селѣ лицо, которое могло бы сообщить мнѣ болѣе точныя свѣдѣнія о Селитряномъ городищѣ; въ силу этого думалъ я отправиться побесѣдовать съ мѣстнымъ священникомъ—но послѣдній, къ сожалѣнію, находился въ этотъ день въ отъѣздѣ въ г. Енотаевскъ.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ крестьянами могъ я вывести заключеніе, что Селитряное городище никогда научнымъ образомъ не обследовалось, не говоря уже о какихъ либо археологическихъ раскопкахъ; что остатки находившихся здѣсь нѣкогда древнихъ строеній систематически разрушались и продолжаютъ

(¹) Основано въ 1878 г., по инициативѣ IV-го Археологическаго Съѣзда.

разрушаться самими крестьянами, добывающими на городищѣ превосходный кирпичъ, а отчасти и кладочискателями, которые, какъ сообщаютъ крестьяне, далеко не безуспѣшно занимаются здѣсь своимъ промысломъ. Много рассказывали мнѣ о кладахъ и различнаго рода случайныхъ находкахъ, дѣлавшихся на Селитрянномъ городищѣ; укажу, напримѣръ, на случай находки здѣсь въ 60-хъ годахъ большого золотого кубка съ татарскою надписью, который вымѣненъ былъ у напедшаго его крестьянина за нѣсколько десятковъ барановъ однимъ изъ калмыцкихъ найоновъ (князей). Всѣ вообще предметы древности, находимые на Селитрянномъ городищѣ, служатъ предметомъ самой варварской спекуляціи: во время бывающей въ селѣ ярмарки они сбываются пріѣзжающимъ сюда торговцамъ или же отвозятся на продажу въ г. Астрахань; и въ томъ и другомъ случаѣ эти предметы безслѣдно исчезаютъ въ горнахъ серебряковъ и мѣдниковъ.

На заявленное мною желаніе пріобрѣсти чтонибудь изъ мѣстныхъ находокъ, явилось ко мнѣ нѣсколько ребятшекъ съ монетами, которыя и уступались ими по весьма дешевой цѣнѣ: серебряныя—по пятаку, мѣдныя—по копѣйкѣ за 5—8 штукъ. Такимъ путемъ, въ теченіи какогонибудь часа, мнѣ удалось пріобрѣсти до 55 серебряныхъ и до 230 мѣдныхъ джучидскихъ монетъ. Собранная мною въ с. Селитрянномъ нумизматическая коллекція представляетъ интересъ, вслѣдствіе оказавшихся въ ней вариантовъ монетъ уже описанныхъ и до 13 монетъ еще неизданныхъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что монеты, находимыя въ с. Селитрянномъ, оказываются въ значительной степени окисленными, а нерѣдко вслѣдствіе того и мало-четкими: это обуславливается, по мнѣнію В. К. Савельева, солончаковымъ характеромъ мѣстности, находящейся подъ Селитрянымъ городищемъ. Ниже привожу я подробный каталогъ нумизматической коллекціи, собранной мною въ с. Селитрянномъ.

Мнѣ удалось—думаю, что вслѣдствіе кратковременности моего пребыванія въ с. Селитрянномъ—пріобрѣсти лишь весьма небольшое количество древностей, найденныхъ на мѣстѣ городища, хотя остатки архитектурныхъ украшеній, вывезенные мною изъ с. Селитрянаго, безспорно заслуживаютъ полнаго вниманія любителей древностей.

Привожу списокъ древнихъ предметовъ, пріобрѣтенныхъ мною въ с. Селитрянномъ:

1. Шесть большихъ кусковъ штукатурки съ выведенными по лицевой сторонѣ ея, разноцвѣтною поливою (по синему фону), арабскими письменами и различными украшеніями въ восточномъ вкусѣ (арабески, цвѣты, листья, полумѣсяцъ и т. п.). Наибольшій изъ этихъ кусковъ имѣетъ въ длину 13 вершковъ, въ ширину 9 вершковъ; наименьшій—въ длину 4½, вершка, въ ширину 3¼, вершка.

Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось убѣдить собственника этихъ кусковъ штукатурки—конечно за приличное вознагражденіе—выломать ихъ изъ фундамента избы, въ который вставлены были они, красоты ради, еще отцемъ собственника, нынѣ уже пожилаго крестьянина. Куски эти, по словамъ крестьянина, были отрыты у подошвы вышеупомянутаго холма, на вершинѣ котораго сохранились развалины зданія.

2. Три малыхъ обломка такой же штукатурки и нѣсколько десятковъ мелкихъ осколковъ ея; послѣдніе были лично собраны мною по склонамъ холма, вокругъ остатка древняго зданія.

3. Кусокъ карниза съ голубою поливою, украшенный по краямъ разноцвѣтными шашечками. Ширина его нѣсколько болѣе $2\frac{1}{2}$ вершковъ, длина до $6\frac{1}{2}$ вершковъ. Выломанъ изъ фундамента избы вмѣстѣ съ вышепомянутыми шестью большими кусками поливной штукатурки.

4. Небольшой, съ одной стороны тщательно отшлифованный, обломокъ изъ красно-сѣрой гранитной плиты, до 2 вершковъ въ длину и ширину. Найденъ на огородѣ, въ сѣверной части села, при расчисткѣ груды щебня и мусора.

5. Семнадцать глиняныхъ черепковъ (ручки, края, доньшки, стѣнки) отъ глиняныхъ сосудовъ изъ обожженной глины; нѣкоторые покрыты цвѣтною поливою.

6. Небольшая каменная печатка съ изображеніемъ льва, ущербъ луны и звѣзды.

7. Камень стекловидный, очевидно отъ перстня.

8. Два мѣдныхъ обломка отъ предметовъ неизвѣстнаго назначенія.

9. Два большихъ кирпича квадратной формы (типа, встрѣчающагося на всѣхъ болгарскихъ и монгольскихъ городищахъ); они взяты мною какъ образецъ матеріала, употреблявшагося для построекъ древними насельниками городища. Высокое достоинство этого кирпича, въ значительномъ количествѣ извлекаемаго изъ почвы, было одною изъ непосредственныхъ и ближайшихъ причинъ быстрого разрушенія слѣдовъ древняго города. По свидѣтельствамъ Фалька, Зябловскаго („Землеописаніе Росс. имперіи“) и Семенова („Географ. Словарь“) въ концѣ XVIII-го и въ началѣ текущаго столѣтія добываніе изъ городища древняго кирпича носило характеръ вполне организованнаго промысла: этотъ кирпичъ цѣлыми судами сплавлялся на продажу въ Астрахань. Этотъ источникъ промысла не истощился и до настоящаго времени: я самъ видѣлъ въ с. Селитрянѣ цѣлыя кладки древняго кирпича, предназначеннаго или для продажи, или для мѣстнаго потребленія (1).

(1) Всѣ пріобрѣтенные въ с. Селитрянѣ предметы (за исключеніемъ монетъ) составляютъ нынѣ собственность музея Казанскаго университета.

Въ виду только что указаннаго обстоятельства, не слѣдуетъ удивляться тому, что древности Селитрянаго городища съ каждымъ годомъ приходятъ все въ большее и большее разрушеніе. Если на сохраненіе и изслѣдованіе этихъ древностей не будетъ обращено должнаго вниманія—то, не будучи пророкомъ, можно предсказать близость того времени, когда Селитряное городище постигнетъ печальная участь многихъ русскихъ археологическихъ памятниковъ: сохраняющіеся еще на немъ остатки старины исчезнутъ безслѣдно и безъ пользы для науки. Научное изслѣдованіе Селитрянаго городища, правильныя раскопки въ немъ (подобныя тѣмъ, какія были произведены на предполагаемомъ мѣстѣ Сарая, у г. Царева)—быть можетъ могли бы пролить свѣтъ на историческое значеніе этого городища и открыть въ немъ, если и не Сарай (мѣстопахожденіе котораго у г. Царева далеко не можетъ считаться вопросомъ рѣшеннымъ), то во всякомъ случаѣ одинъ изъ золотоордынскихъ городовъ, извѣстныхъ по даннымъ джучидской нумизматики. Въ настоящее время вопросъ объ историческомъ значеніи Селитрянаго городища—вопросъ совершенно открытый, и самыя мнѣнія, высказывавшіяся по этому вопросу въ литературѣ—представляются весьма противорѣчивыми. Не претендуя на сколько нибудь обстоятельное знакомство съ литературою этого вопроса—я позволю себѣ, единственно только въ видѣ примѣра, указать на нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній.

Ф а л ь к ъ, посѣтившій Селитряное городище въ половинѣ XVIII-го столѣтія, утверждаетъ (на основаніи мѣстныхъ мусульманскихъ преданій) будто бы оно въ древности служило общимъ и священнымъ кладбищемъ для окрестныхъ мусульманъ. Священное значеніе этого мѣста обуславливалось, по словамъ Фалька, тѣмъ, что здѣсь былъ погребенъ доблестный поборникъ ислама Джигитъ-Гази (Dsigit Nasî), отъ котораго получило свое названіе и самое это урочище. Описывая древности Селитрянаго городка, Фалькъ упоминаетъ о каменномъ строеніи, принятомъ имъ за мечеть, имѣющемъ 14 футовъ длины и 8 футовъ ширины и сложенномъ изъ кирпичей квадратной формы, наружная поверхность которыхъ покрыта *разноцветною поливою*; около этого зданія находилось обвалившееся подземелье, отъ котораго начиналась длинная подземная галерея. Всю площадь мѣстности, занимаемую остатками развалинъ, Фалькъ принимаетъ въ 10 верстъ въ окружности. Подтвержденіе своего заявленія, будто изслѣдованная имъ мѣстность служила обширнымъ некрополемъ, видитъ Фалькъ въ томъ, что оставшіеся отъ существовавшихъ здѣсь нѣкогда зданій фундаменты слишкомъ малы для того, что-бы служить основаніями жилыхъ домовъ: онъ принимаетъ ихъ за остатки надгробныхъ мавзолеевъ; съ другой стороны подтвержденіе своего мнѣнія находитъ Фалькъ и въ томъ, что при разрытіи многихъ бугровъ, въ послѣднихъ находили, будто бы, че-

ловѣческія кости (¹). Какъ бы то ни было, но изъ только что приведеннаго описанія Фалька легко усмотрѣть, что въ половинѣ XVIII-го стол. развалины Селитрянаго городка представлялись еще въ довольно отчетливой формѣ, чего, къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать относительно настоящаго времени.

Свидѣтельство о Селитряномъ городкѣ, только нѣсколькими годами болѣе позднее сравнительно съ предъидущимъ свидѣтельствомъ, находимъ мы въ „Новомъ и полномъ географическомъ словарѣ Россійскаго государства“, изданномъ въ 1788 году. Здѣсь допускается возможность приуроченія Селитрянаго городка къ древней Астрахани (Хаджи-Тарханъ джучидской нумизматики), разоренной царемъ Іоанномъ Грознымъ: „Прежде бывшій городъ Астрахань—читаемъ мы здѣсь,—взятый и разоренный государемъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1554 году, не на семь мѣстѣ стоялъ (т. е. не на мѣстѣ нынѣшней Астрахани), но либо верстѣ десять выше по Волгѣ рѣкѣ, на мѣстѣ, гдѣ послѣ селитряный заводъ построенъ, или еще выше по Волгѣ-жѣ, 60 или 70 верстѣ отъ нынѣшняго города, при протокѣ рѣки Волги, называемомъ Ахтуба. На обоихъ сихъ мѣстахъ находятся развалины древнихъ строеній, изъ которыхъ возили камень въ нынѣшній городъ Астрахань для городоваго и прочаго строенія“. Нѣсколько ниже читаемъ: „Около 60 верстѣ powyше Астрахани заведенъ отъ артиллерійскаго вѣдомства при вышеописанномъ протокѣ Волги, называемомъ Ахтуба, селитряный заводъ“. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ именно о Селитряномъ городкѣ.

Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія З л о в с к і й въ своемъ „Землеописаніи Россійской имперіи“, упоминая о селѣ Селитряномъ, говоритъ, что здѣсь находятся развалины „зпятаго ногайскаго города“,—причемъ съ глубокимъ прискорбіемъ указываетъ на быстрое уничтоженіе ихъ вслѣдствіе „невѣжества и корыстолюбія“ мѣстныхъ жителей.

К а р а м з и н ъ (²), основываясь на показаніи Рубриквиса, принимаетъ развалины Селитрянаго городка за остатки Сарая, столицы Золотой Орды: „Сарай,—говоритъ онъ,—былъ тамъ, гдѣ нынѣ Селитряный городокъ“. Противъ предположенія исторіографа энергично возсталъ г. Леопольдовъ въ своемъ „Историко-статистическомъ описаніи заводскаго края Саратовской губерніи“ (³). Задавшись вопросомъ о томъ: гдѣ находилась столица Золотой Орды, тамъ ли, гдѣ нынѣ Селитряный городокъ, или же гораздо выше, тамъ гдѣ нынѣ уѣздный городъ Саратовской губерніи Царевъ—г. Леопольдовъ рѣшительно склоняется къ

(¹) Falk, „Beiträge etc.“ I. 125.

(²) Ист. гос. Рос., IV, стр. 59 и прим. 72 и 73 (изд. 1855 г.).

(³) Матеріалы для статистики Росс. имперіи, Спб. 1839.

последнему предположенію, подтверждая свое мнѣніе слѣдующими данными: 1) урочище, на которомъ располагается г. Царевъ, уже издавна называлось „Царевы Пады“, т. е. царскія развалины; 2) мѣсто, на которомъ расположенъ Селитряный городокъ, дико и пустынно, между тѣмъ какъ мѣсто расположенія г. Царева обильно зеленью и пастбищами,—очевидно, выводитъ отсюда авторъ, что ханамъ Золотой Орды не представлялось необходимости избрать первую изъ этихъ мѣстностей для построенія своей столицы; 3) въ пользу мѣстонахожденія Сарая вблизи нынѣшняго г. Царева говорятъ величественныя, истинно царскія, развалины, а богатыя находки, сдѣланныя здѣсь—свидѣтельствуютъ о высокой степени богатства находившагося здѣсь нѣкогда города. Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ г. Леопольдовъ признаетъ царевскія развалины за истинные слѣды древняго Сарая, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ безъ всякаго разсмотрѣнія вопросъ объ историческомъ значеніи Селитрянаго городка.

Уже изъ сдѣланнаго мною краткаго и самаго общаго очерка воззрѣній, высказывавшихся о Селитряномъ городкѣ, усматривается крайняя противорѣчивость ихъ, а равно и то, что вопросъ объ историческомъ значеніи этого городища есть вопросъ совершенно открытый и ожидающій своего разрѣшенія. Одни видятъ въ Селитряномъ городкѣ Сарай, столицу Золотой Орды, другіе—старую Астрахань, третьи—погребальное урочище. Не будучи ни ориенталистомъ, ни знатокомъ монголо-татарскихъ древностей, я не смѣю и думать брать на себя смѣлость высказать какое бы то ни было собственное предположеніе объ историческомъ значеніи Селитрянаго городка: я имѣлъ ближайшею задачею въ краткомъ отчетѣ своемъ передать лишь все то, что я видѣлъ въ Селитряномъ городкѣ, что я слышалъ о немъ и что, наконецъ, довелось мнѣ встрѣтить въ литературѣ по отношенію къ вопросу о минувшихъ судьбахъ этого городища.

Врядъ-ли впрочемъ и возможно въ настоящее время сказать какое либо рѣшительное слово относительно историческаго значенія Селитрянаго городища, въ виду совершенной неизслѣдованности его въ археологическомъ отношеніи. Вслѣдствіе послѣдняго мнѣ остается закончить настоящій отчетъ свой изъявленіемъ надежды на то, что важныя въ научномъ отношеніи остатки Селитрянаго городка—значительныя на столько, что даютъ даже поводъ подозрѣвать въ нихъ слѣды столицы Золотой Орды—будутъ наконецъ спасены отъ систематическаго, безпощаднаго варварскаго уничтоженія и расхищенія сокрытыхъ подъ ними археологическихъ сокровищъ и войдутъ въ увеличивающійся съ каждымъ годомъ кругъ изслѣдованій молодой науки русской археологіи.

КАТАЛОГЪ ДЖУЧИДСКИХЪ МОНЕТЪ, ПРИОБРѢТЕННЫХЪ ВЪ 1875 Г. ВЪ СЕЛИТРИНОМЪ ГОРОДКЪ

Профессоромъ Н. П. Загоскинымъ (*).

(Приложеніе къ его реферату).

№№	ОПИСАНІЕ МОНЕТЪ.	СЕР. МѢД.
	Узбекъ Ханъ.	
1.	I. Султанъ верховный Узбекъ. Монета Сарая 717 (1317—18) г. II. Суннитскій символъ („Нѣтъ Бога кромѣ Бога, Мухаммедъ посланникъ Бога“). (Френз: Монеты Хановъ и пр., табл. I, № XXI. Fгаe hпii: Recensio numorum etc., pag. 206, № 3).	1
2.	I. Султанъ Мухаммедъ Узбекъ Ханъ правосудный. II. Монета Сарая Богомъ хранимаго, годъ 722 (1322). (М. X. тб. I, № XXVIII; Rec. p. 210, № 13).	1
3.	I. Султанъ верховный Мухаммедъ Узбекъ Ханъ, монета Сарая 731 (1330—31) г. II. Суннитскій символъ и обыкновенное монетное украшеніе. (Rec. p. 213, № 21).	2 —
4.	I. Шестнадцать денгъ. II. Монета Сарая, годъ (?) 737 (?). (М. X. тб. X, № CCCXXXIX, Rec. p. 219, № 40).	— 1
5.	I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ. Монета Сарая, годъ 734 (1333—34) г. II. Суннитскій символъ и имена четырехъ первыхъ халифовъ. (Rec. p. 216, № 31).	5 —

(*). Описанная коллекція Джучидскихъ монетъ, разобранная при содѣйствіи покойнаго В. К. Савельева и І. Ѳ. Готвальда—составляетъ вынѣ собственность Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, которому она была въ 1879 году принесена въ даръ Н. П. Загоскинымъ. Монеты, невошедшія въ настоящій каталогъ, оказались при разборѣ совершенно стертыми и не представляющими никакого интереса въ нумизматическомъ отношеніи.—Примѣч. Н. П. Загоскина 1882 г.

№№	ОПИСАНІЕ МОНЕТЪ,	СЕР. МѢД.
6.	I. Повелѣніе высочайшее. Монета Сарая, годъ 737 (1336—37). II. Левъ и полное солнце (взошедшее). (<i>Вариантъ</i> монеты: М. X, тб. II, № XLVII в Rec. p. 248, № 36).	— 1
7.	<i>Вариантъ</i> той же монеты.	— 3
8.	I. Повелѣніе высочайшее. Монета Сарая, годъ 737 (1336—37). II. Левъ и восходящее солнце. (М. X. тб. II, № XLVI, Rec. p. 248, № 35).	— 28
9.	I. Повелѣніе высочайшее. Монета Сарая, годъ 737 (1336—37). II. Птица съ поднятыми крыльями. (М. X. тб. II, № LIV, Rec. p. 248, № 37).	— 2
Д ж а н и б е к ъ Х а н ъ .		
10.	I. Джанибекъ Ханъ. <i>Вокругъ</i> : Хабанъ правосудный Джелаль-эд-динъ Махмудъ Султанъ. II. Монета Сарая Новаго, годъ 743 (1342—43). (М. X. тб. III, № LIX в подобна Rec. p. 225, № 3).	1 —
11.	I. Султанъ правосудный <i>Чамбекъ Ханъ</i> (по монгольски) Джелаль-эд-динъ Махмудъ Султанъ. II. Монета Сарая Новаго, годъ 743 (1342—43). (М. X. тб. III, № LX, Rec. p. 227, № 7).	2 —
12.	I. Султанъ правосудный Джелаль-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ. II. Монета Сарая Новаго, годъ 745 (?). (Rec. p. 250, № 79).	1 —
13.	I. Подобна предъидущей монетѣ. II. Монета Сарая Новаго, годъ 745 (1344—45). (Rec. p. 250, № 80).	1 —
14.	I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три украшенія между строками. II. Монета Сарая Новаго, 746 (1345—46) г. (М. X. тб. III, № LXXX, Rec. p. 232, № 18).	1 —
15.	I. Султанъ Джанибекъ правосудный. II. Монета Сарая Новаго, 747 (1346—47) г. (М. X. тб. III, № LXV, Rec. p. 233, № 21).	1 —
16.	I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Между строками три украшенія и звѣздочка. II. Монета Сарая Новаго, 748 (1347—48) г. Украшеніе. (М. X. тб. III, № LXVI, Rec. p. 234, № 24).	1 —

№№	ОПИСАНИЕ МОНЕТЪ.	СЕР.	МЪЛ.
17.	<i>Варианты</i> предъидущей монеты.	2	—
18.			
19.	I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. II. Монета Гюлистана. Годъ 752 (1351). Украшеніе. (М. X. тб. III, № LXXII, Rec. p. 243, № 56)	2	—
20.	I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ. II. Монета Гюлистана. Годъ 752 (1351). (М. X. тб. III, № LXXIII, Rec. p. 243, № 54).	1	—
21.	I. Монета Сарая Новаго, 752 (1351) г. II. Фигура, напоминающая распустившійся цвѣтокъ. (М. X. тб. III, № LXXIV, Rec. p. 242, № 51).	—	24
22.	<i>Вариантъ</i> предъидущей монеты.		
23.	I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Украшеніе. II. Монета Гюлистана, 753 (1352) г. (Rec. p. 244, № 6).	1	—
24.	<i>Новый вариантъ.</i> I. Джелалъ-эд-динъ Джанибекъ Ханъ. II. Монета Сарая Новаго, отъ года видно только V, т. е. 7.	1	—
25.	<i>Тоже.</i> I. ...Джанибекъ Ханъ. II. Монета Сарая Новаго. 7...	1	—
26.	<i>Тоже.</i> I. Султанъ правосудный Джанибекъ.... II. Монета Сарая Новаго, 7...	1	—
27.	<i>Тоже.</i> I. Султанъ правосудный Джанибекъ.... Кругомъ ободокъ изъ линіи и точекъ. Два украшенія. II. Монета Сарая Новаго, 7..	1	—
Бирдибекъ Ханъ.			
28.	I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да длится царство его. II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 759 (1357—58). (Rec. p. 239, № 8).	3	—
Кульна Ханъ.			
29.	I. Султанъ правосудный Кульна Ханъ, да длится царство его. II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 760 (1359). (М. X. тб. IV, № C, Rec. p. 261, № 1).	1	—

№№	ОПИСАНІЕ МОНЕТЪ.	СЕР. МѢД.
	Н е в р у с ь Х а н ь.	
30.	I. Султанъ правосудный Неврусъ-Бекъ Ханъ, да длится царство его. II. Монета Сарая Новаго, 761 (1359—60) г. (Рес. р. 264, № 4).	1 —
	Х ы з р ь - Х а н ь.	
31.	I. Султанъ правосудный Хызръ-Ханъ, да длится царство его. II. Чекапъ города Гюлистана, годъ 761 (1359—60). (М. X. тб. IV, № CV, Рес. р. 265, № 2).	2 —
32.	I. Султанъ правосудный Махмудъ Хызръ-Ханъ, да длится царство его. II. Монета Сарая Новаго, 761 (1359—60) г. (М. X. тб. IV, № CVI, Рес. р. 266, № 5).	1 —
33.	I. Султанъ правосудный Хызръ-Ханъ, да длится царство его. II. Монета Сарая Новаго, 762 (1360—61) г. (Рес. р. 266, № 8).	— 9
	К и л ь д и б е к ь Х а н ь.	
34.	I. Украшеніе. Вокругъ: Султанъ правосудный Кильдибекъ Ханъ, да длится царство его. II. Монета Сарая Новаго, 763 (1361—62) г. (М. X. тб. V, № CXXIV, Рес. р. 273, № 2).	— 6
	Х е й р ь (М и р ь) - П у л а д ь Х а н ь.	
35.	I. Султанъ правосудный Миръ-Пуладъ Ханъ, да длится царство его. II. Монета Сарая Новаго, 764 (1362—63) г. (Рес. р. 278, № 4).	— 8
	(?) - Т и м у р ь Х а н ь.	
36.	<i>Неизданная монета.</i> خان I. طانمور (?) Тимуръ Ханъ, да длится царство его. الخال II. Украшеніе въ квадратѣ. Кругомъ: Крымъ, 768 (1366—67) г.	
	А б д у л л а Х а н ь.	
37.	I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ, да длится царство его. II. Монета Орды, годъ 770 (десятьи писаны прописью, 1368—69). (Рес. р. 285, № 5).	2 —

№№	ОПИСАНИЕ МОНЕТЪ.	СЕР. МЭД.
	Мухаммедъ-Булакъ Ханъ.	
38.	I. Султанъ правосудный Гайясъ-эд-динъ-в' эд-дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царство его. II. Власть Богу. Орда, 771 (1369—70) г. (Рес. р. 287, № 0).	1 —
	Тулунъ-Бекъ Ханъ.	
39.	I. По повелѣнію <i>царицы</i> (?) Тулунъ-Бекъ Ханумъ (?), да длится царство ея (?). II. Монета Сарая Новаго, 773 (1371—72) г. (М. X. тб. V. № CXXXVI, Рес. р. 294, № 1).	— 1
	Тохтамышъ Ханъ.	
40.	I. Султанъ правосудный <i>Тохтамышъ</i> (по монгольски) Ханъ, да длится царство его. II. Монета Сарая Новаго, 782 (1380) г. Украшеніе. (М. X. тб. V, № CLII, Рес. р. 304, № 2).	1 —
41.	I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царство его. II. Монета Крыма, годъ 782 (1380). (М. X. тб. V. № CLVI, Рес. р. 307, № 12).	1 —
42.	<i>Новый неизданный вариантъ.</i> I. Гайясъ-эд-дунья-в' эд-динъ Тохтамышъ Ханъ. II. Монета Сарая Новаго, 783 (1381—82) г. Годъ написанъ такъ: внизу 7, вверху 83.	1 —
43.	I. Султанъ правосудный Тохтамышъ (куфическимъ письмомъ). II. Чеканъ Хорезма, годъ 786 (1384—85). (М. X. тб. VI. № CLX, Рес. р. 314, № 32).	1 —
44.	I. Султанъ правосудный Тохтамышъ (куфическимъ письмомъ). II. Чеканъ Хорезма, годъ 788 (1386—87). (Рес. р. 316, № 44).	1 —
45.	I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царство его. II. Монета Орды высочайшей, 791 (1389) г. (М. X. тб. VI, № CLXXV, Рес. р. 320, № 57).	1 —
46.	I. Тохтамышъ Ханъ (?). II. Гюлистанъ, годъ 797 (1394—95) (?). (См. Nova supplementa etc., р. 318, № 74 в. Весьма рѣдкая монета. Кромѣ даннаго экземпляра извѣстно еще три: два въ Акад. Наукъ и одинъ въ коллекціи В. К. Савельева).	1 —

№№	ОПИСАНИЕ МОНЕТЪ.	СЕР.	МЛ.
47.	<i>Новый вариантъ.</i> I. Тохтамышъ Ханъ (?). II. Монета Сарая Новаго, 778 (?).	1	—
48.	<i>Тоже.</i> I. Тохтамышъ Ханъ. II. Монета Орды. (Переломлена на двѣ части).	1	—
49.	<i>Неизданная перечеканенная монета Тохтамышъ Хана.</i>	—	1
Мухаммедъ Ханъ.			
50.	<i>Новый вариантъ.</i> I. Мухаммедъ Ханъ. II. Сарай Новый.	1	—
Мухаммедъ-Кутлу Ханъ.			
51.	<i>Неизданная монета.</i> I. Мухаммедъ Кутлу. II. Монета города Крыма.	1	—
Тимуръ Ханъ.			
52.	<i>Новый вариантъ.</i> I. Мухаммедъ-бенъ-Тимуръ Ханъ. II. Сарай (Новый?). Огъ года видно только 8.	1	—
Шадибекъ Ханъ.			
53.	I. Султанъ правосудный Шадибекъ Ханъ.... II. Монета (имя города и годъ непрочитаны). (М. X. тб. VIII, № ССXLVII, Вес. р. 367, № 28).	1	—
Пуладъ Ханъ.			
54.	I. Султанъ правосудный Пуладъ Ханъ, до продлить Богъ царство его. II. Монета Башгара (?). (Вес. р. 369, № 9).	1	—
Кибакъ Ханъ.			
55.	I. Султанъ верховный Кибакъ Ханъ. II. Монета Булгарская. (М. X. тб. XI, № ССCLXXI, Вес. р. 377, № 4).	1	—

№№	ОПИСАНІЕ МОНЕТЪ.	СЕР. МѢД.
	Джучидскія, безъ означенія хановъ. (Inserti).	
56.	I. Въ добрый часъ.... II. Изображеніе льва. (М. X. тб. X, № CCCXXXVII, Res. p. 404, № 0).	— 1
57.	I. Монета Сарая Новаго, 761 (1359—60) г. II. Украшеніе въ видѣ распустившагося цвѣтка. (М. X. тб. X, № CCCXLIV b, Res. p. 295, № 1).	— 9
58.	I. Монета Сарая Новаго, годъ 768 (1366—67). II. Изображеніе дикаго звѣря (льва?). (М. X. тб. X, № CCCXLVII, Res. p. 296, № 4).	— 3
59.	Монета подобная М. X. тб. IX, № CCCVIII и Res. p. 400, № 6.	— 1
60.	I. Шестнадцать пулъ денгъ. II. Двѣ рыбы (знакъ зодіака). (М. X. тб. II, № LVIII, Res. p. 404, № 12).	— 1
61.	Вариантъ предъидущей монеты.	— 1
62.	I. Монета Сарая Новаго. Шестнадцать денгъ. II. Фигура, похожая на двуглаваго орла. (М. X. тб. X, № CCCXIII, Res. p. 404, № 13).	— 20 (Разныхъ штемпелей).
63.	I. Монета Сарая. II. Изображеніе кувшина съ чаркой. (М. X. тб. X, № CCCXI, Res. p. 405, № 18).	— 1
64.	I. Монета Сарая. II. Изображеніе вѣсовъ. (Res. p. 406, № 19).	— 2
65.	I. Монета Сарая, 790 (1388) г. II. Украшеніе. (Res. p. 408, № 30).	— 1
66.	<i>Монета неизданная.</i> I. Монета Сарая Новаго. II. Звѣрь (левъ?), идущій вправо, въ квадратѣ изъ прямыхъ линий.	— 1
67.	<i>Тоже.</i> I. Монета Сарая (Новаго?). II. Двѣ птицы туловищами въ разныя стороны, но обращенныя другъ къ другу клювами; между послѣдними украшеніе.	— 1

№№	ОПИСАНІЕ МОНЕТЪ.	СЕР. МЪД.
68.	<i>Тоже.</i> I. Монета Сарая Новаго, 767 (1356—57) г. II. Неясна. По окружности украшенія въ видѣ узловъ.	— 1
69.	<i>Тоже.</i> Неясна. Монета Хаджи-Тархана (?).	— 1
70.	<i>Тоже.</i> I. Неясна. II. Монета Сарая Новаго.	— 1
71.	<i>Тоже.</i> I. Монета Сарая Новаго, 768 (?). II. Въ серединѣ въ квадратѣ большое обыкновенное монетное украшеніе; по сторонамъ украшенія узлами.	— 2
72.	<i>Тоже.</i> I. Въ квадратѣ изъ линий, окруженномъ украшеніями: Монета Сарая Новаго. II. Украшеніе (неясно).	— 1
73.	<i>Тоже.</i> I. Монета Сарая Новаго. Въ серединѣ большое украшеніе въ видѣ узла. II. Въ серединѣ обыкновенное монетное украшеніе, кругомъ украшеніе узлами.	— 1
74.	<i>Тоже.</i> Затѣйливыя украшенія съ обѣихъ сторонъ, въ кругахъ изъ линий; надписей нѣтъ.	— 1
75.	<i>Тоже.</i> I. Въ квадратѣ изъ линий, окруженномъ украшеніями: Сарай Новый. II. Затѣйливое украшеніе.	— 1
а)	Двѣ древнія русскія поддѣлки подъ серебряныя Джучидскія монеты.	
б)	Джучидскія монеты потертыя и поломанныя. Восемь отдѣльныхъ частей.	

И т о г о . . . 52 с. 138 м.

ПРЕДАНИЯ ТОМСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ О ПОДДАНСТВѢ ИХЪ РОССИИ.

Князя Н. А. Кострова (¹).

Между русскимъ населеніемъ Томской губерніи въ настоящее время не существуетъ никакихъ преданій о первыхъ заселеніяхъ Русскихъ въ предѣлахъ ея территоріи и о борьбѣ ихъ съ туземными племенами. Причина этому, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, что горсть первыхъ завоевателей нашего края, казаковъ и служилыхъ людей, уже давно смѣшалась и даже исчезла въ массѣ пришлаго населенія, состоящаго отчасти изъ свободныхъ переселенцевъ, отчасти изъ ссыльныхъ. Ни переселенцы, ни ссыльные не имѣли никакого интереса сохранять преданія о подвигахъ, въ которыхъ не участвовали они сами. Съ другой стороны подобныхъ преданій сохранилось весьма мало и между инородцами Томской губерніи главнымъ образомъ потому, что находясь на значительно низкой степени цивилизаціи, они не дорожили такими сокровищами, какъ народныя преданія. При этомъ необходимо замѣтить, что подобныя преданія сохранились только у тюрко-монгольскихъ племенъ, заселяющихъ среднюю и южную части губерніи, между тѣмъ какъ у племенъ финско-самоѣдскихъ, живущихъ на сѣверѣ ея, ничего подобнаго уже нѣтъ.

У всѣхъ тюрко-монгольскихъ племенъ Томской губерніи существуетъ преданіе, что задолго до пришествія Русскихъ въ Сибири жилъ народъ Чудь; онъ былъ силенъ и богатъ: вмѣсто лошадей у него были многочисленныя стада верблюдовъ, вмѣсто рогатаго скота—сохатые. Передъ приходомъ Русскихъ въ Си-

(¹) Какъ эта статья, такъ и слѣдующая за ней: «Очерки быта Минусинскихъ Татаръ», не были доложены Сѣзду за недостаткомъ времени. Обѣ статьи принадлежатъ перу известнаго сибирскаго этнографа князя Н. А. Кострова, недавно умершаго. Первая статья печатается какъ отвѣтъ на 19-й запросъ IV-го Археологическаго Сѣзда: «Нѣтъ-ли гдѣ нибудь на Русскомъ востокѣ мѣстныхъ преданій о первыхъ заселеніяхъ Русскихъ и ихъ борьбѣ съ туземцами»; вторая статья—какъ добавленіе къ первой.—Ред.

бири вдругъ стала произрастать береза, о которой до того времени никто и не слыхивалъ. Удивленные бѣлымъ цвѣтомъ коры этого дерева, Чудаки созвали своихъ шамановъ и стали спрашивать ихъ, что бы это значило? Шаманы отвѣчали, что появленіе *блага дерева* значитъ то, что скоро придутъ воины *Блага Царя* (акъ-ханъ = русскій царь) и покорятъ ихъ. Чудаки пришли отъ этого въ такой ужасъ, что вырыли ямы и заживо погребли себя въ нихъ. Курганы, встрѣчающіеся во многихъ мѣстахъ Сибири, суть могилы Чудаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, внутри нѣкоторыхъ кургановъ были находимы деревянные срубы, человѣческія кости, а равно и разныя металлическія вещи.

Вслѣдствіе ли этого, или вслѣдствіе чего другаго, только береза пользуется особымъ религіознымъ почитаніемъ у племенъ, населяющихъ Алтай. Большая часть орудій, употребляемыхъ при шаманствѣ, непременно изъ березы. Кузнецкіе инородцы каждую весну справляютъ березовый праздникъ—*чалиль*: наварятъ браги, насидятъ араки, нарядятся въ лучшія одежды и собирается каждый улусъ у одной своей заветной вѣковой березы. Въ жертву ей навѣшиваютъ тряпокъ и конскихъ волосъ разныхъ цвѣтовъ. Затѣмъ, одинъ изъ толпы, свѣдущій, брызжетъ нѣсколько разъ брагою на березу, призывая духовъ, чтобы они не допускали змѣй въ улусъ, отвращали болѣзни, давали больше рыбы и т. п. Праздникъ оканчивается уничтоженіемъ заготовленной браги и араки.

По разсказамъ кузнецкихъ инородцевъ, на мѣстѣ нынѣшняго города Кузнецка жилъ нѣкогда народъ Абаларь. У него устроено было укрѣпленіе. Когда Русскіе не могли взять это укрѣпленіе силою, то прибѣгли къ хитрости: они вошли въ него посредствомъ подкопа и внезапное появленіе ихъ предъ осажденными Абаларцами до того поразило послѣднихъ, что они безпрекословно признали надъ собою власть побѣдителей. Нѣсколько времени спустя дошло это до свѣдѣнія русскаго царя и онъ спросилъ: какимъ ремесломъ занимается завоеванный народъ? Когда ему сказали, что большая часть ихъ кузнецы, то онъ велѣлъ, чтобы выстроенный въ ихъ землѣ городъ назывался Кузнецкомъ.

Вскорѣ послѣ устройства города Кузнецка и въ немъ крѣпости потребовалось, чтобы находившееся въ немъ войско отправилось въ Томскъ, такъ что въ городѣ остался только старый да малый; къ тому же и самъ тогдашній воевода былъ хромой и ходилъ на деревяшкѣ. Узнавъ, что Кузнецкъ совершенно опустѣлъ, Туканцы задумали овладѣть имъ и потому обложили его многочисленными толпами. Плохо пришлось бы осажденнымъ, если бы не выручилъ ихъ изъ бѣды одинъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ; онъ такъ ловко направилъ пушки, что неприятель, послѣ перваго же залпа, пришелъ въ страшное смятеніе и обратился въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ битвы и раненаго своего предводителя. Кромѣ

того, въ это время съ русской стороны особенно отличался одинъ Телеутъ, по имени Алаганчикъ. Потомки его существуютъ еще и теперь въ Бачатскихъ улусахъ Кузнецкаго округа и, кромѣ другаго названія, носятъ прозваніе Алаганчиковыхъ.

У Телеутовъ извѣстны два преданія о подданствѣ ихъ Россіи.

По одному, послѣдній телеутскій ханъ Конгдайча имѣлъ двухъ женъ и семерыхъ дѣтей. Отъ первой жены у него былъ сынъ Шюна и дочь Шюнеда, а отъ второй пять сыновей, изъ которыхъ извѣстны по имени двое—Амарзана и Таабачи. По смерти Конгдайча между дѣтьми его возникло несогласіе. Противъ Шюну составился заговоръ его братьевъ, но сестра, узнавъ объ этомъ, уговорила Шюну спастись бѣгствомъ. Онъ убѣжалъ подъ покровительство Вѣлаго Царя Алексѣя Михайловича и принялъ подданство Россіи. Злополучная сестра была убита заговорщиками за открытіе ихъ умысла. Между остальными братьями согласія также не было: трое изъ нихъ погибли въ междоусобіяхъ, но Амарзана и Таабачи продолжали еще спорить между собою о правленіи, пока первый не послѣдовалъ примѣру Шюны, отдавшись Россіи, а послѣдній съ своимъ народомъ откочевалъ въ Китай.

По другому преданію, Шюна былъ богатырь и мудрецъ. Одинъ изъ братьевъ его, Калданъ, влюбился въ его наложницу Кара-Кызъ и женился на ней. Оскорбленный этимъ, Шюна собралъ своихъ друзей и, отъѣхавъ на версту отъ своего жилища, рассказалъ имъ о своемъ горѣ, потомъ натянулъ свой лукъ и въ видѣ насмѣшки и безчестія пустилъ стрѣлу въ юрту брата. Стрѣла воцпилась въ дверь. Братъ сейчасъ же узналъ кому она принадлежитъ и пожаловался отцу. Конгдайча призвалъ къ себѣ Шюну, обвинилъ его, приказалъ вырѣзать лопатки (плечевыя кости), связать ремнями руки и ноги и посадить въ подземелье глубиною въ 70 сажень. Никто не зналъ, куда пропалъ любимецъ народа; только одинъ старикъ, входившій къ хану, узнавъ въ чемъ дѣло, провелъ отъ своей юрты подкопъ къ темницѣ и въ теченіи семи лѣтъ питалъ узника. Конгдайча былъ могучъ и славенъ, многіе ханы покорялись ему, но одинъ изъ нихъ Черный-Калмыкъ, свѣдавъ, что не стало мудраго богатыря Шюны, прислалъ къ нему двухъ сорокъ, изъ которыхъ одна была дѣйствительная, а другая превращенная шаманами изъ вороны; при этомъ Черный-Калмыкъ предложилъ условіе Конгдайтѣ, что если Конгдайча отличить одну птицу отъ другой, то онъ будетъ платить ему дань, а если нѣтъ,—то перестанетъ. Конгдайча запечалился. Но старикъ, принося Шунѣ пищу, рассказалъ ему о горѣ отца. „Велика ли мудрость,—говоритъ Шюна,—отличить сороку отъ вороны! Ты посовѣтуй моему отцу поставить шесть, а близъ него навѣсъ и въ ненастное время выпустить обѣихъ птицъ; сорока полетитъ подъ

навѣсь, а ворона сядетъ на шесть и закаркаетъ“. Такимъ образомъ птицы разгаданы и Черный-Калмыкъ остался данникомъ Конгдайча. Но спустя два года, Черный-Калмыкъ опять присылаетъ къ Конгдачу кустъ таволожника для различенія комля отъ вершины на прежнемъ условіи. Шюна чрезъ старика своего опять сообщилъ, что если пустить кустъ въ воду, то онъ вершиною пойдетъ впередъ, а комель будетъ позади. Но чрезъ годъ Черный-Калмыкъ, оставивъ пытать мудрость, обратился къ силѣ: онъ присылаетъ желѣзный лукъ, чтобы натянуть его, но никто не можетъ этого сдѣлать; брались за это даже тридцать человѣкъ, однако все безъ успѣха. Тогда Шюна научилъ старика заплакать передъ ханомъ и народомъ и сказать: „своего богатыря мы рѣшили сами и теперь должны покориться даннику“. „Да не живъ ли онъ,—отвѣчаетъ отецъ,—надобно посмотрѣть“. Вытаскиваютъ несчастнаго Шюну изъ подземелья. Онъ обросъ тамъ мохомъ, плечи зажили, только не могъ онъ взглянуть на бѣлый свѣтъ, а потому цѣлмхъ полдня пролежалъ внизъ лицомъ. Отецъ приказалъ вымыть его верблюжьимъ молокомъ и нарядить. Сынъ спрашиваетъ: „для чего ты, батька, меня мертвеца пошевелилъ?“ Но отецъ вмѣсто отвѣта подаль ему чару вина въ полведра. Богатырь выпиваетъ ее однимъ духомъ. Подана другая чара—богатырь выпилъ, зарумянился и закусилъ цѣлымъ бараномъ. Тогда отецъ разсказалъ ему о своемъ горѣ. „Неси родитель лукъ“, сказалъ Шюна. Тридцать человѣкъ принесло лукъ. Онъ заложилъ тетиву однимъ мизинцемъ (лукъ погнулся) и сказалъ: „ну, родимый мой батюшка, благословляй меня на путь, я тебѣ больше не сынъ, ты мнѣ не отецъ“. И съ этими словами отправляется съ друзьями въ Коканъ къ дѣду своему по матери, но этотъ два мѣсяца тому назадъ померъ, не оставивъ по себѣ наследника. Коканцы единогласно выбрали Шюну своимъ ханомъ. Но чрезъ нѣсколько времени дошелъ до него слухъ, что его стали называть бродягою. Тогда онъ собралъ весь народъ и сталъ отказываться отъ ханства. Одни молчали, а другіе упрашивали быть ханомъ. Послѣднихъ онъ поставилъ по правую руку, а первыхъ по лѣвую, развернулъ свой въ двѣнадцать разъ сложенный булатный мечъ, махнулъ и лѣвая сторона обезглавлена, бунтъ прекратился. Избравъ одного изъ двѣнадцати друзей своихъ, Шюна сдѣлалъ его ханомъ, а самъ отправился къ Бѣлому Царю Алексѣю Михайловичу. Русскій Царь полюбилъ его, назвалъ *Краснощокимъ* и отвелъ ему дворецъ. По отбытіи Шюны изъ родины, сдѣлался бунтъ въ народѣ и ханство Конгдайча распалось на двѣ части; населеніе одной части осталось въ Кузнецкомъ округѣ, а другой—ушло въ Томскъ и приняло мухаммеданство. Конгдайча, притѣняемый сосѣдними ханами, бѣжалъ съ сыномъ своимъ Калданомъ къ одной горѣ, выкопалъ семь палатъ (отсюда Семипалатинскъ) и хотѣлъ здѣсь укрѣпиться, но Черный-Калмыкъ, вытѣснивъ его, прогналъ въ Бухарию.

Вотъ еще вариантъ этихъ сказаній.

Былъ царь Ойротъ, подданные котораго назывались Ойротами. По смерти его возгорѣлась вражда между двумя его сыновьями. Имя старшаго было Калданъ, а младшаго Уйто-Кайтгы-Карагула. Послѣдній былъ могучій богатырь. Оба они хотѣли царствовать. Но когда открылась война между ними, Карагула одолѣлъ старшаго и убилъ его на сраженіи въ нынѣшнихъ предѣлахъ Китайскаго государства. Народъ Калдановъ, Телеуты, убѣжались отъ Карагулы подъ покровъ Бѣлаго Царя. Карагула погнался за Телеутами съ своею женою-богатыркою, которая была въ то время беременна. Одинъ изъ воиновъ Калдана пустилъ стрѣлу въ нее, стрѣла попала ей въ животъ и она умерла. Карагула, отрѣзавъ половину хвоста у лошади своей, бросилъ его и сказалъ: „Довольно! теперь я не хочу знать лошадей калдановыхъ,“ и возвратился. Памятникъ этого событія—утесистая гора въ Алтаѣ, Тибетты, не далеко отъ р. Песчаной.

У Телеутовъ-Скодамновъ сохранилось слѣдующее преданіе о подданствѣ ихъ Россіи.

По случаю междоусобной войны, два князька Телеутовъ Мамытъ и Балыкъ отдѣлились отъ кочевавшихъ вмѣстѣ съ ними Тербетцевъ и пришли къ р. Томи, гдѣ расположились на лѣвомъ берегу, противъ г. Кузнецка. За ними погнались Тербетцы съ войскомъ, подъ предводительствомъ двухъ же князьковъ своихъ. Телеуты попросили помощи у Русскихъ, которые и отразили Тербетцевъ, причемъ одинъ князь былъ раненъ, а другой, будучи преслѣдуемъ и догнанъ храбрымъ Алаганчикомъ, предводителемъ войска Мамытова, былъ убитъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія Мамытъ и Балыкъ, объявивъ о подданствѣ своемъ русскому царю, положили, что надобно которому нибудь изъ нихъ лично явиться къ царю для того, чтобы не обложили ихъ большимъ ясакомъ и чтобы за свое добровольное подданство получить награду. Балыкъ, будучи хитрѣе, совѣтовалъ Мамыту, что ему, какъ старику, приличнѣе остаться при народѣ и предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою услугу—сѣздить къ царю въ качествѣ его вѣрнаго слуги и посланника. Совѣтъ былъ принятъ; но Балыкъ, пріѣхавъ къ царю, измѣнилъ Мамыту, назвавъ себя главнымъ начальникомъ Телеутовъ; получилъ знакъ отличія—*алыракъ* и суконный, обложенный галуномъ кафтанъ. Возвратясь къ Мамыту, онъ объявилъ себя начальникомъ, а его, Мамыта, своимъ подчиненнымъ. Мамытъ, оскорбленный отказомъ Балыка, поднялся съ своимъ народомъ на партію Балыка и приказалъ своему богатырю Мылтыкъ-Ахшѣ схватить вѣроломнаго брата и убить. Мылтыкъ-Ахша, принимая порученіе, сказалъ: „пойду, исполню твое порученіе въ послѣдній разъ; сердце мое чувствуетъ, что я отрублю голову Балыку, но и самъ живой не ворочусь.“ Мылтыкъ-Ахша окружилъ ночью станъ

Балыка, сорвалъ его юрту, оцѣпивъ арканомъ, и отсѣкъ ему голову. Но войско Балыка и Русскіе погнались за богатыремъ и, не допустивъ до Мамыта, схватились съ нимъ. День былъ жаркій; поэтому Мылтыкъ-Ахша, носившій кольчугу, часто уклонялся подъ тѣнь березы. Замѣтивъ это, одинъ изъ русскихъ воиновъ скрылся подъ лежавшую близъ той другую березу, и когда Мылтыкъ-Ахша приближалъ подъ тѣнь березы и поднялъ съ лица кольчугу, выстрѣлилъ ему въ лобъ и убилъ. Отрядъ Мылтыкъ-Ахши былъ взятъ. Мамытъ оправдался передъ Русскими тѣмъ, что его намѣреніе было только убить Балыка за обманъ и остался въ нашемъ подданствѣ. Поэтому народъ Балыка отдѣлился отъ Мамыта и поселился ниже по р. Томи, получивъ названіе Скедамповъ.

Алтайскіе Калмыки рассказываютъ, что по смерти хана ихъ Ойрота, царство его распалось на части. Главнымъ начальникомъ ойротскаго войска въ то время былъ Амыръ-Санага, а начальникомъ надъ частью народа Алтайскаго Чаганъ-Нараттанъ. Между ними поднялась жестокая междоусобная война. Послѣ многихъ стычекъ, оба войска сошлись наконецъ на р. Чарышѣ, гдѣ произошла между ними рѣшительная битва. Чаганъ-Нараттанъ, не дождавшись конца сраженія, бѣжалъ; однакожъ Алтайцы все таки разбили Амыръ-Санагу и прогнали его за Иртышъ. Тутъ онъ поступилъ въ подданство Россіи, въ царствованіе Екатерины II, принявъ на службу какъ дворянинъ и названъ *Красноцокимъ*. Чаганъ-Нараттанъ ушелъ въ Китай.

Вскорѣ послѣ этого въ Алтайскія горы вторгнулся предводитель Монголовъ Чадокъ, сынъ Эзепи. Алтайцы разбили его на голову недалеко отъ р. Чуи, однакожъ потерпѣли и сами большой уронъ. Боясь первыхъ нападений со стороны Монголовъ и видя что нельзя имъ остаться безъ хана, они поступили въ подданство русскаго царя.

Другихъ преданій, относящихся къ настоящему вопросу, между Томскими инородцами не существуетъ.

ОЧЕРКИ БЫТА МИНУСИНСКИХЪ ТАТАРЪ (¹).

Князя Н. А. Кострова.

I.

Минусинскій округъ Енисейской губерніи есть одна изъ интереснѣйшихъ частей Сибири въ историческомъ отношеніи. Будучи одною изъ лучшихъ и плодородныхъ мѣстностей Сибири на сѣверной сторонѣ Саянскаго хребта и соединяя почти одинаковыя удобства и для скотоводства и земледѣлія, т. е. для жизни кочевой и осѣдой, Минусинскій округъ служилъ долговременнымъ пребываніемъ многочисленнымъ племенамъ, смѣнявшимъ здѣсь другъ друга. Этимъ передвиженіемъ народнымъ способствовало сосѣдство обширной котловины верхняго Енисея, носившей издревле и въ преданіяхъ народныхъ названіе *Ергене-конгъ* и служившей, по свидѣтельству этихъ преданій, колыбелью тюркскаго племени. Котловина эта, со всѣхъ сторонъ окруженная довольно высокими горами, проходимыми впрочемъ на югъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, а на сѣверѣ сообщающаяся съ Минусинскимъ округомъ естественными воротами—прорывомъ Енисея (ушелье Кемъ-Кемчикъ-Вомъ), высылала, какъ кажется, нерѣдко въ Минусинскій округъ избытокъ своего населенія, находившій особенно удобныя для своихъ кочевокъ мѣста въ степяхъ Абаканской, Сагайской, Качинской и Юссо-Ербинской. Удобства эти такъ велики, что

(¹) При составленіи настоящихъ очерковъ, кромѣ личныхъ моихъ замѣтокъ о Минусинскихъ Татарахъ, я пользовался еще сочиненіями слѣдующихъ авторовъ: Фишера, Сибир. истор. Спб. 1774 г.; Палласа, Пут. по разн. пров. Россійск. гос. Спб. 1773—1788 г.; Спасскаго, Сибир. Вѣстн., Спб. 1818—1819 г. и Зап. И. Р. Геогр. Общ. кн. XII; Клапрота, *Memoires rel. à l'Asie et Magus. Asiat.*, Paris 1825 г.; Пестова, Записки о Енисейск. губ. Москва 1833 г.; Степанова, Енис. губ. Спб. 1835 г.; Риттера, Землевѣд. Азіи. Спб. 1860 (т. III); Кастрена, *Reiseberichte* и пр., St. Pet. 1856 г.; Щукина, разныя статьи въ Ж. М. В. Дѣлъ 1859 и 1860 г., т. XXVII и XXVIII; Гагемейстера, Стат. обзор. Сибири, Спб. 1851 г.; Маака, Общія свѣд. о Енис. губ. (Списки населен. мѣстъ LI), Спб. 1864 г.; Семенова, Геогр.-стат. слов. Росс. имп. Спб. 1863—1868 г. и нѣкоторыми другими.—Примѣч. автора.

кочевая жизнь и до сихъ поръ удержалась оазисами на этихъ степяхъ посреди осѣдлаго русскаго населенія. Я говорю о минусинскихъ инородцахъ, которые, въ числѣ 23,755 душъ обоюга пола, дѣлятся, главнымъ образомъ, на три группы—Качинцевъ, Сагайцевъ и Койбаловъ, называвась обыкновенно Татарами, потому что говорятъ тюркскимъ нарѣчьемъ. Несмотря на то, что эти племена почти съ каждымъ днемъ теряютъ какую либо черту своей народности, они представляютъ все еще много любопытнаго.

Качинцы, или качинскіе Татары, жили прежде по рѣкѣ Качѣ близъ Красноярска, гдѣ и доселѣ существуютъ еще немногіе остатки ихъ. Во время покоренія Сибири, качинскіе Татары примкнули къ казакамъ, помогли имъ прогнать своихъ соотечественниковъ Киргизовъ и сдѣлались затѣмъ единственными обладателями такъ называемой теперь Качинской степи. Еще во время жительства своего на р. Качѣ, эти Татары приняли и поглотили въ себѣ Ариновъ, племя,—по мнѣнію Кастрена, лучшаго знатока въ настоящемъ дѣлѣ,—сродственное съ енисейскими Остяками; Аринны и теперь еще называютъ себя Ара, хотя въ официальныхъ бумагахъ и именуются Татышевскимъ улусомъ. По переходѣ въ Минусинскую страну, качинское племя умножилось присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ киргизскихъ семействъ и другихъ иноплеменныхъ родовъ, каковы: Тинъ, Джастекъ, Джаренъ, Джильтагъ, Сукарларъ и Тубаларъ или Тубинцы. Эти роды увѣряютъ, что они первобытные жители страны и что изъ нихъ роды: Тинъ, Джаренъ и Джильтагъ—до новѣйшихъ временъ всегда принадлежали къ Койбальскому управленію. Что касается до происхожденія этихъ родовъ, то Тинъ и Джастекъ или Дъястегъ (Остякъ?) утверждаютъ, что они сродственны Аринамъ и Койбаламъ, которые несомнѣнно происходятъ отъ Остяковъ. Всѣ остальные, безъ всякаго сомнѣнія, самоѣдскаго происхожденія. Касательно такъ называемыхъ Тубуларовъ слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что это названіе обозначаетъ въ настоящее время не какой либо опредѣленный родъ, а всѣ племена частію самоѣдскаго, частію остяцкаго происхожденія, кочевавшія нѣкогда по рѣкѣ Тубѣ. Придавая этому названію такое обширное значеніе, трудно разумѣется думать на сколько качинскіе Тубинцы остяцкаго, на сколько самоѣдскаго происхожденія. Во всякомъ однакожъ случаѣ, по обыкновенному и первоначальному значенію, слово Тубуларъ—общее названіе Самоѣдовъ, въ языкѣ которыхъ и слово *tuba* или чаще *tebe* употребляется какъ нарицательное имя въ значеніи *человѣка* и *Самоѣда*. Если возьмемъ еще при этомъ въ расчетъ, что Маторы, которые и до нынѣ въ китайскихъ владѣніяхъ называютъ себя Тубуларами, жили издревле въ рѣчной области Тубы, то, кажется, можно будетъ безошибочно предположить, что качинскіе Тубинцы вѣтвь Маторовъ. Это подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ 400

Маторовъ, кочевавшихъ прежде по правой сторонѣ Енисея, въ недавнее время оставалось только восемь податныхъ душъ.

Значительнѣйшіе роды изъ принадлежащихъ къ Сагайскому управленію суть Сагай и Белтиръ. Они считаютъ себя первобытными жителями страны и увѣряютъ, что прежде жили по рѣкамъ Абакану и Юсу. Всѣ остальные роды: Томъ, Соръ, Кей, Кизиль-Кая, Карга, Коби и Тайасъ, переселились въ недавнемъ времени изъ Кузнецкаго округа Томской губерніи. Всѣ сагайскіе Татары увѣряютъ, что они чистые Тюрки, но это, по многимъ причинамъ, весьма сомнительно.

Что касается наконецъ до Койбаловъ, о которыхъ такъ много спорили, то они считаютъ себя, вмѣстѣ съ облеченной въ мифическій мракъ Чудью, древнѣйшими обитателями этой страны. Ихъ составляютъ восемь слѣдующихъ родовъ: большой и малый Байгадо (Бай), Кангъ, Тараджакъ, Тойда, Мадоръ, Кель, Ингора, Бѣгды, Иргень, Артъи, Кѣйекъ и Кайденгъ. Въ отношеніи къ своему происхожденію эти роды, теперь совершенно отатарившіеся, распадаются на Самоѣдовъ и енисейскихъ Остяковъ. Остяцкаго происхожденія только большой и малый Байгадо и Кайденгъ, всѣ же остальные—самоѣдскаго. Степановъ, съ полною увѣренностью и съ видомъ полного знанія дѣла, выдаетъ всѣхъ Койбаловъ за природныхъ Татаръ, тогда какъ каждый изъ нихъ скажетъ вамъ, что его предки были совсѣмъ другаго племени и говорили своимъ собственнымъ языкомъ. Кастрень засталъ еще нѣсколько престарѣлыхъ Койбаловъ, которые помнили нѣсколько словъ своего прежняго языка, и на этихъ то словахъ онъ и основалъ свое мнѣніе о происхожденіи Койбаловъ.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ представить полный, по возможности, этнографическій очеркъ всѣхъ этихъ инородцевъ.

Вслѣдствіе смѣшенія различныхъ племенъ и близкаго родства съ русскимъ населеніемъ, у минусинскихъ инородцевъ нѣтъ теперь общей физіономіи. Наши крестьяне называютъ ихъ иногда въ насмѣшку *черногривыми и лопатками*: первое прозвище намекаетъ на длинные черные волосы, второе на приплюснутый носъ. Хотя дѣйствительно малый лобъ, узкіе глаза, выдавшіяся скулы, маленький расплывшійся носъ, рѣдкіе черные усы и борода—встрѣчаются у Татаръ (будемъ называть ихъ этимъ именемъ, подѣ которымъ они вообще извѣстны) очень часто, однакожъ не рѣдко можно встрѣтить между ними то совершенно финскую физіономію, то совершенно русскую. Вообще, красота не досталась въ удѣлъ здѣшнимъ Татарамъ. Правда, дѣти, особенно дѣвочки лѣтъ до 14 или 15, бываютъ замѣчательно красивы, но съ теченіемъ времени большое развитіе скулъ и расположеніе къ толщицѣ обезображиваютъ ихъ. Подѣ старость, въ особенности если Татарка придерживается еще употребленія айрана, она дѣлается совершен-

ною вѣдьмою. Особенно непріятно смотрѣть на ихъ постоянно гноящіеся, красные глаза. Это у обоюго пола происходитъ большею частію отъ постояннаго дыма въ юртахъ. Высокій ростъ между Татарами значительная рѣдкость, большею частію они средняго роста, но широкоплечи и хорошо сложены. Многія изъ великосвѣтскихъ дамъ, употребляющія для своего украшенія чужіе волосы, позавидовали-бы растительности волосъ у здѣшнихъ Татарокъ. Я знаю случай, что одна Койбалка, поссорясь съ своимъ мужемъ, удавилась, повѣсившись на деревѣ на собственныхъ своихъ косахъ. По измѣренію, онѣ оказались болѣе аршина съ четвертью длины.

Лѣтомъ мужчины носятъ халатъ или тургатонъ, который у богатыхъ бываетъ изъ шелковой матеріи, преимущественно желтой, синей или пунцовой, съ бархатной отдѣлкой; женщины и дѣвушки ходятъ лѣтомъ въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ и бумажныхъ рубашкахъ, отличаясь другъ отъ друга преимущественно тѣмъ, что дѣвушки носятъ большее количество косъ, висящихъ по щекамъ. Рубашка—непремѣнно съ широкими ластовицами изъ другой матеріи и съ глухо застегнутымъ воротомъ на шеѣ. Зимняя одежда мужчинъ и женщинъ обыкновенно состоитъ изъ шубы, покрытой у богатыхъ плисомъ и опушенной по поламъ и подолу выдрю или собольими лапками. Мужскія шапки шьются большею частію изъ выдры, но женщины носятъ иногда изъ чернобурыхъ лисицъ, а иногда изъ какой нибудь шелковой матеріи, съ лисьимъ или собольимъ околышемъ и съ красною шелковою кистью. Оба пола носятъ штаны—богатые изъ замши, бѣдные изъ холста. Вообще, собственно національной одежды у здѣшнихъ Татаръ нѣтъ. Татарки переняли даже у русскихъ крестьянокъ и мѣщанокъ моду румяниться, употребляя для этого корень растенія, который они называютъ *ингиска*. Въ ботаникѣ оно называется *oposma simplex echioides*. Въ прежнее время нерѣдко можно было встрѣтить здѣшняго Татарина въ самомъ уморительномъ костюмѣ: во фракѣ, ливреѣ, форменномъ вицемундирѣ съ форменными пуговицами и безъ лифа, въ кожаномъ картузѣ съ позументомъ, или въ круглой шляпѣ съ кокардою, прикрѣпленною на выворотъ. Всѣмъ этимъ снабжали ихъ,—разумѣется, мѣнная на скотъ или звѣриныя шкуры,—смѣтливые красноярскіе промышленники. Теперь этого уже не увидите. „Гаді шибкѣ глуна была, говорить Татаринъ; тапери малъ-мальска натуральна идетъ“.

Не знаю, моются-ли когда нибудь здѣшніе Татары; но при взглядѣ на нихъ, это предположить довольно трудно. На вопросъ объ этомъ, мнѣ постоянно доводилось слышать одинъ и тотъ же отвѣтъ съ усмѣшкою: „були некоди, мы народъ проста“. Лѣтомъ, въ жары, проѣзжая мимо какого нибудь улуса, можно встрѣтить, что

женщины и дѣти сидятъ на берегу ручья и флегматически смотрятъ на воду; но чтобы кто нибудь изъ нихъ омывалъ свое грѣшное тѣло,—никогда.

Лѣтнія и зимнія жилища большей части Минусинскихъ Татаръ, то есть войлочныя и берестяныя юрты, остались и теперь безъ всякаго измѣненія со временъ Палласа и другихъ путешественниковъ прошлаго вѣка. Остовъ юрты—рѣшетчатый; крышка прикрѣпляется къ землѣ волосяными арканами; входъ, весьма низкій, закрытъ кожею, берестою или рогожею; сверху находится отверстіе для выхода дыма. Вместительность юрты не болѣе 9 или 10 сажень, смотря по большому или меньшему семейству владѣльца ея. Тутъ и спальня, и кухня, и кладовая этого семейства; тутъ же ягната, иногда куры и непремѣнно собаки. Поэтому, нечистота здѣсь страшная, а разныхъ насѣкомыхъ столько, что они свѣжому человѣку не дадутъ сомкнуть глазъ. Посреди юрты и лѣтомъ и зимою, и днемъ и ночью, горитъ огонь; дѣтей, чтобы они не подползали къ нему, матери привязываютъ на веревку. Направо, кругомъ стѣны, стоятъ разныя кадки и кадочки съ кислымъ кобыльимъ молокомъ и айраномъ, мѣшки съ хлѣбомъ, самоваръ, мѣдныя чашки и другая посуда; налѣво висятъ узды, сѣдла, винтовки и стоятъ сундуки, окрашенные синей или красной краской и окованные желѣзомъ. Эти сундуки, привозимые торговцами преимущественно изъ Ирбита, составляютъ значительную статью сбыта. Прямо противъ входа въ юрту находится постель хозяина, а вверху на шесткахъ коптится разное мясо. Если въ прежнемъ мѣстѣ трава стала плоха, то Татары переносятъ юрты на новое, и это дѣлается такъ быстро, что снятіе юрты и потомъ постановка ея на новомъ мѣстѣ требуетъ только нѣсколько часовъ времени: бересту и остовъ свертываютъ трубками, посуду укладываютъ въ кожаныя сумы, навьючиваютъ все это на лошадей,—и дѣло кончено. За лошадьми, перевозчиками юрту, тянутся на новоселье верхами и пѣшкомъ мужчины, женщины, дѣти, бѣгутъ собаки. Мѣсто для зимнихъ юртъ, или для деревянныхъ зимниковъ, обыкновенно выбирается закрытое отъ вѣтра, въ ложбинѣ, между горъ, по близости большихъ рѣкъ, чтобы не нуждаться въ водѣ и дровахъ. *Зимникъ*—изба безъ крыши, съ узкими лавками вокругъ, заваленными разной конской сбруей, и съ двумя маленькими окнами, затянутыми пузыремъ; полъ въ зимникѣ деревянный. Направо отъ входа постоянно находится *чуваль*,—печь, или, лучше сказать, родъ камина, битаго изъ глины, съ трубою. Этотъ чуваль топится день и ночь; угасаетъ онъ развѣ тогда, когда все обитатели зимника погружены въ глубокой сонъ и некому подложить дровъ. Отъ чувала нѣтъ ни малѣйшаго дыма; поэтому зимники здѣшнихъ Татаръ, во всякомъ случаѣ, можно предпочесть курнымъ избамъ нашихъ великорусскихъ губерній. Здѣсь даже не всегда можно встрѣтить скотъ, почти неизбѣжную принадлежность курныхъ избъ. Впрочемъ, нечистотою они могутъ поспорить другъ съ другомъ.

Татары такъ сроднились съ своими юртами и зимниками, такъ любятъ ихъ, что даже не многіе изъ богатыхъ рѣшаются жить въ домахъ. Если семейство Татарина нанялось работать гдѣ нибудь въ русской деревнѣ, то оно и тутъ разбивается юрту, несмотря на то, что у хозяина было бы гдѣ и безъ того помѣститься. Но, кромѣ привычки, они живутъ въ юртахъ, руководясь и расчетомъ. Татары думаютъ, что если станутъ жить домами, то ихъ перечислятъ въ крестьяне и тогда они уже непременно будутъ нести воинскую повинность. По той же причинѣ они и подать платятъ, большею частью не деньгами, а звѣриными шкурами, несмотря на то, что казенная оцѣнка ихъ бываетъ большею частію несравненно ниже цѣны въ вольной продажѣ. Подать эта взимается только съ родовичей отъ 16-ти до 50-ти лѣтъ отъ роду. Она меньше крестьянской и простирается отъ 2-хъ до 3-хъ р. съ плательщика.

Если вы лице, власть имѣющее, то, по пріѣздѣ вашемъ въ татарское селеніе или улусъ, все мужское населеніе его выбѣгаетъ изъ юртъ, становится рядомъ и отдаетъ вамъ почтительный поклонъ, спрятавъ руки за спину и нѣсколько присѣдая. Иной, въ особенности когда имѣетъ до васъ просьбу, падаетъ даже ницъ лицомъ и будетъ лежать въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока вы нѣсколько разъ не скажете ему, чтобы онъ всталъ. Пока переменяютъ вашихъ лошадей, кто нибудь изъ зажиточныхъ и пользующихся бѣльшимъ почетомъ приглашаетъ васъ въ юрту и проситъ сѣсть на постель. Но постель считается здѣсь самымъ высшимъ мѣстомъ, на которомъ можетъ сидѣть только хозяинъ; поэтому гораздо вѣжливѣе помѣститься на одинъ изъ находящихся по близости сундуковъ. Хозяинъ, хозяйка и чуть-ли не цѣлое населеніе улуса помѣщается между тѣмъ напротивъ васъ, сидя на корточкахъ у огня. Какъ мужчины, такъ и женщины держатъ въ зубахъ маленькія и коротенькія трубочки, въ которыхъ наложенъ черкасскій табакъ, смѣшанный съ корою пихтоваго или тополеваго дерева. Иногда нѣжная супруга, курнувъ разъ-другой изъ трубки, передаетъ ее своему сожителю, а сама начинаетъ раздувать поставленный уже самоваръ. Хозяинъ спрашиваетъ васъ по русски о самыхъ цѣннѣйшихъ предметахъ и потомъ сейчасъ же передаетъ вамъ отвѣтъ по татарски остальнымъ лицамъ, находящимся въ юртѣ. Подаютъ чай. Волей или неволей, а вы все-таки должны выпить чашку-другую; въ противномъ случаѣ гостепріимный хозяинъ можетъ оскорбиться и подумать, что вы брезгаете его угощеніемъ. На прощанье, всѣ Татары снова строятся въ рядъ и снова отвѣщаютъ вамъ по почтительному поклону, держа руки за спиною и присѣдая. Въ прежнее время хозяинъ при этомъ случаѣ считалъ непременною обязанностію вынести гостю на подносѣ соболя, или на чайномъ блюдѣ два-три цѣлковыхъ, прося принять ихъ „въ честь благодарности“. Те-

перь это вывелось. Пока вы не отъѣдете версть пяти отъ улуса, васъ непременно будутъ сопровождать нѣсколько человекъ всадниковъ, несясь во весь духъ по сторонамъ экипажа. Это также своего рода почетъ, а отчасти предупредительность, чтобы лошади не стали. Известно, что здѣшнія лошади, ходя цѣлый годъ на подножномъ корму, довольно слабосильны. Версту-другую отъ мѣста онѣ несутся во весь духъ, но потомъ вдругъ останавливаются. Въ это время конвойные считаютъ необходимымъ что есть силы побуждать ихъ къ дальнѣйшей ѣздѣ нагайками и чѣмъ попало.

Здѣшніе Татары очень вѣжливы въ обращеніи не только съ лицами начальствующими, но и между собою. Знакомые мужчины и даже мужчина съ женщиною, если они въ родствѣ, при свиданіи жмутъ другъ другу руки и цѣлуются. Пріѣзжій изъ ближняго или дальняго улуса у нихъ равно почетный гость. Хозяинъ юрты, куда онъ пріѣхалъ, приглашаетъ его къ огню и угощаетъ чѣмъ Богъ послалъ, а если это лѣтомъ, когда развѣ только у бѣднаго нѣтъ айрана, то и айраномъ. Случается, но очень рѣдко, что гость и хозяинъ, порядочно напившись, подерутся, но эта драка происходитъ не совсѣмъ обыкновенно. Одинъ выхватываетъ изъ огня полѣно или схватываетъ другую какую нибудь вещь, какая попалась подъ руки, и начинаетъ ею колотить собесѣдника; тотъ не говоритъ ни слова, не двигается съ мѣста и только отводитъ удары руками или увертывается отъ нихъ. Наконецъ, тотъ кто билъ утомляется и падаетъ на землю. Тогда тотъ, кого били, поднимается въ свою очередь, схватываетъ тоже полѣно или другую вещь и начинаетъ бить лежащаго. Такимъ образомъ роли черемѣняются по нѣскольку разъ, пока посторонніе не разнимутъ воюющихъ. Отойдя другъ отъ друга и усѣвшись на корточки, недавніе друзья и недавніе враги, подъ вліяніемъ айрана, начинаютъ жалобно пѣть пѣсни, импровизируя въ нихъ, какъ они прежде дружно и весело жили, какъ вмѣстѣ поивали и т. п.

Русскаго гостя Татаринъ также принимаетъ со всевозможнымъ радушіемъ. Но не такъ поступаетъ относительно его нашъ мужичекъ, особенно если видитъ, что отъ инородца мало поживы. Инородецъ, обѣднѣвшій до послѣдней крайности, идетъ къ русскому селенію и тутъ ставитъ свою юрту. По-міру онъ не ходитъ, вѣроятно, потому, что неизвѣстенъ этотъ способъ; но голодный инородецъ идетъ въ домъ крестьянина и помѣщается у дверей на лавкѣ; мужичекъ садится за столъ, а Татарину даетъ лопотъ хлѣба: послѣ обѣда остатки дѣлятся по равной части между гостемъ и собаками. Иногда поручаютъ Татарину наколотъ и принести въ избу дровъ, воды; иногда женѣ инородца даютъ выдѣлать оленью шкуру, сохатаго, козули, сшить войлокъ и т. п.; за труды платятъ имъ хлѣбомъ или зерномъ.

Все протухлое, околѣвшее отсылается въ юрту, хозяева которой ничѣмъ не гнушаются.

Главная пища здѣшнихъ Татаръ, кромѣ всякаго мяса, (за исключеніемъ мяса соболя, волка, лисицы) и рыбы, которую они, впрочемъ, ловятъ рѣдко, по недостатку нужныхъ для того снастей и по скудости улова въ тѣхъ рѣкахъ и рѣчкахъ, при которыхъ они преимущественно кочуютъ,—главная пища состоитъ изъ молока во всевозможныхъ его видахъ: прѣснаго, кислаго, сыру, высушеннаго на солнцѣ, творогу и наконецъ *айрана*, или молочнаго вина. Многіе даже изъ Русскихъ пьютъ это вино съ удовольствіемъ, а что касается до Татаръ, то они большіе охотники до него, какъ мужчины, такъ и женщины и могутъ выпить не менѣе четверти ведра въ день. Для человѣка непривычнаго айранъ можетъ показаться хуже самой отвратительной микстуры, имѣя кромѣ того еще свойство производить сильную головную боль. Мясо Татары, особенно бѣдныя, ѣдятъ даже и тогда, когда скотина пала и попортилась, такъ что въ ней завелись черви. Чтобы сбыть съ рукъ эту гадость, мясо кладутъ на нѣсколько времени въ проточную воду и когда она обмоетъ все хорошо, то употребляютъ его въ пищу. Муку и зерновой хлѣбъ можно найти только у богатыхъ, или тѣхъ, которые живутъ по близости русскихъ селеній; у большей части Татаръ эти предметы продовольствія замѣняются кореньями кандыка или собачьяго зуба и сараны (*eritronium dens canis*, *lilium martagon*). Лѣтомъ ихъ можно достать во всякое время; на зиму ихъ сушатъ. Приготовленіе пищи, да и вообще всѣ хозяйственныя работы лежатъ на обязанности женщинъ. Съ ранняго утра Татарка кипятитъ въ котлѣ воду, подбавляетъ туда нѣсколько кислаго молока, подсыпаетъ горсть или двѣ кандыка или сараны, горсть муки или зеренъ, даетъ еще разъ прокипѣть этому мѣсиву и потомъ угощаетъ имъ все семейство. Какъ только оно проголодалось, опять начинается приготовленіе того же самаго блюда и повторяется это раза три-четыре въ день. Если въ котлѣ что нибудь осталось, то доѣдаютъ и до чиста вычищаютъ собаки.

Главное занятіе Минусинскихъ Татаръ, какъ было прежде, такъ и осталось теперь,—скотоводство, но скотоводство въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оно было, можетъ быть, нѣсколько столѣтій назадъ. Нѣкогда сагайскіе и качинскіе быки славились своею величиною и вкусомъ мяса. Кромѣ Красноярска и Енисейска, продовольствовавшихся постоянно минусинскимъ скотомъ, Татары ежегодно отправляли его до 7-ми тысячъ головъ въ Иркутскъ. Но частые падежи послѣдняго времени сильно уничтожили эту отрасль хозяйства здѣшнихъ Татаръ. Кромѣ эпизоотій, эти падежи весьма часто бываютъ отъ того, что Татары по лѣности и безопасности мало заготавливаютъ сѣна для скота на зиму, держа его

большую часть на подножном корму. Если зима холодна, а снег глубокий, то падеж неизбежен. Впрочем, с недавнего времени Татары стали несколько заботливей и заготавливают корм по крайней мере для того скота, который по слабости с трудом может сам добывать себе подножный корм. За хлебопашество принялись уже многие, но тут надо приложить еще не мало хлопот и старания, чтобы некоторые неудачи не охладили первых порывов. А при объединении многих инородцев это занятие можно считать теперь единственным средством к улучшению их жалкого существования. Звероловство, с увеличением народонаселения и с развитием золотых промыслов, идет год от году хуже, так что Татары едва в состоянии уплачивать теперь звериными шкурами свой ясак.

Минусинские Татары большей частью крещены, но по отдаленности церквей и по невозможности со стороны духовенства посещать их кочевья, почти не исполняют православных обрядов. Что же касается до язычников, то они имеют самые темные понятия о вере, знают только, что есть Кудай—Бог, и Ирле-Хань—чорт, и больше ничего. Как христиане, так и язычники верят в сверхъестественную силу шаманов или, по здешнему, *камовъ*, но стараются приглашать их к себе так, чтобы об этом не было никому известно. Большая часть здешних камов ничто иное, как чистейшие шарлатаны.

II.

Минусинские Татары, как замечено уже выше, делятся на роды. Все лица одного рода считают себя родными братьями, и потому никто не может жениться на девушке одного с ним рода, как бы ни было отдаленно родство, между тем как и ближайшее не препятствует браку, если невеста из другого рода. Таким образом, дозволяется жениться на сестре, даже матери своей жены, на дочери родной сестры и т. п.

Сватовство продолжается у Татар по 3, 4 и 5 лет; поэтому отцы заставляют свататься своих сыновей очень рано. Сватовство начинается тем, что отец жениха посылает к отцу невесты особого свата, снабдив его вином и табаком. Явись в юрту отца невесты, свать объявляет ему о цели своего приезда и подает ему трубку табаку и рюмку водки. Если отец принимает то и другое, то это означает, что он согласен на предложенный брак. Затем проходит полгода или год прежде, нежели придет жених, и тогда уже условливаются о калыме, т. е. плат за невесту, и назначается время свадьбы, которая опять откладывается на несколько месяцев. В это время жениху дозво-

воллется прїѣзжать къ невѣстѣ такъ часто, какъ ему заблагоразсудится; однакоже наединѣ онъ съ нею никогда не остается и считается большимъ стыдомъ, если она спознается съ нимъ до брака. Когда все приготовленія къ свадьбѣ окончены, женихъ съ родными и знакомыми прїѣзжаетъ за невѣстою. Мать невѣсты съ ближайшими родственниками находится внѣ юрты, которая наполнена посторонними зрителями, сидящими кружкомъ. Невѣста падаетъ передъ родителями на колѣна, прощается съ ними со слезами, а потомъ подходитъ прощаться къ братьямъ, сестрамъ и другимъ родственникамъ. Все находящіяся при этомъ женщины плачутъ, пока женихъ не увезетъ невѣсту въ свой улусъ.

Впрочемъ, все это относится до свадебъ между богатыми и при томъ когда невѣста дѣвушка. Съ разведенными женщинами и вдовами сватовство оканчивается въ одинъ день. Если бѣдному нечѣмъ заплатить калыма, то онъ обыкновенно работаетъ у отца невѣсты годъ, два, а иногда и болѣе.

Калымъ по теперешнимъ понятіямъ составляетъ важную статью въ татарскихъ брачныхъ условіяхъ; онъ не требуется только тогда, когда невѣста вдова, когда она убѣжала отъ перваго мужа, или прогнана имъ. Калымъ состоитъ обыкновенно изъ крупнаго скота, отъ 10 до 30 штукъ, смотря по состоянію жениха.

У Татаръ существуетъ пословица: „увидѣлъ хорошую дичь—стрѣлай ее; встрѣтилъ хорошую дѣвушку—бери ее“. Пословица эта, очевидно, сложилась въ тѣ времена, когда Татары какъ на охотѣ, такъ и при сватовствѣ руководствовались однимъ закономъ — правомъ сильнаго. Этотъ законъ и доселѣ уважается еще здѣшними Татарами; но вообще на сватовство такого рода смотрятъ какъ на воровство.

Если женихъ не въ состояніи заплатить за невѣсту калыма, а работать за нее у отца ему не хочется, то онъ просто подговариваетъ ее бѣжать и, получивъ отъ нея въ задатокъ платокъ, прїѣзжаетъ за нею ночью верхомъ съ товарищами. Послѣдніе подхватываютъ невѣсту, сажаютъ на приготовленнаго коня и мчатся въ улусъ жениха, при чемъ женихъ держитъ поводъ лошади невѣсты. Черезъ 5—10 дней они ѣдутъ мириться къ родителямъ невѣсты. Вора встрѣчаютъ плетью, которою хотя не бьютъ, но пугаютъ.

Снабженіе приданымъ между Минусинскими Татарами не заключаетъ въ себѣ ни правъ, ни обязанностей. Родители могутъ дать и не дать приданаго; ни дочь, ни женихъ не въ правѣ его требовать: оно зависитъ совершенно отъ воли родителей и заключается единственно въ одеждѣ и домашнихъ вещахъ, служащихъ для хозяйства. Приданое, будучи дано однажды, составляетъ неотъемлемую собственность дочери.

По татарскимъ обычаямъ, каждое семейство должно имѣть свое отдѣльное жилище. Поэтому, лишь только женится сынъ, онъ тотчасъ же оставляетъ юрту отца; точно также и женатые братья не могутъ жить подъ одною кровлею; во времена же многоженства даже и каждая жена имѣла свою юрту. Свекоръ, кромѣ сватовства, не видитъ своей снохи никогда и никогда не входитъ въ юрту сына; если же ему случится встрѣтиться со снохой на дорогѣ, то онъ падаетъ лицомъ на землю и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока она не пройдетъ.

Одинъ путешественникъ замѣтилъ, что у Татаръ жены большею частію управляютъ мужьями и бьютъ ихъ за каждый проступокъ, къ чему пьянство сихъ послѣднихъ представляетъ очень много поводовъ, при чемъ мужья рѣдко противятся. Замѣчаніе это въ большинствѣ случаевъ вѣрно.

Разводы между Татарами очень часты; мужья выгоняютъ своихъ женъ, а жены убѣгаютъ отъ своихъ мужей. Если мужъ, проживъ нѣсколько лѣтъ съ женою, не хочетъ болѣе жить съ нею, то отдаетъ только въ цѣлости принесенное ею приданое, а родившійся скотъ остается у него, равно какъ и дѣти. Этотъ обычай осуждается самими Татарами, такъ какъ онъ ведетъ къ тому, что многіе сватаются за богатыхъ невѣстъ съ единственною цѣлію разжиться посредствомъ приданого; когда же достигаютъ этого, то прогоняютъ жену, поступаясь ей только однимъ приданнымъ и оставляя у себя все пріобрѣтенное посредствомъ него. Если причиною развода жена, и, будучи недовольна мужемъ, уходитъ отъ него, то приданого ничего не получаетъ. Послѣ развода мужъ обыкновенно беретъ другую жену, а жена выходитъ замужъ за другаго мужа.

Всѣми семейными дѣлами завѣдуетъ отецъ, а по смерти его старшій братъ. Вся семья уважаетъ его, какъ патріарха, въ особенности женщины. Младшіе къ старшимъ вообще покорны. Дѣти не произносятъ имени своихъ родителей, какъ бы считая себя недостойными этой чести. Жена своего мужа и всѣхъ родныхъ его также не называетъ по имени; въ юрту отца своего мужа далѣе порога входитъ не смѣетъ, головы и ногъ при немъ не обнажаетъ, изъ рукъ въ руки ничего не подаетъ. Члены семьи обыкновенно живутъ дружно и согласно, не дѣлятъ имущества, ѣдятъ за однимъ столомъ и ведутъ одно хозяйство.

Дѣти, рожденныя внѣ брака, воспитываются обыкновенно семействомъ матери до семилѣтняго возраста. Въ это время сынъ переходитъ на воспитаніе къ отцу до совершеннолѣтія, общимъ срокомъ котораго считается 18 лѣтъ. Если отецъ незаконнорожденнаго сына самъ еще не отдѣленъ отъ отца, то воспитывать внука обязанъ этотъ послѣдній. Мать прижитой внѣ брака дочери, выходя замужъ, имѣетъ право, съ согласія мужа, взять къ себѣ дочь или оставить ее при своемъ семействѣ. При совершеннолѣтнемъ возрастѣ, если ни отецъ, ни

мать, ни семейства ихъ не захотятъ дать какого нибудь имущества незаконнорожденнымъ дѣтямъ, имъ остается только отыскивать себѣ пропитаніе собственными трудами. Само собою разумѣется, что если отецъ и мать прижитыхъ до брака дѣтей вступить послѣ въ бракъ, то эти дѣти пользуются всеми правами дѣтей законныхъ, т. е. получаютъ отъ родителей воспитаніе и содержаніе до совершеннолѣтія и наследуютъ ихъ имущество.

Для призрѣнія сиротъ, остающихся послѣ родителей, существуетъ опека. Она бываетъ или законная, или завѣщательная. Опека перваго рода имѣетъ мѣсто тогда, когда опекуномъ надъ малолѣтними является одинъ изъ родителей ихъ; опека же втораго рода допускается тогда, когда отецъ и мать, оставляя совершенно безъ всякой опоры своихъ малолѣтнихъ дѣтей, дѣлаютъ словесное завѣщаніе или, лучше сказать, поручаютъ какому нибудь родственнику или знакомому своему заботиться о воспитаніи ихъ до совершеннолѣтія и о призрѣніи за ихъ имуществомъ. Опекуны, замѣняя родителей, имѣетъ почти все тѣ же права, какъ и они: обычай требуетъ, чтобы находящіеся подъ опекой повиновались ему, какъ отцу.

Имущества у Минусинскихъ Татаръ суть недвижимыя и движимыя.

Единственные недвижимыя имущества суть земли, на которыхъ кочуютъ инородцы. Земли эти не обмежеваны, но Татары знаютъ хорошо ихъ границы, опредѣляя ихъ извѣстными живыми урочищами. Мѣстность, состоящая въ собственности извѣстнаго рода, находится въ общемъ пользованіи всего этого рода и ни малѣйшая часть ея не можетъ быть отчуждена безъ согласія всѣхъ старѣйшихъ родовичей. Правда, что нѣкоторые улусы, находясь постоянно на одномъ мѣстѣ, даютъ поводъ думать, что это кочевье переходитъ къ нимъ какъ будто по наследству; однакожь, на самомъ дѣлѣ такое заключеніе было бы ошибочно, потому что эти же самыя улусы, безъ согласія другихъ, составляющихъ родъ, не могутъ распоряжаться владѣемою ими землею; ясно, что земля находится во владѣніи цѣлаго рода, а не отдѣльныхъ улусовъ. Каждый родовичъ, или цѣлый улусъ, имѣетъ право занимать мѣсто для кочевья, зимовья, пастбищъ и пашни воздѣ, гдѣ пожелаетъ, лишь бы только другой не занялъ этого мѣста прежде; звѣроловство и рыболовство точно также составляютъ общее право всѣхъ родовичей, кочующихъ на извѣстномъ пространствѣ земли.

Движимое имущество составляютъ юрты, скоть, звѣриныя шкуры и разныя домашнія вещи. Оно бываетъ или благопріобрѣтенное, или родовое. Первое то, которое досталось кому либо посредствомъ дара, приданаго, завѣщанія, купли и т. п. способвъ пріобрѣтенія собственности, второе то, которое досталось по наследству отъ отца, матери и другихъ родственниковъ.

Дареніе между Минусинскими Татарами весьма часто. Имущество, полученное отъ отца сыномъ, отъ дѣда внукомъ, отъ родственника родственникомъ, отъ посторонняго постороннимъ въ даръ при жизни, есть уже неприкосновенная собственность того, кому оно подарено, и тотъ, кто подарилъ, лишается всякаго на него права. Самымъ дорогимъ даромъ считается лебедь. Какъ скоро Татаринъ застрѣлилъ лебедя, онъ отправляется съ нимъ къ сосѣду и, по предварительномъ угощеніи айраномъ, даритъ его ему, за что сосѣдъ непременно долженъ отдать лучшей своей лошадыю. Новый владѣлецъ лебедя въ свою очередь отправляется съ нимъ къ своему ближайшему сосѣду и обмѣниваетъ его также выгодно. Такимъ образомъ лебедь переходитъ изъ юрты въ юрту, пока придется наконецъ кому нибудь заплатить лучшимъ конемъ за полусгнившую птицу.

О приданомъ упомянуто уже выше. Относительно завѣщанія необходимо добавить, что, по народнымъ обычаямъ, каждому владѣльцу дозволяется завѣщать, чтобы имѣніе его послѣ смерти отдано было, кромѣ дѣтей, другому родственнику, или постороннему. Но сила такого завѣщанія простирается только на одні домашнія вещи и платья; юрты, скотъ, деньги—составляютъ неотъемлемую собственность дѣтей. Однакоже послѣдній въ родѣ имѣетъ право завѣщать все свое имущество кому ему угодно.

Юридическіе обычаи, существующіе между Минусинскими Татарами относительно купли и продажи и другихъ договоровъ и сдѣлокъ, не представляютъ ничего особеннаго.

Если послѣ смерти родовича не осталось никакихъ наслѣдниковъ, то имущество его поступаетъ въ собственность того рода, къ которому онъ принадлежалъ,—разумѣется, если не было при этомъ завѣщанія. Имущество владѣльца неимѣющаго дѣтей поступаетъ все къ ближайшимъ родственникамъ со стороны отца, находящимся въ одинаковомъ родствѣ съ покойникомъ, по равной части: прежде всѣхъ роднымъ братьямъ; если нѣтъ родныхъ братьевъ, то къ роднымъ дядямъ; потомъ слѣдуютъ двоюродные братья и двоюродные дяди, троюродные братья и троюродные дяди. Если у покойнаго нѣтъ родныхъ братьевъ, то имѣніе слѣдуетъ по равной части роднымъ сестрамъ и далѣе, сообразно наслѣдству мужской линіи. Если у умершаго нѣтъ никого наслѣдниковъ въ нисходящихъ и боковыхъ линіяхъ, то наслѣдство переходитъ въ восходящую. Послѣ смерти родовича, оставившаго жену и дѣтей, жена покойнаго получаетъ пятую часть изъ всего оставшагося имущества; дочерямъ выдѣляется по десятой части; наконецъ, остальное имущество братья дѣлятъ по ровну. Если вдова выходитъ замужъ, то приданое ея, а также платье и всѣ вещи относящіяся до убора, пріобрѣтенныя при покойномъ мужѣ, остаются при ней; прочія же вещи, до домашняго хозяйства

относящаяся, а равно и самая пятая часть ея, остаются въ пользу дѣтей покойнаго ея мужа. Если вдова, кромѣ приданнаго, т. е. одежды и домашнихъ вещей, имѣла по наслѣдству или по завѣщанію другое какое либо имущество, какъ то: скоть, деньги и т. п., то оно дѣлится по законной части между всѣми ея дѣтьми, хотя бы они были отъ трехъ мужей. Вдовецъ получаетъ послѣ покойной жены своей также пятую часть изъ всего имущества. Сводныя дѣти имѣютъ каждый свое наслѣдство; принадлежащія отцу—отъ отца, принадлежащія матери—отъ матери.

Особенныхъ обычаевъ, которые сопровождали бы рожденіе ребенка, у Минусинскихъ Татаръ нѣтъ. Когда семейство Татарина прибавилось, онъ, смотря по достатку, рѣжетъ барана или двухъ, созываетъ на обѣдъ родственниковъ и сосѣдей и поитъ ихъ виномъ. Ребенка крестятъ иногда по прошествіи полугода и года. Часто, кромѣ христіанскаго имени, онъ имѣетъ еще и другое, которое дается ему отцемъ въ моментъ рожденія по первому, представившемуся на глаза предмету.

При извѣстіи о чьей нибудь смерти, Татары собираются во множествѣ копнуть могилу для покойника. Каждый Татаринъ считаетъ священною обязанностью почтить этимъ память усопшаго; родственники его не должны принимать участія въ этой работѣ. Нынѣшніе Татары хоронятъ своихъ мертвыхъ всегда на возвышенныхъ мѣстахъ и стараются, чтобъ на общихъ кладбищахъ могильныя насыпи находились въ одной линіи, а самыя могилы копались въ одномъ направленіи отъ востока къ западу; что же касается до величины, то теперешнія татарскія могилы длиною отъ 2-хъ до 4-хъ аршинъ и рѣдко глубже аршина. Для взрослыхъ людей въ самой могилѣ дѣлается родъ деревяннаго ящика; шамановъ же кладутъ всегда прямо въ землю, а дѣтей, обернувъ только берестой. Самого покойника одѣваютъ, по большей части, въ лучшія его платья, а поверхъ ихъ обвертываютъ шелковой или другой тонкой тканью; въ могилѣ, по татарскому обычаю, ему даютъ лежачее положеніе, лицомъ вверхъ и съ обращенными къ востоку глазами. Для каждаго мертвеца, за весьма рѣдкими исключеніями, вырываютъ особенную могилу. Въ ноги покойника кладутъ сѣдло, ставятъ водку, творогъ, мясо, масло и т. п., какъ припасы въ дорогу. Могилу засыпаютъ, какъ обыкновенно, землей и сверхъ того наваливаютъ на нее продолговатый бугоръ, вышиною отъ одного до двухъ футовъ, и покрываютъ его камнями. Схоронивъ такимъ образомъ покойника, присутствующіе, большею частію родственники, устраиваютъ на могилѣ пиръ, при чемъ не жалѣютъ ни айрана, ни разныхъ яствъ. Это пиrowаніе продолжается обыкновенно три дня. На двадцатый день родственники вторично собираются на могилѣ и снова пируютъ въ память покойнаго. Тоже повторяется и въ сороковой день, и тутъ убиваютъ любимую лошадь покойника, которая со дня смерти

своего господина до этого дня пользуется совершенною свободою. Лошадь съѣдаютъ, а голову ея надѣваютъ на палку, воткнутую на одномъ концѣ могилы. За симъ празднуютъ еще поминки черезъ сто дней. На одну изъ такихъ пирушекъ попалъ однажды Кастрень. „Тутъ собралось около сорока человѣкъ,—говоритъ онъ. Каждый принесъ съ собою айранъ, вареное и жареное мясо, сыръ, молоко, масло и другія кушанья. Но когда я подоспѣлъ, большая часть всего этого была уже уничтожена и многіе изъ пировавшихъ лежали уже пьяные. Тѣ, которые были еще на ногахъ, курили трубки и печально потряхивали опорожненными бутылками айрана. На одной изъ могилъ, крайней въ ряду, по правую сторону сидѣла женщины и попеременно то ѣли, то пили, то курили, то плакали, то пѣли жалобныя пѣсни. Одна изъ нихъ очевидно была вдова покойника, потому что, какъ бы припоминая прежнія свои обязанности, укладывала могилу кусками сала и поливала ее айраномъ изъ большихъ чашекъ. Напротивъ ея, на лѣвой сторонѣ могилы, сидѣла одиноконько старая женщина, худая, съ потускнѣвшими глазами, съ впалыми щеками, завернутая въ совершенно черное рубище и съ посохомъ въ дрожащихъ рукахъ. Это была мать покойника, 70 лѣтняя старушка, сгорбившая опору своей старости, своего единственнаго, тридцатилѣтняго сына. Мудрено ли, что она сидѣла одиноко на могилѣ и съ другими не пила и не ѣла? Она плакала, голосила, стучала своимъ посохомъ въ могилу, спрашивала покойника, какъ у него достало сердца покинуть свою старую, беспомощную мать. Временами она вытягивала свои тощія руки, обнимая пустой воздухъ, и поднимала дикій ревъ. Разъ она упала даже безъ чувствъ на землю, и я обрадовался было, думая, что кончились ея страданія; но она вскорѣ вскочила, бросилась на могилу, и начала сбрасывать съ нея камни, какъ будто бы силою хотѣла вырыть своего милаго сына изъ нѣдръ земли. Наконецъ, одинъ молодой Татаринъ сжалился надъ несчастной, посадилъ ее въ свою телѣгу и увезъ отъ могилы. Но долго еще и затѣмъ раздавались по степи стенанія и жалобные вопли бѣдной матери“.

III.

Минусинскіе Татары большіе охотники до скачекъ, пляски, борьбы и пѣсенъ.

При скачкахъ обыкновенно охотники держатъ пари на деньги отъ 3-хъ до 10-ти р., или на вино, отъ $\frac{1}{4}$ до 1 ведра. Мнѣ довелось быть на одной такой скачкѣ въ селѣ Акмыскомъ 29 іюня 1853 г., когда въ этомъ селѣ, гдѣ находится и Сагайская Степная Дума, отправляется престольный праздникъ. Въ это время одинъ любитель до скачекъ изъ числа красноярскихъ купцовъ назначилъ призомъ золотыя часы цѣною до 150 р. с. Разстояніе бѣга обыкновенно назначается верстъ

20. На всякомъ возвышенномъ мѣстѣ, на всякомъ курганѣ въ это время непременно стоитъ верховой—любитель скачекъ. Извѣстіе о приближеніи скакуновъ къ назначенному пункту передается невѣроятно скоро, потому что каждый стоящій на возвышенномъ мѣстѣ чуть только завидитъ двѣ мелькающія точки, сейчасъ же даетъ объ этомъ знать своему ближайшему сосѣду. Но скачущимъ предстоитъ большія невыгоды, условливаемые мѣстностью. Степь вездѣ почти камениста и изрыта норками сурковъ. Достаточно одного невѣрнаго шага, одного неосторожнаго движенія,—и конь и всадникъ могутъ убиться до смерти. Однакожъ, подобныхъ случаевъ почти никогда не бываетъ. Дѣло въ томъ, что Татаринъ держится на спинѣ лошади далеко лучше, чѣмъ на своихъ собственныхъ ногахъ. Онъ ходитъ тяжело, переваливаясь; на сѣдлѣ же сидитъ такъ ловко, какъ будто бы это было естественное его положеніе. Трезвый, пьяный, бодрый, сонный—верхомъ на лошади онъ равно безопасенъ отъ всякаго несчастія. Это зависитъ отчасти отъ привычки, отчасти и отъ нѣжныхъ, дружественныхъ отношеній между конемъ и всадникомъ. Почти у каждаго зажиточнаго Татарина есть любимая лошадь, которую онъ ежедневно гладитъ, и ласкаетъ, и бережетъ какъ зеницу ока. Съ своей стороны и лошадь охраняетъ всячески своего господина, и именно въ минуты слабости. Такъ всѣ Татары единодушно увѣряютъ, что хорошая лошадь никогда не отойдетъ отъ своего хозяина, если онъ, ото сна или съ дьяну, свалится съ нея и заснетъ,—случай чрезвычайно впрочемъ рѣдкій. Многіе убѣждены даже, что лошадь знаетъ мысли, намѣренія и желанія своего ѣздока и дѣлитъ съ нимъ радости, печали и заботы. Въ старинныхъ богатырскихъ пѣсняхъ конь часто является въ минуту опасности на помощь своему господину, и если господинъ погибаетъ, то и онъ гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Поэтому у Татаръ лошадь не вьючное животное, а лучший другъ и спутникъ во всѣхъ походахъ. Самыя лучшія лошади у Качинцевъ. Онѣ небольшого роста, по большей части свѣтлой масти, тонки и держатъ голову всегда вверхъ. Татары поятъ лошадей безъ всякаго опасенія, даже потныхъ; но весною, ранѣе двухъ часовъ стоянки ни за что не отпустятъ на паству хоть немного разгорячившуюся лошадь. Палласъ видѣлъ у Качинцевъ такихъ отмѣнной масти лошадей, какихъ ему нигдѣ не удавалось видѣть, именно совершенно воронныхъ съ желѣзносѣрою головою, одного съ нею цвѣтомъ гривой и хвостомъ и бѣлыми ногами. Впрочемъ, такія лошади попадаются и теперь.

Въ пляскѣ Татары подражаютъ походы различныя животныхъ, какъ-то: сохатаго, медвѣдя, волка. Но обыкновенно пляска не заключаетъ въ себѣ ничего условнаго и состоитъ просто въ притоптываніи ногами подъ звуки *джатыгана*, или *кобыса*.

Джатыганъ состоитъ изъ небольшого ящичка изъ еловаго дерева съ однимъ только дномъ. На этомъ ящичкѣ натягивается шесть струнъ различной толщины, безъ всякой подставки. Чтобы настроить этотъ инструментъ, подъ каждую струну ставится небольшая подставка и подвигается съ мѣста на мѣсто до тѣхъ поръ, пока не настроится кратчайшая половина струны, составляющая дискантъ; тогда должайшая половина составитъ уже готовый басъ. На басѣ играютъ лѣвою, а на дискантѣ правою рукою. Кобысь походить на длинный, деревянный уполовникъ или поваренку. Внутренность этого инструмента закрыта бараньей кожей, имѣющей на срединѣ кружокъ и 6 малыхъ отверстій, между которыми—подставки подъ струны. Дискантовая струна дѣлается изъ трехъ конскихъ волосъ, а басъ—изъ шести. Смычекъ своею формою напоминаетъ лучекъ; онъ состоитъ изъ тонкой согнутой круглой палочки, концы которой связаны пучкомъ конскихъ волосъ. Подъ эту скрипку или балалайку мѣстные пѣвцы обыкновенно поютъ или сказываютъ дребезжащей октавой, растягивая каждое слово, богатырскія пѣсни и сказки.

Борьба у Татаръ не представляетъ ничего особеннаго.

Татарскія пѣсни—преимущественно богатырскія (¹). Онѣ изображаютъ смѣлыми чертами дѣянія какого нибудь преславнаго витязя, заставляють его побѣждать не только людей, но и боговъ и заканчиваются обыкновенно тѣмъ, что непобѣдимый герой добываетъ наконецъ себѣ жену и доживаетъ съ нею до глубокой старости. Сравненіе татарскихъ богатырскихъ пѣсенъ съ финскими и самоѣдскими, по замѣчанію Кастрена, показываетъ разительное сходство ихъ съ сими послѣдними, какъ въ цѣломъ такъ и въ частностяхъ. Колоссальное въ представленіи—главная характеристическая черта, общая всѣмъ имъ, потому что воспѣваемая финскими пѣвцами природа, богатая серебромъ и золотомъ, деревья, касающіяся макушкой неба, животныя, покрывающія собою цѣлыя моря и земли, богатыри, отъ одного голоса которыхъ моря волнуются, земля дрожитъ и разсѣдается,—все это и многое другое, почти слово въ слово находится въ татарскихъ богатырскихъ пѣняхъ и нѣсколько только въ грубѣйшихъ формахъ—въ самоѣдскихъ. Большое средство между ними обнаруживаетъ далѣе и та внутренняя жизнь, которую пѣсни этихъ народовъ придаютъ всему существующему въ природѣ: каждая рыба, птица, кустъ, камень, каждое бревно—одарено чувствомъ, и радуется и горюетъ. Много сходнаго и въ чародѣйственныхъ представленіяхъ. Въ этомъ отношеніи и у Татаръ

(¹) Мы надѣемся представить со временемъ въ русскомъ переводѣ всѣ богатырскія пѣсни Минусинскихъ Татаръ, собранныя *Кастреномъ* и помѣщенныя въ изданіи Шифнера: «Castren's Vorlesungen über die Altaischen Völker. St. Petersburg. 1837.

сила магіи, т. е. мудрость, ставится выше силы меча; такъ герои ихъ отправляются въ далекія земли за мудрымъ совѣтомъ, и не одинъ непобѣдимый побѣждается слабой женщиной только силой мудрости. Здѣсь кстати замѣтить, что по понятіямъ Татаръ, пѣснь—высшее выраженіе мудрости, и пѣтъ въ природѣ существа, которое могло бы противустоять ей. Съ благоговѣньемъ разсказываютъ Татары, какъ семь Кудаяевъ сидятъ на вершинѣ облака и слушаютъ прекрасныя пѣсни, сопровождаемыя звукомъ джатыгана. Даже Айна выходитъ изъ земли по полю, чтобъ послушать звуки джатыгана и пѣснь, которой увлекаются и птицы воздушныя, и рыбы водяныя, и звѣри степныя и даже самыя скалы и горы. Какъ не вспомнить при этомъ разсказъ финской эпоса Калевалы о пѣсни Вэйнемойпена, когда онъ въ первый разъ дотронулся до струнъ своей арфы изъ щучьихъ реберъ!

Главное достоинство татарскихъ богатырскихъ пѣсней заключается въ томъ, что онѣ составляютъ сокровищницу міологической мудрости. Изъ этихъ пѣсней, между прочимъ, видно, что въ древности Татары поклонялись высшему божеству подъ именемъ Кудая, Джитти-Кудая (семь Кудаяевъ), Тоогосъ-Кудая (девять Кудаяевъ) и Тоогосъ-Тйейенъ (девять Тйейеновъ). Кудай, по ихъ представленію, живетъ надъ облаками и, по одной сказкѣ, сидитъ въ шатрѣ за занавѣсью и вписываетъ въ большую книгу имена рождающихся и умирающихъ. Кудаяю много хлопотъ съ землею, управленіе которой онъ ввѣрилъ храбрымъ богатырямъ-ханамъ. Надъ ними онъ поставилъ такъ называемаго Улу-хана, большаго хана, т. е. Китайскаго императора, который возвѣщаетъ волю Кудая на землѣ изъ писаной книги. Въ одной пѣснѣ говорится о такомъ Улу-ханѣ, что онъ родился въ одно время со свѣтомъ, что смерть и болѣзни надъ нимъ не властны и что возрастъ его мѣняется, какъ четверти мѣсяца. Эта пѣсня упоминаетъ еще о другихъ богатыряхъ, которыхъ Кудай одарилъ также безсмертіемъ, но потомъ, когда они возмутились противъ него, въ наказаніе за ихъ дерзость—обратилъ ихъ въ камни. Поэтому и теперь сохранилось еще мнѣніе, что всѣ каменные изображенія, которыя во множествѣ встрѣчаются въ степяхъ, въ свое время были знаменитые герои и героини.

Кудай представляетъ въ татарской міологіи доброе начало; всѣ же злыя, враждебныя Кудаяю существа называются Айна. Они живутъ подъ землею и подчинены наибольшему, именуемому Ирле-ханомъ или Ерлыкъ-ханомъ. Какъ богатыри пользуются покровительствомъ Кудая, такъ шаманы находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Ирле-ханомъ и каждый изъ нихъ имѣетъ въ услуженіи по нѣскольку Айнъ, присутствующихъ и помогающихъ имъ при заклинаніяхъ. По существу своему, Аины собственно незримые духи, но часто принимаютъ образы людей, змѣй, собакъ, птицъ и т. д. Значеніе Айнъ имѣютъ и всѣ

пришитыя къ одеждѣ шамана суконныя лоскутья, колокольчики; бубенчики и желѣзныя бляшки.

Изъ богатырскихъ пѣсень видно также, что въ старину Татары поклонялись: огню, водѣ, солнцу, горамъ и высокимъ скаламъ, святость которыхъ обозначалась намалеванными или высѣченными фигурами, а равно и могильнымъ курганамъ и помянутымъ выше истуканамъ.

Обожествленіе огня сохранилось еще и до настоящаго времени. „Разѣзжая по Койбальской степи, рассказываетъ Кастрень, попалъ я однажды поздно вечеромъ въ одинъ бѣдный улусъ; темнота и собиравшійся дождь принудили меня остановиться на ночь въ одной изъ юртъ его. Не смотря на то, что я выбрала самую лучшую,—она была страшно грязна и такъ ветха, что вѣтеръ и дождь свободно проникали сквозь бересту. Когда я вошелъ—все взрослое ея населеніе, за исключеніемъ хозяйки, лежало на полу совершенно опьяненное айраномъ. Подлѣ огня ползало нѣсколько голыхъ ребятишекъ и, плача отъ голоду, протягивали ручки къ котлу, надъ нимъ висѣвшему. Вокругъ него похаживали и собаки, сильно виляя хвостами, вѣроятно, въ надеждѣ, что изъ котла выпадетъ что нибудь и на ихъ долю. И телята, и овцы, испуганные грозою, просовывали свои головы въ дверь такъ часто, просились въ юрту такъ жалобно, что хозяйка, сначала желавшая избавить меня отъ такой компаніи, была вынуждена на послѣдокъ отвести и для нихъ уголь. Наконецъ, котель снятъ съ огня, хозяйка растолкала не совсемъ учтивымъ образомъ нѣяныхъ и поставила передъ ними корыто съ мясомъ. Замѣтивъ, что, прежде чѣмъ началась трапеза, хозяйка бросила кусокъ мяса въ огонь, я ее спросилъ: „что это значитъ?“ на что она отвѣчала: „и огонь вѣдь богъ“. Кромѣ того, она сообщила мнѣ, что такое же значеніе имѣетъ и вода, вслѣдствіе чего первые куски нѣкоторыхъ кушаньевъ Татары обыкновенно бросаютъ въ рѣку или озеро; что слѣдовало бы приносить первый кусокъ всякаго кушанья въ жертву востоку или восходящему солнцу, но это выходитъ уже изъ обыкновенія. Всѣ эти жертвоприношенія составляютъ, по ея словамъ, обязанности хозяйки, которая за неисполненіе ихъ подвергается опасности попасть въ царство Ирле-хапа и терпѣть такое же наказаніе, какъ работающія послѣ заходженія солнца, подающія гостямъ молоко разбавленное водою и т. д.“

Въ Качинской степи, близъ впаденія р. Уйбата въ Абаканъ, находится довольно значительная гора Изыгъ или Иссыхъ. Пестеревъ (1780 г.) называетъ ее еще Горячею горою, по случаю кровавой битвы, происходившей здѣсь нѣкогда между Красноярскими казаками и Киргизами, когда они владѣли этой страной. По замѣчанію известнаго нашего оріенталиста И. Н. Березина, слово *изыгъ* въ тюркскихъ нарѣчіяхъ означаетъ *грѣхъ*. Въ самомъ дѣлѣ, гора Изыхъ была нѣког-

да, какъ говорятъ мѣстныя преданія, жертвеннымъ мѣстомъ у Качинцевъ-язычниковъ и теперь еще носитъ тотъ же характеръ у Качинцевъ-христіанъ. У этой горы многіе качинскіе улусы и теперь еще торжествуютъ свой весенній праздникъ—*Тунъ* (?). „Самый большой праздникъ у качинскихъ Татаръ, говоритъ Палласъ, есть *Весенній* (Тунъ?), когда они начинаютъ доить кобыль. Это бываетъ въ іюні, который и называется поэтому Улу-Шилкеръ-ай. Однакожь его празднуютъ не всѣ въ одно время, но нѣсколько сосѣдей принаравливаютъ его такъ, чтобы съ одной попойки попасть на другую. Каждый хозяинъ копитъ для этого праздника молоко дни за три или больше, чтобы выгнать изъ него водку. Послѣ первой разгулки, сосѣди изъ разныхъ улусовъ собираются въ одно мѣсто и приносятъ въ чистомъ полѣ, а преимущественно на холмѣ, торжественную жертву (назыв. туземцами Кудай) съ праздничными молитвами на востокъ. При этомъ всегда присутствуетъ ихъ камъ или волхвъ. Тогда онъ посвящаетъ лошадь *Ызыкъ*, и для того, какъ я нынѣ удостовѣрился, выбираютъ соловую, соловожелѣзную, рыжую или вороную, какъ заблагоразсудится шаману, но непременно мерена... Посвященный такимъ образомъ *Ызыкъ* всякую весну, когда бываетъ праздникъ Тунъ, освящается снова, при чемъ его моютъ молокомъ, топленнымъ съ полынью (ирвень), окуриваютъ этимъ растеніемъ и, разукрасивъ хвостъ и гриву красными и бѣлыми лоскутками, пускаютъ въ поле на волю. Хозяинъ не смѣетъ на него садиться прежде, чѣмъ выпадетъ снѣгъ, а, осѣдлавъ его однажды, не можетъ выпустить на волю прежде, чѣмъ снѣгъ совсѣмъ стаетъ. Если *Ызыкъ* состарѣется, то хозяинъ можетъ его продать, а вмѣсто его поставить для посвященія молодаго. Когда же хозяинъ умретъ, то *Ызика* не убиваютъ, а остается онъ въ стадѣ наследникамъ“. Подобное же религиозное празднество отправляется Татарами близъ горы Куна, находящейся недалеко отъ впаденія рѣки Абакана въ Енисей. На ней лежатъ двѣ довольно большихъ груды камней, называемыя могилами. Въ то время когда здѣсь кочевали Киргизы, близъ этой горы жилъ, по преданію, одинъ бей, у котораго было двѣ жены, обѣ красавицы. Онѣ были, однакожь, такъ ревнивы, что сунругъ принужденъ былъ держать ихъ порознь, по сторонамъ горы, навѣщая отъ времени до времени то ту, то другую. Но однажды онѣ сошлись и убили другъ друга. Означенныя двѣ груды камней—могилы ихъ. Татаринъ, проѣзжалъ мимо, непременно броситъ на каждую по камню. Въ 30 верстахъ отъ с. Таштыпскаго, крайняго пункта Минусинскаго округа на границѣ съ Кузнецкимъ, находится казачье селеніе Арбаты, имя котораго опять таки напоминаетъ о религиозной старинѣ здѣшнихъ инородцевъ. „Отъѣхавъ отъ Таштыпа версть 6 на сѣверъ, говоритъ Степановъ, по долині, по которой протекаетъ р. Таштыпъ, остальное пространство должно продолжаться пѣшкомъ, чрезъ Джилапъ къ востоку. Гора сія вообще довольно отлога

при подъемѣ и крута при спускѣ. Она имѣетъ частыя углубленія и возвышенности. Она съ долины Таштыпа начинается безлѣсными холмами, но къ вершинѣ ея, со стороны форпоста Арбатскаго, покрывается лѣсомъ. Изъ дебрей ея вытекаютъ рѣчки: Вутрахта, Джиланъ и Караджуль. Спускаясь съ горы, вступаешь, кажется, въ жилище мрака. За небольшимъ холмистымъ полемъ, лежитъ глубокая долина, по которой стремится быстро Абаканъ. За нимъ форпостъ, съ полуразрушеннымъ укрѣпленіемъ, которое во всемъ похоже на укрѣпленіе Таштыпское (¹) Долина Арбата сжата до того со всѣхъ сторонъ горами, каменистыми, утесистыми, покрытыми хвойнымъ и чернымъ лѣсомъ, что зимою въ ней видно солнце не болѣе 3-хъ часовъ, а лѣтомъ оно не прежде 11-ти показывается изъ за горъ. Форпостъ сей называется иногда Абаканскимъ, потому что стоитъ на р. Абаканѣ, по урочищу Арбатскимъ, что значитъ по русски *жертвоприношеніе*. Ежели дѣйствительно здѣсь приносимы жертвы древними, то, конечно уже они не могли выбрать мѣста лучшаго. Утесы горъ составляютъ великолѣпную рогонду, на которой покоится лазурный куполъ неба, озаряемый въ извѣстное время дня, присутвіемъ божественнаго свѣтила“.

Выше замѣчено, что святость высокихъ скалъ, которымъ въ старину поклонялись Татары, обозначалась намалеванными или высѣченными фигурами,—*писанками*. Таковы скалы: Майдашинская, въ 7-ми верстахъ отъ Минусинска, на правомъ берегу Енисея; Тепсинская, или Тепсей, на лѣвомъ берегу этой рѣчки, при самомъ устьѣ р. Тубы; Оглахты, на лѣвомъ берегу Енисея, нѣсколько ниже р. Тубы; Петрошиловская, въ 4-хъ верстахъ отъ д. Петрошиловой, вверхъ по Тубѣ и нѣкоторыя другія. „Въ Майдашинской писанкѣ весь нижній отдѣлъ,—говоритъ Спасскій,—по видимому, занятъ приношеніями въ жертву разныхъ животныхъ и поклоненіемъ какимъ-то божествамъ, отличающимся колоссальностью своею и сходствомъ съ деревянными куклами, отъ людей, изображенныхъ въ маломъ видѣ и въ различныхъ энергическихъ положеніяхъ“. Почти то же самое замѣчаетъ онъ и о нѣкоторыхъ другихъ фигурахъ Тепсинской писанки. Вообще писанки представляютъ изображенія животныхъ, естественныхъ предметовъ и различныхъ орудій; много и людей, которые, какъ и все прочее, представлены въ нѣсколько уменьшенномъ размѣрѣ. Человѣческія фигуры на скалахъ, иногда одинокія, иногда по двѣ вмѣстѣ, иногда соединенныя въ большія группы, представлены или стоящими, или идущими, или верхомъ на лошади, или стрѣляющими изъ лука въ спасающагося звѣря и т. д. Изъ четвероногихъ животныхъ, кромѣ лошадей, можно легко распознать коровъ, барановъ, дикихъ и одомашненныхъ козъ, оленей, лосей, зайцевъ, лисицъ,

(¹) Нынѣ ни того, ни другаго укрѣпленія не существуетъ.

волковъ, медвѣдей, верблюдовъ и т. п. Кое-гдѣ попадаются луки, стрѣлы, мечъ, нагайка, разныя птицы, деревья, змѣи. Здѣсь кстати сказать, что изъ деревьевъ чествуется у Татаръ лиственница. Что касается до змѣй, то у Ариновъ, составляющихъ нынѣ Татешевскій улусъ Качинскаго вѣдомства, сохранилось объ нихъ слѣдующее сказаніе. До переселенія въ Минусинскую страну, Арины жили близъ нынѣшняго Красноярска; каждое лѣто они перебирались на одинъ изъ острововъ Енисея, называемый Татешевскимъ, а зиму проводили вмѣстѣ съ Качинскими Татарами близъ Качи, около горы Кумтигей. Племя Ариновъ, прежде весьма многочисленное, было почти совершенно уничтожено въ одной несчастной битвѣ съ туземцами. Какой-то молодой Аринъ увидѣлъ въ полѣ змѣю и разрубилъ ее пополамъ. Не убитая еще этимъ, змѣя уползла къ царю змѣй и пожаловалась на Арина. Разгнѣванный царь собралъ всѣхъ подвластныхъ ему малыхъ змѣй и отправился мстить за нанесенную имъ обиду. Было лѣто и Арины жили, какъ обыкновенно, на островѣ. Добравшись до противулежащаго острову берега Енисея, змѣи начали звать лодку. Одинъ старый Аринъ, услыхавъ зовъ и воображая, что это кричатъ люди, поспѣшилъ къ нимъ съ лодкою. Каково же было его удивленіе, когда, переѣхавъ чрезъ рѣку, онъ увидалъ, что весь берегъ кипитъ змѣями. Всѣ онѣ были сильно раздражены и разгнѣваны, особенно малыя. Каждая изъ нихъ хотѣла говорить, но царь змѣй велѣлъ имъ молчать, насажалъ ихъ въ лодку столько, сколько могло въ ней помѣститься и заставилъ старика перевезти ихъ на островъ въ нѣсколько приемовъ. Когда всѣ малыя змѣи были перевезены на островъ, царь змѣй влѣзъ и самъ въ лодку и велѣлъ перевезти и себя туда же. Во время перевоза, онъ сказалъ старику: „когда ты возвратишься домой, не позабудь насыпать золы вокругъ своей юрты и обвести ее пестрой веревкой, свитой изъ бѣлыхъ и черныхъ конскихъ волосъ“. Старикъ не забылъ этихъ словъ; возвратясь домой, онъ сдѣлалъ такъ, какъ говорилъ царь змѣй, и легъ спать. Когда же поутру проснулся, то увидѣлъ, что весь улусъ разоренъ и всѣ жители перебиты. Одно только семейство старика было пощажено, и отъ него-то происходятъ всѣ теперь существующіе Арины.

Фигуры и знаки, похожіе на буквы, попадаются на скалахъ весьма рѣдко; гораздо чаще находятъся они на могильныхъ камняхъ, или разбросанными по всему камню, или въ непрерывномъ рядкѣ.

Могильные курганы, находящіеся въ Минусинскомъ округѣ, представляютъ иногда на своей поверхности, кромѣ земляныхъ насыпей, обставленныхъ почти всегда каменными плитами, грубыя изваянія изъ камня, изображающія мужчинъ и женщинъ. Эти изваянія у Татаръ называются обыкновенно *кысь-таишъ*, *кижды-таишъ*, *карадуишъ-таишъ*, *куртълыкъ-таишъ*, т. е. дѣвка-камень, мужчина-камень, бо-

гатырь-камень, старуха-камень. Въ 10 или 15 верстахъ отъ села Аскызкаго, открывается большая равнина, ограничиваемая съ южной стороны Абаканомъ, а съ другихъ сторонъ небольшими глинисто-сланцеватыми холмами. На этой равнинѣ разсыяно множество кургановъ, изъ которыхъ 16 нѣсколько больше другихъ. Почти все они обставлены огромными, вертикально врытыми въ землю камнями. По всей вѣроятности, это было одно изъ обширнѣйшихъ кладбищъ древнихъ обитателей этой страны—Чуди, какъ называютъ ихъ Русскіе; народа *акъ-карракъ* = *голубоглазаго, светло-глазаго*, какъ называютъ ихъ Татары; Кара-Киргизовъ, какъ считаютъ ихъ ученые. На одномъ изъ такихъ кургановъ стоитъ гранитный брусъ, около трехъ аршинъ вышиною, на верхнемъ остромъ концѣ котораго весьма грубо изображено женское лице. Татары называютъ этотъ камень *Улу-куртъякъ-таишъ*, большая старуха-камень или просто *Куртъякъ-таишъ*—старуха камень. Довольно вѣрное изображеніе этого изваянія помѣщено въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ Спасскаго. Въ 1846 г., когда, вслѣдствіе требованія министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разрыто было нѣсколько кургановъ въ Минусинскомъ округѣ, производившій эти работы тамошній окружной качальникъ хотѣлъ было разрыть и все курганы, окружающіе Старуху-камень; но кочующіе вблизи инородцы объявили ему, что они были уже разрыты прежде этого. Найдено ли въ нихъ что нибудь,—неизвѣстно. Впрочемъ, окружной начальникъ все таки разрылъ одинъ курганъ, отстоявшій отъ означеннаго изваянія въ 100 саженихъ, но въ немъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣческихъ костей, ничего не найдено. По преданію Татаръ, Улу-Куртъякъ жила нѣкогда съ своимъ мужемъ, такимъ же каменнымъ болваномъ, въ предѣлахъ Китая, по ту сторону Саянскаго хребта. Долго жили они въ мирѣ и согласіи и прижили сына и дочь. Вдругъ старикамъ, ни съ того, ни съ сего, вздумалось поссориться. Вслѣдствіе этого, старикъ остался на прежнемъ мѣстѣ, а старуха, взявъ сына и дочь, отправилась съ ними на Абаканъ. На одной изъ горъ, возвышающейся противъ Улу-Куртъякъ, очень ясно видѣтъ каменный безлѣсный гребень, вырѣзавшійся изъ нѣдръ горы на поверхность: издали онъ кажется дорожкой, нисходящею отъ вершины горы къ подошвѣ. Инородцы увѣряютъ, что старуха шла съ дѣтьми по этой горѣ, и каменная дорожка—слѣды ихъ. Отправляясь на звѣриный промыселъ или проѣзжая мимо, инородцы подходятъ къ каменной старухѣ съ поклонами, обливаютъ ее молокомъ и айраномъ, а выпуклое, грубо-изваянное лице истукана, съ большимъ открытымъ ртомъ, обмазываютъ сметаною и саломъ съ такимъ усердіемъ, что ротъ ненасытной старухи почернѣлъ отъ жирнаго слоя разныхъ веществъ.

Но я слишкомъ распространился, говоря о мифическомъ элементѣ татарскихъ богатырскихъ пѣсенъ. Кромѣ этого, они имѣютъ нѣкоторое значеніе и въ исто-

рическомъ отношеніи, въ особенности разсказывала событія позднѣйшаго времени. Чаще всего татарскіе пѣвцы прославляютъ богатыррей Канзу, Чайзага и Тьенарь-Гуса.

Канза (Казга) жилъ въ эпоху завоеванія нами Сибири. Онъ былъ знатнаго происхожденія, силенъ и храбръ. Когда племя, къ которому онъ принадлежалъ, покорилось добровольно Русскимъ, Канза возсталъ противъ этого, собралъ себѣ шайку удалцовъ и пошелъ бить непріятелей всюду, гдѣ могъ только ихъ встрѣтить. Но ему удалось богатырствовать такимъ образомъ недолго. Скоро противъ него было выслано цѣлое войско. Канза сошелся съ нимъ на берегу р. Урюпа (а по другимъ вариантамъ преданія, на берегу Томи) и вступилъ въ битву. Какъ ни храбро дрался онъ и его товарищи, однакожь все таки были разбиты и должны были бѣжать въ тайгу. Оттуда Канза выходилъ, иногда подкрадывался къ русскимъ войскамъ и убивалъ ихъ великое число. Это заставило принять противъ него новыя мѣры. Воевода, управлявшій въ это время страной, гдѣ жилъ Канза, подговорилъ прежнихъ его товарищей, забранныхъ уже въ плѣнъ, напоить его пьянымъ и выдать Русскимъ. Тѣ согласились на это, нашли Канзу гдѣ-то въ тайгѣ и жестоко напоили его пьянымъ. Когда онъ упалъ безъ чувствъ и заснулъ, они связали его волосяными арканами и повезли къ воеводѣ. На дорогѣ онъ проснулся, потянулся и перервалъ все арканы, а потомъ снова заснулъ. Видя, что арканы для Канзы ровно ничего не значатъ, предатели связали его веревками. Но на полдорогѣ онъ снова проснулся, потянулся и перервалъ все веревки, а потомъ снова заснулъ. Дѣлать было нечего; надо было прибѣгнуть къ цѣпямъ. Канзу оковали цѣпями и представили къ воеводѣ, который приказалъ его посадить сперва въ тюрьму, а потомъ повѣсить за ребро. Эта казнь происходила въ какомъ-то городѣ, чуть ли не въ Томскѣ. Канза висѣлъ живой трое сутокъ, пока вороны не исклевали его бѣднаго тѣла. Находясь въ тюрьмѣ, Канза пѣлъ слѣдующую пѣсню извѣстную и теперь у кузнецкихъ Татаръ, которую помѣщаю здѣсь въ буквальномъ переводѣ о. миссіонера Вербицкаго:

Пущенный въ бѣгъ со склона горы,
Конь господина Канзы первенство взялъ;
Русскаго конь, не достигши Кандалека,
Вернулся назадъ.

Съ горы пущенный въ бѣгъ,
Конь Канзы первенство взялъ;
Не достигши и рѣчки Тытту,
Конь Русскаго вернулся назадъ.

Воронъ негодный, сдѣлавшись птицей,
 Ужь скажетъ: „я лебеда сшибъ“;
 Русскій народъ, ставъ господиномъ,
 Скажетъ навѣрно: „Канзу я поймалъ“.

Злая ворона, сдѣлавшись птицей,
 Ужь скажетъ: „я гуся сразила“;
 Русскій невидный, въ народы попавъ,
 Какже не скажетъ: „Канзу я поймалъ“.

Русскій построилъ теремъ
 Съ верхомъ, покрытымъ шатромъ;
 Русскимъ владѣвшій, Канза господинъ
 Въ русскія руки несчастно попалъ.

Русскій построилъ шатеръ
 Съ верхомъ, покрытымъ какъ ящичъ;
 Русскимъ владѣвшій, Канза-господинъ
 Въ русскія руки несчастно попалъ.

Тяжелый топоръ—остеръ, вѣрно, онъ;
 Срубилъ онъ мнѣ домъ въ четыре угла.
 Сорокъ народовъ собравшій въ одно,
 Русскій Владѣтель,—силенъ, вѣрно, онъ.

Шестиугольный срубившей мнѣ домъ,
 Широкой сѣкиры остро лѣзвие.
 Срубившій въ одно шесть десятковъ племенъ
 И дань съ нихъ берущій царь—силенъ, знать, онъ.

Но гдѣ тотъ мой день, чтобъ выйти, подраться,
 Какъ роется выдра въ спѣгу?
 Гдѣ же тотъ день, чтобъ, крѣпче подругу станувъ,
 Канзѣ воротиться домой?

Гдѣ мой тотъ день, чтобъ могъ я скрыться,
 Какъ кроется бобръ, копаясь въ пескѣ?
 Гдѣ же тотъ день, чтобы крѣпче потфею станувъ,
 Канзѣ воротиться домой?

О, еслибъ на плечахъ мой бѣлый божанъ
 Кругомъ бы меня обвился шесть разъ!

О, еслибъ шесть братьевъ моихъ,—
О, еслибъ они прибѣжали за мной!

О, еслибъ на спинѣ мой вѣпный кожанъ
Кругомъ бы меня обвился пять разъ!

О, еслибъ пять братьевъ моихъ,
Иди по слѣдамъ, сыскали-бъ меня!

Въ шести-составную дуду,
Приди, поиграемъ, отецъ!
Когда же мѣсяцъ съ зарницей взойдетъ,
Приди, побѣжимъ, мой отецъ!

Въ семи-составную дуду,
Приди, поиграемъ, отецъ.
Когдажъ взойдетъ семизвѣздье,
Приди, побѣжимъ, мой отецъ!

Трехлѣтная лось съ длиною бабкой,
Къ матери Томи направься, бѣги;
Если же встрѣтишь родныхъ гдѣ-нибудь,
То миръ и поклонъ скажи отъ меня.

Длинная голень—трехлѣтная лось,
Къ Тоболу направься и рысью бѣги;
А встрѣтятся гдѣ родные мои,
Имъ миръ и поклонъ скажи отъ меня.

Пусть не выходитъ отъ дерева отрасль одна,
Пусть одиноко струя не течетъ отъ отца;
Пусть отъ эмеля отрасль одна не растетъ;
Пусть не родится отъ матери сынъ одинокій.

Еслибъ бѣлый ястребъ здѣсь былъ,
Онъ прожужжалъ бы слѣдомъ за мной;
Еслибъ кто былъ мнѣ родной по отцу,
То бы спросилъ онъ о мнѣ въ народѣ моемъ.

Еслибъ синій ястребъ здѣсь былъ,
То прожужжалъ бы онъ слѣдомъ за мной;
Еслибъ по дѣду кто былъ изъ родныхъ,
То-бъ про меня онъ спросилъ у людей моихъ.

Скованный Русскимъ остроконечный топоръ
 Всѣ дерева проходить насквозь;
 Русскія рѣчи, что сходятъ съ языка у нихъ,
 Больно скребутъ по хребту моему.

Скованный Русскимъ топоръ
 Проходитъ сквозь твердыя деревья;
 Русскія рѣчи, что сходятъ съ языка у нихъ,—
 Ностъ отъ нихъ въ подреберья моемъ.

Конь горный мухмортый, что ѣздилъ Канза,
 Поводъ закинувъ ему,—иссохнетъ теперь.
 Владѣвшій народомъ Канза-господинъ
 Теперь ужъ умереть онъ на русской землѣ.

И эта тюрьма, что выстроена Русскимъ,
 Тюрьма для страданья Канзы,
 И эта тюрьма, что построилъ казакъ,—
 Тюрьма, гдѣ Канзѣ умереть!

Чайзагъ, судя по пѣснямъ, жилъ до покоренія Русскими южной части Сибири и управлялъ всѣми татарскими племенами, обитавшими у подножія горъ Саянскихъ. Слѣдовательно, онъ подобно Канзѣ, былъ владѣтельное лице. Чайзагъ былъ гигантскаго роста, удивительной силы, страшный храбрецъ и отличный набѣдникъ. Главнымъ поприщемъ для своихъ воинскихъ подвиговъ избралъ онъ владѣнія кузнецкихъ Татаръ, которые не хотѣли ему подчиняться. Три раза ходилъ онъ на нихъ войною, побивалъ множество людей, сожигалъ улусы и угонялъ стада; три раза онъ счастливо возвращался на родину. Вслѣдствіе этихъ набѣговъ, Чайзагъ страшнымъ образомъ разбогатѣлъ. Лошадь, на которой онъ обыкновенно ѣздилъ, была самая лучшая въ цѣлой странѣ; конская сбруя была самая великолѣпная; сѣдельныя луки—золотыя, стремяна—серебряныя. Когда онъ въ ясный день въѣзжалъ въ улусъ, отъ него свѣтило какъ отъ солнца; ночью—отъ него блистало какъ отъ мѣсяца. Мало показалось Чайзагу пріобрѣтеннаго богатства; задумалъ онъ снова напасть на кузнецкихъ Татаръ. Собравъ огромную рать, онъ простился съ молодой своей женой Абакаей и отправился чрезъ хребетъ Ахтаскыльскій. Но походъ его былъ неудаченъ. На дорогѣ онъ крѣпко заболѣлъ и, чувствуя приближеніе смерти, захотѣлъ еще разъ увидаться съ любимою женой. Абакая немедленно пріѣхала; но Чайзагъ уже умеръ. Съ торжествомъ похоронила она его на одной изъ самыхъ высокыхъ горъ Ахтаскыльи и навалила на могилѣ огромный курганъ бѣлыхъ камней. Тутъ просидѣла она три дня и три

ночи, причитая слѣдующія слова: „Всѣ мы ходили, все было у насъ въ золотѣ; но тебѣ этого показалось мало. Я отговаривала тебя ходить на ненужную войну, но ты словъ моихъ не послушался и легъ здѣсь. Я, Абакая, пришла сюда; встань, посмотри на меня Чайзагъ. Теперь ты на меня не смотришь, лежишь себѣ на вершинѣ горъ Таскыльскихъ, тихо лежишь на избранномъ мѣстѣ, построивъ себѣ домъ изъ бѣлыхъ камней таскыльскихъ. Я обошла кругомъ—ты все не встаешь. Я хочу возвратиться домой и приду сюда, взявши вѣрныхъ воиновъ“. Но когда она готова была уже отправиться домой, къ ней подошелъ молодой человекъ по имени Чайзанъ, другъ и пріятель Чайзага, навывавшійся его меньшимъ братомъ. Онъ объяснилъ Абакаѣ, что похороны Чайзага хотя и кончены, но ей слѣдуетъ еще остаться на этомъ мѣстѣ нѣкоторое время, чтобы похоронить его, Чайзана. Нѣкогда онъ далъ клятву Чайзагу лечь въ одну съ нимъ могилу и теперь долженъ исполнить свое обѣщаніе. вмѣстѣ съ этимъ, Чайзанъ вынулъ ножъ и зарѣзался. Онъ похороненъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, и могила двухъ богатырей, если вѣрять пѣсни, и теперь еще видна на одной изъ высокихъ горъ Ахтаскылья.

О Тьенарь-Кусѣ Кастрень слышалъ пѣсню слѣдующаго содержанія.

Былъ одинъ богатырь по имени Тьенарь-Кусъ, и было у него много юртъ, много народу и много скота. И было ему не мало уже лѣтъ, когда онъ взялъ себѣ жену молодую и прекрасную. Тьенарь-Кусъ любилъ ее, но она, казалось ему, не любила его, а потому онъ и рѣшился испытать ее. Вотъ онъ однажды и отправился въ степь, будто бы осматривать скотъ свой, и, отѣхавъ немного отъ юрты, свалился нарочно съ сѣдла и лежитъ себѣ какъ мертвый. Пастухи его, видя, что господинъ ихъ лежитъ на землѣ недвижно, бросились въ юрту и рассказали о случившемся домашнимъ. Услышавъ это, жена его вскочила тотчасъ же на лошадь и, прискакавъ къ лежащему, начала надъ нимъ плакать. Но Тьенарь-Кусъ не довѣрялъ слезамъ своей жены и все лежалъ недвижно. Въ отчаяніи, жена выхватила кинжалъ изъ ноженъ и сказала: „Не встанешь ты, Тьенарь-Кусъ, и я не хочу больше жить на землѣ. Никогда не сважутъ люди, что жена Тьенарь-Куса рыскала вдовою, отыскивая себѣ другаго мужа. Нѣтъ, не разстанусь я съ тобою, мой господинъ и владыка!“ Тьенарь-Кусъ и тутъ не поднялся, и она, вонзивъ себѣ кинжалъ въ грудь, упала подлѣ него мертвая. И стало жаль Тьенарю-Кусу, что онъ подозрѣвалъ ее въ холодности, и всю жизнь свою оплакивалъ онъ затѣмъ вѣрную жену свою.

Здѣсь кстати замѣтить, что почти въ каждой татарской богатырской пѣснѣ упоминается о томъ, что люди, т. е. Татары, первоначально жили въ одномъ изъ угловъ земли, на берегу Бѣлаго моря, у подножья высокой горы.

Но кромѣ богатырскихъ пѣсней, у Татаръ есть еще и другія, лирическаго содержанія. Привожу нѣсколько образцовъ.

1.

На вышинѣ бѣлаго Таскыла носятся бѣлыя облака. По маленьку будемъ ходить, товарищи!

На вышинѣ синяго Таскыла носятся синія облака. Будемъ ходить веселѣе, товарищи! Дремучій лѣсъ черной тайги—чернымъ-черно стоитъ. Мирно заживемъ, товарищи! Общій умъ народа (т. е. Татаръ) не раздѣленъ стоитъ. Мирно заживемъ, товарищи!

2.

Есть ли потокъ, котораго не переходилъ бы звѣрь? Есть ли челоуѣкъ, выросшій безъ муки? Есть ли конь, выученный безъ нагайки? Есть ли челоуѣкъ, выросшій безъ людей?

Одна-одинохонька лисица бываетъ боязлива на вѣтрѣ; одинъ-одинохонькій челоуѣкъ бываетъ боязливъ въ народѣ.

Коню иноходцу, борзому сивкѣ, приходитъ время идти въ дорогу. Мнѣ, родившемуся на свѣтѣ горемыкой, подходитъ печальное время.

3.

Весна прошла, наступила осень; берега озера покрылись льдомъ. Аппака ярай!

Осень прошла, наступила зима; снѣжныя проталины обратились въ ледъ. Аппака ярай!

Что ты видишь сквозь окошечко? Зачѣмъ ты понапрасну смѣешься? Аппака ярай!

Что ты смотришь въ окошечко? Что ты смѣешься тому, чего не видишь? Аппака ярай!

4.

Не стой на краю берега: вѣтромъ унесетъ ергахъ!

Добрый и злой смѣются мнѣ: вѣтромъ унесетъ ергахъ!

Башлыкъ (начальникъ) былъ живъ, я носила ергахъ шелковый и ѣздила на иноходцѣ.

Пять лѣтъ, какъ умеръ башлыкъ, и я стала нищею, какъ дитя нагое, которое лежитъ въ тепломъ теплѣ.

На что мнѣ красота? на что мнѣ молодость? Только на солнцѣ отрастаетъ хвостъ и грива у кобылицы.

„Такъ или не такъ, а Талина будетъ моею,“ говоритъ всякій.

Какъ нагой младенецъ, валяюсь теперь на сухомъ пеплѣ. Мнѣ тепло и спокойно!

Ахъ! вѣтеръ унесъ послѣдній мой ергахъ. Неужели придется мнѣ валяться по скользкой грязи?

5.

Есть ли рѣчка, чрезъ которую не переходилъ бы сохатый? Есть ли челоуѣкъ, выросшій безъ слезъ?

Есть ли гора, гдѣ не ходила бы кабарга? Есть ли челоуѣкъ, выросшій безъ нужды?

Есть ли горка, гдѣ не ходила бы красная коза? Есть ли челоуѣкъ, выросшій безъ разлуки?

Есть ли степь, чрезъ которую не пролеталъ бы ястребъ? Есть ли человѣкъ, выросшій безъ разлуки съ семействомъ?

Въ заключеніе отдѣла о народной поэзіи Минусинскихъ Татаръ, привожу содержаніе трехъ сказокъ, слышанныхъ мною въ кочевьяхъ Сагайцевъ.

1.

Жилъ-былъ когда-то въ Сагайской степи богатырь Бараканъ. Много было у него всякаго добра, всякаго живота, да не было у него ни друзей, ни жены, ни дѣтей. На старости лѣтъ вздумалось ему жениться. Взялъ онъ за себя чудную красавицу, и день и ночь молился Богу, чтобы онъ далъ ему наслѣдника. Одиць разъ, рано утромъ, онъ слышитъ голосъ человѣка, который кричитъ изъ-за-горы: „на привязи-ли славный богатырскій синый конь, дома-ли славный богатырь Бараканъ? Если дома, пусть идетъ сюда“. Бараканъ сейчасъ же надѣлъ на себя оружіе, сѣлъ на коня и поѣхалъ за гору. Тамъ ожидалъ его богатырь Катыгъ-Молать. Стали они биться; но Катыгъ-Молать, не давши хорошенько оправиться Баракану, убилъ его, поѣхалъ въ его женѣ, привязалъ ее къ хвосту своей лошади и увезъ въ улусъ своего отца, котораго звали Кара-Мосъ. Туда-же онъ угналъ весь скотъ и всѣхъ людей Баракана. Такъ какъ жена Баракана была беременна, то, по пріѣздѣ домой Катыгъ-Молата, Кара-Мосъ приказалъ своимъ людямъ привязать ее за руки и за ноги къ копьямъ и распоротъ ей животъ. Когда это было исполнено, оттуда сейчасъ выскочилъ ребенокъ съ серебряною грудью и золотой спиной. Кара-Мосъ хотѣлъ было казнить и его; но тутъ откуда ни взялась черная собачка, вырвала младенца изъ рукъ тѣхъ, которые хотѣли убить его, и унесла неизвѣстно куда. Сколько не догонялъ ее Кара-Мосъ, однакожь догнать никакъ не могъ. Поэтому онъ послалъ за ней въ погоню двухъ своихъ орловъ, которые настигали самыхъ быстрыхъ птицъ. Орлы настигли собачку уже у самаго конца свѣта, во владѣніяхъ великой красавицы-дѣвицы, по имени Акъ-Сабдаръ-Адтыгъ-Айбюрчюль. Тутъ орлы устали и не могли летѣть далѣе, а Айбюрчюль (мѣсяцелица) схватила ребенка и унесла его далеко-далеко. Когда узналъ объ этомъ Кара-Мосъ, то такъ разсердился, что отрубилъ орламъ головы и еще разъ бросился догонять Бараканова сына; однакожь это ему не удалось, и онъ возвратился домой. Айбюрчюль дала ребенку имя Акъ-Бора-Адтыгъ-Алыпъ-Терень-Буйдулай, воспитала его и вышла за него замужъ. Послѣ этого она съ мужемъ отправилась на его родину. Проживъ здѣсь нѣсколько времени, Буйдулай рѣшился отомстить за все-про-все Кара-Мосу и убилъ его. Затѣмъ онъ сталъ воевать со всѣми сосѣдними богатырями и всѣхъ ихъ побѣдилъ.

2.

Жилъ-былъ богатырь, по имени Тайгулазыкъ-Тагавакъ-Матырь. Одиць разъ волкъ зарѣзалъ любимаго богатырскаго коня. Пошелъ Матырь жаловаться на волка къ Змѣиному царю. Сдѣлавшись, чтобы его не узнали, плѣшивымъ и хромымъ, сталъ онъ у дверей палаты Змѣйнаго царя, а передъ царемъ стояли тогда два человѣка — одиць Мѣсяць Мѣсяцевичъ, а другой Солнце Солнцевичъ. Они просили царя разобрать споръ ихъ, кто старше изъ нихъ савомъ. Змѣиный царь рѣшилъ тѣмъ, что Мѣсяць Мѣсяцевичъ старше Солнца Солн-

девчача. Тутъ стоявшій подлѣ дверей Таганакъ-Матырь сжалился надъ Солнцемъ и сталъ защищать его такъ сильно, что Змѣиный царь согласился съ нимъ и сказалъ: „быть по твоему“. Послѣ того Таганакъ-Матырь сталъ жаловаться ему на волка, который зарѣзалъ его богатырскаго коня; но царь не захотѣлъ даже и выслушать его просьбы. Разсердившись, богатырь сказалъ царю: „ну, погоди же! разорю я тебя когда нибудь въ конецъ.“ Змѣиный царь не могъ снести такого обиднаго слова, прыгнулъ съ своего мѣста, обвился вое-ругъ богатыря и ужалилъ его такъ, что онъ тутъ же и умеръ.

3.

Былъ одинъ богачъ Лачинъ-Тайчи. Не было у него ни родныхъ, ни знакомыхъ, кромѣ одной красавицы жены, царской дочери, да красавицы сестры по имени Аргынъ-Тѣкъ. Но вдругъ стало худо въ домѣ богача Лачинъ-Тайчи: повадились ходить въ его стадо два звѣря—Алабарысъ; страшно истребляютъ они скотъ, а догнать и убить ихъ онъ не можетъ ни на одной своей лошади. Тогда вспомнилъ Лачинъ-Тайчи, что у сосѣдняго богатыря Иртаксына есть таковой карій конь, на которомъ можно въ одинъ день обскákatъ все море; вотъ и послалъ онъ свою сестру попросить у него этого коня. Иртаксынъ сейчасъ же согласился на просьбу такой красавицы, какова была Аргынъ-Тѣкъ. Когда она привела домой каряго коня богатырскаго, Лачинъ-Тайча сѣлъ на него, взялъ свой тугой косяной лукъ и пустился въ погоню за звѣрями. Пять разъ достигалъ онъ ихъ, пять разъ стрѣлялъ по нимъ,—однакожь все не могъ убить ни одного. Возвратясь домой, онъ такъ былъ разсерженъ этимъ, что набилъ на каряго коня чугунные путы въ семь пудовъ и такъ пустилъ его въ степь. Бѣдный конь пошелъ было къ старому своему хозяину, но на него напало девять волковъ, которые и сѣли его. Послѣ этого, злые звѣри Алабарысъ еще хуже прежняго стали истреблять стада богача Лачинъ-Тайчи, такъ что одинъ разъ онъ пустился преслѣдовать ихъ пѣшкомъ. Но тутъ они напали на него и сѣли. Долго жена его была неутѣшна; потомъ сѣла на лошадь и уѣхала въ свою сторону. Уѣзжая, она пѣла пѣсню: „На неосѣдланнаго коня я не сяду, за худаго человѣка замужъ не пойду. Уда-лой мой конь, довези меня до мужа. Онъ все мнѣ милъ, сколько бы не билъ меня. Не говори мнѣ, что ты меня билъ: я умру, мой милый другъ, съ тобою.“

IV.

Выше было уже замѣчено, что Татары, какъ христіане, такъ и язычники, вѣрятъ въ сверхъестественную силу шамановъ или, по здѣшнему, камовъ, но стараются приглашать ихъ къ себѣ такъ, чтобы объ этомъ не было извѣстно никому изъ постороннихъ. Это особенно относится къ такимъ лицамъ, которыя, по мнѣнію Татаръ, принадлежать къ числу чиновниковъ или духовенства. Палласу удалось видѣть только молодаго шамана, а Кастрену и совсѣмъ не удалось присутствовать при заклинаніяхъ шамановъ. Многіе, кому случалось наблюдать шамановъ,

считаютъ ихъ шарлатанами, и относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ это совершенно справедливо.

Слово *Шаманъ*, по объясненію о. Іакина, заимствовано отъ тунгузскаго слова *саманъ*, которое означаетъ человѣка, соединяющаго въ себѣ качества жреца, врача и волхва. Первое свѣдѣніе о шаманствѣ мы получили въ одно время съ покореніемъ Сибири, отъ простыхъ казаковъ, игравшихъ самую важную роль въ этомъ покореніи. Наши ученые путешественники не довольствовались разказами этихъ людей, но старались лично удостовѣриться въ справедливости ихъ. Они видѣли шамановъ и шаманокъ, совершающихъ мистическіе обряды и, судя по страннымъ ихъ дѣйствіямъ при этомъ, единогласно заключили, что шаманство есть ремесло, которымъ хитрые шарлатаны, подъ благовиднымъ предлогомъ грубо обманываютъ легковѣрныхъ простяковъ изъ личныхъ выгодъ. Въ Европѣ долго вѣрили этому мнѣнію, пока наши миссіонеры въ Китаѣ не узнали устава шаманскаго служенія, изданнаго въ Пекинѣ въ 1747 году. Съ этого времени открылось, что мы очень ошибались въ своихъ мнѣніяхъ на счетъ шаманства. То, что намъ казалось грубымъ обманомъ въ кочевыхъ шарлатанахъ, составляетъ религію, господствующую нынѣ при китайскомъ дворѣ и въ Манчжуріи. Въ вышеупомянутомъ уставѣ обряды ея изложены въ строгой системѣ; но кочевые сибирскіе шаманы, изучая обряды шаманства по устнымъ преданіямъ, съ теченіемъ времени не могли не обезобразить ихъ грубыми измѣненіями и прибавленіями, происходившими отъ ихъ невѣжества, хотя со всѣмъ тѣмъ удержали существенныя части шаманскаго служенія, которое состоитъ въ жертвоприношеніи небу и онгонамъ, т. е. силѣ, управляющей міромъ, Богу и душамъ людей, которые въ этой жизни дѣлали добро людямъ, да и по смерти продолжаютъ благотворить имъ.

Таково мнѣніе о шаманствѣ нашего извѣстнаго синолога. Вообще говоря, къ нему едва ли можно что либо прибавить. Шаманство, повидимому, древнѣйшая форма идолослуженія на востокѣ и, можетъ быть, общій источникъ различныхъ религіозныхъ сектъ, какъ-то: ламайской, браминской и другихъ. Но въ послѣдствіи времени недостатокъ письменъ и школъ, войны, переселенія, кочевая жизнь поклонниковъ этой религіи и намѣренныя искаженія хитрыхъ жрецовъ—низвели ее на степень раздробленнаго идолопоклонства и слѣпаго суевѣрія. Говоря о Татарахъ Минусинскаго округа, нельзя не замѣтить, что въ настоящее время они совершенно не исповѣдуютъ шаманской вѣры, и камы ихъ не отправляютъ никакихъ священныхъ дѣйствій и не приносятъ мольбы. Это замѣтилъ еще Степановъ. Теперешніе камы—жалкіе люди, которыхъ все занятіе состоитъ въ гаданіи или врачеваніи. Конечно, изъ инородцевъ найдутся очень многіе, которые имъ вѣрятъ; но большинство, и въ особенности молодежь, считаетъ ихъ не иначе, какъ фокусниками, на представ-

ленія которыхъ не худо посмотрѣть. Употребляющійся между русскими крестьянами глаголь *шаманить* значить ни больше ни меньше, какъ ворожить, гадать, дѣлать что-то непонятное, таинственное, а вмѣстѣ съ тѣмъ обманывать.

Въ бытность мою Минусинскимъ окружнымъ начальникомъ, мнѣ очень долго не удавалось познакомиться ни съ однимъ шаманомъ, несмотря ни на какія усилія съ моей стороны. Наконецъ, это знакомство состоялось совершенно неожиданно и для меня, и для шамана, зимою 1858 г.

И ѣхалъ изъ маленькой деревеньки Толчей въ Минусинскъ степью, довольно значительною степью, такъ что до первой станціи Усть-Биджи надо было проѣхать верстъ 40. Это было въ ночь на 30 января. Распивая чай въ Толчеѣ, я предполагалъ, что утромъ буду напрямъ въ Минусинскъ, до котораго оставалось верстъ 80. Но вышло не такъ. Ямщикъ мой сбился съ дороги и, пропутавъ часовъ пять, совершенно неожиданно очутился подлѣ какого-то улуса, названіе котораго я теперь позабылъ. Ночь была до того темна, что въ трехъ шагахъ не было ничего видно; поэтому и я недогадался бы, что подѣхалъ къ улусу, если бы на звукъ колокольчика не выбѣжали съ лаемъ собаки. Черезъ минуту можно было уже различить зимникъ, дверь котораго съ шумомъ отворилась. Когда я взглянулъ въ эту сторону, то внутренность зимника представилась мнѣ чѣмъ то вродѣ пылающаго ада, въ огнѣ котораго плясала какал-то страшная фигура на подобіе сатаны. Вслѣдъ за тѣмъ изъ двери полетѣли искры и горящія головни, и прямо на лошадей. Лошади кинулись въ сторону, повозка ударилась объ уголь другаго зимника, опрокинулась на бокъ и одной оглобли какъ небывало. Пока я, неразлучный мой спутникъ въ поѣздкахъ по округу казакъ Ермолаевъ и ямщикъ поднимались изъ груды снѣга, страшная фигура выбѣжала изъ зимника съ огромнымъ бубномъ въ одной рукѣ и съ горящей головней въ другой. Эта головня также, вѣроятно, полетѣла бы на насъ, если бы Ермолаевъ не закричалъ во все горло:

— Ахъ, язви-те, проклятый шаманишка,—ишь чего доспѣлъ!

При этихъ словахъ страшное существо внезапно оторопѣло, опустило бубень, бросило въ сторону головню и, какъ кошка, прыгнуло въ зимникъ, затворивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и дверь.

„Такъ это шаманъ, что-ли?“ спросилъ я Ермолаева.

— Шаманъ, какъ есть шаманъ, ваше в—діе; ахъ, чтобъ те пятнало. Ишь чего доспѣлъ!

Ну, подумалъ я, теперь ужъ ты отъ меня не уйдешь; посмотрю я на твои фокусы.

Съ этою мыслию я уже готовъ былъ войти въ зимникъ, какъ дверь его снова отворилась и на встрѣчу мнѣ вышелъ, какъ можно было видѣть, Татаринъ, молодой еще человекъ, атлетическаго сложенія, съ растрепанными волосами, съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Эзень, (здорово), сказалъ онъ.

„Вильмесъ“, (не понимаю), нарочно отвѣчалъ я.

— Ты чей, другъ, будешь? спросилъ онъ меня уже по русски.

Я сказалъ ему, кто я.

Какъ мѣстнаго начальника края, Татары меня очень любили. При звукѣ моего имени, Татаринъ немножко поусумнился сперва; но когда Ермолаевъ громко сказалъ ему, чтобы была готова сейчасъ новая оглобля, то Татаринъ сталъ низко кланяться, присѣдать и усиленно просить прощенія, что не встрѣтилъ дорогаго гостя.

Я сейчасъ обласкалъ его и прямо сказалъ, что у него въ зимникѣ шаманъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ сознался. Шаманъ у нихъ былъ, по его словамъ, для того, чтобы пошаманить надъ его молодою *бабою*, потому что у нихъ *не держатся* (умираютъ) дѣти. Къ этому Татаринъ прибавилъ, что шаманство уже окончено.

Для меня это было все равно. Мнѣ хотѣлось видѣть давно уже шамана и его дѣйствія. Поэтому я сказалъ Татарину, что останусь у него ночевать и непременно хочу видѣть и познакомиться съ шаманомъ. Послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ со стороны хозяина, все было рѣшено по моему желанію, и я вошелъ въ зимникъ.

Зимникъ былъ такой же, какъ и всѣ татарскіе зимники,—изба, состоявшая изъ одного сруба, съ однимъ или двумя окнами, затянутыми пузыряремъ, безъ крыши, только съ однимъ потолкомъ. Около стѣнъ находились нары, а посрединѣ ярко горѣлъ чурчалъ. Человекъ десять Татаръ въ праздничной одеждѣ сидѣли на полу; человекъ пять, растянувшись, лежало на нарахъ. Посреди зимника стоялъ ветхій столъ, а подлѣ него стулъ, на которомъ, задумавшись, важно сидѣлъ старикъ. Онъ одѣтъ былъ въ обыкновенную длинную татарскую рубаху, которая ниспадала почти до полу; голова у него была обвязана платкомъ на манеръ чалмы.

„Миръ вамъ и я къ вамъ“,—сказалъ я, входя въ зимникъ.

Внезапный ударъ молніи или землетрясеніе, по всей вѣроятности, не произвели бы такого сильнаго эффекта, какой произвело мое появленіе среди толпы этихъ дѣтей степи. Всѣ вскочили въ одну минуту на ноги, а нѣкоторые стали убираться вонъ изъ зимника. Сѣдой старикъ, оказавшійся впоследствии шаманомъ, принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Но я сейчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло и остановилъ его.

„Стой, старина; вѣдь ты камъ?“

—Нѣтъ, ваше в—діе, Татаръ я бѣдна; кама нѣту; не камъ.

„Ну, полно врать; я знаю, что ты камъ, а потому приказываю тебѣ остановиться. Ты знаешь, кто я?“

— Какъ не знать, бачка, ты нашъ окружный.

Какъ могъ узнать шаманъ, что я окружный начальникъ,—въ этомъ я не могу дать себѣ отчета до настоящаго времени. Прежде этого случая я нигдѣ его не видѣлъ; да и онъ едвали видѣлъ когда нибудь меня.

„Ну, если ты знаешь, что я окружный начальникъ, то я приказываю тебѣ садиться на твой стулъ. Эй, ребята, не уходите. Я вамъ не помѣшаю“.

Тѣ изъ Татаръ, которые не успѣли еще улизнуть, робко воротились и съ любопытствомъ стали осматривать меня. Причиною этого было отчасти то, что хозяинъ зимника успѣлъ уже сказать нѣсколько словъ въ мою пользу цѣлому улусу, собѣжавшемуся къ его зимнику. Рекомендація—вездѣ хороша.

Когда все поуспокоилось, я закурилъ трубку и повелъ такую рѣчь съ шаманомъ, выражалась отчасти по татарски, отчасти по русски.

„Ну вотъ ты, камъ, все знаешь. Знаешь, не выдавъ меня, что я вашъ окружной; я слышалъ уже давно о тебѣ и ѣхалъ далеко-далеко, чтобы тебя видѣть. Я искрестилъ всю степь, но не видалъ тебя. Наконецъ я тебя нашелъ. Ты добрый старикъ. Скажи же мнѣ, другъ, что дѣлается съ моимъ семействомъ. Я недѣли двѣ уже изъ дому. Я дамъ тебѣ...“

— Я знаю, бачка, что ты хочешь мнѣ дать.

„Что же?“

—Два ста розга.

Я не могъ выдержать, чтобы не расхохотаться. Оказалось, что шаманъ былъ въ передѣлкѣ у одного изъ моихъ предмѣстниковъ и за неудачное гаданье получилъ ту именно плату, какую надѣялся получить отъ меня.

Чтобы фактически доказать старику, что онъ на этотъ разъ совершенно ошибся, я вынулъ изъ кармана съ рубль мелкаго серебра, которое такъ любятъ Татары, и положилъ его на столъ.—„Вотъ что даю я тебѣ, прибавилъ я; садись и шаманъ сейчасъ“.

Послѣ этого старикъ рѣшился удовлетворить мое любопытство, но только просилъ меня, ради безопасности меня самого, во время вызваній имъ таинственныхъ духовъ невѣдомаго міра, сидѣть смирно, не ходить, не смѣяться; а главное, если будетъ даже очень страшно, не выходить на дворъ изъ зимника, потому что въ противномъ случаѣ айпа (т. е. шайтанъ, чортъ) можетъ не только напустить на меня какую нибудь болѣзнь, но даже задушить или загрызть. Я обѣщаль исполнить все въ точности.

Затѣмъ, шаманъ свиснулъ такъ, что у меня въ ухахъ зазвенѣло, что-то сказалъ и сталъ одѣваться.

Онъ надѣлъ на себя кожанъ, убранный весь шелковыми лентами, птичьими перьями, змѣиными головками и хвостами разныхъ животныхъ. Кругомъ подола, около рукавовъ и плечъ на этомъ кожанѣ висѣли въ четыре ряда колокольчики и разныхъ серебряныя и мѣдныя бездѣлушки, мелкія монеты. На голову онъ набросилъ что-то въ родѣ шапки, украшенной тоже монетами и перьями; глаза завѣсилъ маленькимъ платочкомъ; въ правую руку взялъ бубенъ, увѣшанный колокольчиками, а въ лѣвую маленькую мѣдную палочку, обвитую лентами и кусками ситца. Между тѣмъ среди зимника разостлали кошму и поставили на нее двѣ бутылки айрана и чайную чашку, а одинъ изъ Татаръ бросилъ въ чумаль охабку дровъ. Черезъ нѣсколько минутъ весь зимникъ озарился яркимъ пламенемъ.

Началось заклинаніе айновъ.

Шаманъ присѣлъ на корточкахъ на кошму, налилъ въ чашку немного айрана, что-то прошепталъ и вылилъ ее въ огонь; налилъ другую и вылилъ всю. За тѣмъ, онъ сталъ ходить вокругъ зимника, дѣлая странныя тѣлодвиженія, то шепча что-то непонятное, то отдуваясь и отплевываясь. Казалось, что онъ заклиналъ кого-то, кого-то прогонялъ. Обойдя такимъ образомъ разъ десять вокругъ зимника, онъ присѣлъ на кошму, отдунулся во все стороны и тяжело вздохнулъ. Потомъ, качаясь во все стороны и потрясая головой, онъ сталъ плакать, сначала тихо, послѣ все громче и громче и наконецъ зарыдалъ такимъ глухимъ и дрожащимъ голосомъ, что не только Татарамъ, даже мнѣ показалось, будто бы кто-то воетъ подъ землею. Нарыдавшись до сыта, шаманъ началъ хохотать—сперва, по обыкновенію, тихо, потомъ все громче и громче и наконецъ разразился такимъ чертовскимъ хохотомъ, что весь зимникъ буквально задрожалъ, а Татары съ ужасомъ отскочили подальше на нары. Раздался снова громкій, оглушительный свистъ и хлопанье въ ладоши. Шаманъ схватилъ обѣ бутылки съ айраномъ и вылилъ ихъ въ чумаль.

Въ зимникѣ настала совершенная темнота.

Этимъ окончился первый актъ заклинанія. Послѣ этого старикъ снова сталъ ходить вокругъ стѣнъ зимника, прискакивая, ударяя въ бубенъ и показывая видъ, что будто прогоняетъ кого-то. Минутъ черезъ десять онъ присѣлъ къ двери, отворилъ ее немного и началъ опять одной рукой ударять въ бубенъ, а другой подь тактъ прихлопывать дверь. Все это было ничто иное, какъ призываніе подземныхъ силъ. Онѣ наконецъ явились. Шаманъ отворилъ дверь зимника нѣсколько шире—и вдругъ раздался звонкій лай собаки. Это на зовъ шамана явился айна-собака. Въ сильномъ испугѣ старикъ отскочилъ на средину избы и сперва сталъ ворчать, потомъ лаять по-собачьи. Звукоподражаніе было до того совер-

шепно, что, казалось, будто бы лаютъ двѣ собаки, злясь другъ на друга; потомъ лай перешелъ въ тихое ворчанье. Первоначально айна сердился на шамана, затѣмъ онъ потревожилъ его, вызывая волшебными звуками изъ глубины его подземнаго царства. Онъ, можетъ быть, даже съѣлъ бы шамана; но шаманъ самъ знакомъ съ языкомъ собакъ и далъ такой отпоръ айну, что ему не осталось ничего болѣе дѣлать, какъ повиноваться заклинаніямъ и все свое неудовольствіе выражать только однимъ глухимъ ворчаньемъ. Дверь зимника отворилась снова и послышался визгъ кошки. Это явился другой айна—айна-кошка. Послѣдовала такая же сцена, какъ съ собакой; старикъ великолѣпно мяукалъ по-кошачьи и скоро сошелся съ духомъ. Затѣмъ появился айна-волкъ и завылъ такъ, какъ будто въ зимникѣ дѣйствительно находился волкъ. Оказалось, что шаманъ умѣетъ выть и по-волчьи. Наконецъ у самаго зимника раздалось конское ржаніе. На этотъ разъ шаманъ не выдержалъ: онъ выскочилъ на крыльцо, поймалъ айна-коня за узду, съѣлъ на него, вѣхалъ верхомъ въ избу и сталъ скакать по ней изъ угла въ уголъ. Настала пора, когда шаманъ, находясь въ обществѣ подземныхъ силъ, перенесся въ другой міръ. Онъ рассказывалъ, по какимъ волшебнымъ странамъ носился онъ, какія чудеса у него передѣлазами, какіе разговоры онъ ведетъ съ айнами. Смыслъ рѣчи его былъ таковъ, что онъ передаетъ присутствующимъ волю духовъ, а воля ихъ заключается въ томъ, чтобы Татары ихъ болѣе чествовали; а то вотъ, на примѣръ, такой-то (онъ называлъ по имени одного изъ присутствующихъ) совсѣмъ позабылъ айновъ и за это они накажутъ его тѣмъ, что у него вывалится весь табунъ лошадей; такой-то провинился противъ нихъ въ томъ-то и за это будетъ наказанъ тѣмъ, что у него ослѣпнетъ жена; вообще же айны не довольны никакъ изъ присутствующихъ, потому что они мало помогаютъ служителямъ ихъ, шаманамъ, такъ что бѣдные старики шатаются, гдѣ день, гдѣ ночь и умираютъ съ голоду, какъ собаки. За то и будетъ же всѣмъ плохо, если они не исправятся: на табуны ихъ найдетъ падежь; на звѣриномъ промыслѣ имъ не удастся убить ни одной самой негодной бѣлки; наконецъ, въ улусахъ ихъ будутъ находить мертвыя тѣла и земская полиція будетъ пріѣзжать для производства слѣдствій и будетъ сажать въ острогъ и праваго и виноватаго. Когда окончились эти общія предсказанія, нѣкоторые изъ Татаръ предложили шаману отдѣльные вопросы о судьбѣ своей. Разумѣется, онъ отвѣчалъ каждому безъ запишки.

„Скажи же мнѣ, другъ, что дѣлается теперь съ моимъ семействомъ?“—спросилъ я шамана.

— Твоя жена спитъ, твои дѣти спятъ; все спитъ,—отвѣчалъ онъ.

Отвѣтъ былъ не труденъ: въ такую глухую ночь, какая была теперь, всякій порядочный человекъ долженъ былъ спать.

Потомъ шаманъ объявилъ торжественно, что прощается съ духами и въ самомъ непродолжительномъ времени возвратится къ намъ на землю. Въ это самое время онъ подскакалъ къ чувалу и дунулъ такъ сильно въ огонь, что искры столбомъ полетѣли въ трубу. Вслѣдъ за тѣмъ отворилась настежь дверь зимника и нѣсколько пылающихъ головней вылетѣло на улицу. Однимъ прыжкомъ очутился на улицѣ и самъ чародѣй. Здѣсь онъ сталъ бить въ бубень, прыгать и кружиться; наконецъ закружился до того, что упалъ безъ чувствъ на землю. Нѣсколько Татаръ бросились къ нему на помощь, сняли съ него шаманскій нарядъ и окатили старика водою голову. Онъ вздрогнулъ и очнулся.

Повозка моя была готова, и чрезъ полчаса я былъ уже далеко отъ улуса, гдѣ встрѣтилъ стараго шамана. Начало разсвѣтать.

„Ну, что, Ермолаевъ, видѣлъ ты фокусы шамана?“

— Какъ не видать, ваше в—дѣ; да все это пустошь. Мошенники эти шаманишки. Сѣчь бы ихъ слѣдовало побольше.

„Да за что же?“

— А такъ, плутуютъ ужъ больно много. Теперь безъ васъ, поди, сколько надаютъ ему того-другаго; дня три винишкомъ будутъ поить; что ни есть лучшаго барана закололи: съѣдятъ, значитъ, въ одну минуту.

„А прежде тебѣ доводилось видѣть шамановъ?“

— Видѣлъ. Сѣчь бы ихъ побольше. Все это только одинъ развратъ.

Кстати замѣтить, что шаманы совершаютъ свои чародѣйственныя церемоніи только въ ночное время. Поэтому, выбѣгая изъ юрты на дворъ, свистя и ударяя въ бубень, они производятъ сильный переполохъ во всей окружающей ихъ средѣ; къ лаю шамана присоединяется неистовый лай собакъ, встревоженныхъ его свистомъ и криками; къ этому присоединяется ревъ коровъ; за тѣмъ вдали слышится громоподобный топотъ дикихъ табуновъ, въ испугъ рыскающихъ по степи и пр. Все это, начавшееся съ вечера, продолжается, обыкновенно, далеко за полночь.

Хотя почти всѣ внутреннія болѣзни Татары лечатъ посредствомъ шаманства, однакожъ бываютъ нерѣдко случаи, что въ наружныхъ болѣзняхъ они прибѣгаютъ къ естественнымъ средствамъ. Изъ нихъ первую роль играютъ теплыя внутренности домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ; причемъ внутренности выбираются не по свойству болѣзней и животныхъ, а по величинѣ больной части и по возможности покрыть ее внутренностями извѣстнаго звѣря или птицы. Разрѣзавъ у живаго животнаго внутренности, тотчасъ покрываютъ ими больной членъ и держатъ такъ, пока онъ совершенно не остынуть. При обжогѣ и ознобѣ употребляется заячье сало или, за неимѣніемъ его, заячья кожа. Парши лечатъ мазью изъ сурковаго сала, соли и сажи. Бородавки мажутъ змѣиной кровью или конскимъ по-

томъ. При сильномъ кровотеченіи изъ ранъ присыпаютъ ихъ пепломъ собственныхъ волосъ больного; при кровотеченіи изъ носу и рта сильно трясутъ больного и поятъ его виномъ и пр.

V.

По закону Минусинскіе Татары отнесены къ числу кочевыхъ инородцевъ, т. е. такихъ, которые имѣютъ осѣдность хотя и постоянную, но по временамъ года перемѣняемую и не живутъ деревнями.

Выше я имѣлъ уже случай замѣтить, что всѣ эти инородцы, извѣстные подъ именемъ Качинцевъ, Сагайцевъ и Койбаловъ, раздѣляются на роды.

Каждый родъ управляется *башлыкомъ*, т. е. старшиною или князькомъ, и *эсауломъ*, т. е. помощникомъ старшины. Достоинство башлыка, какъ можно судить по преданіямъ Татаръ, въ прежнее время было наследственное, но нынѣ оно сдѣлалось избирательнымъ; достоинство эсаула, какъ кажется, возлагалось всегда посредствомъ выбора. Башлыкъ принимается въ значеніи старшаго лица въ родѣ, какъ будто-бы родъ составлялъ одно семейство. Поэтому благосостояніе рода, спокойствіе, довольство и безопасность его составляютъ важнѣйшую обязанность башлыка. Онъ приводитъ въ исполненіе всѣ распоряженія начальства, вызываетъ и представляетъ въ казну слѣдующія съ родовичей подати, подвергаетъ подчиненныхъ ему лицъ за маловажные проступки наказанію по степнымъ обычаямъ, доноситъ начальству о необыкновенныхъ и важныхъ случаяхъ и т. п. Нѣсколько родовъ подчиняются Инородной Управѣ или Степной Думѣ. Въ Минусинскомъ округѣ для Качинцевъ и Койбаловъ учреждены инородныя управы Абаканская и Юсская, а для Сагайцевъ—Сагайская Степная Дума. Инородная Управа состоитъ изъ головы, двухъ выборныхъ и письмоводителя. Всѣ эти лица назначаются на должности по выбору. Власть Инородной Управы состоитъ въ надзорѣ за родовыми управленіями и въ мѣстныхъ распоряженіяхъ. Въ качествѣ надзора Инородная Управа наблюдаетъ, чтобы законы, обычаи и обряды, правительствомъ утвержденные, исполнялись непремѣнно; чтобъ родовое управленіе дѣйствовало не иначе, какъ къ общей пользѣ, и ни подъ какимъ видомъ не стѣсня ввѣренныхъ ему людей; наконецъ, чтобы оно не упустило изъ вида нуждъ народныхъ, но и не увеличивало напрасно попеченія о нихъ. Мѣстныя распоряженія Инородной Управы состоятъ: въ точномъ исполненіи всѣхъ предписаній начальства, въ понужденіи къ сбору податей, въ сохраненіи благочинія и порядка, въ охраненіи правъ инородцевъ отъ всякаго посторонняго стѣсненія, наконецъ въ разысканіяхъ по особеннымъ случаямъ нужныхъ лицъ. Степная Дума состоитъ изъ родоначальника,

двухъ засѣдателей и писмоводителя. Родоначальникъ избирается изъ среды общества и утверждается генераль-губернаторомъ на неопредѣленное время, т. е. по смерть или до учиненія какого либо преступленія. Засѣдатели и писмоводитель избираются на сроки, отъ одного до трехъ лѣтъ. Обязанности Степной Думы состоятъ: въ народоисчисленіи по особеннымъ о томъ правиламъ, въ раскладкѣ сборовъ, въ правильномъ учетѣ всѣхъ суммъ и общественнаго имущества, въ распространеніи земледѣлія и инородной промышленности и въ ходатайствѣ у высшаго начальства о пользахъ родовичей; короче, Степная Дума представляетъ общественное собраніе и имѣетъ однѣ хозяйственныя обязанности. Какъ родовыя управления, такъ инородныя управы и Степная Дума непосредственно подчинены мѣстному окружному полицейскому управленію.

На основаніи существующихъ узаконеній, Минусинскіе Татары во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ между собою разбираются по своимъ стариннымъ степнымъ обычаямъ. По этимъ же обычаямъ они наказываются и за маловажные проступки, главнѣйшій видъ которыхъ составляетъ кража вообще и конокрадство въ частности. Не далѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ Татары славились своею честностью до наивности. Проживавшій въ с. Аскызскомъ купецъ Ананьинъ рассказывалъ мнѣ, что у старшаго его брата, который велъ значительную и выгодную торговлю съ Татарами, была книга, гдѣ онъ записывалъ всѣ долги инородцевъ. Разъ какъ-то эта книга лежала на столѣ, предъ образомъ, у котораго теплилась свѣчка. Въ комнатѣ никого не было. Свѣча упала на книгу и сожгла ее. Ананьинъ, знавшій только одинъ общій итогъ своихъ одолженій Татарамъ, пришелъ въ ужасъ. Дѣлать было нечего: онъ поѣхалъ по всѣмъ улусамъ и сталъ спрашивать, нѣтъ ли въ нихъ кого изъ его должниковъ. Должники сейчасъ же явились. Далѣе Ананьинъ предложилъ вопросъ: сколько каждый изъ нихъ долженъ? Всѣ отвѣчали такъ, какъ кто могъ припомнить. На основаніи этого у кредитора составила новая книга, по которой общій итогъ долговъ инородцевъ оказался совершенно вѣрнымъ съ итогомъ прежней книги. Теперь подобная простота немыслима. Въ воровствѣ обвиняютъ въ особенности Койбаловъ. Но это, при совершенно господствующемъ въ степи беззавиіи, въ народѣ страшно во всемъ нуждающемся, почти неизбежно. Значительную долю пороковъ передали инородцамъ ссыльные, водворенные въ селеніяхъ, находящихся по близости инородческихъ кочевьевъ, и пробирающіеся весьма часто въ самыя кочевья. Одинъ бѣдный Койбалъ получилъ въ наслѣдство отъ отца барана, котораго берегъ такъ, что ночью, когда спалъ въ полѣ, то каждый разъ обматывалъ вокругъ руки веревку, другой конецъ которой былъ завязанъ на шеѣ животнаго, въ полной увѣренности, что такимъ образомъ совершенно обезопасилъ себя отъ всякаго хищника. На бѣду баранъ его приглянулся

одному ссыльному, и вотъ, какъ только стемнѣло и простодушный Койбаль заснулъ преспокойно, бездѣльникъ подкрался къ спящему, перерѣзалъ веревку и увелъ барана. Можно представить себѣ удивленіе и ужасъ бѣдняка, когда, проснувшись поутру, онъ увидѣлъ, что лишился послѣдняго состоянія своего. Однакожь, этотъ урокъ не прошелъ даромъ: узнавъ легкій способъ живиться чужимъ добромъ, и Койбаль также началъ пользоваться темнотою ночи. Сагайцы отличаются особенно въ конокрадствѣ.

Система наказанія за проступки основана у Минусинскихъ Татаръ на розгахъ и на возвращеніи покраденнаго или отнятаго вдвое, втрое и вчетверо, смотря по тому въ который разъ совершенъ проступокъ.

Дѣла уголовныя, каковы разбой, грабежь, убійство и дѣланіе фальшивой монеты, подвергаютъ Татаръ сужденію въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Но такія дѣла между ними весьма рѣдки.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть объ одной чертѣ характера Минусинскихъ Татаръ—о склонности къ самоубійству. Не смотря на то, что въ ихъ языкѣ не существуетъ даже слова „судьба,“ существованіе ея признается ими какъ фактъ не подлежащій сомнѣнію и при томъ такъ, что судьба наследственна. Если удавился отецъ, то непременно удавится и сынъ; если отецъ опился виномъ, то непременно обопьется и сынъ. Послѣдній родъ самоубійства въ особенности свойственъ, по мнѣнію Татаръ, родоначальникамъ и головамъ инородныхъ управъ. Въ самомъ дѣлѣ, я зналъ двухъ или трехъ подобныхъ должностныхъ лицъ, которыя, до выбора въ родоначальники или головы, капли водки не брали въ ротъ и дѣлались горчайшими пьяницами непосредственно послѣ того, какъ были избраны въ эти должности. Выслушавъ, бывало, мои упреки въ дурномъ поведеніи, они сознавали чистосердечно, что дѣлаютъ дурно; но при этомъ прибавляли, что удержаться не во власти ихъ, что такова ихъ судьба, что имъ на роду написано сгорѣть отъ вина—и сгорѣли. Приводя въ исполненіе планъ самоубійства, Татаринъ доходитъ иногда до настоящаго стоицизма. Одинъ Качинецъ два раза хотѣлъ удавиться и два раза былъ вынимаемъ изъ петли. Видя, что этотъ родъ смерти не удается, онъ избралъ другой: осѣдлалъ лошадь и разогналъ ее во всю прыть на высокую, отвѣсную скалу надъ Енисеемъ съ тѣмъ, чтобы ринуться съ нея въ бездну. Но умное животное, по инстинкту самосохраненія, взбѣжавъ на вершину скалы, внезапно повернуло назадъ. Качинецъ завязалъ ей глаза какимъ-то платкомъ, разогналъ снова и прежде чѣмъ слѣдившіе за нимъ родственники могли остановить его—былъ уже въ Енисѣѣ, бросившись съ высоты 20 или 25 сажень.

НѢКОТОРЫЯ ДАННЫЯ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ И ЭТНОГРАФІИ РОССІИ ИЗЪ РУКОПИСЕЙ,
НЕДАВНО ПРИОБРѢТЕННЫХЪ ИМПЕРАТОРСКОЮ ПУБЛИЧНОЮ БИБЛИОТЕКОЮ.

А. Я. Гаркави.

(Читано въ засѣданіи 9 августа. См. Протоколы, стр. LXVII).

Я позволю себѣ обратить вниманіе гг. членовъ Съѣзда на нѣкоторыя данныя, найденныя мною въ восточныхъ рукописяхъ Императорской Публичной Библиотеки и интересныя для занимающихся древнею исторіею и географіею Россіи.

I.

Какъ извѣстно, у пророка Езекиіи народъ Гогъ и Магогъ называется нѣсколько разъ „*Неси-рошъ мешехъ ве-тубалъ*“ (князь *Росъ*, *Мосохъ* и *Тобель*), при чемъ второе слово (Рошъ, Росъ) уже въ древнія времена толковалось различно: одни принимали его въ значеніи *головы, главы* и переводили вышеозначенный эпитетъ *князь-глава* (или же *князь главы*) *Мосоха и Тобеля*; другіе же, въ томъ числѣ и LXX толковниковъ, которымъ слѣдуетъ и славянскій переводъ, считали слово за собственное имя народа *Росъ*. Это послѣднее мнѣніе въ настоящее время исключительно господствуетъ между экзегетами. Далекое не такъ согласно мнѣніе ученыхъ относительно того, какой именно народъ слѣдуетъ понимать подъ названіемъ *Росъ*. Такъ нѣкоторые ученые отождествляютъ съ нимъ географическое наименованіе *Роасъ* (Rhoas), помѣщаемое Плиніемъ подлѣ Сванетіи; другіе склонны видѣть въ *Росъ* названіе нынѣшней кавказской области *Реджъ* (Rhädsch) въ Грузіи; третьи предлагаютъ для сравненія имя рѣки *Араксъ*, по-арабски *Аррасъ*. Большинство же ученыхъ стоитъ за тождество народа *Росъ* съ Роксаланами, при чемъ многіе принимаютъ, что послѣднее названіе составлено изъ *Росъ*—Руси и Алановъ. До сихъ поръ было извѣстно только про византійскаго писателя Льва Діакона;

который уже въ X вѣкѣ приурочивалъ библейскій *Росъ* къ Русскимъ (къ *Тавроски-оамъ*, какъ онъ ихъ называетъ). Въ настоящее время я нашелъ товарища Льву Діакону, также древняго. Въ отрывкѣ изъ комментарія караима Іакова бенъ-Рувима на книгу пророка Езекиіля, найденномъ въ прошломъ году между вновь прибрѣтенными рукописями Имп. Публичною Библіотекою, ко 2-му стиху XXXVIII главы сказано: „Князь Ропъ, то есть князь Русскихъ, которые на священномъ языкѣ (по еврейски) именуются *Рошъ*“. До сихъ поръ ученые думали, что караимскій экзегетъ Іаковъ жилъ въ X вѣкѣ; хотя я недавно доказалъ, что онъ не могъ писать раньше конца XI или начала XII столѣтія, но это однако не измѣняетъ сущности дѣла, ибо я нашелъ, что этого Іакова никоимъ образомъ нельзя считать самостоятельнымъ писателемъ, такъ какъ всѣ свои толкованія онъ заимствовалъ у авторовъ, жившихъ до него, сочиненія коихъ для насъ большею частію не сохранились. Комментарій Іакова былъ изданъ въ Евпаторіи въ 1834 году, но вмѣсто слова *Русскихъ* тамъ напечатано *язычниковъ*, что, какъ показываетъ рукопись, составляетъ неумѣлую поправку издателя или цензуры. Такъ какъ вопросъ о библейскомъ названіи *Росъ* неоднократно трактовался въ русской литературѣ, то древнее караимское свидѣтельство во всякомъ случаѣ не лишено интереса.

II.

Другой пунктъ, на который позволю себѣ обратить вниманіе гг. членовъ Съѣзда, это отрывокъ изъ сочиненія писателя конца IX или начала X вѣка, выдававшего свою „Исторію“ за сочиненіе Іосифа Флавія и называемаго по сему Псевдо-Іосифомъ. То мѣсто изъ его исторіи, гдѣ исчисляются потомки Яфетовы и гдѣ представленъ также перечень славянскихъ народовъ, по причинѣ искаженія его въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ, представляло большія затрудненія, съ которыми европейскіе ученые, начиная съ XVII вѣка по настоящее время, не могли совладѣть. Преимущественно же названія славянскихъ племенъ были исковерканы до неузнаваемости. Я тѣмъ болѣе былъ радъ найти между нашими рукописями древній отрывокъ, гдѣ большая часть славянскихъ именъ читается правильно, что самъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ попытался возстановить правильное чтеніе означенныхъ именъ (въ „Трудахъ Имп. Рус. Археол. Общества“). И хотя нынѣ, по открытіи рукописи, оказывается, что многія изъ тогдашнихъ моихъ предположеній невѣрны, я однако не жалѣю потраченного труда, такъ какъ не будь его, я бы вѣроятно не искалъ и не нашелъ правильнаго чтенія. Вотъ интересующее насъ мѣсто по рукописи: „*Морава* (въ печат. изданіи *Палиція*, которая врядъ ли была извѣстна подъ этимъ именемъ уже въ IX вѣкѣ), *Хорвати* (въ печат. изд. *Кравати*),

Сербинъ (въ печат. изд. *Салки*), *Лучанинъ* (въ печ. изд. *Лацци* или *Личфи*), *Лехминъ* (вѣроят. слѣд. чит. *Лехминъ* = Лѣхи, Ляхи; въ печат. изд. *Лавминъ*), *Харабадъ* или *Карбадъ* (м. б. жители Карпатскихъ горъ) и *Базминъ* (слѣд. чит. или *Бознинъ* = Босняки, или же *Баваминъ* = Богемцы; послѣднія два имени читаются такимъ же образомъ и въ печат. изданіяхъ)“.

III.

Въ одномъ отрывкѣ изъ древняго комментарія на арабскомъ языкѣ, на книгу пророка Исаи, къ 14-му стиху 48-ой главы, который гласитъ: „Соберитесь всѣ и слышите, кто изъ нихъ возвѣстилъ сіе? Богъ любитъ его; онъ сотворитъ волю свою надъ Вавилономъ и (покажетъ) силу свою надъ Халдейцами,“—находится слѣдующее толкованіе: „Сказанное *Богъ любитъ его* относится къ Хазарамъ, которые пойдутъ и опустошатъ Вавилонію; пророкъ же называетъ Хазарскій народъ любимцемъ Божиимъ“. Немного ниже въ означенномъ комментаріи написано: „Сказанное пророкомъ *онъ сотворитъ волю его*, означаетъ волю Божию; если будешь толковать это мѣсто на Хазаръ, то тебѣ придется принять, что смыслъ этого мѣста таковъ, что они (Хазаре) совершатъ волю Создателя надъ Вавилонянами.“

По всей вѣроятности, комментарій этотъ составленъ въ VIII столѣтіи, во время ожесточенныхъ войнъ за Кавказъ между Хазарами и арабскими халифами, имѣвшими свою столицу въ Багдадѣ, въ древней Вавилоніи, и неизвѣстный комментаторъ надѣялся, что его единовѣрцы, іудейскіе Хазаре, выйдутъ побѣдителями изъ означенныхъ войнъ. Какъ намъ извѣстно изъ арабскихъ, армянскихъ и грузинскихъ источниковъ, въ продолженіе VIII вѣка побѣда неоднократно оставалась за Хазарами въ борьбѣ съ мусульманами въ Закавказскомъ краѣ и на Кавказѣ, и только послѣ долгихъ и напряженныхъ усилій исламу удалось окончательно утвердиться въ этихъ странахъ.

IV.

Нѣкоторыя мимоходныя указанія о Хазарахъ въ другихъ экзегетическихъ и лексикографическихъ сочиненіяхъ также не лишены интереса, хотя они не всегда намъ понятны. Такъ напр., *Саадія Аль-фраюми* (жилъ въ первой половинѣ X вѣка въ Вавилоніи) приводилъ въ своемъ арабскомъ комментаріи на книгу Исходъ для сравненія съ прозваніемъ египетскихъ царей *фараонами*, что подобно тому всѣ арабскіе цари называются *халифами* и хазарскіе цари *хаканами*. Мы въ самомъ дѣлѣ знаемъ изъ арабскихъ и русскихъ извѣстій и изъ разныхъ географическихъ

именъ въ южной Россіи, что хазарскіе владетелины назывались *хаканами*, и что по этой причинѣ въ древне-русскихъ источникахъ иногда и кіевскіе великіе князья прозываются *хаканами*. Въ библейско-арабскомъ словарѣ *Дауда Аль-Фаси* (изъ Феца въ Африкѣ, жилъ также въ X столѣтіи), подъ словомъ *Ашкенназъ* сказано: „это имя человѣка, отъ котораго произошли хазарскія племена, называемыя также Франками“, а въ другомъ мѣстѣ своего словаря авторъ этотъ говоритъ, что названіе *Ифета* указываетъ на обширность: „Какъ мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что страна Хазарская обширна по объему.“ Очевидно, что и здѣсь подъ *Хазарской страной* разумѣется вся Европа. Причина, почему у Аль-Фаси Европа и Хазарія одно и то же, до сихъ поръ еще не разъяснена. Выпеупомнутый караимскій авторъ *Іаковъ* въ своемъ комментарий на 47-ую главу кн. пророка *Езекииля* говоритъ слѣдующее: „Сказанное у пророка *Захаріи въ Асдодъ возседеть чужой*, относится къ Хазарамъ, которые примутъ вѣру Божію въ изгнаніи; они происходятъ изъ одной (чит. *чужой*) земли, но въ изгнаніи не переносили никакихъ страданій, ибо они храбры, владѣютъ государствомъ и не платятъ дани другимъ народамъ.“ Объясненіе этого мѣста требовало бы обстоятельное изложеніе отношеній караимскихъ авторовъ къ факту принятія Хазарами іудейства, что завлекло бы меня далеко за предѣлы настоящаго заявленія.

V.

Самымъ же главнымъ и важнѣйшимъ приобрѣтеніемъ между рукописями Имп. Публичной Библиотеки слѣдуетъ считать документъ, который, по моему мнѣнію, имѣетъ для древней исторіи и географіи нашего отечества громадное значеніе и, нисколько не уступая относительно важности сообщаемыхъ въ немъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ данныхъ о южной и восточной Россіи сочиненіямъ императора *Константина Багрянороднаго*, новый документъ еще превосходитъ послѣднія тѣмъ, что онъ писанъ въ самой Россіи и составленъ лицомъ, которому доступны были самыя достовѣрныя и самыя богатыя историческія и современныя свѣдѣнія, имѣвшіяся въ Россіи въ началѣ второй половины X столѣтія. Къ сожалѣнію, изданіе означеннаго документа въ текстѣ съ русскимъ переводомъ должно ступить въ *Трудахъ Восточ. Отдѣл. Имп. Русск. Археол. Общества*, по независящимъ отъ меня причинамъ замедлилось, но я надѣюсь, что до будущаго археологическаго съѣзда оно будетъ уже въ рукахъ гг. членовъ интересующихся подобнаго рода документами. Я говорю про письмо Хазарскаго царя *Іосифа* къ *Хосдаи Ибнъ-Шапруту*, исполнявшему должность министра финансовъ

при испанскомъ халифѣ Абдуррахманѣ III въ Кордовѣ. Означенное письмо написано около 960 года по Р. Х., въ то время когда Хазаре владѣли еще обширными областями по Волгѣ, на Кавказѣ и въ Крыму, и когда Святославъ еще не успѣлъ нанести рѣшительнаго удара ихъ политическому господству. До сихъ поръ было оно извѣстно только по сокращенному изданію, появившемуся въ 1577 году, значить ровно 300 лѣтъ тому назадъ. Въ этомъ сокращеніи пропущены тѣ историческія и географическія подробности, которыя не имѣли цѣны въ глазахъ константинопольскаго издателя, но должны интересоватъ насъ въ высшей степени, какъ напр.: названіе народа, господствовавшаго въ южной Россіи до появленія Хазарь; исчисленіе городовъ и областей, входившихъ въ составъ Хазарскаго государства въ половинѣ X столѣтія, равно какъ и перечень окружающихъ Хазарію народовъ и племенъ, платившихъ дань послѣдней, и т. п. Не знаю какъ на другихъ, а на меня это почти полное отсутствіе собственныхъ именъ географическихъ и этнографическихъ въ бывшей до сихъ поръ извѣстной редакціи нашего документа производило какое-то странное впечатлѣніе, въ виду того, что испанскій министръ убѣдительнѣйше проситъ хазарскаго хакана сообщить ему эти подробности. Это какъ бы если мы, въ исполненіе просьбы дальнаго иностраннаго общества о присылкѣ обстоятельныхъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Россіи, прислали бы этому обществу нѣмую карту Россіи, на которой занесены два, три имени не главныхъ однако географическихъ и этнографическихъ группъ, а второстепенныхъ или третьестепенныхъ городковъ и инородческихъ именъ. За неимѣніемъ лучшаго объясненія, я всегда предполагалъ, что царь Іосифъ изъ политическихъ видовъ не желалъ входить въ подробности относительно Хазаріи; но это объясненіе во всякомъ случаѣ неудвлетворительно, ибо какая польза скрывать отъ дальнаго испанскаго единовѣрца то, что должно было быть хорошо извѣстно сосѣднимъ народамъ: Византіянамъ, Руси, Болгарамъ и т. д.? Нынѣ же оказывается, что нашъ документъ дѣйствительно заключалъ обстоятельныя свѣдѣнія о Хазаріи, но свѣдѣнія эти пропущены были или издателемъ, или же писцомъ той копіи, по которой текстъ былъ напечатанъ.

Для примѣра приведу два, три мѣста изъ новооткрытаго полнаго текста.

1. „Въ странѣ (говоритъ хазарскій хаканъ), занимаемой мною, жили когда-то *Венеитеръ*, или *Ванантаръ*), и пришли наши предки Хазаре и воевали съ ними; *Венеитеръ* были многочисленны какъ песокъ на морскомъ берегу; они однако не могли устоять противъ Хазарь, почему они должны были оставить свою землю и убѣжать. Хазаре же преслѣдовали ихъ, пока не отгѣснили ихъ къ рѣкѣ *Дуна*, такъ что они (*Венеитеръ*) по сіе время живутъ по рѣкѣ *Дуна*, въ сосѣдствѣ съ Константиною; Хазаре же завладѣли ихъ землею, которая находится въ ихъ владѣніи по нынѣшній день“.

Не можетъ, кажется, быть сомнѣнія въ томъ, что тутъ рѣчь идетъ о Славянахъ, поселившихся на Дунаѣ вслѣдствіе пришествія Хазаръ и распространенія хазарскаго господства въ южной Россіи. Въ имени *Венетеръ* можно узнать названіе *Вендъ*, *Венетъ*, подъ которымъ Славяне были извѣстны какъ на западѣ, такъ и финскимъ народамъ (послѣдніе, какъ извѣстно, называютъ Русскихъ *Venäjä*). Слѣдуетъ ли слово *Винтъръ* читать *Венет-аръ* (при чемъ окончаніе *аръ* означало бы тюркское слово *мужъ*), или же *Венет-тиръ* (въ какомъ случаѣ окончаніе *тиръ* было бы финской приставкой)—я оставляю рѣшить гг-мъ тюркологамъ и финологамъ.

2. „Ты меня спрашиваешь, пишетъ Іосифъ, о моей землѣ и о протяженіи моего государства—увѣдомляю тебя, что я живу при рѣкѣ *Итиль*. При концѣ этой рѣки находится море *Джорджанъ* и т. д. По этой рѣкѣ живутъ многіе народы въ городахъ и селахъ, въ открытыхъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ; вотъ названія ихъ: *Буртасъ*, *Булгаръ*, *Суваръ*, *Арису* (вѣроятно Эрзяне), *Цармисъ* (Черемисы), *Венетитъ* (или *Валантатъ*, мож. быть Вотяки) *Северъ* (или *Саваръ*, *Сууръ*) и *Славіунъ* (Словѣне). Каждый изъ этихъ народовъ многочисленъ и всѣ они платятъ мнѣ дань“.

Вмѣсто всего этого въ сокращенной копіи сказано: „По рѣкѣ (имя ея не названо) живутъ девять многочисленныхъ народовъ,“ при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что эпитоматоръ включилъ также названіе рѣки *Итель* въ число народовъ.

3. „Знай и примѣчай, говоритъ Іосифъ въ другомъ мѣстѣ, что я живу при устьи названной рѣки, и съ помощью Божию охраняю входъ въ нее и не даю Русскимъ, прибывающимъ на корабляхъ, вступить въ (Каспійское) море и добраться до Измаильтянъ (т. е. мухаммеданъ). Равнымъ образомъ не позволяю я непріятелямъ на сушѣ вступить въ *Ворота* (*Дербендъ* назывался тогда *Баб-аль-Абвабъ* = ворота воротъ), и изъ за этого я воюю съ ними; еслибъ я бы хотъ разъ дозволилъ бы имъ (Русскимъ), то они опустошили бы всю землю Измаильтянъ до Багдада“.

Точно также и это мѣсто испорчено въ печатномъ текстѣ.

Изъ этихъ примѣровъ вы можете, мм. гг., усмотрѣть какой интересъ представляетъ новооткрытый полный текстъ письма Іосифа, и какъ полезна будетъ для древней исторіи и географіи Россіи учено-критическая разработка его, требующая однако содѣйствія специалистовъ по разнымъ отраслямъ науки отечественныхъ древностей. Лишу себя надеждой, что и гг. члены Съѣзда не откажутъ мнѣ въ ихъ просвѣщенномъ вниманіи и въ полезныхъ указаніяхъ, за что имѣю честь уже заранѣе выразить имъ мою глубокую признательность.

Кто были четыре тюркскія племена, которыя разбили, по свидѣтельству Масуди, Грековъ въ 934 г. подъ стѣнами Валендара и гдѣ находился этотъ городъ?

Ф. К. Бруна.

(Чтано въ засѣданіи 9 августа. См. Протоколы, стр. LXIX).

Въ настоящее время, когда заря лучшей будущности открывається для Болгаріи, всѣ вопросы, касающіеся исторіи этой страны, еще болѣе прежняго будутъ признаны достойными вниманія русской публики и въ особенности гг. членовъ Съѣзда, состоявшагося въ городѣ, который лежитъ въ странѣ, откуда нѣкогда угрскіе Болгары переселились на Балканскій полуостровъ. Покоривъ обитавшихъ тамъ съ давнихъ поръ Славянъ и съ ними смѣшавшись, они ихъ соединили въ одно политическое тѣло подъ названіемъ Болгаріи, потому что, какъ справедливо замѣтилъ авторъ прекраснаго сочиненія недавно вышедшаго (Jireček, Gesch. d. Bulgaren), названіе государства всегда сильнѣе имени народа. Примѣрами могутъ служить между прочимъ названія: Ломбардія, Франція, имперія Восточно-Римская, Австрійская и Россійская.

Къ сожалѣнію ученые еще расходятся въ мнѣніи касательно продолжительности періода, въ теченіе котораго угрскіе завоеватели Болгаріи совершенно ослаблились, и многіе *частные* вопросы, относящіеся къ сему времени, донинѣ не рѣшены окончательно.

Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ подробный, но весьма запутанный рассказъ Масуди (франц. переводъ, II, 58—64) о жестокомъ пораженіи, нанесенномъ Грекамъ и служившимъ въ ихъ войскѣ христіанамъ, около 320 года гижры или въ 934 году нашей эры, подъ стѣнами Валендара или Белендера и о взятіи этого большаго города соединенными силами четырехъ тюркскихъ племенъ, которыя, обитая къ западу отъ Аланіи въ сосѣдствѣ Хазаріи, жили тогда въ мирѣ

съ царями обѣихъ этихъ странъ. По чтенію, принятому французскимъ переводчикомъ „Золотыхъ луговъ“, имя перваго гласило „Yudjni“, затѣмъ слѣдовало племя „des Bedjgards“, сосѣдственное племени „des Bedjnaks“, самому воинственному, смежному въ свою очередь съ четвертымъ племнемъ „des Nenkerdehs“.

Въ статьѣ мною помѣщенной въ нынѣшнемъ году въ XXIII томѣ „Записокъ“ Новороссійскаго университета, я пытался доказать, что подъ различными вариантами имени четвертаго племени, съ которымъ наши оріенталисты странствовали отъ Новгорода до Ломбарскіи, скрываются Серебряные или Нукратскіе Болгары нашихъ лѣтописцевъ (Григорьевъ, Россія и Азія, 91) (1). Въ то же время я полагалъ, что Масуди подъ племенемъ Яджни могъ разумѣть тѣхъ изъ Мадьяровъ, которые еще до выхода ихъ соотечественниковъ изъ области Атель-Кузу, по свидѣтельству императора Константина Багрянороднаго, переселились на границу Персіи и тѣмъ не менѣе остались въ сношеніяхъ съ дунайскими ихъ братьями, которыхъ Масуди здѣсь явно имѣлъ въ виду подъ своими *Беджгардами*, подобно тому какъ онъ подъ *Беджнаками* не могъ не разумѣть Печенѣговъ.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что подъ христіанскими союзниками Грековъ, вооруженными копіями по арабски и которыхъ Турки тщетно пытались склонить на свою сторону, Масуди могъ только разумѣть Болгаровъ уже превратившихся въ Славянъ, въ противоположность ихъ соотечественникамъ, обитавшимъ въ Добруджѣ, той именно области, чрезъ которую должны были пробраться приведенныя тюркскія племена въ своемъ нападеніи на Грецію (Jireček, 131).

Настоящій ихъ походъ совпадалъ съ нападеніемъ Турокъ на Константинополь же, упомянутымъ Византійцами подъ тѣмъ же 934 годомъ. Изъ свидѣтельства Масуди мы усматриваемъ, что въ этой кровавой драмѣ главную роль играли Печенѣги, тогда какъ до сихъ поръ полагали (напр. гг. Гильфердингъ, Ram-

(1) Послѣдніе принадлежали къ той ордѣ, которая, по смерти Кубрата, подъ сыномъ его Котрагомъ изъ окрестностей Фанаторіи перебралась къ берегамъ Волги, тогда какъ братъ его Батбаи или Баянъ, съ своею ордою, или т. н. *Черные Болгары* Константина, остались въ Кубанской своей родинѣ, признавая впрочемъ надъ собою верховную власть Хазарь. Въ нихъ то я, въ приведенной статьѣ, узнавалъ обитателей 9-ти хазарскихъ климатовъ, и также, едва ли не ошибочно 9 могущественныхъ племенъ, упомянутыхъ въ письмѣ хазарскаго царя къ министру Абдурахмана III; ибо я тогда еще не имѣлъ случая видѣть подробнѣйшую редакцію сего письма, открытую г. Гаркави въ Чуфутъ-Кале и въ которой вмѣсто 9-ти исчислены 8 племенъ, которыя уже не могли помѣститься на Кубани. По крайней мѣрѣ я теперь въ томъ убѣдился, что рукопись, въ которой заключается это письмо, относится ко времени, гораздо древнѣйшему, чѣмъ я полагалъ; но, по незнанію еврейскаго языка, долженъ предоставить компетентнымъ судьямъ опредѣленіе отношенія, въ какомъ она находится къ печатанному тексту письма Хазарскаго царя.

baud, Jireček и другіе), что дѣйствующими въ ней лицами были исключительно паннонскіе Мадьяры, потому что современные византійскіе авторы ихъ-то именно называютъ Турками, а это быть можетъ потому, что господствовавшая у нихъ династія была не угрская, но тюркская.

Но, если взять во вниманіе, что нѣсколько мѣсяцевъ прежде тѣ же Мадьяры были разбиты на голову Нѣмцами близъ Мерзебурга (933 г.) и что они лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ едва ли въ такой нумерической силѣ ворвались въ Венгрію, какъ полагаетъ Hunfalvy (Ethnogr. v. Ungarn, p. 265; сравн. Dümmler, Gesch. Otto des Grossen, 591: „mit sehr gelichteten Reihen“), то кажется, что современный арабскій авторъ былъ совершенно правъ, когда намъ передалъ, что Мадьяры только съ помощью Печенѣговъ и другихъ Тюрковъ могли овладѣть городомъ, ими названнымъ Белендеромъ, вѣроятно потому, что этотъ городъ имѣлъ то же названіе у жителей той части Болгаріи, гдѣ тогда еще преобладалъ угрскій элементъ.

По этому должно думать, что и Масуди подъ своимъ Белендеромъ передалъ намъ угрское названіе не Адрианополя, какъ обыкновенно полагаютъ, но лежащей между Варною и Шуменомъ (Шумла) резиденціи болгарскаго царя, т. е. *Прѣслава*, (нынѣ Эски-Стамбуль, древній Маркіанополь), тѣмъ болѣе, что по его же свидѣтельству большой городъ Белендеръ также лежалъ на границѣ Греціи, между моремъ и горами.

Правда, что въ этой, т. е. сѣверо-восточной части Болгаріи, въ X столѣтіи были извѣстны Византійцамъ славянскія топографическія названія, какъ то Переклавія, Конопа, Преславецъ, Плискова, Дичина; тѣмъ не менѣе всѣ эти мѣстности должны были тогда же называться иначе на языкѣ угрскихъ завоевателей сего края, такъ какъ въ немъ-то именно тогда еще они преобладали, хотя въ другихъ, т. е. въ забалканскихъ частяхъ основаннаго ими государства, азіатскій его характеръ сохранился развѣ только въ придворномъ этикетѣ и въ образѣ правленія. По крайней мѣрѣ мы узнаемъ отъ Константина Багрянороднаго, что еще въ его время даже къ сыновьямъ болгарскаго царя примѣняли титулы Канарти-кинъ и Быль-тарханъ, главныхъ же сановниковъ называли *былями* или *болиадами*.

Всѣ эти имена, какъ справедливо замѣчаетъ Гильфердингъ (Собр. Соч. I, 118), происхожденія не славянскаго, но угрскаго, или же заимствованы Уграми у Турокъ: ибо они встрѣчаются какъ у Волжскихъ Болгаровъ такъ и у Хазаровъ, не исключая титула Канарти-кинъ, отъ объясненія котораго Гильфердингъ отказывается. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что на хазарскомъ нарѣчій титулъ старшаго сына болгарскаго царя гласилъ бы Кендеръ-ханъ, подобно тому, какъ въ титулѣ младшаго (Быль-тарханъ) и главныхъ сановниковъ

(биль, буль, буля) отзывается древнѣйшее название столицы Волжской Болгаріи „Биляръ“, преобразованное затѣмъ уже въ *Булгаръ* (Хвольсонъ, Ибнъ-Даста), равно какъ и имя хазарскаго царя Булапъ, который съ приближенными принялъ еврейскую религію, и название древнѣйшей столицы его государства—Баланджаръ (Болганджаръ, Беленджеръ). И такъ оказывается, что городъ этотъ не однимъ только случайнымъ созвучіемъ именъ, но и по значенію напоминаетъ намъ угрское названіе Прѣслава, резиденціи болгарскаго царя Бориса и его боляръ,—Белендеръ.

Легко могло стать, что при нападеніи Турокъ на этотъ городъ, обитавшіе въ его окрестностяхъ Болгары отчасти имъ содѣйствовали вслѣдствіе междоусобій, терзавшихъ ихъ родину при слабомъ сынѣ Симеона, подобно тому, какъ въ послѣднихъ годахъ его царствованія русскій великій князь Святославъ быстрымъ покореніемъ „сѣверной, коренной области его государства“, какъ выражается Гильфердингъ (стр. 143), обязанъ былъ тому обстоятельству, что тамъ нашелъ содѣйствіе въ туземцахъ, „негодовавшихъ на дружбу царя съ Греками и жалѣвшихъ о старыхъ воинственныхъ временахъ Болгаріи“.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

ПРОГРАММА

ПО ПРЕДМЕТУ КАФЕДРЫ „ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ИСКУССТВЪ“ (*).

П. В. Павлова.

(Читана въ засѣданіи 15 августа. См. Протоколы, стр. СІХ—СХІІ).

ТЕОРИЯ ИСКУССТВА (*).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Постепенное развитіе исторической науки. Историческіе методы, въ особенности *археологическіи*. Исторія искусства въ обширномъ смыслѣ (археологія, иначе монументальная исторія). Исторія искусства въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. изящнаго искусства) (**). Отношеніе исторіи изящнаго искусства къ исторіи искусства въ обширномъ смыслѣ (археологіи). Теорія изящнаго искусства, ея назначеніе и отношеніе къ исторіи изящнаго искусства.

ОСНОВАНІЯ ТЕОРИИ ИЗЯЩНАГО ИСКУССТВА (ЭСТЕТИКИ).

Отличіе изящнаго въ искусствѣ отъ изящнаго въ природѣ. Врожденное человѣку стремленіе къ изящному и происходящая отсюда необходимость

(*) Программа хотя и касается всѣхъ искусствъ не только изящныхъ, но и механическихъ (ремесль), въ ихъ произведеніяхъ, удовлетворяющихъ насущнымъ потребностямъ первой необходимости, но сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на искусствахъ изящныхъ, особенно пластическихъ.

(**) Всѣ вопросы, входящіе въ составъ содержанія программы теоріи изящнаго искусства, должны быть объяснены путемъ опытнаго метода индуктивно, на основаніи положительныхъ данныхъ.

Теорія изящнаго искусства, планъ которой предлагается, согласована въ принципѣ съ научными воззрѣніями извѣстнѣйшихъ ея представителей, на которыхъ указано ниже, въ концѣ статьи озаглавленной «литература эстетики» (последней въ теоретическомъ отдѣлѣ программы).

(*) Опредѣленіе археологіи въ смыслѣ монументальной исторіи (бытовой и художественной), было предложено авторомъ программы на III-мъ археологическомъ съѣздѣ.

изящнаго искусства. Творчество, болѣе или менѣе самосознательное—коллективное (племенное, народное) и индивидуальное, непосредственное и рефлективное. Моменты творчества: во 1-хъ художественное вдохновеніе или художественное воодушевленіе (настроеніе эстетическаго чувства)—серьезное и юмористическое; во 2-хъ художественное концепированіе (силою ума и фантазіи), въ 3-хъ художественное исполненіе (при помощи воли). Необходимость соединенія всѣхъ трехъ моментовъ творчества въ художникѣ. Бездарность, талантъ, гений.

Продукты творчества. Идеаль и его виды. Художественное произведеніе: во 1-хъ со стороны выраженія сюжета въ опредѣленныхъ типахъ и характерахъ; во 2-хъ—со стороны формы.

Художественная техника. Роды и виды изящнаго искусства: поэзія; искусства пластическія—архитектура, скульптура, живопись; музыка—вокальная и инструментальная (о послѣдней вкратку, въ самыхъ общихъ чертахъ). Отличіе изящныхъ искусствъ отъ механическихъ.

Практическое значеніе искусства. Призваніе художника. Плодотворность специальности въ искусствѣ. Значеніе временнаго упадка искусства. Способность искусства въ постоянному возрожденію. Эстетика даетъ только принципы (теоретическіе масштабы), для оцѣнки изящныхъ произведеній, но не творитъ ни художника, ни истиннаго критика созданій искусства. Художество, во всей его полнотѣ, можетъ быть познано и понято только въ его исторіи.

ЛИТЕРАТУРА ЭСТЕТИКИ.

(Теоріи изящнаго прежняго времени, преимущественно теоріи поэзіи и замѣчательнѣйшія новѣйшія эстетики).

Эстетическія ученія классической древности: Платонъ и Аристотель, Гораций, Лонгинъ. Классическая теорія новаго времени: Торквато Тассо какъ теоретикъ, Буало, Мармонтель, Батте и Лагарпъ. Эстетическія умозрѣнія нѣмецкихъ философовъ: Кантъ (послѣдователемъ ученія котораго является Шиллеръ). Шеллингъ, Гегель. Эстетическая критика нѣмцевъ (въ противоположность французскому классицизму): Винкельманъ, Лессингъ, Гердеръ и Гёте, какъ теоретики; Жанъ Поль Рихтеръ, Англичанинъ Джонсонъ, Дидеротъ. Новѣйшія попытки установить болѣе правильное, научное пониманіе изящнаго искусства: Прудонъ, Тэнъ. Заключение.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ
(преимущественно пластических)⁽¹⁾.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.
ЯЗЫЧЕСКОЕ ИСКУССТВО.
ХАРАКТЕРЪ ЯЗЫЧЕСКАГО ИСКУССТВА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Замѣтка о значеніи языка, преданія и письма въ исторіи культуры. Человѣческія племена и ихъ первобытное состояніе въ доисторическое время: 1) періодъ каменныхъ орудій; 2) періодъ бронзовыхъ орудій; 3) начало періода желѣзныхъ орудій—у Финновъ, Скивовъ и Сарматовъ, древнѣйшихъ Грековъ, Кельтовъ, Германцевъ, Литовцевъ, Славянъ (преимущественно Чеховъ и Моравовъ, Поляковъ и только отчасти русскихъ Славянъ по причинѣ неразработанности предмета). Дивари, которыхъ бытъ напоминаетъ собою неразвитое общественное состояніе человѣчества, въ періодъ каменныхъ орудій (напр. Негритосы новой Голландіи). Монументы первобытной Океаніи (острововъ Отаити, острововъ Пасхи), соотвѣтствующіе памятникамъ конца каменнаго періода (характеризуемаго, въ Европѣ свайными постройками). Памятники первобытной Америки—мексиканскіе, центрально-американскіе и перуанскіе, соотвѣтствующіе позднѣйшимъ вещественнымъ остаткамъ бронзоваго періода. Попытка типическаго изображенія первобытнаго образа жизни человѣческихъ племенъ: бытъ скитальческій (во времена древнѣйшихъ народопереселеній); бытъ бродящихъ звѣролововъ—охотниковъ (Индѣйцевъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, также дивихъ обитателей африканскихъ пустынь и степей⁽²⁾), и рыболововъ прибрежій острововъ Океаніи и сѣверныхъ полярныхъ странъ); бытъ кочевыхъ скотоводовъ (среднеазиатскихъ Монголовъ). Великое значеніе момента зачатковъ письменности и просвѣщенія въ исторіи человѣчества. Переходъ къ историческому времени.

Въ заключеніе замѣтка о важномъ значеніи этнографическихъ коллекцій, въ особенности для объясненія предметовъ, хранящихся въ музеяхъ доисторическихъ первобытныхъ древностей⁽³⁾.

⁽¹⁾ Пособіемъ при объясненіи памятниковъ, бытовыхъ и чисто-художественныхъ (изящныхъ), должны служить ихъ наглядныя изображенія. Лучшимъ художественнымъ атласомъ (Kunstatlas)—атласъ Любке.

При составленіи историческаго отдѣла программы были приняты къ руководству, въ его фактической части, сочиненія по предмету исторіи искусства: Авг. Клемма „Culturgeschichte“, Вейса, Шнаазе, Куглера, Любке, Юлія Брауна, Карьера, Дункера и др., разныя иллюстрированныя изданія, художественныя атласы, также художественныя коллекціи Эрмитажа.

⁽²⁾ Бушменовъ, Готтентотовъ и др.

⁽³⁾ «Планъ археологическаго музея, при университетѣ»—рефератъ, представленный на III-й археологическій сѣздъ составителемъ программы.

ВОСТОКЪ.

ХАРАКТЕРЪ ВОСТОЧНАГО ИСКУССТВА⁽¹⁾.

К И Т А Й.

Характеръ Китайцевъ и китайскаго искусства.

Страна и народъ, т. е. 1) вліяніе природы—положенія мѣстности, ея величины, очертанія и внутреннихъ водъ, почвы, климата, естественныхъ произведеній; 2) культурно-историческая характеристика народа⁽²⁾. Вещественные памятники быта (бытовые памятники), составляющіе матеріальную обстановку быта, въ ихъ зависимости отъ природы и общественныхъ отношеній: 1) орудія труда; 2) одежда, жилища, утварь—при чемъ, при разсмотрѣніи посуды, кухонной и столовой, на сколько возможно, и о пиццѣ, средства передвиженія, монета; 3) военное искусство—фортификація и вооруженіе⁽³⁾.

Изящное искусство. Характеръ поэзіи. Зданія и произведенія ваянія и живописи (большою частію позднѣйшаго времени). Вліяніе природы и общественныхъ отношеній на изящныя произведенія Китая⁽⁴⁾.

Характеристика современнаго китайскаго искусства. Замѣтка о Японіи: о странѣ и народонаселеніи, народномъ бытѣ, житейской обстановкѣ и художествѣ.

Е Г И П Е Т Ъ.

Характеръ Египтянъ и египетскаго искусства.

Страна и народъ. Бытъ. Вещественная житейская обстановка.

⁽¹⁾ Въ техническомъ отношеніи главное восточное искусство, преобладающее надъ прочими—архитектура представляется пирамидальною.

По своему внутреннему духовному значенію художественные монументы востока отличаются преобладаніемъ природы, плоти надъ духомъ, фантазіи надъ умомъ.

⁽²⁾ Подъ рубрикою «страна и народъ (народонаселеніе)» предполагается: 1) объясненіе вліянія мѣстной природы на народонаселеніе и 2) культурно-историческій очеркъ—для всѣхъ народовъ, объ исторіи искусства которыхъ идетъ рѣчь въ программѣ.

⁽³⁾ Тѣ же предметы вещественной обстановки быта, въ ихъ соотношеніи съ внѣшней, естественной средой и общественными условіями, подразумѣваются вездѣ въ программѣ подъ рубрикою: вещественные памятники быта (матеріальная обстановка быта или бытовая, житейская обстановка). Собственно житейская обстановка Китайцевъ будетъ болѣе этнографическая, нежели археологическая (по причинѣ недостатка и неразработанности данныхъ).

⁽⁴⁾ Рубрика «вліяніе мѣстной природы и общественныхъ отношеній на произведенія изящнаго искусства» относится въ одинаковой степени къ художественнымъ созданіямъ всѣхъ народовъ, о которыхъ говорится въ программѣ.

Изящное искусство Египта. Мемфисскій періодъ до нашествія Гиксовъ и во время ига Гиксовъ: мемфисскія пирамиды⁽¹⁾, обелиски, гробницы въ Бени-Гассанѣ. Оивскій періодъ: оивскія гробницы и храмы—луксорскіе и карнакскіе, обелиски. Пубійскіе монументы. Абиссинскіе памятники (два обелиска). Египетское ваяніе: сфинксы и колоссы. Живопись Египтянъ. Замѣтка о единоплеменникахъ Гиксовъ—древнихъ Арабахъ и памятникахъ первобытной Аравіи (въ связи съ монументальными остатками древней Сиріи).

МЕСОПОТАМІЯ.

Характеръ обитателей Месопотаміи и ихъ искусства. Страна и народонаселеніе.

Преданія о памятникахъ древняго вавилонскаго царства. Древнеассирійская держава. Новоассирійскіе монументы близъ Мосула (1000—600 г. до нашей эры). Основанныя на нихъ соображенія о бытѣ, житейской обстановкѣ и изящномъ искусствѣ Ассиріянъ (отчасти позднѣйшихъ Вавилонянъ).

Замѣтка о монументальныхъ остаткахъ новаго Вавилонскаго царства.

Ф И Н И К І Я.

Характеръ Финикіянъ и финикійскаго искусства. Страна и народъ.

О памятникахъ Финивіи (о капищѣ на островѣ Гоцо, объ изображеніи финикійскаго храма на кипрскихъ монетахъ и о нѣкоторыхъ другихъ остаткахъ вещественныхъ финикійскихъ древностей).

О бытовой обстановкѣ Финикіянъ (отчасти на основаніи монументальныхъ данныхъ Египта и Ассиріи).

Характеръ финикійскаго художества.

Замѣтка о памятникахъ Каррагена.

Е В Р Е И.

Характеръ Евреевъ и еврейскаго искусства.

Страна и народъ.

Вещественная обстановка быта Евреевъ.

Изящное искусство, его характеръ. Поэзія.

Причина недостаточнаго развитія ваянія и живописи у Евреевъ.

Вѣроятнѣйшая гипотеза объ архитектурнѣ свиніи и храма Соломона.

⁽¹⁾ Изъ памятниковъ приведены такіе, изъ разсмотрѣнія которыхъ ясно видно, какъ слѣдуетъ понимать систему памятниковъ, бытовыхъ и изящныхъ, съ эстетической точки зрѣнія, у того или другаго народа, ея отношеніе къ жизни и ея значеніе въ цѣломъ культурно-историческомъ развитіи.

И Н Д І Я.

Характеръ Индійцевъ (Индусовъ) и индійскаго искусства.

Замѣтка о вещественныхъ памятникахъ быта.

Изящное искусство и его исторія; Поэзія. Періоды развитія пластическаго искусства. I-й періодъ (отъ древнѣйшихъ временъ до III-го в. предъ Р. Хр.), извѣстный только отчасти по преданіямъ. II-й періодъ (отъ III в. предъ Р. Хр. до новыхъ временъ), представляющій четыре эпохи развитія: 1-я эпоха (отъ III стол. предъ Р. Хр. до IV в. по Р. Хр.)—топа Санчи и храмъ Карли, рельефъ топы Санчи; 2-я эпоха (отъ IV в. по Р. Хр. до VII стол.)—пещерный храмъ въ Баугѣ и паняхскій храмъ въ Тибетѣ; 3-я эпоха (отъ VII в. до XIII стол.)—пещерный храмъ Элефантинскій и магамалайпуранскій монолитный подземный храмъ; рельефы—аллорскій и магамалайпуранскій; 4-я эпоха (отъ XIII в. до послѣднихъ временъ). Памятники индійской живописи и ея характеръ.

Замѣтка о монументахъ Цейлона, Явы, Непала и Пегу.

Вліяніе Индіи и ея искусства на Китай, Японію и среднюю Азію—во времена буддизма.

И Р А Н Ъ.

Характеръ обитателей и искусства Ирана.

Страна и народонаселеніе.

Преданія о Бактрѣ. Извѣстія о древней Эвбатанѣ (въ Атропатенѣ).

Монументы персидскаго искусства: остатки Персепольскаго дворца (сорокъ столбовъ) и царскія гробницы близъ Персеполя.

Соображенія о бытовой обстановкѣ Мидянъ и Персовъ.

Персидское художество—до Сассанидовъ включительно.

М А Л А Я А З І Я.

Характеръ обитателей и искусства Малой Азіи. Замѣтка о вещественныхъ памятникахъ быта Малоазіатцевъ. Уцѣлѣвшіе художественные монументы: гробница Тантала въ Лидіи; гробница Мидаса во Фригіи; гробницы въ Мирѣ и Кіане-Ягу въ Ликии; также другіе памятники (недавно открыты) (¹).

(¹) Въ предлагаемой программѣ народы востока и культурно-монументальныя древности, ихъ характеризующія, разгруппированы по этнографическо-лингвистическому принципу.—Будучи нравственно равными, расы человѣскія тѣмъ не менѣе, по своей антропологической организаціи, являются въ исторіи менѣе совершенными или болѣе совершенными, менѣе активными или болѣе активными: какъ Малайцы оказываются въ исторіи болѣе развитыми и активными, нежели Негры, а краснокожіе америкавцы, напр. Мексиканцы и Перуанцы—болѣе совершенными и дѣятельными нежели Малайцы, такъ Монголы, напр. Китайцы съ Японцами представляютъ собою міру культуру, превосходящую образованность древней Америки, но несомнѣнно уступающую цивилизаціи бѣлой кавказской расы, въ сферѣ которой въ свою очередь Аріицы безспорно стоятъ

ЕВРОПА.

КЛАССИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО.

ХАРАКТЕРЪ КЛАССИЧЕСКАГО ИСКУССТВА (¹).

ГРЕЦІЯ.

Характеръ Грековъ и греческаго искусства.

Страна и народъ.

Пелазги. Гипотеза о времени прихода въ Грецію восточныхъ выходцевъ.

Остатки пелазгійскаго искусства: микенскіе городскіе ворота, сокровищницы, гробницы.

Эллины. Исторія искусства Эллиновъ, въ связи съ развитіемъ ихъ культуры.

1-й періодъ—героическій (со времени переселенія Эллиновъ въ Грецію до вторженія Гераклидовъ въ Пелопонесъ до исхода XII в. предъ Р. Хр.). Скудость монументальныхъ остатковъ героическаго времени. Преданія, только впоследствии записанныя,—о героическомъ бытѣ и о его обстановкѣ.

Начало эллинскаго изящнаго искусства. Эпосъ. Преданія о старобытныхъ гипетральныхъ храмахъ, о древнѣйшей рѣзбѣ, древнѣйшихъ рельефныхъ изображеніяхъ, идолахъ и зарождающемся живописаніи (разнаго рода вышиваньяхъ).

выше Семитовъ, а послѣдніе выше племень тюркскихъ. А потому, при распредѣленіи народовъ по степени ихъ антропологическаго совершенства, Семиты—Египтяне съ Гиксами, Арабами, Сирянами, потомъ Вавилоняне, Ассиріяне, Финніяне и, наконецъ Евреи, даровитѣйшіе изъ всѣхъ народовъ семитическаго происхожденія, помѣщены выше Китайцевъ, но ниже Арійцевъ—Индійцевъ, составляющихъ народонаселеніе передней Индіи, Мидявъ и Персовъ, обитателей Ирана, и наконецъ Малоазійцевъ. Малая Азія, представляющая смѣсь разнообразнѣйшихъ народовъ, сосредоточивающая въ себѣ всевозможные культурные элементы и служащая по своему географическому положенію какъ бы мостомъ изъ Азіи въ Европу, въ первыя времена цивилизаціи ознаменованная непрестанными народопереселеніями,—поставлена въ концѣ принятой въ программѣ этнографическо-археологической системы, по той простой причинѣ, что является посредствующимъ звеномъ между востокомъ и нашей частью свѣта.

(¹) Въ классическомъ мірѣ всѣ искусства, развившись по технику, являются самостоятельными, не поглощены зодчествомъ. Послѣднее однакожь все таки является точкою отправленія для всѣхъ другихъ искусствъ. Оно, въ противоположность восточной архитектурѣ, создаетъ зданія не пирамидальнаго (наклоннаго) построенія, но строя вертикальнаго, колоннаднаго (Saulenbau)—въ Греціи угловаго, въ которомъ стѣны и колонны упираются въ покрытие (антаблементъ), подъ прямымъ угломъ, а въ Римѣ, при встрѣчѣ съ антаблементомъ, образуютъ дугу по формѣ круглую, вслѣдствіе чего архитектурическая конструкція становится круглодугой (Rundbogenbau).

Въ классической Европѣ и ея искусствѣ—начало освобожденія челоѣка отъ стѣснительныхъ условій природы, духа отъ грубой чувственности, ума отъ владычества фантазіи.

II-й періодъ—историческій (отъ вторженія Гераклидовъ въ Пелопонесъ до паденія Греціи). Эпохи развитія Эллипства—въ историческое время.

1-я эпоха (отъ вторженія Гераклидовъ въ Пелопонесъ до V в. предъ Р. Хр.). Замѣтка о бытѣ этой поры и его обстановкѣ.

Изящное искусство. Поэзія: Киклики, лирическіе поэты. Архитектура: основныя черты архитектоники эллинскаго храма; ордена—дорійскій и іонійскій; остатки дорійскаго перипетральнаго храма въ Кирипеѣ; единственный уцѣлѣвшій обломокъ древнѣйшаго іонійскаго зодчества—базы колоннъ храма Геры на островѣ Самосѣ, храмъ Артемиды Эфесской половины VI в. до Р. Хр. (о которомъ сохранились только письменныя извѣстія). Вааяніе: рельефъ на монументѣ гарпій въ Ксанеѣ; статуя Аполлона тепейскаго; Эгинеты. Живопись, уже установившаяся: древнѣйшія росписанныя вазы—египтизирующія и архаическаго стиля.

2-я эпоха (V-й вѣкъ до Пелопонезской войны включительно). Полное развитіе самостоятельнаго эллинскаго быта и его обстановки.

Изящное искусство. Значеніе Эсхила и Софокла въ области поэзіи. Архитектура: храмъ Тезея; Пареополь, Эрехтейонъ, Пропилеи. Скульптура: Фидій⁽¹⁾ (фризы Пареополя; одиночныя статуи—напр. Аѳины, Зевса олимпійскаго; группы Пареополя); Полиглетъ (голова Геры). Живопись: вазы прекраснаго стиля; Аѳинская школа: Полиглотъ (фрескъ росписаннаго портика—„Мильтиадъ, совѣщающійся съ другими стратегами передъ Мараѳонской битвой“ (о которомъ, впрочемъ, сохранились только письменныя извѣстія).

3-я эпоха (отъ конца Пелопонезской войны до паденія Греціи). Развитіе роскоши въ бытѣ и его обстановкѣ (подъ вліяніемъ Востока).

Изящное искусство. Значеніе Еврипида, Аристофана и отчасти Менандра въ области поэзіи. Архитектура: развитіе коринтскаго стиля; характеристическое произведеніе—памятникъ Лисикрата. Скульптура: Скопась (его типъ Афродиты; Ніобиды), Пракситель (его типы Афродиты и вакхическіе). Миронъ и Лисиппъ (ихъ типы атлетовъ); въ заключеніе о геммахъ и камняхъ. Живопись: вазы роскошнаго стиля; школы живописи—іонійская (Зевксисъ, Парразій) и пелопонезская (Апеллесъ, ученикъ Памфила, по мнѣнію древнихъ величайшій изъ художниковъ).

Греческое искусство послѣ паденія Греціи (въ Александрійскій періодъ). Греція и Востокъ, по смерти Александра Македонскаго. Эленизированіе Востока, въ отношеніи къ его быту и обстановкѣ этого быта, съ одной стороны, и видоизмѣненіе греческаго быта и его обстановки, подъ вліяніемъ Востока, съ другой.

Изящное искусство. Особенное развитіе идиллической поэзіи (Теокритъ). Зодчество: храмъ Зевса въ Эзани (во Фригіи); надгробный памятникъ Герона въ Агригентѣ. Вааяніе этой поры: родосская школа (Лаокоонъ, Фарнезскій волъ); пергамская школа (умирающій Галлъ, встарь ложно принимаемый за кончающагося гладіатора). Живопись: вазы вычур-

⁽¹⁾ При оцѣнкѣ дѣятельности наиболѣе выдающихся художниковъ всѣхъ временъ и народовъ будутъ изложены, насколько нужно, ихъ біографія.

наго стиля; живопись метоповъ дорійскаго фриза киренской пещерной гробницы („Молодая Мавританка“); жанръ (такъ назыв. рипографія) и его замѣчательнѣйшій представитель— Пир енкъ; особенное развитіе эллинской мозаики—въ александрійскій періодъ.

Э Т Р У С С К И И.

Характеръ Этрусковъ и этрусскаго искусства.

Страна и народъ. Бытъ Этрусковъ и его обстановка.

Изящное искусство. Архитектура: особенность этрусской кладки свода; этрусскіе надгробные памятники (гробница въ Каstellачіо); тосканскій орденъ; вѣроятнѣйшая гипотеза о храмовой архитектурѣ Этрусковъ. Ваяніе: гробничные рельефы; однопочныя статуи (изваяніе оратора). Живопись: росписанныя Этрускія вазы; гробничная стѣнопись Этрусковъ.

Переходъ отъ этрусскаго искусства къ римскому.

Р И М Ъ.

Характеръ Римлянъ и римскаго искусства.

Страна и народъ. Періоды исторіи римскаго искусства, въ связи съ развитіемъ римской культуры.

I-й періодъ—италійскій (отъ основанія Рима—въ VII в. предъ Р. Хр. до половины II-го стол. предъ Р. Хр.). Римъ—подъ преобладающимъ вліяніемъ Этрусковъ. Бытъ римскій этой поры и его обстановка.

Изящное искусство. Первобытная римская поэзія (легенды, невіи, ателланы). Архитектура, скульптура и живопись въ эти времена, по своему характеру—этруско-римскія.

II-й періодъ—универсально-эклетическій (отъ половины II-го вѣка предъ Р. Хр. до Константина Великаго включительно): Римъ подъ преобладающимъ вліяніемъ греческой образованности. Римскій бытъ—въ означенный періодъ времени—эллинизированный и его обстановка. Эпохи исторіи изящнаго искусства въ это пространство времени.

1-я эпоха (отъ половины II-го в. предъ Р. Хр. до 69 г. по Р. Хр.). Двойственное направленіе поэзи: греко-римское—Плавтъ и Теренцій, Виргилій, Горацій (какъ лирикъ), Сенека (какъ трагикъ). Архитектура: римскій орденъ—композитъ; замѣчательнѣйшія зданія—пантеонъ Агриппы, храмъ Августа и Рому въ Полѣ. Скульптура: греко-римская—Аполлонъ бельведерскій, Діана версальская, Венера медичейская, Геркулесъ фарнезскій; чисто-римская—историческая и портретная (последняя весьма богатая). Живопись: помпейская.

2 я эпоха (отъ 69 г. по Р. Хр. до 193 г.). Поэзія: Ювеналь и Персій. Архитектура: колизей Веспасіана; термы Тита; колонна Траяна; мавзолей Гадриана; храмъ Антонина и Фаустины; колонна Марка Аврелія. Скульптура: типъ Антиноя (любимца Гадриана). Живопись: лучшій ея представитель—Этіонъ.

3-я эпоха (отъ 193 г. до 337 г.). Упадокъ римской литературы вообще и поэзіи въ особенности въ эту пору. Упадокъ другихъ изящныхъ искусствъ. Архитектура: развалины Пальмиры и Геліополя; дворецъ Діоклетіана въ Салонѣ; великолѣпныя постройки въ новой столицѣ, Константинополѣ; арка Константина. Скульптура: греко-римская (византійская).—Никейскій соборъ—барельефъ на аркѣ Константина; чисто-римская—религіозная, историческая и портретная. Живопись: воспроизведеніе императора Тацита, въ пяти различныхъ костюмахъ, на одной и той же картинѣ; малеванія (по случаю разныхъ официальныхъ торжествъ), развитіе мозаики въ ущербъ фресковой живописи, (остатокъ пола съ мозаическимъ изображеніемъ гладіаторскаго боя въ Неннигѣ, близъ Трира).

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО.

ХАРАКТЕРЪ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ И ХРИСТИАНСКАГО ИСКУССТВА (¹).

СРЕДНІЕ ВѢКА.

Характеръ средневѣковой цивилизаціи и средневѣковаго искусства вообще.

Начальное христіанское искусство.

(Первыхъ трехъ вѣковъ).

Характеристика первыхъ христіанъ и ихъ искусства.

Архитектоника римскихъ катакомбъ. Скульптура и стѣнопись катакомбъ: св. Калликста, св. Агнесы и св. Понтіана.

Древнехристіанское искусство.

(Съ IV в. по Р. Хр.).

Характеръ древнехристіанскаго искусства (съ IV в.).

Ступени его развитія.

А) Византійское искусство.

Характеръ Византіи и ея искусства.

Очеркъ исторіи Византійской имперіи. О вещественной обстановкѣ византійскаго быта.

Исторія изящнаго искусства Византіи.

(¹) Въ противоположность къ культурѣ языческой и магометанской, техника христіанскаго искусства развилась изъ римской.

Принципомъ христіанской цивилизаціи и христіанскаго искусства—преобладаніе человека надъ природою, духа надъ грубой, животной чувственностью, ума надъ фантазіей.

Осуществленіе этого принципа въ жизни дѣйствительно было конечно различно, въ разные времена, у тѣхъ или другихъ народовъ.

I-й періодъ (отъ начала IV до IX в.) Эпохи этого періода.

1-я эпоха (отъ нач. IV до VI в.) Зодчество: церковь св. Констанціи (въ Римѣ), мавзолей Теодорика (въ Равеннѣ), церковь св. Маріи Маджоре (близъ Неаполя) и церковь св. Стефана *rotondo* въ Римѣ; Латеранскій баптистерій (въ Римѣ), храмъ св. Виталія (въ Равеннѣ) (*).

Иконопись: мозаики хр. св. Виталія равеннскаго.

2-я эпоха (царствованіе Юстиніана и все время слѣдовавшее за этимъ царствованіемъ—до IX стол.). Зодчество: соборъ св. Софіи (въ Константинополѣ). Иконопись: мозаики св. Софіи Константинопольской (*).

II-й періодъ (съ IX в. до паденія Константинополя въ 1453 г.).

Эпохи этого періода.

1-я эпоха (съ IX ст. до XI в.) Зодчество: церк. Пресвятой Богородицы въ Царьградѣ. Иконопись: мозаики венеціанскаго собора св. Марка (относящіяся къ X вѣку).

2-я эпоха (XI и XII в.в.). Зодчество: большая часть солунскихъ церквей. Мозаики венеціанскаго собора св. Марка (относящіяся къ XII и XIII ст.).

3-я эпоха (XIII, IX вѣка и половина XV столѣтія до паденія Царьграда). Зодчество: большая часть трапезундскихъ церквей. Иконопись: мозаики венеціанскаго собора св. Марка (относящіяся къ XIII и XIV столѣтіямъ).

Заключеніе: о вліяніи Византіи на Магометанъ и Славянъ (южныхъ и восточныхъ русскихъ).

Магометанское искусство.

(какъ придатокъ къ византійскому—со стороны техники).

Характеръ магометанскаго искусства.

Аравія и Арабы. Магометъ и его религіозное ученіе.

Судьбы Ислама.

Вещественная бытовая обстановка Арабовъ—до XI в.; Турокъ—съ XI ст. (сельчукскихъ Турокъ съ XI в. до XIII ст., османскихъ Турокъ—съ XIII вѣка).

Исторія магометанскаго художества.

I-й періодъ—арабскій (VII—XI в.): какъ типическій памятникъ этого времени—Каирская мечеть (изъ самыхъ древнихъ).

II-й періодъ—турецкій (отъ XI ст. до позднѣйшихъ временъ).

(*). Хотя храмъ св. Виталія равеннскаго хронологически относится къ временамъ Юстиніана, именно къ началу царствованія этого государя, но по стилю своей архитектуры и мозаикъ, онъ болѣе принадлежитъ къ предъидущей эпохѣ.

(*). 2-ю эпоху I-го періода, по существу дѣла, естественно раздѣлить на 2 поры: 1) на пору процвѣтанія византійскаго художества, особенно при Юстиніанѣ и на пору временнаго упадка, при иконоборныхъ императорахъ.

1-я эпоха—сельчукская (XI—XIII в.): характеристическимъ монументомъ этой эпохи Иконійскій сельчукскій замокъ.

2-я эпоха—османская (отъ XIII в. до позднѣйшихъ временъ), представляющая двѣ поры.

Первая пора (отъ XIII в. до половины XV в.): мечеть въ городѣ Султаніэ и портивъ Генералифе—въ Гранадѣ.

Вторая пора (отъ половины XV в. до новаго времени): мавзолей Солимана II-го въ Константинополь, главная испаганская мечеть и Биджапурскій мавзолей.

Вліяніе магометанскаго Востока на художественную технику, преимущественно архитектурную, Арменіи и Грузіи (въ исходѣ X-го и началѣ XI вв.), Италиі (въ X в.) и Россіи (во 2-ю эпоху періода монгольскаго ига).

Б) Западно-европейское латинское искусство (¹).

Характеристика западно европейской цивилизаціи въ этотъ періодъ времени (извѣстный подъ именемъ варварскаго).

Вещественные бытовые памятники варварскаго времени.

Изящное искусство. Двойственное направленіе въ поэзіи: первобытное германское (древній германскій эпосъ), латинское (церковныя легенды и каноны). Пластическія искусства латинскія. Зодчество: начальныя христіанскія базилики или базиликообразныя христіанскіе храмы (половины III в. по Р. Хр.), сохранившіяся до нашихъ временъ базилика—базилика св. Павла, въ Римѣ (конца IV в.), базилика in classe въ Равеннѣ (конца VI ст.), позднѣйшія церкви въ томъ же стилѣ (до половины IX в.). Ваяніе: саркофагъ Юлія Басса въ храмѣ св. Петра въ Римѣ. Живопись: мозаики въ церкви св. Космы и Даміана въ Римѣ.

Католическое искусство.

Со времени раздѣленія церквей.

(Отъ половины IX в. до половины XV стол.).

Характеръ католическаго искусства.

Бытъ этого времени и его вещественная обстановка—на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія (насколько то научно возможно).

Исторія изящнаго искусства.

(¹) Западно-европейское древнехристіанское искусство принято называть латинскимъ. Правильнѣе было бы назвать его варварско-латинскимъ, ибо оно представляетъ, какъ въ жизни реальной (т. е. бытъ), такъ и въ жизни идеальной (т. е. изящномъ искусствѣ) два ряда памятниковъ—варварскіе и латинскіе (римскіе); встрѣчаются памятники смѣшаннаго характера, слѣдоват. варварско-латинскіе (особенно въ бытовой жизни).

1-й періодъ—романскій (2-я половина IX в. и X, XI, XII вѣка ⁽¹⁾). Поэзія: въ церковной средѣ. кромѣ легендъ и канонівъ, появленіе мистерій; въ области свѣтской поэзіи—трубадуры и миннезингеры. Зодчество: Мюнстеръ въ Эссенѣ; Трирскій соборъ, церк. св. Сатурнина въ Тулузѣ и соборъ св. Марка въ Венеціи; соборы Шпейерскій и Вормскій, церк. св. Яна въ Венгріи. Скульптура: парижскій складень изъ слоновой кости императора нѣмецкаго Оттона II, умерщвленіе Авеля—рельефъ съ бронзовыхъ дверей Гильдесгеймскаго собора; порталная статуя Шартрскаго собора. Живопись: „Положеніе во гробъ Богородицы“ изъ Эгбертова евангелія въ Трирѣ; „Моисей на Синаѣ“—стѣнопись церк. св. Савина; фигура Пруденціи—съ ковровъ кведлинбургской замковой церкви.

Вліяніе крестовыхъ походовъ на католическое искусство среднихъ вѣковъ.

II-й періодъ—готическій (отъ XIII в. до половины XV ст.)—XIII в.; XIV; 1-я половина XV-го в. ⁽²⁾. Поэзія: мѣщанскій эпосъ; мѣщанская пѣснь мейстерзингеровъ; мѣщанскія драматическія представленія преимущественно сатирическаго характера). Зодчество: соборъ въ Beauvais; реймскій соборъ; ц. св. Еватерини въ Оппенгеймѣ. Ваяніе: группа святыхъ барельефа реймскаго собора; фигура Христа въ Амміенскомъ соборѣ; „свиданіе Богородицы съ Елизаветой“ во Флорентинскомъ баптистеріи—Андрея Пизанскаго. Живопись: Чимабуэ.

Джіотто (стѣнопись ц. Богородицы dell' Агера въ Падуѣ, Фра-Ангелино-да-Фьезоле („Вѣнчаніе Богородицы“); нѣмецкія школы живописи—Нюренбергская и Кельнская; живопись на стеклѣ (особенно процвѣтавшая въ это время).

Западно-европейское искусство новыхъ временъ.

(Четырехъ послѣднихъ столѣтій).

Характеръ цивилизаціи и искусства новой Европы).

Быть и его обстановка у западноевропейскихъ народовъ—на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія.

Изящное искусство новыхъ временъ.

⁽¹⁾ 1-я эпоха романскаго-крещатосводнаго стиля (вторая половина IX ст. и X в.) представляетъ памятники возникновенія этого стиля, его постепеннаго развитія изъ искусства латинскаго; 2-я эпоха (XI в.)— время процвѣтанія романскаго стиля; въ 3-ю эпоху (XII ст.)—переходъ отъ романскаго стиля къ готическому («огивальному»).

⁽²⁾ 1-я эпоха готическаго стиля (XIII в.) характеризуется другою, наименѣе острой (въ которую можетъ быть мысленно вписанъ треугольникъ, котораго основаніе болѣе сторонъ); во 2-ю эпоху огивальнаго стиля дуга (огива, шпигбогенъ); является болѣе остроконечной, нежели въ первую эпоху (такъ что въ нее можетъ быть мысленно вписанъ равносторонній треугольникъ); 3-я эпоха отличается наиболѣе вытянутымъ, наиболѣе остроконечнымъ шпигбогеномъ (въ который можетъ быть вписанъ треугольникъ, котораго стороны болѣе основанія).

Поэзія—ея главнѣйшія направленія въ ихъ послѣдовательномъ развитіи: новое классическое (¹)—ранняго возрожденія (Дантъ, Петрарка, Бокаччіо—еще въ концѣ среднихъ вѣковъ), высшаго возрожденія (Аріостъ, Торквато Тассо), поздняго возрожденія, т. е. псевдо-классицизмъ (Жорнель, Расинъ, отчасти Мольеръ, позднѣе Вольтеръ); переходъ отъ новаго классическаго направленія къ новому реальному (Португалець Камоэнсъ, Испанцы Кальдеронъ, Лопе-де-Вега, Сервантесъ); новое реальное направлеіе (²) (Шекспиръ, величайшій изъ поэтовъ); новѣйшее классическое направлеіе XIX вѣка; новое романтическое (³) (Вальтеръ Скоттъ, позднѣе Тикъ, Гофманъ, Шатобрианъ, Ламартинъ, Викторъ Гюго и др.); переходное отрицательное (Байронъ, позднѣе Гейне); реальное направлеіе позднѣйшаго времени.

Тѣже характеристическія направленія въ пластическихъ изящныхъ искусствахъ новаго времени, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.—Новое классическое направлеіе: въ архитектурѣ ранняго возрожденія (Брунелески), въ зодчествѣ высшаго возрожденія (Браманте, Микель-Анжело), въ архитектоникѣ поздняго возрожденія, въ такъ называемомъ рококо или попфстиль, иначе іезуитскомъ стилѣ (Л. Бернини и Борромини); въ скульптурѣ ранняго возрожденія (Гиберти, Бенвенуто Челлини), въ ваяніи высшаго возрожденія (Микель Анжело), въ скульптурѣ поздняго возрожденія (Л. Бернини); въ живописи ранняго возрожденія, еще въ концѣ среднихъ вѣковъ (итальянскіе мастера второй половины XV вѣка); въ живописи высшаго возрожденія (Флорентинець Микель Анжело; Ломбардцы Ліонардо-да-Винчи и Корреджіо; Венеціанцы: Тиціанъ, П. Веронезъ, Тинторетъ; Рафаэль—представитель Римской школы, величайшій геній живописи); поздняго возрожденія XVII-го стол.—эклетической (семейство Караччи, Пусень и др.). Новое реальное направлеіе: въ архитектурѣ (въ нидерландскомъ зодчествѣ); въ ваяніи Нѣмцевъ (Крафтъ, Фишеръ), въ живописи Нѣмцевъ (Крапахъ, Гольбейнъ, Альбрехтъ Дюреръ) и въ живописи Нидерландцевъ, со времени братьевъ Фанъ-Эйкъ, а именно въ живописи фламандской (Рубенсъ) и въ живописи голландской (Рембрантъ, величайшій живописецъ-новаторъ, и цѣлый рядъ даровитыхъ жанристовъ (⁴)). Новѣйшее классическое направлеіе: въ архитектурѣ (Персье, Фонтенъ, Шинкель); въ скульптурѣ (Канова и Торвальдсенъ); въ живописи (самый типическій представитель—Давидъ). Новое романтическое направлеіе: въ архитектурѣ (Ласю, Віоле-ле-Дюкъ, Гертнеръ); въ скульптурѣ (Шванталеръ); въ живописи (Жерико, Ари-Шеферъ, Делакруа, Корнелиусъ, Каульбахъ, въ особенности же Овербекъ). Новѣйшее реальное направлеіе—въ зодчествѣ, ваяніи и живописи.

(¹) Въ противоположность античному классическому (греко-римскому) направлеію.

(²) Въ противоположность античному греко-римскому художественному реализму.

(³) Въ противоположность западно-европейскому средневѣковому романтизму.

(⁴) Итальянскій живописный реализмъ XVII вѣка (Караваджъ) и испанскій реализмъ того же столѣтія (выразившійся съ особенной силой въ нѣкоторыхъ картинахъ Мурильо) были повидимому продуктомъ вліянія нидерландской реальной живописи. Замѣтимъ также, что въ XVII в. окончательно установилась историческая живопись, батальная живопись, жанръ, пейзажъ, живопись животныхъ, живопись неодушевленныхъ предметовъ.

Славяне, преимущественно русскіе Славяне.

Характеристика культуры и искусства Славянъ южныхъ (Болгаръ, Сербовъ) и западныхъ (Чеховъ съ Моравами и Поляковъ).

Искусство въ Россіи.

Характеръ русскаго искусства.

Восточные Славяне, ихъ бытъ и памятники.

Начало Руси. Періоды русской исторіи.

Исторія русскаго искусства въ связи съ развитіемъ русской образованности.

I-й періодъ—отъ Рюрика до Іоанна III. Эпохи этого періода.

1-я эпоха—основаніе Руси Варяго-Руссами—отъ Рюрика до св. Владиміра вѣлочно.

Бытъ и его обстановка.

Извѣстія о памятникахъ искусства.

2-я эпоха—удѣльная: отъ Ярослава до Іоанна III. Двѣ поры этой эпохи.

Первая пора—удѣльно-вѣчевая: отъ Ярослава до нашествія Монголовъ.

Бытъ и его обстановка.

Изящное искусство.—Поэзія.—Пластическія искусства. Зодчество и иконопись: 1) въ Кіевѣ (Кіево-Софійскій соборъ)⁽¹⁾, въ Новгородѣ (св. Софія Новгородская), во Владимірѣ клязьменскомъ (соборъ св. Димитрія).

Вторая пора—владычества Монголовъ.

Нашествіе и иго Монголовъ. Ихъ бытъ, житейская обстановка и начатки искусства.

Раздѣленіе Руси на московскую и литовскую—въ пору монгольскаго ига.

Постепенное возвышеніе Москвы, на развалинахъ удѣльной системы—отъ Іоанна Калиты до Іоанна III-го.

Московскій бытъ и его обстановка въ XIV в. и въ первой половинѣ XV столѣтія.

Изящныя искусства этой поры. Зодчество и иконопись (церковь Рождества Богородицы, что на Симоновѣ, какъ характеристическій памятникъ).

II-й періодъ отъ Іоанна III до Петра Великаго.

Московскій бытъ и его обстановка—по княженіямъ и царствованіямъ.

Изящное искусство. Зодчество и иконопись (церк. Василія Блаженнаго).

Литва самостоятельная—подъ вліяніемъ Польши (со временъ Ягелло), и въ соединеніи съ Польшей (съ 1569 г.).

Бытъ Литвы и его обстановка.

Памятники изящнаго искусства Литвы.

⁽¹⁾ О Кіевософійскомъ соборѣ, въ связи съ исторіей византійскаго и русскаго художества былъ представленъ составителемъ программы рефератъ (3-й) на кіевскій археологическій сѣздъ подъ заглавіемъ «О значеніи нѣкоторыхъ фресковъ Кіевского собора».

Малороссія въ борьбѣ съ Польшею, самостоятельная и въ соединеніи съ Россіей.

Памятники быта и изящнаго искусства Малороссіи (преимущественно Кіевскіе) (¹).

III-й періодъ—отъ Петра Великаго до новѣйшаго времени. Эпохи этого періода.

1-я эпоха—XVIII в.; культурно-историческая характеристика этого времени.

Бытъ и его обстановка—по царствованіямъ.

Изящное искусство.—Поэзія.—Пластическія искусства—до основанія Академіи художествъ и послѣ основанія Академіи художествъ до конца XVIII вѣка.

2-я эпоха XIX в.; культурно-историческая характеристика настоящаго столѣтія.

Бытъ и его обстановка.

Изящное искусство. Поэзія (²). Пластическія искусства—зодчество, ваяніе, живопись.

Новѣйшее направленіе изящнаго искусства въ нашемъ отечествѣ.

Заключеніе.

Окончательные выводы изъ всего курса (³).

Отъ автора.

Предлагаемый рефератъ „О предметѣ кафедръ исторіи и теоріи искусствъ“ изложенный въ формѣ подробной программы, составленъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

во 1-хъ, въ исторію искусствъ, понимаемыхъ въ самомъ обширномъ значеніи введена не только исторія изящныхъ искусствъ, но также исторія бытовыхъ вещественныхъ памятниковъ, при чемъ, въ видѣ вступленія, внесены въ программу существеннѣйшіе вопросы, касающіеся доисторическаго періода первобытной жизни человѣчества;

во 2-хъ, монументальная исторія, какъ бытовая, такъ и художественная, во всѣхъ своихъ частяхъ, по возможности связана съ развитіемъ культуры.

(¹) По особенной системѣ, составленной авторомъ программы (на основаніи изученія памятниковъ), изложеніе которой онъ предоставляетъ себѣ впоследствии.

(²) О литературѣ вообще и поэзіи въ особенности, въ курсѣ (на лекціяхъ), должно быть сказано на столько, на сколько то необходимо для уясненія памятниковъ архитектуры, скульптуры и живописи.

(³) Въ заключеніе составитель программы позволяетъ себѣ замѣтить, что его труду, представляющему краткій свѣтъ теоріи и исторіи искусства, особенно помогло его личное знакомство съ бытовыми и художественными памятниками въ музеяхъ Европы.

Авторъ реферата предлагаетъ къ свѣдѣнію гг. членовъ четвертаго Археологическаго Съѣзда принятую имъ систему, въ ея общности (какъ въ цѣломъ, такъ и частяхъ), не придавая безусловнаго значенія частностямъ, понимаемымъ специалистами болѣе или менѣе различно.

Наконецъ авторъ реферата полагаетъ, что въ виду обширности объема и чрезвычайнаго разнообразія содержанія предмета, одной кафедры въ университетѣ для его изложенія недостаточно, но необходимы, по крайней мѣрѣ, двѣ кафедры, одна—для исторіи изящныхъ искусствъ и ихъ теоріи (эстетика), а другая—для исторіи бытовыхъ вещественныхъ памятниковъ (Kostümkunde).

О ГОРОДАХЪ МАДЖАРЪ И БУЛГАРЪ ПО МОНЕТАМЪ.

Дополненія къ рефератамъ—Н. Д. Шестакова „о Маджарѣ“ и С. М. Шпилевскаго „о Булгарѣ“, читаннымъ въ первомъ засѣданіи, 31 июля, по отдѣленію исторической географіи и этнографіи.

В. К. Сивеллева.

(Читано въ засѣданіи 5 августа. См. Протоколы, стр. LVI) (¹).

I.

Городъ Маджаръ.

Маджаръ, какъ говоритъ академикъ Френъ (Мон. Хановъ Золотой Орды. Спб. 1832 г. стр. 44), находился при слияніи рѣкъ Бювалы и Кумы, нынѣ въ развалинахъ. Встрѣчается въ первый разъ на одной только монетѣ 710 или 715 года—христіанской эры 1320 или 1315 г. Затѣмъ является Маджаръ эл-Джедидъ, т. е., новый Маджаръ при Мухаммедъ-Булякѣ 774 г.—христіанской эры 1372—3 г. Изъ этого факта видно, что Маджаровъ было два—старый и новый; послѣдній является на монетахъ 62 года спустя послѣ перваго и затѣмъ болѣе на монетахъ не встрѣчается.

II.

Городъ Булгаръ.

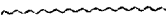
Тотъ же академикъ Френъ говоритъ, что городъ Булгаръ является на монетахъ еще задолго до монгольскаго періода въ Россіи, въ 976 году нашего лѣтосчисленія

(¹) Текстъ рефератовъ Н. Д. Шестакова и С. М. Шпилевскаго см. во II отд., (исторической географіи и этнографіи), стр. 1—16 и 21—39.

(Mémoires de l'Acad. Imp. d. sc. VI ser. Sciences histor., t. I, p. 171 et suiv.). С. М. Шпилевскій, на стр. 42 и далѣ („Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“. Казань, 1877 г.) объясняетъ о болгарскихъ монетахъ X столѣтія. Не видавши этихъ монетъ и не зная типа ихъ, ничего не могу сказать о нихъ. Затѣмъ городъ Булгаръ является на мѣдныхъ и частію серебряныхъ монетахъ, чеканенныхъ отъ имени Халифа Эн-Насыръ Лидинъ-Аллаха,— но есть другой видъ болгарскихъ монетъ: это болгарскія подражанія саманидскимъ монетамъ, но и попадаются отдѣльно. Получивъ подобныя монеты, я послалъ ихъ въ свое время для разсмотрѣнія П. С. Савельеву и В. И. Тизенгаузену, но ни тотъ ни другой не сдѣлали никакого особаго заключенія, назвавъ ихъ только болгарскими подражаніями. Въ Муромскомъ кладѣ, заключавшемъ 14 тыс. монетъ, принадлежащихъ X столѣтію, какъ объяснилъ мнѣ В. И. Тизенгаузенъ, было ихъ большое количество, но всё онѣ, какъ непредставлявшія интереса, сданы на монетный дворъ для переливки. Представляю у сего для сличенія и нагляднаго осмотра двѣ монеты серебряныя саманидскія и четыре подражанія, изъ коихъ два экз. половинокъ и три мѣдныя. Потомъ начинается монгольскій періодъ. Первыя монеты этого періода выбиты въ городѣ Булгарѣ отъ имени Менгу-Каана или, какъ объясняетъ Френъ, при Батыѣ или Берекэ, съ 1251—9 г. по Р. Х. Затѣмъ Булгаръ находится послѣдовательно на монетахъ хановъ: Менгу-Тимура, Туда-Менгу и Узбека, при которомъ на нѣкоторыхъ монетахъ значится: Булгаръ богохранимый или богоспасаемый. На монетахъ Джанибека, которыхъ попадаетъ огромное количество, Булгаръ не встрѣчается, что весьма замѣтельно въ особенности потому, что при Джанибекѣ, время котораго вообще было цвѣтущимъ вѣкомъ Золотой Орды, чеканилось весьма много монетъ; не встрѣчается Булгаръ и на монетахъ Бирди-бека, Кульны, Неурсъ-бека, Хызра, Тимуръ-хаджи, Урду-Мелика, Кильди-бека, Мюрида, Миръ-Пулада или Пуладъ-ходжа, Азизъ-шейха, Абд-Уллаха, Гаясъ-эд-динъ Мухаммедъ-Булака, Тулунъ-бека, Ильбана, Черкесъ-бека, Ага-бека, Уруса, Токтамыша, Бирди-бека 2-го, Бекъ-Пулада и Тимуръ-Кутлу. Здѣсь я долженъ замѣтить, что послѣдняя, выбитая Узбекъ-ханомъ мѣдная монета въ городѣ Булгарѣ относится къ 734 году Гиджры или къ 1333—4 году христіанскаго лѣтосчисленія. Что въ это время происходило съ Булгаромъ—покажутъ историческія изслѣдованія. Потомъ Булгаръ снова является на монетахъ хановъ: Шади-бека въ 804 г. Гиджры и послѣдовательно на монетахъ Пуладъ-хана, Тимуръ-хана, Джелаль-эд-динъ-хана, Кибакъ-хана, Чегре-хана, Дервипъ-хана, Кадиръ-Бирди-хана и въ послѣдній разъ на монетахъ Мухаммедъ-хана или Улу-

Мухаммеда безъ означенія года. Слѣдовательно не были биты монеты въ Булгарѣ съ 734 по 804 г., въ теченіи 70 лѣтъ Гиджры, а затѣмъ снова являются при Шади-бекѣ въ 804 г. и оканчиваются при Мухаммедъ-ханѣ около половины XV столѣтія. Затѣмъ г. Булгаръ не упоминается уже на монетахъ и какъ будто исчезаетъ. Къ этому не лишнимъ считаю прибавить: что встрѣчаются битыя при халифѣ Эн-Насырѣ мѣдныя монеты, перечеканенныя Менгу-Кааномъ; что монеты, битыя въ Булгарѣ начиная съ Джелалъ-эд-динъ-хана и оканчивая Мухаммедъ-ханомъ—варварской работы.

Вотъ все, что хотѣлъ я сказать о Булгарѣ по монетамъ.

О МОНЕТАХЪ ВЛАДИМИРА СВЯТАГО.

Д. И. Прозоровскаго.

(Читано въ засѣданіи 3 августа. См. Протоколы, стр. LV).

О монетахъ Владиміра было писано довольно, однакожь вопросъ о томъ, какому Владиміру слѣдуетъ приписывать монеты, долго оставался не рѣшеннымъ, потому что ни одно изъ высказанныхъ мнѣній не было подкрѣплено хотя сколько нибудь доказательными данными. Всѣ мнѣнія утверждались только на предположеніяхъ. Первоначально ихъ относили къ Владиміру Равноапостольному, но потомъ появились различныя сомнѣнія. Нѣкоторые стали приписывать имъ югославянское происхожденіе, и Рейхель прямо отнесъ ихъ къ жупану Сербскому Владиміру (1015—1016). Другіе же, не находя препятствій считать ихъ за русскія, не соглашались въ опредѣленіи. Шодуаръ держался первоначальнаго мнѣнія, но голосъ Шодуара не могъ имѣть силы уже по одному тому, что монету съ надписью: „Святославъ царь Болгаромъ“ онъ приписалъ Святославу Ярославичу, прочитавъ на ней: „Святославъ сребра“. Сахаровъ думалъ, какъ и Шодуаръ и только Шодуарово „сребра“ поправилъ въ „дръ бла“. Инымъ казалось, что монеты принадлежатъ Галицкому князю Владиміру Ярославичу. Но лучшее изъ прежнихъ мнѣній по настоящему вопросу высказано было академикомъ А. А. Куникомъ. На стр. 137—141 своего изслѣдованія о Русско-Византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича онъ первый взглянулъ на Владиміровы монеты съ ученой точки зрѣнія, и, по археологическимъ признакамъ, рѣшилъ дѣло такъ: „пока новые клады не дадутъ намъ лучшаго поученія, мы не имѣемъ права относить златники съ *Владимира* къ Владиміру Великому, а скорѣе должны приписывать ихъ Кіевскому великому князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху“, которому „въ такомъ случаѣ принадлежатъ и соотвѣтствующіе златникамъ въ нѣкоторомъ отношеніи экземпляры Владиміровыхъ сребренниковъ“. Заключение это выведено по поводу мнѣнія г. Волошинскаго, признававшаго возможнымъ

распредѣлить Владимірово серебро Нѣжинскаго клада между Владиміромъ Великимъ и Владиміромъ Мономахомъ. Итакъ г. Куникъ поставилъ вопросъ въ зависимость отъ находки новыхъ кладовъ, и вѣрность этой постановки оправдалась, къ удовольствію самого г. Куника, не знавшаго о существованіи уже такого клада и не стѣснившагося подчинить свое мнѣніе силѣ факта.

Археологическіе признаки, указывающіе на принадлежность монетъ XII вѣку, а не времени Владиміра I, г. Куникъ усматривалъ какъ въ буквахъ надписей, такъ и въ символическомъ знакѣ, признаваемомъ за птицу. О знакѣ не будемъ говорить, такъ какъ смыслъ его не разгаданъ, обратимъ вниманіе на буквы. Особенно г. Куникъ указывалъ на букву *и*, поставленную „вмѣсто болѣе древней *и*“. Но палеографическія таблицы, приложенныя къ Трудамъ Перваго Археологическаго съѣзда, доказываютъ, что даже въ греческихъ рукописяхъ 1050, 1060 и 1061 года находится форма *и*, *и*, и что въ славянскихъ рукописяхъ XI вѣка буква *и* писалась и съ косоватою перекладною. Разность зависѣла отъ почерковъ: чистому уставному тщательному письму свойственна форма *и*, въ письмѣ же менѣе тщательномъ буква ставилась вкось и перекладину имѣла косоватую (*и*). По надписямъ на Владиміровомъ златѣ видно, что буквы вырѣзывалъ человекъ не вполне грамотный, который не сумѣлъ выдержать не только правильности изложенія, но и чистоты уставнаго шрифта, какъ показываютъ это буквы *а* и *д* въ словѣ „Владиміръ“, изъ которыхъ первая похожа на нынѣшнее рукописное *д*, а вторая на латинское *р*. Букву же *и* рѣзчикъ видимо чертилъ на одну статью съ буквою *и*, и даже ставилъ послѣднюю вмѣсто первой. Впрочемъ на Владиміровомъ сребрѣ (рис. г. Куника) уставной характеръ *и* вполне выдержанъ, за то *и* поставленъ какъ *и*. Отсюда надо заключить, что золотой и серебряный штемпеля рѣзаны разными мастерами, и изъ нихъ каждый ставилъ буквы по своему, либо слѣдуя данному образцу, либо искажая образецъ, по неопытности. Итакъ буквы не указываютъ на время происхожденія монетъ, тѣмъ болѣе, что формы XI вѣка сохранялись въ чистомъ уставномъ письмѣ и послѣ XII вѣка.

Надписи на монетахъ слѣдующія:

владимиръ на столѣ

владимиръ а се его зато

владимиръ на столѣ а се его сребро.

Владиміръ представленъ сидящимъ на престолѣ, въ видѣ Византійскаго императора, въ діадимѣ на головѣ и съ тѣмъ знаменательнымъ скипетромъ въ правой рукѣ, о которомъ св. Антоній, архіепископъ Новгородскій, говоритъ въ своемъ путешествіи: „посохъ желѣзень, а на немъ крестъ Іоанна Крестителя, и

благословляютъ на царство“⁽¹⁾. Ни жупанъ Сербскій, ни князь Галицкій не могли изобразить себя въ такомъ видѣ, да и вообще на древнѣйшихъ рисункахъ князья Русскіе видимы не въ діадимахъ или въ коронахъ, а въ шапкахъ, Сербскіе же властители стали украшать себя діадимою и короною уже вслѣдствіе вѣнчанія Стефана на царство. Хотя на основаніи извѣстной легенды о присылкѣ Константиномъ Мономахомъ царской утвари своему внуку Владиміру Мономаху, и можно бы представить себѣ послѣдняго въ образѣ Византійскаго императора, однакожь по обстоятельствамъ, выясняющимся⁽²⁾ при внимательномъ разсмотрѣніи легенды, оказывается невозможнымъ допустить подобное представленіе. Самыя надписи, указывающія на самовластнаго и единодержавнаго повелителя государства, вовсе неприличны Владиміру Мономаху, бывшему несамовластнымъ и единодержавнымъ повелителемъ государства, а Кіевскимъ великимъ княземъ, и потому старѣйшиною князей, старшимъ ихъ братомъ, но никакъ не государемъ. Если Владиміру Мономаху что и можно приписать изъ русскихъ нумизматическихъ памятниковъ, то развѣ монету, сперва мною упомянутую въ статьѣ о Купахъ на стр. 7, а потомъ изданную графомъ Чапскимъ въ рисунокѣ, гдѣ на одной сторонѣ изображена церковная хоругвь съ круговою надписью: володимірово, т. е. Володимірово знамя, Владиміровъ стягъ, а на другой знакъ :K:, означающій, можетъ быть, слово „купа“ (а никакъ не Кіевъ), либо заимствованный съ византійскихъ мѣдныхъ монетъ, либо представляющій число 20, которое, въ связи съ семью точками, можетъ означать, что семь такихъ монетъ составляютъ двадцатую часть какой либо единицы⁽³⁾. Семь точекъ тутъ не новость для XII вѣка: на извѣстной глѣбовой гирькѣ, приуроченной Кругомъ къ Кіевскому великому князю Глѣбу Юрьевичу, находится также семь точекъ, поставленныхъ вокругъ буквы з.

Изъ всѣхъ Владиміровъ, какіе намъ извѣстны въ Славянствѣ за XI и XII вѣка, изображенія на золотыхъ и серебряныхъ Владиміровыхъ монетахъ, вмѣстѣ съ символами власти, наиболѣе приличествуютъ Владиміру Равноапостольному, единодержавному и самовластному повелителю Русскаго государства. Въ надписяхъ мнѣ всегда видѣлся Владиміръ Великій. Онъ дѣйствительно сидѣлъ на столѣ, какъ императоръ; онъ даже принадлежалъ къ императорской семьѣ, будучи

(1) По всей вѣроятности, этотъ самый посохъ мы видимъ на монетахъ Юстина II въ рукахъ жены его Софїи. На монетахъ Праксія императоръ держитъ этотъ посохъ вмѣсто лабара.

(2) Извѣстно, что въ XII вѣкѣ ногата составляла двадцатую часть гривны, а въ XV вѣкѣ Новгородцы цѣнили ногату въ семь денегъ. Не произошла ли эта цѣна въ вѣна, предшествовавшіе XV вѣку? Впослѣдствіи я надѣюсь изслѣдовать метрологически означенную монету, которая очень похожа на деньгу.

женать на сестрѣ императоровъ, и могъ изображенію своему присвоить принадлежности императорскаго сана. Съ другой стороны относимость монетъ не къ другому кому, а именно къ Владиміру Великому, можетъ быть выводима изъ разительнаго сходства, по общему характеру, буквъ въ надписяхъ Владиміровыхъ съ славянскими надписями на монетѣ польскаго короля Болеслава Храбраго, изображенной на одномъ изъ рисунковъ при вышеупомянутомъ сочиненіи академика Куника. Въ особенности сходствуютъ буквы *в* и *з*, которыя на Владиміровыхъ монетахъ таковы: *в* и *з*, *з* и *з*, а на Болеславовой *в* и *в*, *з* и *з*. Въ подробностяхъ буквъ, конечно, есть различія, но это указываетъ на разность мастеровъ, а не на разность времени, которое усматривается въ общемъ характерѣ рѣзныхъ буквъ.

Выводъ этотъ вполне подтвердился кладомъ, котораго ждалъ г. Куникъ, и о которомъ онъ узналъ случайно уже послѣ изданія своего сочиненія. Кладъ найденъ въ октябрѣ 1858 года, въ Мекленбургѣ, близъ Ростока, въ окрестностяхъ городка Шванъ и поступилъ въ полномъ составѣ въ Шверинскій герцогскій музей. Самая поздняя монета въ этомъ кладѣ принадлежитъ Чешскому князю Ульрику (1012—1037). Въ составѣ этого клада оказался и экземпляръ Владимірова сребра, подобный изображенному при изслѣдованіи академика Куника. Ученые заключаютъ, что кладъ зарытъ былъ въ землю около 1030 года, такъ какъ въ кладѣ не оказалось монетъ императора Конрада Салійскаго (1024—1039). Слѣдовательно, найденный въ этомъ кладѣ экземпляръ Владимірова сребра не могъ принадлежать никакому иному Владиміру, кромѣ Равноапостольнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ, значитъ, ему же принадлежало и Владимірово злато. Извѣстіе о мекленбургскомъ кладѣ написано г. Куникомъ и напечатано въ III т. Извѣстій Импер. Археолог. Общества, стр. 69. Въ виду столь неопровержимаго факта, г. Куникъ, какъ истинный ученый, ищущій только правды, отступился отъ своего прежняго мнѣнія. „Даже если допустить, говоритъ онъ, что подробное описаніе клада, приготовленное г. Липемъ къ печати, дастъ поводъ къ сомнѣніямъ относительно той или другой монеты, то по крайней мѣрѣ я, на основаніи другихъ доводовъ, соглашаюсь въ пользу стараго предположенія, именно, что Владиміровы злато и сребро выбиты отцомъ великаго князя Ярослава-Георгія между 988 и 1015 годами“; при этомъ г. Куникъ присовокупилъ, что и г. Бартоломей, одинъ изъ лучшихъ нумизматовъ-археологовъ, уже умершій, „нынѣ совершенно раздѣляетъ это мнѣніе“ и „съ новой точки зрѣнія старается рѣшить вопросъ въ пользу Владиміра Великаго“. Статья г. Бартоломея помѣщена въ томъ же томѣ Извѣстій, стр. 105. Послѣ всего этого, графъ А. С. Уваровъ, занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ между знатоками русскихъ древностей, въ замѣчаніяхъ своихъ на

ислѣдованія академика Куника, уже не счель нужнымъ дѣлать какія-либо оговорки относительно времени происхожденія Владиміровыхъ монетъ и говорилъ о нихъ, какъ о безспорно принадлежащихъ Владиміру Святославичу (Изв. А. О. т. IV, стр. 127).

Такимъ образомъ вопросъ о Владиміровыхъ златѣ и сребрѣ слѣдуетъ считать рѣшеннымъ окончательно. Хотя бы и оправдалось опасеніе г. Куника на счетъ сомнѣній о нѣкоторыхъ монетахъ клада, однакожъ сомнѣнія эти не могутъ значительно повліять на рѣшеніе вопроса о Владиміровыхъ монетахъ, такъ какъ онѣ имѣють на себѣ признаки принадлежности ихъ Владиміру Равноапостольному.

ЧТО ОЗНАЧАЮТЪ ОТДѢЛЬНЫЯ БУКВЫ НА КОПѢЙКАХЪ И ДЕНЕЖКАХЪ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО?

Ю. Б. Иверсена.

(Читано въ засѣданіи 5 августа. См. Протоколы, стр. LV).

Всѣмъ, которые занимались русскою нумизматикою, извѣстны серебряныя копѣйки и деньги великаго княжества Московскаго. Копѣйки и деньги со времени Ивана IV Васильевича всѣ одного типа: первыя представляютъ на лицевой сторонѣ великаго князя, скачущаго на право съ опущеннымъ копьемъ, а на оборотной сторонѣ надпись: Царь и великій князь всея Руси съ именемъ князя; на деньгахъ же, —которыя, начиная съ царствованія Θεодора Ивановича, рѣдки—одна только разница отъ копѣекъ—въ вѣсѣ и въ томъ, что царь на конѣ изображенъ безъ копья, махая саблею. Типъ конечно извѣстенъ, но не разслѣдованы еще отдѣльныя буквы, которыя часто бывають помѣщены между ногами лошади. Только на монетахъ царствованія Владислава Сигизмундовича никакія буквы не находятся, во всѣхъ другихъ царствованіяхъ существуютъ монеты съ буквами и безъ оныхъ.

На Русскихъ монетахъ до времени Ивана IV между прочимъ мы встрѣчаемъ на оборотной сторонѣ и слѣдующія надписи:

ПОУЛ | ОМОСК | ОВЬСК | ОВ — пуло Московское
ДЕН | ЫГЯПСК | ОВЪСК | ИИ (ден | ыгяпск | овъск | ая) — деньга Псковская
-ВЪЛІ- | КОГОИ | ОВЯГОР | ОДЯ (Великаго Новгорода).

Изъ чего явствуетъ, что эти монеты были законными въ тѣхъ краяхъ, имена которыхъ онѣ носятъ, хотя онѣ не всегда тутъ были чеканены.

Мы и на другихъ монетахъ встрѣчаемся съ именами денежниковъ, какъ на-
примѣръ:

Аристотель = oRRI | STOTE | LES⁽¹⁾.

Мастеръ Александръ = ЛИС · ТЕРЬ · Я | ЛЕКС · ЯН | ДРО⁽²⁾.

Деньга Псковская Заманива (денежника) = | ДЕНГЯ | ПСВСВС | КЛАСЯМ | ЯННЯ |⁽³⁾.

Жанъ Безунъ или Безинъ = { | ЖАНЯ | БЗУН...⁽⁴⁾.
| ЖАН · БЗМ | ...

что доказываетъ, что и монетчики обозначались на русскихъ монетахъ. Первый изъ вышеприведенныхъ монетчиковъ „Аристотелесъ“—извѣстная личность, архитекторъ Фіоравенти изъ Болоньи, прозванный Аристотелемъ, который съ сыномъ Андреемъ и ученикомъ Петромъ привезенъ былъ въ Россію первымъ русскимъ посломъ въ Венеціи, Толбузинымъ, во время царствованія великаго князя Ивана III Васильевича. Онъ былъ также литейщикомъ, лилъ пушки и чеканилъ монету. Я полагаю, что можно узнать ученика Аристотеля Петра на монетѣ, описанной графомъ Чапскимъ въ „Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси“ подъ № 324, въ буквахъ: „ПСТ“, которыя находятся подъ лошадыю монеты, приписанной графомъ Чапскимъ великому князю Василью Ивановичу, хотя на его худо сохраненномъ экземплярѣ читается только ...вемк.... Если же мое предположеніе вѣрно, то эта монета принадлежитъ ко времени великаго князя Ивана III Васильевича. Имя сына Аристотеля—Андрея, скрывается быть можетъ въ буквѣ А, А и А⁽⁵⁾ на монетахъ Ивана III и имя Жана Безуна въ буквѣ Ж⁽⁶⁾ на монетахъ Василія Ивановича.

На монетахъ вольныхъ городовъ Пскова и Новгорода, во время самостоятельности ихъ, обозначается на оборотной сторонѣ край, для котораго онѣ чеканились, а на лицевой сторонѣ, кромѣ обыкновенныхъ изображеній еще буквы:

На псковскихъ: а, е, к, н, с, д, л, м, э, т, ѡ, в, мв, иа;

На новгородскихъ: а, е, л, о, н, п, с.

Обозначаютъ ли эти буквы правительственныхъ людей или монетчиковъ—трудно сказать, вѣрнѣе можно ихъ считать знаками отвѣтственныхъ за вѣрность

(¹) Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси собранія графа Эмерика Гуттенъ-Чапскаго № 502, гдѣ и находятся ссылки на всѣ сочиненія, въ которыхъ эта монета описана. Имя это на всѣхъ мнѣ извѣстныхъ экземплярахъ читается ORRISTOTELES, олинъ графъ Чапскій читаетъ oARI. | STOTEoLES.

(²) См. Собраніе Гр. Чапскаго: № 503.

(³) Ibid. № 326, 327.

(⁴) Ibid. № 504.

(⁵) Ibid. № 512, 514, 536.

(⁶) Ibid. № 325.

вѣса монеты людей, кто бы они ни были—сами ли монетчики—или правительственные лица, подъ надзоромъ которыхъ монетчики работали.

Нарочно я говорилъ здѣсь только о городахъ Москвѣ, Псковѣ и Новгородѣ, потому что на монетахъ послѣдующихъ царствованій только монеты, въ этихъ городахъ чеканенныя, обозначались именемъ города.

Московскія монеты обозначались:

подъ Иваномъ IV: М̄ (¹).

подъ Θεодоромъ Ивановичемъ: М, М̄, МО.

подъ Борисомъ Θεодоровичемъ: М̄, МО.

подъ Дмитріемъ Ивановичемъ: М, М̄, МО.

подъ Василиемъ Ивановичемъ: М.

подъ Михаиломъ Θεодоровичемъ: М, М̄, МО, ^{МОС МОС} $\bar{\Sigma}$, КВЯ, К□Я, СКВЯ, СКВА, ВЯ, МК.

подъ Алексѣемъ Михайловичемъ: М, М̄, М̄—Д, МД (посл. 2 случая на мѣдн. мон.).

подъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ: М̄.

подъ Иоанномъ Алексѣевичемъ: М̄.

подъ Петромъ Алексѣевичемъ: М̄.

Псковскія монеты обозначались буквами: ПС подъ Иваномъ IV, Θεодоромъ Ивановичемъ, Борисомъ Θεодоровичемъ, Дмитріемъ Ивановичемъ, Михаиломъ Θεодоровичемъ. Къ буквамъ ПС приставлено на нѣкоторыхъ монетахъ царствованія Θεодора Ивановича

годъ рз (106—7106—1598).

рз (107—7107—1599).

Новгородскія монеты съ буквами обозначающими городъ Новгородъ въ царствованіе Ивана IV мнѣ неизвѣстны (*); но въ царствованіе Θεодора Ивановича извѣстны монеты съ буквою П, а кромѣ того въ послѣднихъ годахъ его царствованія [□]но съ присоединенными къ нимъ годами, а именно (*):

(¹) Шубертъ «Monnaies russes» р. 12, говоритъ, что и буквы ^оми обозначаютъ Москву, но такія буквы мнѣ не встрѣчались и я увѣренъ, что Шубертъ ошибочно монограмму ^сми на худыхъ экземплярахъ читалъ ^оми, что по моему даже и не можетъ обозначать Москву.

(²) Шубертъ «Monnaies russes», р. 12, говоритъ, что на монетахъ царствованія Ивана IV обозначенъ Новгородъ буквами: [□]ноге, но мнѣ никогда не случалось видѣть подобныхъ монетъ.

(³) Шубертъ «Monnaies russes», р. 15, считаетъ и буквы Ар годомъ (7101—1593) но это вѣроятно монограмма ^сАр; и рг (7103—1585), котораго года мнѣ не случалось видѣть монеты. Годъ рз у Шуберта на монетѣ; которая у него одного, вѣроятно соединенъ съ буквами пс. Чеканены такія монеты въ Псковѣ и находятся у меня въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

рд (104=7104=1596)

ре (105=7105=1597)

рв (106=7106=1598).

Въ царствованіе Бориса Θεодоровича городъ Новгородъ обозначался на монетахъ или П или \square съ годомъ, а именно (¹):

рз (107=7107=1599)

ри (108=7108=1600)

рл (109=7109=1601)

ір (110=7110=1602)

рл (111=7111=1603)

рл (112=7112=1604)

рг (113=7113=1605).

Въ царствованіе Дмитрія Ивановича —только буквою П съ годомъ, при чемъ П поставлено или выше года, или съ нимъ въ рядъ. Эти года, слѣдующіе:

рг (113=7113=1605)

рд (114=7114=1606)

ре (115=7115=1607)

рв (116=7116=1608)

рл (118=7118=1610).

Монеты съ годомъ рг чеканены вѣроятно съ штемпелемъ лицевой стороны монетъ Дмитрія Ивановича.

На нѣкоторыхъ монетахъ Михаила Θεодоровича, наконецъ, видны буквы: ПГ, П, означающія вѣроятно также Новгородъ (²).

Другія монеты, на которыхъ буквы ясно могли бы обозначать другіе города, мнѣ неизвѣстны. Буквы $\begin{smallmatrix} ю \\ р \end{smallmatrix}$ на монетахъ царствованія Ивана IV графъ Чапскій (³) предложилъ читать: Юрьевъ (Дерптъ), который подъ властью Дерптскихъ епископовъ чеканилъ свою монету. Ему Іоаннъ IV, послѣ завоеванія города, предоста-

(¹) О. Шубертъ, «Monnayes russes» р. 18, приводитъ въ царствованіе Бориса Θεодоровича монету съ годомъ рз, которая вѣроятно чеканена съ штемпелемъ лицевой стороны копѣйки Θεодора Ивановича, при чемъ Шубертъ пропустилъ сказать, гдѣ эта монета чеканена—въ Псковѣ или въ Новгородѣ. Монету съ годомъ ри (7108=1600) сообщаетъ только Шубертъ № 410 (изд. 1843 года).

(²) Копѣйки съ годами во время царствованія Михаила Θεодоровича мнѣ крайне подозрительны. Шубертъ (Monnayes russes) упоминаетъ ихъ по Шодуару, а всѣмъ другимъ онѣ неизвѣстны.

(³) См. Собраніе гр. Чапскаго № 564.

виль пользованіе старыми правами и привилегіями и въ томъ числѣ, по словамъ Арнта: „Liefländische Chronick“, право чеканить монету. Но городъ Дерптъ вскорѣ послѣ этого совѣмъ былъ разрушенъ, и трудно предполагать, чтобы городъ послѣ завоеванія принялся за чеканку монетъ. А если ужъ и было такъ, то скорѣе монеты, обозначенныя буквами ДѢ, могли быть чеканены въ Дерптѣ, который себя въ письменныхъ памятникахъ того времени никогда Юрьевымъ не называлъ. Я читалъ бы буквы $\begin{smallmatrix} \text{Ю} \\ \text{р} \end{smallmatrix}$ —Юрій; графъ Чапскій видитъ въ буквахъ ДѢ подъ лошадыю слово „деньгу“. Равнымъ образомъ графъ Чапскій желаетъ объяснить монограмму $\begin{smallmatrix} \text{с} \\ \text{др} \end{smallmatrix}$ —именемъ города Ярославля, но безъ всякаго основанія. Изъ большаго числа другихъ буквъ и монограммъ нѣкоторыя ясно показываютъ имена личныя—навѣрно лицъ, отвѣтствующихъ за вѣрность монеты, какъ: ІІІІІ, ІІІА, ГР (Гришка, Григорій), ІА (Александръ). Другія буквы, также обозначающія имена, имѣютъ надъ собой придаточную букву: К или Ф, или Т, или С, которыя могли бы быть объясняемы названіями должностей. Но какія именно должности могли бы этими буквами обозначаться, я не могъ добратся; напротивъ, я предпочиталъ бы считать эти буквы именами лицъ, отвѣтствующихъ за вѣрность монеты (монетчиковъ), а подъ ними стоящія буквы отчествомъ ихъ. Эти монограммы слѣдующія:

Съ буквою К: $\begin{smallmatrix} \text{К} \\ \text{АН} \end{smallmatrix}$ т. е. Карпъ, Кондратій, или Карлъ Андреевичъ.

$\begin{smallmatrix} \text{К} \\ \text{МХ} \end{smallmatrix}$ т. е. Карпъ, или Михайловичъ.

Съ буквою Ф: $\begin{smallmatrix} \text{Ф} \\ \text{АН} \end{smallmatrix}$ т. е. Феодоръ, Феоддей, Феома Андреевичъ.

Съ буквою Т: $\begin{smallmatrix} \text{Т} \\ \text{ДМ} \end{smallmatrix}$ т. е. Трофимъ, Трифонъ, Терентій Дмитріевичъ.

Съ буквою С: $\begin{smallmatrix} \text{с} \\ \text{МН} \end{smallmatrix}$ можно было бы читать Семень, но въ виду того, что на многихъ экземплярахъ, которые были въ моихъ рукахъ, буквы болѣе похожи на МН, я, подобно другимъ монограммамъ, предпочиталъ читать: Семень, Сидоръ, Степанъ, Савелій или Сергѣй Михайловичъ.

Всѣ эти монограммы принадлежатъ царствованію Ивана ІV.

Другія монограммы съ буквою с принадлежатъ царствованію Феодора Ивановича. Онѣ слѣдующія: $\begin{smallmatrix} \text{с} \\ \text{др} \end{smallmatrix}$, $\begin{smallmatrix} \text{с} \\ \text{м} \end{smallmatrix}$, $\begin{smallmatrix} \text{с} \\ \text{н} \end{smallmatrix}$. Первую изъ нихъ я читалъ бы Семень и, подобно вышеприведеннымъ монограммамъ, Ярославичъ, а не именемъ Ярославля-города,—во первыхъ, потому, что въ монограммѣ буква с не на своемъ мѣстѣ, а во вторыхъ, потому, что нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы въ Ярославлѣ чека-

нилась монета. Другія двѣ монограммы я читаю такимъ же образомъ: Семень, или даже Семень Михайловичъ и Семень Ивановичъ. Эти двѣ послѣднія монограммы повторяются на монетахъ царствованій Бориса Ѳеодоровича и Дмитрія Ивановича.

На нѣкоторыхъ московскихъ монетахъ царствованій Ѳеодора Ивановича, Бориса Ѳеодоровича и Дмитрія Ивановича находятся на монетахъ, обозначенныхъ МО подъ всадникомъ, еще на полѣ съ обѣихъ сторонъ царя ГД—РН, что значитъ безъ сомнѣнія „государь“, а на монетахъ Бориса Ѳеодоровича, безъ буквъ подъ лошадыю, находятся буквы П—О, что надобно читать „Борисъ“.

Кромѣ вышеназванныхъ буквъ остается на этихъ монетахъ еще много буквъ необъясненными, списокъ которыхъ мною составленъ, но неизслѣдованъ. А именно:

Со временъ Іоанна III: а, аз, б, г, д, ѿ, л, к, м, о, с, п (т), я, ю, я.

Со временъ Ивана IV: фс, ѿ, лѣ, ж, w.

Со временъ Ѳеодора Ивановича: нс, ге, іс.

Со временъ Василія Ивановича (Шуйскаго): г—і

Со временъ Михаила Ѳеодоровича ц (щ).

Имя „Россія“ является на монетахъ подъ лошадыю со времени Іоанна и Петра Алексѣевичей, также какъ и цѣлый рядъ годовъ, буквами означенныхъ, начиная съ 1695 года по 1718 годъ.

Не считая этотъ вопросъ рѣшеннымъ основательно, но полагая, что онъ только лишь возбужденъ, надѣюсь, что въ рѣшеніи его примутъ участіе не только лица, специально занимающіяся нумизматикою, но и историки въ широкомъ смыслѣ этого слова, которымъ лучше могутъ быть извѣстны акты и грамоты, относящіяся къ данному вопросу.

О ЗАГАДОЧНЫХЪ СОСУДАХЪ СФЕРОКОНИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ИЗЪ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ (¹).

А. О. Лихачева.

(Читано въ засѣданіи 16 августа. См. Протоколы, стр. СХVI).

Въ программѣ занятій IV Археологическаго Съѣзда вопросъ 41-й озаглавленъ такъ: „О древнихъ вещахъ, найденныхъ въ Болгарахъ“. Конечно здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать всѣ тѣ памятники древняго быта, которые находятъ въ почвѣ древняго города Булгара, и такимъ образомъ вопросъ 41-й оказывается такъ широко поставленнымъ, что допускаетъ какъ общій обзоръ памятниковъ, такъ и частную разработку этихъ предметовъ.

Въ „Трудахъ II-го Археологическаго Съѣзда“ напечатанъ представленный мною общій обзоръ встрѣчающихся въ здѣшнемъ краѣ болгарскихъ древностей, подъ заглавіемъ: „Бытовые памятники Великой Булгаріи“, и къ обзору этому приложено девять таблицъ съ изображеніями наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ изъ моей коллекціи мѣстныхъ древностей. Въ этомъ общемъ обзорѣ я имѣлъ случай указать на значительное разнообразіе древнихъ памятниковъ быта, встрѣчающихся на территоріи прежней Великой Булгаріи и на затруднительность распредѣленія ихъ въ хронологическомъ и этнографическомъ отношеніи. Это послѣднее обстоятельство зависитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка научныхъ курганныхъ раскопокъ въ здѣшнемъ краѣ. Историческіе документы указываютъ на значительное развитіе цивилизаціи Волжскихъ Булгаровъ во время самостоятельнаго существованія государства Великой Булгаріи, и для насъ было-бы очень важно имѣть возможность выдѣлить изъ общей массы древнихъ памятниковъ быта то, что можетъ относиться къ періоду времени, предшествовавшему эпохѣ покоренія Булгаріи Монголо-Татарами.

(¹) Къ статьѣ слѣдуютъ три таблицы рисунковъ.

Въ этомъ смыслѣ предметы каменнаго и бронзоваго періодовъ являются безспорно представителями наиболѣе древней культуры мѣстныхъ аборигеновъ; но, вмѣстѣ съ желѣзнымъ вѣкомъ общій видъ предметовъ, за немногими исключеніями, вдругъ принимаетъ до такой степени однообразный оттѣнокъ, съ преобладающимъ азіатскимъ характеромъ, что нельзя подмѣтить ясно-опредѣленной черты между памятниками болгарскими и монголо-татарскими. Это обстоятельство конечно указываетъ на то, что и въ самой болгарской культурѣ преобладалъ несомнѣнно азіатскій характеръ, во многомъ родственнѣй съ той культурой, которую могли принести съ собою изъ Азіи монголо-татарскіе завоеватели страны. Главный контингентъ встрѣчающихся здѣсь памятниковъ древняго быта несомнѣнно принадлежитъ къ XIII, XIV и XV столѣтіямъ, т. е. къ тому періоду времени, когда здѣсь властвовали ханы Золотой Орды и, судя по предметамъ, этотъ періодъ представляетъ высшее развитіе культуры сравнительно съ предшествовавшей ему культурой эпохи самобытія Великой Булгаріи. Но, такъ какъ самые предметы быта не обнаруживаютъ рѣзкаго различія въ этнографическомъ отношеніи, а напротивъ указываютъ на однородность въ общемъ характерѣ, и такъ какъ намъ извѣстно чрезвычайное постоянство въ обычаяхъ и модахъ азіатскихъ народовъ въ теченіи очень долгихъ періодовъ времени—то весьма возможно, что многіе предметы древняго быта, употреблявшіеся Булгарами, вошли въ употребленіе и къ Монголо-Татарамъ. При такомъ постепенномъ и незамѣтномъ переходѣ одной культуры въ другую, памятники быта въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не встрѣчается особыхъ признаковъ въ хронологическомъ или этнографическомъ смыслѣ, могутъ быть легко смѣшиваемы, и многіе предметы изъ древняго быта, которые можно-бы относить къ монголо-татарскому періоду, въ дѣйствительности должны принадлежать еще предшествовавшему періоду, собственно болгарскому. Такое обстоятельство вынуждаетъ всѣ находимые въ почвѣ прежней Великой Булгаріи памятники древняго быта соединять подъ однимъ общимъ названіемъ *Булгарскихъ* древностей; но само собою разумѣется, что такое названіе представляется лишь условнымъ и только тщательное изученіе самыхъ памятниковъ дастъ впоследствии возможность установить болѣе точную классификацію, переходя отъ частныхъ къ общему.

Археологія доисторическая имѣетъ предметомъ изученіе цивилизаціи древнихъ народовъ не по письменнымъ документамъ, а по вещественнымъ памятникамъ быта, сохранившимся въ почвѣ. Здѣсь изслѣдователю часто приходится встрѣчаться съ такими подробностями древняго быта, о которыхъ письменныя извѣстія не даютъ никакихъ указаній и приходится до всего додумываться, все соображать и угадывать. Масса памятниковъ, которую приходится изучать, даетъ

возможность узнать въ подробностяхъ частную и общественную жизнь, или домашній бытъ ихъ прежнихъ хозяевъ; знакомить насъ съ ремеслами, производствами и промыслами древнихъ туземцевъ, указываетъ на сношенія съ другими странами и народами, и въ общемъ даетъ возможность установить понятіе о степени культурнаго развитія. Но для того, чтобы выводы были основательны и правдивы, необходимо стараться о правильномъ истолкованіи и объясненіи назначенія различныхъ предметовъ, ибо всякое ошибочное или ложное истолкованіе можетъ повести и къ невѣрнымъ заключеніямъ относительно культурнаго развитія.

Многіе отдѣльные предметы изъ числа памятниковъ быта, встрѣчающихся въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ развалинами древнихъ городовъ Булгара и Биляра, представляютъ значительный интересъ по своей странности или загадочности назначенія.

Я имѣю честь представить вниманію ученаго собранія образцы глиняныхъ сосудовъ необыкновенной и очень странной формы, находимыхъ сравнительно перѣдко въ мѣстностяхъ древнихъ городовъ здѣшняго края. При раскопкахъ, произведенныхъ на мѣстѣ развалинъ древняго города Сарая и тамъ были находимы подобные сосуды, два образца которыхъ можно видѣть въ музеѣ Императорскаго Казанскаго университета. Кромѣ того мнѣ случилось видѣть подобные сосуды на мануфактурной выставкѣ въ С.-Петербургѣ, въ 1870 году, въ Туркестанскомъ отдѣлѣ: они были найдены въ разныхъ мѣстахъ въ почвѣ, при производствѣ земляныхъ работъ въ окрестностяхъ горъ Ташкента. Впослѣдствіи эти образцы поступили въ художественно-технической музей Общества поощренія художествъ.

Подобные сосуды бывали находимы и въ другихъ странахъ, напр. въ Сиріи, и образцы ихъ случается встрѣчать въ нѣкоторыхъ европейскихъ музеяхъ; но къ сожалѣнію тамъ до сихъ поръ еще они не были объяснены удотворительно ни въ этнографическомъ отношеніи, ни въ смыслѣ ихъ назначенія. Насколько еще не ясны и сбивчивы о нихъ понятія, можно видѣть изъ того напр., что въ Британскомъ музеѣ нѣсколько совершенно подобныхъ сосудовъ находятся въ числѣ египетскихъ древностей, но въ каталогѣ не обозначено, однакоже, мѣсто ихъ находки. Два изъ нихъ были изображены въ книгѣ „Древности Египта“⁽¹⁾; въ описаніи они обозначены просто подъ названіемъ „другіе сосуды“ и помѣщены вслѣдъ за сосудами, найденными въ Оивахъ и въ Сахарѣ. Конечно это даетъ поводъ думать, что ихъ смѣшиваютъ съ египетскими древностями. Другіе приписываютъ

(¹) «Antiquities of Egypte», vol. V, pl. 76, № 8 et 16.

имъ финикійское происхожденіе на томъ основаніи, что ихъ тоже находили въ мѣстности древняго города Сидона (теперешній Саида) ⁽¹⁾. Наконецъ въ 1872 году, въ городѣ Триполи въ Сиріи, было найдено, при особенной обстановкѣ, разомъ до 60 штукъ такихъ сосудовъ, изъ которыхъ десять были привезены въ Парижъ, гдѣ ихъ осмотрѣлъ и изслѣдовалъ извѣстный французскій археологъ и нумизматъ г. де Сосі (M. F. de Saulcy), признавшій эти сосуды за арабскіе.

Выставленные здѣсь мною образцы позволяютъ наглядно судить, какъ странна форма и устройство этихъ сосудовъ. Всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе коническое дно; слѣдовательно безъ особыхъ приспособленій, не представляютъ устойчивости; самый корпусъ сосудовъ въ своихъ очертаніяхъ колеблется между формами чисто-конической, яцевидной и сферoidalной: эта послѣдняя уже допускаетъ нѣкоторую устойчивость. Однакоже устройство подобныхъ сосудовъ не ограничивается перечисленными формами, и мы имѣемъ одинъ экземпляръ, въ которомъ самый корпусъ сосуда представляетъ цилиндръ съ коническимъ дномъ ⁽²⁾. Шейка этихъ сосудовъ обнаруживаетъ также замѣчательное разнообразіе: то значительно возвышаясь, въ видѣ небольшого цилиндрика съ закругленной при отверстіи верхушкой, какъ это замѣтно въ особенности на сирійскихъ сосудахъ ⁽³⁾; то имѣетъ видъ малаго конуса, поставленнаго на опрокинутый большой, составляющій корпусъ сосуда ⁽⁴⁾. Иногда шейка бываетъ очень укорочена и представляетъ лишь немного выступающій надъ поверхностью корпуса сосуда ободокъ, окружающій отверстіе. Формы эти до такой степени варьируютъ въ разныхъ экземплярахъ, что весьма рѣдко можно встрѣтить два сосуда совершенно одинаковыхъ. Отверстія горлышекъ вообще чрезвычайно узки; но и въ нихъ замѣчается разнообразіе: въ одни можетъ проходить только средней толщины проволока, въ другія, самыя широкія, едва проходитъ обыкновенный карандашъ.

Еще большее разнообразіе представляется въ отношеніи орнаментаціи. Встрѣчаются сосуды вовсе безъ орнаментовъ и другіе, которые покрыты чрезвычайно мелкими, сложными и затѣйливыми украшеніями. Корпусъ сосуда иногда раздѣ-

⁽¹⁾ Одинъ изъ такихъ сосудовъ былъ приобрѣтенъ отъ французскаго консула этого города для англійскаго Общества раскопокъ въ Палестинѣ. Другой такой сосудъ, изъ той же мѣстности, нѣсколько лѣтъ тому назадъ находился въ рукахъ одного любителя, г. Огюста Паранъ. Оба сосуда считались финикійскими.

⁽²⁾ См. мою Таб. II, фиг. 6.

⁽³⁾ «Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France», t. XXXV. p. 20.

⁽⁴⁾ См. Табл. II, фиг. 9.

ляется продольными выпуклыми или вогнутыми линиями, между которыми оттиснуты разнообразныя фигуры, составленныя изъ кружковъ, черточекъ и зигзаговъ. Въ другихъ случаяхъ орнаментъ обгибаетъ корпусъ сосуда въ видѣ колецъ или поясковъ; самыя фигуры иногда оттискивались различными штампами въ сырой еще глинѣ; иногда же какъ будто выпарывались какимъ-то острымъ орудіемъ вглубь, повидимому уже въ почти просохшей глинѣ. Между сосудами, найденными въ мѣстности г. Вилара, мы имѣемъ два фрагмента, въ орнаментациі которыхъ играютъ большую роль концентрическіе круги съ точкой въ центрѣ и зигзаги или ломаныя линіи (*). Изъ почвы гор. Булгара мы имѣемъ одинъ фрагментъ, весьма близко подходящій, по матеріалу и орнаментациі, къ сирійскому сосуду, хранящемуся въ Севрскомъ музеѣ керамики (**). Но на болгарскомъ экземплярѣ орнаментъ оттиснутъ не рельефомъ, а вглубь, какимъ-то небольшимъ орудіемъ (инструментомъ), имѣвшимъ полу-лунное очертаніе и представляетъ какъ-бы рядъ чешуекъ, сгруппированныхъ въ фестоны, вокругъ шейки сосуда (*).

Матеріалъ находимыхъ въ почвѣ прежней Великой Булгаріи сосудовъ подобнаго рода представляетъ повидимому несравненно болѣе разнообразія, сравнительно съ тѣми, которые были находимы въ Сиріи и Палестинѣ. Булгарскіе сосуды выдѣлывались какъ изъ простой гончарной глины, такъ и изъ болѣе тонкой, вязкой, почти пластической глины. По качеству матеріала и цвѣтъ сосудовъ различень: они бываютъ то просто кирпично-красными, то изъ-сѣра черными, какъ простыя горшки, то темно-бурыми, то желтовато, или зеленовато-сѣрыми—съ разными оттѣнками. Эти сосуды покрывались иногда даже разноцвѣтной поливой: такъ, напр. въ мѣстности гор. Вилара былъ найденъ одинъ фрагментъ, покрытый превосходной поливой бирюзово-голубаго цвѣта (*). Но кромѣ такой прочной окраски на иныхъ сосудахъ, выдѣланныхъ изъ горшечной глины, сохранились слѣды окраски и менѣе прочной, сдѣланной кажется просто разведенной на водѣ (съ клеємъ?) голубой краской. Это можно замѣтить на одномъ экземплярѣ, найденномъ въ гор. Булгарѣ (**). Разнообразіе матеріала находится также въ связи и съ технической стороною выдѣлки: чѣмъ хуже матеріалъ, тѣмъ проще техника и

(*) См. Таб. II, фиг. 1 и 2; Таб. I, фиг. 4.

(**) См. его изображеніе въ «Magazin pittoresque» 1876, p. 152.

(*) См. Таб. I, фиг. 5.

(*) См. Таб. I, фиг. 3. Въ 1879 году былъ найденъ тамъ-же такой точно сосудъ совершенно цѣлый; конусъ его донца очень вытянутъ и представляетъ удобство держать его въ рукѣ. Этотъ рѣдкій экземпляръ находится теперь въ моей коллекціи: онъ изображенъ на Т. III, фиг. 4.

(*) См. Таб. II, фиг. 9.

полное отсутствіе орнамента, и на оборотъ,—орнаментация тѣмъ сложнѣе и затѣйливѣе, чѣмъ лучше матеріаль, изъ котораго выдѣланъ сосудъ.

Разумѣется, что сосуды такого страннаго устройства непременно должны обращать на себя особенное вниманіе археологовъ и антикваріевъ. Они представляются загадкой въ домашнемъ обиходѣ тѣхъ народовъ, которые ими пользовались и вызываютъ современнаго намъ изслѣдователя на попытки разгадать ихъ дѣйствительное назначеніе. Употребленіе сосудовъ съ коническимъ донцемъ, различныхъ величинъ и формъ, извѣстно въ глубокой древности. Мы встрѣчаемъ ихъ у Египтянъ, Индусовъ, Грековъ и Римлянъ; а также у народовъ бронзоваго вѣка въ Европѣ, но все эти сосуды представляютъ лишь слабую аналогію съ тѣми, которые я избралъ темой для своего реферата. Что касается этихъ послѣднихъ, то при очевидно одинаковомъ ихъ назначеніи, значительное разнообразіе ихъ формъ и величинъ, а также, во многихъ случаяхъ, чрезвычайно тщательная обработка и прихотливость въ орнаментации, весьма затрудняютъ и запутываютъ разрѣшеніе вопроса объ ихъ дѣйствительномъ назначеніи.

Судя по тому, какъ сравнительно не рѣдки находки подобныхъ сосудовъ въ мѣстностяхъ древнихъ городовъ Булгара и Биляра, можно предполагать, что и раскопки въ мѣстности, занимаемой развалинами города Сарая, производившіяся въ теченіи семи лѣтъ (1843—1849) по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, должны были представить не мало образцовъ подобныхъ сосудовъ; но къ сожалѣнію, въ отчетахъ чиновника министерства А. В. Терещенки, завѣдывавшаго раскопками, нельзя отыскать указанія на эти интересные предметы⁽¹⁾. Между тѣмъ въ музеѣ Императорскаго Казанскаго университета, вмѣстѣ съ нѣкоторыми древностями, найденными въ развалинахъ города Сарая, хранятся два экземпляра такихъ сосудовъ. Въ рукописномъ каталогѣ музея, который я имѣлъ случай видѣть еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, они были обозначены, какъ *архитектурныя украшенія*⁽²⁾. Подъ этимъ же названіемъ они занесены и теперь въ печатный каталогъ выставки при IV Археологическомъ съѣздѣ, подъ №№ 396 и 397.

Въ 1871 году англійское Общество для раскопокъ въ Палестинѣ обратило вниманіе на сосуды подобнаго рода находимые въ Сиріи и представило первую серьезную попытку разгадать ихъ назначеніе⁽³⁾. Добытые изъ раскопокъ въ

⁽¹⁾ См. «Извлеченія изъ отчетовъ А. В. Терещенки», напечатанныя П. С. Савельевымъ во 2-мъ т. «Записокъ» Арх.-Нум. Общ., Спб. 1851, стр. 364—410.

⁽²⁾ Если не ошибаюсь, этотъ рукописный каталогъ былъ составленъ покойнымъ проф. Ешевскимъ, который въ то время завѣдывалъ музеемъ университета.

⁽³⁾ «The Recovery of Jerusalem», p. 479—481.

Биркетъ-Израилъ, въ Муристанъ и Офелъ шесть черепковъ отъ такихъ сосудовъ и одинъ сосудъ совершенно цѣлый, найденный въ древнемъ Сидонѣ, послужили матеріалами для изслѣдованія. Эти интересные сосуды оказались все сдѣланными изъ чрезвычайной твердой и компактной массы (глины?) черного цвѣта. На трехъ экземплярахъ казалось, что они какъ будто были покрыты тонкой поливой темно-карминнаго цвѣта, произведенной, быть можетъ, съ помощью киновари⁽¹⁾. Пять изъ этихъ семи экземпляровъ сосудовъ представляютъ форму сосновой шишки, или *мурса*—символь Вакха, какъ онъ изображается на античныхъ памятникахъ: рѣзныхъ камняхъ, барельефахъ и пр. Шейка, въ двухъ случаяхъ, гдѣ она сохранилась, оказалась коротка и отверстіе чрезвычайно узко⁽²⁾. Такъ какъ разбитые сосуды въ своихъ черепкахъ не обнаружили никакого содержимаго, то все изслѣдованіе для опредѣленія назначенія сосудовъ было сосредоточено на единственномъ цѣльномъ экземплярѣ. Чтобы узнать не содержится ли въ его полости какихъ остатковъ, могущихъ повести къ разъясненію вопроса, въ узкое горлышко сосуда было введено перо, которымъ поцарапали о внутреннія стѣнки полости сосуда; вслѣдствіе такой операціи изъ внутренности сосуда отдѣлились частички сѣрвато-бѣлой субстанціи, которая будучи анализирована профессоромъ Н. Маскелиномъ (N. Maskelyn) оказалась состоявшею изъ мелкихъ чешуекъ разложившагося воска, между которыми было замѣтно нѣсколько мельчайшихъ шариковъ ртути въ свободномъ состояніи. Это случайное открытіе повело къ заключенію, что загадочные сосуды служили *тарою* для вмѣщенія и перевозки ртути. Прочность матеріала, толщина стѣнокъ и узкость горлышка, обуславливающія легкое и удобное сохраненіе металла, повидимому совершенно соотвѣтствуютъ сказанной цѣли. Что касается до присутствія воска, то быть можетъ онъ употреблялся для того, чтобы залѣплять отверстіе сосуда по наполненіи его металломъ.

Въ 1872 году я высказалъ предположеніе, основанное на многихъ соображеніяхъ, что эти сосуды могли бы служить *лампами* или *чираками*, въ которыхъ жгли какой нибудь очень летучій освѣтительный матеріалъ, который при сгораніи не оставлялъ по себѣ никакихъ слѣдовъ въ сосудѣ; такимъ матеріаломъ могла быть нефть⁽³⁾.

(1) Это же самое замѣчается и на одномъ фрагментѣ сосуда, найденномъ въ развалинахъ города Булгара: онъ представляетъ наибольшее во всехъ отношеніяхъ сходство съ сирійскими сосудами. См. Табл. II, фиг. 5.

(2) То-же самое замѣчается у всехъ подобныхъ сосудовъ.

(3) Труды II Арх. Съѣзда, вып. I, стр. 31.

Въ 1873 году г. де Сосі (M. F. de Saulcy) представилъ въ засѣданіи Общества французскихъ антикваріевъ сообщеніе о подобныхъ же сосудахъ, найденныхъ въ значительномъ числѣ въ гор. Триполи (¹). Выше было уже упоминаемо, что ихъ было найдено разомъ до шестидесяти штукъ. Объ особенностяхъ сопровождавшихъ эту находку будетъ изложено ниже. Французскій вице-консулъ въ Триполи, г. Бланшъ купилъ изъ числа найденныхъ десять сосудовъ и зимой 1872 года привезъ ихъ въ Парижъ, гдѣ и показалъ ихъ г-ну де Сосі. Три изъ этихъ сосудовъ г. Бланшъ подарилъ г-ну де Сосі, который передалъ одинъ экземпляръ въ Севрскій керамическій музей, а два другихъ въ артиллерійскій музей въ Парижѣ. До этого времени г. де Сосі не имѣлъ случая изслѣдовать подобные сосуды, хотя самъ сдѣлалъ путешествіе въ Палестину, гдѣ производилъ даже раскопки, въ 1863—1864 годахъ (²). Единственный экземпляръ, видѣнный имъ ранѣе, принадлежалъ г-ну Огюсту Паранъ (M. Auguste Parent) этотъ образецъ; по величинѣ былъ почти вдвое болѣе сосудовъ, найденныхъ въ Триполи. Ему приписывалось финикійское происхожденіе, а значительный вѣсъ и черный цвѣтъ весьма плотной глины заставили г-на де Сосі признать этотъ сосудъ за сдѣланный изъ *базальта*. Не смотря на значительный размѣръ этого экземпляра отверстіе его горлышка было такъ узко, что г. де Сосі совершенно не могъ понять для чего былъ предназначенъ такой странный сосудъ (³). Новооткрытые, привезенные изъ Триполи сосуды дали возможность г. де Сосі составить свое предположеніе объ ихъ назначеніи, а ближайшее съ ними знакомство вынудило его отказаться отъ мысли, что они выдѣлывались изъ базальта. Онъ полагаетъ невозможнымъ принимать ихъ за ртутныя тары и думаетъ видѣть въ нихъ ни что иное, какъ протопицъ *ручныхъ гранатъ*, специально предназначенныхъ для защиты укрѣпленныхъ мѣсть, а изобрѣтеніе этихъ боевыхъ снарядовъ приписываетъ Арабамъ (⁴).

(¹) «Note sur des projectiles à main creux et en terre cuite de fabrication arabe», par M. F. de Saulcy. «Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France 1874. t. XXXV. pp. 18—34. Это сообщеніе было перепечатано въ видѣ извлеченія въ иллюстрированномъ журналѣ «Magazin pittoresque» 1876.

(²) Онъ въ особенности изслѣдовалъ мѣстность близъ гор. Іерусалима, извѣстную подъ названіемъ «Кбуръ-эль-Мулюокъ», — *гробница царей*. Онъ утверждаетъ, что эта мѣстность дѣйствительно въ древности служила мѣстомъ погребенія царей іудейскихъ, но впоследствии была разграблена и древности оттуда расхищены. Потомъ она служила снова, уже въ римскую эпоху и во время осады Іерусалима Титомъ, мѣстомъ погребенія для разныхъ лицъ. Большая часть добытыхъ имъ здѣсь древностей, находящихся теперь въ музеѣ Лувра, носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ римской эпохи. См. «Voyage en Terre Sainte», par F. de Saulcy, Paris 1863.

(³) «Mémoires» etc., t. XXXV, p. 22.

(⁴) Ibid.

По его мнѣнію эти бросательные снаряды могли быть разрывные и должны были служить для совершенно однороднаго съ теперешними, современными гранатами употребленія (¹).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ четыре попытки разъяснить назначеніе проблематическихъ сосудовъ; но для того, чтобы рѣшить, которое изъ объясненій наиболее правдоподобно, необходимо подробно разобрать тѣ основанія и доводы, какія приводятся въ подкрѣпленіе каждой догадки.

Всѣ попытки, клонящіяся къ разъясненію назначенія этихъ странныхъ сосудовъ, заслуживаютъ вниманія; однакоже, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что до сихъ поръ ни одну изъ предлагаемыхъ гипотезъ нельзя признать неоспоримой потому, что хотя каждая изъ нихъ представляетъ съ одной стороны нѣкоторое вѣроятіе въ свою пользу, но въ то же время съ другой стороны возбуждаетъ много и очень основательныхъ возраженій.

Первое опредѣленіе назначенія этихъ сосудовъ, принимающее ихъ за архитектурныя украшенія, кажется всего менѣе правдоподобнымъ. Во первыхъ, оно грѣшитъ большой неопредѣльностью: легко сказать—„архитектурное украшеніе“; но этого мало потому, что для рѣшенія вопроса необходимо сдѣлать объясненіе предмета и въ архитектурномъ смыслѣ, т. е. опредѣлить, когда, гдѣ и для какой цѣли могъ быть употребляемъ подобный орнаментъ, въ какой бы то ни было архитектурѣ. Во вторыхъ, самое устройство этихъ сосудовъ вовсе не гармонируетъ съ понятіемъ о законахъ архитектоники. Всякое украшеніе въ архитектурѣ должно имѣть характеръ декоративный, т. е. такой, которой лишь на извѣстномъ разстояніи получаетъ свой надлежащій видъ. Если сосуды эти были предназначены для того, чтобы играть роль архитектурныхъ орнаментовъ, въ такомъ случаѣ было бы страннымъ покрывать ихъ поверхность мелкой и сложной орнаментаціей потому, что въ архитектурномъ смыслѣ могли играть роль лишь ихъ контурныя очертанія. Украшенія же, которыми они покрыты, вообще такъ мелки, сложны и такъ старательно выдѣланы, что могутъ быть поняты лишь тогда, когда возьмешь сосудъ въ руки и пристально его размотришь. На отдаленномъ отъ глазъ разстояніи, необходимомъ для того, чтобы зритель однимъ взглядомъ могъ окинуть архитектурное произведеніе, такіе орнаменты не могутъ имѣть никакого значенія потому, что всеѣмъ уничтожаются и становятся невидимыми. Спрашивается, зачѣмъ же мастера столько трудились надъ выдѣлкой украшеній, тогда какъ не могли же они не знать, что этотъ трудъ ихъ напрасенъ и не произведетъ никакого эффекта? Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ самый размѣръ этихъ сосудовъ такъ незначи-

(¹) «Mémoires» etc., t. XXXV, p. 33.

лень, что и съ этой стороны понятіе архитектурнаго орнамента или детали кажется къ нимъ неприложимымъ. Наконецъ, если бы они дѣйствительно употреблялись въ архитектурѣ, то конечно какъ орнаментъ *повторяющійся*, и въ такомъ случаѣ, должно-бы встрѣчаться много совершенно однообразныхъ экземпляровъ; а между тѣмъ, они столь разнообразны, что трудно найти даже два совершенно одинаковыхъ.

Не могли они также исполнять и роли такъ называемыхъ *голосниковъ*, особаго рода глиняныхъ сосудовъ, которые вдѣлывались внутри зданій, въ верхнихъ углахъ и сводахъ для увеличенія резонанса, какъ это нѣкогда практиковалось въ постройкѣ зданій храмовъ и мечетей. Для подобнаго употребленія сосуды наши, слишкомъ малы по размѣрамъ, стѣнки ихъ чрезмѣрно толсты и потому они не могли помогать усиленію резонанса; но кромѣ того, всѣ они болѣе или менѣе изукрашены орнаментаціей, что для голосниковъ было совершенно излишнимъ, ибо они вмазывались, или закладывались въ стѣны между камней.

Второе объясненіе назначенія загадочныхъ сосудовъ, принимающее ихъ за *тары* для укупорки и перевозки *ртути*, заслуживаетъ болѣе вниманія потому, что имѣетъ нѣкоторыя данныя въ свою пользу. Хотя намъ мало извѣстно о металлургическихъ производствахъ на Востокѣ въ древности (*), но припомнивъ какую большую роль играетъ въ украшеніи оружія и всякаго рода предметовъ домашняго быта и убранства *позолота на металлахъ*, мы должны будемъ заключить, что въ этого рода техникѣ ртуть играла не послѣднюю роль точно также, какъ быть можетъ, играла она роль и при операціяхъ выдѣленія золота изъ другихъ металловъ (**). Но въ то же время намъ извѣстно, что золото употреблялось на издѣлія и въ натуральномъ своемъ видѣ, безъ очистки его отъ примѣси другихъ металловъ, обыкновенно его сопровождающихъ, а позолота производилась простымъ наложеніемъ на другой металлъ тончайшаго листка золота. Сверхъ того, допустивъ значительное употребленіе ртути при металлическихъ операціяхъ и въ техническихъ производствахъ различныхъ предметовъ изъ металловъ у древнихъ народовъ Востока, мы должны будемъ предположить, что существовали и центры, гдѣ добывалась ртуть въ большихъ массахъ (*) и откуда она развозилась въ другія мѣстности. Такое предположеніе необходимо вызываетъ представленіе о нѣкотораго рода фабричной или заводской дѣятельности, основанной на извѣстной правильности и однообразіи.

(*) См. «Извѣстія Имп. Арх. Общ.» т. VI, 2 отд., стр. 106—108.

(**) Ibid. Арабскій географъ XII столѣтія Идриси сообщаетъ, что ликари на восточномъ берегу Африки уже знали и примѣняли ртуть для добыванія золота.

(*) Нѣчто въ родѣ знаменитыхъ рудниковъ ртути въ Испаніи.

принятыхъ при развѣшиваніи ртути, ея укупоркѣ и продажѣ. Отчего же устройство и выдѣлка сосудовъ, предназначенныхъ для вмѣщенія и перевозки одного и того же матеріала, т. е. такъ называемыя *тары* не обнаруживаютъ идеи однообразія, соотвѣтственно своему назначенію, а напротивъ оказываются до такой степени разнообразными, что между множествомъ сосудовъ трудно пріискать два совершенно одинаковыхъ? Въ данномъ случаѣ никакъ нельзя себѣ объяснить, почему такіе простые сосуды, какъ тары, при опорожненіи отъ ртути теряющія всякое значеніе, такъ разнообразно и тщательно украшались снаружи, не говоря уже о томъ, что и самая коническая форма ихъ дѣлаютъ для означенной цѣли была весьма неудачно выбрана, такъ какъ сосудъ не представлялъ твердой устойчивости и ежеминутно могъ опрокидываться, а ртуть—разливаться и теряться. Правда, что толстота стѣнокъ и узкое отверстіе горла дѣлаютъ такой сосудъ способнымъ для укупорки и перевозки ртути, но чрезвычайное разнообразіе въ матеріалѣ, формахъ, размѣрахъ и технической отдѣлкѣ—свидѣтельствуютъ противъ подобнаго употребленія. Найденные въ одномъ изъ сирійскихъ сосудовъ признаки ртути еще не могутъ разрѣшить задачи потому на примѣръ, что въ моей коллекціи болгарскихъ древностей находится уже не малое число такихъ сосудовъ, а между тѣмъ въ нихъ ничего подобнаго не замѣчено. Точно также и г. де Сосі, разсмотрѣвшій десятокъ такихъ сосудовъ изъ Сиріи, ни въ одномъ изъ нихъ не открылъ слѣдовъ ртути. При этомъ онъ указываетъ на то, что ртуть въ средніе вѣка привозилась во Францію въ значительныхъ размѣрахъ, будучи употребляема при алхимическихъ работахъ, а однакоже тамъ не встрѣчается этихъ предполагаемыхъ ртутныхъ таръ ни въ цѣломъ видѣ, ни въ обломкахъ. „Чѣмъ же объяснить, спрашиваетъ онъ, что эти сосуды нигдѣ не встрѣчаются, кромѣ странъ, нѣкогда занятыхъ Арабами?“⁽¹⁾.

На одномъ изъ первыхъ сосудовъ, полученныхъ г-мъ де Сосі отъ г. Бланшъ, именно на томъ, который теперь хранится въ Севрекомъ музеѣ керамики, надъ орнаментомъ, т. е. близъ самой вершины конуса было найдено отгиснутое четырехъ-режды круглое клеймо, значеніе котораго не представляетъ никакого сомнѣнія. При первомъ же взглядѣ легко прочесть арабское слово: بـا غـمـة = „ба Гама“, т. е. „въ Гамѣ“, что слѣдуетъ понимать: „фабриковано, дѣлано въ Гамѣ“⁽²⁾. Такимъ образомъ оказывается, что сосудъ этотъ относится къ мѣстнымъ сирійскимъ произведеніямъ и, слѣдовательно, если онъ служилъ тарой для ртути, то и разработка этого металла должна была находиться также гдѣ нибудь неподалеку отъ мѣста фабрикаціи таръ; однакоже объ этомъ ничего не извѣстно.

⁽¹⁾ «Mémoires». etc. p. 24.

⁽²⁾ *Гама* или *Гематъ* очень древній и весьма значительный городъ въ Сиріи, расположенный въ одной узкой долинѣ, лежащей на пути изъ Алеппо въ Триполи.

Открытие на вышеупомянутомъ сосудѣ клейма, которое безъ сомнѣнія можно принимать за фабричную мѣтку, повело г-на де Сосі къ заключенію, что сосуды эти должно считать арабскими и по шрифту буквъ надписи относить ихъ къ XIII столѣтію. Такое опредѣленіе въ отношеніи сирійскихъ сосудовъ кажется не подлежащимъ спору, но относительно назначенія этихъ предметовъ г. де Сосі предлагаетъ объясненіе, которое оказывается не болѣе двухъ первыхъ убѣдительнымъ. Онъ отвергаетъ мысль, что загадочные сосуды служили тарами для ртути и принимаетъ ихъ за прототипъ *ручныхъ гранатъ*, наполнявшихся воспламеняющимся составомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *греческаго огня* и употреблявшихся съ спеціальной цѣлью для защиты городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ.

„Если мы припомнимъ себѣ, говоритъ онъ, чрезвычайно частое употребленіе греческаго огня во время большихъ войнъ крестовыхъ походовъ, то мы будемъ вынуждены видѣть въ этихъ сосудахъ прототипъ *ручныхъ гранатъ*, спеціально предназначенныхъ служить для защиты крѣпостей. Весьма вѣроятно, что сосуды эти содержали въ себѣ крайне воспламеняющійся и можетъ быть разрывной (?) составъ нѣкотораго рода греческаго огня. Составъ этотъ, будучи помѣщенъ въ • пріемникъ или сосудъ черезъ отверстіе,—это послѣднее затыкалось и снабжалось свѣтильной или чѣмъ нибудь въ родѣ фитиля, предназначеннаго для передачи огня внутрь снаряда. Легко понять, что толщина и компактность разбросанныхъ вслѣдствіе взрыва обломковъ должны были причинять раны, почти столь же тяжкія, какъ и тѣ, которыя причиняютъ обломки настоящихъ гранатъ и разрывныхъ снарядовъ“ (1).

Если бы г. де Сосі предложилъ свою гипотезу въ видѣ простой догадки, то она могла бы быть принята въ соображеніе на ряду съ прочими предположеніями о томъ же предметѣ при разрѣшеніи темнаго вопроса. Но дѣло въ томъ, что онъ придаетъ своему предположенію такой видъ, какъ будто оно рѣшаетъ вопросъ о назначеніи загадочныхъ сосудовъ уже безспорно и окончательно,—такъ что на основаніи этого рѣшенія сирійскіе сосуды, помѣщенные имъ въ Парижскіе музеи, украшаются этикетками, на которыхъ значится: „Grenade à feu grégeois, en grès noir de fabrication arabe du XIII siècle“. Это обстоятельство вынуждаетъ разобрать доводы г-на де Сосі подробнѣе, такъ какъ его гипотеза затрогиваетъ еще и другой темный вопросъ о сущности и составѣ *греческаго огня*. Встрѣчая въ публичныхъ музеяхъ странныя сферо-коническіе сосуды съ вышеупомянутыми этикетками, конечно многіе будутъ введены въ заблужденіе и въ ихъ памяти укоренится мысль, что составы греческаго огня наконецъ дознаны наукой и что даже удалось открыть древнія ручныя гранаты, образцы

(1) «Mémoires» etc., pp. 25—26.

которыхъ выставлены въ такихъ-то музеяхъ. Въ наше время въ особенности наука стремится къ наибольшей точности изслѣдованій во всѣхъ областяхъ знанія и потому было-бы нежелательно въ новѣйшихъ научныхъ трудахъ встрѣчать фантастичныя опредѣленія предметовъ, болѣе свойственныя пережитымъ уже наукой эпохамъ.

Главнымъ возраженіемъ противъ объясненія г. де Сосі можетъ служить то же указаніе на разнообразіе въ величинѣ, формахъ и орнаментации этихъ сосудовъ, а также и на тщательность выбора и обработки матеріала, изъ котораго иные изъ нихъ сдѣланы. Почтенный французскій ученый имѣлъ возможность разсмотрѣть всего только десять сосудовъ, которые г. Вланшъ привезъ изъ Триполи въ Парижъ; но и въ нихъ онъ уже могъ замѣтить значительное разнообразіе, какъ въ размѣрахъ частей, такъ и въ орнаментации⁽¹⁾; однакожъ онъ оставилъ безъ вниманія это обстоятельство, а между тѣмъ для разрѣшенія вопроса оно очень важно. Всѣ разсмотрѣнные имъ сосуда происходили изъ одной мѣстности и найденное имъ на одномъ изъ сосудовъ фабричное клеймо даетъ поводъ думать, что и остальные сосуды были сдѣланы тамъ же. Если-бы они дѣйствительно играли ту роль, которую имъ приписываетъ г. де Сосі, т. е. были ручными гранатами, то почему въ одной и той же мастерской ихъ изготовляли такъ разнообразно, что по собственному его замѣчанію, трудно найти и два сосуда совершенно одинаковыхъ? Какъ ни склонны вообще восточные народы расточать украшенія на всѣ предметы своего производства, но едва ли настолько не сообразительны, что стали бы тратить время на украшеніе такого предмета, который завѣдомо былъ предназначенъ для разрушенія. Но г-ну де Сосі еще вовсе не были извѣстны средне-азіатскіе сосуды и тѣ, которые встрѣчаются въ здѣшнемъ краѣ, а между тѣмъ въ нихъ замѣчается гораздо большее разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ XIII столѣтіи Арабы дѣйствительно употребляли въ видѣ оружія родъ гранатъ, наполнявшихся воспламеняющимся составомъ, въ которомъ повидимому главную роль играла нефть; но эти гранаты были стеклянныя и изобрѣтеніе ихъ обыкновенно приписывается Венеціанцамъ, у которыхъ Арабы ихъ заимствовали. Точный составъ греческаго огня, такъ часто употреблявшагося въ средніе вѣка, остается понынѣ неизвѣстнымъ; но можно думать, что подъ этимъ общимъ названіемъ понимались разные воспламенительные составы. Арабы, хотя и знали селитру⁽²⁾,

⁽¹⁾ «Mémoires» etc., p. 21.

⁽²⁾ Арабы называли селитру «теледжъ-эс-синъ». У Персіанъ она извѣстна подъ названіемъ «немекъ-тигани». Поэтому можно заключать, что оба эти народа получили первое знакомство съ селитрой изъ Китая.

но пороховой составъ имъ не былъ извѣстенъ, такъ какъ гранаты ихъ, которыя они бросали просто рукой, были способны только къ горѣнію, а не къ взрыву.

Наиболѣе подробнымъ изслѣдованіемъ о составѣ и употребленіи греческаго огня слѣдуетъ считать сочиненіе г.г. Рейно и Фавѣ. Тамъ говорится положительно, что главной цѣлью метательныхъ снарядовъ, употреблявшихся Арабами, было зажиганіе построекъ, произведеніе пожара, а не убійства и пораженія вслѣдствіе разрыва снаряда, какъ у дѣйствительныхъ гранатъ. Для этой цѣли арабскія гранаты дѣлались изъ хрупкаго матеріала, именно изъ стекла (').

Г. де Сосі въ подтвержденіе своего мнѣнія, что загадочные глиняные сосуды служили ручными гранатами, предназначенными для защиты крѣпостей, приводитъ рассказъ арабскаго писателя Ибнъ-эль-Асира, относящійся къ осадѣ Сень-Жанъ д'Акра, во время третьяго крестоваго похода: „Сначала человѣкъ изъ Дамаска бросилъ на APPROXИМІИЯ сооруженія осаждающихъ горшки съ нефтью и другими веществами незажженными и ожидалъ, чтобы брошенные вещества хорошо разлились повсюду. Затѣмъ бросилъ горшокъ съ огнемъ, вслѣдствіе чего огонь быстро повсюду распространился и башня была сожжена“ (*). Но эта цитата никакъ не можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія г-на де Сосі, а напротивъ, служитъ его опроверженіемъ. Изъ нея можно ясно понять, что составъ греческаго огня не былъ разрывнымъ, а только воспламенительнымъ, и въ немъ главной составной частью была нефть. Если требовалось для успѣха дѣла, чтобы брошенные вещества хорошо разлились, то понятно, что въ такомъ случаѣ хрупкость матеріала, изъ котораго были сдѣланы горшки вмѣщавшіе нефть, была выгоднѣе, ибо, разбиваясь въ дребезги при паденіи, сосудъ необходимо долженъ былъ разливать всю содержащуюся въ немъ жидкость; а именно это-то и было нужно для послѣдующаго ея воспламенѣнія. Конечно, въ данномъ случаѣ стеклянные сосуды были болѣе выгодными, глиняные же, подобные нашимъ сфероконическимъ, сдѣланные изъ плотной, чрезвычайно вязкой, компактной и во многихъ случаяхъ даже видимому огнеупорной глины, могли разбиваться съ трудомъ. Г. де Сосі не принимаетъ этого обстоятельства во вниманіе и находитъ, что самая коническая форма ихъ была очень пригодной къ тому, чтобы разливать содержащую жидкость. Неиз-

(') *Reinaud et Favé*: «Sur la nature et l'emploi du feu grégeois», 1845, p. 144. Настоящія металлические бомбы и гранаты, начинявшіяся порохомъ, которыя можно считать прототипомъ нынѣшнихъ, были изобрѣтены гораздо позже, въ XV столѣтіи и выдумка ихъ приписывается Сигизмунду Малатестѣ. Объ этомъ сообщаетъ его современникъ Роберто Валтуріо, въ своемъ сочиненіи: «De re militari».

(*) *Reinaud*: «Bibliothèque des Croisades», t. IV, p. 264.

вѣстно произвелъ ли. г. де Сосі надъ сосудами опыты въ этомъ смыслѣ, но а priori кажется, что шарообразная форма для подобной цѣли была бы удобнѣе потому, что шаръ, катаясь по всѣмъ направленіямъ своей оси, болѣе способенъ изливать содержащуюся въ немъ жидкость; конусъ же можетъ кататься лишь описывая кругъ, и половина жидкости всегда должна будетъ въ немъ оставаться. Но изъ числа сосудовъ, найденныхъ въ здѣшнемъ краѣ, мы имѣемъ цилиндро-конические, затѣмъ, въ видѣ меньшаго факела или головни и наконецъ, въ видѣ плода фиги. Если бы почтенный французскій ученый могъ ихъ видѣть, то что бы онъ сказалъ относительно выгоды ихъ формы въ смыслѣ разливанія жидкости.

Стеклянные вмѣстилища зажигательныхъ составовъ по хрупкости матеріала представляютъ совершенный контрастъ съ прочностью глиняныхъ сфероконическихъ сосудовъ. Мы видѣли, что для разливанія изъ сосуда воспламенительной жидкости было весьма выгодно, чтобы сосудъ разбивался. Но, при устройствѣ проблематическихъ глиняныхъ сосудовъ, замѣчается напротивъ стараніе сдѣлать ихъ сколь возможно болѣе прочными. Такое явное противорѣчіе съ придуманнымъ для нихъ г-мъ де Сосі назначеніемъ вынудило его приписать Арабамъ почти что изобрѣтеніе пороха. Но, высказавъ свою мысль сначала въ видѣ догадки⁽¹⁾, онъ далѣе уже совершенно увѣреннымъ тономъ приравниваетъ загадочные сосуды къ нынѣшнимъ разрывнымъ снарядамъ и говоритъ, что „принимая во вниманіе прочность ихъ устройства, осколки ихъ должны были причинять раны и увѣчья почти столь же тяжелыя, какія производятъ осколки нынѣшнихъ гранатъ и бомбъ“⁽²⁾. Такія догадки совершенно произвольны; но г. де Сосі, очевидно руководимый одной фантазіей, на этомъ не останавливается. По поводу открытыхъ проф. Н. Маскелиномъ въ одномъ сосудѣ нѣсколькихъ малѣйшихъ шариковъ ртути, онъ находитъ возможнымъ высказать подозрѣніе, что въ сосудѣ этомъ заключался быть можетъ „ртутный фульминатъ“⁽³⁾; что же касается до нѣсколькихъ чешуекъ разложившагося воска, то онъ говоритъ, что вѣроятно имъ покрывалась вся внутренняя сторона сосуда для того, чтобы предохранить отъ прикосновенія къ стѣнкамъ сосуда взрывной составъ, въ предупрежденіе неожиданнаго взрыва, который безъ такой предосторожности могъ бы произойти⁽⁴⁾.

Трудно себѣ представить, какъ возможно такимъ образомъ объяснять фактъ, замѣченный англійскимъ ученымъ. Мы видѣли выше, что открытіе слѣдовъ ртути

(1) «Très probablement ces vases contenaient la matière éminemment inflammable et peut-être détonnante d'une espèce de feu grégeois», Mém., p. 25.

(2) Ibid. p. 26.

(3) Ibid. p. 34

въ одномъ изъ сирійскихъ сосудовъ не представляется столь значительнымъ, чтобы могло послужить достаточнымъ основаніемъ къ тѣмъ догадкамъ, какія высказываетъ г. де Сосй. Когда члены англійскаго общества для раскопокъ въ Палестинѣ задались мыслью разгадать назначеніе странныхъ сосудовъ, то, находя разбитые сосуды совершенно пустыми, обратились къ единственному цѣльному экземпляру своей коллекціи. Желая испытать не содержится ли въ немъ какихъ либо остатковъ, въ узкое его горлышко было введено перо, которымъ поворачивали въ сосудѣ и парали о внутреннія стѣнки. Когда послѣ того перо было вынуто, то съ нимъ отдѣлились изъ сосуда частички сѣрвовой субстанціи. Конечно этой субстанціи было едва достаточно для микроскопическаго анализа, показавшаго, что она состояла изъ маленькихъ чешуекъ разложившагося воска, между которыми было примѣтно нѣсколько малѣйшихъ шариковъ ртути въ свободномъ состояніи. Присутствіе слѣдовъ ртути подало поводъ къ догадкѣ, что сосуды эти быть можетъ служили тарами для ртути. Что же касается до воска, то сами изслѣдователи не знали откуда онъ взялся: съ внутреннихъ ли стѣнокъ или изъ горлышка и скорѣе думали, что изъ послѣдняго потому, что высказали предположеніе, что воскъ могъ служить для залѣпленія отверстія по наполненіи тары ртутью. Какимъ же образомъ по поводу такого скромнаго и еще недостаточно разъясненнаго факта и притомъ, имѣя подъ руками десятокъ совершенно пустыхъ сосудовъ, возможно приписывать Арабамъ знаніе и употребленіе ртутныхъ фульминатовъ? Что касается до взрывчатыхъ свойствъ нѣкоторыхъ составовъ греческаго огня, то объ этомъ встрѣчается весьма мало указаній. Только въ „Тактикѣ“, византійскаго императора Льва (около 900 года) упоминается, что греческій огонь есть нѣкотораго рода фейерверочный составъ, „который, будучи предшествуемъ громомъ и дымомъ, зажигаетъ корабль“. Изъ этого можно ясно понимать взрывчатое свойство состава, ибо говорится о *громъ* и *дымъ* при воспламенѣніи. Но за тѣмъ упоминается, что этотъ составъ бросали также посредствомъ *ручныхъ трубокъ*, которыя воины носили въ рукахъ позади щитовъ и бросали огонь въ лицо непріятелю. Однакоже эти трубы нельзя принимать за прототипъ гранатъ, ибо снаряды были открытые: они состояли изъ мѣдной трубки, въ которую вкладывалась трубочка изъ тростника, наполненная извѣстнымъ составомъ; когда было нужно употребить снарядъ въ дѣйствіе, то къ одному изъ концевъ мѣдной трубки подносили огонь и тогда тростниковая трубка, воспламеняясь, предшествуемая громомъ и дымомъ, вылетала подобно огненному метеору и достигала до предметовъ, противъ которыхъ была направлена. Кажется въ этомъ изложеніи скорѣе можно бы угадывать первыя попытки къ изобрѣтенію огнестрѣльнаго оружія, а вовсе не гранатъ. Что же касается до горшковъ съ огнемъ, которые въ той же „Тактикѣ“ рекомендуется бро-

сать въ непріятеля, то и они не походили на гранаты, ибо для успѣшнаго ихъ дѣйствія требовалось, чтобы они непременно *разбивались*, слѣдовательно пріемники должны были обладать извѣстной степенью хрупкости и по этому ихъ было всего удобнѣе изготовлять изъ стекла, какими они и были въ дѣйствительности по мнѣнію Г.г. Рейно и Фавѣ. Другой французскій изслѣдователь о греческомъ огнѣ, г. Людовикъ Лаланнъ пришелъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ о свойствахъ этого состава: 1) греческій огонь не былъ неугасимъ и дѣйствіе его было весьма незначительно; 2) состояніе атмосферы имѣло весьма большое вліяніе на его дѣйствіе⁽¹⁾. Но такъ какъ повидимому, подъ общимъ названіемъ греческаго огня были извѣстны различныя воспламенительныя и отчасти взрывчатые составы, то само собой разумѣется, что замѣчанія г-на Л. Лаланна могутъ относиться не ко всѣмъ имъ въ одинаковой степени. Между приложенными къ его изслѣдованію изображеніями различныхъ вмѣстилищъ греческаго огня, мы тоже не находимъ тѣхъ сфероконическихъ сосудовъ, которые г. де Сосіи принимаетъ за ручныя гранаты.

Хотя было бы очень желательно видѣть спорный вопросъ о назначеніи загадочныхъ сосудовъ вполне удовлетворительно и окончательно разрѣшеннымъ, но къ сожалѣнію никакъ нельзя раздѣлять увѣренности г-на де Сосіи, будто онъ вполне разгадалъ назначеніе сосудовъ. Напротивъ, изъ всего вышеизложеннаго ясно усматривается, что объясненія и догадки почтеннаго ученаго нисколько не приближаютъ насъ къ окончательному разрѣшенію вопроса.

И такъ мы видимъ, что нѣтъ никакой логической возможности согласиться вполне ни съ однимъ изъ перечисленныхъ выше трехъ предположеній относительно дѣйствительнаго назначенія этихъ предметовъ древняго быта. Однакоже пристальное изученіе загадочныхъ сосудовъ и возможно полное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ подаетъ надежду, что къ разгадкѣ вопроса можно подойти ближе.

Сравнительно частое нахожденіе подобныхъ сосудовъ, напр. въ здѣшнемъ краѣ, указываетъ на распространенность ихъ употребленія между мѣстнымъ населеніемъ въ извѣстный періодъ времени. Положимъ, что назначеніе ихъ намъ не извѣстно; но разнообразіе въ матеріалѣ, величинѣ, формахъ и отдѣлкѣ конечно указываетъ на то, что существовало различіе въ ихъ стоимости и что при выдѣлкѣ ихъ руководились намѣреніемъ угодить на всякій вкусъ и на всякія средства. Вообще сосуды эти въ разныхъ своихъ образцахъ представляются выдѣланными такъ же хорошо и старательно, какъ и разнаго рода посуда, относящаяся къ

(1) Людовикъ Лаланнъ: «Изслѣдованіе о греческомъ огнѣ и о введеніи пороха въ Европѣ», перев. полковникъ Силличъ, Спб. 1847.

тому же періоду времени, которую находятъ въ той же мѣстности. Эта посуда встрѣчается всего болѣе въ видѣ фрагментовъ: цѣлые экземпляры находятъ весьма рѣдко. По имѣющимся образцамъ можно судить, что употреблявшаяся здѣсь посуда была очень разнообразна по своимъ качествамъ; здѣсь встрѣчаются восточные фаянсы высокой обработки, покрытые превосходной разноцвѣтной поливой, исцещренные красками съ металлическимъ отливомъ, нисколько не уступающіе извѣстнымъ испано-арабскимъ фаянсамъ⁽¹⁾, и въ то же время просто глиняная посуда, покрытая одноцвѣтной или росписной поливой. Между образцами посуды изъ глины не покрытой поливой можно тоже встрѣтить большое разнообразіе: здѣсь встрѣчаются сосуды изъ свѣтлой чрезвычайно пластичной глины, украшенные вычурными рельефными орнаментами, и изъ простой горшечной глины безъ всякихъ украшеній. Само собой разумѣется, что лучшіе виды посуды должно считать привозными и лишь простѣйшіе можно признать за произведенія мѣстной индустріи.

Совершенно аналогическое разнообразіе оказывается и въ выдѣлкѣ сфероконическихъ сосудовъ съ тою лишь разницей, что между ними фаянсовыхъ не встрѣчается, а всѣ они выдѣланы изъ глины, представляющей значительное различіе въ выборѣ и обработкѣ. Такая близкая аналогія сфероконическихъ сосудовъ съ древней посудой, какъ-бы удостовѣряетъ, что и они должны быть относимы къ той же категоріи; но, принимая во вниманіе ихъ формы и размѣры, никакъ нельзя допустить мысли, что они могли исполнять роль какой нибудь *столовой* посуды, т. е. предназначались для храненія какой нибудь жидкости: воды, вина, растительнаго масла и пр., такъ какъ для подобнаго назначенія размѣры ихъ слишкомъ незначительны и форма совершенно неудобна. Но, если нельзя загадочные сосуды считать какимъ либо особымъ видомъ посуды въ буквальномъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ они должны были принадлежать къ числу домашней утвари. Всѣ наружные ихъ признаки указываютъ на то, что они были предметами ежедневнаго домашняго обихода и остается только разъяснить какими именно. Желанное разъясненіе кажется можно найти въ самомъ устройствѣ сосудовъ. Обращая вниманіе на то, что сосуды эти по большей части выдѣлы-

⁽¹⁾ Эти знаменитые фаянсы дѣлались въ Испаніи Маврами и центромъ ихъ фабрикаціи кажется слѣдуетъ считать городъ Малагу. О нихъ въ началѣ XIV вѣка говоритъ Ибнъ-Батута изъ Магреба, сообщая, что ихъ вывозили для продажи въ самыя отдаленныя страны. *Ibn-Batoutah, «Voyages», t. IV, p. 367.* Въ новѣйшее время о нихъ дѣлалъ разысканія французскій ученый г. Давилль. По его мнѣнію общепринятый для этихъ фаянсовъ терминъ «испано-арабскихъ», неправиленъ въ смыслѣ точности, и слѣдуетъ называть ихъ «испано-мавританскими». См. *M. J. C. Davillier, «Histoire des faïences Hispano-Moresques», etc., Paris, 1861.*

вались изъ очень нѣжной и вязкой глины, которая, будучи хорошо прокаленной, представляетъ сходство съ огнеупорной глиной (стѣнки сосудовъ очень толсты, а отверстія горлышка весьма узки),—мы приходимъ къ убѣжденію, что при выдѣлкѣ этихъ загадочныхъ предметовъ было обращено вниманіе на возможную долговременность ихъ употребленія. Плотность матеріала и толщина стѣнокъ говорятъ о желаніи сдѣлать внутреннюю полость сосудовъ непроницаемой для жидкости, которую въ нихъ вливали; узкость же горлышка указываетъ на то, что эта жидкость должна была обладать свойствами большой летучести. Разнородные орнаменты, которыми украшались загадочные сосуды, выдѣлывались, какъ и на посудѣ, вглубь и рельефомъ: въ первомъ случаѣ—какими либо острыми инструментами въ глинѣ, уже почти просохшей; во второмъ—особыми штампами на сырой еще глинѣ. Вообще замѣтно стараніе сдѣлать эти сосуды красивыми для глазъ, а подобное стараніе можетъ быть умѣстнымъ лишь въ отношеніи такихъ предметовъ, которые сами своимъ постояннымъ присутствіемъ въ жилищѣ могли бы служить его украшеніемъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что многіе изъ этихъ предметовъ имѣютъ еще особыя мѣтки или знаки, выцарапанные на нихъ по обожженной уже глинѣ. Безъ сомнѣнія эти мѣтки были дѣланы лицами, которымъ сосуды принадлежали, а выставлять свою мѣтку возможно, судя по здравому смыслу, только на такихъ предметахъ, которыми приходится пользоваться болѣе или менѣе продолжительное время.

Въ домашнемъ обиходѣ древнихъ народовъ такими предметами представляются *глиняныя лампы*, и подобное назначеніе совершенно подходитъ къ загадочнымъ сосудамъ. Прочность глиняной массы, толщина и непроницаемость стѣнокъ, вмѣстѣ съ очень узкимъ отверстіемъ горлышка, убѣждаютъ въ томъ, что въ этихъ лампахъ жгли какой нибудь очень летучій и способный къ воспламененію горючій матеріалъ; такимъ матеріаломъ могла быть *нефть*. Въ здѣшнемъ краѣ не могло быть въ ней недостатка потому уже, что нефтяные источники находятся совсѣмъ по близости отъ древняго города Булгара⁽¹⁾. Но если бы для всеобщаго

(1) Въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, нефтяные источники находятся въ деревнѣ Тенишевой, лежащей близъ р. Волги, въ разстояніи отъ мѣстности древняго города Булгара верстѣ на шесть. Но кромѣ того, правое побережье Волги въ Тетюшскомъ уѣздѣ изобилуетъ нефтяными мѣсторожденіями, которыя прежде доставляли нѣкоторыя выгоды окрестнымъ поселянамъ; но по ихъ собственной небрежности многіе изъ источниковъ теперъ засорены вовсе. См. «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи, часть XXIII: Казанская губернія».—Весьма недавно еще (въ 1877 году) въ Тетюшскомъ уѣздѣ было открыто мѣстонахожденіе сѣры и нефти въ дачахъ села Сюкеева и дер. Мордовскихъ Каратай. Для разработки этихъ матеріаловъ купецъ Брагинъ арендовалъ у крестьянъ землю на 24 года и приступилъ къ постройкѣ завода. См. «Голосъ» 1877 г., № 237.

употребленія одной туземной нефти оказывалось и недостаточно, то при существованіи торговых сношеній съ прикаспійскими странами, не особенно трудно было получить ее изъ Баку. Употребленіе нефти, или горнаго масла вообще, извѣстно было народамъ еще въ глубокой древности и было примѣняемо къ различнымъ надобностямъ, между прочимъ къ воздѣлкѣ *бурдюковъ* или мѣховъ для вина. По всей справедливости мы не можемъ отказать въ знакомствѣ съ нефтью и древнимъ обитателямъ Волжской Булгаріи; въ употребленіи же ими для освѣщенія лампъ не можетъ быть никакого сомнѣнія потому, что лампы или *чираки* встрѣчаются здѣсь между памятниками древняго быта сравнительно не рѣдко: въ моей коллекціи есть бронзовыя и глиняныя различныхъ видовъ. Единственнымъ возраженіемъ, которое могло бы быть сдѣлано противъ предложеннаго мною объясненія назначенія странныхъ сосудовъ, это отсутствіе явныхъ признаковъ копоти на нихъ и весьма неудобная ихъ форма, не представляющая твердой устойчивости.

Въ то время, когда этотъ рефератъ былъ представленъ мною на IV Археологическій Съѣздъ, въ моей коллекціи еще не находилось предметовъ, которые помогли бы устранить или ослабить силу вышесказаннаго возраженія. Но по произволу судьбы, печатаніе „Трудовъ IV-го Археологическаго Съѣзда“ затянулось на нѣсколько лѣтъ, и моя коллекція въ этотъ промежутокъ времени успѣла обогатиться нѣсколькими новыми находками предметовъ древняго быта; благодаря счастливой случайности, между ними встрѣтились такіе, которые значительно облегчаютъ рѣшеніе вопроса, представляя возможность служить новымъ подтвержденіемъ моей догадки о назначеніи сфероконическихъ сосудовъ.

Въ настоящее время уже нельзя утверждать, чтобы на сфероконическихъ сосудахъ вовсе не встрѣчалось явственныхъ слѣдовъ копоти. Весной 1882 года я получилъ два такіе сосуда изъ пригорода Билярска и одинъ изъ села Булгарь, на которыхъ замѣтны неоспоримые слѣды копоти, происшедшей отъ сгоранія по видимому несомнѣнно летучей, или эфирной жидкости. Всѣ три экземпляра, хотя и представляютъ между собой нѣкоторыя различія, но принадлежать къ типамъ уже извѣстнымъ (¹).

Въ подтвержденіе тому, что нефть употреблялась какъ освѣтительный матеріаль, можно привести небольшую лампу, доставленную ко мнѣ въ 1881 году. Она была найдена въ мѣстности города Булгара, по близости нынѣ совершенно не существующихъ развалинъ, которыя были извѣстны подъ именемъ „Вѣлой Палаты“,

(¹) Тотъ, который найденъ въ мѣстности древняго города Булгара, изображенъ на таблицѣ вставленной въ бронзовую подставку, или кандеабръ. См. Таб. III, фиг. 3.

въ древности служившей общественными банями⁽¹⁾. Форма этой новооткрытой лампы представляется для насъ чрезвычайно интересной потому, что она составляетъ замѣчательный вариантъ тѣхъ же сфероконическихъ сосудовъ. Въ ней знакомая намъ форма этихъ послѣднихъ видоизмѣнена такимъ образомъ, что отнята бутылкоподобная шейка и срѣзано остріе конуса такъ, что лампа, имѣя плоское донце, можетъ твердо стоять. Верхняя часть лампы представляетъ главную сферическую поверхность; здѣсь уже нѣтъ шейки, или горлышка съ отверстіемъ для свѣтильни, помѣщаемаго на сфероконическихъ лампахъ обыкновенно въ центрѣ верхней части, но для наливаія горючаго матеріала и помѣщенія свѣтильни пробито или прорѣзано въ полу-сырой еще глинѣ, нѣсколько къ боку, отверстіе въ видѣ продольной щели. Стѣнки этой лампы также толсты и верхняя поверхность была повидимому покрыта нѣкотораго рода поливой или *люстромъ* зеленовато-сѣраго цвѣта, наложеннаго тонкимъ слоемъ. Края пробоины, или отверстія кажутся законченными, или обгорѣвшими. Форма продольнаго отверстія представляетъ аналогію съ отверстіемъ горѣлокъ нашихъ керосиновыхъ лампъ, въ которыя вставляются плоскія свѣтильни. Когда лампа была ко мнѣ доставлена, вскорѣ по находкѣ ея, то внутренняя полость ея издавала еще непріятный и пронзительный запахъ, въ которомъ было можно признавать аналогію съ запахомъ нефти. Этотъ экземпляръ сдѣланъ изъ хорошо обработанной и крѣпко обожженной гончарной глины; въ частяхъ непокрытыхъ поливой, въ особенности на донышкѣ, цвѣтъ глины представляется красновато-бурымъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ предметъ, относящійся къ категоріи сфероконическихъ сосудовъ, уже несомнѣнно служившій лампой, въ которой жгли нефть съ помощью свѣтильни, повидимому довольно толстой и притомъ плоской формы. Общій наружный видъ этой новооткрытой лампы очень напоминаетъ собой форму гриба—*дождевика* (*).

Трудно приискать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, почему придавалась лампамъ такая неудобная форма, какъ коническая, при которой онѣ не могутъ стоять прямо? Можетъ быть потому, что ихъ было удобнѣе схватывать рукой при перенесеніи съ мѣста на мѣсто. Въ этомъ отношеніи особенно удобными оказываются лампы цилиндро-конической формы (*); у нѣкоторыхъ типовъ сфероконическихъ

(1) См. *Березина* «Булгаръ на Волгѣ». Вмѣстѣ съ лампочкой было найдено круглое металлическое зеркало и бронзовая чашка персидской формы, около пяти вершковъ въ діаметрѣ.

(*) См. Таб. III, фиг. 5. По аналогіи къ этой же формѣ принадлежитъ небольшая глиняная лампочка, снятая фотографическимъ способомъ въ $\frac{3}{4}$ н. в. и помѣщенная на той же таблицѣ, фиг. 6.

(*) См. н. пр. Таб. II, фиг. 6.

ническихъ лампъ конусъ донца очень вытянутъ и удлиненъ, такъ что общій видъ лампы представляетъ аналогію съ *головней* или короткимъ *факеломъ* ⁽¹⁾: безъ сомнѣнія это дѣлалось съ цѣлью доставить болѣе удобства для держанія лампы въ рукѣ.

Впрочемъ, коническая форма донцевъ придавалась сосудамъ еще со временъ весьма отдаленныхъ. Выше было уже упоминаемо, что она встрѣчается въ египетской керамикѣ, въ древней индійской, въ античной греческой и римской, а также свойственна и керамикѣ бронзоваго періода въ Европѣ. Очень можетъ быть, что такая форма, хотя и кажущаяся намъ не совѣмъ удобной, удерживалась просто въ силу традиціи. Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ вмѣстѣ съ сосудами, имѣющими коническое дно, находили и подставки, сдѣланныя въ видѣ колецъ изъ обожженной глины ⁽²⁾. Въ моей коллекціи болгарскихъ древностей имѣется одно подобное кольцо, сдѣланное также изъ обожженной глины и найденное въ мѣстности города Биляра ⁽³⁾. По формѣ, по наружному виду и по своей величинѣ, оно не могло играть роли пронизки на ожерельѣ также, какъ не могло служить и напрямомъ для веретена. Привѣской для сѣтей по легкости своей оно тоже не могло быть; а между тѣмъ на немъ примѣтны слѣды, доказывающіе, что оно было въ употребленіи, для чего-то служило. Прикладывая его поочередно къ конусообразнымъ лампамъ, я пришелъ къ убѣжденію, что оно могло служить для нихъ подставкой: всѣ онѣ, будучи на него поставлены, сохраняютъ вертикальное положеніе и представляютъ, въ большей или меньшей степени, достаточно твердую устойчивость ⁽⁴⁾. Само собой разумѣется, что такія кольца могли продаваться вмѣстѣ съ лампами и тогда онѣ, будучи поставлены въ нарочнo для нихъ приготовленныя кольца, могли представлять еще большую степень твердой устойчивости; здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ одной, случайно найденной подставкой отъ неизвѣстной лампы. То обстоятельство, что лампъ найдено уже значительное число, а подставка всего еще только одна, не можетъ наводить сомнѣнія, потому что эти послѣднія могли выдѣлываться и изъ дерева, а слѣдовательно истребились и не дошли до насъ. Но конусообразныя лампы могли быть употребляемы и безъ под-

⁽¹⁾ См. Таб. I, фиг. 6; Таб. II, фиг. 2 и Таб. III, фиг. 4.

⁽²⁾ М. Е. Desor, «Les palafittes», p. 34, fig. 26.

⁽³⁾ На Таб. III, фиг. 7 изображено это кольцо въ $\frac{3}{4}$ натур. величины.

⁽⁴⁾ На Таб. III, фиг. 4 изображена конусообразная лампа, сдѣланная изъ очень плотной глины и покрытая прекрасной стекловатой поливой бирюзово-голубаго цвѣта; лампа поставлена въ кольцо (фиг. 7) для нагляднаго объясненія, и по изображенію можно судить, что получаемая такимъ манеромъ устойчивость конического донца представляется совершенно достаточной для того, чтобы сосудъ сохранялъ вертикальное положеніе.

ставокъ: ихъ можно было вставлять просто въ ямки, сдѣланныя въ земляномъ полу юрты⁽¹⁾.

На основаніи сравнительнаго метода изученія древностей мы привели только простѣйшіе виды подставокъ, какіе встрѣчаются для коническихъ сосудовъ въ эпоху свайныхъ построекъ и какіе были наиболее подходящими для простѣйшихъ видовъ здѣшнихъ сфероконическихъ лампъ; но болѣе изукрашенныя лампы вѣроятно помѣщались и въ болѣе богатыхъ подставки. Въ отчетахъ г. Терещенки о раскопкахъ въ мѣстности развалинъ города Сарая встрѣчаются частыя упоминанія о находкахъ какихъ-то „подсвѣчниковъ“⁽²⁾. Не имѣя возможности видѣть ни самыхъ предметовъ, ни ихъ изображеній, трудно сказать насколько точно сдѣлано въ данномъ случаѣ опредѣленіе этихъ предметовъ: можетъ быть оно дѣлалось только на основаніи аналогіи въ формахъ, и въ такомъ случаѣ многіе изъ этихъ предметовъ оказались бы не *подсвѣчниками* въ буквальномъ смыслѣ, а *канделябрами*, которыя служили подставками для лампъ.

Въ іюнѣ 1882 года, въ ближайшихъ окрестностяхъ города Булгара были найдены два бронзовые предмета страннаго устройства, повидимому обнаруживающіе двойственность назначенія. Они состоятъ изъ чашъ на полой ножкѣ; будучи поставлены на ножку, они имѣютъ видъ сосуда; если же чашка опрокинута, тогда они представляются канделябрами, ибо ножка имѣетъ значительную аналогію съ устройствомъ подсвѣчника⁽³⁾. Обѣ части, чашка и трубчатая ножка, были выдѣланы отдѣльно и затѣмъ трубка къ центру дна чашки припаяна. Можно замѣтить, что у одного канделябра (фиг. 1) для этого были употреблены бронзовые же опилки, а у другаго примѣтны уже признаки олова (фиг. 2). Первый на видъ кажется древнѣе втораго, на которомъ можно замѣтить такіе признаки, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что части его послѣ отливки были обрабатываемы на токарномъ станкѣ. Оба канделябра были найдены во время паши; они лежали вмѣстѣ и вырыты сохой, отъ удара которой чашка втораго канделябра была пробита. Быть можетъ отъ этого же удара, или вслѣдствіе долгаго лежанія въ почвѣ, трубки отъ чашъ совершенно отдѣлились. Что касается до двойственнаго назначенія этихъ предметовъ, то трудно себѣ представить, чтобы чаши могли служить сосудами для питья, ибо ихъ внутренняя поверхность непокрыта полудой. Не слу-

(1) См. *E. Desor*, p. 34, fig. 26.

(2) См. «Записки Арх.-Нум. Общ.», т. II, стр. 373, 377, 379, 382, 386.

(3) См. Таб. III, фиг. 1 (1/2 н. в.) и фиг. 2 (1/2 н. в.). Буквы *a* и *b* обозначаютъ отдѣльныя части канделябра фиг. 1.

жили-ли онѣ жаровнями для горячихъ углей (braseros) съ цѣлю согрѣванія юрты и въ другое время канделябрами для поддержки лампъ? Въ отверстія трубокъ очень хорошо проводятся наши сфероконическія лампы (¹); для свѣчей же отверстія оказываются слишкомъ широкими. Однакоже форма нашихъ болгарскихъ канделябровъ не представляется исключительной и, насколько можно припомнить, подобные предметы встрѣчаются между восточными древностями въ разныхъ иностранныхъ коллекціяхъ, въ особенности въ Каирѣ, у потомковъ египетскихъ Арабовъ (²). Нѣкоторые бронзовые предметы, хранящіеся въ Императорскомъ Эрмитажѣ изъ числа найденныхъ въ мѣстности развалинъ города Сарая А. В. Терещенкой, также представляютъ аналогію въ формахъ съ болгарскими канделябрами и очень можетъ быть, что ихъ назначеніе было однородно.

Необходимыя жизненныя удобства, составляющія принадлежность обыденнаго быта человѣка, будучи разъ выдуманы, становятся общимъ достояніемъ и переходятъ отъ одного народа къ другому. Потребность освѣщать жилища въ темные вечера, а иногда и ночью,—должна была заставить человѣка придумать какое нибудь особенное приспособленіе для сохраненія огня. Поддерживать постоянно огонь на очагѣ было неудобно, потому что этотъ способъ вмѣстѣ со свѣтомъ давалъ слишкомъ много тепла; для освѣщенія же собственно былъ нуженъ только свѣтъ, а не тепло. Конечно первымъ приспособленіемъ для полученія освѣщенія безъ излишка теплоты долженъ былъ служить тотъ же матеріалъ, который сожигался на очагѣ, только въ уменьшенномъ размѣрѣ, и такимъ образомъ тонкіе прутья, лучина, камышъ, тростникъ и пр. должны были составлять первые освѣтительные матеріалы. Но съ такимъ освѣщеніемъ было связано много неудобствъ и потому освѣтительные матеріалы должны были скоро совершенствоваться. По словамъ Марціала, прежде нежели были выдуманы лампы для сжиганія масла, употреблялись свѣчи (candelae) (³). Плиній сообщаетъ, что свѣчи дѣлались изъ воска и сала съ камышевой сердцевинкой вмѣсто свѣтильни (⁴). Но конечно еще прежде такихъ свѣчей должны были употребляться различные факелы, можетъ быть тѣ же прутья, лучины и камышъ, напитанные жиромъ, смолой, горючей сѣрой и т. п. Чтобы поддерживать такіе освѣтительные предметы

(¹) См. Таб. III, фиг. 2 и 3.

(²) Изображеніе одного подобнаго канделябра мы находимъ даже на виньеткѣ въ книгѣ G. Ebers, «Aegypten in Bild und Wort».

(³) Mart. «Ep.» XIV, 43.

(⁴) Plin. «Hist. Nat.» XVI, 70.

въ положеніи удобномъ для горѣнія былъ придуманъ *свѣтецъ*, *λυχνούχος*, *candelabrum*. Всѣ эти названія обозначаютъ такую утварь, которая предназначена поддерживать *свѣточъ* въ необходимо удобномъ положеніи, безъ точнаго указанія на то, какого рода свѣточъ она должна поддерживать; поэтому канделябрь у древнихъ народовъ служилъ, какъ для свѣчи, такъ и для лампы (¹).

Очень возможно, что такое же двойственное назначеніе имѣлъ канделябрь и у Арабовъ, которые развивали свою цивилизацію посредствомъ заимствованій у болѣе древнихъ культурныхъ народовъ востока и запада, и кажется главнымъ образомъ изъ Византіи и Персіи. Наши болгарскіе канделябры по стилю своему дѣйствительно очень сходны съ персидскими (²), и зная, что они въ то же время весьма сходны съ тѣми, какіе были въ употребленіи у Арабовъ въ Египтѣ, мы должны бы и эти относить къ арабской цивилизаціи, которая распространилась въ Волжской Булгаріи въ эпоху ея самобытности; но мы уже говорили выше о томъ, какъ трудно провести границу между болгарской и монголо-татарской культурой на основаніи лишь однихъ памятниковъ быта. Сарайскія раскопки обнаружили много предметовъ, которымъ эксплораторъ придаетъ названіе *подсвѣчниковъ* и нѣкоторые изъ нихъ, какъ сказано, представляютъ большую аналогію съ болгарскими. Городъ Сарай по преимуществу былъ резиденціей Джучидовъ и тамъ они вели роскошный образъ жизни, Булгаръ же только временно былъ ими занимаемъ, ибо уже Берке-ханъ утвердилъ столицу свою въ Сараѣ. Въ мѣстности Булгара, насколько мнѣ извѣстно, кромѣ двухъ сказанныхъ канделябровъ, не было еще находимо другихъ; въ Сараѣ-же ихъ было находимо болѣе. Если распространеніе употребленія этихъ предметовъ въ Булгаріи должно относить къ вліянію арабской цивилизаціи, то очевидно, что въ монгольскую эпоху цивилизація болгарская во многихъ отношеніяхъ была усвоена Джучидами. Что касается до употребленія лампъ сфероконической формы, то не слѣдуетъ забывать, что ихъ тоже находятъ и въ средней Азіи.

Вопросъ, къ какому времени можетъ быть относимо употребленіе такихъ лампъ—отчасти разрѣшенъ открытіемъ г-мъ де Сосі фабричнаго клейма на одномъ изъ найденныхъ въ Триполи сосудовъ. Этотъ ученый относитъ ихъ къ XIII столѣтію и приписываетъ имъ арабское происхожденіе. Шрифтъ буквъ арабской надписи дѣйствительно указываетъ на XIII—XIV столѣтія; но если Арабы употребляли и умѣли сами выдѣлывать сосуды этой странной формы, то слѣдуетъ ли

(¹) См. *A. Rich*, «Dictionnaire des antiquités Romaines et grecques».

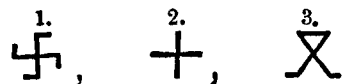
(²) См. *A. Jacquemart*, «Histoire du mobilier», p. 364.

это принимать за доказательство того, что и самая форма придумана Арабами? Мы видимъ, что такіе сосуды въ извѣстную эпоху были въ употребленіи у разныхъ азіатскихъ народовъ. Тѣ образцы, которые встрѣчаются въ Волжской Булгаріи, относятся повидимому не все къ одному времени: одни изъ нихъ должны быть древнѣе, другіе—новѣе. Между ними, какъ уже сказано, встрѣчаются экземпляры затѣйливо изукрашенные и другіе—весьма простой обдѣлки. Сравнивая матеріалъ и технику этихъ простѣйшаго вида образцовъ съ глиняной посудой, которая выдѣлывалась здѣсь на мѣстѣ, мы приходимъ къ убѣжденію, что сходство, какъ въ матеріалѣ, такъ и въ техническихъ приемахъ, должно служить доказательствомъ того, что простѣйшіе по выдѣлкѣ сфероконические сосуды изготовлялись здѣшними мастерами. Другіе, лучшей выдѣлки и искусно орнаментированные, были провозными, также какъ и роскошная фаянсовая посуда (*). Еслибы распространеніе употребленія сфероконическихъ лампъ дѣйствительно слѣдовало приписывать Арабамъ, то сношенія ихъ съ Волжскими Булгарами, исторически установившіяся еще въ X вѣкѣ, позволили бы намъ полагать, что такія лампы употреблялись въ Великой Булгаріи и ранѣе XIII столѣтія.

До сихъ поръ еще ни на одномъ изъ найденныхъ въ Волжской Булгаріи сфероконическихъ сосудовъ не удалось открыть фабричной мѣтки, или клейма, но за то на нихъ встрѣчаются другіе знаки, представляющіе не меньшій интересъ. На нѣкоторыхъ экземплярахъ очевидно здѣшней, мѣстной фабрикаціи, замѣчаются особые знаки, сдѣланные какимъ-то острымъ орудіемъ уже послѣ выдѣлки, по прокаленной глинѣ. Нѣтъ повода подозрѣвать, чтобы такія мѣтки под-

(*) Горшечное дѣло въ здѣшнемъ краѣ было нѣкогда въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, нежели въ наше время. Объ этомъ можно судить наглядно по тѣмъ образцамъ изъ XIII, XIV и XV столѣтій, какіе я имѣю въ моей коллекціи болгарскихъ древностей. Выборъ и обработка глины въ тѣ времена дѣлались гораздо тщательнѣе, формы были оригинальнѣе и красивѣе; лѣпка глины доводилась иногда до замѣчательной тонкости. Паружная орнаментация сосудовъ, производившаяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ помощью особыхъ клеймъ или печатей, какъ это замѣчается на сосудахъ азіатскаго происхожденія, была въ употребленіи и у здѣшнихъ мастеровъ. Въ моей коллекціи находится образецъ подобной печати, сдѣланной изъ глины, найденный въ мѣстности пригорода Билярска (древній городъ Биляръ), и черепокъ сосуда, украшенный совершенно такими же клеймами былъ найденъ въ городѣ Булгарѣ. Восточный писатель XII вѣка Идриси, сообщая о современной ему торговлѣ Итія, въ перечисленіи товаровъ, вывозимыхъ оттуда въ Азію, между прочимъ упоминаетъ о мѣдной и глиняной посудѣ: котлахъ и *юршкахъ* (*Géographie d'Edrisi, éd. Jaubert II, 407*). Если извѣстіе это вполне достоверно, то оно можетъ доказывать, что выдѣлка глиняной посуды была такъ хороша въ Волжской Булгаріи, что гончарныя издѣлія ея почитались достойными вывоза въ Азію.

дѣлывались находчиками, потому что присутствіе такихъ знаковъ на сосудѣ не увеличиваетъ цѣнности предмета; но и самыя борозды не кажутся свѣже сдѣланными. Между замѣченными мною подобными знаками встрѣчаются слѣдующіе:

Первый изъ этихъ знаковъ походитъ на индійскую *свѣстика*,—условный знакъ, которому въ Азіи издавна присвоено талисманическое значеніе. У буддистовъ онъ имѣетъ даже священный смыслъ, ибо выставляется на идолахъ и другихъ предметахъ культа, посвященныхъ божеству. Второй знакъ, имѣющій видъ равнокопечнаго креста, здѣсь не можетъ имѣть никакого христіанскаго значенія и его слѣдуетъ принимать за недооформленную *свѣстика*, которая выбивалась не совсемъ отчетливо по неумѣлости или вслѣдствіе несовершенства орудія. Третья мѣтка представляетъ *тамгу*, значеніе которой повидимому было равносильно значенію *свѣстики*. Это можно заключить изъ того, что она встрѣтилась на двухъ экземплярахъ. На одномъ изъ нихъ эта мѣтка повторена дважды и кромѣ того нацарапано еще нѣчто похожее на арабскія буквы, прочесть которыя невозможно (¹). Еслибы эта тамга была знакомъ собственности т. е. *знаменемъ* владѣльца, то мы имѣли бы здѣсь двѣ лампы, принадлежавшія одному и тому-же лицу; но едва ли возможно разсчитывать на такую рѣдкую случайность. Гораздо вѣроятнѣе полагать, что этотъ знакъ имѣлъ какое нибудь определенное символическое значеніе, равносильное *свѣстикѣ*, которая встрѣчается на нѣсколькихъ экземплярахъ лампъ и конечно выставлялась на нихъ не случайно, а сообразно общепринятому значенію ея, въ смыслѣ доставленія счастья и благополучія владѣльцу предмета, на которомъ она выставлена. Именно въ этомъ смыслѣ и съ такой цѣлью этотъ знакъ еще и понынѣ употребляется нашими иностранцами (²). Въ числѣ мѣтокъ на лампахъ встрѣтилась одна, въ видѣ *якоря*; она выставлена на очень вытянутомъ коническомъ донцѣ одного экземпляра, отъ котораго сохранился только этотъ фрагментъ (³). Всѣ эти мѣтки очевидно выбиты

(¹) См. на Таб. II, фиг. 3.

(²) Въ числѣ предметовъ моей этнографической коллекціи на выставкѣ IV Арх. Съѣзда можно было видѣть этотъ знакъ введеннымъ въ составъ орнамента, вышитаго на одной мордовской женской рубахѣ, а также на концахъ чувашскаго женскаго кушака. Въ новѣйшее время этотъ знакъ вводится даже въ русскіе и иностранные узоры для различныхъ женскихъ рукодѣлій, какъ то кружевъ, вышивокъ и пр., но, конечно, на этихъ узорахъ онъ воспроизводится уже случайно, просто какъ замысловатая фигура, безъ яснаго пониманія приписываемаго ему значенія.

(³) См. Таб. I, фиг. 6.

не въ то время, когда сосудъ дѣлался, а впоследствии, по обозженной уже гли- нѣ и конечно тѣми лицами, которыя ими владѣли. Такой фактъ тоже свидѣтель- ствуетъ не въ пользу мнѣнія, принимающаго эти сосуды за гранаты. Выставлять свой знакъ, мѣтку или тамгу практично только на такомъ предметѣ, которымъ человекъ пользуется постоянно и въ теченіи продолжительнаго времени.

Изъ всего вышеизложеннаго оказывается несомнѣннымъ, что загадочные со- суды по всѣмъ признакамъ должны принадлежать къ числу предметовъ домашней утвари и отъ того-то ихъ такъ заботливо украшали, выставляли на нихъ свои мѣтки или талисманической знакъ, обещающій счастье и благополучіе владѣльцу. Возможно-ли допустить, чтобы ручныя гранаты когда либо могли играть роль предметовъ ежедневнаго домашняго обихода? Безъ сомнѣнія весьма трудно угадывать и объяснять назначеніе многихъ предметовъ древняго быта народовъ, когда до насъ не дошло извѣстій о точной обстановкѣ домашняго ихъ быта и когда у совре- менныхъ намъ народовъ не встрѣчается данныхъ для сравненій. Въ такомъ слу- чаѣ необходимо должно возникать нѣсколько догадокъ, изъ которыхъ, разумѣется, слѣдуетъ предпочитать всегда ту, которая кажется наиболѣе правдоподобной. От- носительно назначенія нашихъ загадочныхъ сфероконическихъ сосудовъ самое вѣроятное объясненіе, наиболѣе удовлетворяющее всѣмъ соображеніямъ, предстаетъ лишь тогда, когда мы ихъ признаемъ за глиняныя *лампы* или *чиртаки* древней восточной формы.

Единственное возраженіе противъ подобнаго назначенія, на которое было указано выше, резюмировалось лишь въ томъ, что на сосудахъ не примѣтно ко- поти и коническая форма ихъ донца не представляетъ устойчивости, но на трехъ вновь найденныхъ экземплярахъ этихъ сосудовъ уже есть признаки, которые мож- но неоспоримо признать копотью. Что же касается до неудобства формы, то мы замѣчаемъ, что на это было обращено вниманіе уже и въ древнія времена. Здѣш- ніе мастера старались устранить это неудобство, придумывая нѣкоторыя измѣне- нія въ традиціонныхъ формахъ, стараясь устранить вовсе неудобное коническое донце. Первые попытки къ тому замѣчаются въ тѣхъ сосудахъ, корпусъ кото- рыхъ вмѣсто коническаго представляется сферическимъ; но такое исправленіе хотя и допускало возможность ставить сосудъ безъ подставки, но еще не давало ему настоящей устойчивости и потому продолжались дальнѣйшія попытки въ из- мѣненіи формъ. Въ этомъ отношеніи найденный въ 1881 году въ Булгарѣ об- разчикъ, о которомъ сообщено выше, весьма замѣчательнъ ('): его форма пред-

(') См. выше его описаніе и Таб. III, фиг. 5.

ставляет тот же сфероконическій сосудъ, у котораго отнята шейка и сръзанъ конусъ донца. Въ этомъ видѣ его плоское дно совершенно препятствуетъ ему катиться, а потому, вѣроятно, для исполненія роли ручныхъ гранатъ его можно считать вовсе неспособнымъ. Однако же родствѣнность его формы съ тѣми, которые г. де-Сосѣ принимаетъ за ручныя гранаты, не подлежитъ спору.

Всѣ подробности устройства сфероконическихъ лампъ указываютъ на то, что въ нихъ долженъ былъ употребляться весьма горючій освѣтительный матеріалъ, который при быстромъ сгораніи и не могъ образовать значительнаго осадка копоти на горлышкѣ, а при компактности и крѣпости глины не могъ проникать въ стѣнки лампъ и пропитывать ихъ собой. Узкія отверстія горлышекъ сосудовъ и очень толстыя стѣнки кажутся ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что такое устройство было принято съ цѣлю предохраненія отъ возможности взрыва, еслибы наружное пламя проникло внутрь сосуда и воспламенило все содержавшееся въ немъ горючее вещество. Такимъ опаснымъ веществомъ конечно могла быть только нефть, обладающая свойствомъ весьма сильной летучести. При сжиганіи чистой нефти на сосудахъ не могло образоваться той копоти, которая осаждается при горѣніи растительнаго, или животнаго жира; ежедневный практический опытъ доказываетъ, что горѣлки керосиновыхъ лампъ остаются при горѣніи совершенно чистыми: онѣ не покрываются копотью.

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ еще коснуться тѣхъ совершенно особенныхъ обстоятельствъ, при которыхъ была сдѣлана находка значительнаго числа сфероконическихъ сосудовъ въ городѣ Триполи. Въ этихъ обстоятельствахъ повидимому представляются нѣкоторыя данныя, могущія имѣть связь съ высказаннымъ мною предположеніемъ о возможномъ назначеніи такихъ сосудовъ.

Какъ было выше упомянуто, въ 1872 году, въ Сиріи, въ городѣ Триполи до шестидесяти такихъ сосудовъ было найдено подъ основаніемъ одного очень древняго зданія, пришедшаго уже въ такую ветхость, что было сочтено необходимымъ его разобрать и на мѣстѣ его построить новый домъ. Когда рабочіе разбирали фундаментъ древней постройки, то нашли подъ нимъ зарытыми въ землѣ упомянутые сосуды, которые были размѣщены такъ, что образовали собою кругъ или кольцо, въ центрѣ котораго находился одинъ сосудъ той-же формы, но гораздо большей величины. Нельзя не удивляться, что г. де-Сосѣ, зная это обстоятельство, оставилъ его совершенно безъ вниманія; а между тѣмъ въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ весьма интереснымъ фактомъ.

Сколько мы знаемъ, загадочныя сфероконическіе сосуды до сихъ поръ были находимы въ различныхъ странахъ, также какъ и въ здѣшнемъ краѣ, совершен-

но случайно, большей частью по одиночкѣ, безъ какой бы то ни было особой характерной обстановки, вызывающей на соображенія. Въ городѣ Триполи въ первый разъ представился случай находки большаго количества такихъ сосудовъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ и расположенныхъ особеннымъ образомъ, очевидно съ преднамѣренной цѣлью.

Трудно предположить, чтобы найденные здѣсь сосуды попали въ землю случайно и надъ этимъ мѣстомъ, тоже по капризу слѣпаго случая, былъ возведенъ фундаментъ древняго зданія такъ, что его строители не знали о находящихся подъ постройкой зарытыхъ въ землѣ сосудахъ. Напротивъ, кажется тутъ все свидѣтельствуетъ о томъ, что при постройкѣ древняго зданія подъ его основаніемъ были нарочно зарыты самими строителями все эти сосуды и съ преднамѣренной цѣлью расположены такъ, что все вмѣстѣ образуютъ фигуру круга или колеса. Такимъ образомъ намъ представляется въ данномъ случаѣ фактъ уже какого-то суевѣрнаго или мистическаго отношенія къ загадочнымъ сосудамъ въ эпоху постройки древняго зданія.

Подобное отношеніе къ нѣкоторымъ предметамъ древняго быта, давно вышедшимъ изъ общаго употребленія и дѣйствительное назначеніе которыхъ изгладилось изъ народной памяти, было неоднократно замѣчаемо. Можно привести въ примѣръ этого извѣстное отношеніе народовъ всѣхъ странъ къ каменнымъ орудіямъ. Другой примѣръ находимъ мы въ металлическихъ зеркалахъ, употребленіе которыхъ въ здѣшнемъ краѣ было одновременно съ употребленіемъ загадочныхъ сферо-коническихъ сосудовъ (*); между тѣмъ Страленбергъ замѣтилъ уже въ началѣ прошедшаго столѣтія, что кочующіе народы въ Сибири относились къ зеркаламъ, какъ къ предметамъ поклоненія, или же считали ихъ за талисманы (*). Академикъ Х. Д. Френъ сообщаетъ, что въ началѣ нынѣшняго сто-

(*) Нѣкоторыя зеркала съ кувическими надписями, находящіяся въ Волжской Булгаріи восходятъ судя по шрифту къ X—XI столѣтіямъ, слѣдовательно появленіе ихъ въ здѣшнемъ краѣ, совпадаетъ съ эпохой, въ которую исламъ, а съ нимъ и сношенія Волжскихъ Булгаровъ съ Аравитянами уже прочно установились. Такимъ образомъ древнѣйшія изъ зеркалъ съ арабскими легендами, находящіяся въ здѣшнихъ мѣстахъ, должны быть относимы ко времени автономіи Волжской Булгаріи. Но мода на зеркала, безъ сомнѣнія, продолжалась и въ позднѣйшую джучидскую эпоху, къ которой могутъ быть относимы образцы менѣе искусно сдѣланные, а также нѣкоторые виды зеркалъ китайской фабрикаціи.

(*) *P. J. von Strahlenberg*, «Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia», etc. 1730, S. 313—317.

лѣтія у Татаръ былъ обычай зарывать металлическія зеркала подъ основанія домовъ, въ предохраненіе ихъ отъ пожара (').

Въ упомянутомъ случаѣ находки сфероконическихъ сосудовъ подъ фундаментомъ зданія было бы очень важнымъ опредѣлить время постройки этого древняго зданія, потому что такимъ путемъ могло бы опредѣлиться приблизительно время, когда загадочные сосуды вышли изъ общаго употребленія, утратили свое первоначальное реальное назначеніе и стали предметомъ суевѣрнаго отношенія. Какъ ни казалась древней эта постройка, но мы не знаемъ можно-ли было ее относить къ средневѣковымъ. Сфероконическіе сосуды еще были употребляемы сообразно дѣйствительному своему назначенію въ XIII—XIV столѣтіяхъ. Могло ли быть и зданіе отнесено къ этому времени, или же оно было построено гораздо позднѣе? Нельзя не пожалѣть, что древность этого зданія осталась не выясненной при обстоятельствахъ весьма благопріятныхъ для изслѣдованія. Изъ сравненія эпохъ мы можетъ быть узнали бы, что древнее зданіе, если и не было современно съ употребленіемъ въ домашнемъ обиходѣ сфероконическихъ сосудовъ, то было построено однакожь въ такое время, когда дѣйствительное назначеніе этихъ сосудовъ еще не совсѣмъ изгладилось изъ памяти народной.

Мы конечно не можемъ знать точной цѣли помѣщенія въ землѣ сфероконическихъ сосудовъ, подъ основаніемъ зданія, но можемъ о ней догадываться. Обычай помѣщать подъ фундаменты зданій различные предметы весьма древній. Мы уже видѣли, что нѣкоторые изъ этихъ предметовъ должны были обладать свойствами настоящихъ талисмановъ, т. е. такихъ предметовъ, которые имѣютъ силу отгонять отъ дома, надъ ними построеннаго и отъ людей, живущихъ въ немъ, всякое зловредное вліяніе. Конечно и сфероконическіе сосуды въ данномъ случаѣ исполняли роль подобныхъ же благодѣтельныхъ талисмановъ. Они были размѣщены такимъ образомъ, что образовали собой кругъ, въ центръ котораго былъ помѣщенъ одинъ такой же сосудъ большѣй величины. Слѣдуетъ припомнить, что фигура *круга* или *колеса* считалась у многихъ народовъ эмблемой солнца; здѣсь же эта фигура составлена изъ такихъ предметовъ, которые представляютъ всѣ свойства *лампы*. Солнце источникъ свѣта, *свѣтило* по преимуществу; огонь есть его суррогатъ, и лампа, слабая замѣна дневнаго свѣта, есть тоже *свѣтильникъ*. Свѣтъ и тепло считались синонимомъ счастья; безъ солнца нѣтъ ни свѣта, ни тепла,—слѣдовательно само *солнце* служитъ синонимомъ *счастья*, а его знакъ или эмблема, символъ—долженъ считаться счастливымъ знакомъ. Здѣсь

(') С. М. Frachn, «Antiquitatis Muhammedanae monumenta varia expl.», part. II, p. 70, 1822.

же этотъ счастливый знакъ солнца составленъ изъ *свѣтильниковъ*, что должно было почитаться еще болѣе дѣйствительнымъ въ смыслѣ обѣтованія счастья владѣльцу дома и всѣмъ его обитателямъ.

Кажется, что такое объясненіе факта зарыванія подъ фундаментъ зданія сфероконическихъ сосудовъ, обнаруженнаго въ Триполи, есть самое правдоподобное, ибо какой же другой смыслъ могло имѣть помѣщеніе здѣсь этихъ предметовъ? Если же наши догадки вѣрны, то это еще болѣе подтверждаетъ предложенное мною объясненіе назначенія загадочныхъ сфероконическихъ сосудовъ.

О древних иконахъ въ г. Старой Русѣ (*).

Графа М. В. Толстаго.

Старая Руса—теперь незначительный уѣздный городъ Новгородской губерніи—былъ нѣкогда однимъ изъ старшихъ и важнѣйшихъ пригородовъ Великаго Новгорода. Не смотря на многократныя раззоренія отъ пожаровъ, отъ нападений Литвы въ XIII вѣкѣ, и въ особенности отъ такъ называемаго „Шведскаго нашествія“ (1611—1617), здѣсь сохранилось нѣсколько древнихъ храмовъ Новгородскаго зодчества. Старшій изъ нихъ, сооруженный владыкой Мартиріемъ въ 1196 году и вновь перестроенный св. архіепископомъ Евѣиміемъ въ 1442 году, находится въ Спасскомъ монастырѣ. Эта церковь одноглавая сложена изъ плиты и булыжнаго камня; длинный и узкій кирпичъ, извѣстный подъ именемъ плинны, употребленъ преимущественно для сводовъ и арокъ. Такою же кладкою отличаются: церковь бывшаго Косинскаго монастыря, построенная въ XIII вѣкѣ, въ 5 верстахъ отъ Старой Русы, а въ самомъ городѣ церкви: св. Николая (1371 года), имѣющая въ основаніи форму 4—конечнаго креста, Св. Георгія (1410 года) съ наружными украшеніями въ видѣ треугольниковъ и крестовъ изъ крупной обожженной плинны и св. мученика Минны (конца XV вѣка). Въ этихъ храмахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, видѣлъ я древнія иконы, о которыхъ намѣренъ сказать нѣсколько словъ.

Между ними занимаетъ первое мѣсто такъ называемый „чудный крестъ“, напоминающій собою тотъ знаменитый крестъ, который извѣстенъ подъ тѣмъ же именемъ въ часовнѣ на Волховскомъ мостѣ великаго Новгорода. Онъ написанъ въ 1655 г., въ память прекращенія мороваго повѣтрія и составляетъ главную святыню города, особенно чтимую жителями.

Икона Божіей Матери, извѣстная подъ названіемъ „Дамасской“, по преданію принесенная изъ Царьграда, отличается необыкновеннымъ изяществомъ Византійскаго письма. Превѣчный Младенецъ изображенъ на ней съ 2 птенцами голубиными въ рукахъ. Время написанія неизвѣстно. Находится въ городскомъ соборѣ.

(*) Читано въ засѣданіи 5 августа.

Въ соборѣ же находится образъ страшнаго суда, Новгородскаго письма, бывший въ плѣну у Шведовъ и выкупленный въ 1722 году купцомъ Пономаревымъ.

Въ Благовѣщенскомъ придѣлѣ Георгіевской церкви храмовая икона, на которой Богородица изображена съ веретеномъ въ рукѣ, сходно съ изображеніемъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Писана, какъ видно изъ надписи, скрытой подъ ризою, въ 1460 году.

Въ Никольской церкви образъ, извѣстный подъ названіемъ „память смертная“. Въ верхней части его представленъ Господь Саваоотъ на престолѣ; въ срединѣ праотцы Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, держащіе на лонѣ своемъ почитающихъ праведниковъ; внизу—мертвецъ, лежащій въ гробѣ и окруженный иноками. Подъ ними стихъ: „Плачу и рыдаю и проч. Этотъ образъ писанъ не позднѣе XVI вѣка, потому что помѣщенъ въ описи г. Старой Русы, составленной въ 1625 году, послѣ „Шведскаго раззоренія“.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ иконы: „Вѣрую во единого Бога и Соборъ пресв. Богородицы“.

Онѣ обѣ принадлежатъ, по сочиненію, къ началу XVI вѣка, т. е. къ тому времени, когда въ Новгородѣ размножились изображенія церковныхъ догматовъ и богослужебныхъ пѣсней въ лицахъ, съ явными слѣдами подражанія Западному искусству—необходимое послѣдствіе сближенія Новгорода съ Западомъ. Нѣсколько такихъ иконъ сохранилось въ Софійскомъ соборѣ и другихъ древнихъ храмахъ Новгородскихъ. Позднѣе это направленіе иконописи перешло въ Москву вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ (прежнимъ Владыкой Новгородскимъ), и подобныя иконы появились въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Извѣстно, что противъ нихъ вооружался дьякъ Висковатый, а ему возражали на Соборѣ, нарочно для того созванномъ въ 1553 году, знаменитый священникъ Сильвестръ, перешедшій въ Москву также изъ Новгорода, и самъ первоосвятитель Макарій.

Первую изъ этихъ иконъ я увидѣлъ въ церкви св. Димитрія Солунскаго и тотчасъ же узналъ въ ней списокъ съ одного изъ образовъ Софійскихъ, извѣстнаго подъ названіемъ „Символь вѣры“, и весьма замѣчательнаго какъ по изобрѣтательности художника, такъ и по изящному исполненію рисунка. Этотъ образъ, писанный въ XVI вѣкѣ, стоитъ въ Софійскомъ соборѣ на первомъ столбѣ за лѣвымъ клиросомъ. Что касается до списка Старорусскаго, то нужно замѣтить, что здѣсь изложеніе Символа вѣры, съ подписью надъ каждымъ изъ членовъ его, расположено въ семи рядахъ и осьмнадцати миниатюрахъ. Пошибъ письма и шрифтъ подписей, по видимому, XVII вѣка. Особенно замѣчательны двѣ миніа-

туры, несходныя съ Новгородской иконой: догматъ о изхожденіи Св. Духа и страшный судъ. На первой изъ нихъ изображены Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ на престолѣ, а между Ними, въ видѣ голубя, Св. Духъ, отъ Котораго лучи падаютъ на право—къ храму, гдѣ видны апостолы и святители, и на лѣво—къ пещерѣ, заключающей въ себѣ Моисея, Давида и другихъ пророковъ. Въ подписи, между словами „Господа и „животворящаго“, довольно длинный, позднѣе закрашенный, промежутокъ; тутъ вѣрно стояло слово „истиннаго“. Въ миниатюрѣ Страшнаго Суда верхняя часть занята изображеніемъ Іисуса Христа на престолѣ, съ 12 апостолами по сторонамъ Его. Отъ престола внизъ течетъ рѣка огненная: на правомъ берегу ея стоятъ праведники, за которыми апостолъ Петръ отворяетъ ключемъ дверь рая; на лѣвомъ—осужденные, но ада за ними нѣтъ.

Мѣра иконы—въ длину 1½ арш., въ ширину почти аршинъ. Ризы на пей нѣтъ. Краски сильно потемнѣли, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стерлись.

Вторая икона несравненно замѣчательнѣе первой и по иконописи и по избрѣтательности художника въ расположеніи лицъ и предметовъ. Постараюсь описать ее сколько можно подробнѣе, прилагая, для большей ясности, фотографическій снимокъ.

Верхнюю часть образа занимаютъ какія-то зданія, вѣроятно Горняго Іерусалима: между ними надпись въ двухъ клеймахъ: „Образъ соборъ—Пресвятая Богородица“. Къ верхнему краю образа какъ бы привѣшенъ кругъ съ изображеніемъ Богоматери на престолѣ, окруженной сіяніемъ; на колѣняхъ Ея Превѣчный Младенецъ, благословляющій правою рукою. Надъ кругомъ сіяетъ звѣзда. Икона раздѣлена на четыре ряда: средину перваго изъ нихъ занимаетъ сказанный кругъ; отъ него на право архангелъ Гавріиль и Богоотцы Іоакимъ и Анна; на лѣво пророки: Исаія держитъ хартію, на которой видны слова „се дѣва во чревѣ“; Моисей съ заповѣдями, Іеремія съ хартіей, на которой слова неразборчивы, и Данииль (на хартіи его „се камень отторжеся“). Во второмъ ряду правая сторона занята волхвами и пастырями съ надписью надъ ними: „пастыріе чудо, волсви дары“. За ними Іоаннъ креститель; на хартіи его: „се агнецъ-Божій“. На лѣвой сторонѣ, на ложѣ изъ травы, лежитъ младенецъ, повитый пеленами. Я думалъ, что это—изображеніе новорожденного Спасителя, но на иконѣ разобралъ надъ нимъ подпись: „Іоаннъ Предтеча“. За младенцемъ стоитъ мать его „Елизавета“, а за нею, въ густой травѣ, покрытый куколемъ, преклоняетъ колѣна „Валаамъ“; на хартіи его написано: „возсілетъ звѣзда отъ Іакова“. Среднюю часть образа занимаетъ, между вторымъ и третьимъ рядомъ, видъ какого-то города, можетъ быть Іерусалима или Вавилона. На правой сторонѣ третьяго ряда—три пророка: Іезекіиль (на хартіи: „такъ глаголетъ Господь“), Аввакумъ

(„Богъ отъ горы придетъ“) и Моисей („И ты Виоелеме“). На лѣвой сторонѣ три мученицы: „Анастасія“ въ молитвенномъ положеніи, „Параскева“ съ закрытымъ сосудомъ и „Евгенія“ съ одноглавою церковью въ правой рукѣ. На срединѣ четвертаго, или нижняго ряда представленъ „Соборъ всѣхъ святыхъ“, а въ двухъ углахъ его—эмблематическія изображенія. Въ правомъ—престарѣлая женщина, съ длинными сѣдыми волосами, сидящая въ вертепѣ, простираетъ впередъ руки, предлагая кому-то свой вертепъ. Надъ нею надпись: „земля-вертепъ“. Въ лѣвомъ углу—красивая женская фигура, увѣнчанная и окруженная цвѣтами, поднимаетъ передъ собою ясли. Это—прекрасная мать пустыня старинныхъ пѣсень, какъ указываетъ надпись: „пустыня ясли“.

Основаніемъ этой многосложной картины, очевидно, была стихира на праздникъ Собора Пресвятыя Богородицы: „Каждо отъ Тебе бывшихъ тварей благодареніе Тебѣ приносить: ангели пѣніе, небеса звѣзду, волсви дары, пастыріе чудо, земля вертепъ, пустыня ясли“.

Эта икона (длиною въ 2 арш., шириною въ 1 арш. 10 вер.) находится на южномъ концѣ иконостаса въ Муромской церкви, принадлежавшей прежде къ старинному Успенскому монастырю, упраздненному въ 1764 году. Икона покрыта ризою накладнаго серебра, недавней работы.

200

